ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СССР. 1944 ГОД

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2012

УДК355/359
ББК63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия четвертого тома:
М. А. Гареев (*председатель*), А. Д. Борщов, С. В. Гребенюк (*заместитель председателя*), М. Э. Морозов, Н. И. Никифоров, А. В. Третьяк

Авторский коллектив четвертого тома:
С. В. Гребенюк (*руководитель авторского коллектива*), В. В. Абатуров, Н. Ф. Азясский, С. Н. Аптрейкин, А. Д. Борщов, В. И. Вагин, Н. М. Васильев, М. В. Виниченко, М. А. Гареев, В. П. Зимонин, В. В. Изонов, А. В. Кириллов, А. А. Климов, А. С. Князьков, О. К. Кривонос, Г. А. Куманев, С. Я. Лавренов, В. Б. Маковский, Г. А. Малахов, Ю. А. Марценюк, М. С. Монаков, М. Э. Морозов, В. Ю. Новожилов, Д. В. Суржик, С. А. Тюшкевич, А. С. Ченцов, Г. Н. Щерблюк, С. М. Яковлев

При участии:
С. Г. Веригина, П. И. Вещикова, О. В. Власова, И. С. Даниленко, В. А. Демина, В. А. Иваcенко, Ю. В. Кожухова, В. Е. Колоткова, С. А. Липатова, Н. Г. Михальцова, Р. Г. Носова, В. С. Параскевова, Т. Л. Пашковой, М. С. Полянского, Б. Е. Рассказова, О. В. Саксонова, С. В. Самойлова, М. А. Селиванова, С. В. Свистунова, А. В. Тимченко, И. А. Федорченко, Б. П. Фролова, В. И. Фролова, В. Ю. Хахалева, В. С. Хмельникова, В. М. Шевцова

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и контрольной работе по тому оказали: С. Н. Артамонова, Н. И. Бритвин, Н. Н. Виноградова, О. Б. Гузенко, М. А. Елисеева, А. В. Зорин, С. В. Копченов, Д. А. Краснова, С. В. Кузнецов, М. В. Маевская, Е. С. Минеева, А. Ю. Миронов, С. И. Саксонов, А. Т. Хабалов, Л. Л. Харламов

В26 **Великая** Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. — М.: Кучково поле, 2012. — 864 с., 22 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0286-4

В 4-м томе освещаются события 1944 г. — года решающих побед Красной армии над германским вермахтом и его союзниками на советско-германском фронте, в результате которых было завершено освобождение территории Советского Союза. Показаны самоотверженность и героизм советских воинов, вклад Вооруженных сил СССР в разгром основных сил противника, влияние одержанных ими побед на ход вооруженной борьбы на других фронтах Второй мировой войны. Раскрываются проблемы восстановления освобожденных территорий, возвращения населения страны к мирной жизни.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0286-4

Предисловие

Настоящий, четвертый том «Освобождение территории СССР. 1944 год» фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» не только богат освещением военных событий, составляющих основу его содержания, но также анализом и оценкой военно-политических событий 1944 г. — года решающих побед Красной армии над германским вермахтом и его союзниками на советско-германском фронте, в ходе и в результате которых было завершено освобождение территории Советского Союза от вражеской оккупации. Население освобожденных областей и районов РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы с энтузиазмом и самоотверженностью взялось за восстановление разрушенного войной народного хозяйства, оказывая всемерную помощь фронту.

Представленные материалы позволяют читателю полнее и глубже понять истоки побед 1944 г., значение политических и военных целей, провозглашенных руководством страны в июне 1941 г., лучше осмыслить совершенный советским народом исторический подвиг. Военная мощь Советского Союза возрастала во многом благодаря укреплению единства фронта и тыла, дружбе народов и действенному, самоотверженному патриотизму советского народа, успешной деятельности политического и военного руководства страны. Во время решающих сражений 1944 г. неуклонно возрастали усилия государства и всего населения СССР по наращиванию военной мощи страны, совершенствованию оборонного производства, восстановлению народного хозяйства на территориях, освобожденных от вражеской оккупации. Проводилась напряженная работа по развертыванию новых мощностей производства на освобожденных территориях и в глубоком тылу в целях обеспечения всем необходимым советских Вооруженных сил для осуществления наступательных действий Красной армии в 1944 г.

На конкретных примерах и сравнительных данных показан рост военной мощи Советского государства, который способствовал успехам Красной армии, осуществлению хорошо продуманных мероприятий по планированию и умелой координации действий крупных стратегических группировок войск, их четкому взаимодействию с партизанскими формированиями. Обстоятельно показана органическая связь и преемственность боевых действий Красной армии в 1944 г. с организацией и планированием ранее проведенных операций и сражений. Существенными предпосылками наращивания сокрушительных ударов по противнику являлись возрастающий военно-экономический потенциал страны и накопленный опыт ведения военных действий. Это способствовало изменению соотношения сил на всем советско-германском фронте в пользу Красной армии и усилению стратегической инициативы советскими войсками, политическим и военным руководством страны и вооруженных сил.

Анализ и оценка военных действий 1944 г. сопровождаются убедительными доказательствами возрастания зрелости полководцев советской школы, их мастерства и боевой активности в подготовке и проведении Красной армией наступательных военных действий на различных участках фронта, укрепления роли полководцев и военачальников в конкретных битвах и сражениях. Раскрываются особенности деятельности командиров и штабов различных видов и родов войск Красной армии, истоки наступательного духа, активности и самоотверженности, храбрости и отваги воинов.

Из анализа основных событий вытекают выводы о том, что названые выше факторы и обстоятельства во взаимодействии с другими определили ход и исход военных действий и войны в целом, непосредственно повлияли на конкретные результаты стратегических наступательных операций Красной армии в 1944 г. Дается убедительный ответ на вопрос: что позволило взломать оборону противника почти на всем протяжении советско-германского фронта, разгромить его крупнейшие стратегические группировки под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, Прибалтике, Белоруссии, Карелии и Заполярье?

Анализ хода и содержания зимне-весенней кампании в томе органически связан с оценкой ее итогов. Результатом этой кампании стало освобождение значительной части территории Советского Союза. К лету 1944 г. советские войска вышли на подступы к границам Польши и Чехословакии, боевые действия были перенесены на территорию Румынии. Примечательно, что в томе убедительно показывается, как в ходе зимне-весенней кампании 1944 г. произошло окончательное крушение оборонительной стратегии противника. Причем именно на советско-германском фронте. Этому способствовал глубокий анализ замысла гитлеровского руководства, которое рассчитывало, перейдя к стратегической обороне, удержать оккупированные территории, выиграть время, мобилизовать имевшиеся ресурсы для изменения хода войны в свою пользу. Расчет делался и на возможность раскола антигитлеровской коалиции. Однако развитие событий в результате решительных действий Красной армии и активной дипломатической деятельности советского руководства нарушило планы фашистской Германии.

Обстоятельно проанализированы наступательные действия Красной армии в летне-осенней кампании 1944 г. Они еще более зримо показали, что советские Вооруженные силы, а не армии союзников, изменили политическую и стратегическую обстановку на фронтах Второй мировой войны в пользу СССР и других государств антигитлеровской коалиции. Подробно описаны содержание и итоги стратегических наступательных операций Красной армии, которая нанесла целую серию поражений вермахту и выполнила одну из важнейших задач Великой Отечественной войны — освобождение территории СССР от фашистских оккупантов. Восстановив государственную границу, она развернула широкие наступательные действия за пределами страны: началась освободительная миссия Красной армии по отношению к народам Румынии, Польши, Болгарии, Югославии, Чехословакии и Норвегии.

В каждой из кампаний в самостоятельных разделах тома анализируются действия Северного, Балтийского и Черноморского флотов, внесших существенный вклад в разгром врага на морях и на суше, в завершение освобождения территории СССР от вражеской оккупации в 1944 г.

Объективно рассмотрены не только победоносные сражения и операции, неоспоримые достижения советского военного искусства, но и показаны недостатки в решениях и действиях Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии, командований фронтов, флотов, армий, флотилий, а где уместно — и на тактическом уровне. Кроме того, читатель имеет возможность ознакомиться с материалами неудачных операций 1944 г., о которых ранее не упоминалось либо мало говорилось в крупных отечественных военно-исторических изданиях.

Все содержание тома, его смысл состоят в обосновании неопровержимого исторического факта: в течение всего 1944 г. Советский Союз по-прежнему нес основное бремя Второй мировой войны, а советско-германский фронт оставался ее главным рубежом — несмотря

на открытие союзниками второго фронта в Европе. Важная особенность этого года войны заключалась и в том, что Красная армия вела наступательные действия на широком фронте, а противник, лишенный инициативы, стремился противопоставить стратегическую оборону.

Изучение мероприятий военно-политического руководства СССР, военных действий Красной армии по срыву попыток германского командования стабилизировать положение на фронте обусловлено необходимостью развенчания мифов и искажений о влиянии ее побед в 1944 г. на решение о высадке англо-американских войск в Западной Европе и на возрастание масштабов их вооруженной борьбы на Тихом океане и в Азии. В соответствие с историческими реалиями сделаны разъяснения и о советско-польских отношениях в связи с Варшавским восстанием 1 августа 1944 г.

В томе подчеркивается, что на других театрах Второй мировой войны значительных военных действий в это время не велось. В Европе армии союзников ограничивались воздушными бомбардировками территории Германии и наступлением в Италии. Под влиянием успешных боевых действий Красной армии в зимне-весенней кампании 1944 г. США и Великобритания развернули активную подготовку к открытию второго фронта на Западе. Их цель — не опоздать и не оказаться на вторых ролях при послевоенном решении судьбы Германии и Европы в целом.

При подведении итогов 1944 г., наряду с показом вклада советских Вооруженных сил в завершение освобождения территории СССР, представлен анализ опыта восстановления охраны Государственной границы Советского Союза в интересах всестороннего обеспечения боевых действий советских войск на территориях сопредельных государств. Внимание читателей также акцентируется на раскрытии влияния результатов военных действий на советско-германском фронте на обстановку, ход и исход вооруженной борьбы на Западноевропейском и Азиатско-Тихоокеанском театрах Второй мировой войны.

В томе анализируются факты вооруженного противоборства в тылу противника в 1944 г., подробно раскрываются изменения в руководстве партизанским движением, опыт взаимодействия партизанских формирований с оперативно-стратегическими и оперативными объединениями советских Вооруженных сил, показывается героический вклад партизан и подпольщиков в завершение освобождения территории СССР. Представлен анализ деятельности подпольных националистических и других прогерманских формирований, направленных на дестабилизацию обстановки в тылу советских войск, а также опыт борьбы с ними органов и войск НКВД и Красной армии.

В заключительных главах представлен анализ опыта развития советских Вооруженных сил и военного искусства в 1944 г., внешней и внутренней политики СССР, особенностей экономического обеспечения потребностей страны и действующей армии, мероприятий по восстановлению местного управления и народного хозяйства на освобождаемых территориях.

Все материалы основаны на достоверных фактах и изложены в соответствии с принципом историзма. Они дают возможность извлекать актуальные уроки для современного этапа развития Российского государства и его вооруженных сил.

Источниковую базу тома составили документальные фонды российских государственных, ведомственных (Центрального архива Министерства обороны, Центрального военно-морского архива, Центрального архива ФСБ и Центрального пограничного архива ФСБ России) и некоторых местных архивов регионов Российской Федерации, фундаментальные труды по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, справочно-энциклопедические издания, монографии, мемуарная литература, иностранные и другие источники.

Структурно настоящий том раскрывает содержание основных событий войны в 1944 г. Хронологически эти события анализируются в рамках зимне-весенней и летне-осенней кампаний этого судьбоносного для полного освобождения территории СССР года.

Ход и анализ основных событий 1944 г. иллюстрируются картами, схемами и фотоматериалами, а изложенные исторические факты — копиями архивных государственных актов и военных документов.

Материалы тома подготовлены научными сотрудниками Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, учеными и преподавателями Военного университета Министерства обороны РФ, Пограничной академии Федеральной службы безопасности РФ, офицерами Центра оперативно-тактических исследований Главного командования внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, специалистами ряда других научных, образовательных и военно-административных учреждений Российской Федерации.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда), Центрального музея ВС РФ, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центрального архива МО РФ, Центрального архива ФСБ РФ, Центрального пограничного архива ФСБ РФ, Главного командования внутренних войск МВД РФ, Белорусского государственного архива кинофотодокументов за предоставленные материалы, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ОБСТАНОВКА И ПЛАНЫ СТОРОН К НАЧАЛУ 1944 г.

Главным фактором, определявшим военно-политическую обстановку в мире, экономическую и внутриполитическую ситуацию в Германии и СССР, положение войск сторон к началу 1944 г., замыслы и планы советского и германского руководства, являлись результаты военных действий на советско-германском фронте в 1942–1943 гг. В итоге проведенных в этот период операций Красная армия сумела переломить ход вооруженной борьбы на главном фронте Второй мировой войны. После победоносного завершения Сталинградской операции она овладела стратегической инициативой, а в битвах под Курском и на Днепре, прочно закрепив достигнутые результаты, создала перспективы окончательного разгрома вооруженных сил Германии и ее союзников.

Международное положение Германии и Советского Союза

Катастрофические поражения вермахта в 1943 г. не позволили германскому командованию организовать и провести хотя бы одну наступательную операцию. На всех театрах военных действий его войска вынуждены были перейти к стратегической обороне. Главной целью на тот период руководство вермахта ставило: стабилизировать восточный фронт, прекратить отступление своих войск и удерживать Красную армию вдали от границ Третьего рейха.

Коренные изменения в ходе войны поставили гитлеровскую Германию в положение полной военно-политической изоляции. Италия, главный ее союзник, после Сицилийской операции войск США и Англии 8 сентября 1943 г. капитулировала и 13 октября объявила войну Германии. В составе гитлеровской коалиции осталось семь государств[1]. Однако Финляндия, Румыния и Венгрия начали искать пути выхода из войны и перехода на сторону антигитлеровской коалиции. Всё это отчетливо демонстрировало тенденцию распада агрессивного нацистско-милитаристского блока. Незыблемой оставалась только политика единственного на то время союзника Германии — Японии. Агрессивное японское правительство не хотело объективно оценить коренные изменения в ходе войны и выжидало, когда «германская армия... обрушит свой сокрушительный удар на американскую и английскую армии»[2].

Об ухудшении международного положения Германии свидетельствовала и ее изоляция от ряда других государств мирового сообщества. К концу 1943 г. отношения со странами оси разорвали Египет, Саудовская Аравия, Венесуэла, Парагвай, Перу, Уругвай и Чили. Всё более прохладными становились отношения с Германией нейтральных стран — Швеции, Турции и Испании.

В самой Германии окончательно была подорвана вера в непобедимость Третьего рейха. Отмечались выступления противников войны. После сокрушительного поражения немецких войск под Сталинградом и Курском началась подготовка государственного переворота, активизировалась организация покушений на Гитлера. Усилилось влияние на солдат вермахта созданного в июле 1943 г. национального комитета «Свободная Германия». Находясь в глубоком подполье, вели антифашистскую борьбу коммунисты Германии. Наиболее значительным коммунистическое подполье было в Берлине, Саксонии и Тюрингии. Активистами берлинской группы были созданы многочисленные ячейки, издавались антифашистские листовки.

Ухудшение положения в самой Германии и большинстве ее стран-союзниц к началу 1944 г. наряду с активизацией борьбы с правящими режимами и подрывом морального духа народов и армий выражалось в нарастании внутриполитических проблем и экономических трудностей. В тезисах доклада о стратегическом положении от 7 ноября 1943 г. начальник штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодль признавал: «Из конца в конец по стране действует призрак разложения. Все малодушные ищут выхода, или, как они его называют, политического решения. Они говорят, что надо начать переговоры, пока еще не все потеряно»[3].

Естественно, серьезнейшие поражения вермахта не могли не сказаться на политико-моральном состоянии не только гражданского населения, но и военнослужащих. Убедительным доказательством озабоченности руководителей Германии низким морально-боевым духом армии, неверием в победу, нарастающей утратой доверия фюреру является появление в декабре 1943 г. директивы по национал-социалистскому руководству (воспитанию) в вермахте. Эта директива содержала предложения по усилению идеологической работы с военнослужащими на 1944 г., насаждению национал-социалистского убеждения среди личного состава в войсках[4].

Обострилась проблема людских ресурсов в Германии. Страна испытывала нехватку людей для восполнения потерь на фронте и одновременного расширения военного производства. Все более ощущался дефицит сырья для немецкого военного производства — темпы производства его важнейших видов существенно отставали от потребностей производства вооружения и военной техники.

Тем не менее Германия все еще обладала большой экономической и военной мощью. Продолжая удерживать в своих руках большую часть стран Европы и значительную часть территории СССР, она широко использовала военно-экономический потенциал захваченных районов. За счет интенсивной эксплуатации людских и материальных ресурсов своей страны и оккупированных территорий нацистская Германия смогла нарастить выпуск промышленной продукции[5]. Все это позволило ей более чем в два раза увеличить выпуск орудий, средних и тяжелых танков и довести состав своих вооруженных сил до 315 дивизий.

К началу 1944 г., по данным ОКВ, в вооруженных силах Германии насчитывалось 10 169 тыс. человек, в том числе: в сухопутных войсках — 7090 тыс., военно-воздушных силах — 1919 тыс., военно-морском флоте — 726 тыс., войсках СС — 434 тыс.[6] При этом заметим, что отмечалась устойчивая тенденция увеличения числа солдат, получивших ускоренную военную подготовку и не обладавших необходимым боевым опытом. Используя отсутствие второго фронта в Европе, Германия вместе с союзниками сосредоточила на восточном фронте 236 дивизий и 18 бригад — всего 4906 тыс. человек, 54 570 орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3073 самолета и около 300 боевых кораблей[7].

Германское командование все еще не исключало возможности победоносно завершить войну. Для этого планировалось всячески затянуть вооруженное противоборство с Советским Союзом, отразить вторжение англо-американских войск в Западную Европу, укрепить свои силы на восточном фронте, перехватить инициативу и провести здесь масштабные наступательные операции. Руководство Третьего рейха предполагало также расколоть антигитлеровскую коалицию[8].

Итак, Германия к началу 1944 г. располагала мощной военной промышленностью и значительными вооруженными силами. Для окончательной победы над ней Красной армии требовалось дальнейшее напряжение сил. В то же время понесенные Третьим рейхом и его

союзниками тяжелые поражения на советско-германском фронте положили начало развалу агрессивного блока.

Победы Красной армии в 1942—1943 гг. оказали заметное влияние на активизацию национально-освободительного движения в странах Европы, находившихся под влиянием или гнетом нацистской Германии.

В результате первых двух периодов Великой Отечественной войны в соотношении сил на мировой арене произошли важные сдвиги в пользу СССР и антигитлеровской коалиции. Значительно упрочились позиции и авторитет Советского Союза. Одержав победы в 1942—1943 гг. над прежде непобедимыми германскими армиями, он продемонстрировал всему миру свою огромную политическую, экономическую, духовную и военную мощь. Стало очевидно, что Советское государство, в одиночку добившись перелома в войне с Германией, способно победоносно ее завершить.

К началу 1944 г. кардинально стала меняться политика США и Англии в консолидации действий антигитлеровской коалиции. С начала войны и до конца 1943 г. определяющим для правящих кругов этих стран было «стремление увидеть и СССР, и Германию максимально ослабленными»[9]. Выиграть войну без Советского Союза они не могли, но и «позволить сделать это одним русским они тоже не хотели» — так оценивали ситуацию германские аналитики[10].

Антигитлеровская коалиция существенно расширилась и упрочилась, что создавало благоприятные предпосылки для окончательного разгрома инициатора международной агрессии. Росту ее мощи и авторитета способствовало официальное признание, по инициативе СССР, правительствами США и Англии в августе 1943 г. созданного в Алжире Комитета национального освобождения Франции в качестве представителя государственных интересов Французской Республики и руководителя всех патриотических сил страны, борющихся против нацистской Германии[11].

Государства, входившие в коалицию, имели существенные различия в военных силах, экономических возможностях и морально-психологическом потенциале. Соответственно, неодинаковую роль они играли в вооруженной борьбе с Германией и ее союзниками. Ядро антигитлеровской коалиции составляли СССР, США и Англия, которые имели мощные армии и обладали способностью обеспечить их необходимыми ресурсами для ведения ожесточенной вооруженной борьбы.

Обстановка на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии к концу 1943 г. изменилась в пользу США и Великобритании. Используя успехи Советского Союза в войне с Германией в Европе, союзники сосредоточили здесь значительные силы, готовясь к наступлению против Японии. Коренные изменения в войне на советско-германском фронте способствовали успехам англо-американских войск в Сицилии (июль — август 1943 г.), на Апеннинском полуострове (сентябрь 1943 г.), что привело к падению режима Муссолини и капитуляции Италии.

Вооруженными силами США и Великобритании наступательные операции до 1944 г. осуществлялись преимущественно на второстепенных ТВД. Однако обещанное союзниками еще в 1942 г. открытие второго фронта в северной Франции не состоялось. Изменившаяся к началу 1944 г. военно-политическая обстановка в мире потребовала от воюющих сторон уточнения политических и стратегических планов на дальнейшее ведение войны. Важными международными событиями конца 1943 г. явились Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября) и Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав (22 ноября — 1 декабря).

Глава советской делегации на Московской конференции В. М. Молотов предложил совместными действиями союзников нанести поражение Германии и «привести к решительному сокращению сроков войны». Делегации Англии (глава — А. Иден) и США (глава — К. Хэлл) заняли уклончивую позицию в отношении обещанного, но не состоявшегося открытия второго фронта в Европе в июне 1943 г., делая разного рода оговорки о климатических условиях, неготовности резервов и т. д. Но все же в коммюнике конференции было указано, что союзные державы признают «первейшей целью» ускорение конца войны. Точных сроков открытия второго фронта не фиксировалось.

В декларации по итогам Московской конференции, подписанной от имени своих правительств министрами иностранных дел СССР и Англии, госсекретарем США и послом Китая в Москве, подчеркивалась решимость продолжения военных действий против держав оси, пока эти державы не сложат оружия на условиях безоговорочной капитуляции[12]. Документом предусматривалось более тесное сотрудничество государств в ведении войны, а также после ее окончания в интересах мира и безопасности.

Во время этой конференции И. В. Сталин имел отдельные беседы с каждым из руководителей делегаций. 30 октября 1943 г. он сообщил госсекретарю США К. Хэллу, что советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Это заявление было передано президенту Ф. Рузвельту как официальная позиция СССР[13]. Можно полагать, что слова И. В. Сталина ускорили принятие западными союзниками решения о высадке англо-американских войск в Нормандии.

Проблема второго фронта оставалась главной и на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Союзники откладывали его открытие, ссылаясь на различные трудности. Глава советской делегации И. В. Сталин на конкретных цифрах показал им превосходство вооруженных сил США и Великобритании над гитлеровцами в северной Франции.

Как писал участник конференции генерал С. М. Штеменко (в те годы начальник оперативного управления Генштаба), «цифры, характеризующие соотношение сил, били Черчилля не в бровь, а в глаз, дезавуируя все его попытки подменить второй фронт второстепенными операциями. Опираясь на цифры, И. В. Сталин показал, что в 1943 году из-за пассивности союзников немецкое командование сумело сосредоточить против нашей армии новые ударные группировки... Советская делегация буквально вынудила британскую делегацию признать, что операция «Оверлорд» <кодовое название ряда операций по вторжению вооруженных сил США, Великобритании и их союзников в северо-западной Франции> должна представлять собой главную операцию союзников»[14].

И. В. Сталин, обрисовав на конференции военно-политическую ситуацию в войне, подчеркнул, что после Сталинграда и Курска победа над нацистской Германией предрешена; открытием второго фронта эта победа объединенными усилиями союзников будет достигнута в короткие сроки. Президент США Ф. Рузвельт поддержал И. В. Сталина[15]. 1 декабря 1943 г. руководители союзных стран подписали «Декларацию трех держав». В ней отмечалось, что союзники «пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с Востока, Запада и Юга... и гарантируют... нам победу»[16].

В документе «Военные решения Тегеранской конференции» отдельным пунктом отмечалось, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против южной Франции[17]. Маршал И. В. Сталин, подчеркивалось в документе, сделал заявление, что «советские войска предпримут наступление примерно в то же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт»[18]. Следовательно, на Тегеранской конференции были приняты согласованные решения о совместных действиях трех союзных держав и их военных штабов на 1944 г.

После Сталинградской битвы и особенно после разгрома фашистских войск под Курском началось массовое изгнание врага с территории Советского Союза. Стратегическая инициатива окончательно перешла к Вооруженным силам СССР. В результате успешных наступательных операций 1943 г. советские войска завершили битву за Кавказ, изгнали врага из Донбасса, освободили Левобережную Украину, Смоленщину, то есть почти две трети оккупированной немцами советской территории и 273 города, десятки миллионов соотечественников были избавлены от жестокого оккупационного режима[19].

Анализируя операции пяти фронтов по форсированию Днепра, А. М. Василевский отмечал, что «советские войска прочно удерживали стратегическую инициативу»[20]. Однако необходимо было учитывать, что значительная часть Украины и Белоруссии, Крым, Мол-

давия, Прибалтика и северо-западные области СССР все еще находились в руках врага. Сохранялась угроза восстановления блокады Ленинграда.

Итак, успехи Советского Союза на фронте и в тылу к началу 1944 г. существенно укрепили его положение на международной арене, резко возрос авторитет СССР среди союзников. После Московской и Тегеранской конференций 1943 г. взаимодействие между Советским Союзом, США и Великобританией в политической и военной областях вступило в новую стадию. Более тесная консолидация их усилий, несмотря на сохранявшиеся противоречия в вопросах открытия второго фронта и послевоенного устройства мира, способствовала расширению антигитлеровской коалиции: к началу 1944 г. число ее участников возросло с 26 до 41.

В то же время нарастал процесс политического ослабления Германии, падения ее международного престижа. После капитуляции Италии начался распад блока государств-агрессоров. Оставшиеся союзники Германии искали пути выхода из войны. На территориях многих государств Европы набирала силу национально-освободительная борьба. Окончательно потерпел крах расчет гитлеровского руководства на вовлечение в войну против СССР Японии и Турции. Третий рейх находился перед перспективой все большей политической изоляции. Иначе говоря, Германия и ее союзники встречали 1944 г. в обстановке глубокого политического и военного кризиса.

Обстановка на советско-германском фронте

Линия советско-германского фронта общей протяженностью 4400 км к началу 1944 г. проходила от полуострова Рыбачий к району западнее Мурманска и Беломорска, по побережью Онежского озера, р. Свирь, через Ладожское озеро и Карельский перешеек к Финскому заливу. Далее, огибая Ленинград с запада, юга и юго-востока, она шла на юг восточнее Новгорода к Невелю, восточнее Витебска, Могилева, Мозыря, Коростеня, западнее Черкасс, восточнее Кировограда и Никополя, по нижнему течению Днепра до Херсона, через Перекопский перешеек и восточную часть Керченского полуострова.

Советские войска занимали выгодное оперативно-стратегическое положение, позволявшее наносить удары по флангам крупных группировок врага. На северо-западе они охватывали вражескую группировку в районе Пушкин — Тосно — Чудово, а на западе — в восточной части Белоруссии. На юго-западном направлении войска Красной армии имели два крупных стратегических плацдарма на западном берегу Днепра в районах Киева и Днепропетровска. Владея киевским плацдармом, они нависали с севера над всей группировкой немецких войск на Правобережной Украине, создавали угрозу ее коммуникациям. Днепропетровский плацдарм позволял наносить удары во фланг противника, оборонявшегося по Днепру у Канева, и по тылам его криворожско-никопольской группировки. В то же время враг, удерживая каневский выступ и плацдарм на левом берегу Днепра у Никополя, угрожал флангам и тылу советских войск, действовавших южнее Киева, в районе Пятихаток и на Перекопском перешейке.

Между советскими войсками и войсками противника к началу 1944 г. продолжались ожесточенные сражения. Битва за Днепр переросла в борьбу за Правобережную Украину. Предпринятое в ноябре 1943 г. немецкой группой армий «Юг» контрнаступление в районе Житомира не достигло намеченных целей. Ей не удалось отбросить советские войска с западного берега Днепра и вновь захватить Киев. 1-й Украинский фронт, отражая контрудары противника на киевском плацдарме, готовился к наступлению. 2-й и 3-й Украинские фронты, завершая операции летне-осенней кампании 1943 г., сорвали попытки врага ликвидировать днепропетровский плацдарм. Они вели боевые действия на подступах к Кировограду и Кривому Рогу. Войска 4-го Украинского фронта в ноябре вышли к Днепру в его нижнем течении,

ворвались на Перекопский перешеек, заперев противника в Крыму, форсировали Сиваш и овладели плацдармом на его южном берегу.

В связи с неудачей наступления на киевско-житомирском направлении верховное командование вермахта вынуждено было отменить запланированный на середину ноября удар с никопольского плацдарма с целью деблокирования крымской группировки. «В этих тяжелых боях, — признавал командующий немецкой группой армий «Юг» Э. Манштейн, — было неизбежно все более сильное падение боеспособности наших соединений. Пехотные соединения непрерывно находились в боях. Танковые соединения, как пожарную команду, бросали с одного участка фронта на другой... ОКХ не имело необходимого для нас пополнения в технике и людях, чтобы компенсировать потери»[21].

Значительные трудности, вызванные длительным наступлением, испытывали и советские вооруженные силы. Действующая армия нуждалась в пополнении людьми и вооружением, прежде всего танками и средствами транспорта. Коммуникации растянулись, а тылы отставали от войск. Поскольку железные дороги разрушались отступавшим противником, а восстановление их было крайне затруднено, это еще больше осложняло снабжение войск, особенно боеприпасами и горючим.

Обстановка на Баренцевом, Балтийском и Черном морях определялась в основном ходом и результатами военных действий на суше. Северный, Балтийский и Черноморский флоты от участия в оборонительных операциях сухопутных войск на приморских направлениях переходили к совместным с ними действиям в наступательных операциях. Защита собственных морских коммуникаций оставалась важной задачей флотов. В то же время возрастал удельный вес самостоятельных боевых действий флотов по нарушению морских коммуникаций противника.

Воздушная обстановка к началу 1944 г. благоприятствовала советским Вооруженным силам. Авиация фронтов, флотов, дальнего действия и войск ПВО территории страны прочно удерживала стратегическое господство в воздухе.

Успехам Красной армии содействовала борьба патриотов в тылу врага, которая достигла наивысшего с начала войны размаха и активности. Партизаны и подпольщики, нарушая работу вражеского тыла и управление войсками, подрывали боеспособность противника, отвлекали на себя значительные силы его войск.

К 1944 г. Германия с учетом войск ее сателлитов, но без учета резервов ОКХ и ОКВ имела на советско-германском фронте 238,5 дивизии, 4 млн 834 тыс. человек, 49 100 орудий и минометов, 3700 танков и штурмовых орудий, 3073 самолета. Это была значительная военная сила, которую Красной армии предстояло сокрушить в предстоящих сражениях. Советские вооруженные силы в это время имели 535 дивизий, то есть превосходили противника в 2,2 раза. В действующей армии без учета резервов ставки ВГК было 6165 тыс. человек (превосходство в 1,3 раза), орудий и минометов — 83 580 (превосходство в 1,7 раза), танков и САУ — 5357 (превосходство в 1,4 раза), боевых самолетов — 8506 (соотношение 2,8 : 1)[22].

В резерве Ставки ВГК находились три общевойсковые, две танковые армии, управления двух общевойсковых и воздушной армий, шесть танковых, механизированный, воздушно-десантный и смешанный авиационный корпуса. Войска Германии и ее союзников лишь ненамного уступали Красной армии в численности людей и боевой техники и имели достаточное количество сил для стратегической обороны.

Превосходство Красной армии заключалось прежде всего в высоких морально-боевых качествах ее воинов, в передовом характере советского военного искусства, возросшем мастерстве командного и политического состава. Это превосходство опиралось на неразрывное единство армии и народа, фронта и тыла. Важнейшим, определяющим фактором высокого морального духа советских военнослужащих являлись освободительный характер Великой Отечественной войны и стремление отстоять интересы Отечества, быстрее освободить родную землю от агрессоров. Как отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, количественное превосходство Красной армии «усиливалось высоким качественным уровнем оружия и, что особенно важно, боевым духом войск и возросшим оперативно-тактическим искусством командования»[23].

Обстановка на советско-германском фронте к началу 1944 г. в целом была благоприятной для Вооруженных сил СССР. Успех их летне-осеннего наступления в 1943 г., завершившегося взломом вражеской обороны на Днепре, высокий моральный дух советских войск, их количественное и качественное превосходство над противником, стратегическое господство в воздухе, а также широко развернувшееся партизанское движение во вражеском тылу создавали выгодные условия для проведения новых наступательных операций с решительными целями. Советское Верховное главнокомандование, прочно владея инициативой в ведении военных действий, располагало возможностью выбора форм и способов вооруженной борьбы, направлений ударов, места и времени проведения операций по освобождению оккупированной врагом территории.

Тем не менее противник все еще располагал значительной силой, а гитлеровское руководство всячески стремилось изменить ход войны в свою пользу.

Замысел и мероприятия германского руководства по стабилизации восточного фронта

Верховное главное командование вооруженных сил Германии, оценивая обстановку на восточном фронте к началу 1944 г., признавало превосходство Вооруженных сил СССР, их способность продолжать наступление в зимний период, а также серьезную опасность этого наступления для вермахта. В издававшемся в генштабе сухопутных войск бюллетене оценки положения на восточном фронте за 7 ноября отмечалось: «Противник, правильно расценивая соотношение сил, осознал силы и возможности успеха в настоящее время и... будет стремиться продолжать свои наступательные операции без большой оперативной паузы. Силы Красной армии для этого достаточны... При существующем соотношении сил и боеспособности советских войск имеется опасность крушения всего восточного фронта, если не удастся предотвратить и сдержать будущие русские операции по прорыву в самом начале их развития»[24].

Германское командование предполагало, что основные усилия Красной армии будут нацелены на южную половину восточного фронта для наступления к Балканам и южной Польше. Оно считало, что советские войска нанесут главный удар по северному флангу группы армий «Юг» из района Киева с целью выйти на Днестр и румынскую границу. Прогнозировалось также, что Красная армия одновременно будет продолжать наступление из района Днепропетровска, вдоль нижнего течения Днепра и в Крыму, а также против группы армий «Центр» из района Гомеля на бобруйском направлении. Другую крупную наступательную операцию советских войск германское командование ожидало против смежных флангов групп армий «Север» и «Центр» с нанесением ударов из районов Невеля и восточнее Витебска в направлениях Даугавпилс, Рига, Минск и Вильнюс. Допускалась возможность наступления севернее озера Ильмень с целью сковать силы группы армий «Север», пока не будут перерезаны ее тыловые коммуникации[25].

Единственную возможность предотвратить катастрофу на восточном фронте противник видел в том, чтобы перевести военные действия в позиционные формы. Командование вермахта предусматривало путем ведения стратегической обороны, сочетая упорную защиту занимаемых рубежей с контрударами и контрнаступлением на отдельных участках, во что бы то ни стало удержать занимаемую территорию, обескровить Красную армию и заставить ее прекратить наступательные операции. Какие-либо соображения об отводе войск на новые рубежи ОКВ отвергало.

В частности, было отклонено предложение командующего группой армий «Север» об отводе 16-й армии на укрепленные позиции, проходившие по р. Великая. ОКВ считало, что

это может повлечь за собой отход от Германии Финляндии, потерю господства над восточным районом Балтийского моря и возможностей по транспортировке руды из Швеции. Опасный прорыв фронта западнее Невеля приказывалось ликвидировать наступательными действиями. Предложение командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна об отводе немецких войск с днепровской дуги на заранее подготовленные в тылу позиции также было отвергнуто[26]. С удержанием этого рубежа связывалась надежда сохранить за Германией район добычи марганца, крайне необходимого ее военной промышленности.

Крымский полуостров ОКВ рассматривало как «краеугольный камень восточного фронта», полагая, что его оставление может повлечь отход от Германии Турции, а затем выход из войны Болгарии и Румынии. Оно игнорировало мнение румынского премьер-министра И. Антонеску, который считал, что эвакуация немецких войск из Крыма представляет меньшую опасность, чем потеря действовавших там румынских соединений, и что он «в политическом отношении не сможет перенести ответственность за вторую катастрофу наподобие Сталинграда». Вопреки его настояниям о выводе из Крыма блокированных войск гитлеровское руководство решило, что полуостров «должен удерживаться при всех обстоятельствах и всеми средствами», с тем чтобы советские войска не смогли использовать полуостров в качестве важнейшей авиационной базы для удара по нефтяным районам Румынии и плацдарма для высадки десантов на румынское и болгарское побережья[27].

Предусматривая упорное удержание занимаемых рубежей, верховное главнокомандование вермахта не отказалось от намерений восстановить оборону по Днепру. В конце 1943 г. оно готовило удар на Киев с целью сбросить советские войска с правого берега реки, а также намечало отразить их наступление на днепровской дуге, нанести удар в южном направлении и установить связь со своей крымской группировкой.

Чтобы стабилизировать восточный фронт, противник совершенствовал и укреплял оборону. Германское командование пришло к выводу о необходимости строить немецкую оборонительную систему наподобие советской во время операций в 1941—1942 гг., оборудовать ее на большую глубину и, «невзирая на вопросы престижа, сооружать оборонительные позиции в своем глубоком тылу»[28].

Для реализации этих намерений была разработана специальная «Инструкция по ведению оборонительных боев на укрепленных позициях», в которой давались рекомендации по инженерному оборудованию обороны на восточном фронте. Реализуя их на практике, немецкие войска к началу 1944 г. проделали большую работу по укреплению своей обороны, особенно на северо-западном и центральном участках фронта. Местность приспосабливалась для ведения обороны на глубину до 300 км. Тактическая зона обороны глубиной 8—15 км строилась из двух полос: главной, занимаемой дивизиями первого эшелона, и второй — корпусных резервов. В 16—25 км от переднего края создавалась третья оборонительная полоса, где размещались армейские резервы, в 50—80 км возводились позиции резервов групп армий, а в 150—300 км — резервов главного командования.

Перед передним краем на важнейших направлениях устанавливались минные поля и проволочные заграждения. Тактическая зона, прежде всего главная полоса, оборудовалась системой сплошных траншей, отсечными позициями, насыщалась долговременными бетонными, деревоземляными оборонительными сооружениями и огневыми точками, противотанковыми надолбами и рвами. Чтобы преодолеть такую оборону, от советских войск требовались большие усилия, умение и высокие моральные качества. Следовательно, утверждения бывших генералов вермахта, в частности Г. Гудериана, будто бы немецкая армия по вине А. Гитлера, запрещавшего строительство тыловых оборонительных рубежей, к концу 1943 г. не имела сильной обороны на восточном фронте[29], не соответствуют действительности.

Катастрофически складывалась ситуация с пополнением боевых частей вермахта. Руководство нацистской Германии всячески изыскивало средства и меры быстро возместить огромные потери своих войск на восточном фронте, пополнить находившиеся там соединения и части личным составом, оружием и боевой техникой. 27 ноября 1943 г. ОКВ потребовало любыми, даже беспощадными методами снова восстановить боевую силу действующей армии,

а всякое сопротивление изданным по этому поводу приказам ломать путем драконовских мер наказания.

К концу 1943 г. на военную службу призывалась молодежь 1926 года рождения, то есть 17-летние, и даже пожилые люди в возрасте от 53 до 56 лет[30]. В связи с тем что возможности по изысканию пополнения среди населения неумолимо иссякали, от командований видов вооруженных сил и войск СС требовалось находить собственные резервы и отдавать фронту все боеспособные силы. А потребности в пополнении войск на восточном фронте в это время оценивались в количестве не менее одного миллиона человек[31].

Соответственно, это влекло необходимость увеличения численности самих войск СС. Если в начале войны элитные и привилегированные подразделения фюрера, дававшие клятву служения лично ему, насчитывали около 70 тыс. человек, то к началу 1944 г. они объединяли в своих рядах почти 600 тыс. человек. Примечательно, что наибольший прирост их численности отмечался именно после поражений немецкой армии в операциях 1943 г.[32] При этом основную часть войск СС стали составлять военнослужащие иностранных формирований.

На основании приказа ОКВ и последующих распоряжений «прочесывались» тылы вооруженных сил, сокращались штаты штабов и тыловых частей, расформировывалась одна треть учебных частей и учреждений армии резерва. В воинских учреждениях ряд должностей стал комплектоваться за счет женщин. Снижались требования при определении степени годности для службы в действующих частях. И все же к середине апреля 1944 г., исчерпав людские ресурсы в результате предыдущих мобилизаций, действующая сухопутная армия Германии получила, по данным ОКВ, лишь около 400 тыс. человек пополнения[33].

Главное командование сухопутных войск (ОКХ), руководившее восточным фронтом, и командования групп армий перегруппировывали войска, намереваясь усилить оборону на тех направлениях, где предполагалось наступление Красной армии. В декабре 1943 г. за счет группы армий «Север» были усилены войска, действовавшие в районе Витебска. В группу армий «Юг» в этом месяце прибыли пехотная дивизия из группы армий «Север», три пехотные — из группы армий «Центр», пехотная и танковая — из группы армий «А» и моторизованная бригада из Германии. Перегруппировывались силы и средства и внутри групп армий.

Важное значение придавалось созданию крупных резервов, маневрируя которыми германское командование предполагало отразить наступление советских войск. Резерв группы армий «Юг» увеличился с пяти до семи пехотных дивизий. В резерве группы армий «Центр» в конце 1943 г. имелось восемь дивизий. В общем резерве ОКХ находились шесть дивизий и одна бригада, насчитывавшие 72 тыс. человек, 1770 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий, а также 130 самолетов[34].

Руководство Третьего рейха, встревоженное ослаблением боевого духа войск и морального состояния населения Германии, значительно усилило идеологическое давление на граждан и военнослужащих. В публичных выступлениях нацистские руководители преуменьшали значение поражений Германии, оптимистично оценивали ее внутреннее и международное положение и призывали немецкий народ к стойкому сопротивлению, чтобы выиграть войну.

На совещании военно-политического руководства Германии в Бад-Шахене была изложена программа мероприятий по дальнейшему укреплению нацистской диктатуры и усилению идеологического давления на массы в стране. Главное внимание уделялось поискам новых каналов, по которым нацистская партия посредством человеконенавистнической идеологии могла бы усилить свое влияние на солдат и офицеров вермахта. В частности, указывалось, что перед германским верховным командованием стоит задача превратить каждого немецкого солдата в борца за идеи национал-социализма, заставить его проникнуться сознанием необходимости этой борьбы и увериться в том, что «впереди только победа, иначе — катастрофа»[35].

Всем партийным организациям предписывалось сосредоточить свои усилия на идеологической обработке как военнослужащих армии, так и гражданского населения. Вслед за этим партийная канцелярия 11 декабря 1943 г. отдала распоряжение об активизации деятельности

партии. В документе подчеркивалось, что возросшие задачи и ответственность партии в войне должны распределяться между всеми ее членами, годными к мобилизации. От них требовалось проявлять активность в идеологической работе, бороться с распространителями слухов.

В целях расширения и упрочения нацистского влияния в войсках 22 декабря 1943 г. А. Гитлер издал приказ, в котором потребовал от верховного командования по согласованию с партийной канцелярией усилить политико-идеологическое руководство и воспитание в вермахте. В ОКВ был создан специальный штаб, начальник которого подчинялся непосредственно фюреру[36].

Офицеры, ранее ответственные за идеологическую работу с военнослужащими и формирование морально-боевого духа в войсках, были переквалифицированы в специалистов по национал-социалистскому воспитанию. Руководящие кадры вермахта, непосредственно отвечавшие за это направление, к началу 1944 г. насчитывали 96 офицеров, из которых 14 являлись действующими войсковыми офицерами, 82 — офицерами резерва. Свыше 75% из них составляли члены НСДАП[37]. Вся идеологическая и политико-воспитательная работа в войсках вермахта должна была вестись под лозунгом: «Мы хотим и должны победить в этой войне»[38].

Новые чрезвычайные мероприятия преследовали цель усилить идеологическую и психологическую обработку населения и военнослужащих Германии, внедрить в их сознание преданность нацизму, слепое доверие высшему руководству, готовность продолжать войну до конца. Это была одна из очередных попыток спасти положение и укрепить слабеющий моральный дух населения и армии страны.

Наряду с этим по отношению к высказывавшим недовольство войной и критические замечания в адрес германского руководства были усилены репрессивные меры воздействия, расширились права и обязанности работавшего под непосредственным руководством фюрера имперского военного трибунала. Ему предписывалось установить более тесный контакт и взаимодействие с гестапо и службой безопасности. Активизировалась деятельность военно-полевых судов. Все чаще стали выноситься смертные приговоры по политическим мотивам. 26 февраля 1944 г. приказом А. Гитлера офицерам, унтер-офицерам и «просто храбрым солдатам» было предоставлено право без суда и следствия расстреливать на месте «неповинующихся» и «недисциплинированных»[39].

Итак, политическое и военное руководство Германии всемерно стремилось переломить ситуацию на восточном фронте в свою пользу. Организацией и ведением стратегической обороны оно намеревалось стабилизировать обстановку и создать предпосылки для перехвата инициативы. В этой связи предпринимались разносторонние меры по восполнению потерь своих войск на советско-германском фронте, укреплению их боеспособности и морально-психологической устойчивости, созданию прочной обороны с целью срыва готовящегося наступления Красной армии и стабилизации положения на востоке.

План советского Верховного главнокомандования и подготовка Вооруженных сил СССР к зимне-весенней кампании

Политические цели СССР и стратегические замыслы на очередной год войны были выработаны на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны и Ставки ВГК, состоявшемся в середине декабря 1943 г. С докладами об итогах и опыте борьбы на фронтах и перспективах войны на заседании выступили начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза А. М. Василевский и его заместитель генерал армии А. И. Антонов. По вопросам военной экономики докладывал заместитель председателя СНК — председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. Проблемы международного характера проанализировал И. В. Сталин.

На основе глубокого, всестороннего рассмотрения военно-политического положения страны, тщательного анализа соотношения сил и перспектив войны на заседании был сделан вывод: советский народ, руководимый коммунистической партией, добился военно-экономического превосходства над врагом, которое теперь в совокупности с другими факторами определяло дальнейший ход войны; перевес в силах и средствах над противником, наличие инициативы в руках советских вооруженных сил, выгодное расположение войск, крупные людские и материальные резервы, слаженная работа тыла, обеспечивавшая планомерное снабжение действующей армии, позволяют готовить и проводить крупные операции последовательно на всем стратегическом фронте.

Важнейшими целями войны на 1944 г. были определены: «разгром группировок войск Германии и ее союзников, полное изгнание оккупантов с территории СССР, вывод из войны сателлитов Германии, а также помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашизма»[40].

На заседании были намечены десять районов, в которых планировалось сосредоточить основные усилия Красной армии для нанесения мощных ударов по врагу, разгрома его основных сил и прогерманского блока государств в целом.

Зимне-весеннюю кампанию 1944 г. считалось возможным и целесообразным начать без паузы. Тем самым советское руководство рассчитывало наиболее полно использовать ранее достигнутый войсками успех, не дать противнику передышки, сорвать его стремление стабилизировать положение на фронте.

Исходя из общих военно-политических целей, предусматривалось в течение зимы и первых весенних месяцев разгромить противника на стратегических флангах советско-германского фронта и освободить значительную часть еще находившейся под немецкой оккупацией советской территории. После этого на Вооруженные силы СССР возлагалась задача завершить изгнание противника из пределов Родины и совместно с союзниками освободить народы других стран от вражеской оккупации. При этом учитывалось взятое на Тегеранской конференции обязательство предпринять наступление примерно в то же время, когда американо-английские войска начнут высадку в Северо-Западной Франции[41].

Было решено развернуть в течение зимы наступательные операции на фронте от Ленинграда до Черного моря, уделив основное внимание освобождению Правобережной Украины и Крыма с тем, чтобы на юго-западном направлении весной выйти к государственной границе. На северо-западе предполагалось отбросить врага от Ленинграда и за пределы Ленинградской области. Наступление намечалось осуществить путем проведения стратегических операций групп фронтов на удаленных друг от друга участках советско-германского фронта.

Главный удар Ставка ВГК планировала нанести на юго-западном направлении силами 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов с целью разгромить вражеские группы армий «Юг» и «А» и выйти на подступы к южной Польше, Чехословакии и Балканам. Мощный удар на этом направлении позволял немедленно и наиболее эффективно использовать результаты летне-осеннего наступления 1943 г. для достижения новых крупных успехов и сокрушения стратегической обороны врага не только на юге, но и на всем советско-германском фронте. Разгрому подвергалась самая многочисленная вражеская группировка, боеспособность войск которой уже была подорвана в результате тяжелых поражений, длительного отступления и больших потерь в предыдущих операциях. К тому же противник не имел на данном направлении укрепленных рубежей и стабильного фронта. Учитывалось также то, что на Украине находилась наиболее сильная группировка советских войск, включавшая большую часть крупных танковых и механизированных соединений, а это позволяло подготовить новые наступательные операции в сжатые сроки без значительных перегруппировок и тем самым не дать противнику возможности привести в порядок свои войска и стабилизировать положение.

Успех наступления на юго-западном направлении приводил к освобождению районов с высокоразвитой металлургической и горнорудной промышленностью, а также плодороднейших земель между Днепром и Прутом к началу весенних полевых работ, что способствовало

дальнейшему усилению экономической мощи Советского Союза. Германия же лишалась крупнейших источников стратегического сырья, особенно марганца, и продовольственных ресурсов.

Кроме того, принималось во внимание, что выход советских войск на подступы к Балканам неизбежно окажет влияние на внутриполитическое положение сателлитов Германии — Венгрии, Румынии и Болгарии, еще больше обострит их внутриполитические противоречия, усилит кризис в правительственных кругах и ускорит вывод этих стран из войны. Учитывалось и то, что приближение советских войск к Польше, Чехословакии и Балканским государствам активизирует подъем национально-освободительного движения в этих странах и позволит в более широких масштабах оказывать непосредственную помощь народам, боровшимся с германскими агрессорами.

На северо-западном направлении Ставка ВГК предусматривала силами Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота разгромить немецкую группу армий «Север», отбросить врага от Ленинграда, очистить от оккупантов территорию Ленинградской области, выйти к границам Прибалтики. Этим наступлением преследовалась цель подорвать политические позиции Германии в Финляндии и ускорить вывод последней из войны.

Войскам 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов, действовавшим на западном направлении, на зиму и весну 1944 г. также ставилась активная задача. Они должны были сковать немецкую группу армий «Центр», не позволить противнику перебрасывать ее силы для отражения наступления советских войск на других направлениях и освободить как можно большую часть территории Белоруссии. Операции по окончательному освобождению Белорусской ССР намечалось провести летом 1944 г.

Важная роль в достижении целей зимне-весеннего наступления отводилась Военно-морскому флоту, Военно-воздушным силам, Войскам противовоздушной обороны территории страны и партизанам.

Северному флоту ставилась задача нарушать морские коммуникации противника и обеспечивать движение союзных конвоев в своей операционной зоне, а также удерживать полуострова Рыбачий и Средний. Балтийский флот должен был содействовать Ленинградскому фронту при проведении операции на приморском направлении, осуществлять скрытую перевозку войск и боевой техники на ораниенбаумский плацдарм, огнем морской артиллерии и авиацией поддерживать наступление сухопутных войск. Черноморскому флоту предстояло оказывать помощь сухопутным войскам при разгроме крымской группировки противника, вести борьбу на его коммуникациях, расширять операционную зону действий и обеспечивать свои морские коммуникации.

На Военно-воздушные силы возлагались задачи вести борьбу за удержание стратегического господства в воздухе, содействовать сухопутным войскам в осуществлении наступательных операций, нарушать коммуникации врага, вести воздушную разведку. Авиацию дальнего действия предусматривалось использовать для нанесения ударов по железнодорожным узлам, портам, аэродромам и резервам в оперативном тылу врага, а также по глубоким тылам противника, в частности по крупным промышленным центрам, узлам коммуникаций и военно-морским базам.

Основной задачей войск ПВО территории страны оставалась защита с воздуха крупных административных и политических центров и важнейших промышленных районов СССР. Наряду с этим они должны были усилить противовоздушную оборону объектов прифронтовой полосы и освобожденных от оккупантов районов, уделяя особое внимание прикрытию от ударов с воздуха железнодорожных коммуникаций и важнейших переправ через водные рубежи на юге страны.

Перед партизанскими формированиями и партийным подпольем ставилась задача всемерно усилить помощь наступавшим войскам, наносить удары по коммуникациям противника, громить его тылы и штабы, спасать советских людей от истребления и угона в Германию, а народное имущество — от уничтожения и разграбления.

Для реализации намеченных целей и выполнения войсками Красной армии и силами флота определенных задач советское военно-политическое руководство проводило многогранную работу по всестороннему обеспечению предстоявших военных действий. Особенность и сложность ее состояли в том, что зимне-весеннее наступление 1944 г., в отличие от прошлых наступательных кампаний Великой Отечественной войны, готовилось в ходе большой стратегической операции, потребовавшей огромной затраты физических и моральных сил народа и армии, колоссального расхода боеприпасов, горючего и других материальных средств.

Заботясь о своевременном создании предпосылок для материально-технического обеспечения предстоявших военных действий, ЦК ВКП(б) и ГКО СССР в конце 1943 — начале 1944 г. приняли ряд постановлений об увеличении производства продукции в металлургической, топливной, энергетической и станкостроительной промышленности. На четвертый квартал 1943 г., первый и второй кварталы 1944 г. были утверждены повышенные планы добычи угля и нефти, выплавки чугуна и стали, производства проката, металлорежущих станков, намечены конкретные меры, обеспечивавшие выполнение этих задач.

Особое внимание уделялось обеспечению Вооруженных сил военной техникой, оружием, боеприпасами, транспортом и горючим. С учетом потребностей фронта и возможностей военной экономики планировался выпуск новых образцов стрелкового и артиллерийского вооружения, самолетов, танков. В целях увеличения производства боеприпасов изыскивались дополнительные промышленные площади, предприятия переоснащались новым оборудованием, улучшалось снабжение их металлом, порохом и электроэнергией, направлялось дополнительно значительное число квалифицированных рабочих.

Подъем экономики, успехи в восстановлении народного хозяйства и использование людских ресурсов освобожденных от врага районов СССР позволили советскому Верховному главнокомандованию еще в период завершения летне-осеннего наступления 1943 г. пополнить войска фронтов личным составом, боевой и транспортной техникой, создать резервы и запасы материальных средств. Только в декабре в действующую армию было направлено 1639 танков и самоходно-артиллерийских орудий, 4584 орудия и миномета.

В первую очередь Ставка ВГК пополняла фронты, которым предстояло наступать на направлении главного удара. Так, из указанного количества техники четыре Украинских фронта и Отдельная Приморская армия получили 67% танков и САУ, 33% орудий и минометов, Ленинградский и Волховский фронты — 20% танков и САУ, 15% орудий и минометов. На главное направление перебрасывались силы расформированного 20 ноября 1943 г., после завершения битвы за Кавказ, Северо-Кавказского фронта. На усиление 1-го Украинского фронта, которому отводилась ведущая роль в начале зимнего наступления, передавались две общевойсковые и танковая армии, отдельные танковые, артиллерийские и авиационные соединения[42].

Пополнялись людьми и вооружением имевшиеся и создавались новые соединения резерва Верховного главнокомандования, предназначенные для усиления действующих фронтов. На их укомплектование в последнем квартале 1943 г. было направлено 368,2 тыс. человек маршевого пополнения.

Увеличилось количество крупных артиллерийских соединений, было создано несколько моторизованных штурмовых инженерно-саперных бригад. Продолжалось формирование новых авиационных корпусов РВГК. К концу года насчитывалось 22 соединения такого рода, из них 18 придавались воздушным армиям фронтов. Возросло количество дивизий фронтовой авиации, которые переводились на трех- и четырехполковой состав. К началу 1944 г. в 50 штурмовых и 35 истребительных авиационных полках число самолетов было доведено до 40[43].

Усиливались действующие флоты. Увеличилось количество торпедных катеров на Северном флоте, тральщиков и бронекатеров — на Балтийском, торпедных катеров, подводных лодок и морских охотников — на Черноморском. Ударная мощь Военно-морского флота возрастала за счет поступления на его оснащение самолетов минно-торпедной авиации, бомбардировщиков и штурмовиков.

Значительное пополнение получили объединения и соединения, находившиеся в резерве Ставки Верховного главнокомандования. К началу 1944 г. в их составе насчитывалось около 488 тыс. человек, около 7 тыс. орудий и минометов, 389 танков и 602 самолета.

При подготовке и в ходе зимне-весеннего наступления много внимания уделялось улучшению работы тыла действующей армии, налаживанию бесперебойного подвоза материально-технических средств войскам фронтов и эвакуации раненых. Предпринимались энергичные меры по восстановлению железнодорожной сети на освобожденной от врага территории, особенно на юго-западном направлении.

Так, в соответствии с постановлением ГКО СССР от 7 октября 1943 г. Народный комиссариат путей сообщения должен был восстановить железнодорожные мосты через Днепр у городов Черкассы, Днепропетровск и два моста у Запорожья. 26 октября ГКО обязал НКПС к 6 ноября 1943 г. обеспечить движение поездов по железнодорожным линиям Днепропетровск — Верховцево — Пятихатки и Верховцево — Долгинцево — Кривой Рог, а к 15 ноября — Пятихатки — Користовка. В постановлении ГКО от 9 января 1944 г. ставилась задача восстановить в самое ближайшее время железнодорожную сеть к западу и юго-западу от Киева в тыловом районе 1-го Украинского фронта.

Важнейшим принципом тылового обеспечения являлась концентрация основных усилий по материальному, транспортному, техническому и медицинскому обеспечению войск на направлении главного удара. Почти половина тыловых частей и учреждений, подчиненных центру, сосредоточивалась на юго-западном стратегическом направлении. К началу 1944 г. на четырех Украинских фронтах и в Отдельной Приморской армии находилось 50% железнодорожных войск, имевшихся в Красной армии. Туда же направлялась основная масса материальных средств: боеприпасов, горючего, продовольствия. Например, управление снабжения горючим Красной армии планировало в январе подать четырем Украинским фронтам более 52 тыс. тонн горючего и смазочных материалов, то есть почти половину всего горючего, предназначенного для всех действующих фронтов[44].

Усиливались противовоздушная оборона в прифронтовой полосе, прикрытие с воздуха баз снабжения, складов и в первую очередь железнодорожных коммуникаций, обеспечивавших проведение перегруппировок войск, подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия и резервов. Силами и средствами войск ПВО территории страны прикрывались железнодорожные узлы, станции и мосты на глубину до 200 км от линии фронта, а также воинские эшелоны в пути их следования.

Большое внимание уделялось повышению оперативной и тактической подготовки командного и начальствующего состава всех степеней на основе изучения и обобщения опыта предыдущих наступательных операций. При активном участии представителей Ставки ВГК и Корпуса офицеров Генерального штаба Красной армии командующие войсками фронтов и армиями совершенствовали навыки командного состава в организации взаимодействия между соединениями и частями различных родов войск и видов вооруженных сил, в использовании соединений и частей ВВС, бронетанковых войск и артиллерии, вторых эшелонов, подвижных групп при развитии наступления и преследовании противника, при форсировании водных преград.

В объединениях проводились оперативные игры и штабные учения, в соединениях, частях, подразделениях — тактические занятия на местности с созданием обстановки, аналогичной той, в которой предстояло действовать. Лучший опыт обобщался и становился достоянием войск. В начале 1944 г. отдел Генштаба по использованию опыта войны был преобразован в управление. Расширились научные исследования по важнейшим проблемам истории и теории военного искусства, связанные с подготовкой и осуществлением наступательных операций. Результаты исследований доводились до войск в сборниках статей и материалов. Усилилась работа по обобщению поучительного опыта операций и боев во фронтах, армиях и на флотах, разрабатывались пособия для офицеров, памятки воинам. Были доработаны и изданы для войск проект Полевого устава и боевые уставы.

Все эти мероприятия способствовали расширению оперативного и тактического кругозора руководящих военных кадров, выработке у них единых взглядов на организацию и ведение операции и боя.

Особое значение придавалось морально-политической подготовке советских воинов. Ее направленность определялась задачами, поставленными перед воинами советских вооруженных сил: «Доблестные воины Красной Армии! Вас ждут, как освободителей, миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Крепче бейте врага, истребляйте немецких захватчиков. Вперед на Запад, за полное освобождение Советской земли!»[45]

В политической работе с личным составом Вооруженных сил СССР главное внимание уделялось разъяснению освободительных задач, выполняемых Красной армией, усилению наступательного порыва, повышению качества воспитания и обучения воинов, особенно нового пополнения. В лекционной пропаганде, агитационно-массовой работе, в печати, по радио освещалось значение выдающихся побед, одержанных под Курском и на Днепре, раскрывались возросшие возможности тыла страны по обеспечению новых наступательных операций. Личному составу разъяснялись приказы Верховного главнокомандующего, постановления и обращения военных советов объединений и вытекающие из них задачи на предстоящие боевые действия. Эта работа связывалась с пропагандой требований воинских уставов, боевого опыта и примеров героизма.

В работе с офицерскими кадрами командование, военные советы, политуправления фронтов и флотов особое внимание уделяли командирам взводов, рот, батарей и равных им подразделений. На офицеров этой категории после упразднения института заместителей командиров рот и батарей по политчасти полностью легла ответственность за организацию политико-воспитательной работы в подразделениях. Политорганы, выполняя рекомендации Совета военно-политической пропаганды Главного политуправления РККА, изданные в сентябре 1943 г., стали активнее вовлекать их в политико-массовую работу с личным составом. Офицеров учили практике партийно-политической работы в боевой обстановке, поддержания высокого морального состояния и воинской дисциплины в частях и подразделениях. Начальник Главного политического управления Красной армии генерал-полковник А. С. Щербаков в приказе от 24 января 1944 г., подчеркивая важность и перспективность такой деятельности и обобщая накопленный опыт, потребовал и впредь «настойчиво учить командиров рот и взводов практике политико-воспитательной работы, выращивать из них подлинных командиров-воспитателей»[46].

Большая работа велась по организации боевой и политической подготовки с прибывшим в войска пополнением. Важность и неотложность решения такой задачи вытекали из того, что действующая армия стала пополняться в значительной степени за счет призывников из освобожденных областей. Эти люди продолжительное время находились на оккупированной врагом территории и были оторваны от советской действительности, многие из них не служили в армии и не знали военного дела. В марте 1944 г. начальник Главного политического управления в директиве указал на необходимость помочь новобранцам как можно скорее подготовиться к выполнению своего воинского долга в борьбе за освобождение социалистической родины.

Выполняя эти указания, командиры и политработники, партийный и комсомольский актив разъясняли молодым солдатам политику Советского государства, цели и задачи советских вооруженных сил, положение на фронтах, сущность военной присяги, воинского долга. Особое внимание уделялось пропаганде достижений социализма в стране, успехов в строительстве новой жизни. В соединениях и частях среди пополнения работали специальные агитгруппы. К проведению политзанятий привлекались наиболее подготовленные офицеры, владевшие украинским языком, проявлялась забота о налаживании быта и культурно-массовой работы среди вновь прибывших. Широко пропагандировался боевой опыт, устраивались встречи бойцов пополнения с героями боев. Работа по воспитанию ненависти к врагу, любви и преданности социалистической родине помогла воинам правильно понять их задачи в борьбе с противником.

В связи с приближением Красной армии к Государственной границе СССР и предстоящими военными действиями за его пределами стало больше уделяться внимания интернациональному воспитанию личного состава. Воинам разъяснялись политика руководства страны по национальному вопросу, внешняя политика Советского Союза. В печати и устных докладах, беседах, в наглядной агитации усилилось освещение таких тем, как интернациональный долг советских воинов, историческая миссия советских вооруженных сил в освобождении Европы от германского рабства. У бойцов развивались чувства солидарности, уважения к обычаям и традициям народов, которые предстояло освободить.

Действенным средством политического воспитания воинов являлась печать. В армию и на флот поступали миллионы экземпляров центральных периодических изданий, в том числе газеты «Правда», «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», военные газеты «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», а также большое количество фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных и выходивших на флотах газет. В среднем на двух-трех воинов приходилась одна газета или журнал. Пропагандируя идеи партии, воодушевляя воинов на подвиги, освещая боевой опыт войск, партийную и комсомольскую жизнь частей и подразделений, газеты и журналы оказывали существенную помощь командованию и политорганам в подготовке войск к предстоящим операциям, в мобилизации советских воинов на разгром врага.

В период подготовки наступления зимне-весенней кампании 1944 г. интенсивно велась политическая работа, направленная на ослабление морального духа войск противника. Агитационно-пропагандистские мероприятия среди войск Германии и ее союзников проводились под руководством главных политуправлений армии и флота, военных советов фронтов и флотов и строились с учетом внутриполитического и экономического положения стран прогерманского блока, обстановки на фронтах Второй мировой войны и той пропаганды, которую вел противник в своих войсках.

В издававшихся политорганами Красной армии для солдат противника газетах и листовках, в радиотрансляциях на вражеские войска раскрывалась агрессивная сущность немецкой армии как послушного орудия защиты интересов германских правящих кругов, показывалась лживость нацистской пропаганды, которая скрывала от немецкого народа истинное положение на фронтах, неотвратимость надвигавшейся для врага расплаты. Большой убедительной силой обладали материалы о поражениях немецких войск на советско-германском фронте, бесперспективности их дальнейшего сопротивления и неизбежности полного краха нацистской Германии. Опровергалась клевета руководителей Германии, будто бы Советский Союз ставит целью уничтожение немецкой нации. Освещались положение на других театрах войны, освободительное движение в оккупированных странах Европы и Азии.

Работа среди войск и населения противника велась в тесном контакте с немецкими антифашистами, прежде всего с национальным комитетом «Свободная Германия». В материалах, которые публиковались комитетом и забрасывались в расположение немецких войск, в его радиопередачах разоблачались клеветнические измышления гитлеровцев о советской стране, ее вооруженных силах, в частности о положении германских военнопленных в СССР. Они содержали призывы вести борьбу против нацизма, за демократическую и миролюбивую Германию. Такие материалы и радиопередачи ослабляли влияние нацистской пропаганды, заставляли немецкий народ и военнослужащих вермахта задумываться над будущим своей страны.

Таким образом, исходя из оценки сложившейся обстановки, советское Верховное главнокомандование на 1944 г. выдвинуло ближайшую военно-политическую задачу — полностью очистить территорию страны от немецких захватчиков. В соответствии с этим зимне-весеннюю кампанию планировалось начать без какой-либо стратегической паузы и в ходе нее провести ряд наступательных операций под Ленинградом, в Белоруссии, на Правобережной Украине и в Крыму. Главный удар советские войска должны были наносить на юго-западном направлении с целью разгрома крупнейшей стратегической группировки противника (групп армий «Юг» и «А»), освобождения важных в экономическом и стратегическом отношении

районов Правобережной Украины и Крыма и выхода на подступы к южной Польше, Чехословакии и Балканам. Наряду с этим сильный удар планировался под Ленинградом и Новгородом с целью разгрома немецкой группы армий «Север», освобождения Ленинградской области и выхода в Прибалтику. Для реализации принятых решений и намеченных планов советское руководство и командование Вооруженных сил СССР проводили большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди населения и в воинских коллективах.

* * *

Военно-политическая обстановка к началу 1944 г. складывалась главным образом под влиянием разгрома противника в Сталинградской, Курской битвах и в сражениях за Днепр, приведшего к коренному перелому в Великой Отечественной войне. Советско-германский фронт продолжал оставаться главным во Второй мировой войне. Соотношение сил и средств сторон на советско-германском фронте к началу 1944 г. в целом было в пользу СССР. Но противник здесь имел почти полумиллионную, хорошо оснащенную армию. Германия еще обладала значительным экономическим потенциалом и крупными вооруженными силами. Под ее контролем находились обширные территории СССР, Восточной, Центральной и Западной Европы.

Общее соотношение военно-политических сил в мире к началу 1944 г. изменилось в пользу антигитлеровской коалиции. Начался кризис фашистского блока. Активизировались антигитлеровское движение Сопротивления и национально-освободительные движения в ряде стран мира.

Впереди был 1944 год, ставший периодом решающих побед советского народа и его армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Германия, Япония, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, Таиланд. Кроме того, на стороне Германии выступали марионеточные правительства Словакии и Хорватии.

[2] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 483.

[3] Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Пер. с нем. М., 1967. С. 530.

[4] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/1. München, 2004. S. 590–591.

[5] Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1956. С. 73.

[6] «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 683–684.

[7] Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1994. Т. 2. С. 42.

[8] Вторая мировая война. Краткая история. С. 372–373; Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. М., 1995. С. 174.

[9] История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 54.

[10] Bundesarchiv. Reichssicherheitshauptamt. R 58/194. SO — Berichte zu Inlandfragen vom 4. Mai 1944. S. 4.

[11] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 22, 189–192, 195.

[12] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1946. Т. 1. С. 412, 414.

[13] *Емельянов Ю. В.* Сталин. На вершине власти. М., 2007. С. 400.

[14] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1968–1973. Кн. 1. С. 195.

[15] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 361.

[16] Трудный путь к великой победе. М., 2010. С. 216.

[17] Там же. С. 217.

[18] Там же.

[19] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. С. 223.

[20] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. М., 1986. Кн. 2. С. 64.

[21] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 44–45.

[22] Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Действующая армия. М., Жуковский, 2005. С. 564.

[23] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. 3-е изд. М., 1978. Т. 2. С. 185.

[24] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12451. Д. 650. Л. 174.

[25] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 56–57.

[26] Там же.

[27] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 57.

[28] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 650. Л. 175.

[29] Итоги Второй мировой войны. Сборник статей / Пер. с нем. М., 1957. С. 129, 131.

[30] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/1. S. 618.

[31] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 58.

[32] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/1. S. 800.

[33] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 292. Л. 85.

[34] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 59.

[35] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 292. Л. 85.

[36] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 59.
[37] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/1. S. 596.
[38] Ibid. S. 617.
[39] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 60.
[40] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. М., 2011. С. 337.
[41] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 48–49.
[42] Там же. С. 51.
[43] Там же. С. 51–52.
[44] Тыл Советской армии. М., 1968. С. 206–207.
[45] Правда. 1943. 30 октября.
[46] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 54.

НА СЕВЕРЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

К началу 1944 г. обстановка для советских войск на северном и северо-западном направлениях продолжала оставаться напряженной. Ведя активную оборону в Заполярье и Карелии, войска Карельского фронта удерживали главную базу Северного флота — Полярный, незамерзающий порт Мурманск и северный участок Кировской железной дороги, по которой перевозились поступавшие от союзников морем грузы в глубинные районы страны. На юге Карелии войска фронта не позволяли финским и немецким частям соединиться для нанесения совместного удара по городу на Неве.

В осенних боях 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов активными действиями сорвали намерения противника вновь выйти к южному побережью Ладожского озера и восстановить блокаду Ленинграда. Они очистили от врага киришский плацдарм в районе р. Волхов, овладели мощным узлом его обороны — Синявино, улучшив таким образом свое оперативное положение.

Однако все это не устраняло угрозу прорыва противника на северо-западном направлении. Линия фронта по-прежнему проходила в непосредственной близости от полуострова Рыбачий, Мурманска, Кировской железной дороги и Ленинграда. Участок железной и автомобильной дорог вдоль южного берега Ладожского озера также находился в зоне артиллерийского огня врага и в полной мере не обеспечивал население города на Неве и войска Ленинградского фронта всем необходимым для жизни, работы и борьбы.

Итак, если в 1943 г. возможности СССР и его вооруженных сил не позволяли разгромить врага на севере и северо-западе, то к началу 1944 г. для этого стали складываться благоприятные условия. Советское Верховное главнокомандование, всесторонне оценив обстановку, решило, продолжая упорно обороняться в Заполярье и Карелии, нанести мощный удар по противнику в районе Ленинграда и Новгорода.

Боевые действия в Заполярье и Карелии

К началу 1944 г. войскам Карельского фронта, оборонявшимся от Баренцева моря до Ладожского озера в полосе шириной около 1525 км, противостояли немецкая 20-я горная армия (генерал-полковник Э. Дитль) в составе 18-го и 19-го горнострелковых, 36-го армейского корпусов и финские оперативные группы «Масельская» и «Олонец». Остановленный еще в конце ноября 1941 г. войсками Карельского фронта противник, занимая оборонительные рубежи, продолжал вести разведку полосы обороны и артиллерийско-минометный обстрел позиций советских войск, а на отдельных направлениях предпринимал попытки улучшить свое положение.

Более чем за два года враг подготовил хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону. Ее передний край опирался на господствующие высоты и водные преграды. Основу обороны составляли узлы сопротивления, насыщенные деревоземляными и каменно-земляными огневыми точками, открытыми пулеметными площадками и соединенными между собой окопами полного профиля с развитой системой ходов сообщения[1]. Перед передним краем вражеской обороны были установлены проволочные заграждения в 3—5 рядов и минные поля. На большинстве направлений оборудовались вторые оборонительные рубежи, а вдоль доступных для движения дорог — отдельные опорные пункты.

Несмотря на то что укомплектованность немецких и финских войск была близка к штатному составу, их боевой дух вследствие поражений вермахта в 1943 г. неуклонно снижался. Объяснялось это и тем, что в 20-й немецкой армии продолжалась замена солдат, имевших боевой опыт, военнослужащими не немецкой национальности, призванными по тотальной мобилизации.

К 1 января 1944 г. войска Карельского фронта (командующий — генерал-полковник В. А. Фролов, член Военного совета — генерал-майор П. К. Батраков, начальник штаба — генерал-лейтенант Б. А. Пигаревич) в составе 14, 19, 26, 32-й армий, а также 7-я отдельная армия (генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) продолжали совершенствовать оборону по рубежу: правый берег р. Западная Лица (60 км северо-западнее Мурманска), Ниван-Кюля, по системе рек и озер западнее Кандалакши, западнее Лоухи, Ухты, Реболь, железнодорожная станция Масельская, Онежское озеро, левый берег р. Свирь[2]. Советские войска прикрывали мурманское, кандалакшское, кестеньгское, ухтинское, ребольское операционные направления, выводившие на Кировскую железную дорогу — единственную сухопутную коммуникацию к незамерзающему порту Мурманск и Кольскому полуострову, а также важнейшие медвежьегорское и тихвинское направления.

14-я армия (генерал-лейтенант В. И. Щербаков) в составе 10-й гвардейской и 14-й стрелковой дивизий, 72-й морской стрелковой и 31-й отдельной лыжной бригад оборонялась на главном — мурманском направлении в полосе шириной до 400 км. Перед ней стояли задачи не допустить прорыва войск противника в направлении Мурманска и во взаимодействии с Северным оборонительным районом[3] прочно удерживать полуострова Рыбачий и Средний.

Этой армии противостоял немецкий 19-й горнострелковый корпус в составе двух горноегерских и двух пехотных дивизий[4]. Владение портами Петсамо и Киркенес обеспечивало противнику не только связь 20-й горной армии через Норвегию с Германией, но и позволяло прочно удерживать северную Финляндию. Его задачами помимо удержания важных в стратегическом отношении месторождений никеля в районе Петсамо[5] по-прежнему оставались выход на побережье Кольского залива и захват Мурманска.

19-я армия (генерал-майор Г. К. Козлов) в составе 104-й и 122-й стрелковых дивизий, 77-й морской стрелковой бригады оборонялась на кандалакшском направлении в полосе около 200 км. Армия имела задачи не допустить прорыва немецкого 36-го армейского корпуса (163-я и 169-я пехотные дивизии) в направлении Кандалакши и прочно прикрывать Кировскую железную дорогу.

26-я армия (генерал-майор Л. С. Сквирский) в составе 31-го стрелкового корпуса (45-я и 205-я стрелковые дивизии, 61-я и 85-я морские стрелковые бригады), 27-й и 54-й стрелковых дивизий, 32-й отдельной лыжной бригады прикрывала кестеньгское, ухтинское и ребольское направления в полосе почти 400 км с задачей защищать Кировскую железную дорогу от Лоухи до станции Кочкома.

На кестеньгском направлении — кратчайшем (не более 45 км) до Кировской железной дороги — действовал немецкий 18-й горноегерский корпус в составе дивизии СС «Норд» и 7-й горноегерской дивизии. На ухтинском и ребольском направлениях оборонялись финские 3-я и 14-я пехотные дивизии из состава оперативной группы «Масельской».

32-я армия (генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко) в составе 289-й и 313-й Краснознаменной, а также 367-й стрелковых дивизий, 65-й и 80-й морских стрелковых бригад, 33-й

отдельной лыжной бригады обороняла медвежьегорское направление, имея задачу воспретить выход противнику на южный берег Белого моря. Ее общий фронт обороны составлял около 325 км. Армии противостояли 4, 6, 1-я пехотные дивизии и 3-я пехотная бригада из состава финской оперативной группы «Масельской».

По р. Свирь занимала оборону в полосе до 200 км 7-я отдельная армия в составе 21, 67, 114, 272, 368-й стрелковых дивизий, 3, 70 и 69-й стрелковых бригад. Она прикрывала тихвинское направление. Со стороны противника на этом направлении располагалась финская оперативная группа «Олонец» в составе пяти пехотных, одной танковой дивизий и трех пехотных бригад.

Поскольку в условиях горно-лесистой местности, изобилующей озерами, болотами и реками, маневр крупными силами был затруднен, а обширные участки и районы непроходимы, объединения и соединения оборонялись в чрезвычайно широких полосах. Так, полоса обороны 272-й стрелковой дивизии 7-й отдельной армии составляла 44 км[6]. Оборона дивизии была не сплошной, а носила очаговый характер с большими промежутками между частями, подразделениями и их опорными пунктами.

Наибольшая плотность личного состава и огневых средств создавалась на вероятных направлениях наступления противника, преимущественно вдоль дорог. Например, основные усилия 14-й армии были сосредоточены на 38-километровом фронте, доступном для наступления врага, где занимали оборону входившие в ее состав 14-я и 10-я гвардейская стрелковые дивизии[7]. Со стороны противника на этом же фронте действовали 143-й и 141-й горноегерские полки, а также 112-й разведдивизион[8].

На направлении сосредоточения основных усилий 19-й армии две стрелковые дивизии занимали оборону на фронте протяженностью в 36 км. Им противостояли две пехотные дивизии врага.

Одна стрелковая дивизия и две морские стрелковые бригады 26-й армии оборонялись на кестеньгском направлении на 36-километровом фронте, а на ухтинском и ребольском направлениях — по одной стрелковой дивизии на фронте соответственно в 30 и 27 км.

32-я армия на медвежьегорском направлении имела на фронте в 104 км три стрелковые дивизии и одну морскую стрелковую бригаду. Противник сосредоточил здесь основные усилия, прикрыв 85-километровый участок двумя пехотными дивизиями, пехотным полком и пехотной бригадой.

Остальной фронт обороны советских войск прикрывали отдельные гарнизоны и опорные пункты. Армии и соединения, прикрывавшие то или другое направление, были изолированы от соседа десятками, а то и сотнями километров открытых флангов и промежутков. На таких участках наряду с созданием опорных пунктов организовывалось, как правило, патрулирование. Для прикрытия флангов выставлялись сторожевые заставы и отряды. Они были связаны между собой контрольными лыжнями, позволявшими обнаружить переход противником переднего края[9].

Например, 250-километровое пространство между 14-й и 19-й армиями обеспечивалось патрулированием подразделений 31-й лыжной бригады во взаимодействии с 45-м заградотрядом и 181-м погранбатальоном, усиленными аэросанными подразделениями[10]. Правый фланг 32-й армии прикрывала отдельная лыжная бригада на участке в 63 км, ее левый фланг на участке в 148 км — пограничный полк.

Наиболее ответственным направлением в полосе Карельского фронта считалось мурманское. Здесь была сосредоточена основная группировка артиллерии, которая оставалась неизменной в течение всего периода обороны. Стабильной была и артиллерийская плотность. К началу 1944 г. она составляла в среднем 13 орудий и минометов на 1 км фронта[11].

В общей группировке артиллерии значительную роль играла корабельная и береговая артиллерия Северного флота, насчитывавшая около 200 орудий. Она использовалась для обороны Полярного — главной базы флота, а также огневой поддержки частей Северного оборонительного района и 14-й армии на отдельных участках побережья, особенно в районе полуострова Рыбачий, островов и проливов. Наиболее важную роль береговая и корабельная

Советские солдаты ведут бой на Кольском полуострове

Высадка десанта на Кольском полуострове

артиллерия играла в воспрещении судоходства противника при входе в губу Малая Волоковая, севернее Петсамо.

Противовоздушная оборона войск Карельского фронта и 7-й отдельной армии осуществлялась истребительной авиацией, зенитной артиллерией, а также службой наблюдения и оповещения. К началу 1944 г. она насчитывала 185 истребителей, 172 зенитных орудия, из них 114 орудий среднего калибра[12].

Основная группировка зенитной артиллерии была сосредоточена на мурманском направлении. Здесь действовали и основные силы истребительной авиации фронта, Северного флота, а также средства ПВО территории страны. В целом же Карельский фронт испытывал недостаток в противовоздушных средствах борьбы, прежде всего в зенитной артиллерии и зенитных пулеметах. Имевшиеся средства позволяли создавать среднюю плотность менее двух зенитных орудий и зенитных пулеметов на 1 км фронта обороны дивизии, что затрудняло ведение эффективной борьбы с авиацией противника[13].

Недостаток средств ПВО не позволял надежно прикрывать от налетов авиации врага и Кировскую железную дорогу. В результате разрушения железнодорожных сооружений и уничтожения подвижного состава, особенно на участке Кандалакша — Лоухи, противнику удавалось на значительное время нарушать снабжение войск фронта[14].

Управление войсками осуществлялось с командного пункта фронта, который находился в Беломорске, в 200 км от переднего края. Кроме основного был оборудован вспомогательный пункт управления в Сегеже. В тех случаях, когда требовала обстановка, командующий войсками фронта выезжал на командные или наблюдательные пункты армий (оперативных групп).

В условиях горно-тундрового Заполярья и лесистой Карелии командные и наблюдательные пункты были максимально приближены к войскам. Так, штабы батальонов располагались на удалении от 300 до 1500 метров, штабы полков — в 1,5—2 км, штабы дивизий — не более 5 км, командные пункты армий — в 15—20 км от переднего края обороны[15].

В соединениях 19, 26 и 32-й армий, действовавших в условиях лесисто-болотистой местности, широко практиковались наблюдательные пункты на деревьях. Основными средствами связи оставались телеграф и телефон. Из-за больших расстояний, затруднявших личное общение командующего войсками фронта с командующими армиями и командирами соединений, в дивизиях широко использовались буквопечатающие аппараты СТ-35[16]. Радиосвязь в ходе оборонительных действий применялась ограниченно.

Связь сухопутных войск с Северным флотом поддерживалась по телефону, телеграфу и самолетами. В период совместных действий представители флота находились либо в штабе фронта, либо в штабе 14-й армии, действовавшей на приморском направлении. Применялись и обходные линии связи. В целом частями связи фронта обслуживалось около 4 тыс. км линий, или свыше 20 тыс. км проводов, из них около 2 тыс. км магистральных.

В условиях Севера широко использовались конные посыльные. Нередко приказы и донесения в штабы доставлялись на оленьих и собачьих упряжках. Например, только в 19-й армии для таких целей содержалось более 100 собак[17].

В системе инженерных заграждений главной полосы обороны войск Карельского фронта оборудовались противотанковые рвы, надолбы, танковые ловушки, завалы из камня и бревен, проволочные заграждения и минные поля[18]. В главной полосе и перед второй полосой обороны, а также в глубине было установлено более 100 тыс. противотанковых и около 350 тыс. противопехотных мин, свыше 2 тыс. фугасов[19]. В связи с тем что в рыхлом снегу мины не срабатывали, их практиковалось устанавливать на прокладках из досок и жердей. Мосты в глубине обороны были подготовлены к взрыву, а шлюзы — к затоплению Беломорско-Балтийского канала[20].

Непрерывно совершенствуемая в течение длительного времени оборона советских войск в Карелии и Заполярье давала им возможность прочно удерживать занимаемые рубежи и наносить врагу ощутимые потери.

Немецкий пулеметный расчет на Кольском полуострове

19 февраля 1944 г. в целях улучшения управления войсками, действовавшими в Карелии и Заполярье, 7-я отдельная армия директивой Ставки ВГК была включена в состав войск Карельского фронта[21]. Этой же директивой командующим его войсками был назначен генерал армии К. А. Мерецков, бывший командующий войсками расформированного 15 февраля 1944 г. Волховского фронта.

При назначении К. А. Мерецкова на должность командующего войсками Карельского фронта Верховный главнокомандующий И. В. Сталин его напутствовал: «Вы хорошо знаете и северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более что еще в 1939–1940 годах, во время советско-финляндской войны, вы командовали армией на выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с затяжкой организации разгрома врага. Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться, на что ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет»[22].

Одновременно с командующим был заменен член Военного совета фронта, им был назначен генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков. Начальником штаба остался генерал-лейтенант Б. А. Пигаревич[23].

Со сменой руководящего состава Карельского фронта в войсках активизировалась подготовка к наступательным действиям. Уже 29 февраля генерал армии К. А. Мерецков представил Верховному главнокомандующему «Соображения по разгрому немецких войск, находящихся в северной части Финляндии, Карело-Финской ССР и Мурманской области в районе Петсамо, Кеми, Оулу, Кестеньга, Алакуртти, Бол. Западная Лица»[24]. Планировалось одновременным ударом на петсамском, алакурттском и кестеньгском направлениях разгромить соединения немецких 19-го горного, 36-го армейского и 18-го горного корпусов. В результате наступления войска фронта, по замыслу командующего, должны были выйти на побережье Ботнического залива на участке Кеми — Оулу.

В войсках усилилась разведывательная деятельность. Разведка боем велась не только для получения данных о самом противнике, но и в интересах уничтожения его оборонительных сооружений, вывода из строя военной техники. Так, на медвежьегорском направлении разведывательный отряд 367-й стрелковой дивизии 32-й армии численностью 308 человек в ночь на 1 марта 1944 г. окружил и уничтожил гарнизон врага численностью до 40 человек, четыре орудия, два склада с боеприпасами, шесть землянок[25].

В ночь на 4 марта разведывательный дозор 14-й стрелковой дивизии 14-й армии, выйдя в тыл опорного пункта противника, внезапно атаковал его. В огневом и рукопашном бою разведчики уничтожили вражеский гарнизон численностью до 50 солдат и офицеров, четверых захватили в плен. При отходе разведчики взорвали три жилые землянки, склад боеприпасов, компрессорную станцию, цистерну с бензином. Потери разведчиков: один убит и семеро ранены[26].

Активизация разведки на Карельском фронте сопровождалась усилением бдительности со стороны неприятеля, занимавшего тщательно укрепленный передний край. При преодолении инженерных заграждений разведывательные группы нередко бывали обнаружены. Так, в ночь на 4 марта 1944 г. три разведывательных дозора 54-й стрелковой дивизии 26-й армии, действовавшие на ухтинском направлении, были обнаружены при подходе к переднему краю обороны противника[27]. В эту же ночь были обнаружены противником разведывательные дозоры 89-й стрелковой дивизии и 33-й отдельной лыжной бригады 32-й армии.

Боязнь командиров и начальников штабов стрелковых полков брать на себя ответственность за неудачные действия разведывательных групп приводила к затягиванию подготовки к ведению разведки под предлогом неблагоприятных метеорологических условий или вовсе

Пехотинцы ведут бой

к их отмене. Так, в течение февраля 1944 г. в 1065-м и 1063-м стрелковых полках 272-й стрелковой дивизии 7-й армии не было организовано ни одного выхода разведгрупп[28].

Упущения в организации разведки приводили к потерям в ходе действий подразделений в тылу врага и невыполнению боевых задач. Безрезультатно, к примеру, закончилось проведение разведки боем в районе южного берега Сегозера отрядом 176-й стрелковой дивизии 32-й армии с задачей захватить языка и уничтожить опорный пункт в районе господствующей здесь высоты[29].

В ночь на 17 марта, преодолев озеро по льду, отряд (3-й батальон 55-го стрелкового полка, рота автоматчиков — всего 272 человека) вышел на его южный берег, однако был обнаружен противником и в 5 часов утра вступил бой. Внезапные действия врага и неясность обстановки привели к частичной потере управления и, как следствие, несогласованным действиям подразделений разведотряда. В ходе боя он был рассечен на две части. Одна группа (7-я стрелковая рота и рота автоматчиков) была отрезана от главных сил отряда, но с боями ей удалось отойти к озеру. Пути отхода другой атакованной группы, возглавляемой командиром батальона, оказались перекрыты. В ожесточенном бою она понесла большие потери. В целом потери отряда составили 98 человек убитыми и семь ранеными[30].

Широкое распространение в зимней кампании 1944 г. получили боевые действия по планомерному захвату господствующих высот и важных в тактическом отношении оборонительных районов[31]. В результате советские войска овладевали важнейшими рубежами, удержание которых упреждало прорыв противника и создавало благоприятные условия для последующего перехода в наступление.

Так, 18 марта лыжный батальон 21-й стрелковой дивизии 7-й армии, обеспечивая выдвижение частей в исходное для наступления положение, в районе севернее озера Ярьетен-ярви был встречен огнем врага[32]. Атакой с ходу противник был отброшен к безымянным высотам, где располагался, занимая выгодное в тактическом отношении положение, 3-й батальон 378-го пехотного полка немецкой 169-й пехотной дивизии. Враг, выйдя из снежных траншей, трижды безрезультатно атаковал подразделения лыжного батальона, но был вынужден отойти и закрепиться на занимаемых ранее позициях.

К утру 19 марта командование 169-й пехотной дивизии сменило батальон, понесший потери (по показаниям пленного, до 100 человек), батальоном 392-го пехотного полка, имевшего задачу воспрепятствовать продвижению советских частей в западном направлении.

Уничтожение противника было поручено 94-му стрелковому полку 21-й стрелковой дивизии. С утра 20 марта, совершив обходной маневр двумя батальонами, он после короткой артиллерийско-минометной подготовки атаковал немецкие позиции с трех сторон. Ожесточенный бой, доходивший до рукопашных схваток в снежных траншеях, продолжался весь день. К 23 часам 20 марта 3-й батальон 392-го пехотного полка был уничтожен. Его потери составили: 300 человек убитыми и четыре человека захвачены в плен. Части 21-й стрелковой дивизии захватили выгодную в тактическом отношении местность, обеспечивавшую условия для последующего наступления.

Суровая зима и полярные ночи, наличие у противника открытых флангов и стыков благоприятствовали широкому использованию войсками Карельского фронта лыжных отрядов. Обычно совершавшие рейды отряды насчитывали от 150 до 300 человек. Лыжники действовали в тылу врага от 10 до 12 суток, преодолевая за это время огромные расстояния[33]. Весь комплект боеприпасов и мины им приходилось нести на себе. В отдельных случаях для транспортировки пулеметов, больных и раненых использовались оленьи упряжки, собаки и лодочки-волокуши. Высокая подвижность лыжных подразделений, применение охватов и обходов позволяли им появляться с самых неожиданных для противника направлений, наносить удары по наиболее уязвимым местам его обороны. Обычно такие налеты проводились ночью или на рассвете, когда враг меньше всего был готов к бою[34].

Боевые действия лыжных отрядов на флангах 14-й и 19-й армий обеспечивались исключительно оленьим транспортом. Например, только в 14-й армии по постановлению Военного совета Карельского фронта было развернуто четыре дивизионных оленьих транспорта

численностью 97 человек и 605 оленей в каждом[35]. Олений транспорт давал возможность лыжникам брать с собой в рейды по тылам врага не только боеприпасы и продовольствие, но и 76-мм горные пушки и минометы с необходимым боекомплектом[36].

Активно действовала авиация 7-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации И. М. Соколов). Ее самолеты, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, выполняли широкий круг задач: прикрывали от налетов вражеской авиации боевые порядки войск фронта, Кировскую железную дорогу, вели разведку боевых порядков противника и его путей подвоза, наносили бомбово-штурмовые удары по аэродромам, опорным пунктам, штабам и огневым позициям артиллерии, тыловым объектам, корректировали огонь своей артиллерии. За январь — май 1944 г. авиацией Карельского фронта и Северного флота в воздушных боях было сбито 83 самолета врага, а 24 самолета уничтожено в результате штурмовых ударов по аэродромам[37].

С 22 февраля 1944 г. в интересах войск Карельского фронта успешно действовал 8-й авиационный корпус дальнего действия (генерал-майор авиации Н. Н. Буянский)[38]. Налеты его авиации на военно-промышленные объекты, железнодорожные узлы, аэродромы и другие цели наносили противнику значительный урон. Особенно эффективными были действия авиакорпуса по аэродромам врага. Деятельность немецкой авиации с аэродромов, подвергшихся бомбардировкам, обычно заметно снижалась, а в отдельных случаях вообще прекращалась на срок от одних до нескольких суток.

В полосе Карельского фронта по состоянию на 1 марта 1944 г. действовало 15 партизанских отрядов численностью от 60 до 100 человек каждый[39]. Особенность партизанских действий в Заполярье заключалась в том, что советские партизаны в тылу противника не имели ни своих баз, ни опоры среди местного населения. Запасы боеприпасов и продовольствия они несли через линию фронта на себе. Глубина действий партизанских отрядов составляла 150 км и более от переднего края своих войск. Их основными задачами являлись срыв снабженческих перевозок и маневров резервами на коммуникациях, нарушение связи, уничтожение штабов и аэродромов противника[40].

Командование Карельского фронта продолжало готовить войска к наступательным действиям. При этом учитывалось, что правительство Финляндии уже рассматривало вопрос о выходе из войны на стороне Германии и заключении перемирия с СССР[41], но непременно на выгодных для себя условиях[42]. 23 марта Ставка ВГК в директиве командующему войсками Карельского фронта указывала, «что наступательные действия на Карельском фронте пока не предполагаются ни против финнов, ни против немцев. Когда они окажутся необходимыми, Ставка даст своевременно соответствующие указания»[43].

В таких условиях войска Карельского фронта, оставаясь на прежних позициях, вели разведку, всеми видами огня разрушали оборонительные сооружения противника, уничтожали его огневые точки, на отдельных направлениях вели бои в целях улучшения тактического положения, активно противодействовали разведке врага. С учетом характера и особенностей театра военных действий, некомплекта личного состава и военной техники войска фронта применяли такие формы и способы действий в обороне, которые изматывали силы врага, не давали ему возможности перебрасывать резервы на другие направления.

В свою очередь, противник проявлял высокую активность в обороне. Он систематически переходил в наступление на отдельных направлениях, чтобы захватить командные высоты, важные дороги и перевалы, проводил разведку боем, засылал в тыл советских войск разведывательно-диверсионные группы, устраивал засады на дорогах и контрольных лыжнях. От артиллерийско-минометного огня врага советские войска несли немалые потери. Например, в приказе командующего войсками Карельского фронта № 0074 от 15 апреля 1944 г. отмечалось, что только за период с 20 марта по 10 апреля потери 21-й и 104-й стрелковых дивизий 19-й армии от артиллерийско-минометного огня составили убитыми 163 и ранеными 306 человек. Артиллерийские части армии за это же время потеряли 14 орудий и минометов, 160 человек убитыми и 63 ранеными[44].

Нередко противник, используя открытые фланги в обороне войск Карельского фронта, переходил в атаку с целью улучшения своего положения. Так, 14 апреля в 9 часов 40 минут на участке 21-й стрелковой дивизии 19-й армии (в 14 км северо-восточнее Алакуртти) он после мощной артиллерийской подготовки и удара авиации силами до батальона пехоты атаковал передний край обороны. Подразделениям врага удалось ворваться в передовые траншеи. В 15 часов 55 минут части дивизии (полковник В. А. Архангельский) контратаковали врага. Однако только в ночь на 15 апреля после нескольких часов ожесточенного боя им удалось отбросить противника на исходные позиции[45].

Итак, боевые действия войск Карельского фронта в течение зимы и весны 1944 г. вынуждали врага не только быть в постоянном напряжении, но и усиливать отдельные участки обороны частями и соединениями, переброшенными с других направлений. О напряженности боев в Карелии и Заполярье наглядно свидетельствует статистика потерь, понесенных войсками Карельского фронта. За январь — первые две декады апреля они составили 8363 человека, из них убитыми — 2827, ранеными — 5310, пропали без вести — 226 человек[46].

Активные оборонительные действия войск Карельского фронта на северном крыле советско-германского фронта способствовали подготовке и проведению стратегической наступательной операции на северо-западном направлении — под Ленинградом и Новгородом.

Наступление под Ленинградом и Новгородом

В развитие операции по прорыву блокады Ленинграда 1943 г. в период с 14 января по 1 марта 1944 г. советские войска провели Ленинградско-Новгородскую стратегическую наступательную операцию с целью разгрома противника под Ленинградом и Новгородом и ликвидации угрозы восстановления блокады города на Неве.

На ленинградско-новгородском направлении советским войскам противостояла немецкая группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер, с конца января — генерал-полковник В. Модель) в составе 18-й и 16-й армий, поддерживаемых 1-м воздушным флотом. К началу 1944 г. ее положение существенно ухудшилось. Командование вермахта не могло усилить эту группировку из-за того, что основная масса резервов была скована активными наступательными действиями советских войск на юго-западном и западном направлениях. Вместе с тем, имея в своем составе 44 дивизии и четыре бригады, 741 тыс. человек, 10 070 орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 боевых самолетов, она продолжала представлять значительную силу[47].

На рубеже от Кернова до озера Ильмень оборонялась 18-я армия (генерал-полковник Г. Линдеман), имевшая в своем составе 21 дивизию и три бригады, около 181,5 тыс. человек, 2950 орудий и свыше 2 тыс. минометов всех калибров, до 200 танков и штурмовых орудий[48]. Армию поддерживали до 300 самолетов 1-го воздушного флота. Все соединения армии, за исключением одной пехотной дивизии — резерва командующего, располагались в главной полосе обороны. На одну дивизию приходилось в среднем 17 км фронта. Более высокую оперативную плотность противник имел на участке Урицк — Отрадное, где на одну дивизию приходилось до 10 км фронта. Помимо обычной полевой артиллерии армия имела 75 батарей осадной артиллерии калибра от 155 до 420 мм и 65 батарей легкой артиллерии, находившихся на огневых позициях непосредственно под Ленинградом. С этих позиций систематически и производился обстрел города.

В директивах и приказах германского командования неоднократно подчеркивалась особая роль 18-й армии на восточном фронте. Так, в директиве командующего этой армией, изданной в декабре 1943 г., указывалось: «...во взаимодействии с морскими силами и финнами 18-я армия закрывает Советам выход в Балтийское море. Этим она способствует изоляции Советского Союза от держав Запада. 18-я армия обеспечивает морское сообщение на Балтике, которое

необходимо для транспортировки шведской руды. Благодаря 18-й армии возможна борьба и сопротивление Финляндии. Она не только обеспечивает связь Финляндии с немецкой армией в Лапландии, но больше того, осадой Ленинграда, перехватом Кировской железной дороги, ведущей к Мурманску... создает предпосылки к финскому сопротивлению. Только плечом к плечу, только при помощи 18-й армии Финляндия в состоянии вести «свою особую войну»[49].

Действовавшая от озера Ильмень до Пскова немецкая 16-я армия (генерал артиллерии Х. Ханзен) имела в своем составе 19 пехотных дивизий, одну пехотную бригаду и группу войск «Екельн»[50]. В резерве командующего армией находилась одна дивизия. При средней оперативной плотности до 23 км на одну дивизию более высокую плотность (до 9 км на дивизию) враг имел в районе Новосокольников.

В резерве командующего группой армий «Север» имелись три охранные и одна учебно-полевая дивизии[51].

Два с половиной года противник совершенствовал оборонительные рубежи и позиции на ленинградском и новгородском направлениях. К январю 1944 г. здесь была создана мощная, глубоко эшелонированная оборона, состоявшая из сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, связанных системой траншей, ходов сообщения, прикрытых проволочными заграждениями и минными полями. Главная полоса обороны с передним краем южнее Керново — Гостилицы — Петродворец (Петергоф) — Стрельна — Пушкин — южнее Гонтовой Липки — западнее Грузино — Новгород — западный берег озера Ильмень имела глубину 4—6 км. На ее первой позиции располагалось от 8 до 12 дотов и дзотов на 1 км фронта. Вторая полоса была оборудована в 8—12 км от переднего края обороны.

В оперативной глубине противник подготовил оборонительные рубежи по рекам Оредеж, Луга, Плюсса, Шелонь, Нарва, Великая. Тыловой оборонительный рубеж «Пантера» протяженностью свыше 500 км проходил по западным берегам Чудского и Псковского озер и далее на участке Псков — Остров — Идрица и южнее по р. Великой. Между Финским заливом и Чудским озером была оборудована так называемая линия «Танненберг»[52]. Крупные населенные пункты, особенно города Стрельна, Красное Село, Пушкин, Урицк, Гатчина, Тосно, Любань, Чудово, Луга, Оредеж, Новгород, Порхов, Дно, Остров, Псков, Старая Русса, Опочка и ряд других, были превращены в мощные узлы сопротивления.

Общая глубина вражеской обороны достигала 230—260 км. Наиболее мощные укрепления были созданы южнее Пулковских высот и севернее Новгорода. В районе севернее Красного Села немецкое командование сосредоточило большое количество дальнобойной артиллерии.

В Финском заливе в начале января 1944 г. немцы имели около 220 боевых кораблей и катеров[53]. В состав военно-морского флота Финляндии входило не менее 120 боевых кораблей и катеров. Основная часть корабельных сил противника находилась на базах в ожидании открытия навигации в заливе. В южной части Балтийского моря враг располагал силами, которые потенциально могли представлять угрозу для советского Балтийского флота. Вместе с тем выход в море соединений крупных надводных кораблей германского флота был маловероятен из-за острого дефицита топлива[54].

Ленинградский фронт (командующий — генерал армии Л. А. Говоров, член Военного совета — генерал-лейтенант А. А. Жданов, начальник штаба — генерал-лейтенант Д. Н. Гусев) к началу 1944 г. занимал полосу шириной 256 км. В его состав входили 23-я и 2-я ударная, 42-я и 67-я общевойсковые и 13-я воздушная армии.

23-я армия оборонялась на Карельском перешейке от Ванхаяама до Сестрорецка и далее вдоль побережья Финского залива до Ленинграда. 2-я ударная армия осуществляла скрытную перегруппировку кораблями и судами Балтийского флота на ораниенбаумский плацдарм, где готовилась занять оборону на фронте около 65 км. 42-я и 67-я армии защищали южные и юго-восточные подступы к Ленинграду в полосе от железнодорожной станции Лигово до Гонтовой Липки[55].

В оперативном подчинении командующего войсками Ленинградского фронта находились Ленинградская армия войск ПВО страны (генерал-майор артиллерии П. Ф. Рожков) и Балтийский флот (адмирал В. Ф. Трибуц).

В состав Волховского фронта (командующий — генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета — генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков, начальник штаба — генерал-лейтенант Ф. П. Озеров) входили 8, 54 и 59-я общевойсковые и 14-я воздушная армии. Войска фронта занимали полосу шириной 232 км от Гонтовой Липки до Лезно и далее по р. Волхов до озера Ильмень. В 30 км севернее Новгорода, на левом берегу Волхова, они удерживали плацдарм шириной почти 15 км и глубиной от 8 км до 10 км.

Южнее Волховского фронта, от озера Ильмень до озера Нещердо, в полосе до 430 км действовали войска 2-го Прибалтийского фронта (командующий — генерал армии М. М. Попов, член Военного совета — генерал-лейтенант Н. А. Булганин, начальник штаба — генерал-лейтенант Л. М. Сандалов). Обороняя позиции на правом крыле и в центре силами 1-й ударной и 22-й армий, они на левом крыле силами 6-й гвардейской и 3-й ударной армий преследовали противника, отходившего в северном направлении[56]. Войска фронта поддерживала 15-я воздушная армия.

Войска Ленинградского (без 23-й армии), Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов имели хорошо подготовленные в инженерном отношении исходные для наступления районы. Глубоко охватывая фланги группы армий «Север», они занимали выгодное по отношению к ней положение.

Войска трех советских фронтов по состоянию на 14 января 1944 г. насчитывали 1252 тыс. человек, 20 183 орудия и миномета, 1580 танков и самоходно-артиллерийских установок и 1386 боевых самолетов. Они превосходили противника в людях — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 2 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — более чем в 4 раза, в боевых самолетах — в 3,7 раза[57].

Корабельные силы Балтийского флота, базируясь на Кронштадт, Ленинград и остров Лавансари, имели в своем составе 527 боевых кораблей и катеров, включая 26 подводных лодок[58]. Их применению по основному предназначению препятствовали ледовая обстановка в Финском заливе и чрезвычайно высокая минная опасность. В целом же военно-географические условия театра военных действий были таковы, что противник, владея, по сути, всем побережьем Финского залива и островами к западу от Кронштадта (кроме Сескара, Пенисари и Лавансари), мог в любое время года эффективно противодействовать силам Балтийского флота.

Широкими возможностями для ведения самостоятельных действий обладали военно-воздушные силы Балтийского флота (генерал-лейтенант авиации М. И. Самохин). В начале января 1944 г. в их состав входили минно-торпедная, штурмовая и истребительная авиационные дивизии, три отдельных авиационных полка и две отдельные авиационные эскадрильи[59]. Всего военно-воздушные силы Балтийского флота имели 52 бомбардировщика и торпедоносца, 71 штурмовик, 175 истребителей, 21 разведчик и корректировщик. Располагая аэродромами на ораниенбаумском плацдарме, островах Котлин, Сескар и Лавансари и действуя со стороны Финского залива, где ПВО противника была значительно слабее, они могли наносить удары по целям в его оперативном тылу[60].

Существенную роль в обороне Ленинграда и поддержке наступления сухопутных войск играли силы береговой обороны (генерал-майор И. В. Малаховский) Балтийского флота. На начало января 1944 г. в их составе имелось 110 стационарных и железнодорожных артиллерийских батарей — 251 орудие калибра от 100 мм до 406 мм[61].

Важную роль в прикрытии города на Неве от ударов противника с воздуха играли войска противовоздушной обороны (генерал-майор авиации П. А. Федоров) Балтийского флота, включавшие дивизию ПВО, зенитную артиллерию Ленинградской военно-морской базы, два базовых района ПВО (Островной и Ладожской военной флотилий), всего около 80 зенитных батарей[62].

При планировании военных действий на зиму 1944 г. советское командование предполагало разгромить на северо-западном направлении группу армий «Север», полностью снять блокаду с Ленинграда, освободить от врага оккупированные районы Ленинградской области, создать благоприятные условия для переноса боевых действий на территорию Прибалтики.

Оборона противника в районе Мги. Январь 1944 г.

Перегруппировка войск перед наступлением. Ленинградский фронт, 1944 г.

Военный совет Ленинградского фронта еще 9 сентября 1943 г. направил в Ставку Верховного главнокомандования соображения по разгрому немецкой 18-й армии как основы северо-западной группировки врага, окончательному освобождению от блокады Ленинграда и выходу на рубеж р. Луга от устья до г. Луга[63].

В соображениях Военного совета Волховского фронта, представленных в Ставку ВГК 14 сентября 1943 г., предусматривалось ударом из района севернее Новгорода в направлении г. Луга (между немецкими 18-й и 16-й армиями) расчленить войска группы армий «Север» и не допустить отхода главных сил 18-й армии на рубеж р. Луга и далее на линию Нарва — Порхов. После этого предполагалось во взаимодействии с войсками Ленинградского и Северо-Западного (с 20 ноября 1943 г. — 2-го Прибалтийского) фронтов окружить и уничтожить их[64].

Ставка ВГК утвердила представленные предложения, но с некоторыми изменениями. Исходя из общего замысла зимне-весенней кампании 1944 г., она расширила задачи войск северо-западного направления и дополнительно привлекла к их выполнению 2-й Прибалтийский фронт, Балтийский флот, авиацию дальнего действия, а также партизанские соединения.

По замыслу Ставки ВГК войска Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с силами Балтийского флота должны были одновременными ударами разгромить петергофско-стрельнинскую и новгородскую группировки противника, расположенные на флангах немецкой 18-й армии, развить наступление на Кингисепп и Лугу и, завершив разгром главных сил этой армии, выйти на рубеж р. Луга. На войска 2-го Прибалтийского фронта была возложена задача уничтожить группировку противника севернее г. Невель. Войска левого крыла фронта наступлением на идрицком направлении и севернее Новосокольников должны были сковать главные силы немецкой 16-й армии, чтобы не допустить переброски ее соединений под Ленинград и Новгород. В дальнейшем войскам трех взаимодействующих фронтов предстояло, наступая на нарвском, псковском и идрицком направлениях, разгромить 16-ю армию, завершить освобождение Ленинградской области и создать условия для наступления в Прибалтике[65].

Задачи, поставленные Ставкой ВГК, легли в основу планов Красносельско-Ропшинской наступательной операции войск Ленинградского фронта, Новгородско-Лужской наступательной операции войск Волховского фронта и наступления войск 2-го Прибалтийского фронта на идрицком направлении.

Командующий войсками Ленинградского фронта, исходя из общего замысла операции, принял решение нанести удары по сходящимся направлениям на Ропшу силами 2-й ударной армии (генерал-лейтенант И. И. Федюнинский) с приморского плацдарма и 42-й армии (генерал-полковник И. И. Масленников) из района Пулково с целью окружить и уничтожить вражескую группировку в составе 3-го танкового корпуса СС и 50-го армейского корпуса в районе Петергоф — Красное Село — Ропша[66]. После соединения 2-й ударной и 42-й армий в районе Ропши и образования общего фронта предусматривалось развивать наступление их главными силами на Кингисепп, а частью сил — на Красногвардейск (Гатчину).

67-я армия (генерал-лейтенант В. П. Свиридов) должна была активными действиями сковать силы врага на мгинском направлении и не допустить их переброски в полосы наступления 2-й ударной и 42-й армий. В последующем 67-й армии предстояло наступать в направлении Тосно — Луга для оказания содействия войскам Волховского фронта в разгроме лужской группировки противника. 23-я армия (генерал-лейтенант А. И. Черепанов) имела задачу прочно удерживать занимаемые рубежи на Карельском перешейке.

С воздуха наступление войск Ленинградского фронта должны были поддерживать 13-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С. Д. Рыбальченко), 2-й гвардейский ленинградский истребительный авиационный корпус, входивший в состав Ленинградской армии ПВО, и часть сил авиации Балтийского флота.

На Балтийский флот была возложена задача содействовать войскам фронта в прорыве обороны врага, поддерживать его наступление огнем корабельной и береговой артиллерии, ударами авиации, а также обеспечивать оперативные перевозки войск.

Авиация дальнего действия (маршал авиации А. Е. Голованов) в составе восьми авиационных корпусов и одной авиационной дивизии должна была провести предварительную авиационную подготовку наступления Ленинградского фронта, а четырьмя авиационными корпусами поддерживать войска в ходе всей операции.

По решению командующего войсками Волховского фронта главный удар предстояло нанести основными силами 59-й армии (генерал-лейтенант И. Т. Коровников) с плацдарма на левом берегу р. Волхов, в обход Новгорода с севера, а частью сил — из района юго-восточнее города, через озеро Ильмень, по сходящимся на Люболяды направлениям для разгрома новгородской группировки противника. Освободив Новгород, они должны были выйти на рубеж р. Луга. Далее, развивая успех в западном и юго-западном направлениях, планировалось освободить г. Лугу, отрезать пути отхода немецких войск в направлении Пскова и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта завершить разгром главных сил 18-й армии врага.

8-я (генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков) и 54-я (генерал-лейтенант С. В. Рогинский) армии должны были активными наступательными действиями сковать противника на тосненском, любанском и чудовском направлениях и не допустить их переброски к Новгороду. В случае отхода врага соединения этих армий имели задачу перейти к его преследованию, очистить участок Октябрьской железной дороги Тосно — Чудово и в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лугу с целью содействия главной ударной группировке фронта в разгроме войск правого фланга немецкой 18-й армии. По мере высвобождения войск 8-й и 54-й армий значительную их часть предполагалось использовать на левом крыле фронта, войска которого наносили главный удар на лужском направлении[67].

Боевые действия войск ударной группировки Волховского фронта обеспечивали авиация 14-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации И. П. Журавлев), а также часть сил авиации дальнего действия.

Советские танкисты перед наступлением на Пулковские высоты. Январь 1944 г.

Решение командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта заключалось в нанесении силами левого крыла фронта двух ударов с целью разгрома новосокольнической и идрицкой группировок противника. На новосокольническом направлении действовали 6-я гвардейская и 22-я армии, на идрицком — 3-я ударная и 10-я гвардейская армии. 1-я ударная армия, обороняя ранее занятые рубежи и осуществляя огневое воздействие на противника, готовила удар с целью захвата плацдарма на юго-западном берегу озера Ильмень[68].

6-я гвардейская армия (генерал-лейтенант И. М. Чистяков) должна была в ходе преследования врага, отходившего с невельского выступа в северном направлении, уничтожить его и овладеть районом Новосокольники — Маево. В последующем ей надлежало действовать в направлении на Новоржев[69]. 22-я армия (генерал-лейтенант В. А. Юшкевич) имела задачу овладеть районом Насвы, а далее во взаимодействии с 6-й гвардейской армией наступать на Маево[70].

3-я ударная (генерал-полковник Н. Е. Чибисов) и 10-я гвардейская (генерал-лейтенант А. В. Сухомлин) армии должны были разгромить группировку противника восточнее Идрицы, перерезать железную дорогу Пустошка — Идрица и силами 10-й гвардейской армии освободить Идрицу, а 3-й ударной армии — Пустошку[71].

Боевые действия войск ударной группировки 2-го Прибалтийского фронта обеспечивала авиация 15-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Науменко).

Итак, активными наступательными действиями в районах Невеля, Новосокольников и Идрицы 2-й Прибалтийский фронт должен был сковать главные силы немецкой 16-й армии и не допустить переброски ее соединений под Ленинград и Новгород[72]. В последующем его войскам предназначалось развернуть наступление в направлении Опочки и Себежа.

К началу Ленинградско-Новгородской операции Ставка ВГК усилила войска фронтов самоходно-артиллерийскими и инженерно-саперными частями, бронетанковой и авиационной техникой и другими материальными средствами. В свою очередь, командование фронтов при подготовке к операции особое внимание уделяло доукомплектованию войск личным составом, вооружением и военной техникой, а также перегруппировкам войск и сил в целях создания на направлениях ударов необходимых оперативных и тактических плотностей и тем самым достижению решительного преимущества над противником.

В первой половине января 1944 г. силы Балтийского флота в чрезвычайно тяжелых условиях ледовой обстановки, как правило в ночное время, продолжали перевозки по Невской губе соединений 2-й ударной армии и различных грузов на ораниенбаумский плацдарм[73]. Их прикрывала часть артиллерии флота и 3-го Ленинградского контрбатарейного корпуса. В светлое время суток прикрытие кораблей и судов, затертых льдами, осуществляли самолеты-дымозавесчики, а также стационарные и подвижные отряды дымомаскировки[74].

Несмотря на ледовую обстановку и трудности, возникавшие при погрузо-разгрузочных работах, суда обычно успевали совершать переходы в темное время суток, а тральщикам удавалось выполнять даже по два рейса и с рассветом возвращаться в Ленинград. Однако так было не всегда. Например, в ночь на 2 января 1944 г. корабли и суда не успели завершить переход в обратном направлении и на рассвете подверглись артиллерийскому обстрелу. И только применением дымомаскировки и ведением огня батареями артиллерийского прикрытия конвоев все попытки противника уничтожить их были сорваны. В ночь на 3 января корабли и суда без потерь возвратились к местам погрузки.

В январе грузы доставлялись и транспортными самолетами, а также автотранспортом по оборудованной ледовой трассе до Кронштадта, а оттуда гужевым транспортом до Ораниенбаума. К началу операции на плацдарм были перевезены пять стрелковых дивизий, 13 артиллерийских и минометных частей и соединений резерва Ставки ВГК, танковая бригада, два танковых и один самоходный артиллерийский полки с автотранспортом, боезапасом, горючим и продовольствием[75].

К началу операции дивизии Ленинградского фронта были доукомплектованы до 6,5–7 тыс. человек. Их личный состав прошел 2–3-месячный срок обучения в условиях, приближенных к обстановке[76]. Благодаря этому, а также своевременной и скрытной пере-

группировке войск удалось создать на направлениях ударов высокую плотность сил и средств и добиться оперативной внезапности перехода в наступление. К началу наступления на участках прорыва 2-й ударной и 42-й армий превосходство над противником составляло по пехоте более чем в 2,7 раза, по артиллерии — в 3,6 раза, по танкам — почти в 6 раз[77].

Крупные внутрифронтовые перегруппировки, пополнение личным составом, оружием и военной техникой соединений и частей были произведены и в войсках Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов.

В полосе наступления 59-й армии было развернуто 48% стрелковых соединений, около 55% орудий и минометов, 90% реактивной артиллерии и более 80% танков и самоходно-артиллерийских установок от общего количества сил и средств Волховского фронта[78]. Это обеспечило ее превосходство над врагом: по пехоте — в 3,3 раза, по артиллерии — в 3,5 раза, по танкам — в 11 раз[79].

Общее превосходство над противником в полосе 2-го Прибалтийского фронта было доведено по дивизиям и артиллерии в 2 раза, по танкам — в 7 раз, по самолетам — в 1,5 раза[80].

К началу наступления войск Ленинградского фронта из корабельной и береговой артиллерии Балтийского флота были сформированы четыре артиллерийские группы: первая поддерживала наступление 2-й ударной армии, вторая, третья и четвертая — соединения 42-й армии. Всего из состава артиллерии Балтийского флота к операции привлекалось 209 орудий калибра от 100 до 406 мм[81], из которых 33,3% составляли орудия крупных калибров (180–406 мм) с большой дальностью стрельбы.

Чтобы скрыть от противника истинные намерения, в войсках широко осуществлялись мероприятия по оперативной маскировке. Исходные для наступления районы готовились только в темное время суток. В целях введения германского командования в заблуждение относительно направлений ударов проводились демонстративные действия на второстепенных участках фронта. Так, на правом фланге 2-й ударной армии в начале января в течение трех дней демонстрировалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танков. Для этого широко использовались деревянные макеты, а также мощные громкоговорящие установки. Здесь же работали радиостанции артиллерийских и танковых частей. Во всей полосе армии была проведена разведка боем, при этом наиболее активные действия велись опять-таки на ее правом фланге.

Авиация демонстративно вела усиленную разведку копорского направления, с наступлением ночи она наносила бомбовые удары по узлам сопротивления противника, имитировала прикрытие истребителями сосредоточения своих войск[82]. В результате у командования вермахта создалось представление о готовившемся наступлении на правом фланге 2-й ударной армии, куда он подтянул резервы и дополнительные огневые средства[83].

За две недели до перехода в наступление в полосе Волховского фронта на мгинском и чудовском направлениях были проведены частные операции. Это, как и другие мероприятия оперативной маскировки, дезориентировало вражеское командование, создало у него представление о подготовке наступления на смежных участках Ленинградского и Волховского фронтов[84]. Противник повысил активность разведки на мгинском и чудовском направлениях и ослабил внимание к новгородскому направлению.

При подготовке наступления под Ленинградом и Новгородом существенно активизировали свои действия партизаны[85]. К операции привлекались ленинградские, эстонские, латышские, а также часть калининских партизан — всего свыше 43 тыс. человек[86]. Подрывами железнодорожного полотна и мостов в оперативной глубине обороны противника они нарушали воинские перевозки, а систематической порчей проводов, уничтожением телеграфных столбов вдоль железных и шоссейных дорог — управление его войсками.

Наступление советских войск под Ленинградом и Новгородом намечалось на середину января 1944 г., когда основные силы врага будут скованы активными действиями Украинских фронтов на Правобережной Украине. По замыслу Ставки ВГК это не должно было позволить германскому командованию усилить группу армий «Север» резервами.

Реально оценивая обстановку, генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер не питал иллюзий по поводу того, что возглавляемая им группа армий способна сдержать наступление советских войск на растянутом до 1 тыс. км фронте. В такой обстановке единственно верным решением он считал отвод войск на оборонительный рубеж «Пантера»[87]. Неоднократные его обращения, поддерживаемые начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковником К. Цейтцлером, не нашли одобрения у А. Гитлера, который отдал приказ продолжать оборонять занимаемую группой армий полосу.

По характеру боевых действий Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция подразделяется на три этапа. В ходе первого этапа (с 14 по 30 января) войска Ленинградского фронта провели Красносельско-Ропшинскую наступательную операцию и отбросили врага от Ленинграда на 60—100 км, а войска Волховского фронта освободили Новгород и продвинулись от 60 км до 80 км.

На втором этапе (с 31 января по 15 февраля) войска Ленинградского и Волховского фронтов, развивая наступление на нарвском и лужском направлениях, овладели Лужским укрепленным рубежом противника и, продвинувшись еще на 50—120 км, вышли к р. Нарва и на восточный берег Чудского озера.

Содержанием третьего этапа (с 16 февраля по 1 марта) стали преследование противника войсками Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов и их выход к Псковско-Островскому укрепленному району врага и южнее него на рубеж Новоржев — Пустошка.

Первый этап Ленинградско-Новгородской операции начался в ночь на 14 января с нанесения бомбового удара силами 109 бомбардировщиков 7-го авиационного корпуса дальнего действия (генерал-майор авиации В. Е. Нестерцев) по артиллерийской группировке врага в районе поселка Беззаботный[88]. Привлечь к нему, как это было запланировано, около 150 самолетов не удалось из-за сложных метеоусловий.

На приморском направлении в 9 часов 35 минут по оборонительным позициям 3-го танкового корпуса СС началась артиллерийская подготовка. В ней наряду с армейской принимала участие корабельная и береговая артиллерия Балтийского флота, оперативно подчиненная командующему артиллерией Ленинградского фронта генерал-майору Г. Ф. Одинцову. Она вела огонь прежде всего по тем объектам и целям, которые не могла поразить полевая артиллерия.

Морская артиллерия подавляла и уничтожала береговую и полевую артиллерию в глубине обороны врага, разрушала его долговременные оборонительные сооружения, опорные пункты и узлы обороны. Кроме того, она привлекалась к огневым налетам по командным пунктам и выдвигавшимся резервам противника[89]. В полосе наступления 2-й ударной армии орудия морской артиллерии простреливали не только главную, но частично и вторую полосы вражеской обороны.

В ходе артиллерийской подготовки армейской и флотской артиллерией было израсходовано до 104 тыс. снарядов и мин. В это время тяжелая артиллерия 42-й и 67-й армий производила разрушения оборонительных сооружений противника на красносельском, ульяновском и синявинском направлениях. Из-за низкой облачности и осадков в виде снега, сопровождаемого сильным ветром, авиация фронта при подготовке наступления совершила лишь 60 самолето-вылетов[90].

В результате артиллерийской подготовки неприятель понес серьезный урон, его система огня и управление войсками оказались нарушены, а подавленные артиллерийские и минометные батареи не могли открыть ответный огонь в течение 40 минут. Однако, преодолев замешательство, немецкое командование сумело в короткие сроки восстановить управление и организовать упорное сопротивление наступавшим советским войскам.

Первыми оборонительные позиции врага атаковали части 48-й (генерал-майор А. И. Сафронов), 90-й (полковник Н. Г. Лященко) стрелковых дивизий 43-го стрелкового корпуса и 131-й стрелковой дивизии (полковник П. Л. Романенко) 122-го стрелкового корпуса 2-й ударной армии[91]. Особенно ожесточенные бои развернулись за важный узел обороны противника — поселок Гостилицы. Его северо-западная окраина несколько раз переходила из рук в руки[92]. К исходу 14 января соединения 2-й ударной армии прорвали первую позицию

Советские солдаты в атаке под Ленинградом. Январь 1944 г.

главной полосы вражеской обороны, а на гостилицком участке пробили брешь и во второй позиции. Общий фронт прорыва в первый день наступления составил 10 км, а глубина вклинения советских войск в оборону противника — 4–7 км.

В течение ночи на 15 января в соединениях и частях подтягивалась артиллерия, подвозились боеприпасы, велась разведка. В 11 часов утра армия после 20-минутного артиллерийского налета возобновила наступление. Противник, успевший к этому времени перегруппировать войска с не подвергшихся атакам участков, часто переходил в контратаки.

С целью дезориентации врага относительно направления главного удара фронта 15 января в полосе 67-й армии была проведена артиллерийская подготовка. Введенное в заблуждение командование немецкой 18-й армии так и не решилось снять свои части с синявинского и красноборского участков, чтобы перебросить их на усиление 9-й и 10-й пехотных дивизий, которые несли большие потери перед ораниенбаумским плацдармом.

К исходу третьего дня операции соединениям 2-й ударной армии при поддержке авиации удалось завершить прорыв главной полосы вражеской обороны и расширить его до 23 км по фронту. Овладев ключевыми узлами дорог, они продвинулись на глубину 8–10 км и устремились к Ропше[93].

В первые дни наступления в управлении советскими войсками выявился ряд существенных недостатков. Тяжелое пехотное оружие и орудия, выделенные для ведения огня прямой наводкой, зачастую отставали от боевых порядков пехоты, а достигнутые рубежи своевременно не закреплялись. В то время как продвижение стрелковых соединений было незначительным, их командиры не принимали своевременных мер для увеличения темпа наступления. В ряде случаев отсутствовала должная инженерная и специальная танковая разведка, что в неблагоприятных условиях лесисто-болотистой местности приводило к большим потерям военной техники. Так, 14 января в боях за населенный пункт Порожки 204-й танковый полк, приданный 131-й стрелковой дивизии, потерял 19 танков непосредственной поддержки пехоты, которые подорвались на минах, пять танков застряли в траншеях противника, четыре машины затонули в р. Черная[94].

На следующий день, когда противник нацелил свои резервы против 2-й ударной армии, войска Ленинградского фронта нанесли еще один мощный удар. В 11 часов на красносельском направлении с Пулковских высот перешли в наступление 109-й, 30-й гвардейский и 110-й стрелковые корпуса 42-й армии. Атаке предшествовала 100-минутная артиллерийская подготовка, в ходе которой по 17-километровому участку обороны врага было выпущено более 220 тыс. снарядов и мин (без учета реактивной артиллерии). В огневом ударе участвовало 2300 орудий и минометов, около 100 установок реактивной артиллерии, а также более 200 орудий корабельной и береговой артиллерии. Более половины всех орудий калибра 76 мм и выше вели огонь в полосе 30-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшего на направлении главного удара, в центре оперативного построения армии.

В результате артиллерийской подготовки в обороне противника были подавлены многие артиллерийские и минометные батареи, почти полностью разрушены три первые траншеи перед фронтом 30-го гвардейского стрелкового корпуса[95]. В меньшей степени оказалась подавленной оборона врага в полосах наступления 109-го и 110-го стрелковых корпусов.

В течение дня пехоте и танкам при поддержке авиации 13-й воздушной армии удалось вклиниться на 2,5–3 км в оборону врага на участке Лиговского канала и прорвать его первую позицию. Наиболее успешно действовали соединения 30-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Н. П. Симоняка. В полосах наступления 109-й и 125-й стрелковых дивизий 109-го стрелкового корпуса и 86-й стрелковой дивизии 110-го стрелкового корпуса пехота своевременно не использовала перенос огня артиллерии в глубину, что наряду с недостаточным подавлением вражеской обороны не принесло успеха в атаке.

Противник огнем и контратаками 126, 170 и 215-й пехотных дивизий оказывал советским войскам упорное сопротивление. Прорыв его обороны превратился в «прогрызание», блокирование и штурм мощных оборонительных укреплений, опорных пунктов и огневых точек[96].

16 января глубина прорыва вражеской обороны на направлении главного удара 42-й армии достигла 8 км. 30-му гвардейскому стрелковому корпусу удалось вклиниться во вторую полосу обороны вблизи шоссе Красное Село — Пушкин. Наметился также успех и в полосах наступления 109-го (генерал-майор И. П. Алферов) и 110-го (генерал-майор И. В. Хазов) стрелковых корпусов[97].

Израсходовав за два дня боев резервы, командование немецкой 18-й армии было вынуждено перебрасывать к месту прорыва части 225-й и 21-й пехотных дивизий из районов Мги и Чудово, а с других, не подвергшихся атакам участков фронта — части моторизованной дивизии СС «Нордланд» и 11-й пехотной дивизии.

Наращивая силу удара вводом в сражение вторых эшелонов и подвижных групп, войска 2-й ударной и 42-й армий при поддержке авиации стремились развить прорыв по фронту и в глубину, чтобы прижать вражеские войска, находившиеся в районе Урицка, Петродворца и Стрельни, к Финскому заливу. Уже 16 января немецкое командование начало отвод петергофско-стрельнинской группировки в южном направлении, пытаясь спасти ее от полного разгрома[98]. В этой ситуации генерал армии Л. А. Говоров приказал командующим 2-й ударной и 42-й армиями завершить в течение 19 и 20 января окружение и уничтожение этой группировки врага[99].

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, авиация дальнего действия продолжала оказывать помощь наступавшим войскам. Так, в ночь на 17 января она нанесла бомбовый удар по районам Пушкин, Красное Село, Красногвардейск, совершив 320 самолето-вылетов[100]. В следующую ночь она произвела 153 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по артиллерийской группировке врага в районе Беззаботный, а также по его узлам сопротивления в Ропше, Красногвардейске, Пушкине и Слуцке.

Ощутимую помощь наступавшим соединениям и частям оказывали партизаны. В глубоком тылу противника они совершали внезапные налеты на гарнизоны, срывали перевозки личного состава и военной техники. Так, 14 января 1944 г. небольшая группа подрывников из отряда ленинградских партизан вышла к железнодорожному полотну севернее Гатчины с задачей пустить под откос немецкий эшелон, перевозивший танки и другую военную технику. Немецкий патруль появился именно в тот момент, когда уже отчетливо слышался звук приближавшегося поезда. Заложить под рельсы фугас не было никакой возможности. Командир группы Пахоруков приказал подрывникам отойти подальше от железнодорожного полотна. Когда до состава оставалось всего несколько метров, он неожиданно для немцев бросился на рельсы с фугасом в руках — и сильный взрыв пустил под откос вагоны поезда[101].

17 января в бою за деревню Сокули, превращенную противником в опорный пункт, бессмертный подвиг совершил старший сержант 4-го полка 98-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии И. К. Скуридин. Одна из стрелковых рот была остановлена огнем тщательно замаскированного дзота. Бойцам пришлось залечь в открытом поле. Старший сержант И. К. Скуридин по занесенной снегом канаве почти вплотную подобрался к вражеской огневой точке и метнул в дзот одну за другой три гранаты. Огневая точка наконец-то смолкла. Воспользовавшись этим, бойцы снова поднялись в атаку. Но дзот, казавшийся уничтоженным, ожил. Тогда старший сержант на глазах у своих товарищей бросился на амбразуру, закрыв ее своим телом. Старшему сержанту И. К. Скуридину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза[102].

18 января расстояние между передовыми частями 42-й и 2-й ударной армий составляло 16–18 км[103]. Чтобы как можно скорее сломить сопротивление противника, не дать ему возможности вывести свои части из уже наметившегося котла, в сражение были введены вторые эшелоны и подвижные группы армий.

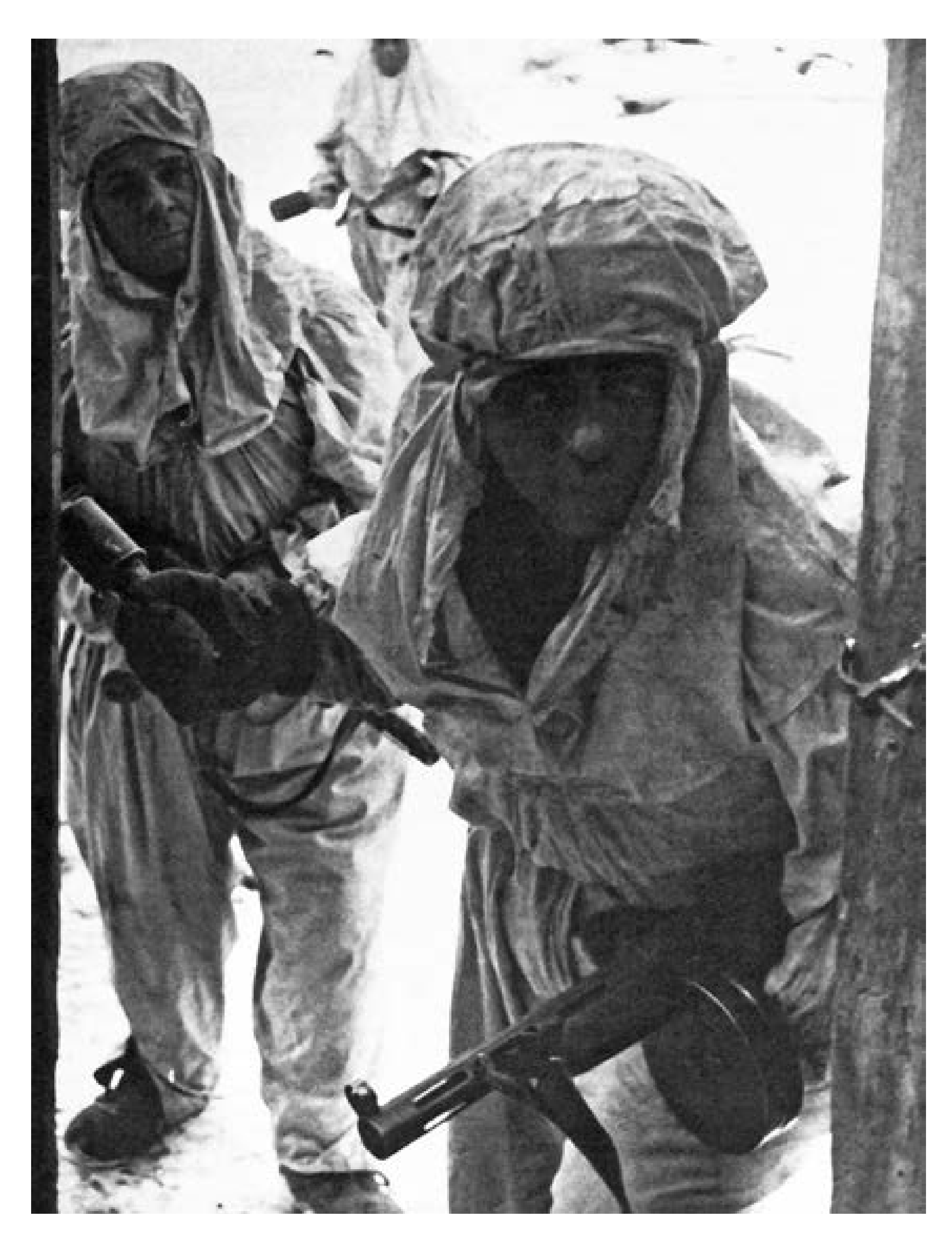
Особенно ожесточенные бои разгорелись в полосе 42-й армии на подступах к Красному Селу и Дудергофу. Ключом к прорыву этого мощного узла сопротивления стала Воронья гора — наивысшая точка в Ленинградской области. Покрытая лесом, с крутыми скатами, она была насыщена огневыми средствами, сплошными проволочными заграждениями и минными полями. Штурм господствующей высоты днем 18 января не удался. Только после

Колонна советских танков на подступах к Красному Селу. Январь 1944 г.

Подразделение бронебойщиков выдвигается на новые позиции.
Ленинградский фронт. Январь 1944 г.

Советские автоматчики во время боя в населенном пункте. Январь 1944 г.

В освобожденном Красном Селе. Январь 1944 г.

Советский солдат сбивает немецкий дорожный указатель. Январь 1944 г.

ночной комбинированной атаки с фронта и тыла подразделениями 188-го (подполковник А. И. Шерстнев) и 190-го (подполковник А. Г. Афанасьев) стрелковых полков 63-й стрелковой дивизии (полковник А. Ф. Щеглов) при поддержке 17-й штурмовой инженерной саперной бригады сопротивление вражеского гарнизона Вороньей горы было сломлено. В 6 часов утра 19 января на ее вершине взвился красный флаг[104].

19 января 64-я гвардейская, 221-я и 224-я стрелковые дивизии 42-й армии овладели Красным Селом — мощным узлом обороны врага, прикрывавшим гатчинское и ропшинское направления. Одновременно 196-я и 43-я стрелковые дивизии 2-й ударной армии при поддержке дальнобойной артиллерии Балтийского флота освободили населенные пункты Кипень и Ропша[105].

Успешно развивая наступление, подвижные части обеих армий к исходу 19 января соединились в районе Русско-Высоцком (8 км юго-западнее Красного Села), завершив окружение остатков петергофско-стрельнинской группировки врага. Однако плотного фронта окружения создать не удалось. Враг всю ночь 20 января мелкими группами просачивался в южном направлении. Остатки этой группировки были уничтожены на следующий день[106]. В его обороне на участке Кожерицы — Пушкин образовался прорыв более 60 км по фронту и до 30 км в глубину[107].

В ходе шестидневного наступления войск Ленинградского фронта пять вражеских дивизий понесли тяжелые потери, а две дивизии были полностью разгромлены. В плен были взяты более тысячи солдат и офицеров, захвачено большое количество танков, орудий, минометов, стрелкового вооружения и различных складов. Среди трофеев советских войск оказалось 85 тяжелых орудий, ранее обстреливавших Ленинград[108].

Встреча бойцов 42-й и 2-й ударной армий в Ропше. Январь 1944 г.

19 января в 21 час в Москве был произведен салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий в честь доблестных войск Ленинградского фронта, прорвавших оборону врага и освободивших Красное Село и Ропшу[109].

Вместе с тем следует отметить, что невысокие темпы прорыва обороны противника в первые дни наступления стали следствием отсутствия во 2-й ударной и 42-й армиях мощных ударных группировок, разновременного ввода в сражение вторых эшелонов и подвижных групп. Это позволило противнику избежать полного окружения и отвести большую часть своей петергофско-стрельнинской группировки войск[110].

Города и поселки, оставленные врагом, представляли собой страшное зрелище. «Теперь Петергоф — это черное кладбище милой нашему сердцу красоты, — писали военные журналисты А. Михайлов и В. Василевский. — Там, где шумели столетние липы, ныне валяются на закопченном снегу, среди завалов траншей и разбитых дзотов трупы рыжих и белобрысых немцев. Вот они — варвары, разрушители Петергофа, громилы и поджигатели... Мрачные руины дворцов — вот что такое Петергоф теперь, после немцев... Но час расплаты пробил»[111].

Одновременно со 2-й ударной армией Ленинградского фронта 14 января в наступление перешли соединения 59-й армии Волховского фронта, начав Новгородско-Лужскую наступательную операцию. В 9 часов на участке ее прорыва началась 110-минутная артиллерийская подготовка атаки с привлечением 42 артиллерийских и минометных полков, в которых насчитывалось 1263 орудия и миномета (без гвардейских минометов). Средняя плотность артиллерии на 1 км фронта на участке прорыва достигала 105 единиц (калибра 76 мм и выше)[112].

Хотя авиация 14-й воздушной армии из-за неблагоприятных метеорологических условий подняться в воздух не смогла, а сильный снегопад затруднял прицельный огонь, противнику был нанесен значительный ущерб в живой силе и технике, парализовано управление его войсками. Тем не менее часть его опорных пунктов и артиллерийских батарей в глубине так и осталась неподавленной.

С переносом артиллерийского огня в глубину обороны врага соединения армии перешли в атаку. В первый день наступления танки прорыва, включенные в состав штурмовых отрядов, и танки непосредственной поддержки пехоты действовали неудовлетворительно. Они вышли с исходных позиций всего за 7—10 минут до конца артиллерийской подготовки и к переднему краю приблизились с большим опозданием[113]. При этом значительная часть танков вследствие плохой танковой разведки и слабого инженерного обеспечения застряла в воронках и заболоченных местах, так и не дойдя до переднего края обороны противника. Например, в 310-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса к переднему краю вышли и приняли участие в атаке только 11 танков из 29[114].

В некоторых стрелковых частях также был допущен 15—20-минутный разрыв между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки. Это позволило неприятелю подтянуть пехоту во вторую траншею и оказать советским войскам организованное сопротивление. Так, подразделения 1-го батальона 1082-го стрелкового полка 310-й стрелковой дивизии, запоздав с выдвижением на рубеж атаки, попали под сильный пулеметно-ружейный огонь противника, залегли в нейтральной зоне и не имели продвижения в течение трех часов. Пассивность батальона привела к тому, что он потерял до 70% своего личного состава и не выполнил поставленной задачи.

Борьба за передний край и ближайшую глубину обороны врага ввиду его упорного сопротивления севернее Новгорода приняла затяжной характер. Тем не менее к исходу первого дня наступления дивизии первого эшелона 59-й армии форсировали р. Волхов, отражая неоднократные контратаки противника, прорвали его оборону в полосе до 20 км и вклинились в нее на глубину до 2—4 км[115].

Большое значение для развития наступления на данном направлении имели выход одного из полков 239-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса к р. Питьба и захват плацдарма на ее правом берегу. В ночь на 15 января саперы построили из бревен и фашин переправу, создав условия для переброски на другой берег танков и артиллерии.

Успешно развивались боевые действия южнее Новгорода, где был нанесен отвлекающий удар. Используя темное время суток и начавшуюся метель, южная группировка войск 59-й армии в составе 58-й отдельной стрелковой бригады, 299-го стрелкового полка и лыжного батальона 225-й стрелковой дивизии, 44-го боевого аэросанного и 34-го транспортно-аэросанного батальонов под общим командованием заместителя командующего армией генерал-майора Т.-В. А. Свиклина в ночь на 14 января скрытно переправилась по неокрепшему льду на западный берег озера Ильмень. Внезапной атакой она уничтожила опорные пункты, занимаемые эстонскими и литовскими подразделениями противника[116], освободила несколько населенных пунктов и, отразив контратаки, к исходу дня расширила захваченный плацдарм до 6 км по фронту и 4 км в глубину[117]. Все попытки врага сбросить советские части в озеро успеха не имели.

Чтобы воспрепятствовать наращиванию сил 59-й армии, немецкая авиация подвергла бомбежке лед на озере. Командующий войсками Волховского фронта К. А. Мерецков после войны по этому поводу писал: «Получив сведения о бомбардировке ильменского льда, я приказал срочно пустить в ход переносные мостики, а затем выделил Т.-В. А. Свиклину из фронтового резерва батальон бронеавтомобилей. Переправить их было нелегко. Даже лошади проваливались под лед. Их вытаскивали веревками, которые заранее привязывали к постромкам. Броневики переправлять было еще труднее, но мы своего добились»[118].

15 января командующий 59-й армией, используя достигнутый успех, из второго эшелона ввел в сражение южнее Новгорода 372-ю стрелковую дивизию, два полка 225-й стрелковой дивизии и батальон бронеавтомобилей. Одновременно с целью наращивания удара севернее Новгорода были введены 65-я стрелковая дивизия (второй эшелон 6-го стрелкового корпуса), 16-я и 29-я танковые бригады, усиленные самоходным артиллерийским полком.

Ввод в сражение корпусных и армейских резервов изменил положение. К исходу 16 января соединения армии прорвали главную полосу вражеской обороны севернее Новгорода, перехватили дорогу Чудово — Новгород, а южнее города перерезали дорогу Новгород — Шимск. Над новгородской группировкой противника нависла угроза окружения.

На любанском направлении в тот же день перешла в наступление 54-я армия, действия которой должны были сковать силы врага и затруднить ему переброску войск на новгородское направление. Однако немецкому командованию, которое стремилось любой ценой остановить продвижение советских войск, удалось в короткие сроки перебросить под Новгород части 24, 21, 290-й пехотных и 8-й легкопехотной дивизий из районов Мга, Чудово, Сольцы и Старая Русса.

Несмотря на возросшее сопротивление, соединения 59-й армии при поддержке авиации продолжали продвигаться, охватывая группировку немецких войск в районе Новгорода с севера и юга. Лесисто-болотистая местность, бездорожье и наступившая оттепель замедляли темпы продвижения. Танки зачастую были вынуждены двигаться по одной-единственной дороге, вследствие чего она становилась почти непроходимой, особенно для артиллерии и автомашин[119]. Подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего, которое расходовалось по бездорожью значительно больше обычного, задерживался. В этих сложных условиях советские воины действовали исключительно самоотверженно. Они шли по колено в грязи, перетаскивая на руках орудия, минометы и боеприпасы. На помощь танкистам приходили саперы и пехотинцы.

18 января в сражение был введен второй эшелон 59-й армии — 112-й стрелковый корпус, усиленный 122-танковой бригадой. Корпус нанес удар в направлении Долгово — Финев Луг, имея задачу совместно с соединениями 54-й армии разгромить группировку врага, оборонявшую позиции в районах Любани и Чудова.

В этих условиях, осознав безуспешность дальнейшего сопротивления и опасаясь окружения, командование немецкой 18-й армии начало отвод войск из района Новгорода на Люболяды — Батецкая. К этому времени дорога, по которой вражеские части могли бы отойти на запад, уже находилась под огневым воздействием соединений 59-й армии, наступавших на Люболяды с севера и юга. Авиация 14-й воздушной армии наносила удары по отходившим колоннам противника.

Переправа 59-й армии через реку Волхов. Район Новгорода, январь 1944 г.

Советские бойцы осматривают тяжелое немецкое орудие. Январь 1944 г.

Утром 20 января обе группировки 59-й армии соединились в районе Горынево, тем самым завершив окружение разрозненных частей врага, не успевших отойти из района Новгорода в западном направлении. Отразив все его попытки прорваться и отбив атаки извне, соединения 14-го стрелкового корпуса (генерал-майор П. Р. Артюшенко) совместно с 7-м стрелковым корпусом (генерал-майор Р. И. Панин), введенным из резерва фронта, в тот же день в ходе штурма освободили Новгород[120].

В итоге семидневных наступательных боев соединения 59-й армии Волховского фронта разгромили крупную группировку противника. В плен сдались свыше 3 тыс. немецких солдат и офицеров. Было захвачено 182 орудия разных калибров, 120 минометов (в том числе 16 шестиствольных), 635 пулеметов, 263 автомашины, 21 тягач, 28 складов с военным имуществом. Армия освободила от оккупантов более 100 населенных пунктов[121]. 20 января в 20 часов Москва салютовала войскам Волховского фронта, прорвавшим оборону врага и освободившим Новгород[122].

Большую помощь Ленинградскому и Волховскому фронтам в операции оказывали войска 2-го Прибалтийского фронта. Армии его левого крыла с 30 декабря 1943 г. вели преследование врага, отходившего в северном направлении от Невеля. Немецкие части, используя построенные в болотистой местности оборонительные сооружения и развитую железнодорожную сеть, оказывали упорное сопротивление[123].

4 января соединениям 6-й гвардейской и 3-й ударной армий 2-го Прибалтийского фронта удалось очистить от противника железную дорогу Великие Луки — Невель[124]. Однако, прикрываясь арьергардами, минируя дороги и взрывая мосты, немецкие войска вновь организованно отошли на заранее подготовленный оборонительный рубеж южнее железной дороги Новосокольники — Пустошка[125]. Поэтому вышедшие сюда 7 января советские части встретили упорное сопротивление и были остановлены[126].

В итоге девятидневного преследования врага 6-я гвардейская и 3-я ударная армии, продвинувшись на глубину до 40 км и ликвидировав его невельскую группировку, освободили десятки населенных пунктов. Советские войска за этот период потеряли 2171 человека, из них были убиты 567, ранены 1589, пропали без вести 15 человек[127].

После перегруппировки 3-я ударная и 10-я гвардейская армии, составлявшие ударную группировку левого крыла 2-го Прибалтийского фронта, 12 января перешли в наступление на Идрицы с задачей овладеть этим важным железнодорожным узлом и перерезать железную дорогу Идрица — Полоцк.

В 8 часов 05 минут 10-я гвардейская армия силами 7-го гвардейского стрелкового корпуса после короткого артиллерийского налета атаковала врага юго-восточнее Идрицы. 312, 207 и 171-я стрелковые дивизии при поддержке авиации 15-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Науменко) нанесли поражение 313-му латвийскому батальону, 16-му полицейскому полку и 12-му мотоциклетному батальону врага, отбросив их на запад от 3 км до 4 км[128].

В 10 часов 40 минут после артиллерийской подготовки в наступление перешли соединения 3-й ударной армии[129]. Однако немецкое командование, воспользовавшись полученными разведывательными сведениями[130], сумело определить направление удара и значительно усилить свою оборону.

Несмотря на упорное сопротивление трех пехотных дивизий врага, передний край его обороны в 22—24 км юго-восточнее Идрицы был прорван, и советские войска продвинулись до 1 км[131]. Продолжая усиливать оборону, противник во второй половине дня 12 января подтянул из глубины к участку прорыва до двух полков пехоты с танками. После этого при поддержке огня артиллерии и ударов бомбардировочной авиации он перешел в контратаку. Врагу удалось выбить советские части из ранее освобожденных населенных пунктов.

С утра 13 января соединения 10-й гвардейской и 3-й ударной армий возобновили наступление. Однако темпы их продвижения были невысокими. Недостаточно организованный и последовательный ввод в сражение стрелковых корпусов успеха не принес. Потребовалось проведение дополнительной перегруппировки некоторых соединений[132]. Управление войсками устойчивостью не отличалось из-за значительного (на 22—25 км) удаления от них командных пунктов армий.

Водружение знамени над освобожденным Новгородом. Январь 1944 г.

Сапер разминирует улицу в Новгороде. Волховский фронт, январь 1944 г.

Немецкие солдаты на привале во время отступления. Январь 1944 г.

Противник, воспользовавшись пассивными действиями 6-й гвардейской армии западнее Новосокольников, перебросил из-под Маево в район озера Свибло части 58-й пехотной дивизии, а также ввел в бой на данном участке 16-й полицейский полк. Упорным сопротивлением и контратаками этих сил продвижение советских войск удалось задержать[133]. Кроме того, немецкая авиация группами по 15—20 самолетов наносила интенсивные бомбовые удары по боевым порядкам наступавших частей, произведя за день боя свыше 150 самолето-вылетов[134].

В течение 14—16 января соединения 10-й гвардейской армии предпринимали попытки наступления в районе озера Свибло. Однако наступательная операция, рассчитанная на внезапность прорыва слабой обороны противника и быстроту продвижения в направлении Идрицы, имела лишь тактический успех. «Если в первые три дня после начала наступления, — отмечалось 16 января в докладе командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта Верховному главнокомандующему, — против 10-й гвардейской армии действовали только три полицейских полка, усиленные латышскими частями, то в настоящий момент к этому участку, прикрывающему идрицкое направление, противник перебросил 132-ю пехотную дивизию, отдельные части 263, 205 и 122-й пехотных дивизий, усиленные танковыми и самоходными орудиями. В результате наступление армии замедлилось, она понесла большие потери в людях — до 9 тыс. человек, израсходовала боеприпасы и, наконец, остановилась»[135].

Ставка ВГК директивой от 16 января, указав командующему на неудовлетворительные действия войск фронта, потребовала их активизации. В документе, в частности, отмечалось: «За 5 дней наступательных боев 10-я гв. армия Сухомлина продвинулась вперед лишь на 5—10 км; 3-я уд. армия Чибисова не достигла никаких результатов; 6-я гв. армия Чистякова бездействует. Особенно не удовлетворяют Ставку действия 10-й гв. армии, которая командармом не управляется»[136].

17—18 января соединения 3-й ударной и 10-й гвардейской армий, продолжая напряженные бои с контратаковавшим противником, успеха также не достигли. Более того, под натиском врага они оставили ранее освобожденные населенные пункты севернее и южнее озера Свибло[137], а 19 января приступили к закреплению занимаемых рубежей и проведению перегруппировки.

20 января приказом Ставки ВГК № 0011 «как не справившиеся со своей работой» от занимаемых должностей были освобождены командующий 10-й гвардейской армией генерал-лейтенант А. В. Сухомлин и начальник штаба армии генерал-майор М. А. Смирнов[138]. Командующим армией был назначен заместитель командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант М. И. Казаков, начальником штаба армии — заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Н. П. Сидельников.

В результате Идрицкой наступательной операции соединения 3-й ударной и 10-й гвардейской армий за восемь дней продвинулись на глубину до 10 км, но выполнить поставленную задачу — перерезать железную дорогу Идрица — Полоцк — не смогли. Их потери составили 25 148 человек, из них убитыми — 5973, ранеными — 19 156, пропавшими без вести — 19 человек[139].

Одновременно с наступлением 3-й ударной и 10-й гвардейской армий в центре оперативного построения войск 2-го Прибалтийского фронта наступали соединения 22-й армии. Их задача состояла в овладении районом Насвы[140], развитии наступления на Маево, освобождении во взаимодействии с 6-й гвардейской армией этого населенного пункта.

14 января части 54-й стрелковой бригады (полковник Н. З. Сухоребров) и 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии (генерал-майор Д. Т. Бранткалн) внезапной ночной атакой севернее Новосокольников прорвали оборону противника. Развивая успех силами четырех стрелковых дивизий и двух стрелковых бригад, армия расширила фронт наступления и к 12 часам овладела станцией Насва, перерезав железную дорогу Новосокольники — Дно[141].

Командование немецкой 16-й армии попыталось остановить продвижение советских войск и отбросить их к востоку от железной дороги. К участку прорыва из района Маево оно перебросило до пехотной дивизии. Сопротивление врага усилилось. В период с 15 по

20 января 22-я армия вела тяжелые бои севернее и южнее Насвы. Сюда были дополнительно переброшены три стрелковые дивизии, однако, вводимые по частям, они успеха не достигли. Во второй половине дня 20 января продвижение войск армии было окончательно остановлено[142].

За семь дней боевых действий ее соединения продвинулись на глубину 7—8 км. Их потери составили 9369 человек, из них убитыми — 2671, ранеными — 6424, пропавшими без вести — 274 человека[143].

В целом в течение 12—20 января войска 2-го Прибалтийского фронта не добились крупных территориальных успехов, но сковали главные силы немецкой 16-й армии, не допустив переброски их под Ленинград и Новгород. Более того, чтобы остановить наступление советских войск, противник был вынужден перебросить из резерва группы армий «Север» на идрицкое направление две охранные и основные силы 290-й пехотной дивизии.

После разгрома группировок врага в районах Красное Село, Ропша и Новгород немецкое командование, опасаясь окружения 18-й армии, в ночь на 21 января начало отводить ее войска с мгинского выступа в юго-западном направлении[144]. Своевременно установив отход противника, к его преследованию перешли 67-я армия Ленинградского, 8-я и 54-я армии Волховского фронтов. К 17 часам 21 января соединения 67-й армии генерал-лейтенанта В. П. Свиридова и 8-й армии генерал-майора Ф. Н. Старикова освободили город и железнодорожный узел Мга и продолжили наступление в направлении Тосно — Луга[145].

В создавшейся обстановке важное оперативное значение имел г. Луга — крупный узел дорог в тылу немецкой 18-й армии, овладение которым лишало ее основного пути отхода в юго-западном направлении. Исходя из этого, 22 января Ставка ВГК потребовала от генерала К. А. Мерецкова увеличить темпы наступления армий левого крыла Волховского фронта и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта не позднее 29—30 января овладеть Лугой[146].

К этому времени полоса наступления 59-й армии, действовавшей на лужском направлении, увеличилась до 140 км, из-за чего превосходство над противником в силах и средствах было утрачено. Кроме того, наступление соединений армии в широких полосах и по расходящимся направлениям осложняло управление войсками и приводило к снижению его темпов. Именно поэтому решением командующего войсками Волховского фронта полевое управление 8-й армии было переброшено на лужское направление. Передав свои соединения (две стрелковые дивизии и две стрелковые бригады) в состав 54-й армии[147], оно 26 января приняло под свое начало 7-й и 14-й стрелковые корпуса 59-й армии вместе с их полосами наступления[148]. 8-я армия получила задачу нанести главный удар в направлении Уторгош — Плюса, а силы 59-й армии были нацелены на освобождение Луги.

Успешное наступление войск Ленинградского фронта на лужском направлении вынудило немецкое командование ускорить отвод своей группировки в полосе наступления 54-й армии. Ее соединения, преследуя отходившего врага и ведя бои с его арьергардами, в течение 26—29 января освободили города Тосно, Любань, Чудово[149].

К этому времени 59-я и 8-я армии, выйдя на рубеж рек Луга, Киба, Мшага, встретили упорное сопротивление и значительного успеха не имели. Только правофланговым соединениям 8-й армии удалось прорвать оборону противника на р. Киба и 27 января во взаимодействии с партизанской бригадой под командованием майора К. Д. Карицкого овладеть станцией Передольская, перерезав участок железной дороги Ленинград — Дно.

Невысокие темпы наступления советских войск на лужском направлении явились следствием того, что командованию группы армий «Север» удалось отвести соединения 18-й армии и заблаговременно занять заранее подготовленную оборону на водных рубежах. Кроме того, командование вермахта смогло перебросить в район Луги 12-ю танковую дивизию из состава группы армий «Центр»[150].

Соединения и части 2-й ударной армии Ленинградского фронта после частичной перегруппировки с 21 января повернули фронт наступления в направлении Кингисеппа и Нарвы[151]. 42-я армия наступала на Гатчину. Преодолевая упорное сопротивление противника, ее

соединения 24 января освободили города Пушкин и Слуцк (Павловск)[152], в ночь на 26 января — крупный железнодорожный узел Гатчину, а на следующий день — железнодорожную станцию Волосово, перерезав участок железной дороги Кингисепп — Гатчина[153]. 67-я армия продолжала преследование врага в направлении станции Сиверская.

Немецкие войска повсюду оказывали огневое сопротивление. Но всякий раз, как только противник преграждал путь советской пехоте и танкам, в бой вступали артиллерийские части. Мощным огнем они заставляли замолкать вражеские артиллерийские и минометные батареи, уничтожали пулеметные гнезда, прижимали к земле пехоту.

В результате разгрома петергофско-стрельнинской группировки противника, освобождения городов Петродворец, Урицк, Стрельна, Красное Село, Пушкин, Ропша, Гатчина и других, а также развернувшегося наступления 2-й ударной и 42-й армий на кингисеппско-нарвском и лужском направлениях угроза Ленинграду была полностью ликвидирована.

Полтора десятилетия спустя швейцарский военный историк Ю. Майстер, не скрывая своих симпатий к вермахту, писал: «Жаль, что немецкое командование никогда не располагало ни временем, ни средствами, чтобы ликвидировать котел в районе Ораниенбаума... Стремительное и успешное наступление превосходящих сил русских увенчалось быстрым и полным успехом, и блокада Ленинграда была прорвана... После того как связь между немецкими и финскими частями на Карельском перешейке была прервана, германскому командованию не оставалось ничего, как отступать в направлении Нарвы. Большей части войск удалось избежать окружения русскими, но немцы были вынуждены оставить всю тяжелую артиллерию»[154].

27 января 1944 г. было опубликовано обращение Военного совета Ленинградского фронта к войскам и трудящимся Ленинграда, в котором говорилось: «Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом»[155]. В тот же день в честь исторической победы на Марсовом поле, на берегах Невы и на кораблях Балтийского флота прогремели 24 залпа артиллерийского салюта из 324 орудий[156].

К исходу 30 января войска Ленинградского фронта, преодолев упорное сопротивление врага на кингисеппском направлении, главными силами вышли к р. Луга. 2-я ударная армия завязала бои за Кингисепп, а 42-я — на нескольких участках форсировала реку[157]. 67-я армия ударом с фронта и обходом с юго-востока освободила Сиверскую — железнодорожную станцию и узел шоссейных дорог.

Итак, в течение первого этапа войска Ленинградского фронта, завершив Красносельско-Ропшинскую операцию, отбросили немецкие войска от Ленинграда в южном направлении на 60—100 км и главными силами вышли на рубеж р. Луга. Войска Волховского фронта в ходе Новгородско-Лужской операции к этому времени продвинулись на 60—80 км от Новгорода в западном и юго-западном направлениях. Усилиями двух фронтов была очищена от противника Октябрьская железная дорога, связывающая Москву и Ленинград. 2-й Прибалтийский фронт наступлением с 12 января в районе Новосокольников сковал немецкую 16-ю армию и не допустил ее переброски под Ленинград и Новгород.

По данным «Журнала боевых действий войск Ленинградского фронта», противник за 16 дней потерял 72 200 солдат и офицеров, 153 танка, 816 орудий различного калибра, 34 штурмовых орудия, 483 миномета. Потери личного состава фронта за этот же период составили 76 177 человек, из них убитыми — 16 702, ранеными — 57 415, пропавшими без вести — 2060 человек[158].

На поражение войск группы армий «Север» А. Гитлер отреагировал смещением с должности ее командующего генерал-фельдмаршала Г. Кюхлера и назначением на его место генерал-полковника В. Моделя[159], до того командовавшего 9-й армией в группе армий «Центр» и считавшегося специалистом по стратегической обороне[160]. Перед ним была поставлена задача

Конец фашистского порядка. Январь 1944 г.

Жители Ленинграда у здания Биржи встречают известие об окончательном снятии блокады города. 1944 г.

Салют в Ленинграде. 1944 г.

остановить наступление советских войск на оборонительном рубеже по р. Луга, сохранить за собой железную и шоссейную дороги Луга — Псков, необходимые для отвода 18-й армии на тыловой оборонительный рубеж «Пантера». На Лужский рубеж противник перебросил моторизованную и танковую дивизии из группы армий «Центр» и пехотную дивизию из 16-й армии.

С начала второго этапа Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции основные усилия советских войск были направлены на преодоление Лужского оборонительного рубежа и уничтожение группировки противника в районе г. Луга.

Войска Ленинградского фронта развивали наступление на трех направлениях: 2-я ударная армия — на Кингисепп и Нарву, 42-я — на Гдов и Струги Красные, 67-я — на Лугу с севера. 59-я армия Волховского фронта наступала на Лугу с востока, а 8-я армия обходила город с юго-востока, частью сил обеспечивая ударную группировку фронта со стороны Шимска.

Развивая наступление на нарвском направлении, соединения и части 2-й ударной армии Ленинградского фронта 1 февраля освободили город и железнодорожный узел Кингисепп — укрепленный опорный пункт противника на р. Луга, прикрывавший подступы к г. Нарва. Соединения 42-й армии 4 февраля вступили в г. Гдов, накануне освобожденный партизанами, и повели наступление на Псков по восточному берегу Чудского озера.

Наступление соединений 67-й армии Ленинградского фронта на северо-западные подступы к Луге, а также продвижение 59-й и 8-й армий Волховского фронта с востока и юго-востока поставили лужскую группировку врага в чрезвычайно тяжелое положение.

Стремясь не допустить выхода советских войск на шоссе Луга — Псков и тем самым обеспечить отвод своей группировки из района Луги в юго-западном направлении, командование группы армий «Север» подтянуло дополнительные резервы.

1 февраля силами 12-й танковой и 285-й охранной дивизий из района Луги, а 121-й пехотной дивизии из района Уторгош был нанесен контрудар навстречу друг другу. Вражеским войскам удалось потеснить соединения и части 8-й армии, которая наступала в направлении Уторгош — Струги Красные[161], а 2 февраля даже отрезать прорвавшиеся к шоссейной дороге Луга — Псков части 256-й и 372-й стрелковых дивизий от основных сил армии вместе с действующими здесь отрядами 5-й партизанской бригады[162]. До 16 февраля небольшая группа под командованием командира 256-й стрелковой дивизии полковника А. Г. Козиева отражала атаки превосходящих сил противника, удерживая район до подхода соединений 8-й и 59-й армий. За умелое руководство войсками и личное мужество полковник А. Г. Козиев 21 февраля 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза[163].

Для обеспечения действий ударной группировки войск Волховского фронта с юга ему 2 февраля из состава 2-го Прибалтийского фронта была передана 1-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта Г. П. Короткова[164]. За день до этого она перешла в наступление южнее Старой Руссы в северо-западном направлении с задачей окружить и уничтожить старорусскую группировку противника. Данная задача для армии, имевшей всего четыре стрелковые дивизии и одну стрелковую бригаду, оказалась непосильной.

Немецкое командование, напротив, с начала февраля спешно принимало меры к наращиванию своих сил. Если к 1 февраля в полосе 1-й ударной армии оборонялись только части 21-й авиаполевой дивизии и отдельные строительные подразделения, то уже спустя три дня в полосу ее наступления были переброшены 30-я пехотная дивизия, часть сил 15-й пехотной дивизии СС и две батареи штурмовых орудий[165].

7 февраля 99-й стрелковый корпус, переданный в состав 8-й армии из резерва Ставки ВГК, нанес удар в направлении Уторгош — Струги Красные с целью выхода на тылы немецкой 18-й армии в районе южнее Луги[166]. Однако противник, прочно удерживавший оборонительный рубеж, отразил удар и обеспечил отвод лужской и старорусской группировок от Луги[167].

Более успешно действовали соединения и части 54-й армии, которые 8 февраля, овладев узлом коммуникаций Оредеж, стали непосредственно угрожать с севера и северо-востока неприятельским группировкам в районах Батецкой и Луги.

Ожесточенные бои за Лугу продолжались до 12 февраля. Непосредственное участие в них принимали партизаны 11-й Волховской партизанской бригады под командованием Н. А. Бродникова. Они проводили тщательную разведку подступов к городу, выявляли проходы и слабые места в обороне врага, оказывали практическую помощь войскам в перемещении артиллерии. После артиллерийской подготовки партизаны вместе с частями 123-й стрелковой дивизии атаковали позиции противника на северо-восточной окраине Луги и, сломив его сопротивление, ворвались в город[168]. 12 февраля соединения и части 67-й армии Ленинградского фронта во взаимодействии с 59-й армией Волховского фронта, преодолевая сопротивление немецких войск, завершили освобождение г. Луга[169].

11 февраля после перегруппировки 2-я ударная армия приступила к прорыву вражеской обороны на р. Нарва, в обход г. Нарва с севера и юга. Противник, не считаясь с потерями, неоднократно переходил в контратаки крупными силами пехоты и танков[170].

Тем не менее соединения и части армии, преодолев сопротивление немецких войск, к 15 февраля овладели на левом берегу реки, юго-западнее города, плацдармом до 20 км по фронту и 12 км в глубину[171]. Вступив на территорию Эстонии, части 30-го гвардейского стрелкового корпуса на нескольких участках перерезали железную дорогу Нарва — Таллин. Однако завершить окружение нарвской группировки врага 2-й ударной армии не удалось. Дальнейшее ее продвижение к побережью Финского залива успеха не имело.

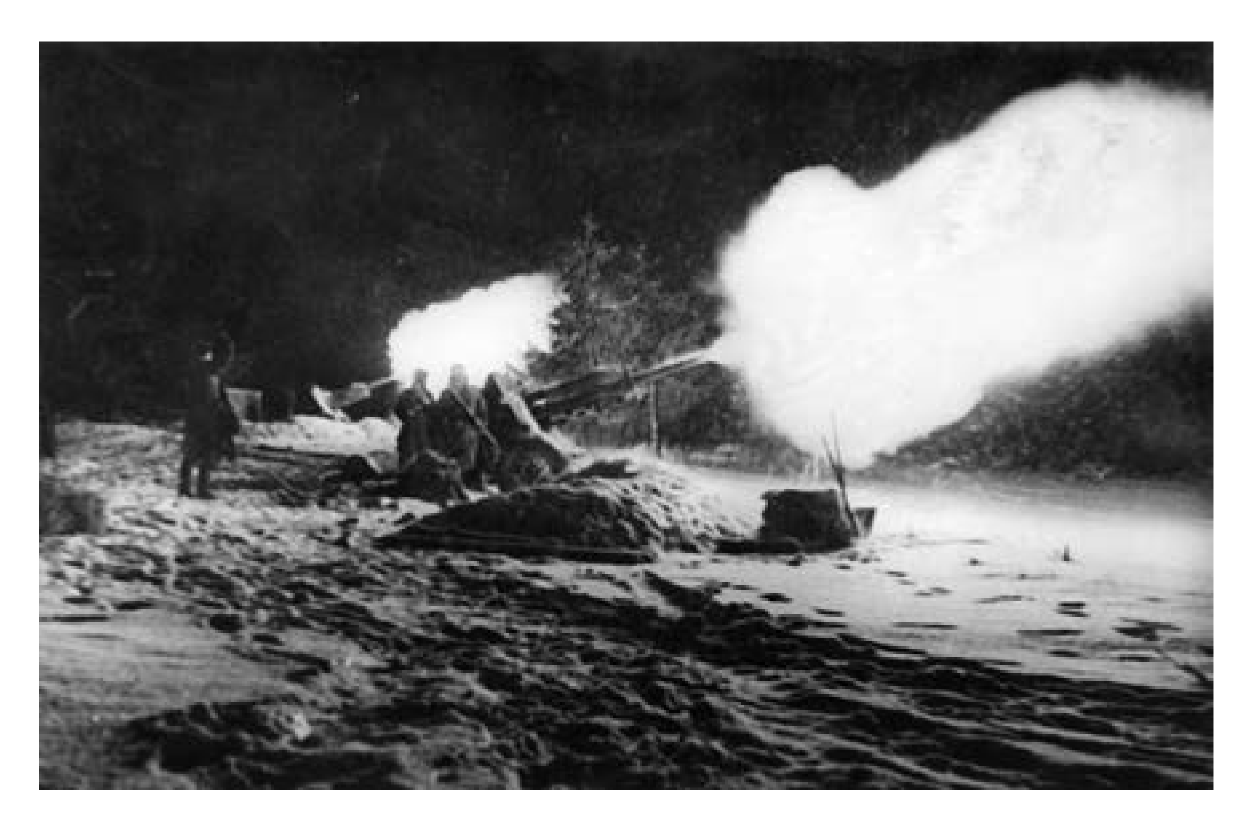
Противник, обороняя рубеж на р. Нарва силами моторизованных дивизий СС «Нидерланды», «Нордланд», «Фельдхернхалле» и 207-й охранной дивизии, ожесточенно противодействовал войскам 2-й ударной армии в расширении плацдарма. Он последовательно ввел в сражение еще три пехотные дивизии (227, 170 и 61-ю), сосредоточив на 50-километровом фронте на перешейке севернее Чудского озера семь дивизий и до 100 танков[172]. Сюда же была переброшена тяжелая артиллерия.

Лесистая, бездорожная, с незамерзающими болотами местность благоприятствовала обороне немецких войск и чрезвычайно затрудняла наступление советских соединений и частей, которые к тому же были измотаны в предыдущих боях и имели значительный некомплект в личном составе. Отрицательно сказывались слабо организованная разведка, недостаток боеприпасов, особенно крупных калибров, ограниченные действия авиации вследствие плохой погоды[173].

14 февраля в 4 часа 45 минут по приказу командующего войсками Ленинградского фронта корабли Балтийского флота высадили десант в районе Мерекюлы (15 км северо-западнее Нарвы). Его основу составлял усиленный батальон 260-й отдельной бригады морской пехоты под командованием майора С. П. Маслова (всего 432 человека)[174]. Десанту предстояло освободить железнодорожную станцию Аувере, перерезать участок железной и шоссейной дорог Нарва — Раквере и удерживать этот район до подхода соединений и частей 2-й ударной армии. Однако после высадки связь прервалась, вследствие чего действия десантников не были поддержаны ни корабельной артиллерией, ни авиацией. Четверо суток десантированные подразделения тремя изолированными группами вели бои с превосходившими силами противника. Но, не зная сил и системы его обороны, а главное — положения войск 2-й ударной армии, они, имея только легкое оружие, выполнить поставленную задачу не смогли и почти все погибли[175].

В то время как шли бои за Лугу и Нарву, 42, 67 и 54-я армии медленно продвигались на псковском направлении. 13 февраля 116-й стрелковый корпус 42-й армии, развивавший наступление на Струги Красные, во взаимодействии с партизанами окружил и уничтожил севернее озера Черное, в районе р. Плюсса, более пехотного полка 58-й пехотной дивизии противника, переброшенной на это направление из состава 16-й армии[176].

В этот же период войска 2-го Прибалтийского фронта активными наступательными действиями предотвращали переброску частей немецкой 16-й армии на Лужский оборонительный рубеж. С 31 января по 7 февраля соединения и части 22, 10 и 6-й гвардейских армий проводили наступательную операцию с целью разгрома новосокольнической группировки врага[177]. Преодолевая упорное сопротивление 83, 23 и 329-й пехотных дивизий врага, им удалось к исходу дня продвинуться от 2 до 6 км и перерезать шоссейную дорогу Новосокольники — Пустошка[178].

Бои не прекращаются и ночью. Район Нарвы, февраль 1944 г.

На следующий день темпы продвижения советских войск замедлились. Сказывалось не только возросшее сопротивление противника, опиравшегося на сильно укрепленные позиции, но и неудовлетворительное взаимодействие пехоты с артиллерией и авиацией. Были также упущены вопросы подготовки колонных путей, организации регулирования на дорогах. В результате этого все дороги с 31 января по 2 февраля были забиты, подвоз и эвакуация нарушены[179].

К 7 февраля в итоге упорных боев 22-я армия силами 97-го (генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский) и 44-го (генерал-майор М. Н. Клешнин) стрелковых корпусов продвинулась на 5—6 км севернее и южнее Насвы. Существенного успеха не добились и соединения 10-й гвардейской армии, за десять дней боев продвинувшись северо-западнее Новосокольников до 13 км.

Противник, который организованно отошел из района Новосокольников в западном направлении на подготовленные оборонительные рубежи, продолжал оказывать упорное сопротивление. В ходе его преследования соединения и части 22-й армии, а также 10-й и 6-й гвардейских армий за десять дней боев потеряли 21 545 человек, из них убитыми — 5334, ранеными — 16 010, пропавшими без вести — 201 человека[180].

С передачей 6-й гвардейской армии 9 февраля в состав войск 1-го Прибалтийского фронта[181] было изменено направление наступления 10-й гвардейской армии. Продвигаясь в юго-западном направлении на Маево, ее соединения и части к исходу 12 февраля освободили ряд населенных пунктов северо-восточнее этого города.

Командование немецкой 16-й армии воспользовалось бездействием 2-го Прибалтийского фронта на других направлениях. В течение нескольких часов оно произвело перегруппировку сил 263-й пехотной дивизии, а также артиллерийских и танковых частей усиления к участку

Советские воины после тяжелого боя

прорыва[182]. Возобновив в 13 часов следующего дня наступление, соединения 10-й гвардейской армии встретили упорное сопротивление. За два дня боев потери армии составили 5115 человек, из них убитыми — 1114 и ранеными — 4001 человек[183].

К середине февраля войска левого крыла фронта разгромили две пехотные дивизии противника и, продвинувшись на 10–20 км, очистили от него участки железной дороги Новосокольники — Насва и Новосокольники — Маево. К 15 февраля они продвинулись в северо-западном направлении еще на 8 км и на узком участке вышли к р. Полисть, где и были остановлены врагом.

В итоге напряженных боев советские войска к 15 февраля овладели оборонительным рубежом противника по р. Луга, нанесли тяжелое поражение его группировке в районе г. Луга, вышли к р. Нарва и захватили плацдарм на ее левом берегу. Южнее они выдвинулись на восточный берег Чудского озера, к Плюссе, Шимску и «нависли» над 16-й армией врага с севера. Линия фронта резко сократилась. Создались благоприятные условия для продолжения наступления в юго-западном направлении.

Войска Ленинградского фронта в результате наступательных боев в течение месяца расширили фронт прорыва до 350 км и продвинулись на 150–250 км[184].

Волховский фронт завершил Новгородско-Лужскую наступательную операцию, в результате которой в районах Тосно, Чудово, Новгорода, Шимска, Луги были разгромлены восемь пехотных и одна танковая дивизия, тринадцать отдельных батальонов, два отдельных полка и испанский легион[185]. Кроме того, существенный урон был нанесен еще четырем пехотным дивизиям. Противник потерял почти 82 тыс. солдат и офицеров, 1083 орудия разного калибра, 38 тыс. пулеметов, 578 минометов, свыше 150 танков и бронемашин и

много другого военного имущества и снаряжения. Войсками фронта были взяты в плен 3200 солдат и офицеров.

За период с 14 января по 12 февраля 1944 г. войска Волховского фронта, преодолевая оборону врага по труднопроходимой лесисто-болотистой местности и в неблагоприятных метеорологических условиях, освободили 779 населенных пунктов, а также такие крупные города, как Новгород, Луга, Мга, Тосно, Чудово, Любань.

В связи со значительным сокращением линии фронта Ставка ВГК 15 февраля упразднила Волховский фронт. Его 59, 8, 54-я общевойсковые и 14-я воздушная армии были направлены на усиление Ленинградского фронта[186]. Перед ним были поставлены задачи частью сил освободить г. Нарва, а главными силами развивать наступление на Псков и Остров, форсировать р. Великая и не допустить закрепления остатков разгромленных в предыдущих сражениях соединений 18-й армии на промежуточных рубежах.

В ходе третьего этапа Ленинградско-Новгородской наступательной операции (16 февраля — 1 марта) силами Ленинградского фронта планировалось прорвать оборону противника между Нарвским заливом и Чудским озером, освободить г. Нарва и, нанося главный удар на Пярну, разгромить вновь созданную в Эстонии группировку немецкой 18-й армии, а в дальнейшем овладеть основными узлами ее железнодорожных коммуникаций и базой флота — Таллином. В итоге должны были быть созданы условия для полного освобождения от врага территории Эстонии[187].

На псковском направлении предполагалось нанести главный удар на Псков, овладеть основными узлами коммуникаций врага и важнейшими опорными пунктами на подступах к Прибалтике — Псковом и Островом, а также создать благоприятные условия для развития наступления в направлении нижнего течения р. Западная Двина с главным ударом на Ригу.

Войскам 2-го Прибалтийского фронта предписывалось прорвать оборону врага на участке между озером Жадро и Подречье, нанося главный удар западнее р. Великая, захватить переправы через эту реку севернее Идрицы и овладеть рубежом Опочка — Зилупе. В дальнейшем фронту предстояло освободить Резекне (Режица) и наступать на Карсаву с тем, чтобы совместно с войсками левого крыла Ленинградского фронта разгромить островскую группировку немецких войск.

В свою очередь, командование группы армий «Север» за счет значительного пополнения людьми и танками 18-й армии и переброски резервов с других направлений стремилось, удерживая рубежи по р. Нарва, Псков, Порхов, Дно, не допустить прорыва советских войск на территорию Эстонии[188].

2-я ударная армия Ленинградского фронта, выполняя требование Ставки ВГК освободить г. Нарва[189], 16 февраля продолжала вести упорные боевые действия по расширению плацдарма на левом берегу р. Нарва. Ей противостояла немецкая оперативная группа «Шпонхаймер»[190], имевшая в своем составе моторизованную дивизию, четыре боевые группы пехотных дивизий, две пехотные и моторизованную бригады, остатки моторизованной и авиаполевой дивизий, танковый батальон и части пехотной дивизии[191].

К концу февраля в упорных боях с контратаковавшим противником соединениям 2-й ударной армии удалось расширить плацдарм на левом берегу р. Нарва (до 35 км по фронту и до 15 км в глубину), создав тем самым условия для дальнейшего наступления на территории Эстонии. Однако освободить г. Нарву к установленному Ставкой ВГК сроку — 17 февраля — 2-я ударная армия не смогла. По мнению бывшего командующего этой армией И. И. Федюнинского, «главной причиной неудачи явилось не столько сопротивление врага, сколько серьезные недостатки в организации наступления и в управлении войсками со стороны штабов, командиров всех степеней, и прежде всего командарма и командиров корпусов. Немалую роль сыграли также благодушие и обольщение успехами боев до выхода к реке Нарве»[192].

На псковском и островском направлениях 42, 67, 8 и 54-я армии вели преследование противника. Им противостояли понесшие значительные потери соединения и части 18-й армии и 38-го армейского корпуса. Ведя сдерживающие оборонительные бои на промежу-

Отступление немецких войск

Дороги войны

точных рубежах, враг пытался выиграть время для отвода своих войск на позиции Псковско-Островского укрепленного района.

42-я армия главными силами вела наступление на Псков, а 116-м стрелковым корпусом — на Плюссу и Струги Красные. К концу февраля ее соединения и части вышли с севера к внешнему обводу Псковско-Островского укрепленного района противника[193]. Одновременно с северо-восточного направления к этому укрепленному району вышла 67-я армия.

На левом крыле Ленинградского фронта 8-я и 54-я армии, преодолевая упорное сопротивление врага, прорвали его промежуточные позиции по рекам Мшага и Шелонь. За четыре дня они продвинулись в юго-западном направлении на 40–50 км. 24 февраля 8-я армия, передав в состав 67-й армии один стрелковый корпус, была выведена в резерв фронта и перегруппирована в район Нарвы. Соединения и части 54-й армии, развивая наступление на Порхов и Остров, к исходу 26 февраля освободили Порхов. В последующие три дня они, продвинувшись еще на 70 км, вышли к Псковско-Островскому укрепленному району с востока.

За 16 суток войска Ленинградского фронта продвинулись на 50–160 км, однако освободить города Нарва, Псков и Остров не смогли. Попытки прорвать оборону врага на нарвском направлении и овладеть Псковско-Островским укрепленным районом с ходу оказались безуспешными. Войска фронта нуждались в передышке, восполнении потерь и времени на подготовку к дальнейшему наступлению. 1 марта по указанию Ставки ВГК Ленинградский фронт перешел к обороне.

В середине февраля 1944 г. командование группы армий «Север» начало отводить соединения 16-й армии из районов Старой Руссы и Холма. Разведке 2-го Прибалтийского фронта не удалось своевременно обнаружить начавшийся отход, вследствие чего соприкосновение с противником было утеряно[194]. Только с утра 18 февраля 1-я ударная армия, переданная в состав 2-го Прибалтийского фронта после упразднения Волховского фронта, перешла к преследованию 10-го корпуса немецкой 16-й армии. Ее соединения и части ударом с юго-запада и востока в 12 часов 30 минут освободили город и железнодорожный узел Старая Русса[195]. За три дня боев они продвинулись вдоль железной дороги Старая Русса — Дно почти на 50 км и вошли в соприкосновение с левофланговыми войсками Ленинградского фронта.

На следующий день в 11 часов 30 минут после короткой артподготовки 22-я армия силами 44-го стрелкового корпуса перешла в наступление в направлении на Опочку. Однако из-за рано начавшейся оттепели танки и артиллерия отстали от пехоты. В условиях бездорожья службы тыла не смогли обеспечить своевременный подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего. Авиация фронта по метеоусловиям оказалась не в состоянии обеспечить эффективную поддержку наземным войскам. Отходя под ударами советских войск на запад, противник последовательно занимал заранее подготовленные промежуточные рубежи, на которых организовывал упорное сопротивление.

Особенно ожесточенно немецкие войска обороняли г. Дно. Ворвавшиеся 23 февраля на его окраину части 14-го гвардейского стрелкового корпуса 22-й армии были контратакованы силами немецких 30-й пехотной и 8-й егерской дивизий. 24 февраля ударом с северо-запада и юго-востока соединения 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского, а также 54-й армии Ленинградского фронта освободили г. Дно[196]. Враг отошел в западном направлении от Старой Руссы на 120 км, от Холма — на 70 км и от Новосокольников — на 30 км[197].

Развивая наступление, 1-я ударная и 22-я армии форсировали реки Локня, Шелонь, Льста, Олица, Череха. Очистив от неприятеля участки железной дороги Дно — Новосокольники и Псков — Опочка, они 29 февраля освободили г. Новоржев[198].

В связи с продвижением советских войск и угрозой рассечения немецких 18-й и 16-й армий командование группы армий «Север» к 1 марта перебросило в район Пушкинских Гор две авиаполевые и танковую дивизии с псковского направления, три пехотные дивизии с идрицкого и пехотную дивизию с себежского направления[199].

Соединения 1-й ударной армии с боями подошли к р. Великая, где 1 марта были остановлены возросшим сопротивлением врага[200]. 22-я армия в этот день отдельными отрядами

на правом фланге вела наступательные бои, но успеха также не добилась. Войска правого крыла 2-го Прибалтийского фронта приступили к закреплению достигнутых рубежей.

В результате наступления на старорусско-новоржевском направлении соединения 1-й ударной и 22-й армий с 18 февраля по 1 марта 1944 г. продвинулись на глубину до 190 км. Но воспрепятствовать организованному отходу немецких войск в юго-западном и западном направлениях в целях занятия выгодных оборонительных рубежей им не удалось. Преследование противника с темпом не более 5 км в сутки позволило ему планомерно отойти, вывести военную технику и личный состав, закрепиться на заранее подготовленных рубежах. Потери участвовавших в преследовании врага армий составили 5400 человек[201].

В связи с продвижением 1-й ударной и 22-й армий соединения 10-й гвардейской и 3-й ударной армий 27 февраля перешли в наступление, не завершив перегруппировки. Они имели задачи прорвать оборону противника юго-восточнее Пустошки, овладеть рубежом Опочка — Идрица, захватить переправы через р. Великая севернее Идрицы и в дальнейшем ударом на Карсаву разгромить во взаимодействии с войсками левого крыла Ленинградского фронта островскую группировку врага[202].

Соединения 10-й гвардейской армии, наступая на Пустошку, преодолевая заминированные участки местности и огневое сопротивление врага, 27 февраля освободили город и железнодорожную станцию[203]. Наступавшая левее 3-я ударная армия очистила от противника ряд населенных пунктов юго-восточнее Идрицы. Однако развить наступление в этот день не удалось.

Возобновившие наступление в 12 часов 28 февраля 90-й и 79-й стрелковые корпуса 3-й ударной армии, а в 14 часов — 379-я и 312-я стрелковые дивизии 10-й гвардейской армии были встречены упорным огневым сопротивлением и контратаками противника[204].

Немецкая 16-я армия смогла планомерно отойти на заранее подготовленный оборонительный рубеж восточнее Острова, Новоржева, Пустошки. Попытки войск 2-го Прибалтийского фронта прорвать его с ходу не увенчались успехом. Ожесточенные бои длились до 1 марта, после чего фронт, не выполнив поставленных задач, перешел к закреплению занимаемых рубежей.

В результате Ленинградско-Новгородской наступательной операции советские войска нанесли тяжелый урон немецкой группе армий «Север». Они отбросили ее на 220—280 км от Ленинграда, а южнее озера Ильмень продвинулись на запад до 180 км, разгромив при этом 26 дивизий противника[205]. Ленинград был окончательно избавлен от вражеской блокады. Почти полностью освобождены Ленинградская, Новгородская и часть Калининской областей. Положено начало освобождению Эстонии. Созданы выгодные условия для проведения последующих операций с целью освобождения Карелии и Прибалтики.

После завершения этой операции войска Ленинградского фронта продолжали вести наступательные бои на нарвском, псковском и островском направлениях. Повсеместно встречая упорное сопротивление врага, существенного успеха они не достигли.

Об ожесточенности боев на данном этапе можно судить на примере прорыва немецкими 170-й и 227-й пехотными дивизиями полосы обороны 109-го стрелкового корпуса 59-й армии. 26 марта 1944 г. вражеские соединения после мощной артиллерийской подготовки и массированного удара бомбардировочной авиации, потеснив, отрезали части 72-й стрелковой дивизии и 381-й стрелковый полк 109-й стрелковой дивизии (всего до 800 человек) от остальных соединений корпуса[206].

К исходу первого дня боя окруженные части под руководством командующего артиллерией 72-й стрелковой дивизии подполковника Шуляева заняли круговую оборону. Попытки прорваться к ним в первый день двумя полками 13-й стрелковой дивизии, а во второй день — 120-й и 314-й стрелковыми дивизиями успеха не имели. В течение 27 и 28 марта они вели тяжелые бои с превосходившими силами врага. Подвергаясь непрерывным артиллерийско-минометным обстрелам, окруженные части понесли до 50% потерь убитыми и ранеными.

Противник подтянул к району боев части 61-й и 11-й пехотных дивизий, а также усилил артиллерийское и авиационное воздействие. В результате непрерывных вражеских атак

окруженные на площади менее 1 кв. км советские части к исходу 28 марта были расчленены на несколько групп, по которым противник сосредоточил ожесточенный огонь артиллерии.

В ночь на 29 марта, уничтожив материальную часть, остатки группы Шуляева предприняли прорыв в полосе продвигавшейся им навстречу 120-й стрелковой дивизии. К 19 часам из окружения вышли только 269 человек.

31 марта соединениям 67-й и 54-й армий, прорвавшим немецкую оборону южнее Пскова, удалось форсировать р. Многа и перерезать шоссейную и железную дороги Псков — Остров[207]. Однако развить тактический успех в оперативный они не смогли. Причина заключалась в том, что планируемый одновременно с войсками Ленинградского фронта удар войск правого крыла 2-го Прибалтийского фронта нанесен не был. В результате противник с 31 марта по 6 апреля сосредоточил к участку прорыва семь пехотных и одну танковую дивизии, а также сильную артиллерийско-минометную группировку[208]. Изменившееся соотношение сил и средств привело к остановке наступления советских войск.

В марте 1944 г. войска 2-го Прибалтийского фронта вели наступательные бои в районах юго-западнее Новоржева и севернее Пустошки. 10-я гвардейская армия 7 марта перешла в наступление на алолянском (северо-западнее Пустошки) направлении с задачей выйти на тылы идрицкой группировки врага[209]. В течение трех дней ее 7-й и 19-й гвардейский стрелковые корпуса, незначительно продвинувшись, вели упорные бои с противником. Развитию наступления армии препятствовали наличие в глубине обороны врага целого ряда промежуточных рубежей и проведение им мощных контратак силами 12-й танковой дивизии[210].

Перешедшая в наступление 10 марта на этом же направлении 3-я ударная армия попала под мощное огневое воздействие и контратаки. Части ее 12-го гвардейского и 90-го стрелковых корпусов трое суток преодолевали возраставшее сопротивление врага, однако 13 марта были вынуждены перейти к закреплению достигнутых рубежей[211].

Командование группы армий «Север», определив направление удара войск левого крыла 2-го Прибалтийского фронта и воспользовавшись медленным продвижением 10-й гвардейской армии, в течение 10—11 марта перебросило с других участков в район севернее Пустошки две пехотные и одну танковую дивизии. Возобновившие 13 марта наступление 19-й и 15-й гвардейские стрелковые корпуса 10-й гвардейской армии после двухдневных ожесточенных боев были остановлены в 14—15 км севернее Пустошки. Не имело успеха и наступление 3-й ударной армии на алолянском направлении. Продвинувшись с 7 по 15 марта до 9 км, ее соединения и части понесли значительные потери[212].

В это же время войска правого крыла 2-го Прибалтийского фронта стремились выйти к р. Великая северо-западнее Пушкинских Гор и овладеть плацдармом на ее левом берегу[213]. 26 марта после авиационной и 80-минутной артиллерийской подготовки 14-й гвардейский стрелковый корпус 1-й ударной и 44-й стрелковый корпус 22-й армии перешли в наступление. Удары авиации и артиллерии были настолько внезапными и мощными, что враг не сумел эффективно использовать преимущества заблаговременно подготовленной обороны. Наступавшие соединения и части, форсировав р. Великая, захватили плацдарм и ряд населенных пунктов на ее левом берегу.

27 и 28 марта 1-я ударная и 22-я армии вели боевые действия за расширение плацдарма. Немецкое командование перебросило сюда еще четыре пехотных полка. Советские войска были вынуждены закрепиться на достигнутых рубежах[214].

31 марта силами немецких 30-й пехотной, 12-й танковой дивизий, а также 15-й латышской дивизии СС после мощной артиллерийской подготовки и авиационных ударов был нанесен удар по советским частям, занимавшим плацдарм, стремясь сбросить их с левого берега р. Великая[215]. В течение дня противник предпринял до десяти атак, одновременно бросая в бой свыше пехотной дивизии, до 60 танков и штурмовых орудий, поддерживаемых огнем артиллерийских батарей и ударами авиации. К 18 часам все атаки противника с большими для него потерями (до 1500 солдат и офицеров, 33 танка) были отбиты[216].

В этих условиях перед войсками 2-го Прибалтийского фронта была поставлена задача расширить захваченный на левом берегу р. Великая плацдарм и нанести удар в северо-западном

направлении для обхода островской группировки врага с юга[217]. С левого крыла фронта на правое была переброшена 10-я гвардейская армия. Кроме того, из резерва фронта на правое крыло был перегруппирован 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского с 62 танками и 21 самоходной артиллерийской установкой, а по железной дороге — 5-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск М. Г. Сахно (85 танков и 28 самоходных орудий).

С целью перерезать железную и шоссейную дороги Остров — Резекне 7 апреля перешли в наступление с плацдарма части 90-го и 14-го гвардейского стрелковых корпусов 1-й ударной армии, а также 7-го и 15-го гвардейских стрелковых корпусов 10-й гвардейской армии. Преодолевая упорное сопротивление противника, они в течение дня продвинулись на 0,5–1,5 км[218]. Столь незначительный результат явился следствием того, что наступление советских войск с плацдарма не стало неожиданным для врага. Ряд ранее предпринятых попыток соединений и частей улучшить исходное положение для наступления позволил немецкому командованию определить направление предстоящего удара и своевременно перебросить к плацдарму значительные силы: немецкие 13, 83, 23 и 30-ю пехотные дивизии, латышские 15-ю и 19-ю пехотные дивизии, до 50 танков и штурмовых орудий, а также группировку артиллерии, насчитывавшую почти 50 артиллерийских и 20 минометных батарей[219].

До 12 апреля соединения 1-й ударной и 10-й гвардейской армий вели безуспешные бои по расширению плацдарма на левом берегу р. Великая[220]. Ежедневно возобновляя наступательные бои и встречая мощное огневое сопротивление и контратаки врага, они тем не менее были вынуждены отойти в исходное положение.

Директивой Ставки ВГК от 18 апреля 1944 г. 2-му Прибалтийскому фронту было приказано «ввиду неудачного наступления» перейти к жесткой обороне в занимаемой полосе[221]. Особое внимание при переходе к обороне уделялось новоржевскому и пустошскому направлениям. Фронт прочно закреплял за собой плацдарм на левом берегу р. Великая.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 20 апреля 1944 г. «О недостатках в работе командования 2-го Прибалтийского фронта» отмечалось, что все 14 наступательных операций, проведенных за полгода (с 12 октября 1943 г. по 12 апреля 1944 г.), несмотря на превосходство в силах над противником и затрату большого количества боеприпасов (около 4 тыс. вагонов), существенных результатов не дали, и фронт задачи, поставленные перед ним Ставкой ВГК, не выполнил[222]. Общие потери войск фронта за этот период составили 130 224 человека, из их убитыми — 32 646, ранеными — 96 815, пропавшими без вести — 763 человека[223].

В соответствии с этим постановлением генерал армии М. М. Попов был снят с должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом «как не справившийся с командованием» и понижен в звании до генерал-полковника[224]. Новым командующим войсками фронта стал генерал армии А. И. Ерёменко, бывший командующий отдельной Приморской армией. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н. А. Булганин также был отстранен от должности «как не справившийся со своими обязанностями». Исполнение обязанностей члена Военного совета фронта было возложено на генерал-лейтенанта В. Н. Богаткина, начальника инспекторской группы Главного политического управления РККА.

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 18 апреля 1944 г. Ленинградский фронт был разделен на два: в составе Ленинградского фронта остались 23-я, 2-я ударная, 59-я и 8-я армии; во вновь созданный 3-й Прибалтийский фронт вошли 42, 67 и 54-я армии[225]. Его командующим был назначен генерал-полковник И. И. Масленников, занимавший с марта 1944 г. должность заместителя командующего войсками Ленинградского фронта. 19 апреля директивой Ставки ВГК войскам Ленинградского фронта было приказано перейти к жесткой обороне на занимаемых рубежах[226].

Со второй половины апреля по май 1944 г. войска Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов активных наступательных действий не вели. Занимая достигнутые рубежи, они совершенствовали их в инженерном отношении, вели разведку, отражали вылазки раз-

Саперы А. Ф. Маркешин и В. М. Борин расчищают проход в проволочном заграждении. Оба награждены орденами Красной Звезды. 2-й Прибалтийский фронт, 1944 г.

Командующий группой армий «Север» В. Модель с группой немецких генералов и офицеров на рекогносцировке. Март 1944 г.

ведгрупп противника, а также огнем из всех видов оружия разрушали его оборонительные сооружения и огневые средства[227].

В целом разгром немецкой группы армий «Север» и избавление Ленинграда от длительной осады в результате наступления советских войск имели огромное военно-политическое, экономическое и международное значение. Город на Неве стал олицетворением мужества и героизма советского народа, символом его неукротимой воли к победе. «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, — отмечалось в передовой статье газеты «Нью-Йорк таймс» 31 января 1944 г., — которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа в России»[228].

Поражение группы армий «Север» подорвало позиции Германии в Финляндии и других Скандинавских странах. Финское правительство поспешило обратиться к советскому посланнику в Стокгольме за выяснением условий выхода Финляндии из войны на стороне Третьего рейха[229].

Победа советских войск под Ленинградом и Новгородом была достигнута благодаря умелому взаимодействию трех фронтов, сил Балтийского флота, авиации дальнего действия, Ленинградской армии войск ПВО страны и партизан. Для Ленинградско-Новгородской операции характерны правильный выбор направлений главных ударов фронтов, наносимых на удалении 200 км один от другого по наиболее сильным фланговым группировкам противника, высокий уровень искусства в овладении укрепленными узлами сопротивления и опорными пунктами. Успеху операции способствовали создание сильных группировок войск на направлениях главных ударов фронтов, глубокое эшелонирование оперативного построения объединений и боевых порядков соединений и частей, умелое использование вторых эшелонов и резервов. В ходе операции советские войска приобрели богатый опыт ведения наступления в лесисто-болотистой местности при неблагоприятных метеорологических условиях.

В боях под Ленинградом и Новгородом советские воины проявили массовый героизм. 180 соединений и частей были удостоены почетных наименований городов, ими освобожденных, многие из них награждены орденами. За период проведения операции Москва двенадцать раз салютовала в честь успехов войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Операция отличалась тесным взаимодействием наступавших войск и партизанских соединений, действовавших в тылу противника. С 14 января и до конца февраля только партизаны Ленинградской области взорвали более 58 тыс. рельсов, 300 мостов, пустили под откос 133 эшелона с людьми и военной техникой, уничтожили 1620 автомашин, нарушили работу 15 железнодорожных станций, спасли от истребления и угона в Германию почти 400 тыс. человек.

Вклад ленинградских партизан в победу над оккупантами высоко оценило советское правительство. Более 5 тыс. партизан за активную помощь войскам, проявленные при этом мужество и героизм были отмечены государственными наградами. 18 самых отважных из них удостоены звания Героя Советского Союза[230].

Тем не менее Ленинградско-Новгородская наступательная операция и последующие действия советских войск на северо-западном направлении не достигли своей конечной цели. Советским войскам не удалось полностью разгромить противостоявшие группировки и создать условия для безостановочного наступления на территории Прибалтики. Основной причиной этого стало отсутствие у командного состава и войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов опыта ведения крупных наступательных операций. При развитии наступления в глубине обороны противника в ряде случаев терялось управление войсками. Разведка велась слабо, артиллерия зачастую отставала от боевых порядков стрелковых войск. Из-за несвоевременного подвоза войска нередко испытывали недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия. Поэтому и цена победы была велика. Потери советских войск за период операции составили 313 953 человека, из них безвозвратные — 76 686, санитарные — 237 267 человек[231].

В морях Арктики и на Балтике

Глубокий кризис, переживаемый Германией и ее союзниками после тяжелых поражений, понесенных в 1943 г. в вооруженной борьбе на море, выразился прежде всего в том, что результативность действий их военно-морских и военно-воздушных сил стала неуклонно снижаться. Эта тенденция определяла развитие оперативной обстановки на всех океанских и морских театрах Второй мировой войны, включая прибрежные моря Восточной Европы. Только на Севере германское верховное командование все еще пыталось проводить операции против союзных конвоев. Однако значительное ослабление надводных и военно-воздушных сил противника в Арктике уже не позволяло ему вести эти действия в прежних масштабах и с прежней интенсивностью.

К началу 1944 г. период наивысшей активности германских военно-морских и военно-воздушных сил в Арктике был уже позади, однако опасность потери судов, следовавших в составе союзных конвоев, сохранялась, и лидеры антигитлеровской коалиции были вынуждены с этим считаться. В это время по составу корабельных сил арктическая группировка военно-морского флота Германии все еще превосходила Северный флот. По данным советской разведки, в базах северной Норвегии кроме линейного корабля «Тирпиц» противник имел в готовности к выходу не менее пяти эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок и более 200 боевых кораблей и катеров других классов[232].

Линкор «Тирпиц», поврежденный британскими сверхмалыми подводными лодками в сентябре 1943 г., все еще не был введен в строй. В северной Норвегии для выполнения ремонта такого объема и такой сложности производственных мощностей не имелось, а перевести корабль в Германию, избежав встречи с главными силами британского флота метрополии, было уже нельзя.

Из-за отсутствия достаточной судоремонтной базы в арктических норвежских портах командование противника было вынуждено возвратить в Германию все тяжелые крейсера, а также существенно ограничить боевые выходы эскадренных миноносцев. Германские эсминцы, как и советские довоенных проектов, не вполне отвечали требованиям к кораблям, предназначавшимся для действий в суровых условиях Севера, а их паротурбинные установки постоянно выходили из строя из-за плохо очищенной котельной воды. Но главное препятствие для более широкого применения противником эскадренных миноносцев заключалось в недостатке топлива[233].

Активность корабельных сил германского флота, особенно надводных, прямо зависела от результатов борьбы за господство в воздухе. Группировка военно-воздушных сил Германии, организационно входившая в состав 5-го воздушного флота, включала две группы 5-й истребительной эскадры, группу ночной штурмовой авиации, группу гидросамолетов и две эскадрильи дальних разведчиков, которые базировались на аэродромы Финляндии и Норвегии. В начале 1944 г. в них насчитывалось всего около 30 самолетов, и только к лету их число выросло в 2,5—3 раза[234].

Береговая оборона противника на Севере включала 21 батарею береговой артиллерии с орудиями калибром от 77 до 280 мм и 12 батарей зенитной артиллерии[235].

В состав арктического отряда военно-морского флота Финляндии входили сторожевое судно, два вооруженных парохода, траулер, переоборудованный под минный заградитель, и два вооруженных катера[236]. В начале 1944 г. их боевая активность снизилась настолько, что ни советским, ни германским командованием символическое присутствие на театре финских военно-морских сил в расчет уже не бралось.

3 января 1944 г. германское верховное командование приняло решение усилить группировку флота в северной Норвегии подводными лодками и применять ее главным образом для борьбы против союзных конвоев. По данным зарубежных источников, в течение 1944 г. в военных действиях в Арктике участвовало 50 подводных лодок[237], однако одновременно в море находилось не более 12—13 единиц.

Планируя свои действия, противник был вынужден считаться с тем, что за счет добычи в районе Петсамо — Киркенес покрывалось 65–70% потребности военной промышленности Германии в никелевой руде и что в связи с резким сокращением импорта железной руды из Швеции существенно выросло значение поставок обогащенного железорудного сырья из Киркенеса. Как заметил германский военно-морской историк Ф. Руге: «Если бы удалось прекратить и этот ввоз, германская промышленность осталась бы без стали»[238].

Завоевание советской авиацией господства в воздухе означало прежде всего то, что возникла реальная угроза воинским перевозкам в интересах корпуса «Норвегия» и доставке из Арктики в Германию стратегического сырья. Это заставляло противника до последней возможности удерживать свои позиции в Заполярье, а главной задачей группировки надводных сил германского флота в Арктике в первой половине 1944 г. стало конвоирование транспортных судов, следовавших у побережья северной Норвегии.

Разрабатывая планы на зимне-весеннюю кампанию 1944 г., советское Верховное главнокомандование также было вынуждено считаться с реальным состоянием действующих флотов и оперативной обстановкой в их операционных зонах.

В состав Северного флота (вице-адмирал А. Г. Головко) входили Беломорская военная флотилия, Северный оборонительный район, корабельные соединения, военно-воздушные силы, противовоздушная оборона, береговая оборона главной базы, охрана водного района главной базы, тыл и другие формирования.

Основу группировки корабельных сил флота, насчитывавших 227 единиц различных классов, составляли бригады эскадренных миноносцев (капитан 1 ранга П. И. Колчин) и подводных лодок (капитан 1 ранга И. А. Колышкин). В бригаде эсминцев в начале января 1944 г. числилось девять единиц, включая три устаревших корабля типа «Новик». Бригада подводных лодок состояла из 23 единиц различных типов, но только девять из них были полностью боеготовыми[239].

В состав военно-воздушных сил Северного флота (генерал-майор авиации А. Х. Андреев) входили две авиационные дивизии (минно-торпедная и истребительная), четыре отдельных авиационных полка (разведывательный, штурмовой, смешанный и учебный), отдельная авиационная эскадрилья, а также несколько отдельных авиационных отрядов и звеньев. По состоянию на 1 января 1944 г. в них насчитывалось 339 самолетов, включая 135 торпедоносцев, бомбардировщиков и штурмовиков. При этом исправные машины составляли 72% самолетного парка, а исправные самолеты ударных родов авиации — 74%[240].

Задачи Северному флоту были поставлены директивой Ставки Верховного главнокомандования от 31 января 1944 г. В зимне-весенней кампании 1944 г. флоту предстояло: содействовать приморскому флангу Карельского фронта; систематически прерывать коммуникации противника у побережья северной Норвегии; наносить авиационные удары по базам и аэродромам противника; обеспечивать совместно с силами союзников движение конвоев в порты Мурманск и Архангельск в операционной зоне Северного флота; оборонять районы военно-морских баз, побережье и свои морские сообщения; поддерживать необходимый оперативный режим, обеспечивающий выполнение флотом своих задач; быть готовым к активизации всех сил флота при наступлении частей Красной армии[241].

Требуя от командования Северного флота переноса основных усилий на борьбу с вражеским судоходством, Ставка ВГК исходила из того, что в условиях Севера перерыв или даже существенное затруднение снабжения заполярной группировки вермахта могут поставить ее в критическое положение еще до того, как советские войска перейдут в наступление и здесь. С той же целью силы флота должны были вести действия против баз и аэродромов неприятеля.

Оборона внешней арктической коммуникации, связывающей СССР с его союзниками по антигитлеровской коалиции, по значимости была поставлена на четвертое место. Победы, одержанные военно-морскими силами антигитлеровской коалиции в 1943 г., и существенное ослабление авиационной группировки противника в Заполярье, давали советскому Верховному главнокомандованию достаточные основания полагать, что основная угроза для северных союзных конвоев снята.

Немецкий эсминец у берегов Норвегии

За пулеметной установкой торпедного катера

Аналогичным образом обстановку оценивали и союзники. После потопления «Шарнхорста» британское командование пришло к выводу, что необходимость выделять для обеспечения перехода арктических конвоев оперативное прикрытие из линейных кораблей и крейсеров отпала. Между тем судами, которые следовали в Советский Союз северным маршрутом, доставлялось около четверти вооружений, военной техники, продовольствия и стратегических материалов, поставляемых союзниками в порядке военной помощи. Северными конвоями обеспечивалась и значительная часть военных поставок, оплачиваемых советским правительством твердой валютой.

При этом до открытия второго фронта в Европе Арктика оставалась, по существу, единственным театром военных действий, на котором вооруженные силы антигитлеровской коалиции взаимодействовали не только на стратегическом, но даже на оперативном и тактическом уровне, хотя роль британских военно-морских сил в операциях по проводке конвоев, как и прежде, была решающей.

К примеру, в состав охранения самого крупного с начала войны союзного конвоя JW-58, вышедшего из Лох-Ю 27 марта 1944 г. и включавшего 50 американских и английских судов, входили крейсер ПВО, два эскортных авианосца и 20 эсминцев. Его оперативное прикрытие осуществлялось двумя линкорами, двумя большими и четырьмя эскортными авианосцами, тремя легкими крейсерами, крейсером ПВО и 14 эсминцами.

Утром 4 апреля 1944 г. из Кольского залива навстречу JW-58 вышли корабли Северного флота: четыре эскадренных миноносца, четыре тральщика и четыре больших охотника за подводными лодками. Пять катеров МО обеспечивали противокатерную оборону конвоя у мыса Цып-Наволок.

С точки зрения влияния на общую оперативную обстановку усиление непосредственного охранения конвоя советскими кораблями решающего значения, конечно, не имело. Однако усилия, которые предпринимал Северный флот для успеха этой операции, выглядят совершенно иначе, если внести важное уточнение: для участия в ней было выделено около 50% эскадренных миноносцев и больших охотников из имевшихся в его составе и почти две трети находившихся в данный момент в строю.

В свете этого становится понятно, почему 7 апреля 1944 г. для ведения операции по проводке конвоя RA-58, в составе которого из Мурманска в Англию направлялись 38 судов, командование СФ смогло выделить только два эскадренных миноносца, пять тральщиков, пять больших охотников за подводными лодками, несколько малых охотников и 30 истребителей[242].

Эти факты также свидетельствуют, что к началу 1944 г. зависимость военных поставок Советскому Союзу от политической воли и военно-стратегических планов одного из союзников была все еще слишком высокой и продолжала оставаться одним из факторов, осложнявших отношения между главными противниками нацистской Германии.

Возвращаясь к директиве Ставки ВГК от 31 января 1944 г., следует подчеркнуть, что задачи Северному флоту ставились на весь год, в течение которого его боевое ядро должно было получить значительное усиление. В его состав предполагалось включить 14 боевых кораблей, которые союзники обязались предоставить вместо тех, что подлежали передаче СССР после капитуляции Италии. Кроме того, его усиление должно было произойти путем зачисления кораблей и катеров, поступавших в счет поставок по ленд-лизу, и перевода их с других морских театров.

В январе — феврале 1944 г. на флот прибыли 17 американских торпедных катеров типа «Хиггинс», предназначавшихся для формирования нового корабельного соединения — бригады торпедных катеров. 25 февраля 1944 г. нарком ВМФ приказал начать подготовку к переводу из Каспийского моря и Сормово в Заполярье трех средних подводных лодок, а из США начал переход в Мурманск легкий крейсер «Милуоки», передававшийся советской стороне вместо итальянского корабля того же класса. Фактически процесс формирования бригады торпедных катеров удалось завершить лишь к началу мая 1944 г., а эскадры, в которую вошли линейный корабль, крейсер и соединения эскадренных миноносцев, — только к осени этого года.

Итак, к началу зимне-весенней кампании 1944 г. для решения всех задач, поставленных Ставкой ВГК, сил Северного флота было еще недостаточно, и фактически в этой кампании задача по обороне внешней океанско-морской коммуникации стала для него главной. Приложив значительные усилия к тому, чтобы ускорить процесс передачи кораблей, обещанных союзниками, и убедившись в том, что в первой половине года решить этот вопрос не удастся[243], советское Верховное главнокомандование уточнило текущие задачи Северному флоту.

31 марта 1944 г. Северный флот с Беломорской флотилией был выведен из оперативного подчинения командующего 14-й армией и подчинен непосредственно народному комиссару ВМФ, а директивой Ставки ВГК от 1 апреля 1944 г. на первое место среди его задач вновь было поставлено обеспечение переходов северных союзных конвоев[244].

Значение этих конвоев А. Гитлер и его адмиралы также оценивали высоко. В зарубежной военно-морской историографии широко распространено мнение, что, направляя основные усилия арктической группировки своего флота против них, фюрер надеялся вбить клин между союзниками. На военно-стратегический и военно-экономический аспект этой проблемы указывал и немецкий военно-морской историк Ф. Руге, который заметил: «Полученное морским путем вооружение и снаряжение, в частности полмиллиона грузовиков, позволило русским дополнительно сформировать 60 дивизий и придать им мобильность. В результате они получили не только численное, но и материальное превосходство на важнейших участках фронта»[245].

В первой половине 1944 г. противник провел против союзных конвоев семь операций. Статистика свидетельствует, что их цели не были достигнуты[246], хотя германское командование, как и прежде, проявляло изобретательность и настойчивость, стремясь использовать все имевшиеся в его распоряжении силы и средства. К примеру, в ходе операции против конвоя RA-58 неприятель развернул в море две ударные группы, состоявшие из десяти подводных лодок. Четыре германские подводные лодки смогли выйти в атаку, но успеха не добились, и 14 апреля RA-58 без потерь прибыл к берегам Шотландии.

Но даже в условиях решающего превосходства на театре союзных военно-морских и военно-воздушных сил избежать потерь при проводке внешних конвоев не удавалось.

28 апреля 1944 г. из Кольского залива в Англию вышел конвой RA-59. На его судах для приемки кораблей, передаваемых союзниками вместо итальянских, следовали 2944 офицера и краснофлотца. Для действий против этого конвоя вражеское командование направило в море 12 подводных лодок. Спустя сутки в районе к югу от острова Медвежий одна из них торпедировала транспорт, на борту которого находились 145 человек экипажа эсминца «Достойный» и 19 подводников. От взрыва корпус парохода разломился надвое. Его носовая часть в считаные минуты затонула. Моряки, размещавшиеся в носовых помещениях, оказались в ледяной воде. Если бы помощь им запоздала, все они умерли бы от переохлаждения.

Большинство из них не погибли благодаря грамотным действиям и распорядительности двух советских офицеров — командира артиллерийской боевой части эскадренного миноносца капитан-лейтенанта Л. Д. Чулкова и командира электромеханической боевой части эсминца инженер-капитан-лейтенанта И. Д. Дорофеева, а также высокой морской выучке и мужеству, проявленным другими советскими моряками. Они организовали спасение людей, находившихся в воде, и борьбу за живучесть кормовой части парохода, которая оставалась на плаву до подхода к ней английских кораблей и судов[247].

Совместные усилия держав антигитлеровской коалиции по обеспечению движения арктических конвоев имели большое значение и для ведения войны в целом, и для борьбы, которую действующие советские флоты вели на всех морских театрах.

В течение зимы — весны 1944 г. с союзными конвоями в СССР прибыли крейсер, два больших охотника, три тральщика, которые вошли в состав Северного флота, и четыре транспорта, включенные в состав отряда военизированных судов Северного пароходства и в дальнейшем принимавшие участие в перевозке воинских грузов в Арктике. В первой половине 1944 г. на судах северных конвоев в Мурманск было доставлено 40 торпедных катеров, из которых 30 вошли в состав вновь сформированной бригады Северного флота, а 10 в мае

1944 г. были отправлены в Черное море, где активно применялись до завершения военных действий на этом морском театре.

В начале мая 1944 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль и председатель Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталин обменялись посланиями, в которых подвели итоги совместных действий союзных военно-морских сил по обороне арктической коммуникации осенью 1943 — весной 1944 гг. Оба лидера с удовлетворением отметили, что за это время было проведено 215 судов, которые доставили в СССР 1259,6 тыс. тонн различных грузов при минимальных потерях, составивших три транспорта, два эсминца и самолет-истребитель[248]. Совместная боевая работа моряков союзных держав способствовала установлению дружеских отношений между ними, что также нашло отражение в переписке политических лидеров держав антигитлеровской коалиции[249].

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 31 марта 1944 г. задача по нарушению коммуникаций противника вдоль северного побережья Норвегии и в Варангер-фьорде по степени важности была поставлена на второе место. Ее решение предполагало применение сил флота для ведения разведки, уничтожения конвоев и одиночных транспортов, ударов по пунктам формирования и назначения конвоев, постановки активных минных заграждений.

С формальной точки зрения, к началу 1944 г. Северный флот располагал достаточными силами и средствами для ведения этих действий. К этому времени в составе военно-воздушных сил Северного флота и Беломорской военной флотилии числилось 85 ударных самолетов: 40 торпедоносцев, 40 бомбардировщиков и пять штурмовиков. Кроме того, для действий по нарушению вражеских морских коммуникаций командование Северного флота могло одновременно применить до девяти подводных лодок, до восьми эскадренных миноносцев и до 15 торпедных катеров. Береговая артиллерия Северного оборонительного района перекрывала своим огнем вход в губу Петсамовуоно, а для минных постановок в Варангер-фьорде могли применяться сторожевые катера типа МО[250].

К концу 1943 г. разведывательный отдел Северного флота располагал силами и средствами, способными предоставлять его командованию достоверную информацию об обстановке на морских коммуникациях противника. По числу обнаружений вражеских конвоев на первом месте стояла радиоразведка, однако наиболее ценные разведывательные данные о судоходстве противника добывались подводными лодками.

В 1943 г. на некоторых из них были установлены перископные антенны ВАН-П3, которые позволяли поддерживать связь с самолетами и береговыми узлами, находясь на перископной глубине. С 1943 г. подводные лодки стали вооружаться радиолокационными станциями, а те, которые уже были оснащены английскими гидролокаторами «Дракон-129», могли добывать данные о минных заграждениях, прикрывавших прибрежные коммуникации противника.

Самолетов с радиолокационными станциями в начале 1944 г. в составе ВВС Северного флота не было, поэтому ночью и в плохую видимость эффективность воздушной разведки была крайне низкой.

Для добывания данных о движении вражеских конвоев и транспортов у побережья северной Норвегии широко практиковалась высадка на острова и мысы разведывательных групп, которые докладывали о результатах наблюдения по радио. Кроме того, данные о движении вражеских конвоев добывались путем радиоперехвата и радиопеленгования. Получение данных таким способом имело особенно большое значение в период полярной ночи и в плохих метеоусловиях, когда добывание разведывательной информации другими путями было сильно затруднено или исключено. На их основе командование Северного флота в начале 1944 г. пришло к выводу, что на участке от Тромсе до Петсамо в обоих направлениях еженедельно проходят в среднем 11 конвоев, состоящих из трех-четырех транспортов[251].

С января 1944 г. подводные лодки Северного флота стали применяться методом нависающей завесы. Главная особенность заключалась в том, что группа подводных лодок заблаговременно развертывалась в заданном районе, за внешней кромкой оборонительных минных заграждений неприятеля, на расстоянии 25—30 миль от берега. Позиции ожидания для подводных лодок не нарезались: командиры выбирали их сами в пределах обусловленной

Подводная лодка Северного флота С-55 во льдах. 1944 г.

зоны действий и находились там до получения разведывательных данных о конвоях или одиночных судах противника. Командование Северного флота считало: главное преимущество такого способа действий заключается в том, что это дает возможность наносить по конвоям ряд последовательных ударов, добиваясь их полного уничтожения.

Когда группы подводных лодок возвращались на базу, в действиях на вражеских коммуникациях наступали оперативные паузы. Чтобы и в это время создавать напряженную для неприятеля обстановку командование флота попыталось вновь обратиться к практике применения подводных лодок методом одиночного крейсерства. В январе 1944 г. в районе от Вардё до мыса Нордкап действовала С-14, а в феврале — С-54. Однако встреч с противником они не имели.

В марте — апреле 1944 г. на Северном флоте возвратились к применению подводных лодок позиционным методом. За это время ими было совершено 17 боевых походов, в одном из которых, вероятнее всего от подрыва на мине заграждения, погибла С-54, но и в этом случае результативность их действий была нулевой.

В целом же итоги боевой деятельности подводных лодок Северного флота в зимне-весенней кампании 1944 г. были несущественными. За пять месяцев ими было потоплено только одно судно водоизмещением 5056 брт[252].

Невысокой была эффективность действий на коммуникациях и ВВС флота. В начале зимне-весенней кампании 1944 г., в условиях полярной ночи и сложной метеообстановке для борьбы против судоходства врага у побережья северной Норвегии применялись главным образом одиночные самолеты-торпедоносцы и постановщики мин. С увеличением светлого времени суток командование ВВС флота стремилось организовывать массированные удары по конвоям противника. Группы штурмовиков и истребителей, включавшие от четырех до восьми самолетов, действовали против малотоннажных судов, осуществлявших перевозки между портами северной Норвегии. По данным, подтверждаемым обеими сторонами, в январе — мае 1944 г. самолетами ВВС Северного флота были потоплены три транспортных судна общим тоннажем 4154 брт и два сторожевых катера, повреждены три транспорта и два боевых корабля[253].

Торпедные катера американской постройки, прибывавшие на Северный флот в счет поставок по ленд-лизу, по сравнению с советскими типа Д-3, обладали лучшими мореходными качествами и более совершенным торпедным вооружением. Но главное их преимущество заключалось в том, что они были вооружены радиолокаторами. В период полярной ночи в плохую погоду организовать взаимодействие катеров с разведывательной авиацией было сложно, поэтому в первой половине 1944 г. в большинстве случаев поиск кораблей и судов противника торпедные катера выполняли самостоятельно.

По мере увеличения светлого времени суток командование Северного флота все чаще пыталось применять катера по данным воздушной разведки, однако атаковать конвои, выходившие из Варангер-фьорда, как правило, не удавалось: группы катеров не успевали выйти в море и развернуться в боевой порядок.

На попытки советской стороны повысить результативность действий против морских перевозок противника германское командование отвечало усилением обороны своих морских коммуникаций. Для проводки наиболее ценных одиночных транспортов назначалось более 10 кораблей охранения[254]. При этом все виды обороны организовывались таким образом, чтобы исключить внезапную атаку с любого курсового угла, а на самое опасное направление выдвигалась завеса из сторожевых катеров. Обнаружив советские торпедные катера, они поворачивали в их сторону и вступали в бой.

Силам Северного флота, которые вели борьбу против вражеского судоходства, противодействовали и береговые батареи неприятеля. Особенно сильным это противодействие было на конечном участке его арктической коммуникации, в районе Варангер-фьорда и у входа в Петсамовуоно. Поэтому в ходе зимне-весенней кампании 1944 г. торпедными катерами Северного флота было потоплено только одно транспортное судно водоизмещением 665 брт[255].

В целом же опыт борьбы против морских перевозок противника в Арктике в ходе зимне-весенней кампании 1944 г. свидетельствовал, что для достижения целей военных действий на море необходимы совместные усилия всех родов сил флота. Пытаясь реализовать эту идею, в январе — апреле командование Северного флота пыталось провести четыре операции по нарушению основной морской коммуникации неприятеля в Арктике.

Основная цель этих действий заключалась в том, чтобы, полностью уничтожив один или несколько конвоев противника на участке Хаммерфест — Петсамо, хотя бы на время прервать снабжение группировки вражеских войск в Заполярье. При этом следует подчеркнуть, что операции на морских коммуникациях противника проводились вне связи с действиями войск 14-й армии и всего Карельского фронта.

Документы, разрабатываемые штабом флота при их подготовке, включали наставления на операции, плановые таблицы действий и схемы связи. Содержание этих документов базировалось на решении командующего флотом, в соответствии с которым подводные лодки должны были атаковать конвои и одиночные транспорты в районе между островом Серей и мысом Сейбонес, эскадренные миноносцы — от мыса Сейбонес до Вардё, торпедные катера — в Варангер-фьорде, авиация — от Петсамовуоно до Хаммерфеста включительно[256].

К участию в первой операции по нарушению коммуникаций противника, получившей условное наименование РВ-1, привлекались семь подводных лодок, развернутых в море, и две подводные лодки, находившиеся в готовности к выходу на базе, четыре эскадренных миноносца, шесть торпедных катеров и самолеты, число которых определялось командующим ВВС флота, исходя из обстановки.

Развертывание подводных лодок началось 16 января 1944 г. На следующий день к действиям по плану РВ-1 приступили военно-воздушные силы флота. Катера охраны водного района главной базы флота в период с 18 по 29 января 1944 г. произвели в Варангер-фьорде постановку активных минных заграждений.

Почти сразу выяснилось, что при планировании операции в полной мере не были учтены сложная гидрометеорологическая обстановка в районах действий участвующих в ней сил. Вспоминая о своей службе на Севере, бывший командир бригады торпедных катеров Северного флота вице-адмирал А. В. Кузьмин писал: «Погода в Заполярье... неустойчива. Если 1944 год и составлял исключение из этого правила, то лишь в худшую сторону»[257].

Быстро проявились и недостатки в боевом обеспечении привлекаемых сил и средств, а также в организации взаимодействия между разнородными тактическими группами.

19 января 1944 г. подводная лодка М-201 проникла на внешний рейд порта Берлевог, где безуспешно атаковала стоявший на якоре транспорт. Через три минуты командир лодки произвел еще один двухторпедный залп по транспорту, выброшенному на камни, однако и на этот раз торпеды прошли мимо цели. 31 января тот же транспорт и с таким же результатом атаковала М-105 («Челябинский комсомолец»).

Утром 3 февраля 1944 г. выброшенный на камни «Наталь» был обнаружен подводной лодкой М-108. На этот раз одна торпеда попала в погибшее судно, но результатов своей атаки командир корабля не наблюдал: он вынужден был уклоняться от сторожевых катеров противника. По возвращении на базу командир М-108 подробно доложил об обстоятельствах выполненной атаки. Однако и впоследствии советские подводные лодки еще предпринимали атаки на погибший вражеский транспорт[258].

Этот пример говорит об уровне организации самого важного из видов боевого обеспечения — разведки. Отсутствие достаточно полных и достоверных данных о противнике, тяжелые гидрометеорологические условия отрицательным образом сказывались на результативности действий всех родов сил, наносивших удары по вражеским коммуникациям.

Так, в период с 20 по 30 января самолеты 8-го авиационного корпуса дальнего действия совершили 98 самолето-вылетов для ударов по порту и городу Киркенес, аэродромам Хейбуктен, Луостари и портовым сооружениям в Линахамари. Результаты их действий не соответствовали расходу сил и средств. Потери неприятеля оказались незначительными, в том числе плавбаза тральщиков (651 брт), получившая подводную пробоину от неразорвавшейся бомбы.

Погрузка торпеды на торпедный катер

Морской десант на корабле Северного флота

21 января 1944 г. к побережью северной Норвегии для удара по обнаруженному воздушной разведкой вражескому конвою в море было направлено четыре эскадренных миноносца. Пройдя вдоль побережья до мыса Маккаур, противника они не обнаружили и по приказу командования возвратились обратно. Из-за отсутствия достоверных данных о местонахождении вражеских кораблей и судов безрезультатно завершилась и попытка атаковать вражеский конвой в Варангер-фьорде группой торпедных катеров.

Только 28 января 1944 г. силами, участвующими в операции РВ-1, был достигнут первый значительный боевой успех. В этот день подводная лодка С-56 (капитан 3 ранга Г. И. Щедрин), находившаяся на позиции у мыса Слетнес, обнаружила и атаковала вражеский конвой, потопив пароход «Хенриетте Шульте». Двумя днями позже береговые артиллерийские батареи СОР и 104-го пушечного артиллерийского полка добились нескольких попаданий в пароход «Вартеланд» (5096 брт)[259].

5 февраля 1944 г. операция РВ-1 завершилась, не достигнув своей основной цели. Очевидно, что результативность всех родов сил, принимавших в ней участие, зависела не только от разведывательного обеспечения. Необходимы были соответствующее поставленной цели оперативное построение и хорошо организованное взаимодействие между разнородными ударными группами. Именно этого советскому командованию добиться не удалось.

Фактически применение сил по плану РВ-1 осуществлялось не путем операции, а в форме «повседневной боевой деятельности» (систематических боевых действий). Удары по вражеским конвоям наносились ограниченным составом: в них участвовали только те самолеты и корабли, которые в момент их обнаружения находились в данном районе.

В целом неудачный исход операции РВ-1 был обусловлен и тем, что на тактическом уровне командиры были подготовлены слабо, из-за чего при атаках конвоев и одиночных транспортов способы действий не отличались разнообразием и были хорошо известны противнику. При этом морально-боевые качества личного состава кораблей и летчиков морской авиации были высокими.

Несмотря на исключительно сложные условия плавания в морях Арктики, особенно тяжелые в зимне-весенний период, наличие постоянной угрозы с воздуха и вероятность встречи с более сильным противником, командиры кораблей и катеров настойчиво вели поиск врага, а обнаружив его, смело выходили в атаку, не считаясь с возможными потерями. Большинство из них приобретало необходимые навыки организации и ведения боя уже в ходе военных действий. Для нормальной боевой подготовки экипажей малых боевых кораблей и катеров не оставалось времени: применялись они слишком интенсивно. И условий для этого практически не было, поскольку главная база и все пункты базирования Северного флота на Кольском полуострове находились в пределах досягаемости фронтовой авиации врага.

Не придавало этому должного значения и командование Северного флота. Только при подготовке операции на вражеских коммуникациях по плану РВ-3 были предусмотрены учения по отработке совместных действий авиации и надводных кораблей против вражеских конвоев. Организация их взаимодействия с подводными лодками не отрабатывалась. По свидетельству одного из участников этих событий, командующий флотом А. Г. Головко открыто признавал, что силы, привлекавшиеся к борьбе на коммуникациях зимой — весной 1944 г., наносили удары «растопыренными пальцами», когда нужно было «колотить туго сжатым кулаком»[260].

Применение новых тактических приемов было затруднено из-за характеристик вооружения большей части подводных лодок и торпедных катеров советской постройки, уже не отвечавших требованиям времени. В отсутствие радио- и гидролокаторов, а также приборов управления торпедной стрельбой командиры выходили в атаку по элементам движения цели, определяемым с грубыми ошибками. При этом вероятность поражения цели прямоидущей торпедой с контактным взрывателем даже в идеальных полигонных условиях составляла не более 30%, а от формирования 3–4-торпедных залпов командиры воздерживались из-за того, что запас торпед на Северном флоте был ограничен[261]. Именно по этим причинам не достигли поставленных целей операции Северного флота, проведенные по планам РВ-2 и РВ-3.

Не добившись даже кратковременного перерыва в движении конвоев неприятеля по коммуникациям у побережья северной Норвегии, флот понес потери. Тем не менее проведение операций по нарушению морской коммуникации противника вызывало значительное напряжение сил и определенные затруднения в снабжении группировки его войск в Заполярье.

23 апреля, уже после завершения действий по плану РВ-3, авиация Северного флота нанесла пять ударов по конвою противника, совершавшему переход из Киркенеса на запад. В них участвовали 19 штурмовиков и 12 торпедоносцев, прикрываемых 62 истребителями. На конвой, состоявший из семи транспортов и 20 кораблей и катеров охранения, было сброшено 12 торпед и 52 авиабомбы. Кроме того, по нему было выпущено 38 реактивных и 664 37-мм снаряда. В результате удалось потопить сторожевой корабль из состава его охранения, а в воздушных боях над ним советские летчики сбили восемь вражеских самолетов, потеряв десять[262].

Воздушные удары по портовым сооружениям, береговым батареям, кораблям и судам противника в море, портах и маневренных пунктах базирования наносились также 27 и 28 апреля 1944 г. Материальные потери врага от этих ударов были относительно небольшими, но они заставляли германское командование увеличивать наряд сил для конвоирования транспортов, отвлекая их от выполнения других задач.

С оперативной точки зрения, наиболее важным итогом действий авиации и подводных лодок Северного флота на вражеских коммуникациях стало снижение оборота грузового тоннажа противника, возникавшее из-за потерь времени на формирование конвоев, а также из-за того, что скорость их движения в среднем была меньше, чем у одиночных судов.

Наименее удачными в первой половине 1944 г. были действия торпедных катеров, хотя по замыслу командования Северного флота именно они должны были добиваться самых существенных результатов, поскольку применялись в районе, где кораблям и судам противника было сложнее всего уклониться от их атак.

Относительно успешным оказался боевой выход трех катеров под командованием капитан-лейтенанта И. Я. Решетько. В ночь на 7 мая у острова Лилле-Эккере ими был обнаружен рейсовый дрифтер (124 брт). Обстреляв и захватив его, они взяли в плен экипаж и потопили судно.

Данные факты свидетельствуют о том, что и систематические боевые действия на морских коммуникациях противника были организованы недостаточно хорошо (в первую очередь с точки зрения их боевого обеспечения), подготовка командиров тактических групп и торпедных катеров была невысокой, а потери, которые несли силы Северного флота, не соответствовали достигнутому оперативному результату.

В ночь на 8 мая 1944 г. два торпедных катера вышли на поиск в Варангер-фьорд. Обнаружив два вражеских сторожевых корабля, они сблизились с ними и попытались атаковать. Катер, выпустивший торпеды по головному кораблю противника, получив попадания трех 105-мм снарядов, загорелся и начал тонуть. Второй катер атаковал другой вражеский корабль, который, по докладу командира старшего лейтенанта А. И. Кисова, после взрыва торпеды потерял ход и, охваченный пламенем, лег в дрейф. Прикрывшись дымовой завесой, А. И. Кисов снял с поврежденного катера экипаж и, потопив судно артиллерийско-пулеметным огнем, стал отходить. Следуя на базу, он отразил несколько атак вражеских самолетов, однако и катер получил множественные повреждения от попавших в него снарядов и пуль. Один человек из его экипажа был убит, четверо ранены[263].

В бою с вражескими самолетами совершил подвиг самый молодой его участник — юнга Саша Ковалев. Когда осколком вражеского снаряда был поврежден радиатор последнего оставшегося в строю мотора, он грудью зажал пробоину, из которой хлестала нагретая до 70^0 вода. Превозмогая боль от ожогов, юноша закрывал пробоину до тех пор, пока его старшие товарищи не устранили повреждение. Катер А. И. Кисова и все находившиеся на его борту люди были спасены только благодаря тому, что мотор не заглох и не был потерян ход.

Для удара по сторожевым кораблям, обнаруженным и атакованным торпедными катерами, были направлены две группы штурмовиков, прикрываемые истребителями. Поскольку в

указанном им районе неприятеля не оказалось, самолеты нанесли бомбовый удар по Киберг-несу, повредив пароход (688 брт) и сбив один вражеский истребитель. На следующий день шесть штурмовиков и 39 истребителей атаковали суда противника в порту Вадсё, потопив каботажный пароход и три мотобота[264].

Результативность действий советской морской авиации росла по мере увеличения светлого времени суток и улучшения метеоусловий. В период с 11 по 29 мая силы флота вели действия на коммуникациях по плану РВ-4. По конвою в составе семи транспортов и более 20 кораблей охранения, обнаруженному в ночь на 12 мая 1944 г. в районе мыса Омганг, было нанесено 10 воздушных ударов. Для их выполнения авиация флота произвела 179 самолето-вылетов, израсходовав 28 торпед, 147 авиабомб, 28 реактивных снарядов, около 1600 артиллерийских снарядов и около 18 700 пулеметных патронов. Противник потерял сторожевой корабль, а кроме того, по докладам советских летчиков, было сбито восемь вражеских истребителей. ВВС Северного флота потеряли торпедоносец, четыре истребителя и один штурмовик[265].

25–26 мая авиация Северного флота нанесла шесть последовательных ударов по конвою, обнаруженному воздушной разведкой в районе мыса Нордкин, в ходе которых был потоплен пароход (3502 брт), транспорт (3672 брт) и танкер (761 брт), получили повреждения и удалось сбить 12 истребителей противника. Однако и этот результат был достигнут дорогой ценой: израсходовав 13 торпед и 68 авиабомб, ВВС флота потеряли 13 самолетов[266].

Переходы конвоев и одиночных транспортов по внутренним арктическим коммуникациям в первой половине 1944 г. осуществлялись в основном между Кольским заливом и портами Белого моря. Оценивая угрозу от вражеских надводных сил как незначительную, а от подводных лодок и авиации как достаточно высокую, в состав их охранения командование Северного флота назначало эскадренные миноносцы, тральщики и большие охотники.

Действия сил Северного флота по обеспечению проводки конвоев по внутренним арктическим коммуникациям в марте — апреле 1944 г. свидетельствуют, что в зимне-весеннюю кампанию 1944 г. поставленных целей противник не добился. Прервать движение советских конвоев и одиночных судов на срок, достаточный для того, чтобы создать значительные трудности с осуществлением воинских и народно-хозяйственных перевозок, ему не удалось.

Борьба с военно-морскими и военно-воздушными силами врага в Арктике Северным флотом велась ограниченно. Так, 11–14 февраля 1944 г. 15 дальних бомбардировщиков флота пытались нанести удар по находившемуся в Альтен-фьорде линейному кораблю «Тирпиц». Однако в атаку вышли только четыре самолета. От взрывов бомб, упавших рядом, корабль получил лишь незначительные повреждения.

Характер и основные направления морских перевозок противника на Балтике в первой половине 1944 г. оставались такими же, как и в 1943 г.

По мнению Ф. Руге, «первый удар в районе Балтийского моря, который в январе 1944 г. отодвинул линию фронта от Ленинграда и Ораниенбаума до Нарвы и озера Пейпус, еще не внес серьезных изменений в обстановку на море»[267]. Аналогичную мысль высказал и советский военно-морской историк А. В. Басов, заметив, что «коммуникации врага на Балтийском море оказались самыми труднодоступными для советского флота»[268].

Морским транспортом осуществлялась переброска на советско-германский фронт войск из Германии, Норвегии и Финляндии. Только с 16 февраля по 4 марта 1944 г. 52 транспорта доставили в порты Прибалтики около 21 000 солдат и офицеров, а с 1 по 24 апреля из Осло в Ригу и Таллин были перевезены войска двух пехотных дивизий.

Наиболее важными для противника были морские коммуникации, связывающие Германию с северными районами Скандинавии. С января по сентябрь 1944 г. по ним планировалось доставить 24,2 млн тонн угля, железной руды, никеля, продовольствия и других грузов.

У побережья Финского и Ботнического заливов транспортные суда следовали, как правило, по контролируемым шхерным фарватерам. Выходя в центральную часть моря, они шли, держась восточного побережья Швеции, а далее их маршруты выбирались в зависимости от того, где находился пункт разгрузки — в Данцигской, Померанской или Мекленбургской бухте.

При выполнении воинских и народно-хозяйственных перевозок в восточной части Финского залива в зимний период и ранней весной немецкое командование сталкивалось с теми же проблемами, что и советское: чрезвычайно высокую минную опасность усугубляла тяжелая ледовая обстановка. В этих условиях, даже имея точные данные о расположении своих минных заграждений, противник терял корабли и суда от подрыва на собственных минах. Так, 21 апреля 1944 г. погиб германский минный заградитель Roland[269].

Тем не менее, исходя из прежнего опыта, германское командование нисколько не заблуждалось относительно того, что по мере освобождения Финского залива ото льда активность сил Балтийского флота будет неуклонно нарастать, и понимало, что даже высокие потери не смогут предотвратить попытки расширить его операционную зону.

В первой декаде марта 1944 г. для защиты своих минных заграждений и поддержки войск приморского фланга группы «Нарва» противником было сформировано несколько отрядов, имевших в своем составе до 15 кораблей и катеров различных классов (тральщиков, артиллерийских плавучих батарей, десантных барж, сторожевых катеров и др.). Основным способом их применения стало несение корабельных дозоров в Нарвском заливе.

8 февраля 1944 г. народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов направил Военному совету Балтийского флота директиву «О задачах флота в связи с изменением обстановки на фронтах и Балтийском театре». В документе отмечалось: «Обстановка на фронтах, в частности на Балтийском театре, способствует и требует от БФ максимальной активизации действий». Подчеркнув, что главной задачей флота остается «содействие флангу армии огнем корабельной, железнодорожной артиллерии, ВВС и высадкой десантов», нарком потребовал от командования флота ведения «систематической и упорной разведки морских путей на запад всеми возможными силами (включая траление)».

Третья задача, поставленная народным комиссаром ВМФ, требовала «настойчивого расширения операционной зоны флота и создания в ней выгодного [оперативного] режима». Задача «систематического нарушения коммуникаций противника на Балтийском море» стояла лишь на четвертом месте[270]. Фактически же в зимне-весенней кампании 1944 г. она стала второй.

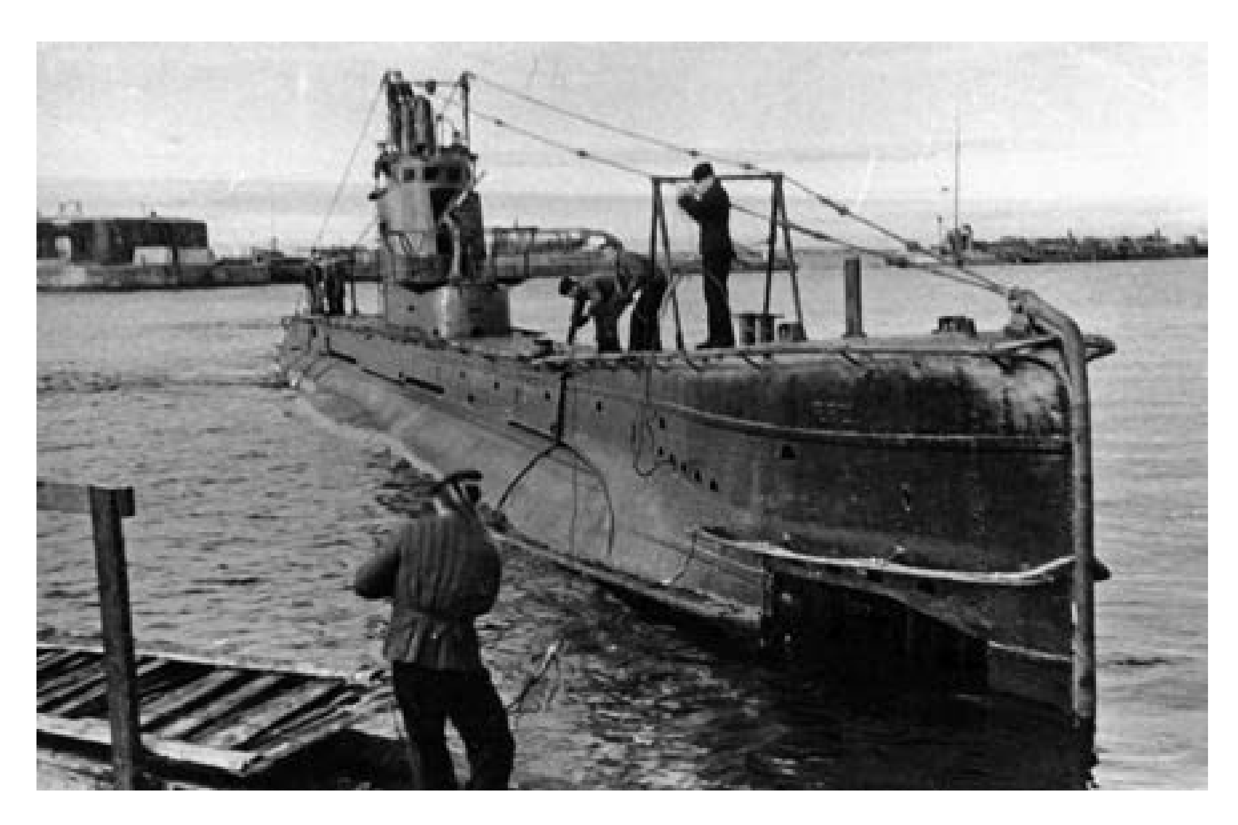
С конца 1943 г. на основе указаний Ставки Верховного главнокомандования велась подготовка к перебазированию сил Балтийского флота в Прибалтику и Южную Финляндию. Планы организационных мероприятий, согласованные с замыслом стратегических наступательных операций на приморских направлениях, получили наименования «Запад-1», «Запад-2» и «Запад-3»[271].

Первый из них подлежал реализации с выходом войск Ленинградского фронта на рубеж р. Нарова. Однако своевременно к его выполнению флот приступить не смог: не были учтены трудности, обусловленные состоянием путей сообщения и недостаточной обеспеченностью соединений и частей флота транспортом. Кроме того, не было предусмотрено время, необходимое для траления и уничтожения мин на подходах к новым местам базирования и восстановления причальных сооружений.

Тем не менее к 22 февраля 1944 г. было завершено формирование Лужской военно-морской базы в поселке Ручьи. В ее состав вошли дивизион сторожевых катеров, охрана рейдов, артиллерийский дивизион береговой обороны и бригада ПВО. Два штурмовых и два истребительных авиационных полка перебазировались на аэродромы Котлы и Копорье, бомбардировочный полк и одна истребительная авиационная эскадрилья — в Борки, еще один истребительный авиаполк — на аэродром деревни Гора-Валдай, а разведывательный авиационный полк — на аэродром Гражданка.

После этого возможности сил флота по оказанию содействия войскам фронта и ведению самостоятельных действий выросли, однако не столь значительно, как предполагалось: условия для действий Балтийского флота стали несколько лучше только у южного побережья Финского залива, от Невской губы до Нарвского залива.

В январе и марте 1944 г. для производства минных постановок авиация Балтийского флота совершила 54 самолето-вылета. Эти действия выполнялись в ночное время.

Подводная лодка Балтийского флота возвращается из похода

С конца первой декады марта авиация флота стала систематически наносить удары по вражеским дозорным кораблям и катерам в Нарвском заливе, однако результативность этих действий была низкой. Косвенно это подтверждается тем, что в начале второй декады этого месяца германское командование направило в Финский залив флотилию эскадренных миноносцев, корабли которой, не встречая противодействия со стороны сил Балтийского флота, обстреляли позиции войск 2-й ударной армии, занимавших плацдарм на левом берегу р. Наровы[272].

В это время основной задачей военно-воздушных сил флота было завоевание господства в воздухе над Нарвским заливом. С начала марта до начала июня 1944 г. в этом районе состоялось более 200 воздушных боев.

Между тем противник в первую очередь стремился исключить возможность выхода советских военно-морских сил в центральную часть Балтики, где проходили его морские коммуникации, критически важные для продолжения войны. Недопустимость их появления в районах, расположенных у южного берега Балтийского моря, с точки зрения германского военно-морского командования была обусловлена тем, что на этом побережье находились центры по производству ракетного оружия, строительству подводных лодок и подготовке их экипажей, от результатов деятельности которых перспективы борьбы нацистской Германии против держав антигитлеровской коалиции также сильно зависели.

Восстанавливая плотность своих минных заграждений и усиливая их новыми линиями, с 13 марта по 20 мая 1944 г. корабли и катера германского флота поставили в Финском заливе 7599 мин и 2795 минных защитников[273].

Считая, что постоянно подновляемые противолодочные рубежи в Финском заливе непреодолимы для советских подводных лодок, а аэродромы Ленинградского узла находятся

слишком далеко от центральной и южной частей Балтийского моря, командование противника разрешало своим транспортам совершать в этих районах переходы без охранения.

В связи с этим перед началом зимне-весенней кампании 1944 г. народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов обратился к народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову с просьбой поставить вопрос об участии в борьбе против немецкого судоходства на Балтике английской минно-торпедной авиации. Союзники согласились с этим предложением и с весны 1944 г. начали ставить авиационные неконтактные мины в Данцигской и Померанской бухтах.

Исходя из реально сложившейся обстановки, не позволявшей Балтийскому флоту вести самостоятельные действия всеми родами сил, Ставка ВГК директивой № 220 061 от 31 марта 1944 г. оставила Балтийский флот с Ладожской военной флотилией в оперативном подчинении командующего Ленинградским фронтом.

В первой половине 1944 г. в центральной части моря, в западной части Финского залива и в Рижском заливе действовала преимущественно минно-торпедная авиация ВВС Балтийского флота, самолеты которой вылетали на «свободную охоту», причем в большинстве случаев поодиночке. Действуя таким способом, создать серьезные затруднения для судоходства противника в этих районах им не удалось. Не оправдались и расчеты на то, что вооружение самолетов радиолокаторами позволит обойтись без предварительной разведки целей для нанесения воздушных ударов.

Нерешенной проблемой оставалось определение фактических результатов действий. Сами летчики объективно определить ущерб, нанесенный неприятелю, как правило, не могли, особенно в тех случаях, когда противодействие было сильным. Фотосъемка также не давала абсолютно достоверных данных. Поэтому в современных зарубежных источниках встречаются сообщения об уничтожении кораблей и судов, о которых командование ВВС Балтийского флота не доносило. К примеру, по данным противника, 10 апреля 1944 г. в Финском заливе нашей авиацией был потоплен германский тральщик М-459 и тяжело поврежден однотипный с ним М-413[274], однако в отечественной военно-морской историографии этот факт не зафиксирован.

Иногда летчики представляли командованию неверные данные из-за того, что не умели правильно идентифицировать объект атаки. К примеру, в ночь на 8 мая 1944 г. торпедоносец 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка в районе северо-западнее острова Осмуссар обнаружил и атаковал цель, которая была определена как транспорт противника. Согласно зарубежным источникам, в этом районе и примерно в это же время советской авиацией был потоплен сторожевой катер V-1701[275].

Наиболее результативными были воздушные удары по базам и портам противника, хотя и эти действия планировались на основе неполных данных об обстановке. Так, с 7 февраля по 7 апреля 1944 г. самолеты ВВС Балтийского флота и дальней авиации нанесли по два воздушных удара по Хельсинки и Котке. Бомбами и пушечно-пулеметным огнем были потоплены два транспорта (1381 и 696 брт), а также два сторожевых катера, один транспорт серьезно поврежден. Кроме того, были разрушены портовые сооружения, подожжены хранилища жидкого топлива и уничтожено несколько железнодорожных вагонов[276].

В конце апреля 1944 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов приказал командующему Балтийским флотом адмиралу В. Ф. Трибуцу усилить авиаразведку морских коммуникаций противника, активизировать действия минно-торпедной, бомбардировочной и штурмовой авиации и продолжать постановку авиационных мин на подходах к портам в центральной и восточной частях Финского залива. Выполняя эти указания, в период с 5 по 19 мая авиация флота нанесла по Котке еще четыре воздушных удара, уничтожив транспорт, три катера, зенитную батарею, 32 железнодорожных вагона, причинив серьезные разрушения причалам и важным промышленным объектам, включая суперфосфатный завод[277].

Корабельные силы флота применялись в ограниченных масштабах. Подводные лодки и наиболее ценные надводные корабли оставались в Кронштадте и Ленинграде. Их личный

состав занимался ремонтом материальной части и боевой подготовкой, ожидая приказа о начале перебазирования по планам «Запад-2» и «Запад-3».

Борьбу с судоходством и военно-морскими силами противника в восточной части Финского залива вели канонерские лодки и боевые катера. Весной 1944 г. их основной задачей было создание условий для действий своих сил у его южного побережья, в первую очередь в Нарвском заливе. С этой целью командование Балтийского флота перевело из состава Ленинградской военно-морской базы в Лужскую ВМБ два дивизиона тральщиков, а в период с 10 по 21 апреля на флоте была сформирована еще одна бригада траления (контр-адмирал М. Ф. Белов)[278].

Параллельно с тралением фарватеров разворачивалась борьба с корабельными силами врага. В период с 13 по 28 мая 1944 г. к югу от острова Лавенсари произошло несколько боевых столкновений, в которых противник потерял тральщик и не менее 10 самолетов, а Балтийский флот — пять боевых катеров[279].

Считая, что этих потерь можно было избежать, 15 мая нарком ВМФ направил командующему Балтийским флотом директиву, в которой указал на то, что «начатая боевая деятельность КБФ имеет ряд существенных недочетов и промахов». «Особенно это непонятно, — писал он, — при наличии явного превосходства в корабельных и авиационных силах над противником. Стыдно, что противник на море нас бьет». Основные причины неудач, по мнению наркома ВМФ, заключались в оторванности командования и штаба флота от непосредственного руководства и управления частями, ведущими боевые действия в восточной части Финского залива, плохом боевом управлении и неумении «маневрировать поддерживающими силами»[280].

Справедливость изложенных в директиве наркома ВМФ выводов вскоре подтвердилась. 25 мая 1944 г. без какого-либо противодействия со стороны сил Балтийского флота у побережья Нарвского залива корабли неприятеля выставили 2228 мин[281].

К активным минным постановкам прибегало и командование Балтийского флота, однако производились они в значительно меньших масштабах с учетом того, что впоследствии могли затруднить действия своих сил. В период с 17 мая по 4 июня 1944 г. торпедные катера флота произвели постановку мин на Восточном Гогландском плесе и у входа в Выборгский залив. А с 25 мая к решению этой задачи стали привлекаться специально переоборудованные катера-заградители. На минах, выставленных ими, противник потерял торпедный катер, катер-тральщик и две артиллерийские баржи[282]. С наступлением белых ночей постановку активных минных заграждений пришлось прекратить: обеспечить их скрытность было уже нельзя.

В целом, итоги самостоятельных действий Балтийского флота в первой половине 1944 г. показали, что ведение их недостаточными силами решения поставленных задач не обеспечивает. Для достижения более существенных результатов необходимо было приблизить систему базирования флота к районам, где проходили основные морские коммуникации и находились главные пункты погрузки и выгрузки. В первую очередь это зависело от действий советских войск в Прибалтике и решения проблемы вывода из войны Финляндии.

* * *

Таким образом, в течение зимы и весны 1944 г. советские войска на северном и северо-западном направлении в целом выполнили поставленные перед ними задачи. Войска Карельского фронта, надежно удерживая занимаемые рубежи, создали условия для перехода в наступление с целью освобождения оккупированной противником территории Карелии и Заполярья.

Войска Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов после успешного завершения Ленинградско-Новгородской операции смогли лишь незначительно продвинуться на нарв-

ском, псковском, островском и идрицком направлениях. Их попытки развить наступление весной существенных результатов не дали. «В итоге боевых действий, — вспоминал генерал армии С. М. Штеменко, — наши войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника. На пути лежал, в частности, Псковско-Островский укрепленный район, который подпирали с юга основные силы 16-й немецкой армии»[283].

Самостоятельные действия Северного и Балтийского флотов в зимне-весенней кампании 1944 г. существенного влияния на стратегическую обстановку на советско-германском фронте и даже на северном и северо-западном направлениях не оказали. В большинстве случаев их основные цели не были достигнуты, хотя определяя общие задачи этих объединений, Верховное главнокомандование и Главное командование Военно-морского флота учитывали реальное состояние их сил и оперативную обстановку в их операционных зонах.

События зимы — весны 1944 г. показали, что Северный флот не был способен в полном объеме решать возложенные на него задачи из-за их несоответствия боевому составу. В свою очередь, применение главных сил Балтийского флота осложнялось чрезвычайно высокой минной опасностью, неблагоприятными условиями базирования, а также сложной ледовой и навигационной обстановкой. Большинство кораблей и самолетов отечественного производства отличались невысокими тактико-техническими характеристиками. Вместе с тем низкая результативность самостоятельных действий советских военно-морских сил на этих театрах была следствием и ряда субъективных причин. Среди них: недостаточный уровень оперативной подготовки руководящего состава и штабов флотов, тактической подготовки командиров соединений, частей и кораблей, неудовлетворительная организация боевого и других видов обеспечения, наличие проблем с поддержанием боеготовности сил и войск на должном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 75. Л. 106–112.

[2] Там же. Д. 72. Л. 72.

[3] Северный оборонительный район (СОР) был создан в июле 1942 г. для обороны полуостровов Средний и Рыбачий. В него входили 23-й укрепленный район, 63-я и 12-я бригады морской пехоты.

[4] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1480. Л. 40.

[5] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. München, 2007. S. 997.

[6] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 909. Д. 13. Л. 6 об.

[7] Там же. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 72. Л. 61.

[8] Там же. Д. 75. Л. 106.

[9] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 909. Д. 11. Л. 137.

[10] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 3. Л. 16.

[11] Там же. Оп. 1487. Д. 581. Л. 157.

[12] Там же. Ф. 16. Оп. 909. Д. 9. Л. 37.

[13] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 659. Л. 41.

[14] Там же. Оп. 1443. Д. 74. Л. 135.

[15] Там же. Оп. 1437. Д. 521. Л. 4.

[16] Там же. Д. 465. Л. 67.

[17] Там же. Л. 84.

[18] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1460. Д. 3. Л. 2.

[19] Там же. Оп. 1487. Д. 289. Л. 10–19.

[20] Там же. Оп. 1463. Д. 3. Л. 26.

[21] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 49.

[22] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 2003. С. 376.

[23] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 34–35.

[24] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1480. Л. 38–42.

[25] Там же. Оп. 1443. Д. 1628. Л. 72.

[26] Там же. Д. 196. Л. 148.

[27] Там же. Л. 149.

[28] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 909. Д. 13. Л. 6 об.

[29] Там же. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 197. Л. 101.

[30] Там же. Л. 102.

[31] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 57. Л. 114.

[32] Там же. Д. 1631. Л. 72–73.

[33] Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 105.

[34] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 50. Л. 36.

[35] Там же. Оп. 1431. Д. 56. Л. 61.

[36] Там же. Оп. 1443. Д. 75. Л. 17.

[37] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 116–189; Д. 3. Л. 46–274; Д. 4. Л. 2–186; Д. 5. Л. 48–160.

[38] Там же. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 175. Л. 66.

[39] Там же. Оп. 1437. Д. 1587. Л. 53.
[40] Там же. Д. 1587. Л. 44.
[41] В качестве главных условий мира с Финляндией советское правительство выдвинуло следующие требования: разрыв ее отношений с Германией; интернирование немецких войск; восстановление советско-финского договора 1940 г.; отвод финских войск к границе, установленной в том же году; возвращение советских и союзных военнопленных, а также советских и союзных гражданских лиц, содержащихся в концлагерях или используемых на работах.
[42] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 976–978.
[43] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 61.
[44] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 197. Л. 216–217.
[45] Там же. Д. 4. Л. 135.
[46] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 909. Д. 9. Л. 37.
[47] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 425.
[48] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. М., 1958. С. 34.
[49] Цит. по: Политическое обеспечение великой победы под Ленинградом. Январь — март 1944. Л., 1945. С. 6–7.
[50] В состав группы «Екельн» входили 17 отдельных батальонов.
[51] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. М., 1977. С. 116.
[52] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 264.
[53] *Майстер Ю.* Война в восточноевропейских водах. 1941–1945 / Пер. с нем. М., 1996. С. 3, 6, 22, 39–44, 48–51, 82.
[54] *Hambl R.* Hitler's High Seas Fleet. New York, 1971. P. 154.
[55] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. С. 31.
[56] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 18. Л. 328.
[57] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 22.
[58] *Мачикин Е. Г. и др.* Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. М., 2006. С. 540.
[59] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 46. Д. 19065. Л. 1–1 об.; Д. 18596. Л. 1.
[60] *Ачкасов В. И. и др.* Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1959. С. 322–323.
[61] ЦВМА. Ф. 2. Д. 36816. Л. 197–201, 208, 232; Ф. 9. Д. 19067. Л. 15.
[62] Там же. Ф. 97. Д. 37877. Л. 4–6.
[63] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 2. М., 2010. С. 313.
[64] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2218. Л. 1–5.
[65] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. С. 36.
[66] Наступательная операция 2-й ударной армии Ленинградского фронта с приморского плацдарма (январь — февраль 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. М., 1945. С. 164.
[67] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. С. 39.
[68] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 34. Л. 81.
[69] Там же. Оп. 2224. Д. 601. Л. 6–7.
[70] Там же. Л. 12–13.
[71] Там же. Л. 5.
[72] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. С. 36–37.
[73] Ораниенбаумский плацдарм — узкая полоса лесисто-болотистой местности вдоль побережья Финского залива, от Керново у Копорской губы до Петергофа, удерживалась советскими войсками с сентября 1941 г. От Ленинграда его отделяли 30 км. Его протяженность по суше составляла 65 км, по побережью —

78 км, наибольшая глубина — 24 км. Плацдарм сыграл важную роль в обороне Ленинграда (прикрывал главную базу Балтийского флота — Кронштадт, нависая над левым флангом немецкой 18-й армии).

[74] ЦВМА. Ф. 6. Д. 2146. Л. 227–234.

[75] В общей сложности к 22 января в район Ораниенбаума было доставлено 52 175 человек личного состава, 2300 автомашин и тракторов, 214 танков и бронемашин, 790 орудий и минометов, около 5800 тонн боеприпасов, 3862 лошади, 13 968 тонн различных грузов (См.: Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 63; Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. М., 2006. С. 198).

[76] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4837. Л. 58.

[77] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 267.

[78] Битва за Ленинград. 1941–1944. М., 1964. С. 330.

[79] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 490.

[80] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 235. Л. 5.

[81] *Мачикин Е. Г. и др.* Указ. соч. С. 195–196.

[82] *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1964. С. 173–174.

[83] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 23. Л. 21.

[84] Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2275. Л. 13.

[85] Там же. Ф. 217. Оп. 1219. Д. 777. Л. 38.

[86] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД Санкт-Петербурга). Ф. 116. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–2; Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Жуковский — М., 2001. С. 234–235.

[87] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 284.

[88] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 115.

[89] Морской сборник. 1973. № 2. С. 33.

[90] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4837. Л. 73.

[91] Там же. Л. 72.

[92] *Тарасов М. Я.* Разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 7.

[93] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 39; *Тарасов М. Я.* Указ. соч. С. 7.

[94] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 39.

[95] Битва за Ленинград. 1941–1944. С. 334.

[96] Там же. С. 335.

[97] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 92. Л. 41.

[98] Там же. Л. 50.

[99] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 50.

[100] Там же. Д. 4837. Л. 89.

[101] Славный подвиг партизана Пахорукова // Красная звезда. 1944. 15 января.

[102] *Федюнинский И. И.* Указ. соч. С. 178.

[103] *Тарасов М. Я.* Указ. соч. С. 9.

[104] *Борщов С. Н.* От Невы до Эльбы. Л., 1973. С. 199.

[105] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 160–161.

[106] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 123.

[107] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 73.

[108] Там же. Л. 57–59.

[109] Приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Говорову // Красная звезда. 1944. 20 января.

[110] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 77.

[111] *Михайлов А., Василевский В.* Пепел Петергофа // Красная звезда. 1944. 21 января.

[112] Без учета реактивной артиллерии. В 59-й армии было 58 установок М-8 и М-13 и 498 рам М-30.

[113] Новгородская операция // Сборник материалов по изучению опыта войны. Май — июнь 1944 г. № 12. С. 45.

[114] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 44.
[115] Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2292. Л. 31.
[116] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 366.
[117] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2275. Л. 15–17.
[118] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 366.
[119] Новгородская операция // Сборник материалов по изучению опыта войны. Май — июнь 1944 г. № 12. С. 48.
[120] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2275. Л. 31.
[121] Новгородская операция // Сборник материалов по изучению опыта войны. Май — июнь 1944 г. № 12. С. 51.
[122] Приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Мерецкову // Красная звезда. 1944. 21 января.
[123] *Азбукин Б.* Северо-западнее и севернее Невеля // Красная звезда. 1944. 3 января.
[124] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 21–28.
[125] Там же. Д. 17. Л. 32.
[126] Там же. Д. 1. Л. 36–57.
[127] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 34.
[128] Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 39. Л. 127–128.
[129] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 34.
[130] Там же. Л. 35.
[131] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 39. Л. 126.
[132] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 35.
[133] Там же. Оп. 1074. Д. 17. Л. 67.
[134] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 39. Л. 121–122.
[135] Там же. Д. 32. Л. 23.
[136] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 32.
[137] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 155.
[138] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 15–16.
[139] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 35.
[140] Там же. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 601. Л. 12.
[141] *Азбукин Б.* Севернее города Новосокольники // Красная звезда. 1944. 18 января.
[142] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 160, 163; Ф. 239. Оп. 2224. Д. 526. Л. 88–88 об.
[143] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 36.
[144] Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 224. Л. 47–48.
[145] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 6. Л. 41.
[146] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 23.
[147] Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 218. Л. 60.
[148] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 24.
[149] Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2275. Л. 55.
[150] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 218. Л. 35.
[151] Там же. Д. 92. Л. 61–62.
[152] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 92. Л. 95.
[153] Там же. Л. 112–113.
[154] *Майстер Ю.* Война в восточноевропейских водах... С. 97–98.
[155] Цит. по: Правда. 1944. 28 января.
[156] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 287.
[157] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4837. Л. 203; *Борщов С. Н.* Указ. соч. С. 213.
[158] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 6. Л. 49–50.
[159] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 291.
[160] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 372.
[161] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 293.

[162] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 291.
[163] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 29.
[164] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 30.
[165] Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 218. Л. 132–133.
[166] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. С. 83.
[167] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 224. Л. 182.
[168] Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3863. Л. 226.
[169] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 110, 112.
[170] Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 23. Л. 26.
[171] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 137.
[172] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 91. Л. 9–10.
[173] Там же. Д. 5. Л. 37–38.
[174] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 121.
[175] ЦВМА. Ф. 9. Д. 3338. Л. 1–64; Ф. 46. Д. 19104. Л. 125 об. — 126 об.; Ф. 96. Д. 20875. Л. 7–15.
[176] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 122.
[177] Там же. Д. 1. Л. 237.
[178] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 526. Л. 134; *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. М., 1971. С. 224.
[179] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 1. Л. 5.
[180] Там же. Д. 15. Л. 36.
[181] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 31.
[182] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 122.
[183] Там же. Оп. 943. Д. 15. Л. 37.
[184] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 26–27.
[185] Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2261. Л. 2.
[186] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 43.
[187] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 32.
[188] Там же. Л. 31.
[189] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 44.
[190] Оперативная группа «Шпонхаймер» 23 февраля была преобразована в оперативную группу «Нарва».
[191] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 32–33.
[192] *Федюнинский И. И.* Указ. соч. С. 184–185.
[193] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 94. Л. 12.
[194] *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 532.
[195] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 155.
[196] Там же. Л. 188.
[197] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 21.
[198] Там же. Д. 3. Л. 1–8.
[199] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1480. Л. 28–29.
[200] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 3. Л. 9–15.
[201] Там же. Оп. 943. Д. 15. Л. 39.
[202] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 139. Л. 203.
[203] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 218, 220.
[204] Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 39. Л. 590.
[205] Как правило, разгромленные вражеские дивизии сводились в «боевые группы» или «остатки дивизий». В течение февраля противнику удалось восстановить десять пехотных дивизий.
[206] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 94. Л. 84–86.
[207] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 1, 3.

[208] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 94. Л. 157–158.
[209] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 40.
[210] Там же. Д. 12. Л. 18.
[211] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 3. Л. 89.
[212] Там же. Оп. 943. Д. 15. Л. 40.
[213] Там же. Оп. 1074. Д. 3. Л. 65, 74, 84, 95, 146, 166, 176, 195, 205.
[214] Там же. Л. 264.
[215] Там же. Д. 4. Л. 1, 3.
[216] Там же. Л. 3–4.
[217] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 139. Л. 209.
[218] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 67.
[219] Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 34. Л. 402.
[220] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 76–87.
[221] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 75.
[222] *Горьков Ю. А.* Указ. соч. С. 532–533.
[223] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 50.
[224] Постановление ГКО от 20 апреля 1944 г. № 5689 // *Горьков Ю. А.* Указ. соч. С. 533.
[225] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 332.
[226] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 77.
[227] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 211–218.
[228] Цит. по: Красная звезда. 1944. 1 февраля.
[229] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 41.
[230] Ленинград выстоял и победил. М., 2004. С. 49.
[231] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 317.
[232] ЦВМА. Ф. 59. Д. 14951. Л. 19, 21, 27, 29–34, 96–100; Д. 33825. Л. 18, 20 об., 22; Ф. 11. Д. 17814. Т. 6. Л. 6; *Мачикин Е. Г. и др.* Указ. соч. С. 19.
[233] *Майстер Ю.* Восточный фронт — война на море. 1941–1945 / Пер. с нем. М., 2005. С. 231.
[234] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 19.
[235] *Майстер Ю.* Восточный фронт — война на море... С. 227.
[236] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 19.
[237] *Майстер Ю.* Восточный фронт — война на море... С. 233.
[238] Там же. С. 220.
[239] *Руге Ф.* Война на море. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1957. С. 97.
[240] *Жуматий В. И.* Боевой и численный состав Военно-морского флота СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Статистический сборник. М., 2006. С. 13–14, 18–19.
[241] ЦВМА. Ф. 20. Д. 38092. Л. 3–4 об.; Ф. 11. Д. 17814. Т. 1. Л. 76, 131; Д. 17814. Т. 6. Л. 4; *Жуматий В. И.* Указ. соч. С. 13.
[242] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. В 4-х вып. М., 1968. Вып. 4. С. 56–57.
[243] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 21–28.
[244] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 118–122, 130–131, 133–136.
[245] *Ачкасов В. И. и др.* Указ. соч. С. 239.
[246] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 284.
[247] В ночь на 3 марта 1944 г. судно-кран «Эмпайр Турист» отстало от конвоя и зашло в Иоканьгу.
[248] ЦВМА. Ф. 2. Д. 10072. Л. 6, 8–10, 11 об., 15, 17; Ф. 11. Д. 17543. Л. 104–105, 107–108, 111; Ф. 12, Д. 12149. Л. 19 об. — 20; Ф. 20. Д. 17995. Л. 113, 115 об.; Ф. 220. Д. 10149. Л. 20–20 об.; Д. 11286. Л. 1–1 об.; *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 267–268.

[249] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 251–253; Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 29–30.

[250] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 216.

[251] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 70–72.

[252] *Красавкин В. К., Филоненко В. Н.* Штаб Северного флота (1916–1998). Историко-документальный очерк. СПб., 1999. С. 153.

[253] *Rohwer J.* Allied Submarine Attacks of World War Two: European Theatre of Operations 1939–1945. London, 1997. P. 38.

[254] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 70–100; *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 256–257, 260–261, 262, 267, 270.

[255] *Ачкасов В. И. и др.* Указ. соч. С. 222.

[256] *Rohwer J., Hümmelchen G.* Cronology of the War at Sea 1939–1945. P. 270.

[257] *Красавкин В. К., Филоненко В. Н.* Указ. соч. С. 155.

[258] *Кузьмин А. В.* В прибрежных водах. М., 1967. С. 83.

[259] 10 марта две торпеды по нему выпустила М-104 («Ярославский комсомолец», капитан-лейтенант Ф. И. Лукьянов), а 16 июня 1944 г. останки «Наталя» вновь атаковала (и на этот раз поразила одной торпедой) М-201 (Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 73; *Rohwer J.* Allied Submarine Attacks of World War Two: European Theatre of Operations 1939–1945. P. 38–40).

[260] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 91–92; *Rohwer J.* Allied Submarine Attacks of World War Two: European Theatre of Operations 1939–1945. P. 38; *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 276.

[261] *Кузьмин А. В.* Указ. соч. С. 74.

[262] История развития морских вооружений. В 2-х кн. М., 1989. Кн. 1. С. 186.

[263] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 91–92.

[264] Там же. С. 93–94.

[265] Там же. С. 94.

[266] Там же. С. 95–99; *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 256.

[267] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 376.

[268] *Басов А. В.* Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Опыт оперативно-стратегического применения). М., 1980. С. 267.

[269] *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 265.

[270] ЦВМА. Ф. 9. Д. 21768. Л. 1–39 об.; Д. 21765. Л. 8, 263–265 об.; Д. 19059. Л. 25–33; Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 302.

[271] ЦВМА. Ф. 216. Д. 12890. Л. 383; Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 271.

[272] ЦВМА. Ф. 9. Д. 21768. Л. 1–39 об.; Д. 21765. Л. 8, 263–265 об.; Д. 19059. Л. 25–33.

[273] *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. P. 265.

[274] Ibid. P. 269.

[275] Ibid. P. 275.

[276] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 290–291.

[277] Там же. С. 292–293.

[278] ЦВМА. Ф. 85. Д. 22468. Л. 163–164.

[279] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 330–334.

[280] ЦВМА. Ф. 216. Д. 12904. Л. 301; Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). С. 317.

[281] *Майстер Ю.* Восточный фронт — война на море... С. 99.

[282] ЦВМА. Ф. 27. Д. 11238. Л. 9–14, 125–126; Ф. 260. Д. 33413. Л. 116; Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 292–293.

[283] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1985. Кн. 1. С. 313.

СРАЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

К началу 1944 г. на центральном участке советско-германского фронта для Вооруженных сил СССР создалась благоприятная обстановка. Тем не менее при планировании зимне-весенней кампании Ставка ВГК предпочла активизировать наступательные действия на северо-западном и юго-западном направлениях. Войскам же на центральном участке советско-германского фронта отводилась вспомогательная роль: проведение ряда операций с ограниченными целями с тем, чтобы лишить командование немецкой группы армий «Центр» маневра, а значит, и возможности привлечь силы с других направлений для отражения удара прежде всего на Правобережной Украине.

Исходя из общих политических и стратегических целей, Ставка ВГК определила задачи 1-му Прибалтийскому, Западному и Белорусскому фронтам: продолжить начатые еще осенью 1943 г. наступательные операции по освобождению восточных областей Белоруссии и выйти на рубеж Полоцк — Лепель — Могилев — Птичь. Общая глубина планируемого продвижения на запад не превышала 50–150 км.

В свою очередь, германское командование стремилось удержать оккупированную часть Белоруссии, надежно прикрыть важнейшее направление, выводящее к границам Польши и Восточной Пруссии, сочетая активные оборонительные действия с наступлением. Здесь располагалась группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4, 9 и 2-й армий при поддержке 6-го воздушного флота. Всего в нее входило 63 дивизии, в том числе шесть танковых, три моторизованные, одна пехотная бригада, четыре отдельных танковых батальона, 12 дивизионов штурмовых орудий[1]. В войсках противника, которые насчитывали 1350 тыс. человек, на вооружении имелось 12 810 орудий и минометов, 630 танков и штурмовых орудий, 700 самолетов[2]. Командующий генерал-фельдмаршал Э. Буш широко использовал боевые возможности новых типов танков, штурмовых орудий и самолетов. Группа армий «Центр», несмотря на прежние крупные поражения, надломившие боевой дух ее личного состава, все еще оставалась мощной военной машиной.

На западном направлении группе армий «Центр» в полосе между Невелем и р. Припять противостояли три советских фронта — 1-й Прибалтийский, Западный и Белорусский. В их составе имелось 15 общевойсковых и три воздушные армии. В полосе шириной 650 км было развернуто 135 стрелковых и девять кавалерийских дивизий, четыре танковых корпуса, шесть укрепленных районов, шесть стрелковых и 17 отдельных танковых бригад. Общая численность советских войск составляла 1580 тыс. человек. На их вооружении было 24 041 орудие и миномет, 1159 танков и САУ, 2443 боевых самолета[3]. Для содействия советским войскам планировались активные действия белорусских партизан. Они должны были провести операцию по подрыву железнодорожного полотна под условным названием «Зимний концерт»[4].

Группа армий «Центр» по численности личного состава практически была равной трем советским фронтам, но она значительно уступала им в количестве артиллерийских орудий, танков и особенно самолетов.

1-й Прибалтийский фронт действовал на витебском направлении, Западный — на оршанском, а Белорусский — на бобруйском. Боевой дух советских войск был весьма высоким. Командованию фронтов приходилось учитывать, что те задачи, которые были определены Ставкой ВГК, предстояло выполнять без оперативной паузы, при невысокой укомплектованности личным составом, ограниченной обеспеченности их боеприпасами, горючим и другими материальными средствами.

В январе — феврале 1944 г. 1-й Прибалтийский фронт предпринял две попытки освободить Витебск. В ходе первой операции (с 3 по 18 января) его войска ценой больших потерь вклинились в оборону противника на северо-западе от этого города и перерезали шоссе Полоцк — Витебск. Вторая операция, проведенная с 3 по 16 февраля во взаимодействии с Западным фронтом, также не привела к успеху, но существенно истощила вражеские силы.

Не достигли ощутимого результата и действия войск Западного фронта: на витебском направлении — с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г. и с 29 февраля по 5 марта 1944 г.; на богушевском — с 8 по 24 января и с 21 по 29 марта; на оршанском — с 22 по 25 февраля и с 5 по 9 марта 1944 г.

На мозырском направлении войска Белорусского фронта 8 января нанесли сильный удар по флангам 2-й немецкой армии, 19 февраля — основные усилия были сконцентрированы в долине р. Березины, предприняв наступление на Бобруйск с юго-востока, а 21 февраля — с востока. Образованный 17 февраля 1944 г. в полосе между 1-м Украинским и Белорусским фронтами 2-й Белорусский фронт 15 марта начал Полесскую операцию с целью освобождения Ковеля, а в дальнейшем — прорыва к Бресту. 15 марта его войска окружили Ковель, но 23 марта противник нанес мощный контрудар и 4 апреля деблокировал ковельскую группировку.

На витебском направлении

По оценке Генерального штаба Красной армии на начало января 1944 г., германское командование обороне Витебска уделяло особое внимание[5]. Впоследствии маршал И. Х. Баграмян подтверждал, что «командование противника делало все возможное, чтобы укрепить... подступы к Витебску»[6]. Поэтому неслучайно на центральном участке советско-германского фронта Ставка ВГК главным определила именно витебское направление — кратчайший путь в Прибалтику и к Восточной Пруссии. Важность этого направления отмечают и немецкие историки, подчеркивая, что командование вермахта рассматривало стоящий на Двине Витебск как «ворота в Прибалтику», а «Красная армия использовала все имеющиеся силы, чтобы взять этот город»[7].

Командование немецкой группы армий «Центр» считало, что необходимо во что бы то ни стало удержать занимаемый севернее и восточнее Витебска рубеж обороны. В этом районе были сосредоточены основные силы 3-й танковой армии: 15 дивизий, в том числе одна танковая, 17 отдельных дивизионов полевой артиллерии РГК, шесть минометных батальонов, пять бригад штурмовых орудий, два батальона танков «тигр» и два дивизиона тяжелых противотанковых орудий[8].

Несмотря на ряд предыдущих неудач, значительные потери в людях и военной технике, низкую укомплектованность соединений и частей, на начало 1944 г. германскому командованию все еще удавалось поддерживать достаточно высокую воинскую дисциплину среди своих войск, которые стойко удерживали занимаемые рубежи. И это, подчеркнем, несмотря на то что солдаты знали о не прекращавшемся отступлении вермахта на юге, которое, естественно, не прибавляло им оптимизма.

Танки Т-34 перед началом атаки. Январь 1944 г.

Митинг артиллеристов перед началом наступления. Январь 1944 г.

Немецкие противотанковые самоходные установки. Белоруссия, январь 1944 г.

Колонна немецкой пехоты выдвигается к линии фронта. Белоруссия, январь 1944 г.

Например, пленный обер-ефрейтор Э. Хауптег из 7-й роты 192-го пехотного полка 56-й пехотной дивизии на допросе показал: «Известия о наступлении русских на разных участках Восточного фронта и в особенности на Украине приводят всех в уныние»[9].

Враг использовал каждый день для совершенствования своей обороны, которая состояла из трех рубежей. Особенно прочно в инженерном отношении был подготовлен первый оборонительный рубеж, состоявший из трех позиций, каждая из которых имела по три траншеи полного профиля[10]. На переднем крае были оборудованы траншеи полного профиля с открытыми пулеметными площадками, расположенными в 30—50 метрах одна от другой. Впереди, в 20—40 метрах, — проволочное заграждение. Перед ним на отдельных участках имелись рогатки, называемые немцами «фландрским забором». Между проволочными заграждениями и траншеями — минные поля, преимущественно противотанковые. В 40—50 метрах за траншеями были построены блиндажи в два-три наката, соединенные между собой ходами сообщения[11]. За первой полосой в 300—700 метрах проходила вторая, а далее — третья. Перед ними также имелись проволочные заграждения, чаще всего прикрытые минными полями. Населенные пункты и высоты, расположенные в глубине обороны, почти на 8 км были подготовлены как взводные и ротные опорные пункты. Подступы к ним защищали инженерные заграждения[12].

В 10—15 км от первого заранее готовился в инженерном отношении и второй рубеж обороны, но, как правило, без заблаговременного занятия его войсками. Предполагалось, что в случае прорыва главного рубежа обороны этот, второй, под прикрытием арьергардов займут отходившие части и подразделения. Третий рубеж обороны, где сосредотачивались армейские резервы и различные специальные части, был оборудован на глубине от 16 до 25 км от переднего края. А такие крупные города, как Витебск, Орша, Могилев, Быхов, Рогачев, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, были превращены в сильные узлы сопротивления, к тому же узлы железнодорожного и автомобильного транспорта[13].

При создании противотанковой обороны противник строил несколько рубежей в глубину. Непосредственно в боевых порядках пехоты устанавливались 75-мм и 88-мм противотанковые орудия. Располагались они на открытых площадках с большим сектором обстрела (180—360 градусов). Местность перед огневыми позициями в большинстве случаев была заминирована[14]. Кроме того, для усиления артиллерийского огня привлекались полевая артиллерия калибра 105 мм и 150 мм и штурмовые орудия, которые имели пять-шесть заранее подготовленных огневых позиций[15].

К началу января 1944 г. на витебском направлении действовали 1-й Прибалтийский и Западный фронты. В последующем была привлечена часть сил 2-го Прибалтийского фронта.

1-й Прибалтийский фронт (4-й ударная, 11-й гвардейская, 39-я, 43-я общевойсковые и 3-я воздушная армии) силами правого крыла еще 24 декабря 1943 г. овладел крупным опорным пунктом противника — г. Городок и подошел к железной дороге на участке Витебск — Полоцк. Войска левого крыла фронта находились в 15 км северо-восточнее и восточнее Витебска.

Западный фронт (5, 10, 31, 33, 49-я общевойсковые и 1-я воздушная армии) широкой полудугой охватывал группировку врага в районе Орши и Могилева.

В тылу группы армий «Центр» действовало 738 партизанских отрядов, насчитывавших в своих рядах 135 072 партизана, контролировавших важные дорожные коммуникации[16]. Так, на 15 января 1944 г. только в тылу 3-й немецкой танковой армии было 16 партизанских бригад общей численностью свыше 17 тыс. бойцов и командиров. Они имели на вооружении 9101 винтовку, 1577 автоматов, 699 пулеметов, 78 противотанковых ружей, 108 минометов, 19 орудий.

Для борьбы с партизанами командование вермахта было вынуждено привлекать в тыловых районах до восьми дивизий, а также большое число различных полицейских и охранных формирований. Первую карательную операцию против Полоцко-Лепельского партизанского края в Белоруссии с участием регулярных войск, с танками и артиллерией противник предпринял в январе, вторую — в апреле 1944 г.[17]

Против партизан были брошены части 252, 95, 56, 6-й пехотных дивизий, 201-я охранная дивизия, авиация и группа «Екельн». В ее составе боевые действия и карательные акции проводили 2-й Лиепайский, 3-й Цесисский полицейские полки при участии 5-го латышского пограничного полка и подразделения 15-й латышской дивизии СС[18]. Руководил операцией командующий 3-й танковой армией генерал Г. Рейнгардт. В результате ожесточенных и кровопролитных боев партизаны, прорвав блокаду, вышли в районы западнее и юго-западнее Ушачей.

К началу 1944 г. боевые действия переместились в центр полосы обороны 3-й немецкой танковой армии, где наступавшие соединения и части Красной армии стремились с востока прорваться к Витебску[19]. После войны бывший генерал вермахта К. Типпельскирх признавал, что «в первые месяцы нового года (1944 г. — *Прим. ред.*) незатухающим очагом боев был район Витебска. После того как русские в декабре вышли к дороге Полоцк — Витебск и приблизились к шоссе Псков — Киев и проходившей западнее него железной дороге, они предприняли две последовательные операции с целью овладеть Витебском путем охвата его с двух сторон. Первая операция с небольшими перерывами, которые были необходимы русским для замены потрепанных дивизий свежими, длилась с 3 по 18 января»[20].

По замыслу Ставки ВГК советские войска должны были разгромить витебскую группировку врага. Как предполагалось, наступление Красной армии на центральном участке советско-германского фронта должно было позитивно повлиять на развитие событий на Правобережной Украине, а также в районе Ленинграда и Новгорода, где происходили главные события зимне-весенней кампании 1944 г.

В соответствии с замыслом Витебскую наступательную операцию предполагалось осуществить силами 11-й гвардейской и 4-й ударной армий, а 39-й армии назначалось вести наступление на второстепенном направлении — юго-восточнее Витебска.

11-й гвардейской армии ставилась задача нанести удар по врагу в направлении Матрасы — Кухари и во взаимодействии с 4-й ударной армией окружить и уничтожить его группировку в районе Жигалово — Зароново — Дивульщина. Развивая наступление вдоль витебского шоссе, выйти в район Кисляки — Ворошилово и разгромить противника. Затем следовало занять рубеж (иск.) Сквиря, Михали[21].

4-й ударной армии предстояло, упорно обороняя полоцкое и сиротинское направления, уничтожить шумилинскую группировку врага и не позднее 2 января освободить район Новоселки — Язвенка — Дворище. В дальнейшем предполагалось подготовить наступление южнее озера Зароновское с задачей во взаимодействии с 11-й гвардейской армией окружить и уничтожить противника, действовавшего на северном берегу этого озера, и выйти на рубеж Ольховники — Сквиря в готовности наступать на Витебск[22]. Затем обе армии, нанося удары на Сквирю, должны были разгромить витебскую группировку врага. Операцию предполагалось провести в течение трех — пяти дней.

К началу операции 20 км отделяли соединения и части 11-й гвардейской армии от Витебска. При этом командование фронта требовало вести активные наступательные действия, что было продиктовано общей обстановкой, выдвинувшей перед 1-м Прибалтийским и Западным фронтами задачу сковывания сил противника.

Однако при этом не учитывался ряд важных факторов. Войсковая разведка необходимых для наступления данных не добыла, авиаразведка из-за нелетной погоды также давала мало сведений. Передовые соединения и части сумели лишь «прощупать передний край противника огнем, разведкой боем и действиями разведывательных подразделений»[23]. К тому же в некоторых соединениях разведка боем велась без тщательной подготовки и организации. Она часто не была обеспечена огневой поддержкой. Вследствие этого многие разведывательные действия заканчивались большими потерями.

Бывший командующий 11-й гвардейской армией генерал армии К. Н. Галицкий вспоминал, что в начале января 1944 г. армия «ни по наличию сил и средств, ни по степени подготовленности не была в состоянии осуществить решительное наступление на большую глубину... против сильного врага, опиравшегося на мощную оборону»[24].

В общей сложности перед фронтом 11-й гвардейской и 4-й ударной армий держали оборону восемь-девять дивизий противника с отдельными частями усиления[25]. В такой обстановке Военный совет фронта распорядился создать во всех стрелковых полках из лучших подразделений по одному штурмовому батальону, усиленному 8—12 танками, 2—3 батареями 45-мм и 76-мм орудий, 1—2 122-мм орудиями и саперной ротой[26]. Опыт применения таких батальонов по прорыву обороны противника целиком себя оправдал в боях в первой половине января и в феврале 1944 г.[27]

3 января — первый день тщательно организованных боевых действий 4-й ударной армии — закончился успешным прорывом неприятельской обороны на глубину около 5 км. В дальнейшем наступление, особенно с выходом соединений и частей армии к рекам Пестуница и Заронок, замедлилось. На следующий день 4-я ударная армия, встретив мощное огневое сопротивление противника, успеха не имела[28]. На всех участках враг отразил атаки, подбив 22 танка[29].

39-я армия начала наступление 5 января, но успеха не добилась[30]. Вклинение подразделений армии через шоссе Витебск — Орша на запад было ликвидировано контратакой 1-го батальона 481-го гренадерского полка 256-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии[31].

6 января стрелковые дивизии 11-й гвардейской армии совместно с бригадами 1-го танкового корпуса, введенными в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, возобновили наступление на Витебск и на ряде участков продвинулись на 1—2 км[32]. 4-я ударная и 39-я армии в этот день также продолжили наступление. Однако на следующий день противник, действуя с заранее подготовленного оборонительного рубежа, сильным огнем артиллерии, в том числе многочисленных противотанковых орудий, нанес наступавшим частям серьезный урон, особенно в танках. Так, в 89-й танковой бригаде за два дня боев вышли из строя 43 из 50 боевых машин[33].

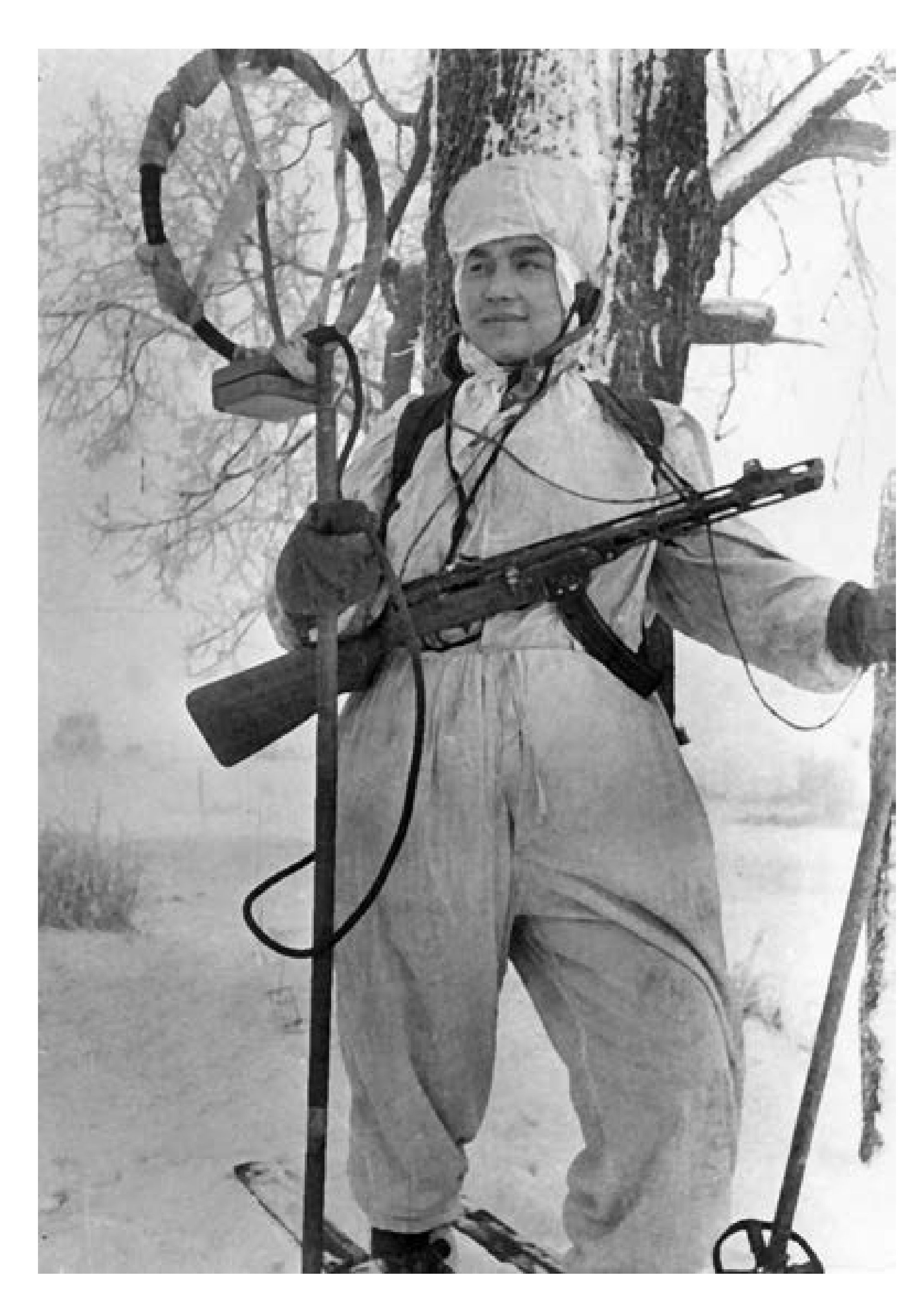
Наступательные бои приобретали все более ожесточенный характер. Маневрируя огневыми средствами, враг останавливал атакующих, прижимал их к земле, вынуждая отходить на исходные позиции. Серьезным препятствием для наступавших частей Красной армии стали широко используемые командованием 3-й немецкой танковой армии часто менявшие позиции отдельные танки, тяжелые минометы и орудия, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой. Там, где советские части добивались успеха и продвигались вперед, противник немедленно предпринимал контратаки силами до батальона пехоты при поддержке 8—12 танков и штурмовых орудий. Причем обычно контратаки проводились одновременно на нескольких участках[34]. В общем, враг любой ценой стремился удержать занимаемые рубежи обороны и не допустить развития прорыва советских войск.

10 января советские войска вновь предприняли юго-восточнее Витебска несколько атак вдоль шоссе по направлению на Замошенцы, но оборонявшийся там пехотный батальон врага при поддержке танков и штурмовой авиации их отразил.

На северном и северо-западном участках 1-го Прибалтийского фронта успеха также добиться не удалось. В тот же день Военный совет фронта издал директиву, в которой отмечал «неспособность некоторых командиров ввести в бой свои войска». Командование фронта подчеркивало, что соединения и части 4-й ударной, 11-й гвардейской и 39-й армий, несмотря на значительное превосходство в силах и «перевес в огне над противником, не выполняют даже ограниченные боевые задачи»[35].

Но именно в этих кровопролитных боях проявилась высокая воинская доблесть. Так, 11 января во время сильной вражеской контратаки в районе Заруды (юго-восточнее Витебска) на передовом наблюдательном пункте был ранен командир 5-й батареи 107-й гаубичной артиллерийской бригады резерва Ставки ВГК старший лейтенант Бреженко. Ему грозили верная гибель или плен, потому что противник, несмотря на большие потери, стремительно продвигался вперед. Находившийся при командире батареи ефрейтор Васильцов спас его, отстреливаясь от наседавшего врага[36].

Советские войска, хотя и медленно, но продвигались на запад. Одной из важнейших предпосылок тому являлось решительное массирование сил и средств на избранных для

Минер гвардии рядовой М. Сарафметов. Январь 1944 г.

ударов направлениях. Зачастую успех достигался за счет нестандартных тактических приемов и действий[37]. Так, с 9 по 11 января подразделения одного из полков 16-й гвардейской стрелковой дивизии дважды атаковали опорный пункт противника в Кухари. Несмотря на то что они располагали превосходством над врагом, наступление оказалось безрезультатным. Как позже выяснилось, гарнизон противника в период артиллерийской подготовки находился в укрытиях, а потому потерь почти не нес. Как только полковая артиллерия замолкала, по сигналу наблюдателей вражеские солдаты занимали оборонительные позиции и встречали атаковавших сильным огнем.

С учетом этого командир дивизии решил действовать иначе: внезапной ночной атакой штурмового отряда, основу которого составлял стрелковый батальон, усиленный разведротой и саперами, достичь поставленной цели. Такой отряд был создан в 43-м гвардейском стрелковом полку (полковник А. П. Скрыпник)[38]. На его подготовку было отведено двое суток. После упорного боя, продолжавшегося три часа, населенный пункт Кухари к 6 часам утра 14 января был полностью очищен от противника. Враг потерял более 30 человек убитыми, минометную батарею, семь станковых и четыре ручных пулемета и артиллерийское орудие[39].

Вплоть до 18 января 4-я ударная, 11-я гвардейская, 39-я и 43-я армии при поддержке 3-й воздушной армии вели тяжелые боевые действия с целью обойти с северо-запада и юго-востока Витебск и взять его[40]. В их ходе силами войск правого крыла фронта удалось прорвать оборону противника севернее Витебска. Развивая успех, они вышли на ближние подступы к городу, перерезали участок железной дороги Полоцк — Витебск и охватили с северо-запада витебскую группировку врага.

Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта способствовало успеху соседнего фронта — 2-го Прибалтийского на невельском направлении, что еще более обострило положение противника на смежных флангах групп армий «Центр» и «Север». Успех вражеской обороны «много раз оказывался висящим на волоске»[41]. Однако полностью выполнить поставленные задачи соединения 1-го Прибалтийского фронта не смогли: их попытки охватить город с юго-востока и освободить его не увенчались успехом.

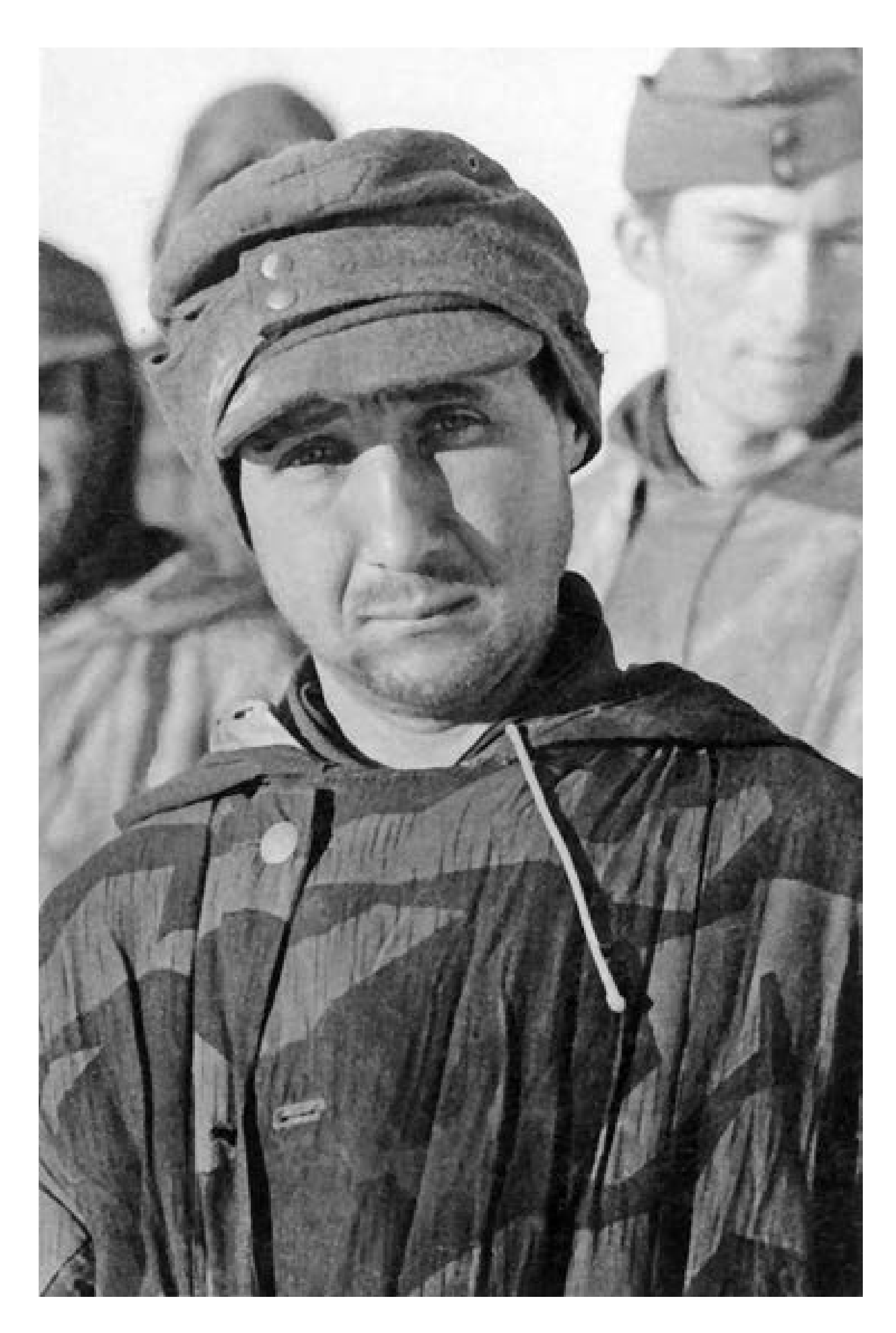
В этих условиях командующий фронтом принял решение о временном прекращении наступления «с целью лучшей подготовки и доукомплектования войск»[42]. В период передышки войска вели разведку и производили перегруппировку[43]. Передышка была недолгой. Новый, уточненный план Витебской операции, разработанный в штабе 1-го Прибалтийского фронта, 14 января был представлен в Ставку ВГК[44], которая приняла решение привлечь к этой операции и часть сил Западного фронта.

В его состав была передана 39-я армия из 1-го Прибалтийского фронта. В директиве Ставки ВГК от 18 января 1944 г. указывалось: «Совместными усилиями 1-го Прибалтийского фронта и правого крыла Западного фронта разбить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск»[45].

1-му Прибалтийскому фронту предписывалось основную группировку войск сосредоточить на смежных флангах 4-й ударной и 11-й гвардейской армий, чтобы затем нанести удар на Витебск с северо-запада. Западный фронт силами 39, 33 и 5-й армий должен был наносить удар на Витебск с юго-востока. При этом предлагалось усилить 33-ю армию тремя-четырьмя стрелковыми дивизиями за счет 5-й армии. Операцию планировалось начать не позднее конца января. Замысел Ставки ВГК предполагал достаточно решительные действия войск при разгроме витебской группировки противника и освобождении города. Войскам обоих фронтов предстояло преодолеть по 10—12 км, чтобы завершить окружение витебской группировки[46].

Операция должна была проводиться без оперативной паузы в боевых действиях, при низкой укомплектованности соединений и частей личным составом, слабой обеспеченности их боеприпасами, горючим и другими материальными средствами.

Затяжные кровопролитные бои, сложные условия местности, низкая обеспеченность войск материальными средствами оказали негативное влияние на подготовку новой операции. Создать существенное превосходство над неприятелем, например в полосе наступления

Пленные германские солдаты. Февраль 1944 г.

Западного фронта, так и не удалось. Войска фронта имели превосходство в личном составе в 2,1 раза, в артиллерии и минометах — в 2,3 раза. В то же время вражеские войска превосходили ударную группировку этого фронта по танкам[47].

На подготовку операции отводилось слишком мало времени. Ставка ВГК не смогла удовлетворить и потребности фронтов в пополнении личным составом и материальными средствами. Основную часть своих ресурсов она направляла 1, 2, 3 и 4-му Украинским, а также Ленинградскому и Волховскому фронтам, которые в зимне-весенней кампании выполняли более важные задачи. 2-й и 1-й Прибалтийские, Западный и Белорусский фронты за январь — март 1944 г. получили 19,7% маршевых пополнений, 25,9% всех орудий и минометов, а танков и самоходных артиллерийских установок и того меньше — только 4,2%[48]. Маршал Г. К. Жуков по этому поводу писал: «Ставка решила давать туда более ограниченные силы, чтобы не рассредоточивать их и не отвлекать от тех участков, где будут решаться главные задачи»[49]. Недостаточное пополнение фронтов на витебском направлении личным составом, вооружением и техникой не позволило им восполнить некомплект и, следовательно, не способствовало созданию сильных ударных группировок.

Ставка ВГК, форсируя начало боевых действий 1-го Прибалтийского и Западного фронтов в районе Витебска, принимала меры по активизации белорусских партизан. Их основные усилия были нацелены на то, чтобы в преддверии предстоявшего наступления наносить удары по шоссейным и железнодорожным коммуникациям противника и тем самым воспрепятствовать маневру его войск.

Завершив подготовительные мероприятия, 3 февраля часть сил 4-й ударной и 11-й гвардейской армий перешла в наступление и, «преодолев ожесточенное сопротивление противника, прорвала его передний край обороны»[50]. Соединения 11-й гвардейской армии к этому времени «овладели двумя линиями траншей и сильно укрепленными опорными пунктами — Волково, Заполье, Гурки, Топорино, Кисляки, Машкино, Бондарево»[51].

Командование 3-й немецкой танковой армии начало спешно стягивать резервы к участку прорыва советских войск. 20-й танковой, 12-й пехотной и 5-й горнострелковой дивизиям противника были переданы значительные силы и средства: 505-й танковый батальон (не менее 40 танков «тигр»), 163-й гренадерский полк, батальон 187-го гренадерского полка, батальон 1-го авиаполевого полка, истребительная рота 53-го армейского корпуса, рота 513-го тяжелого противотанкового дивизиона (15 штурмовых орудий «фердинанд»), батарея 281-го дивизиона штурмовых орудий (10 орудий), дивизион минометного полка (6-ствольные минометы), 505-й саперный батальон[52].

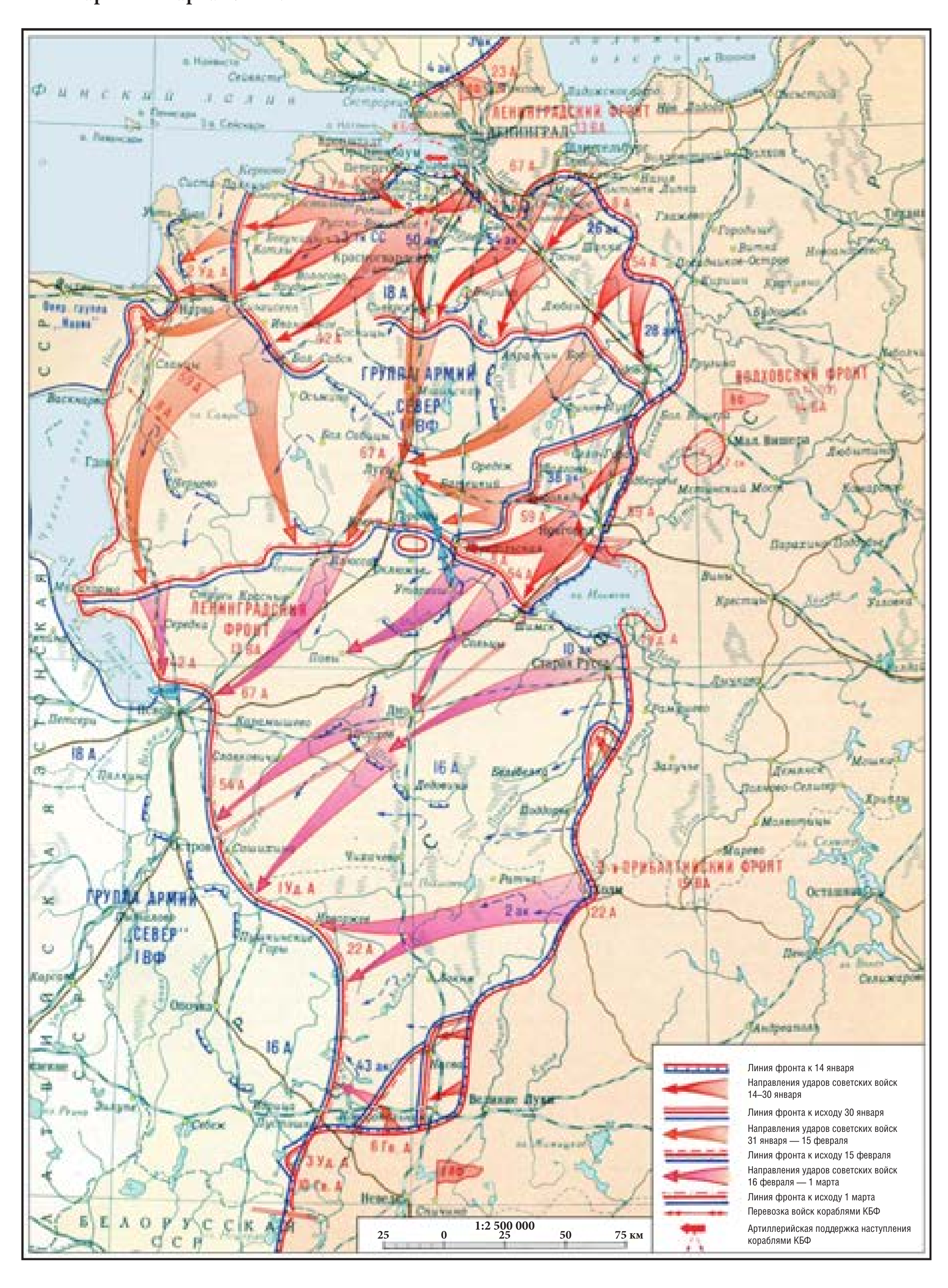
Враг предпринимал многочисленные контратаки, в которых участвовало до роты пехоты при поддержке танков и штурмовых орудий. Они проводились, как правило, во фланг и тыл наступавшим советским войскам. По мере подхода резервов силы, участвовавшие в контратаках, увеличивались до пехотного батальона при поддержке взвода (роты) танков или штурмовых орудий. Контратаки проводились до тех пор, пока не удавалось восстановить передний край обороны или, что было крайне редко, до полного израсходования своих резервов. Почти всегда контратакам предшествовал короткий, но мощный огневой налет продолжительностью от 10 до 30 минут. Командование группы армий «Центр» бросало в бой всё, что могло, не считаясь ни с какими потерями.

11-я гвардейская армия в результате упорных боев преодолела на витебском направлении вторую полосу обороны. Но к 10 февраля армия оказалась перед очередным оборонительным рубежом, оборудованным противником в 12–13 км к северо-западу от Витебска, и с разрешения командующего войсками фронта в середине февраля перешла к обороне, ведя разведку и осуществляя перегруппировки войск и сил.

Основные силы 4-й ударной армии, располагавшиеся на прежних рубежах, до 11 февраля вели разведку противника.

Одновременно с 1-м Прибалтийским фронтом намечался переход в наступление войск Западного фронта. Главный удар планировалось нанести силами 33-й армии. Она должна была овладеть левым берегом «реки Лучёса на участке Карповичи, Шеметово. В дальнейшем

НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ.
14 января — 1 марта 1944 г.

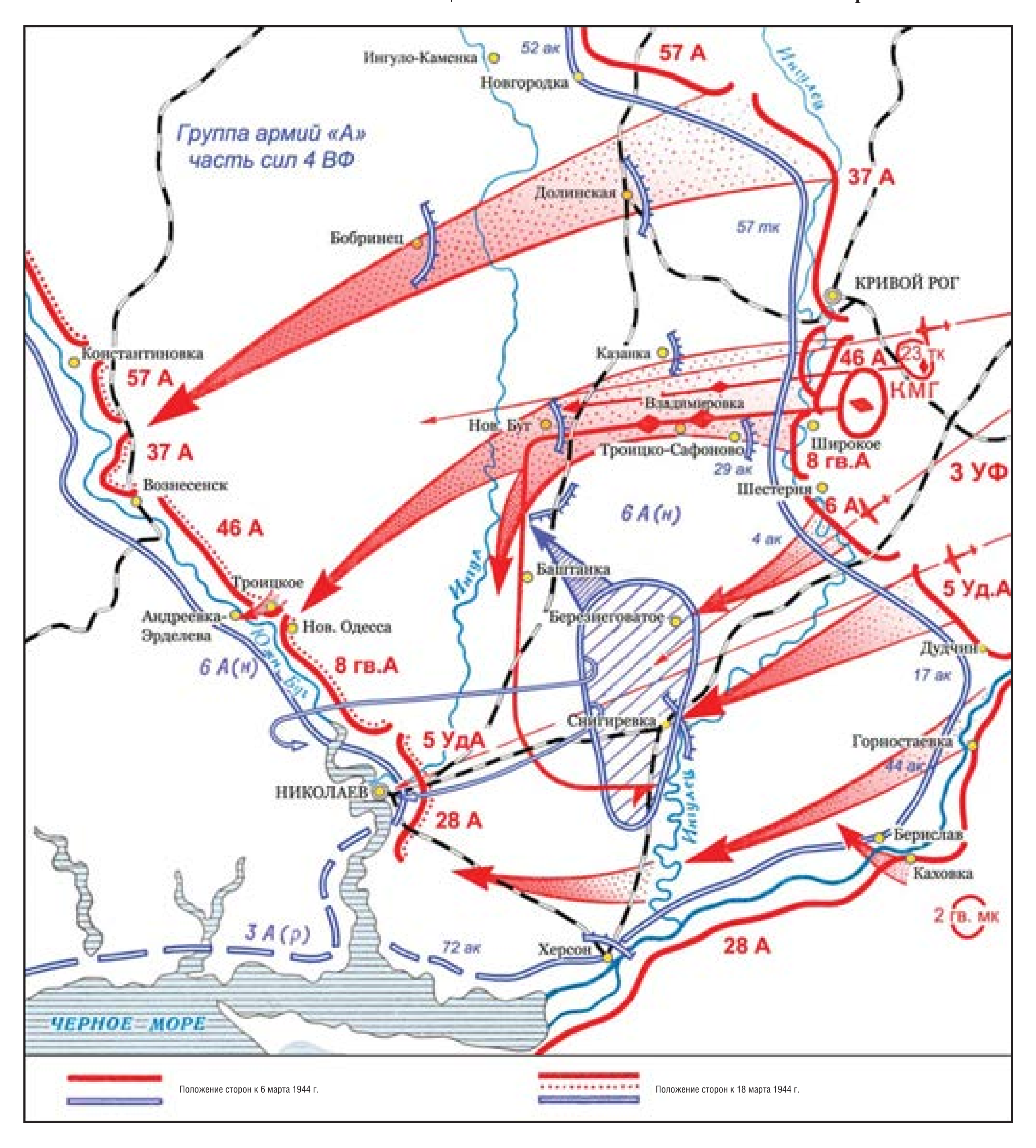
КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1-го и 2-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ. 24 января — 17 февраля 1944 г.

Положение войск к началу операции

Положение войск на 3 февраля 1944 г.

Положение войск на 16 февраля 1944 г.

БЕРЕЗНЕГОВАТО-СНИГИРЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. 6–18 марта 1944 г.

ПРОСКУРОВО-ЧЕРНОВИЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. 4 марта — 17 апреля 1944 г.

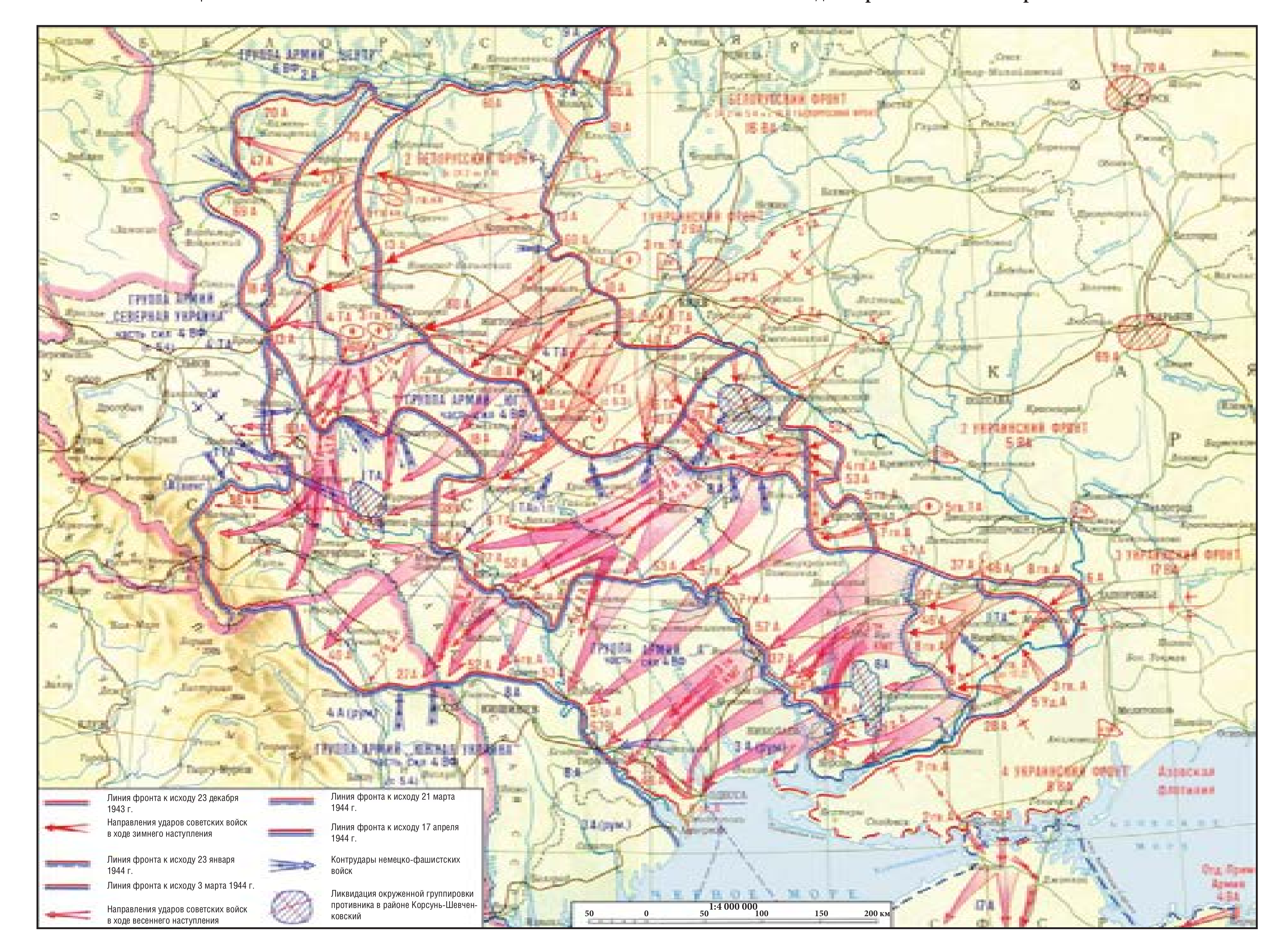
Положение войск к 4 марта 1944 г.

Положение войск к 7–10 марта 1944 г.

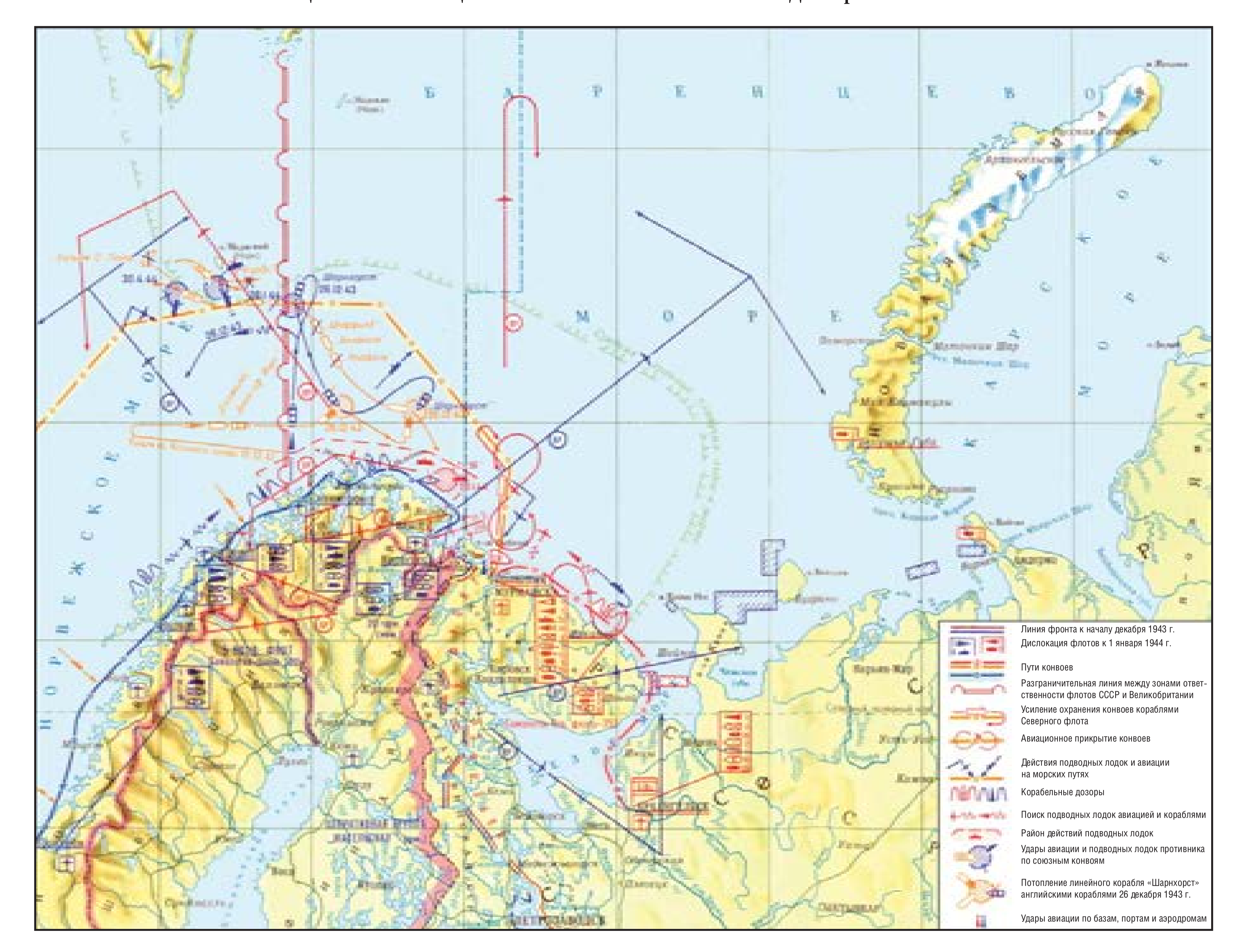
Положение войск к 28–30 марта 1944 г.

Направление ударов немецко-фашистских войск

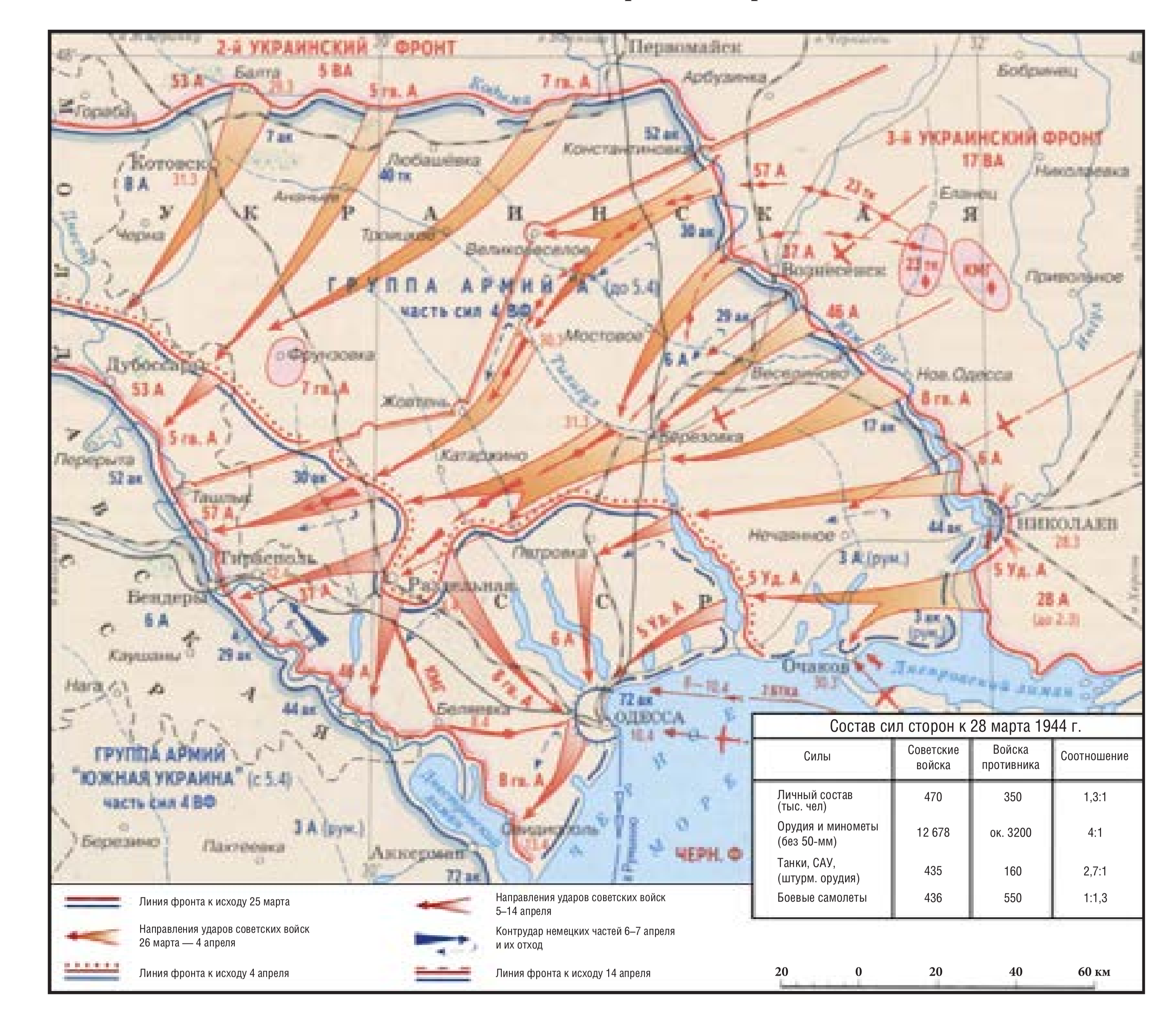
РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ. 24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.

БОРЬБА НА КОММУНИКАЦИЯХ В БАРЕНЦЕВОМ И НОРВЕЖСКОМ МОРЯХ. Декабрь 1943 г. — май 1944 г.

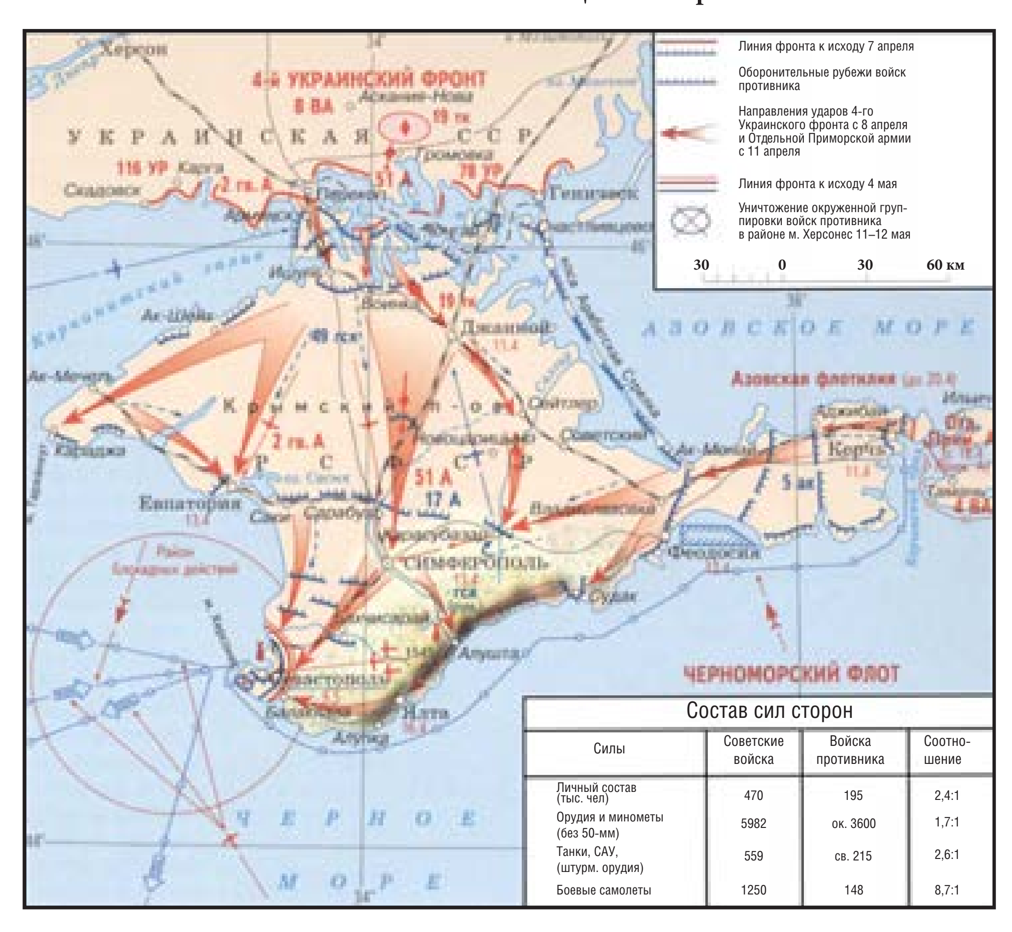
ОДЕССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 26 марта — 14 апреля 1944 г.

Состав сил сторон к 28 марта 1944 г.

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	470	350	1,3:1
Орудия и минометы (без 50-мм)	12 678	ок. 3200	4:1
Танки, САУ, (штурм. орудия)	435	160	2,7:1
Боевые самолеты	436	550	1:1,3

КРЫМСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 8 апреля — 12 мая 1944 г.

Состав сил сторон

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	470	195	2,4:1
Орудия и минометы (без 50-мм)	5982	ок. 3600	1,7:1
Танки, САУ, (штурм. орудия)	559	св. 215	2,6:1
Боевые самолеты	1250	148	8,7:1

следовало выйти на левый берег реки Западная Двина западнее Витебска, отрезать пути отхода витебской группировке, овладеть железной дорогой на участке Ступище — Шемиловка»[53]. В случае обнаружения отхода вражеских войск частям 33-й армии предписывалось преследовать их.

На левом фланге действия войск 33-й армии прикрывали соединения 5-й армии. С переходом ударной группировки фронта в наступление две стрелковые дивизии этой армии должны были прорывать вражескую оборону на фронте до 1,5 км.

Наступление 39-й армии планировалось в два этапа. На первом этапе предусматривалось прорвать оборону противника силами трех стрелковых дивизий на участке 4 км и во взаимодействии с ударной группой 33-й армии разгромить оборонявшуюся вражескую группировку. Вводом в сражение второго эшелона в составе двух стрелковых дивизий намечалось нарастить силу удара, прорвать оборону противника перед правым флангом корпуса на глубину до 3 км. В последующем предполагалось перейти в наступление силами войск правого фланга армии[54]. В ходе второго этапа операции планировалось освободить юго-восточную окраину Витебска с последующим развитием наступления вдоль р. Западная Двина.

Наступление войск Западного фронта намечалось без применения крупных танковых и механизированных соединений. При этом взаимодействие между группировками войск Западного и 1-го Прибалтийского фронтов налажено не было.

3 февраля в 9 часов после 40-минутной артиллерийской подготовки войска 39, 33 и 5-й армий Западного фронта перешли в наступление[55]. В первый день из-за неблагоприятных метеоусловий авиация практически не применялась. В сложных погодных условиях действовали только лучшие экипажи, но и их эффективность оказалась невысокой. К тому же после Смоленской операции количество боевых самолетов в 1-й воздушной армии сократилось в два раза[56].

Соединения 33-й армии, наступавшие на витебском направлении, прорвали вражескую оборону в первый же день на глубину до 3,5 км[57]. Части 206, 131 и 299-й пехотных дивизий противника понесли большие потери в личном составе и военной технике. Особенно успешно действовала 144-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 26-й гвардейской танковой бригадой 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, наступавшая в составе ударной группировки 33-й армии. В 23 часа передовые отряды армии переправились через р. Лучёсу, захватив плацдарм на ее противоположном берегу.

В дальнейшем наступлению советских войск сильно препятствовала авиация противника. Как отмечается в одном из отчетов штаба Западного фронта, группы по четыре — шесть вражеских истребителей на малых высотах «противодействовали боевой работе наших штурмовиков» в районах действий 33-й армии[58].

Немецкие войска умело использовали местность, «оказывая сильное огневое сопротивление из всех видов оружия, особенно артиллерией и минометами»[59]. Ряд их батарей, находившихся в глубине обороны, подавить не удалось. Под прикрытием артиллерийского огня неприятель перебрасывал с не подвергшихся атакам участков орудийные и минометные батареи. Поэтому наступление войск 33-й армии вскоре превратилось в затяжной бой.

В полосе наступления 39-й армии сложилась аналогичная обстановка. После того как враг во второй половине дня контратакой при поддержке танков и 15 артиллерийских батарей остановил продвижение войск Западного фронта, управление в соединениях и частях армий в значительной мере было нарушено[60].

С утра 4 февраля наступление войск Западного фронта возобновилось. При этом в период коротких 10—15-минутных артиллерийских налетов на батарею противника расходовалось всего лишь 15—20 снарядов. Поэтому эти батареи быстро «оживали», преграждая путь советской пехоте и танкам. Преодолевая упорное огневое сопротивление, к концу дня войска фронта продвинулись лишь на глубину до 1 км. Отдельные подразделения в полосе 33-й армии, переправившись на правый берег р. Лучёса, втянулись в тяжелые бои за населенные пункты Павлюченки и Бондино-Мосино. Водная преграда, ширина которой достигала почти

50 метров, а глубина — 1,5–4,5 метра с крутизной берегов до 45–60 градусов, представляла серьезное препятствие.

За двое суток войска 39-й армии так и не смогли выйти на рубеж, предусмотренный ближайшей задачей. Сильный артиллерийско-минометный огонь противника наносил ощутимый урон ее войскам, поэтому 75–80% ранений были осколочными. По сравнению с первыми двумя днями наступления потери возросли, только в 33-й армии они составили более 2,5 тыс. человек. В целом в обеих армиях количество раненых и убитых превысило 3,6 тыс. человек[61].

Неоднократные попытки соединений и частей 5-й армии прорвать вражескую оборону также не увенчались успехом. Вечером 4 февраля они вынуждены были перейти к обороне на прежних рубежах для подготовки «нанесения дальнейших ударов по врагу»[62].

В течение следующего дня бои характеризовались переменным успехом. При этом сопротивление противника возрастало. Многократные попытки 33-й армии расширить плацдарм на западном берегу р. Лучёса были сорваны контратаками частей 131, 206 и 211-й пехотных дивизий врага при поддержке артиллерии, танков и авиации.

В то время как 5-й гвардейский стрелковый корпус 39-й армии, отражая удары противника, продвинулся до 1 км, соединения и части 33-й армии вели ожесточенные бои за населенные пункты Букштыны и Мяклово. Последний населенный пункт, переходивший из рук в руки несколько раз, остался за противником[63].

Командование вермахта было встревожено тем, что наступавшие на этом направлении советские войска угрожают перерезать участок железной дороги Витебск — Орша. По его оценке, это лишило бы возможности планомерно снабжать свою витебскую группировку всем необходимым.

6 февраля в штаб 3-й немецкой танковой армии прибыл командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Э. Буш. Командующий армией генерал Г. Рейнгардт, доложив обстановку, констатировал, что «исход сражения в районе Витебска находится в прямой зависимости от возможности использования железной дороги Витебск — Орша»[64]. Э. Буш потребовал принять все меры, чтобы укрепить оборону западнее района вклинения советских войск. Было принято решение построить новый оборонительный рубеж вдоль р. Лучёса и западнее нее. Кроме того, для усиления 6-го армейского корпуса командующий группой армий «Центр» выделил 5-й танковый батальон, имевший на вооружении танки «тигр», а также полк из 95-й пехотной дивизии и 197-й фузилерный батальон. Для противодействия советским войскам на этот же участок были перебазированы крупные силы авиации, в том числе пикирующие бомбардировщики[65]. За каждый опорный пункт развернулись изнурительные бои.

Советское командование также наращивало усилия, вводя в бои вторые эшелоны и резервы. Упорные бои продолжались до 7 февраля. Требовались экстренные меры, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. С этой целью командующий 33-й армией решил ввести в бой соединения 36-го стрелкового корпуса и таким образом окончательно очистить от врага правый берег р. Лучёса. Однако боевые действия частей корпуса успеха не имели.

За восемь дней наступления войска 33-й армии, «понеся большие потери (10,5 тыс. человек), продвинулись на правом фланге на 4 км, а на левом — на 3 км, то есть не прорвали даже тактическую глубину обороны противника, так как полнейшее огневое господство оказалось на стороне противника»[66]. По боевым порядкам наступавших вели огонь от 20 до 30 вражеских батарей, а советская артиллерия отвечала неприцельным огнем. Представитель Генерального штаба при штабе Западного фронта подполковник Н. В. Резников в донесении отмечал, что «нашей авиацией сфотографирован узел сопротивления противника в деревне Павлюченки, на снимках которого видно, что 80–90% разрывов наших снарядов после артобработки находятся в 800–1000 метрах за деревней Павлюченки на запад»[67].

Вплоть до 13 февраля наступление советских войск успеха не имело. Сразу же после артиллерийской подготовки войск 33-й армии подразделения неприятеля при поддержке 10–15 тяжелых танков переходили в контратаки. Германское командование снимало части и

подразделения с неатакованных участков и быстро перебрасывало их в район образовавшегося прорыва. Этому в значительной степени способствовала довольно разветвленная сеть дорог на подступах к Витебску. Три шоссе в этом районе обеспечивали противнику возможность совершать нужный маневр его резервных и подвижных групп.

В целом боевые действия 39-й армии оказались неудачными[68]. 12 февраля командующий 39-й армией приказал соединениям и частям перейти к обороне на достигнутых рубежах. При этом периодически артиллерия противника обстреливала ее расположение.

Частные атаки соединений и частей 33-й армии, имевших задачу выбить врага с левого берега р. Лучёса, также результатов не дали[69]. Командующий 33-й армией принял решение перейти к обороне в 4–6 км от железной дороги Витебск — Орша. Однако 14 февраля согласно боевому распоряжению командующего войсками Западного фронта генерала армии В. Д. Соколовского 39-й и 33-й армиям предстояло с 16 февраля возобновить наступление с прежними задачами.

Начавшееся наступление остановили сильнейший артиллерийско-минометный огонь и многократные контратаки пехоты противника[70]. Как следует из отчетных документов, в контратаках только против частей 33-й армии «участвовало 28 танков и штурмовых орудий, 25 артиллерийских и 12 минометных батарей, дивизион шестиствольных минометов»[71]. В послевоенные годы главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, который в рассматриваемый период являлся представителем Ставки ВГК, писал: «Если все эти контрмероприятия противника сопоставить с нашим, часто неумелым, использованием огневого воздействия на врага, становится ясным, как трудно было рассчитывать на успех при таких грубых ошибках»[72].

За одиннадцать дней наступления 33-я армия продвинулась от 4 до 6 км[73]. По распоряжению командующего войсками Западного фронта от 17 февраля соединения и части 33-й и 39-й армий перешли к обороне[74]. С 18 февраля армии правого крыла фронта производили частичную перегруппировку, приводили части в порядок и под прикрытием огня всех видов оружия закреплялись на достигнутых позициях, а войска центра и левого фланга обороняли прежние позиции[75].

На отдельных участках фронта разведывательные подразделения уточняли передний край обороны противника, его системы огня и заграждений. В свою очередь, враг обнаружил, что «советские войска... своими ударными дивизиями не в состоянии немедленно возобновить активные действия»[76]. 2 апреля в соответствии с директивой Ставки ВГК перешел к обороне и 1-й Прибалтийский фронт.

«На этот раз немецким войскам пришлось до предела напрягать все свои силы, чтобы удержать оборону северо-западнее и юго-восточнее города, где она неоднократно находилась на грани прорыва, — вспоминал бывший генерал вермахта К. Типпельскирх, участник тех событий. — Хотя при этом немцы понесли тяжелые потери, однако им удалось не допустить решающих прорывов противника, бросившего в наступление пятьдесят три стрелковые дивизии, десять танковых бригад и три артиллерийские дивизии. Но силы немногочисленных немецких дивизий, державших оборону по широкой 70-километровой дуге вокруг Витебска, были истощены»[77].

Несмотря на некоторые территориальные успехи и нанесение существенного урона неприятелю (по немецким данным, 3-я танковая армия за десять дней потеряла 250 офицеров и 7500 унтер-офицеров и рядовых)[78], советские войска не смогли освободить Витебск. Тем не менее им на витебском направлении все же удалось сковывать значительные силы и средства противника. Опыт наступательных действий советских войск в определенной степени способствовал совершенствованию тактики общевойскового боя. Так, по их итогам Военный совет 1-го Прибалтийского фронта принял решение о создании в стрелковых полках усиленных штурмовых батальонов, которые в последующих боях при незначительных потерях успешно сокрушали вражескую оборону.

Однако обе Витебские наступательные операции завершились неудачно. 1-й Прибалтийский и Западный фронты задач, поставленных Ставкой ВГК, не решили. Не была прорвана оборона противника даже на ее тактическую глубину. Операции завершились большими

потерями при незначительном вклинении в оборону врага. Причин неудач советских войск в столь успешно начатых наступательных операциях несколько. Отметим главные.

Что касается плана Ставки ВГК на зимне-весеннюю кампанию 1944 г., то по ряду весьма существенных причин он не мог быть осуществлен 1-м Прибалтийским и Западным фронтами в полном объеме. Маршал И. Х. Баграмян впоследствии писал, что «для этого нужны были мощные силы, оснащенные бронетанковыми войсками, более щедрое снабжение боеприпасами, горючим и всем необходимым для успешного ведения столь серьезной операции»[79].

Ставка ВГК, поставив фронтам большие по глубине задачи, «не обеспечила их соответствующими силами и средствами»[80]. Численность стрелковых дивизий даже после их доукомплектования составляла всего 4—5 тыс. человек, а стрелковых рот — не превышала 60 человек. 1-й Прибалтийский фронт имел 249 танков, а Западный — только 125[81]. Опыт же показал, что весьма сложно вести решительное наступление без крупных танковых и механизированных объединений и соединений.

Большие потери среди личного состава и огромный расход боеприпасов объясняются не только ожесточенным сопротивлением противника и непреодолимой обороной перед 11-й гвардейской, 4-й ударной, 33-й и 39-й армиями, но и отчасти неудовлетворительным руководством войсками со стороны командования фронтов и армий. Генерал армии С. М. Штеменко после войны писал, что «главная причина наших неудач севернее Полесья заключалась не столько в прочности вражеских позиций, сколько в грубых нарушениях некоторыми командирами и штабами правил организации, обеспечения и ведения наступления»[82].

И действительно, имея подавляющее превосходство в артиллерии, командование фронтов и армий не смогло рационально и результативно его использовать. Более того, в период подготовки операций артиллерийская разведка чаще всего оказывалась не в состоянии вскрывать огневую систему противника. Наступление советских войск велось на нескольких направлениях, что приводило к распылению усилий, не позволяя массированно применять ограниченное количество танков, САУ и авиацию[83]. Взаимодействие фронтов и армий в наступлении организовывалось неудовлетворительно.

Разведотделы фронтов, особенно Западного, неумело руководили деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий. Добываемые сведения о противнике зачастую являлись недостоверными. Много недостатков имела и войсковая разведка, которая своевременно не докладывала командованию необходимые сведения о противостоявших соединениях и частях врага. Данные авиаразведки и радиоразведки не обрабатывались в надлежащие сроки. Служба наблюдения в частях и подразделениях была организована формально.

Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, а также эффективного использования артиллерии командующий 33-й армией Западного фронта генерал В. Н. Гордов стремился пробить оборону противника стрелковыми частями. При этом прорыв организовывался на узких участках — 5—6 км. Армия глубоко эшелонировала свои боевые порядки. В результате «в стрелковой дивизии атаковало два-три батальона, а остальные батальоны стояли в затылок»[84]. Это позволяло противнику сосредоточивать фланкирующий огонь в сочетании с контратаками и наносить советской пехоте большой урон. Только с 3 по 14 февраля 33-я армия потеряла 15 321 человека[85].

На характере и результатах операций сказывались также недочеты в работе тыла. В сырую погоду (3—6 февраля) красноармейцы частей 33-й армии воевали в валенках. По далеко не полным данным, за пять дней заболел простудными заболеваниями 661 человек. Питание было неудовлетворительное, а порой и вообще отсутствовало. Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводилась без должной скрытности и дезинформации противника. В результате внезапность еще до начала операций утрачивалась, и действия начинались в условиях полной готовности неприятеля к отражению наступления советских войск.

Командование группы армий «Центр», придавая большое значение Витебску как важному узлу шоссейных и железных дорог, сосредоточило вокруг него войска, которые в первой половине февраля были усилены за счет дополнительных перегруппировок с соседних участков.

Местность с высокими холмами, сильно пересеченная оврагами, реками, ручьями, озерами, незамерзающими болотами, затрудняла советским войскам ведение боевых действий и в то же время облегчала противнику организацию и ведение обороны. Кроме того, начавшееся наступление советских войск совпало с потеплением. Дороги стали труднопроходимыми, а вне их передвижение крайне затруднилось, туманы и облачность ограничивали использование авиации и прицельный огонь артиллерии.

По наступавшим советским войскам противник вел сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, а на отдельных направлениях переходил в контратаки силой роты или батальона, поддержанных танками и штурмовыми орудиями. Успех в обороне против численно превосходивших соединений и частей Красной армии отмечался немцами как большая победа. Так, генерал Г. Рейнгардт, будучи командующим 3-й танковой армией, получил дубовые листья с мечами к Рыцарскому кресту Железного креста. Но, как признавал сам противник, это была «очень шаткая победа, находившаяся на острие ножа»[86].

В ходе обеих Витебских наступательных операций советские войска понесли существенные потери в личном составе и военной технике, израсходовали большое количество боеприпасов. Так как на поступление пополнения и материальных средств рассчитывать не приходилось, дальнейшие наступательные действия войск 1-го Прибалтийского и Западного фронтов были прекращены, и они закрепились на подготовленных рубежах. Операции оказались незавершенными. Объясняется это прежде всего тем, что Ставка ВГК, поставив фронтам сложные боевые задачи, не обеспечила их соответствующими силами и средствами, в частности танками, боеприпасами и горючим. В целом же своими активными действиями фронты способствовали успеху наших войск на крыльях советско-германского фронта, сковав силы противника, не дав ему возможности снимать соединения и перебрасывать их на другие направления. Кроме того, в ходе боевых действий соединения и части советских фронтов улучшили свое оперативное положение.

Тем не менее на центральном участке советско-германского фронта войска Красной армии сковали группу армий «Центр», не позволив ей оказать помощь терпевшим катастрофическое поражение немецким группам армий «Юг» и «А».

Боевые действия в районах Орши и Богушевска

Для успешного проведения важнейших операций на Правобережной Украине, под Ленинградом и Новгородом в первой половине 1944 г. большое значение имели боевые действия объединений и соединений Западного фронта в полосе между Оршей и Могилевом. Здесь его войскам противостояла 4-я немецкая армия (генерал-полковник Г. Хейнрици), входившая в состав группы армий «Центр».

На 1 января 1944 г. противник на богушевском, оршанском и могилевском направлениях имел 11 пехотных, три моторизованные, охранную и учебно-полевую дивизии, а также пехотную бригаду СС[87]. В намерении прочно удерживать занимаемую территорию были подготовлены оборонительные рубежи, насыщенные большим количеством огневых средств и различными инженерными заграждениями. В связи с тем что в тылу немецких войск отсутствовали оперативные объединения, на наиболее вероятных для наступления советских войск направлениях располагались резервы из танковых и моторизованных частей и подразделений[88].

Лесисто-болотистая местность, наличие множества рек и лесных массивов делали оборону противника еще более труднопреодолимой, что значительно затрудняло наступательные действия, особенно танковыми соединениями[89].

Ставка ВГК, планируя зимне-весеннее наступление, одновременных мощных ударов на западном направлении не предусматривала. Основные операции по разгрому группировки

В отдельной разведывательной роте старшего лейтенанта Е. В. Гарбузова

В ожидании сигнала к атаке. Белорусский фронт, январь 1944 г.

В ожидании приказа…

вражеских войск и освобождению Белоруссии, согласно решению Верховного главнокомандования, должны были проводиться летом 1944 г.[90] «От нас между тем, — писал бывший представитель Ставки ВГК на Западном, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, — требовали решительных действий, ни в коем случае не давать противнику возможности снять хотя бы одну-две дивизии с этого направления для отправки на юг»[91].

Необходимость наступления в полосе Западного фронта обусловливалась значительным в результате успешных действий продвижением фронтов на северо-западе и Украине. Войска же генерала армии В. Д. Соколовского после Смоленской операции, по существу, продолжали оставаться на месте. Вследствие чего положение Западного фронта представляло собой выступ, углублявшийся в сторону Москвы почти на 150 км, где командование вермахта сосредоточило крупную группировку. К тому же авиация противника все еще сохраняла возможность по кратчайшим направлениям воздействовать на важнейшие объекты и коммуникации не только Западного, но и 1-го Прибалтийского и Белорусского фронтов[92].

В целях скорейшего и полного освобождения советской Белоруссии предстояло разгромить группу армий «Центр». Еще 20 сентября 1943 г., во время Смоленской операции, Ставка ВГК поставила перед Западным фронтом задачу: к моменту освобождения Смоленска занять левым крылом Починок и Рославль, выйти на рубеж р. Сож — Хиславичи — Шумяги, а в дальнейшем, главной группировкой наступая на оршанском направлении, 10—12 октября взять район Орши и Могилева. Общая глубина операции должна была составлять 160—210 км[93].

После Орши и Могилева Ставка ВГК планировала продолжение наступления в направлении Борисова и Молодечно. Затем Западному фронту надлежало выйти на рубеж Докшицы — Долгиново — Радошковичи с целью освобождения Вильнюса. В то же время войскам Калининского фронта предписывалось не позднее 9—10 октября 1943 г. освободить Витебск, в последующем — Ригу, а войскам Центрального фронта — Минск[94].

В конце 1943 г. в соответствии с планом Ставки ВГК предусматривалось одновременным нанесением нескольких рассекающих ударов разгромить немецкую группу армий «Центр», освободить Белоруссию и выйти к границам Польши, Восточной Пруссии и Прибалтики. В течение декабря войсками Западного фронта были проведены две наступательные операции. Наступление на правом крыле имело целью прорвать сильно укрепленную оборону противника и освободить г. Оршу. В нем принимали участие 10-я гвардейская, 31, 5 и 33-я армии. На левом крыле фронта соединения 10-й армии наносили удар в направлении Могилева.

В итоге наступления соединения и части этих армий только на отдельных участках выбили противника из первой и второй линий траншей и продвинулись в глубину на 1—2 км. Дальнейшее продвижение советских войск развития не получило, так как германское командование на всех участках оказывало организованное сопротивление. В связи с этим армии Западного фронта вынуждены были перейти к обороне на достигнутых рубежах[95].

22 декабря 1943 г. 33-я армия, принявшая от 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта часть полосы обороны вместе с войсками, продолжала подготовку операции на витебском направлении. Ближайшей задачей этой армии являлся выход на участок железной дороги Витебск — Орша и к р. Лососина.

23 декабря после 20-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона, прорвав передний край обороны врага, продвинулись на 1,5—2,5 км. Его 206-я и 246-я пехотные дивизии, опираясь на хорошо оборудованную линию траншей, оказывали не только упорное сопротивление, но и контратаковали советские войска. При отражении вражеских контратак воины 33-й армии проявляли стойкость и героизм. Так, 24 декабря в районе деревни Жирносеки, что юго-восточнее Витебска, командир расчета орудия 873-го истребительного противотанкового артиллерийского полка сержант И. Г. Мамыкин отбил три контратаки противника, заставил замолчать шесть пулеметов и два миномета, разрушил шесть дзотов и уничтожил свыше десяти солдат. За свой подвиг герой-артиллерист был награжден орденом Славы 3-й степени[96]. Войну И. Г. Мамыкин закончил полным кавалером ордена Славы.

За первые три дня боев соединения и части 33-й армии прорвали сильно укрепленную полосу вражеской обороны на фронте до 5 км и в глубину около 10 км. Ими был освобожден 41 населенный пункт[97]. В дальнейшем соединения и части армии вели напряженные боевые действия, отражая многочисленные контратаки пехоты и танков противника[98]. 6 января армия, преодолев упорное сопротивление врага, овладела опорными пунктами Рожново и Осиновка[99]. Но дальше продвинуться не смогла.

В результате наступления на витебском направлении с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г. советские войска на 8—12 км вклинились в оборону противника, который отошел на заранее подготовленный рубеж.

7 января 1944 г. 33-я и 5-я армии Западного фронта, завершив перегруппировку, начали подготовку наступательной операции на богушевском направлении, которая намечалась на следующий день. Для ее проведения было сосредоточено 16 стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — 11, во втором — пять. Кроме того, к операции привлекались стрелковая бригада, танковый корпус, 12 артиллерийских бригад, шесть артиллерийских полков РГК, шесть танковых бригад, восемь самоходных артиллерийских полков. Всего в двух армиях насчитывалось 295 танков[100].

Противостоявшая советским войскам неприятельская группировка состояла из четырех пехотных дивизий, отдельных частей двух моторизованных дивизий, около девяти артиллерийских полков и насчитывала до 130 танков.

33-й армия получили задачу силами 69, 65 и 36-го стрелковых корпусов разгромить противостоявшего врага, овладеть переправами через р. Лучёса, выйти на рубеж на участке Бондино-Мосино и Запруды, (иск.) Перевоз, до Новинки и в дальнейшем перерезать участок на железной дороге Витебск — Орша[101].

5-я армия, принявшая от 33-й армии 81-й и 45-й стрелковые корпуса с занимаемыми ими рубежами, получила задачу прорвать оборону противника и, развивая удары на Шеляги и Косачи, овладеть берегом р. Суходровка на участке Романово — Шапочино. В дальнейшем ей следовало наступать в общем направлении на Нижнее Александрово, перерезать участок железной дороги между реками Черниченка и Оболянка, выйти на левый берег р. Лучёса в районе Нижнее Александрово — Бобарыки.

8 января после 35-минутной артиллерийской подготовки пехота 33-й армии в сопровождении танков непосредственной поддержки перешла в наступление[102]. Преодолевая сопротивление врага, 371-я стрелковая дивизия освободила населенные пункты Липовец, Запруды, Мокарово и северную часть Замошенцев[103]. Остальные соединения армии продвижения не имели, ведя огневой бой и отражая контратаки противника на прежних рубежах. В тот же день в сражение был введен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус с задачей освободить Оршу. При этом особенности местности и наступившие ранние сумерки не учитывались. Танкисты вышли на шоссе Орша — Витебск, но выполнить поставленную задачу не смогли из-за больших потерь[104]. 10 января корпус был выведен из боя.

После неоднократных перегруппировок соединения 33-й армии возобновили наступление. Однако оно носило характер «прогрызания» сильно укрепленной полосы противника. «Русское командование не давало обороняющимся немцам ни минуты передышки», — вспоминал участник тех событий бывший офицер вермахта В. Хаупт[105].

33-я армия в очередной раз не смогла выполнить поставленную задачу. В журнале боевых действий Западного фронта отмечалось, что одним из существенных недостатков действий советских частей в наступлении было то, «что ряд наших командиров, а вместе с ними и бойцы очень впечатлительны к немецким контратакам. Контратака роты пехоты с 2—3 танками, успешно отбитая с потерями для противника, вызывала, однако, замедленное движение, а то и приостановку наступательных действий на значительное время»[106].

Перешедшие в наступление 8 января соединения и части 5-й армии также встретили сильное огневое сопротивление со стороны противника, который на отдельных участках предпринимал многократные контратаки. 15 января в полосе 5-й армии в сражение был введен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Исключительную отвагу проявила

механик-водитель 26-й гвардейской танковой бригады сержант М. В. Октябрьская, получившая в бою смертельную рану. Позже за мужество и героизм ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[107].

С 19 января соединения и части армии закрепились на достигнутых рубежах. В последующие дни они неоднократно предпринимали попытки возобновить наступление. Однако их продвижение было незначительным. К исходу 24 января 5-я армия получила задачу перейти к обороне.

В результате наступления на богушевском направлении с 8 по 24 января 1944 г. советские войска вклинились в оборону противника на 2—4 км. Общие потери армий составили 25 189 человек: убитыми — 5517, ранеными — 19 672[108]. Противнику удалось задержать наступление советских войск, потеряв при этом незначительную часть занимаемой территории[109].

Невыполнение 33-й и 5-й армиями наступательных задач опять же явилось следствием как объективных, так и субъективных причин. Их соединения и части были обескровлены.

Неуспех операции представитель Генерального штаба Красной армии при штабе 5-й армии подполковник Некрасов объяснял «отсутствием оперативно-тактической внезапности и слабой подготовкой войск к ночным наступательным действиям, отсутствием удара там, где противник не ожидает»[110].

Были и другие причины. Пехота, вместо того чтобы использовать складки местности, перебегая от одной кочки к другой, шла во весь рост, отсюда и несла весьма большие потери от огня противника. При анализе опыта наступательных действий также вскрылось, что если старший офицерский состав и соответствующие войсковые штабы были в целом неплохо подготовлены к управлению войсками, то в решениях командиров стрелковых подразделений, до батальона включительно, отмечались существенные недостатки. Слабую подготовку имел сержантский и рядовой состав многих подразделений.

Пехота оказалась необученной к совместным действиям с танками, значительно отставала от них. Так, 15 января танки 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, с ходу прорвавшись через передний край противника в районе станции Крынки, вышли на рубеж Черкассы — Шугаево и оставались там более суток. При этом действовавшая на том же направлении пехота 95-й стрелковой дивизии, «застряв» у совхоза «Крынки», к этому рубежу так и не подошла[111].

По мнению представителей Генерального штаба Красной армии при штабе Западного фронта, пехота противника, наоборот, сопротивлялась уверенно, широко применяя автоматический огонь при поддержке артиллерии и минометов. Одним из факторов успеха в обороне, как считают военные историки Германии, являлась гибкость «руководящих штабов, постоянно маневрировавших своими незначительными по численности войсками, чтобы каждый раз на направлении главного удара советских войск создавать основные усилия в обороне»[112].

В феврале 1944 г., кроме участия в Витебской наступательной операции (3—18 февраля), войска Западного фронта наносили удары и на других участках.

22 февраля 31-я армия предприняла наступление на оршанском направлении с задачей улучшить занимаемые позиции. К этому времени армия имела четыре стрелковые дивизии, укрепленный район, танковую бригаду, самоходный артиллерийский, минно-траловый, гвардейский минометный, три зенитно-артиллерийских, танковый полки, а также пять артиллерийских полков РГК[113]. В конце первого дня наступления правофланговые соединения армии, прорвав оборону, продвинулись на глубину до 4 км и выбили противника из опорных пунктов Лобаны, Вишни, Шарово, Востицы.

В это же время предпринимала наступательные действия и 5-я армия. Однако ее части сумели продвинуться лишь на 2 км.

В итоге пятидневных наступательных боев правофланговые соединения 31-й армии захватили правый берег р. Черница и отбросили противника к западу почти на 3 км, овладев его первой и второй линиями траншей. 24 февраля они возобновили наступление в районе севернее Бабиновичей и вклинились в оборону врага до 4 км[114].

Для воспрещения развития наступления советских войск на оршанском направлении командование 3-й немецкой танковой армии вынуждено было перебросить из района севернее Витебска имевшиеся в его распоряжении резервы и части 20-й танковой дивизии. Встречая ожесточенное сопротивление врага и угрозу контрударов его танковых соединений, советские войска переходили к обороне. Обычно она строилась глубокой и хорошо подготовленной в инженерном, противовоздушном и особенно противотанковом отношении. Маршал А. М. Василевский после войны подчеркивал, что «на рубеже 1943—1944 гг. борьба с немецкими танковыми соединениями оставалась далеко не простым делом»[115].

Учитывая результаты операции, Ставка ВГК в директиве от 26 февраля потребовала от командующего войсками Западного фронта переработать план наступательной операции на витебском и оршанском направлениях. Для проведения операции на витебском направлении в 39, 33 и 5-й армиях было сосредоточено 15 стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — 13, во втором эшелоне — две. Кроме того, к операции привлекались стрелковая и семь артиллерийских бригад, 10 артиллерийских полков РГК, шесть танковых бригад и 87 танков. Этим силам противостояли пять пехотных дивизий, 10 артиллерийских полков и около 90 танков врага[116].

В течение 27—28 февраля наблюдение за врагом показало, что в полосе 39-й армии осуществлялось усиленное движение в направлении Витебска мелких групп и транспорта противника. Установив отход неприятеля с занимаемых позиций, командующий 39-й армией отдал приказ начать его преследование, которое продолжалось до 3 марта. Однако успех сопутствовал только 19-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник преследовался не мощными группировками, а распыленными силами. Из-за просчетов в организации наступления управление полками и батальонами нередко нарушалось, к тому же вышестоящие штабы запаздывали с информацией.

Командование 39-й армии рассчитывало на глубокий отход противника, поэтому преследование проводилось без учета внезапных действий с его стороны. Кроме того, штаб армии не организовал взаимодействия пехоты с танками и не обеспечил их артиллерией, которая могла бы подавить вражескую огневую систему. Артиллерия на этапе преследования испытывала дефицит снарядов крупных калибров, необходимых для постановки заградительных огней на путях отхода врага и воспрещения подхода его резервов. Так, на 29 февраля артиллерия имела «122-мм гаубичных артвыстрелов — 0,44 боекомплекта, 122-мм пушечных артвыстрелов — 0,15 боекомплекта, 152-мм гаубичных артвыстрелов — 0,5 боекомплекта, 152-мм пушечных артвыстрелов — 0,7 боекомплекта»[117].

3 марта подошедшие к промежуточному рубежу вражеской обороны соединения и части армии из-за своего малочисленного состава не смогли сбить противника, а резервы подведены не были. К примеру, 84-й стрелковый корпус (генерал-майор Е. В. Добровольский) имел «шестнадцать рот по 15—25 человек, шесть рот по 25—35 человек, четыре роты по 35—45 человек, пять рот по 45—55 человек, две роты по 55—65 человек»[118]. Такое же положение складывалось и в ротах автоматчиков.

К 5 марта 39-я армия, продвинувшись на запад от 2 до 7 км, освободила более десяти населенных пунктов[119]. В дальнейшем, когда командование немецкой группы армий «Центр» организовало и на новом рубеже упорное сопротивление, она вынуждена была перейти к обороне.

2 марта 33-я и 5-я армии предприняли наступление на витебском направлении с задачей перерезать железную дорогу на участке Поддубляны — Черепии. Наступлению 33-й армии предшествовала часовая, а 5-й армии — 40-минутная артиллерийская подготовка. Однако, как потом выяснилось, огневая система противника так и не была подавлена. До 5 марта соединения и части 5-й армии на отдельных направлениях овладели первой линией траншей и отдельными опорными пунктами. Дальнейшее продвижение было задержано организованным сопротивлением, и армия вынуждена была перейти к обороне. Враг останавливал советскую пехоту заградительным артиллерийским и интенсивным пулеметным огнем. Так, 3 марта в полосе 5-й армии действовали 18 артиллерийских и

восемь минометных батарей противника[120]. С 29 февраля по 5 марта войска армий сумели продвинуться от 2 до 6 км.

Причинами неудач армий Западного фронта в основном являлись недостаточное руководство боем со стороны командования, в частности 5-й армии, слабая организация взаимодействия пехоты с танками и артиллерией, плохое материальное обеспечение[121]. Представители Генерального штаба Красной армии при штабе Западного фронта полковники Серебряков и Харитонов отмечали, что «проведенные операции по своему замыслу не имеют глубокого размаха и, по существу, являются булавочными уколами по противнику»[122].

Систематическое начало артиллерийской подготовки с залпа РС «катюш» давало основание командованию группы армий «Центр» полагать, что вслед за этим начнется советское наступление. Пленные немецкие солдаты и офицеры на допросах подтверждали, что самые большие потери их войска несли от внезапно начинавшегося 5–10-минутного огневого налета. Более продолжительные огневые налеты давали возможность им уйти в укрытие.

Наступление не достигало своей цели еще и потому, что во время артиллерийской подготовки стрелковые подразделения запаздывали подняться и стремительно броситься в атаку. Благодаря этому вражеская пехота успевала выбраться из укрытий, изготовиться для стрельбы и открыть огонь прежде, чем в их окопы врывалась советская пехота. Эта операция, как, впрочем, и другие операции Западного фронта, показала, что до тех пор, пока артиллерия и авиация не проложат дорогу пехоте, не дадут ей возможности сойтись с врагом, успеха не будет.

Укомплектованность армий была явно недостаточной. Так, на 2 марта в стрелковых дивизиях в строю имелось не более 3,5–4,6 тыс. человек[123].

Наконец, на витебском направлении 6-й немецкий армейский корпус оказывал упорное сопротивление войскам правого крыла Западного фронта. Противник, учитывая угрозу на этом направлении, подтянув с других участков артиллерию и часть пехоты, перешел в контратаки. Бывший генерал вермахта Хайдкаммер вспоминал об этом: «Стратегия — это система выручки». Эти слова Мольтке в переносном смысле, как никогда, подходят для характеристики наших действий в те дни. Каждую ночь колоннами грузовых автомобилей производились перемещения войск. Батальоны, которые еще вчера вели тяжелые оборонительные бои северо-восточнее Витебска, сегодня сражались восточнее города. Другие, отражавшие сегодня атаки противника на юго-восточном участке фронта, в следующую ночь отправятся в другое место, где утром ожидается новая атака. Нигде сил не хватало. Могла помочь только постоянная выручка»[124]. Проведенные мероприятия позволили фашистам задержать наступление советских войск.

В это же время соединения и части 31-й армии продолжали оборонять занимаемые позиции и готовились к проведению наступательной операции на оршанском направлении. С 1 по 4 марта в этой армии было сосредоточено восемь стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — три, во втором — пять, а также три артиллерийские бригады, шесть артиллерийских полков РГК, танковая бригада, два танковых полка (всего 80 танков). Артиллерийская плотность составляла 100 стволов на 1 км фронта. Советским войскам противостояли пехотная дивизия, три артиллерийских полка и до 35 танков[125]. 31-я армия превосходила противника по людям в 1,7 раза, по артиллерии и минометам — в 1,5 раза, по танкам и САУ (штурмовым орудиям) — в 1,2 раза, а на направлении главного удара она имела абсолютное превосходство[126].

Армия получила задачу ударной группировкой на своем левом фланге внезапной атакой прорвать оборонительную полосу противника на участке Осинстрой — Пущай, ударом в общем направлении вдоль Минского шоссе с ходу овладеть промежуточными оборонительными позициями врага и выйти на рубеж Выдрица — Коробище — Андрияново — Пугачево — Гатьковщина. В дальнейшем соединения и части армии должны были освободить г. Оршу.

В период с 29 февраля по 3 марта в 31-ю армию были переданы из 49-й армии 61-й и 62-й стрелковые корпуса, а также некоторые другие части усиления. Поэтому при подготовке наступления особое внимание уделялось контролю выполнения во вновь прибывших со-

Заправка топливом самоходной артиллерийской установки

Брошенный немецкий десятиствольный реактивный миномет

единениях указаний командующих войсками фронта и армией по достижению внезапности наступления, сохранению в тайне его замысла, своевременному выполнению мероприятий по сосредоточению войск на направлениях нанесения удара.

Сосредоточение войск в новых районах в основном прошло скрытно кроме отдельных случаев нарушения маскировки. В целях дезинформации противника штаб 31-й армии организовал демонстрацию сосредоточения войск на второстепенном направлении, где усиливалось движение автомашин ночью с включенными фарами.

5 марта в 9 часов 30 минут войска ударной группировки армии после 50-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление[127]. Преодолевая развитую систему оборонительных сооружений, густую сеть минных полей и отражая контратаки противника силами от батальона до полка пехоты, поддержанными 15—20 танками, части стрелковых дивизий с трудом продвигались вперед. Враг не выдержал натиска советской пехоты и на участке Осинстрой — Лобаны оставил первую линию траншей и поспешно отошел[128]. «Кроме того, одновременно с главным ударом проводились отвлекающие атаки, чтобы вынудить обороняющихся распылить свои силы, — отмечают военные историки Германии. — Хотя прием был новым, но и на этот раз наступление не удалось»[129].

Вместо того чтобы стремительно преследовать отступавшего противника и на его плечах ворваться во вторую линию траншей, советская пехота задержалась в первой линии траншей, ружейно-пулеметного огня практически не вела и тем самым дала возможность врагу оторваться. В последующие дни ни усилия пехоты, ни ввод в сражение 220-й стрелковой дивизии не изменили положение. Момент был упущен, и стрелковые подразделения дальше ходов сообщений между первой и второй траншеями противника не продвинулись.

К исходу 8 марта части армии вклинились в оборону на глубину около 1 км. Враг заградительным и фланкирующим пулеметным огнем сдерживал наступавшие войска. Объясняется это тем, что огонь советской артиллерии был запланирован только на направлении главного удара[130].

Противник, восстановив утраченное после артиллерийского и минометного налета положение, перешел в наступление силами до двух полков пехоты 78-й пехотной дивизии, поддержанной бомбардировочной авиацией[131]. В результате ему удалось выбить подразделения 31-й армии с правого берега р. Черница.

Причины неудач этой операции все те же: промахи в управлении войсками и невыполнение основных требований Полевого устава; слабая выучка пехоты; плохая организация взаимодействия между родами войск и внутри них; недостаточные подготовка и материальное обеспечение; у командиров батальонов не было крупномасштабных и кодированных карт, хотя они должны были их иметь еще за два-три дня до наступления[132].

К 21 марта командование 33-й армии подготовило наступательную операцию на богушевском направлении. Для ее проведения было сосредоточено девять стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — шесть, во втором — три, а также десять артиллерийских бригад, шесть артиллерийских полков РГК, пять танковых бригад, четыре самоходных артиллерийских полка (всего 73 танка). Артиллерийская плотность составляла 100—150 стволов на 1 км фронта.

Противник имел две пехотные дивизии, до пяти артиллерийских полков и около 40 танков[133].

Соединения и части армии должны были прорвать оборону неприятеля на участке Зазыбы — Дрыбино, уничтожить его части и, развивая успех в общем направлении Языково — Алеськово, перерезать участок железной дороги Витебск — Орша. 42, 173, 215 и 199-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й и 213-й танковыми бригадами и артиллерией, получили приказ прорывать оборону врага. 164, 214 и 144-я стрелковые дивизии, а также 36-я стрелковая бригада должны были на участке Шапуры — озеро Замошье сковывать силы противника[134].

21 марта левофланговые соединения и части 33-й армии перешли в наступление[135]. Они вклинились во вражескую оборону от 1 км до 4 км и вышли на рубеж Шарки — Поднивье — Ефременки, (иск.) Слобода, (иск.) Бураки, освободив несколько населенных пунктов.

23 марта армия возобновила наступление вдоль шоссе Витебск — Орша и, преодолевая упорное сопротивление противника, выбила его из опорного пункта Шарки — Кузменцы — Ефременки[136]. Несмотря на массовый героизм советских воинов, уже на следующий день стрелковые подразделения были вынуждены оставить Шарки.

Несмотря на кажущуюся тщательность мероприятий по подготовке операции, успеха она не имела. Оказалось, что в звене «батальон — рота» наступление планировалось только на бумаге, а его материальное обеспечение в целом было недостаточным. Судя по архивным источникам, к началу операции армия имела «снарядов 45-мм — 1,3 боекомплекта, 76-мм полковой артиллерии — 1 боекомплект, 76-мм дивизионной артиллерии — 1,2 боекомплекта, 122-мм гаубичных — 1,2 боекомплекта, 122-мм пушечных — 1,3 боекомплекта, 152-мм гаубичных — 1,4 боекомплекта, 152-мм пушечно-гаубичных — 2,5 боекомплекта, мин 82-мм — 2,3 боекомплекта, 120-мм — 1,3 боекомплекта, винтовочных патронов — 1,3 боекомплекта, автоматных патронов — 1,5 боекомплекта»[137].

Существенные упущения выявились и в сохранении в тайне плана наступательных действий. Еще 15 марта красноармейцы знали о предстоявшем наступлении. В этот же день на участке 2-го батальона 53-го немецкого пехотного полка, в районе восточнее Дрыбино, перешел на сторону врага красноармеец. Перебежчик показал, что «в ближайшие дни русские предпримут здесь наступление»[138].

Соединения и части 33-й армии, наступавшие только на богушевском направлении в течение короткого времени дважды, но ни разу не добившиеся успеха, постепенно теряли уверенность в своих силах и возможностях.

На богушевском направлении предприняла попытку перейти в наступление и 5-я армия. Оно должно было проводиться совместно с 33-й армией. 21 марта после 25-минутной артподготовки соединения и части 5-й армии атаковали противника на рубеже Зазыбы — Косачи — Горы в южном направлении и, прорвав передний край обороны, продвинулись от 1,5 до 2 км[139]. На следующий день правофланговые соединения и части армии продолжили наступление. При этом 157-я стрелковая дивизия, имевшая в строю всего 3702 человека, и 97-я стрелковая дивизия, насчитывавшая 3893 человека, с трудом решали поставленные задачи. Преодолевая упорное огневое сопротивление и контратаки противника, они вышли к рекам Суходровка и Лососина. Враг, опираясь на подготовленный оборонительный рубеж в районе этих рек, заградительным артиллерийским огнем отражал все атаки. И все же два полка 157-й стрелковой дивизии, форсировав Лососину северо-западнее Черкасс, овладели первой линией траншей противника.

Как и в 33-й армии, в действиях 5-й армии отмечались существенные недостатки. Ее стрелковые подразделения в бою терялись, огонь по вражеской пехоте не вели. Артиллерия 5-й армии, имея на 5,5 км фронта 615 орудий и минометов (у противника их было всего 76), из-за отсутствия снарядов и недостаточной боевой выучки артиллеристов не смогла подавить огневую систему врага и оказать необходимую помощь пехоте. Например, 24 марта вышедшие из деревни Шведы два «фердинанда» в течение 30—40 минут обстреливали советскую пехоту. Она залегла, но артиллерия из-за отсутствия снарядов необходимых калибров не смогла оказать ей поддержку и уничтожить вражеские штурмовые орудия.

28 марта командование войск Западного фронта решило возобновить наступление на богушевском направлении силами 33-й и 5-й армий. Однако вновь назначенный командующим войсками 33-й армией генерал И. Е. Петров (с 13 марта 1944 г.) доложил в штаб фронта, что продолжать наступление он не может, поскольку обещанные армии боеприпасы до сих пор не доставлены. Только в 10 часов 45 минут 33-я и 5-я армии возобновили наступление на прежних направлениях. Но оно вновь было остановлено организованным сопротивлением противника[140]. Обе армии, так и не выполнив задачи командования Западного фронта, перешли к обороне.

В результате наступления на богушевском направлении с 21 по 29 марта советские войска вклинились в оборону противника от 1 до 3,5 км.

Тем не менее английский военный историк Б. Лиддел Гарт подчеркивал: «Хотя в течение зимы русским не удалось прорвать оборону противника на этом участке фронта, Буш и его подчиненные хорошо понимали, насколько близки были русские к успеху, и теперь сомневались, сумеют ли они выдержать новый удар в благоприятных для наступающих условиях»[141].

По официальной версии в апреле 1944 г. с целью выяснения причин неудач Западного фронта Ставка ВГК направила комиссию в составе члена Государственного Комитета Обороны, секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова (председатель), начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова, начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковника С. М. Штеменко, заместителя начальника Генерального штаба — начальника Главного разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кузнецова и начальника Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта А. И. Шимонаева с привлечением офицеров из Наркомата обороны.

В докладе комиссии на имя Верховного главнокомандующего по итогам работы в органах управления и войсках Западного фронта отмечено много недостатков в организации и проведении наступательных операций. Но при этом их главная причина, как представляется, замалчивается. Ее суть связана с просчетами, допущенными со стороны Ставки ВГК, Генерального штаба и представителя Ставки ВГК маршала артиллерии Н. Н. Воронова, которые неверно оценивали силы и возможности противника на центральном направлении советско-германского фронта. Враг, полагали они, настолько ослабел в ходе летней кампании 1943 г., что не способен сдержать наступление Красной армии в Восточной Белоруссии.

Ставка ВГК, Генеральный штаб Красной армии и командование Западного фронта не учитывали, что противник более чем за два года создал в Белоруссии прочную и эшелонированную в глубину оборону, причем на местности, весьма выгодной для ее ведения[142]. Операция по ее прорыву требовала тщательной подготовки и всестороннего обеспечения привлекаемых войск и сил. Необходимо было учитывать, что в результате предшествовавшей Смоленской наступательной операции войска Западного фронта понесли большие потери и нуждались в передышке. Тем не менее Ставка ВГК настаивала на продолжении наступления, к тому же по разобщенным направлениям.

Периодически отправляя директивы генералу армии В. Д. Соколовскому, Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной армии не оказывали ему необходимую помощь. Еще осенью 1943 г., после неудачного исхода первых операций, напрашивался вывод о бесперспективности продолжения наступления на витебском, оршанском и богушевском направлениях. Следовало искать другие, более приемлемые решения. Но Ставка ВГК не соизмерила силы и возможности Западного фронта с поставленными задачами и в целом с оперативно-стратегической обстановкой.

Укомплектованность 39, 33, 31 и 5-й армий личным составом и военной техникой оставалась низкой. Потери восполнялись не более чем на 30–50% от потребностей. 1-я воздушная армия, обеспечивавшая наступление войск Западного фронта, располагала только половиной положенных по штату боевых самолетов. Фронт имел всего один 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, а армии фронта — по одной танковой бригаде и отдельному танковому полку.

Ставка ВГК, видимо, считала, что Западный фронт должен выполнять второстепенные задачи. Поэтому она держала его на так называемом «голодном пайке», направляя основные силы на решение стратегических задач на северное и южное крылья советско-германского фронта. Наспех подготовленные командованием армий Западного фронта наступательные операции привели к нерациональному расходованию сил и средств, в том числе и боеприпасов. Так, Западный фронт израсходовал 17 661 вагон боеприпасов. За это же время Белорусский — 12 335, 1-й Украинский — 10 545, 4-й Украинский — 8463 вагона[143].

Управление войсками в ходе операций со стороны командующего и штаба фронта, командующих 39, 33, 31 и 5-й армиями осуществлялось чаще всего директивным методом. Эти руководители находились на значительном удалении от наступавших войск и общались с

подчиненными лишь по техническим средствам связи. Штаб фронта, как отмечалось в докладе комиссии, от планирования операций был отстранен и фиксировал только ход событий, развивавшихся по планам штабов армий. Штабные работники, как правило, исходили из того, что их основная функция — исполнение воли и задач, поставленных командующими. Они не смели претендовать даже на какую-то относительную самостоятельность. Такой подход негативно отражался на всем процессе управления войсками.

Армейские наступательные операции планировались и проводились на разобщенных направлениях. При этом командующий войсками фронта имевшиеся в его распоряжении силы и средства переподчинял армиям, не оставляя для себя возможности каким-либо образом влиять на ход операций. В наступлении армии имели глубокое оперативное построение. Аналогичным образом строились боевые порядки корпусов, дивизий и полков. В итоге в выполнении задач по прорыву обороны и разгрому противника одновременно участвовало недостаточное количество сил и средств. Крайне не оперативно реагировал на запросы войск Военный совет фронта.

В Западном фронте отмечались серьезные недостатки в работе командиров и штабов тактического звена управления. При подготовке наступления и проведении перегруппировок войск не соблюдалась скрытность, не принимались меры по дезинформации противника. В результате почти все операции протекали в условиях готовности неприятеля к отражению наступления советских войск. В ряде случаев молодое пополнение вводилось в строй без соответствующей подготовки.

Больше всего недостатков комиссия вскрыла в 33-й армии, которая чаще других объединений наступала на главном направлении фронта. Общие потери 33-й армии в наступательных операциях составили 50% от потерь всего Западного фронта.

В соединениях и частях 39, 33, 31 и 5-й армий слабо были отработаны разведка и вскрытие вражеских огневых средств. Поэтому во время артиллерийской подготовки или налета они не поражались прицельным огнем и быстро «оживали» с началом атаки советской пехоты и танков. Особенно низкой эффективностью отличалась контрбатарейная борьба.

В соединениях и частях Западного фронта излишне много сил и средств оставлялось в обороне, в том числе на пассивных участках. Даже в условиях, когда обстановка позволяла, во фронте не практиковался вывод соединений и частей в ближайший тыл для проведения с ними учений и тренировок по наступательному бою в условиях лесисто-болотистой местности. В результате ограниченности сроков подготовки к очередным наступательным операциям личный состав вводился в бой без целенаправленной боевой учебы[144].

В решении важнейших оперативно-тактических вопросов негативно отражались шаблон и схематизм, проявляемый со стороны командного состава, отсутствие у некоторых руководителей гибкости и военной хитрости. Удары по противнику наносились, как правило, на одних и тех же направлениях. Бывший генерал вермахта Ф. Меллентин писал: «Шаблон в подготовке командиров мелких подразделений приводил к тому, что они приучались не выходить за рамки уставов и наставлений и лишались инициативы и индивидуальности, что является очень важным для хорошего командира»[145].

Некоторые командующие армиями, командиры корпусов, дивизий, полков и соответствующие им штабы мало и крайне беспредметно занимались практической работой непосредственно среди подчиненных, своевременно и должным образом не нацеливали их на выполнение предстоящих боевых задач.

При таких подходах к организации боевых действий во фронте и входящих в его состав объединениях, соединениях и частях трудно было надеяться на успех наступления. Очень часто под впечатлением предыдущих неудач очередные атаки войск 33, 39, 31 и 5-й армий начинались неорганизованно и неуверенно. Нередко танки непосредственной поддержки пехоты отрывались от нее и вели бой самостоятельно. Из-за того что передовые стрелковые подразделения задерживались с атакой или быстро не продвигались за разрывами снарядов артиллерии, расстраивалась спланированная артиллерийская и авиационная поддержка атаки. Всё это приводило к большим и неоправданным потерям. В подготовке и ведении

боевых действий, предопределявших неудачи наступательных операций Западного фронта, было немало и других недостатков.

Впоследствии командование 3-го Белорусского фронта, образованного 24 апреля 1944 г. в результате переименования Западного фронта, в своей работе сосредоточивало внимание на ликвидации тех недочетов, которые были отмечены комиссией[146]. Новый командующий войсками фронта генерал И. Д. Черняховский управление войсками стал осуществлять через штаб фронта, ставя перед ним конкретные задачи и требуя неукоснительного их выполнения. 3-й Белорусский фронт был лучше укомплектован, обеспечен боеприпасами и усилен танковыми, артиллерийскими и авиационными соединениями.

До конца марта 1944 г. войска Западного фронта продолжали попытки вести наступление на витебском, богушевском и оршанском направлениях. Их действия приводили лишь к небольшим вклинениям в оборону противника. Но они держали 4-ю немецкую армию в постоянном напряжении, сковывали ее войска, не позволяли германскому командованию снимать силы и средства и перебрасывать их на другие направления.

Рассматривая события зимне-весенней кампании в целом, немецкие историки пришли к выводу, «что в успехе обороны во время зимних сражений под Витебском уже был зародыш поражения будущим летом. Именно к тому времени Красной армии действительно удалось окружить Витебск так, что у его защитников не осталось шансов выбраться из ловушки. Это и стало началом гибели группы армий «Центр»[147].

Неудачные действия войск Западного фронта диссонировали с грандиозными победами Красной армии на Правобережной Украине, при разгроме вражеских войск под Ленинградом и Новгородом, а отчасти и с успешными действиями войск Белорусского фронта в Полесье.

Наступление в Полесье

На центральном участке советско-германского фронта основные события зимой 1944 г. развернулись не только на витебском и оршанском, но и на бобруйском направлении. После войны бывший командующий Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский вспоминал: «Наша задача — активными действиями приковать к себе как можно больше вражеских сил и тем самым облегчить наступление на главном направлении»[148]. И войска фронта прилагали все усилия, чтобы выполнить эту задачу. На крупные успехи они не рассчитывали, но и на месте не стояли.

Здесь, в центре Полесья, оборонявшаяся 2-я немецкая армия (генерал пехоты В. Вейс) опиралась на два мощных узла сопротивления — города Калинковичи и Мозырь. Командование группы армий «Центр» понимало, что советские войска, овладев этими городами, глубоко вклинятся в ее расположение. Поэтому оно определило войскам задачу измотать и обескровить противостоявший им Белорусский фронт.

Противником на данном направлении предусматривалось сочетание широких оборонительных действий с наступлением на уязвимых для советских войск направлениях. Для этого командование группы армий «Центр», не скованное активными действиями на смежных участках восточного фронта, имело возможность перебрасывать на угрожаемые направления дополнительные силы и средства, меняя тем самым их соотношение в свою пользу.

Выгодные для обороны условия местности способствовали врагу в создании на мозырском направлении сильной системы обороны[149]. Здесь держали оборону девять пехотных и две танковые дивизии, три дивизиона штурмовых орудий, кавалерийский полк, которые были в полной мере оснащены всеми видами военной техники[150].

Очевидно, руководство вермахта догадывалось о планах советского командования по освобождению городов Калинковичи и Мозырь. Поэтому оно готово было бросить в бой оставленные в тылу венгерские дивизии, предназначавшиеся для борьбы с партизанами.

Задача Белорусского фронта (3, 48, 50, 61, 63[151], 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии) на начало 1944 г. была определена директивой Ставки ВГК, в которой указывалось: не позднее 8 января предпринять наступление своим левым крылом, разбить мозырскую группировку противника, охватывая ее с севера и с юга, и к 12 января освободить Калинковичи и Мозырь. В дальнейшем следовало «наступать, нанося удар главными силами фронта в общем направлении на Бобруйск, Минск. Частью сил действовать вдоль реки Припять на Лунинец»[152].

В Калинковичско-Мозырской операции были задействованы 65-я и 61-я армии, а также значительная часть сил 16-й воздушной армии. Генерал армии К. К. Рокоссовский усилил соединения и части обеих армий за счет других войск фронта. После этого в 65-й армии стало десять стрелковых дивизий и 1-й гвардейский танковый корпус, а в 61-й армии — шесть стрелковых дивизий и танковая бригада. На это направление с правого фланга были подтянуты основные силы 4-го артиллерийского корпуса прорыва, две артиллерийские дивизии прорыва и минометная дивизия, две отдельные артиллерийские бригады и несколько дивизий армейского резерва. К 5 января 1944 г. части 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов, находившиеся в оперативном подчинении 61-й армии, сосредоточившись в лесах северо-восточнее Гажина, готовились к выполнению поставленных перед ними задач. Численность советских войск составляла 232 600 человек. К операции привлекались также партизаны Гомельского, Полесского и Минского партизанских соединений.

На участках прорыва 65-й и 61-й армий для обеспечения быстрого взлома вражеской обороны было создано 2–4-кратное превосходство над противником в артиллерии[153].

В соответствии с замыслом командующего войсками Белорусского фронта армии получили следующие задачи: 65-я — с севера ударом левого фланга из района Холодники, 61-я — с юга ударом правого фланга из района Глинная Слобода в общем направлении на Калинковичи и Мозырь, а с юго-запада одновременным охватом силами 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов из района Калинковичи — Мозырь разгромить вражеские войска и освободить оба города, а в дальнейшем выйти на рубеж р. Птичь[154].

Обширная лесисто-болотистая Полесская низменность со множеством рек, ручьев и канав, слабо развитой дорожной сетью и к тому же теплая зима создавали огромные трудности при наступлении[155].

Основная задача военных советов фронта и армий, а также политотделов армий, корпусов и дивизий заключалась в обеспечении на всем протяжении операции высокого боевого духа и наступательного порыва у личного состава. При этом учитывалась необходимость предостеречь воинов как от недооценки, так и от переоценки сил противника.

8 января 61-я армия после 45-минутной артподготовки в 9 часов 50 минут правофланговыми соединениями и частями перешла в наступление в направлении на Калинковичи и продвинулась от 1 до 6 км[156].

В этот же день после 40-минутной артиллерийской подготовки 65-я армия перешла в наступление в направлении на Озаричи. Продвинувшись за день от 2 до 4 км[157], ее соединения и части перерезали железную и шоссейную дороги Калинковичи — Жлобин.

Уже на первоначальном этапе операции боевые действия приняли упорный характер. Советские войска с трудом «продавливали» вражескую оборону. Командующий войсками фронта требовал действовать решительно, днем и ночью, не допуская пауз, при этом просил «отличившихся в боях щедро награждать, а всех, кто не выполнит поставленной задачи, сурово наказывать»[158].

После прорыва передовой оборонительной полосы генерал армии К. К. Рокоссовский ввел в сражение южнее Мозыря 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса с задачей «отрезать пути отхода мозырской группе войск противника на запад и юго-запад»[159]. Белорусские партизаны провели оба корпуса лесными дорогами из района Ельска в тыл калинковичской и мозырской вражеским группировкам. При этом подразделения и части сами прокладывали колонные пути.

В первой половине дня 8 января полки 14-й и 16-й гвардейских кавалерийских дивизий 7-го гвардейского кавалерийского корпуса вышли в район Ромезы. Упорное сопротивление

здесь врага объяснялось тем, что с захватом этого района соединения конницы выходили во фланг и тыл важному узлу сопротивления на мозырском направлении, на который германское командование возлагало большие надежды как на непреодолимый для советских войск. После ожесточенного боя Ромезы были полностью очищены от противника. Среднесуточное продвижение кавалерийской группы составляло от 5 до 9 км[160].

В течение 10—12 января войска левого крыла Белорусского фронта, отражая неоднократные контратаки врага, вели бои в направлениях Озаричи и Калинковичи, а подвижными частями наступали на Мозырь, обходя его с запада[161]. Продвинувшись 10 января от 4 до 12 км, кавалеристы освободили свыше 70 населенных пунктов[162].

В тех боях отличился командир зенитного пулемета 18-го отдельного дивизиона ПВО 14-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии старшина М. В. Маслов. 10 января при отражении контратаки противника под Мозырем он уничтожил пулеметную точку и более десяти вражеских солдат. Подвиг гвардии старшины был отмечен орденом Славы 3-й степени[163]. Пулеметчик закончил войну полным кавалером ордена Славы.

2-й гвардейский кавалерийский корпус в этот же день наступал на Петриков. Сбив противника с занимаемого рубежа, он к исходу дня вышел на линию Осовец — Зимова Буда — Убортская Рудня[164]. Стремясь задержать его продвижение к Припяти, враг неоднократно переходил в контратаки. Кавалеристы перерезали железную дорогу Мозырь — Петриков, что парализовало тыл врага, а его оборонявшиеся войска лишило снабжения. Командованию группы армий «Центр» пришлось распорядиться об отходе своих сил в северо-западном направлении[165].

11 января 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу было приказано во взаимодействии с частями 415-й стрелковой дивизии освободить Мозырь и частью сил переправиться на левый берег Припяти[166]. Противник, укрепляя свою оборону на подступах к городу, еще накануне перебросил на рубеж Загорины — Редька — Дрозды — Козинки дополнительно два батальона пехоты.

Когда советские войска начали преследование врага, 16-я воздушная армия удачно использовала истребители для штурма железной и шоссейной дорог на участке Калинковичи — Птичь. Авиаполки выполняли по три вылета в день. Именно по этим коммуникациям командование 2-й немецкой армии отводило свои войска и военную технику.

11 января командующий войсками Белорусского фронта изменил направление наступления 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, приказав ему перерезать железную дорогу Калинковичи — Житковичи[167]. Танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса генерала танковых войск М. Ф. Панова вышли в район Кощичи, что 15 км южнее Озаричей, и стали с севера развивать успех на Калинковичи[168].

Наступавшая на главном направлении 162-я стрелковая дивизия попала под такой сильный огонь, что не смогла занять даже первую траншею вражеской обороны[169]. С наступлением темноты она демонстративно усилила атаки. А тем временем соединения и части 65-й армии, в том числе бóльшая часть артиллерии, совершали марш в район Макановичей. К рассвету три стрелковые дивизии заняли исходное положение для нанесения удара.

В 12 часов 14 января передовые батальоны при поддержке артиллерии начали атаку. «Это была, по существу, разведка боем, но она оказалась настолько успешной, что атакующие без потерь захватили первую траншею и завязали бой в глубине обороны, — вспоминал бывший командующий 65-й армией генерал армии П. И. Батов. — Развивая этот успех, бойцы тотчас нанесли удар главными силами всех дивизий первого эшелона 65-й армии. Через три часа полоса вражеской обороны была прорвана. Войска вошли на окраину Калинковичей и завязали бой на улицах города»[170].

Вскоре город был освобожден. Потеряв сильный опорный пункт и железнодорожный узел Калинковичи, противник окончательно лишился рокады Жлобин — Калинковичи. Тем самым план командования группы армий «Центр» объединить жлобинскую и калинковичскую группировки провалился.

Еще в ночь на 14 января передовые кавалерийские части ворвались на западную окраину Мозыря. Главные силы 14-й и 15-й гвардейских кавалерийских дивизий, 55-й и 415-й

Германская пехота в обороне

Экипаж «тридцатьчетверки» под командованием старшего лейтенанта М. Кузьмина у боевой машины

стрелковых дивизий разгромили части 251-й немецкой пехотной дивизии и при участии Мозырской партизанской бригады под командованием А. Л. Жильского освободили Мозырь[171]. «Ликвидация вражеских войск в районе Мозырь, Калинковичи обеспечила правый фланг 1-го Украинского фронта, а 61-я и 65-я армии создали себе выгодные условия для дальнейших наступательных боев», — писал после войны генерал армии П. И. Батов[172].

15 и 16 января после перегруппировки 65, 61 и 48-я армии возобновили наступление. Однако развивалось оно медленно, потому что командование 2-й немецкой армии перебросило в полосу наступления 61-й и 65-й армий до двух пехотных дивизий, три дивизиона штурмовых орудий и семь охранных батальонов. Советские же войска из-за неполной укомплектованности личным составом и военной техникой не смогли создать достаточного превосходства. К тому же действовать в условиях лесисто-болотистой местности да еще в распутицу становилось все труднее.

И все же войска фронта к концу января отбросили врага к низовьям р. Птичь и к Петрикову[173]. При этом соединения 61-й армии, чтобы не утратить соприкосновения с правым флангом успешно наступавшей 13-й армии 1-го Украинского фронта, своим левым флангом продвигались вдоль правого берега Припяти в направлении Столина. Стремясь обезопасить правое крыло группы армий «Центр», ее командование было вынуждено также растянуть правый фланг 2-й армии вдоль северного берега Припяти.

Наступавшая 65-я армия, уничтожив почти 10 тыс. солдат и офицеров противника, освободила свыше 90 населенных пунктов[174]. 21 января после упорного боя ее соединения и части взяли один из сильнейших опорных пунктов врага — Озаричи, а 61-я армия совместно с партизанами 23 января освободили г. Лельчицы.

Позднее, уже в марте, разведчики 37-й гвардейской стрелковой дивизии в болотах севернее Озаричей обнаружили созданные оккупантами три концлагеря. Здесь томились и умирали более 33 тыс. советских граждан. Приказа на уничтожение узников командование вермахта не отдавало, а разместило в лагерях 275 больных сыпным тифом, которые должны были заразить всех остальных. 7 апреля 1944 г. Президиум Верховного Совета Белорусской ССР выразил благодарность воинам 65-й армии за спасение мирного белорусского населения.

30 января с выходом советских войск в район рек Ипа, Припять и Птичь наступление было остановлено. В результате Калинковичско-Мозырской операции Белорусский фронт продвинулся на 30—40 км, а на отдельных направлениях — до 60 км. Они охватили бобруйскую группировку противника с юга, что в дальнейшем облегчило ее разгром в ходе стратегической операции «Багратион». Советские войска потеряли 12 350 человек убитыми (5,3% от численности войск к началу операции) и 43 807 ранеными[175].

Большую роль в успехе наступления сыграли тесная связь командования фронта с партизанскими отрядами и их грамотное применение.

Наступление войск Белорусского фронта выгодно отличалось от действий соседних 1-го Прибалтийского и Западного фронтов. Решающий фактор — маневр 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов. Хотя Генеральный штаб их действия оценил как «неудовлетворительные (нерешительность, нецелеустремленность, распыление сил, несогласованность действий с ударной группой 65-й армии)»[176], угроза выхода кавалерийских корпусов на пути отхода неприятеля резко снизила его способность оборонять свои позиции и заставила командование 2-й армии принять решение на отход.

По оценке К. Типпельскирха, в середине января 1944 г. 2-я армия была под угрозой полного окружения. Лишь ценой огромных усилий ее командованию удалось вывести соединения и части из-под удара, и «ей в самый последний момент удалось избежать окружения»[177].

Подводя итоги операции, Военный совет Белорусского фронта отмечал в действиях войск не только положительные результаты, но и вскрыл недостатки. Так, в директиве от 14 февраля 1944 г. указывались серьезные недочеты в применении артиллерии: она вела огонь не по разведанным и конкретным целям, а по площадям, расточительно расходуя боеприпасы. Кроме того, отмечалась низкая эффективность артиллерийских и минометных частей и соединений.

За период с 8 по 20 января 65-я армия израсходовала 368 вагонов боеприпасов, несмотря на то что ее среднесуточные темпы продвижения не превышали километра, а 61-я армия лишь 19 января использовала 27 173 снаряда и мины, продвинувшись всего на несколько десятков метров[178]. В директиве Военный совет фронта потребовал от командиров и штабов соединений и частей основательно готовить к боевым действиям артиллерию, исключить бесцельную стрельбу, добиться тесного взаимодействия артиллерии с войсками и танками непосредственной поддержки пехоты.

Завершив Калинковичско-Мозырскую операцию, Белорусский фронт (с 17 февраля 1944 г. — 1-й Белорусский фронт) перенес усилия на правое крыло — против рогачевско-жлобинской группировки противника, насчитывавшей около семи пехотных дивизий[179].

В Рогачевско-Жлобинской наступательной операции планировалось участие 3-й армии при содействии 50-й и 48-й армий. Операцию должна была обеспечивать 16-я воздушная армия. После разгрома вражеской группировки этим армиям предстояло захватить оперативный плацдарм на правом берегу Днепра, что создавало благоприятные условия для ведения наступления на бобруйском направлении.

Советским войскам противостояли 9-я (генерал танковых войск Й. Харпе) и часть сил 4-й (генерал-полковник Г. Хейнрици) немецкой полевой армии. Передний край их обороны проходил по крутому правому берегу Днепра, а города Жлобин и Рогачев были превращены в сильные узлы сопротивления.

В то время как соединения и части 3-й армии вышли к Днепру на участке Хачинки — Гадиловичи, находившаяся справа 50-я армия перешла к обороне. Действовавшая слева 63-я армия вела безуспешные бои с противником, удерживавшим плацдарм восточнее Рогачева и Жлобина на левом берегу Днепра.

Согласно замыслу командующего 3-й армией генерала А. В. Горбатова главный удар силами трех стрелковых дивизий планировалось нанести с востока на запад — из Узников на Никоновичи и Вороново, а вспомогательный — одним стрелковым полком 17-й стрелковой дивизии на север в полосе между шоссе Довск — Могилев и Днепром[180].

Командующий 3-й армией решил 4—5 января ликвидировать плацдарм противника, удерживаемый силами 267-й пехотной дивизии на левом берегу Днепра, то есть перед правым флангом армии. Это позволило бы сократить линию фронта и высвободить часть войск для проведения операции по захвату плацдарма на правом берегу реки. Специально подготовленный лыжный отряд 17-й стрелковой дивизии под командованием капитана Тайвокайнена в ночь на 4 января уничтожил штаб 267-й пехотной дивизии противника, располагавшийся в деревне Прибор.

4 января утром после артиллерийской подготовки перешедший в наступление 80-й стрелковый корпус нанес удар на Узники и Никоновичи. Стрелковый полк 17-й стрелковой дивизии, которым командовал полковник П. С. Романенко, наступал вдоль Днепра в северном направлении навстречу лыжному отряду, с которым вскоре и соединился. В ходе боя соединения и части продвинулись на 4—5 км, окружив в районе Палки вражеский гарнизон, который был уничтожен.

Командование 9-й немецкой армии пыталось задержать наступавших на рубеже Никоновичи — Усохи, поэтому во второй половине дня сопротивление ее войск заметно возросло. Однако советские войска сумели овладеть и этим рубежом. К исходу 5 января 80-й стрелковый корпус вышел к Днепру. В итоге полоса 3-й армии сократилась на 12 км, а командование группы армий «Центр» лишилось возможности беспрепятственно использовать участок железной дороги Могилев — Рогачев и железнодорожную станцию Быхов, которые теперь находились под постоянным обстрелом советской артиллерии. Соседняя, 50-я армия генерала И. В. Болдина своим левым флангом также продвинулась на 6 км к Днепру.

Наступательная операция 3-й армии достигла цели в результате нанесения внезапного и короткого по времени, но сильного для решения данной задачи удара. Противник не успел ввести свои резервы и помешать наступавшим советским войскам выполнить поставленную задачу.

50-я армия после неудачных попыток выйти во всей своей полосе к Днепру обороняла рубеж Кузьминичи — Столин[181]. 63-я армия к этому времени, не добившись успеха в попытке сбросить врага с плацдарма в районе Рогачев — Жлобин, перешла к обороне на участке Турск — Проскурня.

48-я и 65-я армии осуществляли наступательные операции на паричском направлении, в междуречье Днепра и Березины. Генеральный штаб, оценивая действия 48-й и 65-й армий в лесисто-болотистой местности, отмечал, что «лобовые атаки на выталкивание противника, кроме потерь в личном составе и расходе материальных сил, ничего не давали»[182].

3-я армия, закрепив за собой очищенный от врага участок фронта, приступила к подготовке операции по захвату плацдарма на правом берегу Днепра[183]. Ее командование при подготовке форсирования Днепра наметило для прорыва участок реки между Шапчинцами и Сверженем, рассчитывая, что именно здесь можно добиться внезапности и быстро освободить Рогачев[184]. Но последующий ход событий показал, что оно недооценило трудностей преодоления столь крутого берега, особенно подвижными частями и артиллерией. Это привело к снижению темпов наступления в первый день операции и, следовательно, не позволило в полной мере использовать достигнутую вначале внезапность.

13 февраля 3-я армия получила директиву командования фронта, согласно которой ей передавалась полоса 63-й армии вместе с войсками. В поступившей через пять дней очередной директиве указывалось, что армия генерала А. В. Горбатова, обороняясь частью сил на обоих флангах, должна с утра 21 февраля семью дивизиями со средствами усиления перейти в наступление. Главный удар предстояло нанести на Кистени, Заполье, Поболово и, форсировав Днепр, на третий день операции овладеть рубежом Комаричи — Хомичи — Добрица — Поболово — Тертеж, а также городом и станцией Жлобин[185]. В дальнейшем ей ставилась задача развивать успех в общем направлении на Бобруйск. Кроме того, в директиве указывалось, что к 22 февраля армии будет передан в районе Довска 1-й танковый корпус.

Штабу 3-й армии пришлось пересмотреть ранее принятое решение и увеличить стрелковым корпусам глубину задач, исходя из условий обстановки в полосе наступления каждого из них.

К началу операции перед фронтом армии на участке Селец-Холопеев — Проскурня оборонялись 276 (авиаполевая), 31, 45, 707 (охранная), 296, 10 и 6-я пехотные дивизии[186]. Оборонительные сооружения противника состояли из двух-трех, а против Шапчинцы и на плацдарме — из четырех-пяти траншей. Они были оборудованы стрелковыми ячейками, площадками для пулеметов, ротных минометов и противотанковых орудий, а также имели разветвленную сеть ходов сообщения.

Второй оборонительный рубеж был подготовлен по берегу Друти, а на плацдарме — по Днепру, который имел здесь ширину 150—300 м и глубину 3—5 м. Пересекаемая протоками и хорошо просматриваемая с высокого берега долина реки имела ширину 2,5—3 км, толщина льда в основном русле не превышала 12 см[187]. Из-за оттепели на льду появилось много полыней, а в ряде мест лед отошел от берега. Днепр прикрывали противотанковые рвы с долговременными огневыми точками. В непосредственной близости от переднего края обороны располагалась артиллерия. Все это затрудняло форсирование водной преграды.

Основная роль в операции отводилась 3-й армии. Одновременно 48-я армия должна была нанести удар в направлении Паричи — Бобруйск вдоль правого берега Березины. 50-й армии предстояло ударом с юга овладеть районом Быхова.

3-я армия на главном направлении значительно превосходила противника: в орудиях и минометах — в 8 раз, в танках и самоходных артиллерийских установках — в 3 раза[188].

Нанесением главного удара в обход Рогачева с севера соединения и части 3-й армии достигали сразу две цели: захватывали плацдарм на правом берегу Днепра, а с занятием Рогачева угрожали тылу неприятеля, который оборонял плацдарм на левом берегу, принуждая его к отходу за реку.

Штаб 3-й армии разработал план предстоявшей операции. Ее войска строились в два эшелона. В обороне на правом фланге армии на 25-километровом участке на рубеже Селец-

Холопеев до Шапчинцы планировалось оставить армейский запасной полк и несколько подразделений. Для действий по вражеским тылам и освобождения Рогачева был создан лыжный отряд из двух батальонов 120-й гвардейской стрелковой дивизии. В случае, если не удастся освободить этот город с ходу, отряду предстояло выйти в леса севернее Щибры и, перерезав основные коммуникации, не допускать подхода резервов противника и отхода его войск.

35-му стрелковому корпусу предстояло оборонять вместе со 115-м укрепленным районом участок от Гадиловичей до Проскурни, имея 169-ю стрелковую дивизию во втором эшелоне. В случае обнаружения отхода врага предполагалось перейти к преследованию и на его плечах форсировать Днепр.

К утру 20 февраля все предусмотренные планом мероприятия по подготовке наступления были завершены. Подразделения тыла армии закончили ремонт дорог, мостов и прокладку колонных путей. Артиллерия заняла огневые позиции ближе к урезу Днепра. Однако ей все-таки недоставало боеприпасов: на 20 февраля имелось всего 0,7 боекомплекта выстрелов для пушек и гаубиц калибра 76 мм и 152 мм, а также 1,5 боекомплекта мин[189].

Ровно в полночь 20 февраля лыжный отряд 120-й гвардейской стрелковой дивизии согласно замыслу командования 3-й армии выступил для действий по тылу противника. К 6 часам утра 21 февраля дивизии первого эшелона ударной группировки 3-й армии, используя темноту, скрытно преодолели долину Днепра и по разведанным путям, провешенным телефонным кабелем, в обход промоин во льду заняли исходное положение для атаки на его правом берегу.

В 7 часов 20 минут после 10-минутного артиллерийского налета из 800 орудий и минометов армия перешла в наступление с рубежа Шапчинцы — Гадиловичи[190]. К 10 часам дивизии первого эшелона овладели двумя-тремя траншеями, освободили ряд населенных пунктов и продвинулись на 2—3 км.

Так как противник вел по наступавшим интенсивный артиллерийско-минометный огонь, продвижение пехоты замедлилось. Часть артиллерии 3-й армии не могла оказать эффективной поддержки, потому что продолжала вести огонь с прежних огневых позиций. Другая ее часть, с большим трудом преодолевая долину Днепра, в это время перемещалась вслед за первым эшелоном. Пушки и гаубицы, которые удалось переправить через Днепр, скучивались из-за невозможности поднять их на крутой правый берег.

Лишь 36-й танковый полк подполковника М. В. Макарикова с помощью саперов с трудом преодолел крутые скаты и с ходу поддержал атаку пехоты на Мадоры. Но танкисты были встречены организованным огнем противотанковой артиллерии и штурмовых орудий противника. Они вынуждены были отойти в боевые порядки стрелковых частей, оставив на поле боя сгоревшие шесть из 16 танков[191].

Когда в бой были введены вторые эшелоны полков и дивизий, темпы наступления повысились. Однако враг по-прежнему проявлял большую активность. Используя преимущества местности и подготовленные рубежи обороны, он всеми силами стремился остановить наступление контратаками пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации. Но, несмотря на это, советские войска упорно продвигались вперед.

К исходу 20 февраля 80-й и 41-й стрелковые корпуса захватили плацдарм глубиной до 5 км и шириной 14 км, обеспечивавший дальнейшее наступление армии[192]. Тем не менее тактическая зона вражеской обороны не была прорвана прежде всего из-за отставания артиллерии.

Советская артиллерия не успевала за пехотой, несмотря на огромные усилия, которые прилагали артиллеристы и саперные подразделения. К исходу первого дня наступления саперы, сооружая въезды на крутой берег Днепра, вынули около 10 тыс. кубометров грунта. Только после этого артиллерия 3-й армии смогла занять огневые позиции на возвышенном правом берегу реки.

Командир лыжного отряда, подойдя к Рогачеву, посчитал, что внезапность утрачена, отказался от попытки освободить город и принял решение действовать по вражеским тылам. Выйдя в лес юго-восточнее Старого Села, отряд перерезал коммуникации, идущие от

Рогачева на Мадоры и Быхов, а также участок железной дороги Рогачев — Быхов. В течение всего дня отряд вел бой с подходившими резервами врага, уничтожал его обозы и машины.

Командование 9-й немецкой армии, почувствовав угрозу прорыва обороны, начало перебрасывать на это направление свои части с не подвергшихся атакам участков. Из-под Витебска были переброшены 20-я танковая, а из района Петрикова — 5-я танковая дивизии. К сожалению, из-за низкой облачности авиация 16-й воздушной армии не обнаружила подхода резервов противника, поэтому не смогла воспрепятствовать их выдвижению к линии фронта.

Для обеспечения правого фланга 3-й армии генерал армии К. К. Рокоссовский приказал командующему 50-й армией с утра 22 февраля перейти в наступление силами не менее трех стрелковых дивизий с ближайшей задачей, переправившись через Днепр в районе севернее Селец-Холопеева, нанести удар в северном и северо-западном направлениях.

Огромную выдержку и умение проявили в этих боях советские воины. Так, еще 20 февраля командир отделения 564-го отдельного саперного батальона старший сержант Т. Х. Бобко из 283-й стрелковой дивизии у деревни Надежда разведал переправу для артиллерии через Днепр. На следующий день он с отделением проделал проход в проволочном заграждении противника и первым ворвался в его расположение, уничтожив нескольких солдат. 29 февраля он был награжден орденом Славы 3-й степени. Отважный воин в последующем так же храбро сражался и был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 2-й и 1-й степеней, двумя медалями «За отвагу»[193].

Утром 22 февраля после 10-минутного артиллерийского налета возобновили наступление войска ударной группировки. Для наращивания усилий на главном направлении командующий 3-й армией ввел в сражение 250-ю стрелковую дивизию[194]. Преодолевая ожесточенное сопротивление, соединения и части ударной группировки завершили прорыв тактической зоны обороны противника, за день боя они продвинулись от 4 до 8 км и создали угрозу захвата Рогачева.

Успешное продвижение советских войск вынудило командование 9-й немецкой армии начать переброску своих частей на угрожаемое направление. Так, части 6-й пехотной дивизии были переброшены для занятия обороны по рубежу р. Друть с плацдарма южнее Рогачева. Части 5-й танковой дивизии, прибывшей из резерва группы армий «Центр», совместно с частями 31-й пехотной и 221-й охранной дивизий пытались организовать оборону по железной дороге южнее Старого Села[195].

За трое суток боев ударная группировка 3-й армии расширила плацдарм до 25 км по фронту и до 13 км в глубину. 22 февраля 50-я армия, форсировав Днепр в районе Селец-Холопеева, вела бой за Тайманово и Адаменку[196]. К исходу следующего дня ей предстояло выйти на рубеж Быхов — Новая Боярщина. Генерал армии К. К. Рокоссовский потребовал «операцию организовывать и проводить на принципах внезапности и стремительного продвижения войск армии»[197].

23 февраля 80-й стрелковый корпус, отразив контратаки пехоты и танков 31-й пехотной, 221-й охранной, а также подошедшей 4-й танковой дивизий, освободил населенные пункты Лазаревичи, Виляховка и станцию Тощица[198]. В боях за станцию Тощица противник предпринял шесть контратак, но несмотря на большие потери, успеха не добился. К исходу дня части 80-го стрелкового корпуса вели бой на рубеже Лазаревичи — южная окраина Верхней Тощицы — станция Тощица.

В это время введенный в бой второй эшелон 3-й армии — 40-й стрелковый корпус успешно наступал на Фалевичи. Преодолевая сопротивление частей 5-й немецкой танковой дивизии, он к вечеру вышел к р. Друть на участке от Озеран до Веричева.

В первой половине дня 23 февраля, когда советские войска вышли в район Рогачева, противник стал отводить с плацдарма части 296-й и 6-й пехотных дивизий за Днепр. Обнаружив это, 35-й стрелковый корпус силами 169-й стрелковой дивизии и 115-го укрепрайона перешел к преследованию. К исходу дня они вышли на рубеж Заборово — Новый Путь — Александровка и далее по левому берегу Днепра до Проскурни[199].

В ходе боев войска 3-й армии продвинулись от 6 до 15 км, расширив фронт наступления почти на 50 км. Удерживаемый противником на левом берегу Днепра южнее Рогачева плацдарм глубиной 20 км был полностью очищен соединениями и частями армии[200].

В свою очередь, 50-я армия, ведя упорные бои на своем левом фланге, захватила плацдарм площадью 8 км по фронту и 3 км в глубину. Генерал И. В. Болдин, бывший командующий 50-й армией, вспоминал: «К этому времени мы имели значительные потери в живой силе и технике, слишком растянулись наши коммуникации. Армия получила приказ закрепиться на достигнутых рубежах»[201].

Появление перед фронтом 3-й армии оперативных резервов врага, его частые контратаки крупными силами, возросшая активность авиации свидетельствовали о намерении командования группы армий «Центр» во что бы то ни стало задержать продвижение советских войск, чтобы выиграть время для занятия подходившими войсками обороны по р. Друть.

События развивались стремительно. В ночь на 24 февраля 120-я гвардейская стрелковая дивизия, тесно взаимодействуя с частями 169-й стрелковой дивизии, сломила вражеское сопротивление и штурмом овладела Рогачевом, перерезала важный для противника участок железной дороги Жлобин — Могилев[202].

Днем 24 февраля соединения и части 3-й армии продолжили активные действия передовыми отрядами по захвату плацдармов на правом берегу Друти, но смогли продвинуться всего от 2 до 7 км. 16-я воздушная армия часто использовала истребители для уничтожения врага, действуя «как по отступающим колоннам, так и по резервам, движущимся к фронту»[203].

На бобруйском направлении неприятель вел «сдерживающие бои, стремясь не допустить выхода советских войск на тылы быховской группировки»[204]. Так, 25 февраля 3-й армии пришлось отразить «30 контратак противника силою до батальона пехоты каждая при поддержке танков и штурмовых орудий»[205].

Численность вражеской группировки, противостоявшей армиям правого крыла 1-го Белорусского фронта, к тому времени возросла более чем вдвое. И 26 февраля 3-я армия вынуждена была перейти к обороне на рубеже «(иск.) Хомичи... и далее по восточному берегу р. Днепр до оз. Великое»[206].

За шесть дней боев 3-я армия форсировала две водные преграды — Днепр и Друть, продвинулась почти на 30 км, хотя и не решила полностью задач, предусмотренных директивой фронта[207]. Наметившийся успех ее соединений и частей явился результатом внезапного удара по сравнительно слабому участку обороны врага, однако малочисленность состава стрелковых дивизий и недостаток резервов не позволили развить наступление. Потери войск 1-го Белорусского фронта в этой операции составили 31 277 человек, из них безвозвратные — 7164 человека (3,1% от численности войск к началу операции)[208].

В результате Рогачевско-Жлобинской операции был ликвидирован плацдарм противника на левом берегу и захвачен плацдарм на правом берегу Днепра. Улучшенное в результате оперативное положение правого крыла фронта создало выгодные условия для последующего наступления на бобруйском направлении. «Кроме того, в случае отхода немцев русские получали хорошие возможности выйти противнику в тыл, нанеся удар из района Ковеля. Здесь русские войска находились у западной оконечности полосы болот, разделяющей немецкие армии», — отмечал известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт[209].

К 17 февраля в ходе наступления советских войск на Правобережной Украине между Белорусским и 1-м Украинским фронтами, действовавшими на западном и юго-западном направлениях, образовался значительный разрыв. В районе бассейна р. Припять, на более чем 300-километровом участке от устья р. Птичь (западнее Мозыря) до Рожища (севернее Луцка) действовала 61-я армия Белорусского фронта (восемь стрелковых и шесть кавалерийских дивизий), а также три дивизии 77-го стрелкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта.

Ставка ВГК при подготовке весеннего наступления, планируя сосредоточить основные усилия в полосе 1-го и 2-го Украинских фронтов с целью разгрома группы армий «Юг» и выхода к Карпатам, учла опасность, которую представлял собой открытый правый фланг 1-го Украинского фронта. Она полагала, что по мере продвижения главных сил этого фронта

в юго-западном направлении возрастет реальная угроза контрудара противника из района Львова.

17 февраля 1944 г. для обеспечения правого крыла группировки советских войск на Правобережной Украине и развертывания активных боевых действий на ковельско-брестском направлении между Белорусским и 1-м Украинским фронтами был создан новый, 2-й Белорусский фронт (командующий — генерал-полковник П. А. Курочкин)[210]. В соответствии с директивой Ставки ВГК в его состав вошли 61, 47, 70-я армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса и 6-я воздушная армия. Всего в составе фронта насчитывалось 149,4 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 120 танков и САУ, 122 боевых самолета[211].

2-му Белорусскому фронту противостояли на рубеже р. Припять соединения и части правого крыла 2-й армии из группы армий «Центр», а в районе Ковеля — 4-я танковая армия из группы армий «Юг». Их поддерживали авиация 6-го воздушного флота и часть сил 4-го воздушного флота. Вражеские войска обороняли плацдарм до 70 км по фронту и около 30 км в глубину на правом берегу Припяти, в районе Давыд-Городок — Столин — Пинск. Гарнизоны отдельных опорных пунктов прикрывали 60-километровый участок фронта по левому берегу р. Стохода от Любешова до железной дороги Ковель — Сарны.

Кроме того, в районе Ковеля действовала дивизионная группа войск СС, с 15 марта — группа Гилле, насчитывавшая более 8,5 тыс. человек. Сам город был хорошо укреплен, так как противник построил здесь три линии мощных оборонительных укреплений. Подступы к нему с севера, востока и юга прикрывали минные и проволочные заграждения. Все кирпичные здания были приспособлены для продолжительной обороны[212]. Тактические и ближайшие оперативные резервы противника на этом направлении составляли части немецкой 213-й охранной дивизии, венгерские 9-я и 19-я легкопехотные дивизии, а также танковая дивизия СС «Викинг».

4 марта 1944 г. Ставка ВГК приказала генералу П. А. Курочкину подготовить и провести Полесскую наступательную операцию с целью выхода основными силами на Государственную границу СССР по р. Западный Буг на участке Брест — Городло, а правым крылом — на Припять на участке Туров — Давыд-Городок — Столин[213].

Главный удар фронта планировалось нанести по важному узлу железных и шоссейных дорог — Ковелю. «В этом городе скрещивались пути, ведущие на Киев и Одессу, на Люблин и Брест. «В Ковеле лежат ключи к Висле», — заявил в одном из приказов немецкий генерал Гилле»[214].

Освобождение Ковеля обеспечивало свободу маневра на брестском, холмском и владимир-волынском направлениях. С выходом к р. Западный Буг войска фронта должны были глубоко охватить с юга группу армий «Центр», обеспечив тем самым выгодные условия для проведения операций по освобождению Белоруссии и Польши. Немецкие историки пишут: «Город Ковель превратился в кошмарный сон командований двух немецких групп армий, так как один успешный маневр советских войск в этом направлении мог привести к развалу восточного фронта»[215].

2-й Белорусский фронт получил приказ перейти в наступление с 12 по 15 марта. Ставка ВГК намечала включить в состав фронта 22 стрелковые, шесть кавалерийских и три авиационные дивизии, танковую бригаду, пять отдельных танковых полков, около 20 артиллерийских и минометных полков, а также другие части. К сожалению, в период подготовки к операции не все соединения и части были сосредоточены в полосе фронта. Некоторые из них прибывали уже в ходе ее ведения.

Стрелковые дивизии фронта из-за значительных потерь, понесенных в летне-осенней кампании 1943 г., насчитывали от 4 до 6 тыс. человек. Соединения, прибывавшие из резерва Ставки ВГК, были укомплектованы до 7,1—7,3 тыс. человек[216]. На западном и юго-западном стратегических направлениях 2-й Белорусский фронт по своему боевому составу оказался самым малочисленным оперативно-стратегическим объединением.

6 марта Военный совет 2-го Белорусского фронта представил в Ставку ВГК план предстоявшей операции. В решении командования фронта были учтены особенности вражеской

группировки и условия местности в полосе наступления. Замыслом операции намечалось окружить и уничтожить ковельскую группировку нанесением главного удара силами 47-й армии в обход Ковеля с севера и юга. 70-й армии ставилась задача, наступая на брестском направлении, перерезав шоссе Брест — Ковель, освободить Камень-Каширский и не допустить удара противника с направления Кобрин — Брест. 61-й армии предстояло ликвидировать плацдарм врага на правом берегу Припяти в районе Столина[217].

В последующем 47-я и 70-я армии должны были выйти на Государственную границу СССР по р. Западный Буг. При подготовке операции важно было выбрать участки прорыва и определить их ширину. Глубина ближайшей задачи армий ударной группировки фронта планировалась от 40 до 50 км, дальнейшей — от 120 до 130 км. 7 марта Ставка ВГК утвердила представленный командованием 2-го Белорусского фронта план операции[218].

Удар главных сил фронта был нацелен на слабо прикрытый войсками стык немецких групп армий «Центр» и «Юг». 47-я армия должна была наступать на Ковель и Любомль, а 70-я — на Камень-Каширский и Брест. Иначе говоря, армиям ударной группировки войск фронта предстояло наступать по расходящимся направлениям с целью способствовать наступлению 1-го Украинского фронта, а ударом на Брест выйти в глубокий тыл немецкой группы армий «Центр». Правофланговой 61-й армии предстояло наступать в северном направлении.

Оперативное построение 2-го Белорусского фронта было одноэшелонным, поскольку полоса наступления его составляла более 350 км. 70-я армия вводилась в сражение между 61-й и 47-й армиями. В резерв фронта был выделен 7-й гвардейский кавалерийский корпус, который до 14 марта входил в состав 61-й армии, а с началом наступления был выдвинут в полосу 47-й армии — на ковельское направление[219].

Для подготовки наступательной операции отводилось десять суток. Военные советы, политорганы фронта и армий проводили работу по поддержанию в войсках высокой боевой готовности и созданию высокого наступательного порыва. Личный состав, до которого были доведены боевые задачи, готовился к действиям в условиях лесисто-болотистой местности. В первой половине марта войска 2-го Белорусского фронта проводили перегруппировку. 61-я армия сумела перебросить на свой левый фланг управление 9-го гвардейского стрелкового корпуса и дивизию, где были сосредоточены ее основные усилия[220]. Две другие дивизии были переданы 70-й армии.

Прибытие главных сил 70-й и 47-й армий, переброска соединений 61-й армии, а также подвоз материальных средств осуществлялись по единственной железнодорожной магистрали, которая подвергалась постоянным ударам авиации противника. Для ее прикрытия фронт не имел достаточных средств. В тыловых районах выполнялся большой объем работ по строительству и ремонту дорог и мостов. В полосе 47-й армии в районе Бережницы строился высокопроводный автомобильный мост через р. Горынь, а в окрестностях Маневичей — железнодорожный мост через р. Стырь[221]. Однако преодолеть все трудности в сосредоточении войск, перебазировании авиации и подвозе материальных средств не удалось до самого конца операции. Обстановку в тылу 2-го Белорусского фронта осложняли диверсионные действия вооруженных формирований украинских националистов. Для борьбы с ними его командованию пришлось использовать немногочисленные фронтовые резервы.

Из-за нехватки времени и транспортных трудностей мероприятия по подготовке наступления в полном объеме завершить не удалось. Большая часть стрелковых соединений вводилась в сражение с ходу, без достаточной огневой поддержки и материального обеспечения. Особой проблемой стало материальное обеспечение: имелось всего 0,5—1,2 боекомплекта боеприпасов, две заправки автобензина и около трех заправок дизельного топлива[222]. Весенняя распутица серьезно осложняла боевую деятельность авиации. Так, 6-я воздушная армия лишь к 18 марта, то есть на четвертый день операции, смогла перебазировать из района Невеля под Сарны около 70% своего боевого состава: Ил-2 — 18, Як-9 — 14, Пе-2 — 5, По-2 — 85. 30% самолетов оставалось на прежних аэродромах[223].

К началу наступления из 14 дивизий, которым предстояло пополнить ударную группировку фронта, в исходные районы вышли только семь[224]. «Чтобы не позволить немецкой

группе армий «Центр» помочь своему южному соседу», войскам фронта пришлось перейти в наступление в разное время, даже не завершив сосредоточение сил[225].

Боевые действия проходили в сложных условиях. Дело в том что Полесье представляло собой равнинную лесистую низменность с многочисленными озерами и болотами, пересеченную густой сетью рек и каналов. Притоки Припяти — Стоход, Турья, Выжевка и сама Припять в ее верхнем течении образовывают ряд естественных рубежей, труднопреодолимых в условиях весеннего разлива. Дорожная сеть была развита слабо, а продвижение войск вне дорог из-за обширных болот затруднено.

Военные историки Германии подчеркивают, что «в этой обстановке город (Ковель. — *Прим. ред.)* имел первостепенное стратегическое значение, так как находился на юго-западной оконечности 400-километровых Припятских болот»[226]. Этот район традиционно считался не пригодным для ведения боевых действий крупными массами войск[227]. Поэтому развертывание войсками 2-го Белорусского фронта наступательной операции в Полесье явилось полной неожиданностью для командования вермахта.

15 марта на главном направлении три стрелковые дивизии нанесли удары с рубежа Боровно — Великий Обзыр на Несухоеже, а две стрелковые дивизии 47-й армии — с рубежа Навуз — Топильно в обход Ковеля с севера и юга.

На правом фланге 47-й армии, действовавшей на ковельском направлении, противник, оказывая слабое сопротивление, отходил на рубеж р. Турья. Он был выбит из районов Морочна, Любешов, станция Любешов, Цыр, Борки, Езерко, Гута, Мельце, Несухоеже, Углы, Навуз и отброшен на запад[228]. Ее соединения и части из-за труднопроходимой лесисто-болотистой местности к 18 марта продвинулись только на 30—40 км. Тем не менее они завершили окружение ковельской группировки, перерезав дороги из Ковеля на Брест и Любомль[229].

Передовые части и подразделения 143-й стрелковой дивизии через несколько часов после начала операции перерезали железные дороги, связывающие Ковель с Брестом и Холмом[230]. К 16 марта они продвинулись из района Несухоеже на 30 км и отрезали противнику пути отхода из Ковеля. При этом два ее стрелковых полка были развернуты фронтом на восток, а третий — на запад.

С подходом частей 60, 260 и 175-й стрелковых дивизий все три полка 143-й стрелковой дивизии выдвинулись на внешний фронт окружения, в 10—12 км западнее Ковеля. Сюда же выступил второй эшелон 47-й армии — 76-я гвардейская стрелковая дивизия. Действовавшая на левом фланге армии 328-я стрелковая дивизия вышла на участок железной дороги Ковель — Рожище и освободила Туринск. К 19 марта, то есть к моменту завершения окружения ковельской группировки, на внешнем и внутреннем фронтах действовало по три стрелковые дивизии, сжав кольцо до окраин города.

В течение восьми дней три дивизии 47-й армии вели тяжелые бои за Ковель, но все безуспешно[231]. Причина в том, что командование 47-й армии не сумело в короткие сроки организовать штурм города, потому что войсковая разведка не смогла в достаточной степени разведать состав сил противника. Военный совет армии ошибочно полагал, что в блокированном гарнизоне царит паника. Как вспоминал бывший начальник политотдела 47-й армии генерал-полковник М. Х. Калашник, все были уверены, что «пройдет еще день-два, от силы пять, и окруженный ковельский гарнизон капитулирует, город будет взят»[232].

Иначе говоря, командование 2-го Белорусского фронта также не имело четкого представления об обстановке в районе Ковеля. Только в ходе упорных боев выяснилось, что «ковельский узел сопротивления» — довольно серьезный рубеж обороны. По разведданным, к 23 марта противник в район западнее Ковеля подтянул свежие части, «по-видимому, с целью освободить окруженный гарнизон в г. Ковель»[233]. По мере их прибытия сопротивление возрастало. Командование 4-й танковой армии провело несколько сильных контрударов, стремясь деблокировать окруженный гарнизон Ковеля. Так как у группы армий «Юг» не было никакой возможности противостоять войскам 47-й армии под Ковелем, то «27 марта участок фронта с окруженным городом был передан в полосу группы армий «Центр»[234].

Окончательно потеряв стратегическую инициативу, видя приближение разгрома и неизбежность возмездия за все чудовищные злодеяния, совершенные на советской земле, враг сопротивлялся с яростью обреченных[235]. Он цеплялся за каждый метр, за каждый выгодный рубеж. Тем не менее, по свидетельству маршала А. М. Василевского, «несмотря на понесенные жестокие поражения, немецко-фашистская армия к началу 1944 г. была еще довольно сильной и могла вести серьезную оборонительную войну»[236]. В полной мере такая оценка советского военачальника относилась и к ковельской группировке.

Ставка ВГК наращивала силы 47-й армии, но медленно. Лишь к 1 апреля ее состав был доведен до девяти стрелковых дивизий и пяти танковых полков. Из них шесть стрелковых дивизий и четыре танковых полка действовали на внешнем фронте окружения. Дожди, перемежавшиеся снегопадами, и недостаток сил не позволили 6-й воздушной армии обеспечить эффективную поддержку наступавших.

Советским войскам не хватало боеприпасов, а пришедшие в негодность грунтовые дороги затрудняли их своевременный подвоз. Для переброски грузов пришлось использовать самолеты 242-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии. С 26 по 31 марта самолеты, совершив 568 вылетов, доставили в район Ковеля 93 тонны боеприпасов, но этого было явно недостаточно.

В боях за Ковель советские войска снова показали свое воинское мастерство, мужество и героизм. Так, наводчик орудия 367-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 260-й стрелковой дивизии рядовой П. И. Малкин 27 марта в бою на подступах к Ковелю, в составе расчета выкатив орудие в боевые порядки пехоты, уничтожил три пулемета и около десяти вражеских солдат, что способствовало успешному продвижению пехоты. За свой подвиг наводчик был награжден орденом Славы 3-й степени[237].

К 27 марта командование 2-го Белорусского фронта убедилось, что 47-я армия не в состоянии самостоятельно ликвидировать окруженную группировку, в то время как на внешнем фронте возросшие силы противника угрожали прорывом блокады[238]. Дальнейшие события показали, что меры по усилению и отражению деблокирующего контрудара врага сильно запоздали.

15 марта 70-я армия в составе 160-й и 38-й гвардейской стрелковых дивизий была введена в сражение с плацдармов на правом берегу Стохода, на 40-километровом участке от Любешова до Борозно. К 20 марта ее соединения и части продвинулись на глубину до 60 км и вышли на рубеж канала Турски, но там были остановлены подошедшими резервами противника. 26 марта 115-й стрелковый полк 38-й гвардейской стрелковой дивизии под его давлением оставил Смольну и отошел к каналу Турски[239].

Спустя три дня врагу удалось потеснить советские части на 10—12 км — за Припять и Выжевку[240]. В целом 70-я армия выполнила задачу по оперативному обеспечению маневра 47-й армии на окружение ковельской группировки. Однако для разгрома подошедших вражеских резервов и выхода на Западный Буг, в район Бреста, ее сил оказалось недостаточно. Только к началу апреля она была усилена двумя дивизиями, но изменить обстановку в своей полосе уже до конца операции не смогла.

В это же время в полосе действий 70-й и 47-й армий командование вермахта сосредоточило около восьми дивизий, в том числе три танковые, а также лыжноегерскую бригаду и пять бригад штурмовых орудий[241]. С 28 марта управление войсками противника на ковельском направлении возглавил командующий 2-й армией генерал В. Вайс. Основные усилия ее были направлены на деблокаду ковельского гарнизона. Армия своим 56-м танковым корпусом прорвала кольцо окружения вокруг «болотной крепости — Ковеля»[242].

Генерал В. Вайс усилил группировку, действовавшую вдоль шоссе Любомль — Ковель, частями 4-й танковой дивизии. Сосредоточенным ударом на узком участке фронта противник прорвал боевые порядки 143-й стрелковой дивизии и ценой больших потерь 4 апреля вышел в район Ковеля, где соединился с окруженными частями[243]. После напряженных боев советские войска оставили северо-западную окраину Ковеля.

16 марта перешла в наступление ударная группировка 61-й армии — 9-й гвардейский стрелковый корпус[244]. За десять суток соединения и части корпуса, действуя в полосе шириной 24 км, продвинулись всего на 4—8 км и поставленную задачу выполнить не смогли. Корпусу не удалось ликвидировать плацдарм противника в районе Столина. К 20 марта 61-я армия очистила только участок правого берега Припяти между Мозырем и Туровом[245].

Причинами неудачи явились низкий уровень управления войсками и плохая организация разведки, а также слабая огневая подготовка и поддержка наступавших войск. Так как цели разведаны не были, артиллерии пришлось вести огонь преимущественно по площадям, при плотности всего 15—18 орудий и минометов на 1 км фронта.

По указанию Ставки ВГК в район боевых действий 2-го Белорусского фронта в начале апреля прибыл генерал армии К. К. Рокоссовский. Внимательно ознакомившись с обстановкой, он доложил И. В. Сталину о целесообразности прекращения операции по освобождению Ковеля[246]. По его мнению, противник мог подойти к деблокированному городу только с севера.

С 5 апреля в соответствии с директивой Ставки ВГК 2-й Белорусский фронт был расформирован, его войска переданы в состав 1-го Белорусского фронта, а полевое управление выведено в резерв[247].

Только 19 апреля командование 1-го Белорусского фронта отказалось от дальнейших попыток взять Ковель. С 27 по 30 апреля противник потеснил левый фланг 47-й армии на юго-восток на 10 км, а правый фланг 61-й армии — до 8 км, 7-й гвардейский кавалерийский корпус был отброшен за р. Турья[248].

В итоге Полесская наступательная операция не решила полностью задач, предусмотренных директивой Ставки ВГК. Тем не менее по поводу боевых действий, происходивших в Полесье зимой 1944 г., генерал Г. Гудериан в своих мемуарах писал: «Тяжелые кровопролитные зимние бои совершенно выбили главное командование сухопутных войск из колеи»[249].

2-й Белорусский фронт в итоге операции не смог выйти к государственной границе на рубеже Брест — Городло и уничтожить окруженную ковельскую группировку врага прежде всего из-за недостатка сил и средств. Это, а также жесткие сроки подготовки операции не позволили его командованию создать мощную наступательную группировку. Соединения, прибывавшие на укомплектование фронта, вводились в сражение, как правило, после совершения 120—150-километровых маршей без необходимой подготовки.

Войскам фронта пришлось наступать одновременно по двум расходящимся направлениям. Их первоначальный удар отличался недостаточной силой, темпы продвижения оказались низкими. Это дало возможность командованию вермахта перебросить на ковельское направление резервы, оказывать организованное сопротивление войскам 2-го Белорусского фронта и даже наносить контрудары.

Окружение противника в районе Ковеля осуществляли стрелковые соединения, но без подвижных войск. Хотя пехота и замкнула кольцо вокруг города, командованию 47-й армии не удалось создать активный внешний фронт окружения. Между тем в распоряжении командующего фронтом в резерве имелись три кавалерийские дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса и две стрелковые дивизии 25-го стрелкового корпуса, с помощью которых можно было бы с успехом разгромить врага. Это и явилось основной причиной незавершенности операции.

Из-за слабого боевого состава, опоздания с перебазированием и неблагоприятных погодных условий 6-я воздушная армия не смогла эффективно поддерживать операцию. Генеральный штаб отмечал, что «усилия 6-й армии... недостаточно использовались для борьбы с ж. д. перевозками, чем дали возможность противнику беспрепятственно сосредоточить группу войск для проведения контратак на ковельском направлении»[250].

Штабы фронта и армий недостаточно оперативно осуществляли управление войсками. В определенной степени эти недостатки обусловили значительные потери: безвозвратные — свыше 2,7 тыс. человек, санитарные — около 8,4 тыс. человек. Неприятель потерял в общей сложности до 15 тыс. человек[251].

В целом, несмотря на незавершенный характер этой операции, наступление в Полесье оказало существенную помощь 1-му Украинскому фронту при проведении Проскуровско-Черновицкой операции. Кроме того, были созданы выгодные условия для нанесения удара во фланг и тыл группе армий «Центр» в ходе Люблин-Брестской операции, проведенной войсками 1-го Белорусского фронта.

С 15 апреля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского, Западного и 1-го Белорусского фронтов перешли к обороне и начали подготовку к летнему наступлению.

В апреле 1944 г. стояла холодная, неустойчивая, сырая погода, которая способствовала распространению как простудных, так и инфекционных заболеваний. Дороги еще не полностью освободились от снежного покрова. В оттепель была непролазная грязь. Военные дорожники и медики установили контрольно-пропускные пункты, где проводили первичный осмотр и опрос местных граждан и лиц, возвращающихся из нацистской неволи. Одних тут же отправляли в медицинские учреждения, других — в специальные пункты для дезинфекции белья и одежды. Фронтовые службы вещевого и продовольственного снабжения изыскивали возможности, чтобы их накормить и одеть.

Таким образом, в ходе Калинковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской и Полесской наступательных операций, проводимых в период затишья на западном направлении советско-германского фронта, советские войска удары наносили быстро и на ограниченную глубину. Своей цели они в основном достигали прежде, чем противник успевал подтянуть к атакованному участку силы из резерва группы армий «Центр» или с соседних направлений.

* * *

В зимне-весенней кампании 1944 г. замысел Ставки ВГК на проведение операций войсками фронтов, действовавших на западном направлении, исходил из оперативно-стратегической обстановки, сложившейся к началу года на правом и левом крыльях советско-германского фронта. Планируя наступление, она предусматривала активные действия на центральном участке советско-германского фронта, но мощных и одновременных ударов фронтов не предполагала, так как они намечались под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму.

Существенных территориальных результатов наступление в Восточной Белоруссии не принесло. К лету 1944 г. около 80% территории республики продолжало оставаться под вражеской оккупацией, и главные сражения за Белоруссию были впереди.

Тем не менее в результате наступательных действий Красной армии удалось освободить областной центр Мозырь, около двух десятков районных центров и сотни других населенных пунктов Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей, вызволить из нацистской неволи сотни тысяч жителей Белорусской ССР. При изгнании врага выявилось, что народному хозяйству и населению республики германская оккупация нанесла огромный ущерб. В г. Мозырь и крупных районных центрах были разрушены все промышленные здания и до 80–90% коммунальных объектов. Оккупанты превратили в развалины почти все школы, клубы и музеи.

Войска фронтов сковали силы группы армий «Центр», нанесли ей урон и тем самым способствовали успеху фланговых группировок советских вооруженных сил. Вследствие постоянных активных действий 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусских фронтов командование вермахта так и не смогло перебросить из Белоруссии свои соединения и части на другие направления, где решались основные стратегические задачи. Советские войска улучшили свое оперативное положение, глубоко охватили фланги группы армий «Центр», создав тем самым благоприятные условия для нанесения летом 1944 г. сокрушительного удара по противостоявшей группировке.

Однако войскам 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусских фронтов не удалось в полной мере выполнить поставленные Ставкой ВГК задачи. Они так и не вышли на рубеж Полоцк — Лепель — Могилев — р. Птичь. Боевые действия войск фронтов не привели к существенным оперативным результатам. Отдельные тактические успехи, достигнутые к тому же ценой больших потерь в людях, не смогли изменить обстановку в полосе обороны группы армий «Центр», а значит, и нарушить ее устойчивость.

Советские войска в операциях, особенно в Калинковичско-Мозырской и Рогачевско-Жлобинской, проявили высокие морально-боевые качества, мужество и героизм, возросшее боевое мастерство. В боях за освобождение Восточной Белоруссии десятки тысяч солдат, офицеров и генералов были удостоены орденов и медалей, 69 частей и соединений получили почетные наименования «Калинковичские», «Мозырские» и «Рогачевские», десятки их — государственные награды.

Зимой и весной 1944 г. произошел дальнейший подъем народной борьбы во вражеском тылу. Белорусские партизаны организовали крушение 2989 эшелонов противника, взорвали более 100 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах, до тысячи автомашин с различными военными грузами и живой силой. Ежемесячно народные мстители совершали более 50 налетов на вражеские гарнизоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Грылев А. Н.* Днепр. Карпаты. Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. М., 1970. С. 207.

[2] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 134.

[3] Там же. С. 133–134.

[4] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 648.

[5] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 2. Л. 52.

[6] *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 556.

[7] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Deutsche Verlags-Anstalt. München, 2007. S. 316.

[8] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 135.

[9] ЦАМО. Ф. 36. Оп. 343. Д. 2. Л. 133.

[10] *Попов С. Е.* На огневых рубежах. М., 1971. С. 68.

[11] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 70. Л. 3.

[12] Там же. Л. 4.

[13] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 19.

[14] Там же. Д. 8. Л. 20.

[15] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 873. Л. 414.

[16] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 520.

[17] Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001. С. 258, 260–261.

[18] «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии. 1942–1944 / Сборник документов. М., 2009. С. 266–267.

[19] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 315.

[20] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 368.

[21] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 4.

[22] Там же. Л. 2.

[23] *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний 1941–1944. Записки командарма. М., 1973. С. 426.

[24] Там же. С. 427.

[25] Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987. С. 159.

[26] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 21.

[27] Там же. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 7.

[28] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 29.

[29] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. / Пер. с нем. М., 1947. С. 26.

[30] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 7.

[31] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 32.

[32] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. В 9-ти т. М., 2010. Т. 7. С. 35.

[33] ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 424. Л. 75.

[34] Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 159.

[35] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 14.

[36] В боях за Белоруссию: О ратных подвигах воинов Удмуртии / Сборник статей. Ижевск, 1988. С. 110.

[37] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 31. Л. 117.

[38] *Галицкий К. Н.* Указ. соч. С. 429.

[39] Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 160.

[40] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 18–22.

[41] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 316.

[42] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 31. Л. 146.

[43] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 81.

[44] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 50–69.

[45] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 34.

[46] Там же.

[47] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 99–100.

[48] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 98.

[49] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1975. Т. 2. С. 243.

[50] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 26. Л. 160.

[51] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 126.

[52] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 210.

[53] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 52.

[54] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3117. Л. 14.

[55] Там же. Д. 3103. Л. 18–21.

[56] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 15.

[57] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 125.

[58] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3103. Л. 21.

[59] Там же. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 67 об.

[60] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3100. Л. 27–28.

[61] Там же. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 69.

[62] *Крылов Н. И., Алексеев Н. И., Драган И. Г.* Навстречу победе. Боевой путь 5-й армии: Октябрь 1941 г. — август 1945 г. М., 1970. С. 180.

[63] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 89.

[64] Там же. С. 358.

[65] Там же. С. 367.

[66] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 8.

[67] Там же. Л. 8 об.

[68] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 889. Л. 19–39.

[69] Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 374. Л. 13.

[70] Там же. Л. 125–129.

[71] Там же. Л. 128.

[72] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 416.

[73] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 67 об.

[74] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3117. Л. 69.

[75] Там же. Д. 3103. Л. 126.

[76] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 501.

[77] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 369.

[78] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 435.

[79] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 559.
[80] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. С. 100.
[81] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 31, 34; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3118. Л. 186.
[82] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 226.
[83] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 16.
[84] Там же. С. 446.
[85] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 69.
[86] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 318.
[87] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 26. Л. 27.
[88] *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 242.
[89] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 6 об.
[90] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 353.
[91] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 407.
[92] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 3. С. 11.
[93] *Гареев М. А.* О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне: По неопубликованным документам ГКО // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 6.
[94] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 3. С. 13.
[95] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 8. Л. 105–107.
[96] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. В 2-х т. М., 2010. Т. 2. С. 11.
[97] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 7.
[98] Там же. Оп. 1074. Д. 17. Л. 1, 6, 10, 15.
[99] Там же. Л. 40.
[100] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 18.
[101] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 12 об. — 13.
[102] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. М., 2010. Т. 7. С. 42.
[103] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 42.
[104] Там же. Оп. 948. Д. 9. Л. 13 об.
[105] *Хаупт В.* Сражения группы армий «Центр» / Пер. с нем. М., 2006. С. 283.
[106] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 31.
[107] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. М., 1987. Т. 2. С. 194.
[108] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 16.
[109] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 31.
[110] Там же. Л. 204.
[111] Там же. Оп. 949. Д. 1. Л. 12.
[112] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 317.
[113] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 57.
[114] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 188.
[115] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 315.
[116] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 18.
[117] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 49.
[118] Там же. Л. 50.
[119] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 65.
[120] Там же. Л. 72.
[121] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 51.
[122] Там же. Л. 50.
[123] Там же. Л. 52.
[124] Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 317.
[125] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 19.
[126] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 40.
[127] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3104. Л. 36.

[128] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 24.
[129] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 323.
[130] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 43.
[131] Там же. Оп. 1074. Д. 18. Л. 29.
[132] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 44.
[133] Там же. С. 19.
[134] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 76.
[135] Там же. Оп. 1074. Д. 12. Л. 114.
[136] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 287.
[137] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 70 об.
[138] Там же.
[139] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 278.
[140] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 150.
[141] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 544.
[142] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 15.
[143] Там же. С. 15—16.
[144] Там же. С. 18.
[145] *Меллентин Ф.* Бронированный кулак вермахта / Пер. с нем. Смоленск, 1999. С. 429.
[146] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 87—88.
[147] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 318.
[148] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 2000. С. 307.
[149] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 37.
[150] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 26. Л. 28.
[151] 8 февраля 63-я армия передала свою полосу и войска в состав 3-й армии, а управление ею было выведено в резерв и расформировано.
[152] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 1.
[153] Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 2.
[154] Там же. Ф. 201. Оп. 390. Д. 82. Л. 5.
[155] Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 21.
[156] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 42.
[157] ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 578.
[158] Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 36.
[159] Там же. Д. 8. Л. 42.
[160] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 4.
[161] Там же. Оп. 1074. Д. 15. Л. 47, 52, 57.
[162] ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 143.
[163] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический сборник. Т. 2. С. 16.
[164] Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 253.
[165] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 4.
[166] Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 59.
[167] Там же. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 135 об.
[168] Там же. Оп. 398. Д. 36. Л. 90.
[169] Там же. Оп. 951. Д. 2. Л. 2.
[170] *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1974. С. 382.
[171] Советская кавалерия: Военно-исторический очерк. С. 254.
[172] *Батов П. И.* В походах и боях. С. 382.
[173] ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 376.
[174] Военно-исторический журнал. 1970. № 7. С. 71.
[175] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 358.

[176] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 8.
[177] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 369.
[178] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 10. М., 1950. С. 48–49.
[179] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
[180] Там же. Ф. 201. Оп. 398. Д. 36. С. 21.
[181] Там же. Оп. 390. Л. 36. Л. 45.
[182] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 131.
[183] *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989. С. 263.
[184] *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 22.
[185] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 188.
[186] Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
[187] Третья армия. История. Люди. Подвиги. М., 1995. С. 152.
[188] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
[189] *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 25.
[190] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 116. Л. 193.
[191] *Горбатов А. В.* Годы и войны. С. 271.
[192] *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 26.
[193] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. Т. 1. С. 39.
[194] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 116. Л. 200.
[195] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 293.
[196] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 196.
[197] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 204.
[198] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 283.
[199] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 189.
[200] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 290.
[201] *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 222.
[202] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 191.
[203] *Руденко С. И.* Крылья Победы. М., 1985. С. 189.
[204] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 299.
[205] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 194.
[206] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 20.
[207] Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 11.
[208] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 358.
[209] *Лиддел Гарт Б.* Указ. соч. С. 544.
[210] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 38–40.
[211] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 470.
[212] *Калашник М. Х.* Испытание огнем. М., 1971. С. 278.
[213] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 55.
[214] *Полынин Ф. П.* Боевые маршруты. М., 1972. С. 304.
[215] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
[216] *Михалев С. Н.* Наступление 2-го Белорусского фронта в Полесье // Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 42.
[217] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 277–278.

[218] Там же. С. 56.
[219] *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 44.
[220] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 9.
[221] *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 276.
[222] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 1. Л. 54–55.
[223] *Полынин Ф. П.* Указ. соч. С. 303.
[224] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2472. Д. 8. Л. 20–23.
[225] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 381.
[226] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 421.
[227] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 161–163.
[228] Там же. Оп. 1074. Д. 18. Л. 70.
[229] Там же. Л. 93.
[230] *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 281.
[231] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 116.
[232] *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 286.
[233] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 120.
[234] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
[235] Всероссийская книга памяти. 1941–1945. М., 1995. С. 395–410.
[236] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 364.
[237] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. Т. 1. С. 9.
[238] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2557. Д. 79. Л. 90–95, 104–117.
[239] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 142.
[240] Там же. Оп. 951. Д. 2. Л. 11.
[241] *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 46.
[242] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
[243] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 128.
[244] Там же. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 29. Л. 126–157.
[245] Там же. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 9.
[246] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 248–249.
[247] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 71. Л. 7.
[248] Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 16.
[249] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 314.
[250] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1055. Д. 10. Л. 31.
[251] Военная энциклопедия. Т. 4. С. 471.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И КРЫМА

К концу 1943 г. на южном участке советско-германского фронта противник был отброшен за Днепр на рубеж Овруч — Радомышль — Канев — Знаменка — Запорожье — Каховка — Херсон и блокирован в Крыму. Советские войска глубоко охватывали с севера наиболее крупную группировку немецких войск, что создавало благоприятные предпосылки для ее разгрома и освобождения Правобережной Украины.

Районам Правобережной Украины и Крыма противоборствующие стороны придавали большое значение. Руководство СССР стремилось как можно быстрее освободить территорию с высокоразвитой металлургической и горнорудной промышленностью, а также с плодородными землями между Днепром и Прутом, так как это должно было способствовать скорейшему восстановлению экономики государства. В свою очередь, и Германия была заинтересована в этом регионе как крупнейшем источнике стратегического сырья, особенно марганца, не говоря уже о продовольственных ресурсах.

При этом учитывалось и то обстоятельство, что выход советских войск на подступы к Балканам окажет позитивное для СССР и, наоборот, негативное для Германии влияние на внутриполитическое положение в Венгрии, Румынии и Болгарии.

Не меньшее внимание Ставка ВГК уделяла и освобождению Крыма с его портами и военно-морскими базами, необходимыми для восстановления Черноморского флота и активизации его действий, в первую очередь против флота Румынии как одного из важнейших союзников нацистской Германии.

Германское командование предполагало, что зимой 1944 г. советские войска нанесут главный удар по северному крылу группы армий «Юг» из района Киева с целью выйти к Днестру и на румынскую границу. В Берлине думали также, что Красная армия одновременно продолжит наступление в нижнем течении Днепра[1]. Предложение командующего группой армий «Юг» об отводе немецких войск с днепровской дуги на заранее подготовленные в тылу позиции в ОКВ было отвергнуто. «Крым мы можем удерживать до тех пор, — считал А. Гитлер, — пока здесь есть хотя бы плацдарм»[2]. Предусматривая упорное удержание занимаемых рубежей, командование вермахта не отказывалось от намерений восстановить оборону по Днепру и сухопутную связь со своей крымской группировкой.

Для обороны Правобережной Украины и Крыма военно-политическое руководство Германии привлекло войска двух групп армий. Группа армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Э. Манштейн) включала 1-ю и 4-ю танковые, 6-ю и 8-ю полевые армии, группа армий «А» (генерал-фельдмаршал Э. Клейст) —17-ю немецкую и 3-ю румынскую армии. Войска групп армий «Юг» и «А» поддерживали авиация 4-го немецкого воздушного флота и румынские военно-воздушные силы.

В декабре 1943 г. по решению главного командования сухопутных войск Германии в группу армий «Юг» дополнительно были направлены пять пехотных, одна танковая дивизии и моторизованная бригада. Большое внимание уделялось усилению резервов: резерв группы армий «Юг» увеличился с пяти до семи пехотных дивизий.

Всего группировка противника на Правобережной Украине имела 91 дивизию, в том числе 18 танковых и четыре моторизованные, и одну бригаду. Вражеские войска насчитывали около 1,8 млн человек, 16 800 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий и 1460 самолетов[3]. Их боеспособность после тяжелых поражений, длительного отступления и больших потерь в предыдущих сражениях была невысокой.

Группа армий «Юг» к началу наступления советских войск, имевших целью освобождение Правобережной Украины, оборонялась на фронте от Овруча до Качкаровки на Днепре. Она удерживала небольшой участок правого берега реки в районе Канева, а также плацдарм глубиной 30 км и шириной 120 км на левом берегу под Никополем. Группа армий «А» занимала оборону южнее по нижнему течению Днепра. Ее 17-я армия располагалась в Крыму.

По всему фронту обеих групп армий поспешно возводились оборонительные сооружения. Однако к концу декабря 1943 г. на Правобережной Украине противник успел создать только главную полосу обороны глубиной 4–6 км. Лишь на важнейших направлениях в 10–15 км от переднего края готовилась вторая полоса, а в оперативной глубине — оборонительные рубежи по рекам Ингулец, Ингул, Синюха, Южный Буг, Днестр. Мощная оборона была создана в Крыму.

Исходя из общих военно-политических целей войны, Ставка ВГК планировала в течение зимы и весны 1944 г. нанести главный удар на юго-западном направлении с целью разгрома самой многочисленной вражеской группировки войск в составе групп армий «Юг» и «А» и выхода на подступы к южной Польше, Чехословакии и Балканам. Замысел наступательной операции, получившей впоследствии наименование Днепровско-Карпатской стратегической операции, состоял в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений расчленить силы противника на южном крыле советско-германского фронта, разгромить их по частям, освободить Правобережную Украину и создать благоприятные условия для последующего наступления.

К операции привлекалась наиболее сильная группировка советских войск. Ее основу составляли 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты, в составе которых к началу 1944 г. находилась бóльшая часть крупных танковых и механизированных соединений. Во фронтах имелись 28 армий, включая три танковые и четыре воздушные: всего 169 стрелковых, девять кавалерийских дивизий, 18 танковых и механизированных корпусов. В общей сложности эта группировка насчитывала свыше 2,2 млн человек, 28 654 орудия и миномета, 2015 танков и самоходно-артиллерийских установок, 2600 самолетов[4]. Советские войска превосходили противника в людях и танках примерно в 1,2 раза, в артиллерии — в 1,7 раза, в авиации — в 1,8 раза.

Действия Украинских фронтов координировали Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков (1-го и 2-го) и А. М. Василевский (3-го и 4-го).

На юго-западном направлении находилась основная часть резервов Ставки ВГК — 47-я, 69-я, а также 2-я и 4-я танковые армии. Это позволяло подготовить наступление в сжатые сроки без существенных перегруппировок, тем самым не дав противнику возможности привести в порядок свои войска после поражений во второй половине 1943 г. и стабилизировав обстановку. По этому поводу маршал Г. К. Жуков писал в своих воспоминаниях: «Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий «Юг» и «А»[5].

В конце 1943 г. советские войска занимали два крупных плацдарма на правом берегу Днепра, которые планировалось использовать в качестве выгодных исходных районов для наступления. 1-й Украинский фронт удерживал плацдарм западнее Киева, 2-й и 3-й Украинские фронты — от Черкасс до Запорожья. 4-й Украинский фронт главными силами охватывал

никопольский плацдарм противника на левом берегу Днепра, частью сил закреплялся вдоль нижнего течения реки, а его 51-я армия блокировала немцев в Крыму.

Подготовка наступления на Правобережной Украине осуществлялась в сложных условиях. Войска вынуждены были почти непрерывно вести боевые действия за днепровские плацдармы. Основные силы 1-го Украинского фронта в тяжелых оборонительных боях отражали контрудары 4-й танковой армии противника на киевском направлении. Проведение запланированных операций осложняли растянутость фронтовых тылов (до 500 км), изношенность автомобильного транспорта, массовое разрушение врагом в ходе отступления железных дорог, а также распутица в условиях теплой зимы.

Днепровско-Карпатская стратегическая наступательная операция включала десять объединенных общим замыслом операций фронтов и групп фронтов при участии авиации дальнего действия, а на приморском направлении — сил Черноморского флота. В конце декабря 1943 г. — феврале 1944 г. советские войска освободили Приднепровье, а в марте — апреле развивали наступление к Карпатам и р. Днестр. С 8 апреля по 12 мая 1944 г. войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией была проведена Крымская стратегическая наступательная операция.

Разгром врага в Приднепровье

При освобождении Приднепровья войска четырех Украинских фронтов провели пять наступательных операций: Житомирско-Бердичевскую, Кировоградскую, Корсунь-Шевченковскую, Ровно-Луцкую и Никопольско-Криворожскую.

В Житомирско-Бердичевской операции (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г.) советским войскам противостояла 4-я немецкая танковая армия группы армий «Юг». В ее состав входили 26 дивизий, в том числе семь танковых — почти треть всех танковых дивизий, находившихся на советско-германском фронте, а также большое количество приданных артиллерийских, инженерных, охранных и других частей. Армия насчитывала 574 тыс. человек, 6960 орудий и минометов, 1200 танков и штурмовых орудий при поддержке почти 500 самолетов 4-го воздушного флота противника[6]. Перед ней стояла задача отразить наступление советских войск с занимаемого по Днепру рубежа, после чего нанести мощный контрудар с целью ликвидации их плацдарма западнее Киева и возвратить этот город под свой контроль.

Задача по срыву попыток противника вновь захватить Киев и разгрому его 4-й танковой армии с последующим выходом к р. Южный Буг возлагалась на 1-й Украинский фронт (генерал армии Н. Ф. Ватутин). По сути, фронту предстояло начать запланированную операцию с контрнаступления против сильной вражеской группировки войск. «Это контрнаступление, — требовала Ставка ВГК в директиве от 28 ноября 1943 г., — нужно организовать так же основательно и тщательно, как было сделано под Белгородом»[7].

К началу операции 1-й Украинский фронт имел в своем составе 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40, 60-ю армии, 1-ю и 3-ю гвардейские танковые армии: всего 63 стрелковые, три кавалерийские дивизии, два укрепленных района, одну пехотную бригаду (чехословацкую), шесть танковых и два механизированных корпуса, пять отдельных танковых бригад. Во фронте насчитывалось 831 тыс. человек, 11 387 орудий и минометов (без 50-мм минометов), 1230 зенитных орудий, 297 установок реактивной артиллерии, 738 танков, 387 самоходных артиллерийских установок и 529 боевых самолетов[8]. Советские войска превосходили противника более чем в полтора раза в людях и артиллерии. По танкам и авиации силы были примерно равными.

Замыслом операции предусматривалось «сильным фронтальным ударом разгромить главную группировку противника на бердичевско-казатинском направлении, охватить с

запада вражескую группировку, действовавшую к юго-востоку от Белая Церковь, и, стремительно развивая успех на Жмеринка, перерезать коммуникации всей южной группировки противника с тем, чтобы затем во взаимодействии с 2-м Украинским фронтом уничтожить ее»[9]. Главный удар 1-й украинский фронт должен был наносить вдоль житомирского шоссе в направлении Житомира, Бердичева, Казатина и далее на Жмеринку. На флангах фронта готовились два вспомогательных удара[10].

Перед ударной группировкой фронта (1-я гвардейская, 18-я, 38-я общевойсковые, 1-я, 3-я гвардейские танковые армии) стояла задача разгромить неприятеля в районе Брусилова и на десятый день выйти на рубеж Любар — р. Южный Буг на участке Хмельник — Янов — Винница — Липовец.

Вспомогательный удар из района Малина должна была наносить 60-я армия во взаимодействии с 4-м гвардейским танковым корпусом. Им предстояло разгромить вражеские войска в районе Радомышля и выйти к р. Случь на участке Рогачев — Любар. 13-я армия с 1-м гвардейским кавалерийским и 25-м танковым корпусами получила задачу наступать в направлении Коростень — Новоград-Волынский и выйти на рубеж р. Уборть — Олевск — Новоград-Волынский — (иск.) Рогачев. Второй вспомогательный удар планировался силами 40-й и 27-армий в направлении на Белую Церковь и далее на Христиновку, чтобы совместно с войсками 2-го Украинского фронта окружить вражеские войска южнее Канева.

Для дезинформации противника относительно направления главного удара имитировалось сосредоточение крупных сил пехоты, танков и артиллерии на коростенском направлении и букринском плацдарме.

Утром 24 декабря 1943 г. после артиллерийской и авиационной подготовки войска главной ударной группировки фронта перешли в наступление и в тот же день прорвали тактическую зону обороны противника на участке в 60 км[11].

Для развития успеха в середине дня в полосе 18-й армии в сражение была введена 3-я гвардейская танковая армия, а к исходу дня в полосе 38-й армии начался ввод 1-й танковой армии. За первый день операции войска продвинулись на глубину до 15 км, освободили свыше 25 населенных пунктов и захватили 290 пленных[12].

На следующий день перешла в наступление 40-я, а затем были введены в сражение 60, 13 и 27-я армии. К 29 декабря размах наступления достигал 300 км по фронту и 100 км в глубину. Советскими войсками были освобождены такие крупные населенные пункты, как Радомышль, Черняхов, Брусилов, Корнин, Казатин, Коростень и многие другие.

К этому времени противник потерял убитыми и ранеными около 40 тыс. солдат и офицеров. Кроме того, советскими войсками было уничтожено или захвачено в качестве трофеев 579 танков, 92 штурмовых орудия, свыше 700 орудий разных калибров, более 680 минометов, в том числе 60 шестиствольных, 2303 пулемета, 38 складов, взято свыше 3 тыс. пленных[13].

В связи со сложной обстановкой командование группы армий «Юг» предложило перебросить в район Бердичева 5—6 дивизий из состава 1-й танковой армии и передать в состав 4-й танковой армии 17-ю танковую дивизию из 6-й армии[14]. 31 декабря Гитлер дал на это согласие, но никопольский плацдарм оставить не разрешил.

Огромную помощь наступающим войскам Красной армии оказывали партизаны. Они взрывали железные дороги и мосты, нападали на склады горючего и боеприпасов, штабы и узлы связи врага. Так, партизанское соединение под командованием С. Ф. Маликова содействовало войскам 13-й армии в освобождении Коростеня. Оно также очистило от оккупантов ряд других населенных пунктов и удерживало их до подхода советских регулярных войск. В общем, они не только дезорганизовывали тыл противника, но и отвлекали на себя его значительные силы[15].

Чтобы избежать затяжного противоборства с крупной группировкой неприятеля в районе Житомира, командование 1-го Украинского фронта решило разгромить ее одновременным нанесением фронтального и фланговых ударов. Войска 60-й армии обошли город с северо-запада, перерезав шоссе и железную дорогу Житомир — Новоград-Волынский и перекрыв

дорогу из Житомира на запад. При этом отличились танкисты 4-го гвардейского танкового корпуса генерала П. П. Полубоярова, которые прорвались в район села Высокая Печь. Одновременно с востока к городу приблизились войска 1-й гвардейской армии, а с юго-востока его обошли соединения 18-й и 3-й гвардейской танковой армий, которые перерезали шоссе и железную дорогу Житомир — Бердичев[16].

Опасаясь окружения, противник начал отходить из города, и 31 декабря войска 1-й гвардейской и 18-й армий вошли в Житомир. Соединения и части, отличившиеся в боях за город, были поощрены Верховным главнокомандующим, а Москва салютовала освободителям.

Многих усилий стоило советским войскам освобождение Бердичева. Попытка захватить этот важный транспортный узел была предпринята соединениями 1-й танковой и 18-й армий в конце декабря. К сожалению, прорвавшиеся в город передовые батальоны 44-й гвардейской танковой бригады под командованием майора П. И. Орехова и капитана И. П. Карабанова были отрезаны противником от главных сил. Пять суток танкисты мужественно сражались в окружении, пока не удалось пробить брешь в немецкой блокаде. 5 января войска 18, 38 и 1-й танковой армий освободили Бердичев[17].

В течение четырех дней соединения и части 40-й армии вели активные действия на подступах к Белой Церкви, выбивая врага из укрепленных окрестных населенных пунктов и отражая его контратаки. 4 января город был освобожден.

На левом крыле фронта 27-я армия 7 января овладела г. Ржищев и соединилась с войсками, занимавшими букринский плацдарм. Действовавшая на правом крыле фронта 13-я армия, чтобы избежать разрыва с соседней 61-й армией Белорусского фронта, 11 января прекратила наступление главными силами, выдвинув передовые отряды к р. Горынь и заняв Владимирец, Костополь и Тучин.

Наступление войск фронта поддерживала авиация 2-й воздушной армии. Так, 7 января штурмовики 227-й штурмовой авиационной дивизии нанесли бомбовый удар по железнодорожной станции Шепетовка, сожгли более 500 вагонов с техникой и имуществом противника и без потерь возвратились с боевого задания[18].

Под напором советских войск немецкая 4-я танковая армия откатывалась на запад. Командованию группы армий «Юг» пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть огромную брешь в своей обороне. В полосу наступления 1-го Украинского фронта к 10 января из резерва ОКВ поспешно был переброшен 46-й танковый корпус, а с других участков советско-германского фронта еще 12 дивизий. С юга, из-под Кривого Рога, в район боевых действий прибыло управление 1-й немецкой танковой армии. Эта армия, объединив силы, переданные из состава 4-й танковой и 8-й полевой немецких армий, получила задачу прикрыть винницкое и уманское направления.

10 января шесть дивизий и два дивизиона штурмовых орудий противника из района восточнее Винницы нанесли мощный контрудар по выдвинувшимся соединениям 1-й танковой и 38-й армий. Более двух танковых дивизий и дивизион штурмовых орудий предприняли контрудар в районе северо-западнее Умани по прорвавшимся в район Христиновки частям 5-го гвардейского танкового корпуса и 40-й армии[19].

Советским войскам 14 января пришлось прервать наступление на винницком и уманском направлениях и принять экстренные меры для отражения вражеских контрударов[20]. Завязались ожесточенные бои, длившиеся почти две недели. Борьба шла за каждую пядь земли. За потерю управления и самовольное оставление частями рубежей были отстранены от занимаемых должностей и привлечены к ответственности командир 47-го стрелкового корпуса и командиры 38-й и 136-й стрелковых дивизий[21].

В итоге контрударов противнику удалось потеснить войска фронта на 25—30 км, однако, понеся большие потери, он вынужден был отказаться от их продолжения. Начавшееся вскоре наступление советских войск под г. Корсунь-Шевченковский вынудило немецкое командование окончательно перейти к обороне. 29 января активные боевые действия прекратились. По приказу командующего войсками 1-го Украинского фронта 1-я гвардейская, 18, 38 и 40-я армии также перешли к «жесткой обороне на занимаемых рубежах»[22].

Танки в сопровождении пехоты устремились в атаку. Декабрь 1943 г.

Немецкий танк, подбитый самоходной артиллерийской установкой

Бой за Бердичев. 1-й Украинский фронт, 1944 г.

На окраине освобожденного Бердичева. 1944 г.

В результате Житомирско-Бердичевской наступательной операции советские войска разгромили шесть дивизий противника, продвинулись в полосе шириной 700 км на глубину от 80 до 200 км и почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, ряд районов Винницкой и Ровенской областей. Войска 1-го Украинского фронта с выходом на рубеж западнее Сарны — Костополь — Казатин — южнее Жашкова фактически охватывали с севера всю вражескую группировку на Правобережной Украине.

Таким образом, разгром северной группировки немецкой группы армий «Юг» создал угрозу окружения всей группы.

Характерными особенностями операции явились решительное массированное применение сил и средств на участках прорыва, проведение комплекса мероприятий по дезинформации противника относительно направления главного удара и времени перехода войск в наступление. В ходе операции в качестве тактического приема неоднократно предпринималось окружение неприятеля, особенно при освобождении крупных городов и других населенных пунктов. В наступлении искусно использовались танковые армии для развития тактического успеха в оперативный, а для поддержания высоких темпов наступления практиковалось выделение от объединений и соединений передовых отрядов. Успеху советских войск во многом способствовало их тесное взаимодействие с партизанами.

В ходе операции противнику был нанесен серьезный ущерб: безвозвратные потери составили свыше 100 тыс. человек[23]. В то время как советские войска потеряли убитыми более 23 тыс. человек[24].

На освобожденной территории воины Красной армии стали свидетелями преступлений оккупационных сил. Только в Житомирской области за время оккупации было убито и замучено более 220 тыс. человек гражданского населения и почти 102 тыс. военнопленных, а около 60 тыс. человек были угнаны в Германию[25].

Результаты Житомирско-Бердичевской операции явились предпосылками для проведения советскими войсками Кировоградской и Корсунь-Шевченковской операций.

К началу Кировоградской операции (5—16 января 1944 г.) в 30—100 км к юго-западу от Днепра на 260-километровом участке от Канева до Баштины оборонялась 8-я немецкая армия. В нее входили 22 дивизии (из них пять танковых и две моторизованные), мотобригада, отдельный танковый батальон, четыре дивизиона штурмовых орудий и дивизион тяжелых штурмовых орудий «фердинанд». Всего в армии начитывалось более 420 тыс. человек, 520 танков и штурмовых орудий, 5100 орудий и минометов, около 500 самолетов[26].

Оборона армии строилась в один эшелон. Ее резерв составляли часть сил танковой дивизии СС «Викинг» (в районе Смелы) и неполные три пехотные дивизии (в районе Ровного). Наиболее сильно был укреплен Кировоград. Подступы к нему прикрывала система минных заграждений. Важные сооружения внутри города — мосты, большие здания, аэродром — были заминированы, а каменные здания приспособлены к круговой обороне.

Задачу по разгрому кировоградской группировки противника Ставка ВГК возложила директивой от 29 декабря 1943 г. на 2-й Украинский фронт (генерал армии И. С. Конев). Главный удар фронт наносил на Кировоград с задачей разгромить кировоградскую группировку фашистских войск, освободить город и в дальнейшем развивать наступление на Новоукраинку и Первомайск. Одновременно предписывалось во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом нанести вспомогательный удар на Шполу и Христиновку окружить и разгромить вражеские войска в районе Канева и Звенигородки[27].

К началу января 1944 г. 2-й Украинский фронт (4, 5 и 7-я гвардейские, 53, 52, 57, 37-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, 20-й танковый, 1-й, 5-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса) насчитывал свыше 500 тыс. человек, около 500 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 7 тыс. орудий и минометов, около 500 самолетов[28]. Это обеспечивало превосходство над противником в людях и артиллерии примерно в 1,5 раза и фактическое равенство в танках и авиации.

Замысел командующего войсками фронта состоял в том, чтобы силами 53-й и 5-й гвардейской армий и двух механизированных корпусов обойти Кировоград с северо-запада, а

5-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий — с юго-запада, окружить и уничтожить кировоградскую группировку врага. Далее он планировал развивать наступление на Новоукраинку и Помошную, а затем — на Первомайск с целью выхода к р. Южный Буг, где предполагалось закрепиться.

На правом крыле фронта 52-я (генерал-лейтенант К. А. Коротеев) и 4-я гвардейская (генерал-майор А. И. Рыжов) армии должны были наносить вспомогательный удар в направлении Шполы и Христиновки с разворотом части сил на Корсунь-Шевченковский. Прикрытие и поддержка наступления войск фронта возлагались на авиацию 5-й воздушной армии.

За счет значительного сосредоточения сил и средств на направлении главного удара фронта в полосе шириной 80 км было сконцентрировано 30 стрелковых дивизий из 56 (еще три дивизии находились во фронтовом резерве), 100% танковых и механизированных войск и около 60% артиллерии[29].

Такое массирование сил и средств нуждалось в эффективной маскировке. На это было обращено особое внимание командования. Запрещалось ведение переговоров о предстоящем наступлении не только по радиосредствам, но и по телефону. Перегруппировки и передвижения войск осуществлялись тайно, как правило, в темное время. Все это обеспечило скрытность создания мощной группировки войск на направлении главного удара и внезапность перехода их в наступление.

В ночь на 4 января в полосе 5-й гвардейской армии силами передовых батальонов и рот от стрелковых дивизий первого эшелона была проведена разведка боем. Данные разведки использовались для уточнения задач артиллерии и наступающим частям.

Наступление главных сил фронта началось в 9 часов 5 января 1944 г. после огневой подготовки. Авиация из-за плохих погодных условий в воздух не поднималась, и основную роль

Саперы 5-й гвардейской армии проделывают проходы в минных полях перед наступлением. Район Кировограда, январь 1944 г.

Автоматчики ведут бой на улицах Кировограда. Январь 1944 г.

Жители Кировограда встречают освободителей. Январь 1944 г.

в огневом поражении противника сыграла артиллерия. Ей удалось подавить большую часть заранее разведанных объектов противника в ближайшей тактической глубине.

В полосе 53-й и 5-й гвардейской армий наступление развивалось успешно. К исходу дня их соединения продвинулись от 4 до 18 км[30]. Предпринятые контратаки противника были успешно отражены. Для наращивания усилий и развития успеха командующий войсками фронта перегруппировал на это направление 8-й механизированный корпус из состава 5-й гвардейской танковой армии с задачей обойти Кировоград с северо-запада и запада, «чтобы ударом с тыла помочь Ротмистрову быстрее выйти в район Кировограда»[31].

7-я гвардейская армия, наносившая удар юго-восточнее Кировограда, к исходу первого дня продвинулась до 5 км, встретив ожесточенное сопротивление сильной (до пяти дивизий) группировки немецких войск севернее Новгородки. Чтобы нарастить темпы наступления на этом направлении и завершить прорыв тактической зоны обороны противника, были введены в сражение 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии. В ночь на 7 января сначала танкисты 29-го танкового корпуса, а затем и пехота 297-й и 50-й стрелковых дивизий ворвались в Кировоград[32].

Одновременно приданные 5-й гвардейской армии 7-й и 8-й механизированные корпуса обошли город с северо-запада и к утру 7 января возле разъезда Лелековка перерезали шоссе и железную дорогу Кировоград — Новоукраинка. Части 18-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, перерезав дорогу Кировоград — Ровное, охватили город с юга[33]. Кировоград был окончательно освобожден к утру 8 января.

Кировоградская группировка врага была окружена. Однако плотность войск на внутреннем фронте окружения вследствие отставания стрелковых соединений оказалась недостаточной. В итоге противнику удалось выйти из-под удара и избежать полного разгрома.

За время оккупации фашисты уничтожили тысячи мирных жителей города и окрестных деревень, многие были принудительно отправлены в Германию. Злодеяния врага вызывали ненависть у советских бойцов. «Знаешь ли, Шурочка, — писал жене боец Н. Шаповалов, — как я ненавижу этих гадов... Это не люди, и по отношению к ним высшим гуманизмом будет полное их истребление»[34].

На правом крыле фронта 52-я и 4-я гвардейская армии за пять дней наступления продвинулись до 40 км. Чтобы остановить наступление советских войск, вражеское командование нанесло контрудар силами до трех танковых дивизий. Отражая его, воины Красной армии показали образцы стойкости, мужества и героизма. Так, 10 января 1944 г. орудийный расчет 7-го гвардейского воздушно-десантного артиллерийского полка (4-я гвардейская армия) под командованием гвардии старшины И. Г. Шабанова уничтожил 10 вражеских танков. В ходе ожесточенного боя весь расчет погиб. И. Г. Шабанову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[35].

12 января 1944 г. Ставка ВГК уточнила задачу 2-му Украинскому фронту. Основные усилия он должен был нацелить на разгром звенигородско-мироновской группировки противника совместно с войсками 1-го Украинского фронта[36]. Для выполнения поставленной задачи и окружения группировки врага в районе Канев — Смела командование 2-го Украинского фронта в полосу 53-й армии направило 5-ю гвардейскую танковую армию (226 танков и САУ), которая 16 января была введена в сражение, однако ослабленная в предыдущих боях не смогла развить успех. Ставка ВГК, указав на недостаточную организованность действий войск фронта и отсутствие со стороны командующего «настойчивости и требовательности в выполнении задач, поставленных Ставкой», обязало подготовиться и провести новую операцию с той же целью — разгрома корсунь-шевченковской группировки противника[37].

Важнейшим итогом операции войск 2-го Украинского фронта в первой половине января 1944 г. явилось освобождение Кировограда — областного и крупного промышленного центра Украины. В ходе операции советские войска отбросили врага от Днепра еще на 40—50 км, нанеся ему большой урон. Пять неприятельских дивизий были разгромлены.

Об утратах советских войск в Кировоградской операции косвенно свидетельствуют данные о потерях 2-го Украинского фронта за январь 1944 г., которые составили 21 456 че-

ловек убитыми, пропавшими без вести и более 50 тысяч ранеными. Но следует напомнить, что эти цифры включают и потери войск фронта в Корсунь-Шевченковской операции на ее начальном этапе[38].

В разгроме кировоградской группировки врага большую помощь наземным войскам оказывала авиация 5-й воздушной армии, особенно штурмовая, которая совершила в чрезвычайно сложных метеорологических условиях почти половину из 2485 самолето-вылетов[39].

Вклинение советских войск в оборону противника на кировоградском направлении нарушило устойчивость обороны 8-й немецкой армии и поставило под угрозу фланги как корсунь-шевченковской, так и криворожской группировок врага.

Корсунь-Шевченковская операция (24 января — 17 февраля 1944 г.) имела целью уничтожения группировки противника в глубоком выступе, образовавшемся в результате Житомирско-Бердичевской и Кировоградской операций. Эта группировка включала части сил 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий «Юг». В общей сложности в нее входили 10 пехотных, две танковые дивизии, моторизованная бригада СС «Валлония», четыре дивизиона штурмовых орудий, а также большое количество артиллерийских и инженерных частей усиления. А поддержку осуществляла авиация 4-го воздушного флота. Всего корсунь-шевченковская группировка противника насчитывала свыше 170 тыс. человек, 1640 орудий и минометов, 140 танков и штурмовых орудий, до 1 тыс. самолетов[40].

Наиболее крупные резервы неприятель держал в районе западнее и северо-западнее Кировограда (четыре танковые дивизии) и в районе юго-западнее Охматова (три танковые дивизии 1-й танковой армии), что позволяло быстро перебросить их в район звенигородско-мироновского выступа.

Противник готовил выступ не только к устойчивой обороне, но и в качестве исходного района для наступательных действий. Удерживая его, он не позволял сомкнуть смежные фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов, препятствовал их продвижению к Южному Бугу, угрожал нанесением ударов по флангам фронтов и рассчитывал на восстановление обороны по Днепру.

Характер вражеской обороны по всему периметру был разным. Перед 1-м Украинским фронтом на участке Тыновка — Кагарлык противник не успел создать мощную оборону. Тем не менее имевшиеся здесь опорные пункты были прикрыты заграждениями. Наиболее прочную оборону с развитой системой оборонительных сооружений и различного рода заграждений враг создал на участке Кагарлык — Мошны.

В полосе наступления 2-го Украинского фронта на участке Мошны — Смела местность была заболоченной, и поэтому здесь оборона противника состояла из отдельных опорных пунктов, перехватывавших основные дороги. А к югу от Смелы она была более мощной и состояла из двух полос. При этом главная полоса была оборудована системой опорных пунктов и узлов сопротивления, прикрытых минными полями и проволочными заграждениями. Строительство второй полосы к началу наступления советских войск не было закончено. Оборонявшиеся соединения и части неприятеля накопили богатый боевой опыт и, несмотря на понесенные в предыдущих сражениях потери, сохраняли высокую степень боеспособности.

Ставка ВГК поставила 1-му и 2-му Украинским фронтам задачу окружить и уничтожить вражескую группировку на корсунь-шевченковском выступе. Фронт был усилен подвижными войсками, боевой техникой, вооружением и боеприпасами. Так, в январе в состав 1-го Украинского фронта из резерва Ставки ВГК были переданы 47-я общевойсковая и 2-я танковая армии, 6-й гвардейский кавалерийский и 5-й механизированный корпуса. На доукомплектование танковых войск в период с 22 января по 3 февраля было направлено 400 новых танков Т-34[41]. 2-й Украинский фронт усиливался 5-м гвардейским кавалерийским корпусом, передислоцированным из полосы наступления 4-го Украинского фронта.

К операции привлекались 40, 27, 6-я танковая армии, часть сил 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта, 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус 2-го Украинского фронта, а также 10-й

Орудие большой мощности поддерживает атакующие пехоту и танки

истребительный авиационный корпус ПВО страны. Всего в составе группировки советских войск насчитывалось свыше 336 тыс. человек, около 4 тыс. орудий и минометов, 376 танков и САУ, свыше 1 тыс. самолетов[42]. Советские войска превосходили противника в людях почти в 2 раза, в артиллерии — в 2,4 раза, в танках — в 2,7 раза при примерном равенстве в авиации.

Замыслом операции предусматривалось встречными ударами войск левого крыла 1-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронта под основание выступа в общем направлении на Шполу «окружить и уничтожить группировку противника в звенигородско-мироновском выступе» и создать условия для развития наступления к Южному Бугу[43].

Исходя из общего замысла операции, командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин решил прорвать оборону противника на 27-километровом участке, имея в первом эшелоне на направлении главного удара 40-ю, 27-ю общевойсковые и 6-ю танковую армии (107 танков и САУ). Предполагалось, что мощный первоначальный удар пехоты и танков может привести к быстрому прорыву вражеской обороны на избранном участке и развитию наступления в глубину. К исходу первого дня операции намечалось продвинуться на 12—15 км, на второй день овладеть Звенигородкой, а к исходу третьего дня соединиться с войсками 2-го Украинского фронта в районе Шполы. В дальнейшем 6-ю танковую армию планировалось использовать на внешнем фронте окружения, а часть сил 27-й армии — на внутреннем[44].

Замысел командующего войсками 2-го Украинского фронта генерала армии И. С. Конева предусматривал прорыв вражеской обороны на 19-километровом участке смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий[45]. В полосе 53-й армии в первый день операции планировался ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии (242 танка и САУ) для завершения прорыва тактической зоны обороны врага и развития наступления с целью выхода на третий-четвертый день операции в район Звенигородки.

Правее ударной группировки фронта предполагалось наступление 52-й армии. Для действий на внешнем фронте окружения предназначалась 5-я гвардейская танковая и 53-я армии, на внутреннем — соединения 4-й гвардейской и 52-й армий. Для скрытия цели главного удара и сковывания сил противника намечалось за день до начала операции предпринять наступление силами 5-й и 7-й гвардейских армий на кировоградском направлении[46].

Войска фронтов поддерживались авиацией 5-й воздушной армии, а также в интересах Корсунь-Шевченковской операции привлекалась часть сил авиации 2-й воздушной армии (истребительный авиационный корпус, штурмовая и ночная бомбардировочная авиационные дивизии).

В целях создания ударных группировок фронтов проводились перегруппировки войск. Во 2-м Украинском фронте из района Кировограда на направление главного удара в короткий срок были переброшены 5-я гвардейская танковая армия, артиллерийская дивизия прорыва и ряд артиллерийских и инженерных частей. В 1-м Украинском фронте были проведены внутренние перегруппировки и усиление 27-й и 40-й армий. В результате на направлениях главных ударов фронтов было достигнуто еще большее превосходство над противником: в 1-м Украинском — двукратное по пехоте и троекратное по танкам и артиллерии; во 2-м Украинском фронте — более чем троекратное по пехоте, шестикратное по артиллерии и десятикратное по танкам[47].

Операция готовилась в сжатые сроки (в течение 5—7 суток), при этом отдельные соединения фронтов не прекращали активных боевых действий на других направлениях. Рано начавшаяся на Украине оттепель и распутица затрудняли перегруппировку войск и подвоз материальных средств. Пришедшие в негодное состояние грунтовые аэродромы и ненастная погода ограничивали возможности авиации.

В подготовительный период штабы обобщали данные по обороне неприятеля, отрабатывали организацию взаимодействия войск. С личным составом проводились занятия по боевой и политической подготовке. Приказом командующего войсками 2-го Украинского фронта от 23 января 1944 г. «в целях лучшей подготовки к прорыву» предписывалось принять меры к строжайшему сохранению тайны, провести строгую маскировку группировки

5-й гвардейский кавалерийский корпус генерала А. Г. Селиванова у Корсунь-Шевченковского

войск, артиллерии и танков, запретить движение днем автотранспорта и войск, соблюдать светомаскировку. Запрещалось использовать радиосвязь до начала наступления[48]. Однако данные требования оказались запоздалыми: противник уже имел достаточно полные сведения о группировках советских войск на участках прорыва. Об этом свидетельствует отчетная карта генерального штаба сухопутных войск Германии от 22 января 1944 г.[49]

Ранним утром 24 января после короткого, но мощного артиллерийского налета передовые батальоны 4-й гвардейской и 53-й армий 2-го Украинского фронта перешли в атаку. В результате упорных боев к исходу дня они овладели опорными пунктами на первой и отчасти на второй позициях на глубину от 2 до 6 км. С утра 25 января после десятиминутной артиллерийской подготовки в наступление перешли главные силы фронта, включая 5-ю гвардейскую танковую армию[50]. Действовавшие в первом эшелоне части 20-го и 29-го танковых корпусов быстро продвигались вперед.

Немецкое командование, понимая, что удар войск 2-го Украинского фронта в направлении Шполы представляет серьезную угрозу для всей корсунь-шевченковской группировки, начало спешно стягивать резервы в район Новомиргорода (три танковые дивизии) и севернее Пасторского (до трех пехотных и одной танковой дивизий). 27 января они нанесли встречный удар с севера и с юга в общем направлении на Оситняжку (6 км юго-восточнее Пасторского) и закрыли образовавшуюся в обороне брешь. При этом прорвавшиеся передовые части 20-го и 29-го танковых корпусов оказались отрезанными от главных сил фронта.

Для восстановления связи с этими корпусами и устранения угрозы врага на флангах прорыва командующий войсками фронта ввел в сражение 25-ю танковую бригаду 29-го танкового корпуса и 18-й танковый корпус, а также 5-й гвардейский кавалерийский корпус из резерва фронта. Совместными усилиями этих соединений и стрелковых дивизий 4-й гвардейской

и 53-й армий после тяжелых трехдневных боев в районе Капитоновки и Тишковки удалось отбросить врага и восстановить прерванную связь с 20-м и 29-м танковыми корпусами[51].

В это время подвижные войска 2-го Украинского фронта, вышедшие в район Шполы, продолжали успешно продвигаться вперед. В полдень 28 января 155-я танковая бригада 20-го гвардейского танкового корпуса в числе первых ворвалась в Звенигородку.

Навстречу войскам 2-го Украинского фронта 26 января с противоположной стороны основания корсунь-шевченковского выступа нанесли удар войска 40, 27 и 6-й танковой армий 1-го Украинского фронта. Прорвав первую позицию противника, войска главной группировки фронта устремились в глубину его обороны. Враг оказывал упорное сопротивление и силами двух танковых дивизий нанес контрудар по правому флангу 40-й армии в направлении Охматова. Для ее усиления командующий войсками фронта передал в оперативное подчинение командующему 40-й армией 11-й танковый корпус 1-й танковой армии[52].

Так как наступление 27-й и 6-й танковой армий развивалось успешнее, командующий войсками фронта решил перенести главный удар в их полосу и передал в подчинение генерала А. Г. Кравченко 47-й стрелковый корпус из 40-й армии. 6-й танковой армии предписывалось к исходу 28 января выйти в район Звенигородки и овладеть рубежом Рыжановка — Чижовка — Ризино.

Передовой отряд 6-й танковой армии, сломив сопротивление врага, уже в полдень 28 января ворвался на северо-западную окраину Звенигородки. После упорных уличных боев в западной части города в 15 часов 233-я танковая бригада 5-го механизированного корпуса соединилась в районе Звенигородки с передовыми частями 20-го танкового корпуса 5-й танковой армии 2-го Украинского фронта[53].

За пять дней боев корсунь-шевченковская группировка противника была окружена. В кольце оказались около 80 тыс. человек, 1600 орудий и минометов, до 230 танков и штурмовых орудий[54]. По немецким данным: до 53—58 тыс. человек с 242—313 орудиями и 40—70 танками[55].

К 3 февраля силами 27-й армии 1-го Украинского фронта, 4-й гвардейской, 52-й армий и 5-го кавалерийского корпуса 2-го Украинского фронта сплошной внутренний фронт окружения был создан[56]. Всего на внешнем 120-километровом фронте окружения врагу противостояли 22 стрелковые дивизии, четыре танковых и механизированный корпуса, имевшие вместе со средствами усиления около 150 тыс. человек, 2736 орудий и минометов, 307 танков и САУ[57].

Немецкое командование надеялось ударом танковых дивизий прорвать внешний фронт советских войск и деблокировать окруженную группировку. С этой целью к 27 января в районе Новомиргорода сосредоточились четыре танковые дивизии 8-й армии, а в район Ризино начали выдвижение из района западнее Охматова две танковые дивизии 1-й танковой армии. Окруженным войскам было приказано сражаться до последнего патрона.

В конце января — первых числах февраля неприятель настойчиво пытался пробиться к окруженным войскам в полосе 2-го Украинского фронта в районах Новомиргорода и Толмача. Навстречу ему в южном направлении наносила удар окруженная группировка из района Городища (10 км севернее Вязовок). Однако упорным сопротивлением войск 2-го Украинского фронта удары противника на внешнем фронте были отбиты, а вскоре войска 52-й и 4-й гвардейских армий ликвидировали городищенский узел сопротивления.

После этого немецкое командование перенесло основные усилия в полосу 1-го Украинского фронта, в район Рыжановки и Ризино. Здесь командующий 1-й танковой армией генерал Г. Хубе сосредоточил сильную группировку (четыре танковые дивизии, два тяжелых танковых батальона и четыре дивизиона штурмовых орудий) и планировал пробиться к окруженным войскам через Лисянку. Дело в том что именно на этом направлении удерживавшая стеблевский выступ окруженная группировка находилась ближе всего к внешнему фронту.

4 февраля противник нанес удар в районе Ризино и ценой больших потерь сумел вклиниться в оборону 47-го стрелкового корпуса. Возникла опасность прорыва врага к окруженным дивизиям. Командующий войсками 1-го Украинского фронта отдал распоряжение

ввести в сражение 2-ю танковую армию (3-й и 16-й танковые корпуса — всего 372 танка и САУ) под командованием генерала С. И. Богданова.

С утра 6 февраля она во взаимодействии с соединениями 40-й и 6-й танковой армий перешла в контрнаступление[58]. В результате продвижение противника было остановлено, на ряде участков его удалось отбросить назад, а некоторые части врага были окружены и уничтожены в районе Косяковка — Кучковка. Но вклинение противника в оборону советских войск сохранилось. Более того, на данный участок дополнительно подтягивались танковая дивизия и три дивизиона штурмовых орудий.

Для отражения нового наступления противника советское командование к утру 9 февраля выдвинуло в район Лисянки 8-ю гвардейскую танковую бригаду 20-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, усиленную самоходным артиллерийским полком и одним полком 31-й истребительно-противотанковой бригады. Одновременно командующий 5-й гвардейской танковой армией получил задачу создать на дорогах засады танков и артиллерии. Кроме этого, на базе частей истребительно-противотанковой артиллерии в коридоре, отделявшем окруженные войска неприятеля от внешнего фронта, были организованы противотанковые опорные пункты. Оборона была готова встретить очередное наступление врага, и он не заставил себя ждать.

К 11 февраля противнику удалось создать несколько ударных группировок в районах: Ризино — из состава 1-й немецкой танковой армии, Ерки — силами войск 8-й армии, Стеблево — из состава окруженной группировки (части двух пехотных дивизий, тяжелый танковый батальон дивизии СС «Викинг» и мотобригада СС «Валлония»). Встречными ударами на Лисянку вражеское командование намеревалось деблокировать свои окруженные соединения и одновременно взять в кольцо советские войска, действовавшие в районе Рыжановка — Лисянка — Звенигородка.

Наступление противника началось на внешнем фронте окружения утром 11 февраля. В полосе 2-го Украинского фронта его наступающим из района Ерки частям удалось к исходу дня занять станцию Звенигородка и ряд других населенных пунктов. Но в дальнейшем враг был остановлен упорным сопротивлением обороняющихся здесь советских войск.

В полосе 1-го Украинского фронта в районе Ризино контрударная группировка противника прорвала оборону 47-го стрелкового корпуса и вышла в район Лисянки. Данный факт маршал Г. К. Жуков в докладе Верховному главнокомандующему объяснял потерей управления со стороны командующего 6-й танковой армией и командира 47-го стрелкового корпуса. Он приказал генералу армии Н. Ф. Ватутину оперативно подчинить их командующему 27-й армией.

Кроме того, в этом районе к утру 12 февраля сосредоточились главные силы 2-й танковой армии. Туда же перебрасывались две бригады 5-й гвардейской танковой армии. На лисянском направлении развертывалась 202-я стрелковая дивизия[59]. Здесь же действовали резервные самоходно-артиллерийские полки[60]. На р. Гнилой Тикич, по которой проходила вторая линия обороны созданной группировки советских войск, враг был остановлен, и его попытка деблокировать окруженную группировку провалилась.

В это время активно действовали советские войска на внутреннем фронте окружения (13 стрелковых, три кавалерийские дивизии, два укрепленных района, около 2 тыс. орудий и минометов, 138 танков и САУ). Ударами с различных направлений они отсекали, а затем уничтожали отдельные группы и гарнизоны окруженного противника. Им помогали партизанские отряды имени Н. А. Щорса, М. И. Кутузова, Т. Г. Шевченко, «Истребитель» и другие. Именно при их поддержке части 206-й стрелковой дивизии 27-й армии овладели населенными пунктами Бровахи и Таганча[61].

Кольцо окружения сжималось, и к 8 февраля территория, занимаемая войсками противника, полностью простреливалась советской артиллерией. В этот день в целях прекращения кровопролития советское командование предъявило окруженным войскам ультиматум с требованием о капитуляции[62]. Однако ультиматум был отклонен. Более того, блокированные вражеские войска, рассчитывая на помощь извне, предприняли попытки вырваться из окружения.

В очередной раз они нанесли удар из района Стеблева на юго-запад 12 февраля в надежде прорвать внутренний фронт советских войск и соединиться в районе Лисянки со своими танковыми дивизиями. Развернулись ожесточенные бои, в результате которых противник, неся многочисленные потери, сумел выйти в район Шандеровки. От танковых дивизий, прорвавшихся в район Лисянки, окруженную группировку отделяли каких-то 10—12 км.

Проанализировав ситуацию, Ставка ВГК в своей директиве указала своему представителю на ряд недостатков в координации войск. Отмечались, в частности, отсутствие общего плана уничтожения корсунь-шевченковской группировки врага совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов, недостаточный боевой состав 27-й армии и непринятие решительных мер по ликвидации в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда исходила угроза его прорыва[63]. Ставка ВГК требовала принятия действенных мер для уничтожения окруженной группировки врага.

Выполняя эти указания, на угрожаемые направления дополнительно были срочно переброшены соединения и части 5-й гвардейской танковой армии и 5-го кавалерийского корпуса, другие стрелковые, танковые, артиллерийские и инженерные части.

12 февраля 1944 г. было принято решение Ставки ВГК о подчинении всех войск и сил для уничтожения окруженного противника командующему войсками 2-го Украинского фронта, включая 27-ю армию, снабжение которой оставалось за 1-м Украинским фронтом[64].

В соответствии с директивой Ставки на 1-й Украинский фронт возлагалась задача обороны на внешнем фронте окружения в своей полосе. Маршалу Г. К. Жукову вменялось в обязанность координировать действия войск 1-го и 2-го Украинских фронтов по отражению попыток противника извне деблокировать окруженные войска. Были перераспределены усилия авиации: 5-я воздушная армия содействовала сухопутным войскам в уничтожении окруженного врага, а 2-я воздушная армия осуществляла поддержку войск, действовавших на внешнем фронте окружения.

Командующий войсками 2-го Украинского фронта генерал армии И. С. Конев уточнил задачи армиям и принял меры к усилению наиболее опасных направлений. С тем чтобы не допустить выхода из окружения группировки врага, он распорядился перебросить соединения 5-й гвардейской танковой армии в районы Лисянки и Стеблева. При этом участки их обороны на внешнем фронте передавались 53-й армии, усиленной из резерва Ставки двумя дивизиями.

Из-за того что перегруппировка проводилась в условиях распутицы, командующий 5-й гвардейской танковой армией (156 танков и САУ) приказал все неисправные танки оставить в прежних районах. Поэтому в новые районы ее бригады выходили, имея в каждой всего по 5—14 танков. Вместе с тем для организации более жесткой обороны сюда же был перемещен 462-й истребительно-противотанковый полк, который, как и другие артиллерийские полки, впоследствии сыграл важную роль в отражении попытки прорыва окруженных войск врага.

5-я воздушная армия наносила удары по окруженному противнику в районе Шандеровки, а 2-я воздушная — по танковой группировке в районе Лисянки. Вместе с авиацией 10-го корпуса ПВО была организована воздушная блокада окруженной группировки врага. В результате решительных мер, принятых командованием войск 2-го Украинского фронта и армий, очередная попытка противника вывести окруженные дивизии из котла окончилась провалом.

14 февраля соединения и части 52-й армии освободили районный центр Киевской области г. Корсунь-Шевченковский, захватив 15 транспортных самолетов, много другой техники и вооружения, а также склады с боеприпасами и продовольствием[65]. Вслед за этим советские войска овладели еще несколькими сильно укрепленными опорными пунктами противника, среди них Яблоновка, Тараща, Стеблев. К 16 февраля окруженные неприятельские войска занимали только Шандеровку, Хильки и Комаровку. По ним был нанесен удар авиации и артиллерии. И все же рано утром 17 февраля немецкие войска вновь попытались тремя колоннами на участке фронта около 4,5 км прорваться из окружения[66].

Уничтоженная техника врага в районе Корсунь-Шевченковского. 1944 г.

Колонна немецких военнопленных из корсунь-шевченковского котла. 1944 г.

Исключительную стойкость и мужество при отражении попыток неприятеля вырваться из окружения проявили артиллеристы 438-го истребительно-противотанкового полка под командованием подполковника В. К. Новикова. Удерживая занимаемые позиции, они успешно отразили атаки до 150 солдат и офицеров противника, уничтожили два вражеских танка и одно орудие[67]. Храбро сражались курсанты учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии генерала К. Н. Цветкова, уничтожив несколько десятков немцев и 43 солдата взяв в плен[68]. По итогам боя наиболее отличившимся воинам — В. К. Новикову, Н. Е. Сергиенко и А. Е. Харитонову — были присвоены звания Героя Советского Союза[69].

В то время как стрелковые части отражали натиск противника с фронта, с флангов перешли в атаку соединения 18-го, 29-го танковых и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов. Мощным ударом они уничтожили разрозненные колонны и группы врага. Только небольшому числу его танков и бронетранспортеров удалось прорваться в Лисянку. К исходу 17 февраля вражеская группировка, окруженная на корсунь-шевченковском выступе, была ликвидирована.

Немецкая пропаганда попыталась не только скрыть поражение под Корсунь-Шевченковским, но и преподнести происходившие в феврале 1944 г. события как большой успех сражавшихся в окружении войск. Э. Манштейн в своих мемуарах утверждал, что «большая часть активных штыков» (30—32 тыс. человек) вышла из котла[70]. В других немецких источниках утверждается, что спаслись 40 423 человека[71].

После уничтожения окруженной группировки советские войска продолжали борьбу с противником на внешнем фронте окружения. Они нанесли удар по немецким танковым дивизиям, прорвавшимся извне в район Лисянки, и вскоре отбросили их в район Ризино. На внешнем фронте окружения в Корсунь-Шевченковской операции враг потерял до 27 тыс. солдат и офицеров убитыми и до 1500 пленными, а также 446 орудий и 1638 автомашин[72].

В целом в ходе Корсунь-Шевченковской операции советские войска разгромили 10 дивизий и одну бригаду противника. Немцы потеряли 55 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, 19,2 тыс. пленными, а также большое количество техники и вооружения[73]. Однако по немецким данным, из 50 тыс. окруженных прорвалось до 32 тыс.[74], из которых были сформированы три дивизии. Безвозвратные потери советских войск в операции составили более 24 тыс. человек[75].

К основным результатам операции следует отнести не только разгром мощной вражеской группировки противника, которая угрожала флангам 1-го и 2-го Украинских фронтов, но и существенное сокращение линии фронта в среднем течении Днепра и перенос ее на значительное расстояние на запад. Была освобождена от врага большая часть территории советской Украины с проживающим на ней населением. Красная армия овладела стратегически важной железнодорожной рокадой на правом берегу Днепра: Фастов — Белая Церковь — Корсунь-Шевченковский — Знаменка — Днепропетровск. Свободу получили жители освобожденной местности.

Операция советских войск по окружению и уничтожению крупной вражеской группировки в районе Корсунь-Шевченковского вошла в историю военного искусства в качестве блестящего примера такого способа разгрома противника. В тяжелейших условиях зимы и распутицы советские войска продемонстрировали высокую маневренность и стремительность действий, мужество и выносливость воинов.

Отличительным моментом в искусстве проведения этой операции является использование танковых армий в первом эшелоне вместе со стрелковыми соединениями для прорыва обороны неприятеля. Так применялись 6-я танковая армия в полосе наступления 1-го Украинского фронта и 5-я гвардейская танковая армия в составе 2-го Украинского фронта. Во многом это объяснялось недостатком во фронтах танков непосредственной поддержки пехоты, а цели операции требовали высоких темпов прорыва. В дальнейшем танковые армии использовались для решения уже традиционной задачи — развития тактического успеха в оперативный.

Весомый вклад в успешное завершение Корсунь-Шевченковской операции внесла авиация 2-й и 5-й воздушных армий, а также 10-го авиакорпуса ПВО страны. Почти треть всех самолето-вылетов из 11,3 тыс. была осуществлена для удержания оперативного господства в воздухе. Для поддержки сухопутных войск на поле боя, нанесения ударов по вражеским резервам и ведения воздушной разведки было совершено более 6,5 тыс. самолето-вылетов, или свыше 60% от их общего количества. Для авиатранспортировки грузов с учетом бездорожья было сделано около 1200 самолето-вылетов[76].

Огромную помощь Красной армии оказывало местное население. Жители освобожденных районов не только помогали ремонтировать дороги, строить оборонительные сооружения, доставлять боеприпасы, но и воевали с оружием в руках. Так, в селе Квитки 500 мужчин добровольно влились в состав 180-й стрелковой дивизии[77].

В то же время в отдельных районах Правобережной Украины войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением националистических формирований. Несмотря на обращение 12 февраля 1944 г. Верховного Совета Украинской ССР с призывом сложить оружие, они этого не сделали. Поэтому части, предназначенные для охраны тыла действующей армии, вынуждены были вести борьбу с украинскими националистами.

16 февраля 1944 г. отряд пограничников войск по охране тыла 1-го Украинского фронта, прочесывая лесной массив в районе Ромейка — Переспа — Большое Вербче, столкнулся с вооруженными отрядами УПА (Украинская повстанческая армия) численностью до 300 человек. В результате боя были убиты 46 и ранены до 100 бандитов[78].

Националистические отряды УПА тесно взаимодействовали с гитлеровцами. Так, в штабе 13-го немецкого армейского корпуса 22 февраля был издан приказ о порядке такого взаимодействия, а ранее, 12 февраля, разработан документ «Об обращении с членами Украинской повстанческой армии» и об опознавательных знаках для них[79].

За отвагу и героизм десятки советских воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи награждены орденами и медалями СССР. По итогам операции генералу армии И. С. Коневу, первому из командующих войсками фронтов, было присвоено звание Маршала Советского Союза, а командующему 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрову — маршала бронетанковых войск.

Сокращение протяженности линии фронта на корсунь-шевченковском направлении позволило высвободить значительное количество войск и использовать их для выполнения других задач.

Одновременно с Корсунь-Шевченковской велась и Ровно-Луцкая операция (27 января — 11 февраля 1944 г.).

На ровно-луцком направлении в полосе около 400 км оборонялись два армейских и один танковый корпуса 4-й танковой армии противника, а также полицейские и охранные части и подразделения, равные по численности двум дивизиям — всего восемь пехотных и три танковые дивизии. В их составе насчитывалось 190 тыс. человек, 2120 орудий и минометов (из них 900 калибра 75 мм и выше), 240 танков и штурмовых орудий[80]. Кроме того, в тылу располагались пять венгерских пехотных дивизий. Основу обороны врага составляли укрепленные населенные пункты и узлы дорог. На этом направлении немецкое командование, учитывая заболоченность местности и слаборазвитую сеть дорог, не предполагало крупного наступления советских войск.

К операции по разгрому ровно-луцкой группировки противника привлекались войска правого крыла (13-я и 60-я армии) 1-го Украинского фронта. К началу операции в них имелось 19 стрелковых дивизий и два кавалерийских корпуса: всего 186 тыс. человек, около 3,5 тыс. орудий и минометов (из них 2811 калибра 76 мм и выше), 140 танков и самоходно-артиллерийских установок[81].

При подготовке операции советское командование учитывало особенности обороны врага, характер местности, погодные условия, а также наличие на территории Ровенской и Волынской областей не менее 30 отрядов и соединений советских партизан.

В расчете на внезапность замыслом предусматривалось нанесение главного удара из района Сарны в направлении на Ровно и Луцк силами 76-го стрелкового корпуса 13-й армии. На этом же направлении для наращивания усилий и с целью выхода в тыл луцко-ровенской группировке противника должны были вводиться в сражение оба кавалерийских корпуса. Остальные корпуса 13-й армии, а также 60-я армия предназначались для нанесения вспомогательных ударов на своих направлениях. Им предстояло сковать вражеские силы и лишить их свободы маневра. При этом 60-я армия получила задачу овладеть Шепетовкой.

При планировании операции действия войск 1-го Украинского фронта были согласованы с Украинским штабом партизанского движения. Усилия партизан нацеливались на содействие наступлению регулярных советских войск. Каждый партизанский отряд получил конкретную задачу. В частности, соединения С. А. Ковпака, М. И. Шукаева, А. М. Грабчака, П. С. Коротченко, А. Н. Сабурова и М. И. Наумова должны были нанести удары по коммуникациям врага и его важнейшим гарнизонам на территории Ровенской и Волынской областей. Партизанским соединениям В. А. Бегмы, А. Ф. Федорова, Н. В. Таратуты, И. И. Шитова и И. Е. Скубко предстояло передислоцироваться из лесного массива северо-западнее Сарны в район цуманских лесов (15—20 км северо-западнее Ровно) и организовать засады на основных дорогах, ведущих из Ровно на Ковель, Луцк, Дубно. Другие соединения и отряды предназначались для действий на коммуникациях врага на юге Ровенской области[82].

К началу операции партизаны почти полностью парализовали железнодорожное движение на территории Ровенской и Волынской областей и сковали своими действиями крупные силы полицейских и регулярных войск.

Наступление, начавшееся в ночь на 27 января, развивалось медленно. На ровенском направлении части и соединения продвинулись всего на 1—3 км. Для завершения прорыва вражеской обороны в сражение были введены кавалерийские корпуса.

Успешно действовала 60-я армия генерала И. Д. Черняховского. Ее соединения в первый же день наступления продвинулись до 15 км и вышли к Шепетовке. За день боя были уничтожены до 750 солдат и офицеров противника, захвачено 15 орудий, девять минометов и свыше 100 пленных[83]. Однако враг выдвинул из резерва на это направление части 7-й танковой дивизии и 28 января силами до 120 танков и самоходных орудий с пехотой на бронетранспортерах остановил продвижение советских войск. Бои за город продолжились.

В это время в полосе 13-й армии кавалерийские корпуса в ночь на 28 января достигли р. Стырь в районе Рафаловки и Чарторийска и передовыми отрядами форсировали водную преграду. В боях за плацдарм стойкость и героизм проявили бойцы 1-го эскадрона 115-го гвардейского кавалерийского полка 8-й гвардейской кавалерийской дивизии. Эскадрон в составе 30 человек, усиленный взводом противотанковых ружей и двумя противотанковыми орудиями, отразил шесть контратак противника, уничтожил девять танков и одно штурмовое орудие и удержал плацдарм. При этом в ходе отражения шестой контратаки, когда уже были израсходованы боеприпасы, старший сержант Н. Хакимов и рядовой В. Ершов, обвязавшись гранатами, бросились под вражеские танки и подорвали их[84].

Командующий войсками фронта, учитывая упорное сопротивление немцев на ровенском направлении, дал указание командующему 13-й армией повернуть кавалерийские корпуса на юг и нанести удар с севера по противнику, оборонявшему Луцк и Ровно.

Возобновив с утра 29 января наступление, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса вынуждены были продвигаться через болота. Преодолев за два дня около 70 км, части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вышли 31 января в район населенного пункта Киверцы, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус овладел Клеванью. В результате были перерезаны коммуникации ровно-луцкой группировки противника: железная дорога Ровно — Ковель и шоссе Ровно — Луцк[85]. Сама группировка оказалась рассеченной.

Немецкое командование, чтобы воспрепятствовать продвижению советских войск, начало перебрасывать в район Луцк — Ровно — Шепетовка резервные части и соединения. Для укрепления обороны основных городов были задействованы полицейские, эсэсовские и тыловые формирования. Из Ровно для обороны города врагом с северо-запада были выдвинуты два

полка (кавалерийский и охранный) и полицейская команда, которые удалось своевременно обнаружить разведке 6-го гвардейского кавалерийского корпуса и разгромить из засады.

Развивая успех, кавалеристы корпуса стремительно наступали на юг. 2 февраля развернулись бои за Ровно. Войскам активно помогали партизаны соединений В. А. Бегмы и А. Ф. Федорова. К исходу дня город, в котором размещалась резиденция рейхскомиссара Украины гаулейтера Коха, был освобожден.

В боях за Ровно противник потерял убитыми свыше 6 тыс. солдат и офицеров[86]. По результатам проведенного по приказу Гитлера расследования, виновным в оставлении Ровно был признан командир оборонявшей город дивизии. Он был приговорен к смертной казни, но по просьбе Э. Манштейна помилован[87].

В Ровно гитлеровцы полностью уничтожили 845 строений, две гостиницы, 83 магазина, пять кирпичных заводов, две фабрики, повредили линии энергоснабжения, водопроводную сеть и множество других объектов[88]. Но главными жертвами фашистских палачей были советские люди. В городе немцы создали три лагеря для военнопленных и мирных граждан. За время оккупации тысячи их были уничтожены.

3 февраля были освобождены города Здолбунов и Луцк[89].

За 18 дней наступления соединения и части 13-й армии продвинулись до 110 км, освободили почти полностью Ровенскую, а также часть Волынской области, нанесли тяжелое поражение 13-му армейскому корпусу 4-й танковой армии немцев, а также 7-му армейскому корпусу венгров. Были разгромлены в общей сложности семь пехотных и одна танковая дивизии, девять пехотных и полицейских полков врага. Потери противника составили около 20 тыс. убитыми и ранеными и 1830 пленными[90].

В полосе наступления 60-й армии шли тяжелые бои за крупный железнодорожный узел Шепетовку. Его успешно обороняли с начала операции две пехотные дивизии, а с подходом в этот район 28 января 7-й танковой дивизии противник перешел в контратаку. Ему удалось потеснить части 18-го гвардейского стрелкового корпуса, но к исходу 28 января на этот участок был перегруппирован 25-й танковый корпус (без одной танковой бригады), и продвижение немцев удалось остановить.

Для возобновления наступления и обеспечения прорыва обороны противника в полосе 18-го гвардейского стрелкового корпуса была сосредоточена достаточно сильная группировка артиллерии с плотностью до 65 орудий и минометов на 1 км фронта. Наступление началось 10 февраля. Оно развивалось успешно. К исходу дня Шепетовку удалось обойти с запада соединениями 23-го стрелкового корпуса и охватить с севера и юга соединениями 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Это предопределило судьбу гарнизона Шепетовки, которая после тяжелых боев 11 февраля была освобождена[91].

С выходом 60-й и 13-й армий на рубеж Маневичи — Луцк — Шепетовка цель Ровно-Луцкой операции в основном была достигнута. Советские войска заняли выгодное положение для удара с севера во фланг и тыл немецкой группы армий «Юг».

В результате Ровно-Луцкой операции от неприятеля была освобождена Ровенская область. В ходе наступления советские войска нанесли поражение 4-й танковой армии противника и не позволили командованию группы армий «Юг» перебросить из ее состава дополнительные силы в район Корсунь-Шевченковского. Напротив, оно вынуждено было из резервов и с других участков фронта перебросить к Луцку и Ровно до десяти дивизий.

Для Ровно-Луцкой операции характерны искусный выбор направления главного удара и способ разгрома противника. Ее результат во многом был обеспечен внезапностью перехода в наступление, умелым использованием конницы для осуществления обходного маневра в условиях труднопроходимой местности, а также тесным взаимодействием с партизанами. Операция готовилась в короткие сроки, что отрицательно сказалось на эффективности разведки вражеской обороны, а в последующем — на темпах ее прорыва.

В феврале 1944 г. ожесточенные бои шли на никопольско-криворожском направлении.

После поражения в Мелитопольской операции 1943 г. противник закрепился на выступе в большой излучине Днепра и на плацдарме в районе Никополя. Этот район марганцевых и

железорудных разработок имел для немецкого командования большое значение не только в экономическом отношении, но и в оперативном — как удобный плацдарм для удара в направлении Крыма с целью восстановления сухопутной связи со своей крымской группировкой. В силу этого обороне района уделялось серьезное внимание.

В районе Кривого Рога и Никополя противник имел крупную группировку войск. К концу января 1944 г. ее основу составляла 6-я немецкая армия, входившая в группу армий «Юг». Армия имела 17 пехотных, две танковые, одну моторизованную дивизию, танковый батальон и восемь дивизионов штурмовых орудий[92]. Всего никопольско-криворожская группировка насчитывала 540 тыс. человек, 2416 орудий и минометов, 327 танков и штурмовых орудий[93]. Ее поддерживал 1-й авиационный корпус 4-го воздушного флота (около 700 самолетов).

На никопольском и криворожском направлениях немцы создали мощную оборону. Ее первый рубеж имел три ряда траншей и окопов, прикрытых проволочными заграждениями и минными полями. Высоты и населенные пункты, находившиеся в ближайшей глубине обороны, были превращены в сильные узлы сопротивления и опорные пункты. В январе 1944 г. с опорой на естественные преграды — реки Каменка и Днепр — спешно оборудовались оборонительные рубежи в оперативной глубине. Непосредственно никопольский плацдарм защищали восемь пехотных дивизий и три дивизиона штурмовых орудий, объединенных в оперативную группу Шернера.

К Никопольско-Криворожской операции (30 января — 29 февраля 1944 г.) привлекались войска 3-го (генерал армии Р. Я. Малиновский) и 4-го (генерал армии Ф. И. Толбухин) Украинских фронтов, которые охватывали вражескую группировку с севера, востока и юга.

3-й Украинский фронт в январе получил значительное усиление. Ему были переданы из 2-го Украинского фронта 37-я армия (шесть стрелковых дивизий), из 4-го Украинского фронта — 4-й гвардейский механизированный корпус, из резерва Ставки ВГК — 31-й гвардейский стрелковый корпус (три дивизии)[94]. Фронт также получил 64 танка, большое количество боеприпасов и горючего. К началу операции в его состав входили 37, 46, 8-я гвардейская, 6-я, 17-я воздушная армии и 4-й гвардейский механизированный корпус — всего 19 стрелковых дивизий. Войска фронта занимали рубеж Веселые Терны — Томаковка — Беленькое.

4-й Украинский фронт (3-я гвардейская, 5-я ударная, 28-я общевойсковые, 8-я воздушная армии и 2-й гвардейский механизированный корпус) также был доукомплектован и занимал оборонительный рубеж Чегарник — Верхний Рогачик — Горностаевка.

Всего в двух фронтах насчитывалось 720 тыс. человек, 7796 орудий и минометов, 238 танков и САУ, 1333 самолета[95]. Советские войска превосходили противника в людях в 1,3 раза, в артиллерии — в 3 раза, в авиации — в 2 раза. В танках превосходство в 1,2 раза было на стороне немцев.

Попытки ликвидировать никопольский плацдарм противника на Днепре советские войска предпринимали и ранее, но они не увенчались успехом из-за необъективной оценки обстановки, сложившейся на Правобережной Украине в конце 1943 г., и неудовлетворительной подготовки войск к наступлению. Так, маршал А. М. Василевский ошибочно полагал, что с учетом успешного наступления войск 1-го Украинского фронта на житомирско-бердичевском направлении немецкое командование предпримет отвод своих войск с никопольского плацдарма[96].

О якобы начавшемся отводе войск врага перед левофланговыми армиями 3-го Украинского фронта говорилось и в одной из директив Генерального штаба[97]. Исходя из этого, Ставка ВГК 30 декабря 1943 г. определила задачи 3-му Украинскому фронту: вести преследование противника до р. Южный Буг. 4-му Украинскому фронту предписывалось силами трех армий ликвидировать никопольский плацдарм, а остальными — «наносить удар с фронта Каховка, Цюрюпинск в общем направлении на Березнеговатое, Новый Буг»[98].

Совершенно очевидно, что в условиях, когда противник не только не планировал отводить свои войска с никопольского плацдарма, а напротив, рассчитывал его удерживать, задачи 3-го и 4-го Украинских фронтов оказались невыполнимыми. Стоит принять во внимание

Плакат В. Корецкого. 1944 г.

Плакат Н. Павлова. 1944 г.

Плакат А. Казанцева. 1944 г.

Плакат В. Щеглова. 1944 г.

Плакат В. Иванова. 1944 г.

Плакат В. Иванова. 1944 г.

Плакат А. Кокорекина. 1944 г.

СЫНОК, ОТОМСТИ!

Летчик-штурмовик гвардии младший лейтенант Андрей Филиппович Коломиец рассказал, как немцы ослепили его отца:

„Развернул я однажды утром газету и прочитал в сводке Совинформбюро название своего родного поселка, освобожденного Красной Армией.

Написал письмо и получил долгожданный ответ: все живы, здоровы — и сестренка, и мать, и отец. Просят рассказать о себе, как воюю, как живу.

Одно только удивило меня: почему письмо написано рукой сестренки, отчего не пишет папа — он ведь у меня человек грамотный, словоохотливый. Стал я в письмах твердить: хочу, папаша, получить весточку, твоей рукой написанную. А письма из дому попрежнему пишет сестренка. Тут я уж рассердился: не ответит отец — писать перестану. И вот приходит ответ на мое письмо: „Не сердись, Андрюша, на папаню — не может он тебе своей рукой написать потому, что слепой он: немцы ему глаза выжгли. Не хотел он на них работать на чугунно-литейном. Забрали его в гестапо, продержали два дня, потом выпустили. Вместо глаз — две раны...“

С тех пор я вдвое зорче в полете. Как ни маскируется немец, нахожу и бью его. Ничто не укроет бандита от моего огня. Я беспощадно мщу проклятой немчуре за увечье родного отца.“

Плакат Н. Жукова. 1944 г.

при этом, что наступление войск было предпринято без паузы и при недостатке боеприпасов и танков. Директивой от 3 января Ставка ВГК потребовала более тщательной подготовки операции с целью ликвидации никопольского плацдарма[99].

В докладе старшего офицера Генерального штаба при штабе 4-го Украинского фронта начальнику оперативного управления Генерального штаба в числе основных недостатков в наступательных действиях войск при ликвидации никопольского плацдарма в январе 1944 г. отмечались: не достаточно тщательная организация разведки и незнание штабами системы обороны противника; слабая подготовка войск, особенно механиков-водителей танков; отставание в ходе наступления пехоты от танков и неумение ею использовать огонь артиллерии; плохое взаимодействие родов войск[100].

Аналогичные недостатки были зафиксированы и в журнале боевых действий 4-го Украинского фронта. «Четвертое наступление войск фронта на никопольском плацдарме, — констатируется записью за 17 января, — успеха не дало... Основными причинами неуспеха нужно считать неотработанное на местности взаимодействие родов войск, необученность и малочисленность пехоты и плохую разведку обороны противника»[101].

17 января 1944 г. советское командование решило прекратить наступление на никопольском направлении, закрепиться на достигнутых рубежах и приступить к более тщательной подготовке новой операции. В этот же день Военный совет 3-го Украинского фронта и представитель Ставки маршал А. М. Василевский направили Верховному главнокомандованию ее план.

Замысел операции, утвержденный Ставкой ВГК, заключался в том, чтобы наступая по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить противника на никопольско-криворожском выступе.

Ведущая роль в операции отводилась 3-му Украинскому фронту. Он должен был нанести главный удар 8-й гвардейской и 46-й армиями из района западнее Владимировки на Апостолово, а вспомогательные удары 37-й армией — на Кривой Рог и 6-й армией — на Никополь[102].

По решению командующего войсками 3-го Украинского фронта 46-я и 8-я гвардейская армии должны были прорвать оборону противника на участке в 21 км.

4-й Украинской фронт имел задачу оборонять занимаемый рубеж, а с достижением успеха войсками 3-го Украинского фронта быть в готовности перейти в наступление. 3-й гвардейской армии предстояло наступать на Никополь, 5-й ударной армии — на Малую Лепетиху, 28-й армии — на Большую Лепетиху[103].

Авиационная поддержка войск 3-го Украинского фронта возлагалась на 17-ю воздушную, 4-го Украинского фронта — на 8-ю воздушную армию. 8-я воздушная армия имела также задачу содействовать войскам 3-го Украинского фронта.

Координацию действий фронтов осуществлял начальник Генерального штаба Красной армии маршал А. М. Василевский.

В ходе подготовки операции большое внимание уделялось мероприятиям оперативной маскировки. Так, чтобы скрыть переброску 4-го гвардейского механизированного корпуса из 4-го Украинского на направление главного удара 3-го Украинского фронта, в районе его предыдущей дислокации были размещены 80 макетов танков и организована имитация работы радиостанций в прежнем режиме. В результате немецкое командование вплоть до начала наступления советских войск считало, что корпус по-прежнему находится на левом берегу Днепра против никопольского плацдарма[104].

Активно велась работа по морально-психологической подготовке войск. Укреплению морального духа личного состава соединений частей 3-го и 4-го Украинских фронтов способствовали сообщения об успехах на других участках советско-германского фронта, в том числе о полном освобождении героического Ленинграда. На митингах в ознаменование этой победы бойцы и командиры клялись самоотверженно выполнить свой воинский долг в ходе предстоящего наступления.

Широко пропагандировались в войсках достижения экономики страны. Восстановление и развитие отечественной тяжелой индустрии позволили оборонной промышленности

довести выпуск танков и самоходных артиллерийских установок до 25 тыс., а боевых самолетов до 30 тыс. единиц в год и в полной мере удовлетворить потребности Красной армии в вооружении и военной технике[105].

Никопольско-Криворожская операция началась утром 30 января переходом в наступление войск 6-й и 37-й армий 3-го Украинского фронта на вспомогательных направлениях. Соединения 6-й армии преодолели сопротивление врага и продвинулись на 3—4 км, а 37-й армии — до 8 км[106]. Противник, посчитав, что наступают главные силы фронта, перебросил на это направление из резерва 9-ю и 23-ю танковые дивизии, насчитывавшие 180 танков. Развернулись ожесточенные бои.

46-я и 8-я гвардейская армии на направлении главного удара фронта усиленными батальонами от дивизий первого эшелона в течение дня вели разведку боем. На рассвете 31 января после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки они главными силами перешли в наступление и к исходу дня прорвали вражескую оборону на глубину до 20 км[107]. Немецкое командование, поняв, что главный удар наносится на апостоловском направлении, начало срочно перебрасывать туда две танковые дивизии из полосы 37-й армии. Для наращивания силы удара командующий фронтом 1 февраля в полосе 8-й гвардейской армии ввел в сражение 4-й гвардейский механизированный корпус (120 танков и САУ). Нанеся серьезные потери отходившим частям 123-й пехотной дивизии и захватив в плен 85 вражеских солдат и офицеров, корпус к исходу дня достиг северной окраины Каменки и Шолохово. Завязались упорные бои за их освобождение.

2 февраля войска 3-го Украинского фронта продолжили наступление на шолоховском направлении с целью выхода к Днепру. В частях противника стали отмечаться признаки паники. Так, в перехваченной радиограмме командира 16-й немецкой моторизованной дивизии отмечалось: «Дивизия разгромлена и не существует, в Каменке танки красных»[108].

В это же время маршал А. М. Василевский докладывал И. В. Сталину, что кроме 16-й моторизованной дивизии разгромлено еще четыре, а пять пехотных дивизий врага на восточном выступе к северу от Днепра отрезаны от путей отхода на запад. Он отмечал хорошее руководство в этой операции со стороны командующего 3-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского. Одновременно в последнем пункте доклада сообщалось: «Погода — дождь, непролазная грязь, автотранспорт стоит»[109].

Несмотря на бездорожье, соединения и части 46-й армии настойчиво продвигались вперед и к вечеру 4 февраля подошли к крупному железнодорожному узлу Апостолово. Здесь противник сосредоточил остатки 123-й пехотной и часть сил 9-й танковой дивизий общей численностью до 3 тыс. человек с 80 орудиями, 30 танками и штурмовыми орудиями. Населенный пункт был подготовлен к круговой обороне.

Разведчики с помощью местных жителей обнаружили разрыв во вражеской обороне в 4 км северо-западнее Апостолово. Ночью они проникли в расположение врага и рано утром 5 февраля внезапно ворвались на железнодорожную станцию. В это время перешли в атаку главные силы 4-й и 34-й гвардейских стрелковых дивизий 46-й армии. К 8 часам они полностью освободили Апостолово, захватив 53 танка, 15 самоходных установок, 155 орудий артиллерии и другую технику[110].

Таким образом, в ходе шестидневного наступления войска 3-го Украинского фронта прорвали вражескую оборону на широком фронте и продвинулись вперед от 45 до 60 км, создав реальную угрозу окружения 17-го армейского корпуса противника в районе Марганец — Никополь. Другим соединениям 6-й немецкой армии, действовавшим в полосе фронта, был нанесен тяжелый урон. Группировка противника была рассечена на две части — криворожскую и ту, что оставалась в районе Никополь — Марганец. Кроме того, неприятель был лишен важнейшей базы снабжения в Апостолово.

Завершив разгром апостоловской группировки врага, 46-я армия продолжила наступление на запад к р. Ингулец, а 8-я гвардейская армия с 4-м гвардейским механизированным корпусом — к Днепру, чтобы совместно с войсками 4-го Украинского фронта окружить и уничтожить никопольскую группировку противника.

Советские солдаты осматривают подбитое немецкое самоходное орудие

Наступление 4-го Украинского фронта началось 31 января действиями 5-й ударной армии. Внезапной атакой ночью ее части и соединения вклинились в оборону врага на глубину до 1,5 км[111]. В середине дня перешли в наступление 3-я гвардейская и 28-я армии. В итоге противник оказался скованным на всем фронте никопольского плацдарма.

Для наращивания усилий на главном направлении в 15 часов в полосе 5-й ударной армии в сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус, насчитывавший до 30 танков и самоходных артиллерийских установок. К исходу дня соединения 5-й ударной армии продвинулись на 6 км, а 2-й гвардейский механизированный корпус — до 14 км[112].

Продвижение войск Красной армии вынудило противника снимать часть сил с никопольского плацдарма на помощь группировкам, оборонявшимся севернее, и отходить к переправам через Днепр в районах Большой Лепетихи и Никополя. Началось преследование отходившего из восточной части никопольского выступа врага, которое осуществлялось с темпом до 10 км в сутки[113].

Немецкое командование стремилось отвести войска на правый берег Днепра. В условиях ледохода они скопились у переправ, по которым вела сосредоточенный огонь советская артиллерия, с воздуха противника непрерывно бомбили и обстреливали самолеты. Так, на бомбардировку переправ южнее Никополя и Довгалевки (1,5 км восточнее Никополя), а также деревянного моста в районе Ушкалки утром 6 февраля вылетели 20 штурмовиков 5-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии под прикрытием 16 истребителей 288-й истребительной авиационной дивизии 17-й воздушной армии. Все переправы были разрушены.

Аналогично действовали штурмовики 74-го гвардейского штурмового авиаполка 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии 8-й воздушной армии — они разрушили мост у Большой

Лепетихи[114]. За период с 31 января по 8 февраля авиация произвела 2618 самолето-вылетов против 316 самолето-вылетов противника[115].

Авиация нарушила организованный отвод войск противника, но ценой больших потерь ему удалось сдержать наступление советских войск на предмостных плацдармах и отойти на правый берег Днепра.

С освобождением утром 8 февраля частями 4-го Украинского фронта Большой Лепетихи, районного центра Запорожской области, завершилась ликвидация никопольского плацдарма врага. В ходе боев за плацдарм войска фронта, как отмечалось в журнале боевых действий, уничтожили свыше 14 тыс. солдат и офицеров противника и пленили 1013 человек. Было захвачено также 24 танка, 392 орудия, 158 минометов и большое количество другой техники и имущества. Потери войск фронта за этот период составили убитыми — 2168, ранеными — 5941, пропавшими без вести —96 человек[116].

В это же время развернулись бои за освобождение Никополя. В них активно участвовали как соединения 6-й армии 3-го Украинского фронта, так и войска 3-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. Последние, переправившись через Днепр, нанесли удар по противнику с юга. К исходу 8 февраля советские войска полностью освободили от врага крупный промышленный центр Украины — г. Никополь[117].

Здесь, как и в других освобожденных городах и населенных пунктах, всюду были видны следы разрушений и варварского поведения немецко-фашистских войск.

В руках неприятеля оставался небольшой коридор западнее города для отвода войск. За этот участок местности развернулись ожесточенные бои. Частью сил противник оборонялся против войск 6-й армии, а большую часть (остатки шести пехотных и двух танковых дивизий) направил против 8-й гвардейской армии, которая стремилась выходом к Днепровским плавням отрезать им пути отхода на запад.

Чтобы остановить наступление главных сил 3-го Украинского фронта, противник нанес 11 февраля сильный контрудар с востока и юго-запада в направлении на Апостолово. Удар пришелся в стык 8-й гвардейской и 46-й армий, передовые части которых вынуждены были отойти. Продвижение противника за день боя составило 8—10 км. Для отражения контрудара командование фронта выдвинуло дополнительно к обороняющимся здесь соединениям 8-й гвардейской и 46-й армий из своего резерва 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию и два истребительно-противотанковых артиллерийских полка.

Контрудар противника удалось отразить, но прорваться к Днепровским плавням и удержать за собой дорогу из Никополя на Дудчино советские войска не смогли. Враг под непрерывным огнем артиллерии и авиации, неся огромные потери в людях и бросая технику, сумел избежать окружения и отвести остатки своих войск.

Потерю марганцевых рудников и никопольского плацдарма в начале февраля немецкое командование признало «тяжелым поражением, не намного уступавшим по своим масштабам катастрофе 8-й армии» под Корсунь-Шевченковским[118].

С ликвидацией никопольского плацдарма полоса наступления 4-го Украинского фронта значительно сократилась. 10 февраля пять стрелковых дивизий 3-й гвардейской армии и 5-я ударная армия были переданы в состав 3-го Украинского фронта. Вскоре управление и остальные соединения 3-й гвардейской армии Ставка ВГК вывела в свой резерв, а 28-ю армию расформировала[119].

Войска 3-го Украинского фронта продолжали вести боевые действия к югу от населенного пункта Веселые Терны силами 37-й армии, северо-западнее Апостолово — 46-й армии, юго-западнее Апостолово — 8-й гвардейской армии. 6-я армия вышла в район Новой Воронцовки, а 5-я ударная армия удерживала плацдарм на правом берегу Днепра.

В соответствии с планом Военного совета фронта, утвержденным Ставкой ВГК, войска правого крыла фронта готовились к возобновлению наступления на криворожском направлении[120]. Враг сосредоточил в районе Кривого Рога пять пехотных и две танковые дивизии. Ожесточенно контратакуя советские части, противник ускоренно создавал укрепления вокруг города.

Части Красной армии входят в освобожденный Кривой Рог. Февраль 1944 г.

Удар на Кривой Рог планировалось нанести с двух направлений: 37-й армией — с северо-востока и 46-й армией — с юго-востока. 37-я армия должна была прорвать вражескую оборону на 10-километровом участке, а 46-я армия — на 16-километровом. В течение нескольких дней войска фронта подтягивали артиллерию, подвозили боеприпасы.

В день начала наступления, 17 февраля, шел снегопад, который затруднил применение авиации, и войска перешли в атаку после короткой артиллерийской подготовки. Двигаться приходилось по грязи и мокрому снегу, поэтому темпы были невысокими. К концу вторых суток стрелковые части продвинулись от 5 до 12 км.

В ночь на 19 февраля немецкое командование вынуждено было начать отвод войск, расположенных к востоку от Кривого Рога[121]. 21 февраля соединения 37-й армии подошли к городу с северо-востока, а соединения 46-й армии вышли к его восточным и юго-восточным окраинам[122].

Наступая с нескольких направлений, войска фронта сломили сопротивление врага и устремились к центру города. К 16 часам 22 февраля Кривой Рог был полностью освобожден от захватчиков[123].

В боях за Кривой Рог особое значение советское командование придавало быстрому освобождению Криворожской ГРЭС и плотины на р. Саксагань вблизи электростанции, чтобы не допустить ее подрыва. Для решения этой задачи был сформирован специальный отряд под командованием заместителя начальника оперативного отдела штаба 37-й армии подполковника А. Н. Шурупова. Ночью 22 февраля основные силы отряда форсировали р. Саксагань в 400 метрах южнее плотины, но были обнаружены и атакованы противником. Два дня отряд сражался в тылу врага. Смертью храбрых пали 14 солдат и офицеров, но боевую

задачу отряд выполнил. Взрыв плотины, под которую гитлеровцы заложили свыше трех тонн взрывчатки, был предотвращен[124].

К 25 февраля войска 3-го Украинского фронта вышли к р. Ингулец и на ряде участков форсировали ее. Стрелковые части 8-й гвардейской армии закрепились на плацдарме за Ингульцом в районе западнее Широкого, 37-й армии захватили плацдармы западнее Кривого Рога, а 46-й армии — севернее Широкого. 5-я ударная армия к 29 февраля вышла на рубеж Большая Александровка — Дудчино.

В итоге неприятелю не удалось использовать р. Ингулец для организации сопротивления и задержки советских войск. Овладев рядом плацдармов на ее левом берегу, соединения фронта создали благоприятные условия для наступления на николаевско-одесском направлении. После ликвидации никопольского плацдарма 4-й Украинский фронт получил возможность приступить к подготовке операции по освобождению Крыма, не опасаясь удара противника с тыла.

В Никопольско-Криворожской операции войска 3-го и 4-го Украинских фронтов нанесли тяжелое поражение 6-й немецкой армии. Ими было уничтожено до 60 тыс. солдат и офицеров противника, пленено 3526 человек, захвачено большое количество техники и вооружения[125]. Двенадцать вражеских дивизий, в том числе три танковые и одна моторизованная, вследствие тяжелых потерь были сведены в боевые группы, четыре дивизии полностью потеряли тяжелое вооружение, автотранспорт и значительную часть личного состава. После такого поражения командующий группой армий «Юг» Э. Манштейн выразил сомнение, что 6-я армия «сможет долго устоять перед натиском противника»[126].

В результате операции был ликвидирован важный в оперативном отношении никопольский плацдарм врага, а его войска отброшены из запорожской излучины Днепра. Надежды командования группы армий «Юг» на установление сухопутной связи с крымской группировкой войск не оправдались. Важным достижением операции стало освобождение Никопольского и Криворожского промышленных районов советской Украины.

Безвозвратные потери войск 3-го и 4-го Украинских фронтов в Никопольско-Криворожской операции составили примерно 20 тыс. человек[127].

С точки зрения военного искусства это была операция на рассечение с одновременным окружением вражеских группировок. Очень важно при этом учитывать, что она проводилась в тяжелейших погодных условиях с небольшим количеством подвижных войск. Основная тяжесть вооруженной борьбы выпала на долю стрелковых войск, которые не только прорывали оборону противника на всю глубину, но и преследовали его, отражали контратаки. Сильные опорные пункты противника, как правило, обходились с целью окружения. Наступление продолжалось и в ночное время.

Авиация 8-й и 17-й воздушных армий оказывала сухопутным войскам посильную помощь с учетом метеоусловий. В ходе операции было произведено 10,7 тыс. самолето-вылетов. Советские летчики провели более 100 воздушных боев, уничтожили 140 самолетов противника в воздухе и 39 — на аэродромах. Авиация выполняла задачи по доставке наземным войскам боеприпасов и горючего. В этих целях только авиация 17-й воздушной армии совершила 2136 самолето-вылетов. Она доставила войскам 3-го Украинского фронта более 320 тонн различных грузов и вывезла 1260 раненых[128].

За мужество и героизм, проявленные войсками 3-го и 4-го Украинских фронтов в Никопольско-Криворожской операции, 28 соединениям и частям были присвоены почетные наименования Криворожских и Никопольских.

В течение зимы 1944 г. обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко изменилась. Последовательными и одновременными ударами войск 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов вражеская оборона от Припяти до нижнего течения Днепра была взломана, а оборонительные планы немецкого командования сорваны.

В ходе боевых действий в Приднепровье советские войска разгромили крупные группировки противника под Житомиром и Бердичевом, Кировоградом и Корсунь-Шевченков-

ским, Ровно и Луцком, Никополем и Кривым Рогом, продвинувшись на 150–250 км. Тем самым они сорвали планы немецкого командования по удержанию обороны по Днепру и установлению сухопутной связи с крымской группировкой войск. Выдвинувшись на линию Луцк — Шепетовка — Звенигородка — Кировоград — Кривой Рог — Каховка, советские войска заняли выгодное оперативное положение для нанесения глубоких рассекающих ударов и выхода на фланги основных группировок противника в приграничных районах Украины.

В конце января 1944 г. главное командование сухопутных войск Германии признало: количество утерянных и взорванных орудий за последнее время настолько возросло, что это чувствительно отражается на боеспособности войск. Тяжелые поражения и накопленная в ходе боевых действий на Украине усталость существенно сказались на моральном состоянии войск противника. В немецких соединениях и частях увеличилось число дезертиров и перебежчиков, участились случаи членовредительства.

Судя по воспоминаниям Э. Манштейна, «Гитлер, как и раньше, рассчитывал на то, что истощение сил и погода заставят противника в ближайшее время прекратить свои наступательные операции. В мае он тогда смог бы... располагать вновь сформированными дивизиями»[129]. Эта надежда из-за решительных наступательных действий советских войск на Правобережной Украине в течение зимы 1944 г. оказалась, по оценке этого известного немецкого военачальника, «по крайней мере преждевременной»[130].

К весне 1944 г. на юго-западном стратегическом направлении Красная армия завершила освобождение Киевской, Днепропетровской, Запорожской областей, освободила Житомирскую, почти полностью Ровенскую и Кировоградскую области, ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей. Овладев крупными узлами железных дорог, командования четырех Украинских фронтов создали более благоприятные условия для использования важнейших коммуникаций в интересах маневра и снабжения подчиненных объединений и соединений.

Главным итогом зимнего наступления советских войск на Правобережной Украине стало создание благоприятной обстановки для дальнейшего развития наступления с целью завершения освобождения юго-западных районов СССР и выхода на государственную границу.

На пути к государственной границе

После зимнего наступления войск Красной армии на Правобережной Украине 1-й Украинский фронт получил возможность охватить с фланга группу армий «Юг». В сочетании с рассекающим ударом 2-го Украинского фронта на юго-запад и фронтальным наступлением 3-го Украинского фронта в направлении Николаева и Одессы эти действия советских войск грозили разгромом всей южной группировки немецких войск. Кроме того, создавалась возможность удара на Люблин и Брест.

Немецкое командование осознавало всю тяжесть своего положения на южном участке советско-германского фронта. В стремлении удержать за собой оставшиеся районы Правобережной Украины командование вермахта рассчитывало на измотанность советских войск в предыдущих боевых действиях, на весеннюю распутицу, что исключало бы, на его взгляд, возможность широкого наступления Красной армии в ближайшее время. Противнику нужна была пауза для восстановления боеспособности своих потрепанных войск и создания прочной, глубоко эшелонированной обороны. «Немецкое командование, — отмечал маршал Г. К. Жуков, — считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать, и оно будет иметь достаточно времени, чтобы перегруппировать силы и укрепить оборону. На этом необоснованном расчете мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных ударов»[131].

В полосе предстоящего наступления на фронте от Луцка до Херсона оборонялись войска немецких групп армий «Юг» (4-я, 1-я танковые и 8-я армии) и «А» (6-я немецкая[132] и 3-я

румынская армии). «Не дать русским выйти глубоко во фланг групп армий «Юг» и «А» или к Лембергу (Львов) — в этом состояла оперативная цель, которую ставила перед собой, по словам ее командующего, группа армий «Юг»[133].

Всего к марту в группировке противника насчитывалось: личного состава — 1400 тыс. человек, орудий и минометов — 14,5 тыс., танков и штурмовых орудий — 2 тыс., самолетов — 1530[134].

Советское командование решило обойтись без паузы и, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, в начале марта развернуть широкое наступление на всей Правобережной Украине с целью окончательного разгрома врага и освобождения своей территории. Еще 13 февраля маршал Г. К. Жуков представил И. В. Сталину соображения о плане ближайших операций 1-го и 2-го Украинских фронтов[135]. Аналогичные предложения были подготовлены маршалом А. М. Василевским и командованием 3-го Украинского фронта. Планировалось нанести по противнику несколько одновременных глубоких ударов, рассечь его войска и уничтожить их по частям. Такой способ разгрома лишал немецкое командование возможности маневрировать своими резервами.

На основе данных соображений директивами Ставки ВГК были поставлены задачи фронтам на подготовку операций. 1-й Украинский фронт главный удар должен был нанести с рубежа Дубно — Шепетовка — Любар в южном направлении на Чертков, 2-й Украинский фронт — из района Звенигородки на Умань и далее к Днестру, 3-й Украинский фронт — из района южнее Кривого Рога на Николаев и Одессу[136]. Перед 4-м Украинским фронтом стояла задача освобождения Крыма.

Для выполнения поставленных задач Верховное главнокомандование приняло меры по усилению фронтов. Оно уточнило разграничительные линии между фронтами и произвело перегруппировку сил. 5-я ударная и 28-я армии из 4-го Украинского и 57-я армия из 2-го Украинского передавались в состав 3-го Украинского фронта. 1-й Украинский фронт усиливался из резерва Ставки 4-й танковой армией. В то же время из его состава передавались во 2-й Украинский фронт 40-я армия, а также две танковые армии (2-я и 6-я).

Всего в войсках трех Украинских фронтов к весне 1944 г. насчитывалось: личного состава — 1930 тыс. человек, орудий и минометов — 29,7 тыс., танков и самоходных орудий — 1442, самолетов — 1578[137]. Советские войска имели небольшое численное превосходство над противником: в людях — в 1,4 раза, в артиллерии — в 2 раза, в танках — в 1,2 раза. В авиации силы сторон были примерно равные.

Каждый день передышки давал противнику возможность приводить свои войска в порядок и укреплять оборону. С учетом этого, несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия погоды, в короткие сроки удалось завершить сложные перегруппировки, сосредоточить к участкам прорыва силы и средства, подвезти боеприпасы, продовольствие и горючее, осуществить подготовку штабов и войск к предстоящему наступлению с форсированием таких крупных рек, как Южный Буг, Днестр, Прут.

Продолжая освобождение территории Правобережной Украины, без длительной паузы войска 1, 2 и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с силами Черноморского флота весной 1944 г. провели несколько операций, вошедших в историю как Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская, Березнеговато-Снигиревская, Одесская и Полесская.

В начале марта 1944 г. на 380-километровом фронте от Рожища до Оратова в полосе предстоящего наступления 1-го Украинского фронта на проскуровско-черновицком направлении оборонялись войска 4-й и 1-й танковых армий немецкой группы армий «Юг» — всего 29 дивизий (в том числе семь танковых и одна моторизованная), моторизованная бригада и значительное количество артиллерийских, инженерных, охранных и других соединений и частей. Группировку поддерживал 8-й авиационный корпус 4-го воздушного флота. Всего она насчитывала около 500 тыс. человек, 5530 орудий и минометов, 1100 танков и 480 самолетов[138].

После зимнего наступления советских войск противник не успел создать на проскуровско-черновицком направлении достаточно развитую в инженерном отношении оборону. Ее тактическая зона состояла из двух полос. Первая, главная, полоса имела глубину 4–6 км,

Вручение оружия бойцам пополнения. 1-й Украинский фронт, февраль 1944 г.

вторая проходила в 10—12 км от ее переднего края. В целом оборона противника представляла собой систему отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Наиболее тщательно к обороне были подготовлены населенные пункты, высоты и узлы дорог.

Особое внимание командование немецкой группы армий «Юг» уделяло усилению обороны на смежных флангах 1-й и 4-й танковых армий на участке юго-западнее Луцка — Шепетовка. В конце февраля оно сократило фронт обороны 4-й танковой армии и перебросило в район южнее Ямполя и Старо-Константинова пять танковых дивизий с уманского направления, одну танковую дивизию из района Дубно и две пехотные дивизии поступили из резерва главного командования.

Проведение Проскуровско-Черновицкой наступательной операции Ставка ВГК возложила на 1-й Украинский фронт. Ему предстояло нанести удар «с фронта Дубно, Шепетовка, Любар в южном направлении с задачей разбить группировку немцев в районе Кременец, Старо-Константинов, Тернополь и овладеть рубежом Берестечко, Броды, Тернополь, Проскуров, Хмельник». В дальнейшем фронт должен был наступать на Чортков с целью отрезать пути отхода противника на запад и совместно с 40-й армией 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить 1-ю и 4-ю немецкие танковые армии[139].

В состав 1-го Украинского фронта к началу операции входили 13, 60, 1-я гвардейская, 18-я и 38-я общевойсковые, 1-я, 3-я гвардейская, 4-я танковые и 2-я воздушная армии, 4-й гвардейский и 25-й танковые, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса. Фронт насчитывал 800 тыс. человек, 11,9 тыс. орудий и минометов, 1400 танков и САУ и около 480 самолетов[140].

Советские войска превосходили противника в людях — в 1,6 раза, в артиллерии — в 2,2 раза, в танках — в 1,3 раза. Самолетов стороны имели равное количество.

Замыслом операции, разрабатывавшейся под руководством генерала армии Н. Ф. Ватутина, предусматривалось нанести главный удар силами двух общевойсковых и двух танковых

армий в стык немецких 4-й и 1-й танковых армий в общем направлении на Чортков. Вспомогательный удар на Хмельник предназначалось нанести 18-й армии. 38-я армия должна была «жесткой обороной прочно удерживать занимаемый рубеж», а частью сил содействовать 2-му Украинскому фронту в овладении районом Гайсина[141].

Свой замысел командующий войсками фронта обосновывал так: «Мы идем на риск, сосредоточивая ударную группировку на правом крыле фронта, в то время как главные силы противника находятся у нас на левом крыле. Но риск будет полностью оправдан, если 38-я и находящаяся у нее в тылу 1-я танковая армии обеспечат отражение возможного вражеского контрудара в северном и северо-восточном направлениях»[142].

К середине февраля после Корсунь-Шевченковской операции наиболее крупная группировка войск 1-го Украинского фронта находилась на его левом крыле, в то время как замысел новой операции предполагал создание сильной ударной группировки ближе к правому крылу. Это потребовало проведения крупных перегруппировок. Из района Бердичева в район Шумского были передислоцированы 3-я гвардейская танковая армия и значительное количество отдельных артиллерийских, танковых и инженерных частей. Практически в полном составе в новые полосы перегруппировывались 60-я и 1-я гвардейская армии. Меняла свое положение часть войск 18-й и 38-й армий, а 4-я танковая армия вынуждена была совершить 350-километровый марш из-под Киева в район предназначения.

Перегруппировку приходилось осуществлять в условиях сильной весенней распутицы, бездорожья, зачастую не прекращая боевых действий. Так, в период с 26 февраля по 2 марта с боями перегруппировались с целью занятия более выгодного исходного положения по левому берегу р. Горынь войска 60-й армии. 3-я гвардейская и 4-я танковые армии заняли исходные районы на правом берегу реки.

При этом важное внимание уделялось соблюдению мер маскировки. Колонны войск передвигались преимущественно ночью, а если днем, то в условиях ограниченной видимости по метеоусловиям. Для введения противника в заблуждение относительно направления главного удара выставлением до 400 макетов танков имитировалось сосредоточение стрелковых и танковых войск в полосе 38-й армии, среди местного населения распространялись слухи о подготовке в этом районе крупного наступления. К разработке плана операции во всех инстанциях от фронта до дивизии привлекался ограниченный круг лиц, телефонные разговоры по вопросам, связанным с предстоящей операцией, категорически запрещались[143].

Проведенные маскировочные мероприятия оказались достаточно эффективными. Противник вплоть до перехода войск фронта в наступление держал против 18-й и 38-й армий значительные силы, чем и была обеспечена внезапность удара на главном направлении.

Большое значение при подготовке операции придавалось пополнению соединений и частей личным составом, вооружением, боевой техникой, боеприпасами, горючим, инженерным имуществом. Тем не менее, дорожа временем, командование войск фронта решило начать операцию, не завершив создания необходимых запасов горючего. Расчет делался на то, чтобы лишить неприятеля возможности более тщательно подготовить свою оборону. В то же время всесторонне продумывались варианты снабжения войск горючим в ходе операции.

Существенную помощь командованию и войскам фронта оказывали партизанские отряды, действовавшие в Каменец-Подольской области Украины. В феврале — марте 1944 г. ими были подорваны и пущены под откос свыше 60 железнодорожных эшелонов противника[144].

В связи с гибелью генерала армии Н. Ф. Ватутина командующим войсками 1-го Украинского фронта 2 марта 1944 г. был назначен маршал Г. К. Жуков.

Утром 4 марта после мощной артиллерийской подготовки войска 60-й и 1-й гвардейской армий перешли в наступление. В тот же день в сражение были введены 4-я и 3-я танковые армии[145]. К исходу дня их продвижение составило от 8 до 20 км[146].

5 марта перешла в наступление 18-я армия генерала Е. П. Журавлева. Сломив упорное сопротивление противника, войска 1-го Украинского фронта за два дня прорвали его оборону на 180-километровом участке и продвинулись в глубину на 25—50 км.

Стремясь контратаками и контрударами остановить продвижение советских войск, немецкое командование ввело в сражение дополнительные силы. 9 марта 15-й стрелковый корпус 60-й армии и приданный ей 4-й гвардейский танковый корпус завязали бои на подступах к Тернополю с частями 68-и 359-й пехотных дивизий, прибывшими из Западной Европы. 23-й и 18-й гвардейский стрелковые корпуса этой армии во взаимодействии с соединениями 4-й танковой армии в районе Волочиска вели ожесточенные боевые действия с частями 7-й танковой дивизии и танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». В это же время 1-я гвардейская армия, развивая наступление из района Лабунь — Браженцы, при содействии 7-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии овладела Староконстантиновом и завязала бои на подступах к Проскурову, где противник сосредоточил 1, 6, 16 и 17-ю танковые дивизии. 11 марта соединения 3-й гвардейской танковой армии выдвинулись в район Черного Острова, охватив с запада проскуровскую группировку врага.

К этому времени глубина продвижения главной ударной группировки 1-го Украинского фронта достигла 70—80 км, а 18-я армия, углубившись от 20 до 30 км, овладела Хмельником, вышла к р. Южный Буг на участке Хмельник — Янов и начала охватывать контрударную группировку противника с востока[147]. Левофланговая 38-я армия генерала К. С. Москаленко перешла в наступление только 11 марта и продвинулась за день на глубину до 8 км.

Активную поддержку наземным войскам оказывала 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского. За первую неделю операции для ударов по войскам и объектам противника она совершила более 2 тыс. самолето-вылетов.

С выходом советских войск на рубеж Тернополь — Проскуров[148] была перерезана железнодорожная магистраль Львов — Одесса, которая являлась главной рокадной коммуникацией всего южного крыла германского восточного фронта. В этих условиях немецкое командование приняло решение отбросить советские войска к северу от железной дороги. С этой целью против ударной группировки 1-го Украинского фронта было сосредоточено 15 дивизий, в том числе девять танковых. 11 марта противник нанес мощный контрудар. В районе Тернополь — Волочиск — Черный Остров — Проскуров развернулось ожесточенное сражение, в результате которого войска фронта вынуждены были приостановить наступление, а на ряде участков даже отойти[149].

В сложившейся обстановке Ставка ВГК уточнила задачу фронта. Ему предписывалось охватить 1-ю немецкую танковую армию с запада, изолировать ее от 4-й танковой армии и, отрезав ей пути отхода на юг, за Днестр, окружить и уничтожить в районе северо-восточнее Каменец-Подольского. В связи с предстоящим наступлением 2-го Белорусского фронта на ковельском направлении Ставка приказала 1-му Украинскому фронту перейти в наступление своим правым крылом в западном направлении на Броды — Львов[150].

Получив указания Ставки ВГК, командующий войсками 1-го Украинского фронта 13 марта конкретизировал задачи армиям. 13-й армии было приказано развивать наступление и овладеть рубежом Берестечко — Броды — Заложцы[151]. 60-й армии предстояло освободить Тернополь и выйти на рубеж Озерна — Золотники. Одновременно ее левофланговый стрелковый корпус должен был выдвинуться на рубеж Золотники — устье р. Стрыпа и удерживать его до подхода 1-й гвардейской армии. До выхода на предназначенный рубеж этой армии предстояло во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией освободить Проскуров и наступать на Ярмолинцы — Чортков.

Главные силы подвижных войск (1-я и 4-я танковые армии) планировалось ввести в сражение в полосе 60-й армии. 1-я танковая армия должна была развивать удар в направлении Чортков — Черновцы, а 4-я танковая армия — на Каменец-Подольский. 18-я и 38-я армии получили задачу овладеть Винницей и Жмеринкой и наступать на Каменец-Подольский — Черновцы[152].

В то время когда войска главной группировки отражали контрудары противника, 13-я армия генерала Н. П. Пухова 15 марта в 9 часов утра перешла в наступление. Ее правофланговый 76-й стрелковый корпус вел наступление в направлении Торчина, взаимодействуя с

левофланговыми соединениями 47-й армии 2-го Белорусского фронта. 27-й стрелковый корпус наносил удар из района Торговица — Млинов на Броды, а 24-й стрелковый корпус из района западнее Шумского на Кременец — Броды.

Чтобы не снижать темпов наступления, в полосе 27-го стрелкового корпуса в первый же день операции были введены в сражение 25-й танковый и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, а на следующий день — 6-й гвардейский кавалерийский корпус. Соединения армии успешно форсировали р. Иква и развивали наступление в обход укрепленного опорного пункта Дубно. С выходом 17 марта подвижных войск в район Пелчи (15 км юго-западнее Дубно) противник, почувствовав угрозу тылу, начал отводить свои войска. На плечах отступающих частей 13-го немецкого армейского корпуса к исходу 17 марта соединения и части 13-й армии овладели районным центром Ровенской области и важным опорным пунктом врага на львовском направлении — г. Дубно. Передовые отряды 25-го танкового корпуса, обойдя город, достигли Добробудки (29 км юго-западнее Дубно), угрожая тылу вражеских войск[153]. В это время части 24-го стрелкового корпуса вели успешные бои за г. Кременец и 19 марта, умело используя обходной маневр, очистили его от захватчиков.

Освободив Дубно и Кременец, соединения 13-й армии продолжали развивать наступление на запад и юго-запад, сковав боями семь дивизий противника. К 20 марта они вышли на подступы к г. Броды, где были остановлены. Продвижение армии за пять суток составило 80 км. За это время были освобождены крупные населенные пункты Дубно, Кременец, Торчин, Берестечко и другие. В районе г. Броды развернулись ожесточенные бои, продолжавшиеся до завершения Проскуровско-Черновицкой операции.

На левом крыле 1-го Украинского фронта войска 18-й и 38-й армий настойчиво продвигались вперед. Соединения 18-й армии 10 марта овладели г. Хмельник и продолжили наступление в направлении населенного пункта Дунаевцы. Соединения 38-й армии после тяжелых боев 12 марта ворвались в Липовец. Противник начал отводить войска за Южный Буг. Преследуя его, 38-я армия 15 марта, на три дня раньше запланированного срока, вышла к реке и приступила к ее форсированию.

Очередной мощной преградой на этом направлении стал г. Жмеринка. В ходе тяжелых двухдневных боев советским войскам удалось освободить город. Этому в значительной степени способствовали части 5-го штурмового авиационного корпуса[154].

К этому времени части, действовавшие на винницком направлении, в условиях распутицы и бездорожья, выбили противника из восточной части Винницы. Форсировав Южный Буг севернее и южнее города, 38-я армия усилила фронтальный натиск на врага. 20 марта город был освобожден полностью[155].

Весьма показательно, что 38-я армия, благодаря искусной работе штаба под руководством генерала А. П. Пилипенко по организации маскировки, не значилась на картах и в отчетах неприятеля на протяжении всего периода боевых действий[156]. Она продолжала развивать наступление, отбрасывая 1-ю немецкую танковую армию к Днестру. 18-я армия вела преследование противника в южном направлении.

Действовавшая на правом крыле 2-го Украинского фронта 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко также успешно продвигалась к Днестру, отсекая 1-й немецкой танковой армии пути отхода на юг. 21 марта ее передовые части с ходу форсировали Днестр севернее Могилев-Подольского и устремились на Хотин.

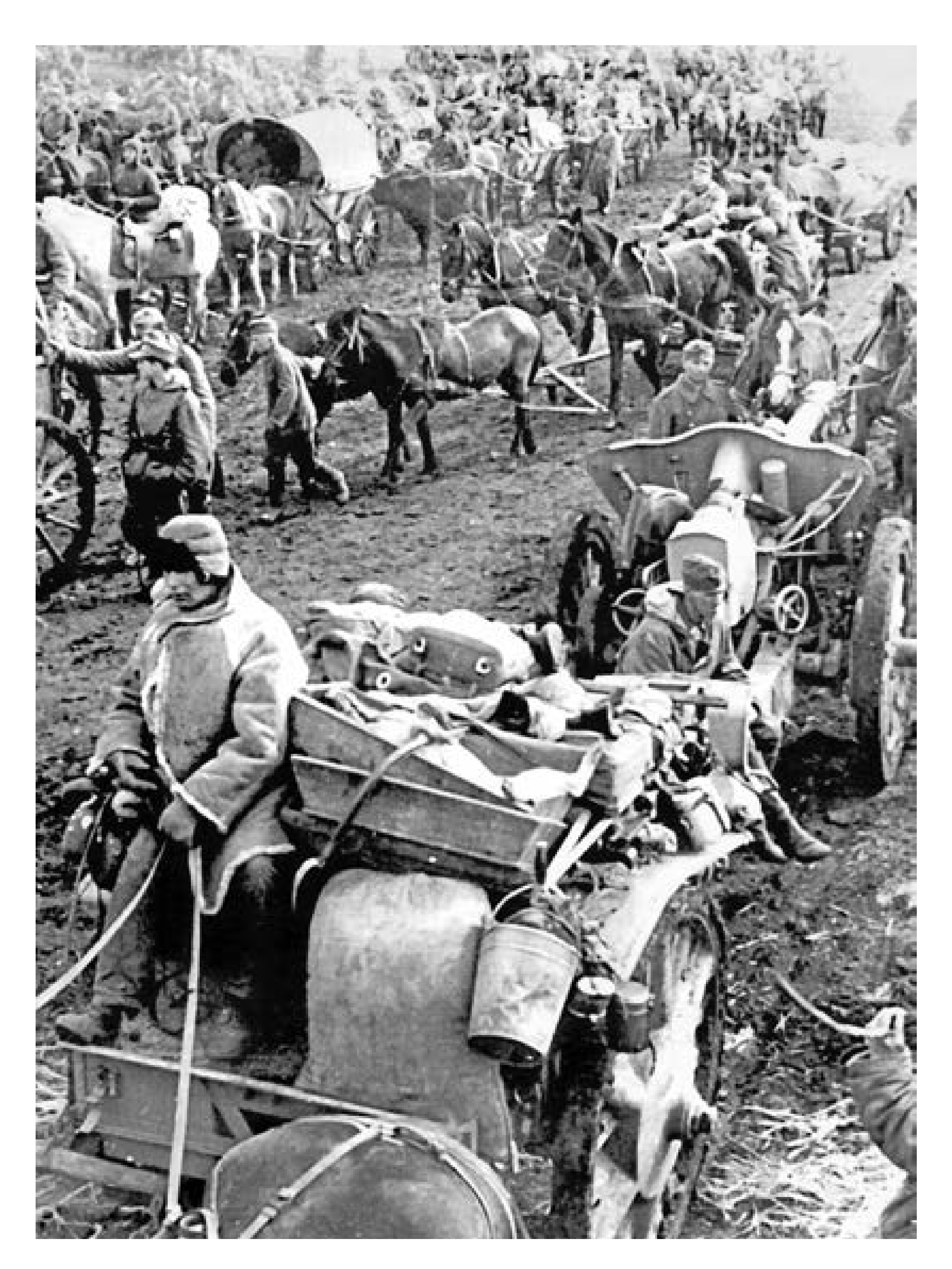
Тем временем соединения и части 60-й и 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий ценой больших потерь отражали удары крупной танковой группировки врага в районах Тернополя (до 200 танков), Волочиска (до 100 танков) и Проскурова (до 300 танков). «Наши танковые части, — докладывал 14 марта командующий войсками 1-го Украинского фронта И. В. Сталину, — в ожесточенных боях с танковыми дивизиями противника понесли очень большие потери: у Рыбалко осталось в строю 48 танков и 15 САУ, у Полубоярова — 20 танков, у Гречко танковые полки и полки САУ также имеют большие потери, Москаленко и Журавлев наступают без танков»[157]. Г. К. Жуков просил пополнить танковые войска фронта.

Встреча бойцов Красной армии с населением города Винницы. Весна 1944 г.

Саперы строят мост через реку Южный Буг севернее Винницы. 1944 г.

Отступление немецких войск

Даже распутица не могла остановить наступление советских войск.
1-й Украинский фронт, район Проскурова, 1944 г.

Ночная атака танков

В целях усиления ударной группировки 1-го Украинского фронта в ее состав была включена 1-я танковая армия генерала М. Е. Катукова[158]. Четыре дивизии на усиление получила 60-я, две — 1-я гвардейская армия.

Для нанесения сокрушительного удара по врагу маршал Г. К. Жуков сосредоточил все три танковые армии на каменец-подольском направлении и 21 марта начал наступление с рубежа Волочиск — Черный Остров на Чортков — Черновцы. Оборона противника была прорвана, и танковые части устремились на юг. Наиболее успешно действовала 1-я танковая армия. Стремительно развивая наступление во взаимодействии с 60-й армией, ее соединения утром 23 марта овладели важным узлом дорог г. Чортков. На следующий день ее 8-й гвардейский механизированный корпус вышел к Днестру. 25 марта главные силы армии, с ходу форсировав Днестр, с севера вышли на подступы к Черновцам[159].

Попытка с ходу овладеть мостом через Прут не удалась. Поэтому было принято решение преодолевать реку по бродам, обходя Черновцы с востока и с запада. Противник, почувствовав угрозу окружения, начал отводить войска на юг. 29 марта областной центр Украины г. Черновцы был полностью освобожден от оккупантов. После этого 1-я танковая армия вместе с приданным ей 11-м стрелковым корпусом развернула наступление в северо-западном направлении — на г. Станислав.

Столь же успешно наступали 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко. Совершив стремительный обходной маневр с запада, она 26 марта овладела Каменец-Подольским[160]. Затем ее соединения в течение восьми дней удерживали город, находясь в окружении. Ее наступление во многом способствовало продвижению войск 1-й гвардейской армии. Сосредоточив основные усилия на правом фланге, она 22 марта совместно с соединениями 3-й гвардейской танковой армии глубоко охватила Проскуров, а 25 марта город был освобожден.

1-я гвардейская армия, используя успех танковых армий, продолжила наступление на Каменец-Подольский с северо-востока с тем, чтобы перекрыть пути отхода 1-й танковой армии противника. С востока на Каменец-Подольский наступали армии левого крыла фронта. 3-я гвардейская танковая армия 28 марта была выведена в резерв фронта на доукомплектование.

В результате удара 1-й и 4-й танковых, 60-й и 1-й гвардейской армий в южном и юго-западном направлениях удалось рассечь мощную группировку войск противника. 4-я немецкая танковая армия была отсечена от 1-й танковой армии и отброшена на запад, а часть ее сил окружена в Тернополе соединениями 60-й армии.

1-я танковая армия противника оказалась зажатой между двумя советскими фронтами в районе северо-восточнее Каменец-Подольского. Войска 40-й армии 2-го Украинского фронта 30 марта вышли к Хотину и глубоко охватили ее с юга. 31 марта туда же выдвинулись соединения 4-й танковой армии, усиленной 30-м стрелковым корпусом 1-й гвардейской армии. Фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов сомкнулись. В котле оказались 23 дивизии (11 пехотных, 10 танковых, одна моторизованная и одна артиллерийская) и многие отдельные части противника — всего около 220 тыс. человек[161].

Протяженность линии фронта вокруг окруженной немецкой группировки составляла 150 км. Внешний фронт окружения создали 60-я армия, вышедшая на рубеж Заложцы — Подгайцы — Мариамполь, и 1-я танковая армия, действовавшая в междуречье Днестра и Прута. Однако внутренний фронт окружения, особенно его западный участок, оказался слабым. Между правым флангом 1-й гвардейской и левым флангом 4-й танковой армий образовался разрыв до 15 км. Причем 4-я танковая армия (из-за потерь имела немногим более 60 танков) и 30-й стрелковый корпус, действовавшие на этом участке, испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем, которые доставлялись им только по воздуху[162].

Так как командование 1-го Украинского фронта, опираясь на ошибочные разведданные, считало, что противник намерен отходить на юг, главные усилия войск в конце марта были направлены на то, чтобы отрезать врага от переправ на Днестре. Командование же немецкой группы армий «Юг», напротив, начало отводить 1-ю танковую армию на запад, на соединение с 4-й танковой армией, чтобы восстановить фронт обороны на львовском направлении.

Отступая, немцы бросали боевую технику. Район Каменец-Подольска, 1944 г.

Преодоление Днестра

Одновременно противник создавал сильную группировку для удара в направлении Подгайцы — Бучач, навстречу 1-й танковой армии.

31 марта окруженная группировка врага нанесла удар в стык 1-й гвардейской и 4-й танковой армий, разорвала кольцо окружения и начала продвигаться в направлении Чортков — Бучач. Успеху противника во многом способствовала сильная вьюга, бушевавшая трое суток. Только 1 апреля штабу 1-го Украинского фронта стало ясно, что 1-я немецкая танковая армия прорывается на запад.

К этому времени, преодолев разлившиеся многочисленные реки, части 38-й армии вступили в Каменец-Подольский, где соединились с 4-й танковой армией, а 18-я армия подошла к Дунаевцам. Для предотвращения вражеского прорыва с юга командующий войсками фронта решил перегруппировать из Каменец-Подольского основные силы 4-й танковой армии и 74-й стрелковый корпус 38-й армии. С севера для противодействия прорвавшемуся противнику он привлек 52-й стрелковый корпус 18-й армии, а несколько позже — еще несколько дивизий из 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий. Привлеченные стрелковые соединения после длительного марша по плохим дорогам вступили в бой с ходу и на широком фронте. Они не смогли отразить удар танковых дивизий врага и после тяжелых боев 1—2 апреля вынуждены были отойти.

Всю вину за случившееся командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Г. К. Жуков возложил на командование 1-й гвардейской армии. Приказом от 2 апреля 1944 г. он объявил выговор ее командующему генералу А. А. Гречко «за плохое управление войсками армии и невыполнение поставленных задач». Начальник штаба армии генерал Г. И. Хетагуров «за бездеятельность, постоянное незнание обстановки и плохую организацию управления войсками» был отстранен от занимаемой должности[163].

4 апреля противник нанес деблокирующий удар навстречу своей 1-й танковой армии. Основу его контрударной группировки составлял прибывший из Франции 2-й танковый корпус СС. 18-й гвардейский стрелковый корпус 60-й армии, переподчиненный 1-й гвардейской армии, на внешнем фронте окружения не сдержал удара врага из района севернее Большовцев. Оборона советских войск была прорвана.

7 апреля передовые отряды танковых дивизий 1-й немецкой танковой армии достигли района Бучача и соединились с наступавшим навстречу 2-м танковым корпусом СС. Преследовавшие немецкую 1-ю танковую армию войска 1-й гвардейской и 4-й танковой армий предприняли попытку развить наступление в западном направлении, но натолкнулись на упорное сопротивление неприятеля. Ожесточенные сражения в районе Бучача продолжались десять дней и завершились без значительных результатов. Советские войска закрепились на рубеже Золотники — Бучач — устье р. Стрыпа.

Тем не менее за это время 1-я танковая армия противника потеряла около половины своего состава, большое количество артиллерии, танков, штурмовых орудий и тяжелого оружия. В докладе И. В. Сталину командование 1-го Украинского фронта указывало, что за период с 1 по 10 апреля окруженная немецкая группировка потеряла убитыми 26 290, а пленными 6988 человек. Кроме того, советские войска захватили 121 орудие, 187 танков и штурмовых орудий, 61 самолет, 7483 машины врага[164].

В первых числах апреля напряженные боевые действия развернулись к югу от Днестра, где действовала 1-я танковая армия. Ее соединения вышли на подступы к Станиславу и в район Надворной. Но противник, сосредоточив крупные силы пехоты и танков, нанес контрудар. Под натиском врага войска 1-й танковой армии начали отходить. В этих условиях командование 1-го Украинского фронта перебазировало на правый берег Днестра соединения 38-й армии[165]. Во взаимодействии с 1-й танковой армией им удалось остановить наступление противника.

Вплоть до 5 мая неприятель пытался разгромить советские войска на станиславском выступе. Но благодаря умелым действиям 38-й и 1-й танковой армий все его атаки были отбиты. В этих боях отлично зарекомендовали себя новые тяжелые танки ИС, вооруженные 122-мм пушкой, и 152-мм самоходные артиллерийские установки. За период боевых действий

Жители города Черновцы встречают освободителей. 1-й Украинский фронт, 1944 г.

Пехота и танки в наступлении. 3-й Украинский фронт, весна 1944 г.

было подбито и сожжено 148 танков и штурмовых орудий врага, уничтожено около 7 тыс. его солдат и офицеров[166]. Станиславский выступ остался в руках советских войск.

Войска 60-й армии более полумесяца ввели ожесточенные боевые действия с противником, окруженным в Тернополе. 31 марта 15-й, 94-й стрелковые и 4-й гвардейский танковый[167] корпуса ворвались в город с севера, востока и юга, но встретили сильное сопротивление. Находившийся в городе вражеский гарнизон отказался капитулировать. 14 апреля части и соединения армии после сильной артиллерийской подготовки и удара авиации начали решительный штурм Тернополя. Через два дня главные силы врага были уничтожены, а 17 апреля завершилась ликвидация его остатков в городе. Как свидетельствуют немецкие источники, только 55 человек из 4600 вырвались из Тернополя[168]. В тот же день по приказу Ставки ВГК войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне на рубеже Торчин — западнее Берестечко — Броды — западнее Чорткова — устье р. Стрыпа — западнее Коломыя[169].

Чтобы закрыть образовавшуюся брешь и остановить наступление войск 1-го Украинского фронта, немецкому командованию потребовалось перебросить на усиление группы армий «Юг» (с 5 апреля 1944 г. — «Северная Украина») до 10 дивизий, в том числе две танковые, и ряд отдельных частей из Западной Европы. В предгорья Карпат была выдвинута 1-я венгерская армия.

Проскуровско-Черновицкая операция 1-го Украинского фронта — одна из крупнейших фронтовых операций Великой Отечественной войны — завершилась. В ходе этой операции войска фронта освободили от противника территорию в 42 тыс. кв. км (Каменец-Подольская, бóльшая часть Винницкой, Тернопольской и Черновицкой, несколько районов Ровенской и Ивано-Франковской областей), в том числе три областных центра Украины — Винницу, Тернополь и Черновицы, 57 городов, 11 важных железнодорожных узлов и большое количество других крупных населенных пунктов. Наступление велось на фронте шириной до 350 км. Глубина продвижения войск составила от 80 до 340 км, средний темп наступления — 2—8 км в сутки[170].

22 вражеские дивизии, в том числе три танковые, одна моторизованная бригада и большое количество отдельных частей противника были разгромлены, потери их составили свыше 50% численного состава и большая часть боевой техники. Другие вражеские соединения и части также понесли большие потери.

В докладе штаба 1-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему по итогам операции отмечалось, что в период с 4 по 31 марта противник потерял пленными и убитыми 208 260 солдат и офицеров. Войсками фронта уничтожено свыше 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 7 тыс. орудий и минометов полевой артиллерии, захвачено огромное количество танков, орудий и другой боевой техники[171]. К этому следует добавить приведенные ранее потери немецких войск, окруженных в районе севернее Каменец-Подольского и в Тернополе, в ходе апрельских боев. Безвозвратные потери войск 1-го Украинского фронта в операции составили примерно 45 тыс. человек[172].

Для Проскуровско-Черновицкой операции были характерны решительное массирование сил и средств на направлении главного удара, разгром крупной группировки противника нанесением глубокого рассекающего удара в центре полосы наступления 1-го Украинского фронта в сочетании с ударами по ее флангам. Отличительной особенностью операции было применение обеими сторонами крупных танковых группировок. Со стороны неприятеля в боевых действиях участвовали десять танковых и одна моторизованная дивизии, а с советской стороны впервые в ходе войны на одном операционном направлении массированно использовались сразу три танковые армии, а также два отдельных танковых корпуса. Это придало операции особую динамичность и маневренность.

Основной объем задач по подавлению огневых средств и других объектов в глубине обороны противника выполняла авиация, так как продвижение артиллерии вслед за наступающими войсками при неблагоприятных погодных условиях и распутице было затруднено. Авиация активно использовалась для снабжения войск, действовавших в отрыве от основных

сил фронта. Только для транспортирования грузов танковым армиям она совершила до 20% всех самолето-вылетов[173].

Свыше 70 наиболее отличившимся в Проскуровско-Черновицкой операции соединениям и частям 1-го Украинского фронта были присвоены почетные наименования Проскуровские, Винницкие, Черновицкие, Жмеринские, Прикарпатские, Чортковские и другие. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков был награжден орденом Победы № 1.

Завершив Проскуровско-Черновицкую операцию, войска 1-го Украинского фронта вышли в предгорья Карпат. Стратегический фронт немецких войск оказался расколот на две части. Южная группировка противника теперь была вынуждена базироваться только на дороги, идущие кружным путем южнее Карпат через Румынию. Советские войска заняли выгодное положение для нанесения последующих ударов на львовском направлении. Кроме того, успех операции обеспечивал благоприятные условия для одновременного наступления на уманско-ботошанском направлении.

На этом направлении действовали войска 2-го Украинского фронта. Перед ним оборонялись соединения 8-й немецкой армии группы армий «Юг» и часть сил 6-й армии группы армий «А», насчитывавшие до 400 тыс. человек, 3,5 тыс. орудий и минометов, до 450 танков и штурмовых орудий и 500 самолетов 4-го воздушного флота[174].

Большая часть группировки вражеских войск находилась в первом оперативном эшелоне, а две танковые дивизии составляли ее резерв. Противник создал развитую систему полевых оборонительных сооружений в сочетании с инженерными заграждениями. Он умело использовал сильно пересеченную местность, большое количество мелких и крупных рек, оврагов и балок. Населенные пункты были укреплены и приспособлены к круговой обороне.

В состав 2-го Украинского фронта к началу марта входили семь общевойсковых (40, 27, 52, 4-я гвардейская, 53, 5 и 7-я гвардейские), три танковые (2-я, 5-я гвардейская и 6-я), 5-я воздушная армии, один кавалерийский и два механизированных корпуса. Всего во фронте имелось около 595 тыс. человек, 8,9 тыс. орудий и минометов, 670 танков и самоходных артиллерийских установок, 551 самолет[175]. Советские войска превосходили противника в людях и танках — в 1,5 раза, в артиллерии — в 2,5 раза, в авиации — в 1,1 раза.

Сразу же после ликвидации корсунь-шевченковской группировки врага Ставка Верховного главнокомандования своей директивой от 18 февраля 1944 г. определила 2-му Украинскому фронту задачу: «Подготовить наступательную операцию с включением в состав ударной группы фронта войска 27-й, 52-й, 4-й гвардейской армий, 5-й гвардейской, 2-й и 6-й танковых армий. Удар нанести с фронта Виноград, Звенигородка, Шпола в общем направлении на Умань с задачей разбить уманскую группировку немцев и овладеть рубежом: Ладыжин, Гайворон, Новоукраинка. В дальнейшем продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр на участке (иск.) Могилев-Подольский, (иск.) Ягорлык. Наступление начать 8—10 марта»[176]. Иначе говоря, войска фронта должны были нанести рассекающий удар по противостоящей группировке противника и, выйдя на Днестр, прижать ее к Карпатам.

Замысел операции предусматривал силами 27, 52, 4-й гвардейской и 53-й армий прорвать неприятельскую оборону на участке Чемериское — Ольховец, разгромить его войска в районе Умани, овладеть рубежом р. Южный Буг и в дальнейшем выйти на Днестр[177]. На направлении главного удара планировалось также использовать 2-ю, 5-ю гвардейскую и 6-ю танковые армии[178]. Вспомогательный удар наносили 5-я и 7-я гвардейские армии. Их задача заключалась в прорыве обороны противника на участке Шестаковка — Мухортовка и разгроме его в районе Новоукраинки в целях обеспечения успеха наступления главной группировки фронта.

Итак, войскам фронта предстояло рассечь оборону 8-й немецкой армии на всю глубину ее оперативного построения и содействовать войскам 1-го и 3-го Украинских фронтов в разгроме 1-й танковой и 6-й армий противника. Располагая тремя танковыми армиями, фронт имел реальную возможность, прорвав тактическую зону обороны, ввести в сражение две танковые армии, а затем в зависимости от обстановки использовать и 6-ю танковую армию. В резерве командующего войсками фронта оставался 5-й гвардейский кавалерийский корпус, который

Артиллеристы в боях за Тернополь

Население Тернополя встречает своих освободителей —
бойцов и офицеров Красной армии. Апрель 1944 г.

сосредоточивался на главном направлении, в районе Моренцы — Почапицы — Майдановка. 1 марта объединениям фронта были отданы оперативные директивы[179].

При подготовке операции в условиях соблюдения мер маскировки проводилась перегруппировка войск. В итоге на участках прорыва было достигнуто значительное превосходство над противником: в пехоте — почти в 3 раза, в танках — в 2 раза, в артиллерии — в 6 раз. Скрытность перегруппировки способствовала достижению внезапности перехода войск 2-го Украинского фронта в наступление.

Предваряя наступление главных сил, 4 марта на участках прорыва усиленными батальонами была проведена разведка боем. Она позволила уточнить сведения о системе обороны противника.

Утром 5 марта после часовой артиллерийской подготовки войска 27, 52 и 4-й гвардейской армий из состава ударной группировки фронта перешли в наступление. В тот же день уже по отработанной схеме для допрорыва тактической зоны обороны и развития успеха в полосе 27-й армии была введена в сражение 2-я танковая армия, а в полосе 4-й гвардейской армии — 5-я гвардейская танковая армия. Вслед за ними в полосе 52-й армии началось выдвижение 6-й танковой армии[180].

Первый удар оказался для противника неожиданным. Он понес большие потери от огня артиллерии, а затем, не выдержав натиска советских войск, начал отступать. К исходу второго дня операции вражеская оборона была взломана на участке шириной 60 км, а наступавшие соединения продвинулись на 25 км.

Но на оборонительном рубеже, проходившем по р. Горный Тикич, на третий день наступления разгорелись ожесточенные бои. Здесь противник, используя широкую пойму реки, подготовил мощный оборонительный рубеж. Опираясь на него, он в районе станции Поташ предпринял контрудар силами 11, 13 и 14-й танковых дивизий и двух бригад штурмовых орудий. Однако, понеся во встречном сражении крупные потери, враг вынужден был отступить. В течение 7 марта войска фронта на главном направлении расширили прорыв до 80 км по фронту и до 50 км в глубину. Они с ходу форсировали р. Горный Тикич и, преодолев последний оборонительный рубеж противника на пути к Южному Бугу, перешли к его преследованию.

Большую помощь стрелковым и танковым соединениям в форсировании водной преграды оказали инженерные войска фронта. При отсутствии транспортных машин с тяжелыми средствами переправ, работая в ледяной воде, их личный состав под огнем противника доставлял на себе стройматериалы, и в ночь на 7 марта и в течение всего дня было построено 11 мостов для переправы войск главной ударной группировки фронта[181].

Под натиском советских войск неприятель отступал к Умани, бросая боевую технику, оружие и военное имущество. Войска 2-го Украинского фронта завладели свыше 200 исправными танками, большим количеством орудий, автомашин и другого имущества[182]. При этом стрелковые соединения и части вынуждены были преследовать врага в условиях весенней распутицы и бездорожья. Их личный состав продвигался по колено в грязи, помогая артиллеристам перемещать орудия и переносить боеприпасы. Большую помощь в доставке войскам боеприпасов, горючего и продовольствия в столь сложных условиях оказывало население освобождаемых деревень.

Войска фронта на главном направлении в течение 8–9 марта продвинулись на 25–30 км, расширив фронт наступления до 170 км. Противник попытался удержать Умань, но соединения 2-й и 5-й гвардейской танковых армий при содействии войск 52-й армии 10 марта с ходу ворвались в город[183]. В этот же день 27-я общевойсковая и 6-я танковая армии овладели крупным железнодорожным узлом — г. Христиновка[184].

Левофланговые армии фронта перешли в наступление утром 8 марта. К исходу дня они прорвали оборону немецких войск на 12-километровом участке, продвинулись на глубину до 7 км и устремились на Новоукраинку.

Немецкое командование попыталось задержать наступление советских войск на крупной водной преграде, которой являлся разлившийся Южный Буг. 11 марта Ставка Верховного

Красноармейцы осматривают разбитую немецкую технику в районе Умани. Март 1944 г.

Группа штурмовиков 17-й воздушной армии направляется на боевое задание.
3-й Украинский фронт, весна 1944 г.

главнокомандования уточнила задачи 2-му Украинскому фронту: «...преследуя отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Мурованные Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на р. Днестр переправы. Главную группировку фронта вывести в район Могилев-Подольский, Ямполь. Одновременно левым крылом фронта наступать в направлении Новоукраинка, Первомайск, Рыбница. В дальнейшем наступать с целью овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут — на нашу государственную границу»[185].

В целях наращивания темпов наступления и форсирования с ходу Южного Буга в армиях были сформированы передовые отряды с включением в их состав танков, артиллерии и саперов. Эти отряды, преследуя неприятеля и уничтожая его арьергарды, вышли к реке на 100-километровом фронте фактически одновременно с отходившим противником, а на некоторых участках и раньше. При этом с ходу были захвачены районные центры Ладыжин, Джулинка и Гайворон.

Стремясь не дать противнику закрепиться, советские воины на лодках, плотах, понтонах и подручных средствах приступили к форсированию реки. Немецкое командование спешно начало подтягивать к участкам переправ пехоту, танки и штурмовые орудия, бросая их в контратаки. Однако передовые советские подразделения отразили вражеские атаки и обеспечили переправу главных сил армий. На правом берегу Южного Буга их соединения и части быстро преодолели неприятельскую оборону и продолжили наступление.

Очень важным результатом наступательных действий войск явилось освобождение 16 марта частями 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии города и крупного железнодорожного узла Вапнярка. Тем самым была перерезана важная железная дорога Жмеринка — Одесса[186]. В дальнейшем, преследуя отступавшего врага, они вышли к Днестру у г. Ямполь. После напряженного боя 17 марта город был освобожден. Соединения 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, действовавшие левее, овладели г. Сороки.

Одновременно напряженные бои шли к северу от этого района, у Могилев-Подольского. 19 марта части 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии с ходу ворвались в город и к вечеру во взаимодействии с соединениями 35-го стрелкового корпуса 27-й армии также полностью освободили его. Сразу же началась подготовка к переправе через Днестр. В ночь на 20 и 21 марта, используя подручные средства, советские войска форсировали Днестр, захватив крупный плацдарм на его правом берегу у Могилев-Подольского.

Форсирование такой крупной реки как Днестр и захват плацдарма на участке от Могилев-Подольского до Сороки означали, что в стыке немецких 1-й танковой и 8-й армий была образована большая брешь. Таким образом, группа армий «Юг» оказалась рассеченной[187]. Это открывало для советского командования новые возможности по разгрому противника по частям, и оно ими воспользовалось.

22 марта Ставка ВГК приказала фронту частью сил правого крыла выйти на р. Прут и одновременно, нанося удар силами одной-двух общевойсковых и двух танковых армий на юг вдоль правого берега Днестра, овладеть рубежом Унгены — Кишинев. Левым крылом фронта, включая 5-ю гвардейскую танковую армию, предписывалось нанести удар с рубежа Кодыма — Песчанка — Первомайск на юг вдоль левого берега Днестра, овладеть рубежом Бендеры — Тирасполь — Раздельная, отбросить противника к Черному морю и не допустить его отхода за Днестр. В рамках этих задач 40-я армия должна была, наступая вдоль правого берега Днестра на Хотин, отрезать 1-й немецкой танковой армии пути отхода на юг и тем самым содействовать войскам 1-го Украинского фронта в ее окружении под Каменец-Подольским[188].

Развивая наступление с днестровского плацдарма, войска 27, 52, 4-й гвардейской, а также 2-й и 6-й танковых армий вышли 26 марта на 85-километровом фронте севернее Ясс на Государственную границу СССР. Это стало одной из самых радостных вестей с фронта для всего советского народа и имело огромное международное значение.

В ночь на 28 марта войска 2-го Украинского фронта форсировали Прут и перенесли боевые действия на территорию Румынии. Начинался новый этап Великой Отечественной войны — освободительный поход Красной армии в Европу. Советское правительство

2 апреля 1944 г. выступило со специальным заявлением, в котором отмечалось, что СССР «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[189].

Верховный главнокомандующий отметил данное событие приказом, поощрив отличившиеся соединения и части 2-го Украинского фронта. 6 апреля его войска овладели Ботошанами, вышли на подступы к Яссам и Кишиневу, а 10 апреля 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление, которым определялись правила поведения советских войск на территории Румынии. В свою очередь, Военный совет 2-го Украинского фронта издал и распространил воззвание к румынскому народу, в котором излагались основные положения заявления советского правительства от 2 апреля[190].

В то время как войска правого крыла и центра 2-го Украинского фронта форсировали Прут и выдвигались в направлении Ясс, 5-я и 7-я гвардейские армии в течение 8—16 марта нанесли тяжелые потери шести пехотным дивизиям противника, танковым дивизиям СС «Мертвая голова», «Великая Германия» и 10-й моторизованной дивизии. За этот период противник потерял более 12 тыс. человек убитыми и 10 тыс. пленными. Он оставил на поле боя свыше 200 орудий, 60 танков, до 2 тыс. автомашин, значительное количество другой военной техники и пехотного оружия[191].

17 марта советскими войсками была освобождена Новоукраинка. Путь на Первомайск был открыт, и к городу устремились действовавшие на этом направлении части 32-го гвардейского стрелкового, 7-го механизированного и 25-го гвардейского стрелкового корпусов. Бои за город развернулись с 20 марта, продолжались трое суток и привели к его освобождению.

Успешно развивали свое наступления соединения 53-й армии генерала И. М. Манагарова. Но, подойдя 25 марта к районному центру Одесской области г. Балта, встретили упорное сопротивление. Несмотря на то что город был окружен советскими частями, его гарнизон не сдавался, и Балту пришлось брать штурмом. 29 марта город был освобожден.

В условиях угрозы окружения войск группы армий «А» в междуречье Южного Буга и Днестра противник 28 марта начал отвод с Южного Буга 8-й, 6-й немецких и 3-й румынской армий. Это позволило войскам 3-го Украинского фронта повысить темпы наступления на Одессу.

Одновременно немецкое командование, стремясь остановить продвижение войск 2-го Украинского фронта, непрерывно усиливало войска на ясско-кишиневском направлении. Для закрытия огромной бреши, образовавшейся в результате поражения левого крыла 1-й немецкой танковой армии и правого крыла 8-й армии, оно выдвинуло на ясское направление румынскую 4-ю армию, а на кишиневское — девять дивизий из состава 6-й армии. Эти войска заняли важнейшие горные перевалы в Карпатах и оборонительный рубеж по линии Пашкани — Унгени — Оргеев и по р. Реут.

Ставка ВГК торопила войска правого крыла фронта с выходом на рубеж рек Сирет и Бахлуй и овладением рубежом Дорохой — Батошани — Яссы, о чем в 22 часа 10 минут 5 апреля 1944 г. отдала соответствующее распоряжение[192]. Через два часа командование 2-го Украинского фронта доложило Верховному главнокомандующему план развития наступления. В докладе отмечалось, что противник строит оборону на р. Сирет и укрепляет кишиневское направление. С учетом этого предлагалось «с целью создания охватывающего оперативного положения основной южной группировки немцев» перейти в наступление правым крылом фронта в составе 40-й и 27-й армий, усиленных 3-м танковым корпусом. Главный удар наносился в направлении Болтино — Тыргу-Фрумос — Роман — Бакэу силами 27-й армии, усиленной 3-м танковым корпусом. Задача армиям правого крыла оставалась прежней — продолжать наступление на кишиневском направлении[193].

Войска 2-го Украинского фронта к исходу первой декады апреля достигли рубежа западнее Фельтичени — Кристешти — Оргеев — Дубоссары — Ташлык. В ходе наступления в условиях бездорожья тылы отстали, из-за чего их снабжение ухудшилось. Значительная часть

Войска 1-го Украинского фронта форсируют реку Прут. 1944 г.

артиллерии не успевала перемещаться и поддерживать наступающие войска. Общевойсковые и танковые армии к этому времени понесли значительные потери. Дальнейшие их попытки наступать на романском, ясском и кишиневском направлениях успеха не имели.

Для продолжения наступления нужна была тщательная подготовка. В район севернее Тыргу-Фрумос, в полосу между 40-й и 27-й армиями, к концу апреля перебрасывалась 7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова с левого крыла фронта. Противник также наращивал усилия, укреплял оборону по этому рубежу и готовил контрнаступление. С учетом этих обстоятельств Ставка ВГК директивой от 6 мая 1944 г. приказала войскам 2-го Украинского фронта «перейти к жесткой обороне во всей полосе фронта»[194]. Уманско-Ботошанская операция завершилась.

По итогам наступления советские войска продвинулись на глубину 200–250 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины и Молдавии, вышли на Государственную границу СССР, перенесли боевые действия в северные и северо-восточные районы Румынии. Они нанесли серьезный урон немецким группам армий «Юг» и «А». Десять вражеских дивизий потеряли 50–75% личного состава и почти все тяжелое вооружение. Для противодействия наступлению советских войск немецкое командование было вынуждено выдвинуть из резерва 18 дивизий и три бригады и перебросить из 6-й немецкой армии девять дивизий, в том числе три танковые. Это существенно облегчило задачу войск 3-го Украинского фронта.

Несмотря на распутицу, общевойсковые армии наступали со средним темпом 10–15 км, а в отдельных случаях 18–20 км в сутки. Успех операции был обусловлен достижением внезапности перехода в наступление, смелым массированием сил и средств, созданием мощного танкового тарана для прорыва тактической обороны врага, широким маневром танковыми армиями в его оперативной глубине.

Уманско-Ботошанская операция войск 2-го Украинского фронта — одна из немногих в Великой Отечественной войне, в которой фронт в условиях весеннего половодья последовательно, с ходу форсировал шесть рек: Горный Тикич, Южный Буг, Днестр, Реут, Прут и Сирет. «История войн не знает более широкой по своим размахам и сложности в оперативном отношении операции, которая была бы осуществлена в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек», — отмечал после войны маршал И. С. Конев[195].

Безвозвратные потери войск 2-го Украинского фронта составили свыше 66 тыс., санитарные — около 201 тыс. человек[196]. Отличившиеся в операции соединения и части удостоились почетных наименований Уманских, Новоукраинских, Вапнярских, Первомайских. Многие воины фронта были награждены орденами и медалями.

Результаты Уманско-Ботошанской операции имели важное международное значение. Вступление советских войск на территорию Румынию вызвало панику и смятение среди правящих кругов Румынии, Венгрии и Болгарии. Они осознали близость и неминуемый крах гитлеровского рейха. В апреле 1944 г. румынское правительство запросило у советского руководства условия перемирия. 12 апреля эти условия были названы, но правительство Антонеску их отвергло. Не надеясь более на своих союзников, немцы еще 19 марта ввели свои войска в Венгрию, а затем оккупировали и Румынию. Результаты операции, мощь и стремительность удара войск 2-го Украинского фронта ускорили окончательное принятие союзниками решения об открытии второго фронта в Европе.

Результативные наступательные действия советских войск в Уманско-Ботошанской операции способствовали успеху проведения Березнеговато-Снигиревской и Одесской операций.

К началу марта 1944 г. на березнеговато-снигиревском направлении действовали 6-я немецкая и 3-я румынская армии группы армий «А». Группировка противника насчитывала до 500 тыс. человек, 3386 орудий и минометов, 359 танков и штурмовых орудий, около 600 самолетов[197].

Немецкое командование принимало экстренные меры по усилению обороны на разлившейся р. Ингулец с тем, чтобы остановить продвижение советских войск и удержать за собой оставшиеся районы Украины.

Командование группы армий «А» и 6-й армии рассчитывало упорной обороной на р. Ингулец задержать наступление советских войск, а подвижными резервами (3-й и 24-й танковыми дивизиями) парировать возможные прорывы на том или ином участке фронта. Оборона была одноэшелонной, занималась и оборонялась только первая полоса из одной позиции, которая была оборудована одной-двумя, а на отдельных направлениях тремя траншеями. Наиболее плотная группировка войск противника создавалась перед армиями центра 3-го Украинского фронта, особенно напротив захваченных 46-й и 8-й гвардейской армиями плацдармов.

В случае прорыва первой полосы обороны планировалось сдерживать наступление советских войск на промежуточных рубежах и только в крайнем случае отходить к р. Южный Буг.

3-му Украинскому фронту (генерал армии Р. Я. Малиновский) предписывалось форсировать р. Ингулец и наступлением на николаевском направлении очистить от неприятеля южную часть Украины между реками Ингулец и Южный Буг[198].

К началу операции 3-й Украинский фронт (57, 37, 46, 8-я гвардейская, 6-я, 5-я ударная, 28-я общевойсковые, 17-я воздушная армии, 23-й танковый, 2-й и 4-й гвардейские механизированные и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса) был значительно усилен. Фронт насчитывал 500 тыс. человек, 7184 орудия и миномета, 573 танка и САУ, 593 самолета[199] и превосходил противника в артиллерии — более чем в 2 раза, а в танках — в 1,6 раза. По людям и самолетам силы сторон были примерно равные.

В соответствии с полученной задачей командующий войсками фронта решил нанести главный удар силами 46-й и 8-й гвардейской армий с плацдармов на правом берегу р. Ингулец в общем направлении на Новый Буг, а затем развивать наступление по тылам противника, действовавшего восточнее Николаева. В полосе 46-й армии планировался ввод в прорыв 23-го танкового корпуса, а в полосе 8-й гвардейской армии — конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева в составе 4-го гвардейского механизированного, 4-го гвардейского кавалерийского корпусов и 5-й отдельной мотострелковой бригады. На эту группу возлагались особые надежды командования. Она должна была с выходом в район Нового Буга сосредоточить усилия в южном направлении и нанести удар по тылам вражеских войск, находившихся к востоку от Николаева[200]. Таким образом, решение командующего отличалось стремлением окружить противника, используя возможности подвижных войск.

В то же время нанесение ударов с плацдармов могло ожидаться немцами, поэтому командование фронта пошло на решительное массирование сил и средств на этих направлениях. Так, 8-я гвардейская армия была построена в два эшелона. Боевые порядки ее стрелковых корпусов и дивизий строились также в два эшелона. В результате превосходство над противником удалось увеличить в пехоте — до 4 раз, в артиллерии —до 10 раз, а тактические плотности здесь составляли один батальон, 2,5 танка и САУ и 63 орудия и миномета на 1 км фронта.

57, 37, 6, 5-я ударная и 28-я армии должны были наносить вспомогательные дробящие удары и сковать действия противника в своих полосах наступления. Основные силы авиации 17-й воздушной армии привлекались для поддержки наступления 46-й, 8-й гвардейской армий и конно-механизированной группы[201].

Главное содержание короткого подготовительного периода заключалось в расширении и занятии войсками ударных группировок плацдармов, пополнении войск людьми, боеприпасами, продовольствием и горюче-смазочными материалами. Подвоз средств осложнялся отрывом войск от станций снабжения, разрушением железных дорог и мостов на них, исключительным бездорожьем на грунтовых путях подвоза. Инженерные войска фронта строили и восстанавливали мосты и дороги, оборудовали переправы, разминировали местность. К началу операции удалось подвезти минимально необходимое для начала операции количество материальных средств[202]. К исходу 5 марта подготовка наступления в основном была завершена.

В 10 часов 6 марта войска главной группировки фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки атаковали с плацдармов вражеские позиции[203]. В тот же день

перешли в наступление армии на правом и левом крыльях фронта. При этом учитывалось, что соседние 1-й и 2-й Украинские фронты также осуществляли наступление. Благодаря скрытному сосредоточению войск и одновременным атакам на широком фронте немецкое командование было введено в заблуждение относительно направления главного удара, и удалось достичь внезапности его нанесения.

Противник упорно оборонялся, предпринимая многочисленные контратаки. Для этого он использовал укрепленные населенные пункты и разлившиеся реки. Особенно ожесточенный характер боевые действия носили в районе Троицко-Сафоново. После того как соединения первого эшелона 8-й гвардейской армии прорвали первую позицию вражеской обороны, их наступление замедлилось. Для наращивания силы удара в 22 часа 6 марта была введена в сражение конно-механизированная группа, что явилось полной неожиданностью для врага.

Развивая наступление в глубину и сбивая врага с занимаемых рубежей, конно-механизированная группа в тяжелых погодных условиях к утру 8 марта подошла к Новому Бугу. Завязались уличные бои[204]. Железная дорога Долинская — Николаев, имевшая большое значение для противника, была перерезана, а фронт обороны его 6-й армии расчленен. Создались условия для охвата вражеской группировки, действовавшей в районе Березнеговатое — Снигиревка — Баштанка.

В целях отсечения путей отхода противника на запад конно-механизированная группа по решению командующего войсками фронта, оставив в районе Нового Буга 5-ю отдельную мотострелковую бригаду, главными силами нанесла удар на Баштанку и далее на юг. Продвигаясь с темпом более 20 км в сутки, она 10 марта овладела Баштанкой, а к 12 марта передовыми частями вышла к р. Ингулец южнее Снигиревки, перерезав пути отхода 6-й немецкой армии на запад[205]. Одновременно войска 6-й и 5-й ударной и 28-й армий наступали на неприятеля с востока и юга.

Группировка противника в составе 13 дивизий оказалась под угрозой окружения. Для его завершения требовалось быстрое выдвижение правофланговых соединений 8-й гвардейской армии в южном направлении. Но большая часть ее сил в это время была втянута в тяжелые бои с 29-м и 4-м немецкими армейскими корпусами в районах Владимировки и Баштанки. Здесь же с 12 марта был использован для отражения ударов врага 23-й танковый корпус. Сил только конно-механизированной группы для создания прочного внутреннего фронта окружения было недостаточно.

Во второй половине дня 12 марта командование немецкой группы армий «А», осознав бесполезность попытки ликвидировать прорыв 46-й и 8-й гвардейской армий контрударами в районе Баштанки, а также опасаясь окружения четырех корпусов в районе Березнеговатое — Снигиревка — Баштанка, приняло решение отвести все силы 6-й армии на рубеж р. Южный Буг. Действуя в соответствии с этим решением, части 17-го и 44-го армейских корпусов противника сумели прорваться за Южный Буг и в направлении Николаева, бросив большую часть своей техники. Однако значительная часть зажатой в районе Березнеговатое — Снигиревка вражеской группировки была уничтожена.

Еще 11 марта Ставка ВГК уточнила задачу войскам 3-го Украинского фронта. Им предстояло с ходу форсировать Южный Буг, освободить Николаев, Херсон, в дальнейшем Тирасполь, Одессу и продолжать наступление в целях выхода на государственную границу. Развивая наступление вдоль правого берега реки, войска 28-й армии внезапно для врага форсировали р. Ингулец в ее нижнем течении и 13 марта освободили г. Херсон, о чем было доложено в Генеральный штаб[206]. 15 марта были освобождены Березнеговатое и Снигиревка.

Успешно действовали правофланговые 57-я и 37-я армии фронта. В ходе преследования отходящего противника они 12 марта освободили крупный узел железных дорог — Долинскую, а 16 марта — и узел дорог Бобринец.

Наступление продолжалось. Войска 57-й и 37-й армий вышли к Южному Бугу на участке Константиновка — Вознесенск, а войска 37-й армии после двухдневных упорных боев 24 марта освободили г. Вознесенск, захватив важный плацдарм.

В полосе 46-й армии ценой огромных усилий частям 394-й стрелковой дивизии полковника А. И. Лисицына удалось форсировать Южный Буг в районе Троицкого[207] и 19 марта овладеть сильным опорным пунктом неприятеля в Андреевке-Эрделева. В упорных боях, отражая многочисленные контратаки противника, части 394-й стрелковой дивизии отстояли плацдарм, а в последующем и расширили его, создав благоприятные условия для развития наступления на этом направлении.

Однако форсировать Южный Буг во всей полосе наступления фронта с ходу не удалось. Противник, сумев отвести на правый берег реки в районе Николаева значительные силы, организовал на этом выгодном рубеже прочную оборону. Дальнейшее продвижение войск фронта было остановлено.

В ходе Березнеговато-Снигиревской операции 3-й Украинский фронт нанес тяжелое поражение 6-й немецкой армии, ее девять дивизий были разгромлены. Командующий 6-й армией генерал К. Холлидт 20 марта был снят с должности, а на его место назначен генерал З. Хенрици.

Войска фронта продвинулись на 140 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины между реками Ингулец и Южный Буг и заняли выгодное положение для нанесения последующих ударов по врагу на одесском направлении. Его общие потери за операцию составили около 30 тыс. человек[208].

Через девять суток после завершения Березнеговато-Снигиревской операции началось наступление советских войск на одесском направлении. Цель — разгромить приморскую группировку противника между реками Южный Буг и Днестр, освободить северо-западное побережье Черного моря и Одессу и выйти на государственную границу с Румынией.

В полосе шириной 170 км, от Константиновки до Днепровско-Бугского лимана, оборонялись пополненные войска 6-й немецкой и 3-й румынской армий группы армий «А» (с 5 апреля — «Южная Украина»). Они насчитывали 350 тыс. человек, около 3200 орудий и минометов, 160 танков и штурмовых орудий[209]. На этом направлении противник мог использовать до 550 боевых самолетов 1-го авиационного корпуса немецкого 4-го воздушного флота и румынского авиационного корпуса.

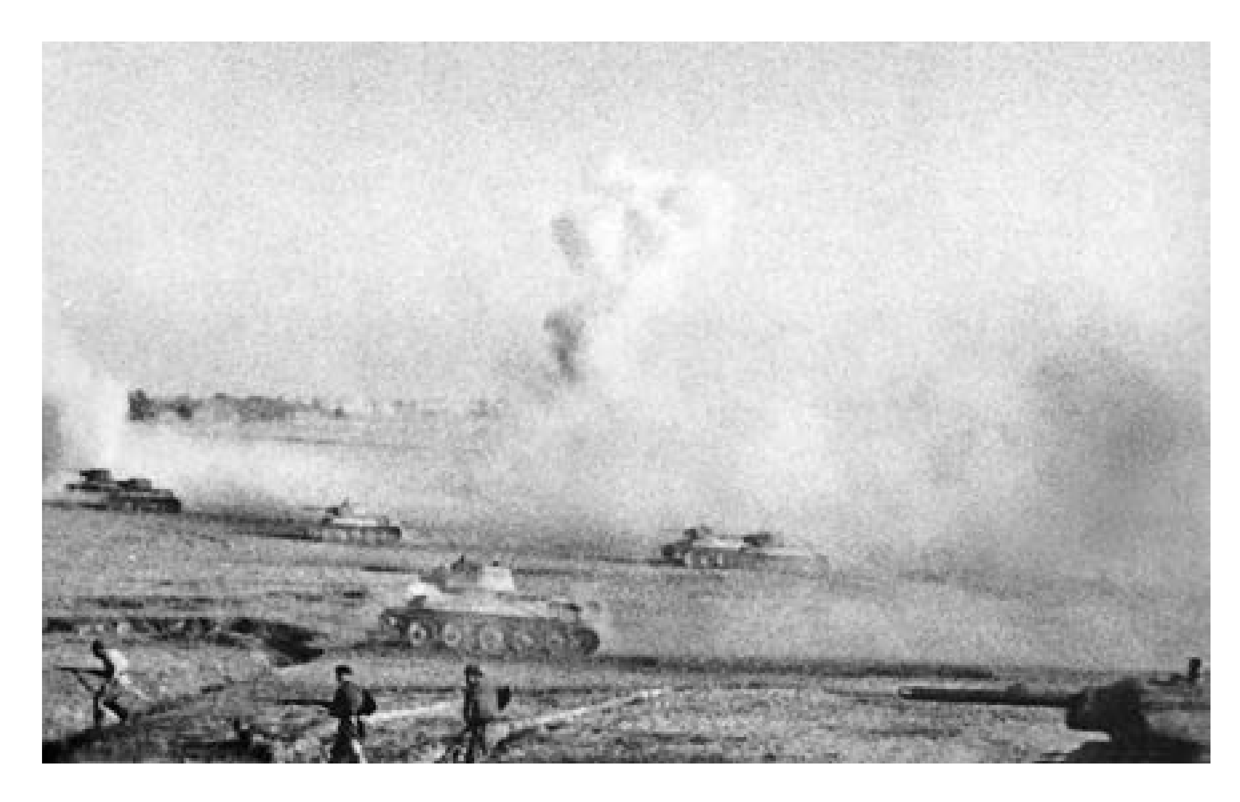
Основной оборонительный рубеж врага, который возводился силами местного населения еще с лета 1943 г., проходил по р. Южный Буг. Тактическая зона обороны состояла из одной главной полосы, оборудованной двумя линиями траншей глубиной 3–4 км, на отдельных участках была отрыта третья линия траншей. Перед передним краем устанавливались проволочные и минно-взрывные заграждения, а в местах, удобных для форсирования, подготавливались противотанковые рвы и эскарпы.

В оперативной глубине противник имел оборудованные в инженерном отношении оборонительные рубежи по рекам Тилигул, Большой Куяльник, Малый Куяльник, Днестр. Особенно сильно укреплялись подступы к Одессе.

Еще в ходе Березнеговато-Снигиревской операции Ставка ВГК 11 марта поставила войскам 3-го Украинского фронта задачу освободить «Тирасполь, Одессу и продолжать наступление с целью выхода на р. Прут и северный берег р. Дунай, т. е. на нашу государственную границу»[210].

В состав фронта входили 57, 37, 46, 8-я гвардейская, 6-я, 5-я ударная, 28-я и 17-я воздушная армии, а также 4-й гвардейский механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский и 23-й танковый корпуса. Группировка советских войск к началу операции имела 470 тыс. человек, 12 678 орудий и минометов, 435 танков и самоходно-артиллерийских установок, 436 самолетов[211]. Она превосходила противника в людях — в 1,3 раза, в артиллерии — в 4 раза, в танках — в 2,7 раза, но уступала ему в самолетах в 1,3 раза.

План Одесской наступательной операции (26 марта — 14 апреля 1944) разрабатывался командующим войсками фронта генералом армии Р. Я Малиновским совместно с представителем Ставки ВГК маршалом А. М. Василевским. 19 марта план был утвержден Верховным главнокомандующим.

Впереди — Южный Буг

3-му Украинскому фронту предстояло нанести удар силами 46-й, 8-й гвардейской армий, конно-механизированной группы и 23-го танкового корпуса в общем направлении на станцию Раздельная в обход Одессы с северо-запада. 57-я и 37-я армии должны были наступать на Тирасполь, а 6-я, 5-я ударная и 28-я армии — на Николаев[212].

Поддержка наступления войск фронта кроме 17-й воздушной армии возлагалась также на авиацию и корабли Черноморского флота (вице-адмирал, с 10 апреля адмирал Ф. С. Октябрьский). Части морской пехоты привлекались для боевых действий за приморские города и порты.

Задача по разгрому противника между Южным Бугом и Днестром 3-м Украинским фронтом решалась в тесном взаимодействии с армиями левого крыла 2-го Украинского фронта, которому Ставка ВГК приказала не позднее 24–25 марта развить наступление на юг вдоль р. Днестр, чтобы охватить 8-ю, 6-ю немецкие и 3-ю румынскую армии[213].

Перегруппировка войск 3-го Украинского фронта и подготовка Одесской операции проводились в весеннюю распутицу, да еще и под проливными дождями. С целью повышения подвижности войск, быстрого обхода узлов сопротивления и опорных пунктов врага, выхода им в тыл и захвата важных узлов дорог, переправ и мостов на реках в дивизиях создавались подвижные передовые отряды в составе до роты автоматчиков, взвода саперов на автомашинах, с одним-двумя 45-мм орудиями или самоходно-артиллерийскими установками.

В ночь на 26 марта армии правого крыла и центра фронта приступили к форсированию Южного Буга и прорыву вражеской обороны на его правом берегу. Однако из-за отсутствия достаточного количества переправочных средств и сильного артиллерийского огня противника в течение всего дня успеха они не имели. Усилия были перенесены на расширение ранее захваченных плацдармов на правом берегу Южного Буга в районах Константиновки и Вознесенска. Преодолевая сопротивление врага, 57-я и 37-я армии к исходу 28 марта расширили плацдарм до 45 км по фронту и от 4 до 25 км в глубину.

Оценив успех на правом крыле, командующий войсками фронта решил перегруппировать в полосу 57-й и 37-й армий конно-механизированную группу и 23-й танковый корпус, располагавшиеся в районе северо-восточнее Новой Одессы в полосе 46-й армии[214]. Конно-механизированная группа получила задачу переправиться на правый берег Южного Буга и наступать в направлении станции Раздельная, а 23-й танковый корпус — на Тирасполь.

Левофланговые армии и морская пехота в первый день операции начали штурм Николаева. Отважно действовал десант из состава 384-го отдельного батальона морской пехоты и 1-го гвардейского укрепленного района 28-й армии. В течение двух суток десантники, возглавляемые старшим лейтенантом К. Ф. Ольшанским, самоотверженно отбивали вражеские контратаки, сковав его крупные силы. Всего они отбили 18 контратак, уничтожив до 700 вражеских солдат и офицеров. Ценой своей жизни десантники способствовали освобождению Николаева. Всем им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Части и соединения 5-й ударной армии в ночь на 28 марта форсировали р. Ингул и также ворвались в Николаев. Одновременно с юга на город на помощь десантникам наступали части 28-й армии. Совместными усилиями 28 марта крупный порт и один из важных центров советского судостроения г. Николаев был освобожден[215].

Противник, отступая, в районе Варваровки взорвал мост через р. Южный Буг. Поэтому соединениям 6-й и 5-й ударной армий пришлось ее форсировать. К утру 29 марта части 37-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии овладели Варваровкой. После восстановления разрушенного моста началась переправа на правый берег других войск фронта[216].

Угроза выхода войск 2-го Украинского фронта в тыл приморской группировки противника вынудила немецкое командование начать поспешный отвод 6-й и 3-й румынской армий за Днестр. Одновременно оно стремилось на рубеже р. Тилигул задержать наступление войск 57-й и 37-й армий, 23-го танкового корпуса и конно-механизированной группы.

Но сделать это им не удалось. К утру 30 марта была закончена переправа 23-го танкового корпуса и конно-механизированной группы через Южный Буг в районе Александровки. 31 марта, несмотря на упорное сопротивление противника на высоком правом берегу реки, соединения и части 37-й армии и конно-механизированной группы форсировали Южный Буг и приступили к преследованию врага в направлении Раздельной[217].

В то же время войска левого крыла фронта развивали наступление вдоль Черноморского побережья на Одессу. 30 марта 5-я ударная армия при содействии высаженного с моря десанта морской пехоты форсировала Днепровско-Бугский лиман и овладела г. Очаков.

По мере возможности с учетом погоды наступающим войскам оказывала поддержку авиация 17-й воздушной армии и Черноморского флота. Она наносила массированные удары по отходившему противнику, а транспортная авиация в связи с трудностями снабжения сухопутных войск в условиях распутицы и бездорожья доставляла им по воздуху боеприпасы, горючее и другие грузы[218].

4 апреля соединения конно-механизированной группы и 37-й армии овладели станцией Раздельная, перерезав железную дорогу, связывающую Одессу с Тирасполем[219]. Английский военный обозреватель генерал Уэйсон потерю немцами железнодорожных коммуникаций на Одессу в те дни напрямую связывал не только с потерей этого города, но и Крыма[220].

Группировка противника оказалась рассеченной на две части. Два армейских корпуса 6-й немецкой армии (девять дивизий и две бригады штурмовых орудий) под ударами 37-й, 57-й армий и 23-го танкового корпуса отходили к Тирасполю. Остальные соединения и части неприятеля (10 немецких, две румынские дивизии, два танковых батальона и две бригады штурмовых орудий) охватывались войсками 3-го Украинского фронта с севера и северо-запада и прижимались к Одессе[221]. 5 апреля войска конно-механизированной группы достигли Страсбурга, создав угрозу окружения этой группировки немецких войск.

Чтобы отрезать врагу путь отхода за Днестр, командование войсками фронта повернуло конно-механизированную группу из района Раздельной на юго-восток. Ее части последовательно овладели Беляевкой, Маяками, а 7 апреля вышли к Днестровскому лиману, усилив угрозу окружения одесской группировки немецких войск[222]. К этому времени 8-я

гвардейская и 6-я армии обходили Одессу с северо-запада, а 5-я ударная армия наступала на город вдоль побережья Черного моря.

Одессу обороняли 72-й корпус особого назначения и часть сил 44-го армейского корпуса 6-й немецкой армии — всего более шести вражеских дивизий и большое количество отдельных частей. Утром 6 апреля они предприняли попытку прорваться через Раздельную на Тирасполь. Удар противника пришелся по частям 82-го стрелкового корпуса 37-й армии, не успевшего создать прочную оборону. Ценой больших потерь врагу удалось пробиться через боевые порядки корпуса, выйти к переправам через р. Кучурган в районе Наксия — Ангелиновка и соединиться со своими войсками, действовавшими северо-западнее Раздельной.

Подтянув дополнительные силы, командующий 37-й армией организовал удар по прорвавшемуся противнику. Во второй половине 7 апреля враг был отброшен к югу и юго-востоку от Раздельной. 57-я армия в этот день продолжала наступление и продвинулась от 8 до 15 км. Однако части вражеских войск удалось отойти за Днестр.

Вечером 9 апреля соединения 5-й ударной армии овладели станциями Сортировочная, Куяльник, Пересыпь и ворвались в северные кварталы Одессы. Части 8-й гвардейской и 6-й армий вышли на подступы к Одессе с северо-запада.

У противника оставался единственный путь отхода в районе Овидиополь с последующей переправой через Днестровский лиман. В этом направлении он и начал отводить свои тылы и войска. Часть войск пыталась пробиться к переправам через Днестр в районе Беляевки. По отходившим колоннам врага наносила удары советская авиация. 262-я ночная бомбардировочная дивизия и 244-я бомбардировочная дивизия атаковали вражеские суда в порту. В низовьях Днестровского лимана наносили удары по транспортам и автоколоннам врага соединения 9-го смешанного авиакорпуса[223]. Немецкое командование пыталось эвакуировать часть своих войск и материальных ценностей из Одессы морем. Однако корабли и транспорты врага подверглись ударам авиации фронта и Черноморского флота, торпедных катеров и подводных лодок, действовавших на его коммуникациях. Совместно они потопили свыше 30 вражеских судов.

Значительную помощь советским войскам в освобождении города оказали партизаны и подпольщики, вышедшие из катакомб и укрытий. Они помогли очистить город от врага и предотвратили подготовленные им взрывы порта, причалов, зданий, складов. В ночь на 10 апреля партизаны нанесли удар по противнику с тыла. Партизаны Куяльницкого отряда под командованием Л. Ф. Горбеля уничтожили подрывную команду гитлеровцев, которая должна была взорвать дамбу Хаджибеевского лимана и затопить Пересыпь, открывающую советским войскам путь в город[224].

6-я и 5-я ударная армии были выведены во второй эшелон фронта, а остальные войска в течение 10—14 апреля продолжали преследование врага. При этом 23-й танковый корпус 10 апреля попал в окружение в районе Плоского, где вел бой до подхода туда 11 апреля стрелковых соединений 57-й армии. 12 апреля соединения армии вышли к Днестру, форсировали реку и захватили небольшие плацдармы на ее правом берегу.

В это время части 37-й армии в ночь на 12 апреля освободили от агрессора Тирасполь и захватили плацдарм юго-западнее города до 2 км по фронту и до 1,5 км в глубину. К исходу 12 апреля плацдарм был расширен по фронту до 16 км и в глубину от 6 до 10 км[225].

8-я гвардейская армия и конно-механизированная группа, преодолевая упорное сопротивление противника, наступали в направлении Овидиополя. В сложном положении 10 апреля оказались 10-я гвардейская и 30-я кавалерийские дивизии КМГ, которые к северу от Овидиополя были атакованы крупными силами врага, отступавшими из-под Одессы, и вынуждены были отойти на север. Растянутых на 60-километровом фронте вдоль Днестра двух корпусов 8-й гвардейской армии оказалось недостаточно, чтобы преградить противнику путь отхода на запад. По этому поводу маршал А. М. Василевский указал генералу армии Р. Я. Малиновскому на «инертные действия армии Чуйкова», которые позволяют неприятелю безнаказанно уходить за Днестр в районе Овидиополя, приказав принять адекватные меры[226].

Ночная танковая атака у станции Раздельная в районе Одессы. 1944 г.

Бой в пригороде Одессы. 1944 г.

Вражеская техника, захваченная советскими войсками в Одессе

Советские войска вступают в освобожденную Одессу

Наступавшая севернее 46-я армия к исходу 11 апреля вышла на восточный берег Днестра в районе к югу от Чобручи и 12 апреля силами разведывательных подразделений форсировала Днестр в 3 км юго-восточнее Раскаевцев.

Соединения 8-й гвардейской армии 13 апреля вышли на рубеж северная часть Калаглея — северо-восточная окраина Барабой-1 — северная окраина Ильичевки[227]. На следующий день армия очистила от врага побережье Днестровского лимана и в ночь на 15 апреля силами 74-й гвардейской стрелковой дивизии форсировала Днестр у Ильичевки (2 км юго-восточнее Беляевки).

Дальнейшее наступление войск 3-го Украинского фронта было приостановлено Ставкой ВГК, которая 14 апреля приказала перейти к обороне на достигнутом рубеже[228].

В результате Одесской наступательной операции войска Красной армии нанесли тяжелое поражение 6-й немецкой и 3-й румынской армиям. Противник потерял свыше 27 тыс. человек убитыми и более 11 тыс. пленными, 952 орудия, 443 танка и штурмовых орудия, 95 складов с боеприпасами и продовольствием[229].

Продвижение советских войск составило до 180 км, были освобождены Николаевская и Одесская области Украинской ССР, а также значительная часть Молдавии. Потери фронта в боях с 20 апреля по 10 мая составили 32 633 человека, из них безвозвратные — 6882[230].

В результате Одесской операции Черноморский флот получил возможность перебазировать в северо-западный бассейн Черного моря легкие силы флота и авиацию, что создавало угрозу изоляции с моря крымской группировки противника, блокированной советскими войсками с суши. Захватив плацдармы на правом берегу Днестра, войска 3-го Украинского фронта создали благоприятные предпосылки для наступления с целью завершения освобождения Молдавии и переноса военных действий на территорию Румынии и на Балканы.

Существенную помощь наземным войскам, несмотря на сложные погодные условия, оказывала авиация 17-й воздушной армии, совершив за время операции 2026 самолето-вылетов. Транспортная авиация произвела 215 самолето-вылетов, доставив войскам 330 тонн боеприпасов, горючего и других грузов[231].

Оценивая действия войск Красной армии весной 1944 г., маршал И. С. Конев 8 июня 1944 г. отмечал: «Мартовские операции трех Украинских фронтов войдут в историю как одни из лучших операций Великой Отечественной войны... Они были полной неожиданностью для противника»[232].

Расчет неприятеля на то, что советские войска не будут проводить крупномасштабные наступательные операции в условиях весенней распутицы и бездорожья и ему удастся восстановиться после зимних неудач, не оправдался. Советское командование правильно оценило обстановку и решило не давать передышки врагу, а разгромить его группировку еще до начала летней кампании.

Подготовленные в короткие сроки операции на проскуровско-черновицком, уманско-ботошанском, березнеговато-снигиревском направлениях явились примерами операций на рассечение с широким использованием охватов противника с целью окружения. Войска умело прорывали оборону врага и осуществляли его преследование в тяжелых условиях распутицы. Огромную роль в операциях продолжали играть подвижные войска. Одной из сложных задач, которую успешно решали наступающие войска, было форсирование многочисленных разлившихся рек. Темпы наступления для таких условий были неимоверно высокие.

Изгнание противника из Крыма

В начале 1944 г. командование вермахта рассматривало Крымский полуостров как краеугольный камень восточного фронта. Оно было крайне заинтересовано в рудных запасах Керчи, промышленности Севастополя, богатых хлебных районах и виноградниках южного

Граница между СССР и Румынией восстановлена

берега Крыма. К тому же Крым прикрывал балканский стратегический фланг Третьего рейха и важные морские коммуникации через Черноморские проливы к портам западного побережья Черного моря, а также вверх по Дунаю. Его потеря означала бы резкое падение германского влияния в странах Юго-Восточной Европы и Турции, которые являлись источниками остродефицитных стратегических материалов.

Советское Верховное главнокомандование освобождению Крыма уделяло большое внимание. По первоначальному плану Ставки ВГК эту задачу предусматривалось решить одновременно с началом наступления на Правобережной Украине. Однако по объективным обстоятельствам активные боевые действия по освобождению Крымского полуострова начались несколько позже и вылились в самостоятельную стратегическую наступательную операцию. Она проводилась с 8 апреля по 12 мая 1944 г. совместными усилиями войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

Еще в 1943 г. в результате Мелитопольской и Керченско-Эльтигенской десантной операций советские войска прорвали на Перекопском перешейке укрепления Турецкого вала, захватили плацдармы на южном берегу Сиваша и на Керченском полуострове. В Крыму оказалась заблокированной с суши группировка немецко-румынских войск, основной костяк которой составляли соединения 17-й немецкой армии. Эта группировка была отрезана от остальных наземных сил противника.

Германскому командованию пришлось признать, что дальнейшее удержание Крыма в условиях сухопутной блокады нецелесообразно. Однако Гитлер приказал защищать Крым до последней возможности. Он заявил, что эвакуация войск из Крыма поставит под угрозу румынские нефтепромыслы и нефтеочистительные заводы. Кроме того, фюрер еще рассчитывал на то, что Крым станет исходным плацдармом для возможного вторжения на Кавказское побережье, нанесения ударов по советским войскам на Правобережной Украине, а также для создания постоянной угрозы Черноморскому флоту[233].

В Крыму оборонялась 17-я немецкая армия. Для ее усиления в конце января 1944 г. на полуостров морским путем была доставлена 73-я, а в начале марта — 111-я пехотные дивизии[234].

К апрелю 1944 г. в 17-ю армию входили три корпуса (5-й армейский и два горнострелковых — 49-й немецкий и 1-й румынский). В армии имелось пять немецких и семь румынских дивизий, две бригады штурмовых орудий, а также различные части усиления — всего 195 тыс. человек, около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий. Эту группировку поддерживали до 300 самолетов 1-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота Германии и части румынских ВВС, базировавшиеся в Крыму.

С целью усиления обороны командование 17-й армии активизировало работы по устройству мощных укреплений в северной части Крыма и на Керченском полуострове. На севере полуострова находился 49-й горнострелковый корпус, 50-я пехотная дивизия которого занимала оборону на Перекопском перешейке. Район Сиваша и берег Азовского моря прикрывали 336-я немецкая пехотная дивизия, а также 10-я и 19-я румынские пехотные дивизии. Севернее и южнее Керчи располагался 5-й армейский корпус в составе немецких 98-й, 73-й пехотных дивизий и румынской 6-й кавалерийской дивизии. Румынский 1-й горнострелковый корпус в составе двух кавалерийских дивизий отражал удары советских партизан в горах Яйла и держал оборону на южном побережье Крыма. Резерв 17-й армии до начала боевых действий на Ишунском перешейке составляла 111-я пехотная дивизия[235].

Для удержания Крыма враг создал глубоко эшелонированную оборону. Она включала не только вновь построенные укрепления, но и восстановленные оборонительные сооружения, использовавшиеся советскими войсками в 1941–1942 гг.

Построение вражеской обороны в максимальной степени учитывало особенности местности Крымского полуострова. На Перекопском перешейке были оборудованы три укрепленные полосы на глубину до 35 км. Первая полоса занимала ишунские позиции и оборонительный рубеж по р. Чатырлык. Здесь имелось 240 орудий, в том числе 65 противотанковых пушек, 550 пулеметов, 50 танков и штурмовых орудий. На Чонгарском перешейке

и Арабатской стрелке укрепленные позиции были развиты слабее, поскольку неприятель надеялся на природные условия, которые могли сильно затруднить наступательные действия советских войск.

На побережье Сиваша оборона противника состояла из двух-трех оборонительных полос с двумя-тремя линиями траншей в каждой полосе, прикрытых противопехотными и противотанковыми минными заграждениями. Кроме основных полос обороны, он имел на высотах и в населенных пунктах промежуточные позиции, отдельные узлы сопротивления и опорные пункты. Здесь на его вооружении было 425 орудий (из них 145 противотанковых пушек), 160 минометов, 1050 пулеметов и 40 штурмовых орудий.

На Керченском полуострове вражеская оборона состояла из четырех оборонительных рубежей общей глубиной до 70 км. Ряд высот и населенных пунктов был превращен в сильные узлы сопротивления, а г. Керчь опоясывали три оборонительных обвода, насыщенные огневыми средствами. Лучше всего в инженерном отношении был оборудован 20-километровый рубеж между Ак-Монаем и Феодосией, закрывавший выход в центральную часть Крыма. Вдоль всего рубежа были подготовлены два противотанковых рва шириной около 6 метров и глубиной до 3 метров. За ними тянулись проволочные заграждения в несколько рядов и сплошные траншеи, соединенные ходами сообщения. На отдельных участках были сооружены дзоты и бетонированные огневые точки.

В оперативной глубине противник готовил оборонительные сооружения по рубежу Саки — Сарабуз — Карасубазар — Старый Крым — Феодосия. На дальних подступах к Севастополю также были созданы оборонительные рубежи, которые проходили по рекам Булганак, Альма и Кача. На ближних подступах к городу было сооружено три обвода, а сам город превращен в мощный укрепленный район.

Разгром крымской группировки врага и освобождение Крыма Ставка ВГК возложила на войска 4-го Украинского фронта (генерал армии Ф. И. Толбухин) и Отдельную Приморскую армию (генерал армии А. И. Ерёменко) во взаимодействии с силами Черноморского флота (адмирал Ф. С. Октябрьский) и Азовской военной флотилией (контр-адмирал С. Г. Горшков).

В апреле 1944 г. 4-й Украинский фронт (2-я гвардейская, 51-я общевойсковые, 8-я воздушная армии, 19-й танковый корпус, 116-й и 78-й укрепленные районы) оборонял Перекопский перешеек и удерживал плацдарм на южном берегу Сиваша.

2-я гвардейская армия генерала Г. Ф. Захарова действовала в полосе 14 км непосредственно на Перекопском перешейке. Она состояла из трех стрелковых корпусов (восемь стрелковых дивизий). На южном берегу Сиваша находились соединения и части 51-й армии генерала Я. Г. Крейзера. В ее состав входили три стрелковых корпуса (десять стрелковых дивизий). Левее 51-й армии, в районе восточнее Компрат-Казеут — Геническ, оборонялся 78-й укрепленный район в составе четырех пулеметных батальонов. 116-й укрепленный район держал оборону восточнее и западнее Скадовска. 19-й танковый корпус, имевший четыре танковые и мотострелковую бригаду, находился в распоряжении командующего войсками фронта.

Отдельная Приморская армия, которая была сформирована в ноябре 1943 г. на базе полевого управления Северо-Кавказского фронта, а также соединений и частей 56-й армии, удерживала плацдарм на Керченском полуострове.

Всего в группировке советских войск насчитывалось 470 тыс. человек личного состава, 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ. В 4-й и 8-й воздушных армиях насчитывалось 1250 самолетов (с учетом авиации Черноморского флота)[236]. Она превосходила противника в людях — в 2,4 раза, в артиллерии — в 1,7 раза, в танках — в 2,6 раза, в самолетах — в 4,2 раза.

Черноморский флот базировался на порты побережья Кавказа, а Азовская военная флотилия — на порты Таманского полуострова. К началу Крымской операции Черноморский флот оказывал содействие Отдельной Приморской армии в создании и расширении оперативного плацдарма в восточной части Керченского полуострова, выполнял задачи по прикрытию своих морских коммуникаций и нарушению сообщений врага. К апрелю 1944 г. в составе Черноморского флота и Азовской военной флотилии были линейный корабль, четыре крейсера, шесть эскадренных миноносцев, два сторожевых корабля, восемь базовых

тральщиков, 47 торпедных и 80 сторожевых катеров, 34 бронекатера, 29 подводных лодок, три канонерские лодки и другие вспомогательные суда. Флот имел 650 самолетов[237].

Созданные в январе 1944 г. партизанские силы Крыма, насчитывавшие почти 4 тыс. человек, были объединены в три соединения — Южное, Северное и Восточное. Каждое из них состояло из бригад: Северное и Восточное — из двух, Южное — из трех. Наиболее крупным являлось Южное соединение М. А. Македонского — более 2,2 тыс. человек. Действуя в горно-лесистой местности южной части Крыма, оно вело бои на дорогах Симферополь — Бахчисарай — Севастополь и на южном берегу Крымского полуострова. Партизанские формирования Северного соединения под командованием П. Р. Ямпольского, численностью 860 человек, контролировали район юго-западнее Карасубазара, а также дороги Симферополь — Алушта и Симферополь — Белогорск. К югу и юго-западу от Старого Крыма действовало Восточное соединение (680 человек) под командованием В. С. Кузнецова.

Руководство партизанскими формированиями осуществлял Крымский штаб партизанского движения, начальником которого с января 1943 г. являлся В. С. Булатов. Штаб имел надежную связь с соединениями и отрядами по радио, а также посредством самолетов 2-го авиационного транспортного полка 1-й авиационной транспортной дивизии, переданного Ставкой ВГК еще 12 ноября 1943 г. в подчинение командующего 4-й воздушной армией.

Под контролем партизан находились обширные горно-лесистые районы юга Крымского полуострова, откуда они наносили удары по дорогам, которые вели на север и восток. Кроме того, в Севастополе, Ялте, Евпатории и других городах действовали подпольные организации. Партизаны и подпольщики проводили активную агитационную работу среди местного населения. За период оккупации Крыма было издано 102 листовки тиражом свыше 300 тыс. экземпляров[238].

В первых числах февраля 1944 г., когда еще шли бои за никопольский плацдарм, маршал А. М. Василевский представил в Ставку ВГК разработанные совместно с командованием 4-го Украинского фронта соображения по проведению наступления в Крыму. Исходя из сложившейся обстановки, они считали возможным начать операцию 18—19 февраля. Однако Ставка приняла решение провести ее после того, как нижнее течение Днепра до Херсона будет очищено от противника[239].

17 февраля, когда никопольская группировка врага была разгромлена, Ставка ВГК приказала начать наступление в Крыму не позднее 1 марта[240]. Так как ненастная погода и сильный шторм на Азовском море задержали перегруппировку войск 4-го Украинского фронта и их переправу через Сиваш, операцию пришлось отложить. 16 марта Верховный главнокомандующий приказал начать наступление после того, как войска 3-го Украинского фронта овладеют районом Николаева и выдвинутся к Одессе[241]. Но из-за плохих метеорологических условий начало операции вновь было перенесено.

30 марта в Мелитополе представители Ставки ВГК Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и К. Е. Ворошилов совместно с Военным советом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции. В докладе Верховному главнокомандующему от 31 марта они особое внимание обратили на необходимость принятия более решительных мер по организации полной блокады Крыма. Для достижения этого они предложили незамедлительно усилить авиационную группу Черноморского флота в Скадовске, у которой вместе с авиацией прикрытия было менее 100 самолетов[242].

Уточненный представителями Ставки ВГК замысел Крымской операции состоял в том, чтобы согласованными ударами войск 4-го Украинского фронта из района Перекопа и Сиваша, а Отдельной Приморской армии — с керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь — Севастополь расчленить и уничтожить группировку врага, не допустив ее эвакуации из Крыма. Черноморскому флоту предстояло поддерживать наступление войск на приморских флангах и действовать на коммуникациях противника. Азовской военной флотилии ставилась задача содействовать наступлению Отдельной Приморской армии.

Решающая роль в операции отводилась войскам 4-го Украинского фронта. Главный удар планировалось нанести с сивашского плацдарма с тем, чтобы выйти в тыл перекопских

позиций противника и освободить Джанкой. В дальнейшем им предстояло наступать в направлении Симферополя и Керченского полуострова. Вспомогательный удар войска фронта должны были нанести на Перекопском перешейке.

Отдельной Приморской армии ставилась задача прорвать оборону врага севернее Керчи, причем главный удар нанести на Симферополь — Севастополь, а частью сил — вдоль южного берега Крымского полуострова. Переход ее в наступление намечался на несколько дней позже 4-го Украинского фронта.

Главной задачей сил Черноморского флота в операции, определенной директивой Ставки ВГК от 11 апреля, являлось нарушение морских коммуникаций противника, связывающих Крым с портами Румынии. Кроме того, флот должен был охранять приморские фланги сухопутных войск и свои коммуникации, находиться в готовности к высадке тактических десантов, а также к проведению морских операций и перебазированию своих сил в Севастополь, а в случае необходимости — к организации обороны Крыма.

Азовская военная флотилия, оперативно подчинявшаяся командующему Отдельной Приморской армией, должна была осуществлять перевозки соединений и частей армии через Керченский пролив.

Крымские партизанские соединения получили задачи уничтожать тылы, узлы и линии связи противника, разрушать железные дороги, устраивать завалы и засады на горных дорогах, нарушать работу Ялтинского порта и тем самым не допустить отхода немецко-румынских войск к нему и другим местам погрузки для эвакуации в Румынию. На партизан также возлагалась задача препятствовать врагу в разрушении городов, промышленных и транспортных предприятий[243].

В соответствии с замыслом операции командующий войсками 4-го Украинского фронта планировал прорвать оборону противника на двух направлениях. На Перекопском перешейке удар должна была нанести 2-я гвардейская армия, а 51-я армия — главный удар с сивашского плацдарма[244].

При оценке замысла обращает на себя внимание, казалось бы, неожиданное решение генерала армии Ф. И. Толбухина нанести главный удар с этого плацдарма. Дело в том что 51-я армия получала снабжение только по двум переправам, которые находились под постоянным воздействием вражеской авиации и артиллерии. Между тем такое решение было весьма целесообразным. Во-первых, противник, — именно на это и рассчитывал командующий войсками фронта, — главного удара на сивашском направлении не ожидал. Во-вторых, наступательные действия с сивашского плацдарма выводили 51-ю армию в тыл укреплений врага на Перекопском перешейке, что позволяло ей быстро вырваться на просторы Крыма.

Вот почему именно в полосе 51-й армии генерал армии Ф. И. Толбухин планировал ввод в сражение 19-го танкового корпуса, несмотря на существенные сложности его переправы через Сиваш. Корпус получил задачу развивать успех 51-й армии в общем направлении на Джанкой, Симферополь и на четвертый день после ввода в прорыв освободить Симферополь. Выдвинувшись частью сил на Сейтлер и Карасубазар, он должен был обеспечивать левое крыло фронта от возможного удара противника со стороны Керченского полуострова[245].

В соответствии с решением командующего 51-й армией ее соединения должны были прорвать вражескую оборону, нанося главный удар на Тархан, а вспомогательные — на Томашевку и Пасурман-2. В последующем армия должна была развивать наступление одним стрелковым корпусом в тыл ишунских позиций врага, а другим — на Воинку (10 км южнее Тархана) и Новоалександровку (5 км северо-восточнее Новоивановки). Силами одной стрелковой дивизии намечалось нанести удар на Таганаш.

Решение командующего 2-й гвардейской армией состояло в том, чтобы, нанося удар на правом крыле фронта, прорвать перекопские позиции врага, взломать его оборону на перешейке и, свертывая фланги группировки противника в юго-восточном и юго-западном направлениях, прижать ее к Сивашу и Перекопскому заливу. Там и предполагалось уничтожить вражеские войска по частям. При общей ширине фронта наступления армии до 14 км прорыв обороны планировалось осуществить на участке не более 8 км. Чтобы обеспечить

прорыв обороны на Перекопском перешейке, командующий 2-й гвардейской армией предусмотрел высадку десанта на лодках (усиленный батальон 1271-го стрелкового полка 387-й стрелковой дивизии) с Малой Косы в районе Кураевки в ближайший тыл противника.

Командующий Отдельной Приморской армией решил главный удар нанести на 6-километровом участке смежными флангами двух стрелковых корпусов. Оборону противника предполагалось прорвать севернее и южнее Булганака, сильно укрепленного опорного пункта, и наступать вдоль железной дороги Керчь — Владиславовка. Второй удар он планировал нанести силами одного стрелкового корпуса на левом фланге армии, вдоль побережья Черного моря. После освобождения Керченского полуострова намечалось развивать наступление в направлении Симферополя, а частью сил наступать вдоль побережья Черного моря с задачей отрезать неприятелю пути отхода к морю.

Оперативное построение армии было одноэшелонным. В резерв выделялся 20-й стрелковый корпус. Решение командующего армией отличалось правильным выбором участка прорыва севернее Булганака, в обход Керчи. Причина в том, что командарм стремился не связывать ударную группировку боями за крупный город. Характерно также создание в армии подвижной группы, а в корпусах — передовых отрядов из стрелковых, танковых, артиллерийских и инженерных частей.

Так, в состав подвижной группы 16-го стрелкового корпуса были выделены основные силы 339-й стрелковой дивизии (без одного полка), 244-й танковый полк, 29-й истребительно-противотанковый и 272-й зенитно-артиллерийский полки, а также рота 97-го инженерно-минометного батальона. Армейскую подвижную группу составляла 227-я стрелковая дивизия, усиленная 257-м танковым полком, артиллерией и инженерными частями.

Операция Отдельной Приморской армии планировалась на глубину до 200 км и продолжительностью от 10 до 12 суток. Среднесуточный темп наступления предполагалось иметь для стрелковых соединений 18—20 км, а для подвижных войск — до 40 км.

Быстрый и надежный взлом обороны противника на участках прорыва должно было обеспечивать 4—5-кратное превосходство над ним в артиллерии. Во 2-й гвардейской армии на участке прорыва плотность достигала 150 орудий, в 51-й — 152 орудия и миномета, а в Отдельной Приморской армии — 162 орудия и миномета на один километр участка прорыва[246].

Военно-воздушным силам ставились задачи вести воздушную разведку, обеспечивать действия наземных войск путем разрушения оборонительных сооружений противника, подавлять его огневые средства, наносить удары по вражеским кораблям и транспортам на коммуникациях и в портах, а также обеспечивать боевые действия 19-го танкового корпуса. На 4-ю воздушную армию наряду с выполнением основных задач по поддержке действий соединений и частей Отдельной Приморской армии возлагались прикрытие морских транспортов в Керченском проливе и переброска по воздуху грузов для войск, находившихся на плацдарме в районе Керчи.

В соответствии с общим планом операции командующий Черноморским флотом для блокады Крыма распределил силы следующим образом: торпедные катера должны были действовать на ближних морских подходах к Севастополю, подводные лодки — на подходах к портам противника на западном побережье, авиация флота — по морским и воздушным коммуникациям врага, связывавшим Крым с портами Румынии. Азовской военной флотилии предстояло обеспечить снабжение Отдельной Приморской армии материальными средствами, необходимыми для операции.

Артиллерии 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии предстояло разрушать инженерные сооружения, уничтожать огневые средства и живую силу противника; подавлять его артиллерийские и минометные батареи; непрерывно сопровождать огнем атаку пехоты и танков, обеспечивать их действия в глубине обороны врага.

При подготовке Крымской операции командованием фронта особое внимание было уделено разработке графика артиллерийской подготовки атаки. Исходя из особенностей обороны, из 2 часов 30 минут артиллерийской подготовки атаки войск 4-го Украинского фронта 2 часа было выделено на разрушение дотов и дзотов, а 30 минут — на подавление живой силы

Через Сиваш на Крымскую землю

и огневых средств во всей глубине главной полосы неприятельской обороны. Артиллерийскую поддержку атаки пехоты и танков намечалось проводить в течение часа методом огневого вала. В Отдельной Приморской армии, в полосе которой враг не имел столь мощных оборонительных сооружений, артиллерийская подготовка атаки намечалась продолжительностью 1 час 30 минут. Поддержка атаки предусматривалась методом последовательного сосредоточения огня[247]. При этом графики артиллерийской подготовки предусматривали огневые налеты и ложные переносы огня с одновременной демонстрацией атаки войск.

Авиационное обеспечение в 4-м Украинском фронте планировалось осуществлять 8-й воздушной армией и авиацией Черноморского флота, а в Отдельной Приморской армии — 4-й воздушной армией. Авиация Черноморского флота должна была поддерживать наступление 2-й гвардейской армии, а 8-я воздушная армия — наступление 51-й армии и 19-го танкового корпуса.

При подготовке операции важные задачи решали инженерные войска. Несмотря на упорное сопротивление врага, основная часть захваченного накануне операции плацдарма южнее Сиваша была удержана. Здесь инженерные части 51-й армии построили мост на рамных опорах длиной 1865 метров и грузоподъемностью 16 тонн, две земляные дамбы длиной 600—700 метров и понтонный мост между ними длиной 1350 метров. В феврале — марте 1944 г. грузоподъемность моста и дамб была доведена до 30 тонн, что позволяло обеспечивать переправу по ним танков Т-34 и тяжелой артиллерии[248].

Сооружение и эксплуатация переправ проходили в сложных погодных условиях. Частые штормы нередко разрушали их. Вражеская авиация совершала систематические налеты на мосты. Обстреливала их и артиллерия противника. Так как переправы часто выходили из строя, их снова приходилось восстанавливать. Чтобы избежать этого, весной 1944 г. в километре от действующего моста через Сиваш был построен ложный мостовой объект.

Кроме того, умело была организована переправа на плацдарм 19-го танкового корпуса, которая осуществлялась с 13 по 25 марта. Каждую ночь переправлялось ограниченное количество танков, и их сразу же тщательно укрывали. Предпринятые меры маскировки сыграли свою роль: врагу своевременно не удалось выявить сосредоточение корпуса в исходном для наступления районе на южном берегу Сиваша.

Для обеспечения наступления были приняты меры по накоплению значительных материальных средств. Благодаря усилиям руководителей и органов тыла при содействии и помощи местного населения эта задача была успешно решена. По призыву партийных и советских органов Украины жители окрестных населенных пунктов проложили к Сивашу несколько узкоколейных железных дорог, по которым доставлялись военные грузы к переднему краю. В результате к началу операции в войсках имелось 3,5—4 боекомплекта боеприпасов основных калибров, около пяти заправок горюче-смазочных материалов и более 18 сутодач продовольствия[249].

Координацию действий войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии осуществляли член Ставки ВГК маршал К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Красной армии маршал А. М. Василевский.

Подготовка Крымской наступательной операции характеризовалась сложными условиями перегруппировок войск. По бездорожью, тем более в распутицу, в районы предстоявших боевых действий перебрасывались с нижнего течения Днепра стрелковые части и соединения, сосредоточивались крупные силы артиллерии и бронетанковых войск. На сивашский плацдарм соединения и части переправлялись по дамбам и мостам под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами врага, а нередко и в шторм. Тем не менее на совершенно открытом и простреливаемом артиллерией противника, к тому же ограниченном по размерам плацдарме удалось благодаря принятым мерам маскировки скрытно сосредоточить крупные силы стрелковых войск, большое количество артиллерии и танковый корпус.

Кропотливую работу по разъяснению личному составу предстоявших боевых задач проводили командиры и политработники 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Они, как правило, обращали внимание воинов на героическое прошлое Красной

армии, связанное с борьбой за Крым в Гражданскую войну, а также с обороной Перекопа и Севастополя в первый период Великой Отечественной войны. В своей работе они широко использовали примеры героизма в предшествовавших боях.

Накануне наступления в частях и подразделениях прошли собрания личного состава. Там, где позволяла обстановка, организовывались митинги, посвященные успехам войск Украинских фронтов на Днестре, Пруте и под Одессой. Во многих частях на митингах вручались ордена и медали воинам, награжденным за подвиги в предыдущих боях.

Командиры и политработники доводили до воинов обращения военных советов фронта и армий от 7 апреля. Так, Военный совет фронта обратился к войскам с воззванием, в котором подчеркивалось: «Воины 4-го Украинского фронта! Вы стоите на подступах к солнечному Крыму... Велик и славен путь ваш от стен Сталинграда до Турецкого вала и Крымской земли за Сивашом... Мы бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году... Тогда молодая Красная армия совершила великий подвиг, который вечно будет гореть в истории. Пусть же наш героизм нарастит мировую славу воинов Фрунзе — славу русского оружия... Пусть на наших сталинградских и донбасских знаменах засияет слава освободителей Крыма»[250].

За пять суток до начала операции тяжелая артиллерия приступила к разрушению долговременных сооружений врага в Крыму. Вечером 7 апреля была проведена разведка боем, подтвердившая прежнюю группировку его войск в районе Перекопа и Сиваша.

Утром 8 апреля после артиллерийской и авиационной подготовки продолжительностью 2,5 часа войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление, нанося главный удар силами 51-й армии с сивашского плацдарма. Вспомогательный удар на Перекопском перешейке нанесла 2-я гвардейская армия.

Наиболее ожесточенное сопротивление противник оказал в полосе 51-й армии на тарханском направлении, выводившем в тыл его перекопских позиций. Части 10-го и 1-го гвардейского стрелковых корпусов овладели лишь первой и местами второй траншеей врага.

Более успешно началось наступление на направлении вспомогательного удара этой армии. По решению командующего войсками фронта для развития наметившегося здесь успеха были введены в сражение 417-я стрелковая дивизия из второго эшелона 63-го корпуса и 32-я гвардейская танковая бригада из 1-го гвардейского стрелкового корпуса[251]. В последующем наступлению 63-го стрелкового корпуса в значительной мере содействовал 1164-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии, который, перейдя вброд озеро Айгульское, нанес удар во фланг группировки противника.

К исходу 9 апреля оборона неприятеля была прорвана. 51-я армия вышла во фланг его перекопской группировки, а 2-я гвардейская армия, прорвав первую оборонительную полосу, освободила Армянск. Враг был вынужден начать поспешный отход на ишунские позиции.

Успеху наступления 2-й гвардейской армии в значительной мере способствовали решительные действия 63-го стрелкового корпуса на левом фланге 51-й армии и высадка во вражеском тылу морского десанта. Две стрелковые дивизий 63-го стрелкового корпуса (генерал-майор П. К. Кошевой) на каранкинском и тюй-тюбинском направлениях быстро прорвали первую оборонительную позицию противника, а усиленный стрелковый батальон 1271-го стрелкового полка 387-й стрелковой дивизии под командованием капитана Ф. Д. Диброва высадился на берег в его тылу.

К моменту начала действий десанта батальон пополнился личным составом, имевшим богатый боевой опыт, а также был усилен 5-й отдельной армейской стрелковой ротой. В 5 часов утра 10 апреля, используя ограниченную видимость, он перешел в наступление. В это же время 5-я отдельная армейская стрелковая рота неожиданно вышла на огневые позиции батареи шестиствольных минометов противника, которая открыла огонь по советским войскам, наступавшим с севера. В ходе атаки рота захватила батарею. За день боя батальон уничтожил до 100 солдат и офицеров врага, а несколько десятков взял в плен. За проявленные стойкость и отвагу все солдаты и офицеры батальона были награждены орденами и медалями, а их командир капитан Ф. Д. Дибров удостоился звания Героя Советского Союза[252].

В Приморскую армию поступает пополнение. Район Керчи, весна 1944 г.

Десант устремляется в атаку

К исходу 10 апреля оборона противника была прорвана не только в Северном Крыму, но и на Керченском полуострове. При этом наибольшего успеха добились соединения и части 51-й армии, которые при мощной поддержке артиллерии и авиации успешно развивали наступление. В данной обстановке командующий войсками фронта приказал сформировать для быстрейшего освобождения Симферополя подвижную группу. Ее возглавил заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В. Н. Разуваев. В эту группу были включены 19-й танковый корпус, два полка 279-й стрелковой дивизии и 21-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада. В целях увеличения подвижности частей 279-й стрелковой дивизии выделялись 120 автомашин из тыла фронта[253]. В выполнении намеченной задачи важнейшая роль отводилась 19-му танковому корпусу — ему предстояло войти в сражение в полосе 63-го стрелкового корпуса.

Для проведения рекогносцировки и организации взаимодействия со стрелковыми войсками на наблюдательный пункт 63-го стрелкового корпуса прибыл командир 19-го танкового корпуса генерал И. Д. Васильев. В ходе рекогносцировки от удара авиации он был тяжело ранен, и командование корпусом принял его заместитель полковник И. А. Поцелуев.

Утром 11 апреля 63-й стрелковый и 19-й танковый корпуса перешли в наступление. К 11 часам передовой отряд 19-го танкового корпуса в составе 202-й танковой бригады, самоходного артиллерийского полка и 52-го мотоциклетного полка ворвались на северную окраину Джанкоя. В городе противник имел до полка пехоты, около двух дивизионов артиллерии и четыре штурмовых орудия. С юга подошел бронепоезд, открывший огонь по подразделениям передового отряда. К 15 часам советские части прорвались в центр города, но и там встретили ожесточенное сопротивление врага. Бои приняли затяжной характер. Только с выходом к Джанкою 26-й мотострелковой бригады 19-го танкового корпуса противник, понеся крупные потери, оставив артиллерию, склад с боеприпасами и продовольствием, поспешно отступил в южном направлении[254].

Наступление 63-го стрелкового и 19-го танкового корпусов предрешило участь частей врага, которые еще удерживали позиции на Чонгарском полуострове. Оборонявшиеся здесь подразделения 19-й румынской пехотной дивизии были вынуждены начать поспешное отступление, которое под ударами советских войск с тыла переросло в паническое бегство.

Однако для разгрома врага на ишунских позициях потребовалось активизировать наступление 2-й гвардейской армии. С этой целью перед рассветом 12 апреля части 87-й гвардейской стрелковой дивизии перешли вброд Каркинитский залив и в 6 часов утра ударили в тыл противнику. Одновременно части 126-й стрелковой дивизии, внезапно для врага перейдя вброд озеро Старое, овладели Красноперекопском (8 км северо-западнее Ишуни). Воспользовавшись замешательством неприятеля, соединения и части 2-й гвардейской армии атаковали его с фронта.

Вскоре противник на ишунских позициях был разгромлен, а некоторые его подразделения окружены и уничтожены. Поспешное отступление 49-го горнострелкового корпуса, оборонявшегося в северной части Крыма, началось в ночь на 12 апреля. «Непрерывным маршем, в основном пешком, длинные колонны немецких и румынских дивизий устремились на юг, убегая от наседавшего противника, угрожавшего параллельным преследованием и обходом с левого фланга... отступление только до половины дороги проходило в порядке. Это были форсированные марши и для людей, и для животных, которых преследовали, наступая на пятки, советские танки с десантами пехоты на них... Ежедневно проходили по 40, 50 и 60 километров»[255].

Освобождение Джанкоя поставило керченскую группировку противника под угрозу окружения, что и вынудило ее начать поспешный отход на запад. Командование Отдельной Приморской армии своевременно обнаружило, что немецкие и румынские войска вывозят военное имущество, уничтожают, сжигают и подрывают всё, что не смогут эвакуировать. В связи с этим соединениям и частям армии вечером 10 апреля был отдан приказ атаковать врага силами передовых батальонов и подготовить подвижные группы к его преследованию[256].

В ночь на 11 апреля в наступление перешла Отдельная Приморская армия. К утру ее соединения и части, поддержанные авиацией 4-й воздушной армии и силами Черноморского флота, овладели городом-крепостью Керчь — укрепленным узлом сопротивления врага на восточном побережье Крыма[257].

На всех направлениях вражеская оборона окончательно рухнула, и советские войска развернули преследование противника, отходившего к Севастополю. 2-я гвардейская армия развивала наступление на Евпаторию, вдоль западного берега полуострова. А 51-я армия, используя успех 19-го танкового корпуса, через степи устремилась на Симферополь. Отдельная Приморская армия продвигалась к Севастополю через Карасубазар и Феодосию.

Командование 17-й армии попыталось задержать наступление советских войск на рубеже Евпатория — Саки — Сарабуз — Карасубазар — Феодосия. Такое решение было принято еще 10 апреля на совещании в штабе этой армии с участием командиров и начальников штабов корпусов и дивизий[258]. Однако 12 апреля соединения и части Отдельной Приморской армии прорвали оборону врага на ак-монайских позициях, а на следующий день соединились в районе Карасубазара с передовыми отрядами объединений 4-го Украинского фронта.

Упорное сопротивление противник оказал на промежуточном рубеже Симферополь — Саки — Евпатория. Попытки частей 19-го танкового корпуса с ходу сломить его сопротивление на этом рубеже не удались. Корпус вынужден был остановиться в ожидании подхода стрелковых соединений. В ночь на 13 апреля была проведена необходимая перегруппировка сил, а в 7 часов после короткой артиллерийской подготовки части корпуса перешли в наступление на Симферополь. Несмотря на упорное сопротивление врага, оборонявшего город, советские танковые и стрелковые соединения одновременно с нескольких направлений атаковали его и к 11 часам полностью освободили Симферополь[259].

Армейские корпуса врага, отступавшие на Севастополь, сумели избежать окружения. Немецкие соединения потеряли 13 131 человека, у румын 17 652 человека были убиты, ранены и пропали без вести[260].

13 апреля были освобождены Евпатория и Феодосия, а 14—15 апреля — Бахчисарай, Алушта и Ялта.

В ходе операции авиация 8-й и 4-й воздушных армий наносила массированные удары по отходившим войскам неприятеля и узлам его коммуникаций. Силы Черноморского флота топили его корабли и транспорты с эвакуируемыми войсками. Активную помощь регулярным войскам оказывали партизаны. Они нарушали коммуникации врага, устраивали налеты на его штабы и колонны, участвовали в освобождении городов. Так, 11 апреля 1944 г. на этапе отступления противника к Севастополю один из отрядов освободил г. Старый Крым. Тем самым была перерезана дорога, по которой части 98-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса отходили из Керчи.

К середине апреля силы 17-й армии противника оказались существенно ослабленными: 10-я и 19-я немецкие пехотные, 6-я и 9-я румынские кавалерийские дивизии были полностью разгромлены. Их остатки влились в понесшие крупные потери румынские 1, 2 и 3-ю горнострелковые дивизии. 50, 73 и 98-я пехотные дивизии потеряли до половины своего состава. Поэтому командование 17-й армии основное внимание сосредоточило на удержании Севастопольского укрепленного района, куда отошли остатки его крымской группировки.

Решив во что бы то ни стало удержать этот район, оно приняло меры к пополнению своих войск. Из Румынии морем и по воздуху были переброшены около 6 тыс. немецких солдат и офицеров. Эсэсовцы срочно проверили все тыловые части и даже из госпиталей всех, кто мог ходить, направили на передовую[261]. По оценке штаба 4-го Украинского фронта, севастопольская группировка врага насчитывала 72 тыс. человек, 1830 орудий и минометов, 50 танков и штурмовых орудий[262].

15—16 апреля советские войска вышли на подступы к Севастополю, где были остановлены на внешнем обводе бывшего Севастопольского оборонительного района организованной обороной противника. Попытка взять город с ходу потерпела неудачу. Началась подготовка к его штурму.

Бой на набережной города Керчь. Апрель 1944 г.

Советские войска вступают в Керчь. Апрель 1944 г.

Встреча бойцов Красной армии в Евпатории. 1944 г.

Советская самоходная артиллерийская установка в Симферополе. 1944 г.

Ставка ВГК сочла целесообразным объединить все сухопутные войска в Крыму под единым командованием. Поэтому ее распоряжением от 18 апреля Приморская армия, с этого числа лишенная статуса отдельной, была включена в состав 4-го Украинского фронта. Возглавил ее генерал-лейтенант К. С. Мельник. Генерал армии А. И. Ерёменко получил назначение на должность командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта.

В соответствии с решением командующего войсками 4-го Украинского фронта, утвержденным представителем Ставки ВГК маршалом А. М. Василевским, главный удар намечалось нанести из района Балаклавы соединениями и частями левого фланга 51-й и центра Приморской армии. Им предстояло прорвать оборону противника на участке Сапун-горы и высоты северо-восточнее населенного пункта Карань с задачей отрезать его от расположенных западнее Севастополя бухт. По мнению командования фронта, разгром врага на Сапун-горе при всей трудности ее штурма должен был позволить быстро нарушить устойчивость его обороны.

Вспомогательный удар планировался в полосе 2-й гвардейской армии. С целью отвлечения внимания противника его нанесение намечалось на двое суток раньше главного удара. Армии предстояло прорвать оборону врага в районе юго-восточнее Бельбека силами 13-го гвардейского и 55-го стрелковых корпусов и развивать наступление на Мекензиевы горы и восточный берег Северной бухты с тем, чтобы прижать его группировку к морю и уничтожить.

Для обороны Севастополя войска вермахта использовали мощную систему укреплений, которая состояла из трех полос. Наиболее сильными узлами сопротивления являлись Мекензиевы горы, Сахарная Головка, но особенно Сапун-гора, так как они господствовали над окружающей местностью. На подступах к городу были оборудованы шесть линий траншей, прикрытых противопехотными и противотанковыми заграждениями в несколько рядов.

19 и 23 апреля войска 4-го Украинского фронта дважды предпринимали попытки прорвать основной оборонительный рубеж Севастопольского укрепленного района, но безрезультатно. Поэтому было принято решение провести дополнительную перегруппировку войск и сил, всесторонне обеспечить их материальными средствами и только после тщательной подготовки возобновить наступление.

После прорыва советских войск в глубину Крымского полуострова командование 17-й армии и группы армий «Южная Украина» придерживалось мнения о целесообразности полной эвакуации войск из Крыма. Однако руководство вермахта, не согласившись с этим, приказало до последнего патрона удерживать Севастополь. Оно исходило из того, что в случае эвакуации морем спасти удастся лишь разрозненные соединения. При таком варианте высвободившиеся крупные силы советских войск оперативно могли быть использованы на других участках восточного фронта. Вот почему перед войсками противника, оборонявшимися в Севастополе, была поставлена задача сковать советские объединения в Крыму, чтобы они понесли как можно большие потери[263].

В этой связи уже начавшаяся эвакуация войск была прекращена. Командующий 17-й армией генерал Э. Енеке, «не веривший в возможность удержания Севастополя, решился на необычный шаг. 28 апреля он лично вылетел в ставку фюрера, чтобы добиться окончательной и быстрой эвакуации. Но, несмотря на все доклады, Гитлер оставался неумолим. Его раздражение было настолько велико, что он сместил Енеке с должности командующего армией и запретил ему возвращаться в Севастополь. Теперь командование армией принял генерал пехоты Альмендингер»[264].

Новый командующий 17-й армией, осознавая возложенную на него ответственность, обратился к войскам со специальным обращением: «Я получил приказ защищать каждую пядь севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь... Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп. В случае прорыва танков противника пехота должна оставаться на своих позициях и уничтожать танки как на переднем крае, так и в глубине обороны мощным противотанковым оружием. Если сильный огонь противника разрушит наши оборонительные

На подступах к Севастополю. 1944 г.

Минометчики поддерживают пехотинцев, штурмующих Сапун-гору. 4-й Украинский фронт, май 1944 г.

сооружения, необходимо оставаться на месте и защищать остатки этих сооружений, воронки. Если противнику удастся где-либо вклиниться в нашу оборону, необходимо немедленно контратаковать и отбрасывать противника, не ожидая на это особого приказа».

Особое внимание своих солдат и офицеров он обратил на то, что «плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы он ни появился, запутается в сети наших оборонительных сооружений. Но никому из нас не должна даже и в голову прийти мысль об отходе на эти позиции, расположенные в глубине... 17-ю армию в Севастополе поддерживают мощные воздушные и морские силы. Фюрер дает нам достаточно боеприпасов, самолетов, вооружения и подкреплений. Честь армии зависит от каждого метра полученной территории. Германия ожидает, что мы выполним свой долг»[265].

5 мая наступление на Севастополь возобновилось. Первой атаковала врага 2-я гвардейская армия. Бои носили исключительно упорный характер. Однако со второй половины дня противник воспринял эти действия как нанесение главного удара, и командование 17-й армии начало перегруппировку, подтягивая на это направление резервы и часть сил с внутреннего обвода Севастопольского укрепленного района.

7 мая в 10 часов 30 минут при массированной поддержке всей авиации фронта советские войска начали генеральный штурм Севастопольского укрепленного района. Оборона была прорвана на 9-километровом участке. В этот же день были взяты ключевые позиции в обороне Севастополя: Сапун-гора и Мекензиевы горы, а 2-я гвардейская армия пробилась к Северной бухте.

9 мая советские войска, нанося согласованные удары по противнику с севера, востока и юго-востока, полностью освободили Севастополь.

Остатки 17-й немецкой армии, преследуемые 19-м танковым корпусом, отошли на мыс Херсонес, где 12 мая были полностью разгромлены. Несмотря на противодействие сил Черноморского флота, командование вермахта все-таки смогло эвакуировать из Крыма 130 тыс. человек морем и около 21 500 человек — самолетами транспортной авиации. От ударов по морским конвоям и одиночным судам враг потерял 8100 солдат и офицеров[266].

Крымская наступательная операция завершилась. Если в 1941—1942 гг. немецким войскам понадобилось 250 суток, чтобы овладеть героически защищавшимся Севастополем, то в 1944 г. советским войскам оказалось достаточно всего 35 суток, чтобы взломать мощные укрепления в Крыму и очистить почти весь полуостров[267].

Потери 17-й немецкой армии составили более 100 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. пленными. Почти вся ее военная техника была оставлена в Крыму. Общие потери противника в Крыму составили 53,5 тыс. солдат и офицеров, из них румынских войск — 22 тыс. человек[268].

В ходе Крымской операции советские войска и силы флота потеряли 17 754 человека убитыми и 67 065 человек ранеными[269].

Победа в Крыму вернула стране важный и богатый экономический район. В целом, была освобождена территория, занимавшая по площади около 26 тыс. кв. км.

В годы оккупации гитлеровские захватчики нанесли Крыму огромный ущерб: были выведены из строя более 300 промышленных предприятий, почти полностью истреблено поголовье скота, города и курорты сильно разрушены — особенно пострадали Севастополь, Керчь, Феодосия и Евпатория. Так, в Севастополе к моменту освобождения оставалось 3 тыс. жителей из имевшихся в городе накануне войны 109 тыс. человек. В городе уцелело лишь 6% жилого фонда[270].

Крымская стратегическая наступательная операция имела важные внешнеполитические последствия. Очередное поражение вермахта повлияло на судьбы правительств стран, союзных Германии. Оно заставило задуматься о смене внешнеполитического курса и руководство тех государств, которые, оставаясь нейтральными, находились в сфере влияния Третьего рейха.

Так, руководство Турции 19 июня 1944 г. заявило, что германские вспомогательные суда типа «Кассель» и «Эмс» впредь уже не будут рассматриваться как торговые, и следовательно, их проход через черноморские проливы запрещен. В тот же день это заявление было

Танк Т-34 на улице освобожденного Севастополя

Бойцы морской пехоты у арки Приморского бульвара в Севастополе

Уничтоженная немецкая техника на берегу Казачьей бухты в Севастополе

В освобожденном Севастополе. Май 1944 г.

подкреплено конкретными действиями против немецких транспортных судов, пытавшихся покинуть акваторию Черного моря.

В результате Крымской операции обстановка в бассейне Черного моря резко изменилась. Освобождение Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота — позволило ему занять более выгодные позиции для участия в последующих операциях советских войск на Балканах. Силы флота, перебазировавшись в Севастополь и порты Крыма, стали полностью контролировать северное Черноморье. Немецкий и румынский флоты оказались прижатыми к западному побережью Черного моря, а его порты Констанца, Варна, Бургас, Галац стали систематически подвергаться воздействию как авиации, так и подводных лодок советского флота. Вражеские флоты не могли эффективно оказывать помощь германским сухопутным войскам.

После ликвидации крымской группировки противника отпала угроза южному крылу советского фронта, высвободились значительные силы, были созданы благоприятные условия для дальнейшего наступления на Балканы и освобождения от оккупации народов Юго-Восточной Европы.

Черноморский флот в борьбе за Крым и северо-западное побережье Черного моря

Обстановка на Черном море к началу 1944 г. была сложной для обеих сторон. Объединенные корабельные силы противника базировались на порты Румынии, Таврии и Крыма. В их составе насчитывалось 415 единиц, включая четыре эскадренных миноносца, шесть миноносцев, 14 подводных лодок, пять канонерских лодок, девять сторожевых кораблей, 35 охотников за подводными лодками, три минных и один сетевой заградитель, 25 тральщиков, 13 катеров-тральщиков, 86 быстроходных десантных барж, 30 десантных паромов типа «Зибель», 27 торпедных катеров и 157 сторожевых катеров.

Основным соединением военно-морских сил противника была 10-я немецкая дивизия кораблей охранения, состоявшая из двух флотилий катеров-тральщиков, двух эскортных флотилий, трех флотилий охотников за подводными лодками, флотилии артиллерийских десантных барж и трех десантных флотилий. В составе румынского флота имелись относительно слабые по составу соединения эскадренных миноносцев, миноносцев, подводных лодок, охотников за подводными лодками, торпедных и сторожевых катеров. Военно-морской флот Болгарии, малочисленный и состоявший в основном из устаревших кораблей и катеров, в военных действиях против СССР участия не принимал.

Группировка военно-воздушных сил противника на Черноморском театре в начале 1944 г. включала соединения и части 1-го немецкого авиационного корпуса, базировавшиеся на аэродромах Северной Таврии и Крыма, морскую разведывательную авиационную группу, эскадрилью дальних разведчиков и две румынские морские эскадрильи. По данным штаба Черноморского флота, для ведения действий на море противник мог применить от 150 до 300 самолетов[271].

По боевым катерам неприятель имел не только количественное, но и качественное превосходство. Они обладали лучшими мореходными характеристиками, более сильным артиллерийским вооружением и могли применяться не только по прямому предназначению, но и для решения всего спектра задач, стоявших перед вражеским флотом. Существенную роль в борьбе против сил ЧФ, особенно с боевыми катерами, играли быстроходные десантные баржи и десантные паромы, имевшие сильное артиллерийское вооружение и хорошие мореходные качества[272].

В состав Черноморского флота (кроме Азовской военной флотилии) входили эскадра, бригада подводных лодок, бригада торпедных катеров, отдельный дивизион канонерских

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский беседует с моряками. 1944 г.

Пулеметчики на торпедном катере Черноморского флота

лодок, бригада траления и заграждения, военно-воздушные силы, части береговой обороны, противовоздушной обороны, части и службы обеспечения.

Основным корабельным соединением флота была эскадра (линейный корабль, четыре крейсера и пять эскадренных миноносцев), однако ограничения на их боевое применение, установленные Ставкой Верховного главнокомандования в октябре 1943 г., оставались в силе. Кроме того, их участие в военных действиях прямо зависело от технического состояния вооружения и главных механизмов, поддерживать которые в удовлетворительном состоянии при базировании в портах Кавказа было чрезвычайно трудно. По этой причине в бригаде подводных лодок, насчитывавшей к началу 1944 г. 28 единиц, только восемь кораблей были готовы к ведению действий. Бригада торпедных катеров имела в своем составе 46 единиц, в основном типа Г-5, не имевших артиллерийского вооружения и радиолокаторов, с примитивным торпедным вооружением и низкими мореходными характеристиками.

Военно-воздушные силы Черноморского флота состояли из трех авиационных дивизий и четырех авиационных полков, двух отдельных авиационных эскадрилий, двух авиационных отрядов и звена связи. В их составе насчитывалось 650 самолетов всех типов. Однако общее число машин ударных родов авиации составляло всего лишь около 20% самолетного парка.

Береговая оборона флота состояла из частей и подразделений береговой артиллерии Азовской военной флотилии и военно-морских баз, развернутых в 29 пунктах Черноморского побережья от Малого Утриша до Кобулети, и восьми отдельных батальонов морской пехоты. Противовоздушная оборона флота включала полки, отдельные дивизионы и батареи базовых районов ПВО военно-морских баз и Азовской военной флотилии[273].

В январе — марте 1944 г. силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии содействовали войскам Отдельной Приморской армии, 3-го и 4-го Украинского фронтов. В ходе операций и боевых действий, которые велись совместно с этими объединениями, они осуществили высадку тактических десантов на северное побережье Керченского полуострова (10 января), в Керченский порт (22 января), диверсионного десанта — в порт Николаев (26 марта), тактического десанта — в Очаковский порт (31 марта).

23 февраля 1944 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов потребовал от Военного совета Черноморского флота усилить боевую деятельность флота, направленную против судоходства противника на театре, привлекая к решению этой задачи все рода сил флота.

Выполняя это требование, командование Черноморского флота перебазировало в Скадовск 2-ю Новороссийскую бригаду торпедных катеров, что позволило привлечь к борьбе на вражеских коммуникациях в северо-западной части моря и надводные силы флота.

Подводные силы действовали в этом районе с начала войны. Однако в преддверии Крымской наступательной операции на позициях в этом районе одновременно находилось не более четырех подводных лодок, причем из-за сложной минной обстановки и господства вражеских военно-морских сил их боевая деятельность была сильно затруднена.

Торпедные катера до начала Крымской стратегической наступательной операции в этом районе действовали эпизодически. Не имея радиолокационной аппаратуры, поиск целей они вели в основном самостоятельно. Их взаимодействие с разведывательной авиацией ограничивалось тем, что в ночное время самолеты сбрасывали на обнаруженные конвои осветительные бомбы.

Из-за низкой результативности действий всех родов сил флота, наносивших удары по вражеским коммуникациям, не удалось прижать к морю и уничтожить одесскую группировку противника. В период с 28 марта по 10 апреля 1944 г. на 25 десантных паромах и 36 других судах из Одессы в Румынию были доставлены 14 845 солдат и офицеров, 9300 раненых и 54 тыс. тонн различных грузов[274].

Одновременно с эвакуацией войск из Одессы, в период с 8 по 16 апреля противник практически беспрепятственно осуществил перевозку в Балаклаву и Севастополь около 10 тыс. человек из состава 5-го немецкого армейского корпуса, прижатого к морю на южном берегу Крыма. А с 12 по 16 апреля главным образом морем из Крыма в Констанцу были вывезены 36 тыс. немецких и 96 тыс. румынских солдат, 16 тыс. «восточных легионеров», 3800 пленных

Этим удалось удрать из Крыма

А этим не повезло…

и 1600 гражданских лиц. В Крым были доставлены немецкая пехотная дивизия и 45 тыс. тонн воинских грузов[275].

Противодействие этим перевозкам оказали только военно-воздушные силы Черноморского флота. От ударов советской морской авиации противник потерял катер-тральщик и два десантных парома. Еще один катер-тральщик, десантный паром и морской буксир от попаданий авиабомб и артиллерийских снарядов получили повреждения различной тяжести, но остались на плаву[276].

Между тем в соответствии с общим замыслом действий, направленных на разгром 17-й армии неприятеля в Крыму, Черноморский флот должен был блокировать побережье полуострова и сорвать эвакуацию вражеских войск морем. Эта задача была поставлена флоту задолго до начала Крымской стратегической наступательной операции директивой Ставки ВГК от 4 ноября 1943 г.

1 апреля 1944 г. народный комиссар ВМФ СССР в своей директиве определил основную задачу Черноморского флота — борьба на коммуникациях противника. Главной целью этих действий должно было стать блокирование Крымской группировки врага с моря.

В начале зимне-весенней кампании 1944 г. и на черноморском театре основная нагрузка по ведению борьбы на коммуникациях лежала на Скадовской авиационной группе, сформированной в ноябре 1943 г. В ней насчитывалось от 70 до 90 самолетов, которые действовали с аэродромов Скадовск и Сокологорное.

В целом же низкая результативность действий всех родов сил Черноморского флота на морских вражеских коммуникациях была обусловлена не только значительным усилением противолодочной обороны в операционной зоне военно-морских сил противника. Как и на других действующих флотах, она была следствием слабой подготовки штабов и командиров кораблей, а также недостатков, присущих вооружению кораблей советской постройки.

Выполняя требования Ставки ВГК и Главного командования ВМФ по блокированию крымской группировки войск противника, командование Черноморского флота решило провести операцию по нарушению вражеских коммуникаций. Сроки ее проведения согласовывались с замыслом Крымской стратегической наступательной операции 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Главный удар по вражескому судоходству предполагалось нанести в решающий момент борьбы за Крым, когда начнется сражение за Севастополь.

Создание группировки сил для ведения операции началось 12 апреля 1944 г.: в этот день для усиления 2-й бригады торпедных катеров в Скадовск были перебазированы еще шесть торпедных катеров. 1-я бригада торпедных катеров в это время направлялась из Поти в фальшивый Геленджик. Бригада подводных лодок Черноморского флота действовала из Поти, Очамчиры и Туапсе. Основные силы бомбардировочной, торпедоносной, миноносной и штурмовой авиации флота к началу операции были сосредоточены на аэродромах Таврии. Для ударов по вражеским коммуникациям было выделено 404 боевых самолета.

Своевременность проведения операции по нарушению морских коммуникаций противника также не вызывала сомнений. В период с 9 апреля по 12 мая между портами Крыма и западного побережья Черного моря наблюдалось интенсивное движение судов. Если в январе — марте 1944 г. по ним в обоих направлениях прошло 89 конвоев, то за апрель и двадцать дней мая — 251. В несколько раз возросло и число следовавших по ним одиночных транспортов[277].

С началом Крымской наступательной операции командующий Черноморским флотом поставил своим силам конкретные задачи. Цель их действий на первом этапе заключалась в том, чтобы не допустить усиления войск противника на Крымском полуострове, а на втором — эвакуацию его войск.

За первые 10 суток операции торпедные катера совершили 39 катеро-выходов, однако успеха не добились ни разу. Военно-воздушные силы действовали успешнее. 12 апреля самолеты морской авиации нанесли несколько воздушных ударов по судам и портовым сооружениям в Феодосии, потопив катер-тральщик и две быстроходные десантные баржи. Еще один катер-тральщик, быстроходная десантная баржа и морской буксир были повреждены.

Экипаж пикирующего бомбардировщика Черноморского флота после выполнения боевого задания. Крым, май 1944 г.

Черноморская эскадра возвращается в освобожденный Севастополь

11—12 апреля 1944 г. на позиции вышли четыре подводные лодки, а две, уже находившиеся на позициях, были перенацелены для действий в новых районах. К 15 апреля назначенную позицию заняла седьмая подводная лодка, и развертывание группировки корабельных сил, созданной для ведения операции, было завершено. Однако действия лодок оказались безрезультатными[278].

В этот день враг нес потери только от действий авиации. Штурмовики 8-го гвардейского и 47-го штурмовых авиационных полков под прикрытием 42 истребителей 6-го гвардейского истребительного авиационного полка шестью группами нанесли удары по быстроходным десантным баржам, стоявшим под погрузкой у причалов и на выходе из порта Судак, и потопили одну из них. Вечером того же дня самолеты 13-го гвардейского разведывательного морского авиационного полка отправили на дно парусно-моторное судно. 14 апреля на подходах к Алуште 11 самолетов 8-го гвардейского штурмового авиационного полка под прикрытием 12 истребителей 6-го гвардейского истребительного авиационного полка атаковали шесть быстроходных десантных барж. Повреждения получила одна баржа.

С 15 по 19 апреля авиация Черноморского флота действовала на коммуникации Севастополь — Констанца. На подходах к Севастополю и в открытой части Черного моря ее самолетами были потоплены быстроходная десантная баржа и лихтер, повреждены торпедный катер, десантная и артиллерийская баржи. Кроме того, от атак советской морской авиации различные повреждения получили три транспорта.

21—30 апреля против вражеских конвоев действовали торпедные катера, совершившие 65 выходов. Но все их атаки были сорваны охраной конвоев противника.

21—22 апреля из Констанцы в Севастополь вышли в море 14 конвоев неприятеля. А 23 апреля из Севастополя начали переход в румынские и болгарские порты пять конвоев с эвакуированными войсками. Авиация Черноморского флота нанесла по ним ряд бомбоштурмовых и торпедных ударов. В них участвовали 2-я минно-торпедная, 11-я штурмовая, 13-я пикирующая авиационные дивизии и полк 4-й истребительной авиационной дивизии. Был потоплен один лихтер. Повреждения различного характера и тяжести получили румынский эсминец «Реджеле Фердинанд», два транспорта, торпедный катер, два катера-тральщика, румынская быстроходная десантная баржа и сухогрузная баржа. Танкер «Оссаг» был поврежден настолько сильно, что кораблям охранения пришлось его уничтожить.

Одновременно с нанесением бомбоштурмовых и торпедных ударов по конвоям и одиночным судам противника авиация Черноморского флота вела постановку активных минных заграждений. В апреле — мае самолеты ВВС флота выставили 28 мин в районе Севастополя, 109 мин — в Дунайских гирлах, 26 мин — в районе Констанцы.

3 мая вражеский конвой, совершавший переход из Севастополя в Констанцу, атаковали девять самолетов 5-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка и десять самолетов 13-го гвардейского разведывательного морского авиационного полка в сопровождении десяти истребителей 7-го истребительного авиационного полка. Им удалось потопить охотник за подводными лодками. В тот же день девять самолетов 13-го гвардейского разведывательного морского авиационного полка нанесли удар по конвою противника, направлявшемуся в Севастополь, и потопили буксир.

Кульминационный момент операции сил Черноморского флота на морских коммуникациях неприятеля наступил 8—12 мая 1944 г. На этом этапе в операции принимали участие самолеты 47-го и 8-го гвардейского штурмовых авиационных полков. Морская авиация наносила удары по вражеским конвоям. Только 10 мая противник потерял быстроходную десантную баржу, пять лихтеров, две сухогрузные баржи и паром типа «Зибель», перевозившие за один рейс до 650 человек[279]. Серьезный ущерб врагу был нанесен и 11 мая. Авиация Черноморского флота нанесла удары по трем конвоям противника, потопив охотник за подводными лодками, транспорт и речной лихтер. Судно «Хельга», получившее наиболее тяжелые повреждения и лишившееся хода, было уничтожено артиллерийским огнем кораблей охранения. Кроме того, повреждения различной тяжести получили транспорт, три охотника за подводными лодками, минный заградитель «Романиа» и эсминец «Реджеле Фердинанд».

Некоторых успехов добились и подводные лодки. К юго-востоку от Констанцы лодка Л-4 четырьмя торпедами атаковала вражеский танкер. Взрывом на судне было уничтожено машинное отделение, и в строй оно уже не вводилось.

13 мая операция Черноморского флота по нарушению морских коммуникаций противника завершилась. Ожидаемого оперативного результата достигнуть не удалось. Враг смог эвакуировать из Крыма основные силы 17-й армии — 114 тыс. человек морем и 21 тыс. самолетами транспортной авиации, потеряв от ударов по морским конвоям и одиночным судам около 8 тыс. солдат и офицеров[280]. При эвакуации войск 17-й немецкой армии погибло в общей сложности 50 судов[281].

* * *

Наступление Красной армии зимой и весной 1944 г. на Правобережной Украине и в Крыму, продолжавшееся более четырех месяцев, явилось важнейшим событием Великой Отечественной и Второй мировой войн, а его результаты имели огромное политическое, экономическое и стратегическое значение.

По своему размаху это была одна из самых крупных операций Великой Отечественной войны. Военные действия развернулись на территории до 1200 км по фронту и до 450 км в глубину. В них участвовали пять советских фронтов, а со стороны противника — две группы армий в составе двух танковых и пяти полевых армий. В общей сложности с обеих сторон действовали около 4 млн человек, 45,4 тыс. орудий и минометов, 4,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских (штурмовых) орудий, свыше 4 тыс. самолетов.

В результате проведенных операций советские войска освободили миллионы советских людей от оккупации, возвратили богатейшие полезными ископаемыми и плодородные земли между Днепром и Прутом, первоклассные порты на Черном море. Два с половиной года немецкой оккупации нанесли Правобережной Украине огромный ущерб, равный 285 млрд рублей. Превратив некогда цветущий край в концентрационный лагерь, одурманенные нацистской пропагандой варвары уничтожили на этой территории 4,5 млн человек[282].

Красная армия вышла к юго-западным границам Советского Союза и перенесла боевые действия на территорию Румынии. Это коренным образом изменило стратегическую обстановку на юге. Выходом к Карпатам войска Красной армии расчленили стратегический фронт врага, нарушили взаимодействие групп армий «Южная Украина» и «Северная Украина». Открылись возможности для развития ударов на люблинском направлении во фланг и тыл группы армий «Центр», на Львов, а также через Румынию на Балканы.

Победа Красной армии на Правобережной Украине и в Крыму, выход наших войск на подступы к Польше, к границе с Чехословакией и в пределы Румынии оказали большое влияние на активизацию и усиление национально-освободительного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Фронт вплотную приблизился к жизненно важным для Германии источникам продовольствия, нефти и других видов стратегического сырья в Румынии и на Балканах.

Важнейшим условием победы служило возросшее боевое мастерство бойцов, офицеров и генералов. Исключительно большую роль в достижении победы в операциях играл массовый героизм советских войск. В сражениях и боях за Правобережную Украину и Крым Героями Советского Союза стали 724 воина. Более половины из них — рядовой состав, сержанты и старшины[283].

Общие потери фронтов и сил флота при освобождении Правобережной Украины и Крыма зимой и весной 1944 г. составили: безвозвратные — 287 952, санитарные — 906 395, всего — 1 194 347 человек. Большие потери советские войска понесли в вооружении и военной технике. Только по итогам Днепровско-Карпатской операции они не досчитались 4666 танков, 7532 орудий и минометов, 676 боевых самолетов[284].

Успешное завершение операции по освобождению Правобережной Украины и Крыма создало выгодные условия для развертывания наступления советских войск летом 1944 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., СПб., 2003. С. 593.

[2] Цит. по: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 497.

[3] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 8. М., 1977. С. 66; Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 5. М., 2001. С. 389.

[4] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 33.

[5] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 539—540.

[6] Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 185; *Грылев А. Н.* Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М., 1970. С. 41.

[7] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 241.

[8] Военная энциклопедия. Т. 3. С. 185; *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 40—41.

[9] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 49. Л. 69—75.

[10] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 27—33.

[11] Там же. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 86. Л. 102.

[12] Там же. Д. 62. Л. 199—202.

[13] *Москаленко К. С.* На юго-западном направлении: Воспоминания командарма. В 2-х кн. М., 1979. Кн. 2. С. 206—207.

[14] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 598.

[15] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941—1944. Партизанская борьба. Киев, 1985. С. 371.

[16] ЦАМО. Ф 236. Оп. 2673. Д. 830. Л. 7—11.

[17] Там же. Л. 106—107.

[18] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 44.

[19] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 830. Л. 111—117.

[20] Там же. Д. 400. Л 29; Оп. 2712. Д. 58. Л. 86—87.

[21] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 168.

[22] Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 104—114; Д. 61. Л. 364—370; Д. 62 Л. 14—16.

[23] *Воробьев Ф. Д.* Освобождение Правобережной Украины. М., 1945. С. 4.

[24] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 227.

[25] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов в трех томах. Киев, 1985. Т. 3. С. 76; История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 8. С. 69.

[26] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 53.

[27] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 34. Л. 313.

[28] Там же. Ф. 16. Оп. 983. Д. 5. Л. 1—3, 16.

[29] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 81.

[30] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 68.

[31] Там же. Л. 69.

[32] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 84.

[33] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 82.

[34] Цит. по: *Момотова Н. В., Петров В. Н.* Жизненные ценности военнослужащих периода Великой Отечественной войны по материалам писем с фронта // Социология Великой Победы. М., 2005. С. 123.

[35] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 54.

[36] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 31.

[37] Там же. С. 33.

[38] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 5. Л. 71.

[39] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 55.

[40] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. М., 1958. С. 106.

[41] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 59, 283.

[42] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 106.

[43] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 8–9.

[44] Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 58. Л. 281–286.

[45] Там же. Ф. 240. Оп. 2469. Д. 164. Л. 30–36.

[46] Там же. Д. 159. Л. 187–194.

[47] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 107.

[48] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 180. Т. 3. Л. 455–456.

[49] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 36.

[50] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1021. Л. 144.

[51] Там же. Л. 159.

[52] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 61. Л. 297–302.

[53] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 227–233; Д. 11. Л. 122–123.

[54] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 68.

[55] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. München, 2007. S. 419; *Фогель Г.* Потерпевшие победу. Немцы в Корсунском котле / Пер. с англ. М., 2010. С. 132.

[56] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 62. Л. 273–276; Ф. 240. Оп. 2769. Д. 159 б. Л. 282–284.

[57] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 74.

[58] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 63. Л. 215–218.

[59] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 600.

[60] Там же. Л. 597.

[61] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. В 2-х кн. Киев, 1985. Кн. 2. Партизанская борьба. С. 379.

[62] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 76. Л. 64–66.

[63] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 41–42.

[64] Там же. С. 42.

[65] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 120–134.

[66] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. М., 2010. С. 174.

[67] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 127.

[68] *Казаков П. Д.* Освобождение Правобережной Украины и Крыма. М., 1983. С. 12.

[69] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 173, 444, 674.

[70] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 616.

[71] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 416.

[72] *Казаков П. Д.* Указ. соч. С. 13; *Воробьев Ф. Д.* Указ. соч. С. 15.

[73] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 37.

[74] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 520.

[75] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. С. 227.

[76] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8; *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 90.

[77] *Казаков П. Д.* Указ. соч. С. 14.

[78] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов в трех томах. Т. 3. С. 76.

[79] Без срока давности. Харьков, 2001. С. 212.

[80] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 76; Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 248; *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 93.

[81] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 76; Военная энциклопедия. Т. 7. С. 248; Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине. В 2-х кн. М., 1958. Кн. 1. С. 142.

[82] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Кн. 2. Партизанская борьба. С. 380–381.

[83] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 104; ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 830. Л. 331–336.

[84] *Белкин И. М.* 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г. М., 1960. С. 87.

[85] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 116.

[86] *Белкин И. М.* Указ. соч. С. 114.

[87] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 618.

[88] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 255.

[89] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 125; ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 18–26.

[90] *Белкин И. М.* Указ. соч. С. 126.

[91] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 95–101.

[92] Там же. Ф. 243. Оп. 20371. Д. 53. Л. 108.

[93] Военная энциклопедия. Т. 5. С. 481.

[94] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 7.

[95] Военная энциклопедия. Т. 5. С. 481.

[96] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1691. Д. 235. Л. 608–611.

[97] Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). М., 1999. С. 466.

[98] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д 34. Л. 314–315.

[99] Там же. Д. 36. Л. 3.

[100] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 988. Д. 2. Л. 34–55.

[101] Там же. Д. 17. Л. 7.

[102] ЦАМО. Ф. 345. Оп. 9866. Д. 3. Л. 36.

[103] Там же. Ф. 244. Оп. 71463. Д. 1. Л. 94–95, 99.

[104] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 39.

[105] *Куманев Г. А.* Проблемы военной истории отечества (1938–1945). М., 2007. С. 403.

[106] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 114.

[107] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 427.

[108] Там же. Л. 453–456.

[109] Там же. Л. 457.

[110] Там же. Л. 498.

[111] Там же. Л. 428.

[112] Там же. Ф. 16. Оп. 988. Д. 17. Л. 22.

[113] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 475.

[114] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 114.

[115] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 988. Д. 17. Л. 31.

[116] Там же. Л. 31–32.

[117] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 2. Л. 77–85.

[118] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. СПб., М., 1999. С. 355.

[119] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 988. Д. 17. Л. 50.

[120] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 40–41, 265–266.

[121] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 709.

[122] Там же. Л. 717–720.

[123] Там же. Л. 732.

[124] *Фокин Е. И.* По приказу Верховного // Военно-исторический архив. 2004. № 2. С. 86–105; *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 120.

[125] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 116. Д. 6. Л. 52.

[126] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 613.

[127] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 315.

[128] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 122.

[129] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 621.

[130] Там же. С. 622.

[131] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Изд. 2-е. М., 1978. Т. 2. С. 231.

[132] 6-я немецкая армия 2 февраля была передана из группы армий «Юг» в группу армий «А».

[133] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 625–626.

[134] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 128.

[135] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 14. Л. 1–4.

[136] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 46–47, 54.

[137] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 128.

[138] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 12. Л. 57.

[139] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 51, 268–271.

[140] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 12. Л. 57.

[141] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 35. Л. 206–207.

[142] Цит. по: *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 245.

[143] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 135.

[144] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Кн. 2. Партизанская борьба. С. 216.

[145] В составе 3-й гвардейской танковой армии к началу операции имелось 200 танков и 46 САУ, а в 4-й танковой армии — 275 танков и 21 САУ (См.: *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 131).

[146] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 9–11.

[147] Там же. Л. 38.

[148] С 1954 г. — г. Хмельницкий.

[149] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 25. Л. 57–58.

[150] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 64.

[151] 13-я армия должна была не только обеспечить справа ударную группировку фронта, но и содействовать войскам вновь созданного 2-го Белорусского фронта, который по приказу Ставки в середине марта переходил в наступление на ковельском направлении (см.: ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 174).

[152] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 182; Д. 112. Л. 112–114, 123–127.

[153] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 89.

[154] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 265.
[155] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 108.
[156] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 268.
[157] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 112. Л. 133–134.
[158] 1-я танковая армия перебрасывалась в район Волочиска из Погребищенского в составе только двух корпусов — 11-го гвардейского танкового и 8-го гвардейского механизированного (в этих корпусах насчитывалось 130 танков и 10 САУ).
[159] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 127–134.
[160] Там же. Л. 144.
[161] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 437.
[162] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 149.
[163] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 236–237.
[164] Там же. Л. 270–271.
[165] В состав 38-й армии вошли и войска 18-й армии, а управление последней было перегруппировано в район западнее Луцка, где приняло часть войск от 13-й армии.
[166] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 310.
[167] 5 апреля одна танковая бригада 4-го гвардейского танкового корпуса была переброшена из Тернополя в район Подгайцы для отражения удара противника на внешнем фронте. Всего для штурма Тернополя в корпусе оставалось 38 танков.
[168] *Бухнер А.* 1944. Крах на Восточном фронте / Пер. с нем. М., 2006. С. 122.
[169] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 330.
[170] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 25. Л. 73.
[171] Там же.
[172] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 315.
[173] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 159.
[174] Военная энциклопедия. Т. 8. С. 186.
[175] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 5. Л. 75; Военная энциклопедия. Т. 8. С. 186.
[176] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 47.
[177] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 17. Л. 1.
[178] 2-я танковая армия имела к началу операции 131 танк и 70 САУ, 5-я гвардейская танковая армия — 166 танков и 27 САУ, 6-я танковая армия — 118 танков и 50 САУ.
[179] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 130–131, 136–146.
[180] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 51; Ф. 16. Оп. 983. Д. 11. Л. 43–54.
[181] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 153.
[182] *Воробьев Ф. Д.* Указ. соч. С. 34.
[183] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 38.
[184] После овладения Христиновкой 6-я танковая армия была выведена в резерв фронта для доукомплектования.
[185] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 61.
[186] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 83.
[187] Немецкое командование было вынуждено 24 марта передать 8-ю армию в группу армий «А».
[188] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 67–68.
[189] Внешняя политика СССР. Сборник документов в шести томах. М., 1946. Т. 5. С. 370.
[190] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 2. Л. 20.
[191] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 169.
[192] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 71.
[193] Там же. С. 281–282.
[194] Там же. С. 84.

[195] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 133.

[196] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д 9. Л. 26–31, 37–40, 54–59; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 315.

[197] Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 443–444.

[198] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 52–53.

[199] Военная энциклопедия. Т. 1. С. 443.

[200] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 180.

[201] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 27. Л 22–23.

[202] С 1 по 5 марта было перевезено 1590 тонн боеприпасов, 680 тонн продовольствия, 139 тонн горюче-смазочных материалов.

[203] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 17.

[204] Там же. Л. 27.

[205] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 757. Л. 68; Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 37.

[206] Там же. Л. 118.

[207] Южный Буг в районе Троицкого имел ширину 200–250 м, скорость течения достигала 1,5 м в секунду. Вдоль берегов тянулись плавни шириной от 700 до 1500 м. На правом берегу плавни вплотную подступали к окраине Андреевки-Эрделева.

[208] Потери рассчитаны с учетом среднесуточных (см.: Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 315).

[209] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 190.

[210] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 58.

[211] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 16. Л. 1.

[212] Там же. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 122. Л. 2–7.

[213] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 60–61.

[214] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 190.

[215] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 150.

[216] Мост длиной более километра был восстановлен под огнем противника за 10 часов, причем 200 метров моста были построены заново.

[217] В боях при форсировании во время налета вражеской авиации 31 марта был убит командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал Т. И. Танасчишин. В командование корпусом вступил генерал В. И. Жданов.

[218] Только за 1–3 апреля она произвела 60 самолето-вылетов, доставив 85 тонн грузов.

[219] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 112. Л. 279–282.

[220] Красный флот. 1944. № 79 (1646). 2 апреля.

[221] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 194.

[222] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 203.

[223] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 196.

[224] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Кн. 2. Партизанская борьба. С. 393.

[225] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 122.

[226] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 112. Л. 339–340.

[227] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 4. Л. 123.

[228] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 360.

[229] Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине. Кн. 2. С. 388.

[230] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 48.

[231] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 199.

[232] Цит. по: *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 323.

[233] Черноморский флот к началу Крымской операции базировался в основном на порты Кавказского побережья: Батуми, Поти и Очамчиру. В качестве маневренных баз использовались порты Туапсе, Геленджик, Новороссийск и Анапа.

[234] *Бухнер Ф.* Указ. соч. С. 130.

[235] Там же.

[236] Великая Отечественная народная 1941—1945 гг. Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 155.

[237] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 3. С. 183.

[238] Партийное подполье: Деятельность подпольных партийных организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 258.

[239] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). С. 40, 264—265.

[240] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 414. Л. 662—664.

[241] Там же. Д. 9. Л. 178.

[242] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 112. Л. 257—258.

[243] Крымский областной партийный архив. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1в. Л. 117—118.

[244] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 414. Л. 12—23.

[245] Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 799. Л. 78.

[246] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 225.

[247] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 3. С. 191.

[248] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 222.

[249] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 807. Л. 23—24; История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 8. С. 106.

[250] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 2980. Д. 65. Л. 82—84.

[251] Там же. Оп. 3000. Д. 807. Л. 29.

[252] Герои боев за Крым. Симферополь, 1972. С. 95.

[253] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 807. Л. 41.

[254] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 235—236.

[255] *Бухнер А.* Указ. соч. С. 133—134.

[256] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9921. Д. 142. Л. 35—36.

[257] Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. С. 352.

[258] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9921. Д. 142. Л. 38.

[259] *Крейзер Я.* Сиваш — Севастополь // Военно-исторический журнал. 1969. № 5. С. 79.

[260] *Бухнер А.* Указ. соч. С. 146.

[261] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 242—243.

[262] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 817. Л. 130.

[263] KTB/OKW. Bd. 4. S. 811.

[264] *Бухнер А.* Указ. соч. С. 151.

[265] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 807. Л. 151.

[266] *Rohwer J., Hümmelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939—1945. P. 272, 274.

[267] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 431.

[268] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 490.

[269] Великая Отечественная война без грифа секретности. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 143; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. С. 294.

[270] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. С. 638.

[271] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 216. Д. 12904. Л. 301.

[272] Там же. Ф. 79. Д. 39841. Л. 322.

[273] Там же. Ф. 27. Д. 11238. Л. 9—14, 125—126; Ф. 260. Д. 33413. Л. 116.

[274] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 381—382.

[275] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Ачкасов В. И. и др. В 3-х т. М., 1960. Т. 2. С. 389.

[276] ЦВМА. Ф. 216. Д. 12892. Л. 390—391.

[277] Там же. Ф. 141. Д. 18279. Л. 257—258.

[278] Там же. Ф. 216. Д. 12897. Л. 434.

[279] *Meister Jü*. Der Seekrieg in den osteuropäischen Gewässern. 1941–1945. München, 1958. S. 302.
[280] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. С. 403.
[281] *Майстер Ю*. Восточный фронт — война на море. 1941–1945. С. 387.
[282] *Казаков П. Д.* Указ. соч. С. 1.
[283] Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. С. 100.
[284] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. С. 292, 486.

ОБСТАНОВКА И ПЛАНЫ СТОРОН К ЛЕТУ 1944 г.

К лету 1944 г. во Второй мировой войне участвовало 45 государств. Военные действия, достигшие небывалого размаха, велись на всех важнейших театрах — на суше, море и в воздухе. Численность вооруженных сил воюющих государств приближалась к своей наивысшей за все время войны точке. Все это привело к значительным изменениям военно-политической обстановки в мире и потребовало уточнения планов ведения военных действий противоборствующих сторон. Определяющими основаниями для этого являлись итоги вооруженной борьбы в зимне-весенней кампании, и прежде всего на главном фронте Второй мировой войны — советско-германском.

Основные итоги зимне-весенней кампании

Зимне-весенняя кампания 1944 г. ознаменовалась новыми успехами антигитлеровской коалиции. Государства и народы, боровшиеся против германского нацизма, при решающей роли Советского Союза и его вооруженных сил сорвали военно-политические планы фашистского блока. Провалились их расчеты стратегической обороной стабилизировать обстановку, выиграть время для того, чтобы восполнить и укрепить военно-экономический потенциал, накопить силы и перехватить инициативу в вооруженной борьбе. Не оправдались их надежды и на раскол антигитлеровской коалиции.

На каждом из фронтов Второй мировой войны военные действия имели свои особенности. Наибольшим размахом, напряженностью и достигнутыми военно-политическими результатами отличались военные действия на советско-германском фронте, где Красная армия вела вооруженное противоборство с самыми боеспособными силами нацистской Германии и ее сателлитов. Стремясь стабилизировать фронт на востоке, верховное главное командование вермахта по-прежнему сосредоточивало там основные усилия.

В рамках зимне-весенней кампании 1944 г. Красная армия, используя превосходство в силах и средствах, без оперативной паузы после летне-осеннего наступления 1943 г. продолжила нанесение мощных ударов по врагу. Операции развертывались в сложных погодных условиях и длились более четырех с половиной месяцев. В боевых действиях участвовали свыше 65 армий, в том числе шесть танковых и 11 воздушных, входивших в 11 фронтовых объединений, а также силы Северного, Балтийского и Черноморского флотов, соединения авиации дальнего действия и войск ПВО территории страны. Неоценимую помощь советским войскам в разгроме противника оказывали партизаны и подпольщики.

Вооруженные силы СССР одновременно вели наступление на трех стратегических направлениях — северо-западном, западном и юго-западном, — на фронте от Финского залива до Керченского полуострова общей протяженностью 4,4 тыс. км. При этом фронт их активных действий составлял 2,2 тыс. км. В итоге Красная армия сокрушила оборону противника в полосе от Нарвского залива до Невеля, вдоль Днепра от Жлобина до Херсона, в Северном Крыму и на Керченском полуострове. Ее объединения к исходу кампании продвинулись до 220–280 км на северо-западном и до 250–450 км на юго-западном направлениях.

В ходе зимне-весенней кампании советские вооруженные силы осуществили три крупные стратегические наступательные операции: под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. В каждой из них принимали участие от фронта и отдельной армии (в Крыму) до трех-четырех фронтовых объединений, от трех до 11–21 общевойсковых армий, до шести танковых (на Правобережной Украине), от двух до четырех воздушных армий; 6–30 тыс. орудий и минометов, 1,5–2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 1700–2600 боевых самолетов. Операции развертывались на фронте от 600 до 1000 км и до 250–450 км в глубину.

Зимне-весенняя кампания со всей очевидностью показала несостоятельность расчетов врага на непреодолимость его обороны. Войска Красной армии, владея инициативой и располагая большой ударной силой, резервами, превосходя противника в военном искусстве, взламывали оборонительные укрепления немцев, наносили им огромный урон в живой силе и боевой технике, окружали и уничтожали отдельные группировки вражеских войск, упорно продвигались на запад, освобождая оккупированную территорию СССР. Результаты военных действий свидетельствуют о полном превосходстве советского военного искусства над военным искусством фашистской Германии.

Крупнейшие стратегические группировки противника, которые оборонялись на северо-западном и юго-западном направлениях, были разгромлены. Германия лишилась важных в экономическом и военном отношениях районов СССР, а ее армия и военно-морской флот — выгодных рубежей и водных пространств, с которыми были связаны расчеты командования вермахта по прикрытию подступов к Прибалтике, Западной Украине, Чехословакии, Румынии, а также по поддержанию своего престижа в Скандинавии и на Балканах.

Потери врага в людях и технике оказались столь большими, что к началу летне-осенней кампании он не смог их восполнить. Всего советскими войсками было разгромлено 172 дивизии и семь бригад противника, из них полностью уничтожены 30 дивизий и шесть бригад, а остальные потеряли 50–75% своего боевого состава. Враг потерял свыше 1 млн солдат и офицеров, 20 тыс. орудий и минометов, 8400 танков и штурмовых орудий, около 5 тыс. самолетов[1].

Наиболее крупной по размаху и результатам была стратегическая наступательная операция, проводившаяся на Правобережной Украине, в ходе которой было осуществлено десять фронтовых операций и операций групп фронтов, объединенных общим замыслом. Объединения Красной армии изолировали друг от друга группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина».

Главным итогом наступления войск Красной армии на южном крыле советско-германского фронта стало изгнание врага из Правобережной Украины, Крыма и большей части Молдавии, их выход к государственной границе с Чехословакией и вступление в северо-восточные районы Румынии. Войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом почти полностью очистили от противника Ленинградскую, Новгородскую и часть Калининской области, положили начало освобождению Эстонии.

Всего в зимне-весеннюю кампанию от врага была освобождена территория СССР, на которой до войны проживали около 19 млн человек. На северо-западе и юге страны были возвращены экономически важные районы. Ленинград удалось окончательно избавить от вражеской блокады. Значительно улучшилось положение Балтийского флота в Финском заливе. Черноморский флот получил возможность возвратиться на свои основные базы в Крыму.

Разгром крупных группировок противника создал благоприятные условия для последующих наступательных действий советских вооруженных сил летом и осенью 1944 г. На северо-западном направлении после ударов по группе армий «Север» сложилась благоприятная обстановка для освобождения Прибалтики и Карелии, а также вывода из войны Финляндии. На западном направлении в результате охвата флангов оборонявшейся в Белоруссии группы армий «Центр» создались выгодные условия для ее разгрома, полного освобождения территории Белорусской ССР и выхода к границам Польши и Германии. На юго-западном направлении в результате рассечения и изоляции групп армий «Северная Украина» и «Южная Украина» открылась возможность развернуть наступление на Балканах. После ликвидации крымской группировки противника высвободились войска 4-го Украинского фронта, что позволило усилить стратегические резервы. Улучшилась обстановка для Балтийского и особенно для Черноморского флота. Это позволило им активнее содействовать наступлению сухопутных войск на приморских направлениях.

Положительные результаты зимне-весенней кампании 1944 г. были очевидны, но поставленную Ставкой ВГК задачу фронтам — выйти на Государственную границу СССР — удалось выполнить только на правом крыле 2-го Украинского фронта. Войска, действовавшие на центральном участке советско-германского фронта, смогли лишь сковать силы мощной немецкой группы армий «Центр» и тем самым способствовать успеху фланговых группировок Красной армии. Такие результаты, а также незавершенность операций по освобождению Украины на львовском, кишиневском и измаилском направлениях, где советские войска были остановлены в 150–200 км от госграницы, объяснялись рядом причин.

В ходе длительных и напряженных сражений и боев войска 1, 2 и 3-го Украинских фронтов понесли большие потери. В связи с этим к концу операции соединения этих фронтов имели весьма низкую укомплектованность. К середине апреля из 157 дивизий, действовавших в составе этих фронтов, 118 дивизий (75%) имели в своем составе от 2,5 до 5 тыс. человек, 19 дивизий (21%) — от 5 до 6 тыс. человек и только шесть дивизий (4%) насчитывали свыше 6 тыс. человек. Из шести танковых армий четыре армии имели всего лишь от 15 до 68 танков каждая[2]. Кроме того, вследствие наступившей весенней распутицы значительная часть артиллерии отстала от войск на 150–200 км. Тылы фронтов и армий растянулись, армейские базы располагались в 300–500 км от линии фронта. Войска ощущали острую нужду в боеприпасах, горючем и других материальных средствах.

Противник, в свою очередь, перебросив на южное крыло фронта дополнительные силы и используя естественные преграды (Карпаты и р. Днестр), сумел повысить устойчивость обороны и стабилизировать фронт.

Упорное сопротивление врага, тяжелые погодные условия, мешавшие снабжению войск и выполнению поставленных задач, а также недостатки в управлении привели к большим потерям. Всего за зимне-весеннюю кампанию советские вооруженные силы потеряли 3021,2 тыс. человек. При этом безвозвратные потери составили 801,5 тыс., а санитарные — 2219,7 тыс. человек[3]. За четыре месяца кампании Красная армия потеряла значительное количество вооружения и боевой техники: артиллерийских орудий — 6530, минометов — 5520, орудий зенитной артиллерии — 240, танков и САУ — 6700, самолетов — 2420[4].

К лету 1944 г. еще больше возрос международный авторитет СССР, окрепли его внешнеполитические позиции. Красная армия своими успехами способствовала дальнейшему укреплению позиций СССР в антигитлеровской коалиции. Боевые действия на советско-германском фронте зимой и весной 1944 г. показали, что Советский Союз способен самостоятельно разгромить немецкую армию и войска союзников Германии, освободить народы Европы от гитлеровского ига. Поэтому правительства США и Великобритании ускорили подготовку к высадке своих войск в северной Франции, осознавая, что дальнейшее затягивание с открытием второго фронта в Европе становится опасным для их послевоенной политики.

Успехи Красной армии, достигнутые весной 1944 г., сорвали попытки германского военного командования укрепить оборону на западе и тем самым обеспечили союзникам исключительно благоприятные условия для активизации наступления в Италии, а также для

подготовки вторжения во Францию, во многом предопределив его успешное осуществление. 18 апреля президент США и премьер-министр Англии писали главе советского правительства: «Со времени Тегерана Ваши армии одержали ряд замечательных побед для общего дела». Они также выразили уверенность в том, что Красная армия и армии союзников, «действуя единодушно в соответствии с нашими тегеранскими соглашениями, сокрушат гитлеровцев»[5].

Значение одержанных Красной армией побед для создания условий в высадке союзников во Франции признавали и некоторые немецкие генералы: «Война с англичанами и американцами во Франции может быть проиграна и, вероятно, уже проигрывается на восточном фронте, еще до высадки англо-саксонских армий на континент»[6]. В свою очередь, в воспоминаниях Г. Гудериана отмечается, что в то время «о подготовке сил для Запада, где весной союзные державы наверняка должны были высадить десант... не могло быть и речи»[7].

Факты свидетельствуют, что в этот период основные силы и средства сухопутных войск и авиации вермахта всецело поглощал восточный фронт. Сюда перебрасывались не только германские стратегические резервы, но и войска с других театров военных действий, в том числе с западноевропейского, а также вновь формировавшиеся соединения.

За зимне-весеннюю кампанию 1944 г. на восток немецкое командование вынуждено было отправить 40 дивизий и четыре бригады из европейских стран и из самой Германии[8]. Кроме того, для восполнения понесенных потерь оно перебрасывало в войска, действовавшие в составе групп армий «Северная Украина» и «Южная Украина», многочисленные маршевые пополнения, большое количество вооружения, боевой и другой техники.

Из-за недостатка сил и средств германским войскам не удалось выполнить намечавшиеся работы по инженерному оборудованию обороны на западе, насытить ее артиллерией, противотанковыми средствами и танками. Не смогло ОКВ создать и централизованный резерв для действий на западе, так как предназначавшиеся для этого соединения отправлялись на советско-германский фронт.

Большое значение приобрели согласованные позиции и действия СССР, США и Великобритании в отношении стран — сателлитов фашистской Германии: Финляндии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Вступая на территорию восточноевропейских стран, советские войска не имели никаких других целей, кроме их освобождения от гитлеровского порабощения. Ключевым моментом позиции СССР по отношению к странам, сотрудничавшим с Германией, стало заявление советского правительства в связи с выходом 26 марта 1944 г. соединений 27-й армии 2-го Украинского фронта на государственную границу с Румынией, где подчеркивалась освободительная роль вступления советских войск на территорию этих государств[9].

Внешняя политика СССР проводилась на основе глубокой оценки всей сложности и противоречивости международной обстановки первой половины 1944 г., тех изменений, которые произошли в ней под влиянием закрепления коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Советская дипломатия всячески стремилась объединить усилия всех участников антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома общего врага, вносила значительный вклад в обеспечение слаженности в работе союзнических органов, в принятие согласованных решений по важнейшим внешнеполитическим проблемам, в создание предпосылок для реализации программы по послевоенному устройству мира на принципах справедливости и безопасности.

В связи с началом освобождения народов Европы в 1944 г. стали успешно решаться новые важные внешнеполитические вопросы: о статусе советских войск на территории союзных государств, о линии поведения их в странах, сотрудничавших с Германией. Советское руководство использовало все возможности, чтобы установить или расширить дружественные связи с национально-освободительными силами Польши, Чехословакии, Югославии, Франции и других стран, оказать им помощь в борьбе с оккупационными режимами. Большой политический резонанс получила позиция Советского Союза по Италии, способствовавшая ликвидации фашизма в этой стране.

Советские представители внесли существенный вклад в работу Европейской консультативной комиссии, определявшей отношение победителей к Германии и немецкому народу.

Уже в 1944 г. был разработан документ об условиях капитуляции Германии, выполнение которого способствовало бы превращению ее в миролюбивое демократическое государство. В этом же году предпринимались первые шаги к созданию всеобщей организации безопасности, обеспечению прочного мира после войны.

Выход советских войск на подступы к Балканам и Прибалтике обострил внутриполитическое положение в европейских странах, в том числе и в тех, которые оставались союзниками Германии. Усилилось антигитлеровское движение в Румынии, Финляндии, Болгарии и Венгрии, а их правительства стали искать пути выхода из прогерманского блока. Стремясь удержать в подчинении своих союзников, германское руководство в марте 1944 г. ввело войска в Венгрию и Румынию, существенно ужесточив в них оккупационный режим.

Под влиянием побед СССР в первой половине 1944 г. наблюдался дальнейший подъем национально-освободительного движения народов государств, оккупированных Германией. Оно расширилось, приобрело организованный характер, во многих странах возросли масштабы вооруженной борьбы с оккупантами и внутренними реакционными режимами. Размах национально-освободительного движения был настолько велик, что для борьбы с ним немецкое руководство оказалось вынужденным использовать не только полицейские и специальные формирования, но и значительное количество кадровых дивизий.

В самой Германии оппозиционно настроенные круги предприняли новую попытку покушения на Гитлера, надеясь его устранением создать почву для заключения сепаратного мира с Англией и США. Обеспокоенное размахом их деятельности гестапо арестовало 400 членов столичной группы коммунистического подполья, из них 200 человек были осуждены, а 65 — приговорены к смертной казни[10]. Всего в Германии за антинацистскую деятельность были казнены 2097 человек[11].

Победы, одержанные Красной армией в зимне-весенней кампании, способствовали подготовке союзников к открытию второго фронта в Европе. Наблюдался подъем национально-освободительной борьбы в оккупированных странах. Осложнилась внутриполитическая обстановка в Германии, обострился кризис в ее отношениях со странами-сателлитами. В целом же развитие военно-политической обстановки в мире свидетельствовало о росте авторитета СССР, всемерной поддержки его позиций миролюбивыми силами международного сообщества.

Изменения в военно-политической обстановке

Победы, одержанные СССР, и действия союзников по антигитлеровской коалиции предопределили значительные изменения к лету 1944 г. военно-политической обстановки в мире. Военные действия к этому времени достигли небывалого размаха и велись на всех важнейших театрах: в Европе, Атлантике, на Средиземном море, Тихом океане и в Китае. Главным по-прежнему оставался советско-германский фронт.

Обстановку на советско-германском фронте продолжал определять рост военно-экономического могущества СССР. Опираясь на общие достижения экономики страны, военная промышленность в первом полугодии 1944 г. значительно нарастила производство военной продукции. Это позволило полнее удовлетворять растущие потребности фронта.

Одним из решающих условий успеха Красной армии на фронтах явилось прочное внутриполитическое положение Советского Союза. Государственный Комитет Обороны неослабное внимание уделял политической мобилизации народных масс, воспитанию их и воинов Красной армии в духе патриотизма и интернационализма, укрепления дружбы и сплоченности между народами. Это направление деятельности особенно активизировалось в войсках действующей армии в связи с приближением их к западным границам СССР и перенесением военных действий на территорию сопредельных государств.

Советское руководство считало возможным и необходимым вывод из войны Румынии и других стран, воевавших на стороне Германии. Эта позиция была согласована с правительствами США и Великобритании. Правительства трех держав антигитлеровской коалиции 13 мая 1944 г. сделали совместное заявление, в котором предложили руководителям Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии решить, «намерены ли они упорствовать в их нынешней безнадежной и гибельной политике препятствования неизбежной победе союзников, хотя для них еще есть время внести вклад в эту победу»[12].

Исходя из перспективных геополитических интересов Советского государства, вступление Красной армии в страны Восточной Европы в 1944 г. было оправдано. Именно такой подход отвечал единственно верному решению — добиться полного разгрома фашистской Германии и ее сателлитов в соответствии с международными соглашениями.

Госсекретарь США К. Хэлл в то время заявлял: «Мы должны всегда помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, возможно, спасли союзников от сепаратного мира с немцами. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей 30-летней войны»[13].

Продолжение войны диктовалось не только обязательствами СССР перед союзниками. Чтобы одержать победу, необходимо было уничтожить вооруженные силы противника, лишить его союзников, овладеть территорией неприятеля. Требовалось освободить Европу и уничтожить в его логове германский нацизм, который угрожал миру созданием баллистических ракет и атомного оружия.

Понимая вероятность выхода Красной армии к границам Германии и неизбежность военного поражения, германское командование искало возможность заключения сепаратного мира с США и Великобританией. Для этого планировалось организовать всемерное сопротивление на восточном фронте и начать переговоры с американцами и англичанами. Расчет делался на то, что и в США, и в Великобритании в таком развитии событий были заинтересованы реакционные и консервативные круги. Английский премьер-министр У. Черчилль не скрывал своего желания ослабить международные позиции Советского Союза и вновь создать «санитарный кордон» на его границах из государств, зависимых от США и Англии.

Альтернативной была позиция президента США. Признавая, что СССР является решающим фактором в войне, Ф. Рузвельт еще в 1943 г. на Тегеранской конференции глав правительств трех союзных держав высказывался за то, чтобы совместными усилиями решать задачу разгрома Германии[14].

Вместе с тем высшее политическое руководство СССР неоднократно получало от разведки и органов государственной безопасности сведения о конспиративных контактах представителей США, Англии и Германии. Так, руководитель американской разведки А. Даллес в 1943 г. вел в Лиссабоне переговоры с гитлеровским эмиссаром Гогенлоэ. Бывший нацистский министр экономики Я. Шахт, связанный с американскими кругами через финансиста М. Норманна, обеспечивал финансовую сторону сепаратных переговоров представителей Германии с США и Англией.

Сепаратные переговоры, которые велись Англией и США за спиной своего союзника — СССР, являлись грубым нарушением союзнических обязательств. Настойчивые требования советского политического руководства, обращенные к руководству Великобритании и США, соблюдать договоренности антигитлеровской коалиции, а главное — успешное продвижение с боями Красной армии сорвали планы Германии заключить сепаратный мир с западными союзниками СССР.

Особо важным событием, изменившим военно-политическую обстановку в войне, стало решение об открытии второго фронта. Договоренность о его создании в Западной Европе была достигнута на переговорах между представителями СССР, США и Англии еще в мае — июне 1942 г. Однако американские и английские правящие круги вскоре приняли одностороннее решение о переносе вторжения в северную Францию на 1943 г. Но и тогда этого не произошло. Англо-американские войска высадились в 1942 г. в Северной Африке, а в 1943 г. — на Сицилии и в южной Италии. Всего 6–7% немецких войск было отвлечено на

противодействие этим операциям. Советский Союз вплоть до середины 1944 г. продолжал нести бремя вооруженного противоборства с Германией фактически в одиночку.

Что касается причин затягивания открытия второго фронта во Франции, то главными из них были две. Первая причина связана с настойчивым выдвижением У. Черчиллем так называемого плана «Балканской, или Средиземноморской, стратегии», который предусматривал высадку войск союзников на Балканах. Здесь явно просматривались главным образом его политические соображения. Британский премьер-министр стремился преградить путь Красной армии на Балканы и придушить здесь рост национально-освободительного движения.

Вторая причина вытекала из того, что затягивание открытия второго фронта, а следовательно, и самой мировой войны было на руку финансовым кругам США и Великобритании. Известен факт: американские промышленники за время войны получили прибыль 53 млрд долларов. Америка — единственная страна в мире, разбогатевшая во время Второй мировой войны. Прибыли американских корпораций в сопоставлении с 1938 г. возросли в 5,8 раза[15].

Используя военную конъюнктуру, США смогли увеличить добычу угля и выплавку металла, сохранить высокий уровень добычи нефти, производства электроэнергии и сельскохозяйственной продукции. Благодаря этому при подготовке к открытию второго фронта в Европе они имели возможность наращивать производство самолетов и боевых кораблей, столь необходимых для высадки войск в северной Франции.

Несколько иным было положение в английской экономике. В связи с затруднениями с сырьем и нехваткой рабочей силы в Великобритании в первой половине 1944 г. обозначился даже спад в некоторых отраслях военного производства. Заметно сократились, в частности, строительство кораблей, выпуск танков, отдельных образцов стрелкового и артиллерийского вооружения[16].

Успехи Вооруженных сил СССР создавали благоприятные условия для активизации действий союзников в Италии и расширения воздушных бомбардировок германской территории. Силы их флотов продолжали вести борьбу с немецкими подводными лодками в Атлантике. Союзники без оглядки на Германию расширяли военные действия на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

И все же главной проблемой во взаимоотношениях союзников в 1944 г. оставались сроки открытия второго фронта в Европе. Несмотря на то что британский премьер-министр У. Черчилль не изменил позиции относительно Балканского варианта, союзники под воздействием результатов наступательных действий Красной армии в зимне-весенней кампании, а также исходя из интересов обеспечения своих политических целей, к началу летне-осенней кампании практически завершили подготовку к высадке войск во Франции.

Фактически второй фронт в Европе был открыт 6 июня 1944 г. К этому времени Советский Союз в одиночку мог завершить разгром нацистской Германии. Однако это не входило в планы правящих кругов США и Великобритании. Да и перспективы послевоенного устройства в Европе волновали их не в меньшей степени.

Советское правительство вооруженной борьбой, политическими, экономическими и военными мерами оказывало посильную помощь народам зарубежных стран в борьбе с германским нацизмом за национальное и социальное освобождение. Выступая с докладом в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г., заместитель председателя СНК В. М. Молотов подчеркнул: «Красная Армия выполняет освободительную миссию не только в отношении своей Родины, но и в отношении всех демократических стран, которые борются за свою честь, свободу и независимость против смертельной опасности со стороны фашизма»[17].

В то же время правительства и военное руководство США и Великобритания, опасаясь расширения национально-освободительной борьбы, стремились ввести ее в управляемое русло, помогая главным образом той части движения Сопротивления, которая находилась под руководством правых политических сил.

Под воздействием побед Красной армии и с ее приближением к границам европейских стран, оккупированных противником, движение Сопротивления народов Западной, Цент-

Американский оператор снимает подбитые немецкие танки в Италии

ральной и Юго-Восточной Европы заметно активизировалось. Оно принимало все более организованный вооруженный характер.

В Польше движение Сопротивления приобрело характер ярко выраженных вооруженных выступлений. В феврале — апреле 1944 г. на ее территорию с Украины и из Белоруссии были передислоцированы 15 советских партизанских соединений и отрядов, которые действовали в боевом сотрудничестве с польскими национально-освободительными силами. Для оказания помощи партизанскому движению в мае при поддержке советских властей в селе Шпаново Ровенской области был создан польский партизанский штаб, который получал помощь кадрами и вооружением. В июне уполномоченные Краевой Рады Народовой, посетив польские национальные воинские части в СССР, сделали заявление, в котором выразили искреннюю благодарность за оказанную им помощь в создании польских формирований и заявили, что «Польская Армия идет плечом к плечу с героической Красной Армией к окончательному разгрому гитлеризма»[18].

К лету 1944 г. значительно расширилась территория боевых действий партизан в Чехословакии. При этом значительную помощь им оказывал Советский Союз. В стране действовало 30 совместных советско-чешских отрядов, в составе которых сражались не менее 3 тыс. советских граждан. Кроме того, на территории СССР проходили подготовку 220 чехословацких партизан. Наиболее широкие масштабы партизанское движение получило в Словакии, где некоторые соединения насчитывали в своих рядах по несколько тысяч человек.

В конце марта 1944 г. правящие круги Румынии во главе с королем Михаем I пришли к согласию об устранении прогерманского режима Антонеску и замене его новым, способным

Картина М. В. Куприянова, П. Н. Крылова, Н. А. Соколова «Бегство фашистов из Новгорода». 1944–1946 гг.

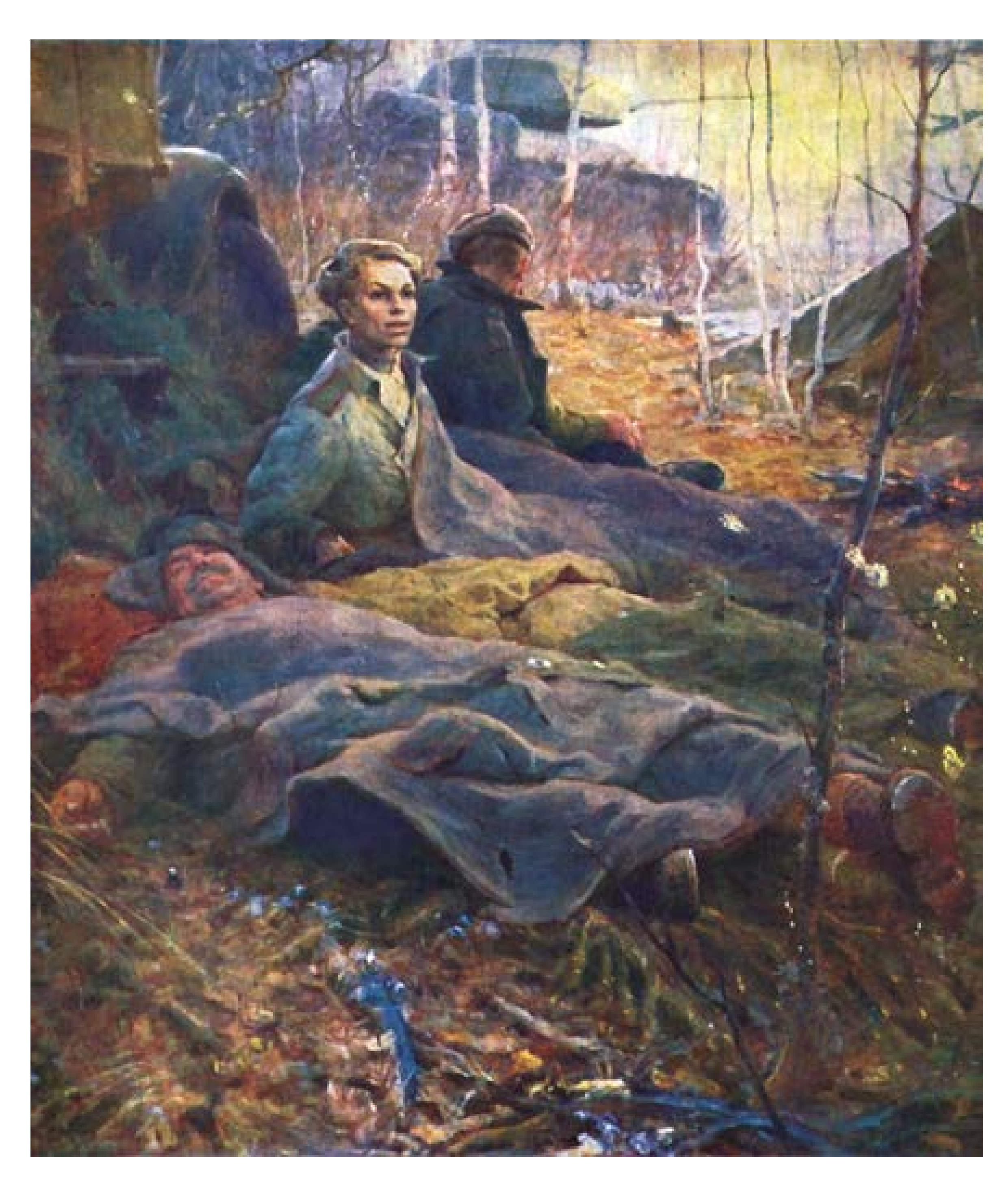

Картина А. М. Грицая «Мост через Сиваш». 1944 г.

Картина М. Н. Домащенко «Бой у Сапун-горы». 1947 г.

Рисунок А. В. Кокорина «Бывалый солдат». 1944 г.

Картина Б. М. Неменского «Дыхание весны». 1955 г.

Картина П. А. Кривоногова «Конная артиллерия в бою. 1944 г.». 1946 г.

Картина неизвестного художника «Форсирование реки Висла 25-м гвардейским инженерно-саперным батальоном 31 июля 1944 года в районе Кемика-Хотеска». 1944 г.

Картина А. И. Лактионова «Письмо с фронта». 1947 г.

Картина В. Н. Яковлева «Заседание Военного совета артиллерии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». 1946 г.

Картина А. А. Блинкова «Залп гвардейских минометов». 1947 г.

Картина М. А. Савицкого «Партизаны». 1963 г.

вывести страну из войны. В июне в стране был создан национально-демократический блок в составе коммунистической, социал-демократической, национал-царанистской и национал-либеральной партий. Руководство блока установило связи с дворцовыми и патриотически настроенными военными кругами, совместно с которыми в последующем был арестован диктатор Антонеску и создано новое правительство Румынии.

Весной 1944 г. с авиабаз, расположенных в районах Киева и Винницы, началось снабжение по воздуху Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) советским вооружением[19]. С продвижением Красной армии на запад с баз снабжения в Крайове (Румыния) и в Софии было передано НОАЮ советское вооружение для 12 пехотных и двух авиационных дивизий[20].

В Албании, долгое время находившейся под итальянской, а с середины 1943 г. и под немецкой оккупацией, 24 мая 1944 г. состоялся первый антифашистский конгресс национального освобождения, на котором было принято решение о последующем политическом устройстве государства и избран антифашистский Национально-освободительный совет. В июне Национально-освободительная армия Албании перешла в наступление с целью завершения освобождения территории страны от вражеской оккупации.

Руководство итальянского Сопротивления в марте 1944 г. организовало мощную всеобщую политическую забастовку в северной и центральной Италии (в южной уже находились союзники СССР). Советское правительство выступило с предложением к союзникам о демократизации итальянского правительства П. Бадольо. Консультационный совет союзников по вопросам Италии поддержал это представление[21].

Во Франции сопротивление врагу нарастало по мере продвижения англо-американских войск. В ходе национального восстания силами партизан были освобождены несколько городов, в том числе столица Франции — Париж.

Югославские партизаны между боями

В Бельгии в 1944 г. активно действовала «Бельгийская армия партизан». С октября 1943 г. по апрель 1944 г. партизаны провели более 300 диверсий, взрывая электростанции, разрушая шлюзы, уничтожая гитлеровцев.

В Дании антигерманскую борьбу вела вооруженная организация «Гражданские патриоты». В июне 1944 г. между Данией и СССР были установлены дипломатические отношения.

В Норвегии в 1944 г. активизировали свои действия коммунисты. Однако руководство движения Сопротивления и его вооруженная организация «Милерга» по-прежнему проводили тактику выжидания, ограничиваясь созданием партизанских лагерей в горных районах страны.

Итак, национально-освободительное движение в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944 г. достигло своей кульминации. Этому способствовали освободительная миссия СССР и высадка союзников в Нормандии. Антифашистское движение стало одним из факторов освобождения народов от немецких агрессоров. В период этой борьбы происходила консолидация общественно-политических сил, которые позже образовали временные правительства.

В 1944 г. усилилась политическая изоляция Германии. Произошел настоящий обвал в ее отношениях с сателлитами. Чтобы не допустить выхода Венгрии из агрессивной коалиции, в нее 19 марта 1944 г. были введены немецкие войска и установлен оккупационный режим. Этот сигнал подействовал и на других европейских сателлитов Германии: они не приняли совместное обращение правительств СССР, США и Англии от 13 мая 1944 г. с предложением выйти из войны и примкнуть к странам антигитлеровской коалиции. Напротив, с весны 1944 г. Венгрия и с лета 1944 г. Румыния на порядок увеличили количество своих войск на советско-германском фронте. Финляндия держала на северном крыле фронта 19 дивизий[22].

Продолжалось ухудшение экономической и внутриполитической обстановки в Германии. К середине 1944 г. Германия достигла максимума военного производства, а затем началось его падение. Это было вызвано потерей ресурсов ранее оккупированных территорий СССР и других стран, сокращением численности рабочих рук на производстве. На принудительных работах в стране в середине 1944 г. эксплуатировался труд 5 млн 736 тыс. 412 человек, угнанных из различных стран, в том числе более 2 млн — из Советского Союза[23].

В связи с крупными поражениями вермахта на советско-германском фронте военно-промышленные районы Центральной и Юго-Восточной Европы, производившие для германской армии оружие и боевую технику, оказались под угрозой новых ударов Красной армии. Добавляла проблемы потеря ресурсов стран-сателлитов.

К примеру, за счет ограбления Франции, Бельгии, Голландии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Словакии «доходы» Германии к 1944 г. составили 124 млрд рейхсмарок[24]. И еще пример: с временно оккупированной территории СССР в Германию к апрелю 1944 г. было отправлено 239 тыс. электромоторов, 175 тыс. станков, свыше 1 млн тонн железной руды, десятки тысяч тонн хлопка, шерсти и многое другое[25].

Положение Германии усугублялось также реальной перспективой высадки американо-английских войск во Франции.

Вместе с тем Германия в середине 1944 г. еще располагала значительной производственной базой. Ее промышленность освоила выпуск новых видов оружия: самолетов-снарядов ФАУ-1 и управляемых ракет ФАУ-2. Однако германскому руководству не долго удавалось сохранять достигнутое к 1939 г. военно-техническое превосходство. Если на этапе блицкрига ударная сила германской армии зиждилась на маневренности и подвижности войск, то в 1944 г. «демоторизация» наземных войск компенсировалась использованием конной тяги, число коей к весне выросло до 1 млн лошадей[26].

Вермахт испытывал сложности в результате больших потерь на советско-германском фронте. Начинали себя проявлять проблемы его тылового обеспечения оружием, горючим, материальными средствами. Наличие боевых машин для сухопутных войск, например, с января по август 1944 г. сократилось более чем на 15%. Та же ситуация сложилась и с артиллерийскими системами. В результате число используемых на восточном фронте моторизованных артиллерийских подразделений за этот же период сократилось на одну четверть[27].

Производство ракет ФАУ-1 на подземном заводе в Германии

Сборка бомбардировщиков на американском заводе

Во внутриполитической обстановке в Германии к середине 1944 г. отмечались максимальная концентрация власти в руках аппарата национал-социалистской партии и «сращивание» промышленной верхушки с нацистским руководством. Все социальные и возрастные группы населения были объединены в специально созданные «примыкающие к НДСАП союзы». Это было сделано в целях всеобщего контроля обстановки в стране и оказания максимального влияния на каждого немца. Люди, не состоявшие в каком-либо союзе, на работу не принимались.

В Советском Союзе успешно шло восстановление народного хозяйства на освобожденных от врага территориях. В течение 1944 г. эти районы дали продукции на 8,3 млрд рублей, то есть в три раза больше, чем в 1943 г.[28] В соответствии с постановлением ГКО от 28 февраля 1944 г. приоритет отдавался восстановлению станкостроительной промышленности, от которой непосредственно зависело «дальнейшее улучшение выпуска оборонной продукции... а также проведение мероприятий по быстрейшему восстановлению промышленности, транспорта и сельского хозяйства»[29]. Важную роль в производстве продукции тяжелой промышленности и военной техники продолжали играть восточные районы страны.

В 1944 г. своей кульминации достигло военное производство в СССР. Советская промышленность обеспечила массовый выпуск военной техники и превосходила среднегодовое производство Германии по артиллерийским орудиям — в 2 раза, по минометам — в 5 раз, по противотанковым ружьям — в 2,6 раза. Ежемесячно советская промышленность производила свыше 2 тыс. танков. В Германии максимальное производство танков было достигнуто в мае 1944 г. — 1450 единиц. В 1944 г. в СССР было произведено 33,2 тыс. боевых самолетов. Это лучший годовой результат за все время войны[30].

К лету 1944 г. продолжалось наращивание мощи советских вооруженных сил. Они планомерно насыщались новым, более эффективным оружием. Совершенствовались их организация, система материального и технического обеспечения, медицинского обслуживания войск, накапливался боевой опыт, укреплялся моральный дух.

Вместе с тем Советский Союз все еще вынужден был преодолевать немалые трудности. Требовалось значительно больше усилий для восстановления народного хозяйства на освобожденных территориях. На эти цели направлялось свыше 40% капитальных вложений. Большую озабоченность у советского руководства вызывало то, что под вражеской оккупацией все еще находилась значительная территория страны с многомиллионным населением. Сохранялось колоссальное напряжение в промышленности и сельскохозяйственном производстве. Военные расходы поглощали более 51% годового государственного бюджета[31]. Ощущался дефицит рабочей силы и сырья. Были и другие трудности, но все они являлись преодолимыми. Поэтому руководство страны призывало советских граждан не обольщаться достигнутыми успехами и мобилизовать все силы и средства на полный разгром врага.

К середине 1944 г. изменилась стратегическая обстановка на фронтах Второй мировой войны. Из общего количества сил и средств, имевшихся у основных государств воюющих коалиций, на фронтах Второй мировой войны находилось 48% личного состава, 64% орудий и минометов, 61% танков и самоходных артиллерийских установок (штурмовых орудий), 42% боевых самолетов и свыше 90% боевых кораблей основных классов[32]. Наибольшее количество сил и средств по-прежнему находилось на советско-германском фронте. Германия сосредоточила здесь более 60% всех действующих войск вермахта.

На советско-германском фронте боевые действия по-прежнему отличались наибольшей активностью. Именно здесь происходили и намечались события, имевшие решающее значение для всей Второй мировой войны. Линия, разделявшая воюющие стороны, от Баренцева моря проходила западнее Мурманска, через Онежское и Ладожское озера, Карельский перешеек, северо-западнее Ленинграда, восточнее Нарвы, Пскова, Витебска и Могилева, по р. Припять, восточнее Ковеля и Станислава. Далее она пролегала севернее Кишинева и, опускаясь на юг по Днестру, уходила к Черному морю.

На этом огромном фронте протяженностью 4,5 тыс. км с советской стороны действовали войска 11 фронтовых объединений, три флота, две флотилии и два фронта ПВО страны. Они

превосходили противника в людях — в 1,6 раза, в орудиях и минометах — в 2,1 раза, в танках и САУ — в 1,5 раза, в боевых самолетах — в 5,2 раза[33].

Советские войска занимали выгодное стратегическое положение. Сложившаяся линия фронта и наличие двух выступов — в Белоруссии и Молдавии — позволяли им наносить удары по флангам группировок противника. Улучшилась оперативно-стратегическая обстановка на Балтийском и Черном морях. Приближение линии фронта к основным районам базирования советских партизан позволяла им более тесно взаимодействовать в наступающими войсками Красной армии.

Таким образом, к середине 1944 г. в военно-политической обстановке произошли значительные перемены. В пользу СССР изменилось соотношение сил на советско-германском фронте. В результате успешного проведения Красной армией в первой половине 1944 г. наступательных операций и предпринимаемых правительством дипломатических шагов возрос международный авторитет СССР. Вермахт потерпел крупные поражения, от которых не мог быстро оправиться. Гитлеровское командование вынуждено было полностью отказаться от стратегии наступления и перейти к обороне. Открытие второго фронта еще более осложнило положение стран прогерманского блока.

Замыслы и планы сторон

Германское политическое и военное руководство к лету 1944 г. все еще не осознавало перспектив своего поражения в войне с Советским Союзом. Еще весной 1944 г. на специальном совещании им был рассмотрен план действий вермахта, замысел которого строился на идее выигрыша времени в ожидании осложнения отношений в тройке антигитлеровской коалиции. Предполагалось, что это может произойти в связи с затягиванием открытия союзниками СССР второго фронта в Европе. Кроме того, в качестве рычага дипломатического давления на Советский Союз прогнозировалось использование со стороны руководства США и Великобритании договоренностей по ленд-лизу, противоречий по польскому вопросу, послевоенному устройству мира и прочего.

Как показало время, все эти вопросы взаимоотношений союзников при активной дипломатической деятельности советского руководства оказались решаемыми, а политическая основа военно-стратегического плана германского военного командования — несостоятельной.

Военная составляющая германского плана «вести войну за выигрыш времени в ожидании событий» в одном из документов получила следующую конкретизацию: «Войну на Востоке следует вести таким образом, чтобы: а) союзники от нас не откололись, б) советские вооруженные силы не добились своих целей, в) мы остались бы достаточно сильными на других фронтах театров военных действий. Для этого необходимо: а) бороться за каждую пядь земли, б) по-хозяйски распоряжаться своими силами, в) мириться с местными кризисами, г) ослаблять боевые силы противника»[34].

В основе замысла немецкого командования на восточном фронте лежала оборонительная стратегия. Планируя военные действия, оно стремилось к тому, чтобы не допустить прорыва своей обороны и удержать занимаемые позиции в Прибалтике, Белоруссии и западных областях Украины. В качестве аргументации возможности достижения поставленной цели был положен факт ожесточенного сопротивления немецких войск в течение последних полутора лет — с января 1943 г. до мая 1944 г. И действительно, вермахт все еще располагал значительными силами.

Маршал К. К. Рокоссовский после войны отмечал: «Стремясь удержаться в Белоруссии, германское командование сосредоточило там крупные силы — группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Буш (одна танковая и три полевые армии); в полосе

предстоящего наступления наших войск действовала также часть правофланговых дивизий 16-й немецкой армии из группы армий «Север» и танковые дивизии из группы армий «Северная Украина». Всего на фронте от Сиротино до Ковеля к 23 июня было 63 немецкие дивизии и 3 бригады общей численностью 1 миллион 200 тыс. человек. Противник имел 9500 орудий и минометов, 900 танков и 1350 самолетов»[35].

Главный удар Красной армии германское командование ожидало на юго-западном направлении, считая, что выход на Балканы, овладение румынской нефтью и Черноморскими проливами будет главной целью Советского Союза летом 1944 г. При этом допускалась возможность крупного наступления советских войск в Прибалтике. Что же касается Белоруссии, то там руководство вермахта не ожидало решительных действий[36].

Всего Германия и ее союзники имели на восточном фронте 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, 7,8 тыс. танков и штурмовых орудий и 3,2 тыс. боевых самолетов[37]. В резерве главного командования сухопутных войск вермахта находилось шесть дивизий (в том числе три танковые и одна моторизованная), четыре бригады, а также управление 17-й армии. В составе этих сил насчитывалось 106 тыс. солдат и офицеров, более 1,2 тыс. орудий и минометов и 236 танков и штурмовых орудий. Кроме того, немецкое командование могло использовать на восточном фронте 12—15 дивизий, находившихся в Польше, Австрии, Венгрии, Румынии и частично в Германии. Ему удалось пополнить действующие войска. Средняя численность пехотной дивизии на советско-германском фронте составляла 10 тыс., танковой — 13,2 тыс., моторизованной — 13,5 тыс. человек[38].

Что же касается военно-морских сил, развернутых на востоке, то большая их часть находилась в базах северной Норвегии и предназначалась для противодействия проводке конвоев, следовавших в СССР из США и Англии.

Предшествовавшая летне-осенней кампании 1944 г. череда поражений вермахта на советско-германском фронте и осознание, что добиться победы над Красной армией только военным путем невозможно, заставили германское руководство взять курс на активизацию подрывной деятельности внутри СССР. Ставилась цель политического разрушения Советского государства, подрыва его потенциала изнутри. Созданием националистических военизированных формирований спецслужбы Германии намеревались дестабилизировать политическую обстановку в СССР. Главная особенность разведывательно-подрывных операций состояла в том, что приоритет в их проведении стал отдаваться не фронтовому, а глубокому тылу СССР[39].

К лету 1944 г. в Германии стало уделяться большое внимание военной подготовке и морально-политической закалке молодежи. В условиях краха планов нацизма усилилось рекрутирование членов гитлерюгенд в вермахт и войска СС. 1944 г. был объявлен годом добровольцев по вступлению в вермахт. Продолжалась работа по созданию из мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет ополченческих формирований фольксштурм под общим руководством министра внутренних дел рейхсфюрера СС Г. Гиммлера.

Помимо этого, гитлеровская пропаганда активно внушала своим войскам, что Германия будто бы располагает сверхмощным оружием и сможет отразить любые удары на востоке.

Итак, в летне-осенней кампании 1944 г. верховное командование Германии стремилось решить несколько взаимосвязанных задач: оказать ожесточенное сопротивление советским войскам на восточном фронте с активизацией подрывной работы в глубоком тылу Советского Союза; предотвратить или отразить высадку и наступление англо-американских войск на западе с целью принуждения их начать сепаратные переговоры; не допустить распад коалиции союзников Третьего рейха и укрепить внутриполитическую обстановку в своей стране ужесточением полицейско-карательных мер и геббельсовской пропагандой.

Советские вооруженные силы на 1 июня 1944 г. насчитывали свыше 11,2 млн человек, 153 тыс. орудий и минометов, 19 тыс. танков и САУ, 24 тыс. боевых самолетов и 207 боевых кораблей основных классов[40]. Из них в действующей армии состояло 6,6 млн человек, 98,1 тыс. орудий и минометов, 7,1 тыс. танков и САУ, около 12,9 тыс. боевых самолетов[41]. В ее составе находились польские, чехословацкие формирования и французский авиационный

полк «Нормандия — Неман». На территории СССР завершалось формирование румынских и югославских войск.

Военно-политические цели Советского Союза в войне на лето и осень 1944 г. были изложены в первомайском приказе Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Они заключались в том, чтобы «очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря... Преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в... собственной берлоге... Вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы»[42]. Эти цели были положены в основу планирования летнего наступления Красной армии.

О проведении мощного наступления летом и осенью 1944 г. окончательное решение было принято в конце апреля на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК. По плану предстояло подготовить и осуществить серию последовательных и взаимоувязанных наступательных операций.

Главный удар планировалось нанести на центральном участке советско-германского фронта с тем, чтобы разгромить немецкие группы армий «Центр» и «Северная Украина», оборонявшиеся в Белоруссии и западных областях Украины, а затем начать освобождение других районов Советского Союза и оказать помощь народам стран, находившихся под игом немецких захватчиков. Предполагалось, что нанесение главного удара на этом участке должно было привести к разгрому двух сильнейших немецких группировок и прорыву их стратегического фронта, к разъединению и изоляции войск противника, действовавших на северо-западном и южном направлениях, вывести советские армии кратчайшим путем к границам Германии и способствовать достижению значительных оперативных и стратегических результатов.

В соответствии с замыслом Ставки наступление должно было начаться операцией Ленинградского и Карельского фронтов на Карельском перешейке и в южной Карелии. Имелось в виду, что разгром врага в этом районе неизбежно оттянет часть его сил с центрального участка советско-германского фронта и вынудит выйти из борьбы финского партнера гитлеровской Германии. Вслед за действиями Ленинградского и Карельского фронтов без промедления должен был последовать сокрушительный удар четырех советских фронтов в Белоруссии.

Предусматривалось также: в тот момент, когда немецкое командование придет к выводу, что именно здесь происходят главные события, и двинет сюда свои резервы с юга, развернуть решительное наступление войск 1-го Украинского фронта на львовском направлении. В то же время намечалось силами 2-го Прибалтийского фронта сковать войска группы армий «Север», лишить их возможности оказать помощь своему соседу справа — группе армий «Центр».

После разгрома врага в этих операциях Ставка ВГК считала возможным развернуть активные наступательные действия на балканском направлении, а также в Прибалтике и на Крайнем Севере.

О планах советского Верховного главнокомандования на лето 1944 г. И. В. Сталин 6 июня 1944 г. писал У. Черчиллю: «Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск»[43].

Детальное планирование летне-осенней кампании 1944 г. и определение конкретных задач фронтовым объединениям осуществлялось в Генеральном штабе Красной армии.

Войска, действовавшие на северном участке фронта, должны были разгромить противника в Карелии и Заполярье, обеспечив вывод из войны Финляндии. На северо-западном направлении фронтам предстояло разгромить немецкую группу армий «Север» и освободить Прибалтику. На центральном участке советско-германского фронта предстояло разгромить группы армий «Центр» и «Северная Украина», освободить Белоруссию и Западную Украину, оказать помощь Польше и Чехословакии в освобождении от немецкой оккупации. Войска

юго-западного направления получили задачу разгромить группу армий «Южная Украина», обеспечить вывод из войны союзников Германии на Балканах и в Юго-Восточной Европе, помочь балканским странам в освобождении от вражеского порабощения[44].

При подготовке к летним операциям советское командование искусно провело крупнейшую в истории Великой Отечественной войны перегруппировку войск. За относительно короткий срок были перемещены на значительные расстояния управления восьми общевойсковых, двух танковых и одной воздушной армий, а также 13 танковых и механизированных, 11 авиационных и двух кавалерийских корпусов, 76 стрелковых и кавалерийских дивизий[45]. Силы и средства перебрасывались главным образом с южного участка советско-германского фронта — 2, 3 и 4-го Украинских фронтов — в полосы 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, привлекавшихся к осуществлению решающего наступления в Белоруссии и Западной Украине.

В результате перегруппировки советское командование сумело сосредоточить на важнейших направлениях мощные группировки войск и обеспечить необходимое превосходство в силах и средствах над противником. На решающем участке от Невеля до Черновцов равном примерно 37% общей протяженности советско-германского фронта, где действовали войска пяти фронтовых объединений, советское командование сосредоточило 3076 тыс. солдат и офицеров, 46 335 орудий и минометов, 4190 танков и самоходных артиллерийских установок и 5 тыс. боевых самолетов, что составляло почти половину, а по некоторым видам и более всех сил и средств действующей армии. Благодаря этому советские войска превосходили противника в людях — в 1,6 раза, в орудиях и минометах — в 1,8 раза, в танках и САУ — в 1,1 раза, в боевых самолетах — в 2,7 раза[46].

Создание значительного превосходства в живой силе и технике над противником на важнейших направлениях свидетельствовало о возраставших возможностях советского тыла по обеспечению фронтов всем необходимым и о высоком уровне советского военного искусства. Это позволяло Красной армии наносить мощные первоначальные удары, быстро взламывать вражескую оборону и непрерывно наращивать наступательные действия в ходе операций.

В резерве Ставки ВГК на 1 июня 1944 г. находились две общевойсковые, танковая и воздушная армии, девять танковых, семь механизированных, один кавалерийский и 11 авиационных корпусов. Эти объединения, включавшие 30 стрелковых, воздушно-десантных и кавалерийских и 36 авиационных дивизий, насчитывали около 650 тыс. человек личного состава, 9,5 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и 3 тыс. боевых самолетов[47]. Большая часть резервов предназначалась для использования на центральном участке советско-германского фронта. Располагая столь крупными резервами, Ставка ВГК могла значительно усиливать фронты, особенно предназначенные для действий на решающем направлении.

Для обеспечения безопасности дальневосточных границ Советскому Союзу приходилось держать там крупную группировку войск в составе 36 дивизий (в том числе две танковые), 19 укрепленных районов и 51 бригады (в том числе 26 танковых и механизированных)[48].

Ставка ВГК, командование и штабы фронтов и армий обеспечивали пополнение частей и соединений действующей армии личным составом, вооружением и боевой техникой, однако 41% стрелковых дивизий имели среднюю укомплектованность по 6–8 тыс. человек в каждой[49].

Военно-морской флот в соответствии с указаниями Ставки должен был систематически нарушать коммуникации врага и защищать свои, оборонять побережье, поддерживать приморские фланги сухопутных войск, расширять свои операционные зоны, уничтожать минные заграждения гитлеровцев, быть готовым к высадке морских десантов, наносить авиационные удары по неприятельским базам и портам. Северному флоту, кроме того, предписывалось совместно с силами союзников обеспечивать защиту коммуникаций в Баренцевом море. Ставка приняла также решение об оперативном подчинении флотов и флотилий соответствующим фронтовым объединениям.

Главные задачи ВВС состояли в том, чтобы, удерживая стратегическое господство в воздухе, способствовать наступательным действиям сухопутных войск. Войскам ПВО

страны ставилась задача продолжать оборонять с воздуха важнейшие административные и промышленные центры в глубине страны, прифронтовые объекты, прикрывать оперативные перегруппировки войск, а также важные объекты на освобождаемой территории.

Партизаны и подпольщики, как и прежде, должны были нарушать вражеские коммуникации, уничтожать небольшие гарнизоны противника и отвлекать на себя как можно больше его сил, еще теснее координировать свои действия с действиями наступающих войск, противодействовать гитлеровцам в угоне населения и вывозе награбленного имущества в Германию.

Ставка спланировала и почти на всех фронтах провела целый комплекс мероприятий по разведке врага и введению его в заблуждение относительно предстоявших действий Красной армии. Требовалось, чтобы все передвижения войск производились только в ночное время при строгом соблюдении дисциплины марша. Запрещались вновь прибывающим на фронт соединениям ведение наземной разведки, а летному составу вновь прибывающих авиационных частей — облет территории противника. Рекомендовалось рекогносцировку местности проводить небольшими группами, в том числе на пассивных участках фронта, а в полосах, намеченных для активных действий, вести оборонительные работы. Не допускалось ведение переписки, телефонных и радиопереговоров между штабами по вопросам проводимых мероприятий. Серьезное внимание уделялось мероприятиям по маскировке железнодорожных перевозок, особенно вооружения и военной техники на открытых платформах[50].

При подготовке к кампании во всех штабах проводилась целенаправленная работа по обобщению ранее накопленного опыта. По указанию Ставки во фронтах был организован разбор наиболее поучительных операций с выявлением как положительных аспектов, так и недостатков.

По указаниям военных советов фронтов и армий в подготовительный период в войсках проводилась интенсивная боевая и политическая подготовка. Части и подразделения учились сочетать огонь и маневр, быстро взламывать сильную, глубоко эшелонированную оборону противника, преследовать, не давая ему передышки, своевременно срывать его контратаки. Они готовились к тому, чтобы решительным маневром охватывать фланги немецко-фашистских войск, смело прорываться в их тылы, окружать и уничтожать силы гитлеровцев.

В связи с новыми условиями, когда советские войска приступили к освобождению стран Юго-Восточной Европы, Политбюро ЦК ВКП(б) провело в мае 1944 г. совещание с участием членов военных советов фронтов. На совещании были поставлены задачи по развертыванию политической работы среди воинов в новых условиях. Выполняя эти задачи, командиры, политорганы, организации мобилизовывали личный состав на дальнейшее повышение организованности и укрепление дисциплины.

Одной из наиболее сложных и важных проблем, которая решалась в период подготовки к летне-осенней кампании 1944 г., являлось создание в войсках необходимых запасов материальных средств, а также развертывание и всестороннее оснащение медицинских учреждений. Постановлением ГКО от 13 мая 1944 г. расход горюче-смазочных материалов на гражданские нужды был сокращен на 25–30%. Это позволило увеличить поставки автобензина для Красной армии со 135 до 166,2 тыс. тонн[51].

Таким образом, главной целью летне-осенней кампании 1944 г. советское военно-политическое руководство определило завершение освобождения территории СССР и оказание помощи народам Восточной и Юго-Восточной Европы в избавлении от вражеской оккупации. Основные усилия сосредоточивались на центральном участке советско-германского фронта, где находилось от 40 до 60% сил и средств, имевшихся в действующей армии[52]. Значительные силы сохранялись в стратегическом резерве.

* * *

Военно-политическая обстановка к середине 1944 г. была благоприятной для СССР и в целом для стран антигитлеровской коалиции. Решающее значение в борьбе с агрессорами

имели дальнейший рост военного производства Советского Союза и победы Красной армии, продолжавшей прочно удерживать стратегическую инициативу. Эти победы оказывали существенное влияние не только на ход Великой Отечественной и Второй мировой войн, но и на экономику и внутриполитическую жизнь всех воюющих государств, на международные отношения в мире. В свою очередь, определенную роль в дальнейшем улучшении положения на советско-германском фронте сыграли успешные действия союзных войск на других фронтах войны и национально-освободительное движение народов в странах, оккупированных немецкими и японскими агрессорами.

Всё это позволило советскому командованию спланировать на лето 1944 г. крупные наступательные операции с решительными целями, в то время как Германия была вынуждена придерживаться оборонительной стратегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 654; Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 43.

[2] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. М., 1962. С. 97.

[3] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 43; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 263, 292.

[4] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 654.

[5] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. М., 1989. Т. 2. С. 137.

[6] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения / Пер. с англ. М., 1958. С. 217.

[7] *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Neckargemund, 1960. S. 293.

[8] *Ольштынский Л. И.* Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне (Политика и стратегия: факты, выводы, уроки истории). М., 2010. С. 190.

[9] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 105.

[10] *Колпакиди А. И., Прудникова Е. А.* Двойной заговор. М., 2000. С. 502–503.

[11] Война Германии против Советского Союза. 2-е изд. Берлин, 1991. С. 188.

[12] Там же. С. 133.

[13] *Hull C.* The Memoirs. Vol. 2. N. Y., 1948. S. 1455.

[14] 65 лет Великой победы. М., 2010. Т. 3. С. 137–138.

[15] *Иванов Л. Н.* Очерки международных отношений в период Второй мировой войны. М., 1958. С. 184.

[16] История второй мировой войны 1941–1945 гг. Т. 9. С. 14.

[17] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 70.

[18] Там же. С. 148.

[19] Там же. С. 90.

[20] Военная энциклопедия. Т. 5. С. 378.

[21] Там же. С. 369–370.

[22] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 1. С. 397.

[23] *Файнгар И.* Очерк развития германского монополистического капитализма. М., 1958. С. 315.

[24] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. С. 195.

[25] Война Германии против Советского Союза. С. 188.

[26] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 10/2. Deutsche Verlags-Ansalt. München, 2007. S. 20.

[27] Ibid. S. 19.

[28] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. С. 172.

[29] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. В 4-х т. М., 1957. Т. 2. С. 822.

[30] Там же. С. 168.

[31] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 14.

[32] Там же. С. 18.

[33] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Действующая армия. М., 2005. С. 568–569.

[34] Цит. по: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1965. С. 339.

[35] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997. С. 312.

[36] Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 686.
[37] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 19.
[38] Там же. С. 23.
[39] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5-ти т. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. С. 7—12.
[40] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы 1941—1945 гг. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 12.
[41] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 54.
[42] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145—146.
[43] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 267.
[44] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 678—679.
[45] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941—1945. Т. 16 (5-4). С. 12.
[46] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 21.
[47] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941—1945. Т. 16 (5-4). С. 12.
[48] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 22.
[49] Там же.
[50] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 682.
[51] Там же. С. 683.
[52] Там же. С. 685.

НАСТУПЛЕНИЕ В КАРЕЛИИ И ЗАПОЛЯРЬЕ

К лету 1944 г. на Карельском перешейке и в Южной Карелии Красной армии противостояли финские войска, а в Заполярье — немецкие.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК летне-осенняя кампания началась с Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции с целью разгрома финской армии, выхода на государственную границу и вывода Финляндии из войны. Операция проводилась в период с 10 июня по 9 августа 1944 г. и включала две относительно самостоятельные операции — Выборгскую, проведенную армиями правого крыла Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией, и Свирско-Петрозаводскую, в которой участвовали войска левого крыла Карельского фронта, Ладожская и Онежская военные флотилии.

В октябре 1944 г. войска Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом провели Петсамо-Киркенесскую стратегическую наступательную операцию с целью разгрома группировки немецких войск на Крайнем Севере и освобождения советского Заполярья. Силы Северного флота, кроме того, в течение второй половины 1944 г. продолжали выполнять задачи по охране союзных конвоев, защите внутренних морских сообщений и нарушению морских коммуникаций противника.

Выборгская наступательная операция

В результате успешно проведенных операций под Ленинградом и Новгородом зимой 1944 г. немецкие войска, находившиеся в непосредственной близости к Ленинграду с юга, были разгромлены и отброшены от города в западном и юго-западном направлениях на расстояние до 250 км. Однако на северо-западе финские войска все еще находились на расстоянии 23–25 км от Ленинграда, и их тяжелая артиллерия продолжала угрожать городу.

Успехи советских войск, назревавший политический и экономический кризис в Финляндии вынудили ее правительство в середине февраля 1944 г. обратиться к Советскому Союзу за выяснением условий выхода страны из войны на стороне Германии[1]. Руководство СССР выдвинуло справедливые условия, расцененные во многих странах как умеренные и приемлемые[2].

Тем не менее 16 апреля 1944 г. финское правительство отклонило их, остановив свой выбор на продолжении войны против СССР в союзе с Германией. Оно все еще надеялось на экономическую и военную помощь Германии и политическую поддержку со стороны США, с которыми Финляндия сохраняла дипломатические отношения. Влиятельные представители

военного командования страны не исключали перехода советских войск в наступление на Карельском перешейке и в Южной Карелии, но надеялись, что Вооруженные силы СССР «не предпримут наступление против Финляндии», а сосредоточат все свои усилия на разгроме Германии[3].

Через три дня после высадки союзников во Франции и незадолго до советского наступления на центральном направлении восточного фронта Красная армия подготовила, с точки зрения военных историков Германии, неожиданную и беспримерную наступательную операцию на Карельском перешейке. Сосредоточению сил в людских ресурсах и боевой технике финнам нечего было противопоставить. Ударные силы наступавших советских войск насчитывали свыше 600 тыс. солдат — это лишь немного уступало количеству участвующих в «зимней кампании 1940 года»[4].

Выборгская наступательная операция проводилась в период с 10 по 20 июня с целью освобождения от противника северной части Ленинградской области, восстановления на Карельском перешейке государственной границы с Финляндией, а также создания благоприятных условий для последующих ударов Красной армии по врагу в Южной Карелии, Прибалтике и на Крайнем Севере.

Специфика подготовки и проведения операции определялась составом и группировкой войск противника, а также особенностями театра военных действий.

К началу операции на Карельском перешейке оборонялись финские 3-й (генерал-лейтенант Х. Сииласвуо) и 4-й (генерал-лейтенант Т. Лаатикайнен) армейские корпуса (15 июня 1944 г. объединенные в группу «Карельский перешеек»). Всего группировка войск противника имела пять пехотных, одну танковую дивизию, пехотную и кавалерийскую бригады, две бригады береговой обороны, специальные части и подразделения[5].

В первом эшелоне оборонялись три пехотные дивизии (15, 2 и 10-я) и 19-я пехотная бригада. В резерве финского командования находились 3-я, 18-я пехотные дивизии, танковая дивизия «Лагус» и 1-я кавалерийская бригада[6]. Побережье Финского залива защищала 1-я бригада береговой обороны, а Ладожского озера — 2-я бригада. Всего на Карельском перешейке сосредоточилась группировка финских войск численностью до 100 тыс. человек, на оснащении которой находилось 960 орудий и минометов, 110 танков, свыше 200 самолетов[7]. Численность пехотных дивизий составляла около 12 тыс. человек[8].

Карельский перешеек представлял собой участок местности глубиной 160 км и шириной 60–110 км, изобилующий лесами, озерами и болотами. Густо заросшие лесом холмы чередовались с глубокими болотистыми лощинами. Имеющиеся дороги, в основном грунтовые, проходили через узкие дефиле между озерами и болотами или лесистыми холмами. Значительное количество больших и малых озер, рек и ручьев в сочетании с лесистыми холмами и труднопроходимыми болотистыми лощинами делали Карельский перешеек одним из самых трудных плацдармов для развертывания крупных боевых действий.

Хотя у финского командования не было ясного представления о замыслах Ставки ВГК, оно все же приняло решение максимально усилить занимаемые позиции. Используя сложные географические условия, финские войска создали на Карельском перешейке прочную, хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону глубиной до 120 км[9]. На выборгском направлении противник подготовил три оборонительные полосы, Выборгский оборонительный обвод и несколько отсечных и промежуточных позиций.

Первая полоса обороны шириной около 80 км, глубиной 5–6 км, на всем протяжении прикрытая густой сетью противотанковых и противопехотных заграждений, проходила по рубежу Таппари на западном побережье Ладожского озера — западный берег озера Лембаловское — Мусталово — Охта — Старый Белоостров — р. Сестра — восточное побережье Финского залива. Она состояла из нескольких линий мощных укреплений с сетью дотов и дзотов, многочисленными пулеметными, минометными и артиллерийскими огневыми точками. Основой инженерного оборудования этой полосы являлась траншейная система и деревоземляные постройки (дзоты, убежища, землянки, а также отдельные доты и бронеколпаки).

Финские укрепления на Карельском перешейке

Вторая оборонительная полоса, так называемая новая линия Маннергейма, являвшаяся главной в системе вражеской обороны, протяженностью 76 км проходила в 15–25 км от переднего края первой полосы по линии западное побережье Ладожского озера — южный берег озера Сувантоярви — Кивеннапа — Метсякюля — северное побережье Финского залива. Оборона на ней строилась по системе опорных пунктов и узлов сопротивления, оборудованных на выгодных в тактическом отношении высотах и прикрывавших основные дороги, пролегающие в межозерных и межболотных дефиле. Глубина обороны этой полосы достигала 8 км. На каждый ее километр приходилось до 14 железобетонных и до 22 других оборонительных сооружений. Все основные опорные пункты на возвышенностях и между озерами имели круговую оборону и прикрывались противотанковыми и противопехотными заграждениями. В ее тылу проходила железная дорога с ответвлениями к опорным пунктам, предназначенная для бесперебойного снабжения войск боеприпасами и маневра войсками и артиллерией на наиболее угрожаемые направления[10].

В 40–65 км от переднего края второй полосы по северному берегу озер Сувантоярви и Вуоксиярви, далее по рубежу Сумма — Мурила проходила третья полоса обороны, постро-

енная на частично восстановленной финнами в 1941–1944 гг. линии Маннергейма. Здесь каждый ее километр имел до 20 прочных убежищ и до 12–14 долговременных огневых точек.

Выборгский оборонительный обвод представлял собой недостроенный укрепленный район с множеством железобетонных огневых сооружений и убежищ, прикрытых противотанковыми заграждениями. Следует отметить, что перед началом наступления советских войск противник занимал только первую и частично вторую полосы обороны.

Таким образом, финское командование, создав на Карельском перешейке мощную систему многополосной обороны с фортификационными сооружениями, сочетавшимися с многочисленными линиями полевых укреплений, противопехотных и противотанковых заграждений, рассчитывало удержать захваченную территорию и не допустить наступления советских войск на выборгском направлении.

Операцию по разгрому финской группировки войск на Карельском перешейке Ставка Верховного главнокомандования возложила на войска правого крыла Ленинградского фронта (генерал армии Л. А. Говоров), силы Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц) и Ладожской военной флотилии (контр-адмирал В. С. Чероков).

К началу мая 1944 г. на Карельском перешейке находилась только 23-я армия в составе 115-го стрелкового корпуса (142, 10 и 92-я стрелковые дивизии), 17-го и 22-го укрепленных районов. Передний край ее обороны проходил по рубежу Таппари — Лембалово — Сестрорецк.

Учитывая особо сложные природные условия района боевых действий, глубоко эшелонированную, долговременную оборону противника и важность предстоящей операции, Ставка ВГК из своего резерва передала войскам Ленинградского фронта значительные силы и средства (21-ю армию, стрелковые и артиллерийские корпуса, другие соединения и части).

Всего к началу Выборгской операции на Карельском перешейке было сосредоточено 18 стрелковых дивизий, четыре танковые бригады, девять танковых полков, девять самоходно-артиллерийских полков и два укрепленных района. Несмотря на то что войска Ленинградского фронта получили маршевое пополнение, средний численный состав стрелковых дивизий не превышал 6,5–7 тыс. человек[11], что составляло 65–70% от их штата.

В войсках правого крыла фронта насчитывалось более 300 тыс. человек, 3004 орудия калибра 76 мм и выше, 2807 минометов калибра 82 мм и выше, 881 реактивная система, 628 танков и самоходно-артиллерийских установок[12]. Для их поддержки привлекалась авиация 13-й воздушной армии и Балтийского флота — всего 741 самолет[13]. Советские войска превосходили противника в личном составе — в 3 раза, в артиллерии — почти в 7 раз, в танках и САУ — в 5,7 раза, в авиации — в 3,7 раза.

В июльской операции 1944 г. Красная армия сумела сконцентрировать свои силы на узком участке зоны прорыва вдоль железнодорожной линии Выборг — Ленинград таким образом, что ее превосходство над вражескими войсками по орудиям и минометам было пятикратным, а по танкам и самолетам — почти семикратным[14].

В соответствии с замыслом войска правого крыла Ленинградского фронта должны были силами двух армий во взаимодействии с 13-й воздушной армией и Балтийским флотом, нанося главный удар вдоль северного побережья Финского залива в общем направлении Белоостров — Сумма — Выборг — Лаппенранта, прорвать оборону финских войск, уничтожить основные силы противника на Карельском перешейке и овладеть стратегически важным пунктом и главным узлом коммуникаций Карельского перешейка — г. Выборг, создав реальную угрозу важнейшим жизненным центрам на юге Финляндии[15].

Для выполнения этой задачи была создана группировка советских войск, в которую вошли 21-я армия, имеющая в составе три стрелковых корпуса, укрепленный район и средства усиления, и 23-я армия, насчитывавшая два стрелковых корпуса, укрепленный район и средства усиления[16]. В резерве фронта находились два стрелковых корпуса, четыре стрелковые дивизии, четыре танковые бригады, а также артиллерийские и инженерные части.

Артиллерию составляли 3-й артиллерийский корпус прорыва, 51-я и 127-я пушечные артиллерийские бригады, 106-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности,

Артиллеристы готовятся открыть огонь по врагу

семь армейских, три корпусных пушечных артиллерийских, шесть артиллерийских, восемь истребительно-противотанковых, семь минометных полков и четыре дивизиона особой мощности. Артиллерия Балтийского флота включала: 1-ю гвардейскую железнодорожную артиллерийскую бригаду в составе пяти артиллерийских дивизионов, четыре артиллерийских дивизиона и одну батарею «А» (130-мм орудия, снятые с крейсера «Аврора») Кронштадтского и Ижорского секторов береговой обороны, артиллерию четырех эсминцев и пяти канонерских лодок, а также два орудия калибра 356 мм и 406 мм. Для противовоздушной обороны войск фронта привлекались 11-я гвардейская, 32-я и 117-я зенитные дивизии и ПВО Балтийского флота.

Бронетанковые и механизированные войска включали 46-й и 226-й гвардейские тяжелые танковые полки прорыва, 26, 31, 185, 260-й гвардейские, 27, 98, 124-й танковые, 396, 938, 1222, 351, 1238, 1439-й гвардейские, 394, 397, 952-й тяжелые самоходно-артиллерийские полки. Кроме того, в резерве фронта находились 30-я гвардейская, 1, 152 и 220-я танковые бригады[17].

Инженерное обеспечение войск в операции осуществляли 52-я инженерно-саперная и 17-я штурмовая инженерно-саперная бригады, пять инженерных, два саперных, три понтонно-мостовых батальона и один батальон минеров[18].

Действия сухопутных войск поддерживала авиация 13-й воздушной армии и Балтийского флота.

Содействие флангам наступающих войск, высадка десантов, противодесантная оборона прибрежной полосы возлагались на силы Балтийского флота (один линкор, два крейсера, 12 миноносцев, шесть канонерских лодок, пять сторожевых кораблей, 41 тральщик, 47 торпедных катеров, 340 различных катеров и 20 подводных лодок) и Ладожской военной флотилии (две подводные лодки, шесть канонерских лодок, 13 тральщиков и 12 различных катеров)[19].

21-я армия (генерал Д. Н. Гусев) в составе 97-го, 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов, 22-го укрепленного района, 3-го артиллерийского корпуса прорыва, пяти танковых и трех самоходно-артиллерийских полков получила задачу прорвать оборону противника на 18-километровом участке Старый Белоостров — Белоостров, развивать наступление вдоль Выборгского шоссе и Приморской железной дороги в направлении Райвола — Сумма — Выборг — Лаппенранта, разгромить основные силы финнов на Карельском перешейке и выйти на рубеж северо-западнее и западнее Выборга.

23-я армия (генерал А. И. Черепанов) в составе 98-го и 115-го стрелковых корпусов и 17-го укрепленного района имела задачу прочно оборонять прежние рубежи от Ладожского озера до Охты. С выходом 97-го стрелкового корпуса 21-й армии на рубеж Термолово — Хиреля 23-й армии предстояло принять его в свой состав и, введя в сражение 98-й стрелковый корпус, перейти в наступление, нанося главный удар в направлении Кекрола и в сторону правого фланга на Мусталово. По мере расширения прорыва обороны противника планировалось последовательно ввести в сражение 115-й стрелковый корпус. Далее армии предстояло с ходу прорвать вторую оборонительную полосу врага и, развивая наступление на Валкярви, выйти на водную систему озер Сувантоярви, Вуокси, Вуоксиярви[20].

Для развития успеха предназначались два стрелковых корпуса, две танковые бригады, два тяжелых танковых и два тяжелых самоходно-артиллерийских полка. В резерве командующего войсками фронта на выборгском направлении находились две танковые бригады и два самоходно-артиллерийских полка[21].

Особенность замысла Выборгской операции состояла в том, что наступать предстояло двум армиям, а прорывать оборону противника только 21-й армии. С этой целью в ее полосе сосредоточивалось от 60 до 80% всех сил и средств, выделенных для проведения операции[22].

Учитывая сильнопересеченную местность, ограниченную по фронту полосу наступления и связанные с этим трудности ввода в сражение дополнительных сил и средств при прорыве тактической зоны обороны врага, оперативное построение 21-й армии планировалось в один эшелон. Ее корпуса при этом строили свои боевые порядки в два эшелона, а дивизии — в два-три.

Дивизии первого эшелона, действовавшие на направлении главного удара, наступали в полосах шириной 1,5—3 км, а стрелковые полки — 800—1500 м[23]. Глубокое построение боевых порядков соединений и частей армии позволяло непрерывно наращивать силы из глубины, поддерживать высокие темпы наступления, постоянно иметь резервы и влиять ими на ход сражения.

Особые условия наступления на Карельском перешейке наложили отпечаток и на планирование боевого применения родов войск.

Долговременная, глубоко эшелонированная оборона противника предъявляла повышенные требования к организации артиллерийского наступления. Для уничтожения большого количества дотов, дзотов и бронеколпаков было запланировано предварительное их разрушение в течение 10 часов.

Всего в 21-й и 23-й армиях имелось свыше 5 тыс. орудий и минометов (в том числе около 1,5 тыс. орудий и минометов калибра 45 и 50 мм). Из этого количества в 21-й армии, наносившей главный удар, находилось около 3 тыс. орудий и минометов, что обеспечивало среднюю плотность во всей полосе наступления (без противотанковой артиллерии) 120 единиц на километр фронта. Плотность артиллерии на участках прорыва стрелковых корпусов 21-й армии колебалась от 170 до 200 орудий и минометов на километр фронта. При этом наибольшая плотность (около 200 орудий и минометов) была в полосе 30-го гвардейского стрелкового корпуса, наносившего главный удар.

На операцию для обеих армий отпускалось по 2,5—3 боекомплекта артиллерийских боеприпасов, из них один боекомплект — на период разрушения.

Авиационное обеспечение наступления наземных войск планировалось осуществлять силами 13-й воздушной армии и авиации Балтийского флота. Всего к операции было привлечено бомбардировщиков — 265, штурмовиков — 298, истребителей — 158, разведчиков — 20[24].

На авиацию фронта возлагались следующие задачи: вести авиационную разведку, прикрыть перегруппировку и сосредоточение своих войск на исходных позициях, способствовать наземным войскам в прорыве обороны противника и действиям в глубине, не допустить подхода резервов неприятеля по морю и по суше из глубины. Авиацию Балтийского флота планировалось использовать в основном для ведения разведки на морских сообщениях и препятствования противнику в доставке морем войск и грузов в Финляндию. Для содействия сухопутным войскам в прорыве обороны противника на Карельском перешейке на 10 июня был запланирован массированный удар силами одной штурмовой дивизии авиации флота по узлу сопротивления в Старом Белоострове.

Задачи Балтийского флота заключались в том, чтобы огнем береговой и корабельной артиллерии содействовать наступлению 21-й армии разрушением узлов сопротивления противника, уничтожением и подавлением его артиллерийских батарей на побережье Финского залива. Кроме того, флоту предстояло демонстрировать высадку десантов на флангах оборонительных рубежей врага с целью отвлечения его сил, не допускать ведения огня вражескими кораблями по наступающим частям 21-й армии, разведкой на морских коммуникациях и в портах Финского залива вскрывать характер неприятельских перевозок в Финляндию, не допускать подвоза его войск и грузов финскими шхерами и Ладожским озером к линии фронта, уничтожать боевые корабли и транспортные средства противника легкими силами и авиацией флота[25].

Перед Ладожской военной флотилией стояла задача огнем корабельной артиллерии и демонстрацией высадки десанта содействовать флангу 23-й армии при прорыве обороны противника. Для этого решением командующего флотилией были созданы отряд артиллерийской поддержки в составе трех канонерских лодок и четырех сторожевых катеров и отряд демонстративного десанта в составе 15 кораблей и катеров.

Сложной задачей, которую пришлось решать в подготовительный период, являлись перегруппировка соединений и частей 21-й армии из района Стрельна — Ропша на Карельский перешеек и вывод их в исходное положение для наступления. В соответствии с распоряжением штаба Ленинградского фронта от 15 мая 1944 г.[26] личный состав 97-го

Саперы проделывают проходы в проволочном заграждении

стрелкового корпуса перевозился по железной дороге, а 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов — морем на судах Балтийского флота. Переброска войск из Ораниенбаума в Лисий Нос надежно обеспечивалась с воздуха и моря[27]. Выдвижение соединений 21-й армии в исходное положение для наступления и смена обороняющихся здесь соединений 115-го стрелкового корпуса 23-й армии были произведены в течение трех ночей перед началом наступления[28].

Командование и штаб Ленинградского фронта провели большую работу по обеспечению скрытности подготовки операции. С этой целью перевозка войск по железным дорогам и водным путям проводилась с соблюдением мер маскировки. При необходимости эшелоны останавливались не на станциях, а на перегонах в лесистой местности. Войска, следовавшие походным порядком, автотранспорт и машины на гусеничном ходу обходили Ленинград по заранее установленным маршрутам. При появлении вражеских самолетов войска немедленно выводились с дороги в лес, обозы и автотранспорт рассредоточивались. В отдельных случаях с появлением самолетов противника колонны немедленно разворачивались для движения в обратном направлении с целью введения врага в заблуждение[29].

Переписка по вопросам перегруппировки войск и организации наступления была категорически запрещена. Работа всех радиостанций была прекращена, разговоры по телефону разрешались только командирам частей, их заместителям и начальникам штабов.

С целью введения противника в заблуждение на нарвском направлении усиливалась деятельность разведки, проводились ложное сосредоточение войск, разграждение проходов. Были отданы специальные распоряжения о подготовке здесь наступления.

Крупные мероприятия проводились по инженерному оборудованию исходного района для наступления, в ходе которых войска отрыли дополнительно более 60 км траншей, 545 позиций для стрельбы прямой наводкой, 659 наблюдательных и командных пунктов. Был понижен уровень воды в р. Сестра, в результате чего удалось обнаружить пять бродов для переправы танков и пехоты, облегчить постройку мостов[30].

Все это способствовало обеспечению скрытности подготовки и оперативной внезапности перехода в наступление. Об этом свидетельствует следующий факт: распоряжением финского командования количество солдат, отпускаемых с фронта на полевые работы в первых числах июня, то есть за несколько дней до начала наступления, увеличилось и составило 11%. Эффективность проведенных маскировочных мероприятий подтвердили и показания пленных.

Большое внимание при подготовке Выборгской операции уделялось укреплению морально-боевых качеств личного состава фронта и флота. С этой целью проводилась целеустремленная партийно-политическая работа, в ходе которой разъяснялось заявление советского правительства от 22 апреля 1944 г. о советско-финляндских отношениях, цели, задачи и предполагаемые результаты наступления, особенности местности и обороны противника на Карельском перешейке.

В соответствии с планом операции в 8 часов 9 июня 1944 г. началась предварительная артиллерийская и авиационная подготовка, в ходе которой были разрушены наиболее прочные инженерно-оборонительные сооружения противника во всей глубине его первой полосы обороны. Открытию огня артиллерии предшествовал мощный пулеметный огонь во всей полосе наступления, который спровоцировал врага подтянуть свои подразделения ближе к переднему краю. После этого для поражения живой силы противника последовал мощный пятиминутный удар артиллерии по его переднему краю, на проведение которого только в 21-й армии было израсходовано 17 250 снарядов[31].

После огневого налета артиллерия приступила к 10-часовому методическому разрушению запланированных целей. Из 189 целей, выявленных в полосе наступления 21-й армии, 176 были разрушены[32].

В это же время 13-я воздушная армия произвела два массированных удара по укреплениям врага в районах Старого Белоострова и Раяйоки, позициям его артиллерии и тыловым частям в районах Кивиниеми, Валкярви и Кивеннапа, резервам в районах Рауту и Райвола.

Вслед за залпом реактивных установок в бой ринулись танки

Финские гранатометчики в засаде

Советские автоматчики блокируют дзот противника. Карельский фронт, 1944 г.

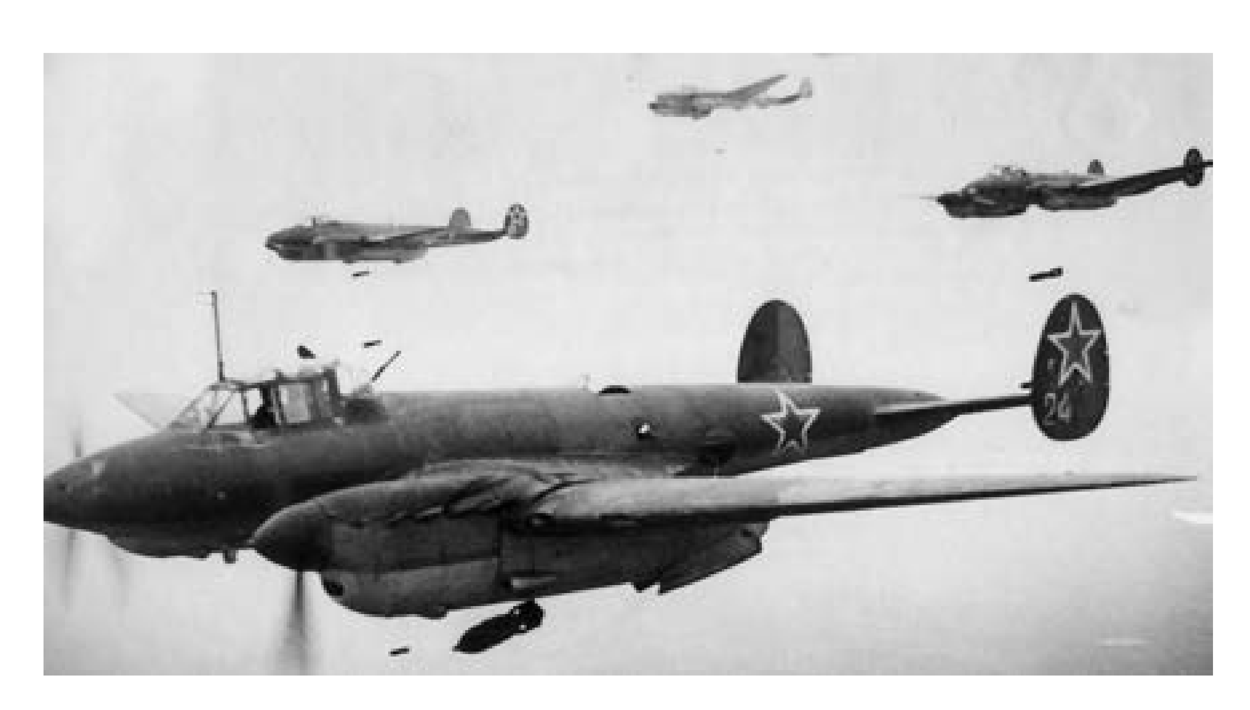
В воздухе одновременно находилось до 235 бомбардировщиков и 90 штурмовиков. Всего за день было произведено 1173 самолето-вылета. В семи воздушных боях удалось сбить девять самолетов противника[33].

В 18 часов 9 июня соединения 21-й и 23-й армий после 15-минутной артиллерийской подготовки провели во всей полосе разведку боем силами от взвода до батальона при поддержке двух-трех танков[34]. В результате этих действий удалось не только уточнить характер обороны и систему огня противника, но и на отдельных направлениях вклиниться в его оборону и улучшить свое тактическое положение.

Наступление главных сил 21-й армии началось 10 июня в 8 часов 20 минут после мощной артиллерийской подготовки, длившейся 2 часа 20 минут, и массированных ударов авиации[35].

Соединения и части 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов, отражая контратаки противника, уничтожая его живую силу и технику, с ходу форсировали р. Сестра и прорвали на 18-километровом участке Старый Белоостров — Белоостров его первую оборонительную полосу на всю глубину. Наибольшее продвижение имел 30-й гвардейский стрелковый корпус. Его 45-я и 63-я гвардейские стрелковые дивизии продвинулись вдоль Выборгского шоссе на глубину до 14 км[36]. 109-й стрелковый корпус, наступая на приморском направлении силами 72-й и 109-й стрелковых дивизий, вышел на рубеж западнее Куоккала. Наступавший на правом фланге армии 97-й стрелковый корпус частями 358-й и 381-й стрелковых дивизий продвинулся на глубину до 7 км.

13-я воздушная армия, поддерживая наступление соединений 21-й армии, наносила сосредоточенные удары по опорным пунктам и артиллерийско-минометным батареям противника. В течение дня авиация произвела 899 самолето-вылетов[37]. В проведенных семи воздушных боях она сбила 13 самолетов врага, при этом потери 13-й воздушной армии составили девять самолетов[38].

Бомбардировщики атакуют финские позиции

Орудие большой мощности ведет огонь по финским укреплениям. Июнь 1944 г.

Авиация Балтийского флота, произведя 79 самолето-вылетов[39], вела разведку в Финском заливе, прикрывала наступавшие войска и корректировала артиллерийский огонь своих кораблей, содействовавших наступлению соединений 21-й армии.

К вечеру следующего дня, после ввода в бой вторых эшелонов стрелковых дивизий и корпусов, а также 108-го стрелкового корпуса (46, 314 и 90-я стрелковые дивизии)[40], переданного 21-й армии из резерва фронта, советские войска подошли ко второй оборонительной полосе врага. Расширив прорыв до 40 км по фронту, они продвинулись в глубину до 25 км. Попытки прорвать вторую полосу обороны противника с ходу не увенчались успехом. Для этого потребовались дополнительная подготовка войск и, следовательно, дополнительное время[41].

К исходу 12 июня 23-я армия, приняв в свой состав 97-й стрелковый корпус и введя в сражение на левом фланге 98-й стрелковый корпус, вышла ко второй оборонительной полосе и приступила к развитию наступления в сторону правого фланга. На следующий день по приказу командующего войсками фронта 97-й стрелковый корпус был выведен в резерв[42].

Активность 13-й воздушной армии во второй день наступления вследствие неблагоприятных метеоусловий значительно снизилась. Всего за 11 июня она произвела 243 самолето-вылета. Основные усилия авиации направлялись на разгром оперативных резервов и подавление артиллерийских и минометных батарей противника.

Организуя упорное сопротивление, финское командование стремилось как можно быстрее выдвинуть оперативные резервы (18-ю, 3-ю пехотные и танковую дивизию «Легус») и занять ими вторую полосу обороны.

Учитывая, что основные усилия финских войск сосредоточивались вдоль Выборгского шоссе, командующий войсками фронта перенес направление главного удара на левый фланг вдоль Приморского шоссе. С целью развития успеха из резерва фронта в состав 21-й армии был передан 110-й стрелковый корпус. Кроме того, из района Кивеннапа в район Райвола, то есть на направление наибольшего успеха 21-й армии, был перегруппирован 3-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерал-майора артиллерии Н. Н. Жданова[43].

13 июня левофланговые соединения 23-й армии (10-я стрелковая дивизия 115-го стрелкового корпуса, 281-я и 381-я стрелковые дивизии 98-го стрелкового корпуса) и главные силы 21-й армии (30-й гвардейский и 109-й стрелковые корпуса) продолжали развивать наступление. К исходу дня они продвинулись до 30 км и вышли ко второй полосе обороны противника на участке Холттила — Кивеннапа — Метсякюля[44]. К этому моменту она уже была занята оперативными резервами финнов и их частями, отошедшими с первой полосы.

Исходя из необходимости прорыва второй полосы обороны врага, командующий войсками Ленинградского фронта 12 июня уточнил армиям задачи.

23-й армии (115-й, 98-й стрелковые корпуса и 17-й укрепленный район) предписывалось нанести главный удар в направлении Вуотта — Валкярви, прорвать вторую оборонительную полосу противника на участке Лембалово — Кекрола и не позднее 14 июня выйти на рубеж северный берег озера Лембаловское — Киркиамяки — Липола — Тарпила. В последующем, развивая наступление на Валкярви, не позднее 16 июня выйти к третьей полосе обороны противника в районе Муола, где частью сил закрепиться, а главные силы перегруппировать на левый фланг для развития наступления на Выборг.

21-й армии силами 109-го и 108-го стрелковых корпусов предстояло нанести главный удар с рубежа Кутерселькя — Метсякюля в направлении Сумма. В последующем, введя в сражение на этом направлении 110-й стрелковый корпус, развивать наступление на Сумма, а одним корпусом — на Койвисто и не допустить отхода противника на третью оборонительную полосу, с ходу овладеть ею и к исходу 17 июня выйти на рубеж Кямяря — Койвисто. В дальнейшем, развивая наступление в северо-западном направлении, не позднее 18–20 июня овладеть г. Выборг.

13-й воздушной армии ставились задачи ударами штурмовой авиации блокировать рокадные и радиальные дороги между второй и третьей полосами обороны противника, нанести массированные бомбовые и штурмовые удары по его оперативным резервам, опорным пунктам и узлам сопротивления в полосе наступления 21-й армии. В задачу авиации также

входило нарушение железнодорожных перевозок врага нанесением ударов по его выгрузочным и узловым станциям[45].

Закончив к утру 14 июня перегруппировку и введя в бой вторые эшелоны стрелковых корпусов, соединения 23-й и 21-й армий после артиллерийской подготовки, продолжавшейся в 23-й армии 55 минут, а в 21-й армии — 1 час 30 минут, и массированных ударов авиации начали атаку второй полосы вражеской обороны.

23-я армия, возобновив наступление с рубежа озеро Лембаловское — Кекрола, силами 115-го и 98-го стрелковых корпусов овладела опорным пунктом Мусталово и вклинилась во вторую оборонительную полосу противника[46]. В течение трех дней ее соединения и части вели упорные бои, преодолевая многочисленные заграждения и расширяя участок прорыва. К исходу 17 июня они вышли на рубеж Косела — Саунасари — Рауту — Мякряля — Тарпила.

21-я армия после артиллерийской подготовки силами 109-го и 108-го стрелковых корпусов также приступила к прорыву второй оборонительной полосы противника. Ожесточенные бои развернулись в полосе наступления 109-го стрелкового корпуса у Кутерселькя, где неприятель имел хорошо подготовленную систему укреплений. Упорство и отвагу при взятии этого узла обороны проявили части 72-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. И. Ястребова[47].

Их успеху активно содействовала штурмовая авиация 13-й воздушной армии. «Шесть часов подряд, — вспоминал главный маршал авиации А. А. Новиков, — штурмовики долбили Кутерселькя. Одна волна Ил-2 сменяла другую»[48].

К 18 часам 14 июня соединения 109-го стрелкового корпуса штурмом овладели мощными опорными пунктами Кутерселькя, Мустамяки, Сахакюля. 1-й танковой бригаде обходным маневром удалось захватить участок Приморского шоссе в районе Лемпияля, поставив противника перед угрозой полного окружения.

Соединения 108-го стрелкового корпуса, одновременно перешедшие в атаку на опорные пункты Ванхасаха, Метсякюля, несмотря на ряд повторных атак, успеха не имели. Противник огнем и контратаками оказывал упорное сопротивление, перебрасывая из глубины и с малоактивных участков фронта на направление наступления корпуса дополнительные силы[49]. Только к утру 15 июня после повторной артиллерийской подготовки и благодаря успеху 109-го стрелкового корпуса сопротивление противника было сломлено. К исходу этого дня 21-я армия, прорвав вторую полосу финской обороны на рубеже Кутерселькя — Финский залив, продвинулась до 15 км. 17 июня после ввода в сражение второго эшелона (110-го стрелкового корпуса) соединения 21-й армии вышли на рубеж Тарпила — Перкярви — Куолемаярви — Мурила[50].

Авиация Ленинградского фронта и Балтийского флота в период прорыва второй полосы вражеской обороны наносила сосредоточенные удары по опорным пунктам врага и прикрывала наступавшие войска на поле боя. За четыре дня было произведено 6705 самолето-вылетов, проведено 33 воздушных боя, в которых сбито 43 самолета противника[51].

Успешное наступление 23-й и 21-й армий на выборгском направлении поставило финское командование в катастрофическое положение. С учетом этого оно решило во что бы то ни стало удержать третью полосу обороны, на которую с 16 июня начало отводить свои войска. Одновременно были приняты меры по переброске из Южной Карелии в район Выборга и на р. Вуокса 4-й и 6-й пехотных дивизий из состава масельской группы, 11-й, 20-й пехотных дивизий и 17-й пехотной бригады из олонецкой группы.

19 июня маршал К. Маннергейм, обращаясь к войскам, говорил: «Прорыв этой позиции может решительным образом ослабить наши возможности к обороне»[52]. В тот же день финское командование обратилось к германскому военному руководству с просьбой перебросить в Финляндию шесть немецких пехотных дивизий. Однако командование вермахта смогло направить из-под Таллина в район боевых действий только одну пехотную дивизию, бригаду штурмовых орудий и эскадрилью самолетов[53].

Соединения и части 21-й армии на направлении Муола и на побережье Финского залива подошли к третьей полосе почти вплотную, а в центре, у Выборгской железной дороги,

Старшина И. Васильев и ефрейтор Н. Лангуев корректируют огонь. Карельский фронт, 1944 г.

Танки направляются к Выборгу. 1944 г.

Уличные бои в Выборге

Советские танки в освобожденном Выборге

Советские войска наводят переправу у крепости Выборг

Выборг освобожден

достигли только ближних подступов к ней. Командование фронта знало, что третья полоса обороны противника достаточно хорошо подготовлена в фортификационном отношении. На подготовку к ее прорыву требовалось время. Однако промедление позволило бы неприятелю перегруппироваться и подтянуть резервы, упрочив тем самым свою оборону.

В этой ситуации с учетом того, что противник отступал, а его резервы еще не вышли на третью полосу, командующий войсками Ленинградского фронта принял решение атаковать противника немедленно, с ходу. Главный удар было решено нанести во фланг вражеской группировки на приморском направлении и выйти в тыл третьей полосы его обороны. Такое решение вытекало из того, что советские войска ближе всего подошли именно к приморским укреплениям неприятеля. Кроме того, наступая вдоль побережья Финского залива, соединения и части имели возможность тесно взаимодействовать с Балтийским флотом. 17 июня директивой командующего войсками Ленинградского фронта армиям были поставлены уточненные задачи.

23-й армии предписывалось нанести главный удар в направлении Валкярви, расчленить обороняющуюся группировку финских войск, в ходе преследования не допустить их отхода за Вуоксинскую водную систему и не позднее 18 июня выйти к южным берегам озер Сувантоярви, Вуоксиярви и Муола. В последующем, перегруппировав основные силы на левый фланг, ей предстояло быть в готовности наступать в направлении Репола, в обход Выборга с северо-востока[54].

21-я армия получила задачу преследовать врага во всей полосе наступления, с ходу прорвать его третью полосу обороны на участке севернее Куолемаярви — Мурила. После этого развивать наступление в направлении Сумма с задачей нанести удар в северо-западном направлении во фланг и тыл противнику. В дальнейшем армия нацеливалась на развитие наступления силами не менее двух корпусов на Выборг в целях овладения им не позднее 18–20 июня[55].

Выполняя поставленные задачи, соединения 23-й армии 19 июня на валкявринском направлении полностью очистили от противника южные берега озер Сувантоярви, Вуоксиярви и продолжили его преследование в северо-западном направлении[56].

На выборгском направлении соединения и части 21-й армии 18 июня прорвали третью оборонительную полосу неприятеля вдоль железной дороги Перкярви — Выборг и на побережье в районе Ремпетти[57]. Преодолевая упорное сопротивление частей 4-го армейского корпуса противника, пытавшихся сдержать продвижение советских войск на внешнем Выборгском оборонительном обводе, соединения армии в 19 часов 20 июня овладели важным узлом коммуникаций на Карельском перешейке — г. Выборг.

Взятием Выборга и выходом в этот же день 23-й армии при содействии Ладожской военной флотилии к оборонительному рубежу противника, проходившему вдоль озер Вуоксинской системы, Выборгская операция войск правого крыла Ленинградского фронта фактически завершилась[58].

Однако фронт получил задачу продолжать наступление с тем, чтобы очистить от противника Карельский перешеек северо-восточнее р. Вуокса. Его главным силам предстояло овладеть рубежом Иматра — Лаппенранта — Виройоки, а частью сил наступать на Кексгольм (Приозерск) — Элисенваара.

Финское командование, сознавая нависшую опасность, стало подтягивать резервы из глубины страны и дополнительно перебрасывать в полосу Ленинградского фронта войска из Южной Карелии. К середине июля на Карельском перешейке действовало до 75% всей финской армии. Ее войска занимали рубеж, который проходил по выгодным водным преградам, имевшим ширину от 300 м до 3 км. Их сопротивление неуклонно усиливалось[59].

В конце июня — начале июля, продолжая напряженные боевые действия, 23-я армия форсировала р. Вуокса и захватила плацдарм на ее северном берегу, 21-я армия продвинулась на 10–12 км северо-западнее Выборга. Соединения и части 59-й армии (генерал-лейтенант И. Т. Коровников), переброшенной на Карельский перешеек из района Чудского озера, с 4 по 6 июля во взаимодействии с Балтийским флотом очистили от противника 15 островов в Выборгском заливе.

Усиливающееся сопротивление врага могло привести к неоправданным людским потерям, поэтому Ставка ВГК приказала Ленинградскому фронту с 12 июля 1944 г. перейти к обороне на достигнутом рубеже[60].

В результате Выборгской операции советские войска разгромили крупную группировку финских войск, продвинулись на 110—130 км, освободили северные районы Ленинградской области и обеспечили полную безопасность Ленинграда.

Как отмечают немецкие историки, в середине июля 1944 г. повсюду на Карельском перешейке проходили ожесточенные бои, а позднее — в Восточной Карелии, где финские войска с конца июня, отступая в боях, терпели поражение. В результате финская армия вынуждена была оставить территорию размером в 55 тыс. кв. км[61].

Выборгская операция является примером последовательного прорыва сильно укрепленной многополосной обороны противника в лесисто-болотистой местности. Среднесуточные темпы наступления советских войск составили 10—12 км.

Для Выборгской операции характерны скрытная и всесторонняя подготовка войск и штабов к ведению боевых действий в сложных условиях, правильный выбор и своевременное изменение направления главного удара, крупная перегруппировка войск в ходе наступления. Особенностью операции является предварительное разрушение долговременных сооружений противника в главной полосе обороны огнем артиллерии и ударами авиации, широкое применение штурмовых отрядов и групп при овладении опорными пунктами, тесное взаимодействие наступающих войск с силами Балтийского флота и Ладожской военной флотилии.

Советские воины в ходе операции продемонстрировали возросшее боевое мастерство, высокий моральный дух, образцы самоотверженности и героизма. Более 69 тыс. человек были удостоены правительственных наград, а 27 человек — звания Героя Советского Союза. 48 соединений и частей получили почетные наименования Выборгских и Ленинградских. За умелое руководство войсками Ленинградского фронта его командующему Л. А. Говорову 18 июня 1944 г. было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

Операция отличается крупными людскими потерями с обеих сторон. Противник потерял около 44 тыс. человек убитыми и ранеными[62]. Потери Ленинградского фронта, Балтийского флота и Ладожской военной флотилии составили около 31 тыс. человек, из них безвозвратные — свыше 6 тыс., санитарные — до 25 тыс.[63]

Военно-политическое положение Финляндии к середине июля 1944 г. существенно ухудшилось. В то же время советские войска, оттянув на себя значительные силы противника из Южной Карелии, создали благоприятные условия для проведения войсками Карельского фронта Свирско-Петрозаводской наступательной операции.

Сражения в районах Свири и Петрозаводска

Свирско-Петрозаводская наступательная операция войск левого крыла Карельского фронта проводилась в период с 21 июня по 9 августа с целью разгрома группировки противника в Южной Карелии и восстановления Государственной границы СССР.

В связи с вынужденной переброской значительной части финских войск из Южной Карелии на Карельский перешеек соотношение сил и средств в районах Свири и Петрозаводска изменилось в пользу левого крыла Карельского фронта.

К началу операции перед 32-й армией в полосе шириной 205 км занимала оборону масельская группа финских войск. Из ее состава на ребольском направлении севернее Сегозера действовали 14-я пехотная дивизия, 6-й пехотноегерский и 7-й отдельный пехотный батальоны; на медвежьегорском направлении — 1-я и 6-я пехотные дивизии, 21-я пехотная бригада, Онежская бригада береговой обороны и 5-й пехотный батальон. Численность этой

группы достигала 60 тыс. человек, в ее состав входило 33 батальона, 23 артиллерийских дивизиона, 380 орудий разных калибров.

7-й армии между Онежским и Ладожским озерами в полосе шириной 175 км противостояла олонецкая группа финских войск в составе 5-го и 6-го армейских корпусов. В нее входили четыре пехотные дивизии (5, 7, 8 и 11-я), две пехотные бригады (15-я и Ладожская бригада береговой обороны), три отдельных пехотных батальона и шесть артиллерийских дивизионов резерва главного командования. К началу операции группа насчитывала более 80 тыс. человек. В нее входило 38 батальонов, 23 артиллерийских дивизиона, 580 орудий и минометов разного калибра и 30 танков[64].

В течение более двух с половиной лет финскими войсками между Онежским и Ладожским озерами была создана мощная система оборонительных полос и рубежей. Первая (главная) полоса проходила по рубежу Коромыслова — Каковичи — Свирьстрой и далее по правому берегу р. Свирь до Свирской губы на Ладожском озере. Вторая полоса была оборудована по правому берегу р. Свирь от Вознесенья до Свирьстроя, далее по рубежу Мегрозеро — Бережная — Сармяги — Обжа-Суежа. Третьей являлась петрозаводско-видлицкая полоса. Четвертая простиралась по линии Поросозеро — Суоярви — Колат-Сельга — Сальми. Пятая полоса обороны, подготовленная еще в 1939 г., проходила по рубежу Кудом-Губа — Лоймола — озеро Ниетярви, а шестая — по рубежу Корписелькя — Вяртсиля — Ляскеля. Помимо этих шести полос обороны финские войска подготовили ряд промежуточных и отсечных позиций.

Передний край на всем своем протяжении прикрывался сильными многорядными проволочными заграждениями и минными полями с большим числом отсеков и огневых мешков, внутри которых располагались огневые позиции боевого охранения.

Для обеспечения флангов сухопутных войск противник имел на Онежском и Ладожском озерах соответствующие флотилии. В их составе насчитывалось пять канонерских лодок и 123 различных катера, в том числе два торпедных[65].

Всего свирско-петрозаводская группировка финских войск насчитывала свыше 140 тыс. человек, 970 орудий и минометов различных калибров, 30 танков и около 100 самолетов морской авиации. Все соединения и части противника были хорошо обучены и полностью укомплектованы, численный состав финской пехотной дивизии достигал 12 тыс. человек.

Для разгрома этой группировки по решению Ставки ВГК от Карельского фронта (генерал армии К. А. Мерецков) привлекались 32-я и 7-я армии. 32-я армия имела 34 107 человек, 192 орудия, 349 минометов и 23 танка. К началу операции в 7-й армии насчитывалось орудий разных калибров (без учета 45-мм пушек) — 1157, минометов — 1484, установок реактивной артиллерии — 429, танков — 209, самоходных артиллерийских установок (СУ-152 и Су-76) — 125, бронемашин — 10, автомашин-амфибий — 198. Общая численность армии — 142 681 человек[66]. Их должны были поддерживать основные силы 7-й воздушной армии. К операции также привлекались Ладожская и Онежская военные флотилии.

В полосе наступления 32-й армии советские войска уступали противнику в людях в 1,7 раза, но превосходили в артиллерии и минометах в 1,4 раза. В полосе 7-й армии превосходство над противником составляло в людях — в 1,9 раза, в артиллерии и минометах — в 5,3 раза, в танках и САУ — в 11 раз.

Местность в районе боевых действий была сильно пересеченная, закрытая, изобилующая озерами, реками и болотами. Серьезным препятствием для наступления советских войск являлись многочисленные реки и ручьи. Особое значение в своей обороне финское командование придавало р. Свирь (ширина — от 100 до 1050 м, глубина — 5—7 м), которая пересекала перешеек между Онежским и Ладожским озерами и являлась судоходной. На медвежьегорском направлении для устройства обороны противником умело использовались система озер, идущая на юго-восток от Сегозера, и Беломоро-Балтийский канал. Больше одной трети всей площади между Онежским и Ладожским озерами занимали болота. Леса покрывали почти весь район предстоявших боевых действий. Лишь небольшие участки местности вблизи населенных пунктов и отчасти по берегам некоторых рек и озер были открытыми.

Коммуникации в районе боевых действий были развиты слабо. Недостаточно развитая дорожная сеть существенно затрудняла снабжение войск в ходе наступления.

8 июня 1944 г. Военный совет Карельского фронта представил в Ставку ВГК соображения по проведению Свирско-Петрозаводской операции. Замысел операции состоял в том, чтобы стремительным наступлением вдоль Ладожского озера и ударом севернее Онежского озера окружить и уничтожить основные силы олонецкой и масельской групп противника, выйти на советско-финляндскую границу и очистить от оккупантов южную часть советской Карелии. 10 июня план операции был одобрен. К. А. Мерецков позже писал: «Такой вариант замысла подразумевал три момента: тактический (возможность взаимодействовать с Ладожской военной флотилией), стратегический (окружение финляндских войск, действовавших севернее Онежского озера) и политический (выход к границе с Финляндией кратчайшим путем)»[67].

В соответствии с замыслом 7-я армия, наносившая главный удар в операции, получила задачу при поддержке 7-й воздушной армии, Онежской и Ладожской военных флотилий форсировать р. Свирь, прорвать оборону противника на участке Мирошкиничи — Лодейное Поле и, развивая наступление главными силами в общем направлении на Олонец, Питкяранта, Сортавала, уничтожить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами. В дальнейшем ей предстояло выйти на государственную границу на участке Вяртсиля — Сортавала. Одновременно с этим силами одного стрелкового корпуса, усиленного танковой бригадой, предписывалось наступать на север и во взаимодействии с 32-й армией и Онежской военной флотилией разгромить противника на западном побережье Онежского озера, овладеть столицей Карело-Финской ССР г. Петрозаводском и очистить от врага Кировскую (Мурманскую) железную дорогу[68].

Для выполнения этой задачи была создана группировка, в состав которой входили 4, 94, 99 и 37-й гвардейский стрелковые корпуса, однако 24 июня 94-й стрелковый корпус распоряжением Ставки ВГК из ее состава был выведен. После этого в армии осталось девять стрелковых дивизий, три морские стрелковые бригады и два укрепленных района.

Артиллерию составляли 7-я артиллерийская дивизия, 1237-й пушечный, 149, 633 и 1942-й корпусные, 989-й гаубичный, 460-й и 514-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки, 331-й отдельный артиллерийский дивизион большой мощности, 298, 482, 619, 620, 621, 535 и 530-й минометные полки, 7-я и 25-я гвардейские минометные бригады, 20, 44, 46 и 64-й гвардейские минометные полки, 40-я зенитная артиллерийская дивизия, 275-й и 1650-й зенитные артиллерийские полки.

Бронетанковые и механизированные войска включали 7-ю гвардейскую и 29-ю танковые бригады, 70-й гвардейский, 89-й и 92-й танковые, 378, 339 и 344-й самоходно-артиллерийские полки, 275-й и 284-й отдельные механизированные батальоны особого назначения (автомашины-амфибии).

Инженерные войска состояли из 20-й штурмовой моторизированной саперной, 1-й моторизованной инженерной, 13-й инженерно-саперной бригад, 55-го и 97-го понтонно-мостового, 7-го гвардейского армейского инженерного и 18-го отдельного минного инженерного батальонов[69].

Для авиационной поддержки 7-й армии привлекались три смешанные и одна истребительная дивизии 7-й воздушной армии: всего 518 боевых самолетов, в том числе 55 бомбардировщиков, 59 ночных бомбардировщиков, 223 штурмовика и 181 истребитель[70].

Содействие флангам наступающих войск, высадка десантов, противодесантная оборона прибрежной полосы возлагались на силы Онежской (четыре канонерские лодки, два сторожевых корабля и 50 различных катеров) и Ладожской (две подводные лодки, шесть канонерских лодок, 13 тральщиков и 12 различных катеров) военных флотилий[71].

В резерве фронта за 7-й армией находился 126-й легкий стрелковый корпус трехбригадного состава[72].

Таким образом, на направлении главного удара фронта было сконцентрировано 70% стрелковых соединений, 83% артиллерии и 100% авиации из числа всех войск, привлекавшихся к операции[73].

Колонны войск направляются к линии фронта. Карельский фронт, июль 1944 г.

Советские разведчики за обсуждением плана предстоящей операции

Главным силам 32-й армии была поставлена задача наступать в полосе Лисья Губа — Повенец в направлении Медвежьегорск — Поросозеро — Куолисма, а частью сил — на Петрозаводск, разгромить противостоявшую группировку врага, овладеть во взаимодействии с правофланговыми соединениями 7-й армии Петрозаводском и выйти на государственную границу в районе Куолисма. Глубина операции 32-й армии превышала 200 км, а отведенное на нее время — более месяца.

Наступление 7-й армии планировалась в три этапа. В ходе первого этапа продолжительностью до 10 дней соединения и части армии должны были форсировать р. Свирь, прорвать первую и вторую полосы вражеской обороны, разгромить войска противника на олонецком направлении и, продвинувшись на 50 км, овладеть рубежом озер Ким-озеро, Пидьм-озеро, Рабола. В ходе второго этапа продолжительностью в 15–20 дней предстояло прорвать третью и четвертую полосы обороны, окружить и уничтожить свирскую и петрозаводскую группировки противника, продвинуться на 80 км и выйти на линию станция Шуйская (севернее Петрозаводска) — Питкяранта. В ходе третьего этапа продолжительностью в 10–15 дней планировалось прорвать пятую и шестую полосы вражеской обороны и, продвинувшись на 80 км, выйти на рубеж Иломантси — Вяртсиля — Сортавала. Общая глубина операции 7-й армии достигала 210 км, продолжительность — 35–45 суток[74].

Прорыв обороны противника намечалось осуществить на участке Мирошкиничи — Лодейное Поле — озеро Охтальское[75]. В первом эшелоне армии должны были наступать 37-й гвардейский и 4-й стрелковые корпуса, а во втором — 99-й стрелковый корпус (генерал-майор С. П. Микульский). Фактически же армия наступала в одном эшелоне, так как 99-й стрелковый корпус с началом отхода противника с плацдарма на левом берегу р. Свирь был введен в сражение и действовал в первом эшелоне. Боевые порядки этих корпусов строились в два эшелона, а их дивизий — в два и три эшелона.

Перед Ладожской военной флотилией командующий войсками Карельского фронта (по согласованию с командующим Балтийским флотом) поставил задачу содействовать огнем корабельной артиллерии продвижению войск левого фланга 7-й армии, наступавших вдоль восточного побережья Ладожского озера. Далее флотилии предписывалось быть готовой к высадке морского десанта в районе устья рек Олонка и Видлица. Задача десанта состояла в захвате грунтовой и железной дорог, воспрепятствовании отходу по ним войск противника от Олонец на север и подходу его резервов из Сортавала[76].

Онежской военной флотилии также приказывалось огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов воспретить передвижение противника по дороге Вознесенье — Петрозаводск, а также содействовать правофланговым соединениям 7-й армии при их наступлении вдоль западного побережья Онежского озера на Петрозаводск[77].

Главной задачей артиллерии в полосе наступления 7-й армии являлось обеспечение беспрепятственного форсирования стрелковыми войсками р. Свирь и прорыва обороны противника[78]. На направлении главного удара 7-й армии было сосредоточено 2693 орудия и миномета калибра от 76 мм и выше, что позволяло создать в полосе наступления 4-го стрелкового корпуса плотность в 114, а 37-го гвардейского стрелкового корпуса — в 150 орудий и минометов на километр фронта[79].

Артиллерийская подготовка планировалась в течение 3 часов 32 минут. В основу расчета ее продолжительности закладывалась необходимость разрушения выявленных огневых точек и отдельных участков траншей противника, проделывания проходов в его проволочных заграждениях и надежного подавления живой силы и огневых средств в траншеях. Поддержка атаки предполагалась методом последовательного сосредоточения огня.

Непосредственную авиационную подготовку в полосе наступления 7-й армии планировалось осуществить нанесением двух массированных авиационных ударов. Первый удар намечался перед началом артиллерийской подготовки с целью подавления живой силы и огневых средств неприятеля в его первой траншее и в отдельных опорных пунктах на направлении главного удара. За 15 минут до окончания артиллерийской подготовки предполагалось нанести второй удар по ненаблюдаемым участкам во второй траншее, а также

Финский пулеметный расчет

К фронту. Карелия, 1944 г.

удары по первой траншее и отдельным опорным пунктам. В ходе прорыва главной полосы обороны противника предусматривалось нанесение ударов авиации по штабам, узлам связи и артиллерийским позициям.

Наиболее интенсивные действия авиации должны были вестись в период форсирования р. Свирь и прорыва советскими войсками главной полосы обороны. Каждый стрелковый корпус поддерживался авиационной дивизией, командир которой со средствами связи находился на командном пункте корпуса.

В ходе подготовки к операции на инженерные войска возлагалась задача по оборудованию исходных районов для наступления, обеспечению быстрого и организованного форсирования р. Свирь, а также закреплению захваченных рубежей. В последующем при бое в глубине вражеской обороны инженерные войска должны были разминировать взрывные заграждения противника в полосах наступления пехоты и танков, прикрывать заграждениями фланги своих войск, а также восстанавливать дороги и мосты[80].

Особенно большое значение придавалось подготовке к форсированию р. Свирь. Для этого в исходных районах было сосредоточено 7,75 понтонного парка, пять легких мостовых парков, 36 моторных катеров, лодок и полуглиссеров, два буксирных парохода с двумя большегрузными баржами по 600 тонн каждая, 1940 различных десантных лодок, 3140 индивидуальных плавательных костюмов, 9950 индивидуальных поясов, жилетов и нагрудников и 870 плавательных мешков. По плану переправы в полосах наступления 37-го гвардейского и 4-го стрелковых корпусов намечалось построить мостовых 16-тонных переправ — 1, 30-тонных — 2, паромных (5–60 т) — 20, тяжелых паромных — 1[81].

Созданные комплекты переправочных средств обеспечивали форсирование р. Свирь пехотой, артиллерией и танками. Так, например, только на десантных средствах за один рейс могли переправиться до 20 стрелковых батальонов с вооружением.

При организации боевой подготовки войск учитывалось, что им предстоит прорывать мощную оборону финнов, насыщенную большим количеством всевозможных заграждений, а также преодолевать ряд водных преград. Поэтому учения с войсками проводились на местности, специально оборудованной сооружениями и заграждениями по типу финской обороны.

На Ладожской и Онежской военных флотилиях личный состав кораблей готовился к высадке десантов и их поддержке имеющимися огневыми средствами. Личный состав десантных отрядов тренировался в посадке на плавучие средства, высадке на необорудованный берег и самостоятельных действиях в тылу врага.

При подготовке к наступлению командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации соединений и частей проводили целенаправленную работу по мобилизации личного состава на выполнение важных и неординарных боевых задач, стараясь обеспечить высокий наступательный порыв в операции.

К началу операции весь войсковой тыл был максимально приближен к войскам, а подразделения медицинской службы в низовом звене полностью укомплектованы санитарами, санинструкторами и фельдшерами.

В связи с ослаблением группировки войск на р. Свирь и на петрозаводском направлении, а также с обнаружением подготовки советских войск к наступлению финское командование приняло решение сократить линию фронта. В ночь на 20 июня оно начало отводить свои войска на участке Коромыслова — Свирьстрой на правый берег р. Свирь. На медвежьегорском направлении разведкой было установлено, что 1-я пехотная дивизия финнов, оборонявшая полосу от Сегозера до озера Лисья Ламба, с 21 июня также начала отводить свои части на вторую полосу обороны.

Оценив обстановку, командующий войсками Карельского фронта отдал приказ о переходе к преследованию противника правофланговыми соединениями 7-й армии[82], которые уже к исходу 20 июня, уничтожив вражеские арьергарды, вышли к р. Свирь. На следующий день после артиллерийской и авиационной подготовки, продолжавшейся с 8 часов 10 минут до 12 часов, в наступление перешли главные силы армии.

Пехотинцы готовятся к наступлению. Карельский фронт, 1944 г.

В период проведения артиллерийской подготовки для выявления неподавленных огневых точек противника в полосе прорыва специально подготовленная группа бойцов с чучелами на плотах и лодках начала демонстрировать начало переправы советских войск через р. Свирь. Неприятель открыл ожесточенный огонь, чем облегчил вскрытие своей системы и последующее ее подавление артиллерийским огнем прямой наводкой.

К 12 часам эшелон разведки и обеспечения на автомашинах-амфибиях и десантных лодках на ряде участков форсировал реку. Высадившись на противоположный берег, советские воины ворвались в первую траншею противника и, преодолевая заграждения и отдельные очаги сопротивления, начали продвигаться вперед. Артиллерийский огонь с участков высадки был перенесен на вторую и третью линии вражеских траншей.

В 12 часов 12 минут на участке Мирошкиничи — Охтальское озеро началось форсирование р. Свирь главными силами 37-го гвардейского и 4-го стрелковых корпусов. Первый эшелон, ведя интенсивный огонь из пулеметов и автоматов, в течение нескольких минут переправился через реку в районе западнее Лодейного Поля и захватил плацдарм шириной до 4 км и глубиной до 1 км. Переправившаяся пехота под прикрытием огня с левого берега реки начала стремительное продвижение вперед. Оживавшие отдельные огневые точки противника быстро подавлялись. Советская авиация, имея превосходство в воздухе, пресекала все попытки авиации неприятеля помешать переправе.

К 18 часам 21 июня на участке форсирования было наведено 16 паромных переправ для переброски пехоты, легкой артиллерии и минометов на правый берег. Навести же мосты для переправы тяжелой техники в первые дни операции так и не удалась. Несмотря на это, высадившиеся соединения и части, преодолевая сопротивление противника, продолжали расширять плацдарм.

99-й стрелковый корпус и 69-я морская стрелковая бригада, преследуя противника, отходившего на правый берег, вышли к реке севернее Свирьстроя и вступили в сражение. К исходу 21 июня соединения и части ударной группировки 7-й армии, форсировав р. Свирь, прорвали неприятельскую оборону на участке шириной в 16 км и на глубину до 6 км[83].

Успешное форсирование реки и стремительное наступление советских войск поставили противника в тяжелое положение. Финское командование под угрозой нависшей опасности разгрома олонецкой группы начало поспешный отвод своих войск на вторую и последующие полосы обороны.

К исходу 22 июня плацдарм был расширен до 50–60 км. Прорвав оборону врага на олонецком направлении, соединения и части армии получили возможность развивать наступление по всему фронту. Однако обилие озер, болот и межозерных дефиле вынуждало их наступать преимущественно вдоль дорог. Поэтому в дальнейшем особенно упорные бои развернулись вдоль побережья Ладожского озера, где проходили основные железнодорожные и шоссейные пути.

К исходу 23 июня 37-й гвардейский корпус овладел Карельской. Часть сил его продолжала наступать вдоль дороги на Олонец. 4-й стрелковый корпус, преодолевая упорное сопротивление арьергардных частей финских войск, продолжал наступать вдоль дороги на Сармяги. Преследуя противника, командир 99-го стрелкового корпуса, прикрыв правый фланг подразделениями 150-го укрепленного района, свернул соединения корпуса в походные колонны и приступил к маршу в район Мегрозеро.

Для содействия наступающим соединениям и частям 7-й армии в этот день при поддержке корабельной артиллерии, штурмовой и бомбардировочной авиации между Видлицей и устьем р. Тулокса Ладожской военной флотилией в тыл олонецкой группировки противника был высажен десант в составе 70-й морской стрелковой бригады. Высадка оказалась неожиданной для неприятеля, но затем его сопротивление усилилось. Отражая атаки, десантники продвинулись в северном, южном и восточном направлениях и захватили участок грунтовой и железной дорог Олонец — Питкяранта.

24 июня, несмотря на шторм, корабли флотилии доставили в район боев 3-ю морскую стрелковую бригаду, которая закрепила успех. Противник неоднократно предпринимал

контратаки с целью освободить дороги и сбросить десант в озеро, однако все его попытки успеха не имели. Десантники выполнили поставленную задачу. Лишив врага возможности совершить плановый отвод войск из района Олонца, они создали реальную угрозу окружения олонецкой группы финнов. Их войска, отрезанные от своего тыла и преследуемые соединениями и частями 7-й армии, бросая вооружение, отступали через леса и болота в обход занятого десантом плацдарма.

В результате трехдневных боев советские войска прорвали сильно укрепленную долговременную оборону противника, разгромили его 5-ю и 8-ю пехотные дивизии, нанесли тяжелое поражение 7-й, 11-й пехотным дивизиям и 15-й пехотной бригаде. По данным штаба Карельского фронта, были уничтожены около 10 тыс. солдат и офицеров, 135 орудий разного калибра, 40 минометов и 170 пулеметов противника. Соединения и части армии продвинулись в глубину от 20 до 50 км и освободили от врага до 200 населенных пунктов[84].

И все же темп продвижения советских войск, достигавший 7 км в сутки, в условиях решающего превосходства над противником и при начавшемся его отходе Ставка Верховного главнокомандования оценивала как недостаточный. В ее директиве от 23 июня 1944 г. отмечалось: «Вместо того чтобы решительно атаковать противостоящего противника, не дать ему уйти и разбить его, войска фронта ожидают отхода противника и волокутся за его отходящими частями».

Этой же директивой Ставка ВГК потребовала от соединений 7-й армии овладеть 23–24 июня Олонцом и не позднее 28 июня занять Коткозеро, Нимойлу, Видлицу. В дальнейшем армия должна была развивать наступление главными силами вдоль побережья Ладожского озера в общем направлении на Сортавала и не позднее 2–4 июля овладеть Пряжа, Колатсельга, Питкяранта. Частью сил (не более одного стрелкового корпуса) ударом в направлении Коткозеро — Пряжа не допустить отхода группировки противника, действовавшей перед соединениями и частями правого фланга 7-й армии, и во взаимодействии с частями левого фланга 32-й армии занять Петрозаводск[85].

Командующий войсками фронта во исполнение директивы Ставки Верховного главнокомандования отдал войскам указания о повышении темпов наступления и применении смелого обходного маневра при разгроме опорных пунктов противника.

37-й гвардейский стрелковый корпус 7-й армии, совершив 24 июня марш по лесисто-болотистой местности и применив обходной маневр, 25 июня в 13 часов 30 минут овладел районом Самбатукса. Таким же образом были захвачены участок дороги Петрозаводск — Олонец и узел сопротивления противника Куйтежи. Преследуя финские войска, корпус к 19 часам 25 июня достиг юго-восточной окраины Олонца и овладел им.

4-й стрелковый корпус, развивая наступление на Олонец, к исходу 25 июня, действуя вне дорог, на труднопроходимой болотистой местности, широко применяя охваты и обходы, занял Сармяги и Обжа-Суежа — сильные узлы сопротивления врага.

99-й стрелковый корпус и 69-я морская стрелковая бригада, не встречая организованного сопротивления финнов, продвигались в направлении Мегрозера.

26 июня соединения 7-й армии продолжали развивать наступление. 37-й гвардейский стрелковый корпус занял Улваны, Сари-Пороги. 4-й стрелковый корпус форсировал р. Олонка, овладел Юксила и несколькими населенными пунктами на восточном берегу Ладожского озера. 99-й стрелковый корпус подходил к Чильм-озеру. 69-я морская стрелковая бригада следовала по дороге на Мегрозеро и Олонец. В течение дня советские войска захватили крупные финские склады с различным военным имуществом.

27 июня соединения армии продвинулись еще на 10–20 км. 37-й гвардейский стрелковый корпус овладел населенным пунктом Уткина Гора. 4-й стрелковый корпус форсировал р. Тулокса и, соединившись с десантом (70-й и 3-й морскими стрелковыми бригадами), вышел на р. Видлица. 99-й стрелковый корпус овладел Сигозером. 69-я морская стрелковая бригада совершала марш по дороге Олонец — Коткозеро — Пряжа.

Переправа советских танков через реку Свирь. Карельский фронт, июнь 1944 г.

Финский автоматчик

В последующие дни 7-я армия продолжала развивать успешное наступление. Недочеты в управлении войсками, допущенные в начале операции и отмеченные Ставкой Верховного главнокомандования, были устранены, и темп наступления возрос в среднем до 12 км в сутки.

Враг, неся потери в живой силе и технике, отходил на Сортавала, прикрываясь инженерными заграждениями и оказывая упорное сопротивление на заранее подготовленных промежуточных рубежах обороны.

К 30 июня 1944 г. соединения и части 7-й армии, преследуя противника, вышли на рубеж Нижние Виданы — Пряжа — Топ-озеро — Панило — Кавгозеро — Погран-Кондуш[86].

Поражение на Карельском перешейке заставило финское командование принять меры к сокращению линии фронта на медвежьегорском направлении. Тем временем, воспользовавшись тем, что на участке Сегозеро — Повенецкий залив противник начал перегруппировку, командование фронта отдало приказ 32-й армии (без 27-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на ребольском направлении) с утра 21 июня перейти в наступление во всей полосе.

Соединения и части 32-й армии после короткого огневого налета артиллерии на передовые траншеи противника вклинились в неприятельскую оборону, преодолевая сопротивление мелких групп и инженерные заграждения финнов, к исходу дня войска вышли к озеру Петтель. На левом фланге, прорвав оборону противника, к исходу дня вышли в район станции Ванзозеро — Бараки. Финны, минируя дороги и взрывая за собой мосты, начали поспешно отходить к Медвежьегорску. К исходу 21 июня 313-я стрелковая дивизия с боем заняла Повенец и завязала бой за Медвежьегорск[87].

В целом 32-я армия, преодолевая сопротивление мелких групп противника, минные поля и лесные заграждения, в течение суток продвинулась на глубину до 16 км.

В этих условиях Ставка ВГК потребовала от командующего войсками фронта силами 32-й армии сломить сопротивление финнов на рубеже р. Остер и не позднее 23 июня овладеть Медвежьегорском. В последующем наступать главными силами на Сувилахти и частью сил на Кондопогу и Петрозаводск. Ее ближайшей задачей было не позднее 29 июня — 1 июля овладеть населенными пунктами Юстозеро, Койкары, Кондопога. В дальнейшем она должна была развивать наступление главными силами на Сувилахти и левым флангом во взаимодействии с соединениями и частями 7-й армии овладеть Петрозаводском[88].

22 июня боевые действия 32-й армии вследствие лесисто-болотистого характера местности и большого количества озер развертывались главным образом вдоль немногочисленных дорог и свелись в основном к борьбе за межозерные дефиле.

Командующий войсками фронта 26 июня приказал командующему 32-й армией ускорить преследование 1-й пехотной дивизии и 21-й пехотной бригады финнов, не допустить их организованного и планомерного отхода и не позднее 29 июня овладеть рубежом Поросозеро — Койкары — Кондопога. В последующем, развивая наступление в направлении станции Суоярви, армии предписывалось отрезать пути отхода масельской и олонецкой группам противника в глубь Финляндии и во взаимодействии с 7-й армией окружить и уничтожить их[89].

Однако темп преследования противника соединениями 32-й армии оставался недостаточно высоким. Несмотря на то что финны начали повсеместный отход, они не сумели развернуть активное преследование. Продвинувшись в первый день на 16 км, соединения 32-й армии в последующие дни, остановленные мелкими отрядами прикрытия противника, не предпринимали активных действий, а ожидали, когда враг отойдет на следующий рубеж обороны.

К исходу 30 июня 32-я армия вышла на рубеж Гарьюс-Губа — Мяндусельга — Юстозеро — Спасская Губа.

Тем временем на петрозаводском направлении 368-я дивизия и части 150-го укрепленного района 7-й армии, преследуя противника, отходящего на правый берег р. Свирь, к исходу 21 июня вышли к реке и завязали бой. 23 июня 368-я стрелковая дивизия форсировала р. Свирь в районе Вознесенье и, развивая наступление на широком фронте по правому берегу в северо-западном направлении, последовательно овладела населенными пунктами Посад, Крюково, Прокино, Митькино, Князево. Части 150-го укрепрайона также форсировали р. Свирь на участке Пидьма — Мятусово и к 18 часам овладели Усть-Пидьма[90].

Артиллеристы поддерживают наступающие войска. Карельский фронт, июнь 1944 г.

Бой на одной из улиц города Олонец. Карельский фронт, июнь 1944 г.

В ночь на 24 июня после освобождения Медвежьегорска 1070-й стрелковый полк 313-й стрелковой дивизии, выделенный из состава 32-й армии для нанесения удара на Петрозаводск, начал развивать наступление вдоль Кировской (Мурманской) железной дороги. Пройдя за пять суток более 100 км, он 28 июня завязал бой на подступах к г. Кондопога и к исходу дня полностью овладел им. На следующий день полк вышел к северным окраинам Петрозаводска[91]. Одновременно 368-я стрелковая дивизия 7-й армии, которая после форсирования р. Свирь, развивая наступление в широкой полосе, освободила ряд населенных пунктов, также достигла столицы Карело-Финской ССР. На ближние подступы к городу выдвигались и части 150-го укрепленного района.

Для скорейшего освобождения Петрозаводска командование фронта приняло решение высадить с кораблей Онежской военной флотилии десант морской пехоты. Этот замысел был успешно реализован 28 июня, когда 31-й отдельный батальон морской пехоты после высадки в районе Уйской губы ворвался в город и в ходе скоротечного боя очистил его от врага[92].

В период с 21 по 30 июня 1944 г. войска Карельского фронта нанесли тяжелое поражение масельской и олонецкой группам финнов. В ходе операции они форсировали р. Свирь, преодолели Олонецкий укрепленный район и Петрозаводско-Видлицкую полосу обороны, а также ряд полос обороны на медвежьегорско-иломантсинском направлении. Первый этап Свирско-Петрозаводской операции успешно завершился. За 10 дней наступления войска фронта продвинулись на глубину 80—100 км, освободив более 800 населенных пунктов, в том числе столицу Карело-Финской ССР г. Петрозаводск. Полностью очистили от неприятеля р. Свирь, Кировскую (Мурманскую) железную дорогу и Беломоро-Балтийский канал на всем их протяжении. Противник за это время, по данным штаба фронта, потерял около 22 тыс. солдат и офицеров[93].

В начале второго этапа операции, 1 июля, командующий войсками Карельского фронта поставил 32-й и 7-й армиям задачу ускорить освобождение всей Южной Карелии и выйти к советско-финляндской государственной границе.

Под натиском соединений и частей 32-й и 7-й армий неприятель продолжал отходить по всему фронту, цепляясь арьергардами за промежуточные рубежи и оказывая ожесточенное сопротивление. Позже К. А. Мерецков отмечал: «Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории»[94].

В полосе наступления 32-й армии в общем направлении на Поросозеро отступали 1-я пехотная дивизия, 21-я пехотная бригада и Онежская бригада береговой обороны финнов. Перед 7-й армией отходили в направлении Суоярви остатки 7-й пехотной дивизии финнов, в направлении Лоймола — 8-я и 5-я пехотные дивизии, а по побережью Ладожского озера на Питкяранта — 15-я пехотная бригада.

32-я армия, развивая наступление на Поросозеро, правофланговой 176-й стрелковой дивизией к 3 июля подошла к сильно укрепленному промежуточному рубежу Чинозеро — Котчеозеро, на котором оборонялись части 1-й пехотной дивизии, 21-й пехотной бригады и нескольких пехотных и егерских отдельных батальонов финнов. Все попытки дивизии в течение 4—6 июля овладеть этим рубежом успеха не имели.

Командующий войсками фронта, неудовлетворенный темпами продвижения, приказал командующему 32-й армией более энергично развивать наступление по всему фронту, обходить временные оборонительные рубежи противника, не ввязываться в затяжные фронтальные бои, но и не ожидать, пока враг сам начнет отходить с занятых позиций[95].

Командующий 32-й армией уточнил решение, в соответствии с которым 176-я стрелковая дивизия ударом с фронта на Поросозеро, а 289-я стрелковая дивизия обходным маневром через Койкары и Линдозеро должны были окружить и уничтожить противника.

В 8 часов 8 июля 176-я дивизия, преследуя отходящего противника, частью сил начала обход поросозерской группировки с севера и к утру 10 июля вышла на дорогу Поросозеро — Кудом-Губа.

К 14 часам 11 июля в результате умелого маневра 289-я дивизия во взаимодействии с 69-й морской стрелковой бригадой и 368-й стрелковой дивизией, переданными в состав 32-й армии, штурмом овладела станцией Суоярви и крупными населенными пунктами Сувилахти, Коконниеми и Кайла[96].

В полосе наступления 7-й армии неприятель по всему фронту вел оборонительные бои, особенно упорные в районе юго-восточнее Сальми.

Применив обходный маневр, части 4-го стрелкового корпуса, сломив упорное сопротивление финских войск, форсировали р. Тулемайоки и, прорвав укрепленные позиции противника на западном берегу, к 17 часам 4 июля штурмом овладели сильно укрепленным узлом обороны Сальми. В итоге путь на Питкяранта и Сортавала для наступавших войск был открыт.

С целью нанесения удара во фланг и тыл противника командующий войсками фронта 3 июля приказал на смежных флангах 37-го гвардейского и 4-го стрелковых корпусов ввести в сражение 127-й легкий стрелковый корпус, 7-ю и 29-ю танковые бригады, усиленные артиллерией и саперами. Их задача состояла в том, чтобы захватить узлы грунтовых и железной дорог в районе Лоймола, уничтожить резервы и базы противника и, продвинувшись в западном направлении, выйти на рубеж озеро Янисярви — Ляскеля. В дальнейшем предполагалось овладеть районом Маткаселькя — Сортавала[97].

6 июля, после ввода в сражение этих сил, прорыв в полосе армии между озерами Тулмозеро и Сальми был увеличен до 20 км по фронту и до 10 км в глубину[98].

К 13 июля соединения и части 32-й и 7-й армий Карельского фронта достигли линии Сондолы — Паданы (на западном берегу Сегозера) — Янгозеро — Тумасозеро — Суоярви — Сувилахти — Лоймола — Питкяранта.

В полосе наступления 32-й армии масельская группа финнов в составе 1-й пехотной дивизии, 21-й пехотной бригады и Онежской бригады береговой обороны была вынуждена вести бои на широком фронте, прикрывая направления на Иломантси и Вяртсиля. В связи с этим командующий войсками фронта в директиве от 13 июля приказал 32-й армии активнее развивать наступление на этих направлениях. Армия получила задачу, не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах, к исходу 15 июля выйти на линию озер Нуораярви и Ала-Толваярви, захватив в этих районах переправы и закрепив за собой выходы из межозерных дефиле, а к исходу 16 июля выйти на линию Иломантси — Корписелькя. Для повышения темпов наступления приказывалось выдвигать передовые отряды с целью захвата дефиле, переправ и подготовки пути для движения главных сил[99].

В условиях резко пересеченной, бездорожной, лесисто-болотистой и озерной местности выполнять эту задачу 32-й армии предстояло с большими трудностями. Все ее четыре дивизии в течение трех недель действовали на широком фронте в одной линии и имели значительный некомплект в личном составе. Резерв армии составлял всего один отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, а средства усиления были незначительны. Переброска резервов с других направлений фронта на участок 32-й армии, а также подвоз материальных средств и эвакуация раненых затруднялись в связи с большой протяженностью коммуникаций и ограниченностью дорожной сети. К тому же не хватало автотранспорта для оперативного маневра войсками.

Выполняя директиву фронта, соединения 32-й армии возобновили наступление. Противник, используя подготовленные к обороне промежуточные рубежи, оказывал все более упорное сопротивление. В инструктивном указании командира 21-й пехотной бригады финнов от 15 июля указывалось: «Теперь вовсе не ставится вопрос о задержке русских, а об активной обороне, и это положение надо разъяснять командному, унтер-офицерскому и рядовому составу»[100]. Бои приняли затяжной характер. Наиболее упорными они были к западу от Суоярви, где наступали 313-я и 368-я стрелковые дивизии.

176-я стрелковая дивизия, разгромив северо-западнее Поросозеро до двух батальонов 21-й пехотной бригады финнов, к исходу 17 июля овладела Кудом-Губа. 21 июля ее части, развивая наступление, перешли государственную границу с Финляндией в районе Лонгонвара[101].

Колонна самоходных артиллерийских установок с десантом на марше. Июнь, 1944 г.

На улицах освобожденного Петрозаводска

289-я стрелковая дивизия захватила дорогу на Иломантси у Теркеля, и к 21 июля части дивизии также перешли государственную границу в районе южнее Лутиккавара. 313-я стрелковая дивизия к исходу 21 июля вышла к Кителянселькя и овладела им, после чего продолжила наступление на Хонкавара. 368-я стрелковая дивизия в течение 21—22 июля последовательно овладела Ягляярви, Котасио и продолжила наступление в направлении озера Ала-Толваярви.

Правофланговые соединения 7-й армии также продвигались вперед. 13 июля в целях развития наступления на Лоймола 127-й легкий стрелковый корпус был переброшен с левого на правый фланг армии и, выдвигаясь в сторону Когасио, к 17 июля овладел Кивиярви. 15 июля соединения 99-го стрелкового корпуса атаковали противника с целью прорыва укрепленной полосы и захвата станции Лоймола и лоймоловского узла обороны. В течение дня на отдельных участках части корпуса вклинились в расположение финнов и захватили первую линию траншей, но развить успех не смогли. 16 июля противник, перейдя на отдельных участках в контратаки, отбросил их в исходное положение.

18 июля командующий войсками фронта приказал командующему 7-й армией до 20 июля закончить подготовку к наступлению, после чего во взаимодействии с соединениями 32-й армии разгромить сортавальскую группировку противника, оборонявшуюся на рубеже Лоймола — озеро Ниетярви, и овладеть районом станция Маткаселькя — Сортавала. Главный удар предполагалось нанести с рубежа озер Вуортанярви и Ниетярви силами 37-го гвардейского и 4-го стрелковых корпусов в общем направлении на Руокоярви — Харлу. Вспомогательный удар планировался с юга в направлении на Ройконкоски силами 99-го стрелкового корпуса и с севера через Кивиярви, Муанто на Суйстамо силами 127-го легкого стрелкового корпуса. Ближайшая задача армии состояла в прорыве обороны финнов на рубеже Ройконкоски — Руокоярви — Кителя. В последующем, развивая наступление на Харлу и нанося удар 127-м легким стрелковым корпусом в направлении Алатту — Харлу, предполагалось окружить и уничтожить сортавальскую группировку противника[102].

Однако этот замысел не был реализован. 20 июля последовала новая директива командующего войсками фронта. В соответствии с ней 99-й стрелковый корпус должен был, надежно прикрывшись частью сил на лоймоловском направлении и выделив сильный отряд для действий на Ройконкоски, остальными силами нанести удар во фланг лоймоловской группировки врага из района озеро Лоймоланярви в общем направлении на Картохийки[103].

Выполняя эти указания, корпус произвел перегруппировку, 24 июля перешел в наступление, но решающих результатов не достиг.

127-й легкий стрелковый корпус вел наступление на Муанто с целью охвата лоймоловского узла обороны с северо-запада. Но и его бои развивались медленно и с переменным успехом.

Противник, обнаружив угрозу флангам лоймоловского узла обороны, уже с 18 июля начал перебрасывать в район Лоймола резервы с других участков фронта и к 24 июля уравнял здесь свои силы с наступавшими советскими частями. 127-й легкий стрелковый корпус оказался скованным на широком 22-километровом фронте. Финны имели возможность группами и подразделениями просачиваться через боевые порядки его частей и подразделений, так как разрывы между ними порой достигали 4 км, и воздействовать на фланги и тыл корпуса. Всё это замедляло наступление советских войск.

К 25 июля почти во всей полосе наступления 7-й армии положение стабилизировалось. Только в полосе 127-го легкого и 99-го стрелковых корпусов на лоймоловском направлении до 28 июля продолжались ожесточенные бои, в ходе которых частям на отдельных участках удалось несколько улучшить свое положение. Дальнейшее наступление приостановилось. Линия фронта проходила по рубежу Лоймола — Питкяранта, то есть почти на том рубеже, где закончилась советско-финляндская война 1939—1940 гг. Финны восстановили и усилили здесь старые оборонительные сооружения, использовав особенности рельефа местности. До финляндской границы оставалось около 80 км.

Встреча жителей освобожденного Петрозаводска с воинами Карельского фронта. Июнь 1944 г.

Колонна финских военнопленных

К концу июля соединения и части 32-й и 7-й армий вышли на рубеж Лонгонвара — Теппана — озеро Ала-Толваярви — Корпиярви — Питкяранта. Перед ними оборонялись финские 15-я, 21-я пехотные и кавалерийская бригады, Онежская и Ладожская бригады береговой обороны, части 1, 5, 7 и 8-й пехотных дивизий, 12-й отдельный корпусной батальон, четырнадцать отдельных пограничных и егерских батальонов.

С выходом правофланговых соединений 32-й армии к государственной границе с Финляндией на участке Лонгонвара — Лутиккавара финское командование, чтобы не допустить переноса боевых действий на свою территорию, перебросило в этот район крупные подкрепления с Карельского перешейка и с северного участка фронта. Противник, сосредоточив семь пехотных и егерских батальонов, кавалерийскую бригаду, 31 июля нанес контрудар по флангам соединений 32-й армии, вышел на дорогу Куолисма — Иломантси в районе северо-западнее Куолисма, перерезал коммуникации 176-й и 289-й стрелковых дивизий, а на некоторых участках вклинился в их боевые порядки. Действуя в стыке между дивизиями, враг стремился охватить 176-ю стрелковую дивизию в районе Лонгонвара — Песола с юга, юго-запада и юго-востока, а 289-ю стрелковую дивизию в районе Лутиккавара — Теппана с севера и северо-востока.

В такой обстановке советские соединения вели бои в течение четырех суток, вследствие чего стали остро испытывать недостаток в продовольствии и боеприпасах. По распоряжению командующего войсками фронта с 3 по 5 июля была организована доставка материальных средств самолетами По-2 и Р-5, которые сумели перебросить в район боев свыше 6 тонн грузов[104].

Чтобы не допустить полного окружения этих дивизий, в район Куолисма распоряжением командующего войсками фронта были переброшены 3, 69 и 70-я морские стрелковые и 29-я танковая бригады. Их передислокация заняла несколько суток. 4 августа бригады, вступив в бой с финскими войсками, несколько улучшили положение 176-й и 289-й дивизий, однако полностью ликвидировать угрозу окружения и ударов противника с севера они не смогли.

В этих условиях командующий войсками фронта принял решение отвести их из районов Лонгонвара и Лутиккавара на более выгодный рубеж по линии Куолисма — Сикавара. 9 августа дивизии отошли и закрепились на новом рубеже. К 10 августа 1944 г. линия фронта стабилизировалась. Войска южного крыла Карельского фронта, достигнув рубежа Сондолы на западном берегу Сегозера — Кудом-Губа — Куолисма — станция Лоймола — Питкяранта, по приказу Ставки Верховного главнокомандующего прекратили наступательные действия и перешли к жесткой обороне[105], оставаясь на этом рубеже до заключения с Финляндией соглашения о перемирии и выхода ее из войны.

Посильную помощь в изгнании финских захватчиков с советской земли оказали 19 партизанских отрядов общей численностью 1685 человек[106], действовавших на территории Карелии. Дезорганизуя управление, снабжая наступающие войска разведданными, совершая налеты на вражеские гарнизоны, блокируя дороги, пуская под откос воинские эшелоны, они внесли свою лепту в освобождение от врага Карельской земли.

В результате Свирско-Петрозаводской операции войска Карельского фронта во взаимодействии с Ладожской и Онежской военными флотилиями взломали сильно укрепленную оборону противника, нанесли ему тяжелое поражение и продвинулись в западном и юго-западном направлениях на 200–250 км. Они освободили большую часть территории Карело-Финской ССР и ее столицу г. Петрозаводск, Кировскую (Мурманскую) железную дорогу и Беломоро-Балтийский канал имени Сталина.

Тем не менее войска Карельского фронта не полностью выполнили поставленную Ставкой ВГК задачу. Они не вышли, как предписывалось, основными силами на государственную границу с Финляндией. Объясняется это особенностями района боевых действий, прочностью заранее подготовленной обороны врага, потерями войск фронта в личном составе и боевой технике, а также недостатками в организации и ведении наступления. Потери советских войск в связи с их действиями в сложных условиях местности и упорным сопротивлением врага были значительными. Они превысили 63 тыс. человек, из них безвозвратные — более 17 тыс. человек[107].

Характерными чертами советского военного искусства в Свирско-Петрозаводской операции являются: тщательная и всесторонняя подготовка войск и штабов к ведению боевых действий в сложных условиях; правильный выбор направления главного удара и решительное массирование сил и средств; всесторонняя подготовка форсирования крупной водной преграды; введение противника в заблуждение демонстрацией ложных переправ; использование морских десантов для захвата плацдармов в тылу врага и освобождения городов; гибкий и смелый маневр; тесное оперативное взаимодействие сухопутных войск с силами флотилий и авиацией.

Советские войска в ходе наступления проявляли массовый героизм: около 24 тыс. воинов — участников Свирско-Петрозаводской операции — были награждены орденами и медалями, 52 человека удостоены звания Героя Советского Союза, наиболее отличившиеся части и соединения Карельского фронта получили почетные наименования Петрозаводских, Свирских и награждены орденами[108].

Выход советских войск в итоге Свирско-Петрозаводской операции к границе с Финляндией создал предпосылки для вывода ее из войны, а также для освобождения советского Заполярья.

Петсамо-Киркенесская операция

После разгрома противника на Карельском перешейке и в Южной Карелии в ходе Выборгской и Свирско-Петрозаводской операций положение немецких войск на севере Финляндии резко ухудшилось. Опасение выхода советских войск во фланг и тыл 20-й горной армии (генерал-полковник Л. Рендулич) вынудило германское командование в течение сентября и в первых числах октября 1944 г. отводить свои войска с ухтинского, кестеньгского и кандалакшского направлений на территорию Северной Норвегии. На мурманском же направлении оно надеялось удержать занимаемое положение с тем, чтобы сохранить за собой коммуникации для отходивших войск, незамерзающие северные морские порты, в которых базировались крупные силы германского флота, а также районы добычи важного стратегического сырья — меди, никеля и молибдена.

В Заполярье советским войскам противостоял немецкий 19-й горноегерский корпус 20-й горной армии в составе трех дивизий (6-й, 2-й горноегерских и 210-й пехотной), двух бригад (388-й пехотной и разведывательной самокатной бригады «Норвегия») и двух полков (503-го авиаполевого и 193-го пехотного)[109].

Всего на мурманском направлении противник имел группировку численностью свыше 53 тыс. человек. В ее составе было 753 орудия и миномета разных калибров, 27 танков и штурмовых орудий. В портах и базах Северной Норвегии базировались линейный корабль «Тирпиц», 12 миноносцев, 30 подводных лодок, 50 сторожевых кораблей и тральщиков, 22 сторожевых катера и катера-охотника и около 50 вспомогательных судов[110].

Немецкие войска поддерживали 160 боевых самолетов 5-го воздушного флота[111]. Кроме того, на аэродромах, расположенных в глубине норвежской территории, противник имел свыше 300 самолетов, предназначенных для обеспечения военно-морских сил на северных морских коммуникациях, а также для нанесения ударов по советским и союзным конвоям. Часть этих самолетов в случае необходимости предполагалось использовать для поддержки наземных войск.

Все части и соединения 19-го горноегерского корпуса, в течение трех лет находившиеся в обороне, сумели всесторонне подготовиться к ведению боевых действий в специфических условиях Крайнего Севера. Их боевой и численный состав был доведен до штатной нормы. Горноегерские дивизии имели в среднем до 12 тыс. человек. По свидетельству генерала К. Типпельскирха, «немецкие дивизии были... прекрасно вооружены и оснащены. В тылу, за мурманским рубежом, были сосредоточены девятимесячные запасы всего необходимого»[112].

За три года противник успел создать в Заполярье мощную оборонительную систему глубиной до 150 км. Главная полоса обороны, ширина которой составляла около 60 км, а глубина — 4—6 км, проходила по гористой местности и упиралась в труднопроходимую тундру. Ее основу составляли ротные опорные пункты, объединенные в батальонные узлы сопротивления, с траншеями полного профиля и разного рода инженерными заграждениями. Опорные пункты имели большое количество долговременных огневых сооружений, наблюдательных пунктов и мощных укрытий, построенных из дерева, волнистого железа, камня и цемента. На километр главной полосы приходилось 15—20 долговременных сооружений[113]. Кроме того, круговая система противопехотных препятствий состояла из 2—5 рядов проволочных заграждений, усиленных минными полями. Гарнизоны опорных пунктов имели запасы воды, продовольствия и боеприпасов на 7—15 суток, что позволяло им вести продолжительные бои даже в условиях окружения[114].

Основное внимание командование вермахта уделяло участку главной полосы обороны между высотами 315 и 334, через который проходила дорога на Петсамо. В этом районе противник построил 340 прочных огневых сооружений. В их число входило девять железобетонных, 42 бутобетонных и 289 каменно-земляных, не считая 46 бутобетонных сооружений для наблюдательных пунктов, большое количество открытых пулеметных площадок, а также жилых убежищ и блиндажей с прочными перекрытиями, гарантировавшими от поражения 120—122-мм снарядами и минами[115]. Это был наиболее сильный участок оборонительной полосы противника.

Вторая полоса обороны проходила в 10—15 км от главной — по гребням скалистых высот обоих берегов р. Титовка и вдоль двух дорог Большая Западная Лица — Петсамо и гора Большой Кариквайвишь — Луостари, где и сосредоточивались основные усилия для их обороны. Опорные пункты и узлы сопротивления второй полосы перехватывали все важнейшие направления и в большинстве своем заранее были заняты войсками.

В 16—20 км от второй полосы, по левому берегу р. Петсамойоки, немецкие войска оборудовали тыловой оборонительный рубеж, который включал инженерные сооружения с укреплениями полевого типа.

Вторая полоса и тыловой рубеж в инженерном отношении были подготовлены несколько слабее. Отдельные опорные пункты, оборудованные в районах переправ через реки Титовку и Петсамойоки, а также опорные пункты, созданные вдоль дороги Луостари — Никель, решающего значения для советских войск не имели, так как их можно было легко обойти либо блокировать.

Все населенные пункты, как правило, были приспособлены к обороне. Лучше всего противник укрепил населенные пункты Петсамо, Луостари, Никель и Киркенес. В последнем, по сути превращенном в «морскую крепость», немецкие войска построили пять крупных опорных пунктов, обнесенных двумя рядами проволочных заграждений, с береговыми и зенитными орудиями[116]. Сильно укрепленные позиции противник создал и в районе никелевых разработок. Все высоты, окружавшие поселок Никель, имели хорошо оборудованные позиции с траншеями полного профиля, бутобетонными убежищами, пулеметными площадками, проволочными заграждениями в два-три ряда и минными полями. Цепь высот, расположенных вдоль дороги Луостари — Пильгуярви — Никель, также использовалась неприятелем для организации обороны на подступах к Никелю. Киркенес и укрепленные позиции в районе никелевых рудников являлись последним оборонительным рубежом, прикрывавшим аэродромы и базы военно-морского флота, расположенные в северной части Скандинавского полуострова.

На островах и мысах, при входах в фьорды и гавани южного берега Баренцева моря устанавливались береговые батареи крупного калибра, стационарные пулеметные и прожекторные установки, возводились опорные пункты с противодесантными заграждениями. На подходах к морским базам Линахамари, Киркенес, Вардё и Вадсё противник поставил минные заграждения, а входы в порты закрыл противолодочными сетями[117].

Подразделение немецких горных егерей

Таким образом, в Заполярье оборонялись отборные войска вермахта — горноегерские и гренадерские дивизии, бригады и полки. Хотя моральное состояние немецких солдат из-за непрерывных поражений их армий на советско-германском фронте ухудшалось, все же горные егеря еще верили в своих генералов и неприступность оборонительных позиций в Заполярье[118]. К осени 1944 г. противником была создана сильно укрепленная оборона, а гарнизоны ее опорных пунктов обеспечены всем необходимым для ведения длительных боевых действий.

В перехваченном советской разведкой обращении командира 2-й горноегерской дивизии генерала Х. Дегена к солдатам, в котором он ссылался на приказ А. Гитлера во что бы то ни стало удержать позиции в районе никелевых разработок, указывалось: «Мы дадим русским возможность нахлынуть на сильно укрепленные опорные пункты, а затем уничтожим их контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Наличие готовых к контрударам маневренных резервов даст нам возможность нанести удар в тот момент, когда противник истечет кровью от воздействия смертоносного огня наших опорных пунктов. Нам приказано удержать фронт, несмотря на политические изменения в Финляндии. Это значит, что фронт будет удержан. Вам известно, почему так должно быть: нам нужны никель и медь, вырабатываемые на заводе в Колосиоки. В ближайшие дни здесь снова начнут дымиться плавильные печи. Кроме всего прочего, мы должны именно здесь доказать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим»[119].

Командование вермахта возлагало большие надежды на свои укрепленные позиции в Заполярье. Однако ограниченное количество противотанковых средств на всех доступных направлениях, а также большие промежутки между узлами сопротивления и опорными пунктами (от 2 до 4 км) являлись уязвимыми местами в обороне врага. Это объяснялось главным образом недооценкой противником сил и возможностей Красной армии. В частности, немецкое командование считало невозможным применение в условиях Заполярья танков, поэтому горные егеря не были обучены борьбе с ними.

С целью разгрома группировки немецких войск на Крайнем Севере, полного освобождения советского Заполярья, особенно важного в экономическом отношении района Петсамо (Печенга) Мурманской области, Ставка Верховного главнокомандования решила провести стратегическую наступательную операцию, которая впоследствии получила название Петсамо-Киркенесской. К операции привлекались войска Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом.

Подготовка Петсамо-Киркенесской операции началась еще ранней весной 1944 г.[120] От Карельского фронта к участию в ней привлекалась 14-я армия генерала В. И. Щербакова. В ее состав вошли до половины всех общевойсковых соединений (14 дивизий и бригад из 30), а также почти все артиллерийские, танковые и инженерно-саперные средства усиления Карельского фронта.

К началу операции 14-я армия насчитывала 113,2 тыс. человек, 2212 орудий и минометов, 107 танков и САУ. С воздуха ее поддерживали 689 самолетов 7-й воздушной армии. Из состава Северного флота к операции привлекались две бригады морской пехоты, шесть эсминцев, восемь подводных лодок, 23 больших и малых охотника, 20 торпедных катеров, ВВС флота (275 самолетов)[121] — всего 20,3 тыс. человек.

Усиленная за счет резервов фронта 14-я армия имела три стрелковых корпуса (31, 99 и 131-й), два легких стрелковых корпуса (126-й и 127-й) и 2-й укрепленный район. В Северном оборонительном районе были сосредоточены 12-я и 63-я бригады морской пехоты, пулеметно-артиллерийский полк, отдельный артиллерийский дивизион, три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона Северного флота. Стрелковые дивизии 14-й армии насчитывали в среднем около 6,6 тыс., а стрелковые бригады — свыше 3,2 тыс. человек.

Из артиллерийских соединений и частей к операции привлекались две гвардейские минометные бригады, четыре пушечных, три корпусных, два гаубичных, два горных легких артиллерийских, восемь минометных и три гвардейских минометных полка.

Отряд разведчиков отправляется на задание

От ударов с воздуха армию прикрывали одна зенитная артиллерийская дивизия, зенитный артиллерийский полк и два зенитных артиллерийских дивизиона[122]. Артиллерийские и минометные части армии были укомплектованы личным составом и материальной частью на 90–95%. Артиллеристы имели большой опыт ведения боевых действий в условиях Заполярья.

Для авиационной поддержки сухопутных войск к операции привлекались три смешанные, две бомбардировочные и одна истребительная авиационные дивизии 7-й воздушной армии[123]. В их составе насчитывалось 129 бомбардировщиков, 203 штурмовика и 357 истребителей[124]. Военно-воздушные силы Северного флота имели 55 бомбардировщиков, 35 штурмовиков, 160 истребителей и 25 разведчиков[125]. Такое количество самолетов должно было обеспечить надежное прикрытие наземных войск от ударов с воздуха, а также эффективную поддержку сухопутных войск и сил флота.

Группировка инженерных войск в наступательной операции включала две инженерные саперные бригады и пять инженерных батальонов[126]. В общей сложности с учетом дивизионных саперных батальонов к операции привлекались 22 батальона инженерных войск. Этими силами инженерные войска должны были решать специфические для Крайнего Севера задачи, требовавшие огромных затрат сил и средств: подготовка плацдарма для наступления,

обеспечение сосредоточения и развертывания войск, устройство укрытий и сооружений для отдыха и обогрева, проведение инженерно-маскировочных мероприятий, строительство дорог, колонных путей и переправ, участие в штурмовых и диверсионных действиях, обучение личного состава других родов войск выполнению задач инженерного обеспечения при подготовке и в ходе ведения боевых действий.

Численный состав группировки советских войск, привлеченной к Петсамо-Киркенесской операции, обеспечивал превосходство над противником: в людях — в 2,5 раза, в артиллерии и минометах — в 2,9 раза, в танках и САУ — в 4 раза, в самолетах — в 6 раз. На направлении главного удара 14-й армии превосходство над противником составляло: в людях — в 3,2 раза, в артиллерии и минометах — в 4,1 раза, в танках и САУ — абсолютное[127]. Тактическая плотность сил и средств к началу операции достигала 2,5 км на дивизию (300–400 м на батальон), 150–170 орудий, минометов и реактивных установок на километр полосы прорыва.

Местность на мурманском направлении представляла собой полосу побережья Баренцева моря с незамерзающими портами Петсамо (Печенга), Киркенес (Сер-Варангер), Линахамари и крупными населенными пунктами Большая Западная Лица, Луостари, Никель, Сальмиярви, Ахмалахти. Местность в полосе наступления — сильно пересеченная гористо-холмистая тундра. Ее средняя высота над уровнем моря — от 200 до 400 м, а отдельные высоты достигали более полукилометра.

Район боевых действий 14-й армии характеризовался наличием многочисленных озер и болот, горных, порожистых с большими перепадами и разной скоростью течения рек и ручьев, протекавших с юго-запада на северо-восток.

Растительность заполярной местности представлена лишайниками и лишь кое-где карликовыми березами. В долинах рек и ручьев встречалось березовое редколесье, а в долине р. Петсамойоки и западнее — смешанные леса, которые могли использоваться для маскировки и топлива.

В северной части Заполярья практически отсутствовали пути сообщения. К началу войны там имелась только одна очень извилистая, с многочисленными крутыми подъемами и спусками гравийная дорога Мурманск — Большая Западная Лица — Петсамо. От Петсамо она вела на Луостари — Ахмалахти, далее разветвлялась в северном направлении до Киркенеса, а в юго-западном — до Наутси. За время войны немцы построили еще две дороги: Петсамо — Тарнет — Киркенес и Луостари — Никель. Вне дорог движение автотранспорта, артиллерии и танков почти везде было невозможно.

Отрицательное влияние на действия советских войск оказывали погодные условия. Октябрь в 1944 г. выдался особенно дождливым, обильные осадки вызвали значительный подъем воды в водоемах. Низкая облачность затрудняла полеты авиации. Средняя температура воздуха колебалась в пределах от -2 до +2 градусов. Магнитные и ионосферные бури осложняли ориентирование на местности и работу средств связи, что отрицательно сказывалось на управлении войсками.

Во исполнение директивы Ставки ВГК от 26 сентября 1944 г., в которой ставилась задача фронту очистить от противника район Петсамо[128], уже через два дня командующий войсками фронта представил в Ставку замысел проведения наступательной операции на мурманском направлении. В соответствии с ним главный удар планировалось нанести на левом фланге 14-й армии из района озера Чапр в направлении Луостари — Петсамо с целью обхода наиболее сильной группировки неприятеля, занимавшей оборону юго-западнее губы Большая Западная Лица. После ее прорыва предполагалось овладеть рубежом Петсамо — Луостари и во взаимодействии с частями Северного оборонительного района окружить соединения и части 19-го горноегерского корпуса противника. Содержанием дальнейшей задачи армии являлось развитие наступления в направлениях Киркенеса, Никеля и Наутси с последующим выходом на государственную границу с Норвегией.

Операцию планировалось провести в три этапа. На первом этапе предусматривалось осуществить прорыв обороны противника, форсировать р. Титовка и выйти на рубеж высоты 168,8, 179 — озеро Хириярви — Хейняярви — Тульяур — гора Матерт. Глубина наступления

на данном этапе — 16 км, продолжительность — 3—5 суток. На втором этапе предполагалось, овладев районами Петсамо и Луостари, выйти на рубеж Трифона и озера Нясюккяярви, Люппеярви, Пильгуярви, Каллояур. Глубина этапа — 20 км, продолжительность — 3—5 суток. На третьем этапе войска 14-й армии должны были полностью очистить от противника район Петсамо и выйти на рубеж государственной границы с Норвегией на участке Вуореми — пограничный знак № 360 — Сальмиярви. Глубина этого этапа составляла 25—30 км, продолжительность — 4—5 суток. Общая планируемая глубина операции — 50—60 км, продолжительность — 10—15 суток[129].

Получив от Ставки ВГК одобрение замысла операции в целом[130], командующий войсками фронта уточнил его с командующим 14-й армией. Так как основные вопросы применения сил и средств были уже решены командованием фронта, генерал-лейтенант В. И. Щербаков первостепенное внимание уделил созданию ударной группировки, применению танков, артиллерии и инженерных войск. В соответствии с замыслом соединениям и частям 1 октября 1944 г. были поставлены следующие задачи.

131-му стрелковому корпусу в составе 10-й гвардейской и 14-й стрелковых дивизий с приданными 73-м отдельным гвардейским тяжелым танковым полком прорыва и 378-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком, усиленным гвардейской минометной бригадой, двумя корпусными артиллерийскими полками, тремя минометными и одним гвардейским минометным полками предстояло ударом с рубежа озеро Чапр — южнее 5 км в направлении горы Малый Кариквайвишь прорвать оборону противника на 4-километровом участке и, сосредоточив основные усилия на левом фланге, овладеть опорными пунктами врага на переднем крае и в глубине его главной полосы. В дальнейшем корпус должен был с ходу форсировать р. Титовка и к исходу первого дня операции выйти на рубеж высота 221,6 — озеро Лойявр в готовности развить наступление в направлении высоты 299[131]. Часть сил корпуса предназначалась для обеспечения правого фланга армии от возможных ударов врага с севера.

99-му стрелковому корпусу в составе 65, 114 и 368-й стрелковых дивизий с приданными 89-м отдельным танковым и 339-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полками, усиленными гвардейской минометной бригадой, гаубичным и горным артиллерийскими полками, четырьмя минометными и двумя гвардейскими минометными полками, ударом в направлении гора Малый Кариквайвишь — Луостари надлежало прорвать оборону противника в полосе шириной 5 км. Главный удар корпус должен был наносить правым флангом, имея ближайшей задачей овладеть опорными пунктами на горе Большой Кариквайвишь и высоте 237. К исходу первого дня наступления его соединениям и частям предстояло выйти к р. Титовка и захватить плацдарм на ее левом берегу в готовности с утра второго дня операции развивать наступление на Луостари[132].

126-му легкому стрелковому корпусу (генерал-майор В. Н. Соловьев) в составе 31-й легкой и 72-й морской стрелковых бригад, усиленному артиллерийским и минометным дивизионами, предстояло в ночь на 6 октября начать движение по бездорожной тундре в обход правого фланга оборонительной полосы противника, обеспечивая действия главной группировки с юга. К исходу второго дня операции он должен был продвинуться на 35—40 км, захватить развилку дорог западнее Луостари и, прочно удерживая ее, не допустить подхода резервов врага с направления Никеля. Частью сил корпус должен был содействовать 99-му стрелковому корпусу в овладении Луостари.

31-му стрелковому корпусу в составе 33-й и 367-й стрелковых дивизий ставилась задача сосредоточиться в 20—30 км от переднего края в готовности к движению на Луостари и вводу в бой с тем, чтобы обеспечить правый фланг и тыл главной группировки войск первого эшелона армии от возможных диверсий противника с севера.

127-й легкий стрелковый корпус в составе 69-й и 70-й морских стрелковых бригад, усиленный артиллерийским и минометным дивизионами, предназначался для следования по маршруту 126-го легкого стрелкового корпуса и обеспечения левого фланга армии. В дальнейшем корпус должен был находиться в готовности к развитию успеха на Петсамо.

Оперативной группе войск генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича в составе 2-го укрепленного района, 45-й стрелковой дивизии и 3-й морской стрелковой бригады была поставлена задача прочно удерживать полосу обороны на участке губа Большая Западная Лица — озеро Чапр, обеспечить правый фланг армии, не дать противнику возможность маневрировать резервами и отводить свои войска из этого района. В дальнейшем группе предстояло перейти в наступление в общем направлении на Петсамо.

После захвата соединениями и частями первого эшелона плацдарма на левом берегу р. Титовка подвижная группа армии в составе 7-й отдельной гвардейской танковой бригады, 284-го отдельного моторизованного и 2-го гвардейского мотоштурмового батальонов должна была войти в прорыв на участке наступления 99-го стрелкового корпуса и содействовать соединениям и частям 14-й армии в овладении Луостари и Петсамо.

В случае внезапного отхода неприятеля соединениям и частям армии предписывалось немедленно перейти к его преследованию и воспрепятствовать 19-му горноегерскому корпусу соединиться с главными силами 20-й горной армии[133].

На период прорыва обороны противника в армии создавались три артиллерийские группы: армейская артиллерийская группа дальнего действия, группа гвардейских минометов, зенитная артиллерийская группа.

В корпусах, наносивших главный удар, создавались артиллерийские группы дальнего действия, предназначенные для ведения контрбатарейной борьбы и уничтожения важных объектов противника в глубине его обороны. В стрелковых дивизиях формировались дивизионные группы дальнего действия, в задачу которых входило усиление огня перед наступающими полками, а в стрелковых полках — полковые артиллерийские группы поддержки пехоты, предназначенные для уничтожения огневых точек врага на переднем крае и проделывания проходов в проволочных заграждениях.

Артиллерии ставились задачи во время артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 35 минут подавить огневые средства противника на участке прорыва, уничтожить его живую силу и артиллерию в главной полосе обороны, разрушить все наблюдаемые оборонительные сооружения, проделать проходы в проволочных заграждениях.

В период авиационной подготовки предусматривались массированные удары бомбардировочной авиации по опорным пунктам противника, удар бомбардировочного полка по аэродрому в Луостари, действия бомбардировщиков в полосе между рекой Западная Лица и озером Рогиярви с целью уничтожения артиллерии, живой силы и техники противника. Для решения этих задач было запланировано 1250 самолето-вылетов.

В первый день операции в ходе непосредственной авиационной подготовки атаки авиация должна была нанести бомбовые удары по опорным пунктам в главной полосе вражеской обороны. Атаку пехоты и танков планировалось поддержать действиями штурмовой авиации. Всего на авиационную подготовку в первый день операции было запланировано 2490 самолето-вылетов, в том числе бомбардировщиков — 480, штурмовиков — 640, истребителей — 1050, ночных бомбардировщиков — 320[134].

Основной задачей инженерного обеспечения операции являлось инженерное оборудование исходного района для наступления 14-й армии. В первый день операции инженерные части должны были построить и соединить три дороги на территории, занятой советскими войсками, с дорогами в расположении противника и обеспечить преодоление войсками зоны бездорожья глубиной 10–12 км. В дальнейшем за счет быстрого разминирования местности, восстановления дорог, виадуков и мостов обеспечить высокие темпы наступления советских войск в оперативной глубине немецкой обороны.

Управление сухопутными войсками и силами флота осуществлял командующий войсками Карельского фронта лично и через свой штаб с командного пункта, подготовленного в районе севернее озера Ножявр. В этом же районе развертывался и командный пункт 14-й армии[135]. Для руководства соединениями и частями на направлении главного удара в 1 км юго-западнее озеро Варсявр был оборудован вспомогательный пункт управления армии. Армейский наблюдательный пункт находился в 5–6 км от переднего края. Командный

пункт 131-го стрелкового корпуса был развернут на таком же удалении, а 99-го стрелкового корпуса — в 1 км восточнее озера Ленкявр[136], что в 10–15 км от переднего края.

Командующий 7-й воздушной армией управлял авиацией с командного пункта командующего 14-й армией, а командиры штурмовых авиационных дивизий — с командных пунктов командиров стрелковых корпусов. Для наведения штурмовиков на цели в каждую стрелковую дивизию корпусов первого эшелона были выделены офицеры со средствами радиосвязи.

Командующий Северным флотом свой вспомогательный командный пункт развернул на полуострове Средний, откуда руководил высадкой морского десанта и действиями морской пехоты на сухопутном участке фронта.

Основные усилия командования и штабов накануне операции направлялись на организацию разведки обороны противника, тщательную подготовку войск и исходного района для наступления, сосредоточение резервов, накопление материальных средств и организацию тыла. К ее подготовке штаб Карельского фронта приступил заблаговременно. Переброска соединений и частей с южных участков фронта на север началась в августе 1944 г., а подготовка штабов и войск к наступательной операции проводилась все лето. На военных играх прорабатывались возможные варианты наступления, определялась группировка сил, отрабатывались вопросы взаимодействия. В подготовке штабов соединений и частей главное внимание уделялось организации боя и управлению войсками в наступлении. Войска обучались ведению наступательного боя с прорывом укрепленной обороны противника, маневрированию в бою, обходу отдельных опорных пунктов врага и выходу на его коммуникации, совершению марша по бездорожью в условиях горно-скалистой местности, преодолению инженерных заграждений и минных полей противника без помощи саперов, а также форсированию водных преград на подручных средствах.

Многие участки в расположении советских войск хорошо просматривались противником. Поэтому в целях маскировки строительства дорог, подъездных путей и наблюдательных пунктов, а также движения по вновь построенным дорогам было создано несколько ложных районов сосредоточения войск, установлено вновь и отремонтировано более 10 км вертикальных и наддорожных масок. Все работы проводились в ночное время или же в условиях ограниченной видимости. Но произвести скрытное сосредоточение войск на мурманском направлении не удалось. Интенсивные железнодорожные перевозки и движение автотранспорта по войсковым дорогам не оставляли у врага сомнения о подготовке к наступлению. Сосредоточение же войск на главном направлении и выход их в исходные районы были проведены скрытно, что явилось для противника полной неожиданностью. Об этом свидетельствует трофейная отчетная карта германского генерального штаба за 6 октября, то есть накануне операции: в составе войск 14-й армии обозначены только 31-й стрелковый, 126-й легкий стрелковый корпуса и 10-я гвардейская стрелковая дивизия, а дислокация штаба армии обозначена в Мурманске.

При подготовке операции штабом 14-й армии, а также командованием инженерных частей и подразделений были допущены и просчеты, что в последующем отразилось на темпах наступления. Одним из крупных недостатков инженерного обеспечения явилось отсутствие заранее оборудованного исходного района для наступления на левом фланге участка прорыва армии. Располагавшийся в 2–3 км от противника 126-й легкий стрелковый корпус основательной работы по подготовке исходного района не проводил, а сменивший его за два дня до наступления 99-й стрелковый корпус успел провести только незначительные работы по устройству укрытий для личного состава и военной техники.

Материально-техническое обеспечение соединений и частей 14-й армии было полностью завершено к началу операции. На огневые позиции артиллерии и минометов было доставлено 1–2 боекомплекта артиллерийских выстрелов. Общая же обеспеченность войск боеприпасами составляла: по винтовочным патронам — 2, по ручным гранатам — 2,4, по 45-мм артиллерийским выстрелам — 1,3, по 76-мм — 2,8, по 122-мм — 3,6, по 152-мм — 2,3, по 82 и 120-мм минам — 3,4 боекомплекта[137].

Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головко *(справа)* и командующий эскадрой кораблей СФ капитан 1 ранга В. А. Фокин на ходовом мостике эсминца в боевом походе

Огонь ведут орудия главного калибра линкора «Архангельск»

Десант морской пехоты на подходе к порту Линахамари

К этому времени во всех соединениях и частях 14-й армии имелось до шести сутодач продовольствия и фуража, из них по две сутодачи было выдано бойцам. Общая обеспеченность армии продовольствием составляла семь сутодач, фуражом — 14 сутодач, а по горюче-смазочным материалам — две заправки. Кроме того, на фронтовых складах в районе Мурманска имелся запас всех видов горючего в размере одной заправки и 10 сутодач продовольствия. Было заготовлено также 50 тыс. индивидуальных порций сухого пайка на случай сбрасывания с самолетов.

Решением Военного совета армии в конце сентября личному составу было выдано зимнее обмундирование: шапки, теплое белье, рукавицы, что значительно сократило количество простудных заболеваний. Для приема раненых и больных были развернуты медицинские пункты, а также семь эвакуационных госпиталей на 3500 коек, 14 хирургических госпиталей на 2800 коек, три полевых и три инфекционных госпиталя на 300 коек каждый[138].

В целом замысел и план операции, состав сил и средств, а также комплекс мероприятий по ее всесторонней подготовке отвечали обстановке и во многом предопределили успешный ход наступления.

«Наступило утро 7 октября, — вспоминал Маршал Советского Союза К. А. Мерецков. — За несколько минут до начала артиллерийской подготовки я прибыл на наблюдательный пункт. Там уже находились командующий артиллерией генерал Дегтярев и другие ответственные лица из управления фронта. Перед нами лежала пустынная спокойная тундра. Чуть

дымились под легким ветерком сопки. Накрапывал дождь. Ничто не напоминало о присутствии войск. Стояла полная тишина. Стрелка часов приблизилась к 8.00. И тут раздался мощный грохот, переросший в сплошной гул»[139].

Артиллерийская подготовка атаки началась пятиминутным огневым налетом по всей глубине неприятельской обороны. В 8 часов 35 минут артиллерия и минометы с закрытых огневых позиций приступили к разрушению оборонительных сооружений противника. Одновременно открыли огонь на разрушение и орудия, поставленные для стрельбы прямой наводкой. После завершения периода разрушения корпусная артиллерийская группа перешла к подавлению артиллерии врага. Погода была неблагоприятной: дул сильный ветер, шел густой снег, что затрудняло наблюдение. В 9 часов 35 минут артиллерия и минометы приступили к 30-минутному подавлению запланированных целей и объектов. Орудия, выделенные для ведения огня прямой наводкой, переключились на разрушение траншей, подавление и уничтожение живой силы и огневых средств на переднем крае. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, огнем артиллерии удалось разрушить в главной полосе обороны противника около 20% траншей и до 60% проволочных заграждений. Из-за низкой облачности и снегопада в первые часы операции авиация не смогла произвести бомбардировку опорных пунктов врага.

В 10 часов 35 минут 7 октября войска первого эшелона Карельского фронта перешли в атаку. В полосе наступления 99-го стрелкового корпуса значительное удаление исходных позиций от переднего края обороны противника не позволило соединениям первого эшелона своевременно использовать результаты артиллерийской подготовки. Враг, опираясь на мощные укрепления, оказал отчаянное сопротивление. Немецкие егеря, переждав артподготовку в прочных бетонных убежищах, заняли позиции в полуразрушенных траншеях. У проволочных заграждений стрелковые части были остановлены сильным ружейным и пулеметным огнем, в результате чего атака захлебнулась. В течение дня 99-й стрелковый корпус, встретив упорное сопротивление, так и не сумел прорвать оборону противника. Оценив сложившуюся обстановку, командир корпуса принял решение повторить атаку ночью. В полночь 8 октября без артиллерийской подготовки соединения и части корпуса внезапно атаковали противника и к утру все же овладели этими мощными узлами сопротивления, а их гарнизоны полностью уничтожили.

Боевые действия корпуса показали, что перед началом наступления опорные пункты и узлы сопротивления главной полосы обороны врага были плохо разведаны. Созданная плотность артиллерии при отсутствии авиационной поддержки оказалась недостаточной для успешного подавления его обороны. Противник, занимавший господствующие высоты и к тому же имевший надежные укрепления с наблюдательными пунктами, мог эффективно осуществлять маневр огнем из своих опорных пунктов. Скрытное проникновение наступавших в промежутки между опорными пунктами и их окружение днем могло быть результативным только при условии надежного подавления системы огня. В условиях же ночи выполнение этой задачи значительно облегчилось. Весь день 8 октября соединения и части корпуса вели ожесточенные бои на подступах к р. Титовка. В ночь на 9 октября они вышли к реке, форсировали ее и захватили плацдарм на левом берегу.

Только к утру 9 октября 99-й стрелковый корпус выполнил боевую задачу, поставленную перед ним на первый день операции.

В полосе наступления 131-го стрелкового корпуса обстановка сложилась более благоприятно. Соединения и части корпуса стремительно атаковали передний край обороны противника. В одной из атак на подразделения третьего батальона 28-го гвардейского стрелкового полка 10-й гвардейской стрелковой дивизии обрушился шквал пулеметного огня из вражеского дота, заставивший наступавших залечь. Каждая минута промедления грозила большими потерями. Положение спас снайпер восьмой стрелковой роты ефрейтор М. Л. Ивченко: он подполз к доту и, рванувшись вперед, грудью навалился на амбразуру. Пулемет захлебнулся. М. Л. Ивченко — первому из воинов 14-й армии — было посмертно присвоено звание Герой Советского Союза[140].

Наступление советских войск на Петсамо. Карельский фронт, октябрь 1944 г.

Десант подходит к месту высадки в Петсамо

Поддержанные танками части 14-й стрелковой дивизии, преодолевая мощное сопротивление, уже к 15 часам, прорвав главную полосу, овладели западным берегом озера Чапр и вышли к р. Титовка. Два батальона 95-го стрелкового полка этой дивизии форсировали реку, захватили плацдарм на ее левом берегу и вышли на рубеж озер Куосмеярви и Лайя.

В итоге первого дня наступления оборона противника была прорвана на 8-километровом участке. Правофланговые соединения 131-го стрелкового корпуса продвинулись в глубину на 10 км, а в центре — от 4 до 6 км[141]. Но из-за отсутствия дорог подвоз боеприпасов и продовольствия был затруднен. Все это отразилось на темпах наступления.

126-й легкий стрелковый корпус, не имея соприкосновения с противником, к 19 часам второго дня наступления вышел в район озера Тульяур. 127-й легкий стрелковый корпус сосредоточился в районе горы Намварь[142].

В итоге двухдневных боев соединения и части ударной группировки 14-й армии, сочетая фронтальный удар с обходным маневром, прорвали главную полосу вражеской обороны, форсировали р. Титовка, овладели основными опорными пунктами второй полосы обороны противника, нанесли значительный урон 2-й горноегерской дивизии и выполнили задачу, поставленную на первый день операции. Авиация фронта за это время бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожала войска противника на петсамском направлении и вела разведку, совершив 680 самолето-вылетов, сбив при этом восемь вражеских самолетов. Авиация противника произвела 182 самолето-вылета[143].

По данным штаба фронта, немецкие войска потеряли убитыми свыше 2 тыс., пленеными 210 солдат и офицеров. Было захвачено 34 орудия, восемь минометов, 19 пулеметов, 12 радиостанций, 90 лошадей, 20 повозок, девять складов с различным имуществом[144].

Вечером 9 октября генерал армии К. А. Мерецков потребовал от командующего 14-й армией выполнить поставленные ранее задачи и нарастить темпы наступления для быстрейшего овладения Луостари, Петсамо и захвата участка дороги в межозерном дефиле Каккуриярви и Сантаярви, чтобы не допустить отхода немецкой группировки с рубежа р. Западная Лица на запад. Командующий войсками фронта отдал также приказ о начале преследования отступавшего противника силами оперативной группы войск генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича, переходе в наступление морской пехоты с полуострова Средний и высадке десанта Северного флота на южное побережье губы Малая Волоковая.

После выполнения боевой задачи, поставленной на первый день операции, усилия 99-го стрелкового корпуса были направлены на овладение Луостари, важным пунктом сопротивления врага в районе р. Петсамойоки. Корпус, преодолевая упорное сопротивление, в течение 9—12 октября продвигался на запад. Особенно ожесточенный характер приняли бои за высоту 194, в 3 км восточнее Луостари. Части 10-й гвардейской стрелковой дивизии, переданной к этому времени из 131-го стрелкового корпуса в состав 99-го стрелкового корпуса, 10 октября овладели этой высотой, но контратакованные врагом были отброшены в восточном направлении. Только 11 октября этой дивизии удалось сломить сопротивление противника и прочно закрепиться на высоте.

12 октября соединения 99-го стрелкового корпуса после 10-минутного огневого налета артиллерии с ходу форсировали р. Петсамойоки и во взаимодействии с частями 126-го легкого стрелкового корпуса полностью овладели Луостари — крупным опорным пунктом неприятеля, прикрывавшим подступы к району никелевого производства.

126-й легкий стрелковый корпус, продвигаясь по бездорожью, утром 10 октября вышел в район развилки дорог западнее Луостари и занял оборону: 31-я легкая стрелковая бригада — фронтом на запад, а 72-я морская стрелковая бригада — фронтом на восток. В результате этого основная коммуникация 19-го горноегерского корпуса оказалась захваченной советскими войсками.

Группировка войск противника, действовавшая на мурманском направлении, была расколота на две части. Оперативные резервы 20-й горной армии, двигавшиеся из Никеля и Сальмиярви к Луостари и лишенные возможности соединиться с частями 19-го горноегерского корпуса, вынуждены были действовать на изолированных направлениях. Вместе

с тем выход советских войск в этот район создавал угрозу удара с тыла по группировке врага в районе Луостари, что вынуждало ее вести борьбу в крайне невыгодных условиях — с перевернутым фронтом. Противник в связи с потерей пути отхода на запад мог отступать только на север по рокадной дороге Луостари — Петсамо.

Стремясь во что бы то ни стало освободить дорогу Луостари — Никель, немецкое командование с ходу ввело в бой спешно переброшенный с кандалакшского направления автотранспортом 307-й пехотный полк 163-й пехотной дивизии. Этот полк во второй половине дня 10 октября предпринял несколько атак против 31-й легкой стрелковой бригады. Одновременно 72-я морская стрелковая бригада подверглась атакам врага со стороны Луостари. Советские части вели здесь бои с противником до 11 октября. О напряженности боев в этом районе свидетельствует то, что отдельные высоты переходили из рук в руки по пять-шесть раз.

Однако попытки пробиться к Луостари с запада не увенчались успехом. Части и подразделения 126-го легкого стрелкового корпуса в многодневных боях с превосходящим противником проявили исключительное упорство и удержали в своих руках важную коммуникацию[145].

В то время, когда шли бои за Луостари, 127-й легкий стрелковый корпус, продвигаясь за 126-м легким стрелковым корпусом, силами 69-й морской стрелковой бригады ударом с юго-запада и запада 12 октября овладел аэродромом Луостари, отразив здесь несколько контратак противника. 70-я морская стрелковая бригада продолжала движение в район западнее Пеясамсияд.

С выходом в район Луостари соединения и части 14-й армии расчленили вражескую группировку и создали благоприятные условия для развития наступления в направлении Никеля, а также на север, в сторону Петсамо. После захвата Луостари основные усилия советских войск были направлены на окружение и разгром противника в районе Петсамо.

Успех, достигнутый советскими частями, давал советскому командованию все основания надеяться на успешное завершение окружения врага, однако для выполнения этой задачи не хватило сил и средств. Предпринятые меры по переброске на этот участок 368-й стрелковой дивизии оказались запоздалыми. Ее головной полк прибыл в район озер 11 октября только в 16 часов, а еще на рассвете этого дня противник ввел в бой до двух батальонов 193-го пехотного полка, до двух батальонов 143-го горноегерского полка и остатки самокатно-разведывательной бригады «Норвегия». Это позволило ему отбросить подразделения 155-го стрелкового полка на 700—800 м южнее дороги и вывести часть сил в направлении Петсамо.

Оперативная группа генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича, преодолевая инженерные заграждения, с 10 по 12 октября преследовала отходившего противника. 45-я стрелковая дивизия, наступавшая вдоль дороги на Петсамо, за это время продвинулась на 20—25 км и 13 октября соединилась в районе озера Сантаярви с частями 14-й стрелковой дивизии. 3-я морская стрелковая бригада, продвигаясь по бездорожью в направлении высоты 256, к исходу 11 октября овладела ею.

13 октября оперативная группа, выполнив боевую задачу по обеспечению правого фланга ударной группировки, была расформирована. 45-я стрелковая дивизия вошла в состав 131-го стрелкового корпуса, 3-я морская стрелковая бригада — в состав 127-го легкого стрелкового корпуса, а части 2-го укрепленного района, выведенные в армейский резерв, сосредоточились в районе населенного пункта Большая Западная Лица.

В кровопролитных боях, по данным штаба фронта, враг потерял свыше 2 тыс. солдат и офицеров. Он бросил в исправном состоянии или уничтожил почти всю артиллерию, автотранспорт и тяжелое вооружение. Однако завершить полное окружение вражеской группировки в районе Большой Западной Лицы советским войскам не удалось: противник успел вывести часть своих войск по дороге на Петсамо. Это объясняется тем, что советские части вынуждены были отражать атаки выходящего из окружения противника без поддержки артиллерии, отставшей из-за бездорожья. Вследствие неблагоприятных метеорологических условий не смогла оказать эффективную помощь наземным войскам и авиация.

Бой в районе Петсамо

Части морской пехоты в районе хребта Муста-Гунтури на пути к Петсамо

Высадка десанта в Петсамо

К исходу 14 октября части 131-го стрелкового корпуса заняли Какури и завязали бои южнее Петсамо за переправу через р. Петсамойоки. 45-я стрелковая дивизия, выведенная в резерв корпуса, сосредоточилась в районе севернее озера Сантаярви.

По приказу командующего Северным флотом 12-я отдельная бригада морской пехоты с утра 10 октября в соответствии с планом операции прорывала оборону противника на хребте Муста-Тунтури, а 63-я бригада морской пехоты десантировалась на побережье губы Малая Волоковая. С переходом в наступление соединений морской пехоты Северного флота и оперативной группы 14-й армии боевые действия развернулись от губы Малая Волоковая до горы Матерт. К утру следующего дня части обеих бригад захватили участок дороги Титовка — Паровара. Опасаясь полного окружения, противник начал поспешно отводить свои войска с перешейка полуострова Средний. В ночь на 13 октября десант Северного флота, высаженный в порту Линахамари, к исходу дня полностью очистил его от врага.

99-й стрелковый корпус получил задачу от командующего армией наступать на Петсамо с юга, содействуя 131-му стрелковому корпусу. 10-я гвардейская стрелковая дивизия при поддержке 7-й отдельной гвардейской танковой бригады, наступая по дороге Луостари — Петсамо, в течение 13 и 14 октября вела упорные бои на перекрестке дорог в 5 км южнее Петсамо. Успешно отразив все контратаки противника, части дивизии разгромили до двух пехотных батальонов врага. Утром 15 октября передовые части дивизии подошли к Петсамо с юга. 65-я стрелковая дивизия вышла в район в 5 км северо-западнее Луостари. 114-я стрелковая дивизия, сменив 31-ю легкую стрелковую бригаду 126-го легкого стрелкового

корпуса, продолжала вести бой с подразделениями немецкой 163-й пехотной дивизии в районе высота 252 — Пильгуярвен.

Стремясь спасти остатки соединений, оборонявших Петсамо, командование вермахта продолжало выводить их небольшими группами на Тарнет. Чтобы воспрепятствовать этому, 72-я морская стрелковая бригада 126-го легкого стрелкового корпуса, совершив 15-километровый марш по бездорожью, 13 октября захватила участок дороги в районе юго-западнее озера Нясюккяярви. Это был большой успех. Противник лишился единственной дороги, по которой он мог бы выводить свои войска в Норвегию.

В течение 14 и 15 октября бригада удерживала этот участок, отражая атаки врага. Для усиления 72-й морской стрелковой бригады в район ее действий была направлена 70-я морская стрелковая бригада.

В ходе боев за Петсамо части противника общей численностью около 3,5 тыс. человек были полностью окружены[146]. В 2 часа ночи 15 октября в результате совместных усилий 99-го и 131-го стрелковых корпусов и морской пехоты Северного флота советские войска овладели Петсамо.

За девять суток наступления войска Карельского фронта при содействии сил Северного флота, сочетая фронтальные удары с обходным маневром по труднодоступной местности, высадкой морских десантов, продвинулись в западном направлении на глубину от 35 до 65 км. Они с ходу форсировали реки Западная Лица, Титовка, Петсамойоки, освободили 15 населенных пунктов, в том числе Луостари, Петсамо и военно-морскую базу Линахамари. Средний темп наступления составлял от 4 до 7 км в сутки. Советская авиация за это время совершила 3680 самолето-вылетов, сбив в ходе воздушных боев 70 самолетов противника[147].

В результате мощного удара была прорвана глубоко эшелонированная укрепленная оборонительная полоса противника. Войска Карельского фронта и морской пехоты Северного флота в тесном взаимодействии с кораблями и авиацией разгромили 2-ю горноегерскую дивизию, самокатно-разведывательную бригаду «Норвегия», 193-й пехотный полк и нанесли тяжелый урон остальным соединениям и частям 19-го горноегерского корпуса. Противник, по данным штаба фронта, потерял до 18 тыс. солдат и офицеров убитыми и 713 пленными. Советскими войсками было уничтожено 79 орудий, 150 минометов, 600 автомашин, 459 повозок, 50 различных складов. Кроме того, захвачено 157 орудий, 60 минометов, 456 пулеметов, 5800 винтовок и автоматов, 50 радиостанций, 162 трактора-тягача, 367 автомашин, 400 лошадей, 170 тыс. снарядов, 8 млн винтовочных патронов, около 200 складов с военными материалами и другие трофеи[148].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1944 г. за овладение Петсамо 33 соединения и части Карельского фронта и семь соединений Северного флота были награждены орденами[149].

После поражения в районах Петсамо и Луостари противник под прикрытием сильных арьергардов начал поспешно отводить остатки своих частей в западном направлении.

15 октября командующий войсками Карельского фронта доложил в Ставку Верховного главнокомандования свои соображения о дальнейших действиях войск в операции. Они сводились к тому, чтобы очистить от противника район к северо-западу от Петсамо и к западу до норвежской границы, ликвидировать вражескую береговую оборону, овладеть районом никелевых разработок и в районе Сальмиярви выйти к норвежской границе. Генерал армии К. А. Мерецков просил также разрешить войскам фронта преследовать остатки войск противника на территории Норвегии, а для этого перейти ее границу[150]. 16 октября Ставка ВГК утвердила предложение о переходе границы.

Командующий войсками Карельского фронта директивой от 15 октября 1944 г. № 0011 поставил задачу соединениям и частям 14-й армии уничтожить остатки 19-го горноегерского корпуса и 163-й пехотной дивизии. Войскам предстояло выйти на государственную границу с Норвегией на участке Вуореми — озеро Вуоремиярви — пограничный знак № 360 — Сальмиярви и в дальнейшем быть в готовности к наступлению на Наутси и Ивало (70 км юго-западнее Наутси).

99-му и 31-му стрелковым корпусам для выполнения поставленной задачи предписывалось наступать в общем направлении на Сальмиярви. При этом 99-му стрелковому корпусу — вдоль дороги Луостари — Ахмалахти, а 31-му стрелковому корпусу — вдоль дороги Луостари — Никель. Одновременно 126-му и 127-му легким стрелковым корпусам ставилась задача маневром подвижных частей во фланг и тыл противника способствовать беспрепятственному продвижению 99-го и 31-го стрелковых корпусов.

Обеспечение ударной группировки армии справа и освобождение от противника территории западнее и северо-западнее Петсамо, от дороги Петсамо — Киркенес до Баренцева моря, возлагались на 131-й стрелковый корпус, который развертывался на государственной границе — от Вуореми до высоты 322[151]. 16 октября его задача была уточнена. Теперь он должен был, перейдя границу с Норвегией, развивать наступление в направлении Киркенеса.

В это же время в районе Луостари сосредоточивался 133-й стрелковый корпус в составе 21, 67 и 104-й стрелковых дивизий, а также 13-й инженерной бригады, который по решению командующего войсками фронта был передан в состав 14-й армии[152] для действий в случае необходимости в направлениях Сальмиярви и Наутси[153].

Десант Северного флота на пути к Киркенесу

В течение 16, 17 и 18 октября соединения и части армии производили перегруппировку и подготовку к наступлению, подтягивали войсковые и армейские тылы, восстанавливали запасы боеприпасов, горючего и продовольствия. Активные боевые действия в это время вели лишь 114-я стрелковая дивизия западнее Луостари и 368-я стрелковая дивизия, занимавшая оборону на линии государственной границы с Норвегией.

Срок готовности к действиям был определен 18 октября. Глубина продвижения планировалась в 25–30 км, продолжительность наступлении — 7–8 суток.

С утра 18 октября, введя в сражение второй эшелон (31-й стрелковый и 127-й легкий стрелковый корпуса), соединения и части армии после 45-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление.

99-й стрелковый корпус, преодолевая сопротивление противника, к утру 22 октября овладел населенными пунктами Рова, Виртайн и вышел на дорогу Киркенес — Ахмалахти[154]. Развивая наступление, соединения и части 99-го стрелкового корпуса к исходу дня овладели территорией от Фоссгорд до Сальмиярви. Передовые подразделения корпуса форсировали озеро Контиоярви и захватили населенные пункты Фоссгорд и Трангсунд.

31-й стрелковый корпус вел наступление вдоль дороги на Никель. Неприятель оказывал упорное сопротивление в опорных пунктах, расположенных на высотах вдоль дороги Луостари — Никель. Вся она, а также отдельные рубежи были густо заминированы. Общая глубина оборонительных сооружений составляла здесь 4–6 км. Сбивая арьергарды противника и применяя обходные маневры, чтобы отрезать пути его отхода на запад, части корпуса с 18 по 20 октября последовательно овладевали его опорными пунктами.

127-й легкий стрелковый корпус, обеспечивавший левый фланг 31-го стрелкового корпуса, к вечеру 20 октября вышел в район юго-западнее Никеля.

Таким образом, советские войска обошли район Никеля с севера, юга и юго-запада. 22 октября части 31-го стрелкового и 127-го легкого стрелкового корпусов, мощным ударом сломив сопротивление врага, овладели районом богатейших никелевых разработок и поселком Никель[155]. Противник был частично уничтожен, а частично рассеян. Его мелкие группы отходили в западном и северо-западном направлениях.

Части правого фланга 131-го стрелкового корпуса с 15 по 20 октября очищали от врага район севернее и северо-западнее Петсамо, от дороги Петсамо — Киркенес до Баренцева моря, а также вели разведку местности в направлении на Тарнет. К 21 октября они вышли на государственную границу с Норвегией. С прибытием 2-го укрепленного района к государственной границе с Норвегией 368-я стрелковая дивизия 131-го стрелкового корпуса приступила к сдаче своего участка. После этого она получила задачу совместно с десантом морской пехоты Северного флота очистить от противника прибрежную полосу от Вуореми до залива Яр-фьорден.

К утру 22 октября 131-й стрелковый корпус вышел к норвежским населенным пунктам Стурбунт, Тарнет, Карпбугт, которые являлись мощными узлами сопротивления, прикрывавшими подступы к Киркенесу с востока и юго-востока. На этом рубеже противник стремился во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск. Тем не менее пехотинцы и танкисты при поддержке артиллерии и авиации выбили его из этих населенных пунктов и к исходу дня вышли на рубеж Стурбунт — высота 213. Только в районе Стурбунт и Тарнет, по данным штаба фронта, враг потерял до 300 солдат и офицеров убитыми, 16 орудий, 40 автомашин и несколько военных складов[156].

Соединения и части 14-й армии в результате пятидневных наступательных боев (с 18 по 22 октября), преодолевая сопротивление арьергардов отходившего противника, одновременно используя обходный маневр по тундре и бездорожью, продвинулись на 25–35 км и вышли на рубеж Стурбунт — Тарнет — высота 213 — озеро Клистерванн — Рова — Виртайн — Сальмиярви. Темп наступления составлял 5–7 км в сутки. С выходом советских войск на государственную границу с Норвегией поставленная задача была выполнена. Удалось полностью очистить от врага важный район никелевых рудников с крупными населенными пунктами Никель и Ахмалахти.

В ходе этих боев 19-й горноегерский и 36-й армейский корпуса врага понесли большие потери. Соединения и части 14-й армии, по данным штаба фронта, уничтожили до 5 тыс. солдат и офицеров, взяли 100 пленных, захватили 88 орудий, более 100 автомашин, 13 тракторов, 2 тыс. винтовок и автоматов, 50 тыс. снарядов, 10 тыс. ручных гранат, 15 тыс. противотанковых мин, 78 различных складов и другое военное имущество[157].

С выходом советских войск в район Ахмалахти — Никель и перехватом рокады Киркенес — Сальмиярви войска 20-й горной армии оказались рассеченными на две изолированные друг от друга группировки. Одна из них, состоящая из остатков 6-й горноегерской, 210-й пехотной дивизий, 388-й пехотной бригады, самокатно-разведывательной бригады «Норвегия», 503-го авиаполевого и 193-го пехотного полков, объединенная управлением 19-го горноегерского корпуса, в беспорядке отступала на северо-запад, в направлении Киркенес — Нейден. Другая группировка, в состав которой входили остатки 163-й пехотной, 2-й горноегерской дивизий, лыжной бригады автоматчиков «Финляндия», батальона СС, 776-го разведывательного дивизиона, специальных и моторизованных частей 20-й горной армии, под управлением командира 36-го армейского корпуса откатывалась в южном направлении по дороге Сальмиярви — Наутси — Ивало.

Перед войсками Карельского фронта и силами Северного флота стояла задача завершить разгром врага на территории Норвегии.

23 октября командующий войсками Карельского фронта поставил задачу 14-й армии наступать в северо-западном и юго-западном направлениях, во взаимодействии с силами Северного флота овладеть населенными пунктами Киркенес и Нейден. Завершив освобождение Петсамской области, им предстояло выйти в район Наутси. Глубина продвижения составляла 45–65 км, срок выполнения задачи — 5–6 дней[158].

Учитывая, что наступление по-прежнему надлежало вести в двух разобщенных направлениях, командующий армией принял решение силами 99-го, 131-го стрелковых и 126-го легкого стрелкового корпусов нанести удар по северной группировке противника, разгромить ее в районах Тарнет, Киркенес, Нейден и овладеть Киркенесом — главной военно-морской базой врага на Крайнем Севере. Второй удар планировалось нанести в южном направлении силами 31-го стрелкового и 127-го легкого стрелкового корпусов, полностью очистить от врага Петсамскую область, овладеть Наутси и выйти на границу с Финляндией.

Соединения и части армии, частично перегруппировавшись, с утра 24 октября приступили к выполнению этих задач.

131-й стрелковый корпус, отбрасывая мелкие группы прикрытия противника, к исходу 24 октября вышел на рубеж Слеттен — Эльвенэс — пограничный знак № 360. В течение следующего дня корпус, форсировав залив Бек-фьорд, сломил сопротивление противника и во взаимодействии с 99-м стрелковым корпусом в 13 часов овладел Киркенесом.

24 октября 99-й стрелковый корпус, переправившись в районе Трангсунд через озеро Сальмиярви, также начал наступление на Киркенес. К исходу того же дня части корпуса, преследуя противника и ведя бои с его арьергардами, вышли на рубеж озеро Бьерневанн — высота 250.

Гарнизон Киркенеса, состоявший из остатков 141-го горноегерского полка, 112-го разведывательного батальона, 118-го артиллерийского полка 6-й горноегерской дивизии, 664-го и 665-го крепостных батальонов 210-й пехотной дивизии, 388-й пехотной бригады и различных спецподразделений 19-го горноегерского корпуса (общей численностью до 5 тыс. человек), был полностью уничтожен. Оставшиеся в живых 160 человек сдались в плен. В Киркенесе было захвачено много трофеев, среди них 233 различных военных склада, 41 военный катер и лодка. Из находившихся здесь концентрационных лагерей были освобождены 854 советских военнопленных и 772 мирных жителя, угнанных оккупантами из Ленинградской области[159].

126-й легкий стрелковый корпус из района Ахмалахти, где он был сосредоточен 23 октября, совершил марш по бездорожью и к исходу 27 октября овладел Нейденом, после чего занял оборону по высотам в северном направлении.

Встреча с норвежцами

Вид разрушенного и сожженного немцами города Киркенеса. 1944 г.

31-й стрелковый корпус, отбрасывая мелкие группы противника, частями 83-й стрелковой дивизии 24 октября овладел Сальмиярви и, форсировав р. Патсойоки в районе Стенбака, наступал по дороге Сальмиярви — Наутси.

С овладением Киркенесом и Нейденом, выходом на побережье пролива Корс-фьорд на территории Норвегии и полным очищением Петсамской области на юге, в районе Наутси, задача, поставленная Ставкой Верховного главнокомандования войскам Карельского фронта, была полностью выполнена.

7 ноября 1944 г. Карельский фронт был расформирован, а 14-я армия преобразована в отдельную армию с непосредственным подчинением Ставке ВГК.

Москва три раза салютовала доблестным воинам Карельского фронта и морякам Северного флота. 16 соединений и частей удостоились почетного наименования Киркенесских[160]. 18 соединений и частей были награждены орденами Красного Знамени, Суворова, Александра Невского и Красной Звезды[161]. За умелое руководство командующему войсками Карельского фронта К. А. Мерецкову 26 октября 1944 г. было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

В результате Петсамо-Киркенесской операции были освобождены от оккупантов советское Заполярье и северные районы Норвегии, в том числе г. Киркенес, нанесено тяжелое поражение немецкой 20-й горной армии и германскому военно-морскому флоту, ограничив его действия на северных морских коммуникациях. Германия лишилась одного из важнейших источников стратегического сырья — никелевой руды.

Наступая в полосе 60–90 км, соединения и части 14-й армии в ходе операции продвинулись на глубину до 150 км. Противник только убитыми потерял около 30 тыс. солдат и офицеров. Северный флот потопил 156 вражеских кораблей и судов, авиация совершила 6571 самолето-вылет и уничтожила 139 самолетов противника[162]. Советские войска потеряли убитыми свыше 6 тыс. человек и ранеными более 15 тыс. человек[163].

Характерными чертами советского военного искусства в Петсамо-Киркенесской операции являются: тщательная и всесторонняя подготовка войск и штабов к ведению боевых действий в особых условиях; решительное массирование сил и средств на направлении главного удара; глубокое эшелонирование войск при небольшой глубине операции; ведение боевых действий в условиях сложного характера местности по направлениям; применение специально обученных и организационно приспособленных для действий в Заполярье соединений — легких стрелковых корпусов (боевой опыт, приобретенный ими в горно-тундровых условиях Заполярья, в последующем успешно применялся на других театрах военных действий горнострелковыми корпусами); гибкий и смелый маневр силами и средствами; тесное оперативное взаимодействие сухопутных войск с силами флота и авиацией; высокая выносливость личного состава, проявление им мужества и героизма при действиях в труднодоступной местности и в неблагоприятных климатических условиях.

Достижение стратегической цели в Петсамо-Киркенесской операции стало возможным благодаря успешному взаимодействию войск Карельского фронта и сил Северного флота, поддержанных фронтовой и морской авиацией.

В северных широтах

Особенностями обстановки на Северном морском ТВД к началу летне-осенней кампании являлась стабильная на приморском участке линия фронта, а также большая зависимость группировок сухопутных войск противоборствующих сторон от морских перевозок. Кроме того, в августе возобновилось движение союзных северных конвоев, доставлявших в СССР грузы, получаемые по ленд-лизу. Все это определяло первостепенность для каждой из сторон задачи по обороне своих морских коммуникаций.

Система базирования Северного флота включала главную базу флота — Полярный, а также Беломорскую военную флотилию, Северный оборонительный район. Кроме того, флот включал бригаду эскадренных миноносцев[164], бригаду подводных лодок, бригаду торпедных катеров и бригаду траления. Также в состав флота входили военно-воздушные силы, береговая оборона, противовоздушная оборона, гидрографическая служба, части тылового обеспечения. В составе флота насчитывался 91 надводный корабль (легкий крейсер, один лидер эсминцев, восемь эсминцев, 18 сторожевых кораблей, семь больших охотников, три минных и один сетевой заградители, 52 тральщика), 28 подводных лодок, 136 боевых катеров (40 торпедных, 60 сторожевых, 36 катеров-тральщиков)[165].

Во втором полугодии 1944 г. флот пополнился большим числом малых кораблей и катеров, полученных по ленд-лизу, в счет раздела итальянского флота, а также от отечественной промышленности. Судоремонтная база флота была слабой, но большинство кораблей были новой отечественной или зарубежной постройки и не нуждались в серьезном техническом обслуживании.

Военно-воздушные силы Северного флота к началу кампании усилились, но все еще оставались самими слабыми из ВВС трех воевавших флотов. В составе боевых частей и подразделений (два минно-торпедных, один штурмовой, один разведывательный, шесть истребительных, три смешанных авиаполка и одна эскадрилья) насчитывалось 394/265 боевых самолетов[166], в том числе 30/26 торпедоносцев, 52/25 штурмовиков, 232/170 истребителей, 80/44 разведчика. Обращала на себя слабость ударной авиации флота, насчитывавшей всего три полка[167]. В то же время резкое ослабление авиации противника на северном участке советско-германского фронта позволило частично привлечь истребительную авиацию для использования в качестве истребителей-бомбардировщиков и легких штурмовиков.

Задачи Северному флоту были поставлены директивой Ставки Верховного главнокомандования от 31 марта 1944 г.: содействовать приморскому крылу Карельского фронта высадкой десантов, артиллерийскими обстрелами, воинскими перевозками; систематически прерывать коммуникации противника вдоль северного побережья Норвегии и в Варангер-фьорде действиями всех сил флота; обеспечивать совместно с силами союзников движение конвоев на коммуникациях в Баренцевом море в операционной зоне Северного флота; быть готовым к проведению активных операций по занятию баз противника в Варангер-фьорде при движении частей Красной армии на запад, а также к обороне коммуникаций в Карском море в период навигации[168]. В течение всего рассматриваемого периода флот подчинялся непосредственно главкому ВМФ адмиралу флота Н. Г. Кузнецову.

Германское военно-морское командование на Северном морском театре было децентрализовано и вследствие потерь и перевода кораблей на другие театры подвергалось постоянному реформированию. Крупные надводные корабли и подводные лодки подчинялись штабу группы ВМС «Норд», который 31 июля 1944 г. был расформирован. С этого момента крупные надводные корабли подчинялись штабу 1-й боевой группы, а подводные лодки — штабу начальника подводных лодок в Норвегии, в сентябре переименованному в штаб начальника подводных лодок в Арктике. За охрану акватории Советского Заполярья от Киркенеса до Нарвика отвечали штабы 1-го и 2-го береговых охранных соединений.

В состав германских ВМС входили один линкор, пять эсминцев, 10 подводных лодок (в ходе кампании их число значительно увеличилось и на 1 декабря составило 32), три канонерские лодки, два минных заградителя, 40 тральщиков (24 базовых и 16 рейдовых), 12 охотников за подводными лодками, две плавбазы катеров-тральщиков, 82 сторожевых корабля, пять артиллерийских и 29 десантных барж — всего 191 боевой корабль, что в два раза превосходило численность кораблей в составе Северного флота. Система базирования кораблей неприятеля (военно-морские базы Альтен-фьорд, Нарвик, Хаммерфест, Киркенес, многочисленные якорные стоянки во фьордах) обеспечивала решение всех задач, ставившихся германским командованием.

Главной задачей ВМС противника на театре являлась оборона коммуникаций между Германией и Киркенесом — главным портом, через который осуществлялось снабжение

действовавшего на мурманском направлении 19-го горнострелкового корпуса. Оттуда германское командование пыталось направить морским транспортом часть грузов в передовой порт разгрузки — Линахамари. Кроме того, через Киркенес осуществлялся вывоз добывавшейся на рудниках Северной Норвегии никелевой руды[169]. Второстепенными задачами являлись береговая оборона, а также нарушение советских внешних (союзные северные конвои) и внутренних морских коммуникаций.

С флотом оперативно взаимодействовало 3-е авиационное командование, в состав которого входили одна истребительная, одна дневная и одна ночная штурмовые авиагруппы (в августе дневная группа была сменена еще одной истребительной авиагруппой), три эскадрильи гидросамолетов-разведчиков, а также несколько эскадрилий колесных разведчиков и отдельные подразделения — всего около 180 боевых самолетов. Помимо этого, та же воздушная группировка взаимодействовала с главными силами 20-й горной армии. С учетом этого, за исключением подразделений гидросамолетов, остальные силы люфтваффе в интересах ВМС действовали только в операциях по проводке конвоев и ПВО военно-морских баз.

Превосходство советского Северного флота в авиации в значительной степени компенсировалось сильной группировкой зенитной артиллерии в ПВО портов, зенитным вооружением кораблей противника. Незначительное количество частей ударной авиации — всего три полка — затрудняло массирование сил и не позволяло (из-за сравнительно высокого уровня потерь) поддерживать необходимую интенсивность ударов даже на протяжении нескольких дней. К тому же сложные погодные условия, характерные для Северного морского театра, затрудняли использование авиации даже летом, давали возможность противнику выбирать для проводки своих конвоев и кораблей периоды нелетной погоды.

Как уже отмечалось, важнейшей задачей Северного флота являлась оборона внешних коммуникаций, связывавших СССР с союзниками. Прерванную в апреле отправку конвоев в советские северные порты британское адмиралтейство возобновило лишь в августе 1944 г. До конца года сюда прибыло пять конвоев (124 транспорта) и из северных портов ушло в Великобританию пять (102 транспорта). Только один конвой в сентябре при возвращении в Англию подвергся атакам подводных лодок и потерял два транспорта, а остальные совершили переходы без потерь[170].

Это объяснялось значительным усилением охранения конвоев и улучшением организации их проводки. Еще в начале года адмиралтейство возвратилось к формированию крупных конвоев в составе до 30–40 транспортов. Важным нововведением являлось включение в состав охранения 1–3 эскортных авианосцев, что позволяло организовать более надежное противолодочное охранение (разведку и борьбу с подводными лодками) и прикрыть конвой истребителями для отражения атак самолетов противника.

В состав сил охранения, как правило, включались один крейсер, эскадренные миноносцы, фрегаты, корветы, шлюпы. Использование авиации для целей противолодочной обороны на всем переходе позволило в основном сохранять прежнее соотношение между количеством транспортов и кораблей охранения, в некоторых случаях даже уменьшая число последних без серьезного риска. По сложившейся в ходе предыдущих кампаний системе корабли Северного флота встречали конвой в условной точке примерно в 80 милях от входа в Кольский залив и затем эскортировали в Архангельск Беломорскую группу конвоя.

Противовоздушная оборона конвоя осуществлялась истребителями флота в зоне не далее 60–80 миль от побережья. Заметно усилилось использование авиации для противолодочной обороны — поиск лодок по курсу конвоя. Более организованными и усиленными стали предварительные поиски лодок на подходах к Кольскому заливу. Для этой цели выделялось до 20 кораблей — сторожевых и торпедных катеров, больших охотников, а также авиации. В отдельных случаях такой поиск перед выходом конвоя осуществляли английские корабли[171].

В течение года британское адмиралтейство продолжало борьбу с угрозой со стороны германских надводных кораблей. Неоднократным ударам авиации подвергался германский линейный корабль «Тирпиц». Эти действия англичан обеспечивались воздушной и гидрометеорологической разведкой Северного флота. Кроме того, при осуществлении так назы-

Советский эсминец в море

ваемых «челночных» операций английские самолеты осуществляли посадку на советские аэродромы. Потопление «Тирпица» 12 ноября 1944 г. привело к полной ликвидации угрозы конвоям со стороны крупных надводных кораблей.

Разгром группировки немецких войск в Заполярье в октябре 1944 г. резко изменил обстановку на Северном морском театре. Противник лишился своих баз и аэродромов в районе Варангер-фьорда, а затем в районе Хаммерфеста. Это сняло напряженность в использовании ВВС Северного флота для решения задач ПВО конвоев, но сохранившаяся подводная опасность требовала от флота еще больших усилий.

Успешно в ходе кампании решалась Северным флотом и задача по обороне внутренних коммуникаций.

В 1944 г. вследствие уменьшения численности военно-воздушных сил противника в Северной Норвегии их активность на наших внутренних сообщениях и против Мурманска и Архангельска резко сократилась. Но из-за подводной и минной опасности обстановка на внутренних и особенно арктических коммуникациях оставалась напряженной. Как и в прошлые годы войны, с началом арктической навигации немецкое командование развернуло действия лодок в юго-восточной части Баренцева моря, а затем и в Карском море. В течение августа — октября в Карском море непрерывно действовали 2–4 лодки. В сентябре они произвели там шесть постановок и выставили 72 мины. Однако вследствие неудачного выбора районов эти заграждения своей роли не выполнили. Своих основных успехов субмарины добились, действуя в торпедном варианте, для чего использовались самонаводящиеся акустические торпеды «Цаункёниг». В течение августа и сентября в Карском море ими были потоплены транспорт «Марина Раскова», сторожевой корабль «Бриллиант» и три тральщика. Кроме того, 26 августа артиллерийским огнем U-957 было потоплено гидрографическое судно «Норд». В ходе развернувшейся поисковой операции 5 сентября советский тральщик Т-116 обнаружил и потопил германскую подлодку U-362[172].

В октябре 1944 г., с окончанием навигации в Арктике, германское командование произвело перегруппировку своих лодок, выделив для их действий зону у Кольского побережья шириной 20–25 миль. В районе от полуострова Рыбачий до мыса Святой Нос в конце 1944 г. действовало одновременно 3–4, а в периоды прибытия союзных конвоев — до 10–12 лодок. Перемещение района их деятельности к побережью и повышение активности можно объяснить установкой на подлодки устройств, обеспечивавших работу дизелей под водой «Шнорхель», а также радаров и станций радиотехнической разведки.

В конце 1944 г., после успешного осуществления Петсамо-Киркенесской операции подводная опасность у берегов Кольского полуострова стала единственной в операционной зоне Северного флота. Для борьбы с неприятельскими лодками были привлечены основные соединения флота — эскадра, силы ОВРа Главной базы, бригады подводных лодок и торпедных катеров, авиация флота. В период прихода союзных конвоев для борьбы с лодками привлекались и английские корабли. Поиски подводных лодок производились систематически в 30–40-мильной зоне от полуострова Рыбачий до горла Белого моря. Для этой цели использовались эсминцы, большие охотники, торпедные катера и авиация. Наиболее активно поисковые действия осуществлялись в периоды перед приходом (выходом) конвоев — внешних и внутренних. Поиск осуществлялся в светлое и темное время суток с использованием радиолокации и гидроакустики.

Подводным лодкам противника не удалось сколько-нибудь серьезно затруднить перевозки по внутренним коммуникациям. Достаточно сказать, что всего в течение 1944 г. по ним было совершено 838 рейсов транспортных судов[173], и лишь в четырех случаях лодкам удавалось их торпедировать. В порты назначения транспорты доставили свыше полумиллиона тонн различных грузов. Основную их часть (364 тыс. тонн) перевезли суда Народного комиссариата Морского флота. Кроме того, в плотах и на лихтерах было доставлено 250 тыс. тонн леса в Кандалакшу, Шостку, Иоканьгу, на Новую Землю[174]. В то же время поисковые действия надводных сил, как и авиации, имели существенные недостатки, определявшиеся главным образом нехваткой кораблей, их слабой технической оснащенностью, медленным освоением техники и способов использования современного противолодочного вооружения, поступавшего от союзников.

Непрерывно повышалась эффективность использования разнородных сил Северного флота в действиях по нарушению коммуникаций противника. К началу кампании штаб флота уже отказался от практики проведения операций разнородными силами под своим непосредственным руководством. Периодически проводились операции по нарушению коммуникаций силами бригады подводных лодок и разведывательной авиации, а удары по конвоям силами ВВС флота и бригады торпедных катеров планировались на основании решения командующего флотом после получения конкретной разведывательной информации и при наличии благоприятных погодных условий. Штаб флота при этом играл роль координирующего органа, ставившего общую задачу, а непосредственное планирование и руководство силами осуществляли командиры соответствующих соединений.

Практика показала, что в условиях Севера с обнаружением конвоя по состоянию погоды не могли действовать либо авиация, либо торпедные катера. В те редкие периоды, когда погода благоприятствовала действию всех родов сил, противник прекращал движение конвоев. Метод систематического использования сил и эпизодическое сосредоточение их максимума на короткий отрезок времени для разгрома одного или нескольких конвоев, хотя и не давший сразу заметных результатов, оказался наиболее рациональным.

Настойчивый поиск способов максимально эффективных действий привел к положительным результатам: было четко налажено оперативное взаимодействие между разнородными силами, а в звене «торпедные катера — штурмовая и истребительная авиация» — тактическое взаимодействие. Правда, организация тактического взаимодействия полностью не была отработана, особенно в таких вопросах, как распределение целей между тактическими группами (даже внутри одного рода сил), соблюдение последовательности и точного времени ударов.

Так, 17 июня 1944 г. крупный немецкий конвой (10 транспортов, пять тральщиков и 14 других боевых кораблей), следовавший южнее Вардё, подвергся массированному удару ВВС Северного флота. За 14 минут над конвоем прошло 122 самолета, причем в течение одной минуты — четыре группы в составе 66 машин[175]. Такое массирование сил значительно затрудняло противнику организацию отражения налета, сокращало потери. В результате удара одно судно было потоплено и один большой транспорт получил повреждения. Советские потери — четыре штурмовика[176]. В то же время попытки перехватить конвой, предпринятые

Немецкий эсминец у берегов Норвегии

Немецкие подводные лодки в Норвегии

четырьмя подлодками, действовавшими на основании данных воздушной разведки, оказались безуспешны, а торпедные катера в море вовсе не направлялись в связи невыгодными для их действий погодными условиями. В ночь на 28 июня германское командование предприняло попытку провести конвой из Киркенеса в Петсамо и обратно. Оба конвоя подверглись обстрелу береговых батарей СФ с полуострова Рыбачий, а конвой из Петсамо — еще и удару торпедных катеров. В результате противник потерял два транспорта (1981 брт) из шести, проведенных в конвоях[177]. После этих событий германское командование отказалось от проводки конвоев в светлое время суток в условиях летной погоды, а движение конвоев между Киркенесом и Петсамо было приостановлено до второй половины августа.

В создавшихся условиях главные усилия ВВС Северного флота были сосредоточены на нанесении ударов по судам непосредственно в Киркенесе. С июня по сентябрь было произведено семь массированных налетов на порт, в результате которых удалось потопить три транспорта и сильно повредить три других судна и сторожевой корабль (позднее был затоплен при отступлении противника из Северной Норвегии)[178]. Кроме того, неприятель понес потери при ударах авиации по маневренным пунктам базирования Вардё и Вадсё. В то же время качественно усилившаяся ПВО противника в районе Киркенеса заставила командование ВВС СФ постепенно отказаться от массированных ударов из-за их постоянно снижавшейся эффективности. Потери самолетов ВВС Северного флота с июня по сентябрь 1944 г. составили 128 машин, в том числе при нанесении ударов по кораблям в море — 28, в базах — 45[179].

Ограниченный успех до начала отступления германских войск из Северной Норвегии носили и действия подводных лодок Северного флота. В течение июня — сентября 1944 г. они выполнили 17 боевых походов на коммуникации противника, произвели 15 торпедных атак, в результате которых удалось торпедировать лишь три цели (охотник и сторожевой корабль потоплены, транспорт поврежден). Потери при этом составили одну подлодку[180]. Основной причиной этого представляется недостаточная устойчивость радиосвязи между подлодками в море, береговым штабом и самолетами-разведчиками[181], что не позволяло во многих случаях своевременно получить информацию о движении конвоев, а также недостаточная подготовка экипажей подводных лодок, недавно полученных от промышленности или прибывших с других театров. Медленно осваивались новые типы торпед и приборы управления торпедной стрельбой, поступившие на вооружение флота в ходе войны. Лишь отдельные подлодки имели радиолокационные станции, которые не эксплуатировались экипажами из-за опасений быть обнаруженными станциями радиотехнической разведки противника.

Более успешно развивалась деятельность торпедных катеров, которые ни в одной из предыдущих кампаний не добивались сколько-нибудь значительных успехов. Отчасти это было связано с решением германского командования осуществлять движение конвоев в условиях плохой видимости, но главным образом в связи с ростом катерных сил Северного флота, накоплением боевого опыта у катерников и активным поиском новых, более эффективных способов боевого применения катеров, отработкой вопросов их боевого обеспечения и взаимодействия с другими родами сил.

По данным воздушной разведки часто удавалось атаковать конвои, шедшие с запада в Варангер-фьорд, так как в этом случае они обнаруживались еще далеко от него и торпедные катера успевали развернуться в избранном для атаки районе. В то же время конвои, выходившие из Киркенеса в дневное время, торпедные катера атаковать не успевали.

Чтобы удлинить время прохождения конвоев противника в пределах Варангер-фьорда, было решено поставить ряд минных заграждений. Несколько торпедных катеров типа «Хиггинс» были оборудованы минными скатами и могли принимать две якорные мины типа КБ-3. Кроме того, еще весной на флот поступили донные неконтактные мины типа АМД-100, которые можно было ставить из труб торпедных аппаратов. В течение года торпедные катера и малые охотники поставили на фарватерах противника 103 мины[182]. Это вынудило его перед прохождением каждого конвоя производить контрольное траление.

Вокруг конвоев противником создавалось кольцевое охранение, а на опасное направление выдвигалась завеса из рейдовых тральщиков. Корабли этой завесы поворачивали в сторону торпедных катеров, стремясь огнем и маневром сбить их атаку. Наши торпедные катера, не имея возможности пробиться к транспортам, были вынуждены атаковать корабли охранения, нанося последовательные удары несколькими группами с одного направления. Для отвлечения охранения конвоев, с целью обеспечения прорыва ударных групп к транспортам, создавались группы торпедных катеров. В результате применения данной тактики до начала октября ценой потери четырех катеров были торпедированы пять целей. Крупного успеха удалось добиться 25 сентября, когда совместными действиями торпедных катеров и штурмовой авиации был полностью разгромлен небольшой немецкий конвой в Варангер-фьорде. Один из входивших в его состав сторожевых кораблей был потоплен катерами, два остальных и плавучая мастерская получили повреждения в результате ударов с воздуха.

Однако, несмотря на успешные действия сил флота на коммуникации противника, им ни разу не удалось прервать движение конвоев на сравнительно продолжительный срок. В подтверждение этого можно привести следующую статистику: с июня по сентябрь по коммуникации между Хаммерфестом и Киркенесом противник провел 27 крупных конвоев, в состав которых входили суда, выполнившие 134 рейса. Воздействию наших сил подверглось лишь 11 конвоев, по которым было нанесено 26 ударов (силами ВВС — 14, ПЛ — 9, ТКА — 3). В результате не смогли закончить свои рейсы четыре судна (3% от общего числа рейсов), из которых три были потоплены, а одно получило сильные повреждения.

В большинстве случаев конвои либо не обнаруживались, либо не имелось возможности организовать за ними длительное наблюдение и наведение своих сил из-за сложных метеоусловий. Эти условия исключали применение задействованных в нарушении коммуникаций сил и средств Северного флота (морская авиация, подводные лодки, торпедные катера), но не влияли на надводные корабли и суда противника, задействованные в выполнении и обеспечении перевозок. Единственным родом сил, который мог бы эффективно действовать в этих условиях, являлись надводные корабли, но они командованием флота к решению данной задачи по ряду причин не привлекались.

В октябре Северный флот провел операцию под условным названием «Вест». Она явилась составной частью осуществлявшейся в этот период Петсамо-Киркенесской стратегической наступательной операции.

Конкретные задачи флота в предстоящей операции были согласованы на совещании командующего войсками Карельского фронта и командующего флотом. В директиве Ставки ВГК от 29 сентября 1944 г. Северному флоту предписывалось: «В целях сковывания сил противника предусмотреть активные действия морских бригад с полуострова Средний в южном направлении». Командующим Карельским фронтом задачи были конкретизированы: «Морским бригадам при содействии авиации и кораблей флота прорвать оборону противника перед фронтом Северного оборонительного района. После прорыва обороны на перешейке полуострова Средний бригадам морской пехоты овладеть дорогой Титовка — Поровара, отрезать отход немцев с рубежа реки Западная Лица и, соединившись с частями 14-й армии, совместно развивать наступление на Петсамо. Обеспечить перевозку войск и снабжение 14-й армии из Мурманска на западный берег Кольского залива»[183].

В своем решении командующий флотом предусматривал «воспретить эвакуацию войск противника морем через порты Варангер-фьорд на участке Киркенес — Хаммерфест. Уничтожать все плавсредства противника при его попытке уходить морем». Задачи на приморском направлении повторяли задачи, согласованные с командованием Карельского фронта. Высадка морского десанта в губе Малая Волоковая в тыл немецким позициям на полуострове Средний планировалась на третьи сутки после перехода в наступление 14-й армии.

Необходимо признать выбор времени начала операции и состав десанта не вполне удачными, вследствие чего не достигалось полного решения стоящей перед флотом задачи. Высадка по первоначальному варианту, как это предлагало командование фронта (одновременно с началом наступления армии и в составе двух бригад), способствовала бы достиже-

нию оперативной внезапности и успешному выполнению задачи — окружению совместно с частями 14-й армии основных сил западнолицкой группировки. В данном же случае имелась некоторая переоценка сил и возможностей противника, неуверенность в успешности развития наступления армии, а следовательно, опасение за судьбу десанта[184].

В период подготовки к операции транспортным отрядом Северного флота и приданными ему плавсредствами наркоматов морского флота и рыбной промышленности на полуострова Средний и Рыбачий были перевезены 6 тыс. человек, 25 орудий и танков, более 4 тыс. тонн военных грузов. Кроме того, для усиления войск 14-й армии из Мурманска на западный берег Кольского залива были переправлены 5,7 тыс. человек, 96 танков, 172 орудия, 337 различных автомашин и около 1 тыс. тонн грузов[185].

Войска 14-й армии Карельского фронта перешли в наступление утром 8 октября. Высадка на берегу губы Малая Волоковая была произведена в соответствии с планом в 23 часа 6 минут 9 октября. Всего отряд высадки, состоявший из 10 больших охотников, восьми сторожевых и 12 торпедных катеров, принял 2837 десантников и около 60 тонн груза. Противодействия на берегу в момент высадки не было, поскольку враг уже отступил из данного района. Утром 10 октября подразделения 63-й бригады морской пехоты вышли к хребту Муста-Тунтури и около 12 часов дня соединились с наступавшими с полуострова Рыбачий частями Северного оборонительного района (СОР). В ночь на 11 октября, опасаясь окружения, противник начал отход с полуострова Средний. К исходу второго дня наступления 12-я и 63-я бригады морской пехоты перерезали дорогу Титовка — Поровара. В то же время необходимо отметить, что из-за низкого темпа наступления (около 6 км в сутки) войскам неприятеля удалось в ночь на 11 октября оторваться от преследования и выйти из-под угрозы окружения. В дальнейшем морской десант и части СОРа соединились с войсками Карельского фронта и совместно с ними продолжали развивать наступление в направлении Петсамо.

Успешное наступление войск Карельского фронта и СОРа дало возможность спланировать высадку новых десантов во фланг и тыл отступающего противника. Для содействия войскам 14-й армии в овладении Петсамо и с целью сохранения объектов в Линахамари командующий Северным флотом приказал высадить десант в порт Линахамари. Для решения задачи были выделены 349-й отдельный пулеметный батальон и подразделения 125-го полка морской пехоты. Планирование и подготовка десанта в основном проводились распорядительным порядком, и вследствие недостатка времени документы не разрабатывались. Предварительные распоряжения о подготовке сил командующий СОРа и командир бригады торпедных катеров получили от командующего флотом в первой половине дня 11 октября. К 15 часам следующего дня все силы сосредоточились в Пумманки.

При подходе к Печенгской губе вечером 12 октября первая группа катеров подверглась интенсивному артиллерийскому обстрелу, и последующие действия всех трех групп проходили под сильным огнем противника. Каждая группа прорывалась в порт самостоятельно, маневрируя курсами и скоростью, используя мертвые пространства у западного берега залива. Первая группа высадила своих десантников в 22 часа 50 минут, а высадка всего десанта завершилась к 24 часам 12 октября. По окончании высадки катера группами прорывались из залива, так как из-за сильного огня не могли оставаться в порту для поддержки десанта. Всего тремя группами в районе порта было высажено 552 человека[186].

Высадившиеся части, не ожидая рассвета, повели стремительное наступление. К утру они овладели территорией порта и значительно расширили плацдарм. Днем 13 октября противник произвел перегруппировку своих сил в районе Линахамари и перешел в контратаку. Помощь десанту в отражении этих атак оказала дальнобойная артиллерия СОРа и ВВС СФ. Десант перешел в наступление и к вечеру 13 октября полностью выполнил свою задачу, овладев и удержав за собой порт Линахамари. Занятие порта лишало противника возможности эвакуации из Петсамо морем и имело большое значение для обеспечения дальнейшего наступления войск фронта. Линахамари был превращен в основной пункт снабжения армии, флот получил удобную базу в Варангер-фьорде.

В дальнейшем, содействуя наступлению войск, корабли флота на втором и третьем этапах операции высадили на южном побережье Варангер-фьорда еще три тактических десанта, но в каждом случае они оказывались позади сил стремительно отступавшего противника.

Особенно ожесточенно проходила борьба на морских коммуникациях противника. Анализ германских документов показывает, что в основном на судах производилась эвакуация созданных запасов 19-го горнострелкового корпуса, а также часть тяжелого вооружения и военной техники, в частности демонтированных береговых батарей, в то время как части и подразделения в основном отступали по суше. При этом германское командование уделяло серьезное внимание охранению конвоев, доводя соотношение эскортных кораблей и транспортов до 3:1 и даже 4:1 за счет сокращения количества транспортных судов. В то же время из-за поспешности эвакуации неприятель был лишен возможности планировать проводку конвоев исключительно в периоды нелетной погоды. Это обстоятельство дало возможность возобновить нанесение массированных ударов по конвоям в море силами ВВС Северного флота.

Всего в течение октября противник провел шесть конвоев в Киркенес (11 рейсов транспортных судов) и девять (16 рейсов) в обратном направлении. Девять конвоев подверглись воздействию сил Северного флота. Роль главной ударной силы играла авиация, осуществившая в ходе операции 714 самолето-вылетов для ударов по кораблям без учета вылетов на разведку и для сопровождения ударных машин. Подводные лодки осуществили 10 боевых походов, выполнили 19 торпедных атак, потопив транспортное судно и два охотника за подводными лодками. Торпедные катера совершили 30 групповых выходов на коммуникации противника, в ходе которых был осуществлен 81 катеро-выход[187]. Четырежды катера вели бой с вражескими конвоями, при этом в двух боях добились успеха: их торпедами были потоплены два и поврежден один тральщик. Надводные корабли — лидер «Баку» и три эскадренных миноносца — совершили лишь единственный выход в ночь на 26 октября.

Несмотря на использование РЛС, отряд не смог обнаружить шедший под берегом немецкий конвой и на обратном пути обстрелял орудиями главного калибра порт Вардё. Потерь за период операции ни подводные лодки, ни торпедные катера не понесли. ВВС Северного флота лишились в течение октября 61 самолета, в том числе 55 по боевым причинам непосредственно в ходе операции. Потери ВМС Германии оказались намного больше: четыре транспорта, плавучая мастерская[188], плавбаза, 12 каботажных теплоходов и буксиров, пять тральщиков, два охотника за подлодками, пять сторожевых кораблей, минный заградитель и два десантных корабля. Кроме того, значительное количество кораблей и судов получило повреждения.

Ограниченное использование противником морского транспорта для эвакуации привело к большим потерям военного имущества. Только 19-й горно-стрелковый корпус уничтожил или бросил при отступлении 9,3 тыс. тонн боеприпасов, 1,5 тыс. тонн продовольствия, 7,4 тыс. тонн фуража, 666 тонн топлива[189], что значительно превышало количество военных грузов, потерянных непосредственно на судах, потопленных в ходе эвакуации. В том, что противник не успел их вывезти, была несомненная заслуга войск 14-й армии и сил Северного флота, заставивших германское командование свернуть эвакуацию раньше, чем это планировалось. Последний немецкий конвой ушел из Киркенеса в ночь на 24 октября, а спустя двое суток порт был захвачен войсками Красной армии.

Помимо содействия сухопутным войскам и ударов по вражеским коммуникациям в ходе операции Северный флот обеспечил перевозку личного состава и воинских грузов с полуостровов Средний и Рыбачий в Линахамари, а затем в район Киркенеса. Для войск Карельского фронта и СОРа было перевезено 17 тыс. человек, семь танков, четыре орудия, 20 автомашин, 4875 тонн боеприпасов, 1442 тонны горючего, 8678 тонн продовольствия и около 3500 тонн различных грузов[190].

С момента завершения Петсамо-Киркенесской операции единственной задачей Северного флота стала оборона своих внешних и внутренних коммуникаций.

В ходе летне-осенней кампании флот добился значительных успехов при решении всех стоявших перед ним задач, в первую очередь в содействии войскам 14-й армии при освобож-

дении Заполярья и нарушении морских коммуникаций противника. В то же время имелись и серьезные недостатки, снижавшие эффективность действий. К ним в первую очередь следует отнести малочисленность сил флота, нехватка которых проявлялась при решении каждой из поставленных задач. Отчасти она была следствием недооценки важности Северного морского театра в межвоенный период, недостаточно развитой инфраструктуры флота, не позволявшей развернуть на театре более многочисленные силы. Особенно недооценивалась важность обороны своих внутренних коммуникаций, а ликвидировать до конца упущения в данной области не удалось даже к концу войны.

Вторым крупным недостатком являлась слабая организация боевой подготовки основных соединений флота, медленное изучение личным составом нового оружия и технических средств, способов их боевого применения. Следствием этого была низкая эффективность наносившихся ударов.

* * *

В ходе операций на Карельском перешейке, в Южной Карелии, Заполярье Красная армия освободила большую часть Карело-Финской ССР и крупные города — Выборг и Петрозаводск. От врага были полностью очищены Кировская железная дорога, Беломоро-Балтийский канал и р. Свирь на всем ее протяжении. Две важнейшие коммуникации — железнодорожная и водная — начали действовать в интересах экономики СССР.

На Карельском перешейке и в Южной Карелии Красная армия разгромила основные силы финской армии, являвшиеся составным звеном блокадного кольца вокруг Ленинграда и стратегическим флангом всего советско-германского фронта. Враг, понеся большие потери, вынужден был прекратить борьбу и выйти из войны на стороне Германии.

Северная группировка вермахта была разбита. Освобождение советского Заполярья обеспечивало безопасность северо-западных границ СССР, а изменение в пользу советского ВМФ обстановки на морях — морских путей, ведущих к советской территории с севера. Отныне незамерзающие северные порты и коммуникации, связывающие их с центральными районами страны, могли свободно принимать и перевозить грузы, не опасаясь воздействия со стороны противника.

Потери советских войск и сил флота на севере и северо-западе в летне-осенней кампании 1944 г. составили 117 609 человек, в том числе безвозвратные — 29 758 человек[191].

Финляндия была выведена из войны на стороне фашистской Германии. С учетом советско-финляндской войны 1939–1940 гг. потери Финляндии составили 84 тыс. человек и почти вдвое больше раненых[192].

С конца октября 1944 г. на северо-западном участке советско-германского фронта, от Баренцева моря до Финского залива, боевые действия прекратились, и высвободившаяся значительная часть советских войск могла принять участие в боевых действиях на других участках советско-германского фронта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. В 2-х т. М., 1946. Т. 2. С. 89–90.

[2] Освободительная миссия Советских вооруженных сил во Второй мировой войне. Изд. 2-е. М., 1974. С. 235.

[3] *Oesch K.* Soumen kohtalion ratkaisu Kannaksella v, 1944. Helsinki, 1956. S. 76.

[4] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Deutsche Verlags — Anstalt München, 2011. S. 985.

[5] *Kuussaari E., Niitemaa V.* Finnlands Krieg 1941–1945. Helsingfors, 1949. S. 119.

[6] Битва за Ленинград. 1941–1944. М., 1964. С. 421.

[7] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 2. М., 1994. С. 317.

[8] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. Операции Советских вооруженных сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М., 1958. С. 231.

[9] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. Освобождение. М., 1999. С. 147.

[10] *Мушников А. Н. В* боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957. С. 11.

[11] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 231.

[12] *Терехов П. В.* Боевые действия танков на северо-западе в 1944 г. М., 1965. С. 26.

[13] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 250.

[14] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 985.

[15] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 237.

[16] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3891. Л. 193–201.

[17] *Терехов П. В.* Указ. соч. С. 64–65.

[18] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3891. Л. 193–206.

[19] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 232.

[20] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3891. Л. 194–195.

[21] Там же. Д. 3882. Л. 56–57.

[22] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 27.

[23] *Зубаков В.* 21-я армия в Выборгской наступательной операции (10–20 июня 1944 г.) // Военно-исторический журнал. 1971. № 6. С. 26–27.

[24] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 243.

[25] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1219. Д. 777. Л. 253.

[26] Там же. Оп. 3882. Д. 196. Л. 1–2.

[27] Там же. Д. 131. Л. 93.

[28] Там же. Д. 196. Л. 7.

[29] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3882. Л. 203–204.

[30] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 245.

[31] Выборгская операция (10–20 июня 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16. М., 1945. С. 18.

[32] *Зубаков В.* Указ. соч. С. 29.

[33] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 250.

[34] Выборгская операция (10–20 июня 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16. С. 18.

[35] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 256.
[36] Там же. Л. 257.
[37] Там же.
[38] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 3882. Д. 25. Л. 105–106.
[39] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 258.
[40] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 165. Л. 42.
[41] *Миронов Н.* Прорыв укрепленного района на Карельском перешейке // Военно-исторический журнал. 1974. № 6. С. 11.
[42] *Миронов Н.* Указ. соч. С. 12.
[43] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 74. Л. 175.
[44] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 269.
[45] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 95. С. 114–116.
[46] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 286.
[47] *Тарасов М. Я.* Разгром финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии в 1944 году // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 21.
[48] *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970. С. 296.
[49] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 3882. Д. 3. Л. 79.
[50] Там же. Ф. 16. Оп. 1704. Д. 5. Л. 307.
[51] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 281.
[52] *Kuussaari. E, Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941–1945. Helsinki, 1948. S. 184–185.
[53] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 31.
[54] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 95. С. 136–137.
[55] Там же. Оп. 3882. Д. 3. Л. 98–99.
[56] Там же. Л. 118.
[57] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4839. Л. 104–105.
[58] Там же. Оп. 3882. Д. 11. Л. 152.
[59] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 151.
[60] ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 262.
[61] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 988.
[62] *Lundin L.* Finland in the Sekond World War. Bloomington, 1957. P. 221.
[63] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 320.
[64] Свирско-Петрозаводская операция. Сборник материалов. М., 1949. Вып. 2. С. 4.
[65] *Яковлев Б.* Форсирование реки Свирь войсками 7-й армии (июнь 1944 года) // Военная мысль. 1957. № 9. С. 57.
[66] Свирско-Петрозаводская операция. Сборник материалов. С. 5.
[67] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988. С. 354.
[68] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1602. Л. 2–6.
[69] Там же. Д. 1340. Л. 14–15.
[70] Там же. Д. 1602. Л. 2–6.
[71] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 232.
[72] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1602. Л. 2–6.
[73] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 277.
[74] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1602. Л. 2–6.
[75] Там же. Д. 1340. Л. 3–13.
[76] Там же. Л. 29–30.
[77] Там же. Л. 3–13.
[78] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 3–13.
[79] *Яковлев. Б.* Указ. соч. С. 60.
[80] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 3–13.
[81] Операции Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 257.
[82] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 34–35.
[83] Там же. Д. 1635. Л. 6–7.

[84] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 178. Л. 17–18.
[85] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 379–380.
[86] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 51–52.
[87] Там же. Д. 1635. Л. 6–7.
[88] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 379–380.
[89] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 44–45.
[90] Там же. Оп. 1443. Д. 185. Л. 31–34.
[91] *Крапивин В. И.* 313-я Петрозаводская. Петрозаводск, 1971. С. 125–126.
[92] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1635. Л. 21–22.
[93] Северо-запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 2005. С. 255.
[94] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 362.
[95] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 57.
[96] Там же. Д. 1635. Л. 59.
[97] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 178. Л. 41–42.
[98] Там же. Оп. 1437. Д. 1635. Л. 42–44.
[99] Там же. Д. 1340. Л. 66–67.
[100] ЦАМО. Ф. 387. Оп. 8701. Д. 108. Л. 140.
[101] Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1602. Л. 40–41.
[102] Там же. Д. 1340. Л. 75–76.
[103] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 178. Л. 72.
[104] Там же. Л. 85–87.
[105] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 год). М., 1962. С. 147.
[106] *Куприянов Г. Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1979. С. 147.
[107] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 320.
[108] Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 397–398.
[109] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 243. Л. 2.
[110] *Румянцев Н. М.* Разгром врага в Заполярье. М., 1963. С. 140.
[111] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 30–33. Л. 15.
[112] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 367.
[113] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 8.
[114] Там же. Л. 11.
[115] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 130.
[116] Сборник материалов по изучению опыта войны № 20 (сентябрь — октябрь 1945 г.). М., 1945. С. 26.
[117] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 137.
[118] Там же. С. 141.
[119] *Мерецков К. А.* Указ соч. С. 397.
[120] Через фьорды. М., 1964. С. 5–18.
[121] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. М., 2006. С. 170.
[122] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3410. Д. 119. Л. 760–761.
[123] Там же. Л. 757.
[124] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1593. Л. 49.
[125] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 637.
[126] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3410. Д. 119. Л. 761.
[127] Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 51.
[128] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 60–61.
[129] Там же. Оп. 3410. Д. 119. Л. 731–733.
[130] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 63
[131] Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 225. Л. 28.
[132] Там же. Л. 28.
[133] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 1437. Д. 1361. Л. 30.

[134] Северо-запад России в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 268.
[135] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1361. Л. 37.
[136] Там же. Ф. 48а. Оп. 3410. Д. 120. Л. 452.
[137] Сборник материалов по изучению опыта войны № 20 (сентябрь — октябрь 1945 г.). С. 35.
[138] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 3033. Л. 10.
[139] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 403.
[140] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М., 1987. С. 580.
[141] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 338. Л. 4.
[142] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 9. Л. 76—87.
[143] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 9. Л. 64—87.
[144] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 177.
[145] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 173.
[146] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 198.
[147] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 9. Л. 64—171.
[148] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 199.
[149] Высокой награды — ордена Красного Знамени были удостоены 126-й и 127-й легкие стрелковые корпуса, 114-я стрелковая дивизия, 31-я легкая стрелковая бригада, 25-я отдельная гвардейская инженерная бригада, 73-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва и 339-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк. В тот же день приказом Верховного главнокомандующего 22 соединениям и частям Карельского фронта, 11 частям Северного флота и ряду авиационных частей было присвоено почетное наименование Печенгские (ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1138. Л. 6—8).
[150] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1354. Л. 2—3.
[151] Там же. Ф. 48а. Оп. 3410. Д. 120. Л. 177—179.
[152] Там же. Д. 122. Л. 14.
[153] Там же. Д. 120. Л. 175.
[154] Сборник материалов по изучению опыта войны № 20 (сентябрь — октябрь 1945 г.). С. 42.
[155] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 80.
[156] *Румянцев Н. М.* Указ. соч. С. 207.
[157] Там же. С. 217.
[158] ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 83.
[159] Там же. Л. 85, 88.
[160] ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1138. Л. 20.
[161] Там же. Л. 21.
[162] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 9. Л. 64—336.
[163] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 333.
[164] 12.08.1944 г. бригада эсминцев расформирована, а ее дивизионы включены в состав сформированной эскадры СФ, куда также вошли полученные от союзников в счет раздела итальянского флота линкоры «Архангельск» (быв. брит. «Ройял Соверин») и крейсер «Мурманск» (быв. амер. «Милоуки»).
[165] Подсчитано по: *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР. 1928—1945. М., 1988.
[166] Без учебных, резервных и находящихся в авиаремонтных мастерских. В числителе — всего, в знаменателе — в том числе исправных // Подсчитано по: ЦВМА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 351. Л. 27—30.
[167] ВВС КБФ располагали семью полками ударной авиации, ВВС ЧФ — пятью.
[168] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Т. 4. С. 68.
[169] История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. М., 1997. Т. 9. С. 209.
[170] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 210.
[171] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1959. Т. 1. С. 262.
[172] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 51—52.
[173] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 274.
[174] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 210.
[175] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 220.

[176] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 104–106.
[177] U. S. National Archives and Records Administration (NARA). T-1022. Roll 2775. S. 200–202.
[178] Подсчитано по: NARA. T-1022. Roll 2775.
[179] Без потерь, понесенных в ходе вылетов на разведку (Потери самолетов Военно-воздушных сил Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. М., 1963. С. 136–139).
[180] Подсчитано по: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Т. 7. С. 541–542; Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. М., 1969. Т. 1. С. 314–317; NARA. T-1022. Roll 2775.
[181] Только в августе 1944 г. первые из подводных лодок были оснащены перископными антеннами, позволявшими получать радиограммы в подводном положении.
[182] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 222.
[183] ЦВМА. Ф. 11. Д. 14058. Л. 27.
[184] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 318.
[185] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 170.
[186] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 326–329.
[187] ЦВМА. Ф. 11. Д. 13575. Л. 8–8 об.
[188] Силами Северного флота было потоплено пять из 17 крупных судов и плавбаз, задействованных для эвакуации.
[189] *Huan C.* La marine sovietique en guerre. Partie I. Arctique. Paris, 1991. P. 197.
[190] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. С. 181.
[191] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 320, 333.
[192] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 1000.

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

В ходе наступления в конце 1943 — начале 1944 г. войска фронтов западного направления освободили около сорока районов Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР. Однако противник все еще продолжал удерживать основную часть территории республики. К лету 1944 г. линия соприкосновения сторон в Белоруссии проходила через озеро Нещердо, северо-восточнее Витебска, юго-восточнее Чаус, восточнее Жлобина, по правому берегу р. Припять, южнее Пинска, восточнее Ковеля и Вербы, образуя выступ площадью около 250 тыс. кв. км, обращенный своей вершиной на восток.

С учетом дальнейших перспектив ведения военных действий в планах главного командования вермахта удержанию белорусского выступа, или по его документам — «белорусского балкона», придавалось особое значение. Сохраняя занимаемое здесь положение, немецкие войска надежно прикрывали восточно-прусское и варшавское направления, создавали угрозу с севера армиям правого крыла 1-го Украинского фронта, имели возможность эффективно использовать большое количество аэродромов и хорошо развитую сеть железных и шоссейных дорог для маневра резервами. Это позволяло поддерживать взаимодействие между группами армий «Северная Украина», «Центр» и «Север».

После успешного отражения в течение января — марта 1944 г. наступления 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского (1-го Белорусского) фронтов на витебском, оршанском, богушевском, жлобинском и ряде других направлений противник оценивал положение своей группировки в Белоруссии как стабильное и полагал, что летом Красная армия предпримет здесь лишь ограниченные по масштабу действия. Так, в «Бюллетене оценок положения противника на Восточном фронте» от 13 июня 1944 г. указывалось, что готовившееся севернее припятских болот наступление советских войск имело своей целью ввести «в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем»[1].

Несмотря на это, на территории «белорусского балкона» были сосредоточены значительные силы и средства. Здесь занимала оборону группа армий «Центр». В ее состав входили 3-я танковая, 4, 9 и 2-я полевые армии. Кроме того, на смежных с группой армий «Центр» крыльях действовали соединения 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» и 16-й армии группы армий «Север». Всего в составе вражеской группировки насчитывалось 1 млн 200 тыс. человек, более 900 танков и штурмовых орудий, свыше 9,6 тыс. орудий и минометов[2]. Авиационную поддержку сухопутных войск осуществлял 6-й воздушный флот (около 1,4 тыс. самолетов)[3].

К лету 1944 г. германское командование, несмотря на испытываемые рейхом трудности в людских ресурсах, изыскало возможность пополнить свои войска на восточном фронте.

Противник создал в Белоруссии хорошо подготовленную в инженерном отношении систему оборонительных полос и рубежей, эшелонированных в глубину на 250—270 км. Основные усилия в обороне сосредоточивались на удержании ее тактической зоны (по немецкой терминологии — первый оборонительный рубеж, получивший условное наименование «Пантера»), которая включала две полосы. Главная полоса имела глубину 3—7 км и состояла из двух-трех позиций, на каждой из которых оборудовалось по две-три траншеи. Подступы к переднему краю обороны прикрывались проволочными заграждениями, минными полями, а на отдельных участках и противотанковыми рвами.

На удалении 7—10 км от него готовилась вторая полоса. В зависимости от условий местности она состояла из одной-двух позиций, по три-четыре траншеи каждая. В межполосном пространстве, как правило на танкодоступных направлениях, устанавливались долговременные и деревоземляные огневые точки (дот и дзот), широко использовались различные инженерные противотанковые и противопехотные заграждения. Все населенные пункты в пределах тактической зоны готовились к обороне и занимались гарнизонами.

В оперативной зоне с использованием многочисленных рек (прежде всего Днепра, Друти, Березины) и других естественных препятствий оборудовались армейский, промежуточный и тыловой оборонительные рубежи. На них создавались отдельные опорные пункты и узлы сопротивления. Наиболее сильно были укреплены города Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, Рогачев, Жлобин, на подступах к которым имелись оборонительные обводы. Немецкое командование стремилось максимально реализовать преимущества лесисто-болотистой местности и полагало, что она будет способствовать созданию устойчивой, непреодолимой обороны, а с другой стороны, уменьшит огневые и ударные возможности советских войск, ограничит их маневренность. Вместе с тем слабой стороной обороны врага являлось отсутствие крупных резервов. Всего в резервах группы армий «Центр» и ее объединений имелось одиннадцать дивизий, которые, как правило, были задействованы для борьбы с партизанами.

Группировке вермахта на западном направлении противостояли 1-й Прибалтийский, 3, 2 и 1-й Белорусские фронты. 1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И. Х. Баграмян) занимал оборону в полосе шириной около 160 км с передним краем по рубежу озеро Нещердо — Сиротино — севернее Витебска до Западной Двины. При этом армии его левого крыла охватывали витебскую группировку противника с севера и северо-востока.

Одновременно с юго-востока ее охватывали объединения правого крыла 3-го Белорусского фронта, который действовал в полосе шириной 130 км и прикрывал смоленское направление. Войсками фронта командовал генерал-полковник, с 26 июня 1944 г. — генерал армии И. Д. Черняховский. 2-й Белорусский фронт (генерал-полковник, с 28 июля 1944 г. — генерал армии Г. Ф. Захаров) прикрывал рославльское направление, занимая оборону в полосе шириной 160 км.

Левее в полосе шириной свыше 700 км действовали войска 1-го Белорусского фронта (генерал армии, с 29 июня 1944 г. — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский). Развернутые севернее р. Припять, на правом крыле фронта, три армии, один механизированный и один кавалерийский корпуса, Днепровская военная флотилия занимали выгодное оперативное положение по отношению к вражеской группировке, оборонявшейся в районе Бобруйска, охватывая ее с юго-востока.

Южнее р. Припять, от Багримовичей до Ратно, в 360-километровой полосе действовала одна армия. Далее, вплоть до разграничительной линии с 1-м Украинским фронтом, занимали оборону три армии левого крыла фронта. За ними располагались фронтовые резервы: 1-я Польская армия, два танковых и один кавалерийский корпуса, другие соединения и части.

Помимо группировки войск Красной армии на территории Белоруссии, в тылу противника, действовали четырнадцать партизанских соединений, объединявших 148 бригад и 53 отдельных отряда общей численностью около 219 тыс. человек[4]. Партизанские бригады и отряды базировались в труднодоступных для действий немецких войск районах, широко используя лесные массивы и заболоченные участки местности.

Разгром противника в районах Витебска, Могилева и Бобруйска

Мероприятия по подготовке Белорусской наступательной операции начали проводиться еще с апреля 1944 г., когда объединения западного направления получили указания Ставки ВГК о временном переходе к обороне[5]. После обсуждения плана летне-осенней кампании 1944 г. в апреле Генеральный штаб приступил к разработке общего замысла наступления и начал сосредоточение войск и материальных средств на центральном участке советско-германского фронта.

В 20-х числах мая первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов подготовил первоначальный план наступательной операции, получившей условное наименование «Багратион». По его мнению, цель этой операции заключалась в том, чтобы «ликвидировать выступ в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на фронт Десна, Молодечно, Столбцы, Старобино»[6]. Наступление планировалась на глубину 250 км, продолжительность — 45—50 суток.

Тогда же в Москву были вызваны К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян и И. Д. Черняховский, которые в присутствии представителей Ставки ВГК маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского последовательно доложили Верховному главнокомандующему соображения о роли, задачах и способах действий их фронтов в операции. При рассмотрении вопросов применения родов войск и материально-технического обеспечения боевых действий на заседание Ставки ВГК приглашались главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин и генерал армии А. В. Хрулев[7].

После уточнения и доработки план Белорусской операции 30 мая утвердил Верховный главнокомандующий. Ее замыслом предусматривались одновременный прорыв обороны противника на шести участках, окружение и уничтожение его фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, развитие наступления на каунасском, минском и брестском направлениях с целью завершения разгрома группы армий «Центр» и выхода на рубеж Даугавпилс — Каунас — Белосток — Брест — Люблин[8]. По достижении этого рубежа 1-й Прибалтийский фронт ориентировался для наступления на Кёнигсберг и частью сил на Шяуляй, 3-й Белорусский фронт — на Алленштайн (150 км юго-западнее Кёнигсберга), а 1-й Белорусский фронт — на Варшаву[9].

В соответствии с директивами Ставки Верховного главнокомандования от 31 мая задачи фронтам на наступление ставились на глубину 80—160 км, то есть только на первый этап операции. Дальнейшие задачи предполагалось определить в ходе боевых действий, исходя из конкретно складывавшейся обстановки. С учетом этого 1-му Прибалтийскому фронту приказывалось «во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег р. Западная Двина в район Чашники, Лепель»[10].

Задача 3-го Белорусского фронта заключалась в том, чтобы во взаимодействии с 1-м Прибалтийским и 2-м Белорусским фронтами уничтожить немецкие войска в районах Витебска и Орши и, развивая наступление, выйти к р. Березина[11]. 2-му Белорусскому фронту ставилась задача во взаимодействии с 3-м и 1-м Белорусскими фронтами уничтожить вражескую группировку в районе Могилева и также выйти к р. Березина[12]. 1-й Белорусский фронт получил приказ «подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк»[13]. Координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в операции должен был маршал А. М. Василевский, а 2-го и 1-го Белорусских фронтов — маршал Г. К. Жуков.

На авиацию дальнего действия возлагались задачи по нанесению ударов по аэродромам противника, проведению совместно с воздушными армиями фронтов непосредственной авиационной подготовки наступления, затруднению маневра оперативных резервов врага

на угрожаемые направления в ходе операции. Особая роль отводилась партизанам. Им были определены конкретные районы боевых действий и задачи для всех партизанских формирований. Они должны были нарушать коммуникации и линии связи немецких войск, уничтожать штабы, выводить из строя живую силу и боевую технику, осуществлять в интересах наступавших фронтов разведку, захватывать и удерживать выгодные рубежи и плацдармы на реках до подхода соединений и частей Красной армии, срывать вывоз населения и материальных ценностей в Германию.

Для организации взаимодействия между войсками и партизанами на всех фронтах создавались оперативные группы Белорусского штаба партизанского движения, которые поддерживали связь с подпольными обкомами и райкомами партии, партизанскими бригадами и отрядами. 8 июня все партизанские формирования и подпольные организации получили по радио приказ: «Подготовиться и в ночь на 20 июня начать партизанскую рельсовую операцию». Нанесением ударов по железнодорожным коммуникациям предполагалось сорвать перевозки врага на линиях Полоцк — Даугавпилс, Полоцк — Молодечно, Орша — Борисов, Минск — Брест и других[14].

Во исполнение этого распоряжения только 20 июня партизанские отряды взорвали более 40 тыс. рельсов, а за последующие девять суток — еще 20 тыс. В то время когда командование группы армий «Центр» остро нуждалось в переброске резервов к участкам прорыва советских войск, движение на железных дорогах противника оказалось парализованным. Причем только с 26 по 29 июня партизаны пустили под откос 147 вражеских эшелонов[15].

В ходе подготовки к наступлению Ставка ВГК выделила объединениям западного направления из своего резерва значительные силы и средства: 1-му Прибалтийскому фронту — 1-й танковый корпус; 3-му Белорусскому фронту — 11-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии, 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса; 2-му Белорусскому фронту — 81-й стрелковый корпус; 1-му Белорусскому фронту — 28-ю, 8-ю гвардейскую и 2-ю танковую армии, управление 6-й воздушной армии, 1-й гвардейский и 9-й танковые корпуса, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус. На центральный участок советско-германского фронта также выдвигались 2-я гвардейская и 51-я армии.

Помимо этого, к началу операции в войска поступило большое количество отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков и бригад, артиллерийских, минометных и инженерных соединений и частей, авиационных корпусов и дивизий, а также различная боевая техника и маршевое пополнение[16].

В результате существенного усиления фронтов к 20 июня в их составе насчитывалось: стрелковых дивизий — 160, стрелковых бригад и полевых укрепленных районов — 9, танковых корпусов — 10, механизированных корпусов — 2, кавалерийских корпусов — 4. Всего с учетом прибывавших во второй половине июня и в начале июля резервов Ставки Верховного главнокомандования к операции привлекались свыше 2,5 млн человек, более 45 тыс. орудий и минометов всех калибров, свыше 6 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 7 тыс. самолетов фронтовой авиации и свыше 1 тыс. самолетов авиации дальнего действия[17].

Силами инженерных войск 1-го Прибалтийского фронта были построены 275 км и отремонтированы 820 км дорог, возведены мосты общей протяженностью 1,8 км. Во 2-м Белорусском фронте они оборудовали 535 км дорог и колонных путей, отремонтировали 1450 км дорог, возвели мосты грузоподъемностью в 60 тонн общей протяженностью 3 км[18]. Весьма значительные дорожные работы проводились и в полосах 3-го и 1-го Белорусских фронтов. Кроме того, для преодоления болотистой местности во всех соединениях заблаговременно настилались гати, заготавливались из подручных материалов волокуши для артиллерии и станковых пулеметов, хворостяные маты, мокроступы для солдат.

Огромный объем работ по материально-техническому обеспечению предстоявших боевых действий выполнили соединения и части тыла. К началу наступления армейские запасы по различным видам довольствия составляли: продовольствия — 12–20 сутодач, горюче-смазочных материалов — 3,4–4,2 заправки, боеприпасов — 2,2–4 боекомплекта.

Подготовка к подрыву железнодорожного полотна

Немецкий эшелон пущен под откос

К началу операции общее превосходство над противником достигало: по людям — в 2 раза, орудиям и минометам — в 3,8 раза, танкам и самоходным артиллерийским установкам (штурмовым орудиям) — в 5,8 раза, боевым самолетам — в 3,9 раза[19]. При этом основная часть войск и боевой техники 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов действовала на витебском, могилевском и бобруйском направлениях, в полосе от озера Нещердо до р. Птичь. Здесь были сосредоточены: 14 армий, одна танковая и четыре воздушные армии, две конно-механизированные группы, четыре отдельных танковых корпуса, ряд других соединений и частей.

В целом к лету 1944 г. фронты, действовавшие на западном направлении, занимали выгодное оперативное положение для охвата группировки противника в Белоруссии с флангов и ее изоляции от групп армий «Север» и «Северная Украина». Ставка Верховного главнокомандования избрала решительный способ разгрома врага, заключавшийся в прорыве его обороны в широкой полосе на нескольких участках, стремительном развитии наступления в глубину, рассечении главных сил группы армий «Центр» и уничтожении их по частям. Для решения этих задач создавалась мощная группировка сил и средств, которая по количественным и качественным показателям не имела себе равных по сравнению с предшествовавшими наступательными операциями Великой Отечественной войны. Реализация замысла Ставки ВГК должна была привести к полному освобождению Белорусской ССР, выходу Красной армии к границам Восточной Пруссии, переносу военных действий на территорию Польши, а в итоге — к нарушению стратегической устойчивости всего германского восточного фронта.

Содержанием первого этапа операции «Багратион» стали сокрушение обороны противника в полосах наступления четырех фронтов, освобождение столицы Белоруссии — г. Минск, создание условий для развития успеха на шяуляйском, каунасском, белостокском и варшавском направлениях.

В соответствии с решением Ставки ВГК к проведению Витебско-Оршанской операции привлекались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты. Войска 1-го Прибалтийского фронта к началу лета охватывали Витебск с севера и северо-востока и находились на ближних подступах к Полоцку. Им противостояли соединения 1-го армейского корпуса 16-й армии группы армий «Север», а также 9-го и 53-го армейских корпусов 3-й танковой армии группы армий «Центр». В составе этой группировки насчитывалось 728 полевых орудий, 622 орудия противотанковой артиллерии, 823 миномета, 130 танков и штурмовых орудий[20].

Фронт объединял в своем составе 4-ю ударную, 6-ю гвардейскую и 43-ю армии (восемь стрелковых корпусов, 24 стрелковые дивизии, одну стрелковую бригаду), один танковый корпус и различные средства усиления. Во фронте имелось 687 танков и самоходных артиллерийских установок, 4926 орудий и минометов калибром от 76 мм и выше, 778 орудий противотанковой артиллерии[21]. Авиационное обеспечение наступления осуществляла 3-я воздушная армия, насчитывавшая 900 самолетов[22].

Командующий войсками фронта генерал армии И. Х. Баграмян принял решение: прорвать оборону немецких войск на смежных флангах 6-й гвардейской и 43-й армий на участке шириной 25 км; ввести в прорыв 1-й танковый корпус, которому совместно с 6-й гвардейской армией следовало нанести удар в направлении Сиротино — Бешенковичи, форсировать р. Западная Двина и тем самым нарушить взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр»; правофланговыми соединениями 43-й армии совместно с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и уничтожить витебскую группировку противника. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Лепеля, на 10–11-й день операции выйти на рубеж Зеленый Городок — Крулевщизна[23].

Для нанесения мощного первого удара командование фронта сосредоточило на участке прорыва 75% стрелковых дивизий, все танковые и самоходные артиллерийские соединения и части, а также 87% всей артиллерии. В остальной полосе действовали 25% стрелковых дивизий, один укрепленный район и одна стрелковая бригада. Из этих сил были созданы две группировки для нанесения вспомогательных ударов: один — в полосе 4-й ударной армии с

целью расширения прорыва вражеской обороны в сторону фланга; второй — в центре полосы 43-й армии для ведения наступления вдоль железной дороги на Витебск с северо-запада[24].

3-й Белорусский фронт занимал рубеж, на который он вышел еще осенью предыдущего года. К началу Витебско-Оршанской операции ему противостояли 53-й и 6-й армейские корпуса 3-й танковой армии и 27-й армейский корпус 4-й армии противника. В них входили 14 дивизий, 12 отдельных охранных полков и до 35 батальонов[25], в которых насчитывалось более 2,5 тыс. орудий и минометов, около 320 танков и штурмовых орудий[26]. Авиационную поддержку этой группировки с воздуха осуществляли до 330 самолетов.

В составе фронта действовали 39, 5, 11-я гвардейская и 31-я армии, 5-я гвардейская танковая и 1-я воздушная армии, 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, отдельные соединения и части различных родов войск. В них имелось более 8,3 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и САУ, около 1,9 тыс. самолетов[27]. Войска фронта превосходили противника в людях — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 3,2 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях), а также в самолетах — в 5,7 раза.

Для выполнения поставленной Ставкой задачи командующий фронтом генерал И. Д. Черняховский решил создать две ударные группировки: северную — на смежных флангах 39-й и 5-й армий и южную — на смежных флангах 11-й гвардейской и 31-й армий. Главный удар наносила южная группировка (14 стрелковых дивизий, танковый корпус, две отдельные танковые бригады и большая часть средств усиления). Ей предстояло прорвать оборону врага и, продвигаясь вдоль Минской автострады, разгромить его оршанскую группировку[28]. Для наращивания силы удара и развития наступления в высоком темпе 2-му гвардейскому танковому корпусу приказывалось обойти Оршу с севера, перерезать коммуникации немецких войск и на шестой день операции захватить передовыми отрядами переправы через р. Березина. Планировалось, что на десятый день к реке в районе Борисова и севернее него выйдут главные силы 11-й гвардейской и 31-й армий[29].

39-й и 5-й армиям, входившим в северную группировку (13 стрелковых дивизий и три танковые бригады), после прорыва обороны противника предстояло совместно с конно-механизированной группой (3-й гвардейский механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса) вести наступление на Богушевск и к исходу десятого дня выйти на р. Березина[30]. Одновременно намечалось частью сил 39-й армии во взаимодействии с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта окружить и уничтожить витебскую группировку немецких войск[31].

5-ю гвардейскую танковую армию предполагалось ввести в сражение в зависимости от обстановки либо на оршанском, либо на богушевском направлениях[32]. И в том, и другом случае ее планировалось использовать для скорейшего выхода к Борисову.

С целью прорыва неприятельской обороны в короткие сроки командование фронта решительно массировало силы и средства на важнейших направлениях. В полосах ударных группировок оно сосредоточило 80% артиллерии, танков и самоходных артиллерийских установок. Это позволило создать высокие оперативные плотности. Превосходство над противником на участках прорыва достигало: в людях — в 2,2 раза, в артиллерии — в 2,3 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 10 раз[33].

При подготовке операции генералы Баграмян и Черняховский особое внимание уделяли согласованию совместных действий 43-й и 39-й армий по разгрому витебской группировки врага. В планах немецкого командования району Витебска отводилось первостепенное значение, так как его удержание обеспечивало поддержание взаимодействия между группами армий «Центр» и «Север». Как показал впоследствии плененный командир 53-го армейского корпуса генерал пехоты Ф. Гольвитцер, А. Гитлер неоднократно отвергал его предложения об оставлении Витебска с целью занятия более выгодного оперативного положения. Приказ об удержании города до последней возможности подтвердил незадолго до перехода советских войск в наступление и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Э. Буш[34].

Поэтому противник, несмотря на невыгодное для него начертание линии соприкосновения сторон, оборудовал на подступах к Витебску несколько оборонительных рубежей.

Советские разведчики в бою

Началась артиллерийская подготовка

Первый из них, прикрытый почти сплошными комбинированными проволочными и минно-взрывными заграждениями, находился в 10—15 км от города. В 7—10 км от переднего края проходил второй рубеж, на подступах к которому имелись заграждения, противотанковые рвы и минные поля. Последняя линия траншей была отрыта непосредственно на окраинах Витебска, каменные здания которого составляли основу многочисленных опорных пунктов. При этом наиболее слабым местом вражеской группировки на витебском выступе являлись ее фланги. Это обстоятельство принималось во внимание командованием двух фронтов при выборе направлений главных ударов 43-й и 39-й армий. С учетом того, что для создания внутреннего фронта окружения им предстояло преодолеть расстояние в 30—35 км с каждой стороны, осуществить его планировалось только стрелковыми соединениями без привлечения бронетанковых и механизированных войск.

Переходу в наступление 1-го Прибалтийского фронта предшествовала разведка боем, начатая в 5 часов 22 июня после 20-минутной артиллерийской подготовки силами 10 передовых отрядов (одна-две стрелковые роты с танками от каждой дивизии первого эшелона). Существенного успеха она достигла в 6-й гвардейской армии, в полосе 22-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Ручкина, где к 10 часам вклинение в глубину обороны противника составило 0,5—1,5 км. Командир корпуса немедленно ввел в бой по два батальона от каждой дивизии, которые к исходу дня продвинулись на 5—7 км.

В ночь на 23 июня соединения 3-й воздушной армии провели предварительную авиационную подготовку по выявленным опорным пунктам, огневым позициям артиллерии и оборонительным сооружениям врага. Вслед за этим при поддержке огня артиллерии в 6 часов утра перешла в наступление 6-я гвардейская, а часом позже и 43-я армия. В полосе 6-й гвардейской армии соединения 23-го гвардейского стрелкового корпуса перерезали железную дорогу Полоцк — Витебск западнее Шумилино[35]. Обойдя этот населенный пункт, они совместно с 1-м стрелковым корпусом 43-й армии окружили, а затем уничтожили оказывавший ожесточенное сопротивление вражеский гарнизон. О том, что представлял собой узел сопротивления в Шумилино, дает представление заметка из газеты 43-й армии «Защитник Отечества»: «Немцы располагались на высотах, господствующих над окружающей местностью. Весь передний край их был опутан проволокой, густой сетью минных полей. За искусственными препятствиями тянулись глубокие траншеи и ходы сообщения, открытые пулеметные площадки и блиндажи, множество минометных и артиллерийских позиций... Здесь проходили железная и шоссейная дороги, являющиеся основными коммуникациями этого участка фронта. Здесь было множество естественных удобств: каменные здания, глубокие овраги и насыпи, много небольших высот, впереди которых простиралась ровная заболоченная местность»[36].

К исходу 23 июня соединения двух армий прорвали тактическую зону обороны противника на участке в 50 км, что позволило генерал-лейтенанту И. М. Чистякову ввести в сражение из второго эшелона 103-й стрелковый корпус. Под воздействием его ударов входившие в состав 9-го немецкого армейского корпуса 252-я и 56-я пехотные дивизии, бросая технику, начали поспешный отход к Западной Двине.

Вместе с тем от ввода в сражение, как это намечалось планом операции, подвижной группы фронта — 1-го танкового корпуса — 23 июня пришлось отказаться. Он начал выдвижение к участку ввода в прорыв уже в первой половине дня, однако после прошедшего дождя дороги стали труднопроходимыми даже для танков. В таких условиях применение подвижной группы теряло всякий смысл, поэтому генерал армии И. Х. Баграмян приказал «ввод частей 1 тк в прорыв запретить» и осуществить его только после преодоления стрелковыми частями находившихся впереди межозерных дефиле[37].

Немецкое командование, пытаясь задержать продвижение 6-й гвардейской и 43-й армий на подступах к железной дороге Полоцк — Витебск, стремилось не только сохранить эту важную магистраль, но и выиграть время для маневра резервами с целью занятия рубежа обороны по р. Западная Двина. Для этого оно начало выдвигать к участку прорыва 1-го Прибалтийского фронта 24-ю пехотную дивизию, находившуюся в районе Полоцка. Кроме

того, 3-я танковая армия усиливалась 290-й пехотной дивизией, которая передавалась ей из группы армий «Север»[38].

Для того чтобы сорвать планы врага, требовалось максимально увеличить темпы наступления ударной группировки фронта в направлении Бешенковичей, где Западная Двина являлась наиболее удобной для форсирования. Продвижение в этом направлении обеспечивало также выход во фланг и тыл витебской группировки противника и ее окружение совместно с 39-й армией 3-го Белорусского фронта. Главная роль в достижении поставленной цели отводилась усиленным танками передовым отрядам на автомобилях, которые выделялись от дивизий первого эшелона. Им приказывалось упредить немецкие войска в выходе к Западной Двине и с ходу захватить плацдармы на ее западном берегу.

С утра второго дня операции наступление продолжилось. Однако в полосе 4-й ударной армии, как и в предшествовавшие сутки, достичь успеха не удалось. Лишь 360-я стрелковая дивизия смогла незначительно вклиниться в оборону врага[39]. Действовавшие в центре и на левом фланге 6-й гвардейской армии стрелковые корпуса к исходу дня вышли к Западной Двине и приступили к ее форсированию с ходу на подручных средствах. При этом подразделения 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий овладели тремя плацдармами, из которых два удержали, несмотря на многочисленные контратаки противника[40].

В полосе наступления 43-й армии передовые части 1-го стрелкового корпуса достигли Западной Двины в середине дня. К 18 часам три роты из состава 306-й и 179-й стрелковых дивизий форсировали ее и захватили небольшие плацдармы. Для их закрепления и расширения решением командира корпуса на противоположный берег еще до наступления темноты переправились пять стрелковых батальонов. Одновременно дивизии 60-го стрелкового корпуса создали угрозу с тыла витебской группировке врага. В тот же день обозначился успех и в полосе 92-го стрелкового корпуса, соединения которого овладели 37 населенными пунктами и вышли на рубеж в 8 км севернее Витебска[41].

Чтобы исключить возможность отхода неприятеля и нарастить силу удара с захваченных на Западной Двине плацдармов командующий войсками фронта принял решение ввести в сражение 1-й танковый корпус. Однако его выдвижение проходило очень медленно, так как на всех маршрутах находились вторые эшелоны, резервы, службы технического обеспечения и тылы армий. Только к исходу дня корпус головными бригадами вышел к Западной Двине, но из-за поврежденного моста в районе Бешенковичей и отставания понтонных батальонов с переправочными парками с ходу форсировать реку не смог.

Немецкое командование, стремясь не допустить развития наступления 1-го Прибалтийского фронта, начало выдвигать на угрожаемое направление с других участков 81, 290 и 212-ю пехотные, 201-ю и 221-ю охранные дивизии, а также многочисленные специальные подразделения и части. Исходя из этого, перед войсками фронта на 25 июня была поставлена следующая задача: в кратчайшие сроки преодолеть Западную Двину главными силами, окружить вражескую группировку в районе Витебска и перехватить возможные пути ее отхода.

Выполняя эту задачу, соединения 6-й гвардейской армии, не ожидая подхода табельных переправочных средств, продолжили переправу через реку, на противоположном берегу которой вступили в тяжелые бои за расширение захваченных плацдармов.

Важного оперативного результата достигли соединения 43-й армии. Передовые части ее 60-го стрелкового корпуса установили в районе Гнездиловичей взаимодействие с 19-й гвардейской стрелковой дивизией 39-й армии 3-го Белорусского фронта, в результате чего окружили пять немецких дивизий, оборонявших Витебск. А 145-я стрелковая дивизия из состава 92-го стрелкового корпуса ворвалась в северо-западную часть города[42].

В целом к исходу 25 июня войска фронта прорвали оборону противника, форсировали р. Западная Двина, овладели районом Бешенковичей и разгромили ближайшие резервы врага. Появилась возможность для дальнейшего продвижения в глубину на смежных крыльях групп армий «Центр» и «Север». В целях ее реализации генерал армии И. Х. Баграмян решил незамедлительно использовать главные силы фронта, а для ликвидации окруженной в районе Витебска группировки выделить только левофланговые соединения 43-й армии[43]. Предста-

Техника на переправе через реку Западная Двина. 1-й Прибалтийский фронт, 1944 г.

витель Ставки ВГК на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах маршал А. М. Василевский потребовал упредить выдвигавшиеся из глубины резервы врага и не допустить занятия ими обороны в полосе многочисленных озер и рек на рубеже Полоцк — Лепель[44].

Уже 27 июня 43-я армия приступила к уничтожению окруженного врага. В тот день группа противника численностью до 2,5 тыс. человек, пытаясь прорваться в западном направлении, натолкнулась на штаб 60-го стрелкового корпуса, следовавшую за ним оперативную группу штаба армии и подразделения 156-й стрелковой дивизии. В ходе четырехчасового боя были уничтожены до 200 и пленены 500 вражеских солдат и офицеров. Еще одну группу ликвидировала 179-я стрелковая дивизия, которая взяла в плен до 500 человек и захватила 1 тыс. автомашин[45].

Одновременно главные силы фронта развивали наступление на полоцком и лепельском направлениях. 27 июня в полосе 4-й ударной армии в сражение был введен 100-й стрелковый корпус, который попытался сбить с занимаемых рубежей немецкие пехотные дивизии, но лишь незначительно потеснил их. Стрелковые корпуса 6-й гвардейской армии к исходу 28 июня вышли на рубеж в 18—20 км юго-восточнее Полоцка. В то же время 1-й стрелковый корпус и подвижная группа[46] 43-й армии, преследуя части 95-й пехотной дивизии и остатки других соединений 3-й немецкой танковой армии, с ходу ворвались в Лепель и очистили его от захватчика[47].

Вместе с тем 1-й танковый корпус так и не сумел оторваться от стрелковых соединений и развить первоначально достигнутый ими успех. В условиях труднопроходимой для танков, ограничивающей маневр местности он, по сути, не выполнил своего предназначения как подвижная группа фронта. Поэтому армии первого эшелона вели наступление лишь при поддержке авиации. Основными объектами ее ударов являлись отходившие немецкие войска, а также крупные узлы их сопротивления и опорные пункты. Всего для выполнения этих задач авиационные соединения произвели 2981 самолето-вылет.

В ходе боев с 23 по 28 июня ударная группировка 1-го Прибалтийского фронта преодолела в условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности свыше 80 км, имея средний темп наступления до 14 км в сутки. За этот период она освободила 1670 населенных пунктов, в том числе такие крупные, как Шумилино, Улла, Бешенковичи и Лепель. При этом потери фронта за последнюю декаду июня составили 23 053 человека, в том числе погибшими 4658 человек[48].

Переходу в наступление главных сил 3-го Белорусского фронта, как и на 1-м Прибалтийском фронте, предшествовала разведка боем, проведенная во второй половине дня 22 июня. На витебском направлении соединения 39-й армии успеха не имели, передовые батальоны остановились перед первой траншеей врага. Утром следующего дня в полосе армии началась артиллерийская подготовка атаки.

Немецкие войска, не выдержав массированного огня артиллерии, начали отход на одном из участков в полосе 19-й гвардейской стрелковой дивизии полковника П. Н. Бибикова. Это своевременно установил командир 1-го стрелкового батальона 61-го гвардейского стрелкового полка майор Федоров, который после переноса огня артиллерии в глубину обороны противника поднял батальон в атаку. Вслед за ним передний край врага атаковали и другие подразделения[49]. Они быстро достигли восточного берега р. Лучёса, с ходу форсировали ее и захватили три моста, по которым на противоположный берег устремились танки и артиллерия. Соединения армии продвинулись в глубину на 12—14 км и перерезали железную дорогу Витебск — Орша[50].

Части и соединения 39-й армии к концу дня 24 июня завязали бои за неприятельский узел сопротивления Островно, прикрывавший подступы к шоссе Витебск — Бешенковичи, а часть сил развивала наступление непосредственно на Витебск. 158-я стрелковая дивизия завязала бои на восточной окраине города.

Опасаясь окружения, командующий 3-й немецкой танковой армией генерал Рейнгардт, несмотря на категорические требования А. Гитлера удерживать витебский выступ, отдал приказ об отходе своих войск. Обнаружив вражеские колонны на шоссе Витебск —

Автоматчики форсируют реку юго-восточнее Витебска. 3-й Белорусский фронт, июнь 1944 г.

Тяжелые самоходные артиллерийские установки на подступах к Витебску. 1944 г.

Автоматчики ведут бой на окраине Витебска. Июнь 1944 г.

Артиллерия проходит по улицам Витебска. 1944 г.

Немецкие военнопленные на улице Витебска

Воины Красной армии салютуют в честь освобождения Витебска

Бешенковичи, соединения 1-й воздушной армии подвергли их бомбоштурмовым ударам. Используя поддержку с воздуха, части 5-го гвардейского стрелкового корпуса совместно с 28-й гвардейской танковой бригадой, выйдя на южный берег Западной Двины, перерезали противнику пути отхода из Витебска.

Тесно взаимодействуя, соединения 39-й и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта к 9 часам утра 25 июня рассекли немецкие войска на две части[51]. Непосредственно в районе Витебска находились части трех пехотных дивизий. Юго-западнее и севернее Островно в окружении оказалось около двух дивизий. В этих же районах действовали и различные части усиления 53-го армейского корпуса, тыловые и обслуживающие подразделения 3-й танковой армии противника. Общая численность его окруженных войск превышала 40 тыс. человек[52].

К 6 часам 26 июня Витебск был освобожден. Однако окруженные группировки противника не спешили складывать оружие. Одна из них, действовавшая в районе Островно (до 5 тыс. человек), сумела прорваться на юг, но вскоре была уничтожена совместными усилиями обеих армий. Сложнее осуществлялся разгром группировки, окруженной юго-западнее Витебска, которая начала прорыв в ночь на 26 июня. В течение дня части двух советских соединений отразили 22 атаки врага[53].

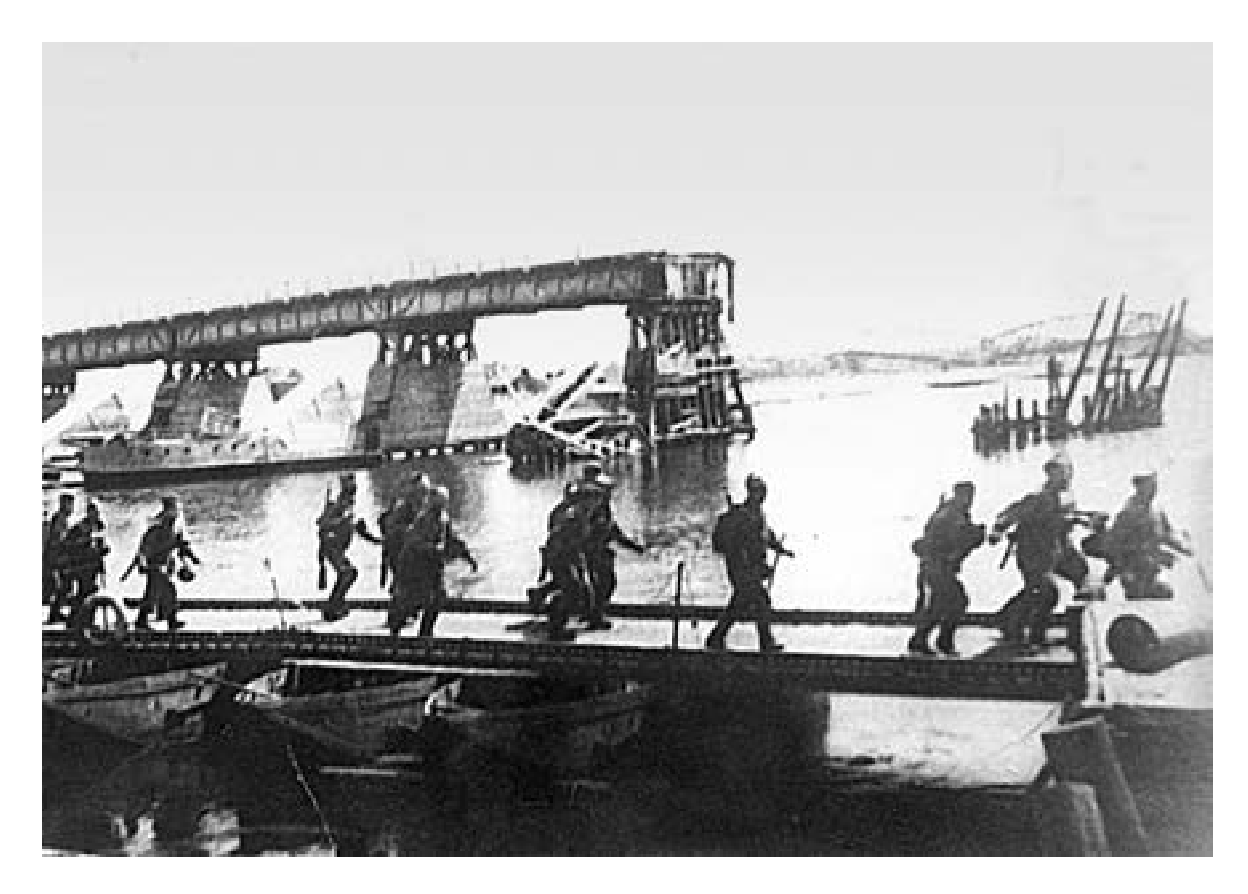
Лишь на одном участке противнику удалось потеснить подразделения 17-й гвардейской стрелковой дивизии и отдельными группами просочиться в лесной массив, прилегавший к озеру Мошно. Чтобы закрыть образовавшуюся брешь, командир 5-го гвардейского стрелкового корпуса выдвинул два стрелковых полка, 28-ю гвардейскую танковую бригаду и 2-й мотоциклетный полк[54]. На следующий день соединения 39-й армии окончательно сломили сопротивление врага, и немецкое командование приняло решение о капитуляции.

Противник потерял свыше 20 тыс. человек убитыми и более 10 тыс. пленными, в их числе оказались командир и начальник штаба 53-го армейского корпуса[55]. В период с 23 по 28 июня соединения 39-й и 43-й армий уничтожили и захватили более 1 тыс. орудий и минометов, около 3,9 тыс. автомобилей и мотоциклов, 54 танка и штурмовых орудия, 249 складов военного имущества[56].

Вместе с 39-й армией 22 июня провели разведку боем и соединения 5-й, 11-й гвардейской и 31-й армий, действовавшие на богушевском и оршанском направлениях. Наибольшего успеха в тот день добились передовые батальоны 5-й армии, вклинившись в оборону врага на глубину 2–4 км и овладев плацдармом на р. Суходровка. В течение ночи на 23 июня по возведенным саперами мостам на него переправились части двух стрелковых корпусов. Разведку боем немецкое командование, как это следует из журнала боевых действий 3-й танковой армии за 22 июня 1944 г., приняло за начало «ожидавшегося большого наступления»[57], поэтому ввело в сражение дивизионные, а на ряде участков и корпусные резервы. В то же время в полосах 11-й гвардейской и 31-й армий действия передовых подразделений оказались менее успешными, и им даже не удалось овладеть первой траншеей противника[58].

Главные силы трех армий, действовавших на богушевском и оршанском направлениях, перешли в наступление 23 июня. Оборона противника была прорвана только в полосе 5-й армии генерала Н. И. Крылова. Ее соединения продвинулись на 10–12 км.

В полосе 11-й гвардейской армии генерала К. Н. Галицкого соединения 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов, наносившие главный удар вдоль Минской автострады, натолкнулись на сильное противодействие неприятеля и в течение дня продвинулись вперед всего на 2 км. Они так и не смогли создать условия для ввода в сражение 2-го гвардейского танкового корпуса, и он продолжал оставаться в исходном районе. Но на направлении другого удара, который наносился на смежных флангах 16-й и 18-й гвардейских стрелковых дивизий, обозначился успех. Для его развития после артиллерийской подготовки и удара 162 самолетов Пе-2 1-го гвардейского бомбардировочного корпуса были введены в бой 11-я и 1-я гвардейские стрелковые дивизии, составлявшие второй эшелон 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Во взаимодействии с 152-м укрепленным районом они, продвинувшись в глубину до 10 км, создали условия для охвата сильно укрепленного участка вражеской обороны в районе Минской автострады и обхода совместно с 5-й армией г. Орша с севера.

Переправа по понтонному мосту через Березину. 3-й Белорусский фронт, 1944 г.

31-я армия генерала В. В. Глаголева в течение дня вела наступление севернее и южнее р. Днепр. Ее соединения прорвали передний край обороны противника и продвинулись в глубину до 3 км[59]. Однако после того как немецкое командование выдвинуло против них до двух полков с танками, успех развить не удалось[60].

Соединения 5-й армии продолжали развивать наступление в глубину вражеской обороны и вышли к г. Богушевск. Его штурму предшествовал массированный удар авиации 1-й воздушной армии. Используя его результаты, части 144-й и 215-й стрелковых дивизий ворвались в город и овладели им[61]. После этого начался ввод в прорыв конно-механизированной группы генерала Н. С. Осликовского в составе 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. Но из-за того что огневые средства противника на западном берегу р. Лучёса так и остались неподавленными, части группы уже в ходе выдвижения подверглись воздействию его артиллерии. В условиях ограниченного количества маршрутов, занятых к тому же резервами и тылами 5-й армии, она не сумела оторваться от стрелковых соединений.

В связи с тем что 11-я гвардейская армия южной ударной группировки встретила сильное сопротивление немецких войск на Минской автостраде, представитель Ставки ВКГ маршал А. М. Василевский приказал генералу И. Д. Черняховскому ввести в прорыв подвижную группу фронта — 5-ю гвардейскую танковую армию — на богушевском направлении. Ей предписывалось последовательно овладеть городами Толочин и Борисов, а затем переправами через р. Березина.

В течение 25 июня ранее введенная в прорыв в полосе 5-й армии конно-механизированная группа при поддержке 3-го штурмового авиационного корпуса достигла значительных успехов. Ее 3-й гвардейский механизированный корпус во взаимодействии со стрелковыми дивизиями овладел г. Сенно и передовыми частями перерезал железную дорогу Лепель — Орша[62]. Соединения 3-го гвардейского кавалерийского корпуса с ходу преодолели оборону врага и приступили к его преследованию. Но главные силы 5-й гвардейской танковой армии из-за плохого состояния дорог и мостов, загруженности их транспортом осуществляли движение со средней скоростью всего 4—5 км в час и в прорыв в установленные сроки так и не вошли.

В целом, за первые три дня наступления войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону врага в полосе шириной 100 км от Западной Двины до Днепра, продвинулись в глубину на 30—50 км, сломили сопротивление врага и создали условия для развития наступления на Борисов и охвата 4-й немецкой армии с севера и запада. В связи с этим командование армии уже в ночь на 26 июня начало отвод своих войск на р. Березина.

Для того чтобы упредить противника в занятии выгодного рубежа, генерал И. Д. Черняховский приказал 5-й гвардейской танковой армии максимально нарастить темпы продвижения. Разгромив арьергардные части врага, 3-й гвардейский танковый корпус овладел г. Толочин, перерезав на протяжении 30 км автостраду Москва — Минск и железную дорогу Орша — Минск[63]. В результате он осуществил выход в тыл немецкого 27-го армейского корпуса, который занимал оборону в оршанском узле сопротивления. Одновременно соединения конно-механизированной группы охватили его с севера. А введенный в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии 2-й гвардейский танковый корпус разгромил несколько колонн немецких войск и перехватил Минскую автостраду в 15 км северо-западнее Орши.

В 18 часов 20 минут начался штурм города. Уже к 23 часам завязались уличные бои. Непосредственно в Орше занимали оборону 286-я охранная дивизия и 752-й саперный батальон, а также отдельные подразделения 78-й штурмовой и 25-й моторизованной дивизий. Противник превратил каменные строения в мощные узлы сопротивления, а на всех перекрестках дорог установил долговременные огневые точки. Для их разрушения и подавления командир 36-го гвардейского стрелкового корпуса выделил 152-мм гаубицы, которые, ведя огонь прямой наводкой, обеспечивали продвижение стрелковых частей и танков. Кроме того, для уничтожения пехоты в укрытиях использовались боевые машины 517-го огнеметного танкового полка. С 4 часов 27 июня сопротивление противника стало ослабевать, и к 9 часам соединения обеих армий полностью овладели городом. Они захватили девять железнодорожных эшелонов, 15 паровозов, 1250 вагонов, 37 орудий, 19 танков и бронемашин, 161 трактор, 1950 автомашин и тягачей, 23 различных склада, а также другое вооружение и имущество[64]. Враг потерял убитыми 1,2 тыс. и пленными более 100 солдат и офицеров.

В боевом донесении Верховному главнокомандующему Военный совет 3-го Белорусского фронта 27 июня сообщал: «В результате пятидневного наступления наши части... продвинулись в расположение противника на 115 км в глубину и расширили прорыв на 150 км по фронту, освободив 1674 населенных пункта. В ходе боев окружены и полностью уничтожены 246-я и 206-я пехотные, 4-я и 6-я авиаполевые дивизии, разгромлены 299, 14, 95, 197-я пехотные дивизии, нанесены крупные потери 256-й и 260-й пехотным, а также 286-й охранной дивизиям»[65]. При этом потери фронта с 23 июня до конца месяца составили 51 526 человек, из них 11 014 человек убитыми, а также 318 танков, 59 орудий и минометов, 113 самолетов[66].

Продолжая преследование врага, войска фронта правым крылом и центром к исходу 28 июня вышли к р. Березина, а передовые подразделения 3-го гвардейского кавалерийского корпуса с ходу форсировали ее и захватили плацдарм на западном берегу[67]. В то же время продвижение на левом крыле фронта осуществлялось с огромным трудом. Действовавшие здесь армии столкнулись с необходимостью преодоления упорного сопротивления немецких войск, которые имели задачу прикрыть отход своей могилевской группировки.

В соответствии с замыслом Ставки задача по разгрому могилевской группировки противника возлагалась на войска 2-го Белорусского фронта, который на первом этапе операции

Марш воинов Красной армии на одной из улиц освобожденной Орши. 1944 г.

Подбитый немецкий танк

Артиллеристы меняют позицию. 1944 г.

На подступах к Могилеву. Июнь 1944 г.

Артиллеристы отражают контратаку немецких танков

Немецкое штурмовое орудие, оставшееся на разбомбленном советской авиацией мосту

«Багратион» действовал на вспомогательном направлении. В полосе его наступления занимали оборону соединения 4-й немецкой полевой армии. В оперативном резерве командования противника в районе Могилева находились 60-я моторизованная дивизия, а также охранные и специальные подразделения. Всего группировка врага насчитывала 114 тыс. человек, около 2,3 тыс. орудий и минометов, 220 танков и штурмовых орудий[68].

Общая глубина обороны немецких войск на могилевском направлении достигала 60 км. Населенные пункты, особенно расположенные вблизи дорог, представляли собой опорные пункты и являлись составной частью общей системы обороны. Наиболее сильно был укреплен Могилев, подступы к которому с востока прикрывались тремя оборонительными обводами. В первой половине марта А. Гитлер объявил Могилев, наряду с другими городами Белоруссии, укрепленным районом, который «должен был удерживаться любой ценой, даже при полном его окружении. Оставление укрепленного района войсками допускалось только с разрешения фюрера, по ходатайству командования группы армий»[69].

2-й Белорусский фронт к началу Могилевской операции объединял 33, 49, 50 и 4-ю воздушную армии. Он насчитывал более 198 тыс. человек, 4822 орудия и миномета, 276 танков и самоходных артиллерийских установок, 528 самолетов[70]. Фронт не обладал ощутимым превосходством над врагом. Поэтому генерал-полковник Г. Ф. Захаров принял решение прорвать его оборону силами одной 49-й армии на участке шириной 12 км и, ведя наступление в направлении Могилева, к исходу третьего дня выйти на р. Днепр и захватить плацдарм на его правом берегу. Для решения последней задачи создавалась подвижная группа под командованием генерала А. А. Тюрина[71]. После овладения к исходу пятого дня Могилевом 49-й армии предстояло развивать наступление в направлении Белыничи — Березино[72].

33-я и 50-я армии получили приказ, продолжая занимать оборону в широких полосах, готовиться к переходу в наступление. Помимо этого, 33-я армия силами одной стрелковой дивизии должна была оказать содействие 31-й армии 3-го Белорусского фронта в разгроме вражеской группировки, действовавшей в районе Орши.

49-я армия была усилена танковыми, самоходными артиллерийскими, пушечными, гаубичными, минометными, противотанковыми, зенитными, понтонно-мостовыми, инженерно-саперными частями и подразделениями. Всего в ней имелось четыре стрелковых корпуса (11 стрелковых дивизий), 2237 орудий и минометов, 343 реактивные установки, 253 танка и САУ[73]. Решительное массирование сил и средств позволило на участке прорыва достичь значительного превосходства над противником.

За сутки до начала наступления была проведена разведка боем. Используя успех передовых подразделений, стрелковые дивизии по наведенным саперами штурмовым мостикам, на подручных средствах и вплавь начали переправу через р. Проня. К полудню на противоположном берегу удалось сосредоточить лишь небольшое количество боевой техники, что отрицательно сказалось на огневых и ударных возможностях войск.

К 16 часам в сражение были введены вторые эшелоны. Но и они не внесли решительного перелома в ход боевых действий, так как танки и САУ отстали от стрелковых частей и не могли поддержать их огнем. К исходу 23 июня ударная группировка фронта прорвала главную полосу обороны противника, увеличила прорыв в ширину до 25 км и продвинулась в глубину на 5–8 км[74]. Однако задачу дня — выйти к р. Бася — 49-я армия не выполнила. Соединения 33-й и 50-й армий в течение дня отдельными подразделениями пытались вести наступление и, хотя существенного успеха не достигли, ограничили возможности немецкого командования по осуществлению маневра резервами на угрожаемое направление.

Утром 24 июня 49-я армия при содействии частей и соединений 33-й и 50-й армий возобновила наступление. Противник после неоднократных контратак силами от роты до батальона при поддержке танков и штурмовых орудий все-таки начал отход на р. Бася. Для того чтобы упредить его в занятии заблаговременно подготовленного оборонительного рубежа, стрелковые соединения первого эшелона выделили подразделения на автотранспорте. Вскоре передовые отряды, преодолев с боями 15–17 км, вышли к реке, с ходу форсировали ее и захватили четыре плацдарма на западном берегу[75].

Используя их, главные силы 49-й армии и подвижная группа фронта с утра 25 июня продолжили наступление и на отдельных участках преодолели р. Реста. Однако подвижные части продвинулись до вечера только на 6 км и, потеряв 10 танков и до 200 человек, так и не смогли оторваться от стрелковых соединений[76]. Успешнее в тот день действовали дивизии 50-й армии, которые форсировали р. Проня и овладели районным центром Могилевской области — г. Чаусы[77].

В итоге трехдневных боев войска 2-го Белорусского фронта прорвали сильно укрепленную оборону врага, увеличили прорыв в ширину до 75 км и, продвинувшись в глубину на 30 км, вынудили немецкое командование начать отвод своих главных сил к Днепру. Учитывая это, генерал-полковник Г. Ф. Захаров в ночь на 26 июня приказал 33-й армии перейти в наступление на шкловском направлении, 49-й и 50-й армиям — к исходу дня выйти на восточный берег Днепра, а подвижной группе — с ходу форсировать его. Наиболее значимым событием в боевых действиях 49-й армии 26 июня явилось форсирование Днепра передовыми отрядами и захват ими плацдармов на его западном берегу.

Командующий 49-й армией генерал И. Т. Гришин принимал все меры по прорыву своих соединений к Могилеву. Подвижная группа, переправившись утром 27 июня через Днепр, обошла Могилев с юго-запада и запада, отрезав пути отхода противнику к Минску и Бобруйску. Одновременно соединения четырех стрелковых корпусов, полностью переправившись на противоположный берег, начали развивать наступление на запад и блокировали могилевский гарнизон врага[78]. Советское командование предъявило ультиматум, но комендант Могилева не принял его. С 23 часов 27 июня до 10 часов 28 июня немецкие войска предприняли шесть атак силами до полка пехоты с танками и штурмовыми орудиями с целью прорваться из окружения. Наиболее сильный удар на рассвете 28 июня они нанесли вдоль шоссе Могилев — Минск в направлении Казимировки. В ходе трехчасового боя враг был остановлен, потеряв пять танков, шесть штурмовых орудий, 45 полевых орудий, 250 автомашин и около 400 человек[79].

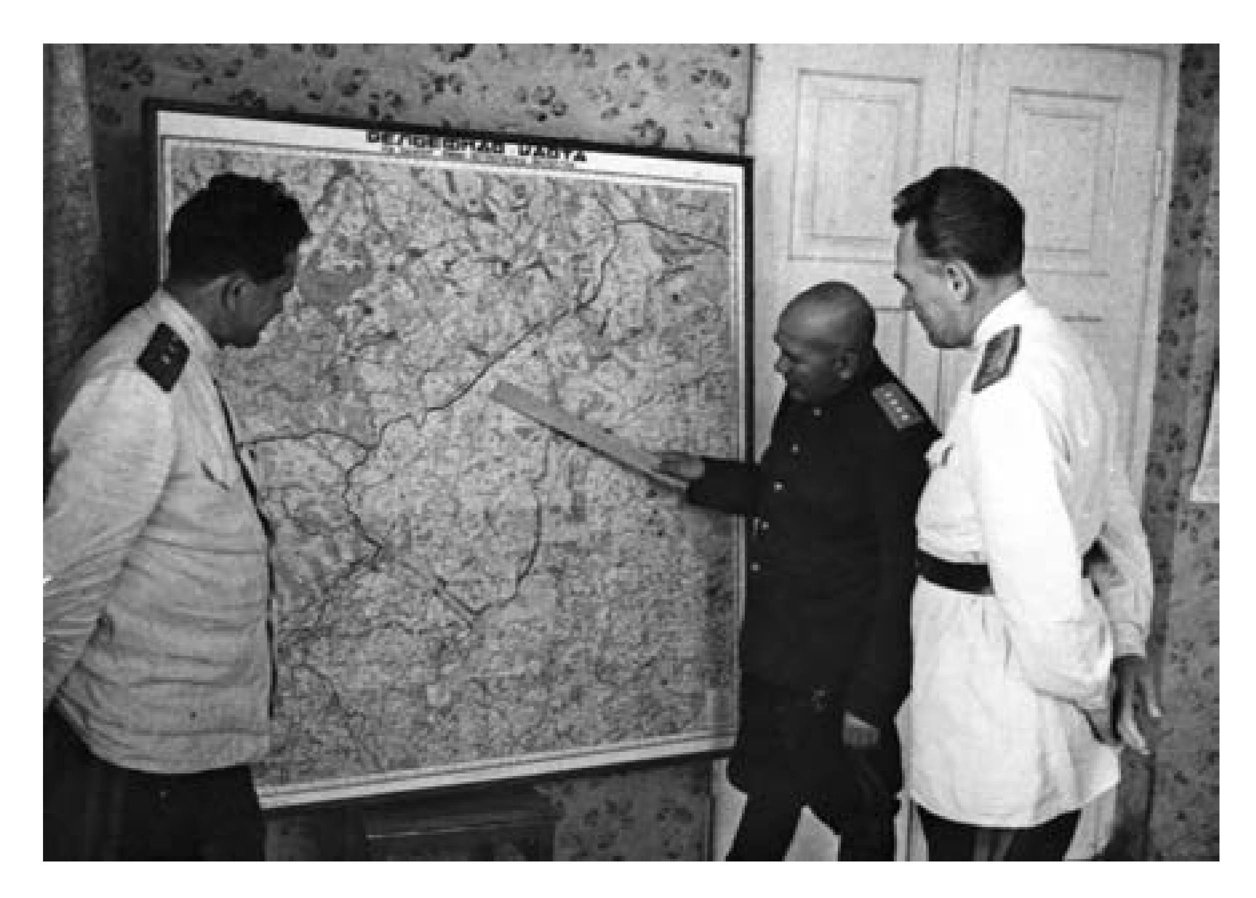
После отражения попыток неприятеля вырваться из Могилева советские войска начали штурм города. Для этого во всех соединениях были созданы штурмовые группы в составе 50–60 человек, которые усиливались танками, противотанковыми орудиями, самоходными артиллерийскими установками, минометами и саперными подразделениями. К 18 часам остатки его гарнизона сложили оружие[80].

В борьбе за Могилев враг потерял более 6 тыс. солдат и офицеров убитыми и около 3,4 тыс. пленными. В числе пленных оказался и комендант Могилевского укрепленного района генерал-майор Г. Эрдмансдорф с его штабом. Войска фронта уничтожили 70 танков и штурмовых орудий, более 200 орудий и минометов, 316 пулеметов, 840 автомашин. Кроме того, они захватили 15 танков и штурмовых орудий, 160 полевых орудий, 70 минометов, 300 пулеметов, 1200 автомашин, 45 складов[81].

В течение 28 июня 33, 49 и 50-я армии, продолжая преследование немецких частей, продвинулись вперед до 25 км и заняли более 500 населенных пунктов, в том числе районный центр Могилевской области — г. Белыничи. В целом поставленную Ставкой ВГК задачу — разгромить могилевскую группировку противника и овладеть Могилевом — они выполнили за шесть дней. Под их ударами остатки соединений 4-й немецкой армии под прикрытием арьергардов начали отход за р. Березина. При этом потери 2-го Белорусского фронта (с 21 по 30 июня) в людях составили 19 875 человек, из них безвозвратно 4001 человек[82].

На бобруйском направлении действовали войска правого крыла 1-го Белорусского фронта. Им противостояли части и соединения 9-й полевой армии, а также часть сил 4-й полевой армии[83].

Основу оборонительной группировки немецких войск составляла 9-я полевая армия, которая сосредоточивала свои усилия на двух направлениях — бобруйском и глусском. На важнейшем — бобруйском направлении, на участке Ректа — Лучин шириной 35 км, занимали оборону три пехотные и одна танковая дивизии. На глусском направлении, на участке Здудичи — Трамец шириной 55 км, было развернуто до четырех пехотных дивизий. На этих

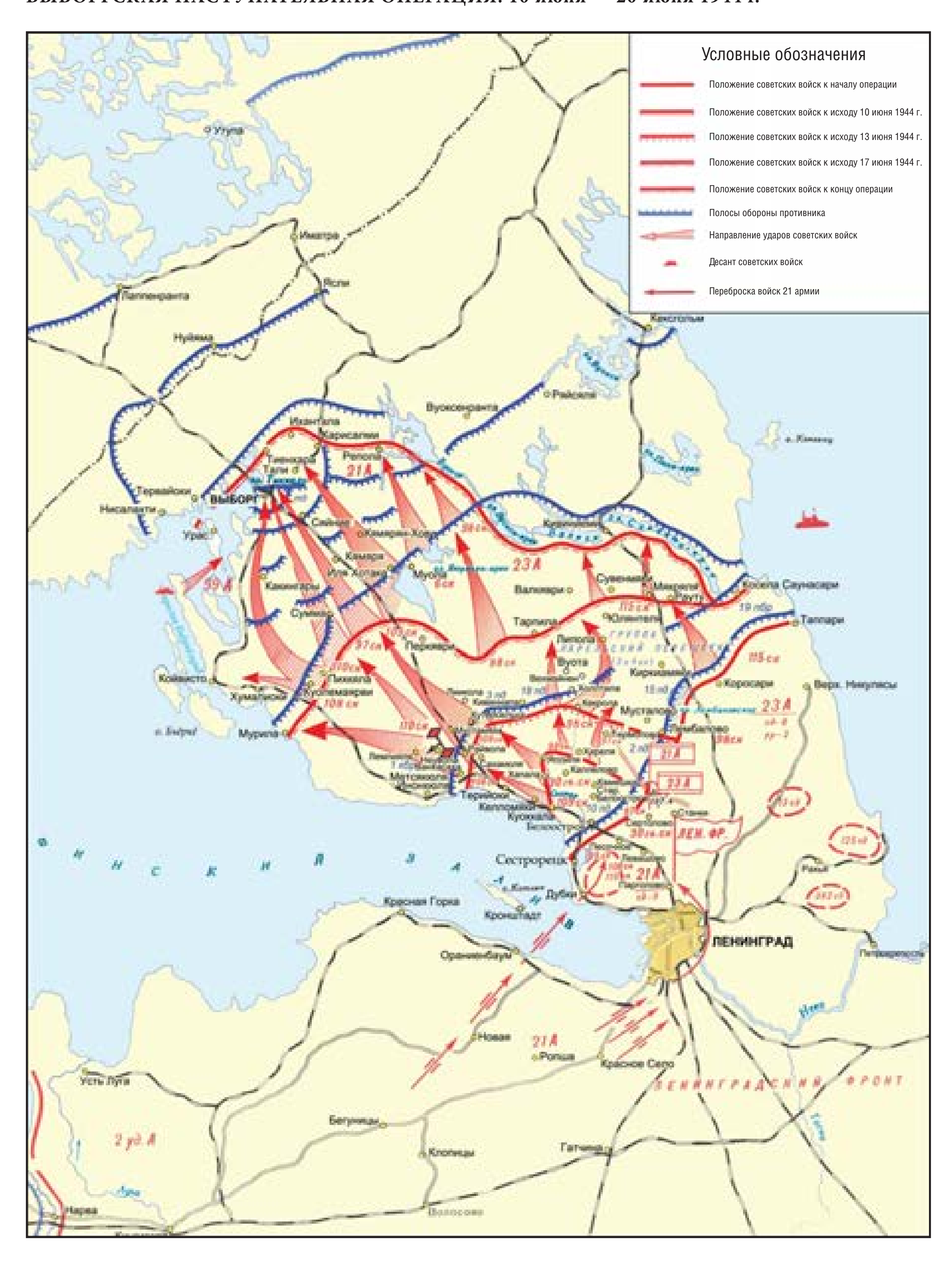
Командующий войсками 2-го Белорусского фронта Г. Ф. Захаров *(в центре)*, член Военного совета Н. Е. Субботин *(слева)* и командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин

направлениях враг создал пять оборонительных рубежей, проходивших по рекам: первый — Друть и Днепр; второй — Добрица; третий — Добысна; четвертый — Ола; пятый — Березина. Первый, основной рубеж, глубина которого достигала 6–8 км, состоял из трех-четырех, а местами пяти сплошных траншей, соединенных между собой ходами сообщений. Передний край прикрывался проволочными заграждениями в два-три ряда, рогатками и спиралью Бруно. В лесах на дорогах и просеках были устроены завалы. На некоторых участках имелись противотанковые рвы, были установлены сплошные противотанковые и противопехотные минные поля.

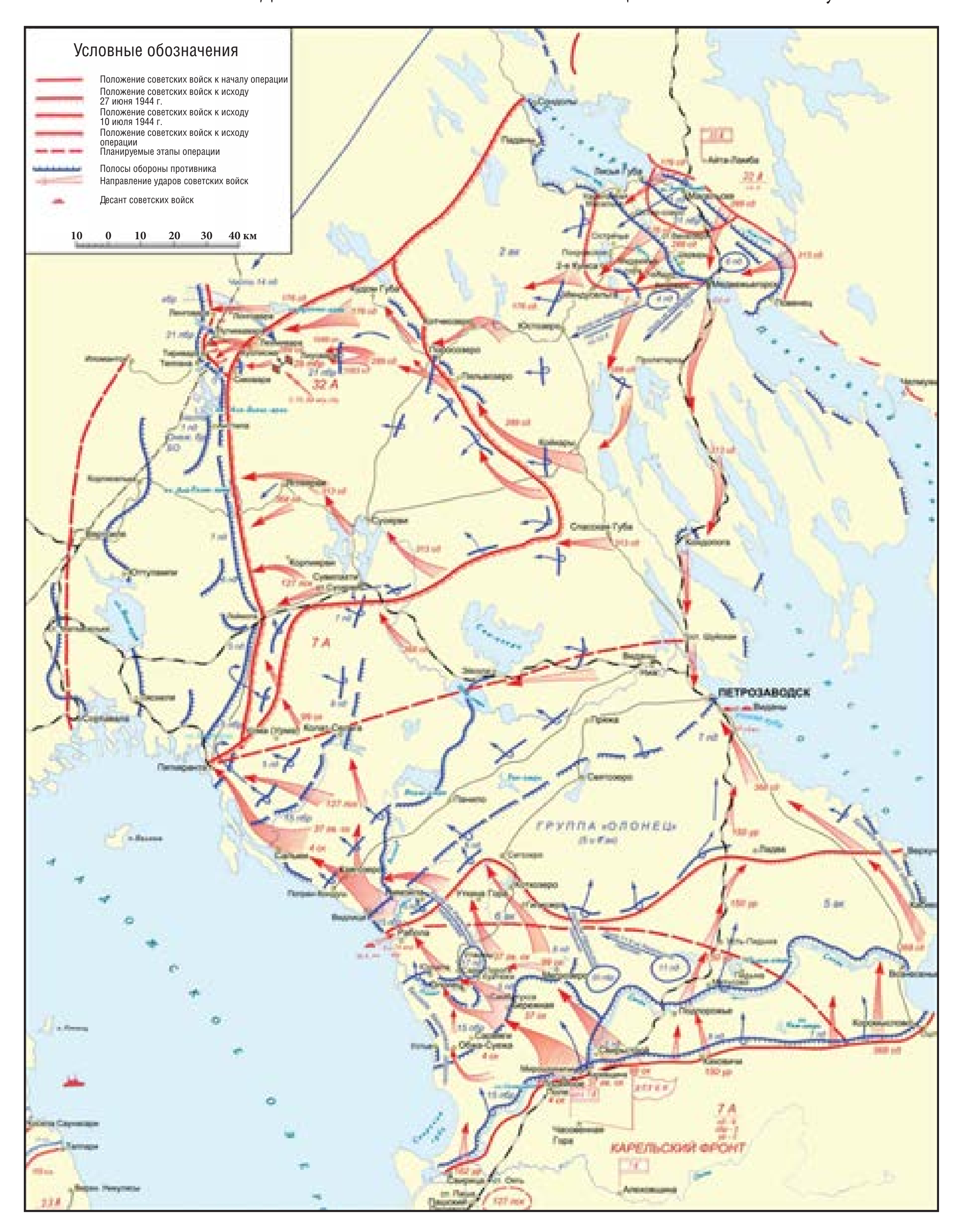
Бобруйск противник начал готовить к обороне еще в феврале 1944 г. по специальному приказу А. Гитлера. Вокруг него были отрыты сплошной противотанковый ров, окопы и артиллерийские позиции. Внутри города на площадях и перекрестках улиц были установлены прочные железобетонные укрепления, дома на окраинах приспособили к обороне, а затруднявшие обзор и ведение огня снесли. Гарнизон Бобруйска имел трехмесячные запасы продовольствия и большое количество боеприпасов[84].

К 23 июня 1944 г. за счет резервов Ставки ВГК и перегруппировок в составе войск правого крыла фронта действовали 3, 48, 65, 28-я общевойсковые и 16-я воздушная армии, Днепровская военная флотилия, один кавалерийский корпус, два танковых корпуса, один механизированный корпус, 14 артиллерийских дивизий, семь артиллерийских бригад, одна самоходная артиллерийская бригада, 26 танковых и самоходных артиллерийских полков,

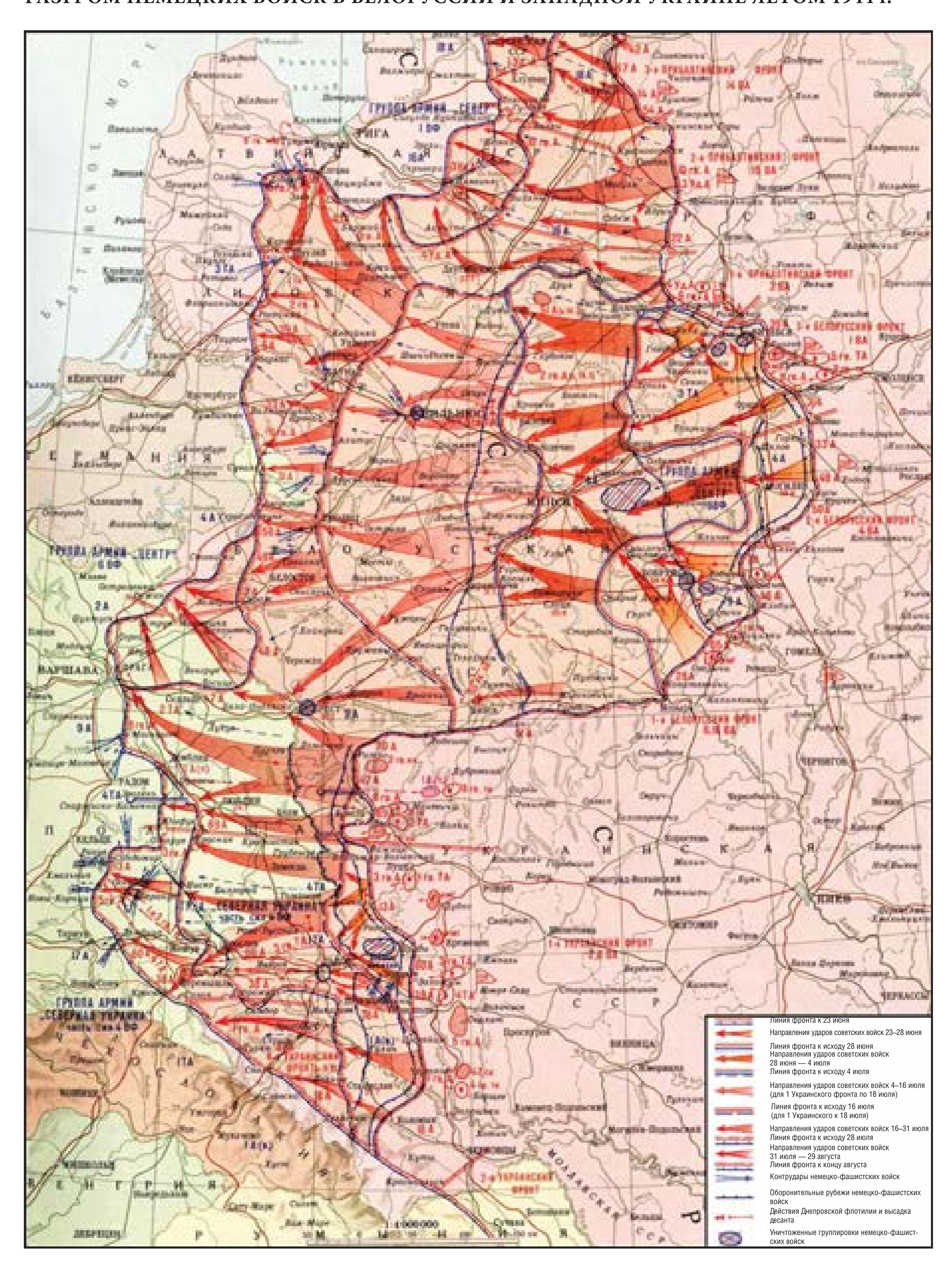
ВЫБОРГСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 10 июня — 20 июня 1944 г.

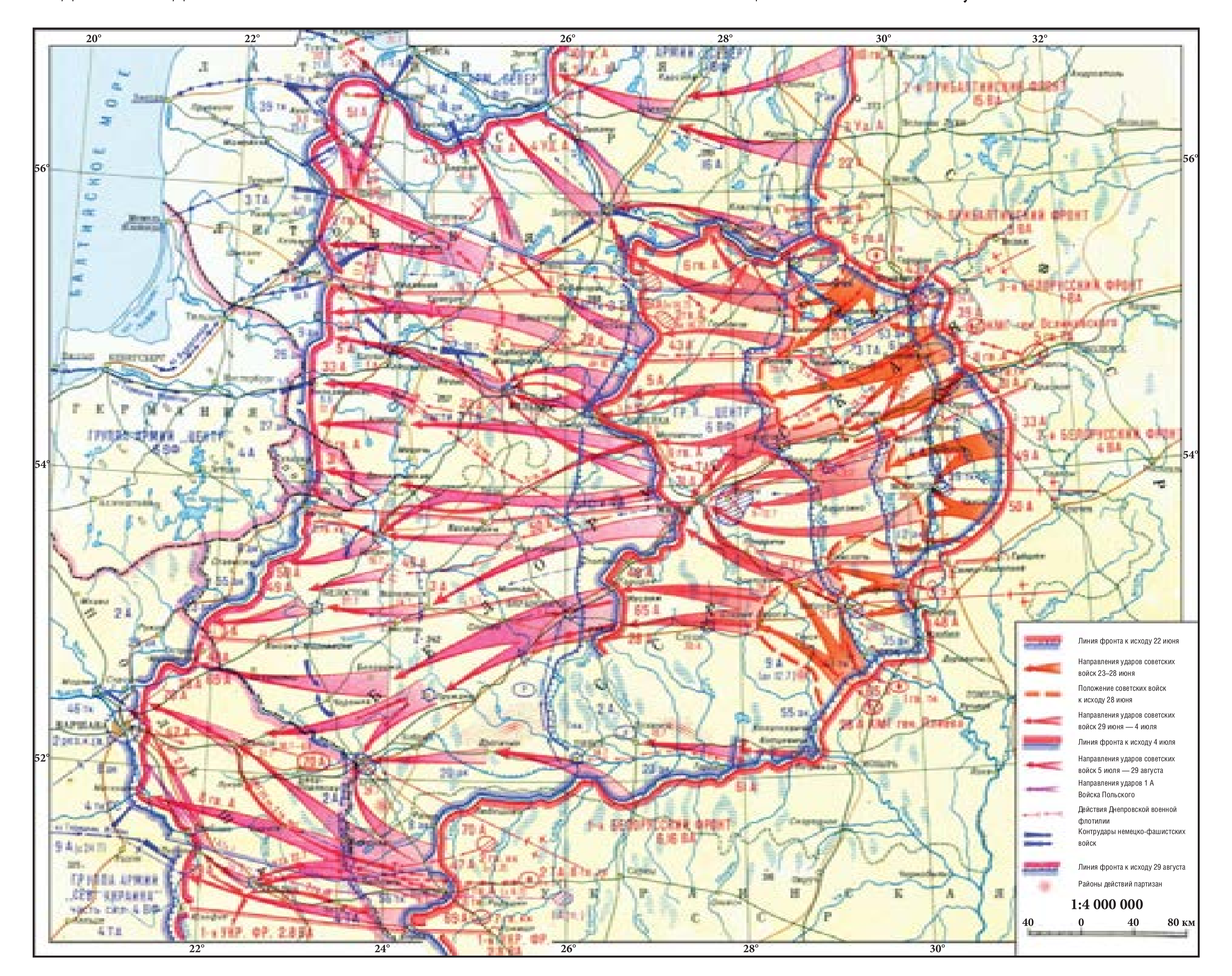
СВИРСКО-ПЕТРОЗАВОДСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 27 июня — 9 августа 1944 г.

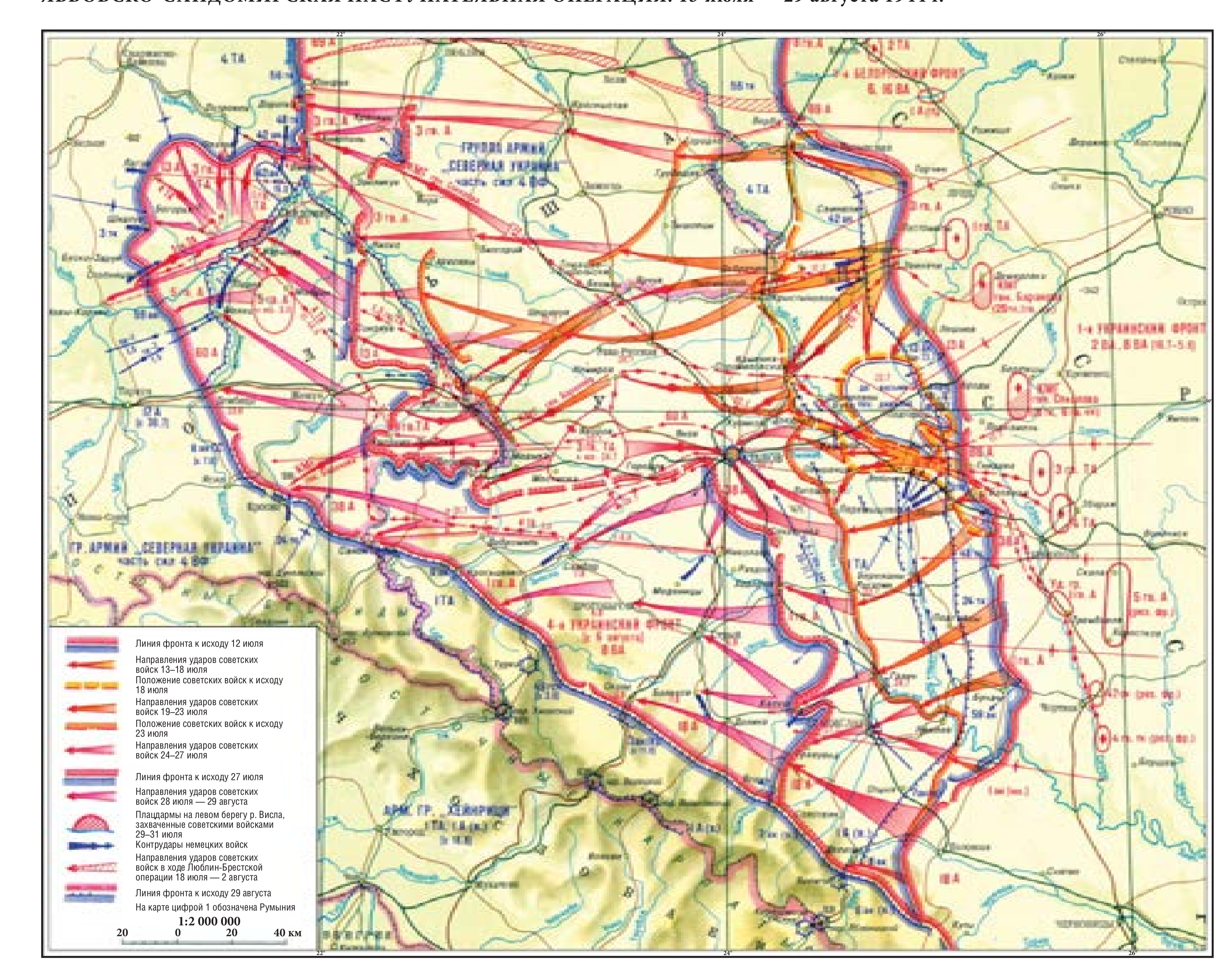
РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ ЛЕТОМ 1944 г.

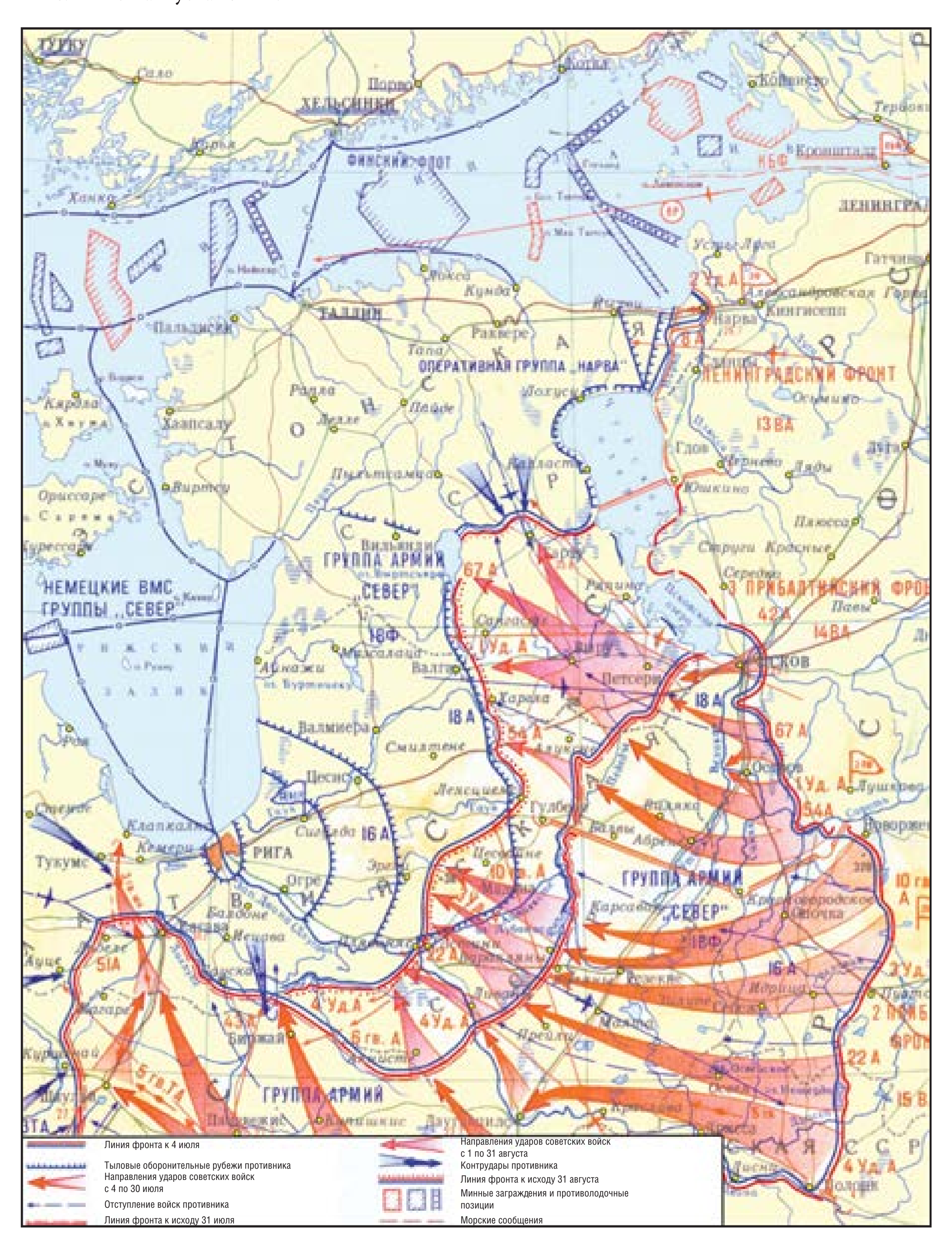
ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В БЕЛОРУССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ. 23 июня — 29 августа 1944 г.

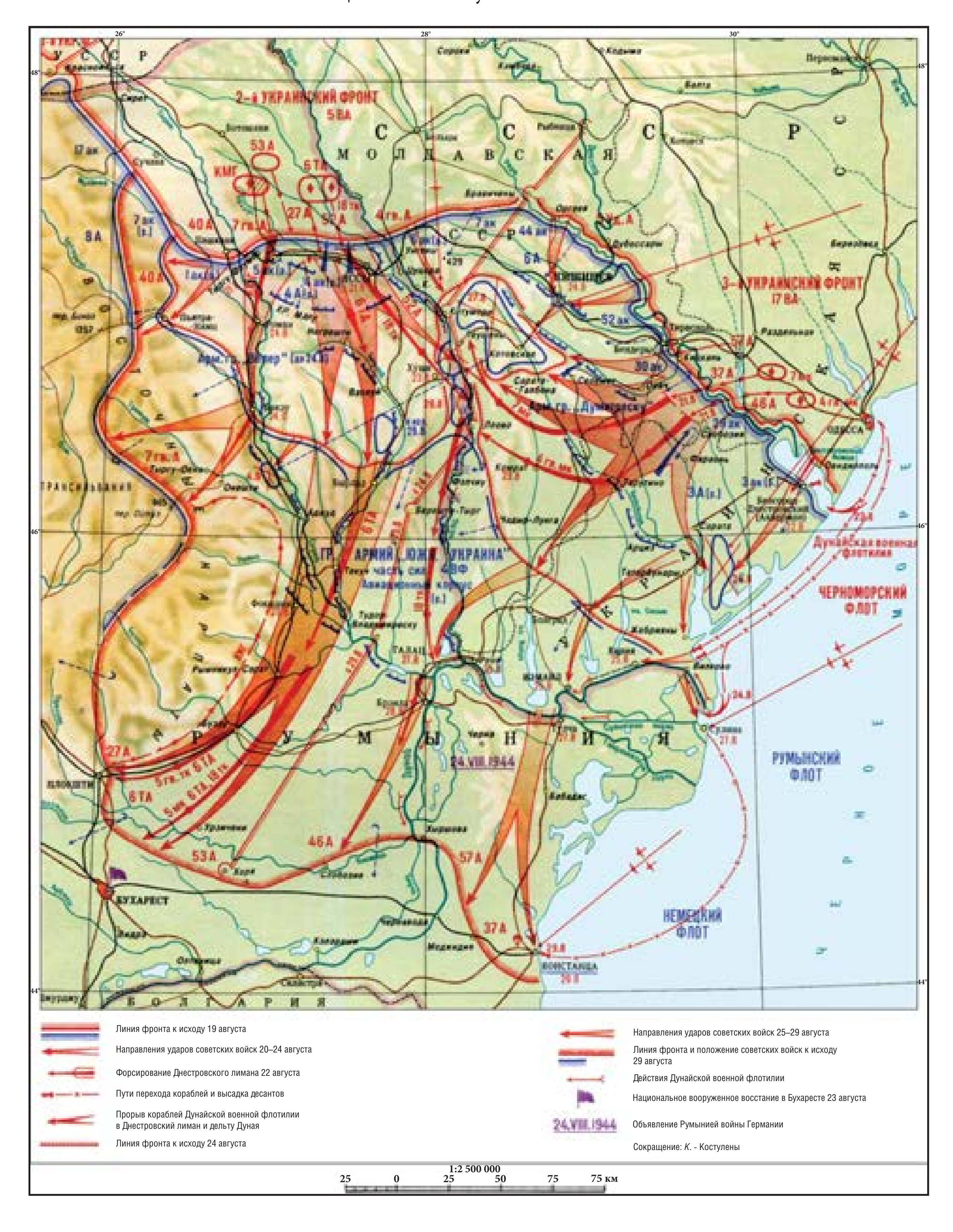
ЛЬВОВСКО-САНДОМИРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 13 июля — 29 августа 1944 г.

НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА ПРИБАЛТИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ.
4 июля — 31 августа 1944 г.

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. 20–29 августа 1944 г.

ВОСТОЧНО-КАРПАТСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 8 сентября — 28 октября 1944 г.

Линия фронта к исходу 7 сентября

Направления ударов войск 8–30 сентября:

советских

чехословацкого корпуса

Линия фронта к исходу 30 сентября

Направления ударов войск 1–28 сентября:

советских

чехословацкого корпуса и румынской 4 А

Контрудары немецких войск

Линия фронта к исходу 28 октября

Укрепления «линии Арпада»

1:2 000 000

20 0 20 40 60 км

три отдельные авиационные дивизии. Подобное массирование сил и средств позволило командованию фронта создать на избранном для наступления направлении значительное превосходство над врагом: в людях — в 3,3 раза, в орудиях и минометах — в 6,3 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 3,6 раза, в самолетах — в 3,4 раза[85].

Командующий войсками фронта генерал армии К. К. Рокоссовский решил прорвать оборону противника на двух участках и, развивая наступление по сходящимся на Бобруйск направлениям, окружить и уничтожить его бобруйскую группировку, после чего выйти в районы Пуховичей и Слуцка. Для выполнения этих задач он приказал 3-й и 48-й армиям с 9-м танковым корпусом, перейдя в наступление из района севернее Рогачева, нанести удар в направлении Бобруйск — Пуховичи. 65-я и 28-я армии с 1-м гвардейским танковым корпусом должны были нанести удар из района южнее Паричей и развивать наступление в направлениях Романище — Глуша и Романище — Глуск. На их смежных флангах предполагался ввод в прорыв конно-механизированной группы фронта под командованием генерала И. А. Плиева в составе 4-го гвардейского кавалерийского и 1-го механизированного корпусов[86]. Здесь же приказывалось действовать Днепровской военной флотилии[87].

Все четыре армии правого крыла, занимавшие полосу шириной около 240 км, массировали силы и средства на участках, составлявших в общей сложности всего 29 км. Это обуслов-

Спасибо за удачный бой. Белоруссия, лето 1944 г.

Советские самоходные артиллерийские установки совершают марш через лес. Июнь 1944 г.

В штабе 1-го Белорусского фронта. *Крайний слева* — командующий войсками фронта К. К. Рокосовский. У телефона — начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин. Район Бобруйска, лето 1944 г.

ливалось стремлением командования фронта нанести мощный первый удар и осуществить прорыв в короткие сроки. После этого планировалось ввести в сражение подвижные группы 3-й и 28-й армий (9-й и 1-й гвардейский танковые корпуса) с целью создания внутреннего фронта окружения вокруг бобруйской группировки врага. Для образования его внешнего фронта предназначалась конно-механизированная группа.

В начале третьей декады июня во всей более чем 700-километровой полосе 1-го Белорусского фронта проводилась разведка боем. В полосе 3-й и 48-й армий она началась в ночь на 23 июня силами стрелкового батальона и двух штрафных рот. Они атаковали передний край обороны противника, но успеха не добились. На следующую ночь 16-я воздушная армия во взаимодействии с соединениями авиации дальнего действия осуществила предварительную авиационную подготовку по его опорным пунктам и огневым позициям в главной полосе обороны, а также по аэродромам. С рассветом началась артиллерийская подготовка атаки, которая продолжалась 2 часа 5 минут. Но, как показали последующие события, подавить огневые средства врага на северном участке прорыва не удалось. К тому же из-за неблагоприятных метеорологических условий командующий 16-й воздушной армией отменил вылеты бомбардировщиков и сосредоточенные удары штурмовиков. Поэтому после окончания артиллерийской подготовки в воздух поднялись лишь небольшие группы штурмовиков в составе от четырех до восьми самолетов[88].

Составлявшие ударную группу 3-й армии 35-й и 41-й стрелковые корпуса к 8 часам овладели первой, а на отдельных участках и второй траншеей, но дальнейшего продвижения не имели[89]. В сложившейся обстановке командующий армией генерал А. В. Горбатов решил ввести в сражение для завершения прорыва вражеской обороны 9-й танковый корпус. Но на западный берег р. Друть удалось переправиться только его 108-й танковой бригаде, которая начала действовать в боевых порядках стрелковых частей. Во второй половине дня, когда погода улучшилась, бомбардировочная авиация активизировала свои действия, нанеся два сосредоточенных удара по узлам сопротивления немецких войск. Используя их результаты, ударная группа армии после ряда артиллерийских налетов и при поддержке штурмовиков попыталась продолжить наступление, однако, как и прежде, безуспешно.

Столь же неблагоприятно складывалась обстановка в полосах наступления 42-го и 29-го стрелковых корпусов 48-й армии. Широкая болотистая пойма р. Друть крайне осложняла переправу боевой техники, особенно танков. К тому же противник сильным артиллерийско-минометным огнем непрерывно обстреливал подходившие к переправам войска, задерживая их продвижение. Только после двух часов напряженных боев ударной группе армии удалось форсировать р. Друть и овладеть первой, а к 11 часам 30 минутам — и второй траншеей. Бои с целью развития наступления без всякого успеха продолжались до вечера[90]. В итоге правая ударная группировки фронта к исходу первого дня операции продвинулась вперед на участке шириной 20 км всего на 2,5–3,5 км[91].

В течение ночи на 25 июня соединения 3-й и 48-й армий продолжали переправу главных сил на западный берег р. Друть. В 10 часов после артиллерийской подготовки и при поддержке авиации они возобновили атаки врага. Генерал Горбатов ввел в сражение из второго эшелона армии 46-й стрелковый корпус, а затем — 95-ю и 108-ю бригады 9-го танкового корпуса с задачей овладеть переправами на р. Добрица[92]. Такие меры позволили нарастить темпы наступления. Части 35-го стрелкового корпуса, отбрасывая противника, овладели его сильными опорными пунктами — Большая Крушиновка и Фалевичи[93]. К исходу дня передовые подразделения 41-го стрелкового корпуса в нескольких местах форсировали р. Добрица и закрепились на ее западном берегу. Однако его главные силы по-прежнему находились в междуречье Друти и Добрицы. Сильно отстала от боевых порядков стрелковых соединений и артиллерия, которая, с трудом преодолевая заболоченные участки местности, не могла оказать им своевременную и эффективную поддержку огнем.

В результате и второй день операции не привел к перелому в обстановке на бобруйском направлении. Здесь удалось прорвать только главную полосу обороны врага. Такое развитие событий ставило под угрозу выполнение замысла по его окружению. Поэтому генерал

армии К. К. Рокоссовский потребовал от командующих 3-й и 48-й армиями максимально использовать все резервы для наращивания темпов продвижения войск. Выполняя его указания, генерал Горбатов утром 26 июня приказал 9-му танковому корпусу перерезать шоссе Могилев — Бобруйск. К тому же времени поступили данные воздушной разведки о движении противника по всем дорогам, ведущим к Бобруйску. По врагу нанесла удар бомбардировочная и штурмовая авиация, после чего к его преследованию приступили танковые бригады. Вскоре они настигли на дороге сплошные колонны артиллерии, автотранспорта и обозов. Ведя огонь с ходу, танки врезались в них, огнем и гусеницами уничтожали пехоту, боевую и транспортную технику, вносили панику в немецкие подразделения и части[94].

В 17 часов одна бригада корпуса с ходу ворвалась в Старцы, а затем перерезала шоссе Могилев — Бобруйск[95]. К 20 часам его основные силы вышли к крупному узлу шоссейных дорог — Титовке, перехватив к утру 27 июня все пути отхода немецких войск и переправу у восточной окраины Бобруйска. Используя успех танковых частей, стрелковые корпуса 3-й армии, поддержанные авиацией, отразили многочисленные контратаки противника, прорвали его оборону на р. Добрица, а в последующем — и на р. Добысна. В результате группировка врага, находившаяся к юго-востоку от Бобруйска, оказалась охваченной с фланга. В то же время соединения 48-й армии форсировали Днепр и овладели сильным опорным пунктом немецких войск — г. Жлобин[96]. Таким образом, к исходу третьего дня правая ударная группировка фронта сокрушила вражескую оборону в полосе шириной 155 км и продвинулась в глубину от 10 до 35 км.

Несколько по-иному развивались события в период 23—26 июня на глусском направлении, где действовала левая ударная группировка. Здесь, в полосах наступления 65-й и 28-й армий в ходе разведки боем, проведенной в ночь на 23 июня, передовые отряды захватили первую траншею, но в результате контратак врага, поддержанных сильным артиллерийско-минометным огнем, отошли в исходное положение. В ночь на 24 июня авиация нанесла сильные удары по опорным пунктам противника и его резервам в тактической глубине. Ударная группа 65-й армии в составе 18-го и 105-го стрелковых корпусов после артиллерийской подготовки и действий небольших групп штурмовой авиации прорвала вражескую оборону и преодолела пять линий траншей[97]. В такой обстановке командующий армией генерал П. И. Батов принял решение ввести в сражение 1-й гвардейский танковый корпус, усилив его 3-й истребительной противотанковой артиллерийской бригадой, 345-м и 354-м самоходными артиллерийскими полками, отдельным саперным батальоном и 44-й гвардейской стрелковой дивизией.

Используя поддержку 26-й артиллерийской дивизии и 2-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии с двумя истребительными авиационными полками, 16-я и 17-я гвардейские танковые бригады корпуса, развивая наступление по двум самостоятельным направлениям, начали выходить в тыл паричской группировки противника и к исходу дня продвинулись в глубину его обороны на 18 км[98]. В полосе наступления 28-й армии 3-й гвардейский и 20-й стрелковые корпуса за три часа боя овладели первой траншеей врага и, развивая наступление на запад и северо-запад, встретили его активное противодействие на рубеже р. Тремля[99].

В целом левая ударная группировка фронта в первый день операции прорвала оборону немецких войск на участке шириной до 30 км и продвинулась в глубину от 5 до 10 км. Вместе с тем она не полностью выполнила поставленную задачу, что обусловливалось главным образом трудными условиями лесисто-болотистой местности. Ограниченность дорожной сети, разрушение гатей и мостов привели к отставанию артиллерии, затруднили движение танков и другой боевой техники. К тому же авиация из-за неблагоприятных метеорологических условий не смогла оказать эффективную поддержку наступавшим войскам.

В течение 25 июня соединения 65-й армии, развивая успех, увеличили вклинение в оборону противника до 30 км. Части 1-го гвардейского танкового корпуса, продвигаясь вперед высокими темпами, вышли к р. Березина и отрезали пути отхода его паричской группировки[100]. 28-я армия, форсировав Тремлю, овладела оборонительным рубежом врага на западном берегу реки и вынудила немецкие войска к отходу в северо-западном и западном направлениях.

В 7 часов в полосе армии начался ввод в прорыв конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, задача которой заключалась в том, чтобы, обойдя Бобруйск, перерезать все идущие из него на запад дороги[101]. Для обеспечения самостоятельных действий группы в отрыве от главных сил ей были приданы: 1-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада, 43-й и 46-й гвардейские минометные полки, дивизион 22-й гвардейской минометной бригады, 7-й и 53-й саперные батальоны, 274-й батальон плавающих автомобилей[102]. Кроме того, в интересах конно-механизированной группы планировалось применение одной штурмовой авиационной дивизии и двух полков 8-го истребительного авиационного корпуса. Их поддержка позволила соединениям и частям группы углубить к вечеру 25 июня прорыв 28-й армии до 30 км[103].

На следующий день соединения обеих армий продолжили преследование противника. 105-й стрелковый корпус 65-й армии при поддержке сил Днепровской военной флотилии овладел важнейшим узлом его обороны на р. Березина — Паричами. 1-й гвардейский танковый корпус, отразив многочисленные контратаки немецких 36-й пехотной и 20-й танковой дивизий, вышел в район в 6—8 км юго-западнее Бобруйска, а его передовые подразделения обошли город. Конно-механизированная группа в условиях сильно заболоченной местности и ограниченного числа дорог преодолела, используя захваченные партизанами переправы, р. Птичь и перерезала шоссе Бобруйск — Глуск[104]. Однако свою главную задачу — обойти бобруйскую группировку врага с запада — она не выполнила. Ее 4-й гвардейский кавалерийский корпус, по сути, находился на линии стрелковых войск, а отрыв 1-го механизированного корпуса от них составлял всего 6—8 км. Несмотря на это, группировка немецких войск, находившаяся к юго-востоку от Бобруйска, попала в катастрофическое положение: пять пехотных дивизий 35-го армейского корпуса оказались под угрозой полного окружения.

В результате непрерывных трехдневных боев и стремительного продвижения советских объединений вперед, особенно на глусском направлении, большинство пехотных дивизий противника утратило связь с вышестоящими штабами и другими соединениями. Они осуществляли отход по изолированным направлениям, пытаясь избежать окружения. В сложившейся обстановке командующий 9-й немецкой армией генерал пехоты Г. Иордан, введя в сражение все резервы, стремился отвести войска на рубеж рек Суша, Свислочь, Птичь, где восстановить их боеспособность и остановить продвижение 1-го Белорусского фронта. Одновременно командование группы армий «Центр», уяснив серьезность положения 9-й армии и стремясь нарастить усилия на бобруйско-минском направлении, стало перебрасывать в район Пуховичей 12-ю танковую дивизию, прибывшую из-под Риги, и 390-ю дивизию особого назначения из района Минска. Для прикрытия слуцко-барановичского направления из районов Пинска и Лунинца началось выдвижение частей 1-го венгерского кавалерийского корпуса.

Начиная с 27 июня, действия обеих ударных группировок фронта были направлены на разгром врага в районе юго-восточнее Бобруйска и в самом городе. При этом их первоочередная задача заключалась в том, чтобы в короткие сроки образовать внутренний и внешний фронты окружения. Однако выходившие на них разновременно соединения 3, 48 и 65-й армий имели между собой значительные промежутки. Этим обстоятельством решил воспользоваться командующий 9-й немецкой армией, который приказал командиру 35-го армейского корпуса, осуществив прорыв на Бобруйск или Погорелое (28 км восточнее Пуховичей), «во что бы то ни стало вывести войска из окружения» и соединиться с 4-й армией[105].

Командир корпуса решил действовать по второму варианту. Он отдал распоряжение уничтожить всю технику, оставив лишь необходимую для прорыва. С полудня 27 июня в расположении окруженного противника послышались сильные взрывы, появились очаги пожаров. Солдаты подрывали орудия, тягачи, танки, сжигали машины, уничтожали скот. В 18 часов разведка 16-й воздушной армии обнаружила в районе Дубовка — Телуша — Савичи скопление пехоты, до 150 танков, более 1 тыс. орудий разных калибров, до 6 тыс. автомашин, 400 тягачей, многочисленные обозы. Боевые группы силами от батальона до двух полков пехоты с 16—18 танками во второй половине дня неоднократно атаковали части 9-го танкового

корпуса в районе Титовки, пытаясь прорваться на север. В 18 часов враг предпринял попытку захватить переправу через Березину. Для этого в районе населенного пункта Бабино он сосредоточил 60—70 танков с пехотой на автомашинах. Но после 30-минутного боя немецкие войска, потеряв до 40 танков и около 50 автомашин, отошли в исходное положение[106].

9-й танковый корпус отражал удары врага самостоятельно, без поддержки стрелковых частей, так как они еще не успели выйти в этот район. С учетом этого командование фронта решило привлечь к уничтожению окруженной группировки авиацию 16-й воздушной армии. В 19 часов в воздух поднялись 526 самолетов. В течение полутора часов расположение противника подвергалось воздействию с воздуха. В результате в местах скопления техники образовались крупные пожары. Горели автомашины, танки, горючее, боеприпасы, на возможных путях выхода возникали пробки и заторы. Немецкие солдаты были охвачены паникой. Их уцелевшие от авиационных ударов разрозненные группы, бросив боевую технику, начали сдаваться в плен[107].

В тот же день соединения 65-й армии освободили г. Осиповичи, который являлся важным железнодорожным узлом, связывавшим железные дороги Бобруйск — Минск и Могилев — Слуцк. К нему также сходились с разных направлений шоссейные дороги. Задачу по овладению городом командующий армией поставил командиру 18-го стрелкового корпуса, который выделил для ее выполнения два передовых отряда на автомашинах от 69-й и 37-й гвардейской стрелковых дивизий.

С наступлением темноты передовой отряд 69-й стрелковой дивизии, состоявший из роты автоматчиков, четырех самоходных артиллерийских установок и отделения саперов, достиг юго-восточной окраины Осиповичей и с ходу ворвался в город. Находившийся в нем вражеский гарнизон, ошеломленный внезапностью и дерзостью удара, в панике начал отход. Вскоре к Осиповичам подошел и передовой отряд 37-й гвардейской стрелковой дивизии, а затем — главные силы обоих соединений с 251-м танковым полком. К утру следующего дня они полностью очистили город от оставшихся мелких групп противника[108].

В целом к исходу 27 июня 3, 48, 65-я армии и Днепровская военная флотилия при интенсивной поддержке авиации 16-й воздушной армии полностью завершили окружение врага в районе Бобруйска и юго-восточнее города. Протяженность района окружения с востока на запад составляла 25—30 км, а с севера на юг — 20—25 км. Внутри него оказались части 296, 6, 383, 45, 36, 134-й пехотных и 20-й танковой дивизий, многочисленные отдельные подразделения, специальные службы и средства усиления общей численностью до 40 тыс. человек[109].

В сложившейся обстановке главная задача войск правого крыла 1-го Белорусского фронта заключалась в том, чтобы осуществить разгром окруженной бобруйской группировки противника до подхода его оперативных резервов и одновременно продолжить преследование врага в направлениях Минска и Слуцка. Исходя из этого, генерал армии К. К. Рокоссовский возложил уничтожение немецких войск юго-восточнее Бобруйска на 48-ю армию, а овладение городом — на 105-й стрелковый корпус 65-й армии. Остальным корпусам этой армии, соединениям 3-й и 28-й армий он приказал развивать наступление на запад и северо-запад с целью дальнейшего рассечения группы армий «Центр».

Блокированная юго-восточнее Бобруйска вражеская группировка в течение ночи и первой половины дня 28 июня предпринимала неоднократные попытки прорыва из окружения. Только левофланговые соединения 3-й армии отразили свыше двадцати атак, предпринятых силами до полка пехоты с танками[110]. При этом лишь небольшой группе противника удалось выйти в леса севернее Думановщины, но там ее вскоре уничтожили части 41-го стрелкового корпуса 3-й армии. Одновременно 42, 29 и 53-й стрелковые корпуса 48-й армии сильными фронтальными ударами рассекли группировку врага и, уничтожая ее по частям, начали продвижение к р. Березина. Потеряв всякую надежду на соединение со своими войсками, немецкие солдаты во главе с офицерами группами по 100—250 человек стали сдаваться в плен[111].

Гарнизон Бобруйска, насчитывавший более 10 тыс. человек, пополнялся за счет прорвавшихся из окружения остатков разгромленных дивизий 35-го армейского и 41-го танкового корпусов. Еще во второй половине дня 27 июня части 1-го гвардейского танкового и 105-го

Немецкая техника, уничтоженная в районе Бобруйска

стрелкового корпусов попытались с ходу овладеть городом, но безуспешно. С утра следующего дня они после перегруппировки продолжили наступление в городских кварталах. В 16 часов отряд врага в количестве более тысячи человек предпринял первую попытку прорваться из окружения, но был атакован с нескольких направлений подразделениями 1-го гвардейского танкового корпуса и полностью уничтожен. К исходу дня соединения 105-го стрелкового корпуса, сменившие танковые части, освободили несколько кварталов на северной, северо-западной и южной окраинах города, а также в районе железнодорожной станции[112].

28 июня генерал К. К. Рокоссовский с целью скорейшего высвобождения войск для развития наступления на запад потребовал от командующего 48-й армией генерала П. Л. Романенко сменить соединения 3-й и 65-й армий «на восточном берегу реки Березина... и... северной, западной и южной окраинах Бобруйска»[113]. Во исполнение этого приказа командарм стал переправлять на кораблях Днепровской военной флотилии 53-й и 29-й стрелковые корпуса на западный берег Березины. Кроме того, бронекатера флотилии высадили в восточной части Бобруйска десант из состава 217-й стрелковой дивизии.

С наступлением темноты немецкое командование сосредоточило крупную группировку в северных и северо-западных кварталах города против 356-й стрелковой дивизии. Получив эти данные, командир 105-го стрелкового корпуса направил в полосу этой дивизии артиллерийские подразделения и гвардейский минометный дивизион. Учитывая городские условия, многие орудия были выставлены для ведения огня прямой наводкой. В 1 час 30 минут 29 июня противник общей численностью 10—15 тыс. человек с 42 танками и штурмовыми орудиями перешел в наступление, основную роль в срыве которого сыграли орудия прямой наводки и реактивные установки, огонь которых заставил врага отойти в исходное положение.

Через полчаса противник вновь нанес удар по 1181-му и 1183-му стрелковым полкам дивизии. Несмотря на плотный артиллерийский и пулеметный огонь, немецкие подразделения рвались вперед. На поле боя, в сплошной темноте, завязывались рукопашные схватки. В течение часа солдаты и офицеры двух полков отражали атаки неприятеля, которому на некоторых участках удалось незначительно вклиниться в глубину обороны и выйти в районы огневых позиций артиллерии[114].

В 4 часа утра передовые части 42-го и 29-го стрелковых корпусов 48-й армии, поддержанные сильным огнем артиллерии и Днепровской военной флотилией, начали переправу через Березину и вступили в бой на восточной окраине Бобруйска. С запада и юга возобновили наступление соединения 105-го стрелкового корпуса. К 8 часам 354-я стрелковая дивизия, уничтожая врага в домах и подвалах, овладела вокзалом и прилегавшими к нему кварталами.

Отражая удары с различных направлений, противник в 8 часов предпринял третью попытку прорыва из окружения в северо-западной части города. Ему удалось образовать брешь в обороне 356-й стрелковой дивизии. Через нее группа немецких солдат и офицеров в количестве 1,5 тыс. человек вдоль западного берега Березины устремилась к Шатково и Осиповичам, но вскоре под воздействием соединений 18-го стрелкового корпуса была уничтожена. Другая группа противника численностью до 8—9 тыс. человек рассеялась в лесных массивах южнее и восточнее населенных пунктов Восход и Сычково, где снова была окружена. Ценой больших потерь вражеской группировке в количестве до 6 тыс. человек в очередной раз удалось прорваться к населенному пункту Октябрь. Здесь ее блокировали 9-й танковый и 46-й стрелковые корпуса, которые уничтожили до 2 тыс. вражеских солдат и офицеров, одновременно пленив 2,5 тыс. человек.

Оставшиеся в Бобруйске группы противника сложили оружие к 10 часам 29 июня в результате совместных действий 105-го и 42-го стрелковых корпусов 65-й и 48-й армий, а также сил Днепровской военной флотилии[115]. По сведениям штабов этих армий, в боях за город они уничтожили свыше 7 тыс. солдат и офицеров, захватили 12 эшелонов с продовольствием, фуражом и снаряжением, свыше 400 артиллерийских орудий, 60 танков и штурмовых орудий, более 500 автомашин, до 2 тыс. человек пленными[116].

В то время когда завершалось уничтожение крупной группировки врага к юго-востоку от Бобруйска и в самом городе, основные силы правого крыла 1-го Белорусского фронта

Вручение комсомольского билета краснофлотцу Н. И. Шмелеву.
Днепровская военная флотилия. Белоруссия, 1944 г.

Группа советских бойцов, первыми ворвавшихся в Бобруйск. Белоруссия, июнь 1944 г.

развивали наступление на северо-запад и запад. Преследуя разрозненные части 9-й немецкой армии, 3-я и 65-я армии во взаимодействии с четырьмя бригадами партизан могилевского соединения далеко отодвинули от окруженного бобруйского гарнизона внешний фронт, увеличили темпы своего продвижения, доведя их до 18—20 км в сутки для стрелковых и до 40 км — для бронетанковых и механизированных войск.

28-я армия во взаимодействии с партизанами полесского и южно-минского соединений прорвала оборону немецких войск на р. Птичь, овладела крупным узлом шоссейных дорог и районным центром — г. Глуск[117]. Одновременно конно-механизированная группа фронта освободила населенные пункты Глуша и Городок, захватила коммуникацию противника Бобруйск — Слуцк, крупный город и железнодорожную станцию Старые Дороги, продвинувшись вперед более чем на 50 км. К 29 июня войска правого крыла 1-го Белорусского фронта на четверо суток ранее намеченного планом операции срока успешно решили ближайшую задачу, поставленную перед ними Ставкой Верховного главнокомандования. В ходе боевых действий они разгромили немецкую 9-ю полевую армию, освободили значительную часть территории Белоруссии, создали благоприятные условия для развития наступления.

В итоге успешного шестидневного наступления войска 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го Белорусских и правого крыла 1-го Белорусского фронтов окружили и уничтожили в районах Витебска, Орши, Могилева и Бобруйска 13 вражеских дивизий. Кроме того, они нанесли серьезный урон в людях и технике двум пехотным и трем танковым дивизиям, переброшенным в Белоруссию с других участков. Оборона врага была прорвана в полосе шириной 520 км, а глубина продвижения советских войск на запад составила 90—150 км. Помимо этого, в результате ударов 3-го и 1-го Белорусских фронтов группировка противника, находившаяся на минском направлении, оказалась глубоко охваченной с севера и юга. Подвижные соединения этих фронтов, действовавшие в районах Борисова и Осиповичей, находились в 100 км от Минска, в то время как осуществлявшие к нему отход главные силы немецкой 4-й армии — в 130—150 км.

Окружение и уничтожение немецких войск восточнее Минска

28 июня Ставка ВГК уточнила задачи фронтам западного направления. 1-му Прибалтийскому фронту она приказала продолжить наступление на полоцком и свенцянском направлениях, овладеть городами Полоцк и Глубокое, надежно обеспечить с севера ударную группировку трех Белорусских фронтов[118]. 3-й Белорусский фронт получил указание форсировать с ходу р. Березина и нанести удар правым крылом на Молодечно. Соединениям его левого крыла была поставлена задача во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта не позднее 7—8 июля овладеть Минском[119]. Одновременно с этим в директиве фронту Ставка ВГК отдельным пунктом отметила, что она «недовольна медленными и нерешительными действиями 5-й гвардейской танковой армии и относит это к плохому руководству ею со стороны товарища Ротмистрова»[120].

Войска 2-го Белорусского фронта получили приказ форсировать с ходу р. Березина и, осуществляя преследование врага, не позднее 7—8 июля овладеть Минском и выйти на правый берег р. Свислочь[121]. Группировка 1-го Белорусского фронта в составе 3-й армии и 1-го гвардейского танкового корпуса имела задачу нанести удар на Минск, а остальные армии и конно-механизированная группа его правого крыла — развивать наступление на барановичском направлении с тем, чтобы перерезать железную дорогу Минск — Барановичи и воспретить отход немецких войск из района Минска[122].

Таким образом, замысел дальнейшего наступления состоял в том, чтобы ударом войск левого крыла 3-го Белорусского фронта, 3-й армии и 1-го гвардейского танкового корпуса 1-го Белорусского фронта по сходящимся на Минск направлениям во взаимодействии со

Строительство переправы через реку перед наступлением на Полоцк. 1-й Прибалтийский фронт, июнь 1944 г.

Бой на улице Полоцка. 1-й Прибалтийский фронт, июль 1944 г.

На улице освобожденного Полоцка

Внешний вид немецких укреплений, захваченных воинами Красной армии. Белоруссия, 1944 г.

2-м Белорусским фронтом завершить окружение, а затем и разгром основных сил немецкой 4-й армии и овладеть Минском. Одновременно с этим войска 1-го Прибалтийского, правого крыла 3-го Белорусского и трех армий 1-го Белорусского фронта, продолжая стремительное продвижение на запад, должны были образовать внешний фронт окружения и уничтожить подходившие резервы противника.

Одним из условий успешного окружения крупной вражеской группировки являлось нарушение взаимодействия между группами армий «Центр» и «Север». Выполнение этой задачи возлагалось на 1-й Прибалтийский фронт, который проводил Полоцкую наступательную операцию. Командующий его войсками генерал армии И. Х. Баграмян решил для овладения Полоцким укрепленным районом привлечь две армии. Он приказал командующему 4-й ударной армией генералу П. Ф. Малышеву вести наступление в обход Полоцка с севера, а командующему 6-й гвардейской армией генералу И. М. Чистякову — с юга и юго-запада, задействовав для этого только часть сил. Основные силы этой армии совместно с 43-й армией генерала А. П. Белобородова предназначались для нанесения ударов на Браслав и Глубокое. Командиру 1-го танкового корпуса было приказано захватить г. Глубокое, после чего оказывать содействие 6-й гвардейской армии[123].

Наступление началось утром 29 июня. В полосе 4-й ударной армии 83-й стрелковый корпус после 40-минутной артиллерийской подготовки нанес удар на полоцком направлении, но продвинуться вперед в течение дня не смог. Сильное сопротивление противника встретили и соединения 6-й гвардейской армии. Относительная неудача двух армий объяснялась тем, что командующий 3-й немецкой танковой армией, стремясь удержать Полоцк, ввел в сражение на подступах к нему дополнительно две дивизии, различные специальные части и подразделения. Всего в районе города к тому времени действовали шесть пехотных дивизий, четыре охранных, шесть саперно-строительных, четыре штрафных батальона и школа унтер-офицеров[124].

Побывав 30 июня на восточных и юго-восточных подступах к Полоцку, генерал И. Х. Баграмян пришел к выводу, что его штурм необходимо провести одновременно с разных сторон, чтобы лишить командование врага возможности осуществления маневра вдоль фронта и последовательного усиления различных участков[125]. Поэтому он приказал генералу И. М. Чистякову привлечь для выполнения этой задачи не менее двух стрелковых корпусов — 22-й и 23-й гвардейские, которые во взаимодействии с 4-й ударной армией должны были овладеть городом к исходу 1 июля.

Утром того же дня соединения 6-й гвардейской и 4-й ударной армий нанесли удары по сходящимся на Полоцк направлениям. До позднего вечера советские войска преодолели от 4 до 20 км, но только в полосе 22-го гвардейского стрелкового корпуса смогли выйти на ближние подступы к городу. На следующий день они ворвались на его восточную окраину[126]. Одновременно Полоцка достигла 51-я гвардейская стрелковая дивизия из состава 23-го гвардейского стрелкового корпуса. Отражая многочисленные контратаки противника, она очистила всю левобережную часть города и в ночь на 3 июля вышла к Западной Двине.

Немецкое командование, опасаясь, что железнодорожный мост будет захвачен наступавшими советскими подразделениями, приказало взорвать его заблаговременно. Деревянный же мост, находившийся южнее вокзала и подготовленный к взрыву, оно стремилось сохранить до последнего момента, так как он позволял поддерживать взаимодействие между группировками в северной и южной частях Полоцка. При подходе 51-й гвардейской стрелковой дивизии к реке разведчики установили, что взрывом повреждены лишь средние пролеты железнодорожного моста, которые частично погрузились в воду. Этим воспользовались подразделения 154-го гвардейского стрелкового полка, стремительно преодолев Западную Двину и захватив небольшой плацдарм. Одновременно подразделения 156-го гвардейского стрелкового полка уничтожили охрану деревянного моста и переправились по нему через реку[127].

В течение ночи на 4 июля на захваченных плацдармах сосредоточились главные силы дивизии, которые с рассветом нанесли удар навстречу 22-му гвардейскому стрелковому

корпусу. Примерно к 6 часам утра крупный узел шоссейных и железных дорог г. Полоцк был очищен от врага[128]. Но из-за того что соединения 4-й ударной армии не успели перерезать пути отхода противника из города, полностью разгромить его полоцкую группировку не удалось. Понесшие серьезные потери 81, 290 и 24-я пехотные дивизии сумели избежать окружения и отошли в северо-западном направлении.

В то время когда соединения правого крыла фронта вели бои за Полоцк, войска его левого крыла развивали наступление на свенцянском направлении. 1 июля части 2-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии при содействии 1-го танкового корпуса освободили г. Германовичи. Через два дня его бригады во взаимодействии с 92-м стрелковым корпусом 43-й армии овладели г. Глубокое. К исходу 4 июля соединения двух армий, преследуя отходившего врага, вышли на рубеж озер Дрывяты и Нарочь, обеспечив тем самым с севера успешное наступление войск 3-го Белорусского фронта. За шесть дней они продвинулись вперед на расстояние от 120 до 140 км со средним темпом 20—25 км в сутки.

Активную поддержку наземным войскам оказывала авиация 3-й воздушной армии, сосредоточив основные усилия штурмовых авиационных соединений на полоцком направлении. Всего за период с 29 июня по 4 июля они осуществили около 5 тыс. самолето-вылетов. Части 11-го истребительного авиационного корпуса и 259-й истребительной авиационной дивизии, прикрывая ударную группировку фронта и обеспечивая боевые действия штурмовиков, совершили 2,9 тыс. самолето-вылетов, в 58 воздушных боях сбили 63 немецких самолета[129].

В результате проведения Полоцкой наступательной операции войска фронта освободили до 5 тыс. населенных пунктов, в том числе города Полоцк, Глубокое, Докшица, Дисна, нанесли противнику значительный урон в людях и боевой технике. Они взяли в плен около 7 тыс. человек, захватили 311 орудий, 83 миномета, 1093 пулемета, 1866 автомашин, склады с различным военным имуществом[130]. Основная задача 1-го Прибалтийского фронта — изолировать группу армий «Центр» — была решена, что способствовало успешному проведению Минской наступательной операции.

К ней привлекались войска 3-го, 2-го Белорусских и правого крыла 1-го Белорусского фронтов. В соответствии с требованиями Ставки ВГК командующий войсками 3-го Белорусского фронта решил главный удар нанести силами 11-й гвардейской и 31-й армий, 5-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского танкового корпуса с задачей в течение 30 июня — 1 июля форсировать Березину и к исходу 2 июля овладеть столицей Белорусской ССР[131]. Для наступления непосредственно на Минск предназначались 5-я гвардейская танковая армия и 31-я армия со 2-м гвардейским танковым корпусом.

На направление другого удара выделялись 5-я армия и конно-механизированная группа. Цель их наступления заключалась в том, чтобы не позднее 30 июня форсировать Березину и 2 июля подвижными соединениями овладеть г. Молодечно[132]. Завершавшая уничтожение витебской группировки врага 39-я армия выводилась во второй эшелон.

Войска фронта приступили к выполнению поставленных задач без оперативной паузы, используя ранее захваченные рубежи. 29 июня передовой отряд 35-й танковой бригады 3-го гвардейского механизированного корпуса совместно с подразделениями 5-й армии захватил мост через Березину в районе населенного пункта Брод. Вскоре к реке в широкой полосе начали выходить главные силы армии. К исходу дня на ее западный берег при помощи партизан, которые обеспечили войска лодками и плотами, переправились четыре стрелковых полка. Одновременно 3-й гвардейский кавалерийский корпус, отразив контратаки 5-й немецкой танковой дивизии, к исходу дня захватил мост в районе населенного пункта Студенка.

Действовавшая на направлении главного удара 5-я гвардейская танковая армия отбросила противника на запад на 40—45 км, вышла на восточный берег Березины и завязала бой на окраинах Борисова. Первым в город через подготовленный к взрыву мост ворвался танк Т-34, возглавляемый лейтенантом П. Н. Раком. После того как противник взорвал мост, экипаж в одиночку в течение 16 часов вел бой на городских улицах. Он уничтожил комендатуру, штаб войсковой части, два танка, зенитную батарею, несколько огневых точек. В неравном бою против вражеских танков отважные воины погибли. За совершенный подвиг лейтенанту

П. Н. Раку, членам его экипажа сержанту А. А. Петряеву и младшему сержанту А. И. Данилову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

На подступах к Бобруйску и в самом городе занимали оборону немецкие 5-я танковая, 78-я штурмовая и 286-я охранная дивизии, боевые группы 95, 14, 299 и 260-й пехотных дивизий. Эта группировка, несмотря на запаздывание соединений 11-й гвардейской и 31-й армий с форсированием Березины, после преодоления реки передовыми частями 3-го гвардейского механизированного корпуса находилась под угрозой флангового удара.

30 июня 5-я армия, вынудив к отходу 391-ю, 201-ю охранные и 299-ю пехотную дивизии, расширила захваченные плацдармы и продвинулась вперед на 8—15 км. В то же время 3-й гвардейский механизированный корпус, продолжая развивать наступление на западном берегу Березины, перерезал шоссе Вилейка — Борисов и создал угрозу не только флангу, но и тылу борисовской группировки врага. После этого генерал И. Д. Черняховский приказал его командиру, а также командующему 5-й армией к исходу 2 июля овладеть Вилейкой и Молодечно[133].

На направлении главного удара фронта в течение 30 июня 11-я гвардейская и 31-я армии завершили выход к Березине. Форсировав ее южнее Борисова, 83-я и 5-я гвардейские стрелковые дивизии 11-й гвардейской армии завязали бои на юго-восточных подступах к городу. Однако 5-я гвардейская танковая армия осталась, по сути, на занимаемых ранее рубежах, сумев переправить через Березину только два мотострелковых батальона.

Более успешно действовал 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного. Под покровом темноты мотострелковые батальоны трех его танковых бригад при поддержке огня артиллерии и танков форсировали реку, заняли плацдарм глубиной до 1,5 км, а также захватили высоководный деревянный мост, который противнику удалось сжечь лишь частично.

На следующий день наиболее успешно действовала 11-я гвардейская армия. Еще ночью ее 83-я и 5-я гвардейские стрелковые дивизии ворвались в Борисов и во взаимодействии с частями 31-й и 5-й гвардейской танковой армий к 8 часам овладели городом. Развивая успех, другие соединения 11-й гвардейской армии форсировали две болотистые реки Гайна и Цна и отбросили врага на 25—30 км к западу от Березины. В результате они оказались на 10—15 км впереди 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и 5-й гвардейской танковой армии, задержавшихся на переправах через реку. Также успешно форсировали Березину к югу от Борисова и дивизии 31-й армии.

В результате трехдневных боев главные силы фронта преодолели Березину во всей полосе наступления и к исходу 1 июля захватили на ее западном берегу оперативный плацдарм глубиной до 35 км, позволявший развернуть крупную ударную группировку.

После форсирования Березины открылась возможность развивать наступление на правом крыле на Молодечно и на левом — на Минск. В связи с этим Военный совет фронта 1 июля издал обращение, в котором указывалось: «Противник понес крупное поражение и не располагает в данное время свежими и сколько-нибудь крупными резервами; личный состав войск противника деморализован. Сейчас мы имеем все возможности превратить достигнутый успех в окончательный разгром немецко-фашистских войск на нашем направлении. Для этого надо резко повысить темп наступления, немедленно достигнуть большей стремительности в действиях войск. Мы должны, не давая врагу опомниться, неустанно наносить ошеломляющие удары, проявлять больше дерзости, настойчивости и смекалки в преследовании и разгроме врага»[134].

Потеряв оборонительный рубеж на Березине, немецкие войска совершали отход, все более обнажая фланг и тыл своей группировки, действовавшей против 2-го Белорусского фронта. Пытаясь избежать полного разгрома группы армий «Центр», командование противника начало переброску из Польши и Восточной Пруссии в район Минска охранных и полицейских полков, принимало меры к усилению обороны в Минском укрепленном районе. Придавая огромное значение железной дороге Минск — Молодечно как важнейшей коммуникации, оно к 3 июля сосредоточило в районе Молодечно 17-ю пехотную дивизию, перегруппированную из полосы группы армий «Север». Однако все прибывавшие резервы

Советские танки с десантом проходят через город Борисов

Советские воины-девушки среди освобожденных от врага жителей белорусского села. Район г. Борисова, 1944 г.

вводились в сражение разновременно, отдельными группами и не могли решительно повлиять на изменение оперативной обстановки.

2 июля соединения и части 3-го гвардейского механизированного корпуса переправились через р. Вилия, прорвались к железнодорожной магистрали Минск — Вильнюс и овладели г. Красное. Перерезав пути сообщения врага из Минска в Вильнюс и Лиду, они изолировали с северо-запада его минскую группировку. Развивая успех, передовые отряды корпуса, преодолев свыше 70 км, к исходу дня достигли рубежа Нарочь — Мицкевичи[135]. В то же время соединения и части 5-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского танкового корпуса вышли в районы Острошицкого Городка и Смолевичей, то есть на ближние подступы к Минску, где занимали оборону остатки 78, 256, 260-й пехотных и 5-й танковой дивизий, а также 2, 24, 25 и 26-й полицейские полки.

Утром 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус с передовыми отрядами, выделенными от стрелковых дивизий 31-й армии, завязал бои на северо-восточной и восточной окраинах города. Преодолев противодействие двух пехотных полков, поддержанных танками и штурмовыми орудиями, их подразделения к 7 часам 30 минутам прорвались в центр Минска. Через два часа части 2-го гвардейского танкового корпуса, 31-й и 5-й гвардейской танковой армий в ходе совместных действий полностью освободили столицу БССР от захватчиков[136]. В тот же день 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта достиг южной и юго-восточной окраин города. В результате было завершено окружение отходивших в полосе 2-го Белорусского фронта главных сил 4-й армии и остатков разгромленных дивизий 3-й танковой и 9-й армий противника. Одновременно с выходом соединений 5-й, 11-й гвардейской, 31-й и 5-й гвардейской танковой армий на рубеж Городище — Вилейка — Радошковичи — Заславль началось создание внешнего фронта окружения[137]. К исходу дня расстояние между ним и окруженной группировкой врага составляло 50 км[138].

В то время когда войска 3-го Белорусского фронта охватывали вражескую группировку с севера и запада, армии 2-го Белорусского фронта (генерал-полковник Г. Ф. Захаров) осуществляли ее фронтальное преследование. В соответствии с задачами, поставленными Ставкой 28 июня, армии фронта продолжали наступление и к исходу 30 июня вышли к Березине. Генерал Захаров потребовал: «Впереди каждой армии на удалении 30–50 км иметь сильные армейские подвижные отряды. Задача отрядов — вести дальнюю разведку, захватывать важные рубежи, переправы через реки, расчищать дороги от небольших групп противника»[139]. Их предназначение заключалось в том, чтобы уже к вечеру 29 июня, то есть на сутки ранее главных сил, не только выйти к Березине, но и захватить плацдармы на ее противоположном берегу.

29–30 июня войска фронта продолжали теснить врага, ликвидируя отдельные узлы его сопротивления и разрозненные группы. В полосе наступления 49-й армии 153-я стрелковая дивизия 69-го стрелкового корпуса, используя лесные дороги, преодолела за двое суток около 60 км, вышла к Березине в районе населенного пункта Березино, с ходу форсировала реку и захватила плацдарм на ее западном берегу[140]. Несмотря на то что остальные передовые отряды такую же задачу не выполнили, для немецкой 4-й армии начала складываться кризисная обстановка. Ведь к тому времени войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов уже обошли ее с флангов и полностью нарушили взаимодействие с соседними армейскими объединениями. Для того чтобы избежать окружения 4-й армии, командование группы армий «Центр» отдало приказ о ее отходе на Березину.

33, 49 и 50-я армии в течение 1 июля не смогли упредить противника в выходе на выгодный оборонительный рубеж по р. Березина и с ходу преодолеть его. К исходу дня они захватили лишь несколько небольших плацдармов. Понадобилось еще двое суток, чтобы ударные группы всех трех армий развернули боевые действия на западном берегу реки. К вечеру 3 июля они продвинулись на запад от Березины на 25–40 км, а передовые части 50-й армии достигли юго-восточной окраины Минска[141].

Действия наземных войск поддерживала авиация 4-й воздушной армии, которая наносила удары по колоннам немецких войск и их окруженным группировкам. Максимальную

активность она проявляла над шоссе Могилев — Минск, которое почти на всем своем протяжении проходило по лесисто-болотистой местности. Штурмовая авиация создавала на участках шоссе заторы, а затем громила противника рядом последовательных ударов. При этом командующий 4-й воздушной армией предоставил командирам штурмовых авиационных дивизий полную самостоятельность в выборе объектов воздействия.

В период с 29 июня по 4 июля войска 2-го Белорусского фронта, преследуя врага, продвинулись с боями по труднодоступной местности на 150 км, форсировали реки Друть и Березина, взяли в плен более 3 тыс. человек, захватили большое количество военной техники и имущества, окружили совместно с 3-м и 1-м Белорусскими фронтами крупную вражескую группировку восточнее Минска.

28 июня Ставка уточнила задачу 1-му Белорусскому фронту, который охватывал 4-ю немецкую армию с юга и запада, — нанести удары в направлениях Минска и Барановичей. Противостоявший его войскам неприятель продолжал отход, стремясь закрепиться на промежуточных рубежах. На минском направлении действовали остатки 14, 12, 337, 57, 260-й пехотных и 286-й охранной дивизий. В полосе от Гродзянки до Жерновки отходили 36, 35, 296, 283-я пехотные и 20-я танковая дивизии, а также спецподразделения и части усиления 9-й армии. На рубеже Жерновка — Веселово пытались организовать оборону полки подошедшей 12-й танковой дивизии, а также остатки 134, 383, 45, 6 и 707-й пехотных дивизий. На барановичском направлении враг оказывал сопротивление разрозненными частями 35-й пехотной и 20-й танковой дивизий. Сюда, кроме того, сосредоточивались 4-я танковая дивизия и 4-я венгерская кавалерийская бригада, а также отдельные подразделения из состава 286-й и 6-й пехотных дивизий, военная школа 9-й армии, 1009-й охранный батальон и различные тыловые учреждения, ранее дислоцировавшиеся в Слуцке. В оперативной глубине, в Барановичах, находилась 52-я охранная дивизия особого назначения, составлявшая резерв группы армий «Центр»[142].

К исходу 30 июня полоса наступления правого крыла фронта увеличилась с 240 до 350 км. В условиях, когда немецкие войска действовали на разобщенных направлениях, объединения и соединения фронта рассредоточивали свои усилия для решения множества самых разнообразных задач: ведения преследования, уничтожения окруженных групп и отражения их ударов, прочесывания местности, обеспечения коммуникаций и т. п. В результате этого в 3-й армии в первом эшелоне находилось всего пять дивизий из тринадцати, в 65-й — три из девяти и в 28-й армии — четыре из девяти. К тому же отрыв войск от баз снабжения составлял около 300 км, и они испытывали острую нужду в боеприпасах и горючем.

Для выполнения поставленной задачи командующий войсками 1-го Белорусского фронта решил нанести два удара: первый — на минском направлении силами 3-й и 48-й армий с 1-м гвардейским и 9-м танковыми корпусами с задачей во взаимодействии с войсками 3-го и 2-го Белорусских фронтов овладеть Минском; второй — на барановичском направлении силами конно-механизированной группы, 65-й и 28-й армий с задачей овладеть районом Барановичей и перерезать пути отхода минской группировки врага.

Непосредственно на Минск вели наступление танковые корпуса во взаимодействии со стрелковыми соединениями 3-й армии. 48-я армия, действуя в направлении Пуховичи — Негорелое, обеспечивала эту группировку с юга и юго-запада. На Барановичи главный удар наносили 1-й механизированный корпус и 28-я армия, а 4-й гвардейский кавалерийский корпус и 65-я армия обеспечивали ударную группировку с севера.

На минском направлении части 1-го гвардейского танкового корпуса, продолжив наступление, 1 июля в ходе ночной атаки овладели г. Талька[143]. На следующий день они, преследуя противника, ворвались в г. Марьина Горка, с ходу форсировали р. Свислочь и совместно с 82-й стрелковой дивизией 46-го стрелкового корпуса освободили г. Пуховичи[144]. Одновременно 9-й танковый корпус очистил от врага г. Валерьяны, но из-за перебоев в снабжении боевых машин горюче-смазочными материалами вынужден был приостановить продвижение к Минску.

В полосе 3-й армии 35-й стрелковый корпус 1 июля овладел районным центром г. Червень, а на другой день установил взаимодействие с 50-й армией 2-го Белорусского фронта. К исходу

2 июля дивизии 3-й армии, части 1-го гвардейского и 9-го танковых корпусов находились в 50—55 км к югу и юго-востоку от Минска. К тому времени они завершили уничтожение отдельных групп немецких войск, прорвавшихся из Бобруйска на север, захватили важные узлы дорог на основных магистралях Могилев — Минск, Бобруйск — Минск и Слуцк — Минск.

Одновременно к Минску с северо-востока подходили танковые части 3-го Белорусского фронта. В результате создалась обстановка, при которой от 1-го Белорусского фронта требовалось как можно скорее прорваться к городу с юга, а после его освобождения совместно с войсками 3-го Белорусского фронта завершить окружение минской группировки противника. Эту задачу успешно решил 1-й гвардейский танковый корпус, который 3 июля вышел к юго-восточной окраине Минска, где установил взаимодействие с частями 2-го гвардейского танкового корпуса. Во второй половине дня сюда же подошли соединения 3-й армии. Окружение крупной группировки немецких войск завершилось.

В то время как соединения 3-й армии совместно с подвижными войсками осуществляли окружение минской группировки врага, 65-я, 28-я армии и конно-механизированная группа продолжали наступление в общем направлении на Слуцк, на подступах к которому поспешно занимали оборону до двух полков с танками из состава немецких 35-й и 102-й пехотных дивизий. Уже к исходу 29 июня кавалерийские соединения конно-механизированной группы подошли к городу[145]. Генерал Плиев приказал 30-й кавалерийской дивизии нанести удар по противнику с севера, а командиру 9-й гвардейской кавалерийской дивизии — с юга. С востока атаковать город должны были подразделения 1-го механизированного корпуса. Под покровом темноты кавалерийские части, спешившись, заняли исходное положение для атаки. Вражеские войска непрерывно освещали местность ракетами, вели интенсивный пулеметный и минометный огонь. Усилила свою деятельность и немецкая авиация. Одиночные самолеты обстреливали дороги, подвергли бомбардировке города Осиповичи, Старые Дороги и Глуск.

На рассвете 30 июня после огневого удара артиллерии соединения 4-го гвардейского кавалерийского корпуса начали штурм Слуцка. Сильными фланговыми ударами они прорвали оборону противника и устремились к центру города. Одновременно в город ворвались танки 219-й танковой бригады. В 8 часов немецкие подразделения при поддержке огня артиллерии контратаковали 9-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию и потеснили ее с занимаемого рубежа. На помощь кавалеристам выдвинулся артиллерийский полк 15-й стрелковой дивизии 18-го стрелкового корпуса. Первыми же выстрелами прямой наводкой он повредил и уничтожил несколько танков, а также обратил в бегство вражескую пехоту. Вскоре с северо-востока в Слуцк ворвалась 35-я мотострелковая бригада 1-го механизированного корпуса, а с юга его обошли части 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии. К 11 часам противник прекратил безнадежное сопротивление[146].

После овладения Слуцком войска правого крыла фронта приступили к преследованию врага на барановичском направлении. Особенно успешно действовал 4-й гвардейский кавалерийский корпус, который выходом в район Столбцы — Мир — Городзей перерезал пути отхода минской группировки противника на Барановичи. Используя успех корпуса, соединения 65-й армии к исходу 2 июля продвинулись вперед на 36—40 км с темпом наступления 18—20 км в сутки.

Не совсем удачно действовал 1-й механизированный корпус, который за два дня наступления преодолел только 20—30 км. Его части наносили фронтальные удары по прикрывавшим отдельные направления немецким подразделениям, слабо использовали их открытые фланги и разрывы в боевых порядках. Это помешало корпусу оторваться от стрелковых соединений и развить наступление в направлении Барановичей. Действуя в полосе шириной 40 км, он распылил усилия и не реализовал свои ударные и маневренные возможности. Его продвижение вперед осложнялось также отсутствием инженерных средств обеспечения движения. Только около полудня 2 июля штаб фронта придал корпусу 21-й гвардейский инженерно-саперный батальон[147].

28-я армия во взаимодействии с 1-м механизированным корпусом, в течение 1—2 июля преодолела полосу сильно заболоченной местности и продвинулась вперед на 30—32 км. В це-

лом войска правого крыла фронта за два дня преследования противника на барановичском направлении добились значительных результатов. Они перерезали основные коммуникации его минской группировки к юго-западу и западу от города и тем самым предрешили успешное окружение и последующее уничтожение последней. Однако на темпах наступления армий и отдельных соединений по-прежнему отрицательно сказывались трудности в материально-техническом обеспечении боевых действий. Так, в 28-й армии армейский склад горючего находился на удалении 250 км от дивизий первого эшелона, а расстояние от ближайшей железнодорожной станции Останковичи до них составляло более 200 км[148].

Стремясь высвободить подвижные соединения для безотлагательного решения их главной задачи — овладения Барановичами, командующий войсками фронта 3 июля уточнил задачи 48, 65 и 28-й армиям. Если ранее 48-я и 65-я армии вели наступление на северо-запад, то теперь они были нацелены на запад. Однако в течение дня ни они, ни 1-й механизированный корпус свои задачи не выполнили. Танковые бригады этого корпуса по-прежнему действовали на разобщенных направлениях, на линии стрелковых соединений.

4 июля на барановичском направлении ожесточенные бои вели 4-й гвардейский кавалерийский, 1-й механизированный корпуса и соединения 28-й армии. Немецкое командование продолжало усиливать группировку в районе Барановичей за счет маневра частей 1-й венгерской кавалерийской дивизии, 4-й и 12-й танковых дивизий, а также восстановления боеспособности остатков пехотных дивизий, 183-го и 630-го охранных полков. Оказывая сильное противодействие подвижным войскам фронта, враг вновь сорвал выполнение ими задачи по овладению городом.

Успешным наступлением на Бобруйск и Слуцк войска правого крыла фронта создали условия для проведения наступательной операции на пинском направлении силами 61-й армии и Днепровской военной флотилии во взаимодействии с полесским и пинским партизанскими соединениями. Цель их действий заключалась в том, чтобы привлечь к себе внимание противника, занимавшего оборону по рекам Припять, Ствига, Горынь, Стырь, и резко ограничить возможности его маневра на барановичское направление.

29 июня перед рассветом 2-я бригада речных катеров Днепровской военной флотилии вошла в р. Припять и высадила тактические десанты из состава 55-й стрелковой дивизии в районе населенных пунктов Круковичи, Белки, а на другой день — в районе г. Петриков. Разгромив немецкий гарнизон, они освободили город, а к исходу 4 июля овладели важным железнодорожным узлом Старушки и г. Копцевичи[149].

Одновременно 23-я стрелковая дивизия, перейдя в наступление, форсировала р. Ствигу, захватила плацдарм на ней и успешно отразила все контратаки врага. Однако дальнейшее продвижение этого соединения, а также левофланговых 397, 415 и 212-й стрелковых дивизий армии неприятель задержал сильным артиллерийско-минометным огнем. Из-за недостатка сил и средств наступление развития не получило.

Партизанские формирования в период с 29 июня по 4 июля во взаимодействии с войсками фронта участвовали в захвате ряда городов и населенных пунктов. Они обеспечивали советские части и подразделения проводниками и разведывательными данными о группировках и рубежах обороны немецких войск, оказывали помощь в восстановлении мостов и переправ на реках Ольса, Березина, Птичь, Свислочь, Случь и других, осуществляли диверсии в тылу врага на его основных коммуникациях. Так, например, за этот период на железнодорожных линиях от Барановичей в сторону Осиповичей, Минска, Лиды, Волковыска, Бреста и Лунинца было произведено 34 крушения поездов с боевой техникой, боеприпасами и продовольствием. Кроме того, партизаны наносили удары по отходившим частям противника, его штабам и тыловым учреждениям, уничтожали автотранспорт и обозы, подрывали мосты на шоссейных и грунтовых дорогах, спасали население от истребления, а деревни и города — от разрушения и сожжения.

В целом к исходу 4 июля войска правого крыла 1-го Белорусского фронта успешно выполнили задачу, поставленную Ставкой Верховного главнокомандования. Совместно с войсками 3-го и 2-го Белорусских фронтов и во взаимодействии с партизанскими соединениями

Танковые и стрелковые части Красной армии ведут бой с противником
на подступах к Минску. 1944 г.

Советские воины в освобожденном Минске. Июль 1944 г.

Воины Красной армии водружают знамя у Дома правительства в Минске. 3 июля 1944 г.

Генерал-лейтенант авиации Белицкий во время беседы с детьми Минска в день освобождения. 1944 г.

они окружили минскую группировку врага, а частью сил вышли к заранее подготовленному рубежу его обороны по рекам Уша, Веджманка, Щара и на ближайшие подступы к крупному узлу сопротивления — г. Барановичи.

Таким образом, итогом первого этапа Белорусской наступательной операции стал, по сути, разгром основных сил немецкой группы армий «Центр». Оборона противника, столь тщательно подготовленная и казавшаяся германскому командованию незыблемой, была прорвана в полосе шириной 400 км. За двенадцать дней наступления войска 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го Белорусских и правого крыла 1-го Белорусского фронтов продвинулись вперед на глубину 225—280 км и освободили более половины территории Белорусской ССР вместе с ее столицей г. Минском. Форсирование же советскими войсками р. Березина означало потерю врагом в Белоруссии почти всех заблаговременно подготовленных оборонительных рубежей.

Попытки главного командования вермахта закрыть образовавшуюся брешь за счет переброски сюда резервов с других участков восточного фронта, а также из Германии и ряда стран Западной Европы не привели к сколько-нибудь ощутимому результату и не внесли перелома в ход вооруженной борьбы. Для фронтов западного направления создались благоприятные условия для непрерывного преследования противника и одновременно уничтожения его окруженных восточнее Минска соединений.

К исходу 4 июля окруженные немецкие войска (соединения и части 12, 27 и 35-го армейских, 39-го и 41-го танковых корпусов 4-й и 9-й армий) действовали в двух группировках: одна из них находилась в лесах восточнее и северо-восточнее Волмы, другая сосредоточилась в лесном массиве севернее и северо-западнее Гребенки. Они пытались осуществить прорыва в обход Минска с севера и юга в общем направлении на Барановичи. В ночь на 5 июля транспортная авиация сбросила окруженным частям боеприпасы и продовольствие. После этого созданные из остатков дивизий боевые группы численностью от 500 до 2 тыс. человек под прикрытием авангардов и боевого охранения начали выдвижение в западном и юго-западном направлениях.

В соответствии с решением Ставки задача по ликвидации окруженного противника возлагалась на 2-й Белорусский фронт. Для этого были выделены соединения 33-й и часть сил 50-й армий. Остальные соединения 50-й армии совместно с 49-й армией продолжали развивать наступление на запад. 5—6 июля они пресекли попытки немецких войск вырваться из окружения, нанеся им наиболее ощутимый урон в районе Пекалин — Волма — Апчак. В районе Смиловичей соединения 49-й армии разгромили группу противника численностью около 2 тыс. солдат и офицеров с 10 орудиями. Ее остатки во главе с командиром 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенантом Х. Траутом сдались в плен[150]. На первом допросе он сообщил: «Окруженные войска ощущали острую нехватку горючего и боеприпасов. Немецкие самолеты сбросили в нашем районе небольшое количество горючего, но это не улучшило положения. Большой надежды на помощь извне или снабжение группировки с воздуха у нас не было. Считая, что пробиться можно лишь небольшими группами, я приказал своим офицерам составить группы и действовать самостоятельно. Со мной была группа в 130 человек... В ночь на 6 июля мы двинулись в южном направлении при свете луны, но заблудились и сбились с намеченного маршрута. Около 5—6 часов утра мы неожиданно натолкнулись на русские части и, будучи окруженными, сдались в плен»[151].

Группа генерала В. Мюллера в течение 6 июля наносила удар в направлении Гатово, однако прорваться из окружения в полном составе не смогла. Выдвинутые со стороны Минска советские войска отбросили ее назад. Но около 800 человек все-таки переправились через р. Птичь, после чего их уничтожил подвижный отряд 50-й армии. На следующий день такая же участь постигла и другую группу, насчитывавшую до тысячи человек.

Несмотря на то что противник утратил единство управления, его изолированные группы различной численности не оставляли попыток самостоятельного прорыва из окружения. 7 июля в районе Синело — Михановичи — Волма войска фронта взяли в плен и уничтожили до 3,5 тыс., а юго-восточнее Самохваловичей — около 5 тыс. солдат и офицеров врага. В тот же день 38-й и 113-й стрелковые корпуса отразили удары двух его отрядов, насчитывавших по

Минометчики ведут огонь по противнику в районе Барановичей. 1944 г.

Советские воины проходят по улицам освобожденного города Барановичи

Генерал Мюллер подписывает акт о капитуляции немецких войск в Минском котле. Минская область, 1944 г.

7–8 тыс. человек каждый[152]. 8 июля немецкие войска попытались прорваться на север, через полосу действий 33-й армии. Для этого остатки 14, 31, 267-й пехотных и 25-й моторизованной дивизий сосредоточились в лесах южнее Смолевичей и начали выдвижение через автостраду Москва — Минск. В течение двух дней соединения армии, взаимодействуя с партизанами, полностью ликвидировали эту группировку.

В районе юго-западнее Дзержинска 8 июля ввиду безнадежности сопротивления сложили оружие более 3 тыс. немецких солдат и офицеров, в том числе исполнявший должность командующего 4-й армией генерал В. Мюллер[153]. На командном пункте командира 121-го стрелкового корпуса он признал: «Наше положение стало невыносимым. Мы оказались изолированными и несли огромные потери. Тысячи солдат были ранены. Их оставляли без всякого сожаления, не имея возможности оказать помощь. Все голодали»[154].

Договорившись об условиях капитуляции, генерал В. Мюллер отдал приказ: «Солдаты 4-й армии восточнее реки Птичь! После многонедельных тяжелых боев наше положение стало безнадежным... Наша боеспособность снизилась до минимума, у нас нет надежд на снабжение. Русские силы, согласно сообщению Верховного Главнокомандования, находятся у Барановичи. Переправы через реки для нас закрыты без надежд на завоевание их нашими силами и средствами. Мы имеем огромные потери ранеными, разбежавшимися. Русское командование обязалось: а) взять на себя заботу о раненых, б) оставить офицерам холодное оружие и награды, солдатам — награды. От нас требуют, чтобы все оружие и снаряжение было собрано и сдано в хорошем состоянии. Конец бессмысленному кровопролитию! Я приказываю поэтому: приостановить с настоящего момента военные действия. Повсюду должны

быть созданы, под руководством офицеров, группы от 100 до 500 человек. Раненые должны примыкать к этим группам»[155].

Однако не все командиры немецких соединений и частей приняли этот приказ к безоговорочному исполнению, надеясь самостоятельно прорваться на запад. В связи с этим генерал Захаров приказал командующему 49-й армией к исходу 11 июля завершить уничтожение остатков окруженной группировки противника. Для этого в состав армии передавались из резерва фронта 307-я и 343-я стрелковые дивизии, а также 38-й стрелковый корпус 50-й армии.

Каждая дивизия подготовила по девять подвижных отрядов, из расчета три отряда на каждый стрелковый полк. Они предназначались для того, чтобы перехватить пути отхода немецких войск. Для ведения воздушной разведки стрелковым соединениям придавалось по звену самолетов. Главные силы дивизий двигались на основных направлениях в колоннах, в готовности поддержать действия подвижных отрядов. В период с 9 по 13 июля 49-я армия уничтожала разрозненные группы противника и производила прочесывание местности. Так, части 38-го стрелкового корпуса ликвидировали группу численностью до 2 тыс. человек во главе с командиром 260-й пехотной дивизии. 324-я стрелковая дивизия разгромила такую же группу, которую возглавлял командир 45-й пехотной дивизии. 10 июля сдались в плен командир 27-го армейского корпуса со своим штабом.

Действенную помощь наземным войскам в уничтожении разрозненных немецких частей и подразделений оказала авиация 4-й воздушной армии. Ночные бомбардировщики одиночными самолетами и парами вели днем разведку и наводили советские войска на врага. Штурмовики действовали группами по 6—8 самолетов, а иногда парами с высот 600—800 м и до бреющего полета, производя по 4—6 заходов на цель. Всего для уничтожения окруженной неприятельской группировки авиация произвела 809 самолето-вылетов.

С 5 по 13 июля были разгромлены: управления 12, 27, 35-го армейских, 39-го и 41-го танковых корпусов; остатки 78-й и 246-й штурмовых, 6, 12, 14, 31, 36, 45, 57, 110, 134, 216, 256, 260, 267, 296, 337, 383-й пехотных, 18, 25, 60-й моторизованных, 20-й танковой, 286-й и 707-й охранных, 18-й и 10-й зенитных артиллерийских дивизий; 5-го отдельного танкового батальона и 501-го танкового батальона «Тигр»; 990-го тяжелого артиллерийского дивизиона РГК и 430-го артиллерийского дивизиона; 667-й бригады штурмовых орудий; 742-го истребительного противотанкового дивизиона; 571-го инженерного и 753-го саперного батальонов; 96-го охранного железнодорожного полка. По данным штабов 2-го Белорусского фронта и его армий, были уничтожены 72 500 солдат и офицеров врага, 950 орудий и минометов, свыше 1,5 тыс. автомашин. 35 743 немецких солдата и офицера оказались в плену, в том числе три командира корпуса и шесть командиров дивизий. Войска фронта захватили 550 орудий и минометов, 900 автомашин, множество складов военного снаряжения и других материально-технических средств[156].

Боевые действия на территории Латвии и Литвы

В результате разгрома основных сил группы армий «Центр» и выхода на линию Полоцк — Браслав — Молодечно — Несвиж армейские объединения 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го Белорусских и правого крыла 1-го Белорусского фронтов фактически не имели перед собой сплошных оборонительных рубежей противника. Исходя из общей благоприятной обстановки, Ставка ВГК приняла решение уничтожить выдвигавшиеся резервы врага и выйти к западным границам СССР. Для этого планировалось: силами 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов нанести удар в Прибалтике с целью освобождения Латвии, Литвы и отсечения группы армий «Север» от остальных группировок вермахта; силами 2-го и 1-го Белорусских фронтов вести наступление на варшавском направлении с целью полного изгнания немецких войск из Белоруссии и переноса военных действий на территорию

Польши. В соответствии с этим 4 июля фронтам западного направления были поставлены новые задачи[157]. Одновременно с учетом особенностей выполнения каждой из них Ставка ВГК уточнила полосы наступления фронтов, а также осуществила перераспределение сил и средств между ними[158].

К 5 июля в полосе обороны группы армий «Центр» оказывали сопротивление лишь отдельные сводные формирования и вводимые в сражение по мере прибытия резервы. Осознав, что борьба за Белоруссию полностью проиграна, немецкое командование пыталось не допустить изоляции группы армий «Север» в Прибалтике, а также подготовить оборону по рубежу р. Неман, на котором остановить наступление Красной армии. Кроме того, оно обоснованно опасалось ее продвижения к Балтийскому морю. На совещании у Гитлера 9 июля главнокомандующий военно-морскими силами Германии гросс-адмирал К. Дениц указывал на важность сохранения военно-морских баз на нем с точки зрения оперативной обстановки и интересов военной экономики. «Господство на море важно как для решения исхода войны, так и для строительства новых подводных лодок... — отмечал он. — Однако если противник прорвется дальше на юг (Литва, Восточная Пруссия) к Балтийскому морю, то позиция на Финском заливе, включая и острова на Балтийском море, потеряет для германского командования свое значение, так как в этом случае противник будет угрожать перевозкам... и выводить из строя базы подготовки кадров подводного флота. Поэтому предотвращение прорыва русских к Балтийскому морю становится основной проблемой, решению которой должны быть подчинены все другие»[159].

Для того чтобы не допустить выхода советских войск к побережью Балтики, занимавшая на территории Литвы и Латвии оборону 16-я полевая армия была усилена 11 пехотными дивизиями. Кроме того, для срыва наступления Белорусских фронтов в полосе между Даугавпилсом и Брестом туда перебрасывались пять дивизий из группы армий «Север», четыре дивизии из группы армий «Северная Украина» и две дивизии из группы армий «Южная Украина». Из Норвегии, Германии, Польши и Венгрии также перебрасывались три дивизии, пехотная и кавалерийская бригады, различные части усиления.

Противник придавал особое значение обороне городов Даугавпилс, Вильнюс, Каунас, Гродно, Белосток, Барановичи, Брест и других, так как их удержанием он рассчитывал распылить силы фронтов западного направления и не допустить их на территорию Германии. Каждый из этих городов был хорошо подготовлен к круговой обороне в инженерном отношении, имел крупные гарнизоны, обеспеченные боеприпасами, продовольствием и другими видами материальных средств.

В ходе второго этапа операции «Багратион» советские войска провели Шяуляйскую, Вильнюсско-Каунасскую, Белостокскую и Люблин-Брестскую наступательные операции. Первая из них осуществлялась войсками 1-го Прибалтийского фронта, который в начале июля 1944 г. вышел на подступы к Даугавпилсу и Свенцянам, заняв выгодное охватывающее положение по отношению к группе армий «Север». В связи с этим перед фронтом открывались широкие перспективы: разгромить во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом противника, оккупировавшего Литву; перерезать коммуникации, связывавшие группу армий «Север» с Восточной Пруссией, а затем совместными усилиями трех Прибалтийских фронтов ликвидировать вражескую группировку в Латвии и Эстонии.

Немецкое командование уделяло удержанию Прибалтики исключительное значение. Поэтому в восточной ее части, перед 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами, противник заблаговременно подготовил несколько эшелонированных в глубину, развитых в инженерном отношении оборонительных рубежей. В южной же части Прибалтики, на смежных крыльях групп армий «Центр» и «Север», его положение было менее устойчивым. Здесь действовали разрозненные соединения и части 3-й танковой армии, боевые возможности которых к тому времени резко снизились в результате сильных ударов, которым они подвергались с 23 июня.

Генерал армии И. Х. Баграмян полагал, что для достижения наиболее весомого результата целесообразно нанести главный удар на рижском направлении с целью разгрома южного крыла группы армий «Север», войска которого, занимая рубеж по р. Западная Двина, создавали

угрозу растянувшемуся на восток правому крылу 1-го Прибалтийского фронта. Другой удар планировалось нанести на шяуляйском направлении с тем, чтобы содействовать успешному наступлению трех Белорусских фронтов к границам Восточной Пруссии и Польши[160].

Однако в Ставке сложившаяся обстановка оценивалась несколько по-иному. Там считали, что группа армий «Север», находясь под постоянным воздействием 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, не сможет оказать сильного сопротивления 1-му Прибалтийскому фронту и помешать продвижению его войск. Поэтому Ставка ВГК приказала нанести главный удар в общем направлении на Свенцяны — Каунас и 10—12 июля овладеть Даугавпилсом, Новыми Свенцянами, Пабраде. В дальнейшем фронту надлежало главными силами наступать на Каунас, а частью сил — на Паневежис и Шяуляй[161].

Фронту предстояло вести наступление в весьма неблагоприятных условиях. Ширина полосы его наступления увеличилась до 200 км, а боевые возможности объединения при этом не возросли, а наоборот, уменьшились. Причины этого заключались в том, что находившаяся в первом эшелоне фронта 4-я ударная армия решением Верховного главнокомандования исключалась из его состава[162]. В то же время 39-я армия, передаваемая из 3-го Белорусского фронта, могла быть введена в сражение в лучшем случае через пять-шесть суток[163]. Прибытие же поступавших из резерва Ставки ВГК 2-й гвардейской и 51-й армий предполагалось и вовсе не ранее середины июля. Следовательно, немедленно приступить к выполнению поставленных задач могли только 6-я гвардейская и 43-я армии, имевшие непосредственное соприкосновение с противником.

В противоположность этому немецкое командование усилило группировку своих войск в районе Даугавпилса. Оно перебросило сюда из состава группы армий «Север» четыре пехотные, охранную дивизии, бригаду штурмовых орудий, четыре пехотных полка, до семи охранных, саперных и штрафных батальонов. Кроме того, еще две пехотные дивизии совершали марш в этот район. Подготовке противником обороны способствовали и условия местности, прежде всего межозерные дефиле, окаймляющие Даугавпилс с востока, юга и юго-запада.

Командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта генерал Баграмян решил 6-й гвардейской армией нанести удар на Даугавпилс, а 43-й армией — на Свенцяны. 39-й армии он приказал к 7 июля сосредоточиться севернее озера Нарочь в готовности к вводу в сражение в общем направлении на Укмерге. В резерв фронта выделялся 1-й танковый корпус, в котором из 196 танков 45 требовали ремонта[164]. Его предполагалось использовать на даугавпилсском направлении. Фактически к выполнению задач на первом этапе новой наступательной операции могли приступить лишь пять стрелковых корпусов (два — 6-й гвардейской, а три — 43-й армии), действовавших к тому же в очень широких полосах. Положение усугублялось также тем, что они, ввиду недостатка автотранспорта и значительного отрыва от баз снабжения, испытывали острый недостаток в боеприпасах и особенно в горючем.

Наступление 6-й гвардейской армии на даугавпилсском и 43-й армии на свенцянском направлениях началось 5 июля. При этом для успешного выполнения задачи по захвату Даугавпилса требовалось не только преодолеть межозерные дефиле, но и очистить от противника весь южный берег р. Западная Двина с тем, чтобы упредить его оперативные резервы в маневре на подступы к городу.

5—7 июля 6-я гвардейская армия медленно продвигалась вперед и ощутимых результатов не добилась. Ее и без того ограниченные силы были рассредоточены в полосе шириной 160 км, а промежутки между стрелковыми корпусами и дивизиями достигали 40 км. К тому же в связи с перебоями в снабжении горючим активность авиации 3-й воздушной армии фронта резко снизилась. Так, 6 июля она произвела всего 103 самолето-вылета, в то время как немецкая авиация — почти в 2,5 раза больше[165]. Становилось очевидным, что в сложившейся обстановке наступление на избранном направлении утрачивало всяческие перспективы.

В связи с этим командующий 6-й гвардейской армией решил осуществить перегруппировку сил и средств и перенести главный удар на направление Опса — Даугавпилс. 9 июля части 103-го и 22-го гвардейского стрелковых корпусов атаковали врага на новом направлении, но снова безрезультатно. Относительный успех наметился лишь на левом фланге ударной

группировки армии, где начал действовать 2-й гвардейский стрелковый корпус. Здесь было решено ввести в сражение подошедший 23-й гвардейский стрелковый корпус, с помощью которого предполагалось завершить прорыв вражеской обороны и выйти к Даугавпилсу с юга. Однако и этот замысел реализовать не удалось. В период с 13 по 15 июля корпус продвинулся вперед всего на 4—5 км и освободил крупный населенный пункт Смолвы. Но все попытки развить наступление не имели успеха. Овладеть Даугавпилсом соединения 6-й гвардейской армии не смогли.

Противник, используя для обороны межозерные дефиле, артиллерийским огнем и контратаками силами от батальона до полка при поддержке танков и авиации не только удержал занимаемые рубежи, но и выиграл время для маневра резервами на угрожаемое направление. Только против 103-го и 22-го гвардейского стрелковых корпусов он ввел в сражение кроме ранее действовавших соединений также 215-ю пехотную, 81-ю и 388-ю учебные дивизии, 3-й и 5-й латышские пехотные полки, 226-ю штурмовую бригаду, а также ряд других частей и подразделений. Напротив, советские войска, понеся серьезные потери в ходе предыдущего наступления, не могли создать необходимого превосходства над врагом и нарастить силу своих ударов.

В то же время на левом крыле фронта они достигли несравненно большего успеха. Здесь с утра 5 июля 43-я армия, возобновив преследование противника на свенцянско-шяуляйском направлении, за три дня продвинулась на 45—65 км, овладела городом и станцией Свенцяны и перерезала железную дорогу Даугавпилс — Вильнюс. Но быстрое продвижение на этом направлении привело к увеличению разрыва между смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армий, поставив их под угрозу контрударов немецких войск. Выдвинув сюда одну стрелковую дивизию, генерал И. Х. Баграмян приказал командующему 43-й армией генералу А. П. Белобородову частью сил нанести удар вдоль шоссе на Даугавпилс, в тыл противнику, сдерживавшему наступление 6-й гвардейской армии. С этой целью в оперативное подчинение командующего 43-й армией поступил 1-й танковый корпус[166].

Этот корпус, совершая маневр для совместного с 43-й армией удара на Даугавпилс, в районе местечка Видзы вступил в соприкосновение с отходившими немецкими частями, которые перешли к круговой обороне. В течение 8 и 9 июля танковые бригады, несмотря на категорические указания командующего войсками фронта ускорить выход на даугавпилсское направление, вели фронтальные бои с врагом до полной его ликвидации. Потеря времени привела к тому, что командование противника получило возможность выдвинуть в полосу наступления 43-й армии 58-ю пехотную дивизию, которая остановила продвижение ее соединений к Даугавпилсу.

9 июля в сражение на левом крыле фронта начали вводиться передовые части, а на следующий день — главные силы 39-й армии. В течение 10—12 июля соединения 43-й и 39-й армий, отражая многочисленные контратаки врага, продвинулись вперед еще на 28—45 км. Однако отставание 6-й гвардейской армии ставило в невыгодное положение теперь уже всю ударную группировку фронта. Немецкое командование, опасаясь ее прорыва к Балтийскому морю в направлении Митава — Рига и окружения группы армий «Север», сосредоточило в районе Даугавпилса до восьми пехотных дивизий, четыре отдельных полка, до трех бригад штурмовых орудий и до семи батальонов различного назначения[167].

Для того чтобы устранить угрозу удара противника, И. Х. Баграмян изменил задачу 43-й армии и приказал ей главными силами развивать наступление на Даугавпилс и во взаимодействии с 6-й гвардейской армией овладеть им, а частью сил продолжать преследование врага в направлении Паневежиса. Но и после этого перелом в ходе боевых действий не наступил. Обе армии, введя в сражение все имевшиеся резервы, по сути, утратили наступательный потенциал.

В результате первого этапа Шяуляйской операции войска 1-го Прибалтийского фронта продвинулись правым крылом на 40—50 км, а левым — на 100—140 км и находились восточнее Паневежиса. О серьезности сложившегося здесь для противника положения свидетельствует доклад командующего группой армий «Север» А. Гитлеру. Он отмечал, что в случае, если советские войска начнут в ближайшее время наступление с целью обхода его 16-й армии с юга, противопоставить ему будет практически нечего[168].

Бои на территории Литвы. 1944 г.

Но полностью выполнить поставленные Верховным главнокомандованием задачи фронт не смог. Основные причины этого заключались в возросшем сопротивлении немецких войск, резком снижении активности советской авиации из-за недостатка аэродромов, больших потерях в людях и технике, трудностях в материально-техническом обеспечении боевых действий. Тем не менее сохранялась возможность продолжить наступление на Паневежис и Шяуляй, а также нанести удар на рижском направлении с целью изоляции группы армий «Север» от остальных сил вермахта на восточном фронте. Для достижения этой цели Ставка передала 39-ю армию в занимаемой полосе в 3-й Белорусский фронт, одновременно включив в состав 1-го Прибалтийского фронта 3-й гвардейский механизированный корпус[169]. Помимо этого, она потребовала ускорить выдвижение из своего резерва 2-й гвардейской и 51-й армий, а также усилила 3-ю воздушную армию одним бомбардировочным авиационным корпусом и одной отдельной бомбардировочной авиационной дивизией[170].

Главный удар планировалось нанести на шяуляйском направлении. Именно сюда генерал И. Х. Баграмян направил прибывавшие в полосу фронта резервные армии. При этом 51-я армия генерала Я. Г. Крейзера должна была сменить 43-ю армию и высвободить ее для удара на Даугавпилс. Левее 43-й армии занимала полосу наступления 2-я гвардейская армия генерала П. Г. Чанчибадзе. Для развития их успеха предназначался 3-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерал-лейтенанта В. Т. Обухова. Всего на направлении главного удара развертывалось более половины стрелковых, свыше 60% танковых соединений и до 50% артиллерии фронта, что позволяло создать значительное превосходство над врагом[171].

В то время когда 51-я и 2-я гвардейская армии выходили в свои полосы, 6-я гвардейская и 43-я армии после небольшой паузы продолжили наступление на даугавпилсском направлении. С утра 22 июля 2, 22 и 23-й гвардейские стрелковые корпуса 6-й гвардейской армии нанесли удар на Даугавпилс с юга. Однако это не стало неожиданностью для немецкого командования. Оно своевременно сосредоточило здесь все резервы и часть сил с других, менее активных участков. Положение соединений армии чрезвычайно осложнялось из-за нехватки снарядов и мин, а также слабой авиационной поддержки. Отражая контратаки врага, они медленно продвигались на север, преодолевая с тяжелыми боями каждый километр. За два дня глубина вклинения стрелковых корпусов составила всего 8—12 км.

В полосе 43-й армии противник 22 июля нанес сильный контрудар. В течение суток армия отражала наступление моторизованной дивизии СС «Нордланд», 58-й и 225-й пехотных дивизий, усиленных 393-й бригадой штурмовых орудий. Они пытались отбросить части 92-го и 1-го стрелковых корпусов, освободить железную дорогу Даугавпилс — Паневежис и устранить угрозу г. Шяуляй. В то же время, используя ослабление вражеских группировок на ряде участков, соединения 103-го стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии и 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта прорвались к Даугавпилсу с юго-востока, а также обошли его с севера. В течение 27 июля они завершили разгром немецкого гарнизона и освободили город.

Иначе развивались события в полосе действий главной ударной группировки фронта. Здесь дивизии 51-й и 2-й гвардейской армий, продолжая преследовать отходившие части противника, к исходу 25 июля продвинулись на запад до 80 км, вышли в район западнее Паневежиса и создали благоприятные условия для обхода правого фланга 16-й немецкой армии, прикрывавшей с востока и юга Даугавпилс и Ригу. В сложившейся обстановке командующий войсками фронта решил, используя подвижные соединения, развить достигнутый успех и овладеть Шяуляем. Главная роль в выполнении этой задачи отводилась 3-му гвардейскому механизированному корпусу, которому приказывалось выйти в район города и перерезать железную дорогу на Ригу[172]. Выполняя поставленную задачу, корпус обогнал стрелковые части западнее Паневежиса и, уничтожая на своем пути небольшие группы врага, устремился вперед. Его передовые отряды в течение 26 июля продвинулись более чем на 90 км и охватили Шяуляй с северо-запада и юго-востока.

Непосредственно в городе занимали оборону подразделения 640-го учебного полка, 388-й учебной дивизии, 677-го охранного батальона и 43-го зенитного артиллерийского полка[173]. С утра 27 июля одновременно со штурмом Шяуляя с востока части 3-го гвардейского меха-

Пехота идет мимо немецких позиций под Даугавпилсом. 1944 г.

низированного корпуса обошли его с юго-запада и отрезали пути отхода немецких войск. К 9 часам утра они захватили аэродром противника на юго-западной окраине города, а к середине дня перерезали шоссе Шяуляй — Кельмы. Контратаки врага, предпринятые из района Мешкуйчая, не увенчались успехом. Их отразила 9-я гвардейская механизированная бригада под командованием полковника С. В. Стародубцева совместно с подошедшими стрелковыми дивизиями 51-й армии. К исходу дня они окончательно сломили сопротивление вражеского гарнизона[174].

В течение 26 и 27 июля определенных успехов достигли и правофланговые соединения 2-й гвардейской армии, которые преодолели от 20 до 40 км. Но на левом фланге продвижение замедлилось. Здесь каунасская группировка противника сосредоточивала силы для нанесения удара с целью выхода в тыл 51-й армии и 3-му гвардейскому механизированному корпусу, действовавшим на шяуляйском направлении. Глубокое вклинение ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта на этом направлении при одновременном отставании соседних фронтов ставило ее открытые фланги в опасное положение.

Обстановка настоятельно требовала повернуть главные силы фронта против угрожавшей ему 16-й немецкой армии с тем, чтобы ударом на север, в общем направлении на Ригу, отбросить ее за Западную Двину и создать таким образом благоприятные условия для разгрома группы армий «Север» 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами. Руководствуясь такими соображениями, генерал И. Х. Баграмян решил продолжить продвижение на запад в районе Шяуляя и южнее города только 2-й гвардейской армией, а остальными силами постепенно осуществить маневр на рижское направление. При этом 51-й армии и 3-му гвардейскому механизированному корпусу он поставил задачу выйти к побережью Рижского залива, а 6-й гвардейской и 43-й армиям — к Западной Двине. Это решение утвердил представитель Ставки маршал А. М. Василевский, а 28 июля оно было оформлено ее директивой, согласно которой фронту приказывалось после овладения Шяуляем главный удар нанести на Ригу, а вспомогательный — на Мемель[175].

Выполнение поставленных задач было сопряжено со значительными трудностями, так как противник нарастил свои усилия в обороне, а войска 1-го Прибалтийского фронта в ходе предшествовавшего наступления понесли большие потери и вследствие растяжки путей подвоза испытывали недостаток в боеприпасах и горючем. Кроме того, немецкое командование, учитывая серьезную опасность, нависшую над группой армий «Север» в Прибалтике, сосредоточивало в районах населенных пунктов Василишки и Рокишкис резервы, чтобы ударом по сходящимся на Паневежис направлениям отрезать вырвавшуюся вперед группировку фронта и уничтожить ее.

В период с 28 по 31 июля на правом крыле фронта, где наступление на даугавпилсско-рижском направлении вели 6-я гвардейская и 43-я армии, достичь ощутимых результатов не удалось. Несмотря на то что первая из них с тяжелыми боями продвинулась вперед на 60 км, она не смогла разгромить вражескую группировку, а лишь потеснила ее с занимаемых рубежей. Что касается 43-й армии, то после овладения 29 июля важным узлом коммуникаций противника Биржаем она подверглась сильному контрудару немецких войск и остановилась на достигнутом рубеже. К исходу 31 июля только ее левофланговые соединения на отдельных участках прорвались к р. Мемеле.

Основные события в последних числах июля развернулись на елгава-рижском направлении. По решению командующего войсками фронта задача по овладению Елгавой — вторым по величине после Риги городом Латвийской ССР — возлагалась на 3-й гвардейский механизированный корпус, вслед за которым должны были продвигаться стрелковые соединения 51-й армии[176]. Командир корпуса для захвата города с ходу выделил передовой отряд в составе 9-й гвардейской механизированной бригады. Разведывательные подразделения отряда, быстро продвигаясь вдоль шоссе Шяуляй — Елгава, ворвались в г. Ионишкис и, используя внезапность, в короткие сроки очистили его от врага.

Однако на подступах к Елгаве немецкое командование успело организовать оборону. Оно срочно перегруппировало сюда 388-ю пехотную и 281-ю охранную дивизии, 15-ю латышскую учебно-полевую бригаду, 281-ю отдельную танковую роту, два бронепоезда, три минометные батареи[177]. Гарнизон самого города, состоявший не только из войск СС, но и различных подразделений, вплоть до рабочих батальонов, был усилен танками. С правого берега р. Лиелупе его поддерживала своим огнем артиллерия.

В 4 часа 30 июля 3-й гвардейский механизированный корпус при поддержке подошедших стрелковых соединений возобновил наступление, нанеся фронтальный удар по Елгаве. Но только на следующий день советские войска смогли ворваться в город. Бои за его полное освобождение продолжались более суток и завершились 1 августа[178]. В то же время, воспользовавшись наличием промежутков в обороне немецких войск, передовые отряды корпуса обошли Елгаву с флангов. Его 8-я механизированная бригада, совершив 60-километровый марш по вражеским тылам, с ходу овладела г. Тукумс и выдвинулась в район Клапкалнса на побережье Рижского залива[179]. В результате этого оказалась перерезанной последняя приморская дорога, соединявшая группу армий «Север» с Восточной Пруссией. Одновременно в район Добеле был выслан отряд от 35-й гвардейской танковой бригады[180].

Советские танки с десантом во время атаки

Саперы наводят переправу через реку

В то время когда войска фронта прорывались к Рижскому заливу, на его левом крыле, в полосе наступления 2-й гвардейской армии, создалась довольно напряженная обстановка. С утра 28 июля вражеская группировка в составе 7-й танковой дивизии, боевых групп «Вертхерн» и «Зоннер» нанесла контрудар в районе юго-западнее Шяуляя. Она вынудила соединения правого фланга и центра армии перейти к обороне. Для их усиления генерал И. Х. Баграмян выдвинул 1-й танковый корпус, а также передал в оперативное подчинение командующего армией 20-ю артиллерийскую дивизию резерва Верховного главнокомандования. В результате трехдневных атак враг, потеряв половину танков и не добившись ни на одном участке ощутимых успехов, начал отводить свои части в исходное положение.

В целом за 25 дней наступления в июле войска 1-го Прибалтийского фронта преодолели с боями от 100 до 300 км на правом и левом крыльях и свыше 400 км в центре. Прорвавшись к началу августа к побережью Рижского залива, они вышли на ближайшие подступы к Риге и на дальние подступы к важнейшим военно-морским базам немецкого флота на Балтийском море — Лиепае и Мемелю. Группа армий «Север» временно оказалась отрезанной от остальных сухопутных войск вермахта.

Глубоко вклинившаяся юго-западнее Риги группировка фронта привлекла к себе крупные силы противника. Для отражения ее наступления немецкое командование перебросило с других направлений свыше 11 дивизий. Все это позволило врагу не только упорно обороняться, но и наносить один за другим сильные контрудары. Этим обусловливались большие потери фронта в людях: они составили 67 608 человек, из них 14 856 человек безвозвратно[181].

Тяжелое положение, создавшееся для немецких войск в Прибалтике, заставляло командование вермахта принимать меры по восстановлению сухопутных коммуникаций группы армий «Север» с Восточной Пруссией. С этой целью противник в течение августа предпринял несколько сильных контрударов против войск 1-го Прибалтийского фронта. Первый из них был нанесен из района северо-западнее Биржая в направлении Паневежиса силами шести пехотных дивизий при поддержке до 100 танков против 43-й армии.

К началу августа врагу удалось создать в ее полосе трех-четырехкратное превосходство в людях, артиллерии и танках. 2 августа ударная группировка немецкой 16-й армии перешла в наступление и к исходу дня продвинулась на юг на 10—12 км. Она обошла с флангов 357-ю стрелковую дивизию и отрезала ее от главных сил. Для отражения вражеского контрудара командование фронта привлекло прибывший из резерва Ставки ВГК 19-й танковый корпус, которому к концу дня удалось локализовать вклинение немецкой пехоты и танков.

С утра 3 августа противник возобновил свои попытки захватить Биржай, предприняв в течение дня более двадцати атак. Овладев, в конце концов, городом, он создал угрозу прорыва на Паневежис[182]. Однако стрелковые и танковые части 43-й армии и 19-го танкового корпуса при поддержке истребительной противотанковой артиллерии, упорно обороняя узлы дорог, дефиле и населенные пункты, остановили дальнейшее продвижение врага. После этого 6-я гвардейская и 43-я армии возобновили наступление и в течение двух дней разгромили ударную группировку немецкой 16-й армии, отбросили ее остатки за р. Мемеле и захватили на ней небольшие плацдармы[183].

Контрудары и контратаки, предпринимаемые вражеским командованием сравнительно ограниченными силами, не могли устранить серьезную угрозу для группы армий «Север» со стороны вышедшей в район Шяуляя и на побережье Рижского залива группировки 1-го Прибалтийского фронта. Для ее разгрома требовалось привлечь силы и средства с других направлений восточного фронта. К середине августа противнику за счет стабилизации положения на ряде участков и перегруппировок удалось развернуть северо-западнее и западнее Шяуляя до семи танковых и трех пехотных дивизий. Они были объединены под командованием управлений 39-го и 40-го танковых корпусов, поступивших в оперативное подчинение 3-й танковой армии группы армий «Центр».

40-й танковый корпус (группа «Таураген») в составе 7-й и 14-й танковых дивизий, танковой дивизии «Великая Германия» и 548-й пехотной дивизии наносил удар на Шяуляй с запада и юго-запада (из района Кельме). Его ближайшая задача заключалась в том, чтобы

овладеть Шяуляем, в последующем развить наступление в северо-восточном направлении и во взаимодействии с 39-м танковым корпусом овладеть Елгавой. Этот корпус (группа «Либава») объединил в своем составе 4, 5 и 12-ю танковые дивизии, танковую группу «Штрахвиц» и пехотные части общей численностью до двух дивизий.

Советская разведка своевременно установила намерения вражеского командования. По указанию Ставки действовавшая на левом крыле 2-го Прибалтийского фронта 4-я ударная армия еще 5 августа вошла в состав 1-го Прибалтийского фронта и быстро осуществила маневр в его полосу, на левый берег Западной Двины. Это позволило генералу И. Х. Баграмяну уплотнить боевые порядки войск в полосах 51-й и 2-й гвардейской армий на направлениях предполагаемых ударов противника.

В 14 часов 16 августа после артиллерийской и авиационной подготовки враг перешел в наступление в полосе 2-й гвардейской армии, нанеся удар на Шяуляй силами до полка пехоты и 60 танков из состава танковой дивизии «Великая Германия». Действовавшие здесь соединения 11-го гвардейского стрелкового корпуса, сосредоточив основные усилия в обороне вдоль шоссе Кельме — Шяуляй, отразили несколько атак и сумели остановить продвижение противника[184]. На следующий день он возобновил наступление. В полосе 32-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й батальон 85-го гвардейского стрелкового полка атаковали 35 танков и пехота на бронетранспортерах, поддержанные авиацией. На участке 8-й роты противник прорвался в расположение одного из взводов, который после гибели командира возглавил старший сержант Е. М. Гребенюк. Под его руководством подразделение уничтожило три танка и до 30 немецких солдат и офицеров. В критический момент боя, когда во взводе в живых осталось всего шесть человек, старший сержант, обвязав себя гранатами, бросился под вражеский танк и ценой собственной жизни уничтожил его. 24 марта 1945 г. Е. М. Гребенюку посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Не менее напряженная обстановка сложилась и в районе обороны 2-го батальона 85-го гвардейского стрелкового полка. Немецкие танки вышли ему в тыл, но их распространение остановили две пушечные батареи противотанкового резерва дивизии, который возглавлял майор Н. Сахаров. В ходе боя артиллеристы уничтожили 20 танков противника и не допустили его продвижения в направлении Шяуляя[185].

17 августа враг нанес удар и по ослабленному в предыдущих боях и занимавшему оборону в широкой полосе 54-му стрелковому корпусу. Преодолев его сопротивление, противник в течение ночи на 18 августа форсировал р. Вента и к рассвету овладел районом Куршеная. Нарастив силу удара, немецкие войска к исходу дня продвинулись до 12 км и создали угрозу захвата Шяуляя[186]. Чтобы остановить наступление врага, генерал армии И. Х. Баграмян приказал выдвинуть в район города артиллерийские части и 1-й танковый корпус из резерва фронта. Сюда также направлялась вошедшая в его состав 5-я гвардейская танковая армия, но она на момент ввода в сражение имела всего 17 танков и около 20 бронеавтомобилей[187]. Поэтому для борьбы с бронеобъектами врага наряду с противотанковыми орудиями привлекалась и артиллерия крупных калибров, выставленная для стрельбы прямой наводкой.

На елгавском направлении немецкие войска нанесли удар по соединениям левого фланга 51-й армии. Действуя в полосе шириной 180 км, она не смогла создать высокой плотности сил и средств, достаточной для удержания оборонительных рубежей. Это обстоятельство позволило неприятелю, который только в первом эшелоне развернул до 180 танков, вклиниться в оборону в районе Жагаре на 10–12 км. Для локализации его вклинения сюда совершили маневр части 3-го гвардейского механизированного корпуса и артиллерия, в том числе крупных калибров.

Не добившись успеха под Шяуляем и Жагаре, враг 20 августа нанес удар при поддержке огня корабельной артиллерии на Тукумс с запада и севера. Части 1-го гвардейского стрелкового корпуса из состава 51-й армии, занимавшие оборону в широкой полосе, не смогли отразить наступление немецких войск, которые обошли и окружили Тукумс. Нарастить усилия гарнизона города было нечем. 21 августа его части осуществили прорыв из окружения и отошли на рубеж Елгава — северо-западнее Добеле — Ауце.

К тому времени противник возобновил атаки под Шяуляем. Ударами с севера и юга ему удалось срезать выступ, занимаемый советскими войсками в районе Куртовян, и создать угрозу захвата города с запада. Однако своевременный маневр фронтовых резервов заставил немецкое командование 22 августа отказаться от прорыва обороны соединений 2-й гвардейской армии. В тот же день они сами перешли в наступление и отбросили вражескую группировку на 10—12 км западнее Шяуляя[188]. Положение сторон стабилизировалось здесь до конца августа 1944 г.

После того как попытка немецких войск прорваться на Елгаву через Шяуляй была сорвана, командование противника перенесло свои усилия в район Ауце, перегруппировав сюда 14-ю танковую дивизию и танковую дивизию «Великая Германия». Одновременно враг возобновил попытки прорваться к Елгаве через Жагаре. Для обороны елгавского направления привлекались главные силы 51-й и правого фланга 2-й гвардейской армий, а также 3-й гвардейский механизированный, 1-й и 19-й танковые корпуса. 23 августа ударная группировка противника перешла в наступление, но, вклинившись в глубину обороны всего на 2—3 км, остановилась из-за больших потерь в людях и боевой технике. Уже во второй половине дня последовал ответный удар подвижных соединений 1-го Прибалтийского фронта из районов севернее Жагаре и юго-восточнее Круопяя, которые отбросили немецкие войска на 4—5 км. В последующие два дня они еще предпринимали попытки возобновить наступление, но в итоге окончательно отказались от него.

В то время как войска левого крыла фронта отражали контрудары врага в районах западнее и северо-западнее Шяуляя, армии его правого крыла продолжали развивать наступление вдоль левого берега Западной Двины на Ригу. В течение августа они продвинулись в северо-западном направлении на 70—80 км. Однако достигнутые в июле — августе результаты не удалось полностью закрепить. Противник в ходе сильных контрударов оттеснил группировку фронта, вышедшую к Рижскому заливу, и образовал 30-километровый коридор в районе Тукумса. Тем самым он восстановил сухопутные коммуникации группы армий «Север» и улучшил для себя обстановку в Прибалтике. И все же войска 1-го Прибалтийского фронта, закрепившись к 26 августа на достигнутых рубежах, сохранили за собой выгодное положение для проведения наступательных операций на рижском и мемельском направлениях.

Не менее сложная обстановка в июле — августе складывалась и в полосе 3-го Белорусского фронта, войска которого проводили Вильнюсско-Каунасскую наступательную операцию. Еще в ходе первого этапа операции «Багратион» они, окружив во взаимодействии с другими объединениями крупную немецкую группировку в районе Минска, овладели железнодорожными узлами Сморгонь и Молодечно, после чего продолжили преследование врага в западном и северо-западном направлениях. На направлении наступления фронта совершали отход либо пытались закрепиться на поспешно создаваемых рубежах 221-я, 170-я пехотные и 5-я танковая дивизии, боевые группы «Заускен», «Верген», «Готберг», «Мюллер», отдельные охранные и полицейские полки и батальоны[189].

Введя в сражение немногочисленные оперативные резервы, немецкое командование почти не располагало реальными возможностями для наращивания своей группировки. Лишь на железнодорожном узле Лида 5 июля начала выгружаться прибывавшая с территории Украины 7-я танковая дивизия. Вплоть до р. Неман у противника имелся только один заранее подготовленный оборонительный рубеж, проходивший по западному берегу р. Ошмянка и далее по линии Жупраны — Богданув — Вишнев. Для его занятия спешно выдвигались 707-я охранная дивизия, а также отдельные части из Польши и Восточной Пруссии.

В соответствии с директивой Ставки ВГК № 220126 от 4 июля 1944 г. фронту предстояло без оперативной паузы в боевых действиях продолжить наступление, для чего нанести главный удар в направлении Молодечно — Вильнюс. Его ближайшая задача заключалась в том, чтобы не позднее 10—12 июля овладеть Вильнюсом и Лидой. В дальнейшем предусматривались выход на р. Неман и захват плацдармов на ее западном берегу[190].

К началу новой операции в составе фронта действовали: 5-я, 11-я гвардейская и 31-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 3-й гвардейский механизированный, 3-й гвардейский

кавалерийский и 2-й гвардейский танковый корпуса. Из 2-го Белорусского фронта ему была передана 33-я армия, но она вплоть до 9 июля оказалась задействованной для ликвидации окруженной минской группировки врага[191]. Всего во фронте насчитывалось более 300 тыс. солдат и офицеров, свыше 7,8 тыс. орудий и минометов и более 700 танков[192]. На фронтовых и армейских складах имелись необходимые запасы материально-технических средств, однако передовые соединения и части ввиду значительного отрыва от баз снабжения испытывали недостаток в боеприпасах и горючем.

Командующий войсками фронта генерал И. Д. Черняховский решил главный удар нанести на правом крыле (на вильнюсском направлении) силами 5-й армии, 5-й гвардейской танковой армии и 3-го гвардейского механизированного корпуса. При этом он приказал подвижным соединениям уже к исходу 6 июля с ходу овладеть Вильнюсом. В центре, на алитусском направлении, действовала 11-я гвардейская армия, имевшая задачу форсировать Неман и захватить плацдармы на его западном берегу. Находившиеся на левом крыле 31-я армия и 3-й гвардейский кавалерийский корпус должны были к утру 7 июля освободить железнодорожный узел Лида.

На направлении главного удара соединения 5-й армии в течение 5–6 июля с ходу форсировали р. Вилия к северу от Сморгони и преодолели участок оборонительного рубежа «Остваль», продвинувшись вперед на 55 км. Действовавший в ее полосе 3-й гвардейский механизированный корпус, форсировав 6 июля р. Ошмянка, по трем маршрутам начал стремительное продвижение к Вильнюсу, к 9 часам 7 июля достиг города и завязал бой на его восточной и юго-восточной окраинах[193].

Удержанию Вильнюса, политического центра и важнейшего узла сопротивления на подступах к Восточной Пруссии, командование противника придавало особое значение. Оно отводило к нему соединения и части из состава 3-й танковой армии (остатки 14, 170, 24, 83 и 299-й пехотных дивизий, 1065-го и 1067-го гренадерских полков, 9-го полицейского полка СС). Кроме того, в городе находились многочисленные охранные, учебные и строительные подразделения, а также маршевые батальоны, сформированные из отпускников. 7 июля в Вильнюсе сосредоточилась 761-я горнострелковая бригада, а на следующий день из Берлина на самолете прибыл назначенный комендантом города генерал-лейтенант Р. Штахель с приказом удержать его любой ценой или умереть[194]. Всего в составе вильнюсского гарнизона врага насчитывалось до 15 тыс. человек, 270 орудий разных калибров, около 40 танков и штурмовых орудий[195].

На ближайших подступах к городу и его окраинах были отрыты траншеи, оборудованы укрытия, огневые позиции артиллерийских и минометных батарей, установлены минные поля, а все кирпичные здания, подвалы и другие прочные сооружения приспособлены к обороне. Городские кварталы в целом представляли собой опорные пункты, которые занимали пехотные подразделения с орудиями и танками.

8 июля в район Вильнюса вышли соединения 5-й армии, которые во взаимодействии с 3-м гвардейским механизированным корпусом и подошедшей с юго-востока 5-й гвардейской танковой армией с 7 часов также начали уличные бои за город, одновременно обойдя его с севера и юго-запада[196]. В результате к исходу дня советские войска перерезали железные дороги, идущие из Вильнюса на Каунас, Гродно, Лиду, и охватили вильнюсский гарнизон противника с трех сторон.

Сложившаяся обстановка вынуждала командование немецкой 3-й танковой армии принимать меры для того, чтобы не допустить изоляции своих войск в районе Вильнюса. С этой целью в ночь на 9 июля из Каунаса в район Мейшаголы (25 км северо-западнее Вильнюса) прибыла переброшенная из Германии боевая группа «Вертхерн», насчитывавшая до 120 танков и штурмовых орудий. В течение дня она наносила удары с задачей прорваться к Вильнюсу с северо-запада. С запада к городу выдвигался 16-й авиадесантный полк 2-й воздушно-десантной дивизии, а на станции Ландворово осуществила выгрузку боевая группа «Тольсдорф».

Для того чтобы нанести поражение выдвигавшимся к Вильнюсу резервам врага требовалось срочно осуществить перегруппировку на правом крыле фронта. Генерал И. Д. Черняхов-

ский принял решение использовать для разгрома мейшагольской группировки противника 3-й гвардейский механизированный корпус и главные силы 5-й армии[197]. Для уничтожения вильнюсского гарнизона оставлялись только две ее дивизии. Одновременно он приказал вывести соединения 5-й гвардейской танковой армии из Вильнюса и развивать ими наступление на алитусском направлении.

Накануне штурма советское командование предложило немецким войскам в городе сложить оружие. «Вы окружены большими силами Красной Армии, — говорилось в его ультиматуме. — Ваши разбитые и расчлененные части беспорядочно отступают. Вы находитесь в нашем глубоком тылу, о прорыве нечего и думать. Все дороги к отступлению отрезаны. Мы гарантируем всему гарнизону Вильнюса, если он сдастся в плен, жизнь, а раненым и больным — немедленную врачебную помощь. Если вы будете сопротивляться, то будете уничтожены. Высылайте парламентеров с белым флагом для переговоров»[198].

Вместо этого командование группы армий «Север» предприняло попытку помочь окруженной группировке с воздуха. В конце дня над городом появились десятки самолетов Ю-52, с которых выбрасывались контейнеры с боеприпасами, продовольствием и горючим. Но подавляющее количество грузов приземлилось в занятых советскими частями кварталах. В результате и эта попытка не облегчила положения вильнюсского гарнизона. Его остатки укрылись в районе обсерватории и цитадели старой крепости, расположенных на командных высотах.

Командующий 5-й армией вновь выдвинул блокированным войскам ультиматум: «Несмотря на мои предложения, вы продолжаете бессмысленное сопротивление, в результате чего только за один день 12 июля потеряли в городе 1468 человек убитыми и 679 пленными... Напоминаю, что вы находитесь в глубоком тылу Красной Армии. Вам нечего рассчитывать на помощь. Последний раз предлагаю прекратить сопротивление и сложить оружие»[199]. Когда и этот ультиматум был отклонен, в воздух поднялась авиация 1-й воздушной армии, которая нанесла два массированных удара, произведя свыше 200 самолето-вылетов.

Однако, как показали последующие события, сил, выделенных для уничтожения противника в Вильнюсе, оказалось недостаточно. С 4 до 7 часов 13 июля его группа общей численностью до 3 тыс. человек прорвала окружение в районе обсерватории и через западную часть города вышла в леса юго-восточнее Рыконты. Здесь она соединилась с частями боевой группы «Тольсдорф». Но все дальнейшие попытки врага прорваться из Вильнюса пресекли части 65-го стрелкового корпуса 5-й армии. К 17 часам они завершили освобождение столицы Литовской ССР от захватчиков[200]. По данным полевых управлений 5-й армии и 3-го Белорусского фронта, в боях непосредственно за Вильнюс были уничтожены свыше 7 тыс. немецких солдат и офицеров, 121 орудие, 11 танков, 900 автомашин; захвачены свыше 5,2 тыс. пленных, 156 орудий, 28 танков, 1100 автомашин, 153 склада с военным имуществом и другие трофеи[201].

В то время как дивизии 65-го стрелкового корпуса 5-й армии вели борьбу с вильнюсским гарнизоном врага, главные силы правого крыла фронта наносили удары с целью развития наступления на запад. 11 июля 72-й и 45-й стрелковые корпуса во взаимодействии с частями 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии овладели населенными пунктами Мейшагола и Ландворово, окружив боевую группу «Тольсдорф» (подразделения 12-й танковой дивизии, 16-го полицейского полка, 1088-го гренадерского пехотного полка, 16-го авиадесантного полка). На следующий день стрелковые соединения 5-й армии продвинулись вперед еще на 10—12 км и захватили важный узел дорог Евье.

Для деблокирования боевой группы «Тольсдорф» и прорвавшейся к ней части сил вильнюсского гарнизона командование немецкой 3-й танковой армии 13 июля создало контрударную группировку в составе 6-й танковой дивизии, батальона танков «Пантера» из танковой дивизии «Великая Германия», 500-го парашютного егерского батальона СС и двух рот 16-го авиадесантного полка. Нанеся удар в направлении Евье — Рыконты — Ландворово, она потеснила 277-ю стрелковую дивизию и установила взаимодействие со своими войсками.

Танк старшего лейтенанта М. Носова. 1-й Прибалтийский фронт, 1944 г.

Немецкие пленные, захваченные в ходе боев

С целью ликвидации прорыва противника под основание его вклинения нанесли удар 72-й стрелковый корпус 5-й армии и 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. В течение 13—14 июля они вновь овладели Евье, отбросили немецкую группировку из района Рыконты, охватили ее с трех сторон и в ночь на 15 июля почти полностью уничтожили[202]. Немецкие войска потеряли убитыми и пленными около 1,5 тыс. человек, 46 танков и штурмовых орудий, 13 бронетранспортеров, один бронепоезд, другое вооружение и военное имущество.

В ходе семидневных боев с 7 по 13 июля армии правого крыла фронта разгромили вильнюсскую группировку врага, отбросили его на 50—60 км к западу от города и ликвидировали прорыв противника в районе Рыконты. Наступление советских войск на вильнюсском направлении заставило немецкое командование направить сюда подавляющую часть прибывавших для усиления 3-й танковой армии оперативных резервов, что облегчило выполнение задач объединениям и соединениям, действовавшим в центре и на левом крыле 3-го Белорусского фронта.

Наиболее ожесточенное противодействие немецких войск с началом новой операции встретила 11-я гвардейская армия, которая вела наступление на алитусском направлении. В течение 5—6 июля ее соединения форсировали р. Березина и подошли к оборонительному рубежу противника «Оствaль». Этот рубеж состоял из одной, местами двух траншей полного профиля, оборудованных стрелковыми ячейками и пулеметными площадками. В глубине полевые укрепления имелись лишь на отдельных направлениях, но наиболее важные населенные пункты — Ошмяны и Гольшаны — были подготовлены к круговой обороне. К 7 июля здесь занимали оборону отошедшие части 170-й пехотной и 5-й танковой дивизий, остатки 337-й пехотной дивизии, а также прибывшие из резерва 7-я танковая и 707-я охранная дивизии.

Разведка 11-й гвардейской армии выявила переход врага к обороне на рубеже «Оствaль» только утром 7 июля, когда войска уже находились на ближайших подступах к нему. На подготовку к прорыву командование армии смогло выделить всего четыре-пять часов. Ввиду того что армейская артиллерия и артиллерия резерва Верховного главнокомандования из-за недостатка горючего отстали, к огневому поражению противника первоначально привлекались лишь минометы, а также дивизионные и корпусные артиллерийские средства. Наступление 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов началось около 11 часов. Но только к 22 часам стрелковые дивизии, поддержанные частями 3-го гвардейского танкового корпуса, продвинулись на 4—6 км, форсировали р. Ошмянка и начали развивать успех в глубину[203]. К тому же времени танковые бригады атакой с ходу овладели укрепленными населенными пунктами Ошмяны и Гольшаны.

Прорывом рубежа «Оствaль» 11-я гвардейская армия нарушила расчеты немецкого командования, которое предполагало за счет сосредоточения резервов удержать рубеж Вильнюс — Лида и не допустить продвижения войск 3-го Белорусского фронта на запад. Соединения армии совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом, нанеся большой урон 7-й танковой и 707-й охранной дивизиям противника, с утра 8 июля возобновили его преследование и через два дня ликвидировали образовавшийся ранее разрыв с 5-й армией.

Развивавший наступление на лидском направлении 3-й гвардейский кавалерийский корпус, пользуясь тем, что главные силы врага оказались задействованными на рубеже «Оствaль» против 11-й гвардейской армии, к 21 часу 7 июля освободил населенные пункты Субботники и Ивье. Тем самым он вышел в тыл группировки немецких войск, которая отходила под ударами 31-й армии. В полосе этой армии наибольшего успеха достиг 71-й стрелковый корпус, который при помощи партизан преодолел Налибокскую пущу.

На следующий день дивизии 3-го гвардейского кавалерийского корпуса ударом с севера и северо-востока в 16 часов 30 минут ворвались в г. Лида и, разгромив передовые части прибывавшей сюда немецкой 50-й пехотной дивизии, 9 июля полностью овладели этим важным железнодорожным узлом[204]. За то же время стрелковые соединения 11-й гвардейской и 31-й армий продвинулись вперед на 25—30 км.

Расчет советского пулемета меняет позицию во время уличных боев в Вильнюсе. Июль 1944 г.

Немецкие солдаты сдаются в плен в районе Вильнюса

Немецкое командование, вводя в сражение все имевшиеся резервы и используя естественные препятствия, преследовало цель выиграть время для подготовки обороны на р. Неман. Особое внимание оно уделяло алитусскому направлению — наиболее кратчайшему и удобному для выхода 3-го Белорусского фронта к границам Восточной Пруссии. Для его усиления в течение 9—10 июля из Ковеля была перевезена 131-я пехотная дивизия. В последующие дни в распоряжение командующего 3-й танковой армией начали прибывать управление 26-го армейского корпуса, 69-я пехотная дивизия, 185-я и 277-я бригады штурмовых орудий, 88-я артиллерийская бригада резерва главного командования и другие части усиления. Кроме того, в Предай перегруппировывалась 201-я охранная дивизия, а в Алитус — боевая группа «Роткирх» численностью до дивизии. Южнее Алитуса оборона р. Неман и района Гродно возлагалась на 4-ю армию, в оперативное подчинение которой с 14 июля поступала танковая дивизия СС «Мертвая голова».

С 10 июля войска центра и левого крыла фронта начали выдвижение к Неману. При выполнении этой задачи основная роль отводилась 3-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, которому предстояло во взаимодействии с дивизиями 31-й армии к исходу 13 июля овладеть г. Гродно[205]. 11-я гвардейская армия по-прежнему имела задачу захватить Алитус и выйти к Неману в широкой полосе. Стремясь задержать ее продвижение, командование противника ввело в сражение 131-ю пехотную дивизию и один полк 221-й охранной дивизии, которые значительно затруднили преодоление советскими войсками Гродненской пущи. К исходу 13 июля только 16-му гвардейскому стрелковому корпусу армии удалось в ходе тяжелых боев выйти на р. Неман в районе Алитуса. К тому же времени 3-й гвардейский кавалерийский корпус достиг пригородов Гродно, но был остановлен сильным артиллерийским и пулеметным огнем врага.

14 июля войска 3-го Белорусского фронта приступили к решению задач второго этапа операции, содержанием которого явились форсирование р. Неман и бои по освобождению г. Каунас. В связи с изменившейся обстановкой в Прибалтике Ставка ВГК возвратила в его состав 39-ю армию, которая продолжала наступление севернее Каунаса[206]. В результате полоса наступления фронта увеличивалась в сторону его правого крыла до района Укмерге. В то же время 3-й гвардейский кавалерийский корпус, завязавший бои на окраинах Гродно, убыл во 2-й Белорусский фронт с сохранением за ним задачи по овладению городом[207].

Немецкое командование, стремясь задержать выдвижение Красной армии к границам Германии, сосредоточило против 3-го Белорусского фронта на рубеже р. Неман главные силы 3-й танковой и 4-й армий группы армий «Центр». При этом от Каунаса до Алитуса включительно действовали 26-й армейский корпус и группа «Роткирх» 3-й танковой армии. Они объединяли одну пехотную дивизию, две пехотные бригады, боевые группы 24, 83, 206 и 212-й пехотных дивизий, шесть отдельных гренадерских и охранных полков, три полицейских полка, три охранных батальона, две бригады штурмовых орудий, один танковый батальон и части усиления. Особое место в обороне немецких войск на Немане отводилось Алитусу, который представлял собой сильный узел сопротивления. Еще перед войной советские инженерные части построили здесь несколько железобетонных фортов, опоясанных проволочными заграждениями, и окружили их глубокими рвами с водой.

Южнее Алитуса переходили к обороне 39-й танковый корпус, группа «Готберг» и танковая дивизия СС «Мертвая голова», входившие в 4-ю армию. Всего в группировке противника имелись две пехотные и три танковые дивизии, четыре боевые группы, шесть отдельных гренадерских и охранных полков, пять полицейских полков, три охранных и запасных батальона и несколько частей усиления. Позднее для обороны участка реки юго-восточнее Каунаса прибыла 6-я танковая дивизия, а также начали перебрасываться по железной дороге 196-я пехотная дивизия из Норвегии и 542-я пехотная дивизия из Германии[208]. Враг не имел на Немане заранее подготовленного оборонительного рубежа, однако сама река являлась серьезной естественной преградой.

Несмотря на это, части 16-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии форсировали ее уже 14 июля. Они захватили в районе Алитуса плацдарм шириной до 20 км

и глубиной от 2 до 6 км. Южнее населенного пункта Меречь во второй половине дня Неман форсировали 26-я и 5-я гвардейские стрелковые дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Севернее Гродно такого же результата добился передовой отряд 36-го стрелкового корпуса 31-й армии.

Командование противника, пытаясь ликвидировать плацдармы, захваченные 11-й гвардейской армией на западном берегу Немана, предпринимало многочисленные контратаки силами пехоты и танков, поддержанных артиллерией и авиацией. Расположенные в 1–2 км западнее Немана старинные крепостные форты в течение суток неоднократно переходили из рук в руки. В одном из ожесточенных боев погиб командир 171-го гвардейского стрелкового полка Герой Советского Союза подполковник Г. А. Емельянов. После этого атаку возглавила с пистолетом и гранатой в руках санинструктор старшина Е. Б. Ковальчук. Она лично уничтожила до десяти вражеских солдат, но пала смертью храбрых в неравной схватке. Ее похоронили возле г. Алитус, а после войны останки мужественной женщины, награжденной орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны и орденом Славы, с воинскими почестями были перенесены на братское кладбище в г. Калининград[209].

Для усиления войск на захваченных плацдармах севернее и южнее Алитуса саперы в короткие сроки навели три понтонных моста. Чтобы скрыть переправы от воздушного наблюдения врага, в сплошной восьмикилометровой полосе они поставили и длительное время поддерживали плотные дымовые завесы. Неприятельская авиация стремилась бомбовыми ударами сорвать преодоление Немана, но, как потом показали пленные летчики, «дымовая завеса закрывала огромную площадь, с воздуха нам не видны были ни ваши мосты, ни река с ее берегами, поэтому мы сбрасывали бомбы просто наугад, сознавая даже, что часть наших бомб попадет по немецким же войскам, оборонявшимся на западном берегу реки»[210]. Всего в течение двадцати часов на район задымления самолеты противника сбросили несколько тысяч бомб. При этом им удалось разрушить лишь один из мостов, который вскоре восстановили инженерные подразделения.

К исходу 15 июля соединения 5-й и 11-й гвардейской армий захватили плацдарм на западном берегу Немана шириной до 28 км и глубиной от 2 до 6 км[211]. Кроме того, 11-я гвардейская армия удерживала второй плацдарм глубиной до 6 км. Еще два плацдарма севернее Гродно захватили соединения 31-й армии. Вплоть до 20 июля армии центра и левого крыла фронта вели боевые действия с целью расширения плацдармов на Немане, но успеха не добились. При этом его главная ударная сила — 5-я гвардейская танковая армия, имея в наличии 156 танков и самоходных артиллерийских установок, многие из которых требовали ремонта, также приостановила наступление. Небольшое продвижение вперед имела лишь вновь вошедшая в состав фронта 39-я армия генерала И. И. Людникова.

В начале третьей декады июля активизировала свои действия вражеская авиация. В ночи на 21, 22 и 23 июля она нанесла массированные удары по железнодорожным узлам Молодечно, Минск, Орша, Борисов, причинив существенный материальный ущерб, особенно в Молодечно. Одновременно командование противника начало усиливать свою группировку, противостоявшую фронту, за счет резервов (52-я охранная дивизия, несколько бригад штурмовых орудий, 510-й танковый батальон РГК).

В противоположность этому, войска 3-го Белорусского фронта, понеся в предшествовавших боях потери и оторвавшись от баз снабжения, стали испытывать недостаток в людях и запасах материально-технических средств. Например, почти во всех дивизиях 11-й гвардейской армии батальоны состояли из двух рот, а в некоторых стрелковых полках эти подразделения действовали в составе одной роты. Численность солдат в стрелковых ротах в среднем не превышала 25–30 человек. Так как маршевые батальоны не покрывали расход личного состава, его пополнение осуществлялось за счет призыва граждан из освобожденных районов, партизан, а также перевода лиц, годных к строевой службе, из тыловых частей и учреждений. В результате удалось довести численность личного состава в девяти стрелковых дивизиях до 5,5–6 тыс. человек. В 23 дивизиях имелось по 4,5–5 тыс. и в восьми — только по 3,5–4 тыс. человек[212].

Передовые подразделения форсируют реку Неман

Тяжелая самоходная артиллерийская установка выдвигается на новую позицию

Отвоевался

К концу июля войскам фронта, который вел наступление в полосе шириной 210 км, противостояли уже 10 пехотных и охранных соединений (корпусные группы «Н» и «Д», 201, 221 и 52-я охранные, 69, 196, 131, 170 и 542-я пехотные дивизии), две танковые дивизии (6-я и 5-я), две пехотные бригады, шесть отдельных полков, 22 отдельных батальона, два танковых батальона резерва главного командования и большое количество других частей усиления, особенно артиллерии.

28 июля Ставка ВГК директивой № 220160 поставила 3-му Белорусскому фронту задачи: ударом 39-й и 5-й армий с севера и юга не позднее 1—2 августа овладеть г. Каунас; в дальнейшем всеми силами фронта вести наступление к границам Восточной Пруссии и к 10 августа выйти на рубеж Расейняй — Сувалки, на котором перейти к обороне для подготовки к переносу боевых действий непосредственно на территорию Германии[213].

Каунас являлся мощным укрепленным районом противника, прикрывавшим кратчайшие пути к Восточной Пруссии. Кроме того, он представлял собой крупный узел шоссейных, железных и грунтовых дорог, соединявших его со всей Прибалтикой и позволявших немецкому командованию маневрировать резервами в любом направлении. В городе располагалась старинная крепость с девятью фортами, подготовленными к длительной обороне. Потеря Каунаса ухудшала и без того незавидное положение группы армий «Север».

Для овладения городом в полосе 5-й армии создавались две ударные группы. 72-й стрелковый корпус должен был прорвать оборону немецких войск северо-восточнее Каунаса на участке шириной 6 км и развивать наступление в направлении Кармелава — Вилькия. 45-й стрелковый корпус получил приказ прорвать оборону врага юго-восточнее Каунаса на участке шириной 7 км. После этого ему предстояло перехватить шоссейную и железную дороги из города на Мариямполь и отрезать пути отхода каунасской группировки[214].

29 июля после сорокаминутной артиллерийской подготовки ударные группы армии перешли в наступление. Отражая контратаки пехоты, поддержанной артиллерией и танками, действовавшими из засад, соединения 72-го стрелкового корпуса медленно продвигались к р. Вилия. Ожесточенный бой разгорелся за станцию Полеманас. Только после шестнадцати часов непрерывных боевых действий 291-му стрелковому полку 63-й стрелковой дивизии удалось полностью очистить ее от противника. Лишь к исходу дня все дивизии корпуса вышли к р. Вилии в 4—5 км восточнее Каунаса. В тот же день 45-й и 65-й стрелковые корпуса нанесли удары с занимаемых плацдармов на западном берегу Немана. К вечеру их соединения продвинулись вперед на глубину от 9 до 17 км, освободили 53 населенных пункта и начали охватывать город с юга.

В ночь на 31 июля передовые части 72-го стрелкового корпуса форсировали Вилию севернее Каунаса. Его 277-я стрелковая дивизия освободила один из районов города — Вилиямполь. Одновременно 63-я стрелковая дивизия преодолела оборонительный рубеж в районе Полеманаса и утром прорвалась в Каунас. Ликвидируя отдельные очаги сопротивления, она подошла к Неману. Инженерные подразделения немедленно приступили к наведению мостов, и уже вечером артиллерия дивизии переправилась на другой берег реки. Стрелковые части, форсировав ее на подручных средствах, достигли с боями центра города.

Одновременно удар по нему нанесли соединения 65-го и 45-го стрелковых корпусов. Преодолев оборону врага на линии фортов Старой крепости, 144-я стрелковая дивизия, обойдя мощные форты № 4 и № 5, ворвалась в Каунас с юга. Положение немецких войск стало критическим, когда 120-я отдельная танковая бригада под командованием полковника Н. И. Букова, ведя наступление по западному берегу Немана, вышла в тыл каунасского гарнизона. Ее головная рота под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта М. Г. Батракова обнаружила на одном из перекрестков дорог скопление немецких автомашин и бронетехники. Командир роты принял решение не допустить отхода противника из города. Подразделение заняло круговую оборону и приняло бой с двадцатью вражескими танками. Танк командира взвода Героя Советского Союза лейтенанта И. А. Матвиенко уничтожил три боевые машины, а затем, после отказа орудия, пошел на таран. Немецкие танкисты, дрогнув, повернули обратно. Отразив последующие атаки, рота М. Г. Батракова с подходом главных

Красный флаг над Каунасом. 1 августа 1944 г.

Каунасское «гетто», сожженное противником вместе с людьми перед отступлением. Июль 1944 г.

сил бригады продолжила наступление, разгромила гарнизон врага в местечке Гермонь, затем освободила Горляву и перерезала шоссейную дорогу из Каунаса[215].

Вскоре стрелковые дивизии 5-й армии овладели большей частью города[216]. Развивая успех в направлении станции Еся, они рассекли занимавшую здесь оборону группировку противника и вышли на южный берег Немана. Под воздействием ударов соединений армии немецкое командование начало отводить свои войска по железным и шоссейным дорогам из Каунаса на Мариямполь. Их отход прикрывали группы танков, штурмовых орудий и мотопехоты в районе Юзефово. Командир 45-го стрелкового корпуса приказал 184-й стрелковой дивизии перехватить пути отхода врага.

В полосах 39-й и 5-й гвардейской танковой армий также продолжалось преследование врага. К тому времени в боевом составе 5-й гвардейской танковой армии оставались исправными только 28 танков, которые были объединены в одну бригаду[217]. Помимо нее непосредственное участие в наступлении принимали лишь мотострелковые бригады танковых корпусов. Несмотря на это, части 29-го танкового корпуса форсировали р. Неважа, овладели плацдармом на ее северо-западном берегу и, продолжая наступление, достигли местечка Цинкишки — важного опорного пункта противника. Утром 1 августа они освободили Цинкишки и Эйраголу, после чего устремились в направлении Расейняя.

Не менее напряженные бои велись в центре и на левом крыле фронта. 29 июля соединения левого фланга 5, 33, 11-й гвардейской и 31-й армий перешли в наступление и при поддержке авиации 1-й воздушной армии, совершившей за день 628 самолето-вылетов, прорвали вражескую оборону на глубину от 7 до 15 км. На следующий день в полосе 33-й армии был введен в прорыв 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного. При поддержке 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии он, используя разрывы в обороне противника, преодолел 35 км и перерезал дороги от Каунаса на Мариямполь и на Вилкавишкис.

Под угрозой окружения каунасская группировка врага начала отход на восточно-прусский приграничный оборонительный рубеж. В то же время немецкие войска, используя лесисто-озерную местность, сумели замедлить наступление 11-й гвардейской и 31-й армий. Тем не менее в ходе ожесточенных трехдневных боев с 29 по 31 июля войска 3-го Белорусского фронта сокрушили вражескую оборону на рубеже р. Неман, нанесли серьезный урон немецким 3-й танковой и 4-й армиям и вынудили их начать отход в северо-западном и западном направлениях.

В период с 5 по 31 июля объединения и соединения фронта продвинулись на запад от 180 до 300 км, освободили Вильнюс и Каунас, создали благоприятные условия для наступления к границам Восточной Пруссии. В ходе боевых действий советские войска форсировали с ходу реки Неман, Вилия, Гавья, Дзитва, Меречанка и другие; причинили серьезный урон 6-й и 7-й танковым, 50, 131, 170 и 212-й пехотным, 201, 221 и 707-й охранным дивизиям, 765-й пехотной бригаде, 22 отдельным гренадерским, полицейским и охранным полкам, различным боевым группам, охранным, маршевым и специальным батальонам; взяли в плен 43 966 немецких солдат и офицеров, захватили 912 орудий, 67 танков и штурмовых орудий, 3884 автомашины и тягача, другие трофеи[218]. Немалыми оказались и потери фронта. Только за время наступления от Березины до Немана они составили: 10 920 человек убитыми и 30 700 человек ранеными, 368 танков и САУ, 62 самолета, 63 орудия, 64 миномета, 689 пулеметов, 575 автомашин[219].

После освобождения Каунаса армии 3-го Белорусского фронта в первых числах августа приступили к выполнению задачи по выходу к границам Восточной Пруссии. При этом им предстояло прорвать хорошо подготовленную, заблаговременно занятую оборону противника. В период с 2 по 6 августа стрелковые соединения вели тяжелые наступательные бои, пытаясь преодолеть восточно-прусскую приграничную оборонительную линию. Они смогли вклиниться в оборону врага на двух участках — севернее Вилкавишкиса и северо-западнее и западнее Калварии, но наступление развития так и не получило. К 9 августа относительный успех обозначился только на правом крыле фронта, где 39-я и 5-я гвардейская танковая армии форсировали р. Дубиса и заняли Расейняй.

Однако в тот же день немецкие войска нанесли сильный контрудар. После продолжительной артиллерийской и авиационной подготовки они сломили сопротивление 222-й стрелковой дивизии 33-й армии и вышли на шоссе Мариямполь — Вилкавишкис, где были встречены огнем артиллерии 47-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады, а затем и засадами 2-го гвардейского танкового корпуса. Несмотря на большие потери, неприятель во второй половине дня занял Вилкавишкис. Все его попытки продвинуться в сторону Каунаса сорвали 2-й гвардейский танковый корпус и другие соединения, которые уничтожили 123 танка и штурмовых орудия врага из 200, принявших участие в контрударе[220].

Не добившись полного успеха под Вилкавишкисом, немецкое командование перенесло свои усилия севернее этого города. Здесь после получасовой артиллерийской подготовки противник силами 7-й танковой дивизии, насчитывавшей до 130 танков, 252-й и 212-й пехотных дивизий утром 14 августа атаковал 84-й стрелковый корпус генерал-майора Ю. М. Прокофьева. К 17 часам, продвинувшись на восток на 5—8 км, он овладел населенными пунктами Расейняй и Калнуяй, окружив две танковые бригады и два стрелковых полка. Вечером того же дня в результате встречного удара 84-го стрелкового корпуса при поддержке соединений 5-й гвардейской танковой армии и штурмовой авиации 1-й воздушной армии враг был отброшен в исходное положение, а окруженные советские части деблокированы.

После того как на шяуляйское направление против 1-го Прибалтийского фронта противник начал переброску 5-й танковой дивизии и танковой дивизии «Великая Германия», армии 3-го Белорусского фронта 15 августа возобновили наступление в общем направлении на Гумбинен. Однако в результате упорных боев в период с 15 по 22 августа их соединениям удалось продвинуться на запад лишь на 6—14 км и вновь овладеть г. Вилкавишкис. И только 5-я армия частью сил вышла на своем левом фланге на границу с Восточной Пруссией.

Наступление на Белосток и Брест

Одновременно с решением задачи по разгрому немецких войск в Латвии и Литве советское Верховное главнокомандование планировало завершить освобождение западных районов Белоруссии и перенести боевые действия на территорию Польши. Для этого предназначались 2-й и 1-й Белорусские фронты.

К исходу 4 июля войска 2-го Белорусского фронта в ходе преследования врага охватили его окруженную восточнее Минска группировку с севера, востока и юга. В тот же день Ставка ВГК поставила фронту задачу на проведение новой наступательной операции, впоследствии получившей название Белостокской. Фронту приказывалось «развивать наступление, нанося главный удар в направлении Новогрудок, Волковыск, Белосток... и не позже 12—15 июля овладеть районом Новогрудка, выйти на р. Неман и р. Молчадь. В дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока»[221].

С учетом того, что значительная часть фронта была задействована для уничтожения окруженного противника, ему из 1-го Белорусского фронта передавалась 3-я армия в составе девяти стрелковых дивизий[222]. Эта армия в ходе первого этапа операции «Багратион» вышла в полосу 2-го Белорусского фронта и оказалась в 40—50 км впереди его главных сил. Такая мера позволяла организовать немедленное преследование врага в западном направлении без дополнительных перегруппировок. Одновременно действовавшая на правом крыле 33-я армия исключалась из состава фронта[223].

Всего во фронте насчитывалось около 210 тыс. человек, свыше 5 тыс. орудий и минометов, 181 танк и САУ, из которых 121 единица требовала ремонта[224]. После непрерывных боев соединения и части нуждались в пополнении людьми. Средняя численность стрелковых дивизий составляла 5,5 тыс. человек, а стрелковых рот — не более 40—50 солдат и офицеров. Отрыв фронтовых складов от войск превышал 300 км. При этом весь объем задач по подвозу

материально-технических средств решали всего три автомобильных полка, которые, имея 2247 автомашин, могли удовлетворить лишь минимальные потребности корпусов и дивизий в боеприпасах, горючем и продовольствии. Доставка в войска необходимых грузов чрезвычайно затруднялась еще и потому, что в тылах армий оставались различные по численности группы противника, пытавшиеся прорваться к своим войскам, отходившим западнее Минска. Они совершали нападения на автоколонны и обозы, перерезали пути подвоза, вызывали необходимость отвлечения на борьбу с ними частей и подразделений тылового обеспечения.

Цель Белостокской операции заключалась в том, чтобы, продолжая преследование врага, не позволить ему вводом в сражение резервов задержать наступление армий 2-го Белорусского фронта на промежуточных рубежах и сорвать их выход к границам Восточной Пруссии и в северо-восточные районы Польши. Для выполнения поставленной задачи командующий войсками фронта решил нанести главный удар 50-й и 3-й армиями в направлении Новогрудок — Волковыск — Белосток. 49-ю армию предусматривалось использовать на правом крыле для того, чтобы выйти на р. Неман южнее Гродно[225].

С началом новой операции задачу по развитию наступления в западном направлении, по сути, выполняла только 3-я армия. Перед ней вплоть до рубежа рек Неман и Сервеч крупные группировки врага отсутствовали. Здесь осуществляли отход остатки 36-й и 134-й пехотных, 12-й и 20-й танковых дивизий, нескольких специальных и охранных частей. Их преследование велось передовыми отрядами стрелковых войск на автотранспорте. Вместе с тем приданные армии три танковых и один отдельный тяжелый самоходный артиллерийский полки из-за отсутствия горючего, по техническим причинам, а также из-за неисправности мостов отстали, в результате чего общие темпы продвижения были невысокими.

Командование противника, используя арьергарды из наиболее боеспособных частей и подразделений, стремилось выиграть время для организации обороны на ряде промежуточных рубежей. Один из таких рубежей оно создавало по западному берегу р. Сервеч. В начале июля немецкие войска частично восстановили на нем старые оборонительные сооружения, возведенные еще в годы Первой мировой войны, а также отрыли окопы и стрелковые ячейки, оборудовали позиции для минометов и артиллерии.

Если 5–6 июля передовые отряды 3-й армии, как правило, с ходу преодолевали противодействие вражеских арьергардов, то уже во второй половине 7 июля на подступах к рекам Неман и Сервеч они остановились под воздействием артиллерийского и пулеметного огня противника. К исходу того же дня к Неману вышел передовой отряд 50-й армии.

Первыми форсировали р. Сервеч южнее Кореличей части 120-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Я. Я. Фогеля. В ночь на 8 июля преодолели Неман и Сервеч остальные соединения 3-й армии. Они вынудили немецкие части начать общий отход в западном направлении. Как и прежде, он прикрывался сильными арьергардами, выделенными из состава 12-й и 20-й танковых дивизий, которые проводили многочисленные контратаки силами до роты пехоты при поддержке трех-четырех танков и штурмовых орудий.

Особенно упорные бои велись в полосах наступления 35-го и 41-го стрелковых. Их соединения 8 июля освободили крупные населенные пункты Вселюб, Негневичи, Кореличи, Городище, а передовой отряд 40-го стрелкового корпуса захватил железнодорожную станцию и местечко Дворец, перерезав железную дорогу Лида — Барановичи[226]. В 18 часов 30 минут 283-я стрелковая дивизия после упорного боя овладела мощным опорным пунктом врага и узлом шоссейных и грунтовых дорог — г. Новогрудок.

В надежде внести перелом в обстановку немецкое командование ввело в сражение западнее Новогрудка 123-й пехотный полк 50-й пехотной дивизии, только что прибывшей из Германии, а в районе Молчади — 49-й пехотный полк 28-й легкой пехотной дивизии, переброшенной из группы армий «Север». Но эти меры не дали ему ощутимых результатов. 9 июля соединения 3-й армии освободили важный узел дорог — местечко Новоельня, с ходу вторично форсировали Неман в районе южнее г. Селец. Затем его преодолел и передовой отряд 50-й армии, вынудив неприятеля вновь начать отход, теперь в направлениях Скиделя и Волковыска. Следовательно, ближайшую задачу 2-го Белорусского фронта выполнила, по

существу, одна 3-я армия, соединения которой, действуя в лесисто-болотистой местности, с 5 по 9 июля продвинулись вперед на 110—120 км, овладели г. Новогрудок, форсировали реки Неман, Сервеч и Молчадь.

9 июля генерал Г. Ф. Захаров приказал 50-й армии к исходу 10 июля выйти на восточный берег р. Лебедь, в дальнейшем форсировать р. Неман и овладеть г. Гродно, а 3-й армии предстояло захватить передовыми частями плацдарм на р. Зельвянка, форсировать р. Россь и освободить от врага г. Волковыск. К исходу 12 июля планировался ее выход на восточный берег р. Свислочь, а в последующем — овладение Белостоком. При этом дивизии 50-й армии должны были за три дня преодолеть с боями 150—160 км, а 3-й армии — около 100 км.

Продолжив наступление, соединения 50-й армии 11 июля форсировали Неман и начали развивать успех в направлении г. Скидель. На следующий день они, сбивая арьергарды немецких 20-й танковой и 50-й пехотной дивизий, освободили крупные населенные пункты Желудок, Щучин, Рожанка. Передовой отряд армии в ходе продвижения к Скиделю перерезал пути отхода двух полков 50-й пехотной дивизии. С 20 часов 12 июля до 8 часов 13 июля на шоссе восточнее города продолжался ожесточенный бой. Подразделения отряда совместно с подошедшими частями 121-го стрелкового корпуса уничтожили до 700 человек, взяли в плен 120 солдат и офицеров, захватили 16 орудий с тягачами и около 150 лошадей с повозками[227]. После пополнения боеприпасами они продолжили преследование противника, с ходу овладели г. Скидель и вышли на восточный берег р. Котра[228]. К исходу 13 июля советские войска отбросили врага на рубеж, проходивший по западным берегам рек Пыра и Неман. К тому времени части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса 3-го Белорусского фронта уже вышли к Гродно и завязали бои на его северной и северо-восточной окраинах. Однако стрелковые корпуса 50-й армии не смогли развить успех кавалеристов и с ходу овладеть городом.

14 июля части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса обошли Гродно с северо-запада и одновременно захватили плацдарм на Немане в районе населенного пункта Кукали. Еще один плацдарм, южнее населенного пункта Гожа, был захвачен 220-й стрелковой дивизией из состава 31-й армии 3-го Белорусского фронта. Такие действия значительно осложнили положение противника в Гродно. Тем не менее его командование не теряло надежды отразить наступление соединений 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Оно спешно усиливало свою группировку на гродненском направлении за счет прибывших из Германии трех пехотных, двух полицейских полков, полка «Митте», а также других резервов. Только против частей 121-го и 70-го стрелковых корпусов 50-й армии в течение 15 июля враг предпринял одиннадцать контратак силами от роты до батальона пехоты с танками и штурмовыми орудиями.

В то время как немецкие войска наращивали сопротивление, 50-я армия, напротив, утрачивала боевой потенциал. Дивизионная артиллерия и артиллерия усиления отстали от войск из-за несвоевременного подвоза горючего, а тылы армии растянулись на 100—150 км и не справлялись с задачей снабжения соединений и частей материальными средствами. В результате корпуса, дивизии и полки испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем. Так, например, к исходу 14 июля в подразделениях 238-й стрелковой дивизии оставалось в среднем по пять патронов на одну единицу стрелкового оружия, а в 70-м стрелковом корпусе имелось всего по 10—12 снарядов на орудие[229].

Не принимая во внимание состояние армии, генерал Г. Ф. Захаров 15 июля в очередной раз приказал ее командующему овладеть Гродно[230]. Одновременно он поставил задачу командиру вошедшего по решению Ставки ВГК в состав фронта 3-го гвардейского кавалерийского корпуса воспретить отход немецких войск из города. Соединения 69-го и 81-го стрелковых корпусов вечером того же дня достигли восточной окраины Гродно, а части 6-й гвардейской кавалерийской дивизии из состава 3-го гвардейского кавалерийского корпуса прорвали оборону врага на северной окраине города. Вскоре они вышли к переправе через Неман и отрезали ему пути отхода на запад. Несколько часов кавалеристы отражали атаки немецких подразделений, но так и не позволили им осуществить прорыв из Гродно.

Вслед за 6-й гвардейской кавалерийской дивизией в город с севера и северо-востока вошли с боями части 220, 174 и 352-й стрелковых дивизий 36-го стрелкового корпуса 31-й

армии. С востока и юго-востока в Гродно ворвались полки 42, 95 и 290-й стрелковых дивизий 69-го и 81-го стрелковых корпусов. В результате ночных боев соединения и части из состава 3-го и 2-го Белорусских фронтов на рассвете 16 июля овладели этим крупным узлом железных и шоссейных дорог, а также важным укрепленным районом противника[231].

В то время как 50-я армия вела боевые действия с целью освобождения Гродно, 3-я армия продолжала наступление в направлении Волковыска, имея перед собой два полка 50-й пехотной и 28-й легкой пехотной дивизий, 12-ю танковую дивизию, боевую группу из остатков 36-й, 134-й пехотных и 20-й танковой дивизий врага. В течение второй половины 10 июля и в последующую ночь соединения армии прорвали его промежуточный оборонительный рубеж по западному берегу р. Щара и завязали бои на подступах к р. Зельвянка. В сложившейся обстановке генерал А. В. Горбатов решил с целью скорейшего овладения Волковыском охватить его с севера и юга силами 41-го и 40-го стрелковых корпусов[232].

Немецкое командование, прилагая все усилия для удержания района Волковыска, 12 июля дополнительно ввело в сражение на подступах к городу 367-ю пехотную дивизию, прибывшую из группы армий «Северная Украина», и подразделения 461-й запасной пехотной дивизии, переброшенной из Германии. Для усиления обороны на волковысском направлении оно также использовало подведенную из глубины батарею 280-мм орудий. На некоторых участках противник начал предпринимать контратаки силами до батальона при поддержке 15—20 танков и штурмовых орудий.

В течение 12 и 13 июля дивизии 3-й армии, уничтожая отдельные опорные пункты немецких войск, продолжали продвигаться к Волковыску. Они последовательно форсировали вначале р. Зельвянка, а затем р. Россь, овладели одноименным населенным пунктом и создали угрозу обхода волковысской группировки с северо-запада. Утром 14 июля соединения 40-го стрелкового корпуса ворвались в Волковыск. Первыми на его восточной окраине завязали бои подразделения 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии. Вслед за ними на юго-восточную окраину города вышел 434-й стрелковый полк той же дивизии, а также части 5-й стрелковой дивизии. В результате их совместных действий к 10 часам 30 минутам Волковыск был освобожден[233]. После этого генерал А. В. Горбатов поставил командирам стрелковых корпусов задачу продолжить преследование врага и к утру 16 июля передовыми отрядами овладеть Белостоком[234]. Однако содержание этой задачи не отвечало возможностям войск, которым требовалось за двое суток пройти с боями около 100 км. Отражая частые контратаки противника, соединения армии к исходу 16 июля смогли лишь завершить форсирование р. Россь во всей полосе наступления.

В целом первый этап Белостокской операции характеризовался наступлением 2-го Белорусского фронта в направлении Новогрудок — Волковыск — Белосток в высоком темпе. Преодолев обширные пространства лесисто-болотистой местности, форсировав большое количество рек, его войска полностью выполнили поставленные задачи. За 12 суток, с 5 по 16 июля включительно, они продвинулись на запад от Минска на 250 км, вышли на рубеж Гродно — Индура — Свислочь, освободили города и районные центры: Волковыск, Гродно, Дзержинск, Дятлово, Желудок, Зельва, Кореличи, Мир, Мосты, Новогрудок, Скидель, Щучин.

Потеря таких сильных узлов сопротивления, как Новогрудок, Гродно, Волковыск, заставляла немецкое командование изыскивать средства и способы, чтобы задержать наступление фронта. Оно стремилось выиграть время для восстановления боеспособности отходивших частей и выдвижения из глубокого тыла резервов. К 17 июля на левом берегу Немана северо-западнее, западнее и южнее Гродно занимали оборону группа «Ангальт» в составе пяти полицейских полков, 1065, 1068 и 1069-й пехотные полки, 50-я пехотная дивизия без одного полка, 501-й сводный жандармский батальон. На рубеже р. Свислочь действовали 121-й пехотный полк 50-й пехотной дивизии, 367-я и 28-я легкая пехотные дивизии, остатки 12-й и 20-й танковых дивизий, усиленные 611-м охранным полком, 4-я кавалерийская бригада, 33-й моторизованный полк 4-й танковой дивизии, а также различные охранные и специальные части и подразделения[235].

Минометчики на огневой позиции во дворе дома в Гродно

Первый комендант города Гродно майор И. Ф. Елецких приступает к своим обязанностям. г. Гродно, 16 июля 1944 г.

С учетом усилившегося сопротивления врага представитель Ставки маршал Г. К. Жуков приказал командующему войсками 2-го Белорусского фронта с целью массирования сил и средств на важнейших направлениях создать в 50-й и 3-й армиях ударные группировки, а также ускорить выдвижение и ввод в сражение 49-й армии с задачей нанести удар в обход белостокских лесов с севера[236]. 3-й гвардейский кавалерийский корпус должен был не позднее 19 июля захватить важный узел шоссейных дорог — Августов и удерживать его до подхода передовых частей 50-й армии[237].

Следовательно, фронту предстояло вести наступление по двум расходящимся направлениям: на правом крыле — с целью выхода к границе Восточной Пруссии, а на левом — с задачей овладения г. Белосток. Однако при этом не учитывались быстрое развертывание вражеским командованием 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» на рубеже Августов — Кнышин и возможность ввода ее в сражение юго-западнее Гродно. Не были также приняты во внимание весьма слабое обеспечение войск материально-техническими средствами, а также недостаточная укомплектованность соединений людьми. К середине июля в 50-й армии, например, тылы отстали от передовых частей на 100—150 км, а артиллерия усиления — до 200 км. Ощущался недостаток в боеприпасах и горючем[238].

Несмотря на это, 17 июля объединения и соединения фронта продолжили наступление. В течение дня передовые части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели населенными пунктами Пролейки (5 км юго-западнее Сопоцкина) и Голынка. Но остальные его силы растянулись по всему маршруту, начиная от р. Неман. В полосе 50-й армии немецкие войска предприняли несколько контратак при поддержке танков и штурмовых орудий (до 25—30 единиц), а также авиации. Поэтому ее левофланговые соединения продвижения вперед практически не имели. В то же время на правом фланге армии дивизии 69-го и 81-го стрелковых корпусов вклинились в глубину вражеской обороны от 3 до 20 км.

В последующие дни наиболее тяжелая обстановка сложилась в полосе 42-й стрелковой дивизии. 18 июля противник окружил в районе одного из плацдармов на Немане 1-й и 2-й батальоны ее 455-го стрелкового полка. Командование ими принял заместитель командира полка по строевой части майор М. В. Сидорец, который сосредоточил сильно поредевшие подразделения в развалинах старой крепости. В проломах стен красноармейцы установили батальонные противотанковые пушки, станковые пулеметы, противотанковые ружья.

Враг пытался атаковать укрепление пехотой, поддержанной танками и штурмовыми орудиями, наносил удары авиацией, забрасывал оборонявшихся гранатами, дымовыми и толовыми шашками с подожженными шнурами, использовал бочки с горючим. Но все его попытки сломить сопротивление гарнизона успеха не имели. С каждым днем в крепости росло число убитых и раненых. Получили ранения командиры обоих батальонов капитаны С. А. Беляев и А. М. Копанев, заместитель командира 2-го батальона капитан М. И. Осебашвили, большинство командиров рот и взводов, многие сержанты и солдаты. Несмотря на это, советские воины отклонили предложение противника сложить оружие.

Во время одной из атак, когда немецкие подразделения со всех сторон вплотную подошли к крепости, а отдельным группам автоматчиков удалось взобраться на крепостные стены, майор М. В. Сидорец по радио вызвал огонь артиллерии на себя. После залпа реактивных установок враг, понеся потери, отказался от продолжения штурма. Только к концу третьих суток, когда гарнизон почти израсходовал боеприпасы, немецким частям удалось овладеть крепостью. Под покровом темноты ее оставшиеся защитники во главе с тяжелораненым майором Сидорцом переправились через Неман к своим войскам[239].

На других направлениях части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, продолжая наступление и уничтожая арьергарды противника, 18 июля ворвались в г. Липск. Но развить успех кавалеристов не удалось. В 11 часов 3-я немецкая танковая дивизия, насчитывавшая около 120 танков и штурмовых орудий, и боевая группа «Ангальт» при поддержке артиллерии и авиации нанесли контрудар. В ходе тяжелого боя соединения корпуса оставили г. Липск, но попытку врага продвинуться дальше на север и перерезать шоссе Гродно — Августов пресек подошедший 121-й кавалерийский полк 32-й кавалерийской дивизии.

Однако угроза окружения корпуса и действовавшей правее 153-й стрелковой дивизии устранена не была. Их положение ухудшилось, когда в ночь на 19 июля немецкие подразделения вышли к г. Сопоцкин и через сутки овладели его южной окраиной. Продолжив наступление, до двух пехотных полков с танками и штурмовыми орудиями стали продвигаться в северо-восточном и восточном направлениях. Одновременно примерно такая же по составу вражеская группировка стремилась прорваться из района северо-западнее Сопоцкина через боевые порядки 36-го стрелкового корпуса 31-й армии для того, чтобы соединиться с частями 3-й танковой дивизии.

С утра 20 июля противник нанес также удар против правофланговых соединений 50-й армии с целью ликвидировать ее плацдарм на западном берегу Немана. К нему привлекались подразделения 3-й танковой дивизии и трех полицейских полков при поддержке до 20 артиллерийских и минометных батарей и авиации. Но противнику удалось потеснить только части 330-й стрелковой дивизии, которая не имела достаточного количества артиллерии, особенно противотанковой.

На следующий день немецкие войска продолжили свои атаки северо-западнее Гродно. Их группировка по-прежнему состояла из 3-й танковой дивизии, насчитывавшей к тому времени 75 танков и штурмовых орудий, боевой группы «Ангальт», а также прибывшего из Германии 33-го пехотного батальона СС. Наиболее сильный удар противник, как и ранее, нанес с целью уничтожения плацдарма 50-й армии на Немане. После двухчасового ожесточенного боя он несколько потеснил ослабленные в предыдущих боях части 330-й и 95-й стрелковых дивизий, но сбросить их в реку так и не смог.

Соединения 50-й армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус, отражая атаки врага, во исполнение приказа командующего войсками фронта неоднократно пытались перейти в наступление. Но, не располагая необходимыми для этого возможностями, положительных результатов не добились. В ночь на 22 июля в 50-ю армию прибыл представитель Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков. После изучения обстановки он приказал генерал-полковнику Г. Ф. Захарову усилить армию еще одной стрелковой дивизией, в течение 22 июля подтянуть отставшую артиллерию, подвезти боеприпасы и горючее и с утра 23 июля нанести удар с целью разгрома группировки немецких войск в районе Наумовичи — Сопоцкин — Голынка[240].

Выполняя поставленные задачи, соединения 50-й армии, 3-й гвардейский кавалерийский корпус и 153-я стрелковая дивизия полностью ликвидировали выступ противника северо-западнее Гродно, к 26 июля с ходу форсировали р. Сидра, вышли к шоссе Липск — Августов и южному берегу Августовского канала. Но все их последующие попытки продолжить наступление и прорвать заранее подготовленную оборону врага успехом не увенчались.

В период, когда соединения правого крыла фронта отражали контрудар противника западнее и северо-западнее Гродно, на его левом крыле продолжалось наступление на белостокском направлении. Здесь в течение 19—20 июля 35, 41 и 40-й стрелковые корпуса 3-й армии завершили форсирование р. Свислочь, обошли частью сил Белостокскую пущу и создали угрозу флангу и тылу группировки немецких войск, занимавшей оборону в районах населенных пунктов Крынки и Грудек.

С 20 июля между смежными флангами 50-й и 3-й армий начали занимать свои полосы наступления соединения вводимой в сражение 49-й армии. Ей подчинялся фронтовой подвижный отряд в составе 42-й гвардейской танковой бригады, 290-го гвардейского истребительного противотанкового артиллерийского полка, 6-го отдельного гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона и двух стрелковых батальонов на автомашинах[241].

В ночь на 21 июля подразделения, выделенные от дивизий первого эшелона, начали разведку боем. Однако, продвинувшись вперед на 200—300 м, они встретили сильное огневое сопротивление неприятеля и вынуждены были отойти в исходное положение. В 6 часов 30 минут после 30-минутной артиллерийской подготовки в наступление перешли главные силы армии, но не смогли добиться успеха. В 14 часов стрелковые соединения повторили атаку, и на этот раз вклинились в глубину вражеской обороны до 5 км.

Учитывая то обстоятельство, что немецкие войска в результате контрудара западнее и северо-западнее Гродно остановили наступление 50-й армии, командующий войсками 2-го

Белорусского фронта генерал-полковник Г. Ф. Захаров решил перенести направление главного удара в полосы 49-й и 3-й армий. Для развития наступления на белостокском направлении он усилил 49-ю армию 121-м стрелковым корпусом, который передавался ей из 50-й армии.

В ночь на 22 июля соединения 49-й армии продолжили наступление. Действия наземных войск поддерживались ночными бомбардировщиками, в течение четырех часов наносившими бомбовые удары по опорному пункту врага в местечке Кузница. На рассвете фронтовой подвижный отряд, воспользовавшись отходом противника, с ходу овладел этим местечком и перерезал железную и шоссейную дороги Гродно — Белосток. Развивая его успех, стрелковые корпуса армии, уничтожая вражеские арьергарды, продвинулись вперед от 10 до 18 км и поставили под угрозу окружения группировку немецких войск, действовавшую в районах южнее, западнее и северо-западнее Гродно.

Для того чтобы не допустить такого развития событий командование противника ввело в сражение части прибывшей 19-й танковой дивизии. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе местечка Кузница. Пытаясь вновь захватить его, враг предпринял более десяти атак силами от роты до батальона пехоты с пятью-шестью танками и штурмовыми орудиями при поддержке сильного артиллерийско-минометного огня и авиации. Их отразили фронтовой подвижный отряд и 1262-й стрелковый полк 380-й стрелковой дивизии. В течение всего следующего дня неприятель атаковал советские подразделения в районе Кузницы. Наиболее сильный удар он нанес в 16 часов 30 минут силами двух полков пехоты при поддержке до 50 танков и штурмовых орудий. Но, оставив на поле боя 29 подбитых и сожженных боевых машин, враг лишь овладел северной частью этого местечка[242].

Утром 24 июля дивизии 49-й армии освободили г. Сокулка и стали теснить немецкие войска на запад[243]. На следующий день армии были приданы 722-й и 1996-й самоходные артиллерийские полки, огневая мощь которых позволила стрелковым частям и подразделениям успешно отражать многочисленные контратаки противника и преодолевать его оборонительные рубежи. К исходу 27 июля армия с упорными боями вышла на рубеж Сидра — р. Соколда — юго-западнее Сокулки.

В полосе 3-й армии, действовавшей на белостокском направлении, немецкие войска 22 июля начали отход на запад, стремясь занять заранее подготовленный оборонительный рубеж по рекам Соколда и Плоска. Перейдя к их преследованию, соединения армии 24 июля прорвали внешней фас обороны Белостока, но овладеть городом с ходу им не удалось. Враг, занимая оборону на пригородном оборонительном обводе, не позволил советским войскам ворваться в Белосток и на следующий день.

Начиная с позднего вечера 25 июля, ночные бомбардировщики 4-й воздушной армии стали наносить удары по позициям артиллерии и огневым точкам противника. К утру 26 июля на участке прорыва армии развернулись 120-я гвардейская, 169-я и 129-я стрелковые дивизии, приданные танки, САУ и артиллерийские части. После десятиминутного огневого налета артиллерии стрелковые соединения перешли в наступление, но прорвали вражескую оборону лишь на узком участке, на смежных флангах 41-го и 40-го корпусов.

Немецкое командование усилило свою группировку в районе Белостока 17-й пехотной дивизией, прибывшей с кишиневского направления. В течение дня противник предпринял шестнадцать контратак, но так и не смог изменить обстановку. Во второй половине дня штурмовой отряд (подразделения 120-й гвардейской и 169-й стрелковых дивизий, 1901-й самоходный артиллерийский полк) под командованием заместителя командира 120-й гвардейской стрелковой дивизии ворвался на юго-восточную окраину Белостока и завязал ожесточенные уличные бои. В 17 часов 30 минут орудия 1901-го самоходного артиллерийского полка с десантом автоматчиков прорвались в его центральную часть. Только через десять часов им на помощь подошли главные силы 3-й армии, которые утром 27 июля завершили освобождение города[244].

В боях за Белосток значительную помощь наземным войскам оказала авиация 4-й воздушной армии. Поддерживая наступление стрелковых соединений, она совершила в течение 26 июля 647 самолето-вылетов (штурмовики — 241, истребители — 397, разведчики — 9),

В освобожденном Белостоке. 1944 г.

уничтожила и повредила восемь танков, три штурмовых орудия, 20 полевых орудий, 25 автомашин, 30 подвод, подавила огонь восьми батарей, подожгла склад с горючим и взорвала четыре склада с боеприпасами. В связи с этим командующий 3-й армией генерал А. В. Горбатов отмечал: «Особенно сильные действия авиации были 26 июля на участке основного прорыва. Штурмовые группы... были в непосредственной близости к наступавшей пехоте, сопровождая ее, уничтожая врага, непрерывно держали поле боя противника под своим воздействием... Я впервые встречаю такое тесное взаимодействие авиации 4-й воздушной армии... с наземными войсками. Ответственные генералы и офицеры... непрерывно находясь в войсках... со своими средствами связи, конкретно руководят буквально каждым самолетом, направляя его действия на уничтожение наиболее опасных целей для нашей пехоты»[245].

В результате Белостокской операции войска 2-го Белорусского фронта, продвинувшись с 5 по 27 июля более чем на 300 км, вышли на подступы к границам Восточной Пруссии, а также создали благоприятные условия для наступления на варшавском направлении. Они освободили около 30 тыс. кв. км территории и несколько сотен населенных пунктов, в том числе города Новогрудок, Волковыск, Гродно, Белосток, разгромили три пехотные и одну танковую дивизии, танковый батальон, несколько маршевых, штрафных и специальных частей и подразделений. Кроме того, четырем пехотным и двум танковым дивизиям, двум бригадам, полицейской группе «Готтберг» и боевой группе «Неркель», входившим в состав 4-й немецкой армии, был нанесен большой урон в людях, боевой технике, различных материальных средствах. При этом потери советских войск убитыми (с 1 по 31 июля) составили 9812 солдат и офицеров[246].

После овладения Белостокским укрепленным районом, крупным железнодорожным узлом и городом Белосток войска фронта получили новые наступательные задачи. Однако

к тому времени противник успел занять заранее подготовленный оборонительный рубеж, проходивший по Августовскому каналу, рекам Бжозувка и Нарев. В ходе боевых действий с 1 по 5 августа соединения 50-й и 49-й армий только на отдельных участках смогли продвинуться вперед, а 3-й армии — захватить небольшой плацдарм. Произведя перегруппировку, 50-я и 49-я армии 10 августа нанесли удар на осовецком направлении, в течение пяти дней прорвали оборонительный рубеж врага по рекам Бжозувка и Нарев, овладели крепостью Осовец, городами Гонендз, Менженин, Высоке-Мазовецк и вышли к р. Бебжа.

12 августа Ставка приказала фронту захватить плацдарм на р. Нарев западнее Остроленки[247]. В соответствии с решением генерала Г. Ф. Захарова главный удар был нанесен на левом крыле фронта силами 49-й и 3-й армий. Ударная группировка перешла в наступление 19 августа. Ведя тяжелые бои, она прорвала несколько оборонительных рубежей противника, но полностью поставленную задачу не выполнила.

Наступление 2-го Белорусского фронта с целью освобождения западных районов Белоруссии осуществлялось в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. В результате предыдущих боевых действий войска правого крыла этого фронта к исходу 4 июля вышли на подступы к важнейшему узлу железных и шоссейных дорог — г. Барановичи.

В тот же день маршал К. К. Рокоссовский получил директиву Ставки, в которой она потребовала силами 48, 65, 28-й армий, 1-го гвардейского и 9-го танковых, 4-го гвардейского кавалерийского и 1-го механизированного корпусов развивать наступление, нанося главный удар в направлении Барановичи — Брест. Ближайшая задача фронта заключалась в том, чтобы овладеть Барановичами и не позже 10–12 июля выйти на рубеж Слоним — р. Щара — Пинск. В дальнейшем он должен был «овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг, захватив плацдармы на его левом берегу»[248].

7 июля был утвержден план новой операции фронта, который впервые в общих чертах обсуждался еще 23–24 мая 1944 г.[249] В соответствии с ним намечалась следующая последовательность действий фронта. С выходом армий правого крыла ориентировочно на дальние подступы к Бресту главный удар переносился на левое крыло. После этого планировалось совместными усилиями всех сил фронта во взаимодействии с правым крылом 1-го Украинского фронта разгромить брестско-люблинскую группировку немецких войск и, развивая успех в западном направлении на Седлец, создать благоприятные условия для выхода на подступы к столице Польши Варшаве и на рубеж р. Висла[250].

На первом этапе операции наступление без оперативной паузы в боевых действиях продолжали войска правого крыла фронта. Здесь, севернее р. Припять, действовали в первом эшелоне 48, 65, 28 и 61-я армии, 1-й механизированный корпус и конно-механизированная группа (4-й гвардейский кавалерийский и 9-й танковый корпуса). В резерве командующего войсками фронта находились два стрелковых и один танковый корпуса. Всего в группировке правого крыла насчитывалось около 313 тыс. человек, 7570 орудий и минометов, 172 реактивных установки, 693 танка и САУ, из которых 180 находились в ремонте[251].

Маршал К. К. Рокоссовский решил главный удар нанести 48-й и 65-й армиями, конно-механизированной группой и 1-м механизированным корпусом по сходящимся на Барановичи направлениям с целью окружения и разгрома действовавшей здесь группировки противника. В дальнейшем, используя два параллельно идущих шоссе Слоним — Пружаны и Барановичи — Брест, развивать успех в общем направлении на Брест. Другой удар наносила 28-я армия в направлении шоссе Синявка — Ивацевичи и далее на Берёзу с задачей выйти на рубеж Слоним — р. Щара — Пинск. 61-й армии приказывалось во взаимодействии с Днепровской военной флотилией преследовать врага вдоль железной дороги в направлении Житковичи — Лунинец и совместно с партизанами овладеть последним. Оперативной группе укрепленных районов ставилась задача к утру 8 июля выйти на р. Птичь.

Противник, стремясь остановить советские войска на подступах к Барановичам, отвел на заранее подготовленный оборонительный рубеж по рекам Уша, Веджманка и Щара остатки частей 9-й армии, а также понесшие большие потери 4-ю танковую дивизию и 4-ю венгерскую кавалерийскую бригаду. Кроме того, немецкое командование выдвинуло на этот рубеж из

района Пинска часть корпусной группы «Е» и 1-ю венгерскую кавалерийскую дивизию, а из группы армий «Северная Украина» — 28-ю легкую пехотную дивизию. Гарнизон г. Барановичи, состоявший из 52-й охранной дивизии особого назначения и ряда частей, усиливался 537-м танковым батальоном, 904, 118 и 177-й бригадами штурмовых орудий. Оперативные резервы — венгерские 5-я и 23-я резервные дивизии — находились в районах Берёзы и Дрогичина. Кроме того, в 70 км северо-западнее Барановичей начала сосредоточиваться прибывавшая из Германии 50-я пехотная дивизия[252].

5 июля войска правого крыла фронта продолжили преследование противника, совершая одновременно выход в новые полосы наступления. Из-за этого в первых эшелонах стрелковых корпусов действовали крайне ограниченные силы и средства. Это обстоятельство не позволило нанести сильные удары по врагу, в результате чего основную задачу — овладение Барановичами — выполнить не удалось. Поэтому командующий войсками фронта в ночь на 6 июля приказал, не ожидая выхода 48-й армии в свою полосу, разгромить барановичскую группировку немецких войск и овладеть городом ударом 65-й и 28-й армий с севера, северо-востока, юго-востока и юга.

Однако в течение 6 июля соединения этих армий, прорвав оборону неприятеля на реках Веджманка и Щара, смогли продвинуться вперед только на 1—7 км, а подвижной группы фронта — до 10 км. На следующий день удалось выйти непосредственно к Барановичам с востока. Одновременно наметился обход города с севера, северо-запада, юга и юго-запада. В 3 часа 8 июля дивизии 18-го и 105-го стрелковых корпусов 65-й армии атаковали Барановичи с различных направлений. Немецкие части и подразделения, не ожидая ночного штурма, не выдержали удара и начали отход[253].

Преследуя их, 65-я и 28-я армии к исходу 9 июля вышли в широкой полосе к восточному берегу р. Щара, на ряде участков форсировали ее и захватили несколько плацдармов в районе Слонима. Одновременно 1-й гвардейский танковый корпус, имея в своем составе 31 танк и САУ, охватил город с северо-запада. Передовые части 9-го танкового корпуса, который насчитывал 62 боевые машины, ворвались в его восточную и юго-восточную части. На следующий день подразделения двух корпусов полностью очистили Слоним от врага. Одновременно они расширили захваченные ранее плацдармы на р. Щара и тем самым завершили прорыв заранее подготовленного оборонительного рубежа противника[254]. В дальнейшем соединения 48, 65 и 28-й армий совместно с подвижными войсками, действуя в условиях заболоченной местности и труднопроходимой Беловежской пущи, форсировали реки Россь и Ясельда, продвинулись вперед на 20—45 км и вышли на подступы к важным узлам железных и шоссейных дорог на белостокском и брестском направлениях — Свислочь, Гайновка, Каменец, Кобрин.

В то время как главные силы правого крыла фронта развивали наступление на Барановичи, Слоним и Ружаны, 61-я армия во взаимодействии с Днепровской военной флотилией, полесским и пинским партизанскими соединениями, оперативной группой укрепленных районов и 55-й гвардейской стрелковой дивизией 28-й армии преодолевала оборону врага по северным берегам рек Припять, Горынь и Стырь. При этом 89-й стрелковый корпус вел наступление в направлении г. Лунинец, а 397-я, 415-я стрелковые дивизии и 9-й гвардейский стрелковый корпус — г. Пинск.

В течение 5—9 июля соединения армии, форсировав многочисленные водные преграды, овладели важным узлом железных и шоссейных дорог Житковичами и вышли на подступы к Лунинцу. К нему же с севера, преодолев в тяжелейших условиях по болотистой местности до 90 км, подошли части 55-й гвардейской стрелковой дивизии. Днепровская военная флотилия огнем корабельной артиллерии поддерживала наступление стрелковых войск и к исходу 6 июля закончила переброску на северный берег р. Припять частей 89-го стрелкового корпуса. Затем, продвигаясь вверх по Припяти, 9 июля вышла одной бригадой к железнодорожному мосту в районе Лунинца и перебросила сюда батальон 397-й стрелковой дивизии. Остальные силы этой дивизии корабли флотилии доставили в район Березьце.

Активную помощь войскам оказывали партизаны. Так, одна бригада барановичского партизанского соединения вела наступление совместно с 55-й гвардейской стрелковой ди-

визией на г. Лунинец. Полесское партизанское соединение двумя бригадами содействовало 61-й армии в овладении штурмом городом и узлом дорог Житковичами. Наиболее активно действовало пинское партизанское соединение. Четыре его бригады 8 июля завязали бои за сильный опорный пункт противника в районе г. Бостынь, а на другой день совместно с частями Красной армии овладели им. Другие три бригады в то же время захватили железнодорожные станции Луща и Ловча. Взрывом рельсов они перекрыли выход со станции Луща вражескому бронепоезду, который впоследствии был захвачен в исправном состоянии. Одна бригада того же соединения 7 июля окружила немецкий гарнизон в Парохоньске и совместно с армейскими подразделениями 10 июля уничтожила его.

Бригада белостокского партизанского соединения, действовавшая на территории Пинской области, по распоряжению Военного совета 61-й армии разгромила штаб войсковой части в деревне Новы Двур (25 км северо-восточнее Пинска). Белостокские и брестские партизанские соединения, находившиеся в глубоком тылу, за это время нанесли ряд мощных ударов по коммуникациям врага, особенно на участках железной дороги от Бреста на Барановичи и Пинск. Они также произвели несколько крушений поездов на железной дороге Брест — Барановичи и взорвали 19 мостов[255].

Продолжая преследование противника, 61-я армия совместно с партизанами в течение трех последующих дней, с 10 по 12 июля, овладела городами Лунинец, Лунин, Ловча, форсировала крупные водные преграды — реки Стырь, Припять, Ясельда, продвинулась вперед правым флангом до 50 км, а левым флангом — на 8–26 км и вышла на ближние подступы к Пинску, прикрывавшему брестское направление[256]. Придавая ему огромное значение, немецкое командование заблаговременно подготовило по высоким берегам рек Ясельда и Пина оборонительный рубеж с траншеями полного профиля, перед которыми располагались инженерные заграждения. Особенно сильно были укреплены населенные пункты, в которых размещались долговременные и деревоземляные огневые точки. Этот рубеж враг занял еще 11 июля 216-й дивизионной группой с тремя рабочими батальонами, выведенными из боя восточнее Лунинца. В самом Пинске на северной окраине имелись две линии траншей полного профиля, а на южной — семь дотов. Внутри города, главным образом на перекрестках, размещались дзоты, из которых простреливались все основные улицы. Пинский гарнизон состоял из остатков 35-й пехотной дивизии и 17-й бригады особого назначения.

Развернув боевые действия на пинском направлении, соединения 61-й армии к исходу 13 июля прорвали оборону немецких войск на южном берегу р. Ясельда и форсировали р. Струмень. Одновременно Днепровская военная флотилия высадила на восточной окраине Пинска полк 415-й стрелковой дивизии. Совместными ударами с севера, юга и востока стрелковые части при содействии кораблей флотилии к утру 14 июля полностью сломили сопротивление вражеского гарнизона[257]. Немецкое командование лишилось последнего сильно укрепленного опорного пункта на кобринско-брестском направлении, утратило важнейшие шоссейные, железнодорожные и речные коммуникации.

В целом в период с 5 по 16 июля войска правого крыла 1-го Белорусского фронта продвинулись на юго-запад и запад на 190–200 км, освободили областные центры Белорусской ССР — Барановичи и Пинск, вышли на подступы к Бресту. В ходе боевых действий они прорвали два оборонительных рубежа противника; уничтожили его группировки в сильных опорных пунктах — Барановичи, Слоним, Ружаны, Коссово, Лунинец, Пинск; разгромили 102, 129, 292-ю пехотные и 28-ю легкую пехотную дивизии, 216-ю дивизионную группу, корпусную группу «Е», штурмовой полк 9-й армии, венгерские 1-ю кавалерийскую дивизию и 4-ю кавалерийскую бригаду; нанесли большой урон 4-й танковой, 367-й и 7-й пехотным, 203-й охранной, 5-й венгерской резервной дивизиям. При этом объединения и соединения правого крыла фронта потеряли 20 562 человека, из них убитыми 4773 человека, или 1,5% от общего количества личного состава[258].

Разгром главных сил группы армий «Центр» в Белоруссии, переход в наступление объединений соседнего 1-го Украинского фронта против группы армий «Северная Украина», а также выход советских войск на ближайшие подступы к Бресту создавали благоприятные

условия для практической реализации замысла Ставки Верховного главнокомандования по уничтожению брестско-люблинской группировки противника. Для этого главный удар намечалось нанести силами левого крыла 1-го Белорусского фронта на Влодава — Бяла-Подляска или на Влодава — Луков — Седлец, а другой — войсками его правого крыла в общем направлении на Брест.

Командующий фронтом решил создать главную ударную группировку в составе 47-й, 8-й гвардейской, 69-й и 1-й Польской армий, 2-й танковой армии, 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов. Ее ближайшая задача заключалась в том, чтобы, нанеся удар в общем направлении на Любомль — Опалин, разгромить противостоявшие немецкие войска и на пятый день выйти на рубеж Залесье — Осова — Чулчице — Холм. В дальнейшем, развивая наступление на север и северо-запад, совместно с армиями правого крыла окружить и уничтожить брестскую, а во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта — люблинскую группировки врага и к концу июля выйти на рубеж Бяла-Подляска — Лукув — Михув — Люблин[259].

Для нанесения мощного первого удара на участке прорыва главной ударной группировки фронта шириной 18 км были сосредоточены 70% стрелковых дивизий, 80% орудий и минометов, почти 100% танков и САУ из имевшихся на левом крыле. Все это позволило создать значительное превосходство над противником и высокую оперативную плотность сил и средств. Например, в 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова она достигала 247 орудий и минометов и 15 танков непосредственной поддержки пехоты на 1 км[260].

В интересах обеспечения действий войск левого крыла, по существу, заново создавалась авиационная группировка. Если к 1 июля 6-я воздушная армия, действовавшая на ковельском направлении, имела в своем составе всего три авиационные дивизии, то к 15 июля она объединяла прибывшие из резерва Ставки 13-й истребительный, 6-й штурмовой авиационные корпуса и 2-ю ночную бомбардировочную авиационную дивизию. Из 16-й воздушной армии фронта ей были переданы 6-й смешанный авиационный корпус, 3-я гвардейская и 299-я штурмовые, 1-я гвардейская истребительная авиационные дивизии. Благодаря этому 6-я воздушная армия превратилась в мощное объединение, насчитывавшее 1424 боевых самолета[261].

Войскам правого крыла фронта приказывалось нанести вспомогательные удары: 48-й и 65-й армиям — в общем направлении на Бельск и далее к р. Западный Буг с целью во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта разобщить белостокскую и брестскую группировки противника и в последующем уничтожить их по частям; 28-й и 61-й армиям совместно с конно-механизированной группой — навстречу объединениям левого крыла фронта с задачей окружить и уничтожить брестскую группировку врага, овладеть Брестом и выйти на рубеж р. Западный Буг с захватом плацдармов на его южном берегу[262].

Немецкое командование, стремясь прикрыть направление на Варшаву и остановить наступление войск правого крыла 1-го Белорусского фронта, а также задержать на длительное время переход в наступление объединений его левого крыла, спешно изыскивало резервы и сосредоточивало их в районе Бреста. Одновременно оно отвело свои войска из района Ковеля на 18–25 км на запад на заранее подготовленную полосу обороны и готовило армейский оборонительный рубеж по р. Западный Буг.

После того как был установлен отход неприятеля на ковельском направлении, командующий войсками фронта передал в подчинение командующего 47-й армией 11-й танковый корпус. Его задача заключалась в том, чтобы, приступив к немедленному преследованию врага, сорвать занятие им выгодных оборонительных рубежей в глубине. Тем самым намечалось создать условия для перехода в наступление главной ударной группировки фронта.

Однако, как отмечалось в директиве Ставки ВГК от 16 июля 1944 г., «11-й танковый корпус пошел в бой без поддержки артиллерии и даже не развернул своих самоходных полков. Пехота танкового корпуса и пехота стрелковых дивизий за танками не наступала». В результате этого действовавшие в первом эшелоне корпуса две танковые бригады, попав под сильный огонь противотанковой артиллерии, за короткое время потеряли 75 танков. От идеи развития успеха на этом направлении пришлось отказаться[263].

Советская пехота ведет бой за населенный пункт

Захваченный немецкий танк

К исходу 16 июля перед правым крылом фронта занимали оборону группа генерала Г. Хартенека (1-й венгерский кавалерийский корпус, отдельные немецкие части и подразделения), а также 23-й и 20-й армейские корпуса 2-й полевой армии. Войскам левого крыла противостояли 8-й армейский, 56-й танковый корпуса и 214-я пехотная дивизия 42-го армейского корпуса 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина».

Для создания оперативных резервов на брестском направлении противник вывел из сражения остатки венгерских 1-й кавалерийской и 5-й резервной дивизий, а также 35-й немецкой пехотной дивизии, которые затем сосредоточил в районах городов Высокое и Брест. В район Бреста также перегруппировывалась 23-я венгерская резервная дивизия. Кроме того, из группы армий «Северная Украина» прибыли: 5-я танковая дивизия СС «Викинг» — в район городов Белосток и Бельск-Подляски; 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» — в район северо-восточнее Белостока. Одновременно против правого крыла 1-го Белорусского фронта разворачивались различные охранные полки и специальные части врага. В результате силы немецких войск здесь не уменьшились, а наоборот, увеличились. Но это привело к ослаблению группировки противника, противостоявшей армиям левого крыла фронта.

Немецкое командование полагало компенсировать этот недостаток за счет срочного оборудования и заблаговременного занятия войсками ряда оборонительных рубежей. Первый из таких рубежей с передним краем по линии озеро Ожехово — Ратно — Новая Выжва — Смидынь — Тарговище — западный берег р. Турья имел глубину от 3 до 6 км. Многие населенные пункты на нем были приспособлены к обороне, а подступы к ним прикрыты минными полями и проволочными заграждениями. Второй рубеж проходил по линии Дубечно — западный берег р. Выжовка — Олеск, на котором враг сумел подготовить лишь отдельные траншеи, а также несколько опорных пунктов на основных дорогах. В глубине, на р. Западный Буг от Бреста до Устилуг, находился оборудованный в инженерном отношении армейский оборонительный рубеж. Он состоял из узлов сопротивления, внутри которых имелись траншеи, ходы сообщения, долговременные и деревоземляные огневые точки.

Город и крепость Брест, прикрывавшие подступы к р. Западный Буг на варшавском направлении, представляли собой мощный укрепленный район. Город окружали три оборонительных обвода. Первый из них находился на удалении 5–6 км от Бреста. Второй проходил по линии внешних фортов, оставшихся еще со времен Первой мировой войны, а третий — по предместьям города и включал форты внутренней линии с железобетонными сооружениями.

Наступление армий правого крыла фронта в соответствии с новыми задачами началось без оперативной паузы 17 июля в прежней группировке сил и средств. Соединения 48-й и 65-й армий к исходу 18 июля овладели важными узлами шоссейных и железных дорог — населенными пунктами Свислочь и Гайновка[264]. Одновременно конно-механизированная группа и 28-я армия нанесли удары с целью обхода Бреста с севера, а 61-я армии — выхода к нему с северо-востока и востока.

Наиболее успешно действовал 4-й гвардейский кавалерийский корпус из состава конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева. 17 июля он прорвался к г. Видомля и освободил его. На другой день, форсировав р. Лесная, стремительным броском в направлении на местечко Янув-Подляски, в обход Брестского укрепленного района с севера и северо-запада, кавалерийские дивизии вышли к р. Западный Буг, завязали бои за переправы через нее, а также перерезали железную дорогу Белосток — Брест. Однако другие подвижные соединения, встретив сильное противодействие 102-й немецкой пехотной и 5-й венгерской резервной дивизий, не смогли развить успех. 9-й танковый корпус так и не вошел в прорыв вслед за 4-м гвардейским кавалерийским корпусом, а 1-й механизированный корпус не выполнил задачу по выходу в район Кобрина с целью воспретить отход пинской группировки противника на Брест[265]. В то же время 70-я армия, действовавшая на левом крыле фронта и наносившая удар в направлении Бреста с юго-востока, прорвала два рубежа обороны врага и овладела городами Мокраны, Заболотье, Любохины.

В последующие дни 4-й гвардейский кавалерийский корпус, который оторвался от главных сил на 50 км, действовал во вражеском тылу северо-восточнее местечка Янув-Подляски.

Он оказался в сложном положении, так как подвоз боеприпасов и горючего прекратился и начал ощущаться их недостаток. Стремясь соединиться с кавалеристами, 65-я армия нарастила темпы наступления за счет ввода в сражение второго эшелона — 80-го стрелкового корпуса. К исходу 21 июля его дивизии вышли к р. Западный Буг, форсировали ее и захватили плацдарм глубиной до 4 км[266]. В результате соединения 65-й армии положили начало окружению брестской группировки противника с образованием внутреннего и внешнего фронтов. Они рассекли 2-ю немецкую армию в районе северо-западнее Бреста, а также разобщили ее белостокскую и брестскую группировки.

Но к тому времени немецкое командование сосредоточило на флангах 65-й армии значительные силы, которые с утра 22 июля перешли в наступление. Наиболее сильному воздействию подверглись левофланговые соединения, против которых атаки следовали одна за другой. Например, в 17 часов из района северо-западнее Высокого в направлении населенного пункта Клещели нанесли удар два полка 35-й и 292-й пехотных дивизий при поддержке до 85 танков и штурмовых орудий 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Армия вынуждена была перейти к обороне на достигнутом рубеже.

Но это не помешало другим объединениям правого крыла фронта продолжить наступление. Действовавшая на вспомогательном направлении 48-я армия к исходу 22 июля вышла на подступы к г. Бельск-Подляски, а 61-я армия прорвала вражескую оборону по р. Мухавец и овладела крупным узлом железных и шоссейных дорог — г. Кобрин. Одновременно соединения 70-й армии левого крыла фронта, развивая наступление на брестском направлении, освободили города Малорита, Крымно и Шацк.

В сложившейся обстановке командующий войсками фронта решил: соединениями 48-й, 65-й армий и одним корпусом 28-й армии отразить контрудар в общей сложности до пяти дивизий противника (из них двух танковых) северо-западнее г. Высокое и юго-восточнее г. Бельск-Подляски; ударом с северо-востока главных сил 28-й армии, с юго-востока — 70-й армии, а с востока — 9-го гвардейского стрелкового корпуса 61-й армии по сходящимся на Зачопки направлениям окружить брестскую группировку врага; выходом соединений 65-й и 47-й армий к р. Западный Буг исключить возможность ее деблокирования[267].

Начиная с 23 июля наиболее напряженные бои велись у основания вклинения 65-й армии в районах к юго-востоку от Бельск-Подляски и к северо-западу от Высокого, а затем у его острия в районе Семятиче — Мельник. В тот день из района Бельска в направлении Клещели нанесли удар два пехотных полка при поддержке 50 танков 4-й танковой дивизии. Навстречу им из района северо-западнее Высокого перешли в наступление до двух полков 35-й и 292-й пехотных дивизий с 60 танками 5-й танковой дивизии СС «Викинг»[268]. Вплоть до 26 июля противник не оставлял попыток ликвидировать вклинение армии, но смог лишь несколько потеснить дивизии 80-го и 105-го стрелковых корпусов, которые испытывали большой недостаток в боеприпасах.

Развивая наступление на других направлениях, 28-я и 70-я армии 27 июля нанесли удар по сходящимся направлениям на Зачопки и вышли на реки Лесная и Западный Буг. Тем самым они завершили окружение врага в районе Бреста[269]. Немецкие и венгерские войска, пытаясь любой ценой вырваться, в течение следующего дня произвели более пятидесяти атак силами от батальона до двух полков пехоты с танками и штурмовыми орудиями. Отразив их, соединения 28-й и 70-й армий, а также 9-го гвардейского стрелкового корпуса 61-й армии вначале рассекли окруженную группировку, а затем штурмом овладели Брестом и Брестским укрепленным районом[270]. Только отдельным немецким и венгерским подразделениям удалось прорваться из города, но вскоре они были пленены или уничтожены.

В районе Бреста объединения 1-го Белорусского фронта разгромили части 102-й и 168-й пехотных, 203-й охранной дивизий и корпусной группы «Е», 3-ю кавалерийскую бригаду, 57, 89 и 930-й охранные полки, 670-й охранный и 642-й крепостной батальоны, батальон отпускников, различные специальные подразделения. Только за два дня боевых действий, 28 и 29 июля, советские войска, по докладам штабов 28-й и 70-й армий, уничтожили около 15 тыс. солдат и офицеров, 22 артиллерийские и минометные батареи, 15 танков. За то же

Жители освобожденного Люблина приветствуют советских воинов. Июль 1944 г.

время они взяли в плен свыше 1,4 тыс. человек и захватили 338 орудий и минометов, 20 танков и штурмовых орудий, 35 вагонов с боеприпасами, 2 тыс. повозок с грузом, 8 тыс. лошадей и много другого военного имущества и снаряжения[271].

Вместе с тем выполнить полностью задачи, поставленные командованием фронта, армии его правого крыла не смогли. Им не удалось окружить группировку немецких войск в районе г. Высокое, а также выйти главными силами к р. Западный Буг. В этой связи и во исполнение требований Ставки ВГК не позже 5–8 августа захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев маршал К. К. Рокоссовский приказал 48, 65 и 28-й армиям во взаимодействии с 1-м механизированным и 9-м танковым корпусами продолжить наступление[272]. Его результатом стало овладение рядом сильных опорных пунктов противника, но эти частные успехи не привели к изменениям в обстановке.

Переходу в наступление на левом крыле фронта его главной ударной группировки предшествовала предварительная авиационная подготовка, проведенная в ночь на 18 июля. После ее окончания в 5 часов 30 минут врага атаковали передовые батальоны и полки, которые в течение полутора часов заняли первую, а местами и вторую траншеи. Для того чтобы нарастить силу удара, командующий войсками фронта передал в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армиями по одной штурмовой авиационной дивизии, а в подчинение командующего 8-й гвардейской армией — один штурмовой авиационный корпус, а также 11-й танковый корпус. Используя поддержку с воздуха, стрелковые соединения трех армий прорвали главную полосу обороны противника и вынудили немецкое командование начать отвод части своих сил на армейский оборонительный рубеж по р. Западный Буг[273].

Исходя из этого, маршал К. К. Рокоссовский решил ввести в прорыв 2-ю танковую армию и 7-й гвардейский кавалерийский корпус только после захвата плацдармов на р. Западный Буг с целью развития успеха в оперативной глубине. Для выполнения же ближайшей задачи

Форсирование Вислы. 1-й Белорусский фронт, 1944 г.

намечалось привлечь подвижную группу 8-й гвардейской армии — 11-й танковый корпус, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

2-й гвардейский кавалерийский корпус, войдя на рассвете 20 июля в прорыв в полосе 47-й армии, во второй половине дня форсировал на подручных средствах Западный Буг и овладел плацдармом до 13 км в ширину и до 6 км в глубину. Одновременно 11-й танковый корпус захватил исправную переправу через реку. Еще на двух плацдармах закрепились передовые отряды, выделенные от армий. В результате подвижные соединения упредили немецкие войска в занятии обороны по р. Западный Буг и лишили их возможности задержать на этом рубеже наступление главной ударной группировки фронта.

С выходом передовых частей Красной армии на территорию Польши активизировалась деятельность различных политических сил этой страны. 21 июля на подпольном заседании Крайовой Рады Народовой в Варшаве был создан Польский комитет национального освобождения, который избрал резиденцией Рады г. Люблин — первый крупный административный центр на пути наступления советских войск. В тот же день Верховный главнокомандующий приказал 1-му Белорусскому фронту не позже 26–27 июля овладеть городом, мотивируя свое решение требованиями политической обстановки и интересами «независимой демократической Польши»[274].

К выполнению этой задачи командование фронта привлекло 8-ю гвардейскую, 69-ю и 1-ю Польскую армии, а также подвижную группу (2-я танковая армия и 7-й гвардейский кавалерийский корпус). Следовательно, на люблинское направление вместо одной, по первоначальному плану, выделялись четыре армии, в том числе одна танковая. Одновременно 47-я армия и вновь сформированная конно-механизированная группа в составе 2-го гвардейского кавалерийского и 11-го танкового корпусов наносили второй удар в общем направлении на

Жители предместья Варшавы — Праги приветствуют своих освободителей

Седлец. Именно такие же по составу силы ранее предполагалось использовать для наступления в направлении Люблина. Таким образом, в ходе начавшейся уже операции изменились не только направление главного удара, но и состав ударной и другой группировок.

22 июля главная ударная группировка фронта силами первого эшелона завершила форсирование Западного Буга. В 11 часов передовые части 2-й танковой армии и 7-го гвардейского кавалерийского корпуса обогнали стрелковые соединения 8-й гвардейской армии и устремились к Люблину, обходя его с севера, северо-запада и юго-запада. К исходу дня 8-й гвардейский и 3-й танковые корпуса вышли к р. Вепш и захватили плацдарм на ней. 23 июля они совместно с 28-м гвардейским стрелковым корпусом овладели Люблином, который являлся важным узлом обороны врага на путях к Варшаве и крупным узлом железных и шоссейных дорог[275]. После этого главные силы 2-й танковой армии продолжили наступление к р. Висла, вышли на нее на участке Демблин — Пулавы и захватили эти города-крепости[276].

Маршал К. К. Рокоссовский 25 июля наметил дальнейшие действия своих войск. В соответствии с его решением армии левого крыла фронта получили задачу к 1 августа овладеть плацдармом на западном берегу Вислы шириной до 90 км и глубиной до 25 км. Одновременно 2-я танковая армия должна была вести наступление в направлении предместья Варшавы — Праги[277]. 28 июля Ставка конкретизировала задачи не только для левого крыла, но и для всего 1-го Белорусского фронта. Она приказала ему «после овладения рубежом Брест, Седлец правым крылом... развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом... захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла

и тем самым обеспечить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь»[278].

Командующий войсками фронта решил форсировать Вислу силами 8-й гвардейской, 1-й Польской и 69-й армий. В полосе их наступления ширина реки составляла от 400 до 600 м, глубина — до 2 м и более. По ее западному берегу, который господствовал над восточным, проходил заблаговременно подготовленный в инженерном отношении оборонительный рубеж, который занимали части и подразделения восьми дивизий и до двух бригад штурмовых орудий врага.

Первыми 29 июля форсировали Вислу четыре передовых отряда 69-й армии, которые овладели двумя небольшими плацдармами в районе 10—15 км юго-западнее г. Пулавы. Двумя сутками позже 8-я гвардейская и 1-я Польская армии шестью передовыми отрядами захватили плацдармы юго-западнее устья р. Вильга (до 10 км в ширину и 1—3 км в глубину). В последующие дни они были несколько расширены, но задача, поставленная командующим войсками фронта, осталась невыполненной. Размеры плацдармов на Висле вместо запланированных 90 км на 25 км составили в общей сложности всего 45 км в ширину и до 7 км в глубину. К тому же 1-я Польская армия так и не смогла переправить через реку свои главные силы, а 69-я армия — захватить плацдарм южнее г. Селец.

2-я танковая армия с утра 28 июля продолжила наступление к предместью Варшавы — Праге. Преодолевая всё возраставшее сопротивление врага, особенно вдоль Варшавского шоссе, и обходя его опорные пункты, соединения армии 29 июля овладели г. Станиславув и рубежом р. Свидер, а на другой день вышли на рубеж Воломин — Радзымин — Мендзылесе — Свидер.

Немецкое командование, чтобы не допустить выхода 1-го Белорусского фронта к Варшаве, сосредоточило на подступах к ней сильную группировку, насчитывавшую до пяти танковых и двух пехотных дивизий (51,5 тыс. человек, 1158 орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий). 2-я танковая армия, испытывавшая перебои в снабжении боеприпасами и горючим, могла противопоставить ей только 32 тыс. человек, 468 орудий и минометов и 425 танков и САУ[279]. К тому же 6-я воздушная армия еще не успела перебазировать самолеты на новые аэродромы ближе к линии соприкосновения сторон и также испытывала трудности с подвозом горючего. Так, 29 июля при наличии почти 1,4 тыс. самолетов она произвела всего 95 самолето-вылетов, а 30 июля — 232 самолета-вылета[280]. В результате боевые возможности 2-й танковой армии, лишенной поддержки стрелковых частей и воздушного прикрытия, резко снизились. Исходя из этого, маршал К. К. Рокоссовский приказал армии «действовать по обстановке, штурма укрепрайонов и долговременных оборонительных сооружений избегать»[281].

31 июля противник перешел в наступление. Нанеся удары танковой дивизией «Герман Геринг» и 19-й танковой дивизией со стороны Праги, 4-й танковой дивизией с севера, а 5-й танковой дивизией СС «Викинг» и 3-й танковой дивизией СС «Мертвая голова» с востока, он поставил 2-ю танковую армию под угрозу окружения. В такой обстановке утром 1 августа она получила приказ перейти к обороне. В течение 2—3 августа враг прорвал оборону 3-го танкового корпуса и окружил 50-ю и 51-ю танковые бригады. 5 августа командующий 2-й танковой армии доложил в штаб фронта: «Противник силами тд СС «Мертвая голова», тд «Герман Геринг», тд СС «Викинг», 19-й тд, 73-й пд, штурмбатальона, 24-го строительного батальона, артиллерийских частей в 11.00 3.8.44 г. перешел в наступление на части 3-го тк и 8-го гв. тк... 2-я ТА 3.8.44 г. 3-м тк с частью сил 8-го гв. тк вела бой по уничтожению танков и пехоты противника. 50-я и 51-я тбр 3-го тк... понесли большие потери и из района боевых действий не вышли... Потери армии: сгорело и подбито танков и самоходных установок — 58, из них 42 остались на территории, занятой противником. Раздавлено орудий разных калибров — 16, автомашин — 17. Ранены и остались на территории, занятой противником, командиры 50-й и 51-й танковых бригад — Герой Советского Союза полковник [С. Н.] Мирвода, майор Фундовный со своими штабами»[282].

Наступление 2-й танковой армии перспектив не имело, поэтому по решению командующего войсками фронта она передала свою полосу 47-й армии и была выведена из сражения. На то время в ней насчитывалось всего 27 танков и четыре самоходные артиллерийские установки из 810, имевшихся к 18 июля[283]. В результате немецкое командование устранило угрозу тылу своей группировки, которая вела бои к востоку от Варшавы.

В результате боевых действий в период с 17 июля по 2 августа 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта преодолели упорное сопротивление брестской и люблинской группировок врага, вышли на р. Висла в полосе более 120 км и захватили на ее западном берегу четыре плацдарма. В ходе наступления они разгромили 12 пехотных, резервных, кавалерийских и охранных дивизий, две кавалерийские бригады, одну корпусную группу, один штурмовой полк, около 10 отдельных артиллерийских дивизионов резерва главного командования, три бригады штурмовых орудий; нанесли серьезное поражение шести пехотным и четырем танковым дивизиям, бригаде особого назначения и различным охранным и специальным частям. При этом потери советских войск составили 68 668 человек, из них убитыми — 15 569[284].

Почти до конца августа армии правого крыла фронта наносили удары с целью овладения рубежами, с которых планировалось впоследствии начать Варшавскую наступательную операцию. В ходе тяжелых боев они заняли города Чижев, Малкиня-Гурна, Остров-Мазовецкий. На левом крыле 8-я гвардейская и 69-я армии, отражая контрудары танков и пехоты противника на магнушевском и пулавском плацдармах, смогли расширить их: первый — до 25 км в ширину и до 15—18 км в глубину; второй соответственно — до 25 и 12 км.

В целом в течение августа 1944 г. продвижение войск 1-го Белорусского фронта составило не более 80 км. Более того, на некоторых участках они вынуждены были оставить захваченные ранее рубежи. Резкое снижение темпов наступления объяснялось прежде всего возросшим сопротивлением немецких войск, вводом в сражение командованием вермахта танковых и пехотных дивизий, переброшенных с других участков восточного фронта и из резерва, наличием у противника заблаговременно подготовленных оборонительных рубежей, необходимостью форсирования советскими войсками крупных водных преград.

* * *

В ходе операции «Багратион» 1-й Прибалтийский, 3, 2 и 1-й Белорусский фронты в период с 23 июня по 29 августа 1944 г., развернув наступление в полосе шириной до 1100 км и на глубину до 600 км, завершили полное освобождение Белоруссии, большей части Литвы, часть Латвии и Украины, перенесли боевые действия на территорию Польши и вышли к границам Восточной Пруссии. Они разгромили одну из наиболее сильных группировок врага на советско-германском фронте — группу армий «Центр», уничтожив при этом 17 дивизий и три бригады. Еще 50 дивизий потеряли более половины своего состава. Для восполнения понесенных потерь и стабилизации положения на центральном участке восточного фронта командование вермахта перебросило сюда с других направлений 46 дивизий и четыре бригады, ослабив свои группировки, развернутые против англо-американских войск во Франции.

Политические и военные деятели Запада, дипломаты и журналисты отмечали значительное влияние событий на центральном участке советско-германского фронта на дальнейший ход Второй мировой войны. «Стремительность наступления Ваших армий изумительна», — писал президент Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельт 21 июля 1944 г. И. В. Сталину. В телеграмме главе советского правительства от 24 июля премьер-министр Великобритании У. Черчилль назвал события в Белоруссии «победами огромной важности»[285]. Одна из турецких газет 9 июля констатировала: «Если продвижение русских будет развиваться теми же темпами, русские войска войдут в Берлин быстрее, чем союзные войска закончат операции в Нормандии»[286].

Лондонское радио 16 июля отмечало: «Русское наступление называют лавиной. Если сравнить его темпы с темпами наступления войск союзников в Нормандии, то последнее...

Немецкие генералы, захваченные в ходе операции «Багратион»

идет пока очень медленно»[287]. Это подтверждают и свидетельства немецких генералов. Так, Г. Гудериан вспоминал: «В то время как на фронте в Нормандии развертывавшиеся передовые части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта... на Восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие чудовищную катастрофу»[288].

Выдающихся результатов в операции «Багратион» удалось достичь благодаря высокому наступательному порыву, мужеству и героизму войск. Только за июль — август более 402 тыс. солдат и офицеров Красной армии, участников Белорусской операции, были награждены орденами и медалями СССР, а более 600 соединений и частей удостоены почетных наименований городов Белоруссии, Украины, Литвы и Польши.

Вместе с тем высокая интенсивность боевых действий, заблаговременный переход противника к обороне, трудные условия лесисто-болотистой местности, необходимость преодоления крупных водных преград и других естественных препятствий привели к большим потерям четырех фронтов. Всего потери советских войск, включая Днепровскую военную флотилию, составили 765 815 человек, в том числе безвозвратные — 178 507 человек. 1-я армия Войска Польского потеряла 5073 человека, из них убитыми 1533 человека[289]. Помимо этого, в операции были потеряны 2957 танков и САУ, 2447 орудий и минометов, 822 боевых самолета[290].

В ходе боевых действий на западном направлении летом 1944 г. в полной мере проявилось военное искусство советского командования. Ставка Верховного главнокомандования разработала смелый по замыслу и оригинальный по форме план операции четырех фронтов с учетом характера обороны, численности и расположения вражеских группировок, условий местности, конфигурации линии соприкосновения сторон и других факторов. Были успешно

решены вопросы выбора направления главного удара, создания группировок сил и средств, скрытной подготовки фронтовых и армейских операций и обеспечения оперативной внезапности, организации взаимодействия между объединениями для достижения общей цели наступления.

Получило развитие искусство подготовки и ведения операций на окружение крупных группировок противника в короткие сроки как в тактической, так и в оперативной глубине. В отличие от предшествовавших периодов войны были значительно сокращены сроки разгрома окруженного врага: под Витебском — два дня, под Бобруйском — три дня, под Минском — шесть дней, под Вильнюсом и Брестом — два дня. Важной особенностью являлось и то, что во всех случаях внешний фронт создавался подвижным, а выделенные в его состав силы продолжали наступление в глубину. Это лишало немецкое командование возможности организовать взаимодействие между своими окруженными группировками и главными силами и крайне затрудняло прорыв первых из окружения.

Характерным для данной операции стало разнообразное применение бронетанковых и механизированных войск на всех ее этапах. Особенно эффективно они действовали в составе подвижных групп при развитии успеха в оперативной глубине, что приводило к увеличению размаха фронтовых и армейских наступательных операций и достижению в них решительных результатов.

За время операции фронтовая авиация совершила в интересах завоевания господства в воздухе около 40 тыс. самолето-вылетов. Она применялась массированно на направлениях главных ударов фронтов по задачам наземных войск. Для их поддержки было произведено около 50% всех самолето-вылетов бомбардировщиков и штурмовиков. Авиация дальнего действия совершила 10,3 тыс. самолето-вылетов и сбросила более 10 тыс. тонн бомб. Вместе с тем вследствие отставания аэродромного базирования и перебоев в подвозе горючего активность авиации на втором этапе операции снизилась.

В целом, успешное наступление 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов на западном направлении летом 1944 г. коренным образом изменило обстановку на всем советско-германском фронте, привело к заметному ослаблению боевого потенциала вермахта. Ликвидировав белорусский выступ, они устранили угрозу фланговых ударов с севера по армиям 1-го Украинского фронта, которые вели наступление на львовском и рава-русском направлениях. Одновременно захват и удержание советскими войсками плацдармов на Висле в районах Пулавы и Магнушева открывали перспективы для проведения новых операций по разгрому врага с целью полного освобождения Польши и выхода к столице Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. В 4-х т. Т. 3. Операции Советских вооруженных сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М., 1958. С. 285.

[2] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. В 2-х т. М., 1959. Т. 1. С. 43.

[3] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 287.

[4] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 41.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 74–75.

[6] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 288.

[7] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1988. С. 448.

[8] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 694.

[9] Там же.

[10] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 94–95.

[11] Там же. С. 95.

[12] Там же. С. 93.

[13] Там же. С. 94.

[14] *Тимохович И. В.* Битва за Белоруссию. 1941–1944. Минск, 1994. С. 163.

[15] Там же. С. 173.

[16] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 54.

[17] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 292; Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 42.

[18] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 217, 219.

[19] История второй мировой войны, 1939–1945. В 12-ти т. Т. 9. М., 1978. С. 47.

[20] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 70.

[21] Там же. С. 71.

[22] Там же. С. 74.

[23] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 75. Л. 14–18.

[24] *Баграмян И.* Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции // Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 22.

[25] *Белоконов К. К., Муриев Д. З.* Витебско-Оршанская наступательная операция 3-го Белорусского фронта, освобождение Минска. М., 1954. Вып. 1. С. 12.

[26] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 86.

[27] Там же.

[28] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 137. Л. 10–13, 14–15.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 6–9, 19–20.

[31] *Белоконов К. К., Муриев Д. З.* Указ. соч. Вып. 1. С. 15; ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 137. Л. 4–5.

[32] *Тимохович И. В.* Указ. соч. С. 157.

[33] Там же.

[34] Витебская операция (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15 (ноябрь — декабрь 1944 г.). М., 1945. С. 5.

[35] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 72–75.

[36] *Плотников Ю. В.* В сражениях за Белоруссию. Минск, 1982. С. 55.

[37] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18 (май — июнь 1944 г.). М., 1945. С. 59.

[38] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. Ведение Белорусской наступательной операции 1944 года. М., 1959. С. 20.

[39] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 76–80.

[40] *Баграмян И. Х.* Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции // Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 19.

[41] Витебская операция (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 25.

[42] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 81–85.

[43] Там же. Оп. 2129. Д. 36. Л. 29–31, 32–34.

[44] *Баграмян И. Х.* Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции // Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 22.

[45] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 25.

[46] Там же. С. 24.

[47] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 28. Л. 39–44.

[48] Там же. Оп. 2078. Д. 16. Л. 76–78.

[49] *Белоконов К. К., Муриев Д. З.* Указ. соч. Вып. 1. С. 39.

[50] Витебская операция (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 24.

[51] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 376–386.

[52] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 43.

[53] Витебская операция (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 30.

[54] *Белоконов К. К., Муриев Д. З.* Указ. соч. Вып. 1. С. 46–47.

[55] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 8. Л. 223.

[56] Витебская операция (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 33.

[57] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 36.

[58] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 346–355.

[59] Там же. Л. 356–364.

[60] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 67.

[61] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 232. Л. 139–140.

[62] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 376–386.

[63] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 47.

[64] *Белоконов К. К., Муриев Д. З.* Указ. соч. Вып. 3. С. 69.

[65] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 232. Л. 144.

[66] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 65.

[67] Конно-механизированная группа 3-го Белорусского фронта в летней операции 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М., 1945. С. 113.

[68] *Сидоренко А. А.* На могилевском направлении. Наступательная операция 49-й армии 2-го Белорусского фронта в 1944 году. М., 1959. С. 12.

[69] Там же. С. 21.

[70] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 101–102.

[71] Там же. Т. 2. С. 104.

[72] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 297–298.

[73] *Сидоренко А. А.* Указ. соч. С. 15.

[74] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 356–364.

[75] Там же. Л. 365–375.

[76] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 78.

[77] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 376–386.

[78] Там же. Л. 398–410.

[79] *Сидоренко А. А.* Указ. соч. С. 141.

[80] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 5. Л. 411–422.

[81] *Сидоренко А. А.* Указ. соч. С. 143.

[82] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 104.

[83] Там же. Т. 1. С. 109.

[84] Наступление 65-й армии в Бобруйской операции (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 88.

[85] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 1. С. 114.

[86] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 59–66.

[87] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 26–27, 190–193.

[88] Авиационное обеспечение Белорусской операции // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 20 (сентябрь — октябрь 1945 г.). М., 1945. С. 91.

[89] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 159–163.

[90] Там же.

[91] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 101.

[92] Действия танковых и механизированных войск в операции по окружению и уничтожению бобруйской группировки противника // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17 (март — апрель 1945 г.). М., 1945. С. 90.

[93] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 182–185.

[94] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 84.

[95] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 198–202.

[96] Там же.

[97] Наступление 65-й армии в Бобруйской операции (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 97.

[98] Действия танковых и механизированных войск в операции по окружению и уничтожению бобруйской группировки противника // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17. С. 91.

[99] Прорыв обороны противника юго-западнее Жлобина (боевые действия 28-й армии, июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М., 1945. С. 43.

[100] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 182–185.

[101] Действия танковых и механизированных войск в операции по окружению и уничтожению бобруйской группировки противника // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17. С. 91.

[102] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 105.

[103] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 182–185.

[104] Там же. Л. 198–202.

[105] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 85.

[106] Действия танковых и механизированных войск в операции по окружению и уничтожению бобруйской группировки противника // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17. С. 94–95.

[107] Авиационное обеспечение Белорусской операции // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 20. С. 94.

[108] Наступление 65-й армии в Бобруйской операции (июнь 1944 г.) // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 15. С. 99.

[109] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 116–117.

[110] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 253–258.

[111] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 86.

[112] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 253–258.
[113] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 118.
[114] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 88.
[115] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 253–258.
[116] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 123.
[117] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 212–216.
[118] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 335.
[119] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 384–385.
[120] Там же.
[121] Там же. Л. 383.
[122] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 335.
[123] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 36. Л. 59–60, 63–66, 69–72.
[124] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 93.
[125] *Баграмян И. Х.* Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции // Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 28.
[126] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 21–31.
[127] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 94.
[128] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 41–49.
[129] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 95.
[130] Там же. С. 94.
[131] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 137. Л. 16–16 об.
[132] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 51–52; ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 137. Л. 17–18.
[133] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 93.
[134] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 53–54.
[135] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 21–31.
[136] Там же. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 8. Л. 461.
[137] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 32–40.
[138] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 62.
[139] *Тимохович И. В.* Указ. соч. С. 197–198.
[140] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 81.
[141] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 32–40.
[142] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 131–132.
[143] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 28–33.
[144] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 109.
[145] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 253–258.
[146] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 110.
[147] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 136.
[148] Там же. С. 137.
[149] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 59–63.
[150] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 60–69.
[151] *Елисеев Е. П.* На белостокском направлении. М., 1971. С. 58.
[152] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т . 2. С. 88.
[153] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 92–102.
[154] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 60.

[155] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 89.

[156] Там же. С. 94.

[157] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 101–105.

[158] Там же.

[159] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945. М., 1973. С. 154.

[160] *Баграмян И.* Шяуляйско-Митавская операция войск 1-го Прибалтийского фронта // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 4.

[161] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 391.

[162] Там же. Л. 393.

[163] Там же. Л. 386.

[164] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 173.

[165] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 120.

[166] *Баграмян И.* Шяуляйско-Митавская операция войск 1-го Прибалтийского фронта // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 9.

[167] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 179.

[168] *Полушкин М.* Шяуляйская наступательная операция (июль — август 1944 года) // Военная мысль. 1956. № 5. С. 50.

[169] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 110–111.

[170] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 181.

[171] *Полушкин М.* Шяуляйская наступательная операция (июль — август 1944 года) // Военная мысль. С. 50.

[172] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 36. Л. 447–450.

[173] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 185.

[174] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 210–213.

[175] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 421.

[176] Там же. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 36. Л. 460.

[177] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 187.

[178] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 228–231.

[179] Там же. Л. 224–227.

[180] *Полушкин М.* Шяуляйская наступательная операция (июль — август 1944 года) // Военная мысль. С. 54.

[181] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 191.

[182] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 37–48.

[183] *Полушкин М.* Шяуляйская наступательная операция (июль — август 1944 года) // Военная мысль. С. 58.

[184] *Баграмян И.* На завершающем этапе Шяуляйской операции // Военно-исторический журнал. 1976. № 5. С. 53.

[185] *Свердлов Ф.* Крепче брони // Военно-исторический журнал. 1985. № 2. С. 48–49.

[186] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 198–207.

[187] *Баграмян И.* На завершающем этапе Шяуляйской операции // Военно-исторический журнал. 1976. № 5. С. 54.

[188] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 268–277.

[189] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 194.

[190] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 387.

[191] Там же. Л. 389.

[192] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 195.

[193] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 70–79.

[194] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Deutsche Verlags-Anstalt, München, 2007. S. 563.

[195] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 203.
[196] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 80–91.
[197] Там же. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 8а. Л. 845.
[198] Там же. Ф. 326. Оп. 5064. Д. 107. Л. 283.
[199] Там же. Л. 284.
[200] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 8а. Л. 1037.
[201] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 208; ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 131–140.
[202] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 141–151.
[203] Разгром немцев в Белоруссии летом 1944 года // Сборник материалов по изучению опыта войны. № 18. С. 127.
[204] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 92–102.
[205] Там же. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 8а. Л. 946.
[206] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 405.
[207] Там же. Л. 404.
[208] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 210.
[209] Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х кн. Рига, 1967. Кн. 2. К Балтийскому морю. С. 50–51.
[210] Там же. С. 51.
[211] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 152–161.
[212] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 214.
[213] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 117.
[214] Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 54.
[215] Там же. С. 56–57.
[216] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 234. Л. 8.
[217] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 216.
[218] Там же. С. 217.
[219] Там же.
[220] Там же. С. 324.
[221] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 392.
[222] Там же. Л. 390.
[223] Там же. Л. 389.
[224] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 21.
[225] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2430. Д. 14. Л. 474.
[226] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 80–91.
[227] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 87.
[228] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 131–140.
[229] Там же. Ф. 237. Оп. 2414. Д. 45. Л. 31.
[230] Там же. Оп. 2430. Д. 15. Л. 81–82.
[231] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 162–170.
[232] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 71.
[233] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 141–151.
[234] Там же. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 211. Л. 41–42.
[235] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 119–120.
[236] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2430. Д. 2. Л. 85.
[237] Там же. Л. 83.
[238] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 226.
[239] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 130–131.
[240] Там же. С. 144–145.
[241] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 431. Л. 180.
[242] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 166.

[243] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 254–265.
[244] Там же. Л. 292–304.
[245] *Елисеев Е. П.* Указ. соч. С. 181–182.
[246] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 229.
[247] Там же. С. 326.
[248] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 388.
[249] Там же. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 12. Л. 336, 414.
[250] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 268.
[251] Там же. С. 233.
[252] Там же. С. 231–232.
[253] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 128–132.
[254] Там же. Л. 154–158.
[255] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 244.
[256] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 192–195.
[257] Там же. Л. 226–229.
[258] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 257.
[259] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 114–122.
[260] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 355.
[261] ЦАМО. Ф. 336. Оп. 5220. Д. 80. Л. 6.
[262] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 268–269.
[263] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 112.
[264] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 283–288.
[265] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 282.
[266] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 342–349.
[267] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 292.
[268] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 383–388.
[269] Там же. Д. 122. Л. 68–73.
[270] Там же. Л. 86–91.
[271] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 297.
[272] Там же. С. 305.
[273] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 283–288.
[274] Там же. Оп. 2307. Д. 12. Л. 376.
[275] Там же. Л. 383–388.
[276] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 121. Л. 44–47.
[277] Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году. Т. 2. С. 299.
[278] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 424.
[279] *Мельтюхов М. И.* Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 51.
[280] Там же.
[281] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 29. Л. 54.
[282] *Мельтюхов М. И.* Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 52–53.
[283] Там же. С. 53.
[284] Там же.
[285] *Еремеев Л. М.* Глазами друзей и врагов. О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966. С. 190.
[286] *Орлов А. С., Новоселов Б. Н.* Факты против мифов: Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. М., 1986. С. 125.
[287] *Еремеев Л. М.* Указ. соч. С. 188.
[288] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 326.
[289] Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 296.
[290] Там же. С. 486.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ И МОЛДАВИИ

Успешное наступление советских войск в Белоруссии создало к середине июля 1944 г. благоприятные условия для наступления на южном крыле советско-германского фронта с целью завершения освобождения Украины и Молдавии, вывода из войны на стороне Германии Румынии, Венгрии и Болгарии, а также изгнания врага из Чехословакии. Ставка Верховного главнокомандования умело использовала эти условия. По ее решению были предприняты три стратегические наступательные операции.

С 13 июля 1-й Украинский фронт в тесном взаимодействии с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта начал наступление на львовском направлении с целью разгрома немецкой группы армий «Северная Украина», освобождения Западной Украины и переноса военных действий на территорию юго-восточной Польши. Эта операция, продолжавшаяся до 29 августа, впоследствии получила название Львовско-Сандомирской. В период с 20 по 29 августа 1944 г. силами 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом была проведена Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция, преследовавшая цель разгромить группу армий «Южная Украина» и завершить освобождение территории Молдавии. И, наконец, 8 сентября 1-й и 4-й Украинские фронты начали наступление в Восточных Карпатах с тем, чтобы нанести поражение немецкой армейской группе «Хейнрици», завершить освобождение Западной Украины и оказать помощь народу Словакии, поднявшему восстание против гитлеровских оккупантов.

Львовско-Сандомирская наступательная операция

В ходе наступления Красной армии в Белоруссии командование вермахта вынуждено было перебросить туда не только свои оперативные резервы, но и часть войск из западных районов Украины. В частности, из группы армий «Северная Украина» в Белоруссию передислоцировались шесть танковых и две пехотные дивизии, что существенно ослабило группировку в Западной Украине[1].

В начале июля 1944 г. немецкое командование получило данные о готовившемся наступлении советских войск на рава-русском и львовском направлениях. Чтобы еще больше не ослаблять группу армий «Северная Украина», оно приняло решение усилить ее за счет станиславской группировки. С этой целью была начата переброска 16-й и 17-й танковых дивизий на рава-русское направление. К 10 июля обе дивизии прибыли в район Горохува. На львовское направление, в район восточнее Сасова, была передислоцирована 14-я дивизия СС «Галичина», а в район севернее Львова — 168-я пехотная дивизия.

В итоге перед 1-м Украинским фронтом были сосредоточены основные силы группы армий «Северная Украина» в составе 1-й и 4-й немецких танковых и 1-й венгерской армий. Непосредственно на рава-русском направлении оборонялись главные силы 4-й танковой армии в составе 13-го, 42-го армейских и 46-го танкового корпусов (всего восемь пехотных, две танковые и охранная дивизии). Два других корпуса этой армии (8-й армейский и 56-й танковый) действовали на белорусском направлении, западнее г. Ковель. На львовском направлении оборонялась 1-я танковая армия противника в составе 15 пехотных, двух танковых, моторизованной, легкопехотной и охранной дивизий. В предгорьях Карпат держала оборону 1-я венгерская армия. Она состояла из более чем шести пехотных, танковой, легкопехотной, двух резервных дивизий и двух горнострелковых бригад. Причем в первой линии находилась основная часть пехотных дивизий, а во второй располагались все танковые и моторизованная дивизии[2].

Таким образом, к 10 июля 1944 г. войскам 1-го Украинского фронта противостояла группировка, насчитывающая свыше 600 тыс. человек, 6,3 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Ее поддерживали до 700 самолетов 4-го воздушного флота[3]. Кроме того, в состав каждой армии было включено большое количество специальных частей и подразделений. Такими силами германское командование рассчитывало удержать остававшуюся в его руках часть территории Украины, а также прикрыть направления, которые вели в южные районы Польши (в том числе в Силезский промышленный район) и Чехословакию.

Задолго до наступления советских войск на Западной Украине командование вермахта приступило к усилению старых и возведению новых оборонительных рубежей. К началу наступления войск 1-го Украинского фронта противник успел полностью подготовить лишь две (из трех запланированных) оборонительные полосы на глубину 40—50 км. Первый рубеж глубиной 4—6 км состоял из трех-четырех сплошных траншей, соединенных между собой густой сетью ходов сообщения. Построенные деревоземляные огневые точки располагались на высотах, перекрестках дорог и в каменных строениях. Зарытые в землю танки на ряде участков первого рубежа противник намечал использовать как неподвижные огневые точки. Перед передним краем и в глубине главной полосы имелось большое количество противотанковых и противопехотных препятствий (противотанковые и противопехотные минные поля, проволочные заграждения, эскарпы, противотанковые рвы, фугасы и т. д.). Второй рубеж, оборудованный в 7—10 км от переднего края, состоял из одной сплошной траншеи полного профиля и одной-двух прерывчатых траншей. Третий оборонительный рубеж, проходивший по западным берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа, включал в себя отдельные опорные пункты, прерывчатые траншеи и окопы, но оборудование его не было завершено.

Кроме трех оборонительных рубежей неприятель подготовил оборону по западным берегам рек Днестр, Сан и Висла. Крупные населенные пункты и города Владимир-Волынский, Броды, Золочев, Рава-Русская, Станислав, Дрогобыч, Перемышль и другие были превращены в сильные узлы сопротивления. Особое значение враг придавал обороне Львова — важного стратегического пункта, а также крупного узла железных и шоссейных дорог[4].

К началу наступления советских войск противник имел глубоко эшелонированную и хорошо подготовленную оборону, на которую опиралась сильная группировка его войск. Всё это давало ему возможность вести упорные оборонительные сражения и бои.

В связи с тем что командование вермахта постаралось пополнить эту группировку людьми, вооружением и военной техникой, пехотные дивизии стали насчитывать по 7—9 тыс. человек. В резерве группы армий и армейских резервах имелось девять дивизий, в том числе пять танковых и моторизованная.

Задачу по разгрому немецкой группы армий «Северная Украина» и завершению освобождения Украины Ставка ВГК возложила на войска 1-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза И. С. Конев)[5].

К началу наступления в состав фронта входили 1, 3, 5-я гвардейские, 13, 18, 38, 60-я армии, 1-я и 3-я гвардейские и 4-я танковые армии, 2-я воздушная армия, две конно-ме-

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер во время смотра 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина»

Тяжелые немецкие танки на Украине

ханизированные группы и 1-й чехословацкий армейский корпус. Из резерва Ставки ВГК в распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта были переданы четыре авиационных корпуса и две истребительные дивизии (более 1400 самолетов). Кроме того, за май и июнь он получил 1100 танков и артиллерийскую дивизию прорыва, а также ряд других частей и соединений. В середине июля Ставка ВГК намечала передать фронту управление 8-й воздушной армии. В интересах 1-го Украинского фронта должны были действовать соединения авиации дальнего действия, базировавшиеся на аэродромах Киева, Белой Церкви, Умани, Винницы.

Для выполнения поставленных задач фронт имел 74 дивизии, 10 танковых и механизированных корпусов, четыре танковые и механизированные бригады. Всего свыше 1,2 млн человек, 16,5 тыс. орудий и минометов, 2,2 тыс. танков и САУ, свыше 3,2 тыс. самолетов[6]. Если сравнивать с предыдущими наступательными операциями, то в итоге 1-й Украинский фронт представлял собой самое крупное фронтовое объединение из тех, которые создавались в предыдущих наступательных операциях. Словом, это был единственный за время войны случай, когда одному фронту ставилась задача разгромить целую группу армий противника.

Фронт был обеспечен необходимыми силами и средствами, что позволило создать общее превосходство над противником в людях — в 2 раза, в артиллерии, танках и авиации — в 2,5–4 раза. Еще большее преимущество было на участках прорыва. К нанесению ударов на этих участках протяженностью 26 км, составлявших всего около 6% ширины полосы наступления фронта, привлекалось свыше 70% артиллерии, до 90% танков и САУ и вся авиация фронта. Такое сосредоточение сил обеспечивало превосходство над врагом на участках прорыва в людях и танках — в 3–5 раз, в орудиях и минометах — в 6–7 раз[7].

В западных районах Украины под влиянием успехов Красной армии большой размах получило партизанское движение, особенно после передислокации туда партизанских соединений и отрядов с территории Правобережной Украины. К началу мая в оккупированных областях Украины и юго-восточных районах Польши действовало 11 партизанских соединений и 40 отдельных отрядов, общая численность которых достигала почти 13 тыс. человек. Украинские партизаны координировали свои действия с польскими, особенно при нанесении ударов по коммуникациям противника. Перед началом наступления войск 1-го Украинского фронта они совместными усилиями почти на месяц сорвали железнодорожные перевозки в тылу группы армий «Северная Украина», причем на важнейших для врага магистралях. В это же время партизаны разгромили 13 крупных гарнизонов противника. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с ними крупные силы, в том числе танки и авиацию.

23 июня на специальном совещании членов Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки ВГК и представителей Генерального штаба был обсужден план операции, представленный маршалом И. С. Коневым. Его замысел сводился к тому, что фронту в создавшейся обстановке целесообразно нанесением двух ударов (на львовском и рава-русском направлениях) рассечь группировку противника, а затем разгромить ее по частям. В дальнейшем намечалось наступление на Томашув и Краков при сосредоточении основных усилий фронта на львовском направлении.

Первоначально замысел командующего войсками фронта вызвал возражения со стороны Верховного главнокомандующего, считавшего нанесение фронтом двух ударов нецелесообразным. Вот что писал по этому поводу И. С. Конев: «Он настаивал на отказе от двух ударов и рекомендовал наносить один удар — на львовском направлении, мотивируя это тем, что на ряде фронтов наибольший успех обеспечивался при нанесении только одного очень мощного удара»[8]. Но командующий войсками фронта проявил настойчивость, обосновывая принятие именно такого решения. В итоге И. В. Сталин согласился с замыслом И. С. Конева, и он был одобрен Ставкой ВГК. В тот же день командующий войсками фронта получил директиву на подготовку и проведение операции[9].

7 июля 1944 г. штаб фронта представил в Ставку ВГК развернутый план операции, который в течение трех дней был рассмотрен и окончательно утвержден. При этом И. С. Ко-

неву было приказано использовать танковые армии и конно-механизированные группы не для прорыва вражеской обороны, а для развития успеха в оперативной глубине. Кроме того, Ставка ВГК рекомендовала ему на первый день операции определить своим войскам посильные задачи, поскольку они в его плане завышались. С учетом этих указаний штабом фронта соответствующие изменения были оперативно внесены в план операции[10].

Окончательное решение маршала И. С. Конева сводилось к тому, что войска 1-го Украинского фронта должны были нанести два удара. Один предполагался на рава-русском направлении силами правого крыла фронта в составе 3-й гвардейской, 13-й общевойсковых, 1-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группы генерала В. К. Баранова. Для поддержки этой группировки войск с воздуха отводились четыре авиационных корпуса.

Для нанесения удара на львовском направлении предназначалась группировка войск в составе 60, 38, 5-й гвардейской общевойсковых, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, а также конно-механизированной группы генерала С. В. Соколова. С воздуха ее поддерживали пять авиационных корпусов 2-й воздушной армии. Помимо этого, на станиславском направлении должны были нанести удар 1-я гвардейская и 18-я армии[11].

Таким образом, на рава-русском и львовском направлениях создавались мощные группировки войск. В первом эшелоне должны были действовать шесть армий, а во втором — одна общевойсковая армия (5-я гвардейская армия). Эту армию маршал И. С. Конев планировал использовать на львовском направлении, которое считалось главным. В резерв фронта выделялся 47-й стрелковый корпус.

На рава-русском направлении прорыв обороны противника намечалось осуществить юго-западнее Луцка, на смежных флангах 3-й гвардейской и 13-й армий. Здесь, на участке шириной 12 км, были сосредоточены 14 стрелковых дивизий, два танковых, механизированный и кавалерийский корпуса, а также две артиллерийские дивизии прорыва. На львовском направлении участок прорыва шириной 14 км был избран северо-западнее Тернополя, на смежных флангах 60-й и 38-й армий. К нанесению удара привлекались 15 стрелковых дивизий, четыре танковых, два механизированных и кавалерийский корпуса, а также две артиллерийские дивизии прорыва. Всего на двух участках предполагалось использовать свыше 90% танков и всю авиацию[12].

Ввод в сражение танковых армий планировался на второй день операции, а конно-механизированных групп — на третий день, после завершения прорыва тактической зоны обороны противника. Армиям, входившим в ударные группировки фронта, задачи ставились на всю глубину операции, которая составляла от 100 до 130 км. Предполагалось, что они выполнят их на пятый день операции. К тому же времени планировался выход войск 1-го Белорусского фронта к Висле.

Поскольку Ставка ВГК запретила командованию 1-го Украинского фронта использовать танковые армии и конно-механизированные группы для прорыва вражеской обороны, для непосредственной поддержки стрелковых частей оно смогло выделить лишь 349 танков и САУ.

Авиационное обеспечение наступления возлагалось на 2-ю воздушную армию. В своем составе она имела более 3 тыс. боевых самолетов, объединенных в девять авиационных корпусов и три отдельные авиационные дивизии (всего 28 авиадивизий). Для целенаправленной поддержки наземных войск на направлениях ударов эти силы были разделены на две группы. Северная группа, в которую вошли четыре авиационных корпуса, должна была поддерживать 3-ю гвардейскую, 13-ю и 1-ю гвардейскую танковую армии, а также конно-механизированную группу генерала Баранова. На центральную группу (пять авиационных корпусов) возлагалась задача по обеспечению действий 60-й, 38-й армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, а также конно-механизированной группы генерала Соколова.

Планирование действий авиации, привлекаемой для непосредственной поддержки наземных войск, осуществлялось из расчета, что операция будет завершена уже на пятый день. Причем в первые два дня авиация должна была произвести почти половину всех намеченных 30 960 самолето-вылетов[13].

При подготовке к предстоящему наступлению командующий войсками фронта, а также командующие армиями, командиры соединений и частей особое внимание обращали на организацию и ведение разведки, перегруппировку и сосредоточение войск, боевое слаживание частей и подразделений, материально-техническое обеспечение боевых действий.

Еще в июне разведывательные органы фронта установили, что группировка противника в полосе предстоящего наступления сократилась на шесть танковых дивизий. Кроме того, они выявили намерения немецкого командования отвести за несколько дней до начала наступления основные силы с первого оборонительного рубежа на второй. Однако в полной мере вскрыть систему огня и районы сосредоточения резервов врага, особенно его танковых дивизий, на львовском направлении разведке фронта не удалось. Со значительным опозданием было обнаружено и выдвижение немецких 16-й и 17-й танковых дивизий со станиславского направления на рава-русское[14].

В подготовительный период (с 24 июня по 7 июля) проводились крупные перегруппировки войск фронта с целью создания ударных группировок на избранных направлениях. Их глубина составила железнодорожным транспортом 510–530 км, своим ходом — около 400 км. Так, в район юго-западнее Луцка была выдвинута 1-я гвардейская танковая армия, а северо-западнее Тернополя на расстояние более 100 км передислоцированы 60, 38, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии. Несмотря на то что в общей сложности перегруппировывалась почти половина всех стрелковых дивизий, танковых корпусов, артиллерийских бригад, полков и отдельных дивизионов, а также все механизированные корпуса и артиллерийские дивизии, поступившие из резерва Ставки ВГК, ударные группировки фронта удалось своевременно сосредоточить в исходных районах[15].

В целях обеспечения скрытности подготовки операции штабы фронта и армий осуществляли комплекс мероприятий по оперативной маскировке. На левом крыле фронта в полосах 1-й гвардейской и 18-й армий ложными перевозками танков по железной дороге, выставлением макетов военной техники и ведением радиопередач имитировалось сосредоточением танковых армий и корпусов. При этом строго соблюдалась маскировочная дисциплина. Тем самым удалось скрыть перегруппировку 1-й гвардейской танковой армии в район Луцка, а 4-й танковой армии — в район Тернополя.

В отчетах «Боевого опыта группы армии «Северная Украина» указывалось: «Определить заранее время начала наступления советских войск было очень трудно. Сосредоточение войск к наступлению осуществлялось в очень короткий срок. Так, только за один-два дня до начала наступления, когда в полосе 1-й танковой армии было сосредоточено до 1200 танков и до 3600 самолетов, нам удалось определить намерения русского командования»[16].

В подготовительный период многое было сделано по инженерному оборудованию исходного района для наступления: отремонтировано 3300 км дорог, 360 мостов протяженностью более 5300 м, построено около 3 тыс. км траншей и ходов сообщения, 35 тыс. окопов для огневых средств, 5,5 тыс. командных и наблюдательных пунктов, 23 тыс. убежищ и землянок[17].

Значительный объем мероприятий осуществлялся по тыловому и техническому обеспечению операции. В войсках фронта были созданы необходимые запасы материальных средств: боеприпасов — 3,3 боекомплекта, горюче-смазочных материалов — 4–5 заправок в войсках и 10–15 заправок в авиации, продовольствия — до 30 сутодач[18].

В результате проделанной работы войска фронта к исходу 12 июля 1944 г. были готовы к выполнению поставленных задач. К этому времени войска Белорусских фронтов, стремительно развивая наступление, завершали разгром противника под Вильнюсом, заняли Волковыск, Ковель и подходили к Кобрину. В эти сражения и бои были втянуты все оперативные и стратегические резервы командования вермахта. Словом, для перехода в решительное наступление войск 1-го Украинского фронта была создана благоприятная обстановка.

Боевые действия войск 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции подразделяются на три этапа. Первый (с 13 по 18 июля) — прорыв обороны противника, окружение его группировки в районе г. Броды и отражение контрударов в районе г. Золочев. Второй (с 19 по 27 июля) — уничтожение бродской группировки противника, освобождение

Львова и выход войск фронта к р. Сан. Третий (с 28 июля по 30 августа) — форсирование Вислы, захват плацдарма в районе Сандомира, выход войск левого крыла 1-го Украинского фронта и войск 4-го Украинского фронта к Карпатам, овладение Дрогобычским промышленным районом.

Уже к 10 июля командование фронта располагало сведениями о том, что на некоторых участках командующий немецкой группой армий «Северная Украина» предусматривал в случае начала наступления советских войск преднамеренный отвод своих частей с целью сосредоточения их основных усилий не на переднем крае, а в глубине обороны.

Исходя из этого, маршал Конев 11 июля в 3 часа 15 минут отдал приказ: в 22 часа 12 июля начать боевые действия разведывательными отрядами в полосе наступления армий. Для этой цели от каждой стрелковой дивизии первого эшелона выделялось по одной усиленной стрелковой роте. Боевые действия разведывательных отрядов намечалось закончить к 1 часу 13 июля[19]. Через три часа после окончания боевых действий разведывательных отрядов было приказано начать наступление передовыми батальонами, усиленными танками и артиллерией. Командующие 3-й гвардейской, 13, 60 и 38-й армиями получили приказ подготовить необходимые силы для развития успеха передовых батальонов.

В ночь на 13 июля начали действовать разведывательные отряды. По этому поводу в оперативной сводке Генерального штаба отмечалось: «Войска фронта на правом фланге 3-й гвардейской армии, установив отход противника, с 4.00 13.7 частями 3-й гвардейской и 13-й армий перешли в наступление». Они установили, что в полосе 3-й гвардейской и перед правым флангом 13-й армии враг под прикрытием арьергардов начал отход с главной полосы обороны[20].

Анализ записей журналов боевых действий противника показывает, что командование группы армий «Северная Украина» не угадало силу удара советских войск на рава-русском направлении. Так, рано утром 13 июля командир 291-й пехотной дивизии докладывал в штаб корпуса, что передовым батальонам советских войск «удалось слегка вклиниться в расположение частей» и дивизия «в состоянии своими силами восстановить положение». Но, как вскоре выяснилось, сделать этого врагу не удалось. Вслед за передовыми отрядами в наступление перешли главные силы северной ударной группировки. В 3 часа 13 июля соединения и части 3-й гвардейской армии, умело используя огонь артиллерии, начали боевые действия и к исходу дня продвинулись от 8 до 15 км.

Для нанесения ударов по отходившим войскам врага были использованы соединения 1-го гвардейского и 5-го штурмовых авиационных корпусов. Массированные удары авиации в значительной степени содействовали успеху передовых батальонов. Всего за этот день было произведено 3385 самолето-вылетов. В воздушных боях было сбито 29 самолетов, уничтожено до 40 танков и до 200 автомашин противника[21].

В тот же день в полосе 13-й армии наибольший успех был достигнут на ее правом фланге. Здесь батальоны 287-й и 121-й стрелковых дивизий за шесть часов боя уничтожили свыше 100 солдат противника, захватили 15 пленных, семь орудий, несколько пулеметов, склад с боеприпасами и, отбрасывая арьергарды врага, продвинулись на 8 км[22]. В остальной полосе этой армии враг, стремясь задержать советские войска, занял заранее подготовленный промежуточный оборонительный рубеж подразделениями 291-й и 340-й пехотных дивизий. Одновременно с этим он подтягивал в район Горохува части 17-й танковой дивизии[23].

Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая его контратаки, войска фронта прорвали первую и вторую оборонительные полосы. За три дня боевых действий они продвинулись в западном направлении на 30 км. Все это время враг, подтянув к участкам прорыва от 400 до 460 танков, ожесточенно контратаковал наступавших. В непрерывных боях дивизии 46-го танкового корпуса противника понесли большие потери. Только 15 июля советские войска уничтожили до 112 немецких танков и захватили более 300 пленных[24].

Между населенными пунктами Браны и Дружкополь в обороне немецкого 46-го корпуса образовалась 10-километровая брешь. Его командир обратился в штаб армии с просьбой срочно прислать подкрепление. Однако немецкое командование в тот период уже не имело

В разведке

Атака на рава-русском направлении

возможности помочь войскам 46-го танкового корпуса и в своем ответе рекомендовало усиливать угрожаемое направление за счет маневра с неатакованных участков.

Успех стрелковых соединений развивали подвижные войска, которые действовали в направлении Равы-Русской, а также в обход группировки немецких войск, оборонявшейся в районе Бродов. Конно-механизированная группа генерала Баранова, введенная в прорыв в полдень 17 июля в полосе 13-й армии, к исходу дня вышла главными силами в район юго-западнее Радзехува и продолжила наступление на Каменку-Струмиловскую[25]. На следующий день кавалерийские соединения, освободив этот город, устремились в направлении села Деревляны.

В этих условиях командующий фронтом принял решение ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию не в районе Горохува, как это предусматривалось планом и где в это время продолжались упорные бои с противником, а вслед за уже добившейся успеха конно-механизированной группой генерала В. К. Баранова.

14 июля командующий войсками фронта решил начать наступление на львовском направлении, в полосах 60-й и 38-й армий. Командующему 60-й армией он отдал приказ: «...на участке 336-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса одним стрелковым полком на участке других дивизий первого эшелона передовыми батальонами провести 14 июля наступление с задачей глубокого вклинения в оборонительную систему противника»[26]. В случае обнаружения отхода противника предусматривалось для развития успеха передовых подразделений ввести в бой основные силы дивизий первого эшелона армии.

Однако в тот день передовые батальоны успеха практически не имели. На следующий день враг нанес контрудар по левому флангу 38-й армии, потеснив некоторые ее соединения и части на 2–4 км. На это Военный совет 1-го Украинского фронта отреагировал весьма жестко, указав в своей директиве на следующие недостатки: «Командующий армией генерал Москаленко присутствовал на поле боя без необходимых средств связи и аппарата управления... разведка велась плохо, не вскрыла своевременно районов сосредоточения танковых группировок противника... Истребительно-противотанковая артиллерия отстала от боевых порядков пехоты... Огневая мощь приданной артиллерии при бое в глубине использовалась неудовлетворительно»[27].

15 июля в результате напряженных боев соединения и части южной ударной группировки войск фронта вклинились в оборону противника на 7 км. В целом за два дня им удалось сломить сопротивление врага, прорвать его первый рубеж обороны и вклиниться во второй. Чтобы не допустить дальнейшего продвижения советских войск, немецкое командование вынуждено было ввести в сражение не только тактические, но и оперативные резервы — 1-ю, 8-ю танковые дивизии и 14-ю дивизию СС «Галичина». Несмотря на это, 322-я стрелковая дивизия уже к исходу следующего дня прорвала вторую полосу обороны врага и, невзирая на отставание соседей, смело продвинулась на глубину до 6 км, образовав в районе Колтува узкий коридор. С утра 16 июля здесь же начался ввод в сражение 3-й гвардейской танковой армии[28].

В сложившейся обстановке командующий войсками фронта решил изменить задачу 4-й танковой армии. 17 июля он приказал командарму генералу Д. Д. Лелюшенко: «С занятием 60-й армией г. Золочев войти в прорыв из-за левого фланга 3-й гвардейской танковой армии... и, развивая стремительное наступление... громить львовскую группировку противника»[29]. Иначе говоря, вместо ранее намечавшегося ввода этой армии в прорыв в полосе 38-й армии маршал И. С. Конев принял решение ввести ее в полосе 60-й армии, то есть там, где уже действовала 3-я гвардейская танковая армия. Однако в этом ограниченном по ширине коридоре 4-я танковая армия вместо стремительного продвижения вынуждена была значительной частью своих сил и средств отражать контратаки врага на флангах прорыва.

И все же к исходу дня танковые армии сумели вклиниться главными силами в неприятельскую оборону на глубину более 15 км. В районе Красного соединения и части 3-й гвардейской танковой армии разгромили штабы 349-й пехотной и 2-й танковой дивизий врага, а на городской железнодорожной станции захватили шесть его эшелонов с военными

грузами[30]. В последующие дни танковые объединения продолжили стремительное продвижение к Львову и на северо-запад, чтобы соединиться с конницей, наступавшей с севера.

Командующий группой армий «Северная Украина», опасаясь окружения оборонявшихся под Бродами войск, сосредоточил в районе Золочева сильную группировку в составе двух танковых и двух пехотных дивизий. По его приказу начиная с 16 июля этой группировкой было предпринято несколько контрударов с одновременным наступлением из района Сасова в южном направлении, чтобы, закрыв колтувский коридор, отрезать советские танковые войска, действовавшие в глубине его обороны.

Однако все эти усилия оказались тщетными, так как на фланги прорыва советских войск своевременно были выдвинуты резервы и большое количество артиллерии. К тому же авиация нанесла мощные бомбовые удары по контратаковавшим войскам противника[31].

Танковые соединения, стремительно продвигаясь, 18 июля вышли в район Красное — Буек — южнее Каменки-Струмиловской. В районе села Деревляны они встретились с конницей северной ударной группы. В итоге в районе Бродов в кольце оказались 340, 361, 349-я пехотные и 454-я охранная дивизии, а также 14-я дивизия СС «Галичина». Окружив их частью сил, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии продолжили развивать наступление в северо-западном направлении.

Немецкому командованию не удалось оказать существенную помощь бродской группировке своих войск. За время нахождения в окружении она получил лишь около восьми тонн горючего. Полное ее уничтожение завершали войска 13-й и 60-й армий. На других участках фронта наступление советских войск развивалось столь же успешно.

Итак, уже на первом этапе операции войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону врага в 200-километровой полосе, продвинулись на запад на 50—80 км. В районе Бродов они окружили почти восемь дивизий противника общей численностью до 50 тыс. солдат и офицеров.

В прорыве обороны неприятеля большую помощь наземным войскам оказывала авиация. Особенно мощные бомбовые удары она обрушила на его группировку в районе Золочева. Только 18 июля авиация фронта произвела 1099 самолето-вылетов, сбив в воздушных боях девять самолетов противника[32].

В тот же день из района западнее Ковеля перешли в наступление войска левого крыла 1-го Белорусского фронта, наносившие удар на люблинском направлении. В дальнейшем развитие наступления войск 1-го Украинского фронта проходило в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта.

Координация действий 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов была возложена на маршала Г. К. Жукова.

В ходе второго этапа операции войска 1-го Украинского фронта продолжали развивать стремительное наступление на рава-русском и львовско-перемышльском направлениях, а частью сил осуществляли ликвидацию вражеской группировки в районе г. Броды. Противник предпринял несколько попыток вырваться из окружения в западном направлении на Каменку-Струмиловскую, а затем на юг — на Золочев. Командование группы армий «Северная Украина» намеревалось танковым тараном пробить коридор восточнее Золочева, чтобы вывести из окружения свои дивизии. Но войска 1-го Украинского фронта продолжали сжимать кольцо. К исходу 22 июля они при поддержке артиллерии и авиации ликвидировали бродскую группировку врага[33].

Важную роль при уничтожении окруженной группировки противника сыграли соединения 2-й воздушной армии, которые с 20 по 22 июля произвели 2340 самолето-вылетов[34]. Всего было уничтожено свыше 30 тыс. вражеских солдат и офицеров, в плен взято более 17 тыс. человек[35]. Советские войска, участвовавшие в ликвидации бродской группировки, могли быть использованы для развития наступления на львовском направлении.

Серьезные успехи были достигнуты и на правом крыле фронта, где пехота в тесном взаимодействии с танковыми соединениями сломили сопротивление врага на тыловом оборонительном рубеже, а 19 июля форсировали р. Западный Буг. На следующий день они

Бои в Колтувском коридоре. 1944 г.

Танкисты форсируют реку Западный Буг. 1-й Украинский фронт, 1944 г.

Бойцы на самодельном плоту переправляются на западный берег Буга. 1-й Украинский фронт, 1944 г.

Артиллерийский дивизион гвардии капитана Антипина ведет бой под Бродами.
1-й Украинский фронт, июль 1944 г.

Советская пехота и танки атакуют позиции противника на львовском направлении.
1-й Украинский фронт, июль 1944 г.

освободили г. Рава-Русская, а войска, наступавшие севернее, — г. Владимир-Волынский. В результате шоссе и железная дорога Люблин — Львов были перерезаны. Преследуя противника, войска фронта 23 июля вышли к р. Сан на участке от Кшешува до Ярослава, глубоко охватив его львовскую группировку с северо-запада[36].

На левом берегу р. Сан немецкое командование отходившими дивизиями и силами тыловых частей попыталось задержать наступление советских войск, однако все попытки потерпели неудачу. Стрелковые и танковые соединения при поддержке авиации, с ходу форсировав и этот водный рубеж, продолжали развивать наступление к р. Висла. К исходу 27 июля войска правого крыла 1-го Украинского фронта вышли на рубеж Закшувек — Ястковице — Ежове — Соколув и освободили г. Ярослав.

На львовском направлении противник, последовательно опираясь на заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи, оказывал упорное сопротивление. Командование вермахта стремилось любой ценой удержать Львов как важный пункт обороны на Западной Украине. К 20 июля оно усилило группировку войск в районе Львова двумя пехотными дивизиями и горнострелковой бригадой, перебросив их со станиславского направления.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта, учитывая указания Ставки ВГК «в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан»[37], 19 июля приказал командующим 3-й гвардейской и 4-й танковыми армиями нанести удары с севера и юга и овладеть Львовом[38]. Танковые соединения, используя успех войск правого крыла фронта, за два дня совершили 120-километровый марш в обход Львова с севера и северо-запада. К утру 24 июля они овладели районом Яворов — Мостиска — Судовая-Вишня, что в 50 км западнее Львова. Шоссе и железная дорога Львов — Перемышль были перерезаны. С выходом в указанный район танковые соединения повели одновременное наступление с запада на Львов, а с востока — на Перемышль. В это время стрелковые соединения завязали бои на восточной и южной окраинах Львова.

Угроза окружения львовской группировки вынудила командование группы армий «Северная Украина» 24 июля начать отвод своих частей на юго-запад, в направлении Самбора[39]. Для того чтобы перехватить пути отхода немецких войск, командующий войсками фронта приказал командующему 1-й гвардейской танковой армией генералу М. Е. Катукову: «Закончить форсирование реки Сан и нанести удар в общем направлении на Перемышль, к исходу 24 июля овладеть западной частью города, где организовать прочную оборону фронтом на восток и юго-восток»[40].

В результате трехдневных ожесточенных боев с сильными арьергардами противника, прикрывавшими отход его войск из города, советские войска 27 июля освободили областной центр и крупный железнодорожный узел на территории Украины — г. Львов[41]. В тот же день они овладели городом и крепостью Перемышль[42]. Одновременно соединения левого крыла фронта, форсировав Днестр, завершили уничтожение немецкого гарнизона в г. Станислав.

Таким образом, к 27 июля наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось в полосе шириной свыше 400 км, а глубина их продвижения достигла 200 км. В ходе боевых действий немецкой группе армий «Северная Украина» был нанесен большой урон. Остатки ее 4-й танковой армии в беспорядке отходили за р. Висла, а части 1-й танковой и 1-й венгерской армий — за реки Сан и Днестр[43].

Командование вермахта рассматривало р. Висла конечным рубежом отступления. Здесь оно планировало остановить советские войска, восстановить боеспособность своих частей и организовать оборону. Все лето противник создавал на подступах к реке и на ее левом берегу инженерные сооружения. Для этого привлекались строительная организация «Тодт» и население не только окрестных городов и сел, но также Моравии и Верхней Силезии. С целью выигрыша времени и замедления темпов дальнейшего наступления войск 1-го Украинского фронта неприятель наносил многочисленные контрудары на подходах к Висле.

Третий этап Львовско-Сандомирской операции начался 28 июля. После освобождения городов Львов, Станислав и Перемышль Ставка Верховного главнокомандования поставила 1-му Украинскому фронту задачу развивать наступление войсками правого крыла в западном

направлении с целью не дать возможности противнику занять оборону на левом берегу Вислы и, с ходу форсировав ее, захватить плацдарм в районе Сандомира. Войска левого крыла должны были овладеть Дрогобычем, а в дальнейшем занять и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет, выводящие к Гуменне, Ужгороду, Мукачево[44].

В связи с тем что перенос боевых действий на территорию Польши планировался одновременно в полосах 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, Ставка ВГК возложила на своего представителя маршала Г. К. Жукова непосредственное руководство боевыми действиями этих фронтов[45]. В то же время она направила фронтам директиву, которой обязывала их командование «довести до сведения всех командиров... что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза»[46].

В соответствии с поставленными задачами войска правого крыла 1-го Украинского фронта совместно с танковыми соединениями, переброшенными из района Львова на север, в конце июля с боями вышли на правый берег р. Висла на участке Аннополь — Баранув и с ходу приступили к ее форсированию. К 3 августа они на левом берегу Вислы юго-западнее Сандомира захватили плацдарм до 30 км по фронту и до 25 км в глубину, освободив при этом от врага 50 населенных пунктов, в том числе г. Сташув. В целях закрепления и расширения плацдарма командующий войсками фронта переправил на левый берег Вислы свой резерв — 47-й стрелковый корпус, который до этого не вводился в сражение[47].

Для того чтобы сбросить советские войска с левого берега Вислы, немецкое командование начало спешно перебрасывать в район Сандомира резервы с других участков фронта, а также из Германии и Румынии. Создав сильную группировку в составе семи танковых, моторизованной, 15 пехотных дивизий, четырех пехотных бригад и девяти бригад штурмовых орудий, противник в течение августа четырежды пытался ликвидировать плацдарм 1-го Украинского фронта.

Первая попытка была предпринята в период с 31 июля по 4 августа. Для решения этой задачи противник создал две группировки, которые наносили удар с севера и юга по сходившимся на г. Баранув направлениям. Этим командующий группой армий «Северная Украина» стремился отрезать находившиеся на сандомирском плацдарме советские части от переправ, а затем уничтожить их. Однако враг не только не добился поставленной цели, но и с большими потерями был отброшен на исходные позиции. А вскоре был ликвидирован и его плацдарм на правом берегу реки в районе Тарнобжега.

Вторую попытку немецкое командование предприняло 11—12 августа. На узком участке фронта в районах Стопница и Сташува оно сосредоточило пять танковых и одну моторизованную дивизии, стремясь рассечь и уничтожить советские войска, оборонявшиеся на плацдарме, а далее выйти к переправам в районе Баранува. Наступление танковых дивизий поддерживало большое количество авиации. Ожесточенные бои развернулись на земле и в воздухе.

Однако и в этом случае все контратаки противника оказались безуспешными. В ожесточенных боях его танковым дивизиям был нанесен серьезный урон. Советские войска подбили и сожгли 52 танка, уничтожили свыше 1000 солдат и офицеров врага. Немецкие танковые дивизии были не только остановлены, но и отброшены на запад[48].

В то же время советское командование готовило удар по сандомирской группировке противника, которая на левом берегу Вислы разъединяла войска 1-го Украинского фронта, действовавшие на нескольких плацдармах. Созданные ударные группировки нанесли два мощных удара: с плацдарма севернее Сандомира — на запад, а с плацдарма южнее этого города — на северо-запад и северо-восток. В результате в районе севернее Сандомира удалось окружить вражескую группировку в составе трех дивизий. На ее полную ликвидацию ушло два дня. В этих боях были уничтожены свыше 14 тыс., а в плен сдались 1550 солдат и офицеров противника[49].

Одновременно началось наступление непосредственно на Сандомир, который противник заблаговременно подготовил к обороне, приспособив для этого все каменные здания.

Конница конно-механизированной группы генерала В. К. Баранова в районе Львова. 1944 г.

Уличные бои во Львове. 1944 г.

Советские бойцы водружают Красное знамя над Львовом. Июль 1944 г.

Несколько дней длились ожесточенные бои на его окраинах. К утру 18 августа штурмовые группы при поддержке артиллерии завершили освобождение города[50].

Не удалась противнику и третья попытка ликвидировать сандомирский плацдарм, предпринятая 19—24 августа[51]. Сосредоточив 48-й и 3-й танковые корпуса, немецкое командование попыталось окружить и уничтожить советские войска на лагувском выступе, нанеся удар по сходившимся направлениям. Но врагу удалось захватить лишь горный кряж северо-западнее Опатува, после чего он был остановлен упорным сопротивлением советских войск[52]. Войскам 1-го Украинского фронта удалось не только удержать плацдарм на левом берегу Вислы в районе Сандомира, но и увеличить его до 75 км в ширину и до 60 км в глубину.

В то время как шла напряженная борьба за сандомирский плацдарм, войска левого крыла фронта продолжали наступление на дембицком направлении. В течение августа, преодолевая упорное сопротивление противника и форсировав множество рек, они на отдельных направлениях продвинулись почти на 100 км и вышли на линию Радомысль — Дембица — Санок.

Поскольку управление армиями левого крыла 1-го Украинского фронта, устремившимися к Карпатам, серьезно усложнилось, Ставка ВГК 30 июля приняла решение образовать на их базе новый фронт — 4-й Украинский (генерал-полковник И. Е. Петров)[53].

Фронту была поставлена задача, перейдя Карпаты, развивать наступление на Ужгород — Мукачево и выйти на Венгерскую низменность. Преодолевая упорное сопротивление неприятеля, его войска 6 августа штурмом овладели крупным промышленным центром и областным городом Западной Украины Дрогобычем и к 15 августа вышли на рубеж Сколе — Ясень — Куты. Попытки советских войск с ходу захватить перевалы через Карпаты успеха не имели. Бои приняли затяжной характер. В связи с этим Ставка ВГК 29 августа приказала командующему войсками 4-го Украинского фронта временно перейти к обороне, чтобы подготовиться к новой наступательной операции.

На этом Львовско-Сандомирская операция завершилась. В ее результате советские войска разгромили около сорока дивизий немецкой группы армий «Северная Украина». Продвинувшись в глубину на 350 км, они освободили западные области Украины, юго-восточные районы Польши, захватили и удержали оперативный плацдарм в районе Сандомира.

Для Львовско-Сандомирской операции характерны искусный выбор направления главного удара, решительное массирование сил и средств, перенос усилий в ходе наступления на новое направление, а также форсирование рек с ходу в широкой полосе. Объективная необходимость решения важной задачи — разгрома группы армий «Северная Украина» предопределила большой размах операции. Она продолжалась свыше полутора месяцев. К ее началу ширина полосы наступления составляла 440 км, а к концу увеличилась до 700 км; глубина продвижения войск достигла 350 км при среднем темпе более 14 км в сутки, а в отдельные дни — 25—30 км.

Одним из условий, обеспечивших успешное проведение операции, явилась умелая организация разведки боем перед началом наступления. Она проводилась в течение нескольких суток. Начинали ее разведывательные отряды (стрелковые роты), чтобы установить наличие сил противника на переднем крае. Продолжали разведку передовые батальоны, имевшие своей целью уничтожить прикрытие, оставленное врагом. Успех передовых батальонов развивали главные силы стрелковых дивизий. Такая организация разведки боем позволила командованию фронта своевременно установить начало отхода противника на рава-русском направлении, а в итоге — исключить артиллерийскую подготовку по оставленным им позициям.

В прорыве тактической зоны обороны врага основная роль отводилась стрелковым корпусам, действовавшим в составе первых эшелонов армий на направлениях главных ударов. Как правило, они прорывали оборону на узких участках при высоких тактических плотностях сил и средств: в среднем 4—5 стрелковых батальонов и 215—240 орудий и минометов на 1 км. Причем с началом операции стрелковым корпусам удавалось в высоких темпах прорвать только главную полосу вражеской обороны. Ее вторая полоса, особенно на рава-русском направлении, была преодолена за двое-трое суток. Прорыв был осуществлен после часовой

Агитационная машина на улицах освобожденного города Львова. Июль 1944 г.

Через освобожденный Львов — к Карпатам

артиллерийской подготовки. Для этого потребовался ввод вторых эшелонов корпусов, а на львовском направлении — вторых эшелонов дивизий и передовых отрядов 3-й гвардейской танковой армии. После прорыва обороны главные силы фронта, в составе которых находились танковые армии, устремлялись в глубину по двум направлениям, что и приводило к рассечению главных сил противника.

Во Львовско-Сандомирской операции совершенствовались методы проведения артиллерийской подготовки. Продолжительность огневых налетов в ней резко возросла и была доведена до 40% всего ее времени, причем глубина огневого воздействия на неприятеля увеличилась до 10–15 км. С началом операции в связи с проведением разведки боем, изменением направлений и времени ввода подвижных соединений оперативно вносились поправки в план артиллерийского наступления.

В ходе операции эффективно использовались вторые эшелоны объединений. Особенно поучителен ввод в сражение на глубине 250 км уже на завершающем этапе операции второго эшелона фронта с целью отражения контрударов противника, закрепления и расширения оперативного плацдарма. Получило дальнейшее развитие искусство последовательного форсирования крупных водных преград (Западный Буг, Сан, Висла). Они преодолевались, как правило, с ходу, в широкой полосе.

Особенностью применения бронетанковых и механизированных войск явился ввод в прорыв двух танковых армий на одном направлении в узкой полосе (шириной до 6 км), по одному маршруту, одна вслед за другой, в условиях отражения сильных контрударов противника на флангах. Быстрое осуществление маневра танковыми объединениями приводило к окружению, глубокому обходу и последующему разгрому крупных вражеских группировок, а также к быстрому форсированию водных преград и расширению захваченных плацдармов.

Большую роль сыграла авиация. Фронт имел самую мощную воздушную армию из всех, что участвовали в операциях 1944 г. За время операции она совершила более 48 тыс. самолето-вылетов. Искусное использование авиации дало возможность провести эффективную непосредственную авиационную подготовку, надежно обеспечить и поддержать наступление сухопутных войск, ускорить ликвидацию окруженной группировки врага в районе Бродов и оказать существенную поддержку войскам в борьбе за сандомирский плацдарм.

В ходе Львовско-Сандомирской операции только с 14 по 31 июля противник потерял убитыми, ранеными и взятыми в плен до 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили крупные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов[54]. Потери 1-го Украинского фронта составили: 290 тыс. человек, в том числе 65 тыс. безвозвратно[55].

В целом успешные действия Красной армии на белорусском и львовском направлениях обеспечили весьма выгодные условия для советских войск на флангах советско-германского фронта. На южном направлении особенно успешно действовали войска Украинских фронтов, которые стремительно продвигались к Государственной границе СССР, завершая освобождение западных областей Украины и Молдавии.

Разгром противника в районе Ясс и Кишинева

Успехи Красной армии на юге Украины и ее вступление весной 1944 г. на территорию Румынии привели к резкому изменению обстановки на южном крыле советско-германского фронта. На этом направлении советские войска не только нанесли противнику большой урон в живой силе и технике, но и заняли по отношению к его группировке выгодное охватывающее положение в районе Ясс и Кишинева для развертывания новых наступательных операций.

Германское командование придавало большое значение обороне данного участка фронта. Это определялось соображениями политического, экономического и военного характера.

В случае неблагоприятного исхода вооруженной борьбы на бухарестском направлении Германия могла лишиться всех своих союзников с их людскими и материальными ресурсами. Особое значение для нее имели центральные районы Румынии с их нефтяными промыслами, столь необходимыми для стран прогерманского блока. Кроме того, с выдвижением советских войск в центральные районы Румынии под угрозу ставилась возможность обороны направлений, выводящих в Центральную Европу и на Балканы.

В начале лета командование вермахта предпринимало попытки нанесением ряда частных контрударов отбросить советские войска с занимаемых рубежей, чтобы отдалить линию фронта от границ Румынии. Однако все они провалились. Когда советские войска нанесли очередные мощные удары в Белоруссии и Западной Украине, германскому командованию пришлось на юге не только отказаться от активных действий и перейти к обороне, но и ослабить здесь свои силы. В конце июля в соответствии с приказом А. Гитлера из состава группы армий «Южная Украина» на центральный участок восточного фронта для восполнения потерь были переброшены 12 дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованная[56].

Переброска столь значительного числа дивизий привела к ослаблению группы армий «Южная Украина», что сильно встревожило И. Антонеску. 4 августа 1944 г. он встретился с А. Гитлером, чтобы выяснить его дальнейшие планы. Фюрер заверил румынского диктатора, что войска вермахта будут защищать Румынию так же упорно, как и Германию. В свою очередь, он потребовал от Антонеску обещания в том, что, как бы ни сложились обстоятельства, Румыния останется союзницей рейха и возьмет на себя содержание немецких войск, действовавших на ее территории[57].

К середине лета 1944 г. планы командования вермахта на юге сводились к тому, чтобы упорной обороной сохранить занимаемое положение. Для отражения наступления советских войск предполагало использовать труднопреодолимые Карпаты, бывшие румынские пограничные укрепленные районы — Тыргу-Няму и Тыргу-Фрумос, а также оборонительный рубеж по р. Днестр, на левом берегу которого войска 3-го Украинского фронта имели ряд плацдармов.

К началу Ясско-Кишиневской операции на рубеже протяженностью 580 км, проходившем через Красноильск, Пашканы, севернее Ясс, Кишинева и далее по Днестру, занимали оборону войска группы армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Й. Фриснера. В нее входили две армейские группы: «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии, а также 7-й немецкий отдельный армейский корпус) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Гитлеровское командование, видимо, сомневалось в надежности частей 3-й и 4-й румынских армий и поэтому пошло на их смешение с немецкими объединениями. По этому поводу Й. Фриснер впоследствии писал: «Характерным для группировки сил было смешение немецких и румынских соединений внутри армейских групп, что было сделано по соображениям безопасности»[58].

Всего группа армий «Южная Украина» имела 53 дивизии (30 немецких, 22 румынские и словацкую), а также пять бригад[59]. Ее соединения и части к августу 1944 г. были значительно пополнены личным составом, вооружением и военной техникой. Численность немецких пехотных дивизий была доведена до 10—12 тыс. человек, а румынских — до 12—17 тыс. Группа насчитывала более 900 тыс. человек, 8200 орудий и минометов, 484 танка и штурмовых орудия. Кроме того, около 60 тыс. немецких солдат и офицеров находились в составе гарнизонов в тыловых районах Румынии. Войска группы армий «Южная Украина» поддерживали часть сил 4-го немецкого воздушного флота и румынский авиационный корпус, насчитывавшие 810 боевых самолетов[60].

Такие силы обеспечивали оперативную плотность войск из расчета одна дивизия на 10—12 км, а на важнейших направлениях — на 7—8 км фронта. Учитывая, что 100 км фронта приходилось на труднодоступную горную местность, этого, по оценке германского командования, для обороны было достаточно.

К началу наступления войск Красной армии на южном крыле советско-германского фронта противник создал эшелонированную оборону глубиной до 80 км с развитой системой

Заседание Военного совета 2-го Украинского фронта перед Ясско-Кишиневской операцией. 1944 г.

фортификационных сооружений. Особенно мощной, состоявшей из трех и более оборонительных полос, опиравшихся на труднопреодолимые естественные рубежи, являлась тактическая зона обороны. Ее глубина достигала 6–8 км, а местами до 15 км. В тактической зоне на удалении в 200–400 м одна от другой были оборудованы и соединены ходами сообщения полного профиля две-три, а местами и четыре линии траншей. Непосредственно перед передним краем противник имел развитую систему инженерных заграждений и минные поля. Например, на ясском направлении только в одном укрепленном районе на фронте в 33 км было подготовлено 247 долговременных сооружений, то есть на 1 км фронта приходилось в среднем семь таких укреплений[61].

Кроме основных рубежей, созданных по берегам рек, в глубине обороны враг имел также заранее подготовленные оборонительные полосы. Причем ключевая роль в них отводилась долговременным укреплениям, перехватывавшим так называемые «Фокшанские ворота» — наиболее удобный для наступления в глубь территории Румынии участок местности. Почти все города были превращены в сильные опорные пункты, а на участке Тыргу-Фрумос — Яссы были оборудованы укрепленные районы[62].

Командование вермахта понимало: дугообразное начертание переднего края обороны создает предпосылки к тому, что советские войска могут нанести фланговые удары. Однако оно надеялось, что крупная группировка войск и тщательно подготовленная в инженерном отношении оборона позволят не допустить прорыва советских войск не только на территорию Румынии, но и в целом на Балканы. Тем не менее в середине августа германское руководство считало, что силы советских войск основательно подорваны в ходе боев в Белоруссии и на Украине и в ближайшее время не способны предпринять крупное наступление на юге.

Такой вывод подтверждают, в частности, немецкие документы: «Летнее наступление Красной армии против группы «Центр» и закончившееся сосредоточение вражеских войск (советских. — *Ред.*) против группы армий «Северная Украина»... подтвердили то, что противник (советские войска. — *Ред.*) отложил свои планы наступления на Балканы»[63].

Оценив сложившуюся обстановку на южном крыле советско-германского фронта, Ставка ВГК решила провести наступательную операцию в районе Ясс и Кишинева с целью разгрома группы армий «Южная Украина», освобождения Молдавии и вывода из войны на стороне Германии ее союзниц — Румынии и Болгарии[64]. При разработке операции было учтено, что в центре полосы этой группы армий занимает оборону наиболее боеспособная 6-я немецкая армия, а на ее флангах — румынские соединения, среди солдат которых все больше нарастало нежелание воевать на стороне Германии.

Замысел Ставки ВГК на Ясско-Кишиневскую операцию предусматривал нанесением ударов главными группировками войск 2-го и 3-го Украинских фронтов с севера и востока прорвать оборону противника на двух далеко отстоящих один от другого участках (северо-западнее Ясс и южнее Бендер) и, развивая наступление по сходящимся к району Хуши — Васлуй — Фэлчиу направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армии «Южная Украина» в районах Ясс и Кишинева, а в дальнейшем развивать наступление в глубь Румынии[65].

В соответствии с замыслом фронты должны были наносить удары по наиболее уязвимым, занимаемым румынскими войсками, местам в обороне противника. Ударной группировке 2-го Украинского фронта предстояло наступать в обход Ясского и Тыргу-Фрумосского укрепленных районов, а 3-го Украинского фронта — с кицканского плацдарма на Хуши с тем, чтобы расчленить войска группы армий «Южная Украина», изолировать и уничтожить по частям входившие в нее немецкие и румынские объединения. Планировалось, что левое крыло 3-го Украинского фронта будет наступать при поддержке сил Черноморского флота.

Сосредоточивая основные усилия двух фронтов для разгрома кишиневской группировки врага, Ставка ВГК полагала, что успешное решение этой задачи создаст благоприятные предпосылки для быстрого продвижения советских войск в глубь территории Румынии и овладения основными экономическими и политическими центрами этой страны. Как полагал И. В. Сталин, «мощные удары по обороне союзника гитлеровцев должны были повлиять на политику правительства королевской Румынии и содействовать ее выходу из войны»[66].

15 июля 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов передал командованию 2-го и 3-го Украинских фронтов распоряжение представить в Ставку ВГК к концу июля свои соображения и расчеты о проведении наступательной операции. В штабах фронтов началась напряженная работа.

31 июля командующие войсками фронтов были вызваны в Ставку, где замыслы и планы фронтовых операций подверглись всестороннему разбору. 2 августа Ставка ВГК направила 2-му и 3-му Украинским фронтам директиву, которой определялись общие цели операции — «разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил»[67], а также конкретные задачи каждому из фронтов[68].

Перед 2-м Украинским фронтом (генерал армии Р. Я. Малиновский) ставилась задача прорвать оборону противника северо-западнее Ясс, овладеть городами Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через Прут на участке Хуши — Фэлчиу и совместно с 3-м Украинским фронтом разгромить ясско-кишиневскую группировку, не дав ей отойти на Бырлад — Фокшаны. В дальнейшем войска 2-го Украинского фронта должны были наступать на Фокшаны, прочно прикрывая правый фланг своей ударной группировки со стороны Карпат.

3-му Украинскому фронту (генерал армии Ф. И. Толбухин) предписывалось, нанесением удара в направлении Опач — Селемет — Хуши, прорвать вражескую оборону южнее Бендер и, надежно обеспечивая ударную группировку войск фронта с юга, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разгромить ясско-кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово — Тарутино. В дальнейшем фронту предстояло наступать на Рении и Измаил, чтобы отрезать врагу пути отхода за реки Прут и Дунай.

Советская пехота под прикрытием танков идет в наступление. 1-й Украинский фронт, 1944 г.

Немецкое тяжелое орудие, разбитое советской артиллерией. 4-й Украинский фронт, 1944 г.

Важная роль в Ясско-Кишиневской операции отводилась Черноморскому флоту. Ему ставилась задача оказывать огневую поддержку войскам 3-го Украинского фронта на приморском направлении, нарушать прибрежные морские коммуникации противника и уничтожать его корабли, наносить массированные авиационные удары по базам Констанца и Сулина. Входившая в состав флота Дунайская военная флотилия должна была высадить десанты северо-западнее и южнее Аккермана (Белгорода-Днестровского), а с выходом войск 3-го Украинского фронта к Дунаю содействовать им в форсировании реки и обеспечивать судоходство по ней[69].

Начало операции было запланировано на 20 августа.

Для усиления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов в период с апреля по август 1944 г. решением Ставки ВГК в их состав было передано 875 танков и самоходных артиллерийских установок, 6223 орудия и миномета, 13 142 ручных и станковых пулемета, 116 тыс. автоматов, 280 тыс. винтовок и карабинов. По решению Государственного Комитета Обороны на Черноморский флот из состава Северного и Тихоокеанского флотов было переброшено шесть больших и 20 малых морских охотников, 10 подводных лодок, 12 торпедных катеров[70].

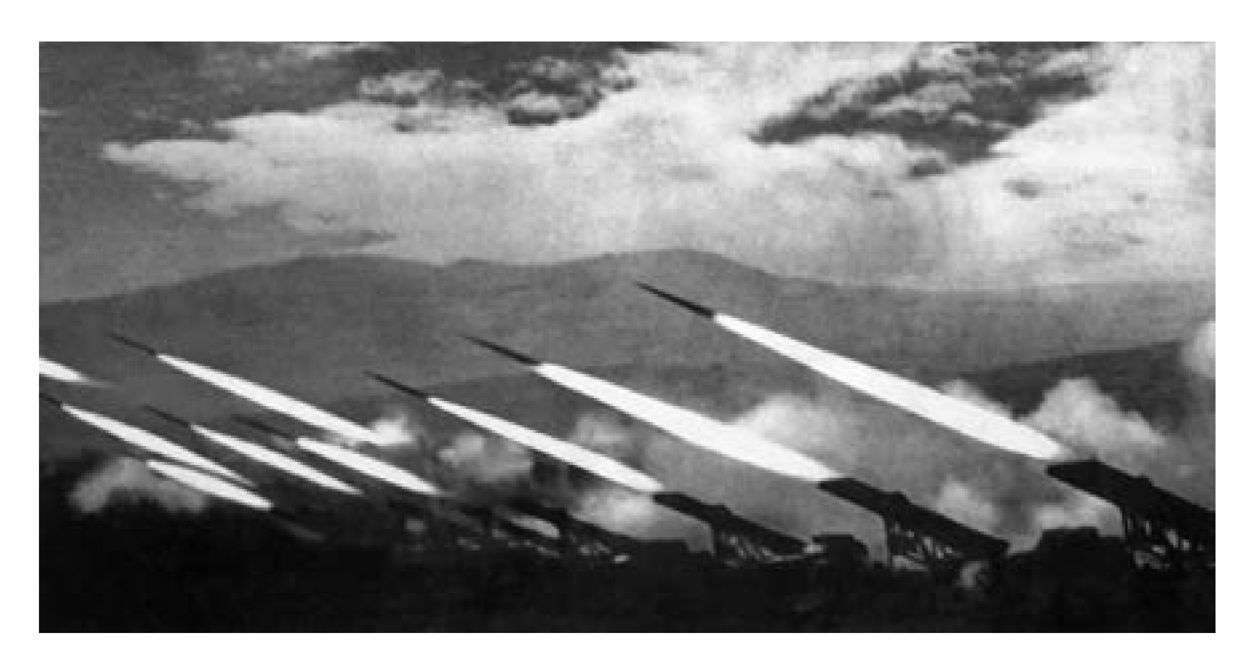
Выполняя указания Ставки, командующий войсками 2-го Украинского фронта решил главный удар нанести силами 27, 52, 53 и 6-й танковой армий из района северо-западнее Ясс в направлении на Васлуй — Фэлчиу, отрезать путь отхода ясско-кишиневской группировки противника на запад. Вспомогательный удар планировался силами 7-й армии и конно-механизированной группы вдоль р. Сирет для обеспечения прикрытия правого фланга главной группировки. Действия наземных войск фронта поддерживала 5-я воздушная армия. К исходу пятого дня операции его войска должны были выйти на рубеж Бакэу — Хуши, соединиться с 3-м Украинским фронтом и завершить окружение ясско-кишиневской группировки противника. В дальнейшем его главным силам предстояло развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, образуя внешний фронт окружения, а войскам левого крыла — создать внутренний фронт окружения и совместно с 3-м Украинским фронтом завершить ликвидацию окруженных сил врага[71].

Решением командующего войсками 3-го Украинского фронта предусматривалось силами 57-й, 37-й и правого фланга 46-й армий нанести главный удар с кицканского плацдарма южнее Бендер в направлении Хуши в стык 3-й немецкой и 6-й румынской армий. Вспомогательный удар предполагалось нанести частью сил 46-й армии во взаимодействии с Дунайской военной флотилией через Днестровский лиман на г. Аккерман. В районе Хуши войска фронта должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, завершить окружение основных сил группы армий «Южная Украина» и совместными усилиями уничтожить их. Наступление наземных войск фронта поддерживала 17-я воздушная армия[72].

На направлениях главных ударов фронтов было сосредоточено от 67 до 72% стрелковых соединений, 61% орудий и минометов, 85% танков и самоходно-артиллерийских установок, почти вся авиация[73]. Благодаря этому на участках прорыва советские войска превосходили противника в людях в 4—8 раз, в артиллерии — в 6—11 раз, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 6 раз, в самолетах — более чем в 2 раза[74].

В целях нанесения мощных первоначальных ударов и развития наступления высокими темпами фронты имели глубокое оперативное построение. Так, на 2-м Украинском фронте в первом эшелоне находилось пять армий (38 дивизий), в составе подвижной группы — танковая армия, два отдельных танковых и один кавалерийский корпуса, а во втором эшелоне и резерве — одна армия и два отдельных стрелковых корпуса (13 дивизий). В 3-м Украинском фронте, удар которого предусматривался не таким глубоким, все четыре армии (34 дивизии) располагались в первом эшелоне. Глубина оперативного построения войск достигалась за счет создания нескольких эшелонов в армиях, а также за счет подвижных групп, созданных во фронте и в 37-й армии (два механизированных корпуса), и резерве (один стрелковый корпус).

В ходе операции предусматривалось достижение высоких темпов наступления: для стрелковых войск — 20—25 км в сутки, для подвижных соединений — 30—35 км. По замыслу это должно было обеспечить выход советских войск к р. Прут раньше возможного отхода на этот

Залп советских реактивных установок

Немецкое самоходное орудие в засаде

рубеж ясско-кишиневской группировки противника, а также быстрый выход к «фокшанским воротам» и стремительный прорыв в центральные районы Румынии, к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую низменность, то есть в тыл карпатской группировки противника.

В основу применения артиллерии был положен принцип ее массирования на участках прорыва. Так, к началу операции 3-й Украинский фронт имел в своем составе две артиллерийские дивизии прорыва, четыре дивизии зенитной артиллерии, 11 отдельных артиллерийских и минометных бригад, 97 отдельных полков (всего 6233 орудия и миномета, 464 пусковые установки реактивной и 649 орудий зенитной артиллерии)[75]. По предложению командующего артиллерией на направлении главного удара фронта планировалось сосредоточить всю артиллерию резерва Верховного главнокомандования (кроме трех полков), 26 зенитно-артиллерийских полков, артиллерийские полки трех стрелковых дивизий 5-й ударной армии, находившейся в обороне, корпусной и дивизионные артиллерийские полки 10-го гвардейского стрелкового корпуса, находившегося в резерве фронта. Это позволяло сконцентрировать на 18-километровом участке прорыва 4587 орудий и минометов, то есть более 73% всей артиллерии. При средней плотности в полосе фронта 24 орудия и миномета на 1 км на участках прорыва она достигала: в 57-й армии — 247, 37-й армии — 251, 46-й армии — 239 орудий и минометов на 1 км[76].

Продолжительность артиллерийской подготовки предусматривалась во 2-м Украинском фронте 1 час 30 минут, в 3-м Украинском — 1 час 45 минут. Поддержка атаки пехоты и танков планировалась одинарным или двойным огневым валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня. Все это было сделано, чтобы гарантировать стремительный прорыв и наверняка обеспечить успех операции. По этому поводу бывший командующий войсками 2-го Украинского фронта маршал Р. Я. Малиновский писал: «Первоначально намечалось осуществить прорыв на фронте в 22 км. В этом случае на 1 км фронта прорыва мы могли сосредоточить до 220 орудий калибра от 76 мм и выше. Когда я докладывал в Ставке план операции, И. В. Сталин сказал, что 220 орудий на километр фронта маловато, надо больше. Я ответил, что больше нет. Тогда он предложил атаковать не на 22-, а на 16-километровом фронте»[77].

Использование танковых войск планировалось также по принципу их массирования на участках прорыва. Например, во 2-м Украинском фронте, имевшем 1283 танка и самоходные установки, на направление главного удара, в полосу действий 27-й и 52-й армий, было выделено 985 единиц техники (77%), а на направление удара 7-й гвардейской армии — около 300 единиц[78]. Следует заметить, что усиление подвижных групп армий и фронтов происходило в том числе за счет сокращения количества танков непосредственной поддержки пехоты. Во фронтах средняя плотность танков, действовавших в интересах поддержки стрелковых войск, составляла не более 18 боевых машин на 1 км фронта. На направлении главного удара стрелковых дивизий, где в прорыв вводились механизированные корпуса, их плотность была доведена до 35 боевых единиц[79].

Авиационное обеспечение в Ясско-Кишиневской операции возлагалось на 5-ю и 17-ю воздушные армии. К началу операции в их составе имелось 1952 боевых самолета. Этими силами в течение первых трех дней наступления предусматривалось осуществить более 4 тыс. самолето-вылетов[80]. Основная задача авиационных объединений заключалась в поддержке наземных войск при прорыве обороны противника на направлениях главных ударов, обеспечении ввода в прорыв подвижных групп и их действий в оперативной глубине. Взаимодействие авиации с наземными войсками было организовано по принципу поддержки. Каждую армию поддерживали 2–4 авиадивизии. Во 2-м Украинском фронте в связи с высокой плотностью артиллерии на участке прорыва (до 280 орудий и минометов на 1 км, имевших 2–4 боекомплекта и более) авиационная подготовка не предусматривалась. 5-я воздушная армия должна была начать действия с момента перехода стрелковых соединений в атаку. Планирование авиационной подготовки в 3-м Украинском фронте объясняется значительно меньшей плотностью артиллерийских средств и в связи с этим перераспределением большего объема задач на авиацию[81].

Большое внимание уделялось инженерному обеспечению операции. Выполняя намеченные планом мероприятия, в исходных районах для наступления обоих фронтов было отрыто более 7,2 тыс. км траншей и ходов сообщения, построено свыше 50 тыс. блиндажей и убежищ, оборудовано более 6700 командных и наблюдательных пунктов, наведены десятки переправ[82].

Существенную помощь советским войскам в создании фортификационных объектов и выполнении других работ оказывало население Молдавии. Оно приняло участие в восстановлении 58 железнодорожных мостов и более 700 км железнодорожных путей, ремонте сотен автомашин, десятков орудий и танков, строительстве оборонительных сооружений и аэродромов.

В целях успешного выполнения задач Ясско-Кишиневской операции командования фронтов организовывали и проводили в ограниченные сроки крупные перегруппировки войск, сил и средств. Во 2-м Украинском фронте в период с 7 по 20 августа полностью сменили свои районы расположения 60% и частично 23% соединений. Расстояние их передислокации составляло от 20 до 110 км. Стрелковые соединения исходное положение для наступления заняли в ночь на 18 августа. Артиллерия и танки выводились в новые районы в течение двух последних ночей перед наступлением. Перегруппировки в 3-м Украинском фронте заключались в перемещении с флангов в центр полосы фронта, где наносился главный удар[83].

В период подготовки к операции большое внимание уделялось маскировке своих войск и дезинформации противника. Проведение такого рода мероприятий направлялось прежде всего на скрытие перегруппировок войск и их сосредоточения в исходных для наступления районах. Об их эффективности свидетельствует то, что вплоть до перехода советских войск в наступление командование вермахта и штаб группы армий «Южная Украина» не имели точного представления о направлениях главных ударов советских войск.

В частности, штабом 3-го Украинского фронта весьма убедительно была организована имитация сосредоточения ударной группировки в полосе 5-й ударной армии, а нанесение главного удара — из района северо-восточнее Кишинева. Даже к исходу второго дня наступления, когда ударная группировка фронта уже продвинулась на 25—30 км южнее Бендер, командование противника все еще рассматривало его как вспомогательный, а главный удар по-прежнему ожидало из района северо-восточнее Кишинева. Не имело оно четкого представления и о сроках начала наступления.

Интересам готовившегося наступления были подчинены и действия партизан Молдавии. Они поддерживали тесную связь со штабами фронтов и армий, доставляли им сведения о противнике, нарушали его коммуникации и уничтожали мелкие гарнизоны. За несколько дней до начала Ясско-Кишиневской операции они пустили под откос восемь вражеских железнодорожных эшелонов.

К началу операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов были полностью обеспечены всеми необходимыми материальными средствами. Они имели 1,5—6,6 боекомплекта снарядов и мин[84], 7,4—9 заправок авиационного и дизельного топлива, до 2,7 заправки автобензина, достаточное количество продовольствия, фуража и снаряжения[85]. Дорожные войска в хорошем состоянии содержали военно-автомобильные дороги протяженностью около 2800 км. В госпиталях было развернуто более 134 тыс. резервных коек для приема раненых и больных воинов[86].

В соответствии с планом наступление советских войск началось 20 августа 1944 г. Переходу в атаку пехоты и танков предшествовала мощная артиллерийская, а на 3-м Украинском фронте — и авиационная подготовка. В результате артиллерийского огня и авиационных ударов система обороны врага была дезорганизована, траншеи и ходы сообщения разрушены, управление войсками в тактическом звене нарушено, а личный состав из-за больших потерь в живой силе и технике морально подавлен. Так, пленный из 76-й немецкой пехотной дивизии на допросе сообщил, что «дивизия потеряла до 80% личного состава, 178-й пехотный полк потерял всех командиров батальонов, управление в полку нарушено, солдаты и офицеры отступают в беспорядке»[87].

Саперы проделывают проходы в минных полях. 1944 г.

Кавалерийская атака. 1-й Украинский фронт, август 1944 г.

В первый же день войска 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвали оборону противника на всю тактическую глубину. В этих боях советские воины продемонстрировали не только отличную боевую выучку, но и высокий моральный дух, готовность к самопожертвованию во имя победы над ненавистным врагом. Так, командир роты 468-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии 52-й армии лейтенант А. Р. Шемигон, командир отделения 21-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии 27-й армии сержант А. Е. Шевченко повторили подвиг Александра Матросова[88].

Командование группы армий «Южная Украина» предпринимало срочные меры, чтобы остановить продвижение советских войск. В район г. Яссы оно перебросило из своего резерва три пехотные и одну танковую дивизии. Однако вражеские контратаки не смогли задержать наступление советских войск.

В полосе 2-го Украинского фронта, на направлении действий 27-й армии, особенно успешно действовали соединения 35-го гвардейского стрелкового корпуса. Уже к середине дня они прорвали первую и вторую полосы обороны противника, обеспечив тем самым ввод в сражение 5-го гвардейского механизированного корпуса 6-й танковой армии генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко[89]. Для врага появление танковых соединений оказалось полной неожиданностью. Благодаря этому советские войска смогли быстро продвинуться к третьей полосе его обороны, проходившей по хребту Маре[90].

37, 46 и 57-я армии 3-го Украинского фронта к исходу первого дня операции также завершили прорыв главной полосы обороны противника, а местами вклинились и во вторую оборонительную полосу.

Бывший командующий группой армий «Южная Украина» генерал Й. Фриснер в своих воспоминаниях отмечал, что итог боев за 20 августа был катастрофическим. В первый же день наступления советских войск он лишился девяти дивизий. Особенно большие потери понесли румынские войска. «В армейской группе Думитреску обе румынские дивизии 29-го армейского корпуса (4-я горнопехотная и 21-я пехотная) полностью распались. В армейской группе Велера полностью разгромленными оказались до пяти румынских дивизий»[91].

На второй день ударная группировка 2-го Украинского фронта вела упорную борьбу за третью полосу вражеской обороны, а 7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа генерала С. И. Горшкова — за Тыргу-Фрумос. 21 августа к району прорыва ударной группировки фронта немецкое командование подтянуло 12 дивизий, в том числе две танковые. Упорные бои развернулись на подступах к Яссам, где войска противника трижды переходили в контратаки. Но ввод в сражение 18-го танкового корпуса в полосе 52-й армии существенно облегчил действия стрелковых соединений и частей. К исходу 21 августа войска 2-го Украинского фронта окончательно сломили оборону врага. Расширив прорыв до 65 км по фронту и до 40 км в глубину и преодолев все три оборонительные полосы, овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос и вышли на оперативный простор.

Ударная группировка 3-го Украинского фронта, отражая сильные контратаки пехоты и танков противника, за два дня боев продвинулась на глубину до 30 км, расширив прорыв по фронту до 95 км. Образовался значительный разрыв между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями.

Успешно справлялись с задачами по поддержке наземных войск 5-я и 17-я воздушные армии. За два дня летчики произвели около 6350 самолето-вылетов. Авиация Черноморского флота наносила удары по немецким кораблям и базам в Констанце и Сулине. В журнале боевых действий группы армий «Южная Украина» 21 августа 1944 г. отмечалось, что «неслыханно сильным является вражеский воздушный флот. Он делает все, что он хочет»[92]. От ударов советской авиации, добившейся в районе действий армейской группы «Думитреску» абсолютного господства в воздухе, немецкие и румынские войска несли крупные потери.

В боях по прорыву обороны противника советские воины проявляли массовый героизм. Яркой его иллюстрацией служат действия ефрейторов А. И. Гусева и К. И. Гуренко. Выполняя боевую задачу, 60-й полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии днем 21 августа ворвался на восточную окраину молдавского села Ермоклия. На огневую позицию пулеметчика 1-го

батальона А. И. Гусева двинулись четыре «тигра». Понимая, что остановить танки огнем из пулемета невозможно, боец, привязав к груди гранаты, бросился под один из них. Танк взорвался, а остальные повернули назад. Аналогичный подвиг совершил боец 3-го батальона К. И. Гуренко. Улучив момент, он с прижатыми к груди гранатами бросился под передний из трех надвигавшихся на него танков. Воодушевленные высоким подвигом своих боевых товарищей воины полка при поддержке артиллерии отразили контратаку врага, уничтожив большую часть их танков. Ефрейторам А. И. Гусеву и К. И. Гуренко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[93].

Благодаря успешному развитию наступления войск обоих фронтов уже днем 21 августа создались условия, обеспечивавшие окружение кишиневской группировки противника. К тому времени израсходовав все свои оперативные резервы, неприятель не в силах был существенно повлиять на ход боевых действий, а в распоряжении командующих войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, напротив, находилось 25 стрелковых дивизий, еще не введенных в сражение.

Вечером 21 августа Ставка ВГК направила во фронты директиву, в которой отмечалось: «...сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника»[94]. Для выполнения этой задачи она потребовала от командующих войсками фронтов использовать все имевшиеся силы и средства, чтобы в короткий срок завершить окружение вражеской группировки и обеспечить выход советских войск к экономическим и политическим центрам Румынии.

Стремясь избежать окружения основных сил группы армий «Южная Украина», генерал Й. Фриснер 22 августа отдал приказ об отводе войск с кишиневского выступа за р. Прут. Но, как он отмечал впоследствии, «было уже слишком поздно»[95]. С утра 22 августа перешла в наступление 4-я гвардейская армия. Действуя совместно с 52-й армией генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, она к исходу дня продвинулась на 25 км и овладела двумя переправами через р. Прут. Обходя узлы сопротивления противника, 18-й танковый корпус продвигался в направлении Хуши.

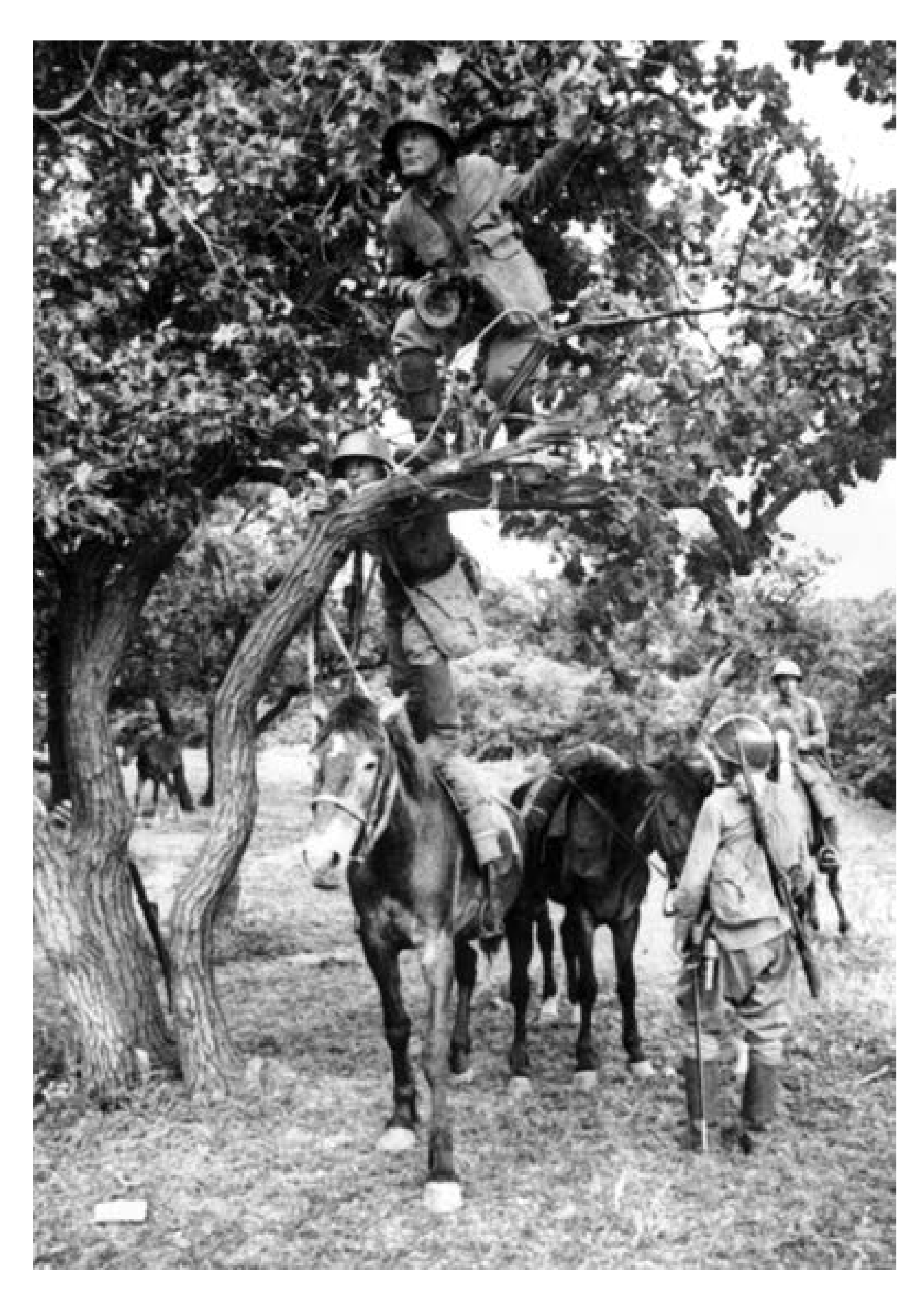
Крупных успехов добились и войска 3-го Украинского фронта. Части 7-го механизированного корпуса вышли в район Гуры-Галбены, а 4-й гвардейский механизированный корпус, заняв Тарутино и Комрат, развивал наступление на Леово. Тем самым 3-я румынская армия была окончательно изолирована от 6-й немецкой армии. К исходу 22 августа ударные группировки фронтов перехватили основные пути отхода противника на запад.

В это же время моряки Дунайской военной флотилии совместно с десантной группой 46-й армии форсировали 11-километровый Днестровский лиман, освободили г. Аккерман и развивали наступление в юго-западном направлении.

Успех первых трех дней наступления оказал большое влияние на дальнейший ход операции. Противник потерял значительную часть своих сил. Войска 2-го Украинского фронта разгромили 11 румынских и четыре немецкие дивизии, сбили 114 самолетов, продвинулись на 60 км и расширили прорыв до 120 км. 3-й Украинский фронт продвинулся до 70 км, ширина его прорыва достигла 130 км. Успешные действия фронтов отражены в оперативных сводках Генерального штаба Красной армии.

Так, в сводке за 22 августа указывалось, что за два дня боев только войсками 2-го Украинского фронта, по неполным данным, «было уничтожено до 7200 и захвачено в плен 3356 солдат и офицеров противника; подбито и сожжено 21 танк, 16 штурмовых орудий и уничтожено 27 орудий полевой артиллерии. Захвачены трофеи: более 160 орудий разного калибра... 3 танка, 124 миномета... 100 лошадей и 6 разных складов противника»[96]. Всего за это время противник потерял около 11,5 тыс. солдат и офицеров убитыми и около 6 тыс. пленными[97].

Важнейшим фактором такого успеха явилось тесное взаимодействие сухопутных войск и авиации. Только 22 августа, как указывалось в донесении штаба 2-го Украинского фронта в Генеральный штаб, «авиация фронта произвела 1133 самолето-вылета. В воздушных боях

Конные разведчики подполковника Ильина в районе Кишинева. 1944 г.

Плакат А. Даниличева. 1944 г.

Плакат П. Саркисяна. 1944 г.

Плакат В. Корецкого. 1944 г.

Плакат Т. Ксенофонтова. 1944 г.

Плакат А. Казанцева. 1944 г.

Плакат А. Кейля. 1944 г.

Плакат И. Тоидзе. 1944 г.

Плакат Н. Кочергина. 1944 г.

сбито 26 самолетов противника»[98]. В тот же день более 1700 самолето-вылетов осуществила авиация 3-го Украинского фронта, уничтожив в воздушных боях шесть вражеских самолетов.

С утра 23 августа фронты продолжали вести наступательные действия, стремясь замкнуть кольцо окружения и одновременно развивать наступление на внешнем фронте. 18-й танковый корпус вышел в район Хуши, 7-й механизированный корпус — к переправам через Прут в районе Леушены, а 4-й гвардейский механизированный корпус — к Леово. «В результате четырех дней операции, — докладывал представитель Ставки маршал Тимошенко Верховному главнокомандующему 25 августа, — войска 2-го и 3-го Украинских фронтов сегодня, 25 августа, завершили оперативное окружение кишиневской группировки противника»[99].

В полосе 3-го Украинского фронта 46-я армия во взаимодействии с Дунайской военной флотилией 23 августа завершила окружение румынской 3-й армии, войска которой на следующий день прекратили сопротивление. 24 августа 5-я ударная армия освободила столицу Молдавии — г. Кишинев. Как отмечалось в эти дни в журнале боевых действий 2-го Украинского фронта, «разгром румынских войск был полным»[100].

Немецкое командование и правительство И. Антонеску не имели реальных сил воспрепятствовать стремительному наступлению советских войск в глубь Румынии. В то же время успешные действия 2-го и 3-го Украинских фронтов создали благоприятные условия для вооруженного восстания в Румынии, которое началось в Бухаресте 23 августа. В этот же день по приказу короля Михая был арестован диктатор Антонеску, прибывший на аудиенцию к королю с целью заручиться поддержкой для продолжения войны на стороне Третьего рейха. Вскоре были арестованы и министры его правительства, а поздно вечером по радио передали декларацию короля Михая о прекращении боевых действий против Объединенных Наций, о его согласии принять условия перемирия, предложенные от имени правительств Советского Союза, США и Великобритании[101].

В 22 часа 40 минут из румынского генерального штаба в войска поступил приказ о прекращении любого подчинения их немецкому командованию, а также о прекращении боевых действий и любых агрессивных акций против советских войск[102].

Утром следующего дня командование вермахта предприняло попытки захватить Бухарест. Немецкая авиация начала бомбить правительственные здания в городе. К столице Румынии двинулись дислоцированные вблизи нее немецкие отдельные части и тыловые учреждения численностью около 6 тыс. человек, объединенные в группу генерала Штагеля. Но захватить город им не удалось. Впоследствии бывший генерал вермахта К. Типпельскирх вынужден был признать: «Лишь совершенный по приказу Гитлера воздушный налет на Бухарест дал румынам основание повернуть оружие против немцев»[103].

24 августа Ставка ВГК направила 2-му и 3-му Украинским фронтам специальную директиву, в которой разъяснялось отношение к частям и соединениям румынской армии, сдавшимся в плен. От командующих фронтами требовалось «продолжать выполнять задачи, невзирая ни на какие заявления румын о прекращении военных действий»[104].

В этих условиях советским войскам необходимо было ускорить темпы наступления и срочно прийти на помощь восставшим, чтобы командование вермахта не успело перебросить в Румынию дополнительные силы для подавления восстания. Советское командование, оставив 34 дивизии для уничтожения окруженной в районе Ясс и Кишинева вражеской группировки, направило в глубь Румынии более 50 дивизий. В развитии наступления на внешнем фронте окружения главная роль отводилась войскам 2-го Украинского фронта. На их поддержку были направлены основные силы 5-й и 17-й воздушных армий. Сопротивление неприятель оказывал незначительное. Из более чем 600-тысячного состава группы армий «Южная Украина» свыше 550 тыс. человек были окружены или уничтожены в первые дни операции, и лишь небольшая их часть вынуждена была отступать под натиском советских войск[105].

Командующий группой армий «Южная Украина», получив известие о выходе Румынии из войны на стороне Третьего рейха, приказал окруженным войскам отходить в Карпаты. Однако эта задача для них была уже невыполнима. Советские войска 24 августа плотно закрыли образовавшийся накануне узкий коридор, по которому противник пытался выр-

Жители Кишинева сердечно приветствуют проходящие через город советские войска. 1944 г.

Прохождение частей Красной армии на параде в городе Кишиневе

Наступление советских войск северо-западнее города Яссы. Август 1944 г.

Разгромленная техника врага на улицах Яссы. Август 1944 г.

ваться из котла. В окружении оказались 18 из 25 немецких дивизий. К этому времени были разгромлены почти все находившиеся на фронте румынские дивизии.

Вспоминая действия советских войск в Ясско-Кишиневской операции, К. Типпельскирх писал: «Как огромные морские волны, катились войска противника (советские войска. — *Прим. ред.*) и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны... Расчлененные на отдельные боевые группы немецкие войска вынуждены были пробиваться на запад... Вокруг нескольких немецких дивизий кольцо русских войск сузилось настолько, что им пришлось капитулировать»[106].

Итак, как и предусматривалось планом, первый этап Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции завершился к исходу 24 августа. К этому времени было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина». Войска, действовавшие на внешнем фронте, заняли города Роман, Бакэу, Бырлад и подошли к г. Текуч. Между внутренним и внешним фронтами окружения образовалась значительная по глубине полоса. Тем самым создались благоприятные условия не только для стремительного наступления в глубь румынской территории, но и для ликвидации окруженной группировки.

К исходу 27 августа окруженная восточнее р. Прут группировка врага перестала существовать. Вскоре была уничтожена и та часть его войск, которой удалось переправиться на левый берег Прута с намерением пробиться к Карпатским перевалам. Вот как характеризовало результаты разгрома своих войск командование группы армий «Южная Украина». В журнале ее боевых действий за 5 сентября 1944 г. отмечалось: «Окруженные корпуса и дивизии 6-й армии окончательно должны рассматриваться как потерянные. Никакой надежды больше нет, что какие-либо окруженные соединения вырвутся. Это представляет собой самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий. Потеряно 5 штабов армейских корпусов (4, 7, 30, 44 и 52-го) и 18 дивизий (9, 15, 62, 79, 106, 161, 257, 258, 282, 294, 302, 306, 320, 335, 370, 376 и 384-я пехотные, а также 153-я учебно-полевая дивизии). Кроме того, от 10-й моторизованной и 13-й танковой дивизий остались лишь незначительные части»[107].

На этапе завершения ликвидации окруженного противника и в последующие дни темпы наступления советских войск на внешнем фронте все более нарастали. Войска 2-го Украинского фронта, развивая наступление в направлении Северной Трансильвании и на фокшанском направлении, вышли на подступы к Плоешти и Бухаресту. Соединения и части 46-й армии 3-го Украинского фронта, взаимодействуя с силами Черноморского флота, вели наступление на приморском направлении.

Командование вермахта предпринимало попытки задержать советские войска. В директиве ОКВ от 26 августа перед генералом Й. Фриснером ставилась задача создать и удержать оборону по линии Восточные Карпаты — Фокшаны — Галац, хотя для этого у него уже не оставалось ни сил, ни средств. К Карпатам отступали шесть сильно потрепанных дивизий 8-й армии. На венгерско-румынской границе перед правым крылом и центром 2-го Украинского фронта находилось 29 венгерских батальонов. Перед левым его крылом и 3-м Украинским фронтом оборонялись остатки отступавших соединений, а также тыловые части группы армий «Южная Украина» и отдельные немецкие гарнизоны[108].

Упорное сопротивление противник оказал лишь на подступах к Восточным Карпатам. Сосредоточенные здесь остатки немецких дивизий и венгерские батальоны вели бои, используя выгодную для обороны горно-лесистую местность. Однако 40-я и 7-я гвардейская армии, а также конно-механизированная группа генерала С. И. Горшкова, несмотря на огромные трудности, сумели отбросить врага и преодолеть Восточные Карпаты.

Успешно развивалось наступление войск левого крыла 2-го Украинского фронта, включавшего 27, 53 и 6-ю танковую армии, а также 18-й танковый корпус. При активной поддержке авиации они, уничтожая отдельные очаги сопротивления врага, быстро продвигались на юг. 6-я танковая армия, преодолев фокшанский укрепленный рубеж, 26 августа освободила Фокшаны. На следующий день она подошла к г. Бузэу, овладение которым позволяло развивать наступление на Плоешти и Бухарест. Здесь танкистов встретило ожесточенное сопротивле-

ние. В боях за Бузэу были уничтожены более 1500 и взяты в плен 1200 солдат и офицеров противника. С потерей города его положение еще более ухудшилось.

В этих боях отличились воины 4-го гвардейского механизированного корпуса. Олицетворением мужества явился героический подвиг танкистов под командованием командира танкового взвода 36-й гвардейской танковой бригады лейтенанта Н. П. Батурина. Перед взводом была поставлена задача отбить у противника ранее захваченную им переправу и не допустить его отхода на левый берег. Стремительной атакой танкистам удалось уничтожить вражеское охранение, овладев переправой, около двух суток они отражали натиск подошедших частей противника. В ходе этих боев были уничтожены более тысячи немецких солдат и офицеров, свыше 200 автомашин, 30 орудий и несколько танков. Только экипаж танка Н. П. Батурина подбил две «пантеры», а одну захватил исправной. За этот подвиг лейтенанту Н. П. Батурину было присвоено звание Героя Советского Союза. Такую же награду за личное мужество, проявленное в боях с врагом, пытавшимся вырваться из окружения, получил и командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал В. И. Жданов[109].

К 29 августа войска 3-го Украинского фронта овладели городами Тулча, Галац, Брэила, Констанца, Сулина и другими. Чтобы быстрее взять Констанцу — главную военно-морскую базу Румынии, были использованы морские и воздушные десанты. Наступая в южном направлении, советские войска громили разрозненные группы противника, препятствовали переброске их под Бухарест. Только за 1 и 2 сентября в районе г. Кэлэраши они взяли в плен около 6 тыс. человек, в том числе более 100 офицеров.

Войска Красной армии, продвигаясь в глубь Румынии, устанавливали контакты и налаживали сотрудничество с румынскими соединениями, повернувшими оружие против гитлеровцев. Так, в составе 50-го стрелкового корпуса 40-й армии более месяца вел боевые действия против немецких войск 3-й румынский пограничный полк. Вместе с 7-й гвардейской армией сражалась 103-я румынская горнострелковая дивизия. В конце августа в районе Васлуя приняла боевое крещение 1-я румынская пехотная добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску, сформированная на советской территории.

Таким образом, с 20 по 29 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов успешно провели Ясско-Кишиневскую операции. В дальнейшем в соответствии с директивой Ставки ВГК от 29 августа они развернули энергичное наступление в центральной части Румынии и на подступах к Болгарии[110]. В результате наступления в районе Ясс и Кишинева войска 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом всего за десять дней разгромили почти миллионную группу армий «Южная Украина». Они уничтожили 22 немецкие дивизии и 37 отдельных частей, разгромили все румынские соединения, находившиеся на фронте. В плен были взяты более 208 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 25 генералов, уничтожено 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, 298 самолетов, 15 тыс. автомашин. В качестве трофеев советские войска захватили более 2 тыс. орудий и минометов, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин, 40 самолетов и много другой военной техники и оружия[111].

Разгром группы армий «Южная Украина» привел к краху вражеской обороны на южном крыле советско-германского фронта, коренному изменению военно-политической обстановки на Балканах. Была полностью освобождена Молдавия. Румыния объявила войну Германии.

Уникальность военных итогов Ясско-Кишиневской операции состояла в том, что с учетом ее размаха (ширина фронта боевых действий составляла 500 км, а глубина продвижения — 300–320 км) советские войска понесли минимальные потери: безвозвратные — 13 197 человек, а санитарные — 53 933 человека, то есть 1% от общей численности к началу операции[112].

Ясско-Кишиневская операция явилась образцом окружения и уничтожения крупной группировки противника высокими темпами. Как окружение, так и ликвидация основной части группировки врага происходили в полном соответствии с намеченным планом и в строго установленные сроки. На пятый день операции главная группировка противника была окружена, а на девятый день в основном ликвидирована.

Успешный ход операции был обеспечен высокими темпами прорыва тактической зоны обороны. В большей степени это касается 2-го Украинского фронта, где главная полоса обороны противника была прорвана стрелковыми дивизиями ударной группировки фронта в течение трех часов, а тактическая зона — в течение четырех-пяти часов. Во второй половине дня стрелковые соединения 27-й армии уже обеспечили ввод в прорыв танкового и механизированного корпусов 6-й танковой армии.

В оперативной глубине преследование противника танковыми и механизированными корпусами осуществлялось в значительном отрыве от стрелковых войск. Для преследования врага стрелковые корпуса и дивизии выделяли передовые отряды, а главные их силы чаще всего следовали в походных колоннах, развертываясь в боевые порядки лишь тогда, когда противник оказывал упорное сопротивление и когда его не могли преодолеть авангарды.

Ясско-Кишиневская операция дает богатый опыт массированного применения артиллерии, авиации и танков на направлении главных ударов. Важную роль сыграли инженерное обеспечение и успешно осуществленная оперативная маскировка. Для операции характерно тесное взаимодействие сухопутных войск и авиации с силами Черноморского флота при форсировании Днестровского лимана, при высадке десантов и овладении портами на Черном море.

В целом успехи Красной армии при освобождении Молдавии, а затем ее выход в восточные регионы Румынии предопределили скорое и полное изгнание противника из всех Балканских стран.

Сражения в Восточных Карпатах

В ходе преследования противника после завершения Львовско-Сандомирской операции войска левого крыла (38-я армия, усиленная 25-м танковым, 1-м гвардейским кавалерийским и 1-м чехословацким армейским корпусами, часть сил 2-й воздушной армии) 1-го Украинского и 4-го Украинского (1-я гвардейская, 18-я армии, 17-й гвардейский стрелковый корпус и 8-я воздушная армия) фронтов вышли к предгорьям Карпат и закрепились на рубеже северо-западнее Кросно — Санок — Сколе — Красноильск. Данная группировка насчитывала 246 тыс. человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ, 1165 боевых самолетов[113].

Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка ВГК в ближайшее время не предусматривала развертывания наступательных действий непосредственно в Карпатах. 26 августа она отдала указание 4-му Украинскому фронту на переход к жесткой обороне на занимаемых рубежах, а на следующий день направила разъяснения, что «переход к обороне следует понимать как подготовительный этап к последующему наступлению с решительными целями»[114]. Планируя в перспективе наступление на данном направлении, опять же предполагалось не преодолевать Карпаты, а обойти их с юга, окружить и уничтожить войска противника в горах.

Удержанию территорий Чехословакии, как и Балканских стран, военно-политическое руководство Германии придавало особое значение. Вермахт, лишившийся румынской нефти, к осени 1944 г. остро нуждался в получении горючего из Венгрии. Что касается Чехословакии, то она являлась поставщиком многих видов вооружения и военной техники для немецкой армии.

Предвидя обострение внутриполитической обстановки в Чехословакии, А. Гитлер 28 августа приказал немедленно оккупировать ее территорию проведением в течение недели «молниеносной полицейской операции». Уже 29 августа части немецкой дивизии «Татра» перешли моравско-словацкую границу и вторглись в район Жилины.

Для словацких патриотов это стало сигналом к восстанию, которое началось в тот же день. 31 августа советскому правительству поступило обращение посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера и начальника чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пика, в котором содержалась просьба оказать восставшим срочную военную помощь[115].

Противотанковое препятствие линии «Арпад». Карпаты, 1944 г.

В то же время руководство Словацкого восстания направило к командующему войсками 1-го Украинского фронта группу офицеров. Возглавлявший ее заместитель командира восточнословацкого корпуса полковник В. Тальский передал маршалу И. С. Коневу предложение объединить усилия словацких и советских войск. «В случае наступления советских войск в западном направлении, — говорилось в обращении, — 1-я и 2-я словацкие дивизии, расположенные на линии Нижняя Радопь, Тылич, могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной армией»[116].

Учитывая изменившуюся обстановку, и в ответ на просьбу ЦК коммунистической партии и правительства Чехословакии СССР принял решение срочно провести операцию по оказанию помощи Словацкому национальному восстанию. Советское Верховное главнокомандование отчетливо представляло себе, с какими трудностями столкнутся войска при наступлении в Карпатах. Однако желание как можно быстрее прийти на помощь словацким патриотам превалировало над оперативной целесообразностью. Уже 2 сентября Ставка ВГК приказала командующему войсками 1-го Украинского фронта провести операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно — Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками.

Немецкое руководство, стремившееся любой ценой удержать Словакию, рассматривало ее как барьер на пути Красной армии в промышленные районы Чехии, Моравии, Венгрии и юго-восточной Польши. Командование вермахта хорошо представляло себе, что преодоление войсками 1-го Украинского фронта наиболее узкой части Главного Карпатского хребта приведет не только к их быстрому прорыву в Чехословакию и на Венгерскую низменность, но и к соединению с войсками 2-го Украинского фронта, продвигавшимися к чехословацкой границе из северной части Румынии. Кроме того, по оценке гитлеровского руководства, вступление советских войск через Словакию в Венгрию могло создать прямую угрозу южным районам Германии.

Во второй половине августа и первых числах сентября противник усиленно укреплял карпатский рубеж своей обороны, пополняя войска личным составом и техникой. Несмотря на понесенные ранее крупные потери, к началу сентября укомплектованность его дивизий была доведена до 60% от штатной численности. В целом состояние и положение войск, оборонявшихся в Восточных Карпатах, командование вермахта оценивало как достаточно устойчивое, но считало весьма неблагоприятными для группировки, державшей оборону в полосах действий 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Так, перед 38-й армией 1-го Украинского фронта оборонялись 545, 208 и 68-я пехотные дивизии, входившие в состав 11-го армейского корпуса СС 17-й армии и 24-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Оперативная плотность войск противника здесь была невысокой. В среднем она равнялась 20,5 км на дивизию. При этом все его соединения располагались только в пределах главной полосы обороны, на глубину 6—7 км, а оперативные резервы отсутствовали. Поэтому на эти направления осуществлялись переброски дополнительных сил за счет ослабления группировки войск перед 4-м Украинским фронтом[117].

В начале сентября советским войскам в Карпатах противостояли 17-я немецкая армия, армейская группа «Хейнрици» (1-я немецкая танковая и 1-я венгерская армии) и часть сил 4-го воздушного флота группы армий «Северная Украина» (с 23 сентября — группа армий «А»). Группировка войск противника имела около 300 тыс. человек, 3250 орудий и минометов, 100 танков и штурмовых орудий и 450 боевых самолетов[118].

Эти силы и средства противника распределялись по фронту неравномерно. Наиболее плотно был насыщен войсками левый фланг его группировки войск, противостоявший 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. Здесь оборонялись четыре немецкие (96, 168 и 254-я пехотные и 101-я горнострелковая) и две венгерские (6-я и 13-я пехотные) дивизии. На ужгородском и густенском направлениях оборонялись венгерские соединения и части, поддерживаемые только одной немецкой пехотной дивизией[119].

Горный район на кросно-дуклинском направлении был подготовлен к обороне на глубину до 50 км. Противник имел тактическую зону обороны и ряд оборонительных рубежей в

И. С. Конев *(в центре)* и К. С. Москаленко на командном пункте 38-й армии в Карпатах. Сентябрь 1944 г.

глубине. Тактическая зона состояла из главной и второй полос. Главная полоса обороны была оборудована в предгорьях еще во второй половине августа 1944 г., когда войска противника перешли к обороне. В 8—15 км от переднего края главной полосы проходила вторая полоса, а в 16—20 км — промежуточный рубеж. Тыловой рубеж обороны проходил по р. Ондава. Города и многие деревни, расположенные в узлах дорог, были превращены в мощные опорные пункты, а шоссе и основные грунтовые дороги заминированы. На них, помимо этого, устраивались завалы и каменные заборы, закладывались фугасы. Мосты были подготовлены к взрыву. Силу вражеской обороны многократно увеличивал горно-лесистый характер местности.

После уяснения задачи, поставленной Ставкой, и оценки обстановки маршал И. С. Конев 3 сентября представил в Ставку ВГК план операции в полосе своего фронта[120]. В тот же день он был рассмотрен и утвержден с указанием «наступление начать не позднее 8 сентября с. г.»[121]. Ставка Верховного главнокомандования удовлетворила и просьбу командующего войсками 1-го Украинского фронта о привлечении к операции войск правого крыла 4-го Украинского фронта «в составе хотя бы четырех дивизий»[122]. Она приказала его командующему генерал-полковнику И. Е. Петрову: тесно взаимодействуя с 38-й армией 1-го Украинского фронта, «8 сентября с. г. организовать наступление правым флангом из района Санок в направлении Команьча силами одного стрелкового корпуса с целью выйти на границу Словакии и соединиться со словацкими войсками и партизанами»[123].

В окончательном варианте замысел Восточно-Карпатской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы ударами войск левого крыла (38-й армии) 1-го Украинского фронта из района Кросно на Прешов и войск правого крыла (часть сил 1-й гвардейской армии) 4-го Украинского фронта из района Санок на Команьчу разгромить противостоящие

силы противника, выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими повстанцами и партизанами[124].

Замыслом Ставки ВГК также предусматривалось наступление войск центра и левого крыла 4-го Украинского фронта, которому должны были содействовать в преодолении Карпат и овладении городами Ужгород, Мукачево и Чоп войска 2-го Украинского фронта в рамках проводимой ими Дебреценской операции[125].

Координацию действий фронтов в Восточно-Карпатской операции осуществлял маршал С. К. Тимошенко[126].

За шесть суток, отведенных на подготовку операции, 4-й Украинский фронт был усилен 3-м горнострелковым корпусом, части которого имели опыт действий в горах Кавказа и Крыма и располагали специальным снаряжением, четырьмя горно-вьючными минометно-артиллерийскими полками, двумя танковыми бригадами, двумя самоходно-артиллерийскими полками и двумя горно-инженерными бригадами. Кроме того, на карпатское направление были перебазированы четыре авиационных корпуса дальнего действия.

Всего к операции привлекались 34 стрелковые дивизии. Численность каждой из них колебалась в пределах от 4,5 до 5 тыс. человек в 1-м Украинском фронте и от 4,5 до 6 тыс. человек — в 4-м Украинском фронте. Действия наземных войск с воздуха обеспечивали две воздушные армии. Группировка советских войск в Восточно-Карпатской операции насчитывала 246 тыс. человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ, 1165 боевых самолетов[127].

Превосходство в силах и средствах к началу операции было на стороне советских войск: в артиллерии — в 1,5 раза, в танках и авиации соответственно — 3,2 и 2,5 раза. В то же время противник имел небольшой численный перевес в людях[128].

Командующий войсками 1-го Украинского фронта 4 сентября отдал директиву на проведение операции. Основную задачу в ней должна была выполнять 38-я армия, усиленная 25-м танковым, 1-м гвардейским кавалерийским и 1-м чехословацким армейским корпусами, а также артиллерийскими и инженерными соединениями и частями[129].

Армии ставилась задача нанести главный удар вдоль шоссе, идущего от Кросно через Дуклю к Дуклинскому перевалу, прорвать оборону противника в районе Оджиконь и развивать наступление на Прешов. Это был кратчайший путь в Словакию. Успешное наступление 38-й армии позволяло не только овладеть важными коммуникациями, занимаемыми противником, но и выйти на южные склоны Карпат и отрезать 1-ю немецкую танковую армию от основных сил группы армий «Северная Украина». Полоса наступления армии составляла 68 км. Прорыв обороны противника армия должна была осуществить на участке в 8 км, что составляло около 12% ширины полосы наступления. На этом участке было сосредоточено шесть из девяти имевшихся в составе армии стрелковых дивизий, или 67% общего их числа, все бронетанковые войска и более 82% артиллерии.

Оперативное построение армии было двухэшелонным. В первом эшелоне находились 52, 101 и 67-й стрелковые корпуса, во втором — 1-й чехословацкий армейский корпус. В подвижную группу входили 1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса. На участке прорыва создавалась артиллерийская плотность, достигавшая 154 орудий и минометов на 1 км.

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 2 часа 5 минут, поддержку атаки предусматривалось осуществлять одинарным огневым валом. С этой целью в армии были разработаны и доведены до соответствующих командиров «Указания по организации и проведению сопровождения пехоты и танков в атаку в период артиллерийского наступления артиллерии 38-й армии»[130]. Всего к артиллерийской подготовке атаки привлекалось 1724 орудия и миномета. Из этого числа почти 250 орудий было выделено для стрельбы прямой наводкой. На всю операцию выделялось 2,8 боекомплекта боеприпасов, из них на первый день наступления — 1,2 боекомплекта. На артиллерийскую подготовку атаки отпускалось 0,8 боекомплекта[131].

Для развития успеха с утра второго дня операции намечался ввод в сражение 1-го чехословацкого армейского и 25-го танкового корпусов в направлении Тылява — Прешов, а 1-го гвардейского кавалерийского корпуса — Зборов — Старая Любовня.

С воздуха наступление 38-й армии должны были поддерживать 1-й гвардейский штурмовой, 5-й истребительный, 2-й гвардейский и 4-й бомбардировочный авиационные корпуса 2-й воздушной армии, имевшие в своем составе 465 самолетов. Всего за пять дней операции планировалось осуществить 1545 самолето-вылетов, из них в первые два дня — более 300[132].

Операция 38-й армии планировалась на глубину 90—95 км и продолжительностью пять суток. Это определялось необходимостью как можно быстрее оказать помощь словацким патриотам, сражавшимся с гитлеровцами. Учитывалось, что на третий день ее проведения навстречу 38-й армии начнут наступление части восточнословацкого корпуса и словацкие партизанские отряды.

В связи с политической важностью и большим пространственным размахом армейской операции Ставка ВГК возложила руководство ею на командующего войсками 1-го Украинского фронта, несмотря на то что его главные силы в это время вели напряженные боевые действия на сандомирском плацдарме.

Командующий войсками 4-го Украинского фронта, выполняя директиву Ставки ВГК, также 4 сентября поставил задачи на операцию 1-й гвардейской и 18-й армиям.

1-й гвардейской армии предстояло нанести главный удар в направлении Команьча, а вспомогательный — из Залужа на Ольхова, прорвать вражескую оборону на 4,5-километровом участке в районе Санок и к исходу второго дня операции овладеть Радошицким и Русским перевалами Главного Карпатского хребта. В дальнейшем она должна была развивать наступление на Ужгород. Наступление правофлангового стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии планировалось поддержать силами штурмовой авиационной дивизии из состава 8-й воздушной армии.

18-я армия генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева и 17-й гвардейский стрелковый корпус получили задачу оборонять занимаемые рубежи и быть в полной готовности к переходу в наступление в своих полосах.

Резерв фронта составляли 11-й гвардейский стрелковый корпус, 237-я стрелковая дивизия и 5-я гвардейская танковая бригада.

Командующий 1-й гвардейской армией решил, нанося главный удар в направлении Команьча, прорвать оборону противника на участке в 4,5 км силами правофлангового 107-го стрелкового корпуса, уничтожить противостоявшие войска противника и к исходу дня овладеть рубежом на левом берегу р. Ослава, продвинувшись на глубину до 15 км. К исходу второго дня наступления корпусу предстояло выйти в район Команьчи и на границу со Словакией. Планируемая глубина продвижения 107-го стрелкового корпуса во второй день операции составляла 17—20 км.

Вспомогательный удар наносился двумя стрелковыми полками 30-го стрелкового корпуса с задачей уничтожить противника, оборонявшегося в междуречье Ославы и Сан. В остальной полосе армии, шириной около 100 км, предполагалось прочно оборонять занимаемые рубежи, вести разведку боем, чтобы отвлечь на себя силы противника и тем самым обеспечить благоприятные условия для наступления на направлении главного удара.

Танки и самоходные артиллерийские установки предусматривалось использовать только на направлении главного удара армии, вдоль шоссейной дороги, идущей из Санок на Команьчу. Это было вызвано прежде всего тем, что 31-я гвардейская отдельная танковая бригада, 1-й гвардейский танковый и 1511-й самоходный артиллерийский полки насчитывали всего 27 танков и 22 САУ[133].

Планирование артиллерийского обеспечения наступления 1-й гвардейской армии осуществлялось с учетом наличия в ее составе артиллерийских сил и средств — пушечная артиллерийская бригада, 20 артиллерийских и минометных полков, два полка реактивной артиллерии, насчитывавшие в общей сложности 1176 орудий и минометов. Из них большую часть предполагалось использовать на направлении главного удара армии. Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 50 минут при ведении огня на глубину до 3,5 км[134]. Из запланированного на первый день операции количества боеприпасов около 50% предусматривалось израсходовать на артиллерийскую подготовку атаки, а остальные —

Артиллерия в Карпатах. 1944 г.

Пулеметчики меняют огневую позицию в Карпатах. Сентябрь 1944 г.

на артиллерийскую поддержку атаки и обеспечение боевых действий в глубине обороны противника.

Авиационная поддержка наступления 1-й гвардейской армии возлагалась на 224-ю штурмовую авиационную дивизию и 3-й гвардейский истребительный авиационный полк 8-й воздушной армии. Этими силами в течение первых трех дней операции планировалось осуществить 696 самолето-вылетов, из них около 50% — в первый день наступления.

Советским войскам предстояло наступать и прорвать сильно укрепленную оборону немецких войск в сложных физико-географических условиях обстановки, преодолеть труднопроходимые горные перевалы и форсировать многочисленные реки. Наиболее крупным препятствием на направлении их наступления являлись Восточные Бескиды — цепь гор высотой 700 метров, во многих местах покрытых лесами. Восточные Бескиды изобилуют реками, на севере впадающими в Вислу, а на юге — в Дунай. Русла рек пролегают в узких каменистых ущельях, уровень воды в которых даже при незначительных осадках быстро повышается. В осеннее время, когда выпадают обильные дожди, горные реки превращаются в бурные потоки и становятся труднопреодолимыми. На северных склонах Карпат имелась лишь одна дорога[135]. Более доступным для наступления считался находящийся на высоте 502 метров Дуклинский перевал, через который проходило шоссе Кросно — Прешов, а также перевалы Радошицкий, Русский и Ужокский.

Учитывая сложный характер местности и сильную оборону противника, крайне затруднявшие маневр силами и средствами, командование фронтов и армий самое пристальное внимание уделяло подготовке войск к действиям в специфических условиях, их всестороннему обеспечению. Накануне наступления Военный совет 4-го Украинского фронта разработал «Организационные указания по подготовке войск к действиям в горах», издал «Инструкцию войскам, действующим в горно-лесистой местности», направил в соединения и части соответствующие указания по применению артиллерии и танков, а также инженерному обеспечению боевых действий в горно-лесистой местности[136].

В ходе проведения партийно-политической работы в войсках широко пропагандировался опыт боевых действий в горах Кавказа и Крыма. Личному составу внушалась необходимость глубокого уважения к населению освобождаемых районов, доводились требования по повышению бдительности, пресечению подрывной шпионско-диверсионной деятельности гитлеровской агентуры и местных националистов, которые в ряде мест проявляли высокую активность.

Большая работа проводилась в плане накопления запасов материальных средств и подготовки путей подвоза и эвакуации. В 38-й армии 1-го Украинского фронта были созданы запасы: боеприпасов — 2–2,5 боекомплекта, горюче-смазочных материалов для артиллерийских частей — 3 заправки, для стрелковых частей — 2 заправки, продфуража — 20 сутодач[137]. В 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта к началу операции было накоплено: боеприпасов — от 2 до 3 боекомплектов, горючего — 3,5 заправки, продфуража — 27 сутодач[138].

В период подготовки операции в целях создания группировок войск на избранных для наступления направлениях проводились их перегруппировки. Только в 38-й армии в период с 3 по 6 сентября перегруппировывались на расстояние от 12 до 50 км девять стрелковых дивизий, пять артиллерийских соединений и частей, танковый и самоходно-артиллерийский полки, а также инженерные, тыловые части и учреждения. В это же время в полосу прибывали приданные ей фронтовые соединения и части.

В начале сентября противник предпринял отчаянные попытки подавить Словацкое национальное восстание. Он существенно увеличил свои силы, привлек авиацию, развернул наступление на освобожденные партизанами районы и к 8 сентября оккупировал все основные города Словакии, оттеснив восставших из ряда важных долин в горы. Одновременно ему удалось разоружить восточнословацкий корпус, который захватом Дуклинского и Лупковского перевалов должен был обеспечивать продвижение советских войск в горах. Но об этом советскому командованию стало известно лишь в ходе операции.

Боевые действия советских войск в рамках Восточно-Карпатской стратегической наступательной операции включали две взаимосвязанные операции: Карпатско-Дуклинскую, проведенную войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов, и Карпатско-Ужгородскую, осуществленную войсками 4-го Украинского фронта во взаимодействии с частью сил 2-го Украинского фронта.

Карпатско-Дуклинская операция началась на рассвете 8 сентября наступлением 38-й армии 1-го Украинского фронта. Артиллерийская и авиационная подготовка атаки продолжалась более двух часов. На направлении главного удара оборона врага была подавлена, его части начали поспешно отходить. Соединения и части 38-й армии в центре полосы наступления, не встречая организованного сопротивления, быстро продвигались в глубь вражеской обороны. На вспомогательных направлениях из-за слабого артиллерийского обеспечения и растянутости стрелковых соединений на широком фронте решающего успеха достичь не удалось. К 11 часам части 52-го стрелкового корпуса перерезали шоссейную дорогу Кросно — Ясло, овладели первой, а к середине дня и второй позицией главной полосы обороны врага[139].

К этому времени сложились благоприятные условия для ввода в сражение танкового и кавалерийского соединений. Однако этому помешали их медленное выдвижение по горным дорогам — в первый день операции 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский и 1-й чехословацкий корпуса так и не были введены в сражение. К его исходу противник, оправившись после внезапного удара и используя удобную для обороны местность, резко усилил сопротивление. Снижение темпов наступления главной группировки 38-й армии и приостановка ее продвижения имели негативные последствия.

Противник успел провести ряд контрмер с тем, чтобы изменить ход противоборства в свою пользу. Вместе с тем немецкое командование опасалось, что успешные действия войск левого крыла 1-го Украинского фронта на кросно-дуклинском направлении приведут к прорыву его обороны в Карпатах и вступлению советских войск в Чехословакию и Венгрию. В условиях развивавшегося в Румынии наступления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов это могло создать серьезную угрозу всей южной группировке гитлеровских войск.

В сложившейся ситуации командование вермахта решило всеми средствами не допустить выхода 38-й армии 1-го Украинского фронта и соединений 1-й гвардейской армий 4-го Украинского фронта на территорию Словакии. С этой целью оно начало быструю переброску значительных сил и средств с других участков на направления действий советских войск. Так, уже в ночь на 9 сентября в полосе наступления 38-й армии вступила в бой прибывшая из района Турка 75-я пехотная дивизия противника. Из районов сандомирского плацдарма и Кракова выдвигались 1-я и 8-я танковые дивизии, причем передовые части 1-й танковой дивизии вступили в сражение уже 9 сентября. Сюда же были срочно переброшены отдельные немецкие части из Словакии[140].

В тот период ни штаб 1-го Украинского фронта, ни командование 38-й армии не имели сведений о значительном усилении противника в полосе наступления. Поэтому боевые действия приняли затяжной характер. Каждую высоту, каждый населенный пункт советским войскам приходилось брать, неся значительные потери.

Ввод в сражение 25-го танкового, 1-го гвардейского кавалерийского и 1-го чехословацкого армейского корпусов не привел к перелому обстановки. Только благодаря переброске в полосу наступления 38-й армии 4-го гвардейского танкового корпуса удалось сломить сопротивление врага на главном направлении. За семь дней соединения и части армии, отражая его контратаки, сумели в узкой полосе продвинуться на 23 км.

Вместе с воинами 38-й армии 1-го Украинского фронта мужественно сражались бойцы 1-го чехословацкого армейского корпуса, которым с 10 сентября командовал генерал Л. Свобода[141]. Они особенно отличились при овладении мощным опорным пунктом, прикрывавшим шоссе к Дуклинскому перевалу. От исхода этого боя во многом зависел успех дальнейшего наступления. Действуя самоотверженно, чехословацкие воины, преодолев упорное сопротивление немецких войск, в ночь на 11 сентября овладели вражеским опорным пунктом. В течение двух дней противник предпринимал яростные контратаки, стремясь вернуть

Саперы разминируют подступы к высоте в Карпатах. 1944 г.

Горно-вьючный конный полк в Карпатах

его, но бойцы чехословацкого корпуса совместно с воинами 25-го танкового корпуса, 11-й гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригады и 183-й стрелковой дивизии при поддержке авиации 2-й воздушной армии, отразив его натиск, продолжали продвижение к Дуклинскому перевалу.

В эти дни в оперативной сводке Генерального штаба сообщалось, что «в течение дня 15 сентября в районе... Дукля нашими частями отбито 15 контратак частей 1-й и 8-й танковых, 101-й горнострелковой, 75, 208 и 68-й пехотных дивизий противника. При отражении контратак подбито и сожжено 15 немецких танков»[142]. Однако общее наступление соединений и частей 38-й армии, действовавших на этом направлении, развивалось медленно.

В полосе 4-го Украинского фронта утром 9 сентября после 50-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление соединения и части 1-й гвардейской армии. Используя выгодные условия местности и подготовленные оборонительные рубежи, враг упорно сопротивлялся. Однако в течение первого дня дивизиям 107-го стрелкового корпуса все же удалось продвинуться на глубину 4—5 км и овладеть несколькими опорными пунктами на первой позиции главной полосы обороны противника.

Командование немецкой группы армий «Северная Украина» прилагало большие усилия, чтобы задержать наступление советских войск. Оно спешно подтягивало в район прорыва вторые эшелоны и резервы с других участков. Только с 10 по 12 сентября с целью усиления своего левого фланга противник перебросил 254-ю пехотную дивизию, 441-й пехотный полк 168-й пехотной дивизии, 82-ю дивизионную группу, заменив их на прежних участках венгерскими войсками[143].

В последующие три дня сопротивление врага существенно усилилось. Он неоднократно контратаковал, особенно на направлении наметившегося успеха советских войск. Однако, несмотря на предпринимаемые им усилия, 1-я гвардейская армия силами 107-го, а затем и 30-го стрелковых корпусов преодолела оборону противника в районе Санок, на фронте до 30 км, и продвинулась до 15 км. Стремясь увеличить ударную силу войск первого эшелона и создать более плотное насыщение их огневыми средствами, командующий армией приказал «дивизиям наступать, имея все три стрелковых полка в первом эшелоне. Ширина полосы главного удара дивизии не должна быть более 2 км»[144].

Но по мере продвижения темпы наступления советских войск снижались. Причина была не только в том, что немецкому командованию удавалось подтянуть к участку прорыва дополнительные силы, но и в некотором отставании левого фланга 38-й армии 1-го Украинского фронта. Поэтому 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта приходилось выделять значительные силы для обеспечения своего правого фланга. Так, уже 13 сентября 129-я гвардейская стрелковая дивизия, а в последующем и другие соединения вынуждены были распылять усилия, наступать в чрезмерно широких полосах[145].

Кроме того, из-за плохой погоды ограничивались боевые действия не только наземных войск, но и авиации. Например, в полосе 1-й гвардейской армии авиация произвела в первый день наступления всего 38 самолето-вылетов[146].

В ходе семидневных ожесточенных боев войска 38-й и 1-й гвардейской армий прорвали первую оборонительную полосу врага и на отдельных участках продвинулись до 23 км. Серьезные потери вынудили немецкое командование в срочном порядке перебросить в этот район дополнительно свыше восьми дивизий, в том числе из состава группировки, действовавшей против восставших словацких патриотов. Ему удалось создать довольно сильную группировку, которая успешно противодействовала наступлению советских войск на этом направлении.

За ходом боевых действий на данном направлении Ставка следила особенно внимательно. Поэтому неслучайно, получив 13 сентября предложения командующего войсками 4-го Украинского фронта по поводу дальнейшего развития операции, она оперативно уточнила ему задачу: «Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38-й армией. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михайловице»[147].

Автоматчики ведут бой в Карпатах. 1944 г.

Гвардейцы пехотинцы на марше. Карпаты, 1944 г.

Выступление фронтовой художественной самодеятельности в перерывах между боями. Карпаты, октябрь 1944 г.

Уже 18 сентября, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, 1-я гвардейская армия 4-го Украинского фронта нанесла удар в указанном Ставкой ВГК направлении, а через два дня вышла на польско-чехословацкую границу. Первыми на территорию Словакии, в районе села Каленова, вышли воины 129-й гвардейской стрелковой дивизии 107-го стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии и 242-й горнострелковой дивизии 32-го стрелкового корпуса 18-й армии[148].

Командование вермахта, встревоженное вступлением советских войск на территорию Чехословакии, спешно подтягивало свежие силы, стараясь удержать под своим контролем перевалы и дороги. В полосе наступления 1-й гвардейской армии исключительное значение имел перевал Русский, к которому приближались ее соединения. Захват его обеспечивал более удобное и быстрое маневрирование войск и увеличивал возможность их выхода на фланги противника.

Для удержания перевала немецкое командование подтянуло дополнительно две дивизии. В связи с этим с 26 по 30 сентября сопротивление советским войскам усилилось. К тому же резко ухудшилась погода. Туманы, сплошная низкая облачность, непрерывные дожди крайне затрудняли боевые действия войск, а также работу транспорта, подвоз боеприпасов, потребность в которых непрерывно возрастала.

Пытаясь остановить продвижение 1-й гвардейской армии, немецкое командование продолжало перебрасывать против нее силы с других участков фронта, в том числе и с участка, где действовала 18-я армия. Подход новых частей врага вынудил советские войска в конце сентября временно приостановить наступление. Причем не только из-за того, что противнику удалось оперативно перегруппировать войска на угрожаемое направление, но и потому что не было организовано должное взаимодействие на флангах наступавших группировок войск. Вот что писал по этому поводу в своих послевоенных воспоминаниях бывший командир 3-го гвардейского горнострелкового корпуса генерал А. Я. Веденин: «...взаимодействие между 38-й и 1-й гвардейской армиями оставляло желать лучшего. Это привело к тому, что на нашем правом фланге создалась критическая обстановка»[149].

Командующий 18-й армией, воспользовавшись ослаблением вражеской группировки в своей полосе, сосредоточил основные силы для нанесения мощного удара на правом фланге, примыкавшем к 1-й гвардейской армии, оставив на остальном участке лишь две дивизии. Это позволило его армии, прорвав вражескую оборону, развить наступление в глубину. Начатое одной дивизией наступление к концу сентября постепенно переросло в масштабную армейскую наступательную операцию — до 180 км по фронту. Соединения и части 18-й армии нанесли серьезный урон противнику. Его общие потери в ее полосе составили только убитыми 6895 солдат и офицеров, а 1165 человек были взяты в плен. В качестве трофеев удалось захватить 142 орудия и миномета, большое количество боеприпасов и другого военного имущества[150].

В результате двадцатидневного наступления войска 4-го Украинского фронта и соединения 38-й армии 1-го Украинского фронта, действуя в полосе 300 км, продвинулись до 50 км, вышли к перевалам Карпатского хребта и на фронте свыше 100 км преодолели их.

Во второй половине сентября 38-я армия 1-го Украинского фронта совместно с 1-м чехословацким армейским корпусом продолжала боевые действия за Дуклинский перевал. 20 сентября их соединения и части при поддержке 4-го гвардейского танкового корпуса овладели сильно укрепленным пунктом — местечком Дукля. Однако развить наступление не смогли.

Маршал И. С. Конев докладывал в Ставку, что из-за недостатка сил и средств 38-я армия уже не в состоянии продолжать наступление, так как «потеряла около 20 тыс. человек, дивизии насчитывают 3—3,5 тыс. человек... три танковых корпуса в среднем имеют по 60 танков... потери составляют около 150 танков». Предложения и просьбы командующего войсками 1-го Украинского фронта сводились к следующему: «В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии, или, если будет Ваше решение продолжить операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боеком-

плекта боеприпасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего»[151].

После усиления 38-я армия во взаимодействии с 1-й гвардейской армией 4-го Украинского фронта 30 сентября продолжила наступление на Дуклинский перевал. В тот же день правофланговые соединения 1-й гвардейской армии достигли чехословацкой границы.

Итак, к концу сентября советские войска в ходе ожесточенных боев все же вышли к Карпатскому хребту, а на некоторых участках даже преодолели его. В связи с тем что над оборонявшейся группировкой нависла угроза окружения, немецкое командование в ночь на 6 октября начало ее отвод. 38-я армия 1-го Украинского фронта совместно с чехословацким армейским корпусом приступили к ее преследованию. Сбивая вражеские арьергарды, чехословацкие части при содействии советских 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов 6 октября овладели Дуклинским перевалом.

В середине октября серьезно ухудшилось положение повстанцев, восставших в Словакии. Немецкое командование 18 октября предприняло против них генеральное наступление, специально создав более чем 40-тысячную группировку. Чтобы организованно противостоять врагу, маршал И. С. Конев еще накануне отдал приказ об объединении под общее командование разрозненных словацких повстанческих и партизанских формирований[152]. Однако силы были далеко не равные. Вечером 27 октября командующий 1-й словацкой армией генерал Виест пришел к выводу, что объединенные под его командованием так называемые войска не могут оказывать организованное сопротивление противнику. Поэтому он принял решение на переход к партизанским формам борьбы. 30 партизанских соединений, бригад и отрядов численностью свыше 12 тыс. человек продолжили боевые действия на территории Словакии[153].

В ходе Карпатско-Ужгородской операции соединения и части 1-й гвардейской и 18-й армий 4-го Украинского фронта к 18 октября преодолели Восточные Карпаты, освободив города Ясиня и Рахов, а также много других населенных пунктов Закарпатья[154]. В тот же день 17-й гвардейский стрелковый корпус взял г. Сигет на р. Тиса и вошел в соприкосновении с правофланговой 40-й армией 2-го Украинского фронта[155].

Во второй половине октября 4-й Украинский фронт вел боевые действия уже на юго-западных и южных склонах Восточных Карпат. Тем временем войска правого крыла 2-го Украинского фронта с боями продвигались в район юго-западнее Ужгорода. Возникла реальная возможность окружения противника. Чтобы избежать его, вражеские войска начали отходить в западном направлении. Их преследовали 18-я армия и 17-й гвардейский стрелковый корпус. 26 октября они совместными усилиями освободили Мукачево — крупный промышленный центр, а на следующий день — Ужгород.

К концу октября 18-я армия и 17-й гвардейский стрелковый корпус 4-го Украинского фронта в своих полосах наступления вышли на Венгерскую низменность, а 1-я гвардейская армия этого фронта и 38-я армия 1-го Украинского фронта, заняв приграничные словацкие районы, вступили в пределы Чехословакии. 28 октября 1944 г. Восточно-Карпатская операция завершилась.

Несмотря на ограниченный размах, ее результаты имели большое военно-политическое значение. Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов, оттянув на себя крупные силы неприятеля, оказали прямую помощь Словацкому национальному восстанию. В ходе операции были разгромлены шесть дивизий группы армий «Северная Украина» (с 23 сентября — группа армий «А»), а другие понесли значительные потери. Советские войска захватили 31 360 пленных, 912 орудий и минометов, 40 танков и штурмовых орудий. Командование вермахта вынуждено было дополнительно перебросить в Карпаты 15 дивизий, из них три танковые, снятые с других участков восточного фронта[156].

Преодоление такой мощной естественной преграды, как Восточные Карпаты, с сильно укрепленными оборонительными позициями создало на карпатско-пражском направлении совершенно новую ситуацию. В результате ожесточенных сражений войска 1-го и 4-го Украинских фронтов завершили изгнание врага из западных областей Украины, а также из некоторой части Восточной Словакии. Противник лишился важного стратегического рубежа,

Водружение Красного знамени в Карпатских горах. 1944 г.

Дружеское рукопожатие советских и чехословацких воинов на Дуклинском перевале. Октябрь 1944 г.

прикрывавшего Чехословакию с востока. Перед Красной армией открылись перспективы для развертывания наступления в глубь Чехословакии и выхода к южной границе Германии.

Восточно-Карпатская стратегическая наступательная операция обогатила советское военное искусство опытом подготовки фронтовых и армейских операций в ограниченные сроки, ведения наступления в сложных условиях горно-лесистой местности, умелого выбора направлений главных ударов, его своевременного переноса в ходе боевых действий с одного направления на другое в целях достижения наибольших результатов, а также организации четкого оперативно-тактического взаимодействия с соседями. Большое значение при наступлении в горах придавалось созданию автономных группировок войск, которые, действуя на разобщенных направлениях, способны были самостоятельно решать боевые задачи.

Основная тяжесть боев и преодоления Карпатских гор легла на стрелковые войска. Однако в ходе операции советское командование широко применяло танковые и самоходно-артиллерийские соединения не только для непосредственной поддержки пехоты, но и для самостоятельных действий при прорыве обороны в горных дефиле, наступления вдоль дорог и по горному плато. Применение авиации в горных условиях крайне затрудняли неблагоприятные погодные условия. Поэтому в поддержке наземных войск главную роль играла штурмовая авиация, которая была более приспособлена к действиям в таких условиях. В ходе операции исключительно большое значение имели действия инженерных войск, а также органов тылового и технического обеспечения.

Сражения в Восточных Карпатах потребовали от советских и чехословацких воинов героических усилий. В течение 50 дней и ночей им пришлось вести тяжелые бои. Каждый километр, отвоеванный у врага, стоил больших жертв. Советские войска в этой операции потеряли 21 тыс. убитыми и 89 тыс. ранеными, 1-й чехословацкий армейский корпус — 844 убитыми и 4068 ранеными[157].

Родина высоко оценила подвиги советских воинов. Москва трижды салютовала доблестным войскам, вписавшим новые страницы в героическую историю вооруженных сил. 59 частям и соединениям были присвоены почетные наименования Карпатских, Ужгородских, Мукачевских. 60 воинских частей были удостоены боевых орденов Советского Союза. За мужество и ратные подвиги тысячи советских и чехословацких воинов были награждены орденами и медалями, а 30 человек удостоились звания Героя Советского Союза[158].

На Черном море

В результате успешного завершения Крымской операции оперативная обстановка на Черноморском театре коренным образом изменилась в пользу советских вооруженных сил. Флот вернул свою главную базу — Севастополь[159] и получил разветвленную сеть аэродромов в Крыму, что самым благоприятным образом сказалось на проведении дальнейших совместных операций по разгрому войск противника и ликвидации его военно-морских сил на Черном море.

В составе Черноморского флота насчитывалось 44 надводных корабля, 25 подводных лодок, 441 боевой катер[160]. В 1944 г., в основном во втором полугодии, на Черноморский флот были переведены с других флотов или поставлены промышленностью 15 подводных лодок, 12 больших охотников и 71 малый охотник за подводными лодками, 42 торпедных катера, 20 бронекатеров, 21 сторожевой катер, 104 катера-тральщика[161]. Так как боевые действия на Черном море закончились в середине сентября, большая часть этих кораблей не успела принять в них участие.

Военно-воздушные силы Черноморского флота представляли собой значительную силу. В их состав входили минно-торпедная, пикировочная и истребительная авиадивизии, а также три отдельных авиаполка и три эскадрильи.

В ходе кампании боевой состав морской авиации не изменялся. Она насчитывала 468 исправных боевых самолетов[162], в том числе 23 торпедоносца, 72 бомбардировщика, 32 штурмовика, 291 истребитель, 50 разведчиков. К 1 июля большая часть самолетов базировалась на аэродромы Крыма (34%) и Одесского авиаузла (46%), в то время как на кавказских аэродромах оставались лишь части, обеспечивавшие ПВО баз и коммуникаций.

Задачи Черноморскому флоту на 1944 г. были поставлены Ставкой 11 апреля 1944 г.: систематически нарушать коммуникации противника в Черном море; быть готовым к высадке в его тыл тактических десантов; охранять побережье и приморские фланги Красной армии; огнем береговой и корабельной артиллерии мелких кораблей содействовать продвижению фланговых сухопутных соединений и частей; повседневно расширять и закреплять операционную зону флота в Черном море; обеспечивать свои коммуникации от воздействия врага; путем систематического траления в первую очередь создать возможность плавания по фарватерам с дальнейшим переходом к сплошному тралению; крупные надводные корабли тщательно готовить к морским операциям, которые при изменении обстановки будут указаны Ставкой; быть в готовности к перебазированию флота в Севастополь и к организации обороны Крыма; быть готовым к перебазированию Дунайской военной флотилии[163].

В состав германских ВМС входили 14 тральщиков, 37 охотников за подводными лодками, шесть артиллерийских и 67 десантных барж, шесть подводных лодок, 13 торпедных катеров, 70 сторожевых кораблей и катеров[164]; в состав румынских — четыре эскадренных миноносца, три миноносца, три канонерские лодки, два минных заградителя, три охотника за подводными лодками, три десантные баржи, три подводные лодки (кроме того, еще четыре бывшие итальянские сверхмалые подводные лодки на хранении), семь торпедных катеров, а также 10 вооруженных буксиров, которые использовались в качестве сторожевых кораблей и тральщиков.

Базирование кораблей ВМС противника осуществлялось на румынские порты Констанцу (главная база) и Сулину, а также на порты формально нейтральной Болгарии — Бургас и Варну, которую немцы использовали также в качестве судоремонтной и судостроительной базы своих ВМС.

До мая 1944 г. главной задачей военно-морских сил противника на театре являлась оборона коммуникаций между Румынией и Крымом. С июня предпочтение было отдано противодесантной обороне черноморского побережья Румынии и района дельты Дуная, включая постановку там оборонительных минных заграждений.

Непосредственно с ВМС взаимодействовали две немецкие и две румынские эскадрильи гидросамолетов-разведчиков, располагавшие приблизительно 40 машинами[165].

Таким образом, Черноморский флот превосходил противника, а его система базирования, заметно расширившаяся после освобождения Крыма, позволяла наносить удары по любому участку побережья или коммуникаций врага. В этот период главными проблемами для Черноморского флота стали медленное перебазирование его тыла на новые базы и острая нехватка материальных средств, прежде всего горючего. По состоянию на 29 июля на аэродромах Одесского узла имелась 1261 тонна авиабензина, Крымского — 350 тонн, Кавказского — 314 тонн[166].

В июне и июле флот вел траление фарватеров у берегов Крыма и в северо-западном районе Черного моря, решал задачи по обороне своих и нарушению вражеских коммуникаций, а также осуществлял перебазирование сил на новые базы. В течение года его корабли уничтожили 1371 мину, что почти в два раза превышало количество мин, уничтоженных за 1941–1943 гг. Качество траления фарватеров оценивалось как высокое. Всего произошло 27 случаев подрыва на минах, в результате чего погибли два торпедных катера, четыре катера-тральщика, два речных тральщика, малый пароход, катер, сейнер, три тендера и два буксира. В то же время Главный морской штаб отмечал, что из-за плохого технического состояния в тралении участвовало всего лишь около 20% тральщиков, поэтому установленные ГКО сроки открытия фарватеров не выдерживаются[167].

Большой угрозой для коммуникаций оставались подводные лодки противника. В течение рассматриваемого периода они предприняли 23 торпедные и артиллерийские атаки, в результате которых были потеряны тральщик, транспорт, сухогрузная баржа и два мотобота. Однако достаточных сил и средств для борьбы с ними Черноморский флот не имел. Да и организация поиска была слабой. Лишь в июне у берегов Кавказа было поставлено несколько противолодочных минных заграждений, но из-за малого числа использованных при этом мин (48) роли своей они не сыграли.

Несмотря на нерешенность ряда вопросов, связанных с обороной коммуникаций, военные и народно-хозяйственные перевозки осуществлялись довольно успешно, причем в возраставшем масштабе. В течение 1944 г. по ним было перевезено около 320 тыс. военнослужащих и 137,5 тыс. человек гражданского населения, 2187 орудий и минометов, 209 танков и бронемашин, 21,5 тыс. автомобилей, 617 тыс. тонн военных и более 180 тыс. тонн народно-хозяйственных грузов[168].

Авиация Черноморского флота выставила 138 мин, но этого оказалось явно недостаточно, чтобы парализовать работу портов противника. Торпедные катера флота в операции по освобождению Румынии и Болгарии участия не принимали, поскольку полученные по ленд-лизу катера дальнего действия типа «Воспер», только 19 июля перебазированные в Севастополь, находились в стадии освоения личным составом[169].

В связи с готовившимся наступлением советских войск на южном крыле советско-германского фронта штаб Черноморского флота в июле составил «Общий план операции Черноморского флота по содействию войскам 3-го Украинского фронта по вторжению в Румынию». Утвержденный главкомом Военно-морского флота 24 июля, он определял следующие задачи: прервать морские коммуникации противника между бессарабским побережьем, портами Румынии и Болгарии и по р. Дунай; массированными ударами авиации по базам Констанца и Сулина уничтожать боевые корабли и разрушать портовые сооружения врага; огнем корабельной артиллерии и высадкой тактических десантов содействовать войскам 3-го Украинского фронта в окружении и уничтожении его аккерманской группировки[170].

Следует подчеркнуть, что директива Ставки от 2 августа, в соответствии с которой 2-й и 3-й Украинские фронты получили приказ подготовить и провести операцию по разгрому группы армий «Южная Украина», в адрес Черноморского флота не направлялась и никаких задач ему не ставилось. Все вопросы взаимодействия решались на основе личных контактов начальника оперативного отдела штаба Черноморского флота со штабом 3-го Украинского фронта[171]. На основе этого командующий флотом своей директивой от 7 августа приказал командующему Дунайской флотилией в дополнение к ранее поставленным задачам подготовить, а с началом наступления сухопутных войск высадить на западный берег Днестровского лимана соединения и части 46-й армии.

Второй составной частью операции флота являлись действия ВВС Черноморского флота по уничтожению плавсредств противника в военно-морской базе Констанца и гирлах р. Дунай. Этот план был утвержден Военным советом Черноморского флота еще 30 июня[172]. Кроме того, намечалось нанести удары по вражеским коммуникациям силами подводных лодок и торпедных катеров.

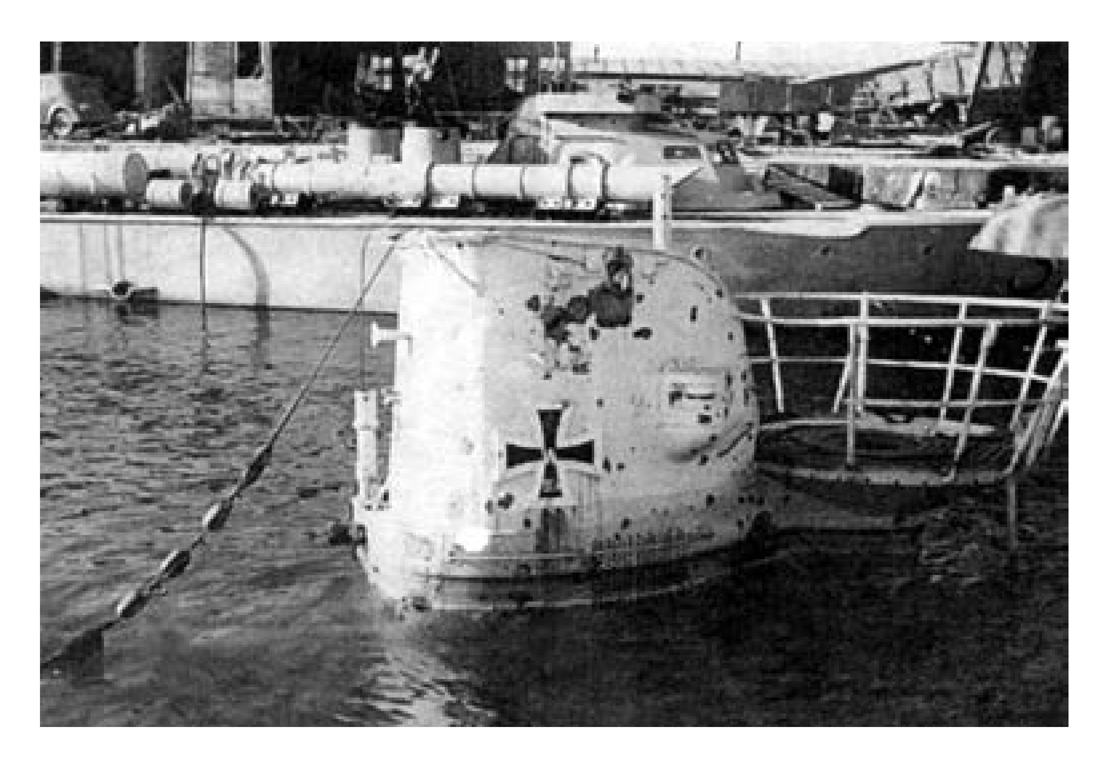
Операция военно-воздушных сил Черноморского флота началась 19 августа, то есть за сутки до перехода в наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов. Совершив в этот день 60 самолето-вылетов на военно-морскую базу Сулина, штурмовики потопили два и сильно повредили один немецкий торпедный катер (позднее был затоплен), кроме того, повреждения получил речной танкер. На другой день атакам 90 бомбардировщиков под прикрытием 112 истребителей подверглись корабли и объекты врага в Констанце. В результате были потоплены румынские миноносец и танкер, немецкие подводная лодка, десантный и два сторожевых корабля, а также шесть торпедных катеров. Всего же с 19 по 25 августа авиация флота совершила 347 самолето-вылетов по Констанце и 340 самолето-вылетов по Сулине, потопив и повредив несколько десятков кораблей и судов.

Катера Дунайской военной флотилии с десантом. 1944 г.

Подготовка к форсированию Днестровского лимана

Немецкая подводная лодка U-9, потопленная советской авиацией в Констанце

Адмирал Ф. С. Октябрьский вручает награды черноморским катерникам

Эти массированные налеты, дезорганизовывая противника, привели к срыву его планов. 25 августа, затопив на внешнем рейде Констанцы все поврежденные и неисправные корабли и суда, остатки корабельных соединений германских ВМС ушли в болгарские порты[173]. Всё это создало благоприятные условия для высадки десанта, состоявшего из войск 46-й армии, на побережье Днестровского лимана.

Форсирование лимана началось в ночь на 22 августа. Так как переход десантных отрядов, в составе которых насчитывалось 3,5 тыс. человек, удалось осуществить скрытно от противника, их высадка не встретила организованного противодействия. С утра развернулись ожесточенные бои за г. Аккерман, которым удалось овладеть к 18 часам. К исходу дня все западное побережье Днестровского лимана (40 км по фронту и 15 км в глубину) было занято советскими войсками. С высадкой десанта юго-западнее Аккермана войска 3-го Украинского фронта завершили окружение румынской 3-й армии. К 6 часам утра следующего дня, несмотря на противодействие румынских войск, корабли и суда Дунайской военной флотилии практически без потерь перевезли 7893 человека, 121 орудие и миномет, восемь танков, множество другой военной техники и 262 тонны грузов. Дальнейшие перевозки через лиман осуществляла 5-я понтонная бригада 3-го Украинского фронта[174].

Успех десанта побудил командование Черноморского флота и Дунайской военной флотилии предпринять энергичные меры по захвату района устья Дуная и переправ через эту реку. В ночь на 24 августа корабли Дунайской флотилии, высадив десант у Жебриян, прорвались в Килийское гирло и уже днем заняли г. Вилково. С учетом этого командующий Черноморским флотом распорядился создать резервную военно-морскую базу, которая должна была закрепиться на нижнем участке Дуная. Одновременно Дунайская флотилия получила задачу прорываться вверх по реке с целью содействия войскам 3-го Украинского фронта при форсировании реки.

В тот же день румынское правительство, официально прекратившее военные действия против СССР и объявившее о вступлении в войну с Германией на стороне антигитлеровской коалиции, признало, что не сможет осуществить указанные намерения по линии военно-морского командования, которое продолжало занимать враждебную по отношению к СССР позицию. Правда, личный состав румынской армии и флота не желал больше принимать участие в военных действиях. В этих условиях десанты Черноморского флота и Дунайской военной флотилии 25 августа заняли Килию, 26-го — Тулчу и Рени, 27-го — Галац и Сулину, 28-го — Браилов.

В ходе операций по форсированию Днестровского лимана и устья Дуная были уничтожены более 2700 вражеских солдат и офицеров, около 14 тыс. взяты в плен, потоплено два монитора, семь барж и три буксира с войсками и грузами, захвачено свыше 100 буксиров и барж, а также других кораблей и судов, 15 различных складов. Не менее важной была помощь, оказанная Дунайской военной флотилией войскам 3-го Украинского фронта. В период с 24 августа по 8 сентября ее корабли переправили 179 тыс. военнослужащих, 340 танков, 2204 орудия и САУ, 8,2 тыс. автомашин и большое количество военных грузов.

Действия на коммуникациях врага у румынского побережья осуществляли пять подводных лодок и торпедные катера. Подлодки произвели две торпедные атаки, в результате чего была потоплена болгарская парусно-моторная шхуна. В течение августа — сентября торпедные катера Черноморского флота совершили 59 выходов на коммуникации противника и 90 выходов для высадки десантов[175].

В конце августа — первой декаде сентября военно-морские силы противника на Черном море были полностью ликвидированы. В ночь на 29 августа командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский передал через парламентера командующему румынским флотом ультиматум о сдаче румынского флота к 12 часам дня. Спустя 45 минут после обозначенного срока было получено сообщение, что все условия ультиматума приняты. В ночь на 30 августа сторожевые и торпедные катера высадили в порту Констанца морских пехотинцев, которые оцепили порт. Там и были захвачены главные силы румынского флота,

в том числе четыре эсминца, миноносец, две канонерские лодки, минный заградитель и две подводные лодки.

Еще до того как 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, в Варненском заливе были затоплены 74 вымпела — остатки германского Черноморского флота. Лишь три его подлодки продолжали действовать до 10 сентября, после чего были затоплены своими же экипажами у турецкого побережья. 9 сентября морские десанты захватили болгарские порты Варну и Бургас. Трофеями Черноморского флота стали корабли болгарского флота, а также брошенные экипажами 29 немецких кораблей, катеров и плавсредств. В 21 час 10 минут того же дня на флагманском командном пункте Черноморского флота была получена радиограмма, в которой указывалось, что в связи с объявлением болгарским правительством войны Германии Ставка ВГК приказывает прекратить с 22 часов боевые действия против Болгарии. С этого момента Черноморский флот прекратил боевые действия на Черном море[176].

В целом действия Черноморского флота сыграли заметную роль, они значительно облегчили войскам 3-го Украинского фронта решение задач в Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции, привели к быстрой ликвидации вражеской группировки корабельного состава.

* * *

Таким образом, летом и осенью 1944 г. советские войска в ходе наступательных операций на южном крыле советско-германского фронта добились крупных военно-политических итогов. Они завершили освобождение западных областей Украины, полностью освободили Молдавию, вступили на территории стран Восточной Европы — Румынии, Польши и Чехословакии.

В результате успешно проведенных советскими войсками наступательных операций на этом направлении были разгромлены в общей сложности 47 немецких и румынских дивизий и бригад. Группа армий «Южная Украина» почти полностью перестала существовать, лишившись основной массы своей военной техники и вооружения[177]. Не менее ощутимы были экономические потери Германии. Она лишилась продовольственной базы и источников стратегического сырья Западной Украины, Молдавии и Румынии.

Советскому Союзу удалось достичь крупных военно-политических результатов не только благодаря мощи своих вооруженных сил, но и искусству советского командования. На южном крыле советско-германского фронта советским командованием был проведен ряд последовательных и одновременных фронтовых наступательных операций, операций групп фронтов, объединенных общим замыслом и планом[178]. В тот период боевые действия войск носили исключительно маневренный характер. Они изобиловали примерами успешного прорыва обороны противника, быстрого окружения и ликвидации его группировок, стремительного наступления в оперативной глубине. Эти операции, проведенные войсками Украинских фронтов, дали немало образцов тесного взаимодействия и широкого применения танковых подвижных групп, массированного использования стрелковых войск, артиллерии и авиации.

В ходе наступательных операций на южном направлении советские войска значительно продвинулись на запад и заняли выгодное охватывающее положение по отношению к противнику и его важным стратегическим районам, тем самым резко ухудшив стратегическое положение Германии на Балканах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных сил СССР. М., 1946. С. 9–10.

[2] Там же. С. 13–15.

[3] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 3. Операции Советских вооруженных сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М., 1958. С. 381.

[4] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 11–13.

[5] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763 Д. 165. Л. 32–33.

[6] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 383.

[7] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 21–22.

[8] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1981. С. 223–224.

[9] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 99–100.

[10] Там же. С. 290–292.

[11] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 15–16.

[12] Там же. С. 19–20.

[13] *Никифоров В. Г.* Советская авиация в Львовско-Сандомирской наступательной операции (июль — август 1944 г.). М., 1960. С. 29.

[14] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 31.

[15] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 230–233; Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 33–34.

[16] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 102.

[17] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 36.

[18] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 233–236.

[19] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 91. Л. 359–361.

[20] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 131–140.

[21] Там же. Л. 141–150.

[22] *Полушкин М. А.* На сандомирском направлении. М., 1969. С. 57.

[23] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17 (март — апрель 1945 г.). М., 1945. С. 31–36.

[24] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 154–160.

[25] Там же. Л. 165–170.

[26] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 449. Л. 139.

[27] Там же. Ф. 236. Оп. 17062. Д. 16. Л. 255–256.

[28] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М., 1952. Вып. 8. С. 124–125.

[29] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 249.

[30] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 179.

[31] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М., 1945. С. 74–75.

[32] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 180.

[33] Там же. Л. 239, 250.
[34] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 52.
[35] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 13315. Д. 104. Л. 37–38.
[36] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 199–201, 210–214.
[37] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 414–415.
[38] Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 258.
[39] Сборник материалов по изучению опыта войны № 16 (январь — февраль 1945 г.). С. 76, 80.
[40] ЦАМО. Ф. 132 а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 414–415.
[41] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь–февраль 1945 г.). С. 81–82.
[42] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 290, 301.
[43] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 61–64.
[44] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 119.
[45] Там же. С. 120.
[46] Там же. С. 120–121.
[47] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 59–60.
[48] Там же. Л. 70, 81.
[49] Там же. Л. 280–286.
[50] Там же. Л. 218, 230.
[51] Там же. Л. 59–60.
[52] Там же. Л. 301, 305.
[53] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 121.
[54] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). С. 72.
[55] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 297.
[56] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 706.
[57] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 98.
[58] *Фриснер Й.* Проигранные сражения / Пер. с нем. М., 1966. С. 54.
[59] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 3. М., 1956. С. 132–135; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Biblio Verlag. Osnabrück, 1980.
[60] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 439–440.
[61] Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964. С. 52.
[62] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19. С. 7–8.
[63] Цит. по: *Минасян М. М.* Борьба Советской армии за освобождение народов Юго-Восточной Европы в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 151.
[64] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 706–707.
[65] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 443.
[66] Цит. по: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 125.
[67] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 124.
[68] Директивой Ставки ВГК от 2 августа 1944 г. задачи войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов ставились только на первый этап операции, то есть по разгрому группировки противника в районе Яссы — Кишинев — Бендеры и выходу к Фокшанам. В последующем задачи фронтам на продолжение наступления были определены и конкретизированы директивами Ставки ВГК от 21 и 29 августа 1944 г.
[69] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 707.
[70] Там же. С. 708.
[71] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19 (июль — август 1945 г.). С. 14–16.
[72] *Минасян М. М.* Ясско-Кишиневская операция (август — сентябрь 1944 г.). М., 1948. С. 15–17.
[73] *Минасян М. М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 119.

[74] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 708.

[75] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 470.

[76] *Толубко В. Ф.* Артиллерия 3-го Украинского фронта в Ясско-Кишиневской операции // Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 37.

[77] *Малиновский Р. Я.* Из воспоминаний о Ясско-Кишиневской операции (август — сентябрь 1944 г.) // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 30.

[78] Бронетанковые и механизированные соединения в Ясско-Кишиневской операции. Краткий очерк. М., 1947. С. 11–12.

[79] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19 (июль — август 1945 г.). С. 53.

[80] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 458–459.

[81] Там же. С. 458.

[82] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17. С. 105–106.

[83] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М., 1948. С. 21.

[84] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 806. Л. 284.

[85] Там же. Д. 823. Л. 164–165; Ф. 248. Оп. 2779. Д. 1862. Л. 291–292.

[86] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 465–466.

[87] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974. С. 93–94.

[88] История СССР. 1986. № 4. С. 46.

[89] *Панин М. П.* Прорыв обороны противника в высоких темпах войсками 35-го гвардейского стрелкового корпуса 27-й армии 2-го Украинского фронта. М., 1980. С. 35.

[90] *Альтговзен М. Л.* Наступление 27-й общевойсковой и 6-й танковой армий 2-го Украинского фронта в Ясско-Кишиневской операции (август 1944 г.). М., 1968. С. 22–24.

[91] *Фриснер Й.* Проигранные сражения. С. 75.

[92] Цит. по: *Захаров М. В.* Молниеносная операция // Военно-исторический журнал. 1964. № 8. С. 21.

[93] Ясско-Кишиневские Канны. С. 131–132.

[94] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 129.

[95] *Фриснер Й.* Указ. соч. С. 86.

[96] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 253–254.

[97] Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1279. Л. 23.

[98] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 250–251.

[99] Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1. Л. 219–220.

[100] Там же. Д. 11175. Л. 116.

[101] Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. М., 1989. С. 97.

[102] Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы. М., 2000. С. 27.

[103] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 463.

[104] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 129–130.

[105] Вторая мировая война. Военное искусство. М., 1966. С. 266.

[106] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. С. 463–464.

[107] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1175. Л. 50; Ф. 243. Оп. 290. Д. 857. Л. 86–87.

[108] *Антосяк А. В.* Ясско-Кишиневская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии // История СССР. 1986. № 4. С. 51.

[109] Ясско-Кишиневские Канны. С. 174.

[110] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6–9.

[111] История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 9. С. 108–109.

[112] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 205–206.

[113] Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 285.

[114] ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 304. Л. 77.
[115] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 115–119.
[116] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 253–254.
[117] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 23. М., 1947. С. 15–16.
[118] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 165; Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 3. С 132–135; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Biblio Verlag. Osnabrück, 1980.
[119] *Левченко В. С.* Сражение в Карпатах. М., 1960. С. 12–13.
[120] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 81–83.
[121] Там же. Л. 84.
[122] *Левченко В. С.* Указ. соч. С. 25.
[123] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 17062. Д. 29. Л. 87–89.
[124] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 35–36.
[125] Там же. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 51. Л. 304–309.
[126] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 48.
[127] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 165; ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 14. Л. 48, 71–72; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 35–36; Ф. 244. Оп. 3022. Д. 17. Л. 1–5; Оп. 3000. Д. 654. Л. 11.
[128] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 581.
[129] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 87–89.
[130] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 17. М., 1956. С. 159 (документы).
[131] Там же. С. 29.
[132] *Проэктор Д. М.* Через Дуклинский перевал. М., 1960. С. 57–58.
[133] Там же. С. 41.
[134] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 23. М., 1947. С. 22–23.
[135] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 164.
[136] *Левченко В. С.* Указ. соч. С. 55–56.
[137] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 17. М., 1956. С. 48–49.
[138] *Левченко В. С.* Указ. соч. С. 62.
[139] *Проэктор Д. М.* Указ. соч. С. 82.
[140] ЦАМО. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 240. Л. 22.
[141] Там же. Ф. 236. Оп. 2719. Д. 104. Л. 36.
[142] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 8. Л. 141–142.
[143] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 23. М., 1947. С. 35.
[144] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 6850. Д. 475. Л. 62.
[145] Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 746. Л. 7.
[146] Там же. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 186. Л. 9.
[147] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 146.
[148] *Гречко А. А.* Через Карпаты. М., 1970. С. 101–102.
[149] *Веденин А. Я.* Начало освобождения Чехословакии //Военно-исторический журнал. 1963. № 6. С. 62.
[150] ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 425. Л. 81.
[151] Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125.
[152] Там же. Оп. 27929. Д. 2. Л. 96; Оп. 2712. Д. 66. Л. 141.
[153] Там же. Оп. 17062. Д. 29. Л. 163–164.

[154] Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. С. 423.

[155] *Гастилович А. И.* Через Яблоновский и Татарский перевалы // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 86–87.

[156] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 171.

[157] За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 108.

[158] Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976. С. 377.

[159] В связи с необходимостью многократного траления рейда перебазирование основных корабельных соединений флота в Севастополь было осуществлено в ноябре 1944 г., уже после окончания военных действий на Черноморском театре.

[160] ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 493. Л. 5–49.

[161] Боевая летопись Военно-морского флота. 1944. М., 2006. С. 365.

[162] ЦВМА. Ф. 141. Д. 39291. Л. 33–34.

[163] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 72–73.

[164] *Патянин и др.* Кригсмарине: Военно-морской флот Третьего рейха. М., 2009. С. 386–389.

[165] *Roba J. L., Craciunoiu C.* Seaplanes over the Black Sea. German-romanian operations 1941–1944. Bucharest, 1995. P. 81.

[166] Военно-морской флот в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 423.

[167] Там же. С. 410, 413, 422.

[168] История второй мировой войны. Т. 9. С. 219–220.

[169] ЦВМА. Ф. 173. Д. 32931. Л. 4.

[170] Там же. Ф. 10. Д. 17395. Л. 21.

[171] Военно-морской флот в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 426.

[172] Боевая летопись Военно-морского флота. С. 433.

[173] *Майстер Ю.* Война в восточноевропейских водах. 1941–1945 / Пер. с нем. М., 2005. С. 423.

[174] ЦВМА. Ф. 19. Д. 13373. Л. 34–57, 59; Ф. 141. Д. 23361. Л. 259–262.

[175] Там же. Ф. 173. Д. 32930–32931.

[176] Там же. Ф. 10. Д. 13169. Л. 121–122; Д. 33739. Л. 27; Ф. 72. Д. 9720. Л. 127.

[177] Важнейшие операции Великой Отечественной войны. М., 1956. С. 409–410.

[178] *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 212.

ИЗГНАНИЕ ВРАГА ИЗ ПРИБАЛТИКИ

Более чем трехлетняя нацистская оккупация Прибалтийских республик принесла ее народам огромные бедствия и страдания. В течение всего этого времени германское руководство, реализуя план «Ост», всячески стремилось превратить Прибалтику в часть своих европейских владений. Одновременно оно предпринимало попытки подорвать доверие литовцев, латышей и эстонцев к другим народам СССР.

К началу летне-осенней кампании 1944 г. в Берлине отчетливо понимали, что утрата столь важного стратегического региона существенно осложнит военно-политическое и экономическое положение Третьего рейха. Удержание Прибалтики позволяло блокировать в Финском заливе Балтийский флот, поддерживать своего союзника — Финляндию, а также использовать коммуникации со Швецией, поставлявшей высококачественную сталь, железную руду и другое стратегическое сырье. Потеря Прибалтики вела к резкому сокращению портов базирования германского флота в Балтийском море, что отразилось бы на его боевой деятельности.

Советскому Союзу изгнание врага из Прибалтики создавало выгодные условия для наступления с северо-востока в направлении на Восточную Пруссию, освобождения Польши и, наконец, нанесения решающего удара на Берлин. А главное — разгром группы армий «Север» наряду с наступлением на других стратегических направлениях ставил вооруженные силы Германии в критическое положение на всем советско-германском фронте.

Затяжные бои под Ленинградом, Новгородом и Великими Луками, а также в восточных районах Белоруссии не позволяли Красной армии окружить группу армий «Север» и вступить в Прибалтику. Поэтому освобождение территории Литвы началось в ходе Шяуляйской, Вильнюсской и Каунасской операций, проведенных войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в рамках Белорусской стратегической наступательной операции. А действия войск Ленинградского фронта на заключительном этапе Ленинградско-Новгородской операции явились началом освобождения Эстонии.

В июле — августе 1944 г. 2-й Прибалтийский фронт в ходе Режицко-Двинской операции, а затем наступления на Лубанской низменности приступил к освобождению Латвии. Войска 3-го Прибалтийского фронта наступлением на псковско-островском и тартуском направлениях вышли в восточные районы Латвии и Эстонии. Одновременно войска левого крыла Ленинградского фронта продолжали боевые действия по освобождению Эстонии. Завершение освобождения трех республик от нацистской оккупации произошло в ходе Прибалтийской стратегической наступательной операции, составными частями которой являлись Рижская, Таллинская, Мемельская и Моондзундская десантная операции.

Освобождение восточных районов Эстонии и Латвии

Победоносное наступление Красной армии на центральном стратегическом направлении, начавшееся в июне 1944 г., угрожало группе армий «Север» отсечением от сухопутных коммуникаций с Германией. В сложившихся условиях руководство Третьего рейха рассчитывало на то, что группе армий «Центр» удастся остановить советские войска в Белоруссии, и тогда группа армий «Север» (генерал-полковник Г. Линдеман, с 3 июля — генерал-полковник Й. Фриснер, с 23 июля — генерал-полковник Ф. Шернер) все-таки сможет с опорой на систему оборонительных рубежей длительное время удерживать Прибалтику. О намерении противника во что бы то ни стало сохранить за собой этот регион с его крупными портами и морскими коммуникациями свидетельствуют многочисленные показания немецких военнопленных[1], а также сведения из трофейных документов: например, приказ командира 10-го армейского корпуса генерала пехоты Ф. Кехлинга, а также приказ войскам, изданный в связи с назначением генерал-полковника Ф. Шернера командующим группой армий «Север».

В состав группы армий «Север» входили оперативная группа «Нарва», 18-я и 16-я армии. На ее правом крыле подступы к Прибалтике прикрывала часть сил 3-й танковой армии из группы армий «Центр». Кроме того, командованием вермахта были сформированы и поставлены под ружье две эстонские дивизии СС и столько же латышских дивизий СС. Всего прибалтийская группировка насчитывала 47 дивизий и бригаду[2].

Противник создал здесь эшелонированную в глубину на 200 км систему оборонительных укреплений. Она включала рубежи: основной — «Пантера», тыловой — «Рейер» и три промежуточных — «Блау», «Грюн» и «Браун».

Основной рубеж «Пантера» был создан в полосах групп армий «Север» и «Центр». Гитлер считал, что он должен служить барьером, «защищающим Европу от большевизма». На северном участке Восточного вала[3] были тщательно оборудованы в инженерном отношении две полосы. Первая проходила по западному берегу Псковского озера, правым берегам рек Великой, Псковы и Черехи; вторая — по левым берегам рек Великой и Наровы до Балтийского моря у г. Нарва. Все они имели противотанковые рвы, минные поля, проволочные и минно-взрывные заграждения. К тому же полосы обороны были оборудованы огневыми позициями артиллерии, противотанкового и стрелкового оружия. Такое расположение огневых позиций позволяло простреливать местность косоприцельным и фланкирующим огнем перед передним краем обороны.

В 50–60 км от основного рубежа обороны, на линии Опочка — Себеж — Освея — Дрисса, проходил тыловой оборонительный рубеж «Рейер». Он, укрепленный не менее прочно, чем «Пантера», имел развитую сеть опорных пунктов с железобетонными, бронированными и деревоземляными огневыми точками, убежищами-блиндажами, к тому же был прикрыт минно-взрывными заграждениями. Города Опочка, Себеж, Лудза, Краслава, Резекне и Даугавпилс противник превратил в сильно укрепленные узлы сопротивления.

На подступах к восточной границе Латвии была создана эшелонированная в глубину оборона с опорой на естественные препятствия. Враг подготовил здесь три промежуточных рубежа: «Блау» — по правым берегам рек Синяя и Зилупе; «Грюн» — по правому берегу р. Лжа, а далее по озерам Лудза, Пилда, Нирза, Дагда, Сивера; «Браун» — по линии озер Цирма, Резна, Пуща, Илза, Извалта[4].

Ставка ВГК, планируя летне-осеннюю кампанию 1944 г., предусматривала проведение на прибалтийском направлении нескольких одновременных по фронту и последовательных по глубине фронтовых наступательных операций с целью освобождения Латвии, Литвы и Эстонии[5]. К их проведению она привлекла войска Ленинградского, 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, взаимодействовать с которыми предстояло силам Балтийского флота. Отдавая директивы соответствующим штабам на разработку планов этих операций, Ставка ВГК принимала во внимание ход и результаты наступления 1-го Прибалтийского фронта на вильнюсско-каунасском и шяуляйском направлениях.

Для наступления войск 2-го Прибалтийского фронта немаловажное значение имел успех Шяуляйской операции. Так как еще к ее началу группировка противника, действовавшая к северу и югу от р. Даугава, оказалась под угрозой окружения, командующему 16-й армией пришлось перебросить туда 23-ю и 69-ю пехотные дивизии, до того оборонявшиеся к югу от этой реки, то есть из полосы 2-го Прибалтийского фронта[6]. В связи с этим для его войск создались благоприятные условия, чтобы перейти в наступление на даугавпилсском направлении.

Директивой Ставки ВГК от 4 июля[7] войскам 2-го Прибалтийского фронта была поставлена задача на проведение Режицко-Двинской операции. Ее цель состояла в разгроме противника, освобождении городов, особенно Резекне и Даугавпилса, так как они являлись важными узлами дорог. В дальнейшем фронту предписывалось наступать на Ригу с задачей во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта отрезать прибалтийскую группировку врага от его коммуникаций, ведущих в Германию[8].

Задачу по обороне наиболее важных в оперативном отношении направлений Резекне, Рига и Даугавпилс командование группы армий «Север» возлагало на 16-ю армию[9]. В ее составе было 13 пехотных дивизий, три отдельных полка и 18 отдельных батальонов, всего свыше 72 тыс. солдат и офицеров. На вооружении она имела 1300 орудий и минометов, около 100 танков и свыше 250 самолетов, из которых до 50% составляли бомбардировщики[10].

К июлю 1944 г. во 2-й Прибалтийский фронт (генерал армии А. И. Ерёменко) входили 1-я ударная, 10-я гвардейская, 3-я ударная, 22-я, 15-я воздушная армии, а также 130-й латышский стрелковый и 5-й танковый корпуса.

В целях улучшения управления войсками Ставка ВГК 4 июля передала из 1-го Прибалтийского фронта в состав 2-го Прибалтийского 4-ю ударную армию, наступавшую вдоль правого берега р. Даугава. 7 июля правофланговая 1-я ударная армия вместе с занимаемой ею полосой перешла в состав 3-го Прибалтийского фронта[11].

Итак, накануне операции войска генерала армии А. И. Ерёменко насчитывали четыре армии в составе 28 стрелковых дивизий и укрепленного района. Они имели 341 танк и 124 самоходные артиллерийские установки[12]. 15-я воздушная армия располагала 546 самолетами. 130-й латышский стрелковый и 5-й танковый корпуса составляли резерв фронта. По силам и средствам советские войска превосходили противника более чем в два раза.

В соответствии с директивой Ставки ВГК фронту предстояло нанести два удара. Командующий войсками фронта решил войсками правого крыла (10-я гвардейская и 3-я ударная армии) вести наступление в общем направлении на Резекне, а левого (22-я и 4-я ударная армии) — вдоль правого берега Даугавы на Даугавпилс[13]. Переход в наступление намечался на 12 июля. На первом этапе (12—17 июля), в первый его день предполагалось прорвать главную полосу вражеской обороны на глубину до 5 км с последующим вводом в прорыв подвижных групп армий. В их задачу входили развитие наступления и овладение рубежом Опочка — Себеж — Освея — Дрисса. На втором этапе операции (17—27 июля) предусматривалось преследование противника и овладение рубежом Резекне — Даугавпилс.

Войска фронта стали готовиться к наступлению еще в мае — июне[14]. Все армии 2-го Прибалтийского фронта находились в первом эшелоне его оперативного построения, занимая оборону на подступах к Острову, Пушкинским Горам, Идрице. Производились внутрифронтовые перегруппировки, причем только по ночам при среднем темпе 25—30 км в сутки[15].

Армии, в полосах которых не планировалось использование подвижной группы фронта, создавали свои армейские подвижные группы в составе «временно механизированных стрелковых дивизий». В резерв командующего армией выводилась одна из стрелковых дивизий. Ее обеспечивали автотранспортом, необходимым для перевозки личного состава и военной техники, усиливали танками, самоходными артиллерийскими установками, артиллерией и подразделениями инженерных войск. Так, в 10-й гвардейской армии армейская подвижная группа была создана на базе 29-й гвардейской стрелковой дивизии, а в 3-й ударной — на базе 207-й стрелковой дивизии. Эти соединения должны были в первый же день наступления захватить важные опорные пункты противника, находившиеся в 60—100 км от переднего края главной полосы его обороны.

Стрелковые части и подразделения обучались ведению боя в траншеях противника, совместным действиям с танками, наступлению в глубине вражеской обороны с подвижными группами. С этой целью проводились тактические учения с боевой стрельбой. Перед политорганами стояла задача поднять наступательный порыв и обеспечить безусловное выполнение личным составом приказов командиров.

В полосе предстоявшего наступления активно велась разведка всех видов. Только в июне было проведено 1142 разведывательных мероприятия, в том числе 16 разведок боем, в ходе которых удалось захватить около 2 тыс. пленных и около 1 тыс. важных документов. Во многом именно разведка обеспечила успешное начало операции. В общем, за продолжительный период подготовки войска приобрели навыки и умения, необходимые при прорыве сильно укрепленной обороны противника и ведении наступления в условиях лесисто-болотистой местности. Правда, в конце июня прибывшие офицеры 2-го Прибалтийского направления Оперативного управления Генерального штаба Красной армии отметили в подготовке офицерского состава штабов фронта, некоторых армий и соединений ряд недочетов[16]. Тем не менее они доложили своему руководству, что фронт с возложенными на него задачами справится.

В начале июля войска 1-го Прибалтийского фронта, стремительно продвигаясь вперед, перерезали участок железной дороги Даугавпилс — Вильнюс, а 10 июля — в районе Утена и шоссе Даугавпилс — Каунас[17]. В этой обстановке командование группы армий «Север» решило отвести войска 16-й армии с рубежа «Пантера» на тыловой рубеж «Рейер». Еще 6 июля командование группы армий «Север» распорядилось создать сильные арьергарды, «которые в случае отхода должны были воспрепятствовать советским войскам осуществить фланговые охваты».

Разведывательным отрядам 10-й гвардейской и 3-й ударной армий удалось обнаружить начало ее отхода. Вот почему 10 июля, то есть на два дня ранее намеченного срока, на правом крыле 2-го Прибалтийского фронта в наступление перешли усиленные стрелковые батальоны, а в 19 часов 30 минут началось общее наступление войск фронта на себежском направлении[18].

Вскоре в штаб фронта стали поступать тревожные донесения: из-за недостатка боеприпасов артиллерия так и не смогла надежно подавить огневые средства противника на всю тактическую глубину его обороны, поэтому продвижение войск замедлилось[19]. В 22 часа того же дня в прорыв были введены армейские подвижные группы. Стремительно продвигаясь вперед, они уничтожали личный состав и военную технику врага, захватывали переправы через реки и узлы дорог.

Из-за удара, нанесенного войсками правого крыла 2-го Прибалтийского фронта, расчет командования группы армий «Север» на планомерный отвод главных сил на тыловой рубеж обороны и удержание рубежа «Пантера» провалился. Всю ночь не прекращались ожесточенные бои на участке по р. Алоя. К рассвету 11 июля 15-я латышская дивизия СС и два немецких пехотных полка были полностью разгромлены.

К исходу первых суток операции прорыв советских войск составил около 100 км по фронту и до 22 км в глубину. 11 июля в штаб фронта поступило указание Ставки ВГК немедленно приступить к выполнению в полном объеме задач, определенных ее директивой от 4 июля 1944 г.[20]

На следующий день в наступление перешла 22-я армия, увеличившая фронт прорыва обороны противника до 150 км, а частью сил форсировавшая р. Дрисса 4-я ударная армия освободила одноименный город. Соединения и части 10-й гвардейской армии подошли к Опочкинскому обводу, перерезав железную дорогу Псков — Идрица и шоссе Невель — Опочка.

Благодаря активным действиям подвижного отряда 79-го стрелкового корпуса под командованием подполковника М. В. Бакеева 3-я ударная армия к исходу дня освободила г. Идрица[21]. Оставив его, противник лишился последней авиационной базы, используемой для налетов на Москву.

На штурм вражеских укреплений

12 июля столица салютовала воинам 2-го Прибалтийского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. Соединения и части, отличившиеся в боях, получили почетное наименование Идрицких.

С большими потерями враг отходил на запад. Чтобы выиграть время и успеть эвакуировать свои войска морем, командование группы армий «Север» использовало особенности местности для ведения маневренной обороны[22]. Генерал Й. Фриснер предлагал главному командованию сухопутных сил вермахта отвести войска в районы Каунаса и Риги. Он так пояснял свою точку зрения: «Это совершенно очевидно было бы последней попыткой избежать котла или совершенного уничтожения»[23]. Однако Гитлер ответил решительным отказом. «Насколько рискованным было его решение, показало обостряющееся развитие обстановки», — отмечают в наши дни военные историки Германии[24].

К исходу 12 июля советские войска углубились в немецкую оборону на 35 км, освободив свыше тысячи населенных пунктов[25]. Остатки разгромленных вражеских войск продолжали отходить на запад. 13 июля командующий 16-й армией, докладывая об обстановке в штаб группы армий «Север», вынужден был оправдываться: «Противник, заблаговременно узнав о нашем отступлении, повсюду следовал за нами»[26].

На следующий день войска 2-го Прибалтийского фронта подошли к тыловому оборонительному рубежу «Рейер». Разгромив врага в районе Опочки, 10-я гвардейская армия, продвигаясь по бездорожью, через леса и болота, с ходу прорвала промежуточный оборонительный рубеж «Блау», что восточнее г. Лудзы. 16 июля она, вступив в пределы Латвийской ССР, завязала бои за Лудзу и Зилупе. Когда эта армия подошла вплотную ко второму промежуточному оборонительному рубежу «Грюн», ей пришлось вести ожесточенные бои с отошедшими сюда частями и переброшенной 126-й пехотной дивизией.

В центре и на левом крыле 2-го Прибалтийского фронта противник также оказывал сильное сопротивление, пытался любой ценой удержать каждый опорный пункт. На это его всячески нацеливало командование 16-й армии. Да и командующий группой армий «Север» отдавал один за другим грозные приказы «удерживать занимаемые позиции до последней капли крови»[27].

16 июля 3-я ударная армия завязала бои за г. Себеж. Попытка армейской подвижной группы взять его с ходу успеха не имела, так как город, превращенный в мощный узел сопротивления, был опоясан проволочными заграждениями, минными полями и противотанковыми рвами. Оценив обстановку, командующий армией генерал В. А. Юшкевич приказал начать глубокий обход этого рубежа. 379-я стрелковая дивизия с помощью партизан лесными дорогами обошла левый фланг себежской группировки противника. Захватив узел железных и шоссейных дорог Васютино, она отрезала врагу пути отступления на запад[28]. 17 июля части 79-го стрелкового корпуса 3-й армии, используя успех дивизии, освободили г. Себеж и вечером вышли к р. Зилупе.

В тот же день 325-я стрелковая дивизия 22-й армии, сломив сопротивление врага, взяла г. Освея и вышла к р. Сорьянка. 4-я ударная армия, которая частью сил также достигла этого водного рубежа, освободила крупный населенный пункт и железнодорожную станцию Бигосово[29]. Как и было запланировано, к исходу дня на участке Себеж — Освея 3-я ударная и 22-я армии завершили прорыв рубежа «Рейер».

В итоге семидневного наступления войска 2-го Прибалтийского фронта выполнили задачу первого этапа операции. Они продвинулись в глубину до 90 км, прорвали основной и тыловой оборонительные рубежи вражеской обороны. По оценке командующего войсками фронта, почти полностью было разгромлено шесть пехотных полков, семь пехотных батальонов, два штурмовых батальона, саперный и охранный батальоны, а в остальных соединениях и частях противника потери составляли от 30 до 50% личного состава[30].

Череда поражений и понесенные крупные потери не могли не отразиться на боевом духе немецких солдат и офицеров. Реакция командира 10-го армейского корпуса Ф. Кехлинга последовала незамедлительно: «Я приказываю вновь довести до сведения всех, что каждый, отбившийся от части, будет расстрелян на месте... Каждому солдату разъяснить, что всякий, кто только сделает хоть один шаг, чтобы без приказа отступить, будет расстрелян»[31].

Все эти обстоятельства вынудили командование группы армий «Север» перебросить в срочном порядке в полосу наступления 2-го Прибалтийского фронта дополнительные силы. Так, из района Нарвы прибыл 154-й пехотный полк 58-й пехотной дивизии, из резерва командующего группой армий «Север» были введены в сражение 87-я пехотная дивизия и ряд отдельных частей, на подходе была 12-я авиаполевая дивизия[32].

С 16 июля войска 2-го Прибалтийского фронта приступили к выполнению второго этапа Режицко-Двинской операции. В то время как 10-я гвардейская и 3-я ударная армии развивали наступление в направлении Резекне, 22-я и 4-я ударная армии, а также 5-й танковый корпус двинулись на Даугавпилс. На следующий день силами 7-го гвардейского стрелкового корпуса был освобожден г. Зилупе[33]. 18 июля, сломив упорное сопротивление противника на промежуточном оборонительном рубеже «Блау», все армии фронта пересекли границу Латвийской ССР. Одним из первых в 4 часа 30 минут на латышскую землю вступил 1-й батальон 125-го стрелкового полка 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии.

Судя по воспоминаниям начальника штаба фронта генерала Л. М. Сандалова, народ радостно встречал своих земляков-освободителей[34]. Однако заметим, что это только часть правды. Были и те, кто к советской власти и освобождавшей территорию Латвии Красной армии относился враждебно. В большинстве своем в годы оккупации они служили в подразделениях местной полиции и самообороны, сотрудничали с военно-политическими структурами Третьего рейха. Как сейчас известно, основная масса коллаборационистских проявлений была густо замешана на проявлениях национализма и русофобии. Кто-то делал это, исходя из социальных и антикоммунистических мотивов, а кто-то — руководствуясь мотивами своей националистической идеологии.

Латышские эмигрантские мемуаристы и современные официальные историки в своих трудах неизменно подчеркивают, что латышские легионеры ваффен-СС воевали исключительно против большевизма на передовой линии фронта и не имеют никакого отношения к зверствам в тылу и прифронтовой зоне. При этом в оценках Латышского легиона СС как феномена Второй мировой войны местная историография старается не акцентировать внимание на том, что германское командование относило к нему и полицейские батальоны, участвовавшие в карательных акциях на территории России, Белоруссии, Литвы, Украины и Польши, постепенно включая их в состав 15-й и 19-й латышских дивизий СС. Ряды эсэсовских дивизий пополняли и члены «команды Арайса», печально известной массовым уничтожением евреев и сожжением белорусских деревень, а сам В. Арайс командовал батальоном 15-й латышской дивизии СС[35].

С выходом на латвийскую территорию перед военными советами фронта и армий, командирами и политработниками соединений, частей и подразделений встали новые задачи[36]. В освобождаемых районах и городах на них было возложено оказание помощи местным органам власти в налаживании мирной жизни. К тому же поступавшее пополнение требовалось как можно быстрее обучить военному делу.

Тем временем враг артиллерийско-минометным огнем и контратаками стремился не допустить прорыва советских войск к дорогам, соединявшим Резекне и Даугавпилс. Поэтому попытка 5-го танкового корпуса с ходу прорвать «Грюн» — следующий промежуточный оборонительный рубеж — не увенчалась успехом.

Правофланговая 10-я гвардейская армия, преодолевая упорное сопротивление неприятеля, медленно продвигалась в направлении Карсавы и Лудзы[37]. 22 июля на левом крыле 2-го Прибалтийского фронта наметился успех. Наступая по труднопреодолимой местности, 22-я армия освободила г. Дагда, а 4-я ударная армия, прорвав сильно укрепленные позиции врага и преследуя его, взяла г. Краслава и ряд других населенных пунктов.

В тот же день 41-я танковая бригада 5-го танкового корпуса, используя успех левофланговых армий, перерезала у населенного пункта Малиново шоссейную дорогу Резекне — Даугавпилс. При этом танкисты нанесли тяжелый урон 290-й пехотной дивизии. В этих боях особо отличился 1-й батальон под командованием капитана К. И. Орловского, уничтожив 12 танков, более 40 орудий, много другой военной техники и живой силы. В одной из контр-

атак противника капитан погиб. За проявленные доблесть и геройство К. И. Орловскому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[38].

22 июля войска 2-го Прибалтийского фронта приступили к прорыву третьего, последнего оборонительного рубежа «Браун», прикрывавшего Резекне и Даугавпилс с востока[39]. В 2 часа дня 10-я гвардейская армия своими передовыми отрядами вклинилась в оборону врага, а вслед за ними двинулись главные силы. Противник, не выдержав натиска, стал поспешно отходить к Резекне, прикрываясь сильными арьергардами[40].

В 6 часов утра 23 июля 29-я и 7-я гвардейские стрелковые дивизии обошли г. Лудзу с севера и юга, а 8-я гвардейская стрелковая дивизия имени И. В. Панфилова, используя их успех, ворвалась в него с востока. Штурм города был настолько стремительным, что враг не успел его разрушить. В 8 часов утра 22-я гвардейская стрелковая дивизия освободила г. Карсава, уничтожив его гарнизон[41].

Командование группы армий «Север» по-прежнему стремилось сочетать отвод части войск с активной обороной на заранее оборудованных рубежах. Так, 23 июля соединения и части 22-й армии были остановлены в 4—12 км восточнее шоссе и железной дороги Резекне — Даугавпилс контратаками противника, применившего тяжелые штурмовые орудия «Фердинанд». В одной из таких контратак он даже оттеснил 41-ю танковую бригаду 5-го танкового корпуса на восток, в район Малиново[42].

Прорвав на четвертый день тяжелых боев последний оборонительный рубеж «Браун», войска 2-го Прибалтийского фронта добились значительных успехов. Одна только 3-я ударная армия освободила 337 населенных пунктов.

4-я ударная армия, преодолев рубеж Извалта — Краслава, совместно с 5-м танковым корпусом нацелилась на освобождение г. Даугавпилс. Командующий армией генерал П. Ф. Малышев решил сначала стремительными действиями севернее Даугавпилса отрезать противнику пути отступления на Ригу, а затем ворваться в город. 100-му стрелковому и 5-му танковому корпусам предстояло прижать даугавпилсскую группировку врага к Даугаве и отрезать ее с севера и запада. 14-му и 83-му стрелковым корпусам была поставлена задача штурмом взять город. При этом 14-й стрелковый корпус должен был наступать с северо-востока, вдоль железной дороги Резекне — Даугавпилс, а 83-й — с востока, вдоль железной дороги Орел — Рига.

24 июля в 12 часов началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка наступления. Затем пехота прорвала позиции противника на подступах к Даугавпилсу. В образовавшийся прорыв в полосе 100-го стрелкового корпуса были введены на больших скоростях части 5-го танкового корпуса. На следующий день дивизии 100-го стрелкового корпуса, совместно с танкистами развивая наступление севернее Даугавпилса, вышли на рубеж станция Ваболе — Ликсна. К исходу дня они перерезали железную и шоссейную дороги, закрыв врагу пути отхода на Ригу[43].

26 июля командование 16-й немецкой армии предприняло ряд сильных контратак во фланг 100-му стрелковому корпусу, пытаясь деблокировать окруженную в Даугавпилсе группировку и восстановить ее коммуникации с Ригой. При этом основные усилия оно направило против советских войск, прорвавшихся к Даугаве севернее устья р. Ликсна[44]. Несмотря на отчаянные усилия, даугавпилсская группировка врага из-за понесенных крупных потерь прорваться на запад не смогла. Почти одновременно были отброшены за р. Дубна и те немецкие части, которые пытались атакой с севера оказать помощь этой группировке.

Преследуя противника, части 14-го и 83-го стрелковых корпусов прижимали его к Даугаве, в то время как 6-я гвардейская армия 1-го Прибалтийского фронта теснила его на левом берегу реки. Наиболее ожесточенные бои разгорелись в районах Ликсны, Залюмы, Застенок и в ряде других населенных пунктов вблизи Даугавпилса.

В ночь на 27 июля соединения и части 4-й ударной армии напряженно готовились к штурму этого города. Разведке была поставлена задача своевременно установить отход противника. В 5 часов утра передовые части 14-го стрелкового корпуса 4-й ударной армии после короткого, но мощного артиллерийского налета перешли в наступление из исходных

Снайперы 2-го Прибалтийского фронта

Летчики 872-го штурмового авиаполка

районов в 7 км от города. Когда враг стал пробиваться к западным окраинам Даугавпилса, 239-я и 311-я стрелковые дивизии 14-го стрелкового корпуса на его плечах ворвались в район старого города и железнодорожной станции. К 8 часам, овладев ими, они нацелились в юго-западную часть Даугавпилса[45].

Стрелковые дивизии 83-го стрелкового корпуса в 6 часов утра, уничтожив внезапной атакой войска прикрытия на рубеже Грибусты — Тайвани, ворвались в Даугавпилс с востока. Через два часа они уже были в центре города. В 8 часов 30 минут 4-я ударная армия и 5-й танковый корпус во взаимодействии с 6-й гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта полностью очистили его от врага[46].

В городе оккупанты разрушили более 40% зданий промышленных предприятий и учреждений и до 65% жилых домов. Они вывели из строя линию связи, привели в негодность водопровод и канализацию, взорвали электростанцию и все мосты через Даугаву.

В то время как на левом крыле 2-го Прибалтийского фронта 4-я ударная армия вела бои в районе Даугавпилса, на его правом крыле 10-я гвардейская армия и 93-й стрелковый корпус 3-й ударной армии, взломав оборону противника в районе р. Ритупе и продвинувшись на 30 км, 27 июля с ходу ворвались в г. Резекне[47]. В этих боях особо отличилась 8-я гвардейская стрелковая дивизия И. В. Панфилова. Во взаимодействии со 119-й и 7-й гвардейскими стрелковыми дивизиями, 19-й гвардейской пушечной артиллерийской бригадой, а также 391-й стрелковой дивизией 3-й ударной армии воины-панфиловцы внесли решающий вклад в освобождение Резекне.

При освобождении этого города, а также в последующих боях высокую боевую выучку показали воины 19-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии[48]. На подходе к Лудзе гвардейцы отбили контратаку немецкой пехотной дивизии, выдвинутой из резерва 16-й армии. В ходе наступления полк освободил населенный пункт Баркава и форсировал р. Айвиексте. Враг пытался выдвинутыми к реке свежими резервами ликвидировать захваченный плацдарм. В один из критических моментов боя командир полка гвардии подполковник И. Д. Курганский лично возглавил контратаку подразделений и погиб смертью героя. Родина достойно отметила подвиг, присвоив ему посмертно звание Героя Советского Союза[49].

Большую помощь в тушении пожаров и разминировании жителям Резекне и Даугавпилса оказали солдаты и офицеры саперных частей. Своей самоотверженной работой они спасли немало жилых, общественных и фабрично-заводских зданий от взрывов, сохранили сотни человеческих жизней. Все это способствовало укреплению дружественных связей воинов Красной армии с местным населением.

Вечером 27 июля войска 2-го Прибалтийского фронта, форсировав реки Резекне, Малта, Дубна, Оша, заняли Дрицени, Виляны, Рибини, Прейли, Дубно, а затем очистили от противника участок железной дороги Резекне — Тилтагалс. 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия с приданными ей танковыми частями прорвала его оборону западнее озера Ликсна и, преодолев р. Дубна, к исходу следующего дня вышла к р. Оша, юго-западнее Русини[50].

За 17 дней наступления войска 2-го Прибалтийского фронта последовательно прорвали пять вражеских оборонительных рубежей, насыщенных долговременными огневыми точками, минно-взрывными заграждениями и разного рода фортификационными сооружениями, продвинувшись на запад до 200 км. Задача, поставленная Ставкой ВГК, была выполнена. Командование 16-й армии так и не смогло отвести свои силы на тыловой рубеж, а затем организовать устойчивую оборону на заблаговременно подготовленных промежуточных рубежах.

Потери войск 2-го Прибалтийского фронта в Режицко-Двинской операции составили: безвозвратные — 12 880 человек (3,3% от численности войск к началу операции), санитарные — 45 115 человек[51]. По данным штаба фронта, противник потерял только убитыми 75 581 человека, пленными — 7780 человек, а также 165 танков, 899 орудий, 506 минометов и прочее военное имущество[52].

27 июля 1944 г. в Москве в 23 часа был произведен салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий в ознаменование одержанных 2-м Прибалтийским фронтом побед. Приказом

Отступая из Даугавпилса, гитлеровцы стремились взорвать и сжечь весь город

Верховного главнокомандующего ряду его соединений и частей были присвоены почетные наименования Двинских и Режицких. Тысячи солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. Командующий войсками фронта генерал армии А. И. Ерёменко был удостоен звания Героя Советского Союза.

После Режицко-Двинской операции Ставка ВГК своей директивой № 220158 от 28 июля[53] поставила войскам 2-го Прибалтийского фронта задачу уничтожить противника, оборонявшегося на Лубанской низменности, овладеть не позже 1–2 августа рубежом Галгауска — Мадона — Крустпилс[54]. В дальнейшем, используя выгодный рубеж, они должны были наступать на Ригу и во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта «отрезать прибалтийскую группировку противника от его коммуникаций в сторону Германии»[55]. Это и легло в основу Мадонской наступательной операции.

29 июля генерал армии А. И. Ерёменко приказал 3-й ударной армии перейти в наступление, преодолеть Лубанскую низменность, во взаимодействии с 22-й армией уничтожить отходившего противника и 31 июля выйти на рубеж р. Айвиексте, а 1 августа овладеть рубежом Цесваине — Мадона — Марциена[56].

Крупные лесные массивы, болота и реки Лубанской низменности позволяли танковым и механизированным соединениям вести боевые действия лишь на отдельных направлениях,

преимущественно вдоль дорог[57]. Однако именно здесь немецкие 329-я и 263-я пехотные, а также 285-я охранная дивизии создали мощные укрепления. Чтобы не допустить преодоления советскими войсками Лубанской низменности, командующий группой армий «Север» генерал-полковник Ф. Шернер отдал жесткий приказ: держаться до последнего солдата и не сдавать без боя ни одной позиции.

Для проведения операции по разгрому этой группировки было сосредоточено 33 дивизии, 5859 орудий, 121 танк и 504 самолета. Советские войска имели перед противником преимущество: в людях — в 3,5 раза, в артиллерии — в 3 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 3 раза, в самолетах — в 3 раза[58].

1 августа после непродолжительной подготовки 10-я гвардейская, 3-я ударная, 22-я и 4-я ударная армии перешли в наступление. Враг на всех танкодоступных направлениях оказывал ожесточенное сопротивление. Яростными контратаками он стремился сбросить войска 2-го Прибалтийского фронта с плацдармов, захваченных ими на реках Педедзе и Дубна. Зачастую соединениям и частям приходилось по непролазным топям обходить опорные пункты, преодолевая в условиях полного бездорожья десятки километров. Вследствие этого темпы наступления не превышали 6–12 км в сутки[59]. Существенную помощь советским войскам оказывали отряды 2-й и 3-й латвийских партизанских бригад. Многие партизаны добровольно исполняли обязанности проводников, указывая наступавшим только им одним известные проходы в лесах и болотах.

К 4 августа, блокируя и уничтожая отдельные очаги сопротивления неприятеля, войска фронта достигли центральной части Лубанской низменности. 6 августа армии его правого крыла вышли к р. Айвиексте. На левом крыле 22-я армия, в том числе входивший в ее состав 130-й латышский стрелковый корпус, и 5-й танковый корпус 8 августа освободили г. Крустпилс.

В то же время активные наступательные действия развернулись и на правом крыле фронта. 5 августа 10-я гвардейская армия форсировала р. Куя и на участке Паткуле — Саркани перерезала железную дорогу и шоссе Мадона — Лубана. В боях северо-западнее Мадоны отличился командир отделения 5-й мотострелковой бригады 5-го танкового корпуса старшина Г. А. Мякшин. Он во главе разведгруппы добыл и передал в штаб бригады важные сведения о противнике. Еще 12 раз он отправлялся в разведку. В одном из рейдов старшина вынес раненого командира взвода[60]. Отважному разведчику Г. А. Мякшину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Соединения и части 3-й ударной армии, форсировав р. Айвиексте, за двое суток продвинулись на 10 км, 6 августа они перерезали железную дорогу Мадона — Плявиняс. 10-я гвардейская армия на рассвете 13 августа во взаимодействии с правофланговыми дивизиями 3-й ударной армии освободила г. Мадона[61]. При этом особенно отличился 93-й гвардейский стрелковый полк 29-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии майора И. М. Третьяка. Проникнув ночью в тыл противника, гвардейцы вышли к р. Айвиексте и, одновременно ударив с тыла и фронта, уничтожили врага. Этот же полк первым ворвался в г. Мадона. Его командир гвардии майор И. М. Третьяк был удостоен звания Герой Советского Союза[62].

На левом крыле фронта 22-я армия силами 130-го латышского и 44-го стрелковых корпусов форсировала р. Айвиексте и на ее правом берегу захватила плацдарм. Вплоть до 13 августа она вела бои за его расширение.

Так как противник при отходе минировал подъездные пути к Идрицко-Опочкинскому аэродромному узлу, а также сооружения на аэродромах и дома, саперным подразделениям пришлось приложить немало усилий для ликвидации его минно-взрывных устройств. Всего они изъяли и обезвредили 1446 противотанковых и противопехотных мин, 90 фугасов, 16 569 авиабомб различного калибра, 73 разного рода «сюрприза», 23 340 снарядов и мин[63].

Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта решил 17 августа нанести удар вдоль дороги Мадона — Рига силами 10-й гвардейской, 3-й ударной и 22-й армий, а также 5-м танковым корпусом, всеми фронтовыми и армейскими средствами усиления при поддержке

15-й воздушной армии. Ближайшей задачей он определил разгром мадонской группировки. Далее войскам фронта предстояло развивать наступление на Ригу[64]. 19 августа соединения и части 3-й ударной армии во взаимодействии с 5-м танковым корпусом прорвали мощным ударом на узком участке оборону противника в районе г. Мадона.

Переданную в состав фронта согласно директиве Ставки ВГК от 10 августа[65] 42-ю армию генерал армии А. И. Ерёменко, несмотря на уже обозначившийся в центре успех, 20 августа ввел на правом крыле. К тому моменту это явно не соответствовало общей оперативной обстановке. И только на следующий день командующий фронтом принял решение нанести удар главными силами 42-й армии между 10-й гвардейской и 3-й ударной армиями, то есть в направлении прорыва.

Между тем введенные в прорыв танковые части 5-го танкового корпуса, форсировав р. Огре, еще 19 августа в 18 часов ворвались в населенный пункт Эргли и захватили на железнодорожной станции несколько составов и склады с военным имуществом. Однако смелый прорыв танкового корпуса на Эргли не получил развития из-за того, что стрелковые соединения отстали от танков. Бригады 5-го танкового корпуса подверглись контрудару 122-й пехотной дивизии, а также подразделений 58-го и 353-го пехотных полков 205-й пехотной дивизии противника, поддержанных 60 танками и штурмовыми орудиями. Танкисты корпуса не смогли устоять против численно превосходившего врага. Им пришлось отойти с захваченного плацдарма и оставить Эргли[66]. Вследствие запоздалого решения генерала армии А. И. Ерёменко о вводе 42-й армии в центре фронта ее соединения и части перешли в наступление лишь 25 августа. Около трех суток они потратили на сосредоточение в новом районе. В итоге 42-я армия существенных результатов не достигла. Только к концу августа войскам 2-го Прибалтийского фронта удалось выйти на рубеж Эргли — Плявиняс, где они временно перешли к обороне, чтобы подготовиться к наступлению на Ригу[67].

К 31 августа войска 2-го Прибалтийского фронта все-таки преодолели Лубанскую низменность, форсировали р. Айвиексте и вышли на рубеж Мадона — Гостини. Таким образом, поставленная перед ними задача, хотя и с опозданием, была выполнена[68]. Чем упорнее враг сопротивлялся, тем решительнее атаковали и маневрировали в бою соединения и части, особенно гвардейские.

Противник понес большие потери: более 12 тыс. погибших и 1782 солдата и офицера попали в плен. В качестве трофеев советским войскам достались 10 танков, 287 орудий и минометов, 206 автомашин и много другого военного имущества[69].

Потери войск 2-го Прибалтийского фронта в Мадонской наступательной операции составили: безвозвратные — 14 669 человек (3,7% от численности войск к началу операции), санитарные — 50 737 человек[70]. Всего за один месяц наступления 27 тыс. солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями, а 18 воинов Военный совет фронта представил к званию Героя Советского Союза.

Медленное продвижение войск 2-го Прибалтийского фронта в лесисто-болотистой местности, особенно на его правом крыле, порой объясняется бездействием стрелковых подразделений, прежде всего автоматчиков. Ведь именно они должны были просачиваться в тыл противника и, создавая панику в его подразделениях, обеспечивать наступление главных сил. Кроме того, войска фронта редко применяли обходные маневры. Не всегда они искали и находили слабые места в обороне врага, зачастую не имели подготовленных резервов. Всё это позволяло войскам группы армий «Север» организованно отходить от рубежа к рубежу. При этом они наносили советским войскам ощутимый урон[71]. Как представляется, это являлось следствием недостаточной тактической и оперативной подготовки офицеров штабов фронта, армий и соединений[72].

Соседом 2-го Прибалтийского фронта справа был 3-й Прибалтийский (генерал-полковник, с 28 июля — генерал армии И. И. Масленников)[73], который провел в июле — августе две последовательные операции.

Псковско-Островская операция проводилась с 17 по 31 июля с целью разгрома находящейся на этом участке группировки противника, освобождения городов Псков и Остров —

важнейших узлов обороны врага на рижском направлении[74] и, наконец, его изгнания с территорий Латвии и Эстонии. К началу операции войска фронта занимали оборону по восточному берегу Псковского озера, восточнее Пскова, Самухино, Немоево, Терехово и далее по р. Великая, на левом берегу которой они уже заняли несколько плацдармов.

Войскам 3-го Прибалтийского фронта противостояли 18-я и часть сил 16-й армии группы армий «Север», поддерживаемые авиацией 1-го воздушного флота. В первый эшелон этой группировки входили 28-й (12-я авиаполевая, 21-я и 126-я пехотные, а также 207-я охранная дивизии), 38-й (30, 121, 32-я пехотные и 21-я авиаполевая дивизии) и 50-й (83, 218 и 69-я пехотные дивизии) армейские корпуса[75]. Еще около двух пехотных дивизий и другие части, составлявшие резерв, сосредоточились в районах Пскова, Острова и юго-западнее Пушкинских Гор. Наибольшую плотность враг имел на островском направлении.

Мероприятия командования 18-й и 16-й армий по укреплению северной части оборонительного рубежа «Пантера» были основаны на данных разведки. Из них следовало, «что противник (советские войска. — *Прим. ред.*) предполагает осуществить дальнейшие наступательные операции»[76]. Немецкая оборона представляла собой систему опорных пунктов и узлов сопротивления, соединенных траншеями и ходами сообщения. Весь рубеж был разбит на четыре полевых укрепленных района[77]. Псков и Остров прикрывали городские оборонительные обводы[78]. В общем, противник готовился к ведению жесткой обороны. Так, в обращении к командирам полков и батальонов 121-й пехотной дивизии указывалось: «Мы стоим у границ Прибалтийских стран и ни за что их не отдадим. Немецкий солдат должен убедиться в необходимости защищать здесь, на этом месте, Германию»[79].

В состав 3-го Прибалтийского фронта к началу операции входили 42-я (две стрелковые дивизии и 14-й укрепленный район), 67-я (пять стрелковых дивизий и два отдельных батальона), 1-я ударная (шесть стрелковых дивизий), 54-я (девять стрелковых дивизий и танковая бригада), а также 14-я воздушная армии (478 самолетов)[80]. Все они составляли первый эшелон. Резерв фронта, включавший три стрелковые дивизии 118-го стрелкового корпуса, располагался в районе Выбор.

Задача 3-му Прибалтийскому фронту на проведение операции была определена директивой Ставки ВГК от 6 июля 1944 г. Ему приказывалось на первом этапе нанести удар со стрежневского плацдарма в общем направлении на Яунлатгале — Балви — Гулбене силами не менее 12–13 стрелковых дивизий со средствами усиления[81], освободить города Остров, Лиепна, Гулбене. На втором этапе, наступая в общем направлении на Выру, выйти в тыл псковской группировке противника и взять Псков и Выру[82].

Детально операция планировалась на глубину ближайшей задачи фронта — 110–120 км, а в общих чертах рассматривалась на глубину дальнейшей задачи — до 240–250 км. Ее замысел заключался в нанесении главного удара смежными флангами 1-й ударной и 54-й армий со стрежневского плацдарма в обход Островского укрепленного района, наиболее сильного, в общем направлении на Балвы — Гулбене. Затем предусматривалось с ходу форсировать р. Великую, разделить и уничтожить по частям сначала островскую, а затем псковскую группировки. Войска правого крыла и центра фронта — 42-я и 67-я армии — должны были активной обороной сковывать противника, не позволяя ему перебрасывать силы к участку прорыва главных сил фронта.

После утверждения Ставкой ВГК замысла командующего войсками фронта на операцию переход в наступление был назначен на 17 июля. К 9-му числу все армии получили оперативные директивы, где были определены цели армейских операций и задачи объединениям на глубину ближайшей задачи фронта.

10 июля в штаб фронта для оказания помощи в подготовке операции прибыли в качестве представителей Ставки ВГК начальник Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал С. М. Штеменко, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии маршал артиллерии Н. Д. Яковлев и заместитель главнокомандующего ВВС генерал-полковник авиации Г. А. Ворожейкин[83].

Большую работу в подготовительный период операции проделали Военный совет и штаб фронта, военные советы и штабы армий, политические органы соединений. Особое

внимание они уделяли боевому слаживанию подразделений и частей, воспитанию у личного состава высокого боевого духа[84]. Необходимость этого определялась тем, что почти 50% личного состава не имело боевого опыта, так как было призвано на военную службу с недавно освобожденной от врага территории.

Проводился комплекс мероприятий по материально-техническому обеспечению: в соответствии с планом войска фронта были полностью обеспечены боеприпасами, горюче-смазочными материалами и продовольствием.

С 5 по 17 июля была проведена перегруппировка войск с целью сосредоточения сил и средств на стрежневском плацдарме на р. Великая. Так, 54-я армия и все средства усиления фронта перемещались на левое крыло. 7 июля 2-й Прибалтийский фронт передал в состав 3-го Прибалтийского фронта 1-ю ударную армию. Из них и была создана ударная группировка. Для того чтобы скрыть от противника действительное направление готовившегося удара, в период с 5 по 20 июня восточнее г. Остров демонстрировалось ложное сосредоточение девяти дивизий, а с 23 по 28 июня там же была проведена наступательная операция. В итоге командованию 3-го Прибалтийского фронта удалось привлечь внимание противника к этому направлению.

После перегруппировки и решительного сосредоточения сил и средств из 25 стрелковых дивизий, которыми располагал фронт, на направление главного удара были привлечены 18 дивизий, или 72% всех стрелковых соединений, около 80% всей артиллерии и минометов, все танковые и самоходные артиллерийские полки, а также части гвардейских минометов фронта.

Теперь 1-я ударная и 54-я армии превосходили противника в силах и средствах в 2 раза, в том числе в орудиях и минометах — в 8,5 раза, что обеспечивало успех операции[85]. Для прорыва его обороны они имели на стрежневском плацдарме (до 8 км по фронту и от 2 до 4 км в глубину) по одному стрелковому корпусу. Их вторые эшелоны и резервы армий заняли исходное положение на правом берегу р. Великая.

Накануне операции 54-я армия, используя успех войск соседнего 2-го Прибалтийского фронта, начавшего 10 июля наступление южнее Красногородска, с 11 по 16 июля силами 321-й стрелковой дивизии уничтожила группы прикрытия неприятеля, вышла к р. Великая и захватила плацдарм на ее левом берегу. Инженерные части построили в районе стрежневского плацдарма три моста грузоподъемностью от 16 до 60 тонн.

Чтобы окончательно уточнить группировку противника и систему его обороны в полосе 3-го Прибалтийского фронта, 16 июля во второй половине дня была проведена разведка боем[86]. Передовые батальоны враг встретил сильным огнем, и на всех участках атака захлебнулась. Лишь частям 23-й гвардейской и 33-й стрелковых дивизий 1-й ударной армии удалось овладеть его передним краем обороны. Этому в немалой степени способствовал 1186-й истребительно-противотанковый полк, который огнем прямой наводкой поражал вскрытые огневые точки. Один только расчет старшего сержанта И. А. Шапошникова уничтожил два дзота, противотанковое орудие, станковый пулемет и 12 немецких солдат. За свой подвиг артиллерист был награжден орденом Славы 2-й степени[87].

Утром 17 июля войска ударной группировки фронта, поддержанные мощными ударами артиллерии и авиации 14-й воздушной армии, перешли в наступление[88]. С первых же часов оно успешно развивалось. За двое суток оборонительный рубеж противника «Пантера» южнее Острова был прорван на 60-километровом участке и почти на 40 км в глубину. Войска фронта освободили от оккупантов более 700 населенных пунктов[89]. Способствуя им, партизаны 1-й латышской партизанской бригады нарушали связь врага на путях его отхода, минировали дороги и устраивали засады.

С утра 19 июля 1-я ударная и 54-я армии, введя в прорыв армейские подвижные группы (по стрелковой дивизии и танковой бригаде)[90], перешли к преследованию противника, а частями 364-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии перерезали шоссе Остров — Резекне. Перешедшая в ночь на 21 июля в наступление 67-я армия во взаимодействии с войсками 1-й ударной армии уже днем освободили г. Остров[91].

22 июля начала наступление 42-я армия. Сломив вражеское сопротивление на псковском оборонительном обводе, ее 128-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 291-й стрелковой дивизией 67-й армии к 6 часам следующего дня штурмом овладели Псковом и его западным пригородом. Соединения и части 42-й и 67-й армий освободили около 200 других населенных пунктов. Почетное наименование Псковских было присвоено семи дивизиям и полкам.

К исходу 23 июля войска фронта вышли на рубеж в 10 км западнее Пскова — Асташи — (иск.) Вилака — Балтинава[92]. После освобождения Острова и Пскова, а также выхода войск правого крыла 3-го Прибалтийского фронта к р. Великая он получил задачу развивать наступление главными силами в общем направлении на Алуксне — Валга[93].

По решению командующего войсками фронта генерала армии И. И. Масленникова главный удар был перенесен в полосу 1-й ударной армии, которой он передал часть сил 54-й армии. В 67-й и 54-й армиях группировки создавались на смежных с 1-й ударной армией флангах. Это позволило сосредоточить на направлении главного удара фронта, на участке шириной 50–60 км, в полном составе 1-ю ударную армию, основные силы 67-й армии и все средства фронтового усиления. Сюда же были направлены основные усилия 14-й воздушной армии[94].

Соединения и части 67-й армии, первыми начавшие наступление утром 24 июля, к исходу 26 июля продвинулись на 16 км. При подходе к промежуточному оборонительному рубежу противника они были остановлены на участке Обруб — Бабаково — Еджинго — Козлы его организованным огнем и контратаками. К вечеру следующего дня 1-я ударная армия силами 12-го гвардейского и 123-го стрелковых корпусов, а также 122-й танковой бригады овладела узлом шоссейных дорог Лиепна. Однако западнее этого населенного пункта советские войска, снова натолкнувшись на ожесточенное сопротивление врага, вынуждены были остановиться[95]. Тем не менее наступление 1-й ударной армии заставило командование 18-й армии начать отвод своих частей перед фронтом 67-й армии.

Современные немецкие исследователи полагают, что распоряжение генерала Ф. Шернера об отводе войск на оборонительный рубеж «Мариенбург», который проходил по линии Чудское озеро — Амосово — Алуксне — Гулбене, предотвратило разгром возглавляемой им группы армий «Север». Они совершенно справедливо отмечают, что к этому времени «не только усилился натиск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, но и Ленинградский фронт перешел в наступление на северном участке под Нарвой»[96].

Обнаружив отход противника, соединения 67-й армии 30 июля перешли к его преследованию в направлении Изборска и Петсери. За два дня, продвинувшись с боями на 20–30 км, они очистили от врага 256 населенных пунктов, в том числе крупный узел сопротивления его обороны г. Изборск. В ходе дальнейшего наступления войска 3-го Прибалтийского фронта освободили города Балтинава и Балту, а с юго-востока своим правым крылом вступили на территорию Эстонской ССР. Несмотря на возросшее сопротивление противника, они вышли к оборонительному рубежу «Мариенбург», где и были остановлены.

В результате Псковско-Островской наступательной операции войска 3-го Прибалтийского фронта продвинулись от 50 до 130 км, прорвали сильно укрепленный оборонительный рубеж «Пантера», освободили города и села Псков, Остров, Изборск, Балтинава, преодолели такую серьезную водную преграду, как р. Великая, а также труднопроходимую лесисто-болотистую Лубанскую низменность. Тем самым были созданы благоприятные условия для развертывания боевых действий на территории восточных районов Эстонии и Латвии.

За период с 17 по 31 июля 1944 г. немецкая 18-я армия понесла серьезные потери: на поле боя было обнаружено 9200 трупов немецких солдат и офицеров, взяты в плен 1942 человека, захвачено и уничтожено 57 танков, 26 штурмовых орудий, 595 орудий, 158 минометов и прочее военное имущество.

Войска 3-го Прибалтийского фронта, остановленные перед оборонительным рубежом «Мариенбург», 10 августа вновь перешли в наступление на тартуском направлении. В то время как Гитлер требовал удерживать занимаемые позиции, генерал Э. Кинцель, смещенный вскоре после начала наступления советских войск с должности начальника штаба группы

армий «Север», заявил генералу Г. Гудериану — начальнику генерального штаба сухопутных сил, что выполнение этого приказа фюрера ведет лишь к полному разгрому группы армий, и он «потеряет не только обе армии, но и всю Прибалтику в придачу»[97].

Псковско-Островскую операцию отличают искусный оперативный маневр войск, умелый обход укрепленных узлов и позиций противника, что в результате и вынудило его группировку отступать. В ходе наступления советские войска проявили высокое мастерство и массовый героизм.

Завершив эту операцию, 3-й Прибалтийский фронт после непродолжительной подготовки провел Тартускую наступательную операцию, которая преследовала цель разгромить группировку противника и освободить эстонский г. Тарту. На рубеже западнее Изборска — восточнее Лауры — Алуксне — Гулбене ему по-прежнему противостояла 18-я армия.

Замысел операции заключался в том, чтобы смежными флангами 67-й и 1-й ударной армий, которые составляли ударную группировку фронта, при поддержке 14-й воздушной армии прорвать оборону врага на направлении Выру — Тарту, рассечь и разгромить его по частям. 54-я армия должна была, правым флангом наступая на Гауйена, обеспечить ударную группировку фронта с юго-востока[98].

Благодаря решительному массированию сил и средств на направлении главного удара фронта были созданы высокие плотности: 166 орудий и минометов, а также более 10 танков на 1 км участка прорыва. Это позволило добиться значительного превосходства над противником: в людях — в 4,3 раза, в артиллерии — в 14,8 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 4,2 раза[99].

10 августа в 6 часов 15 минут после 45-минутной артиллерийской подготовки и авиационного удара 1-я ударная армия перешла в наступление. 53-я и 52-я гвардейская стрелковые дивизии, усиленные танками 16-й танковой бригады, в первый же день прорвали главную полосу обороны противника, продвинувшись на 10 км[100]. 11 августа они, отбросив разбитые на флангах немецкие части 28-го армейского корпуса к северу, а 38-го армейского корпуса — к югу, продвинулись на 22 км, а на следующий день — еще на 30 км и вышли в район Петсери.

Развивая успех, 67-я армия во взаимодействии с 1-й ударной армией 13 августа освободила г. Выру[101]. 18-я армия оказалась под угрозой рассечения. В этой ситуации командующий группой армий «Север» доложил в генеральный штаб сухопутных войск, что положение его армии близко к критическому. Он просил командование вермахта срочно подбросить резервы, прежде всего танки. Как раз танков генерал Ф. Шернер и не получил. Вместо них Берлин рекомендовал ему максимально использовать силы 1-го воздушного флота.

Тем не менее враг усилил сопротивление. Уже с 13 августа над боевыми порядками войск 3-го Прибалтийского фронта «висели» его бомбардировщики. Советские войска несли ощутимые потери, особенно в военной технике и транспорте. Натиск 67-й и 1-й ударной армий заметно ослабел, причем причиной явились не только понесенные потери, но и растянутость боевых порядков.

Далее войска 3-го Прибалтийского фронта развивали наступление силами 67-й армии на Тарту, а соединениями и частями 1-й ударной армии — на Валгу. Продвижению на тартуском направлении содействовал десант, высаженный 16 августа 25-й отдельной бригадой речных кораблей на западном берегу Чудского озера, в районе Мехикормы.

В тот же день противник после мощного артиллерийского налета и авиационного удара контратаковал войска 1-й ударной армии из района Сангасте в направлении Антелы. Отразив контрудар, соединения и части армии к 27 августа продвинулись почти на 30 км. Правым флангом они вышли к р. Вяйке-Эмайыги, севернее Валги, а левым — к внешнему поясу обороны Валги. Попытки передовых отрядов с ходу вклиниться в нее не удались из-за мощного заградительного артиллерийского огня.

В свою очередь, и неприятель нанес несколько контрударов по соединениям и частям 67-й армии, вышедшим на подступы к Тарту. Так, группа «Штрахвица» (около 100 танков) нанесла мощный контрудар из района Эльва. Отразив его, 67-я армия развила наступление на тартуском направлении. 24 августа ее соединения и части ворвались на юго-западную окраину

Тарту, а на следующий день завершили освобождение города. 15 наиболее отличившихся в боях дивизий и полков были удостоены почетного наименования Тартуских.

67-я армия частью сил форсировала р. Эмайыги и, захватив плацдарм на ее северном берегу, к исходу 26 августа продвинулась еще почти на 15 км[102]. Но здесь советские войска были остановлены противником, занявшим заранее подготовленный оборонительный рубеж «Валга». Тем временем 54-я армия вела наступление на левом крыле фронта, обеспечивая левый фланг ударной группировки от возможных контрударов. 19 августа она освободила Алуксне.

Согласно директиве Ставки от 26 августа[103] войска 3-го Прибалтийского фронта должны были овладеть районом Тарту, далее продолжить наступление к северу от Тарту, выйти на рубеж Калласте — Магдалена — северный берег озера Выртсъярв. На новом рубеже им предстояло перейти к жесткой обороне[104].

Германское командование усмотрело в продвижении советских войск к северу от Тарту серьезную проблему для фланга и тыла своей оперативной группы «Нарва». Это создавало и угрозу рассечения войск всей группы армий «Север». Вот почему, правильно оценив обстановку в районе к северу от Тарту, противник сосредоточил здесь более пяти дивизий, танковую группу «Штрахвиц», 84-ю танковую бригаду «Нидерланды» и другие части. Руководство этими силами было возложено на командира 2-го армейского корпуса[105].

27 августа генерал В. Хассе, пытаясь ликвидировать плацдарм, захваченный советскими частями в районе Тарту, на северном берегу р. Эмайыги, нанес контрудар, но успеха не достиг. В тот же день командующий 67-й армией приказал своим войскам, только что отразившим контрудар, перейти в наступление. 27 и 28 августа они вели ожесточенные боевые действия с превосходившими силами врага. Однако ему все-таки удалось задержать продвижение 67-й армии на отсечной позиции севернее Тарту. 29 августа она перешла к обороне. На левом крыле фронта соединения и части 54-й армии 27 августа освободили Апе, а 28 августа — Гулбене.

29 августа группировка противника возобновила контрудар, сосредоточивая основные силы на Тарту, но успеха опять не добилась. На следующий день она перенесла свои усилия на участок от устья р. Амме до озера Выртсъярв, стремясь с запада прорваться к Тарту. Но и эта попытка оказалась безуспешной.

Итак, войска 3-го Прибалтийского фронта вышли к р. Эмайыги, восточному берегу озера Выртсъярв, восточнее Валги, к р. Гауя (до Леясциемса), где натолкнулись на ожесточенное сопротивление врага. 3 сентября он предпринял еще один контрудар. В результате многократных атак его подразделения несколько продвинулись на отдельных участках. Но огонь из всех видов оружия вынудил атаковавшего противника остановиться.

В ночь на 6 сентября войсковая разведка установила, что на рассвете неприятель снова намерен нанести контрудар на Тарту. Чтобы сорвать его, в 6 часов утра была проведена артиллерийская контрподготовка. Через 30 минут после ее окончания штурмовая и бомбардировочная авиация ударила по районам сосредоточения пехоты и танков врага северо-восточнее и севернее г. Тарту[106]. В 7 часов 30 минут советские войска, используя результаты артиллерийского огня и авиационного налета, стремительно атаковали врага и выбили его из ряда населенных пунктов. Это окончательно вынудило командование 18-й армии отказаться от попыток ликвидировать плацдарм в районе Тарту.

Отразив многочисленные контрудары и контратаки подходивших резервов противника, войска 3-го Прибалтийского фронта в тот же день повсеместно перешли к обороне. Группировка его войск в районе Тарту в составе 116-го и 118-го стрелковых корпусов 67-й армии, а также 14-го укрепрайона были выделены в северный боевой участок под командованием заместителя командующего войсками 3-го Прибалтийского фронта генерала А. А. Гречкина[107].

В результате Тартуской наступательной операции войска 3-го Прибалтийского фронта продвинулись на 100–130 км. Они освободили от оккупантов значительную часть территории на юго-востоке Эстонской ССР, а также часть районов на северо-востоке Латвийской ССР. Благодаря этому были созданы благоприятные условия для выхода к Рижскому заливу и удара во фланг и тыл нарвской группировки противника. Существенную помощь войскам

Советские пехотинцы ведут бой на южной окраине города Тарту. 1944 г.

Советские связисты прокладывают линию связи во время уличных боев в Тарту. 1944 г.

оказывали латышские и эстонские партизаны. Они предоставляли проводников, хорошо знавших местность, снабжали командиров соединений и частей важными разведывательными данными, участвовали в очищении освобождаемых районов от немецких солдат и их местных пособников[108].

В целом в Псковско-Островской и Тартуской наступательных операциях 3-й Прибалтийский фронт нанес тяжелый урон 18-й армии, которая потеряла почти 60 тыс. убитыми и ранеными, а также около 5 тыс. пленными[109]. Если в первой операции потери фронта составили 7633 человека убитыми (2,9% от численности войск к началу операции) и 25 951 человек ранеными, то во второй операции — 16 292 человека убитыми и 55 514 человек ранеными[110].

Успеху 3-го Прибалтийского фронта в Тартуской операции в немалой степени способствовало наступление еще в конце июля войск Ленинградского фронта в районе Нарвы. Оно-то и отвлекло часть сил противника от района Тарту.

Стоит напомнить, что в феврале 1944 г. войска Ленинградского фронта (Маршал Советского Союза Л. А. Говоров) в ходе Ленинградско-Новгородской операции захватили плацдарм на левом берегу р. Нарва (юго-западнее одноименного города) по фронту до 20 км и в глубину до 12 км. Однако освободить город не смогли. До конца июня 2-я ударная армия того же фронта с переменным успехом вела боевые действия с войсками противника на оборонительном рубеже «Пантера»[111].

С 24 по 30 июля войска Ленинградского фронта силами левого крыла провели Нарвскую наступательную операцию. Ее основная цель — разгром нарвской группировки противника и освобождение восточных районов Эстонской ССР, прилегающих к Балтийскому морю.

На нарвском направлении оборонялась оперативная группа «Нарва», входившая в группу армий «Север». Она имела пять дивизий (11, 20, 286 и 350-ю пехотные, а также моторизованную дивизию СС «Нордланд») и три бригады (моторизованные бригады СС «Нидерланды», «Валония» и «Лангемарк»), входившие в состав 3-го танкового корпуса СС[112].

В связи с тем что Гитлер «запретил отход нарвского фронта»[113], командование этой группировки стремилось не допустить прорыва советских войск в Прибалтику через р. Нарва. Для этого была подготовлена многополосная оборона с развитой системой траншей и ходов сообщения, большим количеством дзотов, а местами и дотов. Ее основу составляли опорные пункты, объединенные в мощные узлы сопротивления[114]. Крупные опорные пункты имели до семи железобетонных убежищ и девять дотов. По левому берегу Нарвы были оборудованы две траншеи с большим количеством огневых точек. На отдельных направлениях число траншей доходило до пяти. Перед ними были установлены проволочные заграждения в 2–4 ряда, усиленные спиралями Бруно, а перед ними — почти сплошные минные поля. Танкоопасные направления прикрывали противотанковые рвы шириной 4–6 метров. Сам город Нарва с его двумя крепостями враг превратил в мощный узел сопротивления.

На правом берегу р. Нарва, в районе Ивангорода, противник сохранял за собой небольшой плацдарм[115]. Эта река с высокими и обрывистыми берегами являлась для советских войск труднопреодолимым естественным препятствием, так как ее ширина южнее города составляла почти 175 метров, а у Финского залива — до 750 метров. Глубина реки была не менее трех метров.

Командование Ленинградского фронта возложило проведение Нарвской наступательной операции на 2-ю ударную и 8-ю армии при поддержке 13-й воздушной армии. В резерве фронта находился 8-й эстонский стрелковый корпус, состоявший из двух стрелковых дивизий[116]. К операции привлекалась также часть сил Балтийского флота, в том числе 9-я штурмовая авиационная дивизия, два штурмовых авиационных полка и береговая артиллерия.

Для проведения операции были привлечены 128 557 человек, сосредоточено 4154 орудия и миномета, 263 танка и 100 самолетов. Советские войска имели превосходство над противником: в людях, а также в артиллерии и минометах — в 2,5 раза, в танках — в 13 раз, в самолетах преимущество было абсолютным[117].

Замысел операции заключался в том, чтобы ударами с северо-востока силами 2-й ударной армии через р. Нарва и с юго-востока силами 8-й армии с нарвского плацдарма окружить

и разгромить группировку противника и освободить г. Нарва. Переход в наступление 2-й ударной армии намечался после выхода войск 8-й армии в район Аувере.

8-я армия должна была прорвать оборону врага в полосе Аувере — Сиргала, освободить Ластиколонию, силами не менее стрелкового корпуса выйти на рубеж Силламяэ — Мустанина — Сиргала. Планировалось, что в последующем она во взаимодействии со 2-й ударной армией ликвидирует группировку противника и освободит Нарву. Далее этой армии следовало наступать в юго-западном направлении и, преодолев оборону врага в районе р. Нарва, главными силами выйти «на рубеж Копли, Исааку, Каукси, а передовыми отрядами захватить переправу через реку Тагайыги у Тудулина и Ранна, Пунгерья»[118].

2-й ударной армии предписывалось после овладения 8-й армией Аувере и Ластиколонией форсировать р. Нарву на участке Тиреали — Сурссари, а далее прорвать оборону на ее левом берегу, частью сил блокировать противника в районе Нарвы и освободить город. Резерв фронта — 8-й эстонский стрелковый корпус — предназначался для развития наступления после форсирования р. Нарва и освобождения города.

До середины июля 2-я ударная и 8-я армии готовились к наступательным действиям и вели разведку. Однако, как докладывал начальник Ленинградского направления Оперативного управления Красной армии генерал С. И. Гунеев начальнику Оперативного управления Генерального штаба Красной армии, данные разведки были далеко не полными. «Из двенадцати дивизий противника, действующих перед фронтом армий, — подчеркивалось в его донесении, — в мае месяце были подтверждены пленными только три дивизии»[119]. Командование 2-й ударной и 8-й армий предприняло действенные меры по устранению выявленных недостатков. Уже в июне разведка установила остальные немецкие дивизии, действовавшие перед фронтом.

Во второй половине июля в войсках фронта на нарвском направлении особое внимание уделялось отработке действий взвода, роты и батальона в предстоящей операции, а также взаимодействия стрелковых частей между собой и с другими родами войск[120]. Готовились переправочные средства, личный состав обучался форсированию водной преграды. К 23 июля 2-я ударная и 8-я армии были в полной готовности к переходу в наступление[121].

Началось оно 24 июля. Первой после артиллерийской и авиационной подготовки нанесла удар 8-я армия. В течение дня части 117, 124 и 122-го стрелковых корпусов вели ожесточенные бои. К исходу дня, овладев первой линией траншей, они на отдельных участках имели лишь незначительное продвижение[122]. Командование группы армий «Север», понимая, что продвижение 8-й армии создаст угрозу путям отхода оперативной группы, вынуждено было начать ее отвод из-под Нарвы.

С утра 25 июля, не дожидаясь выхода соединений и частей 8-й армии в район Аувере, 2-я ударная армия перешла в наступление. Ее 131-я и 191-я стрелковые дивизии при мощной поддержке артиллерии, авиации и кораблей Балтийского флота форсировали Нарву. Уже через 20 минут они овладели первыми траншеями противника, а еще через 20 минут все соединения и части первого эшелона армии были на левом берегу реки[123]. Форсирование реки с огневых позиций, расположенных на восточном берегу Нарвы, поддерживала артиллерия 8-го эстонского стрелкового корпуса. Овладев несколькими населенными пунктами, советские войска продолжили наступление вдоль побережья Финского залива.

Когда противник начал отводить 48-й гренадерский полк, оборонявший Ивангород, на левый берег р. Нарва, этим немедленно воспользовались воины эстонской штурмовой роты. Ее взвод под командованием лейтенанта Хорма первым на плечах отступавшего врага ворвался в город.

В ночь на 26 июля части 191-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии вышли к шоссе Таллин — Нарва и в 3 часа 30 минут вступили на западную окраину г. Нарва[124]. К утру совместными усилиями 2-й ударной и 8-й армий город — важный узел неприятельской обороны на путях в Прибалтику — был освобожден[125]. Почетное наименование Нарвских получили 28 соединений и частей.

Советские автоматчики в уличных боях в Нарве. 1944 г.

В освобожденной Нарве

Однако сопротивление врага все возрастало[126]. Отбросившие его от Нарвы на рубеж Муммассааре — Кирикукюла — Сиргала — Мустайыэ советские войска к 27 июля были остановлены организованным огнем и контратаками на заранее подготовленном противником рубеже[127]. Попытки обеих армий в первой декаде августа возобновить наступление успеха не имели[128]. К 10 августа линия фронта на этом участке стабилизировалась[129].

В результате Нарвской наступательной операции противнику был нанесен ощутимый урон, плацдарм на левом берегу Нарвы значительно расширен, а оперативное положение советских войск для последующего удара в целях освобождения Эстонии и всей Прибалтики улучшилось. Своим наступлением 2-я ударная и 8-я армии содействовали развитию успеха войск 3-го Прибалтийского фронта на тартуском направлении.

Отличительной чертой проведенной операции являлись высокие темпы форсирования реки и ведение ночных боевых действий при освобождении Нарвы. Сравнительно ограниченные результаты в ходе этого наступления командование Ленинградского фронта объясняло сложными условиями местности, недостатками в действиях артиллерии, когда она вела огневое противоборство[130].

Нельзя отрицать и исключительно ожесточенного сопротивления вражеских войск, основанного на требовании командования группы армий «Север» удержать данный рубеж вплоть до последнего солдата. Весьма показательна выдержка из приказа командира 2-го армейского корпуса генерала В. Хассе. Взывая к патриотизму, национальной гордости солдат и офицеров, он призывал: «700 лет назад в Прибалтике шла борьба не только за Прибалтийские страны и за Балтийское море, но также за судьбу и сохранность немецкого государства. Это политическое наследие, которое создавали наши отцы и прадеды и за которое они проливали кровь, должно найти преемников. В этом смысл сегодняшней борьбы против большевизма, его должен осознать каждый немец»[131].

Таким образом, в результате боевых действий в июле — начале сентября 1944 г. 3-й, 2-й Прибалтийские и Ленинградский фронты продвинулись на глубину более 200 км и освободили значительную часть территорий Латвии, Литвы и Эстонии. Ими были созданы благоприятные условия для завершения изгнания врага из Прибалтики. Военное искусство советских войск обогатилось опытом выхода соединений и частей на фланги и в тыл противника. В ожесточенных боях солдаты и офицеры Красной армии показали возросшее воинское мастерство, образцы доблести и геройства.

Наступление на Ригу и Таллин

Общую обстановку в Прибалтике к середине сентября 1944 г. определяли результаты Белорусской стратегической наступательной операции и тех операций, что были проведены в июле — августе войсками 1, 2, 3-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов. В итоге глубоко охваченная с юга группа армий «Север» оказалась прижатой к Балтийскому морю на относительно небольшой территории. По данным командования группы армий «Север», только в августе она потеряла 70 566 солдат и офицеров[132]. На рубеже, который проходил от Нарвского залива до г. Добеле, оборонялись оперативная группа «Нарва», 18-я и 16-я армии. От Добеле до р. Неман занимала оборону 3-я танковая армия группы армий «Центр». Наземные войска поддерживали авиация 1-го и часть сил 6-го воздушных флотов.

Оперативная группа «Нарва» прикрывала подступы к Эстонии с востока и юго-востока на фронте протяженностью до 225 км. В своем составе она имела четыре пехотные и моторизованную дивизии, моторизованную бригаду, несколько отдельных полков и батальонов. В 18-й армии насчитывалось 17 пехотных и охранных дивизий, а также две боевые группы пехотных дивизий. Она занимала оборону на фронте около 280 км, прикрывая с востока и северо-востока Ригу. На фронте около 200 км оборонялись 10 пехотных дивизий 16-й армии.

Они прикрывали с юго-востока и юга подступы к Риге и выходы к Балтийскому морю, то есть ключевые пункты для всей группировки врага.

Южнее, от Добеле до р. Неман, держала оборону на 235-километровом фронте 3-я танковая армия группы армий «Центр». В ее состав входили 12-й танковый корпус СС, 39-й и 40-й танковые, а также 9-й армейский корпуса.

Численность каждой пехотной дивизии групп армий «Север» и «Центр» составляла около 8 тыс. человек. Наряду с голландскими, норвежскими, датскими и фламандскими частями СС в боевых действиях в Прибалтике принимали участие и национальные формирования из республик Балтии. Однако германское командование предпочитало не использовать латышских, литовских и эстонских военнослужащих на ответственных участках фронта из-за их низкого боевого духа. Всего в прибалтийской группировке насчитывалось 730 тыс. человек, 7 тыс. орудий и минометов, 1216 танков и штурмовых орудий, почти 400 боевых самолетов[133].

Для группы армий «Север» характерным являлось то, что на тукумском направлении, на сравнительно небольшом участке Елгава — Ауце, ее командование держало пять танковых дивизий. Объяснялось это тем, что именно здесь оно ожидало возобновления наступления советских войск. Значительные силы противника были сосредоточены на Нарвском перешейке, на валгаском участке и на участке г. Эргли — р. Западная Двина. Оперативное положение группы армий «Север» позволяло угрожать советским войскам фланговыми ударами с севера в случае их наступления в направлении Польши и Восточной Пруссии, осуществлять в Финском заливе блокаду Балтийского флота и взаимодействовать со своей союзницей Финляндией.

В целях стабилизации фронта на прибалтийском направлении командование вермахта распорядилось усовершенствовать ранее построенный между Финским заливом и Чудским озером рубеж «Танненберг», который состоял из трех оборонительных полос общей глубиной 25—30 км. Кроме того, было развернуто строительство новых оборонительных сооружений. Используя многочисленные реки, озера и лесисто-болотистую местность, противник создал на этом направлении глубоко эшелонированную многополосную оборону.

Особое внимание командование вермахта уделяло рижскому направлению. Севернее Даугавы было возведено четыре оборонительных рубежа. Рубеж «Валга» состоял из двух оборонительных полос общей глубиной до 12 км. Рубеж «Цесис» включал одну общую траншею и оборонительные огневые позиции. На рубеже «Сигулда» были оборудованы две оборонительные полосы и три промежуточные позиции. Рижский оборонительный обвод состоял из трех позиций. На подступах к Риге, южнее р. Западная Двина, наступавшим войскам предстояло преодолеть три основных рубежа обороны и городской обвод. К обороне были приспособлены также каменные постройки многочисленных усадеб и хуторов. Все позиции прикрывали минные поля и проволочные заграждения.

На вентспилсском, лиепайском и мемельском направлениях противник также имел глубокую и развитую оборону. Различные заграждения, затруднявшие действия сил Балтийского флота, он установил в Финском заливе. Оба фарватера вдоль его южного и северного берегов были заминированы, причем наиболее плотно — Нарвский залив и Таллинская бухта.

Для разгрома группировки врага в Прибалтике и завершения освобождения Прибалтийских республик от немецкой оккупации Ставка ВГК приняла решение провести стратегическую наступательную операцию, к которой привлекались:

левое крыло войск Ленинградского фронта — 2-я ударная и 8-я армии (всего 11 стрелковых дивизий, три укрепленных района) при поддержке сил 13-й воздушной армии;

3-й Прибалтийский фронт — 67-я, 1-я ударная, 54-я армии (всего 29 стрелковых дивизий, укрепленный район) и 14-я воздушная армия;

2-й Прибалтийский фронт — 10-я гвардейская, 42-я и 3-я ударная, а также 22-я армии (всего 33 стрелковые дивизии, два укрепленных района), 5-й танковый корпус и 15-я воздушная армия;

1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И. Х. Баграмян) — 4-я ударная, 43, 51, 6 и 2-я гвардейские армии (всего 44 стрелковые дивизии), а также 5-я гвардейская танковая армия, 1-й и 19-й танковые, 3-й гвардейский механизированный корпуса и 3-я воздушная армия;

часть войск 3-го Белорусского фронта (генерал армии И. Д. Черняховский);

силы Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц), оперативно подчиненные командующему войсками Ленинградского фронта, а также авиация дальнего действия.

Привлечение к Прибалтийской стратегической наступательной операции 8-го эстонского и 130-го латвийского стрелковых корпусов, 16-й литовской стрелковой дивизии имело важное политическое значение.

Всего группировка советских войск насчитывала 900 тыс. человек, около 17,5 тыс. орудий и минометов, 3080 танков и САУ, 2640 боевых самолетов. Она превосходила противника в людях — в 1,3 раза, в артиллерии, танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 2,5 раза, в самолетах — в 6,6 раза[134].

Замыслом операции предусматривалось ударами войск Прибалтийских фронтов по сходящимся направлениям на Ригу, а войск Ленинградского фронта совместно с силами Балтийского флота на таллинском направлении отсечь группировку противника, оборонявшуюся в Прибалтике, от Восточной Пруссии, а затем расчленить ее и уничтожить по частям.

Скрыть от германского командования замысел предстоявшего наступления практически не представлялось возможным. Бывший командующий группой армий «Север» генерал Й. Фриснер вспоминал: «Сведения о расположении противника (советских войск. — *Прим. ред.*) перед фронтом группы армий «Север» ясно говорили о том, что выбрано три основных направления: на южном участке фронта, а также в районе Росситена (Резекне) и в районе Пскова. Было совершенно очевидно, что русские намерены нанести главный удар на участке к югу от Псковского озера, расколоть группу армий пополам и выйти к Риге»[135].

С 26 августа по 2 сентября 1944 г. Ставка ВГК поставила задачи фронтам на проведение Прибалтийской стратегической наступательной операции.

Ленинградскому фронту во взаимодействии с силами Балтийского флота директивой Ставки ВГК № 220204 от 2 сентября[136] было приказано наступать из района Тарту в направлении Раквере и далее на Таллин[137]. Флоту предстояло поддерживать наступление войск фронта огнем кораблей и авиацией.

3-й Прибалтийский фронт согласно директиве Ставки ВГК № 220185 от 26 августа должен был на своем правом крыле силами 67-й и 1-й ударной армий нанести главный удар из района южнее озера Выртсъярв в общем направлении на Валмиеру и Цесис с задачей выйти на рубеж Мазсалаца — Валмиера — Смилтене; на левом крыле — силами не менее четырех дивизий 54-й армии наступать из района Харгла на Смилтене навстречу 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта, чтобы совместно с ней разбить группировку противника восточнее Смилтене[138]. За счет резерва Ставки ВГК фронт был усилен 61-й армией и 10-м танковым корпусом. Кроме того, из состава Ленинградского фронта ему были переданы 112-й стрелковый корпус, а из 3-го Белорусского — артиллерийская дивизия прорыва.

2-й Прибалтийский фронт директивой № 220189 от 29 августа получил задачу во взаимодействии с 3-м и 1-м Прибалтийскими фронтами разгромить группировку противника севернее Даугавы и освободить Ригу. Ему предстояло нанести главный удар силами 42-й и 3-й ударной армий в центре, в направлении Нитауре — Рига, с ближайшей задачей выйти на рубеж Иерики — Нитауре — Мадлиена — Скривери[139]. На правом крыле он должен был силами 10-й гвардейской армии наступать в направлении Дзербене навстречу войскам левого крыла 3-го Прибалтийского фронта[140]. 22-й армии ставилась задача нанести удар на правом крыле фронта, обеспечивая наступление его ударной группировки с юга. В состав 22-й армии входил 130-й латышский стрелковый корпус.

1-му Прибалтийскому фронту директивой Ставки ВГК № 220190 от 29 августа[141] указывалось силами 51-й армии, а также 6-й и 2-й гвардейских армий прочно удерживать занимаемые рубежи в центре и на левом крыле, а на правом крыле, наступая 43-й армией на Ригу, выйти к побережью Балтийского моря, далее во взаимодействии с войсками 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов отрезать противнику пути отхода в Восточную Пруссию[142]. 4-я ударная армия,

Политинформация в артиллерийском расчете

оборонявшаяся на правом крыле 1-го Прибалтийского фронта, должна была, приняв от 43-й армии 22-й гвардейский стрелковый корпус, во взаимодействии с ней уничтожить баускую группировку и, форсировав р. Мемеле, развивать наступление на Вейцмуйжу[143].

Для развития успеха на рижском направлении генерал армии И. Х. Баграмян получал разрешение использовать танковые корпуса в зависимости от обстановки, которая сложится к началу операции. Предусматривалось также нанесение удара силами 51-й и 5-й гвардейской танковой армий из района северо-западнее Елгавы на Джуксте и Кемери с последующим выходом к побережью Рижского залива[144]. Фронт, усиленный двумя стрелковыми корпусами из состава 3-го Белорусского фронта, должен был не допустить прорыва и отхода рижской группировки противника на запад. Для этого 6-й гвардейской армии предстояло прочно оборонять направление Добеле — Бэне — Жагаре и подготовить контратаки соединениями вторых эшелонов и 19-го танкового корпуса[145]. Переход в наступление на данном направлении намечался на 18 сентября.

Координация действий 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов возлагалась на представителя Ставки ВГК, начальника Генерального штаба Красной армии Маршала Советского Союза А. М. Василевского[146]. Руководство боевыми действиями Ленинградского фронта Ставка ВГК оставляла за собой.

По замыслу операции наступление должно было одновременно развернуться в 555-километровой полосе. При этом суммарная протяженность участков прорыва фронтов составляла 76 км (13,7%). Всего для наступления с учетом выдвижения на прибалтийское направление ряда соединений и объединений из резерва Ставки ВГК предполагалось использовать 95 стрелковых дивизий. На восьми участках прорыва четырех фронтов были сосредоточены 74 стрелковые дивизии, или 77,9% всех наступавших войск. В обороне в 311-километровой полосе планировалось оставить не более четверти дивизий, до трети орудий, минометов, танков и самоходных артиллерийских установок.

После получения директив фронты приступили к планированию наступательных операций, практической подготовке к ним штабов, соединений и частей.

Фронты имели одноэшелонное оперативное построение, армии — двухэшелонное. Почти во всех армиях были созданы специально подготовленные подвижные группы, предназначавшиеся для развития успеха и преследования противника на направлениях их ударов. Большое внимание уделялось массированию артиллерии. Так, на участке прорыва 1-й ударной армии было сосредоточено не менее 130 стволов на 1 км фронта. Артиллерийская подготовка атаки планировалась в течение 60 минут, авиационная — 100 минут. Ресурс авиации на первый день операции определялся в 907 самолето-вылетов[147].

Воздушные армии должны были прикрывать сосредоточение и развертывание ударных группировок фронтов, содействуя их наступлению. Каждую армию поддерживало одно авиационное соединение. В результате решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов превосходство советских войск над неприятелем стало по сравнению с общим вдвое больше.

Успешное выполнение задач Ставки ВГК требовало от командования фронтов проведения трудоемких подготовительных мероприятий. В этот период участки прорыва были обеспечены значительной плотностью артиллерии, общее количество танков и САУ в войсках возросло на 50%. На главных направлениях взаимодействие авиации с наземными войсками было организовано по принципу централизованной поддержки войск.

Военные советы, штабы и политические управления фронтов, командования, штабы и политорганы армий, соединений и частей свои усилия направляли на всестороннюю подготовку и обеспечение войск к выполнению поставленных боевых задач. Приходилось учитывать, что в некоторых дивизиях количество рядового и сержантского состава, ранее не участвовавшего в боях, достигало 70% и более.

При проведении мероприятий по оперативному, боевому и инженерному обеспечению операций принимались во внимание прежде всего обеспечение форсирования рек и умелая маскировка.

Для командования и штабов фронтов важно было получить достоверные разведданные о группировках, положении и состоянии войск противника. Для изучения глубины его обороны направлялись разведывательные группы. Значительную помощь в этом отношении оказывали партизаны и подпольщики.

14 сентября 1944 г. после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска трех Прибалтийских фронтов начали Рижскую наступательную операцию[148]. Как отмечают немецкие историки, скрупулезно исследовавшие опыт боевых действий группы армий «Север», в тот день «началось мощнейшее из тех наступлений, которые когда-либо переживали ее соединения»[149].

Во время эффективной артиллерийской и авиационной подготовки была подавлена огневая система обороны противника, поэтому советские войска при переходе в атаку ощутимого сопротивления почти не встретили. В первый день операции наибольших успехов достигли 43-я и 4-я ударная армии 1-го Прибалтийского фронта. Наступая на Ригу из района Бауски, с двух участков общей шириной 13 км, они продвинулись на глубину от 3 до 14 км, расширив к исходу дня полосу наступления до 25 км[150]. При прорыве обороны отличился 1-й стрелковый корпус генерала Н. А. Васильева, особенно его 145-я стрелковая дивизия под командованием генерала П. А. Диброва. 15 сентября они перерезали железную дорогу Крустпилс — Митава на участке Миса — Гримас[151].

Армейская подвижная группа 43-й армии (3-й гвардейский механизированный корпус со средствами усиления) вышла 15 сентября на подступы к Иецаве[152]. Противник, подтянув к этому району свои резервы, предпринял 17 контратак при поддержке значительных сил авиации. Все они были отбиты с большими для него потерями. Соединения и части 43-й армии, обходя Иецаву с востока, прорвали тыловой оборонительный рубеж врага — восточно-митавскую оборонительную линию. К исходу 16 сентября 43-я армия подошла к г. Балдоне, то есть за три дня продвинулась более чем на 50 км, а передовой отряд 3-го механизированного корпуса вышел к р. Даугава. В тот день наступавшие войска отразили 25 контратак неприятеля силой один-два батальона пехоты с 8—20 танками и штурмовыми орудиями[153].

Одновременно наступление развивалось и в сторону флангов. 4-я ударная армия вышла к р. Иецава, северо-западнее Скайсткалне. Общий фронт наступления расширился до 80 км.

Наступательный порыв советских войск был довольно высоким. Командиры и красноармейцы с чувством ответственности и верой в победу выполняли свой воинский долг. Так, посланный в разведку младший сержант К. П. Андреев из 139-го стрелкового полка 46-й гвардейской стрелковой дивизии в ночь на 17 сентября у деревни Прусени (21 км восточнее Иецава) своевременно вскрыл огневые средства врага и захватил его важные документы. За этот подвиг он был награжден орденом Славы 3-й степени[154].

В успешном прорыве обороны противника ударной группировкой 1-го Прибалтийского фронта важную роль сыграли эффективные действия 3-й воздушной армии. Имея 1105 боевых самолетов, она в первый же день наступления произвела 1530 самолето-вылетов и в 32 воздушных боях сбила 67 вражеских истребителей и бомбардировщиков[155].

Прорыв тылового рубежа противника и выход войск 1-го Прибалтийского фронта к г. Балдоне и р. Даугава создали благоприятные условия для выхода непосредственно к подступам Риги. До столицы Советской Латвии оставалось не более 25 км. Это поставило основные силы 16-й армии, оборонявшиеся на участке от Даугавы до Скайсткалне, перед угрозой окружения, что вынудило ее командование отвести свои войска с данного участка. Одновременно противник попытался ликвидировать брешь в своем тыловом рубеже обороны[156]. В докладе об обстановке, направленном в ставку Гитлера, командующий группой армий «Север» генерал Ф. Шернер отмечал, что в создавшихся условиях вести длительное оборонительное сражение группа не в состоянии, поэтому необходим ее отход.

Иначе развивались события к северу от Даугавы, где наступали войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов. В первый день они не смогли преодолеть главную полосу обороны противника. Правда, на участке прорыва 3-го Прибалтийского фронта врагу был нанесен

Наступление на рижском направлении началось. Сентябрь 1944 г.

существенный урон, в то время как глубина продвижения на запад войск генерала армии А. И. Ерёменко составила всего от 2 до 4 км[157].

На следующий день 10-я гвардейская армия 2-го Прибалтийского фронта на своем правом фланге преследовала противника частями 118-го укрепленного района[158]. Однако невысокая подвижность укрепрайона, а также отсутствие на его флангах танковых подразделений позволили врагу оторваться без значительных потерь. Наибольшей напряженностью отличались бои за овладение его опорными пунктами и узлами сопротивления на основных дорогах[159].

Соединения и части 67-й и 1-й ударной, а также 54-й армий 3-го Прибалтийского фронта к 16 сентября лишь на направлении главного удара, южнее озера Выртсъярв, продвинулись от 3 до 5 км. Они овладели второй позицией главной полосы обороны противника, но были остановлены на подступах к городам Тырва и Валга[160]. Залповые удары «катюш» 28-го гвардейского минометного полка по узлам сопротивления врага обеспечили штурм и взятие этих городов. 19 сентября 1-я ударная армия к 10 часам очистила от противника г. Валга — мощный рубеж его обороны на подступах к Рижскому заливу и крупный узел железных и шоссейных дорог, а также г. Тырва[161].

Ударная группировка 2-го Прибалтийского фронта в составе 42-й и 3-й ударной, а также 22-й армий к исходу первого дня операции сумела овладеть в районе Эргли только одной позицией главной полосы обороны противника. Поэтому 5-й танковый корпус, действовавший в полосе 3-й ударной армии, не смог в намеченные сроки войти в прорыв[162]. Как вспоминал впоследствии Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко, танковые бригады корпуса, трижды предпринимавшие попытки вклиниться в оборону врага, успеха не добились, поскольку «в танках мы не имели преимущества над врагом»[163].

Поясняя сложившуюся обстановку в полосе 2-го Прибалтийского фронта, Маршал Советского Союза А. М. Василевский в докладе Верховному главнокомандующему отмечал недостаточную маневренность пехоты и артиллерии, привязанность войск к дорогам и излишнее резервирование пехотных соединений[164]. По этому же поводу бывший начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л. М. Сандалов в мемуарах писал: «...сказывалось и то, что мы не проявили должной гибкости, изобретательности. Удары наносили все время в одни и те же места, стремясь прорваться именно там, где было намечено. А ведь, наверное, можно было бы придумать какой-нибудь обходной маневр»[165].

Только к вечеру 17 сентября войска левого крыла 2-го Прибалтийского фронта в составе 22-й и 3-й ударной армий во взаимодействии с 5-м танковым корпусом завершили прорыв укрепленного рубежа «Цесис», освободили города Гостини и Плявиняс и продвинулись в глубину на 20 км вдоль правого берега Даугавы[166].

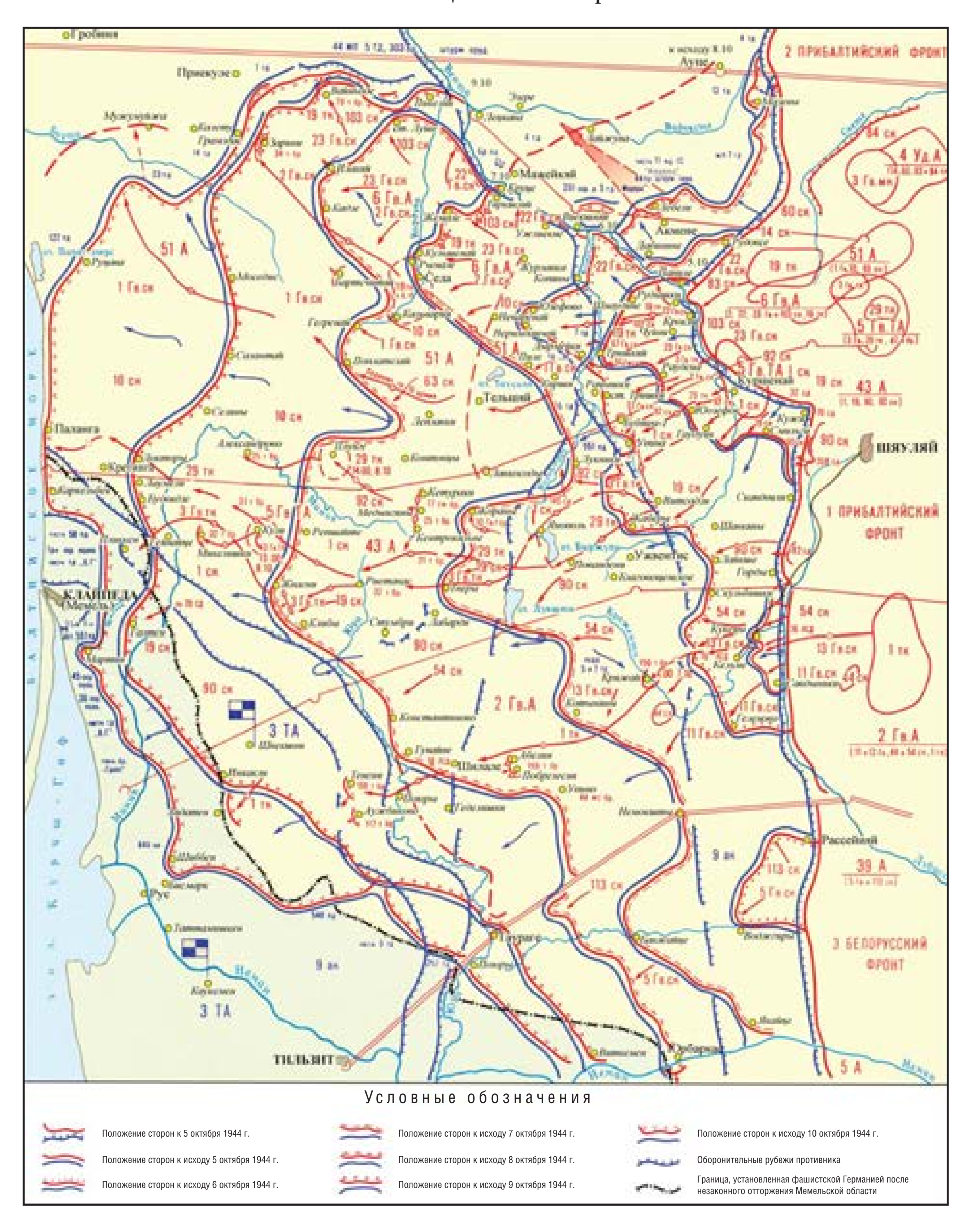
Несмотря на неблагоприятные метеоусловия, требовавшие от летчиков большого мастерства, 15-я воздушная армия за три дня наступления совершила 4049 самолето-вылетов, удерживая полное господство в воздухе[167].

Для того чтобы остановить продвижение войск 1-го Прибалтийского фронта на рижском направлении и восстановить оборону на восточно-митавской оборонительной линии, противник предпринял два мощных контрудара. Один из них был нанесен против 6-й гвардейской армии из района юго-западнее Добеле силами 4-й и 7-й танковых дивизий, частей 5-й и 12-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Великая Германия» (около 323 танков и штурмовых орудий)[168]. Как отмечают немецкие историки, «эффект внезапности был настолько высок, что прорыв удался с ходу»[169]. В результате враг овладел господствующими высотами в 7 км юго-западнее Добеле[170].

Следует заметить, что неприятелю ценой больших потерь все-таки удалось к 22 сентября вклиниться в оборону 6-й гвардейской армии на участке шириной 12 км и на глубину до 6 км[171]. После того как командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии принял меры по укреплению обороны, его продвижение было остановлено[172]. К тому же на усиление 6-й гвардейской армии были направлены 1-й и 19-й танковые корпуса.

Другой контрудар из района Балдоне противник предпринял двумя танковыми и четырьмя пехотными дивизиями в полосе наступления 43-й армии. И хотя намеченных целей он не

МЕМЕЛЬСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 5–22 октября 1944 г.

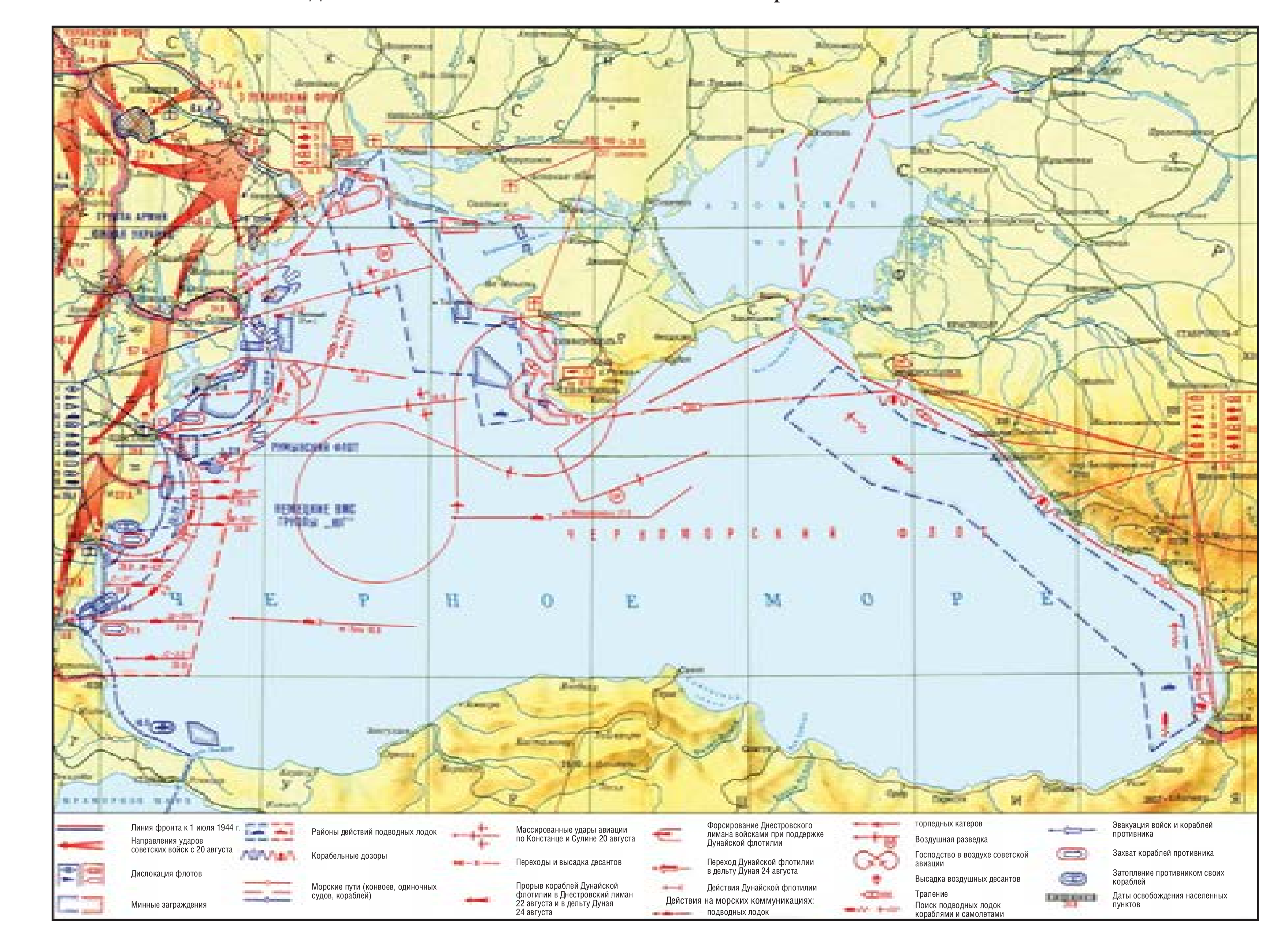

ПРИБАЛТИЙСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 14 сентября — 24 ноября 1944 г.

ДЕЙСТВИЯ НА КОММУНИКАЦИЯХ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ. Июнь — декабрь 1944 г.

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Июнь — сентябрь 1944 г.

достиг, зато на два дня задержал переход в наступление ударной группировки фронта — 51-й и 5-й гвардейской танковой армий[173].

При поддержке авиации 3-й воздушной армии войска продолжали продвигаться к Риге. 19 сентября соединения и части 43-й армии освободили г. Балдоне. Уже вечером их отделяли от окраин Риги всего 20 км. Позже, развивая наступление, они соединились с частями 3-го гвардейского механизированного корпуса, которые с 20 сентября, после выхода к Даугаве, вели бои в окружении.

Потерпела неудачу и попытка противника возобновить контрудар 23 сентября, хотя он ввел в сражение еще две дивизии, прибывшие из состава оперативной группы «Нарва».

В этой обстановке Ставка ВГК поставила задачу 2-му Прибалтийскому фронту сконцентрировать основные усилия на одном участке, быстрее прорываться к Риге и мощным ударом во фланг отступавших войск противника отрезать ему пути отхода[174]. Командующий войсками фронта решил на главном направлении сосредоточить за стрелковыми соединениями 5-й танковый корпус и всю фронтовую артиллерию. Авиация 15-й воздушной армии перебазировалась на передовые аэродромы.

22 сентября ударная группировка фронта, пробив широкую брешь в обороне противника, продвинулась на 100-километровом участке вдоль железной дороги Эргли — Рига на глубину от 5 до 15 км[175]. Дерзко действовал 93-й гвардейский стрелковый полк 29-й гвардейской стрелковой дивизии. Его воины, незаметно проникнув в тыл, «окружили позицию вражеских артиллеристов и в рукопашном бою уничтожили свыше 100 гитлеровцев»[176]. Истребив артиллерийскую прислугу, они захватили 26 орудий и более 80 лошадей.

23—25 сентября три армии 2-го Прибалтийского фронта продолжали продвигаться к Риге. В центре темп их наступления не превышал 5—7 км, на обоих крыльях — 6—12 км в сутки[177]. За три дня они преодолели два промежуточных оборонительных рубежа. Неприятель отходил перекатами. Пока одни его части удерживали занимаемые позиции, другие, уже отошедшие в тыл, оборудовали новые. Советским войскам пришлось взламывать укрепления на участках в 3—5 км. Дивизии прорывали вражескую оборону и тотчас же вводили вторые эшелоны.

Существенно активизировались действия 3-го Прибалтийского фронта. Используя успех войск левого крыла Ленинградского фронта, перешедшего 17 сентября в наступление на таллинском направлении, 67-я и 1-я ударная армии через четыре дня завершили прорыв вражеской обороны на всю тактическую глубину. 23 сентября силами 10-го танкового корпуса была освобождена Валмиера[178], а 61-я армия вышла в район Смилтене[179]. В северной Латвии для 18-й армии создалась угроза полного разгрома[180].

Во избежание поражения командование вермахта приказало войскам 18-й армии в ночь на 23 сентября отходить на северо-восточные подступы Риги. Потери, понесенные за девять дней противостояния, вынудили его полностью расформировать 37 батальонов в дивизиях 16-й и 18-й армий. В большей части батальонов оставалось всего лишь по 150, а в ротах — по 20—25 человек[181].

Так как фронт обороны группы армий «Север» сократился почти на 300 км, ее командование смогло значительно уплотнить боевые порядки на рижском направлении. На рубеже «Сигулда», между Рижским заливом и северным берегом Даугавы (протяженностью 105 км), оборонялось 17 дивизий, на таком же фронте южнее Даугавы до Ауце — 14 дивизий, в том числе три танковые. Советская разведка установила здесь около 380 танков и 220 штурмовых орудий[182]. Этими силами, занявшими уже заранее подготовленные оборонительные рубежи, командование группы армий «Север» намеревалось задержать продвижение советских войск, а в случае неудачи — отойти в Восточную Пруссию.

Войска 3-го Прибалтийского фронта, перейдя к преследованию врага с темпом 30—40 км в сутки, устремились к Рижскому заливу, но были остановлены. По приказу командующего войсками фронта они временно перешли к обороне[183]. Анализируя сложившуюся к тому времени обстановку, немецкие историки отмечают: «Когда 24 сентября Красная армия прервала наступление против группы армий «Север», она, впрочем, и не подозревала, что ее противник едва способен продолжать бои»[184].

Население латвийских освобожденных районов встречает части Красной армии. 1944 г.

Пулеметный расчет на боевой позиции. 3-й Прибалтийский фронт, 1944 г.

К утру 26 сентября соединения и части 61-й и 54-й армий 3-го Прибалтийского фронта освободили г. Цесис[185], а затем продолжили наступление в юго-западном направлении. На следующий день войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов вышли к оборонительному рубежу «Сигулда». До Риги оставалось всего 60 км. В течение 26—27 сентября на тот же рубеж, на участок южнее Нитауре до Рембате, вышли войска 1-го Прибалтийского фронта. Его 43-я армия подходила к Риге с юго-востока, но всего в 20 км от нее была остановлена.

Советским войскам не удалось расчленить основные силы группы армий «Север». Ее командование смогло планомерно отвести их из Эстонии, с рубежей «Валга» и «Цесис», в район рижского плацдарма. Произошло это потому, что удары 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов оказались не столь сильными, чтобы стремительно прорвать оборонительные рубежи противника. Для упрочения своего положения в районе Риги генерал Ф. Шернер перебросил туда крупные силы из района Мемеля. Наступление на Ригу войск 1-го Прибалтийского фронта с юга, 3-го Прибалтийского фронта с северо-востока, а 2-го Прибалтийского фронта с востока было остановлено. По оценке немецких военных специалистов, Красная армия «не смогла адекватно применить свое многократное численное превосходство и упустила возможность развить тактический успех в оперативный»[186].

В период с 17 по 26 сентября 1944 г. в рамках Прибалтийской стратегической наступательной операции войсками Ленинградского фронта при поддержке сил Балтийского флота была проведена Таллинская наступательная операция. Согласно директиве Ставки ВГК от 28 июля маршал Л. А. Говоров получил приказ «левым крылом фронта развивать наступление к западу от р. Нарва с задачей во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом разгромить группировку противника в Эстонии и овладеть Таллином»[187].

Еще 15 сентября командующий группой армий «Север» сообщал начальнику генерального штаба сухопутных сил вермахта: «На ряде участков противник (советские войска. — *Прим. ред.*) значительно вклинился в расположение наших войск (особенно у Бауски), что таит опасность прорыва на Ригу. Я больше не могу говорить об организованной обороне... Настоятельно прошу высшее командование сегодня отдать приказ о проведении операции «Астер»[188]. 16 сентября он получил положительный ответ и в ночь на 17-е начал готовить оперативную группу «Нарва» к отходу. За ней должна была последовать 18-я армия, а 16-я армия — обороняться на южных подступах к Риге. Генерал-полковник Г. Гудериан впоследствии подчеркивал: «Мы должны были действовать быстро, чтобы опередить противника (советские войска. — *Прим. ред.*) и оттянуть в Восточную Пруссию основные силы группы армий, сохранив их боеспособность»[189]. Однако разведка Ленинградского фронта вовремя установила намерения германского командования.

К началу Таллинской операции левому крылу Ленинградского фронта противостояла оперативная группа «Нарва» в составе 3-го танкового корпуса СС, 2-го армейского корпуса и танковой группы «Лаухерт». 3-й танковый корпус СС занимал оборонительный рубеж между Финским заливом и Чудским озером, включавший три полосы общей глубиной от 25 до 30 км. 2-й армейский корпус имел на левом берегу р. Эмайыги лишь одну главную полосу обороны, состоявшую из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. В 10—12 км севернее Тарту находилась в стадии оборудования вторая полоса, а на южных и восточных подступах к Таллину — внешний оборонительный обвод.

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров решил силами 2-й ударной армии из района Тарту на Раквере выйти в тыл оперативной группе «Нарва» и совместно с 8-й армией уничтожить ее. Он имел в виду, что в последующем главные силы фронта повернут на запад для удара на Таллин[190].

2-й ударной армии была поставлена задача двумя стрелковыми корпусами прорвать оборону противника на 9-километровом участке мыза Кастре — Лунья, а одним стрелковым корпусом — перед плацдармом северо-восточнее Тарту. К исходу первого дня наступления армии предстояло овладеть рубежом Коса — Вара — Пухталева — Ныэла и с рубежа р. Аммэ обеспечить ввод подвижной группы фронта. В дальнейшем она должна была вслед за подвижной группой фронта развивать удар в северном направлении и не позднее пятого

дня овладеть рубежом Муствеэ — Туймыйза — мыза Ваймаствере. В последующем главной группировке армии следовало наступать на Раквере и Тапа, а частью сил — вдоль побережья Чудского озера в направлении Авинурмэ — Тудулинна.

Подвижная группа фронта в составе трех усиленных танковых бригад, трех отдельных танковых полков, двух полков самоходной артиллерии и средств усиления предназначалась для ввода в прорыв с рубежа р. Аммэ для развития успеха и овладения в районе Торма — Мыра узлами шоссейных дорог. Преодолев полосу болотистой местности и выйдя на рубеж Авинурмэ — Симуна, она должна была обеспечить выход сюда же соединений и частей 2-й ударной армии.

8-й армии предписывалось с началом наступления 2-й ударной армии быть в готовности к действиям по одному из двух вариантов[191]. При успешном наступлении 2-й ударной армии она силами не менее пяти дивизий должна была прорвать оборону противника на приморском направлении и, развивая удар на Сонда, овладеть рубежом Тойла — Йыхви — Пагари. Затем ей надлежало развивать наступление в общем направлении на Раквере с задачей соединиться с войсками правого фланга 2-й ударной армии и вместе с ними окружить и уничтожить группировку противника на Нарвском перешейке[192]. Одновременно частью сил она должна была «свертывать» вражескую оборону по левому берегу р. Нарва.

В случае задержки наступления 2-й ударной армии 8-я армия должна была силами не менее пяти дивизий форсировать р. Нарва на участке Омути — Скамья и прорвать оборону противника на ее левом берегу. Разгромив группировку немцев в районе Агусалу — Вихтсе, ей предписывалось овладеть рокадой Атсалама — Исаку — Аланыэ. Далее планировалось развивать наступление в западном направлении с задачей овладеть Тудулинна — Авинурмэ и соединиться с силами 2-й ударной армии, наступавшими по западному берегу Чудского озера.

Далее обеим армиям следовало наступать на Раквере. Чтобы ускорить соединение со 2-й ударной армией, командующему 8-й армией было приказано подготовить 109-ю стрелковую дивизию к выброске в качестве десанта на северный берег Чудского озера, в районе Ускюла — Аланыэ. Имелось в виду, что дивизия, прикрывшись частью сил с востока, нанесет основной удар в западном направлении вдоль побережья на Ранна — Пунгерья, где и соединится со 2-й ударной армией.

Для проведения операции были сосредоточены 107 814 человек, 3085 орудий и минометов. Советские войска превосходили противника в людях — в 2,4 раза, в артиллерии и минометах — в 1,3 раза. По танкам советские войска имели «абсолютное преимущество»[193]. Так как решающая роль в Таллинской операции отводилась 2-й ударной армии, то она и получила бóльшую часть сил и средств усиления. Соотношение сил в пользу наступавших было достигнуто на участке прорыва 8-го эстонского и 30-го гвардейского стрелковых корпусов. Не столь значительное превосходство в артиллерии на участке прорыва 108-го стрелкового корпуса компенсировалось большим количеством танков при прорыве.

17 сентября, в день перехода в наступление войск левого крыла Ленинградского фронта, командир 2-го армейского корпуса генерал пехоты В. Хассе призвал своих подчиненных: «...сохранить этот плацдарм — обязанность нашей борьбы в этом пространстве»[194]. Однако врага не спасли ни выгодные рубежи, ни оборонительные сооружения, ни отчаянное сопротивление. Разведывательная группа эстонских партизан в составе Э. Адомсона, А. Керлет и А. Пыйма, находившаяся в Тартуском уезде, заблаговременно представила советскому командованию подробные сведения об обороне противника, которые были использованы при организации наступления на тартуском и таллинском направлениях[195].

Наступление на тартуском направлении началось 17 сентября[196]. Появление в районе Тарту соединений и частей 2-й ударной армии явилось для противника полной неожиданностью, поскольку за несколько дней до того она сосредоточивалась за Чудским озером. Внезапность была обеспечена благодаря решению генерала И. И. Федюнинского на такой смелый маневр[197].

Переходу в наступление 2-й ударной армии предшествовала артиллерийская подготовка. При ее проведении севернее г. Тарту наводчик 45-мм орудия 173-го стрелкового полка 90-й

стрелковой дивизии младший сержант И. Я. Нагорный подавил три огневые точки противника, что дало возможность пехоте подняться в атаку. За умелые действия он был награжден орденом Славы 3-й степени[198].

Прорвав передний край вражеской обороны, 63-я гвардейская и 90-я стрелковые дивизии к исходу 17 сентября продвинулись на 30-километровом участке в глубину от 5 до 18 км и вышли на рубеж Ранна — Висузи (Висусти)[199]. Командующий 2-й ударной армией ввел на следующий день в сражение 326-ю и 321-ю стрелковые дивизии 116-го стрелкового корпуса. В результате она расширила фронт прорыва до 45 км и с боями продвинулась на 28 км, при этом освободив более 400 населенных пунктов[200].

Стремительно наступал 8-й эстонский стрелковый корпус. Развивая удар на Таллин в сложных условиях лесисто-болотистой местности, корпус успешно громил врага.

Балтийский флот огнем корабельной артиллерии 25-й бригады речных бронекатеров поддерживал наступление правофланговых соединений и частей 2-й ударной армии вдоль западного побережья Чудского озера. Стремительному наступлению содействовала 13-я воздушная армия. В первый день наступления ее летчики совершили 360 самолето-вылетов, сбросив на противника около 7 тыс. бомб различных калибров[201].

Успешное наступление 2-й ударной армии и, следовательно, угроза выхода ее в тыл главным силам оперативной группы «Нарва» вынудили командование группы армий «Север» ускорить отвод своих войск из Эстонии. С 20 часов 18 сентября было решено незаметно для советских войск начать отвод главных сил 3-го танкового корпуса СС[202]. К вечеру следующего дня его моторизованные части уже подходили к Пярну. Исследователи современной Германии отмечают, что «Красная армия не смогла воспрепятствовать упорядоченному отступлению немецких войск из Эстонии, хотя сделала все, чтобы расчленить и отрезать соединения группы армий «Север»[203]. Выход из-под удара 3-го танкового корпуса СС, как указывал в одной из директив маршал Л. А. Говоров, стал возможен потому, что «штабы армий и корпусов плохо управляют войсками при их стремительном продвижении вперед»[204].

Обнаружив отход неприятеля, 8-я армия при поддержке огня корабельной артиллерии в ночь на 19 сентября предприняла его преследование[205]. За два дня она продвинулась на 90 км и освободила г. Раквере. Соединения и части 2-й ударной армии, наступая в северном направлении, вышли на рубеж Симуна — Ракке, отстоявший от переднего края на 50–60 км[206]. К исходу 20 сентября армии левого крыла Ленинградского фронта, наступавшие вдоль железной дороги Тарту — Таллин, освободили на западном берегу Чудского озера г. Муствеэ[207].

Войскам, участвовавшим в освобождении Йыгева, Йыхви, Муствеэ и других эстонских городов, приказом Верховного главнокомандующего от 20 сентября 1944 г. была объявлена благодарность, а в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

С выходом 8-й армии в район Раквере необходимость продвижения 2-й ударной армии на север отпала. Поэтому командующий войсками Ленинградского фронта развернул 30-й гвардейский и 118-й стрелковые корпуса 2-й ударной армии фронтом на запад.

С 21 по 26 сентября советские войска преследовали противника во всей полосе фронта. После удара на Пярну немецкая группировка в Эстонии была рассечена надвое, и начался ее разгром по частям[208].

Разведка 249-й эстонской стрелковой дивизии 8-го эстонского стрелкового корпуса, переданного в состав 8-й армии[209], 21 сентября обнаружила в районе Поркуни колонну противника численностью около 1500 человек. Быстро развернувшись, эстонские части окружили ее и полностью разгромили[210]. В плен были захвачены почти 800 солдат и офицеров, а среди трофеев оказалось много оружия и снаряжения. Остатки колонны удалось ликвидировать в районе Тамсалу лучшим «по своей сколоченности и боевой выучке» 354-м стрелковым полком 7-й эстонской стрелковой дивизии[211]. Как позже выяснилось, колонна состояла из частей 20-й эстонской гренадерской дивизии СС и 292-го пограничного батальона.

К утру следующего дня 8-я армия своими подвижными передовыми отрядами достигла пригородов Таллина. Один из них под командованием полковника В. И. Вырка, прошедший за сутки 100 км, первым с боем вступил в Таллин. Уничтожив части противника, прикры-

Советские войска наступают на рижском направлении. Октябрь 1944 г.

вавшие город, советские войска к 14 часам 22 сентября освободили столицу Эстонской ССР. Войскам, участвовавшим в освобождении Таллина, приказом Верховного главнокомандующего от 22 сентября 1944 г. была объявлена благодарность. Москва салютовала им 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

После Таллина войска левого крыла Ленинградского фронта продолжали стремительно преследовать врага. К исходу 23 сентября 2-я ударная армия освободила города Вильянди и Пернов (Пярну)[212]. В дальнейшем она, преодолевая незначительное огневое противодействие, продвигалась на юг, вдоль побережья Рижского залива. К исходу 26 сентября она вышла на рубеж Пиковэре — Аудуру — Стайлелэ — Маэсаланце и соединилась с войсками 3-го Прибалтийского фронта[213].

Передовые полки 8-го эстонского стрелкового корпуса, взаимодействуя с подвижной группой 8-й армии, еще 24 сентября взяли город и порт Хаапсалу. В тот же день был освобожден при содействии морской пехоты г. Палдиски. 26 сентября части корпуса вышли в район Виртсу.

С выходом войск левого крыла Ленинградского фронта к Рижскому заливу завершилась Таллинская наступательная операция[214]. В период ее проведения были разгромлены четыре пехотные дивизии, пять артиллерийских полков, 15 различных отдельных батальонов, ряд других частей и подразделений, а трем дивизиям и одной бригаде врага был нанесен серьезный урон[215].

Общие потери противника составили свыше 30 тыс. человек убитыми и более 16 тыс. пленными. Войска левого крыла Ленинградского фронта потеряли убитыми свыше 6,2 тыс., ранеными — более 22,5 тыс. человек; Балтийский флот — 258 человек убитыми и свыше 1,5 тыс. ранеными[216].

Ставка ВГК 24 сентября внесла существенные коррективы в ранее принятое решение на Прибалтийскую стратегическую наступательную операцию. Она признала, что наступление на Ригу трех Прибалтийских фронтов приостановилось, а Таллинская операция войск левого крыла Ленинградского фронта близится к успешному завершению. Важным изменением стало перенесение главного удара войск 1-го Прибалтийского фронта с рижского на мемельское направление с тем, чтобы как можно быстрее и с меньшими потерями отрезать прибалтийской группировке пути отхода в Восточную Пруссию[217].

Согласно уточненному решению Ставки 2-му Прибалтийскому фронту предписывалось двумя армиями сменить в течение пяти суток войска правого крыла 1-го Прибалтийского фронта на участке от р. Даугава до железнодорожной станции Бене[218]. Далее им следовало прорвать оборонительный рубеж «Сигулда», взять г. Огре и переправить на левый берег Даугавы остальные войска фронта. Полосу наступления к северу от Даугавы надлежало передать 3-му Прибалтийскому фронту, которому ставилась задача развивать наступление на Ригу по правому берегу Даугавы[219].

Данное решение соответствовало сложившейся в Прибалтике обстановке. К середине сентября основная группировка противника сконцентрировалась вокруг Риги. В Берлине полагали, что новое наступление советских войск «на этот важный город будет представлять гораздо больше трудностей, чем в начале наступления»[220]. И действительно, судя по агентурным данным, «в период с 13 по 22 сентября от фронта на Ригу прошло свыше 120 железнодорожных эшелонов с войсками и техникой»[221]. Под Мемелем же войск было значительно меньше.

При наступлении на Ригу координация действий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов по решению Ставки ВГК была возложена на Маршала Советского Союза Л. А. Говорова[222]. При этом за ним сохранялась и должность командующего войсками Ленинградского фронта.

В ночь на 6 октября войска правого крыла 2-го Прибалтийского и 3-го Прибалтийского фронтов возобновили наступление. Они стремились «передовыми подвижными частями вести энергичное преследование арьергардов противника и организовать атаку промежуточных оборонительных рубежей с ходу, подводя главные силы армий (включая и тяжелую артиллерию) непосредственно к оборонительным рубежам в готовности к немедленному прорыву, если противнику удастся организовать оборону этих рубежей»[223].

Советские солдаты в освобожденном Таллине. 1944 г.

Командование группы армий «Север», обеспокоенное негативным развитием обстановки на мемельском направлении, начало более энергично отводить войска от Риги к Лиепае[224]. Обнаружив это, соединения и части 42-й и 10-й гвардейской армий перешли в решительное наступление вдоль левого берега Даугавы с тем, чтобы правым крылом фронта нанести удар с юга на Ригу, а центром и левым крылом фронта наступать на Лиепаю[225]. Они прорвали рубеж обороны «Сигулда» и еще ближе продвинулись к Риге[226].

Вечером 7 октября 10-я гвардейская армия завязала бои за г. Огре, а на рассвете следующего дня ее 7-й гвардейский стрелковый корпус штурмом взял город[227]. В борьбе за освобождение Риги наступил ответственный момент. Военный совет 3-го Прибалтийского фронта обратился к войскам с призывом: «Во имя нашей Советской Родины, во имя вашей воинской части вперед на Ригу»[228]. 7 октября в полосе наступления фронта обозначился успех. Правофланговая 67-я армия заняла селение Саулкраста, что на берегу Рижского залива, и начала продвигаться по побережью к Риге. 61-я армия развернула наступление на столицу Латвии по левому берегу р. Гауя[229]. Напряженность боев возрастала. Они не прекращались ни днем, ни ночью. Фланговым ударом 61-я армия освободила г. Сигулда[230].

В данной обстановке командующий группой армий «Север» приказал военному коменданту Риги подготовить город к уничтожению. Его ключевые объекты, в первую очередь железнодорожный узел, мосты через Даугаву и портовые сооружения, были подготовлены к взрыву[231]. В течение 8–9 сентября войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов с ожесточенными боями медленно преодолевали оборонительные обводы на подступах к Риге[232]. 10 октября штаб 2-го Прибалтийского фронта получил разведывательные донесения, из которых следовало, что Ригу беспрерывно покидают железнодорожные эшелоны и автоколонны, а из порта уходят транспортные суда с войсками и имуществом противника.

Советские войска, наступавшие по сходящимся направлениям, были нацелены исключительно на Ригу, где скопились главные силы группы армий «Север» — всего 33 дивизии, в том числе четыре танковые. Генерал армии С. М. Штеменко впоследствии писал: «Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично, метр за метром выталкивали его. Такое течение операции не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями»[233]. И тем не менее к исходу 11 октября первая полоса рижского оборонительного обвода была прорвана.

В ночь на 13 октября частям 119-го стрелкового корпуса удалось на 80 автомобилях-амфибиях 285-го отдельного моторизованного батальона особого назначения форсировать Киш-озеро. Противник был ошеломлен и открыл пулеметный и минометный огонь лишь с подходом десанта к берегу. Однако это не задержало десантирование. Захватив плацдарм, советские воины приступили к его расширению, а затем устремились к Риге. В 5 часов 13 октября они завязали бои на северо-восточной окраине города. Почти в это же время на восточную его окраину вышли дивизии 1-й ударной армии[234].

Подошедшие к Даугаве передовые части обнаружили, что мосты через реку разрушены. Противник успел взорвать также городские и заводские электростанции, повредить трамвайные линии, канализацию, водопровод и причалы в морском порту.

К полудню 13 октября 1-я ударная, а также левофланговые соединения и части 67-й и передовой отряд 61-й армий полностью освободили восточные районы Риги. Противник занял оборону на левом берегу Даугавы[235]. Во второй половине дня, преодолевая яростное сопротивление врага, 1-я ударная и 67-я армии все же переправились на противоположный берег и захватили небольшие плацдармы[236].

Вечером того же дня Москва салютовала войскам 3-го Прибалтийского фронта, освободившим во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом столицу Советской Латвии. Однако на подступах к городу и в районе Баложи и на следующий день продолжались ожесточенные бои[237]. Их вели, продвигаясь вперед, 10-я гвардейская армия и правофланговые соединения и части 22-й армии. 130-й латышский стрелковый корпус к исходу 14 октября вышел к населенным пунктам Эглес, Булле и юго-восточнее Олайне. Действия передовых стрелковых дивизий и полков поддерживали авиация, танки и артиллерия[238].

Бои юго-западнее Риги. 1-й Прибалтийский фронт, 1944 г.

Советские войска проходят по улицам освобожденной Риги

Советские солдаты на площади Риги

К этому же времени противник был выбит с позиций у железной дороги Рига — Елгава. При этом отличились воины 308-й латышской стрелковой дивизии, которые первыми овладели этой магистралью.

Войска 3-го Прибалтийского фронта форсировали Даугаву. Один стрелковый полк из 67-й армии на автомобилях-амфибиях переправился на ее левый берег и захватил важный для дальнейшего наступления плацдарм[239]. Соединения и части 1-й ударной армии стойко удерживали плацдармы на Даугаве, в районе Задвинье. Одновременно другие соединения и части этой армии готовили переправу через реку в районе Риги[240]. При отражении контратак мужество и героизм проявили бойцы 3-го батальона 37-го гвардейского полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии капитана Д. М. Фролова. Командир батальона трижды вызывал на себя огонь полковой артиллерии[241].

Вечером 14 октября 10-я гвардейская армия, преодолев сопротивление противника на внутреннем обводе юго-восточной окраины Риги, штурмом овладела западной частью города[242]. В дальнейшем она отвоевывала улицу за улицей, квартал за кварталом. Утром 15 октября, возобновив наступление после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, гвардейцы генерал-лейтенанта М. И. Казакова во взаимодействии с 130-м латышским стрелковым корпусом, а также соединениями и частями 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта полностью освободили Ригу от неприятеля[243]. К середине следующего дня советские войска вышли южнее Слоки к р. Лиелупе.

16 октября 3-й Прибалтийский фронт был упразднен, а его войска переданы в состав Ленинградского, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов, а частично выведены в резерв Ставки ВГК[244].

После изгнания оккупантов из Риги советские войска повели наступление против недобитых частей врага, отступавшего в Курляндию[245]. К 22 октября войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов вышли к сильно укрепленному рубежу Тукумс — Лиепая и, следуя решению Ставки ВГК, временно перешли к обороне[246]. В начале ноября войска 2-го Прибалтийского фронта дважды за небольшой промежуток времени вели на своем левом крыле наступление силами 42-й и 10-й гвардейской, а также 3-й ударной армий. Оно велось при слабой обеспеченности ударной группировки боеприпасами, к тому же в условиях плохой погоды и бездорожья. Войска левого крыла фронта пытались использовать успех своих соседей — 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта, которая, форсировав р. Вента, наступала в северном и северо-восточном направлениях. В итоге ожесточенных боев с 1 по 6 ноября и с 22 по 24 ноября войска фронтов продвинулись в западном и северо-западном направлениях всего от 10 до 20 км[247].

Положение группы армий «Север» резко ухудшилось, так как потери составили от трети до половины ее численного состава. Боеспособность ее солдат и офицеров снизилась до предела, а все резервы еще ранее были введены в действие[248]. Так, пленный солдат Г. Бек из 2-й роты 546-го пехотного полка 389-й пехотной дивизии на допросе показал: «Я прибыл в роту 30 августа вместе с 20 другими обозниками. Всего в роте было 60 человек, а к 15 сентября из пополнения остались только 5, а всего в роте 24 человека; потом прислали еще 20 человек из тылов, и через пару дней мы их снова потеряли»[249]. Иначе говоря, ударную способность группа практически утратила, но в оборонительных боях, как показали дальнейшие события, она продолжала оказывать упорное сопротивление Красной армии вплоть до 9 мая 1945 г.

В результате наступления советских войск на рижском направлении группа армий «Север» потерпела тяжелое поражение: 26 дивизий были разгромлены и три уничтожены. Войска вермахта потеряли убитыми и ранеными 30 834 человека[250], а захваченными в плен — 1622 человека. Удалось уничтожить 51 танк и штурмовое орудие, 248 орудий, 109 минометов и другое военное имущество. Свыше 37 дивизий были прижаты к морю на Курляндском полуострове. Оказавшаяся в блокаде вражеская группировка потеряла стратегическое значение и на дальнейший ход войны существенного влияния оказать не могла.

Потери только 2-го Прибалтийского фронта с 1 сентября по 31 октября 1944 г. составили: убитыми — 16 964, ранеными — 62 304, пропавшими без вести — 600 человек[251]. 82 соединени-

ям и частям обоих фронтов, отличившимся в боях при освобождении Риги, было присвоено почетное наименование Рижских, а 93 — награждены орденами.

Общим итогом Рижской и Таллинской наступательных операций стало освобождение большей части Латвии и Эстонии (за исключением Моонзундского архипелага). В боевых действиях советские войска в полной мере использовали ранее приобретенный боевой опыт. Характерным для них было умелое создание ударных группировок, широкое применение оперативного маневра, успешное форсирование различных водных преград, четкое взаимодействие войск фронтов с авиацией и силами флота.

Существенную роль в этих операциях играли партизаны. На территории Латвии, Литвы и Эстонии действовало около 100 партизанских отрядов и групп общей численностью до 10 тыс. человек[252]. Дерзкими и неожиданными для врага налетами партизаны препятствовали мобилизации местного населения в вермахт, войска СС и угону в Германию. Они срывали подвоз к оборонительным рубежам резервов и военной техники. Партизаны оказывали неоценимую помощь советскому командованию и штабам в добывании разведывательной информации, сопровождали войска через лесисто-болотистую местность, занятую врагом.

Успешным наступлением на Ригу и Таллин были созданы благоприятные условия для освобождения Моонзундского архипелага и разгрома мемельской группировки врага.

Боевые действия за Мемель и Моонзунд

В сентябре 1944 г. командование вермахта, которое держало основные силы группы армий «Север» в районе рижского плацдарма и рижского коридора против советских войск, наступавших на Ригу с юга, все-таки вынуждено было отвести свои войска севернее р. Даугава. «Сначала немцы быстро откатывались на запад, а потом останавливали продвижение русских», — так охарактеризовал обстановку в Прибалтике на тот период английский военный историк Б. Лиддел Гарт[253].

Ставка 24 сентября приняла решение о переносе направления главного удара 1-го Прибалтийского фронта с рижского на мемельское направление и подготовке его силами во взаимодействии с войсками правого крыла 3-го Белорусского фронта Мемельской наступательной операции[254]. Она «и на этот раз удивительно точно уловила самый удобный момент для внезапного маневра главными силами нашего фронта с целью наступления на новом, ставшем к тому времени наиболее выгодным для нас, направлении», — писал маршал И. Х. Баграмян[255].

На мемельском направлении оборонялись 3-я танковая армия, 20 сентября переданная из группы армий «Центр» в группу армий «Север», и оперативная группа «Грассер»[256], понесшие в предыдущих боях большие потери. К началу октября в группировке противника имелось 16 дивизий, четыре бригады и два отдельных тяжелых танковых батальона[257]. Ее войска насчитывали около 130 тыс. человек, примерно 1600 орудий и минометов, более 400 танков и значительное количество авиации. Они занимали глубоко эшелонированную оборону, включавшую несколько рубежей. Главная полоса глубиной до 3–5 км имела две-три линии стрелковых ячеек и пулеметных площадок, переходивших в сплошные траншеи полного профиля с густой сетью ходов сообщения и инженерных заграждений. Вторая полоса обороны, проходившая по левому берегу р. Вента, тянулась с северо-запада на юго-восток до Виекшняй. Далее она шла на юг по левому берегу р. Вирвичиай до Тришкяй, затем по линии Ужвента — р. Крожента — Видукли — Скирстымони. Удаление ее от главной оборонительной полосы колебалось в пределах от 14 до 28 км[258]. Подступы к городам Мемель (Клайпеда)[259] и Тильзит (Советск) прикрывал самый мощный оборонительный рубеж, имевший три позиции. Командование группы армий «Север» заранее подготовило отсечный оборонительный рубеж, который проходил с северо-востока на юго-запад по линии озер Биржули и Лукшта, а далее

на Таураге. Города Тришкяй, Юрбург, Вентспилс, Лиепая и Мемель противник превратил в сильные узлы сопротивления. Личный состав и огневые средства располагались на переднем крае главной полосы обороны.

Замысел операции предусматривал прорыв войсками 1-го Прибалтийского фронта (генерал армии И. Х. Баграмян) обороны противника западнее и юго-западнее Шяуляя, их выход к побережью Балтийского моря на участке Паланга — Мемель (Клайпеда) — устье р. Неман и отсечение группы армий «Север» от Восточной Пруссии. Наступление на мемельском направлении должны были обеспечивать активными действиями с севера в сторону г. Лиепая 4-я ударная армия, а с юга ударом из района Расейняй в направлении Таураге 39-я армия 3-го Белорусского фронта (генерал армии И. Д. Черняховский)[260].

С 24 сентября в ходе подготовки к операции командование 1-го Прибалтийского фронта скрытно провело перегруппировку в район Шяуляя четырех и одной танковой армий, танкового и механизированного корпусов, а также всей артиллерии усиления. В сложных условиях оперативной обстановки войска были переброшены в течение шести суток на расстояние от 80 до 240 км.

Для обеспечения скрытности они совершали марши только в темное время суток. Пехота преодолевала по 30—35 км, артиллерия на механической тяге, а также танковые соединения и части — по 50—60 км[261]. При этом широко использовался автотранспорт. Так, для оперативной перевозки из района Екабпилс в район Шедува 44-го стрелкового корпуса 22-й армии с 23 по 28 сентября привлекались два автомобильных батальона из 2-й и 21-й автомобильных бригад (из каждой по 300 автомашин). Личный состав корпуса был перевезен за три рейса.

Смена войск также осуществлялась скрытно. Когда советские войска сосредоточивались на мемельском направлении, основная группировка противника еще оставалась на рижском направлении[262]. Только 2 октября командование группы армий «Север», обнаружив перегруппировку войск 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя, стало принимать меры по усилению мемельского направления.

Решение о проведении Мемельской наступательной операции и предшествовавшая ей крупная перегруппировка войск целого фронта на новое направление явились со стороны советского Верховного главнокомандования образцом гибкого маневрирования силами и средствами. «Мы опередили врага, — вспоминал маршал А. М. Василевский, — который намечал в середине октября организовать контрнаступление под Ригой»[263].

К началу операции войска 1-го Прибалтийского фронта в составе 4-й ударной, 6-й гвардейской, 43-й и 2-й гвардейской, 51-й и 5-й гвардейской танковой, 3-й воздушной армий, 19-го, 1-го танковых и 3-го гвардейского механизированного корпусов развернулись в 145-километровой полосе от Бене до Расейняй. Всего фронт имел 57 дивизий. Общее превосходство над противником составляло: в людях — в 2,5 раза, в орудиях и минометах — почти в 11 раз, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — более чем в 3 раза[264]. Значительный перевес имелся и в авиации.

Армиям 1-го Прибалтийского фронта были поставлены следующие задачи[265].

4-я ударная армия после передачи своей полосы обороны 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта должна была силами 84-го стрелкового корпуса закрепиться на правом берегу р. Свете и подготовить контрудары в направлениях на Ауце и Бене. Боевые действия этой армии обеспечивали с севера прикрытие 6-й гвардейской армии.

6-й гвардейской армии предстояло, нанося главный удар в направлении Тельшяй и Кальвария, прорвать оборону врага на участке в 10 км, а далее во взаимодействии с 43-й и 5-й гвардейской танковой армиями уничтожить противостоявшие войска и к концу первого дня наступления продвинуться на 8—12 км. К исходу следующего дня армия должна была преодолеть вторую полосу обороны врага, а в дальнейшем, развивая наступление и обеспечивая свой правый фланг с севера, овладеть рубежом Тиркшляй — Кальвария — Плунге.

43-й армии было приказано нанести главный удар в направлении Риетавас — Мемель, во взаимодействии с 6-й, 2-й гвардейскими и 5-й гвардейской танковой армиями уничтожить шяуляйскую группировку неприятеля и к исходу первого дня наступления продвинуться на

10 км. К концу второго дня армия должна была овладеть второй полосой обороны, а далее, развивая удар в западном и юго-западном направлениях, выйти на рубеж Плунге — Лети.

5-ю гвардейскую танковую армию намечалось ввести в прорыв в первый день наступления между 6-й гвардейской и 43-й армиями. В тот же день ей предстояло нанести удар на Жораны — Мемель и продвинуться на 28–35 км. К исходу второго дня армия должна была выйти в район Жораны на глубину почти 50 км, а в дальнейшем — захватить рубеж Паланга — Мемель.

2-й гвардейской армии надлежало нанести главный удар в направлении Кельме — Шилале, прорвать оборону противника и во взаимодействии с 43-й и 39-й армиями разгромить его шяуляйско-кельмскую группировку. К концу первого дня наступления она должна была продвинуться в глубину на 12 км, к исходу второго дня овладеть второй полосой обороны, а 1-м танковым корпусом выйти в район Шилале.

51-я армия оставалась во втором эшелоне фронта. Ее планировалось ввести в сражение с рубежа Тришкяй — Упина после выполнения армиями первого эшелона задачи второго дня операции. Эта задача заключалась в том, чтобы во взаимодействии с 6-й гвардейской, 43-й и 5-й гвардейской танковой армиями разгромить противостоявшего противника, к исходу дня ее ввода выйти в район Тельшяя, а в дальнейшем овладеть рубежом Кальвария — Плунге[266].

Авиацию 3-й воздушной армии намечалось с первых дней операции использовать на главном направлении для поддержки наземных войск.

На 19-километровом участке прорыва 1-го Прибалтийского фронта сосредоточивалось около 50% всех сил и средств: 35 стрелковых дивизий (из 57), 777 танков и САУ (из 1323) и вся артиллерия усиления. Благодаря этому плотность танков и САУ составляла до 50 единиц, а артиллерии — 200 орудий и минометов на 1 км фронта.

По решению командующего войсками 3-го Белорусского фронта правофланговая 39-я армия силами шести стрелковых дивизий наносила удар в общем направлении на Таураге с задачей во взаимодействии со 2-й гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее этого города.

Местность, на которой должны были развернуться боевые действия, отличалась разнообразным рельефом. В полосе наступления фронта имелись обширные поля и лесные массивы, равнинные и холмистые, сухие и заболоченные участки, а также множество рек и озер, которые создавали трудности для наступления. Сеть грунтовых и железных дорог в целом обеспечивала потребности войск фронта в подвозе необходимых материальных средств.

В подготовительный период операции военные советы и политорганы фронтов и армий с учетом важности поставленных Ставкой ВГК задач, а также предшествовавшего опыта практиковали издание директив, разъяснявших и конкретизировавших задачи командирам и политработникам всех уровней по мобилизации личного состава на разгром противника, повышению его боевого духа. Выпускалось большое количество разнообразных по содержанию листовок с патриотическими призывами к воинам, взывавших к их мужеству и доблести, выдержками из приказов Верховного главнокомандующего, а также советами, как лучше использовать вооружение и военную технику, и т. п.

3 октября 1944 г. Военный совет 1-го Прибалтийского фронта обратился к офицерам и генералам со специальной директивой. В ней указывалось, что в успехе операции помимо создания решительного превосходства над противником огромную роль играют их организаторская роль и личный пример в выполнении требований Верховного главнокомандования[267].

5 октября в 11 часов 30 минут разведкой боем началось наступление 1-го Прибалтийского фронта на главном и вспомогательном направлениях[268]. Оперативная плотность сил и средств на участке прорыва составляла 1,5 стрелковые дивизии, 250 орудий и минометов, 50 танков и 10 саперных рот на 1 км фронта[269]. После 20-минутной артиллерийской и авиационной подготовки передовые батальоны дивизий 6-й гвардейской, 43-й и 2-й гвардейской армий перешли в атаку. Благодаря высокой плотности сил и средств на участке прорыва живая сила и огневые средства на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника были

надежно подавлены. Как отмечалось в журнале боевых действий группы армий «Север», артиллерийская подготовка иногда «переходила в ураганный огонь»[270]. Поэтому передовые батальоны через час-полтора прорвали первую и вторую позиции противника и углубились в его оборону на 2—4 км.

В результате их действий отпала необходимость проведения артиллерийской подготовки по полному графику. Используя успех передовых батальонов, во второй половине дня перешли в наступление главные силы этих армий. К исходу 5 октября они вышли ко второй полосе обороны, продвинувшись на глубину до 17 км[271].

Уже в первый день операции командир 70-й стрелковой дивизии 43-й армии полковник С. А. Красновский показал высокий уровень военного мастерства. Его дивизия имела задачу демонстративным наступлением на Кужи ввести противника в заблуждение относительно подлинного направления удара корпуса и армии. Выполнение ее командир дивизии возложил на 68-й стрелковый полк. Для создания эффекта нанесения главного удара армии на этом направлении на участке в 3,5 км в течение 40 минут производилось плотное задымление. Как и было задумано, противник был введен в заблуждение и, не оказав сопротивления, в панике начал отходить из района Кужи[272].

Советские воины проявляли массовый героизм и отвагу. Например, рядовой 71-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии А. Г. Чичек с двумя бойцами скрытно пробрался лесом к траншее противника, где им пришлось сразиться чуть не с целым взводом вражеских солдат. В схватке, несмотря на полученные ранения, рядовой А. Г. Чичек лично уничтожил семь солдат[273].

6 октября войска 1-го Прибалтийского фронта прорвали вторую полосу обороны противника на р. Вирвичиай, с боями за день прошли от 12 до 20 км и освободили свыше 360 населенных пунктов[274]. Успеху 6-й гвардейской армии содействовал ввод в прорыв 19-го танкового корпуса. В тот же день начала наступление 39-я армия 3-го Белорусского фронта.

В полосе 2-й гвардейской армии в сражение был введен 1-й танковый корпус. Наибольшее продвижение имели 6-я гвардейская и 43-я армии, между которыми несколько позже была введена 5-я гвардейская танковая армия[275]. Наступление дивизий первого эшелона 43-й армии оказалось столь стремительным, что в ее полосе неприятель не успел разрушить ни единого моста через Венту[276].

В развитии наступления подвижные группы фронта и армий, в состав которых, как правило, входили пехота, танки, артиллерия и саперы, стали играть главную роль. Они обеспечивали быстрое продвижение танковых, механизированных и стрелковых корпусов. Передовые отряды обходили узлы обороны противника, сбивали его арьергарды и расчищали путь для главных сил стрелковых соединений. Так, за умелое руководство боевыми действиями и личную храбрость командиры передовых отрядов 19-го танкового корпуса майор Г. И. Писарев и капитан Д. П. Щербин были удостоены звания Героя Советского Союза[277].

Вражеские войска предпринимали яростные контратаки и мощные контрудары. Они цеплялись за водные рубежи, лесные участки и населенные пункты. К контрударам привлекались выдвигаемые с севера к участкам прорывов части 5-й и 7-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Великая Германия», а также 21-й пехотной дивизии.

7 октября между 6-й гвардейской и 43-й армиями в сражение вступили главные силы 51-й армии. Одновременно начали наступление на Акмене соединения и части левого фланга 4-й ударной армии. Вечером 8 октября общая протяженность фронта наступления советских войск на мемельском направлении достигла 200 км. С выходом войск 1-го Прибалтийского фронта и 39-й армии 3-го Белорусского фронта на оперативный простор создались благоприятные условия для достижения конечной цели операции — завершения окружения прибалтийской группировки гитлеровцев.

В ходе наступления советских войск на мемельском направлении усилили удары по врагу партизаны Латвии, Литвы и Эстонии. Действуя сначала в оперативном тылу противника, а затем и в тактическом по мере развития наступления Красной армии, они активно участвовали в нарушении коммуникаций врага[278].

В итоге первых четырех дней наступления войска фронта разгромили 551-ю пехотную дивизию, части оперативной группы «Грассер», 37, 51, 603, 609 и 611-й охранные полки. Серьезное поражение понесли части 548-й народно-гренадерской, 5-й и 7-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Великая Германия» и целый ряд других частей и подразделений.

Наступление советских войск оказалось настолько стремительным, что враг не успел организовать сопротивление в третьей полосе своей обороны. 9 октября она была прорвана с ходу на глубину первых двух позиций — от железнодорожной станции Грибженай (16 км северо-восточнее Мемеля) до р. Неман. К исходу того же дня войска фронта, продвинувшись на 30 км, вступили в пределы Мемельской области. Соединения и части 5-й гвардейской танковой и 43-й армий не дошли до Мемеля около 16 км[279], а 39-я армия вышла в район, который отстоял в 10–14 км от Таураге.

Командование вермахта, чтобы задержать продвижение войск 1-го Прибалтийского фронта, перебрасывало на мемельское направление всё новые соединения и части с других участков фронта группы армий «Север». Только 8 и 9 октября оно дополнительно задействовало 61, 122, 23 и 32-ю пехотные, 4-ю и 14-ю танковые дивизии, 45-й охранный полк и ряд других частей. Вместе с ранее оборонявшимися войсками они оказывали упорное сопротивление, прикрываясь водными рубежами и минно-взрывными заграждениями.

В условиях лесисто-болотистой местности и ограниченных коммуникаций враг широко практиковал подвижную оборону[280]. В его дивизиях создавались смешанные боевые группы, оснащенные штурмовыми орудиями, пехотой и моторизованной артиллерией[281]. Обычно они в составе пехотного батальона, усиленного артиллерией и 3–5 танками, занимали лесисто-болотистое дефиле и дороги и, упорно обороняя их, сдерживали продвижение советских войск вплоть до темноты. А ночью они скрытно отходили на заранее подготовленный в глубине обороны рубеж.

Основную роль в наступлении 1-го Прибалтийского фронта на мемельском направлении играла 5-я гвардейская танковая армия. 9 октября она форсировала р. Миния. На следующий день ее соединения и части во взаимодействии с 51-й армией вышли севернее Мемеля к Балтийскому морю[282]. 11 октября уже южнее этого города к морю вышла и 43-я армия. Одновременно 2-я гвардейская и 39-я армии достигли границы с Восточной Пруссией. Ввиду того что 39-я армия 3-го Белорусского фронта получила приказ действовать на левом берегу р. Неман, 2-я гвардейская армия 10–11 октября приняла ее полосу до г. Юрбаркас.

В итоге территория Литовской ССР, исключая блокированный Мемель, была освобождена от оккупации, а главные силы группы армии «Север» оказались отрезаны от Восточной Пруссии.

Успешное развитие наступления, особенно выход передовых частей 5-й гвардейской танковой армии к морскому побережью, вынуждали командование вермахта изыскивать дополнительные силы и средства для противодействия наступлению войск 1-го Прибалтийского фронта. За счет переброски войск с рижского направления ему удалось несколько уплотнить свою оборону. Приток свежих сил наиболее ощутимо проявился в полосах наступления правофланговых 4-й ударной и 6-й гвардейской армий.

Существенно возросла и активность обороны противника. Он неоднократно переходил в контратаки, вводя в бой от роты до полка пехоты при поддержке 7–45 танков[283]. Так, 4-я ударная армия 9 октября вынуждена была отразить 14 контратак. Аналогичным образом характеризовалась обстановка и в полосах наступления других армий 1-го Прибалтийского фронта. Все чаще командование группы армий «Север» стало использовать танковые дивизии и другие соединения, выдвинутые из полос действий войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Для отражения контрударов с севера 6-я гвардейская армия была развернута фронтом на северо-запад[284].

Контратаки и контрудары противника советские войска отражали, как правило, успешно. Лишь в районе Пикеляй немцам удалось несколько потеснить части 51-й гвардейской стрелковой дивизии 22-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии[285].

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, авиация 3-й воздушной армии и части сил 1-й воздушной армии оказывали интенсивную поддержку наземным войскам.

Тем не менее войскам 1-го Прибалтийского фронта все же не удалось с ходу овладеть Мемелем. Отошедшие к городу части пехотной и двух танковых дивизий противника были усилены переброшенной морем 58-й пехотной дивизией. Его мемельская группировка успела занять заблаговременно подготовленные оборонительные позиции и сооружения. На важнейших направлениях были построены форты крепостного типа с железобетонными огневыми точками и укрытиями. Каждый из них представлял собой группу дотов, соединенных подземными ходами сообщения[286]. Кроме того, к обороне города командование группы армий «Север» привлекло артиллерию береговой обороны и боевых кораблей, введенных в мемельский порт.

43-я армия, блокировавшая Мемель, преодолеть самостоятельно такие укрепления не могла, а фронт не имел возможности оказать ей помощь, так как в это время его основные силы были задействованы в уничтожении прижатой к Балтийскому морю в северо-западной части Латвии группы армий «Север».

Для ликвидации этой группировки Ставка ВГК своей директивой от 16 октября привлекла наряду со 2-м Прибалтийским основные силы 1-го Прибалтийского фронта. При этом из расформированного 3-го Прибалтийского фронта 1-му Прибалтийскому была передана 61-я армия[287]. Координация действий двух Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов была возложена на маршала А. М. Василевского.

18 октября Ставка ВГК еще раз указала на исключительную важность скорейшей ликвидации немецких войск северо-восточнее г. Лиепая, а также в районе Мемеля. Для выполнения этих задач были задействованы, кроме двух Прибалтийских фронтов, авиация дальнего действия и военно-воздушные силы Балтийского флота, а также подводные лодки на морских коммуникациях противника. Однако ввиду того что противник продолжал наращивать силы перед армиями правого крыла 1-го Прибалтийского фронта, их наступление успеха не имело. За два дня они продвинулись от 2 до 6 км. 20 октября 4-я ударная, 6-я гвардейская и 51-я армии перешли к обороне на рубеже восточнее Ауце — южнее Мажейкяй — Приекуле — севернее озера Папес. Из показаний пленных и на основании захваченных документов было ясно, что «войска противника имеют задачу до последней возможности удерживать оставшуюся часть Прибалтики в своих руках в целях сковать наши силы и не дать их использовать в Восточной Пруссии»[288].

В этих условиях 43-я армия, частью сил блокируя гарнизон Мемеля, главными силами совместно со 2-й гвардейской армией к 22 октября очистила от неприятеля побережье Балтийского моря и правый берег р. Неман.

Хотя Мемельская операция завершилась, г. Мемель оставался в руках противника[289]. В Берлине считали, что «крепость Мемель должна удерживаться при любых обстоятельствах»[290].

В ходе Мемельской наступательной операции советские войска продвинулись на запад почти на 150 км, освободив территорию площадью свыше 26 тыс. кв. км и около 3500 населенных пунктов. Противник потерял свыше 24 тыс. солдат и офицеров убитыми, было уничтожено и захвачено 420 танков и штурмовых орудий и почти 1 тыс. орудий и минометов[291]. Его группировка в Курляндии оказалась прижатой к морю и изолированной.

Достигнутые в операции успехи были обеспечены умелой перегруппировкой большого количества войск в минимально короткие сроки. Осуществлялось решительное массирование сил и средств, особенно артиллерии и танков, на направлениях главных ударов 1-го Прибалтийского фронта. Операцию отличали тщательная организация наступления, контроль со стороны Ставки ВГК, непрерывное и твердое управление войсками командованием фронта, четкое взаимодействие между армиями и соседними фронтами, искусный маневр войск в глубине обороны противника.

В сражениях и боях на мемельском направлении советские воины проявили высокое мастерство и массовый героизм. 78 наиболее отличившихся соединений и частей были награждены орденами.

В конце сентября 1944 г. войска левого крыла Ленинградского фронта во взаимодействии с силами Балтийского флота завершили освобождение материковой части Эстонии.

Остатки разрозненных войск противника вынуждены были спешно эвакуироваться на острова Моонзундского архипелага[292]. Командование вермахта оценивало острова этого архипелага как важные узлы сопротивления и опорные пункты, обеспечивавшие германскому флоту вход в Рижский залив и прикрытие с севера курляндской группировки. Оно считало, что «острова... должны быть удержаны» любой ценой[293]. Между тем современные немецкие историки отмечают: «...несмотря на то что Гитлер непременно хотел удержать острова, чтобы закрыть вход в Рижский залив, командование группы армий «Север» рассматривало это намерение как иллюзорное, так как для его осуществления не было сил»[294].

Для уничтожения этой группировки противника была спланирована и в период с 27 сентября по 24 ноября проведена Моонзундская десантная операция.

На Моонзундских островах оборонялись 23-я пехотная дивизия, четыре охранных батальона (11,5 тыс. человек) и десять дивизионов артиллерии[295]. Их поддерживали силы флота в составе 24-й десантной флотилии (22 десантные и артиллерийско-десантные баржи) и 9-й дивизии охраны водного района с базой в Виндаве (два миноносца, 14 тральщиков и два торпедных катера). Кроме того, привлекалась действовавшая в восточной части Балтийского моря 2-я боевая группа в составе четырех крейсеров и нескольких эсминцев. Для прикрытия группировки с воздуха использовались 30 самолетов.

19 сентября военный комендант Моонзундских островов генерал Г. Ширмер обратился к личному составу гарнизона с воззванием: «Советско-русская армия снова большими силами начала наступление. И здесь, на эстонских островах, мы готовы выступить навстречу врагу. Германское главное командование располагает достаточными силами для защиты балтийских островов»[296].

В Моонзундской десантной операции были задействованы от Ленинградского фронта 109-й и 8-й эстонский стрелковые корпуса 8-й армии, от Балтийского флота — 92 различных катера, 40 тендеров и 260-я отдельная морская стрелковая бригада. С воздуха их поддерживали две штурмовые авиационные дивизии 13-й воздушной армии и 274 самолета авиации Балтийского флота[297]. Руководство наземными войсками возлагалось на командующего 8-й армией генерала Ф. Н. Старикова[298], а морскими силами — на начальника штаба эскадры Балтийского флота контр-адмирала И. Г. Святова[299].

Для проведения операции были сосредоточены 55 230 человек, 1746 орудий и минометов и 101 танк. Советские войска превосходили неприятеля в людях — в 2,1 раза, в орудиях и минометах — в 1,5 раза, а в танках обладали «абсолютным преимуществом»[300].

Замысел операции предусматривал последовательное овладение островами с нанесением главного удара на острове Сааремаа, где сосредоточились основные вражеские силы. В первую очередь предполагалось очистить остров Муху (от материкового берега его отделял пролив Виире-Курк шириной около трех миль), во вторую — остров Хиума и, наконец, в третью — остров Сааремаа[301]. Полное освобождение Моонзундского архипелага планировалось завершить не позднее 5 октября[302].

В соответствии с замыслом привлекаемые к операции войска и морские силы были сведены в два отряда. Северный отряд под командованием капитана 1 ранга Е. В. Гуськова предназначался для высадки на остров Хиума, южный отряд под командованием капитана 1 ранга Г. Г. Олейника — на остров Муху[303].

Минная обстановка в Финском заливе не позволяла применять для поддержки десантных сил не только крупные артиллерийские корабли, но и эсминцы, что существенно осложняло проведение операции. Кроме того, для широкого использования торпедных и других катеров также имелось немало препятствий. В частности, необходимо было овладеть островом Вормси, для того чтобы сосредоточить торпедные катера и высадочные средства на побережье Рижского залива (в базах Хаапсалу и Рохукюля) и острове Виртсу, так как именно с него противник контролировал проходы к архипелагу из Финского залива.

Советские солдаты проверяют снаряжение перед десантом на Моонзундские острова. 1944 г.

27 сентября десанту с катеров под командованием капитана 3 ранга Е. В. Осецкого в составе батальона морской стрелковой бригады и части 131-й стрелковой дивизии 8-й армии удалось, сломив сопротивление врага, занять этот ближайший к материковой части Эстонии остров.

Следующими объектами действий десантных сил явились острова Муху и Хиума. Первый обороняли три батальона 67-го пехотного полка и несколько частей усиления. Силы противодесантной обороны на острове Хиума состояли из батальона, двух батарей, железнодорожной роты и отряда пограничной охраны[304].

В ночь на 29 сентября на остров Муху была высажена разведгруппа из 20 бойцов под командованием капитана Кельберга. Той же ночью вторая разведгруппа переправилась на остров севернее пристани Куйвасту и по радио сообщала командованию важные сведения об обороне противника и его передвижениях.

С учетом полученных разведданных, подтвержденных воздушной разведкой, командование операции решило начать высадку десанта на остров Муху не на рассвете 30 сентября, как планировалось, а вечером 29-го, то есть сразу же после прибытия торпедных катеров, которые еще днем вышли из Рохукюля[305]. Однако скрыть от противника время и место высадки десанта не удалось. Поэтому десантные силы уже при подходе к берегу были встречены ураганным огнем. Так, катер командира дивизиона торпедных катеров капитана 3 ранга Е. В. Осецкого получил 300 пулевых пробоин.

В 20 часов 30 минут началась высадка с торпедных катеров и 90 автомашин-амфибий передового отряда десанта численностью 1150 человек[306]. Его основу составлял 925-й стрел-

ковый полк 249-й эстонской стрелковой дивизии. Высадка производилась по обе стороны пристани Куйвасту, уже заминированной, но еще не разрушенной противником, и несколько севернее от нее. Этот участок обороняла пехотная рота, усиленная артиллерией и минометами. При высадке десантников поддерживала артиллерия с острова Виртсу.

Личный состав передового отряда десанта действовал слаженно и храбро. За проявленные мужество и отвагу воинам 8-го эстонского стрелкового корпуса А. Г. Репсону, Н. Н. Матяшину, Э. Ю. Тяхе и А. А. Аллику было присвоено звание Героя Советского Союза[307].

К полуночи пристань Куйвасту была очищена, и десант двинулся в направлении деревни Муху, которую обороняли два батальона 67-го пехотного полка. Несмотря на упорное сопротивление врага, десантники взяли деревню и начали теснить его к северному побережью острова. Одновременно они пробивались к дамбе, соединявшей острова Муху и Сааремаа, чтобы отрезать неприятелю пути отхода[308].

В 22 часа 30 минут того же дня в бухте Суурлайд начали высадку главные силы десанта. В течение ночи и днем 30 сентября торпедные катера совершили 181 рейс, переправив на остров большую часть сил 249-й эстонской стрелковой дивизии. Ночной бой создал для неприятеля угрозу окружения, что заставило его после непродолжительного, но упорного сопротивления оставить Муху. К 18 часам остров был полностью очищен от врага[309]. Его освобождение имело важное оперативное значение, так как он являлся естественным и весьма выгодным исходным плацдармом для развития наступления.

Отойдя на Сааремаа, враг взорвал соединяющую его с островом Муху дамбу. Тем временем, используя десантно-высадочные средства флота и понтоны инженерных войск, на Муху переправились остальные подразделения 249-й эстонской стрелковой дивизии — всего 5600 человек.

Столь быстрая потеря острова Муху, по свидетельству немецкого историка В. Мельцера, произвела «в высших инстанциях (противника. — *Прим. ред.*) впечатление разорвавшейся бомбы»[310]. Для выявления виновных были привлечены даже следователи военного трибунала, от которых командующий группой армий «Север» генерал Ф. Шернер потребовал «донести об исполнении решения военно-полевого суда над трусами на острове Моон (Муху. — *Прим. ред.*), которые в диком отступлении бросили своих офицеров, погибших смертью храбрых»[311].

Как и предполагало советское командование, изгнание противника с острова Муху создало благоприятные условия для безотлагательных действий по освобождению острова Хиума. Однако этому препятствовали, с одной стороны, недостаточное количество десантно-высадочных средств, а с другой — метеоусловия.

Десантирование на остров Хиума планировалось начать в 6 часов 1 октября на двух участках — Хельтерма и Тяхванина. По мере развития боевых действий на берегу намечалось нанести удар в тыл оборонявшемуся противнику, высадив для этой цели у Кэрделя часть 260-й отдельной морской стрелковой бригады[312].

Контр-адмирал И. Г. Святов возложил командование силами высадки на капитана 1 ранга Е. В. Гуськова. К 1 октября выделенные в десант войска и высадочные средства были сосредоточены в Рохукюля. Погода не благоприятствовала проведению высадки, поэтому ее пришлось перенести на следующий день. Утром 2 октября две группы катеров под командованием капитана 3 ранга В. П. Гуманенко вышли с силами первого броска десанта: южная — для высадки у Хельтерма, северная — у мыса Тяхванина.

Катера южной группы, несмотря на артиллерийский и пулеметный огонь противника, высадили на пристань Хельтерма силы первого броска, которые быстро овладели ею[313]. При этом вражеские батареи были подавлены вызванными самолетами штурмовой авиации. Успех действий сил первого броска был тут же использован для того, чтобы северная группа вместо предполагаемой высадки у мыса Тяхванина высадила десант в районе пристани Хельтерма.

Прикрытие десанта и кораблей осуществляла созданная для этой цели авиационная группировка, включавшая 90 истребителей 13-й воздушной армии и 25 истребителей военно-воздушных сил Балтийского флота.

Высадка советского десанта на остров Сааремаа. 1944 г.

Переброска советской тяжелой артиллерии на остров Сааремаа

Результаты удара советских войск в районе Техумарди, на острове Сааремаа

Вечером 2 октября враг вынужден был отойти по дамбе на остров Кассар и к бухте Орьяку. В ночь на 3 октября основные силы обороны острова Хиума эвакуировались на остров Сааремаа. В плен попали свыше 500 немецких солдат, было захвачено много военной техники и имущества.

Наиболее сложной и ответственной для советских войск задачей стало овладение островом Сааремаа, поскольку на нем располагался крупный гарнизон противника, контролировавший вход в Рижский и Таллинский заливы. К тому же в начале октября командованию группы армий «Север» удалось существенно усилить оборону острова за счет переправы с других островов архипелага нескольких артиллерийских дивизионов. Кроме того, еще в сентябре морским путем из Риги была переброшена 218-я пехотная дивизия[314].

Генерал Г. Ширмер, командующий войсками на Моонзундских островах, считал, что, вероятнее всего, высадка советских десантов будет произведена на северное и юго-восточное побережья острова Сааремаа. Не исключал он такой возможности и на восточном побережье. По его решению войска и силы были развернуты таким образом, чтобы они могли действовать на любом из вероятных направлений высадки. В наиболее угрожаемых пунктах побережья острова немецкие саперы возвели оборонительные сооружения.

4 октября командующий 8-й армией издал приказ, который предписывал в ночь на 5 октября высадить десанты на северном и северо-восточном побережьях острова Сааремаа. В юго-восточной части планировалось провести демонстрацию высадки десанта. Одновременно намечалось силами 8-го эстонского стрелкового корпуса форсировать пролив Вяйкевейн и преодолеть Ориссарскую дамбу.

Артиллерийскую поддержку десанта предполагалось осуществить огнем бронекатеров и сторожевых катеров. Для прикрытия района высадки со стороны пролива Соэла-Вяйн предназначалась группа торпедных катеров. Артиллерийская подготовка возлагалась на батареи 8-го эстонского стрелкового корпуса, находившиеся на острове Хиума и в районе Талику.

К обеспечению десантирования от 13-й воздушной армии привлекалось 356 самолетов (вместе с 56 самолетами 2-го истребительного авиационного корпуса ПВО)[315], от военно-воздушных сил Балтийского флота — около 230 самолетов.

4 октября в 19 часов два десантных отряда вышли из Рохукюля. Первый отряд в составе 1100 человек и 28 орудий предназначался для высадки в Триги, второй, включавший 1300 человек и 28 орудий, — в Талику[316]. Низкие мореходные качества десантно-высадочных средств, а также штормовая погода увеличили продолжительность перехода. Катера-тральщики, на которых были размещены силы первого броска первого десантного отряда (250 человек), из-за неблагоприятных метеоусловий вообще не вышли из Рохукюля.

На следующий день под прикрытием огня артиллерии подразделения 131-й стрелковой дивизии развернули наступление на Ориссарской дамбе[317]. Одновременно подразделения 249-й и 7-й эстонских стрелковых дивизий форсировали на 70 автомашинах-амфибиях пролив Вяйке-Вяйн.

Силы первого броска второго десантного отряда на торпедных катерах подошли к участку высадки — Талику, но не к пристани, как это предусматривалось, а в полумиле севернее. Ошибка в месте высадки сыграла положительную роль. Высокий берег не позволил подвергнуть десант обстрелу.

Успешная высадка сил первого броска способствовала стремительному захвату участка в районе Талику. Там была произведена высадка главных сил обоих десантных отрядов[318]. Вечером того же дня в Талику переправили части 8-го эстонского стрелкового корпуса и два полка 131-й стрелковой дивизии, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, они расширили захваченный плацдарм до 30 км по фронту и от 6 до 12 км в глубину и вышли на рубеж Рацгу — Выхма — Тагавэре — мыза Саре[319].

Высадка на остров Сааремаа практически сразу после освобождения острова Муху стала для противника неожиданной. Немецкий исследователь В. Мельцер по этому поводу писал: «Вопреки всем ожиданиям советские войска высадились 5 октября на северо-восточном и восточном берегу»[320]. Наступление советских войск было настолько решительным, что

Колонна советских бойцов из состава 8-го эстонского стрелкового корпуса проходит по улице освобожденного города Ориссааре

вызвало у врага растерянность. «В наших подразделениях, — заявил на допросе плененный обер-ефрейтор Э. Фингрес, — высадка русских произвела суматоху и панику. Царило полное смятение. Офицеры проявили полную беспомощность, многие удирали как зайцы. Раненые были брошены на произвол судьбы»[321].

В течение 7 и 8 октября штурмовики авиации флота нанесли три массированных удара по скоплению кораблей и судов врага в бухте Кихельконна, а фронтовые бомбардировщики уничтожали его плавсредства в Рижском заливе и в бухтах Мяебе и Тирье[322].

К утру 10 октября советские войска подошли к основному рубежу обороны противника на полуострове Сырве, который является ключом к Рижскому заливу. Там враг организовал глубоко эшелонированную оборону[323]. «Обладание этим пальцеобразным полуостровом, вытянутым в направлении Курляндии, для немецкого военно-морского командования казалось особо значимым, так как отсюда, по его мнению, можно было успешно препятствовать прорыву советских военно-морских сил из Рижского залива в Балтийское море», — отмечают современные германские исследователи[324].

Полуостров обороняли войска 43-го армейского корпуса в составе 23-й, 218-й пехотных дивизий и морской группы (четыре батальона). Эта группировка имела до трех артиллерийских дивизионов резерва главного командования и 10—12 штурмовых орудий. С моря ее поддерживали крейсеры, эсминцы, миноносцы, другие корабли и авиация[325]. На перешейке был создан сплошной оборонительный рубеж, на котором через каждые 300—400 метров имелись противотанковые рвы, усиленные надолбами, лесными завалами и минными полями. Враг называл его «Ирбенским щитом», потому что он прикрывал вход в Ирбенский пролив[326].

Вплоть до 30 октября советские войска многократно, но безуспешно пытались взломать вражескую оборону на полуострове Сырве. Их потери к этому времени составили: безвозвратно — 1541, ранеными — 6022, пропавшими без вести — более 500 человек. Противник потерял убитыми и ранеными 12 900 человек[327].

18 ноября после ураганного огня, направленного на несколько участков фронта, соединения и части 8-й армии во взаимодействии с кораблями и авиацией флота предприняли очередное наступление на полуострове. Преодолев упорное сопротивление неприятеля, они 23 ноября приступили к штурму последнего рубежа его обороны в районе Иде-Генга.

Высокий уровень осознания своего воинского долга продемонстрировал в этих боях личный состав 17-й штурмовой инженерной саперной бригады. Сапер 84-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона ефрейтор А. В. Неманов преодолел нейтральную полосу, незаметно приблизился к проволочным заграждениям, проделал в них проход и обезвредил 22 противотанковые мины. За отвагу и подвиг он был награжден орденом Славы 3-й степени[328].

24 ноября остров Сааремаа удалось полностью очистить от врага.

В этих боях были разгромлены 23, 218 и 215-я пехотные дивизии, 531-й и 532-й артиллерийские дивизионы, 583-й охранный батальон СС[329]. До 40 его отдельных частей понесли тяжелые потери[330]. Только с 18 по 24 ноября враг потерял до 7 тыс. человек убитыми и около 500 человек пленными, все вооружение и военную технику[331]. Кораблями и артиллерией Балтийского флота было потоплено 11 и повреждено более 40 кораблей противника[332]. Авиация флота произвела свыше 2300 самолето-вылетов, потопила 11 транспортов и судов, повредила 30 кораблей и судов.

Освобождением Моонзундского архипелага завершилось очищение территории Эстонии от оккупантов. Корабли Балтийского флота получили возможность контролировать Финский и Рижский заливы и развернуть активные действия на коммуникациях противника в средней и южной части моря. В итоге создавалась непосредственная угроза левому крылу Восточного фронта[333].

Моонзундская десантная операция, в ходе которой была произведена высадка 78 тыс. человек, обогатила опыт совместных действий флота и сухопутных войск в условиях островного района.

Эту операцию отличали решительные действия советских войск при захвате островов Муху и Хиума. А вот борьба за полуостров Сырве продолжалась более месяца, так как при планировании операции неверно были оценены возможности противника и его обороны. В частности, не были в достаточной степени учтены особенности местности, позволившие врагу даже небольшими силами создать на полуострове прочную оборону. Кроме того, огневое обеспечение десантирования в основном осуществлялось только сухопутной артиллерией, выдвигаемой на огневые позиции перед участками высадки десантов. Авиационное обеспечение высадки десанта на острова Муху и Хиума было слабое, так как авиация флота в это время перебазировалась на новые аэродромы.

Отличительной чертой операции является быстрота действий войск и сил на всех ее этапах, что стало решающим фактором. Оперативность принимаемых командованием 8-й армии и морских сил решений при подготовке и в ходе операции отмечал и противник. В. Мельцер подчеркивал: «Советский флот и сухопутные силы в удивительно короткий срок подготовили переправу из Эстонии на Моон... Советскому командованию удалось очень быстро усилить наступающие части тяжелым оружием, артиллерией и танками, так что немецким частям не оставалось ничего иного, как отступить на Эзель (Сааремаа. — *Прим. ред.*)»[334].

С окончанием Моонзундской десантной операции завершилась Прибалтийская стратегическая наступательная операция, в ходе которой был осуществлен ряд одновременных и последовательных операций фронтов. Общие потери советских войск составили 280 090 человек, из них 61 468 убитыми (3,9% от численности войск к началу операции)[335]. О потерях группы армий «Север» в германских архивах сохранились лишь данные об общих потерях за октябрь: они составили 30 834 человека[336].

На просторах Балтики

К началу летне-осенней кампании 1944 г. силы Балтийского флота были развернуты на сформировавшихся в течение 1942–1943 гг. морских позициях, включавших район Ленинград — Кронштадт и острова Лавенсари и Сескар в восточной части Финского залива. В начале 1944 г. в связи с освобождением побережья Лужской губы в районе Усть-Луги были развернуты силы и средства вновь сформированной Лужской военно-морской базы. К началу кампании в Балтийский флот (адмирал В. Ф. Трибуц) организационно входили Ладожская военная флотилия, Кронштадтский морской оборонительный район, которому были подчинены Островная и Лужская военно-морские базы, Ленинградская военно-морская база, корабельные соединения (эскадра, бригады подводных лодок, торпедных катеров, шхерных кораблей), военно-воздушные силы, береговая оборона, противовоздушная оборона и, кроме того, бригада речных кораблей на Чудском озере.

Всего флот располагал 102 надводными кораблями (в том числе один линкор[337], два легких крейсера, 12 лидеров и эсминцев, 11 канонерских лодок, восемь сторожевых кораблей, четыре минных и три сетевых заградителя, 58 тральщиков, три десантные баржи), 28 подводными лодками и 442 боевыми катерами (в том числе 45 торпедных, 177 сторожевых катеров, 21 бронекатер и 199 катеров-тральщиков)[338].

Действия кораблей осложнялись большой минной опасностью, поэтому использовать линкор, крейсеры и эсминцы Ставка ВГК без ее разрешения запретила. По-прежнему большой проблемой оставались судоремонт, организовывавшийся на пострадавших в период блокады ленинградских заводах, а также проведение испытаний кораблей и осуществление боевой подготовки — из-за отсутствия безопасных полигонов.

ВВС флота располагали 456 исправными боевыми самолетами, в том числе 256 истребителями, 22 бомбардировщиками, 24 торпедоносцами, 113 штурмовиками, 41 разведчиком и корректировщиком[339]. Организационно эти силы входили в состав одной минно-торпедной, двух штурмовых и одной истребительной авиадивизий, а также отдельного разведывательного авиаполка и ряда отдельных подразделений. 20 июня ВВС флота пополнились еще одним минно-торпедным полком (21 торпедоносец), что заметно увеличило боевые возможности авиации флота по нанесению ударов по дальним участкам морских коммуникаций противника. Основными проблемами авиации являлись нехватка подготовленных экипажей, а также нерешенность ряда проблем тылового обеспечения, остро проявившаяся при перебазировании авиационных соединений на западные аэродромы. Не всегда на должном уровне решались вопросы организации тактического взаимодействия между штурмовой авиацией и надводными кораблями.

Директивой Ставки ВГК от 31 марта перед Балтийским флотом, находившимся в оперативном подчинении командующему войсками Ленинградского фронта, были поставлены следующие задачи: систематически нарушать вражеские коммуникации в Балтийском море и его заливах действиями минно-торпедной, а на ближних коммуникациях — бомбардировочно-штурмовой авиации флота и торпедными катерами, охранять побережье и прибрежные фланги армий в Финском заливе и на Ладожском озере, содействовать фланговым частям армий при их продвижении огнем береговой и корабельной артиллерии; повседневно расширять и закреплять операционную зону флота в Финском заливе в западном и на Ладожском озере в северном направлениях путем уничтожения дозоров противника, его минных и противолодочных рубежей, открытия и поддержания своих фарватеров и маневренных районов безопасными от мин, организации устойчивой дозорной службы (корабельной и авиационной) с достаточной поддержкой дозора; крупные надводные корабли и подводные лодки тщательно готовить к морским операциям, которые будут при изменении обстановки указаны Ставкой[340].

Организация военно-морских сил (ВМС) Германии на Балтийском морском театре военных действий к началу летне-осенней кампании оставалась без изменений. В составе 9-й

дивизии на 1 июня числилось 172 надводных корабля, в том числе четыре эсминца, один миноносец, три канонерские лодки, 12 артиллерийских барж, два охотника ПВО, один корабль наведения ночных истребителей, 29 сторожевых кораблей, 83 тральщика, 10 минных заградителей, три сетевых заградителя, 24 десантных корабля, а также 49 боевых катеров[341].

В дальнейшем ВМС противника были многократно усилены за счет перевода флотилий и отдельных кораблей с других театров. Так, только в июне — июле в распоряжение штаба 9-й дивизии прибыли 10 подводных и множество надводных кораблей. Стоит отметить, что германские субмарины не действовали на Балтийском театре с конца августа 1941 г., и их использование в мелководном Финском заливе оказалось неожиданным для командования Балтийского флота.

Воздушное прикрытие германских ВМС было возложено на 1-й воздушный флот, который из-за тяжелой для противника обстановки на сухопутном театре мог оказывать им поддержку лишь периодически и в небольшом объеме.

ВМС Финляндии располагали 18 надводными кораблями (один броненосец береговой обороны, шесть канонерских лодок, девять сторожевых кораблей, два минных заградителя), а также пятью подводными лодками и 65 боевыми катерами. Финский флот имел собственное командование и нес ответственность за действия в заливе севернее параллели острова Гогланд.

Силы противника осуществляли базирование на Таллин, Хельсинки, Котку, а также располагали значительным количеством маневренных пунктов базирования в финских шхерах и бухтах на побережье Эстонии. Охватывающее положение финских шхер в восточной части театра позволяло противнику воздействовать подводными лодками и легкими силами на советские коммуникации между Кронштадтом и островом Лавенсари. В то же время корабли Балтийского флота не имели возможности воздействовать на коммуникации противника в Балтийском море в силу их удаленности, а в Финском заливе — в силу того, что все движение вдоль финского побережья осуществлялось в темное время суток по внутренним шхерным фарватерам.

Главной задачей ВМС противника являлись защита своих коммуникаций в Балтийском море, а также противодействие попыткам высадки десантов во фланг и тыл приморского фланга своих сухопутных войск. Германское командование придавало большое значение поддержанию блокады Балтийского флота в восточной части Финского залива, поскольку выход кораблей советского флота за его пределы не только создавал угрозу для коммуникаций между Германией, Швецией, Финляндией и Прибалтикой, но и для полигонов подготовки немецкого подводного флота в Южной Балтике.

С началом кампании боевые действия на море развивались вокруг траления кораблями Балтийского флота мин на гогландском рубеже, которому неприятель пытался препятствовать своими корабельными дозорами. Одновременно ВВС флота атаковали корабельные дозоры противника, нанося им серьезные потери и заставляя покидать районы патрулирования. В ночное время большую активность проявляли катерные силы противоборствующих сторон, также пытавшиеся наносить удары по дозорам и осуществлявшие активные минные постановки.

Коренные изменения в обстановке в восточной части Финского залива были обусловлены успехом начавшегося 10 июня наступления войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Участие Балтийского флота в Выборгской наступательной операции выражалось в авиационной и артиллерийской поддержке наступления. К последней привлекались первая и вторая группы артиллерии флота: четыре эсминца, четыре канонерские лодки, 17 береговых и 17 железнодорожных артиллерийских батарей — всего 117 орудий калибра 100—305 мм.

В период с 10 по 20 июня артиллерия Балтийского флота выпустила по противнику 18 142 снаряда калибром свыше 100 мм, причем более половины стрельбы провела железнодорожная артиллерия, израсходовавшая 9108 снарядов. Авиация флота произвела более 820 самолето-вылетов на поддержку сухопутных войск. В результате Выборгской операции войска Ленинградского фронта во взаимодействии с флотом разгромили крупную группировку финских войск на Карельском перешейке и продвинулись на 110—130 км[342].

20 июня был освобожден город и крепость Выборг, однако противник удерживал острова Бьёркского архипелага, оказавшиеся в тылу войск Ленинградского фронта, и препятствовал развертыванию в Выборгском заливе боевых действий флота по поддержке войск, наступавших вдоль побережья Финского залива. Кроме того, противник мог держать под артиллерийским обстрелом сухопутные коммуникации Ленинградского фронта. Вражеская группировка, оборонявшая эти острова, насчитывала около 2,3 тыс. солдат и офицеров. Основные укрепления находились на острове Бьёрке (Койвисто), они состояли из нескольких десятков орудий, большого количества дзотов, минных и проволочных заграждений. В связи с этим командующему Балтийским флотом было приказано высадить на острова десант и захватить их.

Накануне проведения Бьёркской десантной операции утром 20 июня был занят остров Нерва, расположенный в 20 милях к западу от острова Бьёрке. Это имело большое значение для успешного проведения последующих десантных действий, поскольку наблюдательный пост, развернутый на остров Нерва, позволял контролировать подходы к Выборгскому заливу и наблюдать за передвижением кораблей противника.

Высадка десанта на острова Бьёркского архипелага началась 21 июня. Противник меньше всего ожидал высадки на небольшой остров Пийсаари, так как подойти к его восточному побережью можно было только через пролив Бьёркезунд, который на всем протяжении простреливался артиллерийским и минометным огнем, а в ряде мест и стрелковым оружием. Чтобы закрепиться на острове, сюда была направлена 260-я отдельная бригада морской пехоты.

Вскоре в проливе Бьёркезунд появился отряд кораблей противника, в который входили четыре артиллерийские баржи и четыре рейдовых тральщика. В первой половине дня они трижды подходили к району высадки и обстреливали десантников. От огня противника получили повреждения два тендера, сторожевой катер, катер-тральщик и бронекатер[343]. В результате перебрасывать подкрепления было не на чем. В то же время под воздействием авиации БФ (в течение дня штурмовики совершили 234 самолето-вылета, истребители — 317) и огня артиллерийских батарей, корабли противника вынуждены были отойти в шхеры.

Из-за отсутствия десантно-высадочных средств и артиллерии было принято решение снять десант с острова Пийсаари, но затем оно было отменено. Для переброски подкреплений в район погрузки десанта из залива Хумалиоки прибыли восемь тендеров, шесть катеров типа КМ и бронекатер. Эти силы днем приступили к переброске подразделений морской стрелковой бригады с материка на остров Пийсаари. В 17 часов они перешли в наступление в южном направлении. Противник, введя в действие крупнокалиберную артиллерию с соседних островов и минометы, пытался задержать продвижение советских войск.

К тому моменту финское командование уже приняло решение о проведении эвакуации, которая состоялась в ночь на 23 июня. Десантники заняли весь остров. Соседние острова Бьёрке и Торсари противник оставил.

В ночь на 28 июня немецко-финские ВМС предприняли операцию по возвращению острова Нерва. Из-за нарушения взаимодействия между немецкими и финскими подразделениями высадка на остров так и не состоялась, несколько кораблей противника получили повреждения от огня береговой батареи. В то же время немецкий отряд обеспечения высадки сорвал десантирование разведгруппы на остров Халли, причем из состава отряда высадки был потоплен один катер-дымзавесчик.

Активные действия на море велись с 30 июня по 10 июля. Несмотря на ожесточенное противодействие неприятеля, войскам 59-й армии удалось занять острова, хотя и пришлось отказаться от планировавшейся высадки на материковый берег Финляндии. Ударами авиации и артиллерии были сорваны все попытки вражеских кораблей войти в залив и оказать противодействие силам десанта.

Действия по расширению операционной зоны, уничтожению дозоров и тралению минных заграждений противника продолжались до середины сентября. В этот период ударом по порту Котка 16 июля была потоплена зенитная плавучая батарея. 20–21 июля ВВС

Балтийского флота нанесли ряд ударов по немецким дозорным силам в Нарвском заливе. В результате из вражеского отряда, насчитывавшего 11 кораблей, три были потоплены и пять повреждены. Советская авиация потеряла четыре штурмовика Ил-2.

С этого момента германское командование привлекало к дозорной службе в основном подводные лодки. Противодействие тральным действиям Балтийского флота в Нарвском заливе значительно ослабло, что позволило к сентябрю завершить проделывание проходов через южную часть Гогландской минно-артиллерийской позиции.

Германские подводные лодки с 8 июля действовали в восточной части Финского залива, пытаясь наносить удары по советским дозорам, десантным силам и коммуникациям. В результате их нападений в течение июля — сентября были потоплены тральщик, два сторожевых катера и два катера тральщика, несколько катеров получили повреждения.

В условиях отсутствия эффективной противолодочной обороны Балтийский флот смог потопить лишь одну немецкую подлодку — U-250[344]. Действия по нарушению коммуникаций противника в период июня — сентября 1944 г. велись ограниченными силами и не имели заметного результата. Фактически к ним привлекалась только минно-торпедная авиация в составе двух полков, а в средней части залива, кроме того, малые подводные лодки. В течение лета авиация перешла от нанесения ударов по коммуникациям одиночными самолетами-торпедоносцами, которые самостоятельно осуществляли поиск целей («свободная охота»), к групповым вылетам по данным воздушной разведки. В состав тактических групп помимо торпедоносцев стали включаться бомбардировщики. Ударным группам придавалось истребительное сопровождение, сначала ведущее их за пределы Финского залива, затем — на всем протяжении полета.

В летние месяцы подводные лодки Балтийского флота продолжали базироваться на Кронштадт и Ораниенбаум. В связи с минной опасностью на полигонах часть подлодок была переведена на Ладожское озеро, где имелись нормальные условия для боевой подготовки. В начале сентября с острова Лавенсари в разведывательные походы в Нарвский залив вышли М-96 и М-102. Последняя после подрыва на мине 11 сентября вернулась на Лавенсари, другая пропала без вести[345].

14 сентября войска 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов перешли в наступление в общем направлении на Ригу. Выход из войны Финляндии и эвакуация противника из Эстонии привели к коренному изменению обстановки на Балтийском театре военных действий. Балтийский флот получил выход в открытую часть моря и возможность наносить удары по коммуникациям врага на всю их глубину. Уже в ходе препятствования эвакуации войск противника из Эстонии 17–24 сентября ВВС флота потопили миноносец, два транспорта, нанесли повреждения четырем транспортам, плавбазе и сторожевому кораблю.

Для более эффективных действий в открытой части моря командованию флотом требовалось произвести переразвертывание сил на новые базы. Еще 26 июля решением Военного совета Балтийского флота был введен в действие план развертывания сил флота «Запад-2», который впоследствии несколько раз подвергался корректировкам. На его основе началось формирование Таллинского оборонительного района. 5 августа нарком ВМФ приказал приступить к формированию Рижского морского оборонительного района, что предусматривалось разработанным ранее планом развертывания флота «Запад-3». Последний должен был вводиться в действие с выходом советских войск к границам СССР 1941 г. Развертывание новых баз производилось в сжатые сроки, одновременно с ведением боевых действий, что не позволяло выполнить запланированные мероприятия в полном объеме. Тем не менее уже в начале октября флот принял участие в Моонзундской десантной операции и приступил к нарушению коммуникаций противника в центральной и южной частях Балтийского моря.

Для участия в Моонзундской десантной операции командование флота выделило 55 торпедных, 13 сторожевых катеров, 13 катеров-тральщиков, восемь бронекатеров и 40 тендеров, 295 боевых самолетов. Из состава береговых частей флота в районе Хапсалу находились части 260-й отдельной бригады морской пехоты. Удалось высадить десанты на островах, а затем обеспечить перевозку на захваченные плацдармы двух стрелковых корпусов 8-й армии.

Вместе с тем Балтийский флот не сумел помешать крупным надводным кораблям противника наносить артиллерийские удары по войскам Ленинградского фронта. В течение 24 октября и с 20 по 23 ноября немецкое корабельное соединение, включавшее тяжелые крейсера «Лютцов», «Принц Ойген» и «Адмирал Шеер», несколько эсминцев и миноносцев, наносило артиллерийские удары по наступавшим советским войскам на Сырве, выпустив в общей сложности 4129 снарядов калибром более 127 мм. Ответными действиями ВВС флота повредили лишь один эскадренный миноносец.

Балтийскому флоту не удалось сорвать снабжение немецких войск на острова Сааремаа и их последующую эвакуацию с полуострова Сырве. Несмотря на то что в ходе операции морская авиация совершила более 2300 самолето-вылетов, ей удалось потопить только четыре транспорта, два тральщика и одну артиллерийскую баржу.

В остальных фронтовых операциях, проводившихся в рамках Прибалтийской стратегической наступательной операции, Балтийский флот принимал ограниченное участие (Таллинская операция) либо не участвовал вообще (Рижская, Мемельская операции), чего нельзя было сказать о флоте противника. Еще в конце июля им было сформировано соединение крупных надводных кораблей для артиллерийской поддержки приморского фланга, которое активно использовалось в период осуществления контрудара под Тукумсом (20 августа), боев на полуострове Сырве и в ходе Мемельской операции. Ставка ВГК приказала своему представителю в Прибалтике привлечь к ликвидации Либавской и Мемельской группировок противника авиацию Балтийского флота, а к блокаде — подводные лодки[346].

Командующий флотом принял решение разделить имевшиеся силы на две части: большая часть авиации и подводные лодки действовали на коммуникациях курляндской группировки, взаимодействуя с 1-м Прибалтийским фронтом, в то время как одна усиленная штурмовая авиадивизия и часть надводных кораблей принимали участие в Моонзундской операции. Лишь после ее завершения Балтийский флот с 27 ноября передавался в непосредственное подчинение наркому ВМФ[347], что, безусловно, способствовало сосредоточению усилий на решении задач войны на море.

20 октября штаб флота получил директиву наркома ВМФ, в которой в связи с проводимой сухопутными войсками операцией по уничтожению курляндской группировки ставились задачи «усилить подводную блокаду» Лиепаи и Вентспилса, а также сосредоточить действия авиации по указанным портам и ведущим к ним коммуникациям.

Всего в боевых действиях в октябре — декабре приняли участие 16 подлодок, совершивших в 23 походах 61 торпедную атаку с выпуском 132 торпед[348]. В октябре подлодками было потоплено четыре судна, учебный корабль и повреждено одно судно, в ноябре — потоплено четыре судна и миноносец, повреждены транспорт, учебный корабль и сторожевик, в декабре — потоплено четыре судна[349]. Собственных потерь бригады в этот период не понесли.

Активное участие в нарушении коммуникаций противника приняла морская авиация. В связи с тем что прилегающий к портам Курляндии участок неприятельские конвои преодолевали в темное время суток, продолжительность которого осенью и зимой значительно возросла, основным методом воздействия стало нанесение воздушных ударов по Лиепае и Вентспилсу. Даты и время нанесения ударов тесно увязывались между собой, а также координировались с наступательными действиями войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, осуществлявших ликвидацию курляндской группировки врага. Было потоплено четыре судна и буксир, серьезно повреждено 13 транспортов и несколько боевых кораблей. Однако нарушить работу портов и уничтожить сосредоточенные там запасы грузов не удалось. Потери советских ВВС составили 151 самолет, в том числе 104 из состава ВВС флота[350]. С 22 декабря командование Балтийского флота из-за больших потерь отказалось от продолжения налетов.

Успешно осуществлялась оборона собственных коммуникаций. Значительно расширившаяся зона действий советского флота позволила осуществить восстановление торговых связей со Швецией. 13 октября 1944 г. нарком ВМФ сообщил адмиралу В. Ф. Трибуцу, что советское правительство возложило на Балтийский флот задачу обеспечения безопасности плавания судов между портами Швеции и Ленинградом. Флот обеспечивал перевозки по

двум основным коммуникациям: Ленинград — Хельсинки — Турку — Стокгольм и Ленинград — Хельсинки — Таллин — Пярну. Хождение судов от Турку до Стокгольма и от Хельсинки до Таллина и Пярну выполнялось в составе конвоев. На минах во время переходов от портов Швеции до Ленинграда с сентября по декабрь 1944 г. подорвалось шесть кораблей и судов, из которых затонул лишь один финский транспорт. Только из шведских портов на 294 транспортах было перевезено в Советский Союз 243,5 тыс. тонн грузов, из портов Финляндии — 154 тыс. тонн трофейных и репарационных грузов (лес, деревянные изделия, бумага, картон, целлюлоза, уголь и другие грузы). Перевозки выполнялись главным образом судами морского торгового флота Финляндии, и лишь незначительная часть грузов была доставлена на советских судах.

На театре сохранялась подводная опасность. В октябре в устье Финского залива и в районе Або-Аландских шхер действовали 12 немецких подводных лодок, к декабрю их количество сократилось до семи. Подлодки противника пытались нарушать коммуникации Ханко — Таллин и Таллин — Пярну. Несмотря на применение новейших акустических и маневрирующих торпед лишь семь торпедных атак оказались успешными. Жертвами подлодок стали тральщик, две баржи и три сторожевых катера, а также пять финских парусно-моторных шхун. Заметного влияния на общую обстановку деятельность вражеских подлодок не оказала, но несколько осложнила перевозку грузов в интересах войск, принимавших участие в Моонзундской десантной операции. Противник потерял две подводные лодки, которые пропали без вести, по всей вероятности подорвавшись на минах. Кроме того, 12 декабря при попытке усилить минные заграждения в устье залива погибли на своих минах два немецких эскадренных миноносца.

Анализ боевой деятельности Балтийского флота показывает, что задачи, поставленные флоту директивой Ставки ВГК от 31 марта[351], были выполнены не в полном объеме. Флоту удалось удовлетворительно решить задачу обороны своих коммуникаций, остальные планы были осуществлены лишь частично. В связи с этим деятельность командования Балтийского флота в конце 1944 г. подверглась критике со стороны наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова и Главного морского штаба. По результатам работы комиссии Главного морского штаба командующему Балтийским флотом и начальнику оперативного отдела объявлялись строгие выговоры, начальнику штаба флота — выговор[352].

Несмотря на справедливость критики в адрес командования Балтийского флота, целый ряд недостатков вытекал из-за нерешенности вопросов взаимодействия между видами вооруженных сил. Морской штаб и штаб флота в третьем периоде войны не были ориентированы по боевой деятельности флота в соответствии с замыслами Ставки. Практически во всех фронтовых наступательных операциях Балтийский флот принимался в расчет только в связи с действиями против сухопутных сил противника. Возможность активных действий вражеского флота по поддержке своих приморских группировок и его противодействия наступлению советских войск на побережье Балтийского моря в этих планах не рассматривалась. Командование флота не ориентировали на участие его сил в этих операциях. Предполагалось, что сухопутные войска освободят порты и побережье без содействия сил флота, но на практике так происходило далеко не всегда. В результате перед командованием Балтийского флота задачи ставились внезапно, либо напротив, штабу флота и Главному морскому штабу предоставлялась возможность самим планировать себе задачи и определять методы их выполнения. Все это вело к недостаточно эффективному использованию и без того немногочисленных сил флота.

* * *

Борьба за Советскую Прибалтику продолжалась с июля по ноябрь 1944 г., в результате была освобождена почти вся территория Прибалтийских республик и прилегавших к ним областей РСФСР. Противник потерял коммуникации, связывавшие по суше его группу армий «Север» с Восточной Пруссией. С утратой Прибалтики Германия лишилась выгодного

стратегического района, который обеспечивал ее флоту свободу маневра в восточной части Балтийского моря, а также важной промышленной, сырьевой и продовольственной базы. Победа Красной армии в Прибалтике ускорила выход из войны Финляндии.

Наступательные действия советских войск имели характер взаимосвязанных между собой Режицко-Двинской, Мадонской, Псковско-Островской, Тартуской, Нарвской, Рижской, Таллинской, Мемельской и Моонзундской десантной наступательных операций, осуществленных войсками Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийского фронтов, а также силами Балтийского флота. Противник потерпел крупное поражение: было разгромлено 26 дивизий группы армий «Север», а три ее дивизии уничтожены полностью. Остававшиеся соединения этой группы в Курляндии и в районе Мемеля оказались прижатыми к морю. Они потеряли прежнее стратегическое значение и не могли уже оказать существенного влияния на ход вооруженной борьбы.

Сокращение протяженности советско-германского фронта на прибалтийском участке до 250 км позволило Ставке ВГК высвободить значительные силы для наступления на западном направлении. Балтийский флот получил возможность осуществлять широкий маневр на Балтийском море, а значит, более тесно взаимодействовать с сухопутными войсками.

Операции Прибалтийских фронтов характеризовались решительным массированием сил и средств на направлениях ударов, что позволяло создавать высокие оперативные и тактические плотности и достигать на избранных участках необходимого преимущества над противником.

Отличительными чертами военного искусства советских войск в операциях по освобождению Прибалтики являлись: перенос главных усилий в ходе наступления с одного операционного направления на другое; периодическое изменение полос наступления фронтов с передачей армейских объединений с занимаемыми ими полосами в соседние фронты; проведение скрытной перегруппировки крупных сил на большое расстояние; подготовка еще в ходе наступления новых фронтовых наступательных операций в короткие сроки; блокирование группировок противника на ограниченном пространстве путем прижатия их к морю.

Условия приморского участка Северо-Западного театра военных действий позволяли неприятелю создавать глубоко эшелонированную и развитую в инженерном отношении оборону. Типичным для его действий было использование хорошо развитой дорожной сети для активного маневрирования силами и средствами, упорного ведения обороны на заранее подготовленных рубежах с переходом в контратаки и нанесением контрударов. В боевых действиях участвовало до 25% всех его сил, находившихся на восточном фронте.

При освобождении Прибалтики советским войскам приходилось наступать в условиях лесисто-болотистой местности с большим количеством рек и озер. При прорыве обороны темпы их наступления нередко замедлялись, что позволяло противнику выводить свои войска из-под ударов.

Успех наступления Красной армии в значительной степени обеспечивался организацией тесного взаимодействия войск с авиацией и силами флота. Основные усилия воздушных армий были направлены на поддержку главных ударных группировок. Широкий круг задач выполнял Балтийский флот: высаживал десанты, прикрывал фланги сухопутных войск от ударов с моря, оказывал огневую поддержку действовавшим на островах войскам, осуществлял воинские перевозки и нарушал морские коммуникации противника.

В период наступления на прибалтийском направлении под влиянием успехов Красной армии партизанская борьба в тылу врага получила дальнейшее развитие. Партизаны и подпольщики вели активную работу, тесно взаимодействуя с советскими войсками. Противник вынужден был отвлекать с фронта существенные силы для борьбы с партизанами и охраны своих коммуникаций.

В ходе освобождения Советской Прибалтики летом и осенью 1944 г. 112 воинов Красной армии были удостоены звания Героя Советского Союза, трое — второй медали «Золотая Звезда», свыше 332 тыс. награждены орденами и медалями, более 170 частей и соединений получили почетные наименования, более 600 — государственные награды.

В ожесточенных боях за Прибалтику в рядах Красной армии плечом к плечу с представителями других народов СССР мужественно сражались воины латышской, литовской и эстонской национальностей. И сегодня особенно прискорбно наблюдать, как память об их героических подвигах в современных странах Балтии подвергается жестоким надругательствам. При этом предпринимаются попытки героизировать деятельность представителей местного населения, тесно сотрудничавших с нацистами. Как представляется, факты выпячивания «особой» роли выступавших под вражескими знаменами националистов и «поборников независимости», беспрецедентный интерес к репрессивной и «оккупационной» проблематике, к повстанческой деятельности в годы Великой Отечественной войны политической элитой Латвии, Литвы и Эстонии используются прежде всего для «мягкого пересмотра итогов Второй мировой войны» и обоснования материальных и территориальных претензий к России. Такая позиция, безусловно, не способствует развитию российско-балтийских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 117.

[2] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1957. С. 88–90.

[3] Восточный вал — это стратегический оборонительный рубеж, в свою очередь разделенный на два рубежа — «Пантера» и «Вотан». Он проходил по р. Нарва, а далее через Псков, Витебск, Оршу, вдоль р. Сож, среднего течения р. Днепр, р. Молочная.

[4] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 104.

[5] См.: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1975. Кн. 1. С. 351–352.

[6] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 170.

[7] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 105.

[8] Там же.

[9] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. М., 1985. С. 243.

[10] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 106.

[11] Там же. Л. 103.

[12] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 2. Л. 105.

[13] Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 32. Л. 265–266.

[14] Там же. Оп. 2224. Д. 664. Л. 5–10.

[15] *Семенов Г. Г.* Наступает ударная. М., 1987. С. 135.

[16] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 1. Л. 33.

[17] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х кн. Рига, 1967. Кн. 2. С. 84–85.

[18] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 528. Л. 236.

[19] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. М., 1965. С. 17.

[20] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 104.

[21] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. М., 2010. Т. 8. С. 65.

[22] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 106.

[23] Цит. по: *Хаупт В.* Сражения группы армий «Север»: Взгляд офицера вермахта / Пер. с нем. М., 2006. С. 286.

[24] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Die Ostfront 1943/44. Deutsche Verlags-Anstalt, München, 2011. S. 630.

[25] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 104.

[26] Цит. по: Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 15.7.1944 г. / Пер. с нем. М., 1947. С. 325.

[27] Цит. по: *Семенов Г. Г.* Наступает ударная. С. 144.

[28] Там же.

[29] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 84.

[30] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 243.
[31] Цит. по: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 88.
[32] Там же. С. 87.
[33] *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. М., 1970. С. 242.
[34] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 33.
[35] Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 311–328.
[36] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 86. Л. 76–77.
[37] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 92.
[38] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 206.
[39] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 114.
[40] *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. С. 245.
[41] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 34.
[42] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 110.
[43] Там же. С. 118.
[44] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 93.
[45] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 127.
[46] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 104.
[47] Там же. Л. 104.
[48] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 291–292.
[49] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 824.
[50] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 95.
[51] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 358.
[52] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 109.
[53] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 117.
[54] Там же. С. 116.
[55] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 113.
[56] *Пятков В. К. и др.* Третья ударная: Боевой путь 3-й ударной армии. М., 1976. С. 109.
[57] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 53.
[58] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 16. Д. 2. Л. 126.
[59] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 164
[60] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. С. 133.
[61] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 113.
[62] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. С. 599.
[63] ЦАМО. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 132. Л. 159.
[64] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 114.
[65] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 126.
[66] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 117.
[67] Там же. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 682. Л. 176–178.
[68] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 113.
[69] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 315.
[70] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 359.
[71] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 105.
[72] Там же. Д. 1. Л. 33.
[73] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 332.

[74] Там же. Ф. 16. Оп. 945. Д. 10. Л. 1.
[75] Там же. Л. 2.
[76] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 15.7.1944 г. С. 302.
[77] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 537. Л. 6–15.
[78] Там же. Ф. 16. Оп. 945. Д. 10. Л. 1.
[79] Цит. по: *Лобачев А. А.* Трудными дорогами. М., 1960. С 326.
[80] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 76.
[81] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 217–118.
[82] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 106.
[83] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 172.
[84] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2235. Д. 36. Л. 97–102.
[85] Там же. Оп. 2254. Д. 434. Л. 24–25.
[86] Там же. Д. 537. Л. 62–63.
[87] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 175.
[88] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 72. Л. 240.
[89] Там же. Д. 434. Л. 70–73.
[90] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 204.
[91] ЦАМО. Ф. 301. Оп. 6782. Д. 672. Л. 15.
[92] Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 4. Л. 62–64.
[93] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 413.
[94] *Никитинский И., Броневский С.* Псковско-Островская операция // Военно-исторический журнал. 1974. № 10. С. 39.
[95] *Дайнес В. О.* Советские ударные армии в бою. М., 2009. С. 239.
[96] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 634.
[97] Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 633.
[98] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 450. Л. 14–28.
[99] Там же. Л. 42.
[100] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 188.
[101] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 203.
[102] Там же. С. 255.
[103] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 130.
[104] Там же. С. 130–131.
[105] Журнал боевых действий группы армий «Север» за август 1944 г. М., 1947. С. 626.
[106] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 293.
[107] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 450. Л. 60–62.
[108] *Лобачев А. А.* Трудными дорогами. С. 331.
[109] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 450. Л. 82–97.
[110] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 359.
[111] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 120–121.
[112] ЦАМО. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 483. Л. 5.
[113] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 16 по 31.7.1944 г. С. 392.
[114] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3878. Л. 1.
[115] Там же. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 461. Л. 165.
[116] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 76 об.

[117] Там же. Л. 77.
[118] Там же. Л. 77 об.
[119] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 15. Л. 66.
[120] *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1961. С. 195.
[121] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 96. Л. 79.
[122] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 73 об.
[123] Там же. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 495. Л. 85.
[124] *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. С. 197.
[125] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4840. Л. 146.
[126] Там же. Л. 74 об.
[127] Там же. Л. 76.
[128] Там же. Л. 74 об.
[129] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 125.
[130] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 78 об.
[131] Цит. по: *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. С. 200.
[132] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 396.
[133] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 131.
[134] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 605. Л. 362; Ф. 48. Оп. 1795. Д. 13. Л. 481; Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 2–5, 32.
[135] *Фриснер Й.* Проигранные сражения / Пер. с нем. М., 2002. С. 266.
[136] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 138.
[137] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 94.
[138] Там же. Ф. 242. Оп. 2305. Д. 7. Л. 285–286, 278–279.
[139] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 2.
[140] Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 36. Л. 248–253.
[141] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 133.
[142] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 4.
[143] Там же. Ф. 325. Оп. 96491. Д. 4. Л. 1–3.
[144] Там же. Ф. 16. Оп. 941. Д. 2. Л. 104–106.
[145] Там же. Л. 88–89.
[146] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 132.
[147] ЦАМО. Ф. 301. Оп. 6792. Д. 108. Л. 37–57.
[148] Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 74. Л. 127–129.
[149] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 638.
[150] *Дайнес В. О.* Советские ударные армии в бою. С. 578.
[151] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 120. Л. 40.
[152] Там же. Л. 41.
[153] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 335.
[154] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. В 2-х т. Т. 1. С. 26.
[155] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. М., 1958. С. 557.
[156] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 184.
[157] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 136.
[158] Там же. Л. 137.
[159] *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. С. 253.
[160] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 74. Л. 130.
[161] Там же. Л. 193.

[162] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 138.
[163] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 333.
[164] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 58–59.
[165] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 70.
[166] *Сандалов Л. М.* Освобождение Советской Прибалтики // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 21.
[167] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 138.
[168] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 640.
[169] Ibid. S. 640.
[170] Журнал боевых действий 3-й танковой армии за сентябрь 1944 г. С. 76.
[171] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 70–71.
[172] *Чистяков И. М.* Служим Отечеству. М., 1985. С. 227.
[173] *Саркисьян С. М.* 51-я армия: Боевой путь. М., 1983. С. 265.
[174] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 137.
[175] Там же.
[176] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 134. Л. 257.
[177] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 359.
[178] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2305. Д. 8. Л. 3.
[179] Там же. Оп. 2254. Д. 74. Л. 248–249.
[180] Там же. Л. 287–289.
[181] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 367.
[182] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 336.
[183] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 207.
[184] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 640.
[185] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 74. Л. 278.
[186] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 643.
[187] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 116.
[188] Операция «Астер», ранее имевшая кодовое название «Кёнигсберг», предусматривала отвод группы армий «Север» в Восточную Пруссию буквально «в последний момент, чтобы вообще уйти» (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 639).
[189] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 485.
[190] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 86 об. — 87.
[191] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 121–123.
[192] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 87.
[193] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 4. М., 1951. С. 26.
[194] Цит. по: *Курчавов И.* Освобождение Советской Эстонии. Таллин, 1945. С. 59.
[195] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001. С. 272.
[196] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 109.
[197] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 4-х кн. Кн. 3. С. 164.
[198] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический сборник. Т. 2. С. 39.
[199] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 449. Л. 786.
[200] *Лященко Н. Г.* 2-я ударная армия в боях за Родину // Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 76.
[201] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 334.
[202] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 354.
[203] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 640.
[204] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 98. Л. 62.
[205] Там же. Д. 97. Л. 144.
[206] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 89.

[207] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 342.

[208] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 90–92.

[209] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 154.

[210] *Ару К., Паульман Ф.* Наш генерал. Краткий биографический очерк о Лембите Пэрне. Таллин, 1983. С. 84.

[211] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 2. Л. 205.

[212] Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4840. Л. 480–480 об.

[213] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 91 об.

[214] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 102. Л. 238.

[215] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 92.

[216] Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 2003. Т. 8. С. 22.

[217] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 399.

[218] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 152.

[219] Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 74. Л. 115–117.

[220] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 641.

[221] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 142.

[222] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 153.

[223] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 3. Л. 50.

[224] Там же. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 703. Л. 26.

[225] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 152.

[226] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 339–340.

[227] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 109.

[228] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2235. Д. 101. Л. 67.

[229] Там же. Д. 75. Л. 52.

[230] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 411.

[231] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 96.

[232] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 75. Л. 111–113.

[233] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. С. 336.

[234] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 13620. Д. 5. Л. 280.

[235] Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 75. Л. 122.

[236] Цит. по: *Сандалов Л. М.* Освобождение Советской Прибалтики // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 24.

[237] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 529. Л. 523.

[238] *Семенов Г. Г.* Наступает ударная. С. 173.

[239] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 441.

[240] *Бердников Г. И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 219.

[241] *Мальков Д. К.* Сквозь дым и пламя. М., 1970. С. 142–146.

[242] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 717. Л. 62.

[243] *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. С. 347.

[244] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 159.

[245] Там же. С. 161.

[246] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 281. Л. 1–21.

[247] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 174.

[248] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 203–204.

[249] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 134. Л. 264.

[250] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 644.

[251] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 144, 158.

[252] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 272.

[253] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 551.

[254] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 149.

[255] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977. С. 433.

[256] 27 сентября 1944 г. оперативная группа «Нарва» была переименована в оперативную группу «Грассер» (Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 484).

[257] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 4. М., 1962. С. 356.

[258] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 176.

[259] Такое название города дано в соответствии с военно-топографическими картами и оперативными документами периода Великой Отечественной войны.

[260] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 38. Л. 411.

[261] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. С. 229.

[262] *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. С. 95.

[263] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 399.

[264] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 4. С. 356.

[265] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 20488. Д. 12. Л. 30–33.

[266] *Саркисьян С. М.* 51-я армия: Боевой путь. С. 267.

[267] ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 540. Л. 71.

[268] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 401.

[269] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 180.

[270] Журнал боевых действий группы армий «Север» за октябрь 1944 г. С. 74.

[271] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. С. 231.

[272] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 188.

[273] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. С. 232.

[274] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 120. Л. 97.

[275] *Егоров П. Я., Кривоборский И. В., Ивлев И. К., Рогалевич А. И.* Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М., 1969. С. 272.

[276] ЦАМО. Ф. 428. Оп. 57585. Д. 3. Л. 158–160.

[277] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. С. 235.

[278] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 276.

[279] *Егоров П. Я., Кривоборский И. В., Ивлев И. К., Рогалевич А. И.* Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 276.

[280] ЦАМО. Ф. 242. Оп. 2305. Д. 8. Л. 88.

[281] Журнал боевых действий группы армий «Север» за октябрь 1944 г. С. 143.

[282] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 422.

[283] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 203.

[284] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 15. Л. 53.

[285] Там же. Ф. 235. Оп. 32510. Д. 10. Л. 17.

[286] Там же. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 711. Л. 131–132.

[287] Там же. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 857. Л. 25, 31.

[288] Там же. Ф. 16. Оп. 943. Д. 15. Л. 155.

[289] Мемель был освобожден лишь 28 января 1945 г.

[290] Журнал боевых действий группы «Север» за октябрь 1944 г. С. 263.

[291] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. С. 478.

[292] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 370–371.

[293] Там же. С. 365.

[294] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 641.

[295] ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 7. Л. 154.
[296] *Курчавов И.* Освобождение Советской Эстонии. С. 97.
[297] Морской атлас. Т. III. Ч. 2. Описания к картам. М., 1984. С. 480–481.
[298] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 94.
[299] *Трибуц В. Ф.* Балтийцы наступают. Калининград, 1968. С. 201.
[300] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 94.
[301] Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 98. Л. 237–238.
[302] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 93 об.
[303] *Макаров А. И.* В боях за Моонзунд. М., 1957. С. 86.
[304] *Ачкасов В.* Моонзундская десантная операция // Военно-исторический журнал. 1973. № 4. С. 30.
[305] *Ару К., Паульман Ф.* Наш генерал. Краткий биографический очерк о Лембите Пэрне. С. 89–90.
[306] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 93.
[307] *Курчавов И.* Гвардия Эстонии. Таллин, 1946. С. 27–34.
[308] Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. С. 384.
[309] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 94 об.
[310] *Мельцер В.* Борьба за Моонзундские острова в 1917–1941–1944 гг. / Пер. с нем. Некаргемюнд, 1966. С. 104.
[311] Журнал боевых действий группы армий «Север» за октябрь 1944 г. С. 49.
[312] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 2. Л. 94.
[313] Там же. Оп. 1074. Д. 15. Л. 6.
[314] Журнал боевых действий группы армий «Север» с 1 по 30.09.1944 г. С. 578–579.
[315] ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 5. Л. 155.
[316] *Макаров А. И.* В боях за Моонзунд. С. 104.
[317] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 2. Л. 253.
[318] Там же. Оп. 1074. Д. 15. Л. 19.
[319] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 2. Л. 94.
[320] *Мельцер В.* Борьба за Моонзундские острова в 1917–1941–1944 гг. С. 109.
[321] Цит. по: *Курчавов И.* Освобождение Советской Эстонии. С. 107.
[322] ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 7. Л. 161–162.
[323] Там же. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 95.
[324] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 642.
[325] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 100. Л. 252.
[326] *Макаров А. И.* В боях за Моонзунд. С. 111.
[327] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 96.
[328] Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический сборник. Т. 2. С. 44.
[329] *Макаров А. И.* В боях за Моонзунд. С. 124.
[330] *Курчавов И.* Освобождение Советской Эстонии. С. 113.
[331] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 98.
[332] Там же.
[333] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 3. С. 167–168.
[334] *Мельцер В.* Борьба за Моонзундские острова в 1917–1941–1944 гг. С. 120.
[335] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 330.
[336] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 644.
[337] Номинально в составе флота, кроме того, числился линейный корабль «Петропавловск», тяжело поврежденный германской авиацией в 1941 г.
[338] Подсчитано по: ЦВМА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 415. Л. 3; Ф. 864. Оп. 1. Д. 484. Л. 17–69; Д. 800. Л. 2–61; *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945. М., 1988.
[339] ЦВМА. Ф. 46. Д. 19065. Л. 147–147 об.
[340] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 65–66.

[341] U. S. National Archives and Records Administration (NARA). T-1022, roll 2641. KTB FdM Ost, Taktische Gliederung des FdM-Ost Verbandes Stand 31.5.1944. S. 1–9.

[342] ЦВМА. Ф. 25. Д. 34137. Л. 36–43, 68; Д. 19109. Л. 34–46; Д. 39595. Л. 10–13; Ф. 46. Д. 25853. Л. 22, 28; Д. 19104. Л. 540–565; Ф. 79. Д. 33590. Л. 6; История второй мировой войны. Т. 9. С. 26–31; *Перечнев Ю. Г.* Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения. 1921–1945. М., 1976. С. 169–176; Краснознаменный Балтийский флот в завершающий период Великой Отечественной войны. 1944–1945. М., 1975. С. 249–259.

[343] Боевой путь советского Военно-морского флота. Изд. 3-е. М., 1974. С. 302–303.

[344] Были пленены шесть подводников, включая командира. На допросе он дал ценные сведения о вооружении U-250 новейшими самонаводящимися торпедами. Позднее U-250 была поднята и обследована советскими специалистами, а материалы по конструкции торпед направлены союзникам по антигитлеровской коалиции (Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 1. С. 319–320, 333, 335).

[345] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. М., 1962. С. 428.

[346] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 83.

[347] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 175.

[348] Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1969. С. 244–245.

[349] *Rohwer J.* Allied Submarine Attacks of World War Two. European Theatre of Operations 1939–1945. Lnd., 1997. P. 90–96.

[350] ЦАМО. Ф. 311. Оп. 4495. Д. 243. Л. 33–34.

[351] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 66.

[352] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 343–348.

ФРОНТ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

Победы, одержанные Вооруженными силами СССР в год завершения коренного перелома в войне, способствовали активизации борьбы партизан и подпольщиков на оккупированной территории. В начале 1944 г. в тылу врага сражались 250 тыс. партизан и в дальнейшем их ряды только расширялись. Своей героической борьбой они вносили достойный вклад в завершение освобождения советской территории.

Для 1944 г. было также характерно стремление Третьего рейха мобилизовать разного рода националистические и иные антисоветские вооруженные формирования на борьбу с советскими войсками, населением и местными органами советской власти в освобождаемых Красной армией районах. Для противодействия им использовались преимущественно войска по охране тыла действующей армии. Однако во второй половине года для этих целей были привлечены дополнительные органы и войска Народного комиссариата внутренних дел СССР.

Народная борьба в тылу врага

В 1944 г. основную тяжесть выполнения задач по завершению освобождения советской территории от вражеской оккупации вынесли на своих плечах советские вооруженные силы, разгромившие врага под Ленинградом, на Правобережной Украине, в Белоруссии, Крыму, Прибалтике, Карелии, Заполярье и других районах СССР. Вместе с тем значительную помощь Красной армии оказывала борьба советского народа в тылу врага. Главной формой этой борьбы являлись действия партизанских формирований, которые в этот период характеризовались возросшей организованностью и более тесным взаимодействием с регулярными войсками.

К началу 1944 г. советские войска вплотную приблизились к районам, где действовали крупные партизанские группировки. На правом крыле советско-германского фронта, на территории Мурманской области и в Карелии, сражались 1,5 тыс. партизан, в тылу группы армий «Север», в Ленинградской и северной части Калининской области, а также в Эстонии и Литве — 43 тыс. народных мстителей. Самая крупная группировка партизан, свыше 150 тыс. человек, находилась в тылу немецкой группы армий «Центр» — в южных районах Калининской области, в Белоруссии и Литве. На оккупированной части Украины, в Молдавии и Крыму — в тылу групп армий «Юг» и «А» — сражались около 50 тыс. партизан[1].

По состоянию на 13 января 1944 г. в тылу врага находилось 424 радиостанции, которые обеспечивали связь с Москвой 1131 партизанскому отряду. Непосредственной опорой партизанских сил были их резервы, насчитывавшие сотни тысяч человек, особенно на Украине и в Белоруссии[2].

Партизанскими формированиями, входившими в состав этих группировок, руководили штабы партизанского движения или их представительства (оперативные группы) при военных советах фронтов. Особо следует отметить, что партизанские группировки действовали организованно, целенаправленно, тесно взаимодействуя с Красной армией на основе совместных планов. Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих мемуарах писал «По опыту своей работы в Генеральном штабе я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение народов в тылу врага играло роль важного фактора в общих стратегических планах и расчетах Верховного Главнокомандования»[3].

Партизаны решительными действиями не только наносили врагу огромный военный и материальный ущерб, но и подрывали моральный дух и боеспособность немецких солдат и офицеров, держали их в постоянном страхе перед неминуемой расплатой за свои злодеяния и тем самым ослабляли боевую мощь гитлеровской армии. Вместе с тем успешные боевые действия партизан укрепляли уверенность советских людей, томящихся под игом немецкого порабощения, в неизбежности краха оккупационной системы врага, воодушевляли их на новые подвиги, расширяли и активизировали фронт народной борьбы, являлись стимулирующим примером для населения других стран, оказавшихся под гнетом иноземных поработителей.

Миллионы советских людей на оккупированной территории осознавали, что война принесла им не освобождение от большевизма, как об этом трубила гитлеровская пропаганда, а порабощение и физическое уничтожение. Это не могло не вызвать всенародного сопротивления, которое под влиянием организационных и политических мероприятий общественных и государственных органов и организаций Советского Союза, многократно усиленное любовью к Родине, быстро превратилось в могучую силу — поистине стало вторым фронтом, внесшим значительный вклад в победу.

В начале 1944 г. произошло изменение в системе управления партизанскими силами. Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 13 января Центральный штаб партизанского движения был расформирован. С этого времени полная ответственность за руководство народной борьбой в тылу врага легла на ЦК компартий Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Карело-Финской ССР, на Ленинградский, Калининский и Крымский областные комитеты партии и местные штабы партизанского движения. В свою очередь, военным советам фронтов поручалось оказание помощи этим органам в обеспечении партизанских отрядов боеприпасами и взрывчатыми веществами.

Опыт войны показал, что решение об упразднении Центрального штаба партизанского движения было преждевременным, так как именно в это время были спланированы и стали осуществляться одновременные и последовательные операции групп фронтов с целью разгрома войск вермахта и полного освобождения советской земли от захватчиков. Обстановка требовала согласованных действий партизанских сил с войсками Красной армии в масштабе всей страны, а не только на территории отдельных административных республик и областей, тем более что полосы наступления групп фронтов с ними не совпадали. Однако в это время ни в Ставке ВГК, ни в Генеральном штабе не осталось ни одного координирующего органа, в функции которого входило бы решение вопросов организации и осуществления такого рода взаимодействия.

Ликвидация Центрального штаба партизанского движения повысила ответственность ЦК компартий союзных республик и обкомов партии за руководство партизанским движением, проведение массово-политической работы среди партизан и населения. Их секретари стали тщательнее изучать обстановку на оккупированной территории, предметнее руководить партийным подпольем, теснее осуществлять связь с военными советами фронтов и армий. Это, в свою очередь, дало возможность заблаговременно ставить партизанам и подпольщикам задачи на активизацию боевых действий в помощь Красной армии в конкретных фронтовых и армейских наступательных операциях.

Настроение населения оккупированных территорий Советского Союза в 1944 г. характеризовалось огромным политическим подъемом. Оно в своем подавляющем большинстве

Один из украинских партизанских отрядов

Советские партизаны с трофейным немецким пулеметом

люто ненавидело представителей оккупационных режимов, с нетерпением ожидало возвращения Красной армии и, несмотря на все более усиливавшийся террор со стороны врага, всячески помогало партизанам и подпольщикам. В борьбе участвовали все социальные слои населения, представители всех народов СССР, добровольцы из тыловых районов страны. В составе партизанских отрядов, учтенных к началу 1944 г., было 30% рабочих, около 42% колхозников и свыше 27% служащих.

На борьбу с оккупантами поднялись люди всех возрастов. 60% партизан составляла молодежь, около 10% — женщины. Они были отважными разведчицами, радистками, пулеметчицами и стрелками, вместе с мужчинами стойко и мужественно переносили все тяготы партизанских будней, опасность работы в подполье.

Каждое партизанское формирование было многонациональной семьей. Так, в бригаде имени А. Ф. Данукалова Витебской области мужественно боролись с оккупантами представители 21 национальности, в партизанской бригаде имени В. П. Чкалова Барановичской области было представлено 29 национальностей, в украинских партизанских соединениях М. И. Наумова и И. А. Хитриченко — 27 национальностей, А. Ф. Федорова и А. З. Одухи — 38 национальностей.

Борьба советских людей в тылу врага носила подлинно интернациональный характер. В 1944 г. вместе с советскими людьми против оккупантов сражались отряды и группы граждан Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии. Всего, по неполным данным, в советских партизанских формированиях и подпольных группах в годы войны находилось не менее 10 тыс. человек из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Бесстрашные партизаны-антифашисты словак Я. Налепко и немец Ф. Шменкель удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

Это была по-настоящему народная борьба, вызванная к жизни глубокими политическими и экономическими причинами, справедливым, освободительным характером Великой Отечественной войны, организаторской и политической деятельностью органов государственного и партийного руководства страны.

Военные советы фронтов и армий особое внимание уделяли материально-техническому обеспечению партизан и подпольщиков. В первой половине 1944 г. в партизанские отряды и соединения, действовавшие в Латвии, Белоруссии и на Украине, было переброшено авиацией свыше 1400 тонн грузов. Однако этого, как и прежде, было недостаточно. Рост партизанских сил и их потребности в боеприпасах и оружии значительно превышали фактические поставки из тыла страны.

К началу марта 1944 г. личный состав партизанских формирований Белоруссии был вооружен лишь на 60%. В соответствии с расчетами Белорусского штаба партизанского движения вес только комплекта оружия всех белорусских партизан должен был составлять около 5 тыс. тонн. Однако в феврале 1944 г. им было доставлено только 96 тонн. Всего же за первые 2,5 месяца 1944 г. в тыл врага удалось перебросить 193 тонны боевых грузов[4]. Трофеи, захваченные у противника, слабо восполняли недостаток в боеприпасах и вооружении. Это, конечно, ограничивало возможности партизан и подпольщиков, однако в дальнейшем помощь усилилась. По заявкам представительств и оперативных групп партизанских формирований при Военных советах 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов накануне операции «Багратион» самолетами на партизанские базы было доставлено 52 тонны тола, 1146 автоматов, 1645 винтовок и карабинов, 227 ручных пулеметов, 68 минометов, 80 противотанковых ружей и другое военное имущество[5].

В ходе зимне-весенней и летне-осенней кампаний 1944 г. продолжали совершенствоваться формы и способы партизанской борьбы. Эта борьба стала отличаться большим разнообразием. Она включала такие виды партизанской деятельности, как боевую, диверсионную, разведывательную, а также различные их сочетания. Имели место массово-политическая работа среди населения и советских военнослужащих, оказавшихся на оккупированной территории, подрывная работа по разложению войск противника и пособников оккупационных властей и т. п.

Юный разведчик-партизан

В партизанском отряде воевали и стар и млад

Партизанки, участвовавшие в освобождении Крыма

В ходе боевой деятельности партизанами решались следующие задачи: разгром гарнизонов, штабов, учреждений, отрядов войск противника; истребление отдельно следующих офицеров и солдат, охраны складов, транспортов и различных команд и агентов по изъятию у населения хлеба, скота и имущества; захват и разрушение железнодорожных узлов, станций и различных технических сооружений; уничтожение вражеских складов и баз с вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием и другим имуществом, гаражей и ремонтных мастерских; нападение на аэродромы противника, уничтожение самолетов, ангаров, складов бомб и горючего; истребление летно-технического состава, охраны аэродромов и других тыловых объектов[6].

Проведением диверсионных акций партизаны разрушали пути подвоза противника (подрыв мостов, порча железнодорожных линий, устройство крушений поездов, уничтожение автомобильного и гужевого транспорта), подрывали вражеские эшелоны с живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, уничтожали линии связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, аппаратуру связи, истребляли обслуживающий ее персонал, взрывали или сжигали электростанции, котельные установки, системы водоснабжения, промышленные предприятия и другие объекты, имевшие военное и экономическое значение.

Главная задача партизан в области разведывательной деятельности заключалась в осведомлении советского военного командования о расположении, численности и передвижениях противника. Они устанавливали местонахождение, нумерацию и состав войсковых частей и соединений противника, выявляли учреждения и органы оккупационных властей. Одной из приоритетных задач партизан была разведка вражеских аэродромов, установление количества и типов базирующихся на них самолетов, запасов горюче-смазочных материалов, а также охраны аэродромов на земле и с воздуха. Партизаны также вели разведку городов и других населенных пунктов с целью установления в них количества и дислокации вражеских гарнизонов.

Каждый вид партизанской деятельности имел свои специфические способы действий, поскольку на выбор влияло много факторов: социально-политическая обстановка на территории, плотность населения и его участие в противодействии врагу, состояние и степень развитости экономики данного района, оперативно-стратегическая обстановка на советско-германском фронте, удаленность мест базирования партизанских сил от линии фронта, условия местности, наличие лесов, озер, болот и других труднодоступных участков, время года[7].

Кроме того, на выбор тех или иных тактических приемов оказывали влияние характер задач, поставленных военным командованием партизанам, уровень овладения командным составом искусством организации и ведения партизанских действий, боевая выучка и мастерство личного состава партизанских формирований, их оснащенность оружием, боеприпасами, взрывчаткой и другими средствами борьбы.

Наиболее распространенными формами партизанской борьбы являлись: действия обособленных групп и отрядов, не имевших постоянных мест базирования и не выходивших за пределы своих административных районов; действия нескольких отрядов в определенных районах, освобожденных от неприятельских войск и превращенных в партизанские края и зоны; партизанские операции, проводимые по единому замыслу и плану крупными силами; рейды партизанских отрядов, бригад и соединений по тылам противника[8].

В 1944 г. на оккупированной советской территории наиболее широкий размах партизанская борьба приобрела в центральных и восточных областях Белоруссии и в северной части Украины. Значительно слабее была активность партизан на территории Прибалтики, Молдавии, западных областей Белоруссии и Украины. Главная причина такого положения вытекала из того, насколько прочно утвердилась советская власть в данных районах. Прибалтийские республики, а также западные области Белоруссии и Украины были включены в состав Советского Союза лишь в 1939–1940 гг., то есть непосредственно перед Великой Отечественной войной. Здесь политическая обстановка не благоприятствовала развитию партизанского движения.

Партизаны-подрывники Закарпатского партизанского отряда

Другим важным моментом, повлиявшим на степень активности партизанских действий, являлся экономический фактор. Положение экономики страны и тех районов, где велась партизанская борьба, позволяло иметь определенные источники для материально-технического обеспечения партизанских формирований и их всесторонней деятельности. Наличие запасов продовольствия, одежды, обуви, а также возможность их производства на местных предприятиях самым непосредственным образом влияли на выбор форм и способов партизанской борьбы. Этот фактор был действенным особенно в условиях широкой поддержки партизан местным населением. Успехи в области военного производства в целом по стране создавали благоприятные предпосылки для улучшения снабжения партизан, в первую очередь вооружением, боеприпасами, взрывчаткой и средствами связи, перебрасываемыми из советского тыла.

Партизаны внимательно следили за развитием событий на советско-германском фронте. Складывающаяся на нем обстановка самым непосредственным образом сказывалась на моральном и боевом духе личного состава партизанских формирований. Особенно активизировалась деятельность партизан после победы Красной армии в важнейших битвах и операциях, а также при приближении частей советских войск к районам их расположения. Так, боевые успехи регулярных вооруженных сил по освобождению Белоруссии существенно повлияли на численный рост рядов партизанских сил в западных областях этой республики и в Прибалтике, на переход их к более решительным способам действий.

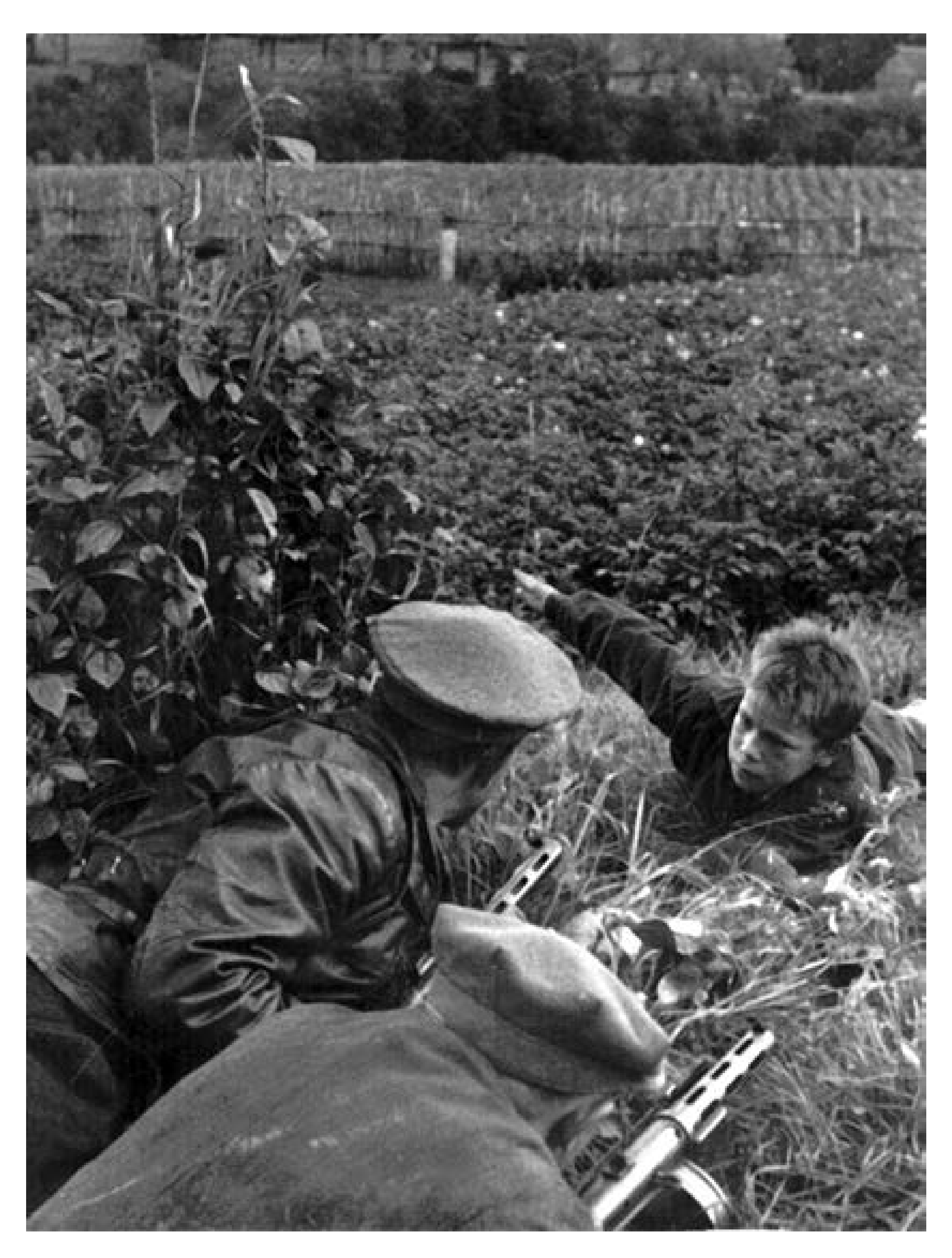
На развитие партизанской борьбы влияли и условия местности, особенно наличие на ней крупных лесных массивов, рек, озер, заболоченных участков. На местности, труднопроходимой для тяжелой техники и имеющей закрытый характер, партизанам было легче создавать свои базы, склады с запасами продовольствия, боеприпасов и оружия, скрытно разбивать лагеря, укрываться после проведенных операций и диверсионных актов. В лесах, на островах озер, заболоченных участках местности партизаны, как правило, устраивали полевые аэродромы и посадочные площадки для приема самолетов и грузов, прибывающих из советского тыла. С этих же аэродромов они осуществляли эвакуацию раненых и больных, в результате чего отрядам предоставлялась большая свобода действий и маневра.

Существенное влияние на способы партизанских действий оказывало и время года. Особенно трудно было сохранить высокую боеспособность партизанским формированиям в условиях суровой снежной зимы, поскольку сложнее было укрываться от воздушной разведки противника, от ударов с воздуха, большие трудности возникали с обеспечением продовольствием и фуражом, а для совершения ударов по коммуникациям требовались длительные переходы, которые в условиях больших снежных заносов и без соответствующей одежды и обуви осуществить было очень тяжело. С другой стороны, замерзшие болота и другие водные преграды с наступлением больших морозов облегчали доступ карателям, имевшим транспортную технику, к местам дислокации партизанских формирований. С наступлением лета радиус действий партизан значительно увеличивался.

На выбор форм и способов партизанской борьбы, безусловно, влиял и такой фактор, как характер задач, ставившихся политическим и военным руководством. В ходе войны объем этих задач и их содержание существенно изменялись, что, в свою очередь, вынуждало менять тактические приемы, отдавать предпочтение каким-либо отдельным видам партизанской деятельности.

Так, в период массового изгнания немецких захватчиков с оккупированной территории перед партизанами были поставлены задачи по всемерному усилению помощи Красной армии, срыву перебросок вражеских войск, подвоза оружия и боеприпасов, спасению граждан СССР от истребления и угона в Германию, препятствованию отступающему врагу в сжигании оставляемых городов и сел.

Кроме того, усилия организаторов и руководителей народной борьбы нацеливались на проведение широкой политической работы среди населения оккупированных врагом районов с целью укрепления веры в победу СССР, разоблачения всякого рода гитлеровской пропаганды и клеветы, вовлечения в партизанское движение новых слоев населения, а также развертывания подрывной деятельности в частях немецкой армии и среди пособников оккупационных властей.

Юный разведчик докладывает командиру партизанской бригады о расположении немцев

Партизанский отряд перед выдвижением на «рельсовую войну»

Орудийный расчет 45-мм пушки партизана-комсомольца Ф. И. Тимофеева
Черниговско-Волынского партизанского соединения А. Ф. Федорова ведет огонь по противнику

Советские партизаны ведут бой с карателями

И, наконец, самое непосредственное влияние на активность борьбы партизан, ее результативность оказывали знания и необходимые навыки партизанского руководства различных уровней в области организации и ведения партизанских действий, степень подготовленности личного состава партизанских формирований к выполнению поставленных задач, наличие у него боевого опыта, а также оснащенность оружием, боеприпасами, взрывчаткой и другими средствами борьбы.

Благоприятные условия, созданные ходом военных действий в 1944 г., накопленный опыт, наличие радиосредств и партизанских аэродромов, возросшая, хотя и недостаточная материальная помощь советского тыла позволили улучшить оперативное и тактическое взаимодействие партизанских сил с войсками Красной армии. Задачи партизанским формированиям ставились по радио, иногда через связных штабов партизанского движения, а также представителями военного командования, вылетавшими во вражеский тыл.

При организации партизанской деятельности на оккупированной врагом территории особенно важной была проблема планирования и координации действий партизан с регулярными частями. Успешному решению этой проблемы во многом способствовали централизация руководства партизанскими силами, создание республиканских и областных штабов партизанского движения.

В ходе наступления советских войск под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, при освобождении Карелии и Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики партизаны заранее спланированными и подготовленными операциями в значительной мере облегчали наступление советских войск. Так, оценивая роль украинских партизан в разгроме войск вермахта на Правобережной Украине, командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин писал: «Советские воины в своих операциях ощущали и ощущают большую непосредственную помощь партизанских соединений, которые нанесли гитлеровцам с тыла многочисленные сильные удары и прекрасно взаимодействовали с нашими войсками в боях за уничтожение крупных узлов обороны, за взятие городов, за разгром немцев на их укрепленных рубежах. Мы с радостью и гордостью отмечаем превосходно проведенные партизанскими отрядами бои за овладение г. Овруч, бои во взаимодействии с нашими частями за овладение такими городами, как Ровно, Луцк, и многими другими. Это, прежде всего, яркое свидетельство боевой мощи партизан, их способности самостоятельно и вместе с частями Красной Армии осуществлять серьезные, сложные и крупные по масштабам военные операции»[9].

Наиболее эффективно партизаны действовали на коммуникациях врага. Украинские партизаны зимой 1944 г. даже на усиленно охраняемых участках железных дорог подрывали ежесуточно в среднем до 150 вражеских эшелонов. Основная масса подрывов была совершена на железнодорожных магистралях Львов — Красное — Тернополь и Жмеринка — Винница — Калиновка.

Особенно тесное боевое сотрудничество партизан с советскими войсками отмечалось в Белорусской стратегической наступательной операции. Накануне операции Белорусский штаб партизанского движения разработал план взаимодействия с частями Красной армии. 6 июня 1944 г. этот план был согласован с командованием 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов и утвержден. Согласно этой договоренности, белорусские партизаны должны были усилить удары по коммуникациям противника, захватывать и удерживать до подхода частей Красной армии выгодные рубежи, переправы, плацдармы на реках, оказывать активную помощь советским войскам в освобождении городов, железнодорожных станций, проводить интенсивную разведку противника.

Крупнейшей операцией белорусских партизан было проведение третьего этапа «рельсовой войны», начатой в ночь на 20 июня, то есть за три дня до перехода в наступление советских войск. Суть ее сводилась к тому, чтобы мощными одновременными ударами партизанских соединений и отрядов по железнодорожным коммуникациям врага парализовать его перевозки и лишить возможности маневрировать резервами.

Белорусские партизаны провели эту операцию в точном соответствии с выработанным планом. Только в течение одной ночи они подорвали более 40 775 рельсов, парализовав движение почти на всех жизненно важных для врага железнодорожных коммуникациях. Полностью были выведены из строя магистрали Орша — Могилев и Орша — Борисов. До 29 июня они разрушили еще 20 тыс. рельсов[10]. Это была исключительно эффективная операция партизан, обеспечившая успешное начало разгрома немецкой группы армий «Центр» на территории Белоруссии.

Кроме того, партизанские отряды и соединения участвовали в ликвидации окруженных группировок противника в районах Бобруйска и особенно восточнее Минска, принимали участие в освобождении совместно с частями Красной армии нескольких белорусских городов: например Вилейка, Червень, Слуцк и Лунинец. Они самостоятельно освободили ряд населенных пунктов и удерживали их до подхода советских войск. Это способствовало повышению темпов наступления Красной армии. Всего в ходе Белорусской стратегической наступательной операции только партизаны уничтожили свыше 15 тыс. и взяли в плен более 17 тыс. немецко-фашистских солдат и офицеров[11].

Исключительно большое значение для советского военного командования по-прежнему представляла разведывательная деятельность партизан и подпольщиков. Характерно, что с каждым годом войны наблюдалось повышение интереса командования Красной армии к этому виду партизанской деятельности. Дело в том что в ходе борьбы выявились поистине неисчерпаемые возможности партизан как источника получения самой разносторонней информации о противнике. Кроме того, в 1944 г. в соединениях и отдельных отрядах в основном завершилось создание специальных разведывательных подразделений во главе с заместителями командира по разведке.

Имея тесную связь с местным населением и подпольными организациями, партизаны держали под непрерывным наблюдением обширные территории в тылу врага. В результате им удавалось добывать разведданные чрезвычайной важности и передавать их советскому военному командованию и другим государственным органам. Партизанская разведка Латвии, например, направляемая партийным подпольем, сумела проникнуть во все волостные и уездные центры, в гарнизоны и на железнодорожные станции. Многие отряды и все бригады имели прочные связи с крупнейшими городами республики и ее столицей Ригой.

К лету 1944 г. в партизанской сети агентурной разведки действовали 854 агента и 2214 осведомителей. Партизаны Латвии раскрыли расположение и устройство 26 немецких аэродромов, а также рубежи обороны, которые создавались отступающим противником в восточной и центральной частях Латвии, численность и нумерацию частей и т. д.[12]

Еще больший размах приняли партизанские рейды, представлявшие собой совокупность боев, диверсионно-разведывательной и массово-политической деятельности.

Так, в начале апреля 1944 г. был успешно завершен рейд 1-й Украинской партизанской дивизии под командованием П. П. Вершигоры и Н. А. Москаленко. Дивизия, передвигаясь по территории Житомирской, Ровенской, Волынской, Львовской областей Украины, Люблинского и Варшавского воеводств Польши, Брестской, Пинской и Минской областей Белоруссии за три месяца прошла по тылам противника 2100 км, провела 239 боев, форсировала семь рек, в том числе Горынь, Стырь, Западный Буг. Преодолела 30 шоссейных и 16 железных дорог, сильно охраняемых противником. Пустила под откос 224 вражеских эшелона, подорвала девять железнодорожных мостов.

В ходе рейда партизаны уничтожили более 5 тыс. вражеских солдат и офицеров, а около 600 взяли в плен[13]. 973 партизана были награждены орденами и медалями, а П. П. Вершигора, Д. И. Бакрадзе, П. Е. Брайко, В. А. Войцехович, П. Л. Кульбака, А. Н. Ленкин, С. П. Тутученко и А. К. Цымбал удостоены звания Героя Советского Союза. Успешно завершились и рейды соединений А. Ф. Федорова, М. И. Наумова, А. Н. Сабурова, С. В. Гришина и других.

Партизанская конница переправляется через реку

Народная борьба сочетала в себе общенациональные задачи по защите Родины от немецких захватчиков с интернациональными задачами по освобождению порабощенных народов других стран от гитлеровского ига.

Весной 1944 г. по согласованию с патриотическими силами Польши на ее территорию были перебазированы наиболее отличившиеся в предыдущих операциях и боях семь советских партизанских соединений и 26 отдельных отрядов, в том числе под командованием П. П. Вершигоры, И. Н. Банова, В. А. Карасева, Н. А. Прокопюка, А. Н. Иванова и других. К лету их количество увеличилось до 90. Общая численность партизан, действовавших на польской территории, составила 12 тыс. человек, на территории Словакии вели борьбу тысячи советских партизан[14]. К концу года только в Чехии и Моравии сражалось 14 соединений и 12 чехословацких отрядов. Более 17 тыс. партизан под командованием П. П. Величко, А. С. Егорова, В. А. Квитинского, М. И. Шукаева и других командиров приняли участие в Словацком национальном восстании.

В 1944 г. Украинский и Белорусский штабы партизанского движения оказывали большую помощь народам в подготовке партизанских кадров из числа патриотов-антифашистов для венгерских, румынских и чехословацких партизанских формирований. После обучения из подготовленных специалистов формировались группы, которые забрасывались на терри-

тории своих стран. Впоследствии из них вырастали крупные части и соединения. Нередко с этими группами направлялись за рубеж опытные советские партизаны, которые на местах выступали в роли организаторов народной борьбы. Советский Союз организовал также для сил Сопротивления заброску оружия, боеприпасов, взрывчатки и другого военного имущества.

Таким образом, под влиянием успехов советских вооруженных сил народная борьба на оккупированной территории в 1944 г. получила дальнейшее развитие. В результате удалось улучшить снабжение партизанских формирований и подпольных групп вооружением и материальными средствами, достичь более четкого взаимодействия партизан с войсками Красной армии. Положительным стало и то, что в тот период не менее 80% партизанских формирований имели постоянную радиосвязь со штабами партизанского движения. Партизанские части и соединения получили около 60 тыс. винтовок и карабинов, 34 тыс. автоматов, 4 тыс. пулеметов, 2,5 тыс. противотанковых ружей, 2,2 тыс. минометов, а также большое количество боеприпасов, взрывчатки и другого боевого имущества.

В 1944 г. наметилась тенденция укрупнения партизанских формирований. Основная часть партизанских отрядов объединялась в бригады (полки) и дивизии. Этому способствовали специфика широких наступательных действий советских войск на фронте, расширяющиеся масштабы задач партизанских формирований, а также увеличившийся размах карательных операций противника, вынуждавший их все больше переходить к открытым формам борьбы.

Главные усилия партизан и подпольщиков, как и в предыдущие годы, направлялись на дезорганизацию коммуникаций противника, освобождение, удержание и расширение партизанских зон и населенных пунктов, ведение разведки и содействие наступающим советским войскам. При этом партизаны использовали такие способы, как разгром гарнизонов, захват и удержание переправ и т. д. Эти действия тесно сочетались с другими формами народной борьбы в тылу врага: нелегальной деятельностью подпольщиков в городах и крупных населенных пунктах, саботажем на предприятиях и транспорте.

Одной из важных форм партизанской борьбы в 1944 г. стали рейды партизанских формирований во вражеском тылу. Только по заданиям партизанских штабов в тылу неприятеля было совершено более 30 рейдов, в которых приняли участие в общей сложности свыше 60 крупных партизанских формирований[15].

По мере освобождения от противника территории СССР на определенных направлениях партизанские отряды прекращали свои действия. Их личный состав или вливался в соединения действующей армии, или увольнялся для работы в народном хозяйстве.

По масштабам, политическим и военным результатам борьба советских партизан и подпольщиков в тылу гитлеровских войск приобрела стратегическое значение и превратилась в один из решающих факторов разгрома вооруженных сил Германии. Стратегическое значение деятельности партизан заключалось и в том, что они сковывали крупные силы регулярных войск противника, предназначенных для действий непосредственно на фронте. В общей сложности немецкое командование вынуждено было отвлекать на борьбу с партизанами около 10% состава сухопутных войск, находившихся на советско-германском фронте.

Победы не давались партизанам легко. По учтенным данным, из 284 548 партизан Белоруссии[16] были убиты и пропали без вести 37 378 человек, то есть примерно 13% от общего количества.

Родина высоко оценила народный подвиг. Более 250 партизан и подпольщиков были удостоены звания Героя Советского Союза. За выдающиеся заслуги в развертывании массового партизанского движения многие руководители партизанской борьбы и антифашистского подполья были награждены полководческими орденами, в том числе орденами Суворова и Кутузова[17].

На стороне врага

В годы Великой Отечественной войны одним из самых крупных антисоветских политических объединений стала Организация украинских националистов (ОУН), расколовшаяся на ОУН(м) (мельниковцев) и более агрессивную ОУН(б) (бандеровцев) — по именам их вождей А. Мельника и С. Бандеры. В 1942 г. при активной поддержке немецких спецслужб было создано боевое крыло ОУН(б) — Украинская повстанческая армия (УПА). Она активно поддерживалась немецким командованием, которое было заинтересовано в антисоветской деятельности националистического подполья в тылу Красной армии. Только за период формирования УПА ей было передано на вооружение 10 тыс. станковых и ручных пулеметов, более 700 минометов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, большое количество мин, снарядов, миллионы патронов, 300 полевых радиостанций, около 100 портативных типографий[18].

Еще в августе 1943 г. на съезде ОУН(б) был официально принят тезис о проведении равной политики в отношении всех народов, проживавших на Украине. Тем самым открытый террор перешел в скрытую форму. В живых оставались лишь те, кто, по мнению националистов, был им полезен. Подобный шаг объясняется попыткой найти поддержку в Великобритании и США. Однако к тому времени «еврейский вопрос» на территориях, подвластных ОУН, был почти решен.

До сих пор об ОУН существуют два расхожих мифа: о массовой их поддержке со стороны населения (особенно на Волыни) и об их борьбе против немецких войск. Впрочем, действительность была иной. Так, за неявку на призывной пункт или отказ от выполнения разнообразных повинностей уже ограбленные немецкими оккупантами украинцы наказывались шомполами — от 25 ударов и более[19]. Как показывал на допросе И. Т. Кутковец, «в УПА 60%, а то и больше, находятся мобилизованные, которые при удобном случае из УПА уйдут»[20]. Показательны колебания и в других формированиях, состоявших из украинских коллаборационистов. Набранный из них 118-й полицейский (шуцманшафт) батальон пытался бежать из Польши, куда был передислоцирован для подавления Варшавского восстания. Украинские «полицейские» сдались французским партизанам в августе 1944 г.

О стычках же украинских националистов с немецкими войсками можно говорить эпизодически — как о грабительских налетах на немецкие эшелоны с вывозимым с Украины имуществом. Как правило, вожди ОУН и УПА договаривались с командирами отдельных частей оккупантов о координации действий или передаче той или иной территории в ведение националистов, высвобождая тем самым немецко-фашистские войска для фронта[21]. Как показал анализ захваченных чекистами документов полиции безопасности и СД в Галиции, руководство ОУН с начала 1944 г. в связи с возросшими темпами наступления частей Красной армии и освобождением территории Украины от немецких захватчиков неоднократно обращалось к различным германским инстанциям с предложением максимально использовать «кадры ОУН и УПА в борьбе против Красной Армии, партизанских формирований и органов Советской власти в нашем тылу»[22].

Набранная из украинских националистов добровольческая дивизия «Галичина», переименованная в июле 1944 г. в 14-ю гренадерскую (1-ю галицийскую) дивизию СС, приняла участие в боях с Красной армией. Немецкое командование бросало ее в бой отдельными полками, пытаясь закрыть бреши в ходе Львовско-Сандомирской операции. Бо́льшая часть дивизии вместе с немецкими войсками была окружена 16 июля 1944 г. под Бродами.

Наряду с ОУН, другой старейшей антисоветской политической организацией был эмигрантский Народно-трудовой союз (НТС, позднее — Народно-трудовой союз нового поколения, НТС НП). Однако, несмотря на бурную агитационную деятельность, НТС (как и большинство других антисоветских политических русских партий) подвергся репрессиям гестапо. В случае с НТС поводом для репрессий были его связи с немецкими генералами, готовившими свержение Гитлера. Хотя члены НТС и не принимали участия

Боевики сотни УПА

Призыв о вступлении в дивизию СС «Галичина»

в подготовке покушения, около 200 представителей его Исполнительного комитета были арестованы и помещены в концлагеря, а 60 казнены. Преследование партии прекратилось после вмешательства А. А. Власова. Но вскоре спасенные им вожди НТС прервали отношения с генералом-предателем, стараясь получить расположение западных союзников по антигитлеровской коалиции.

14 ноября 1944 г. в Праге была провозглашена программа Комитета освобождения народов России (КОНР), который пытался играть роль руководящего центра антисоветской борьбы всех коллаборационистов, включая белоэмигрантские организации и национальные комитеты. «Пражский манифест» содержал в себе много противоречий. Так, в нем говорилось, что новая политическая организация намерена бороться за национальное самоопределение народов России, но при этом лидеры КОНР стремились взять под свой контроль многочисленные «национальные комитеты», действовавшие против СССР. Документ объявлял целью демократические свободы и мирные отношения с соседними странами. Однако о гитлеровской Германии, стремившейся физически уничтожить советский народ, авторы манифеста умолчали.

«Борьба против Гитлера», о которой зачастую пишут власовцы, становится тем более сомнительной, если обратиться к истории создания вооруженных сил будущего КОНР. А. А. Власов получил согласие на формирование Русской освободительной армии (РОА) на встрече 16 сентября 1944 г. с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, чьи подчиненные за несколько лет до этого разработали генеральный план «Ост». В РОА, в частности, вошла «бригада Каминского» (Русская освободительная народная армия, РОНА), состоявшая из 8–8,5 тыс. человек военнопленных и преступников и имевшая на вооружении 10 танков, две танкетки и 30 автомашин, три пушки, четыре крупнокалиберных пулемета и автоматы[23]. После освобождения Брянщины Красной армией РОНА отступила с немецкими войсками, а затем приняла участие в кровавом подавлении Варшавского восстания в сентябре 1944 г. После этого РОНА была расформирована и влилась в РОА. Вместе с остатками украинских и белорусских националистических формирований она была слита в 30-ю гренадерскую дивизию ваффен-СС.

Сложными были взаимоотношения власовцев с казачьими формированиями. Некоторые из них, как 17-й танковый казачий батальон (3-й танковой армии), несмотря на бегство части казаков к партизанам, перешли под руководство КОНР.

На 1944 г. пришлась основная боевая деятельность Русского охранного корпуса в Сербии (около 17 тыс. человек), сформированного осенью 1941 г. из белоэмигрантов и присягнувшего на верность Гитлеру для борьбы с югославскими партизанами. В декабре 1944 г. корпус влился в РОА.

В 1944 г. в Белоруссии было объявлено о создании двух антисоветских организаций — Союза борьбы против большевизма (СБПБ) и Союза русской молодежи (СРМ). В период решающих побед Красной армии и отхода от Германии ее сателлитов было принято не имевшее ранее прецедентов решение о вхождении в эти партии лиц любой национальности (кроме евреев), если только они не были замечены в связи с НКВД. По положению в СБПБ могли вступать (но только после полугодового испытательного срока) и бывшие коммунисты. Однако, несмотря на громкое название, «послабления» для членства и богатые почетные награды, обе организации не вышли за пределы Бобруйской области и ограничились пропагандистскими акциями.

Незадолго до освобождения Белоруссии Красной армией по приказу начальника полиции безопасности и СД генерального округа «Белоруссия» с 6 февраля по 15 марта 1944 г. был проведен призыв лиц 1898–1917 и 1921–1924 годов рождения в Белорусскую краевую армию (БКА). Чтобы расширить численность призыва, привлекли в качестве офицеров и унтер-офицеров военнослужащих русской, Красной и бывшей Польской армий в возрасте до 55 лет включительно[24]. Всего было создано семь батальонов общей численностью 21 629 человек. Сорвать призыв помогла активная деятельность партизан, распространивших большое количество листовок с соответствующим обращением. «Оборонцы» не оказывали

Пропагандист Русской освободительной армии (РОА) зачитывает советским военнопленным воззвание генерала А. А. Власова

Солдаты 13-го полицейского (белорусского) батальона СД

сопротивления партизанам и присоединялись к их отрядам вслед за агитаторами, проникавшими на призывные пункты[25]. Сформированные батальоны приняли участие в боях с советскими войсками в ходе операции «Багратион», но были разгромлены и влились в 30-ю гренадерскую дивизию СС.

Националистическое подполье в Прибалтике в годы Великой Отечественной войны базировалось на том, что приход к власти в Литве, Латвии и Эстонии в 1940 г. правительств, ориентированных на Советский Союз, и последующее вхождение этих республик в состав СССР оказалось приемлемо не всеми проживавшими в них гражданами. Антисоветские выступления при непосредственном участии немецкой разведывательной и пропагандистской сети в Прибалтике особенно активизировались в конце 1940 — начале 1941 г. С началом же Великой Отечественной войны противодействие органам советской власти и борьбе Красной армии с немецкими агрессорами со стороны националистических организаций Прибалтийских республик приняло еще более ожесточенный характер.

В Эстонии с началом боевых действий отряды «Лесных братьев» стали нападать на подразделения Красной армии и на местные органы советской власти. После немецкой оккупации, в июле 1941 г. на территории республики была воссоздана вооруженная организация «Омакайтсе» («Самозащита»), которая занялась подпольной вооруженной борьбой против Красной армии в лесной местности (отсюда — неофициальное название «Лесные братья»). До 1942 г. «Омакайтсе» формировалась исключительно из добровольцев, а в дальнейшем — в порядке мобилизации. Она была разбита на 13 территориальных полков, которые, в свою очередь, делились на батальоны, роты, взводы и отделения. Общая численность формирований достигала 90 тыс. человек, среди которых было значительное количество женщин. «Деятельность «Омакайтсе» в период оккупации Эстонии немецкими войсками представляет собой картину методичного и беспощадного истребления партийно-советского актива, партизан и советских парашютистов-разведчиков, безудержного насилия и издевательства над вышеуказанными и тем самым создавала тяжелые условия для подпольной антифашистской деятельности и партизанского движения в Эстонии»[26]. В 1941–1942 гг. «Омакайтсе» было проведено 7 тыс. облав для задержания партизан, парашютистов, бежавших из лагерей советских военнопленных и лиц, уклонявшихся от призыва в немецкие и националистические воинские формирования. Важнейшей задачей «Омакайтсе» была караульная служба. На организацию была возложена береговая охрана, охрана военнопленных, железных, шоссейных дорог и других объектов[27].

В Латвии с первых месяцев войны полки националистической организации «Айзсарги» развернули активное противодействие как частям Красной армии, так и органам советской власти. По сообщению командира 5-го мотострелкового полка НКВД, в ходе обороны Риги 23–25 июня 1941 г. его подразделениям пришлось вести борьбу не только с наступающими немецкими войсками, но и с националистическими организациями[28]. Всего же летом 1941 г. в Латвии действовало 129 вооруженных групп националистов[29].

Латышские националисты рассчитывали восстановить независимое государство, однако немецкие власти заявили о том, что вопрос о статусе Латвии будет решаться после окончания боевых действий. В конце 1941 г. немецкие оккупационные власти на территории Латвии разрешили сформировать самоуправление, органы которого в различные военизированные формирования смогли привлечь до 110 тыс. человек[30].

Армия освобождения Литвы (ЛЛА), Высший комитет освобождения Литвы, Союз литовских партизан и Комитет защиты Литвы после 1943 г. развернули активную деятельность.

Преступлениями отмечен также путь крымско-татарских охранных (противопартизанских) батальонов, чья численность с июля по май 1944 г. составляла 15–16 тыс. человек. Широко известны факты уничтожения деревень и сожжения их жителей заживо вблизи зон действия партизанских отрядов, чтобы уничтожить «экономическую базу» последних. Неизменным оставалось лишь на грани разумного их отношение к другим народам полуострова. При активном участии крымско-татарских формирований были разгромлены партизанские базы, выжжены населенные пункты вблизи лесных массивов и истреблены их

жители. В процессе карательных операций с участием крымско-татарских националистов были истреблены 86 тыс. мирных жителей Крыма, 47 тыс. военнопленных и 85 тыс. человек угнаны в Германию. Уничтожались в основном русские, украинцы, евреи, греки, цыгане[31].

На оккупированной территории Карело-Финской АССР хозяйничало Военное управление Восточной Карелии (ВУВК). Важнейшим направлением его деятельности было создание «зоны вакуум», где все русское население помещалось в концентрационные лагеря.

В 1941–1944 гг. по инициативе финской военной разведки и националистических организаций были набраны служащие в Олонецкую оборонительную бригаду, 4-й разведывательно-диверсионный и 6-й отдельный батальоны. Бригада после непродолжительных боев была расформирована, из ее состава выделен хеймо-батальон (батальон соплеменников), насчитывавший от 1000 до 1200 человек[32]. В 1943 г. в нем был раскрыт заговор бывшего капитана Красной армии Михаила Никитина (набранные из бывших советских военнослужащих финские отряды, подобно другим коллаборационистским формированиям в заключительный период войны, отличались массовым дезертирством). Батальон был отправлен на строительство оборонительных сооружений, а в летом 1944 г., понеся тяжелые потери в боях против Красной армии, отступил и был подчинен 2-й немецкой пехотной дивизии[33]. После заключения перемирия с Финляндией около 2000 предателей, воевавших против СССР, были интернированы.

Свою специфику имело сотрудничество с врагом на Дальнем Востоке. Так, под руководством японской военной миссии на Сахалине был создан разведывательно-диверсионный отряд. В него было привлечено все русское мужское население острова, но численность оказалась немногим более 20 человек[34]. Их готовили к ведению партизанской войны против Советского Союза, а также привлекали к сельскохозяйственным работам. В боевых действиях отряд не участвовал.

Понимая неизбежность военного поражения, оккупационные власти на всей захваченной территории СССР стремились действовать более гибко. Оккупанты развивали политическую (как прикрытие истинных целей) и экономическую (ограбление народного хозяйства) формы пособничества. Но в связи с коренным переломом и изгнанием с советской территории оккупационные власти пытались компенсировать военные потери обманом «добровольцев», ограблением советской экономики и разрушением транспорта. Однако эти преступления усиливали ненависть и сопротивление местного населения. Понимая неизбежность краха, предатели все чаще переходили на сторону советских войск.

Очевидным становилось и нежелание воевать на стороне Германии «добровольцев» из Прибалтики. В 1944 г. все больший масштаб приобретало дезертирство по пути следования к линии фронта и непосредственно на передовой. Организовавший переход 26 марта 1944 г. восьми солдат 15-й латышской дивизии А. Зунда показал на допросе: «18 марта 2-й латышский пограничный полк в количестве около 2500 человек был направлен к русской границе... По пути на фронт из эшелона дезертировало 100 солдат... Когда мы подошли к границе, мы поняли, что нас обманули и гонят на фронт. Солдаты были возмущены и кричали: «Мы не хотим воевать против русских! При первом же бое мы перейдем к русским и будем просить, чтобы нас направили в латышскую дивизию, которая сражается вместе с Красной армией. Когда мы переходили через границу, все солдаты стреляли в воздух в знак протеста и кричали: «Прощай Латвия! Нас гонят умирать за паршивых фрицев!»[35]. Таким образом, в последние дни оккупации откровенным обманом и насилием в войска удавалось заманить местных жителей, но набранные таким образом части отличались низкой боеспособностью.

Среди предателей оставались только наиболее закоренелые противники советской власти и уголовные преступники, которые, как правило, вступили на путь пособничества в первые дни оккупации и обагрили свои руки кровью мирных жителей (как «команда Арайса» или Русский охранный корпус). Командование РОА, видевшее своей главной задачей «сохранить и по возможности растить русскую «живую силу» до краха нацистов»[36], также не стремилось активно участвовать в боевых действиях.

Борьба с националистическим террором

Значительно бóльшую опасность для населения освобожденных областей, советских вооруженных сил и органов власти в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине представляли остававшиеся в подполье националистические вооруженные формирования, которые в октябре 1944 г. были переданы под руководство созданного из офицеров абвера и РСХА диверсионного органа СС Ягдфербанд-Ост. Его целью являлись подготовка и руководство агентами, которые должны были осуществлять диверсии на важных железнодорожных и военных объектах в слабо охраняемых районах (населенных пунктах), захватывать власть, проводить антисоветскую агитацию и вовлекать население в борьбу против СССР. Все подразделения Ягдфербанд-Ост делились на две группы: Балтийскую и Общерусскую.

В августе 1944 г. в Латвии сотрудниками СС Ягдфербанд-Балтикум была создана диверсионно-террористическая организация «Межа Кати» («Дикая кошка», численностью более 750 диверсантов), которая позже вошла в состав Балтийской группы. «Межа Кати» состояла из отдельных диверсионно-террористических отрядов, скомплектованных по принципу землячества, куда вербовали добровольцев латышских дивизий СС, полицейских и нацистских пособников — членов латышской националистической организации «Айзсарги». Отряды создавали в лесах тайные базы с продовольствием, оружием, боеприпасами. Все руководящие должности занимали балтийские немцы[37]. После капитуляции Германии члены террористических организаций перешли на нелегальное положение, получив приказ «выжидать развития международных событий, а затем, в случае вооруженного конфликта между союзниками и СССР, по сигналу СС Ягдфербанд приступить к активной подрывной деятельности в тылу советских войск в пользу англо-американской коалиции»[38].

Кроме «Межа Кати» в распоряжении Балтийской группы находились подразделение диверсантов-латышей и эстонская рота СС. Обе группы были подготовлены для переброски в тыл советских войск для подрывной работы.

Общерусская группа Ягдфербанд-Ост имела в своем составе южнорусскую подгруппу, подгруппу при штабе, подгруппу в чешском городе Трутнов и украинскую подгруппу. Общая численность группы — более 500 диверсантов[39].

Чтобы не вызывать лишних жертв, советские органы центральной власти выпустили ряд обращений к служащим немецкой оккупационной администрации из числа местного населения. В начале 1944 г. вышло совместное обращение ЦК КП(б) Белоруссии, СНК, Президиума Верховного Совета БССР «К старостам, полицейским, служащим городских управлений и комендатур, ко всем, кто был обманут немецкими захватчиками, из-за страха служил врагу». 12 февраля 1944 г. СНК УССР выпустил обращение «К участникам так называемых УПА и УНРА», в котором говорилось об амнистии участникам этих военизированных формирований, не участвовавших в совершении преступлений, сдавшим оружие и добровольно прекратившим участие в антисоветской деятельности. 9 марта 1944 г. аналогичное обращение, названное «К женщинам, мужья и братья, отцы и сыновья которых являются участниками так называемых УПА и УНРА», было издано Ровенским областным комитетом коммунистической партии. В ответ националисты развернули террор.

К началу 1944 г. руководимая ОУН Украинская повстанческая армия насчитывала до 80–100 тыс. человек. Организационно она состояла из трех групп: УПА-Запад, УПА-Север, УПА-Юг. Четвертая группа — УПА-Восток была продекларирована, но не создана. Служба безопасности ОУН и УПА занималась контрразведкой, агентурной работой, чинила суд и расправу над мирными жителями Западной Украины.

Свои базы банды создавали по типу военных лагерей. Они располагались в лесах и труднодоступных местах, на значительном удалении от дорог и больших населенных пунктов. Лагеря охранялись сторожевыми и наблюдательными постами. Между бандами имелась связь, которая осуществлялась в основном с помощью подвижных средств. Оружие наци-

оналисты брали из схронов (тайников), подготовленных немецкими спецслужбами. Так, при отступлении из Галиции было оставлено 40 секретных баз с оружием и боеприпасами[40].

1 января 1944 г. через линию фронта перешла группа УПА в количестве 40 человек. Ее заданием было осесть на освобожденной от оккупантов территории Житомирской области, приступить к созданию повстанческих отрядов из числа антисоветски настроенных украинцев и вооружать их, путем изъятия у населения и грабежа продскладов создавать продовольственные базы, проводить среди украинского населения антисоветскую националистическую пропаганду, совершать диверсионные акты, а также проводить террор против партизан, партийного и советского актива, работников НКВД, НКГБ и представителей Красной армии. Однако через две недели, 18 января, вся группа была арестована[41].

Тактика действий подобных бандгрупп УПА сводилась к внезапным нападениям из засад на небольшие подразделения Красной армии, НКВД, служебные наряды, командиров и руководителей партийных и советских органов власти, а также на склады советских войск. По мере продвижения войск охраны тыла действующей Красной армии к Государственной границе СССР отряды УПА стали действовать все активнее, более крупными группами — численностью от 100 до 150 человек.

25 февраля 1944 г. боевики ОУН в Львовской области совершили жестокую расправу в селе Гута-Пеняцкая бывшего Подкаменского, ныне Бродовского района Львовской области. За сотрудничество с советской властью все жители села (700 человек, в том числе женщины и дети) были сожжены, их имущество разграблено[42].

Нередко бандиты переодевались в форму военнослужащих Красной армии или сотрудников НКВД перед совершением актов террора.

Другим видом провокаций было внедрение представителей службы безопасности УПА в партизанские отряды, распространение в них националистической литературы и разложение морально-боевого духа. Такие лица выявлялись чекистами и вовлекались в оперативные игры[43].

Для бандитов, оставшихся в тылу, не было мирных граждан. Под их ударами гибли представители всех национальностей, проживавшие на Украине. Так, в ночь с 17 по 18 марта 1944 г. бандиты из УПА замучили до 100 человек жителей села Могильницы Будановского района Тернопольской области. Об отношении к полякам один из приказов УПА гласил: «Уничтожать всех поляков, которые стремятся к возобновлению оккупации украинских земель. Уничтожать все муры костелов и других религиозных заведений. Уничтожать приусадебные деревья, чтобы не осталось и признаков, что там когда-либо кто жил. Уничтожать все польские строения, в которых живут или ранее жили поляки»[44].

Периодически в советский тыл забрасывались крупные отряды диверсантов из числа пособников оккупантов под руководством немецких офицеров. Так, в начале апреля 1944 г. в Кременецкие леса были заброшены три группы по 300—400 человек с рациями, имевшие на вооружении пушки, минометы, станковые и ручные пулеметы, пистолеты-пулеметы. Тем самым возникла угроза основным железнодорожным и шоссейным узлам Здолбунов, Кременец, Острог, Шепетовка, а также тылам Красной армии на участке Броды — Дубно[45]. Группы были обезврежены.

Основная тяжесть борьбы с бандформированиями на Западной Украине в начале 1944 г. легла на войска по охране тыла 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Действиями этих войск руководило созданное в феврале 1943 г. Управление внутренних войск НКВД Украинского округа[46]. Характерными для внутренних войск в этот период явились действия в составе войсковых групп (1—2 роты) и батальонов. В первом квартале 1944 г. внутренними войсками на Украине было проведено 52 чекистско-войсковые операции по ликвидации националистических бандформирований. По сравнению с 1943 г. количество таких операций возросло в десять раз, а число задержанных бандитов — более чем в девять раз[47].

Активные действия против советских войск отряды УПА начали с января 1944 г. Бандиты совершали убийства советских и партийных работников и лиц, лояльно настроенных к советской власти, налеты на районные отделения НКВД, НКГБ, райкомы партии и другие

советские учреждения, на воинские колонны, мелкие группы военнослужащих, обозы с вооружением, боеприпасами и продовольствием. Группами «Олег» и «Черноморец» 29 февраля 1944 г. было совершено нападение на командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина, который от полученных ран 15 апреля скончался.

К весне 1944 г. группировка внутренних войск НКВД на территории Западной Украины включала: в Волынской области — одну стрелковую дивизию, три полка и одну бригаду (5285 человек); в Ровенской области — одну стрелковую дивизию и четыре бригады (8754 человека); в Львовской области — четыре бригады и один кавалерийский полк (6525 человек); в Тернопольской области — три бригады НКВД (3057 человек); в Станиславской области — одну бригаду (1328 человек); в Черновицкой области — две бригады (1355 человек).

Вскоре для борьбы с УПА были привлечены танковый батальон 2-й мотострелковой дивизии (163 человека и 22 танка) и пять бронепоездов: № 46 — в Ровно, № 73 — в Каменке-Струмиловке на Львовщине, № 26 — в Станиславе, № 42 — во Львове, № 45 — в Тернополе[48].

Согласно директиве начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии «Об организации борьбы с бандами УПА» от 21 февраля 1944 г., этой группировке войск предписывалось: организовать взаимодействие с органами НКВД и НКГБ и контрразведки Смерш в агентурно-оперативной работе по выявлению и ликвидации банд УПА; создать активно действующий агентурный аппарат для вскрытия организаций и ячеек ОУН, каналов их связи с бандами УПА и розыска этих банд; непосредственно участвовать в разработке планов совместных операций по ликвидации выявленных банд УПА, включая в состав разведывательно-поисковых групп, истребительных групп или истребительных отрядов офицеров разведки, подготовленных для борьбы с украинскими националистами; организовать и провести силами офицеров разведки специальные беседы с личным составом войск по их ознакомлению с контрреволюционной диверсионно-террористической деятельностью ОУН и УПА в тылу Красной армии; совместно с начальниками штабов войск разработать тактические приемы борьбы с бандами УПА и обучить этим приемам офицерский состав внутренних войск[49].

Главной формой деятельности войск НКВД весной и летом 1944 г. явились чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации банд одновременно на большой территории (во многих случаях границы этих операций совпадали с операциями по очистке от вражеских элементов тылов фронтов действующей армии). Основная задача операций заключалась в ликвидации националистических бандформирований и обеспечении в тылу советских войск твердого порядка, безопасной работы тыловых учреждений, местных партийных и советских органов власти.

Основными способами действий войск НКВД в таких операциях являлись перекрытие наиболее вероятных направлений движения бандформирований, поиск или прочесывание местности, окружение, атака, преследование. Только за февраль, март и первую половину апреля 1944 г. войсками НКВД Украинского округа было проведено свыше 50 операций по ликвидации националистических бандформирований.

Резко возросшее количество операций против банд в начале 1944 г. выявило некоторые недостатки в руководстве: ошибки в организации, недостаточную предварительную разведку, несвоевременное обеспечение боеприпасами и резервами, нерешительность в преследовании, отсутствие работы по обобщению опыта чекистско-войсковых операций[50].

В донесении Управления внутренних войск Украинского округа на имя командующего войсками 1-го Украинского фронта маршала Г. К. Жукова отмечалось, что в ходе операции по ликвидации бандформирований ОУН в Кременецких лесах Ровенской области, продолжавшейся семь суток, произошло 26 боевых столкновений, при этом отдельные бои длились по 8—11 часов; у бандформирований было захвачено: один самолет, семь пушек, 15 минометов, 42 ручных пулемета и большое количество другого оружия[51].

Всего по итогам борьбы с националистическим бандподпольем и вооруженными формированиями УПА и ОУН в первой половине 1944 г. войсками и органами НКВД были уничтожены 16 338 и взяты в плен 15 991 человек. Кроме того, явились с повинной 2549 членов

УПА и ОУН, были выявлены и арестованы 285 немецких агентов, 2922 бывших полицейских и 520 бывших старост населенных пунктов[52].

Дальнейшее обострение борьбы с украинским национальным подпольем произошло после полного освобождения Красной армией Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Черновицкой областей Западной Украины. Часть формирований УПА в это время стремилась перейти из их районов, а также из Польши в ранее освобожденные районы Волынской, Тернопольской и Ровенской областей. На территории восточной Польши оуновцы активно проводили мобилизацию украинской молодежи. Пик вооруженных антисоветских выступлений пришелся на середину августа 1944 г. Он был связан с объявлением мобилизации в Красную армию призывных контингентов из освобожденных областей.

С 10 августа по 5 сентября 1944 г. части и соединения внутренних войск провели на Украине 853 чекистско-войсковые операции. В Львовской области и прикарпатских районах Станиславской, Дрогобычской и Тернопольской областей войсками и органами НКВД были проведены сплошная проверка населенных пунктов и прочесывание лесных массивов. В этих мероприятиях также участвовали пограничные войска, войска НКВД по охране тыла 1-го и 4-го Украинских фронтов, сотрудники милиции и органов госбезопасности.

Так, в период с 22 по 27 августа 1944 г. в чекистско-войсковой операции по очистке Рава-Русского, Угновского, Магеровского, Немировского и Яворовского районов Львовской области участвовали шесть полков войск по охране тыла 1-го Украинского фронта, пять пограничных отрядов войск Украинского пограничного округа и три полка Красной армии. В результате были ликвидированы 11 076 человек (в том числе 126 немцев), арестованы 10 892 человека, а также задержаны 9304 человека, уклоняющихся от призыва в Красную армию[53].

В августе — сентябре 1944 г. войска НКВД совместно с войсками 4-го Украинского фронта провели ряд операций в Дрогобычской области. С 18 августа по 9 сентября были ликвидированы 1174 члена националистических организаций, а 1108 человек взяты в плен.

В сентябре 1944 г. в Станиславской области чекистско-войсковая операция проводилась одновременно на площади 600 кв. км. В ней были задействованы стрелковая бригада, два пограничных отряда, батальон Красной армии, три танка и бронетранспортер.

Понеся большие потери, националистические бандформирования на Украине с лета 1944 г. изменили тактику борьбы, перейдя к скрытным диверсиям. Только за май — июнь 1944 г. органами НКВД было зафиксировано 16 случаев выброски с вражеских самолетов парашютистов-диверсантов в тыл Красной армии общей численностью 96 человек[54]. Штаб УПА в приказе от 4 ноября 1944 г. предписывал: «Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации... борьбу вести без жалости и щепетильности... Составить планы, в основу которых положить хитрость, изобретательность, но не силу. Операции проводить только ночью, назначая для этого нужное количество людей. Операции проводить смело, решительно и по возможности бесшумно. Для этой цели лучше играть роль милиции и НКВД, прибывших из других уездов. По возможности надевать русские одежды и говорить по-русски. В случае опасности быть разоблаченным местными жителями носить маски, перекрашиваться и пользоваться вымышленными именами. Отдельных энкавэдистов и небольшие группы, направляющиеся на охоту, ликвидировать без всяких следов, чтобы создавалось впечатление, что пропали без вести, входить в контакт с немецкими парашютистами, с которыми и взаимодействовать при проведении операции»[55].

Для совершения налетов, террористических и диверсионных актов мелкие группы националистов на короткое время объединялись в крупные бандформирования, а после их совершения быстро рассредоточивались и прятались в своих убежищах. Располагая достоверными данными не только о районах расположения гарнизонов войск НКВД, но и о местах размещения КПП, постов охраны, составе и порядке смены их караулов, бандформирования стремились чаще всего нападать с наступлением сумерек, когда засады, посты и секреты еще не успевали занять своих мест, а только выдвигались к ним, или на рассвете — когда засады, секреты и посты снимались и возвращались в свои гарнизоны.

Для ведения разведки за подразделениями НКВД бандиты создавали боевые разведывательные группы в составе двух-трех человек. Имея информацию от этих групп, главари бандформирований устанавливали направления действий подразделений НКВД и предположительное время их подхода к своим лагерям или позициям. С учетом этого ими принималось одно из двух решений: или отсиживаться в подземных укрытиях (схронах), или уходить в другие места. После окончания действий войск НКВД бандгруппы, получив данные от своей разведки, снова концентрировались в тех местах (населенных пунктах), где уже проводилась операция.

Основной формой борьбы войск НКВД с украинскими националистическими формированиями в конце 1944 г. по-прежнему были чекистско-войсковые операции. В ходе их проведения с учетом изменявшейся тактики действий бандформирований совершенствовались и способы действий подразделений внутренних войск. Так, с осени 1944 г., когда бандформирования перешли к действиям небольшими группами, прочесывание районов их дислокации как основной тактический прием не всегда себя оправдывало. Скоротечность операций (1–2 суток) не давала возможности детально обследовать наиболее подозрительные районы. Поэтому внутренние войска все чаще стали прибегать к проведению повторных прочесываний одних и тех же районов.

Ярким подтверждением целесообразности такого рода действий является операция, проведенная 21 декабря 1944 г. подразделениями 17-й стрелковой бригады внутренних войск. В ходе первого прочесывания села Дулибы Дрогобычской области были захвачены 25 бандитов. Считая, что операция уже закончилась, и не ожидая повторного прочесывания населенного пункта, в нем начали сосредоточиваться члены бандформирований из других сел. На следующий день прочесывание повторилось. В результате были обнаружены и захвачены еще 150 бандитов[56].

В конце 1944 г. войска и органы НКВД провели ряд крупных операций по задержанию активистов ОУН и УПА. Так, 14 октября бойцы 14-го погранотряда Прикарпатского военного округа задержали преподавателя школы младшего и среднего командного состава УПА, который дал показания о местонахождении школы, в которой располагались до 250 оуновцев. 15 октября 1944 г. была проведена чекистско-войсковая операция, в результате которой были уничтожены 185 националистов.

18 октября 1944 г. с учетом данных агентуры был арестован начальник разведывательного отдела штаба Станиславского военного округа УПА С. Маланюк. 31 октября 1944 г. на основании его показаний была проведена чекистско-войсковая операция, в результате которой удалось разгромить два лагеря куреней «Гамалия» и «Резуна», уничтожить 177 и пленить 48 оуновцев.

Также в декабре 1944 г. была проведена чекистско-войсковая операция в селе Рожджау Радеховского района Львовской области. Подразделениями 2-го погранотряда и 42-го погранполка 13–14 декабря 1944 г. село было взято штурмом, разгромлен штаб военного округа УПА «Буг», который объединял все вооруженные силы УПА на территории Львовской области[57].

В боях с бандитами личный состав внутренних войск проявлял мужество и героизм. В июне 1944 г. бандиты захватили тяжело раненного старшину 273-го стрелкового полка войск НКВД И. А. Клименко. Они пытались выведать у него сведения, составлявшие военную тайну. Однако добиться этого им не удалось, и тогда озверевшие бандиты выкололи отважному воину глаза, вырезали у него на груди пятиконечную звезду, отрубили руку, а затем застрелили[58].

В ноябре 1944 г. в бою с бандой сержант Курячий из 230-го отдельного стрелкового батальона войск НКВД был окружен бандитами. Он был ранен в обе руки, но, превозмогая боль, продолжал вести огонь из автомата. Ему предложили сдаться. Сержант выхватил из сумки гранату и с криком «Чекисты в плен не сдаются!» бросил ее в бандитов. Последнюю гранату Курячий оставил для себя, но на помощь ему вовремя подоспели сослуживцы. Это спасло ему жизнь[59].

Всего в 1944 г. войсками и органами НКВД на территории западных областей Украины было организовано и проведено 6495 чекистско-войсковых операций и засад, уничтожены 57 405 бандитов и их пособников, изъято 28 346 единиц огнестрельного оружия, 9204 националиста сдались добровольно. Потери войск и органов НКВД за это время составили 675 человек[60]. Тем не менее специальные действия правоохранительных органов СССР по борьбе с националистическим подпольем на Западной Украине и избавлению местного населения от влияния ОУН и УПА продолжались до начала 1950-х гг.

На территории Белоруссии националистическое движение имело свои особенности. Оно не получило столь широкого распространения, как на Украине. Вместе с тем в Белоруссии действовали вооруженные формирования различных национальностей. Наиболее активны были подпольные антисоветские группировки в Барановичской и Гродненской областях, где располагались базы, подчиненные польскому эмигрантскому правительству. В течение 1944 г. поляки совершили 220 террористических актов, 24 диверсии, 42 нападения на учреждения советских органов власти и предприятия в западных областях Белоруссии[61].

Руководящим центром польских антисоветских вооруженных формирований в структуре Армии Крайовой, которая рассчитывая на включение Белоруссии и Украины в свой состав и создание Польши «от моря до моря», была создана ОЗОН — «Польская военная организация». Она формально боролась против немецких оккупантов, но также нападала на советских партизан и мелкие группы красноармейцев в Белоруссии. Несмотря на соглашение о прекращении военных действий против партизан 25 ноября 1943 г., поляки с середины января 1944 г. возобновили борьбу против советских антифашистов. 24 января 1944 г. члены ОЗОН задержали пять партизан-литовцев и расстреляли их, участились случаи обстрелов поляками партизанских отрядов. Партизаны выпустили обращение к населению Свирского, Ошмянского и Сморгонского районов, а затем силами 16 отрядов провели рейд, разъясняя местным жителям свои цели и позицию Армии Крайовой.

Советскими органами государственной безопасности были выявлены факты неоднократных переговоров представителей германских спецслужб с членами Армии Крайовой о поставках оружия, даже наград[62] в обмен на боевые действия «Польской военной организации» против советских партизан и Красной армии. После освобождения Западной Белоруссии вооруженные группы Армии Крайовой по указанию польского эмигрантского правительства начали активную борьбу с советскими войсками. Помимо этого, они систематически нападали на сельсоветы, убивали советских и партийных работников, вели активную агитацию среди местного населения, распространяли воззвания и листовки с призывом не подчиняться органам советской власти.

Весьма сложными были взаимоотношения между националистическим подпольем, особенно между Армией Крайовой и ОУН. Как пишут современные авторы, причиной борьбы УПА против польских националистов было традиционное украинско-польское соперничество в населенной в значительной степени поляками Галиции и Волыни, а также на польских землях в междуречье Буга и Сана, населенных этническими украинцами. Там жертвами поляков стали около 2 тыс. украинцев[63]. С другой стороны, в ходе так называемой «волынской резни» в марте — июле 1943 г. от рук УПА погибло 60–70 тысяч поляков и несколько тысяч украинцев[64]. После этого польская самооборона из местных жителей стала оказывать некоторую, в единичных случаях, помощь советским партизанам.

Численность белорусских националистических групп по сравнению с польскими была меньшей. Так, во время специальных операций по очистке западных районов Белоруссии от антисоветских элементов и бандгрупп с 13 по 20 декабря 1944 г. были арестованы 1183 участника польских организаций и только 350 — белорусских. Кроме того, в ходе этих же спецопераций, проводимых войсками НКВД, были арестованы 9414 человек, из которых 4354 значились как активные пособники немецких оккупантов. В Брестской, Пинской и Полесской областях, граничащих с Украиной, в 1944 г. было ликвидировано 11 оуновских групп. При этом были убиты 385 и захвачены в плен 160 бандитов[65].

Националистические формирования в Белоруссии обычно действовали значительно меньшими группами, чем на Украине. В докладах НКВД говорится о противодействии в западных областях Белоруссии отдельных националистических групп численностью не более 30 человек[66]. Наиболее крупным в Белоруссии было соединение Новогрудского округа АК-Юг под руководством поручика польской армии Ч. Зайнчковского, которое действовало на территории Барановичской и Гродненской областей и насчитывало до 120 человек.

В связи с активизацией действий националистических групп на территории Белоруссии в апреле 1944 г. было создано Управление внутренних войск НКВД Белорусского округа в составе трех дивизий и одного полка общей численностью около 17 тыс. человек. За период с 8 сентября по 1 ноября 1944 г. ими было ликвидировано 76 польских националистических групп[67]. Всего же в борьбе внутренними войсками и органами НКВД и НКГБ в западных областях Белоруссии было уничтожено 58 националистических организаций и 590 бандгрупп[68].

К середине 1944 г. большая часть территории Прибалтики была освобождена от немецких войск, и на ней сразу же развернулась активная борьба националистических организаций против советских войск и органов власти. Главным средством борьбы националисты избрали террористические акты. Открытый бой бандформированиями принимался только на хорошо известной им местности и только тогда, когда они обладали явным преимуществом. Небольшие воинские подразделения уничтожались путем организации засад, внезапных и стремительных налетов, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества и продовольствия.

Сильным элементом тактики националистических формирований в Прибалтике являлась разведка. Их руководством организовывалось постоянное наблюдение за коммуникациями, а также прослушивание линий связи. Особое место в деятельности националистов занимала работа с местным населением, которое относилось к бандформированиям по-разному. Часть населения снабжала их продовольствием, предоставляла укрытия и являлась для них потенциальным резервом. Другая часть стремилась быть нейтральной, страдая от изъятия продовольствия и мобилизации молодежи в банды.

Несмотря на значительные силы эстонских националистических организаций (к 1 сентября 1944 г. они насчитывали более 73 тыс. человек, на их вооружении состояло до 300 пулеметов, 200 минометов и 62 тыс. винтовок)[69], их большая часть бежала вместе с немецкими войсками. Активные действия, к которым перешли оставшиеся националисты, в основном проявлялись в налетах на здания волостных исполкомов, отдельные совхозы и местные предприятия, в убийствах лиц, помогавших органам советской власти.

В ходе проведения чекистско-войсковых операций с сентября 1944 г. по 1 ноября 1945 г. внутренние войска, органы НКВД и НКГБ на территории Эстонии ликвидировали 11 антисоветских националистических организаций и 359 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Было уничтожено 290 и задержано 5135 изменников Родины, бандитов и их пособников[70].

В начале 1944 г., когда основная часть территории Латвийской ССР оставалась оккупированной немецкими войсками, борьба с националистическим подпольем велась в прифронтовых районах республики. С июля 1944 г. по 20 января 1945 г. органами НКВД и НКГБ были арестованы 5223 человека, из их числа выявлены 376 участников бандформирований и их пособников, 479 участников латвийских националистических организаций. Остальные арестованные подозревались в предательстве и сотрудничестве с немецкими оккупантами. После завершения освобождения Латвийской ССР вся ее территория была разделена на шесть оперативных секторов, каждый из которых контролировался специально назначенным подразделением внутренних войск.

Наибольшим напряжением характеризовалась борьба с националистическими отрядами на территории Литовской ССР. Здесь, в отличие от Латвии и Эстонии, численность вооруженных формирований националистов была значительной. В ноябре 1944 г. по различным источникам в лесах Литвы скрывались от 15 до 33 тыс. человек[71]. Наряду с ними на территории Литвы, главным образом в Виленской области, активно действовали польские националистические группы в составе 30 бригад общей численностью 25 тыс. человек.

С начала августа 1944 г. на территории Литвы дислоцировалось наиболее укомплектованное и боеспособное соединение войск НКВД — 4-я стрелковая дивизия внутренних войск, личный состав которой ранее принимал участие в ликвидации бандформирований на Северном Кавказе. От частей дивизии выделялись поисково-разыскные и чекистско-войсковые группы, которые прочесывали леса и производили аресты лиц, подозреваемых в бандитизме. Только за июль — декабрь 1944 г. в ответ на 631 бандпроявление командованием 4-й дивизии было спланировано и проведено 1243 чекистско-войсковые операции[72].

В конце 1944 г. действия националистических отрядов в Литве активизировались. Вся территория Литвы была разделена на округа: Вильнюсский, Паневежский, Шяуляйский и Ковненский. Каждому округу подчинялись уездные формирования — батальоны или полки. Волостные формирования (роты или батальоны) подчинялись уездным, а деревенские (взводы или роты) — волостным. Деревенские подразделения состояли из двух-трех отделений, в их составе находились бывшие военнослужащие литовской армии, рабочие, служащие, крестьяне, студенты и учащиеся, а также священнослужители и бывшие полицейские немецких войск. Были организованы комитеты поддержки вооруженных отрядов («Ванагай»). Они, в частности, поддерживали хозяйственную базу националистических формирований и в случае перехода к вооруженной борьбе должны были обеспечивать административную и тыловую службы.

С декабря 1944 г. формирования Литовской освободительной армии активизировали боевые действия. Их общая численность достигла 30 тыс. человек[73]. Однако, несмотря на все попытки, лидерам националистов не удалось добиться полной централизации движения. Оно продолжало носить разрозненный характер, отличалось большой автономией различных отрядов, их независимостью от руководящего центра. Сопротивление националистов выражалось в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, ответственным за проведение коллективизации, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с советской властью[74].

В декабре 1944 г. на территории Прибалтики на базе 4-й и 5-й стрелковых дивизий внутренних войск было сформировано управление войск НКВД Прибалтийского округа[75]. Штаб главного руководства организовывал взаимодействие внутренних войск с соединениями и частями Красной армии, дислоцированными в республике. Территория Литовской ССР была разделена на девять оперативных секторов. Непосредственными начальниками секторов являлись офицеры госбезопасности и НКВД.

Главную роль в чекистско-войсковых операциях против националистических формирований на территории Прибалтики выполняли войска НКВД. Части Красной армии чаще всего решали задачи по блокированию районов операций. К борьбе с националистами также привлекались отряды местной самообороны. Такие отряды численностью до 30 человек были созданы во всех 300 литовских волостях. Они формировались из числа активистов и вооружались в основном трофейным оружием.

Всего в 1944—1945 гг. войска и органы НКВД во взаимодействии с органами госбезопасности и отрядами «истребителей» ликвидировали в Литве 275 антисоветских националистических формирований и 1219 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Потери при проведении операций составили 250 сотрудников милиции, военнослужащих внутренних войск и работников органов НКВД и НКГБ[76].

Немаловажную роль в борьбе с националистическими формированиями играла активная разъяснительная работа среди местного населения, проводимая политработниками частей и соединений внутренних войск. Благодаря этому количество лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию, значительно уменьшилось, участились случаи добровольной сдачи членов националистических формирований местным органам советской власти, увеличилось количество сданного оружия. Только в Утенском уезде Литвы с 21 по 24 декабря 1944 г. было сдано 25 винтовок, два ручных пулемета, четыре станковых пулемета, пять пистолетов и 1800 патронов[77].

В ходе борьбы с националистическими отрядами военнослужащие внутренних войск проявляли мужество и отвагу. Так, 2 сентября 1944 г. разведывательно-поисковая группа

4-й роты 298-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии под командованием лейтенанта Горбунова вела преследование банды. В ходе боя отказал автомат командира. Красноармеец Василий Лагунов, видя это, выбежал, отвлекая на себя огонь противника. Спасая командира, красноармеец был смертельно ранен. За проявленные мужество и отвагу В. Лагунов посмертно был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Несмотря на результативность чекистско-войсковых операций, сопротивление националистических групп и отрядов на территории Прибалтики не прекратилось. В 1945 г. их активность в Литве, Латвии и Эстонии, напротив, возросла. Увеличивалась вплоть до 1946 г. и численность националистических вооруженных формирований[78]. Вследствие этого борьба с ними в Прибалтике продолжилась и после окончания Великой Отечественной войны.

* * *

В 1944 г. специфическая борьба, характеризующаяся отсутствием линии фронта, достигла наивысшего накала как в тылу противника, так и на освобождаемой Вооруженными силами СССР территории. Это было обусловлено, с одной стороны, улучшением условий для тесного взаимодействия советских партизан с наступающими войсками действующей Красной армии, а с другой — попытками германского руководства задействовать в войне с Советским Союзом все возможные силы и средства.

Партизанская борьба в тылу врага носила бескомпромиссный характер. Ее главной формой являлись действия партизанских соединений и отдельных отрядов, которые отличались от прежних лет войны возросшей организованностью. Под руководством республиканских и областных штабов партизаны оказывали большую помощь Красной армии в завершении освобождения территории СССР. Они сковывали крупные контингенты войск противника, наносили ему невосполнимые потери в живой силе и боевой технике. Только во второй половине 1944 г. в боях с белорусскими и украинскими партизанами враг потерял около 53 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, около 600 паровозов, свыше 4900 вагонов, платформ и цистерн, 186 танков и других образцов бронетанковой техники, 15,6 тыс. автомашин и значительное количество военного имущества[79]. Ослабляя немецкую военную машину, борьба в тылу врага в немалой степени способствовала изгнанию оккупантов с советской территории.

Опираясь на поддержку большей части местного населения, партизаны и подпольщики срывали гитлеровские планы превращения оставляемой оккупантами советской территории в зону «выжженной земли». Во многих случаях они пресекали злодеяния немецких палачей и их пособников из числа предателей над мирными жителями, военнопленными, спасли сотни тысяч советских граждан от уничтожения и отправки на каторгу в Германию, защитили немало материальных, исторических и культурных западных территорий СССР от разграбления и уничтожения.

В 1944 г., когда победа над захватчиками стала очевидна, их пособники стали все чаще прибегать ко лжи при наборе в свои вооруженные формирования. Их тезисами по-прежнему была борьба против советского строя, антисемитизм и построение некоего нового государственного строя (под немецким протекторатом), но все чаще руководители националистических и пронемецких органов осознавали бесперспективность своего дела. Однако нацистское командование стремилось использовать их на фронте и в тылу, пытаясь остановить Красную армию. Руководство германских спецслужб в 1944 г. несколько раз меняло свою политику в отношении политических организаций и вооруженных формирований из коллаборационистов.

После разгрома националистических формирований, участвовавших в боевых действиях на советско-германском фронте, в советский тыл с согласия немцев стали забрасываться достаточно большие вооруженные группы. Но с середины 1944 г. эта практика была свернута, и в советский тыл отправлялась немногочисленная агентура для ведения разведывательной

деятельности и совершения отдельных террористических актов на объектах транспорта и массового скопления людей, а также против руководства СССР[80]. Органы НКВД весьма успешно вели борьбу с ними, опираясь на поддержку местного населения. По размаху, продолжительности и интенсивности, а также разнообразию форм и результатам борьба с националистическим и иным прогерманским подпольем на освобожденной в 1944 г. территории СССР представляет собой уникальное явление. Ее опыт и сегодня является востребованным при борьбе с проявлениями терроризма и экстремизма на территории современной Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. М., 1977. С. 156–157.

[2] *Князьков А. С., Юденков А. Ф.* Народная война за линией фронта. М., 1990. С. 54.

[3] Цит. по: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский, М., 2001. С. 8.

[4] *Князьков А. С., Юденков А. Ф.* Народная война за линией фронта. С. 57.

[5] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Минск, 1985. Т. 3. С. 294.

[6] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 283.

[7] Опыт партизанской борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны и народов Европы в годы Второй мировой войны. М., 1964. С. 37.

[8] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4-х т. Т. 4. М., 1959. С. 543.

[9] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. В 2-х кн. Киев, 1985. Кн. 2. С. 384.

[10] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 546.

[11] *Тимохович И. В.* Битва за Белоруссию. 1941–1944. Минск, 1994. С. 238.

[12] *Князьков А. С., Юденков А. Ф.* Народная война за линией фронта. С. 59.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 502, 534.

[14] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 229.

[15] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 281.

[16] Всего в партизанских формированиях Белоруссии в годы войны сражались 374 тыс. человек.

[17] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 375; *Тимохович И. В.* Битва за Белоруссию. 1941–1944. С. 239.

[18] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). М., 2008. С. 135.

[19] *Смыслов О. В.* Степан Бандера и борьба ОУН. М., 2011. С. 151–152, 157.

[20] Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 4. Оп. 3. Д. 818. Л. 177.

[21] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5-ти т. Т. V. Кн. 1. М., 2007. С. 181–183.

[22] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 801. Л. 195.

[23] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 34.

[24] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. С. 247–248.

[25] *Романько О. В.* Коричневые тени в Полесье. М., 2008. С. 234, 248.

[26] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. М., 2007. С. 408, 411.

[27] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 54.

[28] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. II. Кн. 1. М., 2000. С. 433.

[29] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 52.

[30] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 491.

[31] Сообщение ТАСС от 23 июля 1987 г.

[32] *Сеппеля Х.* Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 6. С. 120.

[33] Архив УФСБ РФ по Республике Карелия. Ф. 7. Д. 23. Л. 38–41.

[34] *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. М., 2004.

[35] Прибалтика под знаком свастики (1941–1945) / Сост. В. К. Былинин, М. Ю. Крысин и др. М., 2009. С. 278–279.

[36] *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 310.

[37] Прибалтика под знаком свастики (1941–1945). С. 335, 305.

[38] *Макаров В., Тюрин А.* Смерш. Гвардия Сталина. М., 2009. С. 145–146.

[39] Прибалтика под знаком свастики (1941–1945). С. 332.

[40] Без права на реабилитацию / Сост. Войцеховский А. А. и др. В 2-х кн. Кн. 1. Киев, 2006. С. 186.

[41] ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7. Л. 58.

[42] Без права на реабилитацию. С. 341.

[43] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. С. 32.

[44] Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. С. 116.

[45] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. С. 318.

[46] *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). М., 1978. С. 278.

[47] *Лысенков С. Г., Сидоренко В. П.* Внутренние войска: страницы истории. СПб., 2007. С. 91.

[48] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2011. С. 313.

[49] *Климов А. А.* Деятельность внутренних войск МВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории западных областей Украинской ССР (1944–1953). М., 2005. С. 79.

[50] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. С. 355–359.

[51] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 628.

[52] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 426.

[53] Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М., 2000. С. 363.

[54] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. С. 10.

[55] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 317.

[56] Там же. С. 318.

[57] Там же.

[58] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 630.

[59] Там же. С. 641.

[60] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 144.

[61] Там же. С. 143.

[62] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. С. 38.

[63] *Муковський І. Т., Лисенко О. Е.* Звитяга і жертовність. Кіев, 1997. С. 420.

[64] *Полищук В.* Горькая правда. Киев, 2011. С. 246.

[65] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 8.
[66] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 143.
[67] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 639.
[68] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 11–13.
[69] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 155.
[70] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–5.
[71] *Зубкова Е. Ю.* «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.
[72] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 308.
[73] Там же.
[74] Родина. 1991. № 6–7. С. 132.
[75] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 1529. Л. 137.
[76] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 18, 20.
[77] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945): документы и материалы. М., 1975. С. 647.
[78] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 309.
[79] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 231.
[80] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. С. 278; Кн. 1. С. 468–471; Кн. 2. С. 376–379.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ 1944 г.

Влияние побед Красной армии на военно-политические процессы в Европе

1944 г. вошел в историю как период масштабных побед Красной армии над фашистской Германией и ее союзниками в Европе, предрешивших исход войны в следующем, 1945 г. Основным фактором для такого развития событий стала стратегическая инициатива, перехваченная у нацистской Германии еще в 1943 г. и в полном объеме сохранявшаяся за Верховным главнокомандованием советских вооруженных сил. Ставка ВГК располагала к этому времени достаточными резервами живой силы, боевой техники, вооружения и боеприпасов и решительно навязывала свою волю ожесточенно сопротивляющемуся противнику.

Принципиальная установка советского военно-стратегического планирования в этот период заключалась в том, чтобы добиться крупных военно-политических целей — полностью очистить советскую землю от захватчиков и выйти на подступы к Южной Польше, Чехословакии и Балканам, вызвав подъем освободительной борьбы в оккупированных странах, — до открытия второго фронта. Для этого Ставка ВГК предполагала прибегнуть к неординарному способу ведения боевых действий. «Военная действительность, — отмечал генерал армии С. М. Штеменко, — вынуждала отказаться от одновременного наступления на всем советско-германском фронте и заменить его более соответствующими новому моменту мощными последовательными операциями, или, как тогда говорили и писали, стратегическими ударами»[1].

Последовательное проведение по всему советско-германскому фронту десяти крупнейших наступательных операций групп фронтов привело не только к изгнанию врага с территории СССР, но создало все необходимые предпосылки для завершения разгрома Германии и ее союзников в Европе.

Зимне-весенняя кампания 1944 г., начатая под Ленинградом и Новгородом, с самого начала развивалась успешно. Уже весной 1944 г. советские войска вышли на юго-западную границу СССР и перенесли боевые действия на территорию Румынии. С этого момента началось фактическое освобождение Европы от немецко-фашистских захватчиков, а также последовательный вывод из войны союзников Германии. В летне-осенней кампании позиционно-маневренная оборона, к которой был вынужден прибегнуть вермахт, не могла остановить и тем более обескровить непрерывно развивающееся наступление Красной армии.

Военный потенциал Германии был еще более ослаблен начавшейся 6 июня высадкой западных союзников в Южной Франции. Победы и растущая мощь Советского Союза,

Высадка американских войск на пляже «Омаха» в Нормандии

Канадские солдаты на пляже «Юнона» в Нормандии

Разгромленные позиции и немецкий дот, уничтоженный союзниками во время высадки в Нормандии

огромный размах движения Сопротивления и назревавшие в ряде европейских стран вооруженные восстания делали реальной перспективу разгрома фашистской Германии силами одной Красной армии, без помощи союзников. По воспоминаниям Г. К. Жукова, Сталин после Тегеранской конференции сообщил: «Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 г. Думаю, что он слово сдержит. Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию»[2].

Такая перспектива ни в коей мере не устраивала западных союзников. Еще до открытия второго фронта они предполагали ввести в действие план «Рэнкин» — экстренную высадку своих войск в Западной Европе на случай быстрого краха Третьего рейха под ударами Красной армии[3]. Стремясь упредить вступление советских войск в Южную Европу, У. Черчилль сделал также ставку на как можно более быстрое продвижение в этот регион армий западных союзников из Италии. Невозможность дальнейшего промедления с открытием второго фронта, особенно для Англии, обусловливалась также военно-стратегическими соображениями. Отсрочка могла привести к тому, что Англия подверглась бы массированной и непредсказуемой по последствиям бомбардировке снарядами Фау-1 и Фау-2, пусковые площадки которых располагались на северном побережье Франции.

Условия для вторжения союзников складывались благоприятные. Общее соотношение сил было в их пользу. Для проведения операций в Западной Европе только на Британских островах было сосредоточено до 60 дивизий. Кроме того, в США в готовности к переброске в Европу находились 50 дивизий[4]. В распоряжении германского командования на Западе к началу июня 1944 г. находилось 60 дивизий. Однако для действий против американо-английских войск во Франции, Бельгии и Голландии немцы могли использовать не более 45 боеспособных дивизий[5]. Кроме того, командование западных союзников было проинформировано о готовящемся мощном летнем наступлении Красной армии, которое неизбежно должно было сковать основные силы вермахта на советско-германском фронте.

Операция «Оверлорд» стала крупнейшей в военной истории стратегической десантной операцией. В ней участвовали американские, английские и канадские войска общей численностью 2,9 млн солдат и офицеров при поддержке 10 тыс. самолетов и почти 7 тыс. боевых кораблей, транспортных и десантных судов. Для дезинформации немецкого командования и отвлечения сил одновременно проводилась вспомогательная операция в Южной Франции[6]. Первый этап операции «Оверлорд», включающий действия с 6 июня по 24 июля, вошел в историографию под названием Нормандской десантной операции, с последующим наступлением союзных войск в Северо-Западной Франции[7].

Отдавая должное тщательной подготовке и умелому проведению десантной операции, необходимо учитывать, что ее успеху способствовали просчет немецкого командования относительно определения вероятного района высадки западных союзников и, как следствие, незавершенность немецкой обороны на этом направлении. Неприступность немецких оборонительных укреплений на западе, так называемого «атлантического вала», который должен был сдержать наступление армий западных союзников, оказался блефом. В действительности немецкая оборона была неглубокой, в районе высадки инженерные сооружения имели готовность лишь на 16%. Если учесть, что немецкие войска были укомплектованы в значительной степени людьми, ограниченно годными к боевой службе, разнотипным вооружением, испытывали острый недостаток в транспортных средствах, то превосходство союзников оказалось подавляющим.

Через четыре дня после высадки союзников в Нормандии, 10 июня 1944 г. — в стратегическом измерении практически одновременно — летнее наступление на советско-германском фронте началось Выборгско-Петрозаводской стратегической операцией.

После поражения на севере командование вермахта ожидало наступления советских войск в Прибалтике или на юге, но удар силами четырех фронтов неожиданно обрушился на главном, западном направлении — в Белоруссии. 23 июня 1944 г. началась Белорусская наступательная операция («Багратион»), одна из крупнейших во Второй мировой войне, которой суждено было сыграть важнейшую роль в завершающем разгроме немецко-фашистских

войск в Европе. Ни в одной из предшествующих операций не использовались столь мощные группировки войск. С советской и германской сторон в них было привлечено соответственно 2,4 и 1,2 млн человек, 36,4 и 9,5 тыс. орудий и минометов, 5,2 и 9,0 тыс. танков и САУ (ШО), 5,3 и 1,35 тыс. боевых самолетов[8].

Значительный перевес сил, а также внезапность начала операции предопределили ее успешное и стремительное развитие. Вражеская группа армий «Центр» менее чем за две недели потерпела катастрофическое поражение — были разгромлены ее главные силы. В центре советско-германского фронта образовалась огромная брешь протяженностью до 400 км. Для того чтобы закрыть ее в короткие сроки, у противника не было сил. Советские войска получили возможность стремительного рывка к западным границам СССР.

Ведение грандиозной операции на более чем тысячекилометровом фронте лишило германское командование возможности перебрасывать дивизии на запад в период борьбы за расширение союзниками плацдарма во Франции. Тем не менее наступление западных союзников с захваченного в Нормандии плацдарма развивалось вяло не только по причине сопротивления немецких войск. Во многом это обусловливалось внутриполитической обстановкой в Германии. Перед лицом грядущей катастрофы влиятельные немецкие круги лихорадочно искали пути спасения, сделав, в конце концов, ставку на физическое устранение Гитлера и последующие переговоры с Западом для заключения сепаратного мира. Заговорщики намеревались устранить Гитлера до вступления на территорию Германии Красной армии. К моменту высадки союзных войск в Нормандии военный переворот в Германии был полностью подготовлен. Выдвинутый на пост будущего рейхсканцлера Карл Герделер — ставленник германских монополий — намеревался выступить с «планом мира», в котором предусматривалось после переворота передислоцировать находившиеся на Западе немецкие войска на восточный фронт. «Переброска западных армий на Восток, — писал он, — нужна для того, чтобы отбросить русских к линии Припять — Днестр и освободить тем самым нас и англичан от огромной угрозы»[9].

Руководство западных союзников через свои спецслужбы было осведомлено об этих намерениях. План «Рэнкин», в частности, предусматривал возможные военные действия союзников в связи с готовящимся покушением на Гитлера[10]. Предусматривалась также в случае успеха покушения высадка трех англо-американских воздушно-десантных дивизий в районе Берлина с тем, чтобы упредить вступление в город Красной армии[11]. Руководствуясь этими соображениями, союзное руководство не торопилось форсировать наступательные действия в Нормандии, ожидая развития событий в Берлине.

Покушение на Гитлера произошло 20 июля 1944 г. В помещении, где он проводил совещание, начальник штаба резервной армии полковник Клаус фон Штауфенберг взорвал бомбу. Гитлер отделался легкими ушибами и ранениями. Заговорщики были арестованы, военный переворот пресечен, по всей стране прокатилась волна репрессий.

Спустя пять дней после неудавшегося покушения англо-американские войска развернули наступление с нормандского плацдарма в глубь Франции. На следующий день Гиммлер по указанию фюрера выступил с мирными предложениями, адресованными Западу. В заявлении указывалось, что Германия готова довольствоваться на западе частью территориальных приобретений, включая Данию, Нидерланды, Норвегию и большую часть Бельгии. Что касается востока, то здесь «линия защиты рейха» должна проходить «по крайней мере на 500 км к востоку от границы 1939 г.»[12].

Западные союзники перешли к широким наступательным действиям во Франции в тот период, когда советские войска на варшавско-берлинском направлении, пройдя с боями 600 км, во многом израсходовали свой наступательный потенциал и были вынуждены перейти к обороне. В целом, за два месяца и 20 дней летнего наступления Красная армия, разгромив войска групп армий «Север», «Центр» и «Северная Украина», продвинулась на запад на 400–600 км, освободив восточные районы Польши и выйдя на подступы к Восточной Пруссии.

Осенью 1944 г., когда завершилось освобождение территории СССР, У. Черчилль в послании И. В. Сталину отмечал огромную роль Красной армии и советско-германского фронта в

Муссолини осматривает последствия взрыва в ставке Гитлера

нанесении сокрушительного поражения вермахту в интересах обеспечения благоприятных условий для наступления англо-американских войск на Западе[13].

Приближение советских войск к границам Польши активизировало борьбу польских патриотов. В середине мая уполномоченные Крайовы Рады Народовой (КРН) — подпольного парламента, созданного зимой 1944 г., прибыли в Советский Союз для переговоров. К этому времени КРН имела вооруженные силы Армии Людовой и значительное число подпольных органов народной власти. Советское правительство, установив официальные отношения с польским народным органом власти, достигло договоренности о взаимодействии между Вооруженными силами СССР и Армией Людовой об оказании ей помощи оружием и снаряжением. Как только в ходе Белорусской и Львовско-Сандомирской операций советские войска вступили на польскую территорию, советское правительство заявило о независимости Польши. 21 июля 1944 г. на освобожденной территории был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), взявший на себя руководство борьбой польского народа против оккупантов и восстановлением экономики в освобожденных районах. 1-я польская армия, находившаяся в составе советских войск, и Армия Людова были объединены в Народное войско польское, продолжившее вместе с Красной армией борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Каждый километр польской земли давался с большим трудом. Особенно ожесточенные бои разгорелись на подступах к Варшаве. Враг оказывал здесь упорное сопротивление. Темп продвижения войск правого крыла и центра 1-го Белорусского фронта резко снизился. Лишь к началу сентября им удалось выйти на р. Нарев и захватить плацдармы в районе Пултуск — Сероцк. До этого, в первых числах августа советские войска овладели плацдармами на Висле,

у Магнушева и Пулавов. Весь август, а на некоторых плацдармах и в сентябре продолжались тяжелые бои.

Освобождение Польши сопровождалась острой внутриполитической борьбой. Получив приказ лондонского эмигрантского правительства, руководство польского подполья, не поставив в известность советское командование, 1 августа инициировало восстание в Варшаве, целью которого было не только свержение оккупационного нацистского режима, но и борьба за власть, овладение политической инициативой.

Можно согласиться с выводом официальной английской историографии, констатирующей: «Политические побуждения привели к роковой военной ошибке. Армия Крайова хотела поставить русских перед свершившимся фактом; однако достигнуть поставленной цели было невозможно без их прямой поддержки. Поэтому она ждала, пока Рокоссовский подойдет к городу, не ставя его в известность о своих планах. 1 августа подходящий момент, казалось, наступил. Но на самом деле русские войска подошли к Варшаве уже ослабленными в ходе наступления, и противник легко мог нанести по ним контрудар»[14]. Восстание имело бы шанс на успех при условии продвижения Красной армии за Вислу, но наступательные возможности войск к этому времени были исчерпаны.

Несмотря на то что восстание было начато без уведомления советского руководства, командование Красной армии и 1-й польской армии делали все от них зависящее, чтобы поддержать восставших. Было предпринято наступление на предместье польской столицы — Прагу, которая была освобождена 14 сентября. В ночь на 16 сентября соединения 1-й польской армии при поддержке советской артиллерии попытались форсировать Вислу, чтобы, захватив плацдарм, организовать совместные действия с повстанцами. Однако они натолкнулись на сильную оборону врага и не смогли закрепиться за рекой.

В этих условиях единственное, что можно было сделать для восставших, — оказать им посильную материальную помощь. 16-я воздушная армия при активном участии оперативно подчиненной ей 1-й польской смешанной авиадивизии прикрывала истребителями занятый повстанцами район и, используя ночные бомбардировщики, доставляла им вооружение, продовольствие и медикаменты. Оказать иную помощь восставшим советские войска, истощенные предшествующими боями, были не в состоянии. Воспользовавшись этим, немцы безжалостно подавили восстание и разрушили при этом значительную часть Варшавы.

Однако поражение Варшавского восстания уже не могло предотвратить агонию нацистского режима ни в самой Польше, ни в Европе в целом. После того как дальнейшее продвижение советских войск по территории Польши стало нецелесообразным из-за нависшей угрозы фланговым крыльям советских фронтов со стороны немецких групп армий «Север» и «Южная Украина», советское руководство приняло решение о первоочередном разгроме этих вражеских группировок. На севере эта задача решалась Ленинградским и тремя Прибалтийскими фронтами. На юге силами 2-го и 3-го Украинских фронтов успешно развивалась Ясско-Кишиневская операция. Наступление советских войск в направлении Балкан приобретало значение мощного внешнего фактора для быстрого вызревания там антифашистских восстаний и резкого усиления движения Сопротивления в целом.

В первую очередь, сокрушительные удары Красной армии под Яссами и Кишиневом создали благоприятные условия для устранения фашистского режима в Румынии и выхода ее из войны. Под непосредственным влиянием побед Красной армии 23 августа в Бухаресте началось антифашистское восстание. К силам, выступившим против военно-фашистской диктатуры, примкнули дворцовые круги. Король Михай и его окружение, уже не строя иллюзий в отношении неизбежности поражения германской армии, решились на отстранение от власти клики Антонеску. Сформированное румынское «правительство национального единства» объявило о прекращении военных действий против Объединенных наций и принятии Румынией условий перемирия, предъявленных СССР, Англией и США еще весной 1944 г., но отклоненных тогда фашистским правительством Антонеску.

Бойцы польского Сопротивления на баррикаде во время Варшавского восстания

Оказание помощи раненому во время Варшавского восстания

Глубокий прорыв вражеской обороны на широком фронте, полный разгром группировки, прикрывавшей Балканы, открыл перед советскими войсками путь для наступления в глубь Румынии, в пределы Болгарии и Венгрии для оказания помощи румынскому, болгарскому, югославскому, венгерскому и чехословацкому народам в их освобождении от фашизма. Германия стала терять одного союзника за другим.

Летом 1944 г. в Болгарии партизанская война против монархо-фашистского правительства развернулась в полную силу. Новое правительство Болгарии, сформированное 2 сентября 1944 г., провозгласив нейтралитет, на деле продолжало поддерживать нацистов. После того как войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу, 9 сентября патриотическими силами было начато восстание в Софии, в результате которого к власти пришло руководство Отечественного фронта, объявившее войну Германии. Болгарская армия совместно с советскими войсками вступила в вооруженную борьбу с гитлеровцами.

Изгнание фашистов из восточных районов Польши и из Румынии создало предпосылки для освобождения от гитлеровской оккупации Чехословакии. Захватив в свое время Чехословакию, гитлеровцы присоединили к Германии Чехию и Моравию, а Закарпатскую Украину и южные районы Словакии передали Венгрии. Остальная часть Словакии была объявлена «самостоятельным государством», однако вся его политика направлялась и контролировалась гитлеровцами. Под влиянием побед Красной армии в стране развернулась национально-освободительная борьба. Особой остроты она достигла в Словакии. После того как Красная армия вышла к границам Чехословакии, 8 мая было подписано советско-чехословацкое соглашение об отношениях между советским главнокомандованием и чехословацкой администрацией. Соглашение предусматривало, что власть советского командования будет распространяться только на зону военных действий и только на дела, относящиеся к ведению войны.

Летом 1944 г. по просьбе чехословацкого руководства и на основе советско-чехословацкого договора в Словакию из СССР были переброшены советские и чехословацкие организаторские группы для оказания помощи в развертывании в стране партизанского движения. Словацкие и смешанные словацко-советские партизанские бригады и отряды вскоре приступили к проведению крупных операций против немецких и словацких фашистов. К концу августа вся Средняя Словакия и северные районы Восточной Словакии оказались под контролем партизан. Не в силах справиться с движением народных масс собственными силами, словацкие правители обратились за помощью к Гитлеру. 29 августа в Словакию вступили немецко-фашистские войска. Сопротивление словацкого населения приняло характер массовой вооруженной борьбы. Гитлеровские войска значительно превосходили повстанцев по численности и особенно по вооружению. Восставшие оказались в исключительно тяжелом положении. В создавшейся обстановке чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер 31 августа обратился за помощью к правительству СССР.

Вечером 2 сентября Ставка в срочном порядке приказала провести Карпатско-Дуклинскую операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов. Цель ее заключалась в том, чтобы ударом из района Кросно на Дуклю и далее на Прешов выйти в Словакию и соединиться с повстанцами. Противник, занимая выгодные оборонительные позиции, оказывал упорное сопротивление. Ожесточенные бои шли за каждую высоту, населенный пункт. К концу сентября советские и чехословацкие соединения, преодолевая огромные трудности, вышли к Главному Карпатскому хребту. 6 октября 1-й чехословацкий армейский корпус, овладев вместе с советскими войсками Дуклинским перевалом, вступил на родную землю. Однако прорваться к повстанцам, несмотря на все усилия, советским и чехословацким войскам так и не удалось. Обескровленные в предыдущих боях, отошедшие в горы повстанцы не смогли захватить перевалы через Карпаты и обеспечить проходы через них советским войскам. 28 октября наступление было приостановлено. Тем не менее в тылу немецких войск продолжали активно действовать партизанские соединения и отряды. После окончательного освобождения страны в мае 1945 г. Чехословацкая Республика как государство двух равноправных народов — чехов и словаков — была восстановлена. Карпатско-Дуклинская операция стала характерным примером, когда боевые действия были обусловлены не во-

И. Б. Тито

Югославские партизаны в освобожденном городе Нови Бечей

енной целесообразностью — стратегическая обстановка на советско-германском фронте в сентябре 1944 г. не требовала этого трудного наступления, — а проводились исключительно в интересах восставшего против оккупантов населения.

В последних числах сентября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли на болгаро-югославскую границу в районе Видина. Предстояло наступление против немецко-фашистских сил, захвативших югославскую землю. Югославские народы более четырех лет находились под немецко-фашистской оккупацией. Все эти годы они вели вооруженную борьбу против захватчиков. В ходе этой борьбы к 1944 г. в Югославии сформировались органы народной власти — Антифашистское вече народного освобождения и Национальный комитет освобождения. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) во главе с И. Б. Тито насчитывала до 400 тыс. человек, сведенных в корпуса, дивизии, бригады, партизанские отряды. Управлял войсками верховный штаб. Советское правительство оказало поддержку центральным органам народной власти Югославии. С февраля 1944 г. при Национальном комитете освобождения Югославии стала действовать военная миссия во главе с генералом Н. В. Корнеевым. Югославии была оказана не только политическая, но и материальная помощь. Специально выделенная для этой цели авиационная дивизия доставляла югославским патриотам вооружение, боеприпасы, обмундирование, обувь, средства связи, медикаменты. Эта помощь резко возросла с выходом советских войск к югославской границе.

С 1943 г. стали оказывать помощь НОАЮ и западные союзники, не прерывая при этом отношения и с эмигрантским королевским правительством. Конечной целью их политического маневрирования было восстановление в Югославии довоенного политического правления. У. Черчилль в переговорах с И. Б. Тито в Неаполе с 12 по 15 августа 1944 г. рекомендовал ему вступить в переговоры с королем Петром и генералом Михайловичем, добивался содействия в высадке английских войск на полуостров Истрия.

Несмотря на значительные успехи югославских народов в борьбе за освобождение родины, самостоятельно очистить всю страну от врага им не удалось: слишком велико было неравенство сил, особенно в материально-технических средствах. К сентябрю 1944 г. все важнейшие города, основные железные и автомобильные дороги еще оставались в руках оккупантов. Только с выходом советских войск в западные районы Болгарии стало возможным изгнание врага со всей югославской территории.

Однако выход 6 сентября советских войск на румыно-югославскую границу изменил политическую ситуацию. Председатель Национального комитета освобождения Югославии И. Б. Тито направил в Государственный Комитет Обороны СССР в начале сентября 1944 г. просьбу о вводе войск Красной армии в Югославию[15]. Сталин пригласил Тито в Москву на переговоры, которые состоялись втайне от английской миссии в Югославии с 21 по 28 сентября. В итоге была достигнута договоренность о масштабной помощи НОАЮ оружием, боеприпасами и продовольствием.

Подобное развитие событий в очередной раз обострило отношения внутри антигитлеровской коалиции, на что рассчитывал фюрер. На совещании в своей ставке он заявил: «...политической целью русских является не Германия, а Босфор... За время от 14 дней до, самое позднее, 6 недель противоположные полюсы придут в такое столкновение, что это приведет к изменению, которому суждено сыграть решающую роль в этой войне»[16].

Помощь Красной армии оказала решающее влияние на развитие событий в Югославии. 3 октября германское командование отдало приказ об отступлении войск из Греции, Албании и южных районов Югославии в связи с выходом Красной армии на болгаро-югославскую границу. В эти дни (с 9 по 19 октября 1944 г.) в Москве проходила очередная встреча Черчилля со Сталиным. В неофициальной беседе Черчилль выдвинул предложение о разделе сфер влияния на Балканах[17]. Сталин отклонил это сомнительное предложение. Попытка Черчилля имитировать «сговор» не удалась[18].

С выходом Красной армии на болгаро-югославскую границу для гитлеровских войск, действовавших на юге Балкан, создалась явная угроза оказаться отрезанными. В связи с рез-

ким изменением на Балканах политической и стратегической обстановки началась эвакуация немецко-фашистских войск из Греции. Особое значение гитлеровцы придавали удержанию железной дороги Салоники — Белград. Для этого они использовали все оперативные резервы. К Белградской операции были привлечены силы 3-го Украинского фронта и оперативно подчиненные ему болгарские войска, часть сил 2-го Украинского фронта и югославские войска. 20 октября столица Югославии после ожесточенных боев была полностью освобождена. Германское командование, лишившись магистрали Салоники — Белград — Будапешт, вынуждено было ускорить эвакуацию своих войск с юга Балканского полуострова в северо-западную часть Югославии. Завершив освобождение Белграда, советские войска начали выдвижение в Венгрию, освободив в ноябре значительную часть Югославии в междуречье Дуная и Дравы.

Венгрия после выхода Румынии, Болгарии и Финляндии из фашистского блока оставалась единственным союзником Германии в Европе. Еще в марте 1944 г., стремясь не допустить изменения военно-политического курса Венгрии, страну оккупировали немецко-фашистские войска. Несмотря на то что венгерское население оказывало сопротивление фашистской Германии и режиму Хорти, добиться создания общенародного фронта борьбы здесь не удалось. Главной причиной этого была сложная внутриполитическая обстановка. Лишь в мае 1944 г. представителям различных политических сил удалось договориться о необходимости создания единого Венгерского фронта. Однако его возможности для вооруженного отпора немецко-фашистским захватчикам были ограниченными. Напуганное антифашистским восстанием в Румынии правительство Венгрии 25 августа приняло решение приложить все усилия, чтобы не допустить вступления Красной армии в страну. Тем самым оно рассчитывало выиграть время с тем, чтобы англичане, с которыми венгерский диктатор Хорти вступил в тайные контакты, могли оккупировать Венгрию. Это совпадало с намерением британского премьер-министра У. Черчилля, стремившегося расширить сферу влияния Англии в Юго-Восточной Европе. Эти планы были разрушены вступлением советских войск на территорию Венгрии. 1 октября в Москву прибыла венгерская миссия с полномочиями подписать соглашение о перемирии при условии, если Советский Союз согласится на «участие американцев и англичан в оккупации Венгрии» и на «свободный отход немецких войск». Правительство СССР отказалось принять подобные условия.

Узнав о намерениях Хорти выйти из войны, германское командование перебросило в район Будапешта крупные танковые силы, намереваясь подавить любые антигитлеровские выступления венгров. 17 октября Хорти был отстранен от власти. Пришедший ему на смену руководитель венгерских фашистов Ф. Салаши отдал приказ армии продолжать военные действия против советских войск.

Однако в стране уже набирало силу движение Сопротивления. Этому способствовала высадка в тылу немецких и венгерских войск 10 партизанских отрядов, сформированных в Советском Союзе. Антифашистский фронт Венгрии создал Повстанческий освободительный комитет, в который вошло несколько политических партий. Комитет активизировал вооруженную борьбу против немецко-фашистских оккупантов, однако разгромить немецко-фашистскую группировку в Венгрии было под силу лишь Красной армии.

Задача по разгрому противостоящих сил врага, что являлось необходимым условием для вывода Венгрии из войны, была возложена на войска 2-го Украинского фронта при активном содействии 4-го Украинского фронта. В сентябре 1944 г. германское командование успешно возвело несколько оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к центральным районам Венгрии, откуда намеревалось нанести контрудары по советским войскам, перекрыть им путь в северную часть Трансильвании и в Средне-Дунайскую низменность. Почти два месяца, до конца ноября, Красной армии в ходе Дебреценской и Карпатско-Ужгородской операций пришлось вести упорную кровопролитную борьбу за освобождение Закарпатской Украины. Успех Дебреценской операции вынудил находившуюся в Москве венгерскую военную делегацию принять предварительные условия соглашения о перемирии между Венгрией и СССР и его союзниками. В соответствии с достигнутым соглашением

Венгрия, оставаясь независимым государством, обязалась не только порвать отношения с фашистской Германией, но и вступить в войну с ней.

29 октября начался завершающий этап освобождения Венгрии — Будапештская операция. Несмотря на то что неприятель оказывал ожесточенное сопротивление, к концу декабря его будапештская группировка оказалась в кольце. Линия внешнего фронта окружения проходила в 50–60 км к западу от венгерской столицы. В Будапеште гитлеровцы, используя мощные укрепления, заняли круговую оборону. Освободить Будапешт удалось лишь в апреле 1945 г. Тем не менее из войны был выведен последний сателлит Германии.

Выход Красной армии в центральные районы Балкан коренным образом изменил военно-политическую обстановку в Албании и Греции. Народы этих стран также в течение всей войны вели героическую борьбу против фашистских захватчиков. В 1944 г. в Албании действовала Национально-освободительная армия, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек. К сентябрю она освободила почти всю южную часть Албании и часть центральных районов. В период эвакуации немецких соединений с юга Балканского полуострова народные войска усилили свои удары по оккупантам, освободив вскоре столицу республики — г. Тирана.

Массовый характер приобрела народная борьба против оккупантов в Греции. В конце сентября 1944 г. Национально-освободительный фронт страны объединял в своих рядах до 2 млн патриотов. Под ударами народно-освободительной армии Греции 4 октября Гитлер объявил о выводе из страны своих войск. На следующий день в Грецию без всякой военной необходимости вступили английские войска, готовившие эту операцию заблаговременно — в период Ясско-Кишиневской операции. Они вступили в вооруженное противостояние с отрядами народно-освободительной армии Греции и восстановили в стране эмигрантское правительство греческого короля. Советское руководство не стало вмешиваться в гражданскую войну в Греции, не желая обострения и без того напряженных отношений с западными союзниками.

Одновременно с наступательными операциями на южном крыле советско-германского фронта на Крайнем Севере проводилась Петсамо-Киркенесская операция, в ходе которой советские войска освободили северные районы Норвегии. Военные действия на ее территории проводились в соответствии с соглашением, подписанным 17 мая 1944 г. правительством Норвегии и тремя правительствами антифашистской коалиции — СССР, США, Великобритании. Операция началась 7 октября 1944 г., а к 27 октября советские войска завершили освобождение северных районов Норвегии. Действия Красной армии на севере Норвегии активизировали борьбу норвежского Сопротивления на остальной территории.

Таким образом, в 1944 г. победы советского оружия оказали решающее влияние на завершение разгрома Германии и ее союзников в Европе. Гитлеровские захватчики были изгнаны из Румынии, Болгарии, значительной части Польши, большей части Венгрии, северных районов Норвегии. Красная армия вступила в восточные районы Чехословакии, совместно с НОАЮ и болгарскими войсками очистила от немецко-фашистских поработителей восточные районы Югославии.

Под прямым воздействием побед советских войск и ударами народных армий оккупанты были вынуждены эвакуироваться из Албании и Греции. Румыния, Болгария и Венгрия, выйдя из гитлеровского блока, объявили войну фашистской Германии, что ускорило ее окончательный разгром. Весомый вклад в завершающий разгром Германии внесли западные союзники, развернувшие с плацдарма в Нормандии в целом успешное наступление в глубь Франции. Быстрое продвижение союзных войск во Франции и Бельгии в конце августа — начале сентября 1944 г. вызвало радужные надежды у руководителей США и Англии на то, что Германия капитулирует в ближайшие несколько недель[19]. Наступление Красной армии на Балканах и ее вступление в Центральную Европу еще более подстегнули союзное руководство в желании упредить советские войска в их продвижении в центральные районы Германии, а главное — первыми войти в Берлин.

15 августа союзный десант высадился на юге Франции, после чего немцы начали организованный отход по всему западному фронту. Союзные армии, продвигавшиеся вслед за

отступающими немецкими войсками, не встречали серьезного сопротивления. Гитлеровское командование спешно отводило войска на бывшую франко-германскую границу. Уже 2 сентября западные союзники пересекли границу Бельгии, освободили Брюссель, 10 сентября овладели Люксембургом.

Когда в начале сентября союзники подошли к германской границе, ничто, казалось, не могло задержать их дальнейшего продвижения в глубь страны. За Рейном практически не было организованных немецких войск. Однако союзное командование не приняло решительных мер для быстрейшего форсирования Рейна и продвижения в глубь Германии. В результате немецко-фашистскому командованию удалось отвести значительную часть войск на линию Зигфрида, в срочном порядке сформировать и развернуть на этом рубеже свои резервы. Попытка союзных войск преодолеть линию Зигфрида с ходу не увенчалась успехом. Союзное командование было вынуждено подтягивать войска, тылы, готовиться к дальнейшему наступлению.

Значительную роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков сыграло национально-освободительное движение в оккупированных европейских странах. Так, после высадки западных союзников во Франции бойцы Сопротивления вступили в сражение с оккупантами по всей стране. Французское движение Сопротивления приобрело такой размах, что оккупанты были вынуждены бросить против антифашистских сил многочисленные войска, полицию, жандармерию, местные формирования. Именно французским бойцам Сопротивления принадлежит главная заслуга в сохранении Парижа от разрушения. Личный приказ Гитлер об уничтожении столицы Франции немецкий гарнизон получил 23 августа, однако подвергся атакам французских патриотов и к исходу следующего дня был разгромлен.

В районе наступления англо-американских войск вооруженные восстания против оккупантов кроме Парижа произошли также в Бельгии и Дании. В Бельгии восставшие освободили Антверпен, в Дании оккупантам удалось подавить восстание.

Успехи антигитлеровской коалиции вместе с тем сопровождались обострением и без того напряженных отношений между СССР и западными союзниками. Причиной стало то, что, руководствуясь прежде всего национальными интересами, каждый из них был заинтересован в установлении собственных сфер влияния на освобождаемых территориях. Успешное наступление Красной армии на юго-западном направлении не позволило западным союзникам упредить советские войска в выходе на Балканы и установить там лояльные политические режимы. В тех же странах Западной Европы, которые были освобождены англо-американскими войсками, отряды Сопротивления были разоружены, власть фактически перешла к довоенным правящим кругам.

Хотя противоречия между союзниками в этот период представляли серьезную угрозу единству антигитлеровской коалиции, это не привело к ее расколу, на что рассчитывала гитлеровская верхушка. В том, что это не произошло, большая заслуга принадлежит руководству союзников, проявившему способность пойти на компромисс, если это не диктовалось принципиальными соображениями. Подтверждением этому стали драматические события на западном направлении в конце 1944 г. Стабилизировав к этому времени обстановку на восточном фронте, гитлеровское руководство решило перейти к активным действиям на западном фронте, чтобы с позиции «силы» добиться сепаратного мира с англо-американскими союзниками. Ценой перенапряжения всей экономики Третьему рейху осенью 1944 г. удалось увеличить военное производство до наивысшего за всю войну уровня и снабдить вермахт всем необходимым для наступления на западе. Внезапное контрнаступление гитлеровских войск 16 декабря 1944 г. в Арденнах создало критическую ситуацию для армий западных союзников в Европе. И вновь, как уже не раз бывало в тяжелых ситуациях, они обратились за помощью к советскому руководству, которое приняло решение о перенесении даты готовящегося наступления на советско-германском фронте на более ранний срок.

В целом согласованные удары по гитлеровской Германии с востока и запада значительно ускорили день окончательной и полной победы антифашистской коалиции над сильным и опасным врагом.

Военные итоги летне-осенней кампании и восстановление охраны Государственной границы СССР

Важным военно-политическим итогом 1944 г. стало восстановление Государственной границы СССР, осуществленное в ходе летне-осенней кампании советских вооруженных сил. В итоге этой кампании было завершено освобождение советской территории от немецких захватчиков и созданы условия для восстановления западной границы Советского Союза с соседними государствами. Лишь на небольшом участке территории Латвийской ССР к концу года оставалась блокированной прижатая к морю курляндская группировка врага.

С переносом боевых действий Красной армии за территориальные пределы СССР военная стратегия постепенно утрачивала самодовлеющее значение, выступая теперь в качестве важнейшего инструмента решения неотложных политических, в том числе простиравшихся на послевоенный период задач. Военно-стратегические цели все более тесно переплетались с политическими. СССР и западные союзники любыми средствами стремились включить в свою сферу влияния освобожденные территории, и здесь неизбежно должны были столкнуться политические интересы участников антифашистской коалиции, опиравшихся на различные политические силы в освобождаемых районах.

Преследуя собственные внешнеполитические интересы, Советский Союз в то же время не вынашивал никаких планов аннексии территории тех государств, куда вступали части и соединения Красной армии, и насильственного навязывания своей воли другим народам. Еще 2 апреля 1944 г. в связи с выходом советских войск на территорию Румынии советское правительство выступило со специальным заявлением, в котором подчеркивалось, что СССР не преследует цели овладения румынской территорией или вмешательства в общественный строй Румынии и что вступление советских войск диктуется только военной необходимостью. Это принципиальная линия выдерживалась руководством Советского Союза и при освобождении других стран Восточной и Центральной Европы и полностью соответствовала освободительному характеру Великой Отечественной войны. При этом советское правительство, разумеется, было заинтересовано в скорейшей нормализации социально-политической обстановки на освобожденных территориях, утверждении там власти народной демократии, свободной от влияния профашистских и коллаборационистских элементов.

Советские войска в течение 1944 г. продвинулись на запад на 600–900 км, вступили на территорию Румынии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии. Фронт вплотную приблизился к границам Германии. Планы правящих кругов Англии и США оккупировать страны Балканского полуострова и сохранить в них реакционный режим были сорваны.

Одним из важнейших военно-политических итогов 1944 г. стал распад блока фашистских государств. Германия лишилась всех своих сателлитов. Румыния, Болгария, Финляндия и Венгрия были выведены из войны на ее стороне и вынуждены были выступить против бывшего союзника.

Не менее ощутимы оказались и экономические потери Германии. Она лишилась продовольственной базы и источников стратегического сырья в Западной Украине, Белоруссии, Прибалтике, Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Финляндии.

Советскому Союзу удалось достичь крупных военно-политических результатов в кампании благодаря возросшим экономическим возможностям, мощи вооруженных сил и искусству командования всех уровней.

В ходе летне-осенней кампании 1944 г. Красная армия разгромила основные стратегические группировки немецких войск, находившиеся на советско-германском фронте. Всего подверглись разгрому 314 дивизий и 47 бригад, из них 96 дивизий и 24 бригады были уничтожены или пленены. Для восполнения огромных потерь в войсках руководство вермахта перебросило из Германии и оккупированных ею стран на советско-германский фронт 74 дивизии и 22 бригады, в том числе немецких 60 дивизий и 13 бригад[20].

Германский вермахт потерял за кампанию 1600 тыс. человек, 6700 танков, 28 тыс. орудий и минометов, более 12 тыс. самолетов[21]. Немецкие генералы вынуждены были впоследствии признать, что «в течение лета и осени 1944 г. немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское... Теперь Германия неудержимо катилась в пропасть»[22].

Существенной особенностью стратегического наступления в кампании было то, что оно велось на всех направлениях советско-германского фронта при одновременном наступлении американо-английских войск в Западной Европе. При этом стратегическое наступление советских вооруженных сил создавало весьма выгодную обстановку для союзников, так как 60—70% сухопутных войск Германии по-прежнему находилось на советско-германском фронте.

Летне-осенняя кампания 1944 г. характерна бóльшим размахом по сравнению с предыдущими. Она продолжалась около семи месяцев, советские войска в ее рамках вели наступление на фронте 3000 км одновременно 10 фронтами из 12 действовавших, глубина продвижения составляла от 600 до 900 км[23].

Главный удар наносился на западном направлении. Перенесение к лету 1944 г. основных стратегических усилий с юго-западного направления на западное было вызвано рядом политических и стратегических соображений. Удар на этом направлении позволял завершить освобождение советской территории от гитлеровских захватчиков, разгромить наиболее мощные вражеские группы армий «Центр» и «Северная Украина», выйти к границам Германии и создать благоприятные условия для наступления на берлинском направлении.

Для наступления на главном, западном направлении Ставка ВГК провела скрытно и незаметно для противника перегруппировку крупных сил с юго-западного направления и из тыла страны. На направлении главного удара, протяженность фронта которого составляла 37%, было сосредоточено: 51,4% людей, 51,6% орудий и минометов, 40,9% танков и САУ, 60,2% самолетов действующей армии. Мероприятия по обеспечению скрытности подготовки обеспечили внезапность мощного удара на западном направлении, к тому же германское командование, исходя из сложившейся группировки советских войск в результате зимней кампании 1944 г., считало, что Красная армия предпримет новое наступление на юго-западном направлении с целью овладения Балканами. Наступление на западном направлении оно допускало лишь с ограниченными целями.

Военные действия в летне-осенней кампании 1944 г. вылились в осуществление последовательных и одновременных стратегических операций, связанных единством замысла Ставки ВГК. Стратегическое наступление последовательно развертывалось как по фронту, так и в глубину. Преимущества такого способа ведения кампании заключались в том, что советские войска за счет маневра могли достигать решающего превосходства на избранных направлениях, бить противника по частям, выбирая каждый раз наиболее выгодные сроки и направление для нанесения очередного удара.

Успешное осуществление операции на одном направлении создавало благоприятные условия для проведения последующих. При этом фронт стратегического наступления все время расширялся и к концу кампании простирался от Баренцева до Черного моря. В таких условиях возможности немецкого командования массированно использовать свои резервы и осуществлять маневр были ограничены. В тех случаях, когда противнику удавалось все же осуществить маневр, силы, перебрасываемые с одного участка на другой, как правило, вводились в сражение с опозданием и поэтому не выполняли возложенных на них задач. Противник терялся в догадках, где и когда будет нанесен очередной удар советских войск.

Располагая крупными резервами сухопутных войск и ВВС, Ставка ВГК активно влияла на ход операций. В течение всей кампании в ее распоряжении постоянно находились от двух до шести общевойсковых армий, танковая и воздушная армии. Резервы Ставки ВГК создавались за счет вывода соединений из действующих фронтов и доукомплектования их. Всего за кампанию Ставка ВГК ввела в действующую армию из резерва 134 дивизии, 21 механизированный и танковый корпус. При этом на направлении главного удара было использовано 72 дивизии, 13 танковых и механизированных корпусов[24].

Стратегические резервы использовались для создания ударных группировок фронтов и наращивания их усилий в ходе кампании (76 дивизий, 13 танковых и механизированных корпусов), а также для подготовки последующей кампании (53 дивизии, восемь танковых и механизированных корпусов).

Ставка ВГК широко практиковала усиление фронтов путем переподчинения объединений и маневра ими в рамках одного стратегического направления. За кампанию перегруппировку осуществили 36 общевойсковых армий из 57 действовавших и пять танковых армий из шести действовавших. При этом некоторые армии проводили перегруппировку два-три раза. В результате создавалось более выгодное положение советских войск по отношению к войскам противника и достигалось необходимое превосходство.

Стратегическим наступательным операциям второй половины 1944 г. были присущи решительность действий и высокая эффективность результатов. Основными целями операций являлись: разгром, окружение и уничтожение крупной группировки противника; занятие важных военно-политических центров и экономических районов; оказание помощи союзным странам; вывод из войны одного из государств прогерманского блока. Каждая из проведенных в кампании операций завершалась достижением поставленных целей.

Исключение составляет Прибалтийская наступательная операция, в результате которой не удалось полностью разгромить группировку противника. Причиной послужило прежде всего то, что первоначальный удар советских войск оказался слабым и не привел к решительному поражению неприятеля в тактической и ближайшей оперативной глубине. Слабость первоначального удара обусловливалась недостатком сведений о группировке и характере обороны противника, низкой укомплектованностью большинства стрелковых дивизий, дефицитом боеприпасов, имевшихся во фронтах к началу операции. Из-за ограниченного количества сил флота, привлекавшихся для борьбы на коммуникациях противника, советскому командованию не удалось блокировать курляндскую группировку немцев с моря.

Способы разгрома вражеских группировок в ходе наступательных операций группы фронтов были различными, наиболее широкое применение при завершении освобождения территории СССР в 1944 г. получили окружение крупной группировки противника (Белорусская и Ясско-Кишиневская), рассечение и дробление вражеских группировок с последующим их уничтожением (Львовско-Сандомирская и Прибалтийская операции).

Решительность целей стратегических наступательных операций придала большинству из них небывалый размах. Стратегические операции осуществлялись группами фронтов, имевшими в своем составе до 22 общевойсковых, трех танковых и пяти воздушных армий, во взаимодействии с военно-морским флотом, авиацией дальнего действия, войсками ПВО и партизанами. Когда решение стратегической задачи осуществлялось одним фронтом, для проведения операции он получал большое усиление. Операции развертывались на фронте от 300 до 1000 км, на глубину от 220 до 700 км и продолжались от 40 дней до трех месяцев со средним темпом наступления 8–20 км в сутки[25].

Руководя вооруженной борьбой, Ставка ВГК уделяла большое внимание вопросам стратегического взаимодействия, которое выражалось в определении конкретных целей для группировок вооруженных сил, действовавших на различных направлениях, и согласовании их усилий, а также в определении времени и последовательности нанесения ударов и в согласовании действий между различными видами вооруженных сил в отдельных стратегических операциях. Для координации действий войск фронтов при осуществлении большинства стратегических операций Ставка ВГК направляла на места своих представителей с небольшим аппаратом управления. Резко меняющаяся обстановка требовала от Ставки ВГК постоянного уточнения и изменения ранее поставленных задач.

Поскольку главным итогом военных действий 1944 г. стало завершение освобождения советской территории, в ходе войны подвергшейся вражеской оккупации, на восстанавливаемую государственную границу вместе с воинами Красной армии возвращались советские пограничники. Первыми восстановленный участок границы с Румынией взяли под охрану

бойцы 24-го пограничного полка под командованием полковника С. Е. Капустина, выполнявшие задачи охраны тыла 2-го Украинского фронта.

С переходом боевых действий за пределы СССР восстановление надежной охраны госграницы требовалось на всем ее протяжении. При этом необходимо было избежать возникновения каких-либо препятствий во всестороннем обеспечении боевых действий, которые действующая армия вела на сопредельных территориях[26].

Пограничные полки войск НКВД, выполнявшие задачи охраны тыла действующей армии, переформировывались в пограничные отряды и выставлялись на охрану восстанавливаемой границы. Для обеспечения связи и взаимодействия войск Красной армии, продвинувшихся на территорию соседних государств, с тыловыми учреждениями и базами, остававшимися на территории СССР, на всех железных и шоссейных дорогах, пересекающих границу, и в других пунктах организовались контрольно-пропускные пункты. Порядок пропуска войск и грузов через КПП определялся Наркоматом внутренних дел совместно с Генеральным штабом Красной армии. При отсутствии в войсках НКВД необходимых для охраны границы сил или их недостатке функции по охране тыла действующей армии передавались в ведение военных советов действующих фронтов[27].

Первоначально, в течение более полутора месяцев с момента выхода советских войск на границу с Румынией, для ее охраны привлекались исключительно войска НКВД по охране тыла действующей армии. Это отрицательно сказывалось на выполнении ими непосредственных задач. Так, в докладе начальника войск по охране тыла действующей армии Народного комиссариата внутренних дел за 1944 г. отмечается, что кроме задач по охране тыла с момента форсирования советскими войсками р. Прут некоторые части немедленно приступили к восстановлению охраны государственной границы. К охране границы в полосе 2-го Украинского фронта было привлечено по одному батальону от 24, 123, 124, 128-го пограничных полков, которые эту службу несли с начала апреля по 20 мая 1944 г.

8 апреля 1944 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о формировании управлений войск западных пограничных округов и 34 пограничных отрядов[28]. К 19 апреля Главное управление пограничных войск НКВД подготовило предложения по выполнению постановления ГКО. Их практическая реализация заключалась в следующем.

На участки границы, охрана которых должна была быть восстановлена немедленно, по-прежнему направлялись пограничные полки из состава войск НКВД по охране тыла действующей армии, временно передаваемые в подчинение Главного управления пограничных войск[29].

Для формирования новых пограничных отрядов из состава войск по охране тыла действующей армии направлялось до 40% рядового и офицерского состава, в первую очередь из числа лиц, состоявших на службе в пограничных и других войсках НКВД до начала войны. Остальной личный состав выделяли пограничные округа, дислоцированные на южной и восточной границах, а также другие войска НКВД СССР. Кроме того, из состава Наркомата обороны в пограничные войска по инициативе Генерального штаба было направлено 57 тыс. человек[30].

Формируемым пограничным отрядам присваивалась нумерация пограничных частей, охранявших западную границу СССР до начала войны, а вновь направляемым для охраны тыла действующей армии полкам давалась новая нумерация. Всего в соответствии с постановлением ГКО и приказом наркома внутренних дел было сформировано 34 пограничных отряда. К 1 июля 1944 г. они сосредоточились: в районе Одессы и в Молдавии — 9, в районе Харькова — 7, в районе Смоленска — 16, в районе Выборга — 2. Общая численность вновь сформированных пограничных отрядов составляла 49 424 человека[31].

Задача по восстановлению охраны государственной границы на северо-западном направлении начала решаться с 4 сентября 1944 г., когда финская армия прекратила боевые действия. Спустя две недели в Москве состоялось подписание соглашения между Советским Союзом и Великобританией с одной стороны и Финляндией — с другой, по которому

Советские и финские офицеры обмениваются протоколами о передаче Финляндией одного из участков государственной границы представителям советского командования. Сентябрь 1944 г.

последняя передала СССР область Петсамо (Печенга). Кроме того, Финляндия на правах аренды передавала Советскому Союзу на 50 лет территорию и водные пространства в районе полуострова Порккала-Удд для создания там советской военно-морской базы. После подписания 16 декабря 1944 г. советско-финляндского протокола на территорию полуострова был выдвинут 9-й пограничный отряд, принявший на себя охрану военно-морской базы[32]. В связи с возвращением СССР района Петсамо пограничные войска приняли под охрану старую русско-норвежскую границу протяженностью около 200 км.

До ноября 1944 г. пограничные войска также вышли на границу с Польшей, Чехословакией и восстановили ее охрану. К этому времени Красная армия решила задачу исторической важности: полностью очистила от фашистских оккупантов территорию нашей родины, а пограничные войска приступили к восстановлению охраны ее западных рубежей.

Охрана восстанавливаемой западной границы в условиях ведения Красной армией боевых действий на территории сопредельных государств не являлась прерогативой пограничных войск. Данную задачу они выполняли совместно с войсками действующей армии и войсками НКВД по охране ее тыла. В соответствии с этим пограничным отрядам на охраняемых участках важно было наладить надежную связь и взаимодействие с соединениями и частями, действовавшими как на территории СССР, так и за ее пределами.

С выходом советских войск, а за ними и пограничников на Государственную границу СССР ее прохождение обозначалось на местности. Эту задачу выполняли начальники погранотрядов вместе с представителями Генерального штаба Красной армии, которые руководствовались довоенной картой пограничной линии[33]. На границе устанавливались временные пограничные знаки, а на лесных участках для движения пограничников прорубались просеки шириной четыре метра. После этого штабами пограничных отрядов составлялись подробные описания прохождения пограничной линии, которыми руководствовались начальники застав при организации ее охраны.

К исходу 1944 г. частями западных пограничных округов была проделана большая работа по инженерному оборудованию границы. В короткий срок было вспахано 837 км контрольно-следовой полосы, построено более 900 наблюдательных пунктов, около 200 км заграждений, изготовлено и установлено более 2500 различных сигнализационных приборов[34]. Серьезное внимание обращалось на организацию надежной связи между заставами, комендатурами, пограничными отрядами и окружными управлениями, особенно связи пограничных нарядов с заставами и между собой.

Пограничные заставы, комендатуры и отряды создавали бригады содействия из местного населения, которые помогали пограничникам как в охране границы, так и в очистке пограничной полосы от враждебных элементов. Так, только в Украинском пограничном округе к концу 1944 г. было создано 209 бригад и групп содействия общей численностью 2341 человек. По сведениям членов групп содействия, было задержано 76 нарушителей границы и ликвидировано три бандформирования, насчитывавших около 60 человек[35].

Организация охраны на восстановленной Государственной границе СССР находилась под пристальным вниманием Государственного Комитета Обороны, Наркомата внутренних дел, Главного политического управления и Политического управлений пограничных войск. Это внимание выражалось не только в принятии постановлений и разработке руководящих документов по охране границы в необычной фронтовой обстановке, но и в обеспечении войск западных пограничных округов квалифицированными кадрами.

Принимаемые меры обеспечивали быстрое освоение пограничниками участков восстанавливаемой на западе границы и успешное выполнение задач по ее охране. В 1944 г. им удалось задержать 17 859 нарушителей, среди которых были гитлеровские агенты, солдаты и офицеры немецкой армии, бандиты, изменники и пособники врага[36].

Особое место в деятельности пограничных войск на восстановленной западной границе занимала служба контрольно-пропускных пунктов. Она организовывалась на основе специальной инструкции, разработанной Генеральным штабом Красной армии совместно с Наркоматами внутренних дел и внешней торговли СССР. Пропуск войск, отдельных военно-

служащих и гражданского населения через границу осуществлялся только через специально созданные КПП, которые оборудовались в местах, определяемых Главным управлением пограничных войск по согласованию с военными советами фронтов и армии[37]. По плану в западных пограничных округах было предусмотрено создание 140 КПП. Фактически к концу 1944 г. функционировало около 100 контрольно-пропускных пунктов со штатной численностью 10 человек в каждом (шесть офицеров и четыре сержанта)[38].

По мере удаления линии фронта от государственной границы движение воинских частей и грузов стало проходить по основным железнодорожным и шоссейным магистралям. В связи с этим некоторые КПП, выставленные на второстепенных направлениях, упразднялись. В то же время объем пропуска через КПП на основных направлениях возрастал, что потребовало увеличения их численности. Это делалось преимущественно за счет расформировываемых пунктов пропуска.

Проведение в конце 1944 г. комплекса политических и организационных мероприятий по укреплению службы КПП обеспечило успешное выполнение ими огромного объема работы по пропуску через границу войск, грузов и различных категорий гражданского населения. При этом было выявлено и задержано значительное количество нарушителей границы, лиц, пытавшихся незаконно проникнуть через границу или провезти контрабанду.

Таким образом, процесс и результаты восстановления охраны Государственной границы СССР находились в тесной взаимосвязи с ходом боевых действий действующей армии, условиями выхода войск на границу, обстановкой на приграничных территориях, составом, состоянием и возможностями пограничных войск и другими факторами. В целом благодаря организаторской деятельности Государственного Комитета Обороны, Генерального штаба, Главного управления пограничных войск НКВД СССР, командований и военных советов фронтов действующей армии, а также самоотверженности советских пограничников задача к концу 1944 г. была решена успешно. Западная граница СССР была взята под надежную охрану. Вместе с тем она не препятствовала своевременному пополнению личным составом и материальными средствами советских войск, действовавших на территории стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В обратном направлении через границу вывозились раненые и граждане, освобожденные из вражеского плена.

Влияние событий 1944 г. на советско-германском фронте на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Успехи Советского Союза, развернувшего практически на всех участках фронта борьбы с фашистским агрессором военные операции по его изгнанию с оккупированных территорий, поставили военно-политическое руководство Соединенных Штатов и Великобритании перед дилеммой: либо полностью отдать со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями судьбу Европы в руки Советского Союза (в способности СССР в одиночку завершить разгром фашистской Германии уже мало кто сомневался), а самим сконцентрировать все внимание на тех театрах войны, куда традиционно устремлялись интересы Вашингтона и Лондона, либо откликнуться на призыв советского руководства умножить усилия для совместного скорейшего разгрома агрессора сначала на западе, а потом и на востоке. Ситуация на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, характеризовавшаяся застойными явлениями на всех фронтах, позволяла избрать именно такой вариант решения, но пришли к нему в сложной борьбе мнений.

Важное значение для выработки военной политики союзников в этот драматический период, в том числе и на 1944—1945 гг., сыграли результаты конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, проходившей в Москве в октябре 1943 г., на которой

Американские солдаты после высадки на Новой Гвинее. 1943 г.

Американский истребитель в полете у острова Бугенвиль. 1943 г.

Американские солдаты при поддержке танков в бою на острове Бугенвиль. 1943 г.

Советский Союз в ответ на настойчивые просьбы американского руководства впервые заявил о готовности принять участие в войне против японского агрессора после разгрома Германии. По мнению государственного секретаря США К. Хэлла, это было заявление «исключительной важности»[39].

Московская конференция имела большое значение для укрепления антигитлеровской коалиции и подготовила условия для встречи глав правительств трех держав в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. На конференции в столице Ирана, а также в ходе предшествующей ей предварительной встречи руководителей США, Великобритании и Китая в Каире (22–26 ноября) и проведенных здесь же сразу после тегеранского саммита заключительных беседах Ф. Рузвельта и У. Черчилля впервые в плоскость крупных и конкретных практических решений была переведена давно предложенная Советским Союзом формула: для скорейшего поражения в коалиционной войне фашистско-милитаристского блока необходим в первую очередь разгром гитлеровской Германии, а для ускорения достижения этой цели не менее важно открытие в кратчайшие сроки многократно обещанного второго фронта. Важнейшим достижением Тегеранской конференции стала четко выраженная решимость американского и английского союзников начать весной 1944 г. в тесном стратегическом взаимодействии с советскими войсками крупномасштабные операции на севере Франции. В немалой степени этому способствовало подтверждение главой советской делегации на Тегеранской конференции И. В. Сталиным решения СССР вступить в войну с Японией через два-три месяца после разгрома Германии.

Вместе с тем, несмотря на серьезные договоренности по развитию военных действий на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, это обязательство Советского Союза расхолаживающе повлияло на военно-политическое руководство США и Англии, а также Китая, в результате чего на этом театре по-прежнему имели место застойные явления, хотя соотношение сил здесь продолжало изменяться в пользу союзников, в первую очередь на Тихоокеанском ТВД.

Успехи Советского Союза в 1943 г. являлись своеобразным катализатором действий союзников и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где существенных изменений не происходило. И это определялось не сложностью обстановки, которая теперь окончательно складывалась в пользу США, Англии и их союзников, и не соотношением сил, также изменявшимся в их пользу, а исключительно их политикой. Суть этой политики всемерной экономии сил и средств и вытекавшей из нее стратегии выжидания находила четкое выражение в ходе всей войны, а также и в военных действиях на Тихом океане в канун и в течение 1944 г.

Стратегические цели союзников по-прежнему были ограничены. Они предусматривали захват островных районов, необходимых для расширения системы базирования, способной обеспечить развертывание и действия, сила и мощь которых в условиях благоприятной обстановки значительно возрастали. Они обеспечивали, кроме того, надежность коммуникаций между США и Австралией, между передовыми районами боевых действий и базами в самих США, а также тыловыми базами снабжения, развернутыми на островах Тихого океана. И, наконец, они предусматривали нарушение сообщений Японии с внешним миром с целью максимально возможного ослабления снабжения японских войск и подрыва экономики страны. Осуществлялась своеобразная политика выжидания и экономии сил в надежде на разгром японских союзников в Европе Советским Союзом и подключение его к военным действиям против Японии.

В соответствии с названными целями военные действия союзников продолжались, хотя и несколько энергичнее, в тех районах, где они были начаты еще в 1942–1943 гг., — на Соломоновых островах и Новой Гвинее. Осуществляя медленное продвижение от острова к острову, союзники приближались к Новой Британии[40], где их заветной целью по-прежнему была военно-морская и авиационная база японцев Рабаул.

Главные силы на Тихом океане направлялись на подготовку операций по захвату оккупированного японцами Рабаула, на овладение островами Гилберта и нарушение японских морских коммуникаций. Лишь 1 ноября 1943 г. американские войска высадились на остров Бугенвиль. Его захват давал возможность использовать имевшиеся здесь аэродромы для

Китайские солдаты в окопах во время боев в Бирме. 1944 г.

Японское пехотное подразделение переходит мост через реку в джунглях Бирмы. 1944 г.

Президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль
и китайский генерал Чан Кайши с высшими офицерами на Каирской конференции. Ноябрь 1943 г.

поддержки сил, которые могли наступать на Рабаул. Бои за Бугенвиль продолжались до 16 января 1944 г.[41]

К концу 1943 г. союзное военно-морское командование сумело лучше организовать борьбу на коммуникациях. Это позволило ему сосредоточить на островах Тихого океана и в Австралии значительные вооруженные силы, что создало условия для проведения более крупных наступательных операций в 1944 г.

Существенное влияние на действия сторон оказывали события на сухопутных фронтах Азиатско-Тихоокеанского театра войны.

На Китайском ТВД борьба против агрессора осложнялась из-за отсутствия единства действий гоминьдановских войск с соединениями и частями китайских коммунистов, что позволяло японцам вести вооруженную борьбу в Китае сравнительно небольшими силами.

Вооруженные силы Японии вплоть до начала 1944 г. не проводили в Китае крупных наступательных операций. Предпринимавшиеся ими эпизодические наступления небольшими группировками имели в основном цель подкрепить дипломатические акции правительства, направленные на то, чтобы вывести Китай из войны. Цель же гоминьдановских войск сводилась к удержанию контролируемых ими районов. В гоминьдановских войсках царил низкий моральный дух, отмечались многочисленные случаи предательства офицеров и генералов, поэтому соединения и части Чан Кайши в ряде мест переходили на сторону японцев. Так, в

апреле — июне 1943 г. только в Наньдуне к противнику перешли 18 гоминьдановских генералов и полковников с подчиненными войсками, которые сразу же были направлены против руководимых коммунистами 8-й и Новой 4-й армий[42].

Бирманский фронт, проходивший в основном по индийско-бирманской границе, в 1943 г. был относительно спокойным, но в воздухе шли значительные бои. Англо-американское командование, лишившись сухопутных коммуникаций с Китаем, организовало снабжение гоминьдановских войск воздушным путем через Гималайские горы. Японская авиация пыталась его сорвать, что вынудило союзников выделить большое количество истребителей для прикрытия транспортной авиации. В развернувшихся над территорией Бирмы воздушных боях японская авиация потерпела поражение и утратила господство в воздухе. Тем не менее весь 1943 г. Япония готовилась к наступлению в Бирме с целью выхода к северо-восточным районам Индии[43].

Такова была военно-политическая ситуация конца 1943 г., сложившаяся на Азиатско-Тихоокеанском театре ко времени встреч руководителей союзных держав, центром которых явилась конференция в Тегеране, где обсуждались и планы дальнейшего ведения войны.

Драматизм ситуации, однако, заключался в том, что ни Китай, ни Англия, ни США не только не вели активных военных операций, но и не имели серьезных и твердых намерений активизировать в ближайшее время военные действия на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Это со всей очевидностью проявилось на серии каиро-тегеранских встреч с постоянным участием Ф. Рузвельта и У. Черчилля в ноябре — декабре 1943 г., центральной среди которых была Тегеранская конференция с участием советской делегации во главе с И. В. Сталиным. Несмотря на то что на первой своей встрече в Каире правительства США, Великобритании и Китая заявили 1 декабря в Каирской декларации о своей решимости продолжать войну до безоговорочной капитуляции Японии, эта «решимость» не подкреплялась реальными действиями.

Англичане в канун тегеранской встречи вообще предлагали сначала заняться европейскими проблемами, среди которых их интересовали в первую очередь средиземноморские дела, а обсуждение дальневосточной ситуации провести после Тегеранской конференции. Американцев, по словам президента США, интересовал главным образом вопрос удержания в состоянии войны с Японией Китая[44], на гоминьдановское руководство которого Ф. Рузвельт делал ставку в послевоенных делах.

Американская дипломатия, подчеркнул Рузвельт во время беседы с Чан Кайши 28 ноября, должна добиться признания Китая великой державой, и тогда Соединенным Штатам, опирающимся на безоговорочную поддержку Чан Кайши, будет гораздо легче проводить свою политику на Дальнем Востоке, в частности выступать против СССР[45]. Задачей Чан Кайши было выбить у союзников как можно больше оружия и материальной помощи с тем, чтобы активизировать борьбу не с японцами, а с крепнущими в стране коммунистическими силами.

Ничего не имея против антикоммунистической направленности чанкайшистского режима, английское руководство не желало чрезмерного усиления влияния Китая на дела в Азии в целом и в Бирме в частности, где оно надеялось в удобное время восстановить свое колониальное господство. Нельзя было не учитывать при этом и того, что гоминьдановское правительство выказывало претензии на часть территории Бирмы, ее северные районы[46].

Руководители трех союзных держав проявили единство в Каире и Тегеране в одном: все они были заинтересованы во вступлении в войну против Японии Советского Союза. Как и в Европе, самые масштабные, сложные и кровопролитные операции в Азии они страстно желали переложить на плечи Вооруженных сил СССР. А для этого был один путь — экономия своих сил путем затягивания на максимально возможный срок решительных действий против Японии.

У англичан это достигалось длительным оппонированием любых мало-мальски смелых предложений союзников, не менее долгой разработкой и упорным отстаиванием громоздких, не отвечавших ни элементарной логике, ни требованиям военной обстановки планов, как это было с обоснованием в Каире сценария более чем скромного, с довольно ограниченными

целями наступления английских и индийских войск в Бирме в начале 1944 г. Этим же целям должен был служить и предложенный англичанами для обсуждения в Каире только американцам план десантной операции на Андаманских островах (кодовое название «Баканир»), сроки которой не были установлены, так как британское командование на деле вообще не собиралось ее осуществлять. Весьма расплывчато были представлены главой английской делегации и другие предполагаемые операции в Индийском океане летом 1944 г. Все это было призвано, с одной стороны, создать видимость активности английского военного командования, а с другой — путем чрезмерного преувеличения необходимых для проведения операций сил и средств (при этом львиную их долю планировалось получить от США) сделать так, чтобы сами союзники или отказались от их проведения, или согласились на отсрочку осуществления операций.

Такая тактика руководителей союзных держав на серии встреч Каир — Тегеран — Каир была взята на вооружение английской делегацией после того, как в результате бесед министра иностранных дел Великобритании Э. Идена с советскими руководителями на Московской конференции в октябре 1943 г. у него сложилось впечатление, что СССР после разгрома Германии будет готов принять необходимые меры к быстрейшему окончанию войны на Дальнем Востоке[47].

Позиция Китая по вопросам определения перспектив войны против Японии была весьма схожа с британской. Из меморандума Чан Кайши, обсуждавшегося 22 ноября на заседании смешанного американо-британского комитета начальников штабов, было ясно, что и гоминьдановское руководство не намеревалось спешить с активизацией действий своих вооруженных сил. Согласно меморандуму, возможные операции на Китайском ТВД должны были выглядеть следующим образом: ноябрь 1944 г. — май 1945 г. — освобождение Кантона и Гонконга; май — ноябрь 1945 г. — бомбардировки Тайваня и Филиппин; ноябрь 1945 г. — наступление на Шанхай. Вторжение же на территорию собственно Японии считалось возможным только после 1947 г.[48]

Однако самым поразительным на первой Каирской конференции было то, что у американской делегации вообще не оказалось собственного плана войны против Японии. Это объясняется, очевидно, уверенностью президента и его помощников в том, что в Тегеране окончательно решится вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии, и это позволит Соединенным Штатам не торопить развитие событий в своей зоне ответственности. Так же, как это сделали Великобритания и Китай, США заняли позицию затягивания сроков войны с японским агрессором, хотя силы и средства, имевшиеся в их распоряжении, позволяли без ущерба для реализации планов открытия второго фронта в Европе предпринимать более решительные действия.

Вместе с тем рассчитывать на вступление Советского Союза в войну против Японии, не оказав ему реальной помощи в разгроме гитлеровской Германии, было невозможно. Выступивший 24 ноября на заседании САБКНШ (Смешанный американо-британский комитет начальников штабов) с предложением вновь поднять в Тегеране вопрос о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке посол США в СССР А. Гарриман заявил, что эта проблема не может быть решена до тех пор, пока СССР один ведет тяжелую борьбу против Германии. Русским, заметил он, трудно понять, почему два таких могущественных государства, как США и Великобритания, не в состоянии открыть второй фронт в Европе и этим содействовать сокращению сроков войны.

Таким образом, Вторая мировая война вновь выступала как сложный клубок взаимосвязанных событий на различных ее театрах, и игнорировать это обстоятельство не было дано никому. Первыми из союзников это стали понимать американцы. И президент, и военные советники, и американский объединенный комитет начальников штабов не только в полной мере осознали эту закономерность, но и не могли в дальнейшем строить свою деятельность без ее учета.

Несмотря на то что Тегеранская конференция руководителей США, Великобритании и СССР была посвящена в основном проблеме открытия второго фронта в Европе, азиатско-

тихоокеанские дела заняли на ней должное место. Достаточно сказать, что свою речь на первом заседании конференции 28 ноября 1943 г. президент США начал с обзора ситуации на Азиатско-Тихоокеанском театре войны.

Для американского правительства большое значение имело согласование действий трех держав в борьбе с дальневосточным агрессором — милитаристской Японией. Хотя силы Соединенных Штатов на Тихом океане намного возросли, и началось постепенное вытеснение японских войск с оккупированных ими территорий, было очевидно, что до победы еще долгий путь, сопряженный с огромными трудностями. В Вашингтоне прекрасно понимали, что самой сложной и долговременной задачей может оказаться ликвидация японских армейских формирований, находившихся в Китае, Маньчжурии и Корее. Иначе складывалось бы положение, если бы в разгроме японских агрессоров участвовал Советский Союз. Президент США был глубоко заинтересован в том, чтобы договориться об этом в Тегеране с советской делегацией. Именно здесь следует искать одну из важных причин того, что он не счел возможным поддержать «балканский вариант» У. Черчилля. В то же время Ф. Рузвельту было ясно, что для скорейшего нанесения совместно с СССР поражения Японии необходимо сначала ускорить разгром гитлеровской Германии.

Анализируя ход войны с Японией, Ф. Рузвельт отметил на первом заседании, что США бросили в район Тихого океана значительную часть военно-морских сил и более 1 млн человек (президент явно поскромничал: на время конференции против Японии американцами были развернуты войска, начитывавшие более 1878 тыс. человек, что несколько превышало численность военнослужащих США, действовавших против Германии, а также военно-морские силы, имеющие превосходство в два с лишним раза)[49] и следуют в действиях против японцев принципу истощения сил врага. Рузвельт заявил, что вооруженные силы США продвигаются на южных островах, а через некоторое время предполагают начать движение и на островах к востоку от Японии[50].

Между тем темп их наступления был крайне медленным, а размах операций незначителен. Более года, по сути, не было крупных морских боев. Все это резко контрастировало с теми гигантскими усилиями, которые приходилось прилагать в войне с Германией Советскому Союзу. На первом заседании И. В. Сталин привел следующие данные о положении на советско-германском фронте: если в 1942 г. здесь было 240 вражеских дивизий, в том числе 179 немецких, то на время проведения конференции их стало уже 260, в том числе 210 немецких. Со стороны СССР действовало от 300 до 330 дивизий, то есть больше, чем у гитлеровцев вместе с их сателлитами, что обеспечивало возможность ведения наступательных операций. Сталин подчеркнул, что по мере того как идет время (он деликатно не стал упрекать своих союзников за их низкую активность на Европейском театре военных действий, позволившую немецко-фашистскому командованию только за октябрь и первую декаду ноября перебросить на советско-германский фронт 11 дивизий: из Франции — 5, с Балкан — 4, из Италии — 2)[51], разница между численностью русских и германских дивизий становится все меньше.

Назвав целый ряд трудностей, с которыми сталкивался Советский Союз в войне с Германией, в том числе с варварским уничтожением гитлеровцами при отступлении всего, что служило им на оккупированной территории, И. В. Сталин заявил: «Все это определяет нашу позицию в том смысле, что мы, русские, должны вести войну на одном фронте — на западном и вынуждены на дальневосточном фронте молчать... Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить по крайней мере в три раза»[52].

Это не было оправданием, а лишь констатацией фактов. Ф. Рузвельт и У. Черчилль имели четкое представление о вкладе СССР в борьбу с гитлеровской Германией. Знали они и о наличии мощного советского сдерживающего фактора на Востоке: около 50 боевых дивизий, свыше миллиона военнослужащих[53], которые приковывали к себе миллионную Квантунскую группировку войск, значительные силы японской авиации и военного флота.

В этой связи, анализируя обстановку в зоне Тихого океана, Рузвельт пытался оправдать пассивность действий довольно многочисленных американских вооруженных сил на Тихо-

океанском ТВД. Он сослался на трудности, связанные с преодолением огромных территорий: «Расстояния на этом театре военных действий настолько велики, что одно судно может совершить в год лишь три круговых рейса из США»[54].

Остановившись на перспективах, Ф. Рузвельт посетовал, что на севере американцы мало что могут сделать, так как Алеутские острова находятся далеко от Курильских островов[55]. На Алеутах и Аляске действительно фактически в полном бездействии находились довольно значительные американские силы: на 31 декабря 1943 г. здесь были развернуты американские войска численностью более 150 тыс. человек. Это было на 60 тыс. человек больше, чем на всем действующем Китайско-Бирманско-Индокитайском ТВД[56].

Одной из главных задач США Ф. Рузвельт назвал удержание Китая в состоянии войны с Японией. «В этих целях, — сказал президент, — мы договорились в Каире с Чан Кайши об экспедиции через Северную Бирму и из Юньнаньской провинции. Руководить этой операцией будет лорд Маунтбеттен. Кроме того, намечается десантная операция на юге Бирмы для того, чтобы перерезать линии японских коммуникаций в районе Бангкока... Мы считаем абсолютно необходимым открыть дорогу в Китай с тем, чтобы использовать эту дорогу для поставки Китаю боеприпасов и вооружения для продолжения войны против Японии. Вторая наша цель — начать бомбардировку Токио и японских промышленных центров»[57]. Практически ни одна из этих задач так и не была полностью решена в следующем году.

Раскрывая позиции США в Европе, глава американской делегации пытался представить дело так, что военные действия и в Европе, и на Тихом океане будто бы равнозначны для американцев, а посему за помощь в борьбе против Германии Соединенные Штаты желали бы получить поддержку в войне с Японией[58]. Такое предположение подтверждают документальные данные и свидетельства советников Рузвельта, из которых видно, что, отправляясь в Тегеран, он ставил одной из главнейших задач достижение договоренности с руководителями Советского государства относительно вступления СССР в войну против Японии. Бывший глава военной миссии США в Москве генерал Д. Дин, принимавший участие в работе Тегеранской конференции, впоследствии писал: «В те дни и потом почти до окончательного поражения Японии президент и комитет начальников штабов придавали огромное значение участию Советского Союза в Тихоокеанской войне»[59].

О первостепенной важности для Соединенных Штатов участия СССР в войне против японских захватчиков свидетельствует документ, составленный американскими военными специалистами еще до конференции и озаглавленный «Позиция России»: «Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными»[60].

Дальнейшая отсрочка открытия второго фронта, как отмечалось в этом документе, будет противоречить интересам США в Европе и на Дальнем Востоке. В этом снова проявилась взаимосвязь различных театров войны, единство Второй мировой войны как системы.

Советское правительство в условиях произошедшего коренного перелома в ходе вооруженной борьбы в пользу антигитлеровской коалиции исходило в своей политике из основной задачи миролюбивых сил — быстрее покончить с войной. Поэтому маневрирование администрации США в вопросе об участии СССР в войне против Японии оказалось излишним. Глава советского правительства на первом же заседании заявил, что в целях скорейшего окончания Второй мировой войны и установления мира на земном шаре СССР считает возможным после капитуляции Германии поставить вопрос о создании единого фронта против Японии[61].

Это заявление произвело огромное впечатление на западных участников конференции, в особенности на американцев. У. Черчилль же впоследствии назвал его «знаменательным», так как оно изменило перспективы войны на Тихом океане и привело к пересмотру всех дальневосточных военных планов союзников. Предпринимая такой шаг, советская деле-

гация учитывала его значимость. Тем самым СССР продемонстрировал союзникам свое стремление к военному сотрудничеству. Наряду с этим упоминание, что вступление СССР в войну против Японии может иметь место лишь после капитуляции Германии, диктовало необходимость быстрейшего открытия второго фронта в Европе.

Получив новые заверения от советского руководства о вступлении в войну с Японией после разгрома Германии, американский президент решил добиться новых уступок от Советского Союза. Очевидно, это было попыткой ускорить начало войны между СССР и Японией. Об этом свидетельствует беседа Ф. Рузвельта и И. В. Сталина 29 ноября.

В то утро президент США, вежливо отклонив приглашение на завтрак, присланное британским посольством в Тегеране, предпочел встретиться с главой советского правительства. Перед этим он получил из Вашингтона от госсекретаря К. Хэлла телеграмму, в которой говорилось, что Япония, продолжавшая искать пути заключения сепаратного мира с Чунцином, предложила правительству Чан Кайши новые условия соглашения[62]. Это сообщение, вероятно, оказало известное влияние на решение Ф. Рузвельта отправиться к Сталину, а не к Черчиллю, так как оно вновь напомнило ему о необходимости в интересах США ускорить развитие событий на Дальнем Востоке за счет вступления СССР в войну против Японии.

Кроме того, у него были заготовлены для вручения И. В. Сталину два меморандума. В этих документах предлагалось в связи с намечавшимися операциями в северо-западной части Тихого океана обсудить возможность использования советских дальневосточных портов вооруженными силами США и приступить к планированию и подготовке аэродромов, жилищ и объектов снабжения в Приморском крае с целью базирования там от 100 до 1000 американских четырехмоторных бомбардировщиков с их обслуживающим и оперативным персоналом[63].

Это были все те же, неоднократно предпринимавшиеся американским правительством шаги, направленные на ускорение японо-советского военного конфликта. Но, как и прежде, правительство СССР не считало возможным принять такие меры. Ознакомившись с меморандумами, И. В. Сталин подтвердил готовность Советского Союза вступить в войну против Японии после капитуляции Германии, но уклонился от принятия содержавшихся в них предложений[64]. Что же касается Каирской декларации, то под ней так и остались лишь три подписи — США, Великобритании и Китая.

На Тегеранской конференции состоялся обмен мнениями по некоторым послевоенным проблемам, в том числе о перспективах перемен в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Были в предварительном порядке обсуждены территориальные вопросы и возможности сотрудничества в деле обеспечения прочного мира[65].

Тегеранская встреча стала выдающимся историческим событием. Ее созыв и итоги свидетельствовали о возросшем международном авторитете Советского Союза. Впервые за время существования коалиции СССР, Англии и США ими были согласованы планы ведения войны против общего врага. Это создавало более благоприятные условия для нанесения решающего удара по блоку фашистских агрессоров. Установление твердых сроков открытия второго фронта в Европе позволяло надеяться, что Англия и США с весны 1944 г. перейдут к более активным действиям, внесут больший вклад в борьбу с главным общим врагом. Выраженное Советским Союзом согласие принять участие в разгроме японского агрессора означало, что вскоре после победы над Германией будет восстановлен мир и на Дальнем Востоке.

На ходе и результатах конференции сказывались и негативные моменты. По мере того как возможность освобождения Красной армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы становилась все более реальной и приближалось время вступления СССР в войну с Японией, в стратегических концепциях правящих кругов западных союзников, прежде всего Англии, на передний план выдвигались антисоветские мотивы, боязнь допустить ослабление позиций капитализма и укрепление влияния социализма на положение в мире. Парадоксом, однако, являлось то, что обеспечения сдерживающих, по сути антисоветских, действий можно было достичь только на пути расширения военного сотрудничества с СССР, наращивания

англо-американского военного вклада в систему общих усилий антифашистской коалиции. В целом решения конференции в Тегеране оказали положительное влияние на деятельность союзников, способствовали согласованию их военных операций на различных театрах и тем самым приближению окончания войны, хотя ни одна из целей, заявленных на 1944 г. для АТТВ в войне против Японии, так и не была достигнута.

Тем не менее к началу 1944 г. обстановка на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии изменилась в пользу США и Великобритании, которые благодаря успехам СССР в борьбе против Германии и ее союзников в Европе сосредоточили на театре войны против Японии значительные вооруженные силы, готовые к общему наступлению.

В первой половине 1944 г. обстановка на фронтах борьбы с вооруженными силами фашистско-милитаристского блока в целом складывалась для союзных войск благоприятно.

Итогом наступления Красной армии зимой и весной 1944 г. явилось крушение стратегической обороны вермахта. В полной мере выявилась его неспособность остановить наступление советских войск и реализовать планы политического и военного руководства фашистской Германии. Красная армия, заняв выгодное положение и прочно владея стратегической инициативой, готовилась к новым решительным ударам, целью которых было полное освобождение страны и изгнание врага из оккупированных стран Европы.

Все это резко ограничивало возможности фашистского блока в ведении борьбы на других фронтах и театрах. В Италии под давлением превосходящих сил англо-американских союзников немецко-фашистские войска оставили Рим. У фашистской Германии не было сил укреплять оборону и во Франции. Один из ведущих военных деятелей Германии времен войны Г. Гудериан констатировал: «Тяжелые кровопролитные зимние бои полностью приковали к себе внимание главного командования сухопутных войск. О подготовке сил для запада, где весной союзные державы наверняка должны были высадить десант... не могло быть и речи»[66].

Общая ситуация на Азиатско-Тихоокеанском театре войны также в целом складывалась в пользу союзников. Однако после завершения тегерано-каирских встреч на высшем уровне военно-политическое руководство США, Великобритании и Китая укрепилось во мнении, что ввиду неизбежно приближавшегося разгрома гитлеровской Германии и четкой перспективы переброски Советским Союзом своих войск с запада на восток в целях вступления в войну против Японии для союзников перестало быть жизненно важным жертвование миллионами военнослужащих своих стран. На всех фронтах войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе наступило затишье, союзники приняли на вооружение стратегию выжидания, экономии сил, поддержания войны в стадии тления, преследуя цель не допустить выхода из нее ни дружественных государств, ни противника с тем, чтобы в последующем, объединившись с могущественным Советским Союзом, нанести по агрессору решающий удар.

При этом как на сухопутных, так и на Тихоокеанском ТВД была избрана тактика, заключавшаяся в нанесении мелких по масштабам ударов — булавочных уколов, рассчитанных на постепенное оттеснение противника с занимаемых позиций и сужение периметра его обороны. Американским командованием в то время был выработан и стал широко использоваться принцип гибкого маневрирования, в расчете на появление «удобных случаев», вскрытие огрехов в японской обороне[67]. Разработка общего плана войны откладывалась до прояснения обстановки в Европе и ставилась в зависимость от результатов применения «новых» методов ведения войны и от разрешения военно-политических проблем внутри коалиции[68].

Между тем на рубеже 1943–1944 гг. на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, где медленное накопление сил, характерное для оборонительного этапа союзников, сменилось наконец бурным ростом, свойственным наступательному периоду войны, развертывание союзных армий и сил флота, в первую очередь американских, продолжалось непрерывно. Если на сухопутных фронтах в Азии ввиду указанных причин численность американских войск была все-таки меньше, чем в Европе, хотя и обеспечивала вместе с вооруженными силами других союзников значительное превосходство над японскими войсками, то бóльшая часть военно-морских сил США, и прежде всего новейших боевых кораблей, а также морской пехоты, находилась на Тихом океане[69].

В этих условиях выбор стратегии выжидания и тактики использования «случайных ошибок» противника вряд ли можно считать оптимальным, хотя и он ввиду разбросанности японских вооруженных сил на огромном театре войны давал порой ощутимые результаты.

Однако если на Тихоокеанском ТВД такой подход к организации военных действий обеспечивал непрерывный, хотя и медленный, отход от владений Японии острова за островом, базы за базой, то на сухопутных ТВД результаты были менее заметны, а порой и плачевны.

Пока союзники спорили, где и как наступать или хотя бы потянуть время, как этого хотели англичане, японцы предприняли в марте 1944 г. наступление в Бирме с угрозой захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения ассамской линии коммуникаций. В результате китайские и англо-индийские войска смогли начать наступление в Северной Бирме лишь в середине апреля и уже в менее выгодных условиях. Кроме того, теперь и США на фоне благоприятных изменений на Тихоокеанском ТВД не желали больше расширения масштабов военных действий в Бирме до ее полного освобождения, так как на это потребовалось бы привлечение крупных контингентов американских войск, и стремились лишь к стабилизации фронта на рубеже южнее Мыиткьины, где 17 мая и высадились морские десанты американских и английских войск[70]. США уже не хотели оказывать поддержку войскам и силам флота адмирала Л. Маунтбеттена в том плане, как это было обещано в Каире. Их единственной целью стало обеспечение воздушного моста из Бирмы в Китай, который позволил бы подкрепить намечавшееся наступление на Тихом океане и по возможности обеспечить эксплуатацию Бирманской дороги. 3 июня 1944 г. смешанный американо-британский комитет начальников штабов направил директиву Л. Маунтбеттену, в которой излагалась эта американская позиция[71].

В начале июля остатки японских войск отошли на территорию Бирмы. Японцы потеряли 72 тыс. из 100 тыс. человек, участвовавших в наступлении; англичане — менее 17 тыс.[72]

Вслед за этим союзное командование вновь приступило к подготовке крупного наступления в Бирме. Разработанный в сентябре план союзников на проведение Бирманской наступательной операции состоял из двух частей: «Кэпитл» — наступление сухопутных войск с севера и запада для захвата Северной и Центральной Бирмы; «Дракула» — десантная операция с моря и воздуха по овладению Рангуном. Начав операцию 3 декабря 1944 г. (высадка морского десанта с целью захвата столицы Бирмы была осуществлена лишь 5 мая 1945 г., после ухода из Рангуна японцев), союзные войска продвигались одновременно на всех участках фронта: северном, центральном, арканском и юньнаньском[73]. В наступлении принимали участие английские, индийские, американские, китайские, африканские части и соединения общей численностью до 1,5 млн человек (31 дивизия, три пехотные и четыре танковые бригады). Соотношение воюющих сторон по личному составу было 7,3:1 в пользу союзников. Последние имели в своем распоряжении 2500 самолетов, причем 1850 из них находились в постоянной боевой готовности, а японцы — только 87[74].

Наступление союзных войск развивалось довольно активно. Однако после восстановления в начале 1945 г. сухопутных коммуникаций из Индии в Китай гоминьдановское командование отвело свои войска из Бирмы. Американцы тоже сняли оттуда свои сухопутные войска и ограничили Л. Маунтбеттена в использовании материальных ресурсов США в этом регионе. В результате таких местнических сепаратистских действий, а также нежелания британского командования по политическим причинам быстро и полностью освободить бирманскую территорию (английское колониальное владение) от японских захватчиков завершение операции по ликвидации соединений императорской армии в Бирме было задержано вплоть до капитуляции Японии[75].

Еще более сложная ситуация сложилась для союзников после развертывания в апреле 1944 г. японского наступления в Китае. Казалось бы, в условиях ухудшавшейся обстановки японским войскам в Китае было трудно даже обеспечивать поддержание своего господства в оккупированных районах. Тем не менее японское командование решилось в апреле 1944 г. начать на Китайском театре военных действий невиданную по своим масштабам наступательную операцию под кодовым наименованием «Итиго» (№ 1), целью которой было установить

железнодорожные сообщения Пекин — Ханькоу, Кантон — Ханькоу и Хунань — Гуанси (Гуйлинь), обеспечить сплошную коммуникационную линию из Северного Китая в Южный, а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае[76].

В ходе операций в апреле — декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гоминьдановских дивизий[77].

Тем не менее в связи с вторжением осенью 1944 г. союзников на Филиппины, поражением японских войск в Бирме и резким усилением опасности для самой Японии высшее военное руководство страны вынуждено было привлечь крупные силы и средства для обороны метрополии, и достигнутый японцами в Китае успех не был развит. Одной из причин, не позволившей Японии завершить разгром Китая, была вооруженная борьба против японских захватчиков патриотических сил, особенно действовавших под руководством КПК 8-й армии, насчитывавшей в начале 1944 г. свыше 387 тыс. бойцов, Новой 4-й армии (свыше 210 тыс. человек) и партизан. Не могла не учитывать Япония и наличие крупной группировки советских войск на Дальнем Востоке. Однако лишь к маю 1945 г. китайским и американским войскам удалось полностью ликвидировать плоды своей бездеятельности начала 1944 г. и вернуть в распоряжение авиации США почти все утраченные аэродромы[78]. Сухопутные театры военных действий вновь потеряли интерес для союзных держав на востоке, теперь уже практически до самого конца Второй мировой войны.

Более безоблачная для союзников обстановка складывалась на Тихом океане, где к осени 1944 г. вооруженным силам США и их союзникам удалось заметно потеснить позиции японских войск и сил флота.

Американские вооруженные силы на Тихом океане в составе двух основных группировок развернули в 1944 г. активные боевые действия. Сухопутные войска и часть сил военно-морского флота под командованием генерала Д. Макартура действовали у побережья Новой Гвинеи, а военно-морские силы под командованием адмирала Ч. Нимица — в водах центрального района Тихого океана.

Десанты американских войск, действуя по принципу «лягушачьих прыжков» (leap-frogging), высаживались то на одном, то на другом острове. Выбор объекта действий определялся возможностью создать условия для дальнейшего продвижения. Другие районы Тихого океана, занятые японскими вооруженными силами, американцы блокировали и обходили[79].

Примерно к началу 1944 г. важнейшая морская и авиационная база японских вооруженных сил в районе Соломоновых островов Рабаул оказалась в полной изоляции. Это предопределило возможность успешного проведения американцами операций по освобождению от японцев как Соломоновых островов, так и Новой Гвинеи.

Летом 1944 г. главным направлением американского наступления стали центральные районы Тихого океана, где им сопутствовал, хотя и нелегкий, успех.

Таким образом, продолжавшаяся в течение более шести месяцев после встреч на высшем уровне в Каире и Тегеране путаница в вопросах стратегии в Азии привела лишь к активизации военных действий Японии в Бирме и Китае и к появлению «новой» стратегии союзников, суть которой заключалась в планомерном придании азиатским театрам военных действий второстепенного характера и подчинении военных действий на них интересам главного наступления, начинавшегося на Тихом океане. Приоритет на сухопутных театрах отдавался действиям в основном американской авиации[80].

Весь мир ожидал решающих сражений на фронтах с фашистской Германией, в зависимость от которых справедливо ставилась судьба всей Второй мировой войны. Ведь этим определялись сроки вступления в войну против Японии Советского Союза, без колоссального опыта континентальной войны которого союзниками не мыслился скорый разгром дальневосточного агрессора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1973. Кн. 1. С. 201.
[2] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. В 3-х т. М., 1990. Т. 3. С. 94.
[3] *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 441.
[4] Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1999. С. 638.
[5] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 4. М., 1962. С. 524.
[6] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944 г. / Пер. с англ. М., 1958. С. 210.
[7] История второй мировой войны. В 12-ти т. М., 1978. Т. 9. С. 243.
[8] Там же. С. 47.
[9] *Розанов Г. Л.* Конец Третьего рейха. М., 1985. С. 50.
[10] *Фалин В. М.* Указ. соч. С. 445—447, 482, 514.
[11] Там же.
[12] *Розанов Г. Л.* Указ. соч. С. 75.
[13] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 259—261.
[14] *Эрман Дж.* Большая стратегия. С. 376—377.
[15] История второй мировой войны. Т. 9. С. 174.
[16] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 714.
[17] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 3. Т. V—VI. С. 448—449.
[18] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 479—480.
[19] *Эрман Дж.* Большая стратегия. С. 298.
[20] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 743.
[21] Расчетные данные ВИО ВНУ ГШ. Инв. № 339. С. 95.
[22] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения / Пер. с нем. М., 1958. С. 257—259.
[23] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 744.
[24] Там же. С. 746.
[25] Там же. С. 747.
[26] 50 лет на страже границ Советского государства. Историко-мемуарный сборник. В 3-х кн. М., 1969. Кн. 2. С. 57.
[27] Центральный пограничный архив ФСБ Российской Федерации (далее — ЦПА). Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 377. Л. 18—19.
[28] ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1. Ед. хр. 2006. Л. 241.
[29] ЦПА. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 377. Л. 1—2.
[30] Там же.
[31] 50 лет на страже границ Советского государства. Кн. 2. С. 37.
[32] ЦПА. Ф. 19. Оп. 229. Ед. хр. 328. Л. 12—13.
[33] Там же. Л. 848—849.
[34] 50 лет на страже границ Советского государства. Кн. 2. С. 63.
[35] ЦПА. Ф. 58. Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 44—46.
[36] Там же. Л. 78—80.
[37] ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 821. Л. 113—114.

[38] *Сечкин Г. П.* Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. М., 1976. С. 298–299.

[39] *Churchill W.* The Second World War. L., 1951. Vol. V. P. 126.

[40] *Barbey D.* MacArthur's Amphibious Navy: Seventh Amphibious Force Operations 1943–1945. Annapolis, 1969. P. 109, 126; *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 189.

[41] *Вартанов В. Н., Гельфонд Г. М., Зимонин В. П., Шевченко В. Н.* Битва за океан (Действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне). М., 1997. С. 128; *Sherrod R.* On to Westward. N. Y., 1945. P. 229; *Stockmann J.* The Battle for Tarawa. Wash., 1947. P. 72–73.

[42] Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 352.

[43] *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с япон. М., 1964. С. 92–94; *Allen L.* Burma: The Longest War 1941–1945. N. Y., 1984. P. 150–151.

[44] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1978. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) (далее — Тегеранская конференция). С. 94.

[45] Foreign Relations of the U. S. Diplomatic Papers: The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P. 245–246.

[46] *Woodward E.* The British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962. P. 425.

[47] *Eden A.* Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 418.

[48] Foreign Relations of the U. S. P. 370–371.

[49] *Метлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 461–462.

[50] Тегеранская конференция. С. 93–94.

[51] *Метлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 369.

[52] Цит. по: Тегеранская конференция. С. 95–96.

[53] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 183–184.

[54] Цит. по: Тегеранская конференция. С. 93.

[55] Там же. С. 94.

[56] *Метлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 461.

[57] Цит. по: Тегеранская конференция. С. 94.

[58] *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1962. С. 604.

[59] *Deane J.* The Strange Alliance. N. Y., 1946. P. 41.

[60] Цит. по: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 432.

[61] Тегеранская конференция. С. 95.

[62] *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С. 607.

[63] Тегеранская конференция. С. 118–120.

[64] *Deane J.* The Strange Alliance. P. 226–227; The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan. Wash., 1955. P. 20.

[65] Тегеранская конференция. С. 30–39.

[66] Цит. по: *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 293.

[67] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 206.

[68] *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 405–406.

[69] Там же. С. 456–463.

[70] *Allen L.* Burma. P. 191–193, 365.

[71] *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 499.

[72] *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985. P. 361–362; История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 319–320.

[73] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 223.

[74] Вторая мировая война: Краткая история. С. 430–431.

[75] *Можейко И. В., Узянов А. Н.* История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973. С. 24; История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 91; *Бутурлинов В. Ф., Вартанов В. Н., Зимонин В. П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 288.

[76] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 224.

[77] Вторая мировая война: Краткая история. С. 431–432.

[78] *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 165–166; История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 5-ти т. Т. 4. М., 1985. С. 73–77.

[79] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 213.

[80] *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». С. 499.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВОЕННОГО ИСКУССТВА

С 1944 г. Великая Отечественная война вступила в свою завершающую, победную фазу. Стратегической инициативой владело советское командование, которое не сомневалось в успешном завершении войны. Результативность действий Красной армии определялась возросшими возможностями советской экономики и героическим трудом советских людей, мобилизованных на решение главной задачи — всё для фронта в целях разгрома захватчиков и освобождения территории страны. Увеличилось производство основных видов стратегического сырья и электроэнергии. Продукция промышленности составила в 1944 г. 104% к уровню 1940 г.[1]

Успехи советской экономики создали прочную основу для дальнейшего развития военного производства, обеспечения фронтов более совершенным вооружением и боевой техникой. Огромный вклад в решение трудной задачи по обеспечению Красной армии артиллерийскими орудиями, минометами, всеми видами стрелкового оружия и боеприпасами внесли предприятия наркоматов вооружения, боеприпасов и минометного вооружения, которые возглавляли наркомы Д. Ф. Устинов, Б. Л. Ванников, П. И. Паршин[2].

Военная промышленность оказалась способной не только восполнять потери в вооружении и боевой технике в ходе непрерывного наступления, оснащать новые формирования, но и одновременно повышать техническую вооруженность армии и флота. Самоотверженный труд конструкторов и инженеров, техников и рабочих оборонной промышленности позволил обеспечить количественное и качественное превосходство советского вооружения и военной техники над воооружением фашистской Германии. Это поистине был великий подвиг советского народа.

На военные нужды в 1944 г. бюджетом государства предусматривалось выделить до 137,8 млрд рублей (52,2% бюджетных расходов)[3]. Производство важнейших видов военной техники обеспечивало потребности вооруженных сил, при этом производство танков и САУ, боевых самолетов достигло рекордного уровня за всю войну — 29 и 33,2 тыс. штук в год соответственно[4]. Поддерживались необходимые показатели производства других видов техники и вооружения, что с учетом их существенного обновления и модернизации составляло облик технической оснащенности и боевой мощи советских вооруженных сил.

В 1944 г. действующая Красная армия вступала более мощной не только в техническом отношении, но и с устоявшимися организационной и управленческой структурами, а главное — укомплектованной опытными командными кадрами. В ходе ожесточенной борьбы на советско-германском фронте советскому командованию удалось эффективно применить накопленный за долгие годы войны опыт подготовки и ведения операций, проявить мастерство в организации боевых действий, чтобы успешно выполнить задачу по освобождению

страны от врага. Во многом это стало возможным благодаря неустанному развитию и совершенствованию как вооруженных сил, так и военного искусства. Этот процесс продолжался до конца войны.

Строительство и развитие вооруженных сил

К началу 1944 г. Вооруженные силы СССР включали сухопутные войска, Военно-морской флот, Военно-воздушные силы, войска ПВО страны, воздушно-десантные войска и насчитывали свыше 11 млн человек. Соединения и части этих войск входили в состав армейских и фронтовых (флотских) объединений действующей армии и флота, составляли резерв Ставки Верховного главнокомандования, входили в недействующие фронты и флоты, военные округа. Сложившаяся к началу 1944 г. организационная структура вооруженных сил прошла проверку временем и не нуждалась в существенных преобразованиях. Вместе с тем поступление на вооружение новой техники, стремление быстрее и с меньшими жертвами завершить разгром противника побуждали делать ставку на техническую оснащенность всех видов вооруженных сил и родов войск, неустанно совершенствовать их организационную структуру с целью повышения боевой мощи.

Основой вооруженных сил являлись сухопутные войска, составляющие в 1944 г. свыше 86%: к началу года насчитывалось 70 общевойсковых (в том числе 10 гвардейских) и пять ударных армий, из них 55 армий общей численностью более 6 млн человек входили в состав действующих фронтов. Боевой состав фронтов и армий значительно вырос. Во фронте, являвшемся оперативно-стратегическим объединением, имелись, как правило, 6—9 общевойсковых, одна воздушная армии, другие соединения и части, в зависимости от важности поставленной задачи фронт усиливался 1—2 танковыми армиями. По сравнению с первым периодом войны боевой состав фронта увеличился по танкам и САУ в 4—6 раз, по артиллерии — в 4—5 раз, по самолетам — в 4—8 раз.

В общевойсковую армию входили три, а иногда и четыре стрелковых корпуса (до 9—12 дивизий), 1—3 танковые бригады, армейская пушечная артиллерийская бригада и другие соединения и части. При действиях на главных направлениях армиям придавался танковый или механизированный корпус.

В третьем периоде войны организационная структура сухопутных войск характеризовалась относительной устойчивостью удельного веса основных элементов. В действующих войсках находилось 60%, в соединениях боевого обеспечения — 12%, в тыловых частях и учреждениях фронтов, армий и отдельных соединений — 28% личного состава[5]. Несколько снизился удельный вес боевых войск и соответственно войск боевого обеспечения, запасных и учебных частей. Вместе с тем возросла относительная доля тыловых частей и учреждений и различного рода вспомогательных войск. Это было связано с необходимостью организации четкой работы тыла действующих фронтов, размеры которого в связи с продвижением Красной армии на запад постоянно увеличивались.

Основу сухопутных войск составляли стрелковые войска (499 стрелковых дивизий, в том числе 116 гвардейских). В стрелковых войсках в основном был закончен переход к корпусной организации. Стрелковая дивизия принципиальных изменений в своей организационной структуре не претерпела. В действующей армии численность личного состава стрелковых дивизий колебалась от 3200 до 8500 человек, в недействующих фронтах — от 8000 до 9500 человек. Изменения в основном шли по линии повышения ее огневой мощи и ударной силы. Это выражалось прежде всего в увеличении количества автоматического оружия, противотанковых средств, артиллерийских орудий и минометов. Летом 1944 г. в состав гвардейских стрелковых дивизий был включен самоходно-артиллерийский дивизион. К концу 1944 г. вес залпа орудий и минометов стрелковой дивизии составлял более 1,5 тонны, при этом 55—58%

общего артиллерийско-минометного залпа соединения составляли минометы. Возросший размах наступательных действий потребовал усилить стрелковую дивизию средствами управления и инженерного обеспечения. В октябре роты связи были развернуты в батальоны, а саперные батальоны с двухротного переведены на трехротный состав.

Росла насыщенность войск стрелковым оружием, в том числе более совершенным и модернизированным. В 1944 г. промышленность произвела около 2,5 млн винтовок и карабинов, около 2,3 млн автоматов и пулеметов, что позволило иметь значительные запасы этого оружия. К концу 1944 г. стрелковая дивизия по штату насчитывала 2497 пистолетов-пулеметов. В 1944 г. винтовка образца 1891–1930 гг. была заменена карабином с откидным штыком системы П. С. Семина. Продолжались работы по совершенствованию ручного пулемета ДП-27, ряд изменений в его конструкцию внес А. И. Шилин — наиболее существенным среди них была замена дискового магазина лентой. В новой модификации ручной пулемет (ДПМ) по всем тактико-техническим данным превосходил однотипные пулеметы фашистской Германии (МГ-34, МГ-42). Наряду с совершенствованием ДПМ велась работа по проектированию ручного пулемета новой системы. Из нескольких образцов ручного пулемета, испытанных в 1944 г., наиболее удачным оказался образец, представленный В. А. Дегтяревым (РПД)[6].

В отличие от первых лет войны, когда стрелковые войска росли за счет формирования новых дивизий, с 1944 г. их пополнение происходило за счет маршевых рот и батальонов, направляемых на фронт из запасных частей. Такой способ укомплектования и пополнения положительно сказывался на боеспособности стрелковых войск.

В действующей армии к 1944 г. насчитывалось 26 кавалерийских дивизий, объединенных в восемь кавалерийских корпусов. Кавалерия постепенно теряла свое значение как род войск, ее относительная доля в общем составе сухопутных войск сократилась до 2,3%. Вместе с тем в 1944 г. она успешно применялась, а в ряде случаев играла существенную роль в достижения успеха операций. Так, 3 февраля Г. К. Жуков докладывал И. В. Сталину об итогах Ровно-Луцкой операции войск 1-го Украинского фронта, подчеркнув, что основную роль сыграли кавалерийские корпуса[7].

Большую часть составляли артиллерия и бронетанковые войска. К началу зимней кампании 1944 г. артиллерия Красной армии представляла собой род войск с устоявшейся организацией, отработанной тактикой и определившимися способами управления. Основную массу артиллерии составляли орудия калибра 76 мм (42%), 100 мм и выше (24%), а также минометы калибра 82 мм (48%), 107 мм и выше (24%). При этом в действующей армии насчитывалось 92 650 орудий и минометов, в том числе орудий — 71%, минометов — 67%[8]. Артиллерийские соединения и части, как правило, имели полный штатный состав. В артиллерии РГК было шесть артиллерийских корпусов и 26 артиллерийских дивизий, 81 артиллерийская, минометная и истребительно-противотанковая бригада, семь гвардейских минометных дивизий и 13 отдельных гвардейских минометных бригад РС, 445 артиллерийских, минометных и истребительно-противотанковых полков, 115 гвардейских минометных полков РС, 60 зенитных артиллерийских дивизий. Наличие большого количества артиллерии в распоряжении Верховного главнокомандования (35% всех орудий и минометов) позволяло сосредоточивать на направлениях главных ударов значительные ее массы.

Организационное строительство артиллерии, как и в прежние годы, шло в направлении увеличения количества артиллерийских соединений РВГК и усиления армейской артиллерии. Для усиления артиллерии РВГК с августа 1944 г. началось формирование четырех артиллерийских корпусов прорыва и 11 артиллерийских дивизий прорыва, на базе корпусных и армейских артполков развертывались артиллерийские бригады трехполкового состава. Приказом НКО от 2 августа 1944 г. гвардейские минометные части подчинялись командующему артиллерией Красной армии. В связи с перспективой ведения боевых действий на некоторых направлениях в горных условиях создавались специальные горно-вьючные минометные полки.

В составе сухопутных войск к концу 1944 г. было 89 артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии, 138 артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных бригад и бригад реактивной артиллерии.

Советский тяжелый танк ИС-2

Советский средний танк Т-34-85

Совершенствовалась система артиллерийско-минометного вооружения. Реактивная артиллерия пополнялась 132-мм и 300-мм снарядами улучшенной кучности. На вооружение поступила более мощная установка БМ-31-12. Увеличилось количество 160-мм минометов. На вооружение противотанковой артиллерии поступила новая 100-мм пушка образца 1944 г., которая обладала большими пробиваемостью брони и дальностью стрельбы.

Производство орудий и минометов по видам и калибрам осуществлялось в зависимости от потребностей фронта. Выпуск одних систем возрастал, а других сокращался. В 1944 г. оборонная промышленность направила в войска около 63 тыс. орудий и минометов (без реактивной артиллерии)[9]. Артиллерия представляла огромную огневую мощь, она была настоящим «богом войны».

В составе бронетанковых и механизированных войск к началу 1944 г. имелось пять танковых армий, 24 танковых и 13 механизированных корпусов, две танковые дивизии, 80 отдельных танковых бригад, 106 отдельных танковых и 43 самоходно-артиллерийских полка. Большинство частей и соединений бронетанковых войск не были полностью укомплектованы личным составом и материальной частью. К 1944 г. они имели некомплект: личного состава — 17,6%, танков и САУ — 35%[10].

В составе бронетанковых войск насчитывалось 11 732 исправных танка и САУ, из них танков — 10 469. При этом в действующей армии имелось еще значительное количество легких танков (до 32%) с низкими тактико-техническими данными. Возрос удельный вес САУ, самоходная артиллерия уже получила общее признание как многоцелевая артиллерия, обладающая мощным огнем и хорошей маневренностью. Удельный вес танков иностранных марок в армии был еще довольно большим (14—15%). Из-за низких тактико-технических данных этих танков их количество в войсках все время сокращалось.

Организационные изменения в бронетанковых войсках направлялись на увеличение ударной силы, маневренности и самостоятельности действий объединений и соединений. Были введены новые штаты танковых объединений и соединений[11]. В начале 1944 г. была сформирована 6-я танковая армия. В каждой танковой армии штатное количество танков уменьшалось с 654 до 620 единиц, вместе с тем в состав армии вводилось 189 самоходно-артиллерийских установок. В танковых и механизированных корпусах истребительно-противотанковые полки заменялись самоходно-артиллерийскими.

В декабре 1944 г. началось формирование гвардейских тяжелых танковых бригад в составе трех полков (по 21 танку ИС-2 в каждом). Одновременно формировались бригады самоходно-артиллерийских установок: легкие (СУ-76), средние (СУ-100) и тяжелые (ИСУ-152). Танковые полки прорыва перевооружались новыми тяжелыми танками ИС, а самоходно-артиллерийские полки СУ-85 — установками СУ-100.

Боевая мощь бронетанковых войск в 1944 г. значительно усилилась. Если в начале 1944 г. в действующей армии имелось 3,3 тыс. тяжелых и средних и 1,9 тыс. легких танков и САУ, то в январе 1945 г. в войсках насчитывалось 12,9 тыс. тяжелых, средних и легких танков и САУ[12].

При этом усовершенствовалась сама бронетанковая техника. На всех средних танках стали устанавливать 85-мм длинноствольную пушку. Несмотря на некоторое увеличение веса, маневренность и проходимость танка Т-34 после модернизации остались примерно теми же, в то время как его огневая мощь, броневая защита, запас хода и эксплуатационная надежность повысились. Советский танк Т-34 оставался непревзойденной, первоклассной машиной на всем протяжении войны. В его конструкции были заложены такие возможности, которые открывали пути для повышения боевых возможностей машины, не меняя ее модели в целом.

Подвергся модернизации и тяжелый танк КВ. При увеличении боевого веса всего на 2,5 тонны толщина его брони была доведена с 40—60 до 75—100 мм, а 76,2-мм пушка заменена 85-мм длинноствольной пушкой.

Коллектив конструкторов под руководством Ж. Я. Котина создал танк с более мощным вооружением и лучшим бронированием, чем у КВ, без существенного увеличения веса. Новая боевая машина положила начало серии тяжелых танков типа ИС, лучшим из кото-

рых был танк ИС-2. Огневая мощь танка ИС-2 выросла за счет установки 122-мм пушки с клиновым полуавтоматическим затвором, а также зенитного крупнокалиберного пулемета. Усовершенствование агрегатов силовой передачи повысило среднюю скорость движения примерно на 30% по сравнению с танком КВ. Танк ИС-2 отличался большой надежностью в эксплуатации, конструкция агрегатов и механизмов предусматривала возможность быстрой замены их в полевых условиях.

На вооружение советских бронетанковых войск поступила новая самоходно-артиллерийская установка, оснащенная 100-мм пушкой (СУ-100) и ставшая эффективным средством борьбы с тяжелыми танками противника. Улучшая качество бронетанковой техники, танковая промышленность наращивала темпы ее выпуска.

Несмотря на продолжавшийся рост производства бронетанковой техники, потребности армии в танках и САУ все же удовлетворялись с большими трудностями. Выход танков и САУ из строя по боевым и техническим причинам был еще высоким. Для улучшения ремонта бронетанковой техники при командующем бронетанковыми и механизированными войсками было создано Главное управление ремонта танков. Все наркоматы кроме Наркомтанкпрома освобождались от ремонта танков и САУ на своих ремонтных предприятиях.

В 1944 г. продолжалось совершенствование инженерных войск. Изменялись организационно-штатная структура и техническое оснащение. На базе армейских инженерных батальонов формировались инженерно-саперные бригады, предназначенные для усиления общевойсковых армий, и моторизованные инженерные бригады для танковых армий. Они оснащались более эффективными средствами разминирования и разграждения. Инженерные войска имели в своем составе 89 инженерных и девять понтонно-мостовых бригад, шесть тяжелых понтонных полков, 62 отдельных армейских инженерных и 46 отдельных понтонных батальонов. Однако в понтонных частях и соединениях было большое количество устаревших переправочных средств, не хватало транспорта, что затрудняло их использование при форсировании водных преград. Решение этой проблемы в 1944 г. дало возможность иметь в 1945 г. в действующей армии такое количество мостовых парков, которое позволяло одновременно навести свыше 60 км переправ грузоподъемностью от 30 до 120 тонн и 82 км штурмовых мостов[13].

Организационные изменения произошли в войсках связи. Ввиду того что количество соединений и частей связи, непосредственно подчиненных Главному управлению связи Красной армии, резко возросло, возникли серьезные трудности в управлении ими. Поэтому в конце 1944 г. все отдельные части были организационно сведены в бригады связи резерва ВГК[14]. Существенную роль в улучшении связи Генерального штаба с фронтами и армиями и повышении ответственности за ее состояние сыграло введение должностей начальников оперативных направлений связи Главного управления связи Красной армии.

К началу 1945 г. штабы объединений получили модернизированные радиостанции РАФ-КВ-5 для обеспечения радиосвязи в звене «армия — корпус». В подразделения связи стрелковых и артиллерийских частей поступили усовершенствованные ультракоротковолновые радиостанции А7Б. Насыщенность войск средствами радиосвязи значительно возросла. Так, если в Белорусской операции летом 1944 г. в войсках четырех фронтов было более 27 тыс. радиостанций, то к началу Висло-Одерской операции только два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский — имели 24 тыс. различных радиостанций[15].

Проводилось дальнейшее совершенствование организации и работы тыла. Наиболее рациональным стало комплексное применение всех видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного). Однако разрушения железных дорог, производимые противником при отступлении, затрудняли оперативные и снабженческие перевозки. Для постройки и восстановления железных дорог не хватало рельсов, шпал и других материалов, темпы восстановления дорог продолжали отставать от темпов продвижения войск. Это вынуждало использовать автомобильный транспорт для перевозок на большие расстояния и с большой нагрузкой. В составе тыла вооруженных сил имелось 13 автотранспортных бригад, 49 отдельных транспортных полков и 222 отдельных транспортных батальона.

На 1 января 1944 г. в Красной армии насчитывалось 495,9 тыс. автомобилей, из них импортных — 94,1 тыс. (18,9%), основную массу составляли грузовые трехтонные (154,3 тыс.) и полуторатонные машины (207,1 тыс.) отечественного производства. Недостаток автотранспорта и средств механизированной тяги прежде всего отразился на артиллерии и тыле: количество возимого в соединениях и частях боезапаса уменьшилось с 1,5 до 1 боевого комплекта.

В течение 1944 г. оснащенность войск автотранспортом значительно возросла. К началу 1945 г. в действующей армии имелось около 600 тыс. автомобилей, более 80 тыс. находилось в частях подвоза[16].

В целом сухопутные войска в 1944 г. характеризовались устойчивой структурой и совершенствованием всех ее компонентов в целях повышения боевой мощи, маневренности и самостоятельности в решении стоящих перед ними задач.

Совершенствовались в 1944 г. и Военно-воздушные силы. К началу зимней кампании они насчитывали в своем составе 15 623 исправных боевых самолета: истребителей — 42%, штурмовиков — 30%, бомбардировщиков — 25%, разведчиков — 3%. На вооружении ВВС имелись самолеты: истребители — Як-1, Як-7, Як-9, Ла-5, МиГ-3, бомбардировщики — Пе-2, Ил-4, Ту-2, штурмовик Ил-2[17].

Военно-воздушные силы продолжали наращивать свою ударную мощь за счет количественного и качественного обновления самолетного парка. Формировались новые авиационные соединения и объединения, совершенствовалась их организационная структура. Авиационные корпуса со смешанной организацией переформировывались в однородные: штурмовые, истребительные, бомбардировочные. В конце 1944 г. корпуса авиации дальнего действия были сведены в 18-ю воздушную армию резерва Ставки ВГК. К началу завершающего этапа войны в Европе в составе действующей авиации и РВГК насчитывалось 13 управлений воздушных армий, 155 авиационных истребительных, штурмовых и бомбардировочных дивизий.

Советские конструкторы работали над совершенствованием основных типов боевых истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Глубокие наступательные операции Красной армии вызвали необходимость в истребителе с увеличенной дальностью полета. С начала 1944 г. на вооружение ВВС поступил истребитель Як-9дд с дальностью полета 2200 км. Промышленность начала выпускать самый легкий, но хорошо вооруженный истребитель Як-3, который с весны 1944 г. стал в массовом количестве поставляться в авиационные части. До мая 1945 г. Военно-воздушные силы получили от авиапромышленности 3550 таких машин. В короткие сроки был разработан истребитель Ла-7, обладавший большой скоростью и мощным вооружением. До окончания войны в Европе советские ВВС получили 4359 таких боевых машин[18].

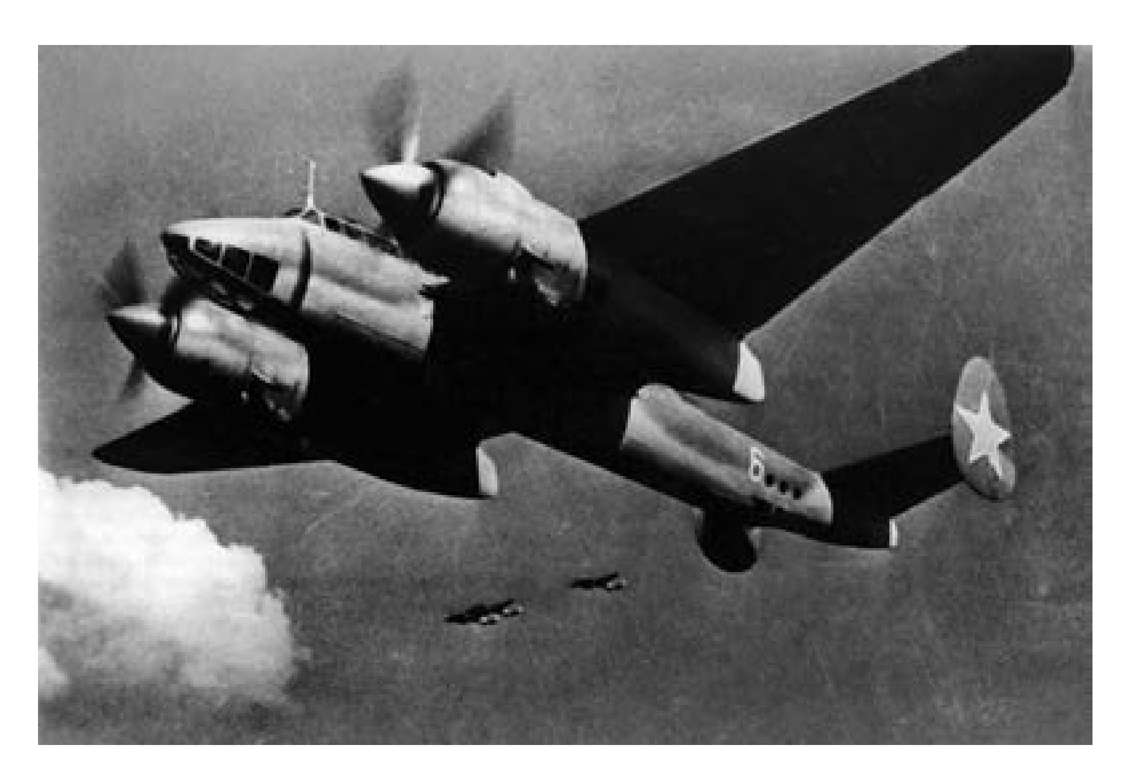
Подвергся модернизации штурмовик Ил-2. На нем установили более мощный двигатель, усилили вооружение, внесли другие конструктивные изменения. С конца 1943 г. был запущен в серийное производство самолет-штурмовик Ил-10.

До конца войны пикирующий бомбардировщик Пе-2 оставался основным советским бомбардировщиком. На нем были установлены мощные двигатели конструкции В. Я. Климова, обеспечивающие большую скорость полета, которая сочеталась с прочностью и маневренностью самолета, с совершенным по тем временам управлением.

В 1944 г. на фронт стал поступать бомбардировщик Ту-2 конструкции А. Н. Туполева. Самолет имел мощное стрелково-пушечное вооружение и большую бомбовую нагрузку, его максимальная скорость составляла 547 км/час.

Совершенствование технологии производства, повышение производительности труда позволили увеличить выпуск самолетов без дополнительного ввода в строй новых заводов. Если в 1944 г. среднемесячное производство составляло 3355 самолетов, то в первом полугодии 1945 г. оно увеличилось до 3483 самолетов. Всего за 1944 г. и первую половину 1945 г. было выпущено 48,6 тыс. боевых самолетов[19].

Авиационный тыл в основном обеспечивал работу военно-воздушных сил. Однако жесткие лимиты ГСМ ограничивали летный ресурс и непрерывность действий авиации. Большие

Советский бомбардировщик Ту-2

Советский истребитель Як-9дд

трудности испытывала истребительная и штурмовая авиация в обеспечении аэродромами при быстром продвижении наземных войск. Отсутствие подготовленных аэродромов часто затрудняло аэродромный маневр и приводило к отставанию авиации от войск. Возросшая мощь ВВС во многом зависела от аэродромного обеспечения.

Большинство соединений воздушно-десантных войск в октябре 1944 г. были объединены в Отдельную гвардейскую воздушно-десантную армию, преобразованную в конце года в 9-ю гвардейскую общевойсковую армию. Для руководства оставшимися частями и соединениями было создано Управление воздушно-десантных войск с непосредственным подчинением командующему Военно-воздушными силами.

Приобрели богатый боевой опыт, количественно и качественно выросли и превратились, по существу, в новый самостоятельный вид войск Красной армии — войска ПВО страны. Руководство деятельностью объединений и соединений ПВО возлагалось на командующего артиллерией Красной армии маршала Н. Н. Воронова. При нем были созданы Центральный штаб войск ПВО, Центральный штаб истребительной авиации ПВО, Главная инспекция, Управление боевой подготовки, Центральный пост ВНОС. К началу 1944 г. в войсках противовоздушной обороны страны имелось два фронта (Западный и Восточный) и четыре зоны (Закавказская, Дальневосточная, Забайкальская и Среднеазиатская) ПВО, три армии ПВО, семь корпусов ПВО, 14 дивизий ПВО, 18 отдельных бригад ПВО, 15 зенитных артиллерийских и три зенитные пулеметные дивизии, 127 зенитных артиллерийских полков, 206 зенитных артиллерийских дивизионов, три истребительных авиационных корпуса, 19 истребительных авиационных дивизий, 89 истребительных авиационных полков и большое число подразделений и частей других средств противовоздушной обороны. Всего в войсках ПВО страны насчитывалось 8313 орудий СЗА, 4659 орудий МЗА, 5965 крупнокалиберных и 2059 других зенитных пулеметов и 2926 самолетов-истребителей[20].

В целях улучшения управления противовоздушной обороной Постановлением ГКО № 5508 от 29 марта 1944 г. Западный и Восточный фронты ПВО были преобразованы соответственно в Северный и Южный фронты ПВО, а Закавказская зона ПВО переформирована в Закавказский фронт ПВО[21]. Каждый фронт осуществлял оборону объектов, начиная с прифронтовой полосы на освобождаемой территории и заканчивая глубоким тылом. Новая реорганизация создавала лучшие возможности для противовоздушной обороны наиболее важных районов и объектов страны.

В связи с увеличением количества объектов, нуждавшихся в противовоздушной обороне, потребовалось создать новые соединения и части ПВО. Летом и осенью 1944 г. были сформированы новые корпуса, дивизии и бригады ПВО, укреплялись зенитно-артиллерийские и авиационные полки.

В декабре 1944 г. ГКО принял решение разукрупнить фронты ПВО, а их органы управления приблизить к действующим армиям. Северный фронт ПВО был преобразован в Западный (штаб — Вильнюс), а Южный — в Юго-Западный (штаб — Львов). Закавказский фронт продолжал выполнять свои задачи в прежних границах. При этом корпусные и дивизионные районы ПВО переименовывались соответственно в корпуса и дивизии ПВО с присвоением им номеров.

В войсках ПВО страны увеличилось количество истребительной авиации и зенитной артиллерии с улучшенными тактико-техническими данными. Число истребителей за первую половину 1944 г. возросло на 465 машин, а зенитных орудий — на 2308 единиц. Удельный вес новых самолетов-перехватчиков вырос с 79 до 98%, а модернизированных (85-мм) зенитных орудий — с 57 до 60%[22]. Поступила новая техника управления станциями РЛС и наведения. Все эти меры способствовали значительному росту боевых возможностей войск ПВО.

По мере продвижения советских войск на запад расширялись система базирования и аэродромная сеть Военно-морского флота. Вместе с тем некоторые флотилии и военно-морские базы, оказавшиеся в глубоком тылу, были расформированы. В Военно-морском флоте создавались новые части и соединения, предназначаемые для действий на морских коммуникациях противника, для борьбы с его подводными лодками и траления мин. Были

созданы Печенгская, Карская и другие военно-морские базы, а также Таллинский и Рижский секторы береговой обороны. В ноябре 1944 г. в составе Балтийского флота была сформирована дивизия морской пехоты.

К концу 1944 г. Военно-морской флот включал четыре флота и четыре отдельные флотилии, которые организационно состояли из эскадр, бригад, военно-морских баз, частей морской пехоты, авиационных дивизий и соединений ПВО.

На флоты со второй половины 1943 г. начали поступать новые корабли, самолеты и технические средства. Пополнение флота осуществлялось за счет поступлений от отечественной промышленности и частично по ленд-лизу. Отечественная промышленность в 1941—1945 гг. дала флоту два легких крейсера, 54 подводные лодки, 38 тральщиков, около 900 катеров. Флот пополнялся главным образом за счет строительства легких надводных кораблей, подводных лодок, торпедных катеров и бронекатеров. Увеличилось число кораблей противолодочной обороны и тральщиков. Развивалась морская авиация. К концу войны в составе ВМФ насчитывалось 4,8 тыс. боевых самолетов.

В конце 1943 г. нарком ВМФ, основываясь на опыте первых наступательных операций, обратился в Ставку ВГК с предложением о реорганизации системы руководства флотом в связи с возросшими возможностями и изменением характера задач. Ставка рассмотрела эти предложения и 31 марта 1944 г. издала директиву, в которой флоты (кроме Балтийского флота) выводились из оперативного подчинения командующих войсками фронтов и замыкались на Ставку через наркома ВМФ, который стал именоваться одновременно и главнокомандующим военно-морскими силами СССР. С обретением наркомом ВМФ статуса главнокомандующего существенно повысилась роль Главного морского штаба, ставшего полноценным органом оперативного управления при главкоме. В частности, проекты оперативных директив Верховного главнокомандующего, которыми ставились задачи флотам на предстоящие стратегические операции и кампании, с этого времени стали разрабатываться непосредственно в ГМШ ВМФ. Балтийскому флоту и флотилиям, подчиненным в оперативном отношении фронтам, задачи на совместные действия ставили командующие фронтами, а на самостоятельные действия (главным образом действия на коммуникациях) — главнокомандующий ВМФ. В ноябре 1944 г. из оперативного подчинения командующего Ленинградским фронтом был выведен и Балтийский флот.

С выходом советских войск на государственную границу и развертыванием боевых действий за рубежом возросла роль пограничных войск. Наряду с выполнением совместно с войсками НКВД прежней задачи по обеспечению безопасности войскового тыла пограничные войска взяли под охрану западную границу СССР на всем ее протяжении.

Для организации охраны границы, руководства службой и боевой деятельностью войск летом и осенью 1944 г. были созданы 10 пограничных округов, определены их состав и участки охраняемой границы. В короткие сроки сформировали пограничные отряды, которые по мере освобождения советской территории выдвигались к границе и организовывали ее охрану.

Наряду с укреплением своих вооруженных сил Советское государство оказывало большую помощь формировавшимся на территории СССР иностранным войсковым частям и соединениям. Для оперативного решения всех задач, связанных с выполнением этой работы, по решению ГКО в 1943 г. был создан специальный штаб уполномоченного СНК СССР и Ставки ВГК по иностранным воинским формированиям.

В марте 1944 г. 1-й польский корпус был преобразован в 1-ю польскую армию, состоящую из четырех пехотных дивизий, пяти артиллерийских бригад, минометного полка, танковой бригады, двух авиаполков, саперной бригады, зенитной артиллерийской дивизии и других частей и подразделений. В армии насчитывалось до 80 тыс. человек личного состава, 847 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 33 зенитных орудия и 130 танков и САУ. В мае 1944 г. 1-я польская армия была сосредоточена в районе Луцка.

Также в мае 1944 г. из чехословацких соединений был сформирован 1-й чехословацкий армейский корпус, насчитывавший около 15 тыс. человек.

Формирование румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, начавшееся в ноябре 1943 г., продолжалось до марта 1944 г. В конце марта дивизия была отправлена в район Ямполь, в состав 2-го Украинского фронта.

В мае 1944 г. на базе отдельного югославского батальона была сформирована Отдельная югославская пехотная бригада, которая состояла из двух пехотных батальонов, танковой роты и других частей и подразделений общей численностью 1350 человек.

В летне-осеннюю кампанию 1944 г. были обеспечены вооружением и военной техникой вновь сформированные шесть польских пехотных дивизии, три польские танковые бригады, одна румынская пехотная дивизия, три стрелковые и одна танковая чехословацкие бригады, французский авиационный полк и другие. Тыл Красной армии занимался также обеспечением Народно-освободительной армии Югославии, оказывал помощь в снабжении болгарской и румынской армий, действовавших в конце 1944 г. в составе советских фронтов.

Таким образом, в 1944 г. постоянно наращивалась боевая мощь Красной армии. Основные усилия были сосредоточены на повышении боевого взаимодействия действующей армии. Если в начале 1944 г. в ее составе имелось 94,9 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и САУ и 10,2 тыс. боевых самолетов, то в мае 1945 г. в ней насчитывалось 115,1 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и САУ и около 16 тыс. боевых самолетов[23].

Возрастание боевой мощи советской армии было особенно заметно на фоне постепенного угасания боевых возможностей вермахта. В конце 1943 г. в вермахте насчитывалось 282 дивизии, кроме того, оперативно в его подчинении находились 27 иностранных дивизий (без учета финских), на восточном фронте действовало 197 немецких дивизий. На 1 ноября 1943 г. общая численность «Восточной армии» составляла 2 850 000 человек, что было на 230 тыс. меньше, чем на тот же период 1942 г.[24] За 1943 г. на восточном фронте была разгромлена 41 немецкая дивизия[25], безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести) за тот же период, по оценке немецкого командования, составили 677 тыс. человек[26].

Руководству Германии и ее союзников поддерживать на должном уровне боеспособность вермахта из-за огромных потерь становилось все труднее. 5 августа 1943 г. была издана директива ОКХ о введении нового штатного расписания для пехотных дивизий действующей армии на востоке. 2 октября того же года оно было заменено новым, в соответствии с которым численность пехотной дивизии должна была составлять 10 708 человек и 2005 «добровольных помощников»[27]. То есть по сравнению со штатным расписанием дивизий начала войны численность дивизии конца 1943 г. сократилась до 5–6 тыс. человек. В конце сентября 1943 г. была принята новая организационно-штатная структура для танковых и моторизованных дивизий. Она должна была позволить немецкому командованию сохранить число дивизий при сокращении их численности, которая на фронте в большинстве случаев не достигала уровня, предусмотренного даже сокращенной организационно-штатной структурой.

В конце 1943 г. вермахт перешел к обороне на всех фронтах. На восточном фронте Красная армия окончательно захватила инициативу. Германское командование с большой тревогой взирало на близкую перспективу открытия еще одного фронта во Франции.

К началу 1944 г. советские действующие фронты и флоты (с учетом действующих частей и соединений войск ПВО страны и авиации дальнего действия) имели около 6,4 млн человек личного состава, более 95,6 тыс. орудий и минометов (без 50-мм минометов и реактивных установок), почти 5,3 тыс. танков и САУ, 10,2 тыс. боевых самолетов[28]. Это позволило советским войскам иметь превосходство над противником: в людях — в 1,3 раза, в артиллерии — в 1,7 раза, в самолетах — в 3,3 раза. Противник лишь немного превосходил в количестве танков и самоходной артиллерии.

Перед началом летней кампании 1944 г. в составе действующей Красной армии насчитывалось 6,6 млн человек, 98,1 тыс. орудий и минометов, 7,1 тыс. танков и САУ, около 12,9 тыс. боевых самолетов[29]. Войска фашистского блока на советско-германском фронте имели 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, 7,8 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,2 тыс. боевых самолетов. По сравнению с первым полугодием численность Красной армии возросла, а войск противника — сократилась.

Летом и осенью 1944 г. на советско-германском фронте потери противника составили 1600 тыс. человек, в том числе более 860 тыс. — безвозвратно. Главные стратегические группировки неприятеля на восточном фронте потерпели серьезные поражения или были разгромлены, резервы истощены. Все это отрицательно сказалось на боеспособности войск. Командование вермахта было уже не в состоянии полностью возмещать потери на фронте.

Возросшие ударные и огневые возможности Красной армии, гибкая и целесообразная структура, постоянное совершенствование, а главное — люди, которые умело владели оружием, обладали богатым опытом и ненавидели врага, обеспечивали победоносное завершение Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Именно советские воины, от рядового до маршала, реализовывали на полях сражений весь потенциал находящегося в их руках оружия, обогащая опыт военного искусства.

Стратегия и оперативное искусство

Завершающий период Великой Отечественной войны характеризовался высоким уровнем советского военного искусства, без которого победа над таким сильным противником, как вермахт, была бы вряд ли возможна. Это было доказано на полях сражений и достойно оценено во всем мире. Так, У. Черчилль в послании И. В. Сталину 27 сентября 1944 г. писал: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»[30].

Результаты военных действий советских войск в 1944 г. свидетельствуют о полном превосходстве избранной советским командованием на этот период войны стратегии. Основным видом военных действий советских войск в 1944 г. являлось стратегическое наступление, проводившееся, как правило, группами фронтов при участии Военно-воздушных сил, Военно-морского флота, войск ПВО страны и при содействии партизан. В ходе подготовки и ведения стратегического наступления среди важнейших проблем военного искусства, которые удалось успешно решить Верховному главнокомандованию, были: выбор направления главного удара, способов ведения наступления и разгрома противника, создание стратегических группировок и использование стратегических резервов, стратегическое взаимодействие и прочее. Их решение было направлено на достижение стратегической внезапности и быстрый разгром крупных группировок врага в короткие сроки.

Выбирая способ ведения наступления, советское верховное командование, опираясь на все возрастающую мощь государства и его вооруженных сил, понимало, что для стратегического наступления одновременно на всем советско-германском фронте пока нет возможностей. Поэтому оно с высоким мастерством спланировало и провело ряд крупных последовательных операций по фронту и в глубину, завершившихся разгромом мощных вражеских группировок.

При таком способе наступления было очень важно определиться с направлением главного и других ударов и временем их нанесения. В зимней кампании 1944 г. эта проблема была успешно решена. Противник не ожидал, что в условиях теплой зимы и ранней распутицы советские войска будут проводить крупнейшую операцию по освобождению Правобережной Украины. Это привело к внезапности и высоким результатам действий Красной армии.

В ходе зимне-весенней кампании 1944 г. советские войска на юго-западном направлении нанесли поражение группам армий «Юг» и «А», освободив от оккупантов Правобережную Украину (за исключением двух западных областей), значительную часть Молдавии и Крым, а на северо-западном направлении отбросили от Ленинграда группу армий «Север» на рубеж Нарва — Псков — западнее Великих Лук. Правое крыло группировки советских войск на Правобережной Украине, продвинувшись более чем на 350 км в Полесье (на ковельском направлении), глубоко охватило с юга оборонявшуюся в Белоруссии вражескую группу армий

«Центр», а войска 2-го Украинского фронта 28 марта первыми пересекли Государственную границу СССР и перенесли военные действия на территорию Румынии. В ходе кампании противник потерял более 1 млн солдат и офицеров, из них безвозвратно — свыше 250 тыс.; в плен попали 178,5 тыс. человек.

Таким же способом действовали советские войска и в летне-осенней кампании 1944 г. Немецкое командование считало, что основные усилия Красной армии будут по-прежнему сосредоточены на юго-западном стратегическом направлении, где в то время находилось большинство советских танковых армий, а на западном стратегическом направлении развернутся операции вспомогательного характера.

Оценка противником возможных действий советских войск не претерпела принципиальных изменений и незадолго до начала их наступления в Белоруссии. Это подтверждается, в частности, данными из «Бюллетеня оценок положения противника на восточном фронте» от 13 июня 1944 г., где указывалось, что готовящиеся наступательные действия советских войск «против группы армий «Центр» имеют целью ввести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем»[31]. На самом же деле именно в Белоруссии, на западном стратегическом направлении, советские войска внезапно нанесли главный удар большой силы.

Более того, летом, как и зимой, был искусно выбран и применен такой способ ведения наступления, как последовательное проведение стратегических наступательных операций по фронту и по глубине. Последовательные по фронту удары советских войск ставили противника в трудное положение. Немецкое командование, не имея в своем распоряжении крупных резервов для парирования каждого удара, было вынуждено перебрасывать силы и средства с одного направления на другое, в буквальном смысле метаться вдоль линии фронта, зачастую не успевая с переброской сил на угрожаемые направления.

10 июня 1944 г. началась Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция. Затем 23 июня внезапно был нанесен удар по противнику в Белоруссии. Для отражения этого наступления немецкое командование начало спешно перебрасывать силы из Прибалтики, Украины, Молдавии, Германии, Голландии и Италии (всего 22 дивизии).

В самый разгар Белорусской операции последовали удары в Прибалтике и на Западной Украине, где 13 июля началась Львовско-Сандомирская стратегическая наступательная операция. А именно отсюда неприятель только что снял и направил значительные силы в Белоруссию, и часть этих сил находилась еще в движении. Для парирования ударов немецкое командование было вынуждено вновь перегруппировать войска с других направлений, в том числе возвращать дивизии, отправленные в Белоруссию.

Спустя месяц, 20 августа, советские войска нанесли удар в Молдавии, где началась Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция. Отсюда противник также снял значительную часть соединений для отражения предыдущих ударов. И командование противника не имело возможности усилить свою группировку в Молдавии, так как немецкие войска были связаны боевыми действиями на других направлениях или находились в движении. Это позволило 2-му и 3-му Украинским фронтам в ходе Ясско-Кишиневской операции в течение недели разгромить вражескую группировку в составе более 20 дивизий при самых минимальных собственных потерях (12,5 тыс. человек).

На этом же направлении были проведены последовательные по глубине Белградская и Будапештская стратегические операции. Выбор такого способа наступления, наиболее подходящего для той обстановки, также свидетельствовал о высочайшем искусстве ведения наступления.

Показатели летне-осенней кампании 1944 г. превысили достижения всех предшествовавших кампаний советских вооруженных сил: наступление велось в полосе шириной до 4,5 тыс. км, на глубину от 600 до 1100 км; потери противника составили 1889,9 тыс. человек, из них безвозвратные — 777,2 тыс, количество взятых в плен вражеских солдат и офицеров увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 2,7 раза (в ходе кампании было взято небывалое к тому времени количество пленных — 680,8 тыс.). Если же учесть выход из войны

армий Финляндии и Румынии (всего до 630 тыс. человек), то общие потери неприятеля следует увеличить на эту цифру.

Значительным итогом летне-осенней кампании 1944 г. стали усиление антигитлеровской коалиции и организация более тесного стратегического взаимодействия союзных войск на разных фронтах. Сокрушительные удары советских войск на востоке позволили союзникам в сравнительно благоприятных условиях провести 6–24 июня Нормандскую десантную операцию и открыть наконец-то второй фронт в Европе.

Опыт наступления в 1944 г. был поучителен наиболее решительными и эффективными способами разгрома крупных группировок противника, дающими большие оперативные и стратегические результаты, какими являлись окружение и рассечение.

Часто окружение осуществлялось нанесением по флангам оборонявшейся вражеской группировки двух мощных ударов по сходящимся направлениям. Такой способ применялся тогда, когда советские войска глубоко охватывали группировку противника, которая была достаточно компактной, а местность на ее флангах позволяла эффективно использовать все рода войск, в первую очередь подвижные. Примерами применения такого способа окружения являлись Ясско-Кишиневская, Белорусская, Будапештская операции, попытки применить такой способ были и в операции на Правобережной Украине: удары наносились под основание образовавшихся в линии фронта выступов, по наиболее уязвимым местам в обороне противника. Так, в Ясско-Кишиневской операции 2-й и 3-й Украинские фронты нанесли главные удары по участкам, где оборонялись румынские войска, уступавшие в боеспособности немецким.

В тех случаях, когда начертание линии фронта не позволяло нанести встречные удары, а основные силы противника были рассредоточены в тактической зоне обороны и ближайшей оперативной глубине, окружение осуществлялось другим способом — нанесением нескольких фронтальных ударов, развитием их в оперативную глубину с последующим выходом на фланги и в тыл противостоявшей группировки. Таким образом осуществлялось окружение в Белорусской и Львовско-Сандомирской операциях.

Обращает на себя внимание опыт Белорусской операции, в которой разгром противника осуществлялся путем дробления стратегического фронта в сочетании с окружением и уничтожением вражеских группировок на различной глубине. Первоначально в тактической и ближайшей оперативной глубине были окружены и уничтожены его фланговые группировки (в районах Витебска и Бобруйска). После их разгрома были созданы благоприятные условия для развития наступления 3-го и 1-го Белорусских фронтов по сходящимся направлениям на Минск и окружения совместно со 2-м Белорусским фронтом основных сил 4-й армии противника на удалении 200 км от исходного положения войск фронтов.

Одной из важнейших проблем, решаемых в операциях на окружение, было одновременное создание внутреннего и внешнего фронтов окружения. В рассматриваемых операциях 1944 г. основная роль в создании фронтов окружения принадлежала танковым армиям, танковым и механизированным корпусам. При этом танковые армии обычно создавали подвижный внешний фронт окружения, а танковые и механизированные корпуса до завершения окружения использовались на внутреннем фронте и после его уплотнения стрелковыми войсками, как правило, также переключались на внешний фронт. Своими активными действиями на внешнем фронте окружения подвижные войска отбрасывали противника в глубину, увеличивая тем самым расстояния между фронтами окружения, что, с одной стороны, не позволяло окруженным войскам ударом изнутри кольца быстро преодолеть это расстояние, а с другой — исключало прорыв резервов противника к окруженной группировке извне. Подобный способ создания внешнего фронта окружения был успешно применен в Белорусской, Львовско-Сандомирской, Ясско-Кишиневской и других операциях.

В операциях 1944 г. советское командование решило одну из сложных проблем операций на окружение — уничтожение окруженных группировок. При этом ликвидация окруженных войск осуществлялась в различных условиях обстановки с использованием накопленного

опыта, при этом важно было не допустить паузы между завершением окружения и началом уничтожения противника. Одновременно с отражением сильных контрударов на внешнем фронте осуществлялась и ликвидация вражеской группировки, она рассекалась ударами с нескольких направлений и уничтожалась по частям. Такой способ использовался в ходе Днепровско-Карпатской операции в районе Корсунь-Шевченковского.

В ряде операций 1944 г. советским войскам удавалось дробить неприятельские группировки на части еще в ходе окружения (Белорусская, Ясско-Кишиневская операции). В результате сроки операций существенно сокращались, а окружение группировок противника, их рассечение и последующее уничтожение превращались в единый и неразрывный процесс. Вместе с тем каждая операция имела свои особенности в ликвидации гитлеровских войск.

Например, в уничтожении бобруйской группировки противника в Белорусской операции основную роль сыграла авиация. После создания внутреннего фронта по окруженным войскам был нанесен массированный авиационный удар с участием более 500 самолетов. Враг понес большие потери и оказался окончательно деморализован. Результаты авиационного удара были использованы общевойсковыми армиями, которые рассекли окруженную группировку на части, а затем ее окончательно ликвидировали.

Таким образом, окружение и уничтожение крупных группировок противника являлось наиболее эффективным способом их разгрома, которым советское командование успешно овладело, стремясь к слиянию процессов окружения группировки противника, рассечения ее на части и окончательного уничтожения в единый процесс. Это стало основной тенденцией, проявившейся в операциях на окружение в годы войны.

Успешный исход операций во многом определялся умелым и своевременным использованием стратегических резервов, которые в третьем периоде Великой Отечественной войны создавались почти исключительно путем пополнения выведенных из боя частей, соединений и объединений.

К началу зимней кампании 1944 г. Ставка ВГК располагала значительными резервами (шесть общевойсковых армий, по одной танковой и воздушной, 16 стрелковых дивизий, восемь танковых и четыре механизированных корпуса, четыре артиллерийских корпуса и другие части артиллерии и авиации), способными существенно повлиять на исход операций. В операциях 1944 г. они преимущественно шли на усиление фронтов: к примеру, в зимней кампании из резервов Ставки во фронты было передано 95 расчетных дивизий. При этом примерно четвертая часть резервов шла на наращивание усилий в ходе наступления, столько же — на отражение контрударов, около 15% резервов расходовалось на создание новых группировок, остальное — на замену войск, понесших потери. Огромная по объему работа проводилась на всех уровнях управления по обеспечению войск всем необходимым для наступления.

Большой размах операций требовал от Верховного главнокомандования организации четкого стратегического взаимодействия фронтов, флотов, Военно-воздушных сил, войск ПВО страны и партизан. Успешное решение этой сложной задачи стало возможным благодаря четко налаженной работе Ставки ВГК и ее представителей, Генерального штаба с командованиями фронтов, командующими видами вооруженных сил и партизанами. Представительство от Ставки ВГК на фронтах таких полководцев, как маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский, которые успешно координировали усилия фронтов, а затем и возглавили их, было залогом успешного взаимодействия задействованных в операциях сил и средств.

О возросшем уровне организации стратегического взаимодействия наглядно свидетельствует Уманско-Ботошанская операция 2-го Украинского фронта. Фронт, наступая на уманско-ясском направлении, на первом этапе операции содействовал 1-му Украинскому фронту в разгроме северного крыла и центра группы армий «Юг», а на втором этапе развитием удара на юго-запад стал непосредственно угрожать всей группе армий «А».

Высокий уровень стратегических успехов советских вооруженных сил в кампаниях 1944 г. особенно заметен на фоне результатов наступления союзников в Западной Европе после открытия ими второго фронта. В начале июня 1944 г. на момент открытия второго фронта

советской армии противостояли 4,3 млн человек вражеских войск, а западным союзникам (во Франции, Бельгии, Голландии и Италии) — всего около 1 млн человек. За вторую половину 1944 г. Красная армия уничтожила и взяла в плен 96 дивизий и 24 бригады, разгромила 219 дивизий и 22 бригады вражеских войск. Западные союзники за это же время уничтожили на Европейском ТВД всего 35 дивизий противника, то есть в шесть раз меньше.

Вот как оценивал действия войск союзников к концу 1944 г. У. Черчилль: «Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед и захвачены такие «трофеи», как Мец и Страсбург, фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад»[32].

Стратегический успех наполнялся результатами фронтовых и армейских операций, напрямую зависел от уровня оперативного искусства.

Опыт подготовки и ведения наступательных операций в годы Великой Отечественной войны показал, что сил одного фронтового объединения для решения задач стратегического масштаба недостаточно. Поэтому в 1944 г. фронтовая наступательная операция являлась, как правило, составной частью стратегической наступательной операции, в которой фронт выполнял часть стратегической задачи и проводил, как правило, несколько последовательных по глубине операций.

Общевойсковая армия, являясь основным оперативным объединением сухопутных войск, решала оперативные или оперативно-тактические задачи в рамках фронтовой операции, как правило, в тесном взаимодействии с другими армиями и авиацией фронта. Она могла входить в главную группировку фронта и совместно с другими армиями выполнять основную задачу во фронтовой операции либо действовать на вспомогательном направлении. При этом она находилась или в первом эшелоне фронта, или составляла его второй эшелон (резерв). В рамках фронтовой операции общевойсковая армия проводила, как правило, две последовательные по глубине наступательные операции.

Наиболее типичными целями для большинства фронтовых наступательных операций 1944 г. были разгром до 12 и более дивизий противника и овладение объектом (районом) оперативно-стратегического значения или важным рубежом на глубине до 150—300 км. Цель армейской наступательной операции вытекала из замысла фронтовой операции и обычно состояла в разгроме группировки противника в составе 3—6 дивизий и овладении важным объектом (районом) или рубежом оперативно-тактического значения на глубине до 100—150 км.

Цели фронтовой и армейской операций достигались последовательным разгромом неприятеля по частям в ходе выполнения ближайших и дальнейших задач. Содержание ближайшей задачи фронта и первого этапа фронтовой наступательной операции, как правило, составлял прорыв обороны противника, разгром его ближайших оперативных резервов и создание условий для развития успеха в оперативной глубине. В некоторых операциях в ближайшую задачу фронта входило окружение и уничтожение вражеских группировок как самостоятельно (1-й Белорусский фронт в Бобруйской операции), так и во взаимодействии с соседним фронтом (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты в Витебско-Оршанской операции, 2-й и 3-й Украинские фронты в Ясско-Кишиневской операции). Глубина ближайшей задачи фронта составляла 60—150 км, а на ее выполнение затрачивалось от 5 до 12 суток. На втором этапе операции фронт выполнял дальнейшую задачу, содержание которой заключалось в развитии наступления, разгроме во взаимодействии с соседними фронтами крупных окруженных группировок и подходящих резервов противника и овладении выгодным рубежом или районом для проведения новой операции. Глубина дальнейшей задачи фронта колебалась в пределах 80—200 км, а продолжительность ее выполнения — от 8 до 15 суток.

Ближайшая задача армии, как правило, включала прорыв тактической зоны обороны противника, разгром находящейся в ней группировки и создание условий для ввода в сражение подвижной группы фронта (если таковая действовала в полосе армии). Глубина ближайшей задачи армии достигала 20—30 км и более, а на ее выполнение затрачивалось

Командующие фронтами в 1944 г.

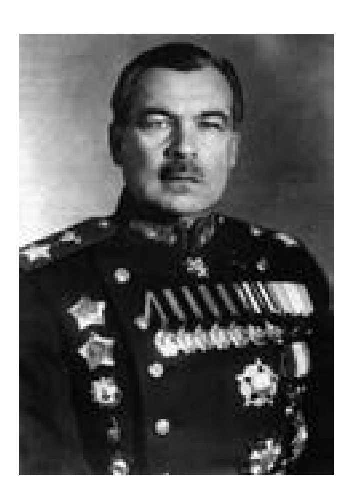

И. Х. Баграмян

Н. Ф. Ватутин

Л. А. Говоров

А. И. Ерёменко

Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

И. С. Конев

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

К. А. Мерецков

И. Е. Петров

К. К. Рокоссовский

В. Д. Соколовский

Ф. И. Толбухин

И. Д. Черняховский

2–4 суток. Дальнейшая задача армии по глубине обычно совпадала с ближайшей задачей фронта: ее основным содержанием являлось развитие наступления и овладение выгодным рубежом для проведения последующей армейской наступательной операции, она выполнялась в течение 5–8 суток.

Сложность решения задач в наступлении определялась во многом особенностями обороны противника. С весны 1943 г. она повсеместно стала приобретать черты позиционности и основывалась на системе сплошных траншей. Возрастал масштаб оборонительных действий, увеличивалась глубина инженерного оборудования местности (до 150–250 км и более, с созданием 5–7 оборонительных рубежей). Одновременно повышалась степень насыщенности обороны огневыми средствами, фортификационными сооружениями, противотанковыми и противопехотными заграждениями.

Особенность обороны немецких войск заключалась в том, что их основные усилия сосредоточивались в тактической зоне, где обычно развертывалось до 80% и более сил и средств, из которых около двух третей обороняли первую (главную) полосу. Характерным было и то, что до начала оборонительного сражения войсками противника, как правило, занимались только первая и вторая (корпусных резервов) полосы, а последующие оборонительные рубежи (армейский и группы армий) достигались обычно в ходе боевых действий.

В этих условиях главной проблемой военного искусства, стоявшей перед советским командованием при подготовке операций, являлся выбор наиболее целесообразного способа разгрома врага. При этом было важно прорвать тактическую зону обороны противника в высоких темпах, чтобы не дать ему возможности нарастить усилия в обороне на участках прорыва.

Наиболее распространенным способом разгрома было нанесение фронтом и армией одного мощного фронтального удара с целью глубокого прорыва обороны противника на избранном направлении, решительного рассечения группировки его войск с последующим уничтожением по частям. Так действовал, например, 2-й Белорусский фронт в Могилевской операции 1944 г. Также весьма поучительна в этом плане и Уманско-Ботошанская операция 2-го Украинского фронта: это классический пример операции на рассечение, для которой характерно решительное массирование сил и средств на направлении главного удара, включая использование трех танковых армий.

При неравномерном размещении сил и средств в обороне противника и соответствующей конфигурации линии фронта иногда предусматривалось нанесение фронтом двух фланговых ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и последующего уничтожения вражеской группировки (например, 1-й Белорусский фронт в Бобруйской операции и 1-й Украинский фронт в Львовской операции). В отдельных случаях окружение небольших группировок противника планировалось и силами одной армии (59-я армия Волховского фронта в Ленинградско-Новгородской операции).

Вместе с тем опыт показал, что окружить и уничтожить крупную неприятельскую группировку силами одного фронта, а тем более одной армии, весьма сложно. Поэтому чаще предпринимались удары на одном из флангов фронта с последующим охватом и окружением противника во взаимодействии с соседним объединением (например, 1-й и 2-й Украинские фронты в Корсунь-Шевченковской операции, 2-й и 3-й Украинские фронты в Ясско-Кишиневской операции, 43-я армия 1-го Прибалтийского и 39-я армия 3-го Белорусского фронта в Витебско-Оршанской операции).

Аналогично решались задачи разгрома противника во фронтовых и армейских операциях, преследовавших цель отсечь вражескую группировку собственными силами с последующим прижатием ее к естественной преграде (1-й Прибалтийский фронт в октябре 1944 г. при изоляции Курляндской группировки, 46-я армия 3-го Украинского фронта в Ясско-Кишиневской операции в августе 1944 г. при окружении 3-й румынской армии).

Для успешной реализации избранного способа разгрома врага большое значение в годы войны имело правильное определение места и направления главного удара, которые долж-

ны были, как правило, удовлетворять трем основным требованиям: во-первых, прорыву в высоких темпах тактической зоны обороны противника; во-вторых, быстрому выводу по кратчайшему пути и в минимальные сроки ударной группировки объединения во фланг и тыл главной группировки оборонявшихся неприятельских войск; в-третьих, эффективному использованию, исходя из условий местности, имеющихся сил и средств фронта (армии), в первую очередь бронетанковых и механизированных войск. Отмеченные принципы успешно были применены во многих операциях 1944 г.

При этом не всегда удавалось найти слабое место в обороне противника, и практически всегда главный удар наносился по сильному месту при наступлении с плацдармов на крупных водных преградах. Это освобождало основную ударную группировку фронта от форсирования водной преграды в самом начале операции, но вместе с тем делало слишком очевидным направление главного удара, затрудняя достижение внезапности наступления.

В значительной степени успех прорыва обороны противника и последующего развития наступления предопределялся решительным массированием сил и средств на избранных направлениях. При ширине участка прорыва армии, составляющей от 15 до 50% от всей полосы наступления, на нем сосредоточивалось до 80% стрелковых войск, 60—90% артиллерии и около 90% танков и САУ. Массирование сил и средств на участках прорыва достигалось отказом от равномерного их распределения по фронту, сокращением ширины полос наступления и участков прорыва, повышением плотности сил и средств. В операциях 1944 г. тактические плотности на направлениях главного удара достигали 20—30 танков и САУ, 200—250 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва.

Для создания главных и других группировок использовались как штатные, так и придаваемые фронту или армии на период операции силы и средства. Кроме группировок общевойсковых объединений и соединений при подготовке фронтовой и армейской наступательных операций создавались группировки авиации, артиллерии и специальных войск.

Одновременно с созданием группировок большое внимание уделялось оперативному построению войск. В 1944 г. фронты, наступавшие на направлении главного удара, как правило, имели двухэшелонное построение и сильные подвижные группы. При этом второй эшелон фронта включал одну-две общевойсковые, а подвижная группа — одну-две танковые армии. Каждый фронт имел в своем составе одну (в отдельных случаях — две) воздушную армию, одну-две зенитно-артиллерийские группы, один-два подвижных отряда заграждения, общевойсковой резерв в составе одного-двух стрелковых корпусов, артиллерийско-противотанковый и другие специальные резервы.

Оперативное построение армии кроме первого эшелона (в составе стрелковых корпусов) включало резерв — до двух стрелковых дивизий, подвижную группу в составе танкового или механизированного корпуса, артиллерийскую и зенитно-артиллерийскую группы, танковый и противотанковый резервы, подвижные отряды заграждения. Глубина оперативного построения фронта возросла до 60 км (без учета базирования воздушной армии), а армии — до 20—30 км.

Богатый опыт был накоплен и в решении задач оперативной маскировки, которая имела целью обеспечить скрытность подготовки, достижение внезапности перехода войск в наступление и введение противника в заблуждение относительно направления главного удара, состава привлекаемых к операции сил и средств, масштабов и времени ее проведения. С этой целью проводился комплекс мероприятий, важнейшими из которых являлись: ложное сосредоточение войск в районах, удаленных от истинных направлений ударов, с имитацией оборудования этих районов в инженерном отношении как исходных для наступления, ложные перегруппировки войск, создание ложных радиосетей, демонстративные действия, дезинформация и прочее. Например, в полосе 5-й ударной армии (3-й Украинский фронт в Ясско-Кишиневской операции) имитировалось создание ударной группировки в составе стрелкового и механизированного корпусов и артиллерийской дивизии прорыва. С целью введения противника в заблуждение на этом направлении проводилась разведка боем, ави-

ация наносила удары по неприятельским тылам и резервам. Ход операции показал высокую эффективность проведенных мероприятий: против 5-й ударной армии на второстепенном направлении противник сосредоточил 15 дивизий, ослабив тем самым группировку своих войск на направлении, где фронт наносил главный удар.

Аналогичные мероприятия проводились в полосе 1-го Украинского фронта при подготовке Житомирско-Бердичевской операции. Для дезинформации противника относительно направления главного удара имитировалось сосредоточение крупных сил пехоты, танков и артиллерии на коростеньском направлении и на букринском плацдарме.

Основное внимание в ходе фронтовых и армейских наступательных операций уделялось прорыву тактической зоны вражеской обороны. Быстрый взлом тактической зоны обороны позволял в короткие сроки дезорганизовать управление оборонительными действиями противника, существенно снизить эффективность использования его оперативных резервов, а также создавал благоприятные условия для стремительного развития наступления в оперативной глубине и успешного завершения операции.

Одним из факторов быстрого прорыва тактической зоны обороны противника являлась искусно проведенная разведка боем. По результатам разведки боем нередко вносились существенные коррективы в планы операций, особенно по вопросам, касающимся применения артиллерии и авиации. В некоторых случаях успешно начавшаяся разведка боем перерастала в общее наступление главных сил с прорывом тактической зоны обороны противника в короткие сроки (например, в полосах 3-й гвардейской и 13-й армий 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции).

Высокие темпы прорыва тактической зоны обороны во многом зависели от надежности и эффективности огневого поражения обороняющихся группировок противника и своевременного использования его результатов атакующими войсками. Оно осуществлялось в виде артиллерийского и авиационного наступления.

Артиллерийское наступление включало три периода: артиллерийскую подготовку атаки пехоты и танков, артиллерийскую поддержку атаки пехоты и танков, артиллерийское сопровождение пехоты и танков при бое в глубине обороны противника.

В 1944 г. редко практиковалась длительная артиллерийская подготовка атаки, ее продолжительность сокращалась до 60—85 и даже 20—30 минут с одновременным повышением удельного веса огневых налетов и расхода боеприпасов. Увеличивалась глубина одновременного подавления обороны противника огнем артиллерии, что позволяло эффективно решать огневые задачи не только в границах первой полосы тактической зоны обороны, но и в межполосном пространстве. В совокупности же с ударами авиации интенсивному огневому воздействию подвергалась практически вся тактическая зона обороны с одновременным подавлением наиболее важных объектов и в оперативной глубине.

Артиллерийская поддержка атаки осуществлялась методами двойного и одинарного огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня по конкретным объектам — глубина артиллерийской поддержки атаки увеличивалась до 4—6 км, а затем артиллерия переходила к огневому сопровождению наступающих войск методом отдельных огневых налетов по вызову и огнем прямой наводкой.

Авиационное наступление включало два периода: авиационную подготовку атаки пехоты и танков (с 1944 г. она была разделена на предварительную и непосредственную), авиационную поддержку атаки и действий пехоты и танков в глубине обороны.

В случаях, когда для быстрого прорыва тактической зоны обороны сил первых эшелонов армий (стрелковых корпусов) оказывалось недостаточно (по причине, как правило, низкой плотности танков непосредственной поддержки пехоты), для их наращивания в сражение вводились прежде всего подвижные группы армий, а при их отсутствии — подвижные группы фронтов. В ходе операций по освобождению Правобережной Украины эта практика широко применялась и себя оправдала. Приоритетное использование для завершения прорыва тактической зоны обороны именно подвижных групп, а не вторых эшелонов армий и фронтов,

обусловливалось необходимостью одновременного наращивания огневой мощи и ударной силы атакующих войск, поскольку с вводом в сражение подвижных групп плотность танков возрастала до 60–70 единиц на 1 км фронта.

Отчасти решение вопроса применения подвижных групп зависело и от взглядов, сложившихся у того или иного командующего. Например, у И. С. Конева преобладало стремление как можно раньше вводить их в обозначившийся уже в первый день операции прорыв в целях быстрого завершения взлома ТЗО противника и выхода на оперативный простор. В свою очередь, Г. К. Жуков старался как можно дольше сохранить боеспособность подвижных групп и использовать их преимущественно для стремительного развития наступления в оперативной и стратегической глубине, вводя в так называемый «чистый» прорыв.

С прорывом тактической зоны обороны противника темпы наступления существенно возрастали, а основная роль в этом принадлежала бронетанковым и механизированным войскам. При этом важной проблемой являлось оперативное преследование противника. Наиболее высокие темпы достигались при параллельном и комбинированном преследовании, что было характерно, например, для большинства фронтовых и армейских операций, проведенных в рамках Белорусской стратегической наступательной операции. Широкое распространение при преследовании получили действия передовых отрядов.

Основная тяжесть в борьбе с оперативными резервами противника, прежде всего в отражении их контрударов, ложилась обычно на подвижные группы армий и фронтов. Это ярко просматривается на примере Корсунь-Шевченковской операции 1-го и 2-го Украинских фронтов зимой 1944 г. Разгром выдвигающихся резервов в большинстве случаев осуществлялся с ходу во встречном сражении. Иногда, как правило на заключительных этапах операции, когда возможности подвижных групп существенно снижались, контрудары неприятеля отражались частью или всем составом сил с места. Так, в ходе Житомирско-Бердичевской операции 1-го Украинского фронта советским войскам 14 января пришлось прекратить наступление на винницком и уманском направлениях и принять меры к отражению контрударов противника[33]. С созданием выгодных условий для атаки подвижные группы во взаимодействии с подошедшими главными силами фронта (армии) завершали их разгром.

Развитие наступления высокими темпами и на большую глубину находилось в прямой зависимости от способности армий и фронтов быстро преодолевать водные преграды. Советским войскам в ходе фронтовой операции обычно приходилось форсировать одну-две широкие или две-три средние водные преграды, а соединениям первого эшелона армий почти ежедневно — одну-две узкие реки. Так, войска 2-го Украинского фронта в ходе Уманско-Ботошанской операции 1944 г. последовательно с ходу в условиях весеннего половодья форсировали шесть рек — Горный Тикич, Южный Буг, Днестр, Реут, Прут, Серет.

Основным и наиболее эффективным способом преодоления водных преград являлось форсирование водных преград с ходу. Успех при этом достигался ведением непрерывной разведки, дерзкими действиями передовых отрядов, внезапным выходом к водной преграде главных сил, решительным разгромом группировок противника на подступах к реке, упреждением его в занятии обороны на противоположном берегу, немедленным расширением захваченных плацдармов, своевременным подвозом табельных переправочных средств и быстрым наведением мостовых и паромных переправ, а также надежно организованной ПВО и комендантской службой. Особое значение при форсировании рек с ходу имело артиллерийское и авиационное обеспечение.

В операциях 1944 г. был приобретен богатейший опыт овладения крупными населенными пунктами, городами. В условиях превращения некоторых из них в крепости было важно не ввязываться в затяжные бои, а обходить эти города и блокировать их. При необходимости штурма города широко практиковались штурмовые отряды. Дальнейшее развитие получили теория и практика организации и ведения боевых действий в горной, болотистой, пустынно-степной и лесистой местности как днем, так и ночью.

Искусство применения ВВС, войск ПВО страны и ВМФ

В кампаниях 1944 г. на более высокий уровень поднялось искусство применения советских Военно-воздушных сил, войск ПВО страны и Военно-морского флота.

Завершающий период Великой Отечественной войны подтвердил очевидную тенденцию повышения значимости Военно-воздушных сил в ходе вооруженной борьбы. Без их активного участия не проходила ни одна крупная операция, они существенным образом влияли на ход и исход операций.

На советские ВВС было возложено выполнение широкого круга задач, но главные усилия направлялись на борьбу за господство в воздухе (36,5% всех произведенных самолето-вылетов) и на авиационную поддержку войск фронта в операциях (46,5% самолето-вылетов фронтовой авиации и 40,4% вылетов ДБА). Кроме того, ВВС вели воздушную разведку, активную борьбу с оперативными резервами противника, наносили удары по объектам оперативного и стратегического тыла, осуществляли воздушное десантирование и перевозку войск и грузов, оказывали помощь партизанам.

К началу третьего периода войны численность ВВС противника на советско-германском фронте сократилась до 2689 самолетов, резко снизились морально-боевые качества фашистских летчиков. В результате советскими ВВС на всем советско-германском фронте было завоевано господство в воздухе, которое удерживалось до конца войны.

Это существенно облегчало ведение вооруженной борьбы с наземным противником, но даже при наличии стратегического господства в воздухе борьба за оперативное господство советскими ВВС велась в 1944 г. с максимальным напряжением. Например, для успеха Корсунь-Шевченковской операции весьма большое значение имели действия авиации 2-й и 5-й воздушных армий, а также 10-го авиакорпуса ПВО страны. Из 11 300 самолето-вылетов, совершенных советской авиацией в ходе операции, более 3,5 тыс. (около 32%) было осуществлено для обеспечения оперативного господства в воздухе[34]. В этой борьбе советские ВВС применяли различные способы действий. Решающее значение имело уничтожение авиации противника в воздушных боях и сражениях, на аэродромах, также большую роль играло надежное подавление и уничтожение средств ПВО.

В 1944 г. ВВС продолжали решать важнейшую задачу — авиационную поддержку войск в операциях и боевых действиях: воздушные армии (ВВС фронтов) выполняли оперативные задачи по планам фронта в пределах выделенного летного ресурса. В наиболее крупных наступательных операциях на участках фронта, где войска наносили главный удар, одновременно действовало до 2 тыс. и более советских самолетов. Важнейшими из этих задач являлись: авиационная поддержка войск, борьба за господство в воздухе, воздушная разведка, борьба с оперативным резервами. Кроме того, авиация осуществляла нарушение коммуникаций противника, воздушную блокаду окруженных группировок, высадку воздушных десантов, перевозку материальных средств.

Для решения перечисленных задач привлекались не только авиационные силы фронтов, но и соединения авиации дальнего действия, а в операциях на приморских направлениях — авиация флота. Основные усилия авиации сосредоточивались на поддержке сухопутных войск на направлениях главных ударов фронта, на что затрачивалось до 56% всех самолето-вылетов в операции[35].

Авиационная поддержка войск осуществлялась в форме авиационного наступления. Основными способами боевых действий авиационных объединений и соединений в ходе авиационной подготовки атаки и поддержки войск в наступлении были массированные и сосредоточенные авиационные удары, а также эшелонированные действия. В ходе Проскуровско-Черновицкой операции 1-го Украинского фронта ввиду неблагоприятных условий погоды и распутицы продвижение артиллерии вслед за наступающими войсками было затруднено, поэтому целый ряд задач по подавлению огневых средств врага в глубине обороны выполняла авиация, прежде всего штурмовая. Из общего количества 6760 самолето-вылетов,

произведенных авиацией 2-й воздушной армии в ходе операции, половина (3315) проводилась с целью ударов по войскам противника и 1020 самолето-вылетов — на сопровождение и прикрытие войск. 1313 самолето-вылетов было совершено для транспортировки грузов, в том числе 748 самолето-вылетов произведено 326-й ночной бомбардировочной дивизией с целью доставки грузов 1-й и 4-й танковым армиям в период 25—31 марта[36].

Исключительно важная роль отводилась авиации при вводе в сражение танковых армий (конно-механизированных групп, танковых и механизированных корпусов) и при развитии ими наступления в оперативной глубине. Для поддержки и прикрытия подвижных групп фронтов и армий привлекалось до 70% всех сил авиации. При этом часть авиационных соединений, преимущественно штурмовой и истребительной авиации, выделялась для постоянного и непосредственного взаимодействия с танковыми войсками, а другие силы привлекались периодически по вызову, когда требовала обстановка. Для лучшей организации взаимодействия командиры соединений, выделенных для авиационной поддержки, следовали со своими оперативными группами в боевых порядках танковых армий, управляя по радио подчиненными частями.

Тесное взаимодействие воздушных сил и наземных войск было залогом успешного исхода большинства операций в 1944 г.

Важные оперативно-стратегические задачи решали войска ПВО страны. Основными из них являлись: защита от ударов с воздуха административно-политических, промышленно-экономических центров и районов страны, защита коммуникаций действующей армии, прикрытие отдельных объектов в глубине территории и в прифронтовой зоне, участие во фронтовых и армейских операциях, воздушная блокада окруженных группировок противника, а также специальные задачи.

В 1944 г. защита от ударов с воздуха крупных административно-политических и промышленно-экономических центров для войск ПВО страны уже не являлась главной. На первое место вышла другая задача — защита коммуникаций действующей армии на глубину до 300—500 км от линии фронта (железных и автомобильных дорог, мостов, переправ, водных путей, воинских эшелонов и т. п.). Особое внимание уделялось обороне железных дорог, являвшихся главным каналом стратегических и крупных оперативных перебросок войск и материальных средств. Важность этой задачи потребовала увеличения удельного веса привлекаемых для ее решения средств ПВО — до 34% по истребительной авиации и до 50% по зенитной артиллерии[37].

Действия воздушного флота противника по железнодорожным коммуникациям представляли собой систематические дневные и ночные налеты больших групп истребителей и бомбардировщиков на станции, мосты и эшелоны в пути их следования. Наибольшая активность ВВС Германии по железным дорогам наблюдалась при подготовке наступательных операций Красной армии весной 1944 г. В целях защиты железнодорожных коммуникаций был осуществлен маневр силами и средствами ПВО вслед за наступающими войсками. Например, для усиления обороны железнодорожных узлов и других важных объектов в полосе 1-го и 2-го Украинских фронтов в мае — июне 1944 г. из тыла страны были передислоцированы в прифронтовую зону две истребительные авиационные дивизии и более 40 зенитно-артиллерийских частей. Летом и осенью 1944 г. из глубины территории за пределы Советского Союза для прикрытия объектов в прифронтовой полосе было выдвинуто еще пять корпусов ПВО[38].

Основной формой применения войск ПВО страны по прикрытию коммуникаций были самостоятельные или совместные боевые действия сил и средств по срыву налетов воздушного противника. Противовоздушная оборона прифронтовых коммуникаций организовывалась при тесном взаимодействии войск ПВО страны с воздушными армиями и силами ПВО фронтов и флотов. Был получен практический опыт создания единой системы радиолокационного наведения на цели истребителей. Более успешно осуществлялся маневр с целью создания превосходства над воздушным противником на главных направлениях.

Основные события, определявшие исход войны, развернулись на сухопутном фронте. В силу этого главным в применении Военно-морского флота было содействие сухопутным

войскам в решении стоявших перед ними задач как на приморских направлениях, так и на всем театре военных действий. Общая задача флотов заключалась в том, чтобы обеспечить стратегические фланги Красной армии, упиравшиеся в море, и активными действиями способствовать проведению оборонительных и наступательных операций на приморских направлениях.

Действия советского ВМФ по решению указанных задач осуществлялись в рамках стратегических, фронтовых и армейских операций на приморских направлениях, а также в ходе самостоятельной оперативно-стратегической деятельности флотов на морских театрах в соответствии с директивами Ставки ВГК и наркома ВМФ.

С переходом весной 1944 г. к новой системе оперативно-стратегического руководства ВМФ был подготовлен и проведен ряд самостоятельных операций. Первая самостоятельная морская операция по нарушению морских сообщений противника была проведена в апреле — мае 1944 г. Черноморским флотом в рамках Крымской стратегической наступательной операции (включала наступательные операции 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии и морскую операцию Черноморского флота и Азовской флотилии). В последующих операциях на приморских направлениях (Ясско-Кишиневская, Петсамо-Киркинесская) Черноморский, Балтийский и Северный флоты также проводили самостоятельные морские операции, которые являлись составной частью стратегических операций.

Организация взаимодействия сухопутных войск и флотов в этих случаях осуществлялась Ставкой ВГК. При этом опыт проведения первых операций показал, что значение морских отделов и представителей флота при штабах фронтов сильно возросло. Выполняя требования директивы Генерального штаба, предписывавшей создание этих органов в штабах фронтов и армий, имевших в оперативном подчинении силы флота или флотилии, Главный морской штаб разработал Положение о морском представительстве при фронтах, отдельных армиях и военных округах Красной армии. Оно было введено в действие директивой начальника Главного морского штаба от 8 июля 1944 г.

По опыту наступательных операций фронтов на приморских направлениях силы флота при подготовке операции решали целый ряд задач. Они обеспечивали морские перевозки с целью усиления войск или их перегруппировки перед операцией. Так, Балтийский флот при подготовке операции Ленинградского фронта в январе 1944 г. осуществил перевозку соединений 2-й ударной армии из Ленинграда и Лисьего Носа на ораниенбаумский плацдарм (всего более 50 тыс. человек, 200 танков и бронемашин, 2200 автомашин и другой техники). Силы флота вели боевые действия по нарушению коммуникаций противника, наносили удары по его портам, базам и кораблям. К примеру, Черноморский флот в Ясско-Кишиневской операции нанес ряд массированных ударов по кораблям и транспортам противника в портах Констанца и Сулина.

С переходом войск фронта в наступление специальные группировки сил флота (надводные корабли, береговая артиллерия и морская авиация) участвовали в артиллерийской и авиационной подготовке прорыва тактической зоны обороны противника и поддержке наступающих войск вдоль побережья. Осуществлялась высадка морских десантов для содействия наступающим войскам, особенно в операциях, проводимых в условиях бездорожья и труднопроходимой местности. Ряд десантов был высажен Черноморским флотом при наступлении 18-й армии на Таманском полуострове, Северным флотом — в наступательных операциях 14-й армии в 1944 г., а также Ладожской военной флотилией — тулоксинский десант.

При развитии операции в глубину силы флота оказывали авиационную и артиллерийскую поддержку наступающим войскам на приморском направлении, прикрывали войска от ударов с моря, обеспечивали морские перевозки в целях пополнения и снабжения войск, осуществляли блокады окруженной группировки противника с моря и высадку морских десантов. Наиболее интенсивные десантные действия велись в 1944—1945 гг., когда было высажено около 70 десантов.

Основными формами применения сил флота в совместных действиях являлись до 1944 г. боевые действия в рамках фронтовых (армейских) операций, а с марта 1944 г. — морские операции как составная часть стратегических наступательных операций.

Самостоятельные действия сил ВМФ оказывали существенное влияние на ход вооруженной борьбы не только на приморских направлениях, но и на всем сухопутном фронте. Они проводились в соответствии с указаниями Ставки ВГК и по планам ГК ВМФ — наркома ВМФ, который своими директивами осуществлял постановку задач флотам: по нарушение морских сообщений противника, обороне своих морских коммуникаций, нанесению ударов по портам и базам противника, осуществлению морских перевозок и т. д. При этом основным содержанием самостоятельных действий ВМФ являлось решение первых двух задач. В ряде случаев на определенный период времени эти задачи определялись в качестве главных для того или иного флота. Так, задача по нарушению морских сообщений являлась главной: зимой — весной 1944 г. — для Черноморского флота; летом и осенью 1944 г. — для Северного флота; весной 1945 г. — для Балтийского флота.

Действия сил флота по нарушению коммуникаций неприятеля начались с первых же дней войны и продолжались на Севере — до декабря 1944 г., на Черном море — до сентября 1944 г., на Балтийском море — до конца войны.

Основной формой ведения борьбы на коммуникациях в ходе всей войны были систематические боевые действия различных родов сил флота, направленные на уничтожение транспортов в море, а также нанесение ударов по портам погрузки и выгрузки. С апреля 1944 г. наряду с систематической боевой деятельностью стали проводиться операции по нарушению морских коммуникаций противника, в которых принимали участие крупные силы морской авиации, подводные лодки, торпедные, а в некоторых случаях и артиллерийские надводные корабли. Так, в Крымской операции Черноморский флот провел морскую операцию, в которой было задействовано 430 самолетов, 13 подводных лодок и 30 торпедных катеров. Помимо этого, в операции принимала участие авиация дальнего действия, которая наносила удары по судам в портах Румынии. В ходе операции было уничтожено 40 транспортных судов противника, который в результате потерял на переходе морем 42 тыс. человек.

Северный флот и Беломорская флотилия успешно осуществляли действия по обеспечению проводки внешних и внутренних конвоев. За первое полугодие 1944 г. в порты Советского Заполярья было проведено 268 транспортов из США и Англии. Также была успешно проведена операция по выводу ледоколов из Белого моря в Арктику. В результате действий на коммуникациях противника флот потопил 26 вражеских транспортов и восемь малых боевых кораблей[39].

Оперативное взаимодействие с союзниками при решении задачи по обеспечению северных союзных конвоев осуществлялось по следующим направлениям: определение сроков формирования, отправки конвоев и маршрутов их движения, организация обороны районов прохождения союзных коммуникаций, обмен оперативной и разведывательной информацией, организация навигационно-гидрографического и тылового обеспечения.

При решении задачи по обороне внешних морских коммуникаций силы Северного флота применялись в основном в форме операций. Всего Северным флотом было подготовлено и проведено около 20 операций по обеспечению внешних морских коммуникаций.

* * *

В целом 1944 г. характерен значительным ростом организаторских способностей и профессиональной подготовки военных кадров. Советские офицеры, генералы и адмиралы овладели теорией и практикой подготовки и ведения боя и операций разного масштаба, показали высокое искусство в управлении частями, соединениями и объединениями в сложной боевой обстановке. Все это в сочетании с высоким моральным духом воинов позволяло решать самые сложные задачи.

В 1944 г. советские войска освободили территорию Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков, полностью восстановили государственную границу на всем ее протяжении от Баренцева до Черного морей и перенесли боевые действия за пределы своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 5.

[2] Только в 1944 г. было произведено 7 млрд 400 млн патронов.

[3] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 603.

[4] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. С. 15.

[5] Сухопутные войска России: История создания, становления и развития. М., 2001. С. 371.

[6] *Болтотин Д. Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. СПб., 1995. С. 180—183.

[7] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 449—450.

[8] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 607.

[9] Там же. С. 661.

[10] Там же. С. 608.

[11] По новым штатам предусматривалось иметь: в танковой бригаде — три танковых и один мотострелковый батальон, 65 танков; в отдельном гвардейском тяжелом танковом полку — три танковые роты и роту автоматчиков, всего 21 танк ИС; в отдельном самоходном артиллерийском полку — пять батарей, всего 21 САУ. По постановлению ГКО танковая армия должна была иметь: два танковых и один механизированный корпуса, зенитно-артиллерийскую дивизию, мотоциклетный, истребительно-противотанковый, гаубичный, гвардейский минометный полки, полк связи, авиаполк связи, инженерный батальон, автомобильный полк, один-два ремонтно-восстановительных батальона и тыловые части. Общая численность танковой армии: танков — 620, САУ — 189, личного состава — 46—48 тыс. человек.

[12] История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 474.

[13] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6-ти т. М., 1963. Т. 5. С. 384.

[14] Военно-исторический журнал. 1975. № 4. С. 79.

[15] Там же.

[16] Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977. С. 272.

[17] Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 609.

[18] Всего в годы войны было построено 10,6 тыс. истребителей Як-3 и Ла-7.

[19] 50 лет Вооруженных сил СССР. С. 391.

[20] Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 609.

[21] В Северный фронт ПВО входили: Особая Московская армия ПВО; корпусные районы ПВО — Мурманский, Горьковский, Минский; дивизионные районы ПВО — Архангельский, Череповецкий, Вологодский, Рыбинско-Ярославский, Бологоевский, Смоленский, Куйбышевский, Ладожский. В Южный фронт ПВО входили: корпусные районы ПВО — Харьковский, Киевский, Донбасский, Одесский, Курский, Сталинградский, Ростовский, Львовский; дивизионные районы ПВО — Грозненский, Северо-Кавказский, Воронежский. В Закавказский фронт ПВО входили: Бакинская армия ПВО и две отдельные бригады ПВО.

[22] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 8. С. 473.

[23] Там же; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 6. С. 48.

[24] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940—1945 (далее — KTB/OKW). Bd. III. Frankfurt a/M, 1963. S. 1482, 1569.

[25] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 / Пер. с нем. М., 2002. С. 410—411.

[26] KTB/OKW. Bd. III. S. 1482.

[27] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 413.

[28] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 8. С. 473.

[29] Там же.

[30] Цит. по: Великая Отечественная война: Вопросы и ответы. М., 1985. С. 413.

[31] Цит. по: Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 7.

[32] Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту 6 декабря 1944 г. // Мировые войны XX века. В 4-х кн. Изд. 2-е. М., 2005. Кн. 4. С. 539.

[33] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 400. Л 29; Оп. 2712. Д. 58. Л. 86—87.

[34] Всего авиация 2-й и 5-й воздушных армий провела 225, а 10-й истребительный корпус ПВО — восемь воздушных боев. В них было сбито 257 вражеских самолетов. На аэродромах врага было уничтожено 200 самолетов (*Грылев А. Н.* Днепр — Карпаты — Крым. М., 1970. С. 90).

[35] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995. С. 311.

[36] *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 159.

[37] *Светлишин Н. А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 220.

[38] Военное искусство во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). М., 1973. С. 512.

[39] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 658.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ПОВОРОТ НА МИРНЫЕ РЕЛЬСЫ

Органы государственной власти

Высшим органом власти в 1944 г. по-прежнему оставался Государственный Комитет Обороны (ГКО), обладавший неограниченными полномочиями и непосредственно руководивший тремя сферами: военно-стратегической (через Ставку Верховного главнокомандования), военно-экономической (через наркоматы военной, тяжелой и топливной промышленности) и административной (через Правительство СССР, ЦК партии союзных и автономных республик, краевые и областные комитеты партии).

К началу года в состав ГКО входили секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК, Верховный главнокомандующий и председатель Ставки ВГК, нарком обороны Маршал Советского Союза И. В. Сталин (председатель), первые заместители председателя СНК нарком иностранных дел В. М. Молотов (заместитель председателя) и председатель Госплана Н. А. Вознесенский, четыре заместителя председателя СНК: нарком внутренних дел Л. П. Берия, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, нарком внешней торговли А. И. Микоян, нарком путей сообщения (до 20 декабря) Л. М. Каганович, а также секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. 16 мая 1944 г. вторым заместителем председателя ГКО был назначен Берия. 22 ноября Ворошилова сменил заместитель наркома обороны и председатель правления Госбанка генерал армии Н. А. Булганин[1].

Государственный Комитет Обороны, накопив опыт эффективного руководства в условиях военного времени, оперативно решал масштабные задачи в области развития вооруженных сил и военной экономики страны, принимал меры к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, решал ряд внешнеполитических вопросов, связанных с действиями Красной армии на освобождаемых территориях[2].

Для стиля деятельности ГКО были характерны многогранность задач, отсутствие бюрократизма, нацеленность на оперативное и качественное решение проблем. По свидетельству начальника Главного управления тыла Красной армии генерала армии А. В. Хрулева, «в кабинет председателя ГКО свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений — каждый по своему кругу деятельности. Сюда беспрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица, не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами

вопросов снабжения армии, в том числе организации новых производств, была упрощена до предела. Этому способствовало постоянное стремление руководителей каждой отрасли народного хозяйства ценой любых усилий быстрее сделать все необходимое для фронта, для разгрома врага»[3].

Фактически ГКО возложил на себя функции Политбюро ЦК ВКП(б), формальных заседаний которого (до войны — еженедельных) в 1944 г. не проводилось. Оправданным оказалось закрепление за членами ГКО важнейших участков деятельности, создание при них временных органов — рабочих групп, оперативных бюро и профильных комитетов и комиссий, равно как и функционирование института представителей Ставки Верховного главнокомандования на фронтах. ГКО не оставался застывшей структурой, видоизменял систему управления фронтом и тылом, совершенствовал механизм исполнения решений, исходя из требований обстановки.

Основная задача ГКО — организация победы над врагом — могла быть решена при условии оперативной работы высших и местных органов власти. С этой целью во всех военно-промышленных наркоматах и ведомствах, краях и областях, на важнейших предприятиях и стройках ГКО по-прежнему имел своих уполномоченных. Они принимали необходимые меры для проведения в жизнь решений ГКО, контролировали деятельность местных государственных органов и должностных лиц, руководителей предприятий военной промышленности, военных строек, учреждений транспорта и связи по мобилизации сил и средств на нужды войны.

Важнейшим направлением деятельности ГКО в 1944 г. являлись совершенствование системы государственного управления народным хозяйством, выделение приоритетных направлений развития военной экономики, ориентация на обеспечение вооруженных сил всем необходимым. Каждый из членов ГКО курировал наиболее важные отрасли народного хозяйства. В 1944 г. В. М. Молотов отвечал за производство танков, Л. П. Берия руководил Оперативным бюро и подведомственными ему отраслями, Г. М. Маленков ведал авиастроением и организационно-финансовыми вопросами ВВС, А. И. Микоян — вещевым и продовольственным снабжением армии, Н. А. Вознесенский, будучи председателем Госплана СССР, — производством вооружения и боеприпасов, а также фактически возглавлял СНК.

Для повышения оперативности руководства приоритетными отраслями народного хозяйства при ГКО создавались рабочие органы. Ключевым из них являлось (с 1942 г.) Оперативное бюро, которое руководило 14 наркоматами, ведавшими базовыми и военными отраслями промышленности[4]. 19 мая 1944 г. ГКО постановлением № 5931 «О работе Оперативного бюро ГКО» значительно расширил его полномочия. Теперь в его ведение входила работа 21 наркомата: авиационной промышленности, танковой промышленности, боеприпасов, вооружения, судостроительной промышленности, железнодорожного транспорта, водного транспорта, черной металлургии, цветной металлургии, угольной промышленности, нефтяной промышленности, химической промышленности и других. Руководителем Оперативного бюро остался Л. П. Берия. Транспортный комитет, возглавляемый непосредственно И. В. Сталиным и действовавший с 1942 г., был упразднен, а его полномочия переданы Оперативному бюро. Трофейный комитет (с 1943 г., во главе с К. Е. Ворошиловым) и Совет по радиолокации (с 1943 г., во главе с Г. М. Маленковым) также подчинялись Оперативному бюро[5]. Оперативное бюро рассматривало и выносило на утверждение ГКО решения по отдельным вопросам квартальных и месячных планов производства указанных наркоматов и планы снабжения народного хозяйства металлом, углем, нефтепродуктами, электроэнергией, осуществляло контроль над выполнением этих планов[6]. Местные органы ГКО возглавлялись уполномоченными, отвечавшими в основном за решение экономических вопросов (поставку сырья, топлива и продовольствия).

Вопросами, выходившими за компетенцию его рабочих органов, ГКО руководил через соответствующие государственные и партийные учреждения. Совет народных комиссаров СССР, являясь высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти, объединял и направлял работу наркоматов, ведавших производством невоенной

продукции, занимался вопросами гражданского, капитального и жилищного строительства, а также сельского хозяйства. Совнарком обеспечивал общественный порядок и охрану прав граждан в местностях, не объявленных на военном положении, осуществлял общее руководство сношениями с иностранными государствами, руководил внутренней и внешней торговлей. Он ведал организацией социально-культурного строительства, единой системой народно-хозяйственного учета, руководил кредитной и денежной системой, координировал деятельность органов государственного управления союзных республик и местных советов в тыловых районах страны.

После реэвакуации в Москву роль СНК в оперативном руководстве хозяйственными наркоматами, комитетами, научными и общественными организациями существенно возросла. СНК расширил текущее и перспективное планирование по отраслям народного хозяйства и важнейшим экономическим районам. Завершалась разработка проекта перспективного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1943–1947 гг.

В 1944 г. ГКО принял 2397 постановлений и распоряжений из 9972, принятых за все время его существования. Их подавляющее большинство было посвящено хозяйственным вопросам, прежде всего распределению ресурсов. ГКО добивался развития важнейших отраслей промышленности, увеличения добычи топлива и производства электроэнергии, быстрого восстановления освобожденных районов и т. п.[7] В частности, были приняты постановления № 4880 от 3 января о восстановлении энергетики в Киеве, № 5509 от 29 марта «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.», № 6213 от 18 июля о восстановлении угольной промышленности Донбасса.

Ряд постановлений был посвящен перевооружению, иным организационным и финансовым вопросам обеспечения Красной армии. В частности, на основании постановления № 5508 от 29 марта была улучшена организация ПВО. 9 августа вышло постановление № 6351 об увеличении числа воздушно-десантных дивизий и сведении их в три воздушно-десантных корпуса. На основании постановления № 4945 от 13 января 1944 г. был упразднен Центральный штаб партизанского движения, а руководство последним передано республиканским ЦК, обкомам компартии и существующим при них региональным штабам[8].

Особое внимание уделялось обеспечению фронтов вооружением, военной техникой и другими материальными средствами. По свидетельству начальника Главного артиллерийского управления Красной армии маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, благодаря деятельности ГКО армейские заявки на вооружение и боеприпасы промышленностью выполнялись быстро и в полном объеме[9].

Одним из важных направлений деятельности ГКО по мере освобождения родной земли и вступления Красной армии на территорию сопредельных государств с целью их освобождения от немецко-фашистских захватчиков были оказание материальной и финансовой помощи странам Восточной Европы и определение порядка действий советских войск за пределами страны.

В целом особенностями деятельности ГКО в 1944 г. являлись: усиление интенсивности и оперативности работы, увеличение удельного веса вопросов, связанных с восстановлением освобожденных районов СССР, пребыванием советских войск за границей, внешней политикой. Новыми направлениями деятельности ГКО также стали: налаживание системы государственного управления в освобожденных областях и районах, охрана тыла советских войск и коммуникаций, депортация ряда народов Северного Кавказа и Крыма и т. д.

Несмотря на чрезвычайные полномочия ГКО, коммунистическая партия продолжала сохранять центральное положение в политической системе Советского Союза. Ее представители занимались прежде всего мобилизацией усилий воинов действующей армии на разгром врага, а тружеников тыла — на бесперебойное обеспечение вооруженных сил и восстановление промышленности в освобождаемых районах. Местные комитеты ВКП(б) продолжали руководить всеми сферами общественной жизни[10], они направляли работу советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и иных организаций.

27 января 1944 г. состоялся единственный за время войны пленум ЦК ВКП(б). Он одобрил предложения СНК о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних отношений и постановил вынести эти вопросы на рассмотрение десятой сессии Верховного Совета СССР, определил порядок ее работы, а также одобрил введение нового государственного гимна. Приоритетные вопросы жизнедеятельности Советского государства и общества в условиях военного времени на пленуме не рассматривались.

Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б), принимавшие решения от имени ЦК, в 1944 г. работали более активно, чем в предыдущие годы войны. С относительной регулярностью проводились их заседания, на которых обсуждались различные вопросы пропаганды и агитации, кадровые и другие проблемы[11]. Работавшее на правах отдела ЦК Главное политуправление Красной армии и подчиненные ему политорганы воинских соединений и частей вели пропагандистско-воспитательную работу, поддерживали воинскую дисциплину, изучали настроения военнослужащих, руководили армейскими партийными и комсомольскими организациями, армейской печатью, занимались пропагандой среди вражеских войск, заботились об улучшении быта красноармейцев, содействовали трудоустройству семей фронтовиков и вели среди них пропагандистско-воспитательную работу[12].

Постепенно оживлялась организационно-партийная работа в стране, чаще стали созываться пленумы, заседания бюро, партийные активы. В первой половине года прошли пленумы ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, собрания партийных активов, сыгравшие существенную роль в мобилизации коммунистов и беспартийных на выполнение народно-хозяйственного плана 1944 г.

Ряды партии в 1944 г. продолжали расти: в ее члены было принято свыше 1,1 млн, в кандидаты — свыше 1,3 млн человек[13]. Происходило быстрое обновление руководящих партийных кадров. Для повышения их уровня в 1944 г. при ЦК компартий союзных республик, крайкомах и обкомах были созданы партийные школы с годичным сроком обучения, предназначенные для подготовки и переподготовки заведующих отделами и инструкторов горкомов и обкомов. При партийных школах работали краткосрочные курсы пропагандистов, журналистов, секретарей первичных парторганизаций, различные семинары[14], создавались комсомольские отделения[15], для сельских коммунистов учреждались вечерние районные партшколы и политшколы с пятимесячным сроком обучения. К концу 1944 г. действовало около 5 тыс. вечерних партшкол и более 20 тыс. политшкол[16].

Высшим законодательным органом страны, правда во многом формально, являлся Верховный Совет СССР. 28 января — 1 февраля 1944 г. состоялась десятая сессия Верховного Совета СССР первого созыва, наиболее продолжительная за все время войны. На сессии обсуждался бюджет страны на 1944 г., были приняты поправки к Конституции СССР 1936 г., касавшиеся преобразования наркоматов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские, создания войсковых формирований союзных республик, их права вести переговоры с иностранными государствами, заключать с ними соглашения, обмениваться консульскими и дипломатическими представителями[17]. Это неординарное решение было обусловлено не только огромным вкладом Украины и Белоруссии в дело разгрома врага, но и стремлением усилить внешнеполитический потенциал Советского Союза за счет этих республик в послевоенном устройстве мира.

На основании принятых поправок Украинская и Белорусская ССР впоследствии стали членами Организации Объединенных Наций. Вместе с тем о реальной внешнеполитической деятельности этих республик, даже в ограниченном объеме, речь не шла. Самостоятельные войсковые формирования республик так и не были созданы, существовавшие с 1941 г. национальные воинские части и соединения оставались неотъемлемой частью Красной армии[18].

В целом Верховный Совет СССР в 1944 г., как и в предшествовавшие годы войны, активной законотворческой деятельностью, кроме внесения поправок в Конституцию, не занимался. Приоритет в издании законодательных актов оставался за Государственным Комитетом Обороны. По отдельным вопросам издавались указы Президиума Верховного Совета СССР, при этом свои полномочия он осуществлял не самостоятельно, а лишь зако-

Государственный Комитет Обороны

Председатель ГКО
И. В. Сталин

Л. П. Берия

Н. А. Булганин

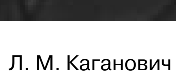

Н. А. Вознесенский

К. Е. Ворошилов

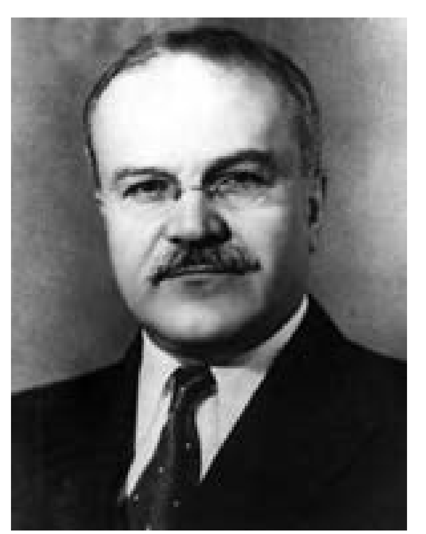
Л. М. Каганович

Г. М. Маленков

А. И. Микоян

В. М. Молотов

нодательно утверждал одобренные предложения высших партийных и правительственных органов. Заседания проводились редко, большинство решений принималось путем опроса его членов. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, не являвшийся членом ГКО, реального влияния на процесс принятия государственных решений не имел.

14 декабря 1944 г. был издан указ Президиума Верховного Совета об очередной отсрочке «в связи с военной обстановкой» выборов в Верховный Совет СССР до декабря 1945 г. и продлении до этого времени полномочий Верховного Совета первого созыва, избранного в декабре 1937 г. на четыре года[19].

Более разносторонней была деятельность местных Советов депутатов трудящихся. Они занимались конкретными вопросами восстановления и развития промышленности и сельского хозяйства, распределения бюджетных средств, материальных и людских ресурсов, проведения призывов, военного обучения населения, жилищно-коммунального хозяйства и другими. Важной задачей Советов являлось налаживание быта тружеников тыла.

Особенностью деятельности местных Советов в этот период являлось то, что их сессии проводились нерегулярно, вследствие чего возросла роль исполкомов и их аппаратов[20]. Практиковалось пополнение исполкомов путем кооптации. Несмотря на то что многие депутаты ушли на фронт, аппарат Советов расширился за счет различных комиссий (по здравоохранению, торговле, общественному питанию, оборонных и бюджетных), в которых работали активисты. Громоздкая структура Советов стала одной из причин того, что многие решения принимались непосредственно руководством комитетов или путем опроса.

Большую организаторскую работу выполнял комсомол, возглавляемый Н. А. Михайловым. В 1944 г. ВЛКСМ осуществлял комсомольские призывы (мобилизации) в особые части и соединения (ВДВ, лыжные батальоны, снайперские школы, гвардейские минометные части, команды для действий в тылу противника и т. п.). Комсомольские активисты привлекались для выполнения ответственных работ в тыловых районах и на освобождаемых территориях[21], занимались военным обучением молодежи.

В марте состоялся XII пленум ЦК ВЛКСМ, принявший постановления об улучшении работы комсомола в школе и о его ближайших задачах в деревне. Основные усилия сельской молодежи сосредоточивались на борьбе за выполнение государственного плана сельскохозяйственных работ, прежде всего за проведение весеннего сева.

Одним из важных направлений работы ЦК ВЛКСМ стали открытие вечерних школ рабочей и сельской молодежи, поддержка производственных инициатив молодежи. Так, молодежная бригада М. Волковой одной из первой начала движение многостаночников в текстильной промышленности. Позже на многостаночную работу перешло 20 тыс. молодежных бригад[22]. В 1944 г. в комсомол вступили около 3 млн человек[23]. В вооруженных силах среди принятых в 1944 г. кандидатов в члены партии комсомольцы составляли половину[24]. В целом комсомол играл важную роль в руководстве советской молодежью, ее привлечении к боевой и трудовой деятельности.

Профсоюзы в 1944 г. занимались повышением трудовой и общественной активности граждан в интересах укрепления военно-экономического потенциала страны. 10–15 марта 1944 г. после долгого перерыва состоялся пленум ВЦСПС, обсудивший вопрос «О работе профсоюзных организаций по дальнейшему развертыванию Всесоюзного социалистического соревнования». Основными задачами соревнования являлись снижение себестоимости продукции, соблюдение режима экономии, повышение рентабельности предприятий и использование производственных резервов. При подведении итогов соревнования должны были учитываться также такие показатели, как удовлетворение культурно-бытовых нужд рабочих и служащих, соблюдение правил охраны труда и техники безопасности. Были также намечены меры по усилению общественного контроля над работой столовых, магазинов, подсобных хозяйств. Председателем ВЦСПС на пленуме был избран В. В. Кузнецов.

В деятельности ВЦСПС, помимо прочего, получили распространение так называемые общественные смотры управления производством, в результате которых сокращался управ-

ленческий персонал путем объединения небольших цехов и бригад. В частности, на Лысьвенском металлургическом заводе профсоюзная организация добилась слияния пяти цехов и укрупнения двадцати бригад, что позволило высвободить инженеров, техников, бригадиров и других работников, а также часть оборудования и производственных площадей[25]. Профсоюзы организовывали обучение рабочих кадров, содействовали решению социально-бытовых вопросов, организовывали шефство над госпиталями, заботились об инвалидах войны и семьях военнослужащих, организовывали военно-спортивную подготовку молодежи[26], а также играли довольно важную роль в повышении эффективности производства.

Продолжалась активная работа оборонных общественных объединений — Осоавиахима, Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца[27]. Организации Красного Креста, организуя уход за ранеными и больными воинами, делали все возможное для их быстрого возвращения в строй. Кроме того, они участвовали в подготовке среднего и младшего медперсонала, в котором благодаря этому фронтовые и тыловые лечебные учреждения не испытывали недостатка. На организации Красного Креста было также возложено обучение гражданского населения по программе «Готов к санитарной обороне» (ГСО). За четыре года войны они подготовили 23 млн значкистов ГСО, из которых создавались санитарные дружины и посты, являвшиеся активными помощниками органов здравоохранения в проведении профилактических мероприятий среди населения. Заслугой Красного Креста является также организация донорства, значение которого в условиях войны трудно переоценить.

Ответственная задача в 1944 г. была поставлена перед Осоавиахимом. 19 февраля ГКО принял постановление, в котором оборонному обществу поручались разминирование освобожденной территории и сбор оставшейся там боевой техники, оружия и боеприпасов. Помимо этого, Осоавиахим продолжал решать свою главную задачу — формирование отделений, взводов, рот, батальонов, являвшихся основной организационной формой воинского обучения и воспитания граждан.

В 1944 г. в стране продолжали действовать различные антифашистские комитеты: советских женщин, советской молодежи, советских ученых и прочие. Их основной задачей являлась пропаганда, направленная за рубеж. В свою очередь, агитационно-пропагандистская работа внутри страны была нацелена на воспитание стойкости, боевого и трудового героизма, ненависти к врагу, укрепление единства советского народа. В сообщениях Совинформбюро, газетных и журнальных статьях показывались успехи Красной армии, приводились примеры фронтовых и трудовых подвигов, разоблачалась германская пропаганда.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) и соответствующие местные комиссии публиковали данные о массовых убийствах советских военнопленных и гражданского населения, издевательствах над ними оккупантов, уничтожении оккупантами памятников культуры, преступных приказах германского командования и т. п. Проводились открытые судебные процессы над пособниками захватчиков и публичные казни виновных в истязаниях и убийствах советских граждан. Важнейшим пропагандистским мероприятием года стало проведенное в июле шествие 57 тыс. пленных немцев по Москве.

В 1944 г. одной из центральных тем советской пропаганды стала идея освободительной миссии Красной армии и необходимости совместной с национальными воинскими формированиями стран Восточной и Центральной Европы борьбы с врагом[28]. В этот период советская пропаганда в очередной раз доказала свою эффективность, обеспечив высокий уровень морально-политического единства советского народа. В преддверии близкой победы система ценностей советского строя разделялась подавляющим большинством населения, и это обеспечивало стойкость и готовность к самопожертвованию на фронте и в тылу, люди были готовы сделать всё от них зависящее ради Победы.

В 1944 г. продолжались пожертвования на строительство военной техники и подписка на государственные займы, а также материальная помощь тружеников тыла фронтовикам. Так, на протяжении года колхозники безвозмездно передали на нужды обороны 113 млн пудов зерна[29]. Жители Полтавской области в первой половине года внесли более 100 млн рублей на

строительство танковой колонны «Вызволена Полтавщина». Значительные средства были собраны на танковые колонны «Колхозник Сумщины», «Звильненна Днепропетровщина», «Молодая гвардия», «Колхозник Николаевщины», «Советская Молдавия», «Советская Якутия», авиаэскадрильи «Освобожденный Донбасс», «Колхозник Донбасса» и другие[30].

В мае 1944 г. был выпущен третий государственный военный заем, принесший почти 29 млрд рублей (при плановой сумме в 25 млрд), для сравнения — второй заем в 1943 г. собрал 20,8 млрд. Одной из причин увеличения финансовых поступлений являлось освобождение западных территорий СССР. В РСФСР и тыловых республиках сумма подписки в 1944 г. несколько уменьшилась[31]. Советские люди продолжали посылать в действующую армию различные подарки, теплую одежду и обувь, сдавать донорскую кровь. Комсомолки ухаживали за ранеными, колхозники собирали для них продовольствие. Только молока для госпиталей было передано 25 млн литров[32]. Инвалиды получали материальную, моральную и бытовую поддержку населения. В частности, в первом полугодии 1944 г. в Челябинской области было собрано около 500 млн рублей на помощь инвалидам войны[33]. Профсоюзные и комсомольские организации, а также отдельные граждане оказывали помощь семьям фронтовиков, собирали для них подарки и т. п.[34]

Предметом пристального внимания руководства страны в этот период продолжала оставаться наука. В феврале состоялось очередное общее собрание Академии наук СССР, посвященное вопросам фундаментальных и прикладных исследований, укрепления экспериментальной базы научных организаций, подготовки кадров. План Академии наук на 1944 г. предусматривал решение 200 крупных научных проблем, вытекавших из основных политических и народно-хозяйственных задач, стоявших перед страной. Важное место занимали проблемы, связанные с восстановлением хозяйства в освобожденных районах, дальнейшим исследованием ресурсов Урала, Казахстана, северо-востока и европейской части СССР. Намечалось углубленное изучение нефтеносности района Второго Баку.

Особое внимание уделялось «прорывным» работам фундаментального характера, имевшим не только важное научное, но и военно-политическое значение. Специальная лаборатория, возглавляемая академиком И. В. Курчатовым, занималась интенсивными исследованиями проблем ядерной энергии. Не прекращались фундаментальные исследования в области реактивно-космической техники, изучения свойств полупроводников и полимеров, кинетики и механики цепных реакций и т. д.

В 1944 г. продолжалось восстановление материально-технической базы советской науки. В марте — июне Академия наук Украины была возвращена в Киев. Осенью в Минск вернулась Академия наук Белоруссии. Со второй половины года началась массовая реэвакуация ленинградских академических учреждений, завершившаяся летом 1945 г.[35]

Несмотря на трудности военного времени, развивалась сеть научных учреждений. Лаборатории превращались в специализированные научно-исследовательские институты, функции прекративших свою деятельность комиссий по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана, Поволжья, Прикамья на нужды обороны перешли к окрепшим научным учреждениям на местах. Расширению научных исследований способствовало открытие в феврале Западно-Сибирского филиала АН СССР, которому было поручено изучение природных ресурсов края. 30 июня 1944 г. последовало постановление СНК СССР «Об учреждении Академии медицинских наук», которая начала работу в декабре того же года.

В 1944 г. значительно больше внимания стало уделяться проблемам высшего и среднего образования в стране. Были приняты меры по устранению неукомплектованности школ учительскими кадрами. Многие школьные здания, занятые ранее войсковыми частями, госпиталями, предприятиями и учреждениями, стали использоваться по назначению.

Из восточных районов было реэвакуировано 146 вузов, в большинстве из которых начались занятия. Многим из них также возвратили здания, занятые под госпиталя и тыловые учреждения. Так, распоряжением ГКО от 9 января 1944 г. Ивановскому энергетическому институту были возвращены учебные и служебные помещения, занятые под эвакогоспиталь.

Формировалась организационная база для подготовки и переподготовки преподавателей, подъема научной работы в области педагогики. На основании постановления СНК СССР в феврале — марте 1944 г. для научной разработки вопросов среднего образования была создана Академия педагогических наук[36]. Ее первым президентом стал нарком просвещения РСФСР академик В. П. Потемкин. В составе АПН был создан Институт школьной гигиены, разработавший нормативы школьного строительства, меры по борьбе с утомляемостью детей и т. п.[37]

Активно велось укрепление кадрового состава вузов. В 1944 г. было принято решение о постепенном возвращении из армии на научно-педагогическую работу ученых и педагогов высшей школы[38], принимались меры по укреплению аспирантуры. Аспиранты освобождались от призыва в армию, в отдельных случаях отзывались из армии или с производства. Число аспирантов достигло 6,9 тыс. человек[39].

Несмотря на трудности, которые испытывала целлюлозно-бумажная промышленность, было издано 200 вузовских учебников общим тиражом около 2 млн экземпляров. Это значительно улучшило положение с учебниками, хотя и не решило проблему полностью. Помимо учебников в большинстве вузов не хватало помещений, письменных принадлежностей, спортивного инвентаря, одежды и обуви. Например, Кировский пединститут к началу 1944/45 учебного года имел 12 комнат на 46 групп и был вынужден проводить занятия с 8 до 24 часов. Студенты писали на старых книгах, газетах, архивных делах. Челябинский пединститут, здание которого было занято военным заводом, в 1943/44 учебном году проводил занятия в три смены до 3 часов ночи[40].

Особое внимание уделялось развитию технических вузов. По сравнению с довоенным периодом число студентов, принятых в 1944 г. в промышленные и строительные вузы, увеличилось на 36%, в вузы транспорта и связи — на 51,5%. В марте 1944 г. были введены конкурсные экзамены при приеме в вузы (с 1942 г. прием осуществлялся в основном без экзаменов)[41]. Утвержденное СНК СССР 13 апреля 1944 г. «Положение о военной и военно-морской подготовке студентов вузов в условиях войны» восстанавливало подготовку офицерских кадров в гражданских вузах (вместо введенного в 1938 г. предварительного обучения будущего рядового и сержантского состава)[42].

Серьезное внимание уделялось научно-исследовательской работе вузов. 18 февраля 1944 г. СНК утвердил «Положение о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений», направленное на ее усиление и всемерное развитие[43].

В области среднего образования в 1944 г. отмечались три тенденции. Во-первых, по мере военных и экономических успехов быстро улучшалась финансовая и материальная база средней школы[44]. В 1944 г. было выпущено 15,5 млн школьных учебников, по решению ГКО педагоги досрочно увольнялись из тыловых воинских частей[45]. На освобожденной территории быстро восстанавливались школьные здания, в тыловых районах продолжалось постепенное возвращение школам строений, занятых различными военными, медицинскими, промышленными и другими учреждениями и предприятиями.

Во-вторых, несмотря на трудности военного времени, принимались меры по охвату школьным образованием всех детей соответствующего возраста. В частности, с начала 1944/45 учебного года началось введенное постановлением СНК обучение детей в школе с семи лет (вместо восьми)[46]. Всеобщее семилетнее образование стало распространяться и в сельской местности[47]. С ноября 1944 г. стали создаваться вечерние школы сельской молодежи (по образцу образованных в 1943 г. школ рабочей молодежи), в которых работавшие в колхозах подростки могли получить начальное и неполное среднее образование[48]. Возобновлялась деятельность заочных школ, прекращенная с началом войны[49]. В том же году было принято решение о создании нахимовских училищ[50], в дополнение к уже действовавшим появились еще шесть суворовских военных училищ: Казанское, Куйбышевское, Горьковское, Саратовское, Тамбовское, Тульское.

В-третьих, активизировалась работа по повышению качества учебного процесса, усилению дисциплины учащихся[51]. Приказом наркома просвещения РСФСР от 25 января 1944 г. было отменено «социалистическое соревнование» в школах (приводившее к завышению

оценок) и запрещено оценивать работу школ и учителей по проценту успеваемости их учеников[52]. Большое внимание уделялось военно-физической подготовке школьников. В 1944 г. продолжалось начавшееся в 1943 г. введение раздельного обучения мальчиков и девочек. Вместе с тем положение школ продолжало оставаться тяжелым: сказывалась острая нехватка помещений, учителей, учебников, письменных принадлежностей и т. д.

Продолжалось (под кураторством НКГБ) восстановление Русской православной церкви. В кадровых, административных, финансовых и иных вопросах Церковь не была самостоятельной. Вместе с тем религиозные организации вносили немалый вклад на алтарь Победы. В 1944 г. они продолжили сбор средств на военные нужды. Так, с 22 июня по 1 июля православные духовенство и верующие только Калининской области собрали 1 млн 187 тыс. рублей[53]. 7 марта 1944 г. Красной армии была передана танковая колонна имени Димитрия Донского в составе 40 танков Т-34, построенных на средства, собранные РПЦ[54]. За лето 1944 г. Среднеазиатское духовное управление мусульман собрало 135 тыс. рублей[55].

14 июня 1944 г. в Москве были вновь открыты церковные учебные заведения — Православный богословский институт и пастырско-богословские курсы[56]. Резко увеличилось число ходатайств об открытии храмов, в 1944 — первой половине 1945 г. их было подано 5770, но открыто было лишь 414, в том числе в 1944 г. — 280[57]. Несмотря на позитивные изменения в статусе Церкви, отношение к ней государства оставалось противоречивым. В сентябре 1944 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) о развертывании научно-просветительской пропаганды антирелигиозной направленности[58], где указывалось, что «пропаганда естественнонаучных знаний приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков», одним из источников распространения которых рассматривалась религия.

Вместе с тем 1 декабря 1944 г. было принято постановление СНК «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», которое запрещало закрывать церкви, открытые при оккупационных властях, и предписывало при необходимости изъятия их для общественных нужд предоставлять верующим иное помещение[59].

Улучшение положения Русской православной церкви вызвало оживление последователей других религий. Государство стало строить отношения с ними по образцу контактов с православной церковью. Совет по делам РПЦ рассматривал вопросы и других конфессий, в частности мусульманской[60]. 19 мая 1944 г. было принято постановление СНК СССР «Об организации Совета по делам религиозных культов». На Совет возлагался надзор над григорианской, старообрядческой, католической, лютеранской церквями, иудейским, буддистским исповеданиями и сектантскими организациями. 19 ноября было издано постановление СНК «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», который в целом соответствовал установленному для православной церкви. В конце года на короткое время была легализована даже греко-католическая (униатская) церковь[61], являвшаяся опорой украинского национализма и поддерживавшая в годы войны врага. Таким образом, в 1944 г. религиозные организации получили возможность легального существования, но под жестким контролем государства.

В 1944 г. продолжилась и достигла наибольшего размаха практика принудительного переселения народов в качестве наказания за поддержку захватчиков[62]. В январе к месту ссылки (Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области, Казахстан) было доставлено 93 тыс. калмыков, депортированных в конце декабря 1943 г.[63] Осенью 1944 г. были демобилизованы и сосланы в Молотовскую область, Ташкент и Новосибирск красноармейцы калмыцкого происхождения[64]. За этим на основании постановления ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г. последовали демобилизация и ссылка красноармейцев карачаевского происхождения.

Самой масштабной стала депортация чеченцев и ингушей в Казахстан (основная часть) и Киргизию (постановления ГКО № 5073 и 5074 от 31 января 1944 г.). Акция была проведена 23–29 февраля 1944 г., переселению подверглись 387 тыс. чеченцев и 91 тыс. ингушей[65]. 7 марта

последовал указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской АССР, некоторые ее районы (в том числе вся Ингушетия) были присоединены к Грузии, Северной Осетии и Дагестану, а большая часть с некоторыми районами Ставропольского края составила Грозненскую область[66].

Депортация не решила вопрос с прекращением действий вооруженных бандформирований на территории Чечни. В июле 1944 г. была проведена чекистско-войсковая операция против остатков чеченских банд, в которой были задействованы значительные силы: шесть полков войск НКВД и подразделений милиции[67].

Переселение коснулось и балкарцев. На основании постановления ГКО № 5309 от 5 марта в Казахстан и Киргизию были депортированы 37 тыс. человек. Часть территории Кабардино-Балкарской АССР была передана Грузии, а оставшаяся переименована в Кабардинскую АССР[68]. 11 мая 1944 г. последовало постановление ГКО № 5859 «О крымских татарах», предусматривавшее их принудительное переселение в Узбекистан по причине массового сотрудничества с немцами. В Крыму действительно был развит коллаборационизм, но немало крымских татар участвовало в партизанском движении. Тем не менее в мае 1944 г. было депортировано практически все крымско-татарское население[69].

Одновременно из Крыма были высланы болгары, армяне и греки, которые также обвинялись в различных формах сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами[70]. 24 июня вышло постановление ГКО № 6100 «О выселении на время войны из Крыма в Узбекскую ССР местных жителей — подданных Турции, Греции и Ирана». Крымская АССР была преобразована в Крымскую область. 31 июля 1944 г. последовало постановление ГКО № 6279 «О переселении в Казахстан, Узбекистан и Киргизию 86 тыс. турок, курдов и хемшилов из приграничной полосы Грузинской ССР». По мнению советского руководства, значительная их часть была «связана с жителями приграничных районов Турции родственными отношениями, занималась контрабандой, проявляла эмиграционное настроение и служила для турецких разведывательных органов источником вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп», на основании этого решения в ноябре того же года в Среднюю Азию были депортированы 92 тыс. человек[71]. Имели место депортации населения западных регионов, хотя и не столь масштабные. Такие меры впоследствии были осуждены высшими органами власти и руководителями государства. В частности, в декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. выселения народов были объявлены «варварскими акциями сталинского режима» и осуждены «как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя».

Летом 1944 г. перед Красной армией встала непосредственная задача по освобождению народов Европы от немецко-фашистского ига. Руководящим документом для советских военнослужащих стала директива Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г., вышедшая в связи с переходом Государственной границы СССР и Румынии. В ней были сформулированы политические цели, во имя которых советские вооруженные силы вели боевые действия против фашистских войск на территории Румынии, определены задачи Красной армии. Директива ГКО предписывала советскому командованию не вмешиваться во внутренние дела Румынии, с уважением относиться к установившимся там порядкам и обычаям, охранять права граждан и их собственность. Аналогичные положения легли в основу директивы ГКО от 27 октября 1944 г., отданной войскам, вступившим в Венгрию.

Остро встал вопрос о развертывании работы среди репатриированных советских граждан. Начиная со второй половины года, когда Красная армия вступила на территорию Польши и стран Юго-Восточной Европы, многие советские люди, насильно оторванные от родных мест, а также часть военнопленных получили возможность вернуться на родину. В октябре советское правительство приняло постановление о помощи репатриированным в их трудовом и жилищно-бытовом устройстве. Тогда же при правительстве СССР было создано Центральное управление по делам репатриации во главе с уполномоченным СНК СССР генерал-полковником Ф. И. Голиковым, призванное содействовать возвращению на родину советских граждан, еще томившихся в лагерях различных стран[72]. Группы представителей

уполномоченного СНК СССР находились во всех европейских странах (за исключением Испании и Португалии), в Египте, Иране и США. Отделы репатриации были учреждены при СНК РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, Литвы и при всех действующих фронтах. При областных, уездных и районных исполкомах, территория которых подвергалась вражеской оккупации, были также созданы отделы репатриации и приемно-распределительные пункты.

Заграничные группы и фронтовые отделы репатриации занимались выявлением, материальным и медико-санитарным обслуживанием, а также перевозкой репатриируемых. В обязанности республиканских отделов репатриации и приемно-распределительных пунктов входило бытовое и трудовое устройство советских граждан, вернувшихся в места своего прежнего жительства.

В целом действовавшая в 1944 г. система высших органов государственного управления, хотя законодательно и не регламентированная, сумела наладить работу по эффективному решению приоритетных задач фронта и тыла. Исключительные трудности войны вынудили Советское государство изыскивать организационные методы и формы работы, нацеленные прежде всего на достижение победы. К мероприятиям, характеризующим изменения отдельных сторон общественно-политической жизни, относились: предоставление военным властям особых полномочий на освобождаемых территориях, отсрочка выборов трудящихся в Советы депутатов и народные суды, ограничение принципа коллегиальности в деятельности органов власти и управления, нерегулярное проведение сессий местных Советов, уменьшение гласности в государственной работе и т. д. По-прежнему действовали ограничения прав и свобод граждан, проявлявшиеся в особом режиме рабочего времени, отмене отпусков, тайны переписки, неприкосновенности жилища, свободы передвижения.

Вместе с тем отход от соблюдения бюрократических формальностей в управлении государством обусловил резкое повышение оперативности в принятии важнейших государственных решений. Сверхцентрализованная административно-командная система управления страной позволила в 1944 г. обеспечить решение новых сложных задач.

Возрождение освобожденных районов

Окончательное изгнание фашистских захватчиков за пределы Советского Союза позволило в полном объеме развернуть восстановительные работы на всей территории, находившейся под оккупацией. Фронт работ был огромным. Оккупационный режим в различные периоды войны был установлен на территории свыше 2 млн кв. км, на которой до войны проживало около 85 млн человек. Освобожденные и затронутые войной (эвакуацией и разрушениями) районы в довоенное время давали 55% всей валовой продукции СССР. Враг, применяя при отходе тактику выжженной земли, оставил после себя руины и запустение.

Центральным звеном процесса восстановления являлось создание и укрепление на местах партийного и государственного аппарата, общественных организаций трудящихся, расстановки опытных, компетентных кадров на ведущих участках работы.

Эта задача решалась заблаговременно. Для формирования резерва руководящих кадров еще до освобождения от врага оккупированной советской территории решением Центрального комитета ВКП(б) в местных партийных организациях создавались трех- и шестимесячные курсы по подготовке партийных, комсомольских и советских работников для освобожденных районов. Из них формировались оперативные партийно-советские группы, направлявшиеся затем в распоряжение военных советов фронтов и армий. По мере освобождения территории они становились ядром вновь образуемых партийных, советских и хозяйственных органов. Сосредоточение необходимого числа руководящих работников в прифронтовой полосе позволило еще до освобождения областей утвердить руководящий состав работников в

Винницкой, Волынской, Дрогобычской, Львовской, Тернопольской и других прифронтовых областях[73]. В него, как правило, входили партийные и советские работники, которые не были призваны в армию по состоянию здоровья, партизаны, вышедшие из тыла врага или из расформированных партизанских отрядов, соединившихся с частями Красной армии. В некоторых освобожденных районах партийные организации возглавили те же райкомы, которые действовали в подполье на оккупированной территории.

Формирование бюро партийных органов в освобожденных районах шло путем назначения членов бюро. Это было вынужденной мерой из-за отсутствия возможности созыва партийных конференций.

В отдельных случаях функции местных органов власти временно брали на себя армейские структуры. При отсутствии подготовленного кадрового резерва на освобожденной территории обязанность немедленно после освобождения населенных пунктов назначать временных уполномоченных органов советской власти из местного населения возлагалась на политорганы наступающих частей. Отобранные и прошедшие соответствующую проверку кандидатуры представлялись жителям населенного пункта на собраниях[74].

Несмотря на принятые меры, при решении кадровых вопросов пришлось столкнуться с большими трудностями, обусловленными прежде всего недостатком руководящих работников. Значительная часть местного партийного и советского аппарата Украинской, Белорусской ССР, Прибалтийских республик, а также ряда областей РСФСР ушла на фронт, немало осталось для подпольной работы в тылу врага и организации партизанских отрядов — многие из них были замучены в застенках гестапо, героически погибли в боях, пропали без вести. Как следствие, к моменту освобождения советских областей и республик советские и партийные органы были малочисленными. Значительная часть советских и партийных работников, пришедших в годы войны на смену выбывшим кадрам, не обладала достаточным опытом организационной работы и необходимым кругозором. Так, в Курске из требуемых четырех первых секретарей райкомов партии имелись только два — в Ленинском и Кировском районах города, а в Сталинском РК ВКП(б) не было не только первого, но и второго секретаря[75]. В ряде случаев сделанный выбор был неудачным, люди оказывались не способными к решению масштабных восстановительных задач.

Особой остротой отличалась кадровая проблема в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтийских республиках, где в силу их кратковременного пребывания в составе СССР трудно было заранее сформировать кадровый резерв. Ситуация усугублялась тем, что после изгнания гитлеровских захватчиков здесь активизировалось заранее созданное вооруженное подполье, бандгруппы украинских, белорусских, литовских, латвийских и эстонских националистов. Главной их целью являлся срыв восстановления советского государственного и общественного строя в соответствующих республиках. Распространенным явлением стали террористические акты против советских и партийных работников, местных активистов, запугивание мирных жителей, поддерживавших советскую власть. Имея в своем распоряжении немалый арсенал оружия и боеприпасов, националисты долгое время держали в напряжении Ровенскую, Волынскую, Тернопольскую и другие области Украинской ССР, Прибалтийские республики, прежде всего Литовскую ССР.

В начале марта 1944 г., после того как оуновской бандгруппой был смертельно ранен командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин, в Ровенскую и Волынскую области были направлении четыре бригады внутренних войск НКВД в дополнение к войскам по охране тыла с целью разгрома вражеского подполья. Сюда же для укрепления командного состава органов НКВД — НКГБ и Смерша направлялись оперативники, имевшие опыт работы в районах западных областей Украины и в Прибалтике[76]. С начала марта 1944 г. начались активные боевые действия по ликвидации бандформирований. Принятые меры существенно изменили общую обстановку и настроение местного населения. К середине октября 1944 г. большинство оуновских банд удалось ликвидировать.

Что касается антисоветского подполья в Прибалтийских республиках, то здесь вооруженная борьба приняла затяжной характер. Так, в Литве только за период с декабря 1944 г.

по январь 1945 г. была проведена 841 войсковая операция, в результате: убиты — 27 923, захвачены в плен — 4177, сдались Красной армии — 161, задержаны войсковыми нарядами — 777, явились добровольно в советские комендатуры — 702 человека. Было изъято большое количество оружия, боеприпасов и нелегальной литературы[77]. Действия вооруженного подполья не ограничивались только Литвой, сложная ситуация сохранялась и в других Прибалтийских республиках[78].

Не менее важной задачей для восстановления мирной жизни в освобожденных районах являлась борьба против законспирированной агентурной сети, оставленной гитлеровцами для ведения шпионско-диверсионной деятельности. Успеху в борьбе против различных форм политического бандитизма и вражеской агентуры способствовал системный подход к ее организации: действия Красной армии, милиции и органов госбезопасности сочетались с умело организованной пропагандой и реальными социальными преобразованиями. Свою роль сыграла высылка неблагонадежных лиц, которые могли стать социальной опорой националистов. Так, в Литве уже в августе 1944 г. началась конфискация «помещичьих и кулацких земель», арестам подвергался так называемый антисоветский элемент[79].

Для оказания повседневной помощи партийным органам Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской республик в подготовке местных национальных кадров, в укреплении партийных и советских организаций и повышении их политической активности ЦК ВКП(б) решением от 11 ноября 1944 г. образовал в этих республиках Бюро ЦК ВКП(б). В конце 1944 — начале 1945 г. на пленумах центральных комитетов коммунистических партий Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии были рассмотрены задачи по ликвидации последствий фашистской оккупации.

Значительными трудностями в силу недостатка опытных кадров сопровождалось формирование исполнительных комитетов Советов, которые, как и партийные органы, воссоздавались в первые же дни освобождения советской территории. Исполкомы вышестоящих Советов получили право без проведения дополнительных выборов, путем кооптации пополнять состав исполкомов нижестоящих Советов на освобожденной территории. По существу, практика выборов Советов была заменена системой назначений. Централизация государственного управления, повышение роли исполнительно-распорядительных узкоколлегиальных советских органов были в известной степени оправданны, так как обусловливались сложной обстановкой восстановительного периода.

В прифронтовых областях число кооптированных в различных звеньях Советов в конце 1944 г. составляло 75–80%[80]. Исполкомы, в свою очередь, подбирали и назначали председателей и секретарей местных Советов, руководителей промышленных предприятий, директоров МТС и совхозов и других должностных лиц.

Деятельность Советов была многоплановой и напряженной. Их исполкомы участвовали в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами, управлении промышленностью и сельским хозяйством, занимались реэвакуацией различных предприятий и учреждений, вели большую агитационно-пропагандистскую работу, заботились о семьях фронтовиков, принимали участие в проведении призыва новобранцев, организовывали сбор пожертвований в пользу армии и освобожденных районов, заботились об инвалидах войны и беспризорных детях.

Практически одновременно с советскими и партийными органами шло восстановление хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций. Профсоюзы воссоздавались или организовывались на фабриках, заводах и стройках, в шахтах и на рудниках, в МТС и совхозах, на транспорте, в учреждениях, школах и вузах. Они принимали активное участие в организации социалистического соревнования, вели массово-политическую работу среди населения, осуществляли контроль над организацией общественного питания, торговли, организовывали отдых детей.

Возрожденные комсомольские организации, проведя перерегистрацию комсомольцев, оказавшихся на оккупированных территориях (по итогам которой около 90% были восстановлены в комсомоле), включились в решение народно-хозяйственных и социально-бытовых задач.

Восстановительные работы на Днепрогэсе

Постепенно были восстановлены органы юстиции, судебные органы, прокуратура, адвокатура, что позволило упорядочить жизнь на освобожденных территориях.

Значительный вклад в восстановление освобожденных территорий внесли различные общественные организации. 19 февраля 1944 г. постановлением ГКО, о чем уже говорилось выше, Осоавиахиму было поручено сплошное разминирование освобожденной территории, сбор оставшейся на полях сражений боевой техники, оружия и боеприпасов. Для выполнения этого задания в Центральном совете Осоавиахима был учрежден отдел по разминированию и сбору военного имущества. В каждом районе создавались специальные команды, обученные искусству разминирования. Минеры Осоавиахима и те, кто собирал вооружение и эвакуировал разбитую технику, проделали большую самоотверженную работу. Вооруженные щупами и миноискателями, они проверяли каждый метр земли, извлекали из нее неразорвавшиеся снаряды и мины, угрожавшие жизни людей.

В свою очередь, Красный Крест после изгнания фашистских захватчиков развернул противоэпидемическую работу в освобожденных районах. Противоэпидемические отряды обследовали дворы, подвергали санитарной обработке население, в случае необходимости оказывали гражданам медицинскую помощь и госпитализировали, кроме того, занимались ремонтом колодцев и постройкой бань. Это позволило избежать распространения инфекционных болезней, которые в буквальном смысле могли выкосить ослабленных людей, переживших оккупацию.

Налаживание работы местных органов власти предполагало оказание помощи освобожденным областям и районам не только кадрами, но и крупными финансовыми и материальными средствами, а также организационными мерами. В 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) было принято совместное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», а ответственность за организацию этих работ возлагалась на соответствующий Комитет при СНК СССР. В свою очередь, Комитет по делам архитектуры координировал деятельность архитектурных организаций и учреждений и утверждал проекты застройки городов и населенных пунктов городского типа. В Госплане СССР начало функционировать управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, планировавшее ход этих работ.

Масштабы и размах восстановительных работ, в соответствии с народно-хозяйственным планом на 1944 г., значительно увеличивались. Государственным бюджетом на возрождение хозяйства и культурных учреждений, разрушенных фашистскими варварами, предусматривалось выделить капитальных вложений примерно в 3,5 раза больше, чем в предыдущем году. Самоотверженным трудом на освобожденной территории СССР было восстановлено 16 домен, 61 мартен, 28 прокатных стана и 53 коксовые батареи. 8 тыс. предприятий (мастерских, артелей и заводов) было восстановлено в Белоруссии, 183 — в Латвии, свыше 100 — в Литве[81].

Первоочередной задачей местных органов власти являлось восстановление разрушенного врагом народного хозяйства, что предполагало решение ряда неотложных, огромных по своей значимости и объему задач. Освобожденные районы были обескровлены и разорены, повсеместно ощущалась нехватка рабочей силы, а также электроэнергии, топлива, металла и прочего, население испытывало значительные трудности с жильем, питанием, одеждой. Вместе с тем основной задачей восстанавливаемых промышленных объектов являлось производство продукции, необходимой прежде всего для удовлетворения военных нужд[82].

С целью сосредоточения сил и материальных ресурсов на решении наиболее важных задач ГКО установил очередность восстановления освобожденных районов. Благодаря согласованной деятельности центральных и местных органов власти и управления были установлены наиболее рациональная очередность и оптимальные сроки проведения восстановительных работ. Они обеспечивались специалистами, рабочими, а также необходимыми материально-техническими средствами.

Комитеты по восстановлению хозяйства в местностях, освобожденных от немецкой оккупации, действовали во всех областях и районах. По указанию центральных органов власти тыловые области и районы устанавливали шефство над освобожденными территориями.

Важнейшей политической и военно-хозяйственной задачей этого периода являлось возрождение Донбасса, в первую очередь угольной промышленности. Без этого невозможно было восстановление черной металлургии, всей промышленности, железнодорожного транспорта и электростанций на юге страны. Фашисты причинили республике огромные разрушения. В Донбассе они вывели из строя 882 шахты с годовой производительностью 115 млн тонн угля, окружавшие их поверхностные сооружения, когда-то цветущие горняцкие поселки превратились в груды пепла и камня.

Восстанавливала Донбасс вся страна, что позволило превысить темпы работ в 7–8 раз по сравнению с аналогичными работами после окончания Гражданской войны. Шефская помощь пострадавшим районам Украины было начата еще в 1943 г. по инициативе трудящихся Сибири и Поволжья. Из Кемеровской области к концу марта было направлено в Донбасс более 200 вагонов с оборудованием и инструментами.

Размаху восстановительных работ в Донбассе во многом способствовало шефство ВЛКСМ над его угольной промышленностью. К 1 мая со всех концов страны в бассейн прибыли десятки тысяч молодых патриотов. Многие шахты получили наименование комсомольских. Молодежь активно восстанавливала общежития, культурно-бытовые учреждения. В промышленных областях организации ВЛКСМ помогали осуществлять контроль над реализацией указания ГКО об отправке в Донецкий угольный бассейн неиспользуемого наркоматами оборудования.

В июле 1944 г. ГКО принял постановление «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углем черной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности юга». В нем ГКО подвел итоги первых месяцев возрождения Донбасса, наметил программу дальнейших работ по увеличению добычи угля.

Наряду с угольной промышленностью развернулись работы и в остальных ведущих отраслях промышленности Украины, а также других освобожденных территорий. Большие силы и средства направлялись на возрождение угольной промышленности и предприятий черной металлургии Криворожского железорудного бассейна. Для Украины в 1944 г. это была вторая по значимости, после восстановления Донбасса, задача.

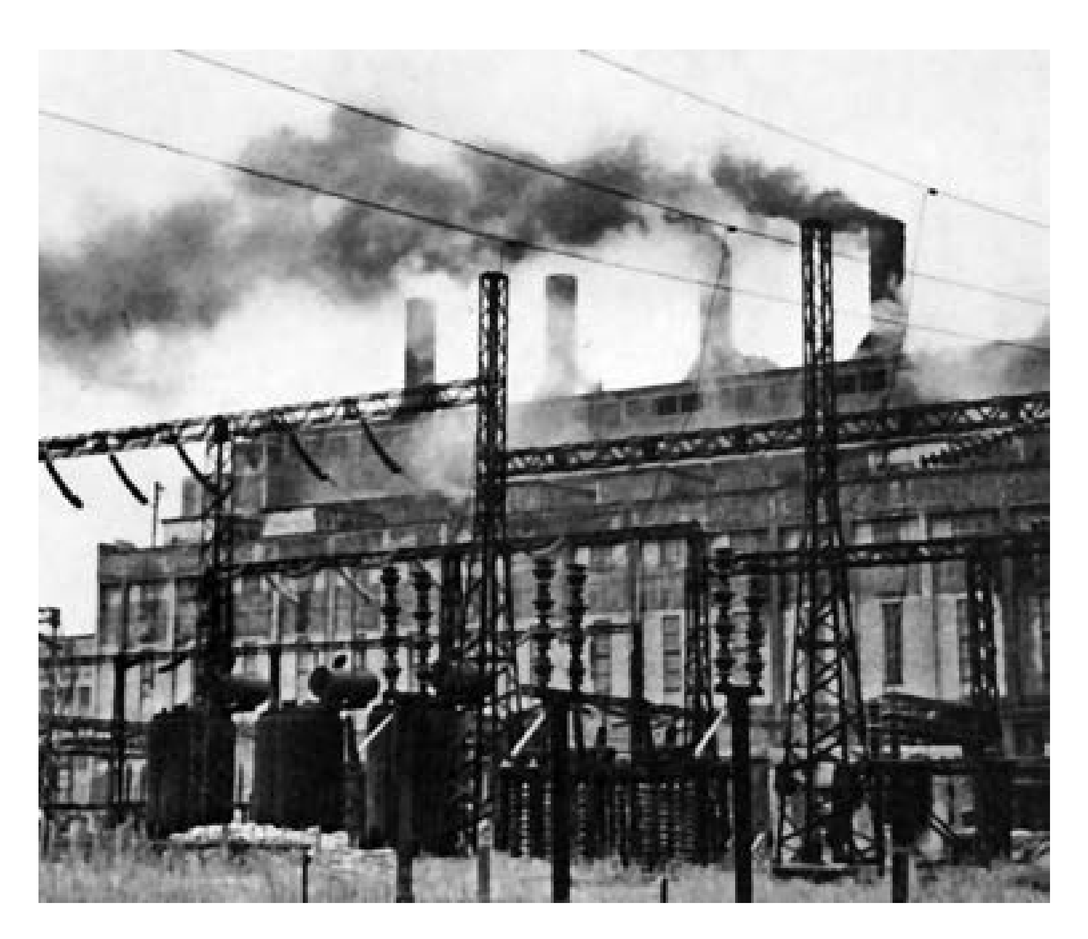
В Криворожье из 77 действовавших до войны рудников оккупанты взорвали 54. В Никопольском марганцевом бассейне были выведены из строя все рудники, обогатительные фабрики, а также внутризаводской транспорт. Из 26 металлургических и 25 коксохимических заводов ни один не сохранился полностью. Было уничтожено или частично повреждено 47 доменных и 117 мартеновских печей, 135 прокатных станов[83].

На шахты Криворожья по решению ГКО были возвращены работавшие там ранее строители. К концу года на освобожденной территории были введены в действие: угольные шахты годовой мощностью 29,2 млн тонн добычи угля, 11 доменных печей, 43 мартеновские печи, 22 прокатных стана и многое другое. Большую роль в восстановительных работах металлургических предприятий сыграло постановление ГКО от 27 января «О неотложных мерах по обеспечению восстановления предприятий Наркомчермета в Донбассе в I квартале 1944 г.». Были приняты постановления по отдельным наиболее крупным предприятиям. Постепенно оживали такие гиганты, как «Запорожсталь», «Азовсталь», Макеевский завод имени С. М. Кирова, а также Енакиевский и Донецкий заводы. Осуществлялось быстрое введение в строй полных производственных циклов.

В мае ГКО разработал мероприятия по вводу в строй машиностроительных заводов и ремонтных цехов предприятий Наркомчермета на юге как базы для обеспечения запасными частями и сменным оборудованием предприятий черной металлургии. Быстрым ходом шли работы по возрождению машиностроительных заводов Ростова и Сталинграда. В июне Сталинградский тракторный завод выпустил первый после восстановления трактор СТЗ-3.

На Сталинградском тракторном заводе начат серийный выпуск тракторов

Зуевская электростанция, восстановленная в короткий срок

К концу года стало возможным совмещать восстановление промышленности таких крупных городов, как Ростов, Сталинград, Харьков, Ворошиловград, Ленинград, с возрождением экономических районов северо-запада, центра и юга страны. С полной ликвидацией блокады широко развернулись восстановительные работы в Ленинграде и в области, которым враг нанес колоссальный ущерб. В городе оставалось только 20% довоенной численности населения. Было эвакуировано и частично погибло 75% оборудования промышленности, в оккупированных районах враг уничтожил все промышленные предприятия, полностью или частично разрушил 16 городов и более 2 тыс. населенных пунктов[84]. Чтобы возродить индустрию Ленинграда и области, предстояло провести колоссальный объем работ. 29 марта ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.». Намечалось восстановить город как крупнейший индустриальный центр страны с сохранением присущих ему традиционных профилей промышленного развития: малой металлургии, турбостроения, электроэнергетики, станкостроения, приборостроения, промышленности строительных материалов[85]. В апреле группа рабочих Кировского завода обратилась с призывом трудиться сверхурочно. Жители города, прежде всего Выборгского, Октябрьского и Приморского районов, показали пример восстановления разрушенных жилых домов собственными силами, массовые субботники и воскресники стали обычным делом.

Одновременно с промышленностью постепенно восстанавливались транспорт и связь, учреждения здравоохранения, коммунального хозяйства, жилищного фонда. В январе 1944 г. ГКО принял постановления «О восстановлении паровозоремонтных, вагоноремонтных и машиностроительных заводов НКПС на территории, освобожденной от противника» и «О мерах помощи по восстановлению нефтебаз в освобожденных районах УССР в 1944 году». Восстановление транспорта имело большое значение для возрождения всей экономики освобожденных районов, укрепления связи фронта с тылом страны и обеспечения успешного наступления Красной армии. Основные восстановительные работы осуществляли железнодорожные войска и спецформирования НКПС, которые продвигались вслед за наступавшими войсками. Всего с начала восстановительных работ до июля 1944 г. на освобожденной территории СССР было введено в эксплуатацию свыше 35 тыс. км главных железнодорожных линий, более 2,5 тыс. станций и разъездов, более 5,5 тыс. мостов и труб, сотни паровозных и вагонных депо и т. д.[86]

Большие трудности сопровождали возрождение сельского хозяйства. Оккупанты нанесли огромный ущерб колхозному земледелию и животноводству. Посевные площади зерновых культур составили в 1944 г. лишь 70,6 млн га против 110,5 млн га в 1940 г. Почти в два раза сократились посевы пшеницы[87]. Еще большие потери понесло общественное животноводство: на Левобережной Украине поголовье лошадей по сравнению с 1941 г. уменьшилось в 11 раз, а свиноводство как отрасль было почти уничтожено. Лежали в руинах девять крупнейших предприятий, выпускавших сельхозмашины и дававших до войны 76% продукции этой отрасли. Сельское хозяйство нуждалось в технике и запасных частях к ней, не хватало горюче-смазочных материалов, минеральных удобрений, недоставало посевного материала. Остро ощущалась нехватка тягловой силы. Поля, которые нередко приходилось разминировать, пришли в запустение, заросли сорняками. В связи с мобилизацией в армию, а также в промышленность, строительство и на транспорт общая численность сельского трудоспособного населения в 1944 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилась на 13,9 млн человек, то есть более чем на одну треть[88]. Людям, работавшим с двойной и даже тройной нагрузкой, приходилось преодолевать неимоверные трудности, достоверно отраженные в известном фильме «Председатель».

18 февраля ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства». В середине марта был опубликован утвержденный ЦК ВКП(б) и СНК СССР план развития сельского хозяйства на 1944 г., где указывалось, что проведение сева и сбор урожая являются важнейшими военно-хозяйственными задачами центральных и местных

органов власти, всего народа. На нужды сельского хозяйства, в основном на оснащение МТС и совхозов, выделялось средств почти в полтора раза больше, чем в предыдущем году. Результаты не замедлили сказаться: к концу 1944 г. на очищенной от врага территории Украины было восстановлено 27 340 колхозов, 1270 МТС, 788 совхозов, а на территории Белорусской ССР — 9608 колхозов, 316 МТС, 87 совхозов.

Составной частью восстановительного процесса являлась реэвакуация — возвращение вывезенного оборудования предприятий, имущества колхозов, совхозов, МТС, учреждений, а также населения. Чтобы вдохнуть новую жизнь в сельскохозяйственное производство, из тыловых областей в районы, подвергшиеся оккупации, завозились сотни тысяч голов скота, тысячи тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. «Около 175 000 животных, — писала в октябре «Правда Украины», — прибыло уже к месту назначения. Почти весь этот скот приобретен на льготных условиях в колхозах и совхозах РСФСР, Казахстана, Азербайджана, Грузии и других братских республик. Возвращается много скота в порядке реэвакуации»[89].

В феврале рабочие и инженерно-технический персонал предприятий Украины выступили инициаторами движения за оказание помощи МТС в подготовке механизаторских кадров. В проведение сельскохозяйственных работ активно включались городское население, молодежь. К лету в колхозах республики было создано 7 тыс. молодежных звеньев высокого урожая и 1200 молодежных тракторных бригад.

В целом в первой половине 1944 г. в освобожденных районах было восстановлено 575 МТС, 969 МТМ и девять ремонтных заводов, капитально отремонтировано и вновь построено в сельской местности более 266 тыс. домов, куда переселилось из землянок свыше 1153 тыс. человек[90]. В Ставропольском и Краснодарском краях к началу весеннего сева были восстановлены совхозы, все колхозы и МТС, налаживалась водохозяйственная система.

Весной 1944 г. вышли постановления СНК СССР «Об оказании помощи Ленинградской области в восстановлении колхозов и МТС в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и «О восстановлении совхозов в Ленинградской области». Благодаря самоотверженному труду колхозников, помощи из районов, не подвергавшихся оккупации, в короткое время из руин было поднято более трех тысяч колхозов.

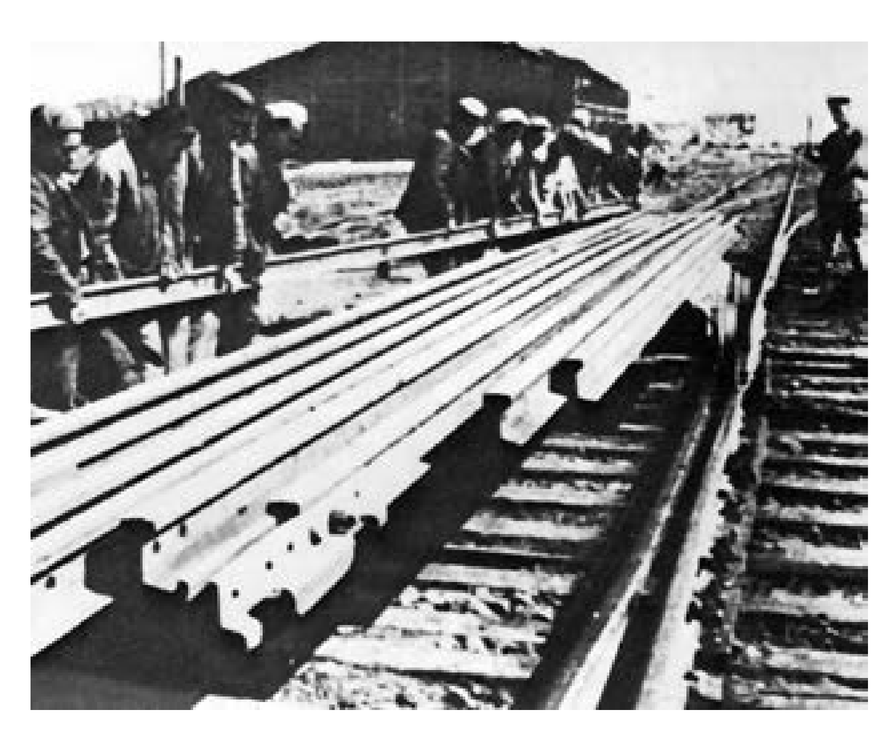
Все это давало основания полагать, что 1944 г. станет переломным для сельского хозяйства военного времени. Весенние полевые работы были проведены более организованно, чем в предыдущем году. Всенародная забота благотворно сказалась на подъеме сельского хозяйства в освобожденных районах. Весной там было засеяно 16,9 млн га[91], а всего в 1944 г. посевы колхозов этих районов составили почти 59% по сравнению с 1940 г. Однако еще много земли оставалось необработанной, недоставало рабочих рук, тягловой силы, семян для посева.

Особое значение, в том числе по политическим соображениям, придавалось помощи, которая оказывалась крестьянам западных областей Украины и Белоруссии, а также Молдавии и Прибалтийских республик. В период оккупации крестьянство этих районов лишилось значительной части рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и земли, полученной в 1939–1940 гг. С освобождением этих областей и республик было восстановлено право крестьян на землю, их снабдили необходимым хозяйственным инвентарем и рабочим скотом. Возвращение земли крестьянам, повседневное внимание к нуждам населения западных областей Украины и Белоруссии стало лучшей агитацией за советскую власть.

Исключительное значение в этот период придавалось пропагандистской и культурно-просветительной работе среди населения освобожденных районов, целью которой являлись пропаганда советского образа жизни, устранение морально-политических последствий оккупации. ЦК ВКП(б) в постановлениях «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» (9 августа) и «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» (27 сентября)[92] предложил широко разъяснять жителям освобожденных районов мероприятия по восстановлению советских порядков. Предписывалось решительно разоблачать «буржуазно-националистическую пропаганду», на конкретных примерах пока-

Школа восстановлена еще не полностью, но дети уже приступили к учебе. г. Сталинград

Восстановление железнодорожного полотна в Белоруссии

зывать населению, что украинские, белорусские и другие националисты принимали активное участие в злодеяниях, творимых немецко-фашистскими захватчиками. Особое значение придавалось работе среди интеллигенции западных областей, привлечению ее к участию в политической и культурной жизни городов и деревень в интересах советского строя.

Значительную роль как в восстановлении местных партийных и советских органов, так и в возрождении разрушенной экономики сыграла Красная армия. Политуправления всех фронтов в помощь местным органам власти выделили на длительное время агитаторов и пропагандистов. Оказывалась и непосредственная помощь. К примеру, Военный совет 1-го Украинского фронта 27 марта 1944 г. принял специальное постановление «Об оказании помощи населению в проведении весеннего сева», которым определил конкретные формы участия военнослужащих в весенних полевых работах.

Командование Украинских фронтов выделило для народного хозяйства республики несколько тысяч грузовых автомашин. Восстанавливаемым предприятиям оказывалась помощь механизмами, горючим, транспортом. К хозяйственным работам привлекались воинские части и подразделения резерва, квалифицированные специалисты, находившиеся на военной службе. Воинские части 1-го Украинского фронта вспахали и засеяли свыше 50 тыс. га, оказали помощь в восстановлении жилых домов, школ, больниц. Военнослужащие создавали денежные фонды возрождения народного хозяйства и культуры.

Без преувеличения вся страна приняла участие в возрождении освобожденных районов. Помощь пострадавшим от фашистской оккупации областям, краям и республикам включала: направление квалифицированных кадров, выделение из государственных фондов строительных материалов, промышленного оборудования, тракторов, семян, продовольствия, предметов культурно-просветительного значения, а также домашнего обихода, организацию шефства над отдельными предприятиями и индивидуальными центрами, предоставление долгосрочных кредитов и т. д. Так, Узбекистан отправил для харьковчан 4 тыс. центнеров зерна, около 3 тыс. центнеров фруктов и овощей, много скота и продовольственных продуктов.

Одновременно с восстановительными работами проводились сбор расхищенного государственного и общественного имущества, санитарные и противоэпидемические мероприятия и прочее. Местным органам власти необходимо было также организовать массовую реэвакуацию из восточных областей людей, оборудования, инвентаря, не ослабляя созданную там за годы войны индустриально-промышленную базу, а также вести восстановительные работы с использованием новейших научно-технических достижений.

Активно работали чрезвычайные комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям.

Значительную роль в восстановительном процессе сыграла Русская православная церковь, благодаря возросшей за годы войны религиозности населения, пережившего немецкую оккупацию. Достоянием гласности стали факты патриотических поступков духовенства и верующих на оккупированных территориях, где многие православные священнослужители и миряне являлись связными, соратниками, помощниками партизанских отрядов и групп подпольщиков, а сотни священнослужителей за свою патриотическую деятельность подвергались арестам, тюремным заключениям, истязаниям, были расстреляны или заживо сожжены. Ряд священнослужителей был представлен к государственным наградам.

Делалось всё возможное в тех тяжелых условиях для улучшения условий жизни населения, перенесшего ужасы фашистской оккупации. В республиках, пострадавших от войны, были созданы новые республиканские наркоматы по жилищно-гражданскому строительству. В 1944 г. на освобожденной территории восстановили, построили и сдали в эксплуатацию жилых домов общей площадью 10,5 млн квадратных метров, или 67% всей площади, введенной за год в стране.

По мере нормализации жизни в освобожденных районах, восстановления народного хозяйства возрождалась система народного образования и культуры. Крупные средства вкладывались в восстановление и новое строительство жилищ, школ, больниц, детских домов,

детских садов. Почти полностью была восстановлена сеть школ в Молдавской, Эстонской и Литовской ССР. В постоянных детских садах и детских домах в освобожденных районах к концу 1944 г. находилось более 350 тыс. детей.

Продолжалось восстановление нормальной работы системы высшего образования с учетом особенностей военного времени, возвращение на прежние места вузов, эвакуированных в восточные районы страны. В частности, с сентября 1944 г. возобновил работу Ленинградский университет. На Украине к началу года действовало 39 вузов, а в конце — уже 113[93]. Возобновилась работа вузов в Белоруссии и Прибалтике. Восстановление обычно проводилось силами преподавателей и студентов. В 1944/45 учебном году студенты вузов и техникумов Эстонии, Латвии, Литвы и западных областей Украины были освобождены от платы за обучение. С декабря 1944 г. от платы освобождались все студенты местных национальностей в вузах союзных республик[94].

25 августа 1944 г. вышло постановление СНК СССР о начале восстановительных работ в крупнейших музеях страны, что привело к резкому увеличению их финансирования[95]. К концу года на освобожденной территории работало более 50 крупных краеведческих и областных музеев. Тем не менее их довоенная сеть к этому времени восстановлена не была.

Помимо прочего, местные органы власти совместно с территориальными органами безопасности проводили большую организационную работу в связи с возвращением на родину советских граждан, угнанных на работу в Германию. Этим людям необходимо было создать элементарные условия для жизни.

Приходилось решать и иные задачи. Благодаря быстро налаженной работе военкоматов в короткие сроки была проведена перерегистрация военнообязанных, а призыв на военную службу в освобожденных областях и районах проходил четко и организованно. Через призывные пункты были пропущены и отправлены на формирование войсковых частей свыше 127 тыс. человек призывного возраста[96].

Таким образом, местные органы власти, восстановленные на освобожденных территориях, проделали огромную работу. История не знает примера, чтобы в таких масштабах и в столь короткие сроки была налажена мирная жизнь в разрушенных краях и областях, в непосредственной близости от района военных действий[97].

Заводы и фабрики, поднятые из руин, новые миллионы гектаров засеянной земли не только помогли людям вернуться к мирной трудовой жизни, но и стали серьезным источником повышения экономической и оборонной мощи страны.

Вместе с тем восстановительный процесс в 1944 г. не был завершен, что объяснялось не только огромными масштабами ущерба, нанесенного экономике и социальной сфере области, но и невозможностью в условиях продолжающейся войны переключить все силы и ресурсы на нужды восстановления народного хозяйства. Это было осуществлено в рекордно короткие сроки уже после окончания войны.

Народное хозяйство — фронту

К началу 1944 г. от немецко-фашистских захватчиков было освобождено более половины оккупированной территории страны. Перед руководством страны помимо обеспечения фронта встал вопрос восстановления западных областей. В этой связи еще 21 августа 1943 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором были определены меры по восстановлению сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Реализация этих мер была возложена на специально созданный при СНК СССР Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов. В управлении по восстановлению хозяйства в освобожденных районах Госплана СССР разрабатывались

необходимые планы, которые затем утверждались на сессиях Верховного Совета СССР. Так, в государственном плане восстановления и развития народного хозяйства на 1944 г. было предусмотрено приоритетное развитие промышленности Ленинграда, металлургических и машиностроительных предприятий юга РСФСР и Украины, планировалось направить основные усилия на ускорение промышленного производства, выпуск новейших образцов вооружения и восстановления страны.

К 1944 г. в нацистской Германии стали появляться симптомы грядущего спада в экономике. Поступление хрома и вольфрама стало сокращаться, вследствие чего качество легированных сплавов снижалось. Но в целом промышленное и военное производство рейха в первой половине 1944 г. продолжало расти[98]. Ситуация изменилась после освобождения Красной армией советской территории, Польши и Румынии. Во втором полугодии 1944 г. по сравнению с первым добыча железных руд в Третьем рейхе сократилась на 64%, каменного угля — на 34,4%, бурого угля — на 15,9%, добыча нефти и производство нефтепродуктов — на 52,3%, выплавка чугуна — на 42,9%, стали — на 39,1%, алюминия — на 10%[99].

С другой стороны, в СССР промышленное производство росло. При этом необходимо учитывать, что в годы войны страна по запасам разведанного сырья была отброшена к началу 1930-х гг.[100] Проблема сырьевого обеспечения решалась посредством подготовленных в предвоенные годы запасов топливного и рудного сырья в не подвергшихся оккупации районах страны, а также благодаря быстрой геологоразведке.

Однако, несмотря на потерю значительной части сырьевой базы и напряжение, вызванное эвакуацией, объем промышленного производства в СССР не сократился. Более того, в промышленности внедрялись передовые способы производства: технология поточного производства и другие.

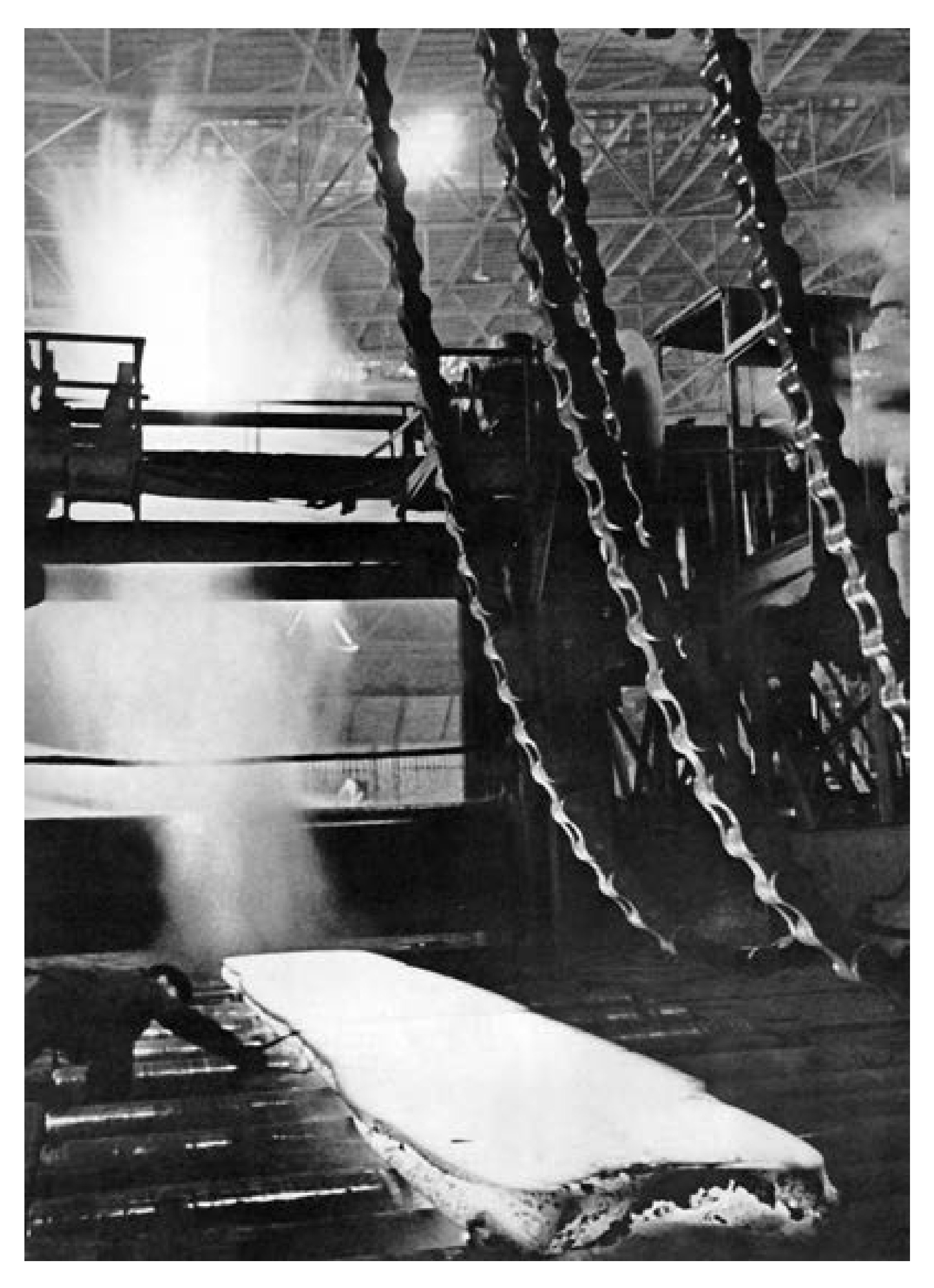
В результате колоссальных усилий рабочих и устойчивого материального снабжения «уже в октябре 1944 г. промышленность СССР вышла на уровень 1940 г. по объему валовой продукции». Основные фонды на предприятиях в 1944 г. увеличились по сравнению с 1942 г. и составили 84% довоенного уровня[101].

В 1944 г. руководство СССР приняло ряд решений, направленных на восстановление и дальнейшее развитие нефтяной промышленности юга СССР, в том числе на укрепление материально-технической базы нефтяной промышленности Краснодарского края, Чечено-Ингушской АССР и Азербайджанской ССР. ГКО потребовал улучшить организацию разведочно-буровых работ и увеличить выпуск оборудования, что позволило в больших масштабах возобновить буровые работы, поиск и разработку новых месторождений на Апшеронском полуострове и в Каспийском море. В результате принятых мер и усилий нефтяников удалось не только остановить, но и (со второго квартала) несколько увеличить добычу нефти. В 1944 г. в отличие от предыдущих военных лет Азнефтекомбинат в основном выполнил план по добыче нефти. В отрасли развернулось соревнование за скоростное бурение скважин и сверхплановую добычу нефти. Успешно внедрялись методы скоростного бурения по опыту бригады Героя Социалистического Труда Р. Рустамова из Азербайджана. Нефтяники Азербайджанской ССР за время Великой Отечественной войны 261 раз побеждали во Всесоюзном социалистическом соревновании.

В 1944 г. широко разрабатывались неглубоко залегающие горизонты во всех старых нефтяных районах востока страны и осуществлялись мероприятия по улучшению технологического режима эксплуатации действующих скважин. Началось восстановление нефтяной промышленности в Грозном. Для этой цели из союзного бюджета было выделено 69,2 млн рублей.

В том же году увенчались успехом настойчивые поиски нефти в районах Волго-Уральского нефтегазоносного региона (Второе Баку) и Башкирской АССР, где на основе научных прогнозов были открыты высокодебитные нефтяные месторождения. В уже освоенных шельфах увеличивалась глубина бурения. Доля восточных районов в общесоюзной добыче нефти возрастала: в 1943 г. она составила 23,8%, в 1944 г. — 25,5%, в 1945 г. — 28,3%.

В 1944 г. почти полностью были восстановлены демонтированные нефтеперерабатывающие заводы в Чечено-Ингушской АССР, на них добились увеличения выработки

Прокат стали для производства танков

нефтепродуктов и улучшения их качества. Нефтепереработчики внесли в фонд обороны дополнительно к плановому заданию 450 тыс. тонн горючего, а производство высококачественного авиационного бензина возросло в 2,7 раза. Красная армия дополнительно получила 10 эшелонов продукции. Годовой план по добыче нефти был выполнен[102]. При этом доля использования нефти в промышленности неуклонно падала, компенсируясь повышением удельного веса угля.

В связи с утратой Донецкого угольного бассейна еще в 1941 г. перед советской экономикой встал вопрос о снабжении коксующимся углем. Эта задача была решена за счет разработки на востоке страны, в частности в Кузнецком бассейне. Если в 1940 г. в восточных районах было добыто 7,9 млн тонн этого угля, то уже в 1944 г. — 16,8 млн тонн[103]. Активно развивалась добыча в Печорском угольном бассейне. Еще в 1930 г. его существование научно предсказал выдающийся советский геолог А. А. Чернов. В годы войны нагрузка на этот Северный Донбасс выросла. Так, в постановлении ГКО от 8 февраля «О мероприятиях по добычи угля в Печорском угольном бассейне в 1944 г.» планировалось заложить 11 новых шахт и обеспечить добычу 2,5 млн тонн угля, превысив показатель 1943 г. на 46,7%.

Шахтеры Челябинского бассейна к концу 1944 г. добыли 11,3 млн тонн каменного угля, что на 898 тыс. тонн превышало уровень предыдущего года. Показатель добычи угля 1943 г. был превзойден на 30,5%[104].

Монополии Третьего рейха, германское руководство принимали все меры для максимального использования возможностей Донецкого угольного бассейна, однако эти усилия не увенчались успехом. Из доклада штаба экономического руководства «Восток» от 30 сентября 1944 г. следует, что добыча каменного угля в Донбассе в период его оккупации составляла лишь около 4,1 млн тонн в год, тогда как в довоенное время этот показатель находился на уровне 90 млн тонн[105]. Более того, отступая, оккупанты затопили шахты Донбасса: из них к концу войны было выкачано 700 млн кубометров воды. Но несмотря на это, уже в 1944 г. Донбасс дал стране 21 млн тонн угля (17% общей добычи), а в следующем году вернул себе лидерство в угледобывающей отрасли[106].

В январе 1944 г. в Челябинске был окончен монтаж турбогенератора мощностью в 100 тыс. кВт, пущен в работу шестой котел на теплоэлектроцентрали, а также сдана в эксплуатацию первая очередь ТЭЦ на металлургическом заводе. В апреле ГКО принял постановление «О вводе новых мощностей на электростанциях в 1944 г.». Упор делался на прирост мощностей электростанций в Кузбассе и на Северном Урале, в районах центра и в промышленных районах Украины. Продолжалось намеченное ранее строительство гидроэлектростанций в республиках Средней Азии. Серьезное внимание уделялось развитию энергосистем на востоке страны — Томской, Омской, Красноярской, Уфимской, Барнаульской. Большое значение для преодоления трудностей со снабжением электроэнергией приобретал вопрос об эффективном использовании мощностей, строжайшем режиме экономии и рациональности электроснабжения. С целью освещения передового опыта рационального использования ресурсов в апреле 1944 г. постановлением ЦК ВКП(б) было восстановлено издание журнала «Плановое хозяйство», приостановленное с началом войны.

В целом за год за счет восстановления разрушенных оккупантами электростанций значительно выросло производство электроэнергии. Так, после освобождения Донбасса в 1943 г. Зуевская ГРЭС (одна из мощнейших в Донецком бассейне) заработала уже в начале следующего года. Электростанции страны выработали в 1944 г. 39,2 млрд кВт·ч против 32,3 млрд в 1943 г. Только в освобожденных районах Украины, где в 1943 г. было произведено всего лишь 28,1 млн кВт·ч электроэнергии, в 1944 г. ее производство составило 1281 млн.

Несмотря на указанные положительные моменты, советская промышленность продолжала испытывать большие затруднения. В народном хозяйстве особенно остро ощущался недостаток нефти, очень незначительно повысилось производство цветных металлов, не выполняли планов строительная и легкая промышленности[107]. И все же достигнутые в тяжелой промышленности успехи позволяли из месяца в месяц наращивать темпы военного производства.

В целом валовой объем промышленного производства в 1944 г. приблизился к довоенному, а производство военной продукции по сравнению с 1940 г. увеличилось более чем втрое. Впервые за годы войны доля военных затрат в народном хозяйстве стала уменьшаться: в 1944 г. она составляла 52,2% против 59,5% в 1943 г.[108]

Высокими были темпы выплавки стали. Она требовалась не только для военного производства, но также для восстановления разрушенных предприятий в освобожденных районах. Для повышения показателей Наркомата черной металлургии ГКО 18 февраля 1944 г. принял постановление «О неотложных мерах помощи черной металлургии», где перечислялись жесткие требования по бесперебойному снабжению предприятий наркомата сырьем, электроэнергией, топливом, обеспечению рабочей силой. В результате их выполнения наркомат увеличил выпуск продукции.

В 1944 г. в стране было добыто 11,7 млн тонн железной и более 1 млн тонн марганцевой руды, а в 1945 г. — соответственно 15,9 и 1,5 млн тонн, чем создавалась прочная основа для развития черной металлургии. Расширение производства металла достигалось не только лучшим использованием имевшихся мощностей, но и вводом в действие новых агрегатов. В 1944—1945 гг. только в восточных районах вступили в строй четыре доменные и 11 мартеновских печей, один прокатный стан и шесть коксовых батарей[109].

В 1944 г. Магнитогорск дал чугуна на 26% и стали на 23,1% больше, чем в 1943 г. Только за счет лучшего использования агрегатов мартеновские цеха в течение года увеличили выплавку стали на 470 тыс. тонн. Наркомат черной металлургии благодаря новаторству и героическому труду рабочих и инженеров увеличил выплавку черных металлов во второй половине 1944 г. по сравнению с первым полугодием: по чугуну — на 0,7 млн тонн, по стали — на 0,7 млн тонн и по прокату — на 0,5 млн тонн. Хотя магнитогорцы за 1944 г. увеличили производство на 21,1%, все же советским сталеварам не удалось превзойти немецкие показатели.

В течение 1944 г. на Норильском никелевом комбинате были полностью освоены мощности, введенные в эксплуатацию еще в первые годы войны. Стал давать продукцию Сибайский завод Баймакского медеплавильного комбината. На Новосибирском оловянном комбинате была пущена обогатительная фабрика, а на Медногорском медно-серном комбинате — брикетная фабрика. Расширились мощности Уральского алюминиевого завода, а также предприятий алмазной и золотодобывающей промышленности. Только в 1944 г. по сравнению с 1943 г. выпуск алюминия увеличился на 32,9%, меди — на 7,7%, цинка — на 35,6%, никеля — на 18%. Возросло также производство кобальта, вольфрама, олова, ртути, молибдена, сурьмы и твердых сплавов[110].

В 1944 г. продолжался рост производства металла, выплавка чугуна увеличилась на 1,7 млн тонн по сравнению с 1943 г. В восточных районах СССР производство чугуна увеличилось на 47%, стали — на 34%, проката — на 34% против 1940 г. Наиболее высокого уровня производства металла достигли Кузнецкий и Магнитогорский комбинаты. В марте 1944 г. первую плавку стали осуществил металлургический завод в Беговате (Узбекская ССР), а в декабре 1944 г. — в Темиртау (Казахская ССР). В 1944 г. большое количество металла выпустили предприятия Среднего и Западного Урала. Уральские металлургические заводы освоили выпуск ряда новых марок стали, в том числе для производства автомобилей, тракторов, нефтяного оборудования. Начали давать металл восстанавливаемые Новотульский, Косогорский и другие заводы центра и частично юга страны. В 1944 г. рост производства важнейших видов цветных металлов составил по сравнению с 1943 г. в среднем 34,7%[111].

В 1944 г. оборонная промышленность сделала большой шаг вперед — доля военного производства во всей валовой продукции промышленности достигла 51,4%[112]. Как видно, военный заказ по-прежнему составлял большую часть производства промышленных предприятий, хотя в некоторых отраслях сектора наметилась конверсия.

В 1944 г. снизился выпуск ручного стрелкового оружия (с 5459,8 тыс. винтовок, карабинов и пистолетов-пулеметов в 1943 г. до 4420,8 тыс. в 1944 г.), орудий (с 130, 3 тыс. до 122,4 тыс.), минометов (с 69,4 тыс. до 7,1 тыс.) и боевых кораблей (с 14 тыс. до 4 тыс.)[113]. Вместе с тем несколько выросло производство танков и самоходных артиллерийских установок, а также

самолетов. Снижение выпуска артиллерийских орудий в 1944 г. объясняется снятием с производства устаревших конструкций. Вместе с тем значительно возрос удельный вес новейших артиллерийских систем[114].

После принятия на вооружение вермахтом новых танков «тигр» (T-VI), «пантера» (T-V) и «королевский тигр» (T-VIB), а также штурмовых орудий «фердинанд», чьи орудия по дальности поражения превосходили советские танки примерно в два раза, потребовалось сменить пушку на советских танках. В результате было решено, что с 1944 г. танки Т-34 должны выпускаться только с 85-миллиметровой пушкой — эта модель могла пробивать тяжелые немецкие «тигры», «пантеры» и «фердинанды».

Их увеличенная броневая защита, усиленная пушка и заимствование конструкции корпуса (как у «пантеры») не смогли приблизить немецких танкостроителей к основным советским танкам. Так, «пантера», имевшая 75-мм пушку и два 7,92-мм пулемета, а также равную с Т-34 толщину брони (до 85 мм) и скорость (до 55 км/ч), была тяжелее советского аналога на 15 тонн. Все новые модели немецких танков были менее компактны, а удельная мощность их еще более снизилась по сравнению с советскими машинами[115].

Росло разнообразие и совершенство моделей советских самоходных артиллерийских установок. Если в 1943 г. советские конструкторы создали 21 образец (вдвое больше, чем в 1942 г.), из которых шесть типов было запущено в производство, то в 1944 г. разработали к внедрению 25 новых типов танков и САУ[116]. Не только сами технические новинки, но и сроки их реализации в жизнь не могут не поражать. Так, 27 декабря 1943 г., исходя из необходимости увеличения парка самоходной артиллерии, ГКО принял решение о проектировании и изготовлении опытного образца 100-мм самоходной пушки на базе танка Т-34 Центральным артиллерийским конструкторским бюро во главе с В. Г. Грабиным, а уже в феврале 1944 г. состоялось испытание опытного образца.

Инициатива шла и от рядовых рабочих. Сварщик Уралмашзавода Е. Агарков в 1944 г. предложил объединить бригады сварщиков и слесарей при монтаже танковых башен. Пример оказался удачным, и с конца 1944 г. началось укрупнение бригад, участков, цехов, в результате чего удалось высвободить свыше 48 тыс. инженерно-технических работников, многие из которых приняли участие в восстановлении промышленных предприятий на освобожденной от захватчиков территории страны[117].

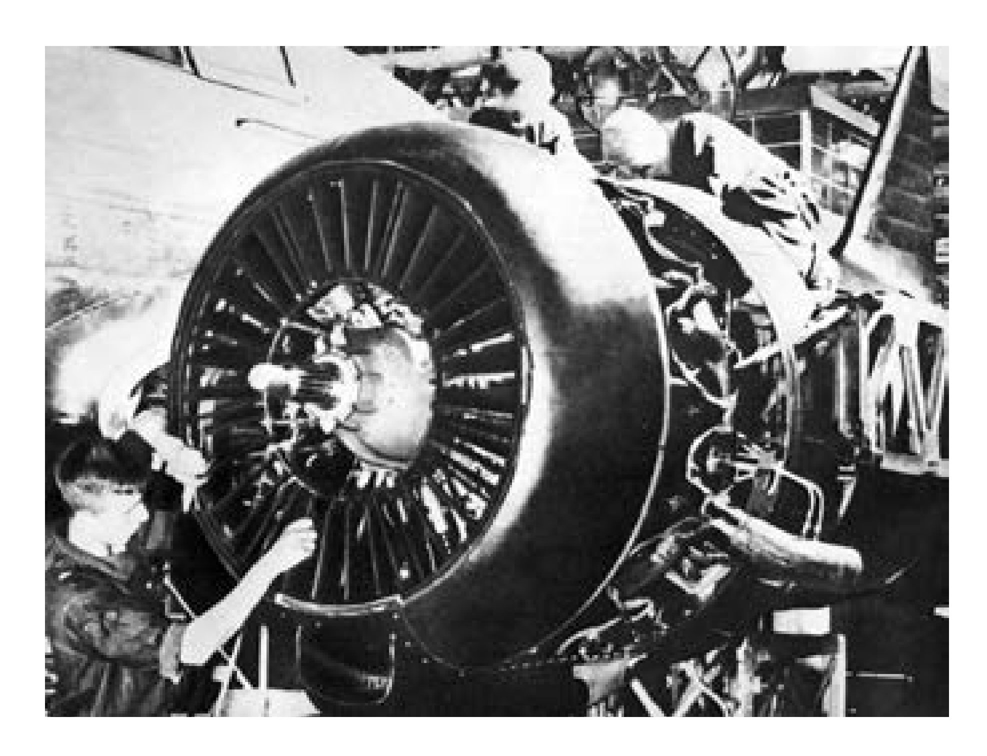
Следует отметить важную роль религиозных организаций. Так, на собранные Русской православной церковью 8 млн рублей в 1944 г. было построено 40 танков. В 1943 г. Центральное духовное управление мусульман собрало 10 млн рублей на строительство танковой колонны. Каталикос всех армян Геворг VI также выступил с инициативой сбора средств на строительство танков. В начале 1944 г. танковая колонна имени Давида Солунского из 21 машины была передана в 119-й отдельный танковый полк Красной армии.

В 1944 г. увеличилось производство самолетов, которое на 5,3 тыс. машин превысило показатель предыдущего года. Было налажено серийное производство новых типов самолетов: истребителей Як-3 и Ла-7, «летающего танка» — штурмовика Ил-10, бомбардировщика Ту-2. Эти самолеты по своим боевым качествам выгодно отличались от немецких машин подобных типов.

К началу 1944 г. советские ВВС имели 8818 боевых самолетов, в то время как люфтваффе — 3073. Таким образом, советская авиация превосходила противника по числу боевых машин в 2,7 раза. В дальнейшем это соотношение увеличилось: к июню 1944 г. на фронте насчитывалось 2796 боевых машин противника и 14 787 самолетов Красной армии. В 1944 г. советских военно-воздушные силы превосходили германские в 4 раза[118]. Опираясь на количественное превосходство и возросшее мастерство авиаторов, советские ВВС удерживали оперативное и стратегическое господство в воздухе. Они совершали свыше 15 тыс. самолето-вылетов в день, а за годы войны произвели более 3 млн боевых самолето-вылетов и уничтожили 74% общего количества вражеских самолетов, потерянных противником на советско-германском фронте[119].

Сборка танков на Челябинском тракторном заводе

Сборка боевых самолетов на одном из заводов

В конце войны советское руководство перешло к постепенной реконверсии. Предприятия Наркомата авиационной промышленности стали получать заказы на производства гражданской техники и товаров народного потребления: гражданских самолетов, запасных частей к тракторам и комбайнам, даже алюминиевой посуды. Уровень производства боевых самолетов, достигавший в 1943 г. 86%, в 1944 г. составил 82,5%[120]. При этом удельный вес различных классов боевых самолетов не претерпел особых изменений.

Большие достижения имелись и в производстве зенитной артиллерии предприятиями Наркомата вооружения. Вводились в строй крупнокалиберные и мощные артиллерийские системы. Почти все 76-мм пушки были заменены 85-мм зенитными пушками, а с 1944 г. на вооружении армии находилась 85-мм зенитная пушка образца 1944 г., имевшая повышенную начальную скорость снаряда (880 м/сек) и соответственно бóльшую досягаемость по высоте и дальности. Стрельба из нее велась при помощи более совершенных приборов управления огнем — ПУАЗО-4. Промышленность обеспечила армию сильным наступательным средством — гаубичной артиллерией калибра от 122 до 280 мм[121].

Увеличивались калибр и мощность минометов. Возрос выпуск тяжелых 160-мм минометов за счет сокращения минометов среднего калибра. Созданные в СССР орудия превосходили по своим тактико-техническим данным немецкие.

Немалое значение имела опытно-конструкторская работа по созданию перспективных видов стрелкового оружия под патрон образца 1943 г. Конструкторы С. Г. Симонов, А. И. Судаев, В. А. Дегтярев разработали несколько образцов, лучшим из которых оказался будущий ручной пулемет Дегтярева (РПД). Работу над автоматическим оружием нового образца продолжал М. Т. Калашников. В связи с насыщением войск автоматическим оружием его производство во второй половине 1944 г. пошло на убыль.

Резкими темпами росло производство боеприпасов (нарком Б. Л. Ванников). Если за первую половину 1941 г. было произведено 12,2 млн снарядов, то в 1944 г. — 94,8 млн[122].

Увеличение производства в оборонной промышленности также было невозможным без рационализаторских предложений рабочих. В 1944 г. от трудящихся поступило 347 тыс. рационализаторских предложений, технических усовершенствований и заявок на изобретения. Дальнейшему усилению этого движения способствовало состоявшееся в начале сентября Всесоюзное совещание рационализаторов и изобретателей промышленности вооружения.

К 1944 г. экстренными усилиями руководителям Третьего рейха удалось добиться централизации немецкой экономики, увеличить выпуск военной техники и по некоторым видам даже превзойти СССР. Оборотной стороной явилось падение качества в результате дефицита цветных металлов и уменьшение выпуска продуктов питания и товаров первой необходимости.

В начале 1944 г. начальник Главного артиллерийского управления Красной армии Н. Д. Яковлев на совещании в Госплане заявил: «Действующая армия необходимым вооружением обеспечена полностью. При этом удельный вес современного оружия значительно возрос. Есть и немалый запас его в резерве Ставки на базах Центра. Несмотря на потери, насыщенность войск вооружением к началу 1944 года по сравнению с январем 1942 года увеличилась по автоматам более чем в 25 раз, минометам различного калибра — в 5–8 раз, противотанковым ружьям — в 17 раз, противотанковым 45-мм и 57-мм орудиям — в 7 раз, зенитным средствам — в 1,5–2 раза. Значительно возросла и насыщенность войск оптическими приборами»[123]. Выявляемые в ходе боевых действий недостатки устранялись на заводах, и улучшенные образцы поступали в войска через несколько недель.

В результате колоссальных усилий всего советского народа и руководства страны в 1944 г. был превзойден довоенный уровень выпуска промышленной продукции. После освобождения территории Советского Союза на оккупированной ранее земле РСФСР, Украины, Белоруссии и Прибалтики было восстановлено 7,7 тыс. разрушенных предприятий, которые уже вскоре начали давать значительную часть прироста тяжелой индустрии[124]. Подвиг на фронте, таким образом, был подкреплен подвигом тыла — только вместе, объединившись с общей целью разгрома врага и освобождения, страна смогла выстоять и победить. Если

Штурмовики готовы к отправке на фронт

главной задачей народного хозяйства предыдущих лет был возрастающий выпуск военной техники, оружия и боеприпасов, обеспечения фронта всем необходимым, то в 1944 г. наметилась четкая тенденция к конверсии. Гражданская продукция постепенно, но неуклонно росла. Так, в 1944 г. орудийные и оружейно-пулеметные заводы уменьшили по сравнению с 1943 г. темп прироста продукции, который составил лишь 2%[125].

Рабочих и служащих в советской экономике в 1944 г. насчитывалось 23 600 тыс. человек против 19 400 тыс. в 1943 г. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины, которые составляли 33% машинистов паровых машин, 33% токарей, 31% сварщиков и т. д. Но наиболее резко возросла доля женщин в сельском хозяйстве: так, численность женщин-трактористок и комбайнеров в 1943 г. по сравнению с 1940 г. возросла с 8% до 54%[126]. Женщины в 1944 г. составляли половину рабочей силы в промышленности и 36% в строительстве, 246 тыс. советских женщин надели военную форму.

Инициативность и чувство долга работников промышленности вылились в движения многостаночников, тысячников и им подобных. В 1944 г. на многостаночную работу перешли

20 тыс. молодежных бригад, что позволило высвободить свыше 70 тыс. рабочих. В 1944 г. рабочие, инженеры и техники промышленности вооружений внесли 20 тыс. рационализаторских предложений, реализация которых позволила сэкономить 196 млн рублей[127]. За годы войны во всех отраслях промышленности значительно выросла производительность труда, а новаторские предложения, экономичное использование сырья (нормы расходования металла в 1941–1944 гг. снизились на одну треть) и повышение эффективности труда работников промышленности привели к снижению себестоимости их продукции: в 1943 г. — на 2,5% от предыдущего года и в 1944 г. — также на 2,5%. В целом в 1942–1944 гг. в государственной промышленности себестоимость продукции снизилась в совокупности на 5 млрд рублей, то есть на 17,2%[128].

Большое внимание уделялось подготовке квалифицированных кадров. Велико значение системы ремесленных и железнодорожных училищ, школ ФЗО в подготовке рабочих кадров. Их число (после сокращения в 1942 г. в связи с эвакуацией) росло на всем протяжении войны[129].

Увеличение числа образовательных учреждений происходило за счет восточных районов страны: Свердловской, Челябинской, Молотовской (Пермской), Куйбышевской, Омской областей, Татарской АССР и Казахской ССР. А в Новосибирской области количество образовательных учреждений выросло в 7 раз[130].

В 1944 г. снизилось число выпускников ФЗО и ремесленных училищ, уходивших работать на авиазаводы. Если в 1942–1943 гг. эта цифра держалась на уровне 22,5 тыс. человек, то в 1944 г. она составила около 21 тыс. человек. Необходимо также учитывать и то, что отнюдь не всегда выпускники попадали на ставшее родным предприятие. В связи с конверсией их также перенаправляли на другие заводы, что порой ставило некоторые цеха в тяжелое положение[131].

В 1944 г. школы трудовых резервов выпустили более 400 тыс. молодых квалифицированных рабочих[132]. Повышению профессионального мастерства и показателей производительности способствовало шефство квалифицированных рабочих над молодыми работниками.

Одной из составляющих советской экономики в годы войны было Главное управление лагерей НКВД. На 1 июля в его системе имелось 56 исправительно-трудовых лагерей. В особых «конструкторских бюро» системы НКВД в условиях строгой секретности трудились выдающиеся инженеры А. Н. Туполев, С. П. Королев и другие. 448 тыс. заключенных были направлены на строительство железных дорог. В горно-металлургической отрасли трудились 171 тыс., в промышленном строительстве — 310 тыс., на аэродромном и шоссейном строительстве — 268 тыс. заключенных. Лагерям лесной промышленности было передано 320 тыс. заключенных[133].

За три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа НКВД составил 70 млн 700 тыс. единиц, или 104% плана. В 1944 г. ежеквартально выпускалось 10 млн единиц боеприпасов. За период 1942–1944 гг. было переработано 67 млн метров тканей, из которых пошито 22 млн единиц обмундирования. После того как Красная армия начала оснащаться радиостанциями, предприятиями ГУЛАГа было изготовлено 1400 комбинированных источников питания. За годы войны посевная площадь в системе ГУЛАГа увеличилась в полтора раза и в 1944 г. составила 380 тыс. га против 250 тыс. в 1941 г. В том числе посевы картофеля и овощей были расширены более чем в два раза. По плану 1944 г. ожидалось 211 тыс. тонн зерна против 140 тыс. фактически полученных в 1941 г.; овощей и картофеля — соответственно 437 тыс. тонн против 203 тыс. тонн; сена — 317 тыс. тонн вместо 225 тыс. тонн в 1941 г. Лесозаготовительные колонии ГУЛАГа, не выполнявшие в течение пяти предвоенных лет план лесозаготовок, за годы войны добились выполнения плана на 107%. Было заготовлено и вывезено 7 млн куб. метров древесины, в том числе 3 млн куб. метров деловой. На восстановление освобожденных районов страны в 1944 г. из системы ГУЛАГа было выделено 12 млн рублей. В 1943–1944 гг. в освобожденные районы было направлено разного оборудования — 356 единиц, тракторов — 180, автомашин — 170, комбайнов — 30, плугов разных — 235, сеялок — 62 и другой сельхозинвентарь. Помимо этого, было завезено:

крупного рогатого скота — 1956 голов, лошадей — 545, свиней — 710, овец — 1070; подготовлено к отправке: крупного рогатого скота — 3200 голов, лошадей — 200, свиней — 1500, овец — 400[134]. За 1941–1944 гг. в системе НКВД было добыто 315 тонн золота, 6,5 тыс. тонн никеля, 8,9 млн тонн угля и т. д.[135]

В 1944 г. Германия была вынуждена привлечь в экономику 7,1 млн иностранцев, в том числе военнопленных. Согласно разработанному плану в 1944 г. предусматривалась насильственная депортация в Германию 4 млн человек, в том числе 1,5 млн рабочих из Италии, 1 млн из Франции, по 250 тыс. из Бельгии и Голландии и 500 тыс. из советских оккупированных районов. Однако в июле был принят более жестокий план: к рабочим были приравнены и дети от 10 до 14 лет. По сведениям штаба экономического руководства «Восток», в первом квартале 1944 г. только из прифронтового района группы армий «Центр» в Германию насильственно было депортировано свыше 33 тыс. человек[136]. Из общего числа иностранных рабочих, прибывших в Германию в 1944 г., около 3,2 млн человек было занято в промышленности. При этом людские ресурсы в самой Германии оценивались на тот момент в 29 млн человек гражданской рабочей силы. Таким образом, полное мобилизационное развертывание германской военной промышленности было достигнуто только на пятый год войны. Это обстоятельство стало следствием неверных оценок высшего германского руководства роли экономики как основы военной мощи государства. Полное мобилизационное развертывание германской военной промышленности в 1944 г. явно запоздало и не смогло оказать существенного влияния на исход военных действий.

К началу 1944 г. в областях и краях РСФСР, освобожденных от врага, было восстановлено 2502 библиотеки, 10 175 изб-читален, вступило в строй 1317 киноустановок. На Украине на 1 января 1944 г. работало 3808 культурно-просветительных учреждений, а к концу первого полугодия их количество возросло до 12,5 тыс. К маю 1944 г. в книжный фонд поступило 5,5 млн книг, что дало возможность укомплектовать и отправить в освобожденные районы более тысячи библиотек.

В университетах, педагогических и учительских институтах страны в 1944 г. обучалось свыше 80,2 тыс. человек, в педагогических училищах — 102 тыс. человек. Кроме того, более 25 тыс. учителей были подготовлены через курсовую сеть, а 160 тыс. учителей повысили квалификацию через систему заочного обучения.

Среднее образование также было среди главных направлений финансирования. В бюджете РСФСР на среднее образование в 1944 г. было предусмотрено 4985 млн против 2895 млн рублей предыдущего бюджетного года. Из них на строительство школ в освобожденных районах России выделялся 1 млрд рублей. К 1 февраля 1944 г. там было отремонтировано 15 285 зданий для школ и работало около 24 тыс. школ. Они получили 5726 тыс. учебников, свыше 19 млн тетрадей, 6,5 млн карандашей и столько же перьев, а также учебно-наглядных пособий на сумму более 4 млн рублей. Правительством было принято решение о начале обучения с семи лет, что увеличило число школьников более чем на 2712 тыс. человек. В школах обучались почти все подростки и дети в возрасте от 8 до 15 лет. Фонд заработной платы работников школы увеличился с 2257 млн в 1943 г. до 4165 млн рублей.

В освобожденных районах РСФСР к началу 1944 г. была восстановлена сеть детских садов. К началу 1944 г. количество детей в них превысило 70 тыс. человек при том, что всего в республике в детских садах находилось 485 тыс. детей. На содержание детских садов в бюджете 1944 г. предусматривалось 473 млн рублей.

На 1 января 1944 г. в системе Народного комиссариата просвещения РСФСР имелось 3128 детских домов с размещением 337 000 детей, в семьи трудящихся на воспитание было устроено около 200 000 детей. На содержание беспризорных детей в бюджете только РСФСР планировалось 1271 млн рублей, что составляет 16,8% к общему бюджету просвещения в республике на 1944 г.

Тяжелейшие испытания выпали на долю сельских тружеников. Из-за утраты территории при отступлении Красной армии общая посевная площадь в СССР сократилась почти на 42%, а количество колхозов и совхозов — почти на 40%. Основную часть транспорта пришлось пе-

редать вооруженным силам. Усилиями одного только «Центрального торгового товарищества «Восток» по спросу и сбыту сельскохозяйственной продукции», созданного оккупантами, из советских сел с августа 1941 г. по март 1944 г. было изъято почти 15 млн тонн зерна, мяса, масла, сахара, картофеля, бобовых и масличных культур, из которых около 9 млн тонн пришлось на долю вермахта[137]. Было украдено 85% автомобильного парка, более 60% рабочих лошадей[138]. С 1941 по 1944 г. врагом было зарезано или угнано в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн овец и коз[139]. Оккупантами за годы войны было разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций[140]. Были разграблены и уничтожены сотни тысяч социально-культурных и коммунально-бытовых учреждений и предприятий.

Советское руководство еще в начале 1943 г. приняло решение о восстановлении сельскохозяйственного машиностроения, а в 1944 г. — тракторостроения. Это строительство рассматривалось как первоочередное. Предприятиям сельскохозяйственного машиностроения были предоставлены такие же преимущества в получении металла, как и предприятиям оборонной промышленности: материалы, предназначенные для сельскохозяйственного машиностроения, категорически запрещалось расходовать на другие цели. В 1944 г. на оснащение МТС и совхозов государство ассигновало 7 млрд рублей — в полтора раза больше, чем в предыдущем году. В течение года Наркомат земледелия получил в общей сложности 1833 трактора, 2435 тракторных плугов, 1037 конных сеялок. Поставки горючего в расчете на один трактор приблизились к довоенному уровню. Эти меры позволили увеличить объем тракторных работ в колхозах в 1944 г. по сравнению с 1943 г. на 25 млн га. В течение 1943–1944 гг. на курсах МТС и в школах механизации было обучено более 700 тыс. трактористов, механиков и комбайнеров. В период уборочных работ, дабы восполнить дефицит рабочей силы, в помощь сельскому хозяйству было направлено 3,3 млн служащих, учащихся и рабочих[141].

В результате усилий всего советского народа по возрождению промышленности освобожденных районов восстанавливался экономический потенциал страны. Все республики помогали восстанавливать сельское хозяйство в освобожденных районах. Например, Казахская ССР выделила 550 тыс. голов скота, Киргизская ССР — свыше 130 тыс., Грузинская ССР — около 30 тыс. Таким образом, возрождаемые колхозы получили 1,7 млн голов скота и 516,8 тыс. голов домашней птицы. В 1944 г. для проведения посевной кампании из государственных резервов было выделено 50 тыс. тонн зерна, в освобожденных районах засеяно свыше 16 млн га пашни. Восстановленными колхозами, совхозами и МТС было засеяно 72% довоенных площадей и получен 51% довоенной сельскохозяйственной продукции, в том числе половина товарного зерна, свыше 75% сахарной свеклы, 30% молока и молочной продукции, 25% скота и птицы[142].

Так, с момента освобождения Белоруссии союзные и автономные республики СССР оказывали ей помощь транспортом, оборудованием, присылали сырье, строительные материалы, скот, потребительские товары. Только в период с сентября 1943 г. по февраль 1944 г. республика получила 1000 станков, 100 автомашин, 1542 трактора, 2 тыс. тонн металла, около 100 тыс. куб. метров леса, 20 тыс. кв. метров стекла, на миллионы рублей тканей, обуви, трикотажных изделий. В мае 1944 г. в республику были поставлены еще 1393 трактора, к концу года — 10 тыс. плугов и много другой сельскохозяйственной техники[143].

В освобожденных районах нередки были примеры помощи деревне со стороны вооруженных сил. Так, заместитель начальника политического управления 1-го Украинского фронта докладывал: «За время весенне-посевной кампании 1944 года силами частей нашего фронта затрачено на оказание помощи колхозам, совхозам и единоличным хозяйствам — 281 500 человеко-дней и 262 500 коне-дней... Вспахано и засеяно 55 378 га, отпущено зерновых семян 4839 т... Помимо этого отпущено для колхозов и семей красноармейцев около 5000 т семенного картофеля, обменено зерновых семян 2420 т, вывезено удобрений 21 000 т, перевезено посевного материала 2825 т... Передано колхозам 9000 лошадей, 1763 жеребенка, 264 племенных жеребца, 49 племенных быков, 48 тракторов. Отпущено керосина 300 т, лигроина 120 т, масла 67 т. Отремонтировано сельхозинвентаря: сеялок — 250, плугов — 425,

Хлеб фронту

Сразу после изгнания оккупантов труженики села приступили к работе

борон — 115, телег — 316, тракторов — 80. Отпущено местным организациям ветеринарных медикаментов (трофейных) на сумму 24 000 рублей»[144].

Большой ответственности и самоотверженности требовала обстановка от работников транспорта. В 1944 г. им предстояло обеспечить наступление пяти фронтов, восстановить железнодорожное сообщение с освобождаемыми районами, провести реэвакуацию и снабжение освобожденных районов страны, а также развивать местное сообщение. Такой колоссальный объем задач потребовал от всех работников Наркомата путей сообщения и различных видов транспорта героизма и практической сметки. Поставленные задачи были во многом успешно выполнены и перевыполнены.

С наступлением Красной армии на запад удлинялись коммуникации, росла нагрузка на транспорт. В этой связи увеличились государственные дотации на развитие транспорта и связи на 31,2% по сравнению с предыдущим годом. Общий объем грузооборота всех видов транспорта в 1944 г. вырос по сравнению с 1943 г. на 15,3%[145].

Особенно большая нагрузка пришлась на железнодорожный транспорт, который обеспечивал своевременную доставку не только военных грузов в любое время года. Удельный вес железнодорожных перевозок составлял почти 82% общего грузопотока. Для укрепления парка Наркомату путей сообщения было выделено 1965 млн рублей. Именно на железнодорожников легла основная нагрузка по снабжению войск во время подготовки наступательных операций Красной армии в 1944 г. Так, при подготовке наступления в Белоруссии для доставки войск и воинских грузов было использовано более 440 тыс. вагонов, то есть около 65% вагонного парка страны[146].

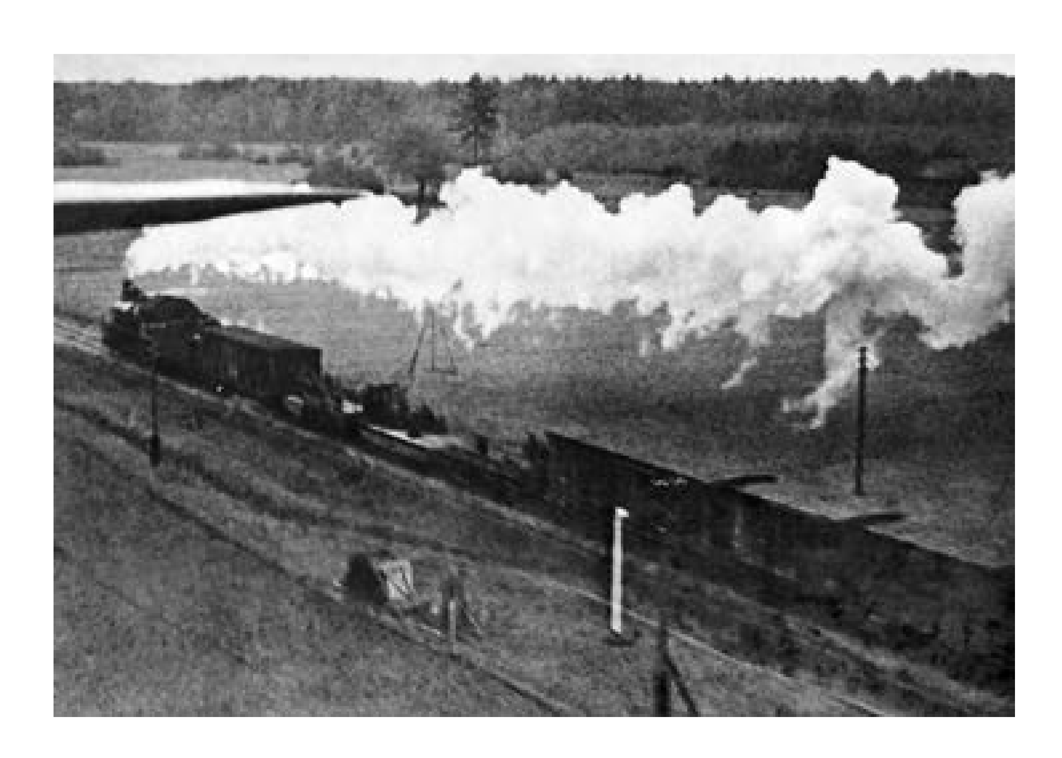
Тем не менее Наркомат путей сообщения работал с большим напряжением. В 1944 г. было освобождено 24 430 км железных дорог на территории СССР. При отступлении захватчики стремились не только нанести максимальный ущерб советскому хозяйству, но и замедлить наступление Красной армии. Активно использовалось разрушение земельного полотна фугасами: бреши в высоких насыпях получались до 400–1500 метров, а объем воронок доходил до 12,5 тыс. кубометров. Военным железнодорожникам предстояло выполнить в 1,5 раза больший объем работ, чем в 1943 г.[147]

Оккупанты активно применяли путеразрушители. Только на железнодорожном участке Коростень — Олевск ими было уничтожено 50 тыс. шпал. Отступающий враг различными средствами разрушил более 40% железнодорожного пути в полосе Ленинградского и Волховского фронтов, около 65% основного пути на 2-м Прибалтийском фронте[148].

С целью улучшения подвоза военных материалов к европейской части РСФСР в начале 1944 г. ГКО принял специальное постановление, во исполнение которого в январе с прифронтовых дорог передали на дороги Урала и Сибири 25 тыс. вагонов, Дальнего Востока — 10 тыс., Средней Азии — 8 тыс., Кавказа — 7 тыс. Это была одна из самых крупных транспортных операций за годы войны[149].

21 июля 1944 г. ГКО для скорейшего восстановления разрушенных железных дорог принял постановление о работах первой очереди на важнейших коммуникациях наступающих войск. Руководству Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР поручалось привлечь для выполнения этих работ сроком на один-два месяца 38 тыс. человек. Госплан СССР совместно с Наркомчерметом должен был выделить для восстановительных работ 5 тыс. тонн рельсов, 7,5 тыс. тонн проката, 2,5 тыс. тонн двутавровых балок и обеспечить изготовление в III квартале 1944 г. 302 пролетных строений общим весом 9 тыс. тонн. Наркомлесу поручалось выделить для НКПС 30 тыс. куб. метров деловой древесины и 3 млн шпал. Задания были даны и другим наркоматам и ведомствам.

Обобщая опыт восстановления железных дорог, в начале 1944 г. Главное управление военно-восстановительных работ Наркомата путей сообщения издало «Руководство по восстановлению железных дорог», где предусматривался темп восстановления не ниже 8–10 км в сутки при массовом разрушении пути. Но требовалось также привлечь большое количество грамотных специалистов, которым предстоял нелегкий труд. Благодаря трудовому героизму путейцев установленные нормы были перевыполнены. Воины-железнодорожники восста-

Днем и ночью к фронту шли эшелоны с войсками, боеприпасами, продовольствием…

навливали дороги в исключительно тяжелых условиях (особенно в болотистой местности Ленинградской и Новгородской областей), нередко — под артиллерийским обстрелом. Трудовой подвиг совершили бойцы 103-го путевого батальона при восстановлении железнодорожных перегонов Крыма, выполняя по отдельным видам работ от полутора до двух норм. Колоссальная работа была проведена путейцами перед началом операции «Багратион». В полосе 1-го Прибалтийского фронта на участке Полоцк — Идрица противником было подорвано 83% рельсов, в полосе 3-го Белорусского фронта разрушено 550 км главных путей, 227 км пути демонтировано и увезено, подорвано 277 мостов и труб. Минеры железнодорожных войск этого фронта обезвредили и уничтожили 63 тыс. мин и 1290 фугасов, большое количество бомб и снарядов[150]. Всего в ходе операции по освобождению Белоруссии железнодорожными войсками было восстановлено 6140 км главных путей, 1584 км станционных путей, 634 больших и средних моста общей протяженностью 65 км, 577 искусственных сооружений, 21 тыс. км линий связи, обеспечена бесперебойная доставка 77 тыс. вагонов с вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами.

К концу 1944 г. эксплуатационная длина сети железных дорог составила 110,5 тыс. км (против 106,1 тыс. км на 1 января 1941 г. и 81,7 тыс. км на 1 января 1944 г.), не считая отдельных линий, поврежденных во время военных действий и невосстановленных или восстанавливаемых, но еще не вступивших в строй.

В 1944 г. одних только боеприпасов железнодорожники доставили фронту свыше 118 тыс. вагонов. Объем годовых воинских перевозок достиг наибольших размеров за всю войну, составив 5718 тыс. вагонов (26,4% всех перевозок по железным дорогам)[151].

Развитие железных дорог требовало подготовки новых кадров. За счет привлечения новой рабочей силы число работников железнодорожного транспорта увеличилось в 1944 г. на 35,6% по сравнению с предыдущим годом и составило почти 1,4 млн человек.

Выполнение плана перевозок и обеспечение погрузки на решающих станциях достигалось ценой огромных затрат и усилий, при низких качественных показателях использования подвижного состава. К концу 1944 г. время оборота грузового вагона на сети составляло 12,68 суток, что почти в полтора раза превышало норму[152]. В дальнейшем такое развитие событий грозило параличом железнодорожного транспорта. Это было недопустимо в условиях подготовки весеннего наступления Красной армии в Центральной Европе, а также последующей кампании на Дальнем Востоке. В условиях увеличения перевозок на фронт ухудшилось снабжение предприятий в тылу страны: транспортировка металла, леса, зерна и особенно угля осуществлялись с перебоями. В результате некоторые промышленные и транспортные предприятия стали расходовать запасы топлива, накопленные для зимы. Положение осложнялось. 22 декабря 1944 г. Л. М. Каганович был освобожден от обязанностей наркома путей сообщения, а руководство наркоматом было возложено на начальника Центрального управления военных сообщений генерала И. В. Ковалева.

Нелегким было положение в автомобильном хозяйстве. В народном хозяйстве насчитывалось всего 272 тыс. автомобилей (33% довоенного количества)[153]. В конце января 1944 г. на Украине состояние дорог резко ухудшилось из-за таяния почвы и частых дождей. На призыв командования 2-го Украинского фронта о помощи в перевозках откликнулись жители Житомирской области: они подносили артиллерийские снаряды, мины и патроны от одного населенного пункта к другому, а иногда и к огневым позициям. Только для войск 53-й армии воинами запасного полка и местным населением было перенесено на руках 220 тонн боеприпасов[154].

Рост производства автомобилей происходил за счет упрощения военных моделей. В 1944 г. было произведено 53 467 единиц автотехники, но достичь довоенного уровня СССР не смог. Утроить объем грузоперевозок автотранспортом в 1944 г. по сравнению с 1941 г. удалось во многом благодаря использованию трофейных и арендованных по ленд-лизу автомобилей. Так, только в период с ноября 1942 г. по март 1943 г. Красной армии в виде трофеев достались 123 тыс. немецких машин. За 1944 г. число грузовых автомобилей в СССР выросло со 169,7 тыс. до 210 тыс. машин, значительную часть из которых составляли американские.

Для народного хозяйства СССР грузовыми автомобилями было перевезено на 52,3 млн тонн грузов больше, чем в 1943 г. В первом полугодии 1944 г. автомобильный транспорт увеличил свой грузооборот на 47,1%, а воздушный — на 22,9%[155].

Парк автомашин действующей армии в 1944 г. достиг 600 тыс. машин, одновременно возрос удельный вес трехтонных грузовиков ЗИС-5В, что позволило перевозить больше грузов меньшим количеством машин.

Потребность в перевозках обострилась к концу осени, когда Красная армия стала готовиться к Висло-Одерской наступательной операции. Судоходство на реках завершалось, автомобильный парк был изношен и недостаточен (около 33% довоенного количества)[156]. Вся тяжесть перевозок вновь легла на железные дороги.

Значительно скромнее был объем перевозок речного флота. Он имел большое значение для освобожденных районов. Ситуация осложнялась тем, что отступающий враг разрушил большую часть пристаней и связывающей их инфраструктуры. Так, к зиме 1944–1945 гг. в пределах Днепро-Двинского пароходства было обнаружено 609 судов, но лишь 79 из них оказались на плаву, а остальные либо затоплены (369), либо выброшены на берег паводками. К началу навигации удалось восстановить 50 самоходных судов общей мощностью 3020 л. с. и 84 несамоходных судна общей грузоподъемностью 12 155 тонн[157].

Большое значение для разгрома крымской группировки противника имел морской транспорт. В период подготовки и проведения операции, с января по май 1944 г., транспорты и боевые корабли доставили с Таманского полуострова и из других мест в район Керчи для усиления Отдельной Приморской армии более 120 тыс. бойцов и командиров, 160 тыс. тонн грузов: 1 тыс. орудий и минометов, 200 танков, 12 тыс. различных самоходных транспортных средств. В тыл ими были переправлены 21 тыс. раненых, а также более 3 тыс. военнопленных[158].

Развернулась работа по восстановлению Черноморского пароходства. При отступлении немецко-фашистские войска разрушили все черноморские порты, уничтожили причалы, а также 69 товаро-пассажирских, сухогрузных и наливных судов. Судоремонтные заводы потеряли треть производственных мощностей. В эксплуатации осталось только 20 транспортов общей грузоподъемностью 60 тыс. тонн.

24 июня 1944 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению портов и судоремонтных заводов Наркомморфлота в городах Одессе, Николаеве, Херсоне». Для восстановления портовой инфраструктуры только Одессе, где было уничтожено 75% причального фронта, а вход в акваторию преграждали мины и затопленные корабли, выделялось 22 млн рублей. В начале октября туда вошел первый пароход, а через месяц, рискуя своими жизнями, портовые водолазы М. Лагутин и А. Помагер разминировали нефтепирс. В последнем квартале 1944 г. через Одесский порт совместно с военными кораблями фронту было доставлено 20 тыс. человек пополнения, 900 орудий, десятки тысяч тонн боеприпасов, фуража, продовольствия, тысячи тонн горючего — около 250 тыс. тонн грузов[159].

14 октября 1944 г. было создано Дунайское пароходство, в которое передавалось 1419 транспортных, портовых и других плавсредств общей грузоподъемностью 777 тыс. тонн[160].

Осенью 1944 г. экипажи судов речного флота досрочно справились с навигационным планом. Годовое задание по грузообороту было выполнено на 101,4%, а план воинских перевозок — на 107,7%. Во время навигации 1944 г. впервые за всю историю волжского судоходства был осуществлен сквозной рейс из Астрахани в Москву буксирного парохода «Академик Губкин» с тремя нефтебаржами с 25 тыс. тонн нефти. Судно прошло 3200 км за 36 суток, что высвободило для других целей почти 10 железнодорожных составов. Активно участвовал во многих боевых операциях торговый морской флот. Его грузооборот в 1944 г. превысил показатель предыдущего года на 4,5%[161].

На транспорт легла тяжелая нагрузка по обеспечению наступления Красной армии и восстановлению разрушенных регионов. За 1944 г. грузооборот всех видов транспорта в СССР вырос по сравнению с 1943 г. на 15,3%[162]. В транспорте, как и в других отраслях народного хозяйства, имели место взаимопомощь и движение за перевыполнение планов. Так, в январе 1944 г. коллектив Усинского тракта в нерабочее время отремонтировал автомашину ЗИС-5,

моторный каток, четыре тракторные лопаты, легкий грейдер и отправил их Управлению дороги Москва — Харьков вместе с набором инструментов и технической литературой[163].

В 1944 г. доходы государственного бюджета составили 26,8 млрд против 18 млрд рублей в 1940 г. Начиная с 1944 г. текущие доходы госбюджета стали превышать его расходы: превышение в 1944 г. составило 0,4 млрд рублей.

В связи с развернувшимися восстановительными работами в освобожденных районах с 1944 г. возросли дотации государственных средств на народное хозяйство. На эти цели в 1944 г. было выделено 16 млрд рублей, из которых 14,2 млрд — на капитальные вложения. Общее число строек в Советском Союзе за счет восстанавливаемых объектов выросло в два раза по сравнению с 1943 г. и превысило 20 тыс. объектов. Всего же в 1944 г. расходы на народное хозяйство составили 5,4 млрд против 3,3 млрд рублей в 1943 г., а на социально-культурные мероприятия — соответственно 5,1 млрд и 3,8 млрд рублей[164].

Начиная с 1944 г. происходил процесс снижения удельного веса военных расходов и переключения более значительных материальных ресурсов на удовлетворение гражданских нужд. В 1944 г. удельный вес расходов на оборону в общей сумме расходов государственного бюджета снизился с 59,5% в 1943 г. до 52,2%, а в 1945 г. — до 42,9%[165]. Напротив, возросли расходы на строительство в освобожденных районах, площадь которых составила около 2 млн кв. км, — было вложено 14,2 млрд рублей[166].

На X сессии Верховного Совета СССР впервые за годы войны был утвержден бездефицитный бюджет. Рост его доходной части обеспечивался в основном за счет увеличения поступлений от социалистического хозяйства, которые в 1944 г. превзошли 45,8 млрд рублей (уровень 1943 г.). На 0,5% снизились поступления от налогов и сборов с населения — до 30,3%. Несмотря на то что военные расходы выросли до 137,8 млрд рублей (в 1943 г. они составили 125 млрд рублей), их удельный вес сократился. Напротив, возросли вложения в народное хозяйство, которые ежеквартально на треть превышали соответствующие показатели предыдущего года. В 1944 г. объем национального дохода увеличился по сравнению с 1943 г. на 19,2% и составлял 88% от уровня 1940 г. При этом были расширены льготы семьям военнослужащих и инвалидам войны. Государство отказалось от использования денежной эмиссии как метода финансирования.

Рост производства товаров личного потребления, восстановление хозяйства и улучшение снабжения населения привели к снижению цен. В 1944—1945 гг. правительством неоднократно проводилось снижение цен в коммерческих магазинах и как следствие — рыночных. Таким образом, покупательная способность рубля повышалась.

Важную роль играла помощь по ленд-лизу. 11 февраля в Оттаве было подписано советско-канадское соглашение «О принципах, относящихся к предоставлению Канадой военных поставок СССР», определившее порядок канадской военно-экономической помощи, которая с 1 июля 1943 г. была выведена из английских обязательств. В начале 1944 г. объем поставок союзников в СССР заметно вырос. В 1944 г. СССР получил от союзников 5877 самолетов (17% от числа произведенных в Советском Союзе), 3223 танка и САУ (11%), 3122 орудия (2,4%)[167]. Всего же, по данным Наркомата внешней торговли, в Советский Союз к 30 апреля 1944 г. из США, Великобритании и Канады поступило 12 256 самолетов, 9214 танков, 220 817 автомашин и других транспортных средств, 3730 зенитных орудий, 245 тыс. телефонных аппаратов, 2073 млн автопокрышек, 241 паровоз, 1154 платформы, 476 тыс. тонн авиабензина, 1160 тыс. тонн стали, 26 839 металлорежущих станков, 263 передвижные электростанции, другое энергетическое оборудование общей мощностью 288 тыс. кВт, 2337 млн тонн продовольствия и другие материалы[168].

17 апреля 1944 г. был подписан четвертый протокол поставок США в СССР по ленд-лизу. По многим показателям этот протокол полностью выполнен не был. Так, до 12 мая 1945 г. в СССР было поставлено 72% самолетов из запланированных, 86,7% автомобилей, 92% взрывчатых веществ, 90,4% стали, 84,1% железнодорожных платформ. Но по некоторым видам плановые поставки согласно четвертому протоколу были выполнены полностью или перевыполнены: например, до 12 мая в Советский Союз было поставлено 100% танков, 101,1% паровозов, 233% консервированного мяса[169].

В 1944 г. помощь по ленд-лизу в финансовом отношении составила 13% общегосударственных расходов, 25% расходов на войну или 10–12% валового национального продукта СССР[170]. Всего же только в 1944 г. в Советский Союз прибыло 6 217 622 тонны грузов от союзников[171]. Однако эти поставки удовлетворяли советский спрос в весьма незначительной степени: например, количество переданных танков составило 9% от произведенных в СССР, самолетов — 14%, стали — 6,1%. Президент США Ф. Рузвельт заявил в конгрессе: «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов»[172].

В 1944 г. впервые за военный период объем валовой продукции всей промышленности превысил довоенный уровень на 4%, а средств производства (группы «А») — на 36%. В этот год особенно заметным стало наращивание процессов расширенного воспроизводства (прежде всего тяжелой промышленности, чьи темпы роста стали обгоняли военную промышленность)[173]. Но удельный вес военной продукции в общем объеме промышленной продукции продолжал увеличиваться. В 1944 г. ежемесячно производилось самолетов и танков в пять раз больше, чем в 1941 г.

Улучшилось снабжение действующей армии оружием и техникой. Так, в войсках, участвовавших в Белорусской операции, имелось в три раза больше артиллерии, чем в битве на Волге. Возрастающие поставки оружия фронту повысили огневую мощь Красной армии. Так, четыре Украинских фронта и Отдельная Приморская армия, участвовавшие в освобождении Правобережной Украины, только за три месяца 1944 г. получили почти половину всех орудий и минометов и три четверти танков, поступивших в действующую армию[174]. В 1944 г. резко возросло производство боеприпасов и вооружения.

В 1944 г. на восстановление освобожденных районов было направлено более 40% капитальных вложений во все народное хозяйство СССР[175]. Советская экономика плавно переходила к мирной жизни и начинала восстановление после самой разрушительной войны в своей истории. Капиталовложения в восстановление освобожденных районов росли, увеличивался их удельный вес в бюджете страны. Если в 1942 и 1943 гг. их доля составляла соответственно 17,3% и 15,8% общих бюджетных расходов, то в 1944 и 1945 гг. — 20,3% и 24,9%. Расходы на строительство основных фондов в 1944 г. составили 42,9 млрд рублей, или 87% аналогичного показателя 1940 г.[176]

Большие ресурсы были выделены для строительства и восстановления жилья. Из 2 млн 567 тыс. жилых домов в городах СССР, оказавшихся в оккупации, почти половина была уничтожена и разрушена (1 млн 209 тыс. домов). По всем освобожденным районам СССР за 1943 и 1944 гг. было восстановлено и вновь построено 839 тыс. домов в сельской местности и 12 млн 777 тыс. кв. метров жилой площади в городах. В эти восстановленные и вновь построенные дома заселились 5 млн 418 тыс. человек[177].

На восстановление народного хозяйства освобожденных районов СССР было направлено 14 млрд рублей. Для сравнения: среднегодовой объем капиталовложений в период первой пятилетки во все отрасли народного хозяйства СССР составил около 10 млрд рублей. Героическими усилиями тружеников тыла разоренные войной и оккупантами районы страны восстанавливались в сжатые сроки. В освобожденных районах СССР в 1943–1944 гг. общая мощность введенных в действие электростанций достигла 1 млн кВт, 1047 основных и мелких угольных шахт с годовой производительностью в 44 млн тонн угля, 13 доменных печей с годовой производительностью 2,3 млн тонн чугуна, 70 сталеплавильных печей с годовой производительностью 2,8 млн тонн стали, 28 прокатных станов с годовой производительностью 1,7 млн тонн готового проката в год. Освобожденные районы в 1944 г. дали продукции на 8,3 млрд рублей, или в 3,1 раза больше, чем годом ранее[178]. Не менее значим вклад освобожденных районов в продовольственной сфере: более половины общегосударственных заготовок зерна, более трех четвертей сахарной свеклы, четверти скота и птицы, около трети молочных продуктов[179].

В целом следует отметить, что советская экономическая модель показала свою жизнеспособность в условиях тяжелейших испытаний военного времени. Великая Отечественная война перешла за границы СССР, и теперь предстояла менее напряженная работа по восстановлению разоренных оккупацией и войной районов страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 2002. С. 31.

[2] Там же. С. 69.

[3] Цит. по: *Ежов В. А.* Государственное управление СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1998. С. 20.

[4] *Горьков Ю. А.* Указ. соч. С. 31.

[5] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

[6] *Ежов В. А.* Указ. соч. С. 21.

[7] *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... М., 1990. С. 302–306.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. С. 35.

[9] *Ежов В. А.* Указ. соч. С. 22–23.

[10] *Кондакова Н. И.* Специфика государственного управления в условиях Великой Отечественной войны // Проблемы отечественной истории. Вып. 7. М., 2002. С. 147.

[11] Во главе защиты Советской Родины. М., 1984. С. 215–216.

[12] Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы ВС СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 17 (6). М., 1996.

[13] *Шатагин Н.* Партия в период Великой Отечественной войны. М., 1959. С. 173.

[14] Там же. С. 175.

[15] *Киричек Р. И.* Возрождение и организационно-политическое укрепление комсомольских организаций в освобожденных районах // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1986. С. 81.

[16] Во главе защиты Советской Родины. С. 220.

[17] Десятая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1944. С. 241–254.

[18] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 14.

[19] Известия. 1944. 15 декабря.

[20] Советский тыл в Великой Отечественной войне. В 2-х кн. М., 1975. Кн. 1. С. 88–89; *Загвоздкин Г. Г.* Цена Победы. Киров, 1990. С. 197.

[21] Социология Великой Победы. М., 2005. С. 267–268.

[22] *Уколова В. А.* Комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 40.

[23] *Шугай В. И.* Комсомол в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 35.

[24] Социология Великой Победы. С. 268.

[25] Там же. С. 296.

[26] *Кузнецов В.* Советские профсоюзы в период Отечественной войны // Большевик. 1944. № 13–14. С. 9–19.

[27] Социология Великой Победы. С. 269.

[28] Там же. С. 158.

[29] История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 5. М., 1963. С. 143; Цит. по: Народ и война. СПб., 1995. С. 143.

[30] *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 171.

[31] Там же. С. 185–186.

[32] Там же. С. 244.

[33] Там же. С. 250.

[34] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 28. Д. 27. Л. 3; Цит. по: *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 270.

[35] *Гракина Э. И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 235–239.

[36] Там же. С. 233.

[37] *Черник С. А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 125, 146.

[38] ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 706. Л. 287; Цит. по: *Гракина Э. И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. С. 247.

[39] *Гракина Э. И.* Восстановление научных центров в прифронтовых и освобожденных районах // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 133.

[40] *Козлов Н. Д.* Формирование общественного сознания в годы Великой Отечественной войны // Народ и война. СПб., 1995. С. 90.

[41] Высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 29.

[42] *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 51.

[43] Высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 51–52.

[44] *Черник С. А.* Указ. соч. С. 47.

[45] *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 240, 243.

[46] Там же. С. 97.

[47] Там же. С. 32.

[48] *Черник С. А.* Указ. соч. С. 101.

[49] Там же. С. 102.

[50] *Козлов Н. Д.* Указ. соч. С. 90.

[51] Там же. С. 67.

[52] Там же. С. 130.

[53] ГАРФ. Ф. 6991/с. Оп. 2. Д. 17. Л. 10.

[54] *Якунин В.* За веру и Отечество. Самара, 1995. С. 73–74.

[55] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 208.

[56] Там же. С. 131.

[57] *Якунин В.* Указ. соч. С. 120, 127.

[58] *Шатагин Н.* Указ. соч. С. 177–178.

[59] *Кашеваров А. Н.* Русская православная церковь в Великой Отечественной войне // Народ и война. СПб., 1995. С. 263–264.

[60] *Одинцов М. И.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 31–32.

[61] Там же. С. 38.

[62] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 14.

[63] Российская история. 2011. № 2. С. 125.

[64] *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 39.

[65] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1993. С. 105–106.

[66] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 201–202.

[67] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 106–107.

[68] Там же. С. 112, 116–117.

[69] Там же. С. 144.

[70] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 480–481.

[71] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 155–157.

[72] Архив внешней политики РФ (далее — АВП). Ф. 0514а. Оп. 4. П. 55. Д. 2. С. 118.

[73] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. В 3-х т. Киев, 1975. Т. 3. С. 162.

[74] Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее — ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2962. Л. 23 об.

[75] ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2851. Л. 175.

[76] *Богданов Ю.* Министр сталинских строек. М., 2006. С. 156.

[77] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 160. Л. 91.

[78] Архив Президента РФ (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 108. Д. 526. Л. 8.

[79] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 344—354.

[80] Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С. 89.

[81] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 344.

[82] *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006. С. 205.

[83] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 3. С. 153—154.

[84] Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР. 24 апреля — 27 апреля 1945 г. Стенографический отчет. М., 1945. С. 46.

[85] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 829.

[86] *Образцов В.* Советский железнодорожный транспорт в Отечественной войне. М., 1945. С. 42—43.

[87] *Арутюнян Ю.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 322.

[88] Плановое хозяйство. 1944. № 3. С. 19.

[89] Правда Украины. 1944. 8 октября.

[90] Правда. 1944. 5 февраля.

[91] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 61—62.

[92] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 473—474.

[93] *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. В 2-х вып. М., 1994. Вып. 2. С. 217.

[94] *Зинич М. С.* Указ. соч. С. 7.

[95] *Пинегина Л. А.* Художественная культура как фактор Великой Победы. М., 1997. С. 42.

[96] НКВД — МВД СССР и вооруженное национальное подполье. М., 2006.

[97] *Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941—1945 гг. Саратов, 2002.

[98] *Рыжков Н. И.* Экономика Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 159.

[99] Там же.

[100] *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 195.

[101] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 50—51.

[102] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1985. С. 289.

[103] Там же. С. 284.

[104] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 333.

[105] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 193.

[106] Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 343.

[107] Всемирная история. В 10-ти т. М., 1965. Т. 10. С. 148.

[108] Там же.

[109] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 334.

[110] Там же.

[111] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 255, 274.

[112] Там же. С. 231.

[113] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 12. М., 1982. С. 168.

[114] Всемирная история. Т. 10. С. 148.

[115] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 113.

[116] Там же. С. 121.

[117] *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941—1945 гг.: Факты и документы. М., 2011. С. 230.

[118] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 141.
[119] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 241.
[120] *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 195.
[121] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 255.
[122] Там же. С. 259.
[123] *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. М., 1988. С. 251.
[124] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 58.
[125] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 255.
[126] История мировой экономики. М., 2002. С. 600.
[127] Всемирная история. Т. 10. С. 149.
[128] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 150, 147.
[129] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 237.
[130] Там же. С. 238.
[131] *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 260–261.
[132] Всемирная история. Т. 10. С. 149.
[133] Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 71.
[134] Там же. С. 74.
[135] *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 289.
[136] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). С. 234, 235, 236.
[137] Там же. С. 206.
[138] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 55–56.
[139] *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. М., 1999. С. 295.
[140] *Мунчаев Ш. М., Устинов В. М.* История России. М., 2003. С. 31.
[141] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 337.
[142] История мировой экономики. С. 606.
[143] Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения. Минск, 1988. С. 36–37; *Купреева А. П.* Народы СССР — трудящимся Белоруссии. Минск, 1981. С. 33.
[144] Цит. по: Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 158.
[145] Всемирная история. Т. 10. С. 148.
[146] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 339–340.
[147] Железнодорожные войска России. В 4-х кн. М., 2001–2002. Кн. 3. На фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2002. С. 198–199.
[148] Там же. С. 199.
[149] Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987. С. 171.
[150] Железнодорожные войска России. Кн. 3. С. 211, 218.
[151] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 340.
[152] *Ковалев И. В.* Указ. соч. С. 334.
[153] Там же. С. 326.
[154] Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. С. 155.
[155] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 339, 341.
[156] *Ковалев И. В.* Указ. соч. С. 326.
[157] Там же. С. 329.
[158] *Вайнер Б. А.* Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С. 267.
[159] Там же. С. 271–273.
[160] Там же. С. 274.
[161] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 339, 341.
[162] Там же.
[163] *Ковалев И. В.* Указ. соч. С. 330.
[164] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 143.
[165] Там же.
[166] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 342.
[167] Там же. С. 336.

[168] *Куманев Г. А.* Рассекреченные страницы Второй мировой войны. М., 2012. С. 282.
[169] Там же. С. 283.
[170] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 188–189.
[171] *Куманев Г. А.* Указ. соч. С. 283.
[172] Цит. по: *Куманев Г. А.* Указ. соч. С. 284.
[173] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 121.
[174] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 263.
[175] *Куманев Г. А.* Указ. соч. С. 251.
[176] История мировой экономики. С. 597.
[177] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 61.
[178] Там же. С. 60.
[179] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 345.

Заключение

Военно-политические события Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии 1944 г., обстоятельно раскрытые в настоящем томе, имеют огромное значение не только для истории нашего Отечества, но и для истории всего человечества. В этом году Красная армия и весь многонациональный советский народ осуществили освобождение той территории своей страны, на которой более трех лет бесчинствовали немецко-фашистские агрессоры и их европейские вассалы. К началу года под вражеской оккупацией находилась значительная часть РСФСР, Белоруссии, Украины, вся Эстония, Латвия, Литва и Молдавия.

Это было не просто освобождение территории Советской страны, а освобождение советского народа от страха порабощения жестокой, бесчеловечной враждебной силой, от необходимости постоянно рисковать жизнью, от несправедливости, которую принес с собой фашизм. Это было освобождение от позорного образа жизни, насаждаемого нацистами на временно оккупированной советской территории — страны, на население которой они смотрели с высокомерием, презрением, считая, что им можно убивать, истязать, нещадно эксплуатировать. Это продолжение подвига Красной армии, советского народа, устоявшего под напором самой мощной тогда военной силы Запада — германских вооруженных сил, а потом изменившего ход войны.

В сражениях и боях Красной армии против вражеских войск потерпели крах расчеты агрессоров на удержание захваченных территорий, стабилизацию фронта на рубежах 1943 г. Советские вооруженные силы сокрушили стратегическую оборону вермахта почти на всем советско-германском фронте, отбросили противника далеко на запад и вступили на территорию Румынии. Своими умелыми и активными действиями они не позволили Германии и ее союзникам укрепить мощь своих вооруженных сил. Напротив, снижение общей численности германских войск и их боевой мощи началось под ударами Красной армии в начале 1944 г. Разгрому подверглись группировки противника на стратегических флангах советско-германского фронта. Удар на юго-западном направлении наносился по группам армий «Юг» и «А» противника с целью освобождения Правобережной Украины и Крыма и выхода к государственной границе. При этом советские войска действовали активно и эффективно по достижению военных и политических целей. Так, если в 1941–1942 гг. гитлеровским войскам понадобилось 250 суток, чтобы овладеть Севастополем, который героически защищали советские воины, то Красной армии потребовалось на освобождение Крыма только 35 суток.

Почти одновременно с разгромом противника на Правобережной Украине и в Крыму развернулось наступление советских войск под Ленинградом и Новгородом, в ходе которого Ленинградский и Волховский фронты во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом, Балтийским флотом, авиацией дальнего действия и партизанами нанесли поражение не-

мецкой группе армий «Север» и отбросили ее на запад на 220—280 км. Город на Неве был окончательно избавлен от угрозы восстановления вражеской блокады. Советские войска почти полностью освободили Ленинградскую, Новгородскую, часть Калининской области и положили начало освобождению Эстонии. Операция наглядно продемонстрировала возросший уровень взаимодействия сухопутных войск, флота, авиации, войск ПВО и партизан. Поражение немецкой группы армий «Север» существенно подорвало позиции Германии в Финляндии и других Скандинавских странах.

Наступательные действия Красной армии в 1944 г. показали, что она превзошла немецко-фашистские войска и по боевой мощи, и по искусству ведения военных действий — как оборонительных, так и наступательных. К тому же в состав Красной армии влились сформированные на территории СССР польские, чехословацкие формирования и французский авиационный полк, завершалось формирование румынских и югославских войск.

Выдающимся событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны явилась Белорусская стратегическая наступательная операция. Разгром немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии серьезно встревожил правящие круги Германии и ее сателлитов, он обусловил усиление кризиса внутри прогерманского агрессивного блока государств. В результате Белорусской операции были созданы благоприятные условия для нанесения новых мощных ударов по вражеским группировкам в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше.

В летне-осенней кампании 1944 г. советские вооруженные силы, продвинувшись на 600—1100 км, завершили освобождение территории СССР, за исключением Курляндии, и вступили на территории государств Восточной и Юго-Восточной Европы, начав освобождение их народов от немецкой оккупации.

С освобождением территории СССР от вражеской оккупации производилась ее зачистка от германской агентуры, незаконных вооруженных формирований, националистов, граждан, настроенных против советской власти, и всякого рода преступных элементов. В короткий срок была восстановлена охрана Государственной границы Советского Союза на западе, уточнен с учетом продолжения ведения Красной армией военных действий в сопредельных странах порядок пропуска через нее советских и иностранных граждан, военнослужащих Вооруженных сил СССР, воинских, народно-хозяйственных и иных грузов.

Зимне-весенняя и летне-осенняя кампании 1944 г. отличались последовательным проведением объединенных общим замыслом стратегических наступательных операций. Операции предпринимались на различных, в том числе удаленных один от другого, участках советско-германского фронта. Во второй половине 1944 г. был приобретен опыт ведения операций группировками войск коалиционного состава, многие операции Красная армия проводила совместно с действовавшими в тылу врага партизанами.

В 1944 г. расширился круг задач, по которым Ставке и Генеральному штабу требовалось согласовывать действия с западными союзниками. До середины года эти согласования ограничивались конвоированием морских транспортов с грузами помощи по ленд-лизу, а после высадки англо-американских войск в Северной Франции потребности во взаимодействии с союзниками значительно актуализировались. По дипломатическим и военным каналам начало осуществляться согласование сроков и масштабов операций сухопутных войск.

Следствием поражений, которые немецкие войска одно за другим терпели в 1944 г. на советско-германском фронте, явилась серия отставок военачальников. В результате к концу года во главе немецких войск на востоке не осталось ни одного фельдмаршала. Группами армий стали командовать генерал-полковники.

Между тем в Красной армии отмечалась противоположная тенденция. Если в начале войны она не имела на фронте ни одного маршала, то к концу 1944 г. большинство фронтовых объединений возглавляли Маршалы Советского Союза. Причем это высшее воинское звание они получили за выдающиеся заслуги в руководстве войсками в операциях именно этого года. Многие командармы в 1944 г. удостоились воинского звания генерал-полковник. К этому времени командующие войсками фронтов и армиями приобрели не только большой

опыт, но и уверенность в своих силах, чего так не хватало им в предшествующие годы войны. Умелыми и инициативными стали действия командиров корпусов, дивизий, бригад, полков и батальонов. Однако уровень подготовки младших офицеров все же оставался невысоким.

В стремлении сокрушить врага и, победоносно завершив войну, вернуться к мирному труду советские люди стойко переносили все трудности. Условия их жизни по-прежнему были тяжелыми, особенно на территориях, освобождаемых от вражеской оккупации. Война оставила миллионы людей без крова, они ютились в землянках и блиндажах, в кое-как приспособленных к жилью разрушенных зданиях. В тесноте, связанной с необходимостью дать жилье эвакуированным из районов боевых действий гражданам, жило население глубокого тыла страны, не испытавшее оккупации.

Несмотря на огромные трудности, советские люди на фронте и в тылу еще больше сплотились в стремлении разгромить врага. Этому способствовали и впечатляющие успехи Красной армии на фронте. Следует отметить, что миллионы советских людей, особенно из освобожденных от оккупации деревень, черпали силы и в религии.

Что касается экономики Германии, то она, продолжая эксплуатировать оккупированные страны и напрягать свои силы, добилась в 1944 г. максимального с начала войны уровня военного производства. Страна расходовала на военные нужды три четверти национального дохода, в то время как СССР — немногим более половины. В середине 1944 г. Германия вкладывала в военное производство в 3 раза больше денежных средств, чем в начале 1942 г. В результате в 1944 г. она произвела орудий, минометов, а также боеприпасов к ним почти в 1,5 раза больше Советского Союза. Самолетов было выпущено поровну, однако танков и самоходных артиллерийских установок СССР произвел в 1,6 раза больше Германии.

Открытие второго фронта в Европе и возросшие удары Красной армии потребовали от Германии нового напряжения, которого ее экономика выдержать не могла. С лета 1944 г. начался общий спад производства Германии. С потерей оккупированных территорий еще сильнее обострилась проблема людских ресурсов. Техническая оснащенность войск Германии ухудшалась, особенно резко снизились боевые возможности военно-воздушных сил, которые на советско-германском фронте уступали в численности советской авиации в 3—7 раз. В целом силы противника сокращались, а превосходство Красной армии становилось все более значительным.

С 1944 г. резко возросла роль внешнеполитической деятельности, что было вполне объяснимо: война шла к завершению, и государства антигитлеровской коалиции готовились делить «победный пирог», а страны-агрессоры искали пути менее болезненного выхода из войны. Советский Союз, руководствуясь государственными интересами и рассчитывая расширить коммунистическое влияние, стремился к укреплению военного союза стран антигитлеровской коалиции, установлению новых отношений с освобожденными от германского влияния странами и достижению выгодного для себя послевоенного устройства мира. Перед вступлением советских войск в восточноевропейские страны правительство СССР декларировало намерения освободить их народы от захватчиков, сурово наказать военных преступников, восстановить национальные государства и предоставить освобожденным народам право самим решать вопрос о послевоенном устройстве. Укрепление антигитлеровской коалиции происходило преодолением противоречий в отношениях между СССР и странами Запада в интересах объединения усилий во имя достижения победы.

Разгром войск фашистского блока в 1944 г. не только привел к освобождению временно оккупированной территории Советского Союза и ознаменовал завершение важнейшего этапа освободительной миссии Советского Союза, но и означал создание необходимых военно-политических предпосылок для освобождения народов Европы и всего человечества от фашизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ 1943–1944 гг.

Перечень приведенных документов

№ 18. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта на подготовку наступательной операции в направлении Ковель, Брест.

№ 19. Доклад командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему плана наступательной операции на черновицком и львовском направлениях.

№ 20. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта, представителю Ставки на преследование отходящего противника и выход к государственной границе на р. Прут и р. Дунай.

№ 21. Доклад заместителя Верховного главнокомандующего и начальника Генерального штаба Верховному главнокомандующему соображений по проведению Крымской операции.

№ 22. Директива Ставки ВГК народному комиссару Военно-морского флота, командующему Северным флотом о задачах флота на лето 1944 г.

№ 23. Директива Ставки ВГК народному комиссару Военно-морского флота, командующим войсками фронтов и Отдельной Приморской армией, флотами и флотилиями об оперативном подчинении флотов и флотилий.

№ 24. Директива Ставки ВГК народному комиссару Военно-морского флота, командующим войсками Ленинградского фронта и Балтийским флотом о задачах Балтийского флота и Ладожской военной флотилии на 1944 г.

№ 25. Заявление советского правительства.

№ 26. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта на развитие наступления в южном направлении.

№ 27. Боевое распоряжение командующего Отдельной Приморской армией Крымскому штабу партизанского движения о действиях партизанских соединений в период наступления Красной армии в Крыму.

№ 28. Директива Ставки ВГК народному комиссару Военно-морского флота, командующему Черноморским флотом о задачах флота на 1944 г.

№ 29. Доклад Комиссии ГКО.

№ 30. Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 220076.

№ 31. Постановление Государственного Комитета Обороны о недостатках в работе командования 2-го Прибалтийского фронта.

№ 32. Спецсообщение Л. П. Берии — И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову о работе оперативно-чекистских групп по «очистке» Крымской АССР от «антисоветского» элемента 01.05.1944.

№ 33. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта на разгром витебско-лепельской группировки противника.

№ 34. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Белорусского фронта на разгром витебско-оршанской группировки противника.

№ 35. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта на разгром могилевской группировки противника.

№ 36. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Белорусского фронта на разгром бобруйской группировки противника.

№ 37. Приказ народного комиссара ВМФ об обеспечении народно-хозяйственных перевозок в 1944 г.

№ 38. Директива Ставки ВГК командующему войсками Ленинградского фронта о продолжении наступления на Карельском перешейке.

№ 39. Директива Ставки ВГК командующему войсками Карельского фронта о повышении темпов наступления.

№ 40. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта на разгром львовской и рава-русской группировок противника.

№ 41. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Белорусского фронта, представителю Ставки на развитие наступления и овладение Минском.

№ 42. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления с целью освобождения Минска.

№ 43. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления на Вильно.

№ 44. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления на барановичско-брестском направлении.

№ 45. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки о развитии наступления на Каунас и Шяуляй.

№ 46. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления на Белосток.

№ 47. Спецсообщение Л. П. Берии — И. В. Сталину о выселении из Крыма спецпереселенцев 04.07.1944.

№ 48. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Прибалтийского фронта о наступлении на рижском направлении.

№ 49. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Прибалтийского фронта об ускорении подготовки к наступлению против псковско-островской группировки противника.

№ 50. Приказ Ставки ВГК о возложении на Г. К. Жукова координации действий трех фронтов.

№ 51. Директива Ставки ВГК представителю Ставки, командующему войсками 1-го Украинского фронта об использовании танковых армий и кавалерийских корпусов для разгрома львовской группировки противника.

№ 52. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта об использовании танковых армий и кавалерийских соединений для захвата плацдармов на Висле.

№ 53. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Белорусского фронта, представителю Ставки на освобождение Каунаса и развитие наступления к границам Восточной Пруссии.

№ 54. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления и захвате плацдарма на реке Нарев.

№ 55. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Белорусского фронта, представителю Ставки о развитии наступления на Варшаву и захвате плацдармов на реках Нарев и Висла.

№ 56. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта, представителю Ставки на форсирование Вислы и захват перевалов через Карпаты.

№ 57. Директива Ставки ВГК заместителю Верховного главнокомандующего, командующим войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов о возложении на Г. К. Жукова руководства операциями трех фронтов.

№ 58. Директива Ставки ВГК командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов о порядке форсирования Вислы.

№ 59. Директива Ставки ВГК командующему войсками 4-го Украинского фронта на захват и удержание перевалов через Карпаты.

№ 60. Директива Ставки ВГК командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов на подготовку Ясско-Кишиневской наступательной операции.

№ 61. Директива Ставки ВГК командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, представителю Ставки на окружение и разгром кишиневской группировки противника.

№ 62. Директива Ставки ВГК представителю Ставки, командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов об отношении к частям и соединениям румынской армии, сдавшимся в плен.

№ 63. Из доклада представителя Ставки ВГК Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко о ходе ликвидации окруженной группировки противника.

№ 64. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Прибалтийского фронта о развитии Тартуской наступательной операции.

№ 65. Директива Ставки ВГК заместителю народного комиссара обороны, командующим войсками 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов о возложении на А. М. Василевского руководства операциями трех фронтов.

№ 66. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на развитие наступления на рижском направлении.

№ 67. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром рижской группировки противника.

№ 68. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта, представителю Ставки на развитие наступления в глубь Румынии.

№ 69. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта, представителю Ставки о развитии наступления с целью выхода на румыно-болгарскую границу.

№ 70. Доклад командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему о прилете группы офицеров словацкой армии.

№ 71. Распоряжение Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта о разработке плана операции для соединения со словацкими войсками.

№ 72. План операции командующего войсками 1-го Украинского фронта по выходу на словацкую границу для соединения со словацкими войсками.

№ 73. Распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующему 38-й армией по организации операции для выхода на словацкую территорию и соединение со словацкими частями.

№ 74. Директива Ставки ВГК представителю Ставки маршалу Жукову, командующему войсками 2-го Украинского фронта об уточнении плана операции по преодолению Трансильванских Альп и Карпат.

№ 75. Директива Ставки ВГК командующему войсками 4-го Украинского фронта об уточнении плана операции по преодолению Карпат.

№ 76. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему.

№ 77. Приказ Ставки ВГК о возложении на А. М. Василевского руководства операциями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, а на Л. А. Говорова — операциями 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

№ 78. Директива Ставки ВГК представителю Ставки, командующему войсками 2-го Прибалтийского фронта о нанесении ударов на Ригу и Либаву.

№ 79. Доклад командующего войсками 1-го Украинского фронта в Ставку ВГК по объединению усилий словацких войск, действующих на территории Словакии.

№ 80. Директива Ставки ВГК командующим войсками 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, представителям Ставки об упразднении 3-го Прибалтийского фронта.

№ 81. Директива Ставки ВГК представителю Ставки о задачах по руководству ликвидацией окруженного северо-восточнее Либавы и в Мемеле противника.

№ 82. Директива народного комиссара ВМФ командующему Балтийским флотом о действиях сил флота в связи с окружением войск противника в районе Либавы.

№ 83. Директива Ставки ВГК командующему войсками Ленинградского фронта, народному комиссару Военно-морского флота, представителю Ставки на переподчинение Балтийского флота.

№ 84. Приказ народного комиссара ВМФ о проверке боевой деятельности Балтийского флота.

№ 1

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК, КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА ЖИТОМИРСКОМ И БЕРДИЧЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

1 декабря 1943 г.

Докладываем план наступательной операции 1-го Украинского фронта, разработанный во исполнение Вашей директивы № 30254 от 28.11.43 г.

1. Перед войсками 1-го Украинского фронта противник по состоянию на 1.12.43 г. имеет всего 29 дивизий, из них 11 танковых, 2 мд и 16 пд. Всего около 800—1000 танков.

Главная группировка противника силою до восьми тд и одной моторизованной дивизии, всего около 600 танков, продолжает оставаться на киевском направлении в районе Кочерово, Ставище, Ястребеньки, Дивин, Брусилов.

Эта группировка противника, понеся огромные потери, временно приостановила свое наступление и сейчас пополняет свои дивизии танками и живой силой.

Надо ожидать, что после восстановления своих дивизий противник возобновит наступление на киевском направлении.

Одновременно противник подтягивает силы на коростеньском направлении и, по достоверным данным, имеет намерение очистить железную дорогу Житомир, Коростень, Овруч, Мозырь.

2. Войска 1-го Украинского фронта после проведения Киевской операции и отражения контрнаступления противника перешли к жесткой обороне, приступили к восстановлению своих соединений и сосредоточивают вновь подходящие резервы. Это восстановление соединений и сосредоточение резервов займет время до 20—25 декабря 1943 г.

План обороны войск 1-го Украинского фронта на этот период представляется Вам особо.

3. По окончании сосредоточения резервов войска 1-го Украинского фронта согласно Вашему приказу переходят в контрнаступление, которое мы предлагаем провести по следующему плану:

а) Цель контрнаступления:

Сильным фронтальным ударом разгромить главную группировку противника на бердичевско-казатинском направлении, охватить с запада группировку противника, действующую к юго-востоку от Белая Церковь, и, стремительно развивая успех на Жмеринка, перерезать коммуникации всей южной группировки противника с тем, чтобы затем во взаимодействии с 2-м Украинским фронтом уничтожить ее.

В результате выполнения первого этапа операции выйти на 10-й день операции: подвижными соединениями в район Жмеринка; главными силами общевойсковых армий на рубеж Любар, Хмельники, р. Южный Буг на участке Хмельники, Винница и далее на рубеж Винница, Тетиев, Володарка.

На правом крыле фронта в целях обеспечения операции главных сил фронта с запада к тому же времени выйти на р. Уборть, Олевск, Эмилочино, р. Случь на участке Новоград-Волынский, Любар и быть готовым к отражению возможных контратак противника из района Ровно, Новоград-Волынский, Шепетовка, где, по разведывательным данным, противник сосредоточивает свои войска.

б) Замысел операции:

1. Главный удар силами 1-й гв. армии, 18-й армии и 38-й армии (Кузнецов, Леселидзе, Москаленко), 1 ТА, 3 гв. ТА и 25 отдельного тк при поддержке 7-го арт. корпуса прорыва, фронтовой артиллерии РГК и всей авиацией фронта нанести по обе стороны житомирского

шоссе на участке Радомышль, Ставище, Юрьевка в направлении Житомир, Бердичев, Казатин и далее на Жмеринка с задачей прорвать фронт противника на указанном выше участке, разбить главную группировку противника и развить успех в направлении Бердичев, Казатин и далее на Жмеринка. Ширина фронта прорыва 55 км.

Для надежного обеспечения прорыва создаем плотность артиллерийского огня не менее 300—350 стволов на 1 км фронта, привлекаем для прорыва 30 стрелковых дивизий, что дает среднюю оперативную плотность 2 км фронта на одну сд. Атаку пехоты поддерживаем танками и самоходными орудиями.

Авиацию применяем массированно только на участке главного удара. Всего будем иметь около 700 боевых самолетов, которые дадут в первый день операции до 2000 самолето-вылетов. Развитие успеха обеспечиваем массированным применением сил 1 ТА, 3 гв. ТА и 25 тк, имеющих в своем составе в общей сложности 1100 танков и самоходных орудий.

II. Вспомогательные удары нанести:

Справа силами 13-й армии (шесть сд) в направлении Коростень, Новоград-Волынский и силами 60-й армии (девять сд) в направлении Ново-Мирополь и частью сил в обход Житомира с запада.

Слева силами 40-й армии (девять сд) в начале в направлении жд Фастов, Кривое, для охвата Корнин с юга и перерезания путей, идущих из района Брусилов на юг.

После этого удара 40-й армии нанести удар с фронта иск. Попельня, Котанка на юго-восток, на Белая Церковь, в тыл группировки противника, находящегося в районе Белая Церковь, а также восточнее и юго-восточнее ее.

По времени вспомогательные удары нанести:

13-й и 60-й армиям 2—3 дня позже главного удара;

40-й армий одновременно с главным ударом.

в) Направление действий и задачи армий:

1. 1-я гв. армия (девять сд со средствами усиления) наносит удар по обоим берегам р. Тетерев из района Радомышль в направлении Житомир, Чуднов и на 10-й день выходит на фронт Любар, иск. Хмельники.

2. 18-я армия (девять сд со средствами усиления) наносит удар в направлении Ставище, Бердичев и на 10-й день выходит на р. Южный Буг на участке Хмельники, Янов.

3. 38-я армия (двенадцать сд со средствами усиления) наносит удар в направлении Ястребня, Казатин и на 10-й день выходит на р. Южный Буг на участке иск. Янов, Винница и далее на фронт Винница, Липовец.

4. 40-я армия (девять сд, одна сбр со средствами усиления) наносит удар в направлении жд Фастов, Кривое, а затем в направлении Почуйки, Белая Церковь. На 10-й день выходит на фронт иск. Липовец, Тетиев, Володарка.

5. 27-я армия (четыре сд) в начале наступления обороняется, а с началом отхода противника наступает и преследует его в направлении Ракитино, Таращa, Ставище.

6. 13-я армия (всего девять сд со средствами усиления) на 2—3 день после начала наступления на главном направлении наносит удар в направлении Коростень, Новоград-Волынский и на 10-й день выходит на фронт р. Уборть, Олевел, Новоград-Волынский, иск. Рогачев.

7. 60-я армия (девять сд со средствами усиления) на 2—3 день после начала наступления на главном направлении наносит удар в направлении Фасовая, Ново-Мирополь и частью сил из района сев. Черняхов в обход Житомира с запада и на 10-й день операции выходит на р. Случь на участке Рогачев, Любар.

8. 1 ТА развивает успех в направлении Нижиловичи, Бердичев, Хмельники. На 6-й день операции выходит в район Березна, Хмельники, Клетище, Пустовойты, Качановка. Направление дальнейших действий будет уточнено в ходе операции в зависимости от обстановки.

9. 3 гв. ТА развивает успех в направлении Грузское, Казатин, Калиновка и на 6-й день выходит в Калиновка, в район иск. Янов, Стрижавка, Турбов, Кордылевка. Направление дальнейших действий будет уточнено в ходе операции.

Одновременно в район Жмеринка выбрасываются два тк для перерезания основной жд коммуникации противника.

10. 2 ВА обеспечивает операцию в авиационном отношении на главном направлении.

г) Начало операции ориентировочно 25 декабря 1943 г.

4. Для обеспечения и питания операции к началу действий фронт будет иметь следующие резервы:

а) На коростеньском направлении:

1. 4 гв. тк Полубоярова в районе Ходаки, Козиновка, Стремин город.

2. 5 гв. тк в районе Вихля, Аннополь, Потиевка.

3. 1 гв. кк в районе Чеповичи, Установка, Головки.

б) На главном направлений — 25 тк в районе Буча, Лычановка, Шпитки.

5. Изложенный выше план контрнаступления является основным планом. Его преимущество заключается в том, что главная группировка наших войск с гарантией прикрывает Киев и обеспечивает массированное применение сил и средств.

Если по обстановке окажется более целесообразным нанести главный удар в обход Житомира, по главной группировке противника с запада, то одновременно разрабатывается и второй вариант плана, как запасной.

6. Для более успешного осуществления контрнаступления просим:

а) Усилить 1-й Украинский фронт одной артдивизией РГК, одной дивизией РС М-31 и пятью полками РС М-13.

б) Отпустить для укомплектования 5 гв. тк Кравченко 100 танков Т-34, 70 танков Т-70 и два самоходных полка СУ-85.

в) Довести количество боевых самолетов во фронте до 1000 самолетов.

г) Довести количество боеприпасов до трех бк на весь состав войск фронта.

Приложение: Карта 200 000 с планом операции.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза *ЖУКОВ*
Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии *ВАТУТИН*
Член Военного совета генерал-лейтенант *ХРУЩЕВ*
Член Военного совета генерал-майор *КРАЙНЮКОВ*
Начальник штаба фронта генерал-лейтенант *БОГОЛЮБОВ*

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 49. Л. 69–75. Подлинник.

№ 2

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ*, КОМАНДУЮЩЕМУ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ О ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЫМА

23 декабря 1943 г.
22 ч. 30 мин.

В ответ на представленные вами... соображения Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Дополнительно перебросить на Керченский полуостров еще один стрелковый корпус в составе трех сд, т. к. наличных сил для проведения наступательной операции с намеченным размахом не хватит.

---

* К. Е. Ворошилову, С. М. Штеменко.

В состав Отдельной Приморской армии включить 9-ю пластунскую стр. дивизию, которую иметь на Таманском полуострове. Дальнейшее использование 9-й пластунской стр. дивизии — только с разрешения Ставки.

2. Переселение начать в первых числах января 1944 г.

3. Подробный план операции представить в Генштаб не позднее 25.12.

4. К середине января будет дано 12 тысяч пополнения.

5. Горючее отпускается. Ускоряется отгрузка боеприпасов по декабрьскому плану. Сверх этого плана будет дано: 122-мм гаубичных — 13 000, 76-мм ДА — 40 000, 152-мм для пушек-гаубиц — 13 000.

Сообщите, достаточно ли у вас 120-мм мин, которые будут иметь серьезное значение для разгрома обороны противника?

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 311–312. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 249–250.

№ 3

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ КИРОВОГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

29 декабря 1943 г.
03 ч. 00 мин.

В связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта Ставка Верховного Главнокомандования, во изменение директивы № 30262 от 9.12.1943 г., приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту, прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом крыле, не позднее 5 января 1944 г. возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая.

Ближайшая задача — разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом Ново-Украинка, Помошная и наступать на Первомайск с целью выхода на р. Южный Буг, где и закрепиться.

2. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 313. Подлинник.

№ 4

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА РАЗВИТИЯ ОПЕРАЦИИ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

9 января 1944 г.
00 ч. 50 мин.

Докладываем соображения по дальнейшему проведению операции:

1. Ближайшая задача фронта остается прежняя, т. е. на правом крыле выйти на р. Горынь и р. Случь, овладеть Домбровицей и Сарнами, в центре и на левом фланге фронта разгромить жмеринскую и уманскую группировки противника, овладеть Винницей, Жмеринкой, Уманью, Луками Барскими и выйти на линию Любар, Хмельники, Луки Барские, Мурафа, Тульчин, Умань.

Эти задачи будут выполняться:

а) 13-я армия, закончив Сарненскую операцию по утвержденному Вами плану, будет закреплять достигнутый успех. 25 тк — в резерве командарма в районе Новоград-Волынского;

б) 60-я армия, как уже выполнившая ближайшую задачу, закрепляется на занимаемом рубеже, приводит части в порядок, доукомплектовывает их и ведет глубокую разведку на Шепетовку. 4 гв. тк — в резерве командарма в районе Любара приводит себя в порядок. В случае надобности 60-я армия будет помогать 1-й гв. армии;

в) 1-я гв. армия в течение 9—12 января выходит на рубеж Любар, Хмельники, закрепляется и готовится к дальнейшему наступлению;

г) 18 и 38 А, 3-я гв. и 1-я танковые армии заканчивают разгром винницко-жмеринской группировки противника, захватывают Винницу, Жмеринку, Луки Барские и выходят: 18-я армия — на рубеж (иск.) Хмельники, Луки Барские, ст. Матейково (глубина — 90 км); 1-я гв. армия — на рубеж (иск.) ст. Матейково, Мурафа (глубина — 80 км); 3 гв. ТА после получения 200 танков и подхода 31 тк стремительным ударом из района Хмельников на Луки Барские овладевает Луками Барскими, захватывает желдорогу Жмеринка — Львов и прочно удерживает этот район до подхода главных сил 18 А; 1-я танковая армия овладевает районом Жмеринки и удерживает его до подхода главных сил 38-й армии;

д) 40-я и 27-я армии, 5 гв. тк продолжают разгром уманской группировки противника и выходят: 40-я армия на рубеж (иск.) Мурафа, Тульчин, Оляница; 27-я армия и 5 гв. тк — (иск.) Оляница, Умань.

Задачи центра и левого крыла фронта будут выполнены в течение 10—12 дней.

2. С целью не дать противнику закрепиться на рубеже р. Горынь и Збруч ориентировочно с 20 января операцию продолжать с задачей к 5—10 февраля главными силами фронта выйти на рубеж Ожеховский канал, Ковель, Луцк, Дубно, Кременец, Волочиск, Гусятин, Каменец-Подольск и р. Днестр на участке Хотин, Могилев-Подольский, Сороки.

Операцию провести по следующему плану:

а) главный удар силами 1 гв., 18, 38-й армий, 31 тк и 5 мк, 3, 13, 17-й артдивизий, 3-й гв. миндивизии нанести в направлении Луки Барские, Каменец-Подольск. Армиям поставить задачи: 1-й гв. армии — главный удар на Старо-Константинов, Волочиск, овладеть [районом] Старо-Константинов, Проскуров, Волочиск и выйти главными силами в район Волочиска.

18-й армии, нанося удар в направлении Деражня, Гусятин, выйти главными силами в район Гусятина.

38-й армии, нанося удар в общем направлении Жмеринка, Струга, Каменец-Подольск, выйти на рубеж (иск.) Скала, Каменец-Подольск, Хотин, Калюс и овладеть городами Каменец-Подольск, Хотин;

б) на правом крыле фронта силами 13-й и 60-й армий, усиленных 1 и 6 гв. кк, 4 гв. и 25 тк, разгромить ровно-шепетовскую группировку противника.

Армиям поставить задачи: 13-й армии, усиленной 2 и 6 гв. кк, 25 тк, главный удар нанести в направлении Ровно, Луцк и главными силами выйти в район Ковель, Луцк, Дубно, Ровно. 25 тк направить первоначально на Острог, затем, обходя Ровно с юга и юго-запада, овладеть Ровно, в последующем продолжать наступление на Луцк. 1 и 6 гв. кк из района Сарн направить в междуречье рр. Стырь и Горынь на Луцк и Дубно с задачей удара по ровненской группировке противника с северо-запада и запада и захватить Луцк и Дубно.

60-я армия с 4 гв. тк наносит удар левым флангом с задачей овладеть районами Шепетовки, Изяславля и выйти главными силами в район Дубно, Кременец;

в) на левом крыле фронта — 40-я и 27-я армии, продолжая наступление, обеспечивают стык с 2-м Украинским фронтом и все левое крыло фронта. 40-я армия, наступая в направлении Гайсин, Тульчин, Вапнярка, Могилев-Подольский, выходит на р. Днестр на участке (иск.) Калюс, Могилев-Подольский, Сороки и овладевает городом Могилев-Подольский.

27-я армия с 5 гв. тк выдвигается на рубеж (иск.) Сороки, Вербка, Гайворон, Умань с задачей обеспечения левого фланга фронта до подхода правого крыла 2-го Украинского фронта;

г) 3 гв. ТА после приведения в порядок будет направлена на Каменец-Подольск, 1 ТА — на Могилев-Подольский.

2 ТА сейчас сосредоточивать по ж. д. в районе Житомира; из района же Киева ей придется до линии фронта пройти своим ходом 200—250 км. 31 тк сосредоточивать в район Казатина, 5 мк сосредоточивать в район Бердичева.

Просим утвердить.

ЖУКОВ
ВАТУТИН
КРАЙНЮКОВ
БОГОЛЮБОВ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 40–50. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945.
Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 260–261.

№ 5

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ № 15 (1053)

На 08 ч. 00 мин.
15 января 1944 г.

Войска Ленинградского фронта в первой половине дня 14 января перешли в наступление с Приморского плацдарма в направлении Дятлицы и прорвали оборону противника протяжением по фронту до 10 км и в глубину от 4 до 7 км.

Войска Волховского фронта силами ударной группировки в первой половине дня 14 января перешли в наступление в направлении Подберезье, вклинившись в оборону противника протяжением по фронту до 5 км и на глубину до 1,5 км; одновременно наносили вспомогательный удар в районе южнее Новгорода, где усиленный отряд, переправившись через озеро Ильмень, продвинулся в направлении Воробейка до 4 км.

Войска 2-го Прибалтийского фронта частью сил вели наступательные бои в направлении Насва и, прорвав оборону противника протяжением по фронту до 12 км и на глубину от 2 до

6 км, в районе станции Насва перерезали железную дорогу Новосокольники — Дно; одновременно продолжали наступление в районе озера Свибло, где продвинулись за день до 4 км.

Ленинградский фронт.

2-я ударная армия, после артиллерийской подготовки силами трех стрелковых дивизий в 10.40 14.1 перешла в наступление в общем направлении на Дятлицы. Наступавшие части, прорвав оборону противника протяжением по фронту до 10 км, овладели двумя оборонительными рубежами и заняли Перелесье, Жеребятки, Гостилицы, Новая, Порожки, продвинувшись за день от 4 до 7 км. Нашими частями захвачено 67 пленных.

Остальные армии фронта занимали прежние рубежи обороны, артиллерийским огнем подавляли огневые точки противника и разрушали его оборонительные сооружения.

Волховский фронт.

59-я армия, после артиллерийской подготовки продолжавшейся в течение 1 часа 50 минут, в 10.50 14.1 перешла в наступление с рубежа Любцы, Котовицы в направлении Подберезье. 6-й стрелковый корпус, вклинившись в оборону противника, вышел к р. Питьба восточнее Копцы, Тютицы и вел бой за Заполье. 14-й стрелковый корпус, переправившись через р. Волхов, овладел Германово (4 км юго-вост. Подберезье) и вел бой за Уголки, Котовицы.

Для отвлечения внимания противника от направления главного удара силами 58-й стрелковой бригады, лыжного батальона 225-й стрелковой дивизии и двумя аэросанными батальонами был произведен вспомогательный удар в районе южнее Новгорода в направлении Воробейка. Этот отряд, переправившись через озеро Ильмень, неожиданно для противника вышел на западный берег и к исходу дня занял Троица (7 км южнее Новгород), Стар. Ракома, Сапинов Бор, Желкун, Моисеевичи, Милославское, Здринога.

За день боя наступавшими частями захвачено 56 пленных.

Остальные армии фронта с утра 14.1 силами отдельных отрядов вели разведку боем.

Авиация, вследствие неблагоприятных метеоусловий, боевой работы не вела.

2-й Прибалтийский фронт.

22-я армия частями 54-й стрелковой бригады и 43-й гвардейской стрелковой дивизии внезапной ночной атакой прорвала оборону противника на участке Ягодкина (7 км сев.-вост. Насва), Полутина и овладела Щенайлово, Федорухново. Развивая успех, наступавшие части к 12.00 14.1 овладели Волгино, Маноково, Воево, Михалкино, станцией Насва, Чирки, перерезав железную дорогу Новосокольники — Дно. Части армии, наступавшие с рубежа Часовня (8 км юго-вост. Насва), Агафонова, овладели Черное, Образцова, Залесье. Во второй половине дня противник предпринял несколько контратак силами от батальона до полка пехоты с танками и к 18.00 выбил наши лыжные батальоны из Маноково.

10-я гвардейская армия частью сил правого фланга переправилась черев оз. Свибло и овладела лесом южнее Ваньки; в центре, продолжая наступление южнее оз. Свибло, овладела рубежом с населенными пунктами Глуховка, Александрово, Шулятино, продвинувшись за день от 3 до 4 км.

Остальные армии фронта занимали прежнее положение.

Заместитель начальника Оперативного управления
Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант *ГРЫЗЛОВ*

Начальник информационного отдела Оперативного управления
Генерального штаба Красной Армии генерал-майор *ПЛАТОНОВ*

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 115–123.

Опубл.: Великая Отечественная война — день за днем.
По материалам рассекреченных оперативных сводок
Генерального штаба Красной армии. Т. 7.
Прорыв к государственной границе 1 января — 30 июня 1944 г.
М.: Воениздат, 2010. С. 62–63.

№ 6

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОКТЯБРЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОТ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

29 января 1944 г.

1. Войска Волховского фронта, продолжая наступление, в 24.00 28 января 1944 г., стремительными действиями с востока, севера и запада блокировали Чудово и, уничтожив находящегося там противника, овладели крупным железнодорожным узлом Октябрьской железной дороги и городом Ленинградской области Чудово, превращенными немцами в сильно укрепленный узел сопротивления.

Таким образом, Октябрьская железная дорога и Ленинградское шоссе на всем своем протяжении от Тосно до Сосницкая Пристань освобождены от немецких захватчиков.

2. В боях за овладение сильным узлом сопротивления противника — жел. дор. узлом и городом Чудово — особенно отличились:

Войска под командованием — командующего 54-й армией генерал-лейтенанта Рогинского,

Артиллерия 54-й армии под управлением командующего артиллерией генерал-майора Петропавловского,

111-й стрелковый корпус — командир корпуса генерал-майор Рождественский,

44-я стрелковая дивизия — командир дивизии полковник Воробьев,

14-я отдельная стрелковая бригада — командир бригады полковник Паруликов,

53-я стрелковая бригада — командир бригады полковник Елшинов,

2-й укрепленный район — командир полковник Росийченко.

3. Всем указанным соединениям, отличившимся в овладении сильно укрепленным узлом сопротивления противника — важным железнодорожным узлом и городом Чудово, — прошу присвоить название «Чудовских».

Командующий войсками Волховского фронта генерал армии *К. МЕРЕЦКОВ*
Член Военного совета фронта генерал-лейтенант *Т. ШТЫКОВ*
Начальник штаба фронта генерал-лейтенант *Ф. ОЗЕРОВ*

ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2275. Л. 55.

Опубл.: Ленинград выстоял и победил. Сборник документов и материалов. М.: Триада-фарм, 2004. С. 320.

№ 7

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КРЫМСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОБ УПРАЗДНЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ И ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ

29 января 1944 г.

§ 1

Учитывая рост и численность состава партизанских формирований, удаленность их от места дислокации ЦОГ и в целях более оперативного руководства боевой и оперативной деятельностью партизанских соединений непосредственно Крымским штабом партизанского движения, Центральную оперативную группу (ЦОГ) — упразднить.

§ 2

Сформировать в районе действия 1-й, 5-й и 6-й бригад партизанское соединение в составе 1-й, 5-й бригад, с непосредственным подчинением Крымскому штабу партизанского движения.

6-ю бригаду, ввиду малочисленности, расформировать, пополнив за счет ее личного состава 1-ю, 5-ю бригады.

§ 3

Сформировать в районе действия 4-й бригады партизанское соединение в составе трех бригад: 4-й партизанской бригады, 6-й партизанской бригады, 7-й партизанской бригады.

Соединение непосредственно подчинить Крымскому штабу партизанского движения.

§ 4

Соединение в составе 1-й и 5-й бригад впредь именовать — Северное соединение.

Соединение в составе 4-й, 6-й и 7-й бригад впредь именовать — Южное соединение.

Установить следующий штат штаба соединения: командир соединения, комиссар соединения, начальник штаба, зам. командира по разведке, помощник начальника штаба, начальник тыла, начальник санслужбы.

§ 5

Назначить: командиром Северного соединения — т. Ямпольского П. Р., комиссаром Северного соединения — т. Лугового Н. Д., начальником штаба — т. Савченко, заместителем командира по разведке — т. Осовского.

§ 6

Назначить командиром Южного соединения — т. Македонского М. А., комиссаром Южного соединения — т. Селимова М. В., начальником штаба — т. Аристова, начальником тыла — т. Тамашек И. О.

§ 7

Назначить: командиром 4-й партизанской бригады — т. Чусси Х. К., комиссаром 4-й партизанской бригады — т. Бережного А. Л., начальником штаба бригады — т. Тарнови-

ча Е. Н., командиром 6-й партизанской бригады — т. Вихмана Д. А., комиссаром 6-й партизанской бригады — т. Сытникова Ю. И., начальником штаба бригады — т. Татаринова П. К., командиром 7-й партизанской бригады — т. Грузинова П. К., комиссаром 7-й партизанской бригады — т. Догадина И. Ф., начальником штаба бригады — т. Казанцева А.

§ 8

В период совместных боевых и оперативных действий двух или более соединений старшим оперативным начальником является командир Северного соединения т. Ямпольский.

Врид начальника Крымского штаба партизанского движения *БЕРЕЗКИН*

КОПА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 78. Л. 15. Заверенная копия.

№ 8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО «О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПРЕДЕЛАХ КАЗАХСКОЙ И КИРГИЗСКОЙ ССР»

31.01.1944
Совершенно секретно

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомзем СССР (т. Андреева), Наркоммясомолпром СССР (т. Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т. Лобанова) и Наркомзаг (т. Субботина) принять на Северном Кавказе от спецпереселенцев скот и сельскохозяйственную продукцию в местах и в сроки, согласованные с НКВД СССР, с выдачей на принятое обменных квитанций.

Принятие всего имущества, а также расчеты по этому имуществу со спецпереселенцами произвести в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 14 октября 1943 года № 1118-342сс.

Обязать Наркомзем СССР, Наркоммясомолпром СССР, Наркомзаг и Наркомсовхозов СССР подготовить и направить в сроки, согласованные с НКВД СССР, на места специальные группы с достаточным количеством работников и бланками обменных квитанций по оформлению приема скота и сельскохозяйственной продукции от спецпереселенцев.

2. Командировать на Северный Кавказ для организации и руководства приемом от спецпереселенцев скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества комиссию СНК СССР в следующем составе: председатель комиссии — Заместитель Председателя Совнаркома РСФСР т. Гриценко и представители: от Наркомзема СССР — Заместитель Народного Комиссара т. Пензин, от Наркоммясомолпрома — член коллегии т. Надъярных, от Наркомсовхозов СССР — Заместитель Народного Комиссара т. Кабанов, от Наркомзага — член коллегии т. Пустовалов.

3. Обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев с Северного Кавказа в Казахскую ССР и Киргизскую ССР, сформировав для этого специальные эшелоны из отепленных и оборудованных для людских перевозок вагонов.

Количество эшелонов, сроки подачи вагонов, места погрузки и разгрузки по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки по тарифу перевозки заключенных.

НКПС и ЦУП ВОСО (т. Хрулева) обеспечить продвижение эшелонов до места назначения на правах воинских, с установлением специального диспетчерского наблюдения за их продвижением.

4. Обязать Наркомторг СССР, под личную ответственность т. Любимова, обеспечить выдачу горячей пищи и кипятка проходящим эшелонам со спецпересленцами в соответствии с графиком движения эшелонов, составленным НКВД СССР и НКПС.

Для проведения организационно-подготовительной работы и проверки готовности питательных пунктов и железнодорожных буфетов к обслуживанию эшелонов со спецпереселенцами командировать на места по пути движения эшелонов, не позже 1 февраля, ответственных представителей Наркомторга.

5. Обязать Наркомздрав СССР, под личную ответственность т. Митерева, обеспечить выделение на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов, а также подготовить пункты санобработки и изоляторы Наркомздрава по пути прохождения эшелонов.

6. Обязать Главное Управление Государственных Материальных резервов при Совнаркоме СССР (т. Данченко) разбронировать из госрезерва на проведение специальной работы 4000 тонн автобензина для НКВД СССР, 500 тонн автобензина для СНК Казахской ССР и 150 тонн для СНК Киргизской ССР.

Обязать Гланефтеснаб при Совнаркоме СССР (т. Широкова) отгрузить указанный автобензин в пункты по согласованию с НКВД СССР, СНК Казахской ССР и СНК Киргизской ССР целевыми цистернами с доставкой на места в сроки для НКВД СССР в течение февраля 1944 г. и для СНК Казахской ССР и СНК Киргизской ССР — до 15 февраля 1944 г.

7. Обязать Наркомфин СССР (т. Зверева) и НКВД СССР (т. Чернышева) в 5-дневный срок представить в Совнарком СССР совместное предложение о дополнительном ассигновании НКВД СССР средств на проведение специальной работы.

8. Обязать Наркомзем СССР (т. Андреева) передать НКВД СССР для кавчастей милиции из числа принимаемых от спецпереселенцев на Северном Кавказе 350 лошадей, годных к строевой службе.

Заместитель председателя Государственного Комитета Обороны *В. МОЛОТОВ*

Послано т.т. Молотову, Маленкову, Берия, Вознесенскому, Скворцову, Ундасынову, Богданову, Вагову, Кулатову, Пчелкину, Андрееву, Бенедиктову, Косыгину, Смирнову, Лобанову, Субботину, Гриценко, Чадаеву — все. Шамбергу, Попову, Шаталину, Звереву, Пензину, Надъярных, Кабанову (НКСовхозов), Пустовалову, Кагановичу, Хрулеву, Измайлову, Голубеву, Любимову, Митереву, Данченко, Широкову, Соколову, Чернышеву — соответственно. Меркулову — НКГБ — все.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 200. Л. 13–15.
Копия (на бланке ГКО и с круглой печатью Протокольной части ГКО).

№ 9

ТЕКСТ УЛЬТИМАТУМА, ПРЕДЪЯВЛЕННОГО НЕМЕЦКОЙ ГРУППИРОВКЕ ВОЙСК, ОКРУЖЕННОЙ В РАЙОНЕ КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ

8 февраля 1944 г.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска, во главе с Вами и с вашими штабами, немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание.

Ваш ответ ожидается к 11.00 9 февраля 1944 года по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировка.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировка 9 февраля 1944 года в 11 часов 00 минут по московскому времени. Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушного флота начнут действия по уничтожению окруженных Ваших войск и ответственность за их уничтожение понесете Вы.

Сообщения Советского информбюро. Т. 6. М., 1944. С. 81.

№ 10

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го и 2-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА РАЗГРОМ КОРСУНЬСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

12 февраля 1944 г.
19 ч. 45 мин.

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202 сд, 54, 159 ур и всех имеющихся частей усиления передать с 24.00 12.02.1944 г. в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27 А всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом. Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

3. Лично для Юрьева от Сталина. Пункт 3 моей шифровки на Ваше имя за № 220021 считать отмененным.

4. [Об] исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 139. Л. 201–202. Подлинник.

№ 11

ДОКЛАД МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К. ЖУКОВА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 1-го и 2-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ В НАЧАЛЕ МАРТА 1944 г.

13 февраля 1944 г.

Тов. Сталину

Докладываю свои соображения о плане ближайших наступательных операций 1-го и 2-го Украинских фронтов:

1. Исходя из плотности обороны противника, наступательные операции в период 1—5 марта целесообразно провести на двух участках:

I — Дубно, Любар.

II — район Звенигородка с двумя вспомогательными ударами — один из района Балабановка и один — из района Бол. Выська.

2. Наступление можно провести следующими силами и с какой целью:

Группа армий «А»

а) 13-я армия (9 сд, 1тк, 2 кк, 6 иптап) — из района Дубно на Броды.

Частью сил должна повернуть в обход Кременец на Вшипевиц для помощи 60 А.

б) 60-я армия (9 сд, 1 тк, 1 артдивизия, 6 иптап) — наносит удар из района Шумск, Плужное в общем направлении на Тарнополь.

На участке 60-й армии вводится 3-я гвардейская танковая армия Баданова, которая из района Ямполь должна повернуть через Базалия на Проскуров, обходя его с запада.

в) 1-я гвардейская армия (9 сд, 2 артдивизии, 1 тбр, 10 итап, 4 тп ИС, 2 СУ-152) наступает на участке Лабунь, Любар, нанося удар на Староконстантинов, Проскуров.

На карте показано пунктиром, на какой фронт эта группа должна выйти.

В интересах 1-го Украинского фронта т. Курочкину желательно поставить задачу захватить Ковель и выйти, как указано на карте.

Группа армий «Б»

а) 27-я и 40-я армии (всего 16 сд, около 2 артдивизий, 1 гмд) прорывают северо-западнее Звенигородка и идут по тылам противника, обращенного на север. Общее направление удара ст. Вапнярка.

На этом участке в прорыв вводятся Кравченко и Баданов.

б) С выходом 27-й и 40-й армий в район Умань, то есть через 6—7 дней, начнет наступление ударная группа 38-й армии примерно в составе 7—8 сд, с шестью иптапами и артдивизией, усиленная танками 1-й танковой армии, которую придется перебросить от Жмаченко по освобождению ее от прорыва.

Направление удара — Гайсин, где удар 38-й армии должен сойтись с ударом 40-й и 27-й армий.

в) Из района юго-восточнее Звенигородка 4-я гвардейская и 52-я армии силами 18—20 сд при поддержке 1,5 артдивизии прорывают фронт, примыкая к 27-й армии, и наступают параллельно 27-й армии в общем направлении Гайворон.

Частью сил повернет на Ново-Украинку, чтобы пройти по тылам ново-миргородской группировки противника.

Навстречу этому удару из района Бол. Виськи в направлении на Ново-Украинка начнет наступление 5-я гвардейская армия силами 10 сд.

г) Армия Ротмистрова будет введена за 4-й гвардейской и 52-й армиями в общем направлении на Ново-Украинка для того, чтобы закрыть доступ к флангам главной наступающей группировки и быстрее пройтись по тылам обороны противника.

3. В целях секретности при переговорах по ВЧ именовать 13, 60, 1-ю гвардейскую, 3-ю гвардейскую танковую, 4-ю танковую армии — группа «А».

Командиров именовать: Пухова — Клен, Черняховского — Груша, Гречко — Сосна, Баданова — Дуб, Рыбалко — Ель.

38, 40, 27, 52, 4-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые, 5-я гвардейская танковая, 6-я танковая — группа армий «Б».

Командиров именовать: Москаленко — Кузьмич, Жмаченко — Попович, Трофименко — Гаврилович, Коротеева — Иванович, Рыжова — Сергеевич, Жадова — Селиванович, Ротмистрова — Захарович, Богданова — Павлович, Катукова — Егорович, Кравченко — Миронович.

4. В случае Вашего согласия на проведение этого плана прошу пополнить фронты танками, самоходными орудиями и дать директиву Ставки.

Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1720. Д. 14. Л. 1–4.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 43.

№ 12

ТЕЛЕГРАММА Л. П. БЕРИИ — И. В. СТАЛИНУ О ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

17.02.1944
Совершенно секретно

Товарищу Сталину

Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 человек, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией, и в городе Владикавказе. На месте мною проверяется состояние дел по подготовке переселения и принимаются необходимые меры.

Учитывая масштабы операции и особенность горных районов, решено выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней, в пределах которых в первые 3 дня будет закончена операция по всем низменным и предгорным районам и частично по некоторым поселениям горных районов, с охватом свыше 300 тысяч человек. В остальные 4 дня будут проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тысяч человек.

В период проведения операции в низменных районах, т. е. в первые 3 дня, все населенные пункты горных районов, где выселение будет начато на 3 дня позже, будут блокированы уже заблаговременно введенными туда войсковыми командами под начальством чекистов.

Среди чеченцев и ингушей отмечается много высказываний, в особенности связанных с появлением войск. Часть населения реагирует на появление войск в соответствии с официальной версией, согласно которой якобы проводятся учебные маневры частей Красной

Армии в горных условиях. Другая часть населения высказывает предположение о выселении чеченцев и ингушей. Некоторые считают, что будут выселять бандитов, немецких пособников и другой антисоветский элемент.

Отмечено большое количество высказываний о необходимости оказать сопротивление выселению. Все это в намечаемых оперативно-чекистских мероприятиях нами учтено.

Приняты все необходимые меры к тому, чтобы выселение вести организованно, в указанные выше сроки и без серьезных инцидентов. В частности, к выселению будут привлечены 6–7 тысяч дагестанцев и 3 тысячи осетин из колхозного и сельского районов Дагестана и Северной Осетии, прилегающих к Чечено-Ингушетии, а также сельские активисты из числа русских в тех районах, где имеется русское население. Русские, дагестанцы и осетины также будут частично использованы для охраны скота, жилья и хозяйств выселяемых. В ближайшие дни подготовка к проведению операции будет полностью закончена, и выселение намечено начать 22 или 23 февраля.

Учитывая серьезность операции, прошу разрешить мне остаться на месте до завершения операции хотя бы в основном, т. е. до 26–27 февраля.

НКВД СССР

БЕРИЯ

ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 2. Д. 64. Л. 167–167 об.

№ 13

ИЗ ДОКЛАДА ВОЕННОГО СОВЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ИТОГАХ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 14 ЯНВАРЯ ПО 14 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

17 февраля 1944 г.
22 ч. 40 мин.

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза товарищу Сталину

Войска Ленинградского фронта начали зимнее наступление 14 января с целью выполнения задач, определенных планом Верховного Главнокомандования.

Ближайшая задача войск Ленинградского фронта состояла в том, чтобы одновременным ударом с двух направлений — из района Ораниенбаума и из района Пулковских высот — прорвать оборону немцев под Ленинградом, разгромить противостоящую группировку противника, воссоединить Ораниенбаумский плацдарм с Ленинградом и ликвидировать вражескую артиллерийскую группировку, обстреливавшую город Ленинград из района Стрельна — Беззаботный. В последующем по выполнении этой задачи войска фронта должны были полностью ликвидировать вражескую блокаду Ленинграда и, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, отбросить противника на рубеж р. Луга.

В результате напряженных боев войска Ленинградского фронта за период с 14 января по 14 февраля 1944 года целиком выполнили поставленные перед ними задачи. Решительными действиями войск была прорвана и преодолена сильно укрепленная, долговременная, глубоко эшелонированная оборона немцев под Ленинградом, создававшаяся немцами в течение двух с половиной лет. Эта оборона состояла из ряда глубоко эшелонированных и многолинейных полос обороны и была построена по принципу сочетания мощных узлов сопротивления и опорных пунктов, имеющих сплошную круговую оборону, с сильно развитой системой фронтальных траншей и отсечных позиций. При этом каждый узел сопротивления и опорный

пункт оснащен большим количеством артиллерийских и пулеметных железобетонных, броневых и дерево-каменно-земляных ДОТ и ДЗОТ. Кроме этого, в качестве узлов сопротивления и опорных пунктов были использованы все населенные пункты, из коих многие были превращены в крепости. Для обороны были приспособлены также искусственные сооружения: железнодорожные насыпи, дамбы, каналы, фабрично-заводские здания и т. д. Оборона на всю глубину была усилена противопехотными и противотанковыми заграждениями.

Оборона была в высокой степени насыщена артиллерийскими, минометными и автоматно-пулеметными средствами. На огневых позициях только на участке прорыва было сосредоточено свыше 2200 орудий, в том числе 320 тяжелых и сверхтяжелых орудий калибром от 150 мм до 406 мм, которые вели систематический обстрел Ленинграда.

По выполнении ближайшей задачи войска фронта, широко применяя обходный маневр в сочетании с фронтальными ударами, овладели сильно укрепленными опорными пунктами немецкой обороны — городами Пушкин, Павловск, Гатчина, гарнизоны которых были окружены и уничтожены.

Преследуя разбитые части 18-й армии немцев, наши войска в ходе непрерывного наступления последовательно выбили противника с ряда промежуточных укрепленных рубежей между Ленинградом и р. Луга и подошли к р. Луга.

В итоге наступательных боев в течение месяца войска фронта расширили фронт прорыва до 350 километров и продвинулись вперед на 150–250 километров.

Выполнена задача первостепенной важности — ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда.

Очищена от противника значительная часть территории Ленинградской области. Освобождены города: Красное Село, Ропша, Урицк, Петродворец (Петергоф), Мга, Пушкин, Павловск, Гатчина, Кингисепп, Луга, Гдов и свыше 3000 населенных пунктов. Войска фронта полностью очистили от противника восточное побережье Чудского озера и вступили в пределы Советской Эстонии.

Освобождены железнодорожные линии Ленинград — Ораниенбаум — Веймарн, Ленинград — Кингисепп, Веймарн — Гдов, Ленинград — Луга, Ленинград — Батецкая, Гатчина — Тосно и совместно с войсками Волховского фронта железнодорожные линии Ленинград — Москва, Ленинград — Вологда, Ленинград — Мга — Рыбинск, Ленинград — Новгород.

За месяц боев нашими войсками нанесены следующие потери 18-й армии немцев: убито до 60 тысяч солдат и офицеров, взято в плен до 4 тысяч немецких солдат и офицеров.

За этот период нашими войсками уничтожено: орудий разного калибра 1400, танков 152, минометов 1900, пулеметов 1600, автоматов 6350, винтовок 15 тысяч, автомашин 3100, складов с боеприпасами, продовольствием 460 и много другого вооружения и военного имущества.

За это же время нашими войсками захвачены следующие трофеи: орудий разных калибров 1290, танков 158, минометов 2300, пулеметов свыше 2900, автоматов 4100, винтовок 9600, автомашин 2110, снарядов более 1 миллиона, авиабомб 10 тысяч, патронов 12 миллионов, складов разных 353.

Л. ГОВОРОВ
А. ЖДАНОВ
Д. ГУСЕВ

ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 25–29.

№ 14

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ НА ПРОСКУРОВСКО-ЧЕРНОВИЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ

23 февраля 1944 г.
12 ч. 20 мин.

Докладываем план операции по разгрому группировки немцев в районе Кременец, Старо-Константинов, Тарнополь.

1. Цель операции — разгромить группировку немцев в районе Кременец, Старо-Константинов, Тарнополь и овладеть рубежом Киселин, Горохув, Радзехув, Красне, Золочев, Тарнополь, Проскуров, Хмельники. В дальнейшем наносить удар в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе сев. р. Днестр.

2. Группировка войск и задачи.

Главный удар нанести с фронта Дубно, Шепетовка, Любар силами 13, 61, 1-й гв. армий, 3-й гв. и 4-й танковых армий, усиленных всей артиллерией фронта и при поддержке авиации фронта, в южном направлении на Проскуров с ближайшей задачей к исходу третьего дня операции выйти и овладеть рубежом Берестечко, Кременец, Вязовец, Антонины, Старо-Константинов, Мотовиловка.

В дальнейшем, развивая наступление в южном направлении, к исходу двенадцатого дня операции овладеть важнейшими узлами дорог противника: Броды, Тарнополь, Скалат, Проскуров, Трибуховцы, Хмельники и выйти на рубеж Берестечко, Броды, Тарнополь, Проскуров, Хмельники.

На правом крыле фронта с рубежа Луцк, Броды продолжать наступление и главными силами выйти и овладеть рубежом Киселин, Радзехув, Красне, Зборов, где и закрепиться с задачей жесткой обороной обеспечить правое крыло фронта от атак противника с запада.

По выходу на рубеж Тарнополь, Проскуров, Хмельники войска ударной группы фронта должны быть готовы к продолжению наступления в общем направлении на Чертков.

Исходя из этого плана, армиям будут поставлены задачи:

а) 13-я армия: состав — одиннадцать сд, два кавкорпуса (шесть кд), два тк, одна тбр, одна пабр, шестнадцать артминполков, девять зап, семь инжбатов.

Задача — ударной группой в составе шести сд, двух тк, одной тбр, двух кавкорпусов, артсредств усиления нанести главный удар с фронта Торговица, Млынув в общем направлении Бокуйма, Броды и вспомогательные удары в направлениях: Демидувка, Остров, Корсув, Броды и Козин, Вишневец. Одновременно силами двух сд, усиленных артиллерией, нанести удар с фронта Волица, Детыниче, Плоска в направлениях на Вербу, Козин.

Дубно с фронта не атаковывать, а, обходя его с северо-запада и юго-востока, блокировать Дубно и не допустить прорыва войск противника из Дубно на юго-запад.

Ближайшая задача — к исходу первого дня операции выйти и овладеть рубежом Боремель, Демидувка, Пелче, Верба, Смыга и полностью блокировать Дубно.

Развивая наступление в юго-зап. направлении, главными силами армии к исходу третьего дня операции выйти и овладеть рубежом Берестечко, Ситно, Кременец, Вилья.

Подвижными войсками к этому же времени выйти на линию Броды, Вишневец и овладеть этими пунктами.

В дальнейшем, к исходу двенадцатого дня операции, выйти и закрепить за собой рубеж Берестечко, Броды, Маркополь, (иск.) Залосьце.

Из района Брод кавгруппой наступать в юго-западном направлении и овладеть районом Красне, Золочев, Подгорце. Одним тк из района Брод нанести удар на Тарнополь и во взаимодействии с 4 гв. тк 60 А овладеть Тарнополем.

Одновременно с выполнением главной операции войска правого фланга 13 А должны перейти в наступление в западном направлении с конечной задачей выйти и овладеть рубежом Киселин, Горохув, Радзехув, Красне, Золочев, Зборов, где закрепиться, построить жесткую оборону и прочно удерживать занимаемый рубеж, обеспечивая главную группировку фронта от ударов противника с запада. На усиление армии к этому времени будет дано два укрепрайона.

КП 13-й армии — Радув, 20 км вост. Млынува.

б) 60-я армия: состав — девять сд, один ур, один тк, одна артдивизия, одна бригада БМ, одна пабр, одна бригада М-31, семнадцать артминполков, пять зап, один танковый полк, семь инжбатов, одна минрота.

Задача — ударной группой в составе семи сд, одного тк, артсредств усиления нанести удар с фронта Великая Боровица, Шимковцы в общем направлении Садки, Борщувка, Тарнополь.

Ближайшая задача армии — к исходу первого дня овладеть рубежом Борки, Ямполь, Ляховцы, Белогородка и обеспечить ввод в прорыв 4 ТА.

Из района Залужья силою одной сд нанести удар в направлении Белогородка, Новое Село. Район Шепетовки прочно удерживать одной сд и 156 ур. К исходу третьего дня операции армии выйти и овладеть рубежом Подгайце, Вязовец, Шарлаевка, Якимовцы. В дальнейшем, нанося главный удар в направлении на Тарнополь и вспомогательный — из Волочиска, к исходу двенадцатого дня операции выйти и овладеть рубежом Залосьце, Тарнополь, Острув, Скалат, Куманов, выслав передовые отряды на линию Зборов, Городище, Трембовля, Хоросткув.

КП армии — Славута.

в) 1-я гв. армия: состав — девять сд, одна тбр, две артдивизии, одна гв. мд (без одной бригады), двадцать артминполков, пять зап, восемь инжбатов. К утру 28.02.1944 г. сдать занимаемый боевой участок 18-й армии и принять от 60 А рубеж (иск.) Судилков, Лабунь, Любар.

Задача — ударной группой в составе семи сд, одной тбр, артиллерии усиления перейти в наступление с фронта Лабунь, Бражинцы, прорвать фронт противника и к исходу первого дня операции выйти и овладеть рубежом Вербовцы, Мацевичи, Острополь.

В направлениях Грицев, Новое Село и Воробьевка, Острополь для свертывания боевых порядков противника будет направлено по одной сд.

К исходу третьего дня операции главными силами армии выйти и овладеть рубежом Антонины, Григоровка, Ладыги, Пышки.

В дальнейшем, развивая наступление в южном направлении, к исходу двенадцатого дня операции выйти и овладеть рубежом Куманов, Проскуров, Трибуховцы, Чапля.

КП армии — Понинка.

г) 4-я танковая армия вводится в прорыв с рубежа Садки, Ляховцы и наносит удар в юго-восточном направлении на Ямполь, Святец, Базалия, Черный Остров, Проскуров; во взаимодействии с 3 гв. ТА к исходу 6–8-го дня операции овладевает районом Проскурова и выходит в район Черный Остров, Немычинцы, Гречаны.

Из района Киева 4 ТА походом и по ж. д. к исходу 28.02.1944 г. сосредоточивается в районе Острог, Спивак, Комаровка, Кривин.

КП армии — Кривин.

д) 3 гв. ТА вводится в прорыв с рубежа Малая Шкаровка, Воробьевка. Задача — нанося удар в направлении на Старо-Константинов, Проскуров, к исходу второго дня операции овладевает районом Старо-Константинова. К исходу 6–8-го дня операции во взаимодействии с 4 ТА овладевает районом Проскурова и выходит в район Проскуров, Деражня, Ярмолинцы.

КП армии — Полонное.

е) 18-я армия в составе десяти сд, одного ур, семи артминполков, пяти инжбатов жесткой обороной прочно удерживает рубеж (иск.) Любар, Ступник, Николаевка. Силою трех сд, усиленных артиллерией, готовит удар из района Авратина в направлении Острополя с целью во взаимодействии с частями 1 гв. А окружить и разгромить остропольскую группу противника.

В дальнейшем из района Острополя наступать в направлении Хмельников с задачей выйти и овладеть рубежом Ново-Константинов, Хмельники.

В наступление перейдет на 2—3-й день операции.

КП армии — Комнезамовка.

ж) 38-я армия в составе одиннадцати сд, десяти артполков, шести инжбатов жесткой обороной прочно удерживает занимаемый рубеж.

Одновременно силами семи сд, одной ад, десяти артминполков, двух бригад М-31 во взаимодействии с 1 ТА готовит наступление из района Владимировка, Оратов в общем направлении на Бабин, Райгород с целью содействия правому крылу 2-го Украинского фронта в овладении районом Гайсина.

Наступление 38 А и 1 ТА начнется на четверо суток позднее 2-го Украинского фронта.

КП армии — Погребище.

3. Артобеспечение операции:

а) для выполнения операции на главные направления привлекаем всю основную массу артиллерии, оставив на второстепенных направлениях минимальное количество орудий.

В итоге перегруппировок артиллерии артплотность на 1 км фронта на главных направлениях ударов будет (с учетом 82-мм минометов):

13 А — 80 орудий.

60 А — до 150 орудий (с учетом артиллерии 4 ТА), 1 гв. А — до 180—200 орудий (с учетом артиллерии 3 гв. ТА). В центре ударной группы плотность будет 200 орудий на 1 км фронта, на флангах — до 180 орудий.

18 А на участке 11 ск — 119 орудий, 38 А — 85 орудий.

На направлениях главного удара армий в общем количестве артиллерии будут иметь тяжелых орудий от 122-мм и выше: 13 А — 176 орудий, 60 А — 249 орудий, 1 гв. А — 391 орудие;

б) артподготовка — 1,5 часа;

в) расход боеприпасов на всю операцию — 3 бк тяжелых и 2,5 бк по остальным видам артиллерии.

4. Задача 2 ВА:

а) содействовать прорыву обороны противника на главных направлениях 60-й и 1-й гв. армий;

б) содействовать наступлению и развитию успеха 3 гв. и 4 ТА;

в) не допустить подхода резервов противника, обратив главное внимание на направления Львова и Винница, Жмеринка;

г) содействовать уничтожению окруженных групп противника и осуществлять авиационное преследование его, не допуская отхода немецких войск;

д) прикрыть с воздуха главные группировки 60, 1 гв. А, 4 и 3 гв. ТА;

е) непрерывно вести разведку до рубежа (вкл.) Владимир-Волынский, Львов, Черновицы.

Устанавливается следующее напряжение 2 ВА на операцию:

1 день операции — 1800 самолето-вылетов,

2 день операции — 1500,

3 день операции — 1200,

4 день операции и последующие дни — 1000 самолето-вылетов.

5. Резервы фронта:

а) 102 ск (350, 302, 340 сд) сосредоточивается к 1—3 марта в районе Дубровка, Барановка;

б) 47 ск (167 сд, 2 гв. вдд, 359 сд) к 3—5 марта сосредоточивается в районе Аннополь, Славута.

6. Управление:

Штаб фронта с 29.02.1944 г. — Новоград-Волынский.

ВПУ фронта для управления левым крылом — Андрушевка.

7. В связи с необходимостью больших перегруппировок войск (с левого фланга на правый) наступление на главном направлении можно начать не ранее 3 марта.

8. Просим утвердить настоящий план.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза *ЖУКОВ*
Командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии *ВАТУТИН*
Член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-майор *КРАЙНЮКОВ*
Начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант *БОГОЛЮБОВ*

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 477. Л. 4–12. Подлинник.

№ 15

ДИРЕКТИВА ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА О ЗАДАЧАХ ФЛОТА В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ В КРЫМУ

№ ОУ-3/57

23 февраля 1944 г.
16 ч. 56 мин.

Начавшаяся уже частичная эвакуация и, возможно, уже в ближайшее время полная эвакуация Крыма противником потребуют от флота решения следующих основных задач:

1. Усиление действий на коммуникациях противника к западу от Крыма и Северо-Западном районе подводных лодок, торпедных катеров и Скадовской авиагруппы.

2. Развертывание операций по блокаде Южного побережья Крыма от Керченского пролива до Ялты торпедными катерами, авиацией и при благоприятной обстановке надводными кораблями (ночные действия).

3. Массированные удары авиации по портам Крыма. Задача содействия наступлению КА тактическими десантами, по-видимому, останется. В целях наиболее успешного решения предстоящих задач предлагаю:

1. Проверить ход ремонта ПЛ ПЛ, принять меры по его ускорению с расчетом в нужный момент развернуть максимально возможное число ПЛ ПЛ на позициях.

2. Ускорить намеченное перебазирование ТКА ТКА в Скадовск и завоз им питания.

3. Для обеспечения операций ТКА ТКА по блокаде южного побережья Крыма подтянуть базирование остальных ТКА ТКА в район Новороссийска подготовить одну-две временных маневренных базы ТКА ТКА в районе Анапа — Тамань.

4. Произвести расчеты набеговых операций надводных кораблей по коммуникациям противника.

5. Начать систематическую разведку портов Крыма уже теперь с целью установить сосредоточение плавсредств.

6. Авиацию готовить для массированных ударов по конвоям противника в море, особенно обратив внимание на взаимодействие с ПЛ ПЛ и ТКА ТКА разведывательной авиации.

7. Вести подготовку к минированию портов противника в Крыму, в более широком масштабе используя мины с приборами срочности.

При планировании и расчетах использования сил следует учитывать, что потребуется большое напряжение их. О выполнении и намеченных мероприятиях донести.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 216. Д. 12892. Л. 390–391. Подлинник.

№ 16

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ПЕРЕРАБОТКЕ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА ВИТЕБСКОМ И ОРШАНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

26 февраля 1944 г.
03 ч. 10 мин.

На Ваши соображения, представленные шифром 25.02 за № 21, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Дабы не получилось распыления сил и ослабления удара, наступательный маневр проводить не в четырех, а в двух направлениях — на Витебск и на Оршу.

2. Для этого:

а) 33 А наступать, имея главной задачей перерезать железную дорогу Витебск — Орша, в дальнейшем наносить удар на Витебск с юга;

б) наступление 39 А начать после выхода 33-й армии на линию железной дороги Витебск — Орша и поворота ее на север, в сторону Витебска;

в) наступление на стыке 5-й и 31-й армий прекратить и перейти здесь к обороне;

г) намеченное Вами наступление 49-й армии в направлении Добрынь, Леоновка считать нецелесообразным. Вместо этого организовать наступление в направлении на Оршу севернее р. Днепр, используя для этой цели силы, намеченные Вами для ударных групп 49-й и 31-й армий.

3. План действий, переработанный согласно настоящим указаниями, представить в Генштаб не позднее 27.02.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 47. Подлинник.

№ 17

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА УМАНСКО-БАТОШАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

26 февраля 1944 г.
11 ч. 20 мин.

1. Задача войск 2-го Украинского фронта — разбить уманскую группировку немцев и овладеть рубежом Ладыжин, Гайворон, Ново-Украинка.

Решение. Главный удар силами 27, 52, 4-й гв. армий, 5 гв., 2 и 6-й танковых армий наносить с фронта Яблоновка, Ольховец в общем направлении на Умань.

Вспомогательный удар внутренними флангами 5-й гв. и 7-й гв. армий нанести на третий день операции главного удара в общем направлении на Ново-Украинку. Задача вспомогательного удара — разбить ново-украинскую группировку противника и тем самым обеспечить проведение операции на главном направлении.

2. Этапы операции:

Первый этап — подготовка и перегруппировка войск. Время — с 23.02 по 5.03.1944 г.

С 3 по 5.03.1944 г. — действия авангардов с задачей вскрыть оборону противника и улучшить исходное положение.

Второй этап — прорыв обороны противника и овладение рубежом Ладыжин, Гайворон, Ново-Украинка. Время — с 6.03 по 18—20.03.1944 г.

3. Разгранлинии с фронтами:

С 1-м Украинским — Ржищев, Ракитно, Володарка, Животив, Жаданы, Брацлав, Могилев-Подольский (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно).

С 3-м Украинским фронтом — Переволочная, Ново-Стародуб, Ново-Андреевка, Дончино, Константиновка, Ново-Павловка, Ягорлык (все пункты, кроме Ново-Андреевки и Константиновки, для 3-го Украинского фронта включительно).

4. Состав главной группировки:

27, 52, 4-я гв. армии, 2, 5 гв. и 6-я танковые армии. Всего стрелковых дивизий — 29, из них в первом эшелоне — 16 дивизий, во втором эшелоне — 13 дивизий.

Танков и самоходных орудий к 5.03.1944 г. — 788. Артстволов — 3132 (включая 82- и 120-мм минометы).

Общая ширина фронта прорыва на участке главного удара — 28—30 км.

5. Состав и задачи армий главной группировки:

а) 40-я армия. На левом фланге иметь 3—4 дивизии в готовности с участка прорыва 27-й армии нанести удар на Шубенный Став, Красный с задачей свертывать оборону противника перед фронтом армии;

б) 27-я армия. Семь стрелковых дивизий, из них пять дивизий в первом эшелоне, две дивизии — во втором эшелоне, два танковых полка, 13-я артдивизия. Привлекается артиллерия 40-й армии. Ширина главного участка прорыва — 8 км. Артстволов — 1190.

Задача армии — прорвать фронт обороны противника на участке Яблоновка, (иск.) Рыжановка. Наносить удар левым флангом в общем направлении Ризино, Христиновка.

Армия в первый день наступления обеспечивает ввод в прорыв 2-й танковой армии.

К исходу первого дня операции главными силами выйти на фронт Русановка, свх. Павлополь. Передовыми частями овладеть переправами через р. Горный Тикич.

На второй день операции выйти на фронт (иск.) клх. им. Ленина, Монастырок. На седьмой день овладеть Христиновкой.

Разгранлиния справа: Карапыши, Софиевка, Каменный Брод, Яблоновка, Русановка, Нестеровка, Шукайвода (все пункты для 27-й армии включительно).

Слева: Мироновка, Ольховец, Лисянка, Дубровка, выс. 244,7, Кобыляки, Полковничье, Кочубеевка (все пункты, кроме Кобыляк, для 27-й армии включительно);

в) 52-я армия. Семь стрелковых дивизий, из них шесть в первом эшелоне и одна дивизия во втором эшелоне, один танковый полк. Ширина главного участка прорыва — 8 км. Артстволов — 904.

Задача армии — прорвать фронт противника на участке Рыжановка, Поповка. Наносить удар правым флангом в общем направлении Рыжановка, Яновка, Молодецкое, Умань.

К исходу первого дня операции главными силами выйти на р. Горный Тикич. На второй день операции овладеть рубежом (иск.) Маньковка, Роги. На седьмой день овладеть районом г. Умань.

Разгранлиния слева: Корсунь-Шевченковский, Моренцы, Мурзинцы, Поповка, Веселый Кут, Машуров, Гереженовка (все пункты, кроме Мурзинцев, для 52-й армии включительно);

г) 4-я гв. армия. Семь стрелковых дивизий, из них пять в первом эшелоне и две дивизии во втором эшелоне, 16-я артдивизия, один танковый полк. Ширина главного участка прорыва — 8 км. Артстволов — 1038.

Задача армии — прорвать фронт обороны противника на участке (иск.) Поповка, Ольховец. Наносить главный удар в общем направлении Тальное, Бабанка.

Армия в первый день наступления обеспечивает ввод в прорыв 5-й гв. танковой армии.

К исходу первого дня операции главными силами армии выйти на фронт Веселый Кут, Соколовочка. Передовыми частями овладеть переправами на р. Горный Тикич. На второй день выйти на рубеж Тальянки. На седьмой день овладеть районом г. Умань, Дубово.

Разгранлиния слева: Городище, Вербовка, Звенигородка, Ольховец, Майданецкое, Дубово (все пункты для 4-й гв. армии включительно);

д) 53-я армия. На правом фланге иметь четыре дивизии в готовности с участка прорыва 4-й гв. армии развить удар по зап. берегу р. Гнилой Тикич в общем направлении на Колодистое, Кальни-Болото.

Задачи танковых армий:

а) 2-я танковая армия. В первый день операции вводится в прорыв на участке 27-й армии.

Задача армии — к исходу первого дня форсировать р. Горный Тикич и выйти в район Поповка, Монастырок, Черная Каменка. Передовые отряды иметь в [районе] Христиновка, Войтовка. Разведгруппу для связи с 5-й гв. танковой армией иметь в районе Машурова.

На второй день операции главными силами армии овладеть районом Христиновка, Ягубец, Голяковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в районы Бершади и Осиевки;

б) 5-я гв. танковая армия. В первый день операции вводится в прорыв на участке 4-й гв. армии.

Задача армии — к исходу первого дня форсировать р. Горный Тикич и выйти в район Машуров, Майданецкое, Тальное. Передовые отряды иметь на р. Ревуха, Доброводы, Бабанка. Разведотряды выбросить на Торговицы и Кальни-Болото.

На второй день операции главными силами армии овладеть районом Умань, Кочержинцы, Громы, Степковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в район Юзефполь, Голосково;

в) 6-я танковая армия. Составляет второй эшелон главной группировки и намечается к использованию для развития успеха в направлениях Ново-Архангельск, Ново-Украинка на соединение с 5-й гв. армией или, в зависимости от обстановки, на Умань.

6. Состав и задачи армий вспомогательной группировки:

а) 5-я гв. армия в составе девяти дивизий. Задача — силами пяти дивизий, из них четыре в первом эшелоне и одна во втором эшелоне, прорвать фронт обороны противника на участке Шестаковка, (иск.) Карловка. Наносить удар левым флангом в общем направлении Квитка, Зверевка, в обход Ново-Украинки с севера.

Двумя дивизиями из района Ново-Елизаветовки развивать удар в направлении Аникеевка, Мал. Виски.

К исходу первого дня операции главными силами выйти на фронт Бол. Виски, Ивановка. К исходу второго дня операции выйти на фронт Плетен Ташлык, Ново-Егоровка. На третий день во взаимодействии с 7-й гв. армией овладеть Ново-Украинкой и выйти передовыми частями на фронт Мал. Виски, Злынка, Фурмановка.

Разгранлиния справа: Худолеевка, Каменка-Шевченковская, Писаревка, Ново-Миргород, Тишковка (все пункты для 5-й гв. армии включительно).

Слева: Знаменка, Кировоград, Карловка, Ивановка, Ново-Украинка (все пункты, кроме Кировограда, для 5-й гв. армии исключительно);

б) 7-я гв. армия в составе восьми дивизий. Задача — силами пяти дивизий, из них четыре в первом эшелоне и одна во втором эшелоне, прорвать фронт обороны противника на участке Карловка, Мухортовка. Наносить удар правым флангом в общем направлении Захаровка, Ново-Украинка, в обход Ново-Украинки с юга.

Одной дивизией для разворота прорыва наносить удар на Антоновку, обеспечивая ударную группировку с юго-востока.

К исходу первого дня операции главными силами выйти на фронт Ивановка, Семенастое 1-е. К исходу второго дня операции выйти на фронт Вороновка, Ровное. На третий день во взаимодействии с 5-й гв. армией овладеть Ново-Украинкой и выйти на фронт Якимовка, Помошная, Бешбоераки.

7. Резерв фронта:

5 гв. кк в районе Почапинцы, Майдановка, Моренцы.

8. Артиллерия:

Артиллерийская подготовка планируется до начала атаки — 56 минут и обеспечение атаки с предельным напряжением огня — 40 минут. Всего — 1 час 36 минут.

Расход боеприпасов на первый день операции — 1,3 бк, последующие дни операции — 1,5 бк. Резерв фронта — 0,5 бк. Всего на операцию — 3–3,5 бк.

9. Авиация.

Всего фронт имеет:

а) Пе-2 — 73 самолета;

б) штурмовиков — 69 самолетов;

в) истребителей — 220 самолетов.

Наличного количества авиации недостаточно. Фронт требуется усилить авиацией: Пе-2 — 50 самолетов; штурмовиков — 150–200 самолетов; истребителей — 200; У-2 — 100.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза *ЖУКОВ*
Командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза *КОНЕВ*
Начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал-полковник *ЗАХАРОВ*

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 11. Л. 43–54. Подлинник.

№ 18

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА ПОДГОТОВКУ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ В НАПРАВЛЕНИИ КОВЕЛЬ, БРЕСТ

5 марта 1944 г.
6 ч. 45 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить наступательную операцию фронта, имея направление главного удара на Ковель. Ближайшая задача овладеть рубежом Любешов, Камень-Каширский, Ковель. В дальнейшем наступать с задачей овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг на участке Брест, Городло (последний пункт исключительно). Одновременно правым крылом фронта выйти на линию р. Припять и занять Туров, Давид-Городок, Рубель, Столин.

2. Наступление начать 12–15.03, не ожидая полного сосредоточения всех войск фронта.

3. План операции представить в Генштаб шифром не позднее 6.03.1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 55. Подлинник.

№ 19

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА ЧЕРНОВИЦКОМ И ЛЬВОВСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

10 марта 1944 г.
23 ч. 00 мин.

Докладываю:

1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, считаю возможным после пяти-шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

2. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гв. и 60-й армий (23 сд), усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольск.

Вспомогательный удар силами 18 и 38 А (19 сд) нанести с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский.

3. Задачи армий:

а) 1-я танковая армия к 16—17 марта доукомплектовывается и сосредоточивается в районе Тарнополя. Из района Тарнополя наносит удар в направлении Трембовля, Чертков и овладевает районом Чертков, Цаповка, Торское, Заболотовка;

б) 4-я танковая армия наносит удар параллельно 1 ТА из района Волочиска в направлении на Гусятин, Каменец-Подольск и овладевает районом Каменец-Подольск, Хотин;

в) 60 А (13 сд, две артдивизии, 4 гв. тк) наносит главный удар из района Волочиска в направлении на Трембовлю, Подгайцы, Хоросткув, Бучач, выходит на р. Стрыпа на участке Городище, Вишневчик, где переходит к обороне;

г) 1 гв. А (10 сд, одна артдивизия, пять тп) наносит главный удар из района Проскурова в направлении Ярмолинцы, Гусятин, Чертков с задачей выйти на р. Стрыпа на участке (иск.) Вишневчик, Язловец, где переходит к обороне;

д) 18 А (9 сд) перейдет в наступление из района Хмельников в общем направлении на Каменец-Подольск;

е) 38 А (10 сд, две артбригады, двенадцать артминполков, две бригады М-31) в наступление переходит 11 марта; по выполнении ближайшей задачи — выход на р. Южный Буг южнее Винницы, продолжает наступление в общем направлении на Могилев-Подольский;

ж) 13 А (двенадцать сд, одна сбр, шестнадцать артминполков, два кавкорпуса, один тк) в наступление переходит 15 марта с частной задачей овладеть рубежом Берестечко, Броды, (иск.) Городище, где переходит к жесткой обороне с задачей обеспечения правого крыла фронта со стороны Львова;

з) резервы фронта: 3 гв. ТА — в районе Волочиска, приводит себя в порядок, доукомплектовывается; 106 ск (две сд) — в районе Проскурова; 11 тк (без матчасти) — в районе Ровно; резервы будут использованы в зависимости от обстановки или в южном направлении, или в западном.

4. Вся операция будет проводиться в тесном взаимодействии со 2-м Украинским фронтом, главный удар которого желательно направить на Сороки, и часть сил — на Могилев-Подольский.

Разгранлинию со 2-м Украинским фронтом продолжить от Могилев-Подольского до Хотина, все для 2-го Украинского фронта.

5. Прошу для доукомплектования 11 тк и 31 тк отпустить фронту 250—300 танков.

6. Наступление фронт может начать 20 марта. До 20.03 необходимо подтянуть артиллерию, произвести перегруппировку и подвезти горючее и боеприпасы.

Прошу утвердить план и начало операции.

ЖУКОВ
КРАЙНЮКОВ
БОГОЛЮБОВ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 128–134. Подлинник.

№ 20

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОТХОДЯЩЕГО ПРОТИВНИКА И ВЫХОД К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ НА р. ПРУТ и р. ДУНАЙ

11 марта 1944 г.
23 ч. 00 мин.

В связи с успешным наступлением 2-го и 3-го Украинских фронтов Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 3-му Украинскому фронту преследовать отходящего противника, не допустить его отхода за р. Южный Буг и захватить переправы через р. Южный Буг на участке Константиновка, Вознесенск, Новая Одесса, дабы не дать ему возможности организовать на р. Южный Буг оборону. Города Николаев и Херсон освободить с ходу. В дальнейшем занять Тирасполь, Одессу и продолжать наступление с целью выхода на р. Прут и северный берег р. Дунай, т. е. на нашу государственную границу.

2. Установить с 24.00 12.03.1944 г. следующую разгранлинию справа, со 2-м Украинским фронтом: до Ягорлыка — прежняя и далее ст. Затишье, Ташлык, Сынжера, Чоры (все пункты для 2-го Украинского фронта включительно).

3. О принимаемых мерах донести шифром незамедлительно.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 62. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945.
Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 58.

№ 21

ДОКЛАД ЗАМЕСТИТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СООБРАЖЕНИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ КРЫМСКОЙ ОПЕРАЦИИ

31 марта 1944 г.

30.3.44 г. в Мелитополе совместно с Военным советом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции.

1. Считаем необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы переброске войск и материальных ресурсов как в Крым, так и обратно.

Для этой цели необходимо немедленно усилить авиагруппу Черноморского флота в Скадовске, которая в данный момент вместе с авиацией прикрытия составляет менее 100 самолетов и при этом слабо обеспеченных транспортными средствами и горючим.

Блокаду Крыма в настоящее время считаем важнейшей задачей для Черноморского флота. Поэтому из имеющихся в распоряжении Черноморского флота более 500 самолетов необходимо довести авиацию Скадовска до 250—300 самолетов.

Кроме того, для этой же цели следовало бы теперь же перебросить до 10 подлодок в город Николаев.

По этим вопросам просим Ваших указаний Наркому т. Кузнецову.

2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии.

Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позже 5 апреля 1944 г.

На Керченском направлении предлагается операцию начать через 2—3 дня после начала Перекопской операции.

Просим утверждения.

К. ВОРОШИЛОВ
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 112. Л. 257—258. Подлинник.

№ 22

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ О ЗАДАЧАХ ФЛОТА НА ЛЕТО 1944 г.

31 марта 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Копия: командующему войсками Карельского фронта

1. Ставка Верховного Главнокомандования ставит задачи Северному флоту на летний период 1944 г.:

а) содействовать приморскому крылу Карельского фронта высадкой десантов, артиллерийскими обстрелами, воинскими перевозками;

б) систематически прерывать коммуникации противника вдоль северного побережья Норвегии и в Варангер-фиорде действиями всех сил флота (миноносцами — при благоприятной обстановке);

в) авиацией флота систематически наносить мощные бомбовые и штурмовые удары по базам и аэродромам противника с целью разрушения портового оборудования и парализования деятельности неприятельской авиации по нашим объектам в море и в базах;

г) обеспечивать совместно с силами союзников движение конвоев на коммуникациях в Баренцевом море, в порты Мурманск, Архангельск в операционной зоне Северного флота;

д) оборонять районы ВМБ, побережье и свои коммуникации от воздействия противника;

е) поддерживать необходимый оперативный режим, обеспечивающий выполнение флотом своих задач;

ж) в ближайшее время быть готовым:

— к проведению активных операций по занятию баз противника в Варангер-фиорде, при движении частей Красной Армии на запад;

— к развертыванию и обеспечению коммуникаций в Карском море, учтя минную опасность и, по опыту 1943 года, рост активности подлодок противника в связи с прекращением движения в летнее время союзных конвоев;

— к активному использованию торпедных катеров на коммуникациях противника под прикрытием и во взаимодействии с авиацией;

— к нанесению мощных ударов по конвоям противника торпедоносной, бомбардировочной и штурмовой авиацией в тесном их взаимодействии;

— к организации ряда повторных ударов по обнаруженному разведкой конвою до полного его уничтожения;

— к эффективному использованию подлодок на коммуникациях противника в условиях полярного дня.

2. План действий флота по решению задач на летний период представить на утверждение народному комиссару ВМФ к 15 апреля 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 165. Л. 5–6. Подлинник.

№ 23

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ И ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ, ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ ОБ ОПЕРАТИВНОМ ПОДЧИНЕНИИ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ

31 марта 1944 г.
24 ч. 00 мин.

В целях внесения большей четкости в постановку фронтами и армиями задач флотам Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1. Все военно-морские флоты и флотилии во всех отношениях подчинены народному комиссару Военно-Морского Флота, который является главнокомандующим морскими силами СССР.

2. На отдельных этапах войны те или иные флоты и флотилии в целом или их отдельные соединения могут быть подчинены в оперативном отношении командующим соответствующими фронтами, округами, армиями.

3. Установить на данном этапе следующее оперативное подчинение флотов и флотилий:

— Северный флот с Беломорской военной флотилией — народному комиссару ВМФ;

— Черноморский флот — народному комиссару ВМФ;

— Азовская военная флотилия Черноморского флота — командующему Отдельной Приморской армией;

— Краснознаменный Балтийский флот с Ладожской военной флотилией — командующему Ленинградским фронтом;

— Тихоокеанский флот с Северной Тихоокеанской военной флотилией — командующему Дальневосточным фронтом;

— Амурская Краснознаменная флотилия — командующему Дальневосточным фронтом;

— Каспийская военная флотилия — народному комиссару ВМФ;

— Волжская военная флотилия — народному комиссару ВМФ;

— Днепровская военная флотилия — командующему 2-м Белорусским фронтом.

4. Все оперативные задачи флотам и флотилиям, не подчиненным соответствующим фронтам, округам, армиям, ставятся Ставкой Верховного Главнокомандования через народного комиссара Военно-Морского Флота.

5. Командующие фронтами, округами и армиями ставят задачи флотам и флотилиям, подчиненным им в оперативном отношении, после утверждения их Ставкой в части проведения:

а) операций по обороне и поддержке прибрежного фланга армий;

б) десантных и противодесантных операций;

в) операций против береговых объектов противника.

6. Все задачи, не связанные непосредственно с фронтами и решаемые только силами и средствами военно-морских флотов и флотилий самостоятельно, как-то:

а) действия против морских сил противника;

б) действия на морских сообщениях противника;

в) действия против баз и удаленных береговых объектов, островных районов и морских опорных пунктов противника;

г) повседневные задачи, обеспечивающие оперативный режим на морском театре, ставятся флотам и флотилиям (включая и оперативно подчиненные фронтам, армиям) народным комиссаром Военно-Морского Флота на основании директив Ставки.

7. ВВС флотов и флотилий используются на морских театрах для выполнения морских задач (прикрытие кораблей и баз, торпедно-бомбовые удары по кораблям и приморским объектам противника, минные постановки, разведка). Использование морской авиации на сухопутном фронте допускается в исключительных случаях с разрешения Ставки.

8. В случаях невозможности или нецелесообразности выполнения поставленных флоту задач командованием фронтов, округов, армий народный комиссар Военно-Морского Флота докладывает свое мнение Ставке.

9. При оперативном подчинении частей и соединений флота командованию фронтов, округов, армий последние не вмешиваются в тактические морские вопросы и внутреннюю службу флота и флотилии.

10. За оборону побережья на морских театрах в целом несет ответственность соответствующий командующий приморским фронтом, округом, армией. Военно-Морской Флот в этой части отвечает за непосредственную оборону своих объектов и уничтожение десантов противника на воде до момента его высадки на берег, содействуя в дальнейшем армейским частям в уничтожении десанта противника на берегу.

11. Для непосредственной обороны береговых объектов Военно-Морского Флота (порты, базы, узлы батарей, аэродромные узлы) армейское командование обязано выделять в оперативное подчинение флотскому командованию силы в соответствии с общим планом обороны побережья.

12. В штабах фронтов, округов и армий, имеющих в своем оперативном подчинении флот или флотилию, сформировать морские отделы, подчиненные начальникам штабов фронтов (армий), а также по обстановке иметь флотских офицеров связи.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 165. Л. 7–10. Подлинник.

№ 24

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ О ЗАДАЧАХ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА И ЛАДОЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ НА 1944 г.

31 марта 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования ставит на 1944 г. Краснознаменному Балтийскому флоту совместно с Ладожской военной флотилией задачи:

1. Систематически нарушать коммуникации противника в Балтийском море и его заливах действиями минно-торпедной, а на ближних коммуникациях — бомбардировочно-штурмовой авиации флота и торпедными катерами.

2. Охранять побережье и прибрежные фланги армий в Финском заливе и на Ладожском озере, содействовать фланговым частям армий при их продвижении огнем береговой и корабельной артиллерии.

3. Повседневно расширять и закреплять операционную зону флота в Финском заливе в западном и на Ладожском озере — в северном направлениях путем уничтожения дозоров противника, его минных и противолодочных рубежей, открытия и поддержания своих фарватеров и маневренных районов безопасными от мин, организации устойчивой дозорной службы (корабельной и авиационной) с достаточной поддержкой дозора.

4. Крупные надводные корабли и подводные лодки тщательно готовить к морским операциям, которые будут, при изменении обстановки, указаны Ставкой.

Командующему Краснознаменным Балтийским флотом представить план действий флота народному комиссару Военно-Морского Флота к 15 апреля 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 165. Л. 11–12. Подлинник.

№ 25

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

2 апреля 1944 г.

Вечером 2-го апреля Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов пригласил представителей советской и иностранной печати и сделал от имени Советского Правительства следующее заявление:

Красная Армия, в результате успешного продвижения вперед, вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей между СССР и Румынией. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной в 1940 году договором между Советским Союзом и Румынией, вероломно нарушенным в 1941 году румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией. В настоящее время Красная Армия производит очищение советской территории от всех находящихся на ней вражеских войск, и уже недалеко то время, когда вся советская граница с Румынией будет полностью восстановлена.

Советское Правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника.

Правда. № 81 (9538) от 3 апреля 1944 г.
Внешняя политика СССР. Сборник документов.
Т. 5 (июнь 1941 — сентябрь 1945 г.) М., 1947. С. 369–370.

№ 26

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ В ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ

6 апреля 1944 г.
22 ч. 45 мин.

Ваши соображения, представленные 6.04.1944 г. за № 00281/оп, Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и указывает:

1. Усиление 27 А Трофименко одним только 3 гв. тк для действия на юг вдоль р. Сирет будет недостаточным. Незамедлительно перевести на западный берег р. Прут одну танковую армию Богданова или Кравченко.

2. Что касается направления на Кишинев, то будет совершенно достаточно двух танковых армий Ротмистрова и Кравченко или Богданова. Кроме того, надо иметь в виду, что в район южнее Кишинева выйдет правое крыло 3-го Украинского фронта, которое облегчит вам овладение Кишиневом.

3. 7 гв. А Шумилова перегруппировать в район западнее Рыбницы.

4. Правофланговый корпус 40 А Жмаченко, находящийся в районе Хотина и южнее, немедленно вывести и использовать его для усиления частей 40 А, наступающих к р. Сирет.

5. Обеспечение стыка с 1-м Украинским фронтом возложить на командующего 2-м Украинским фронтом, для чего иметь в районе гор. Сирет одну стр. дивизию.

6. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 79–80. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 72.

№ 27

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ КРЫМСКОМУ ШТАБУ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ О ДЕЙСТВИЯХ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ В ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В КРЫМУ

8 апреля 1944 г.

В целях содействия армии в разгроме находящегося в Крыму противника и освобождения Крыма от немецко-румынских захватчиков приказываю:

1. Восточному соединению крымских партизан:

а) Захватом отдельных участков, устройством завалов и засад воспретить какое бы то ни было движение по дорогам Феодосия — Судак, Феодосия — Старый Крым.

б) Диверсиями и налетами на отдельные участки воспретить движение железнодорожного транспорта по железной дороге Джанкой — Владиславовка.

в) Налетами на штабы и КП противника и разрушением проводной связи в районе Феодосия — Сейтлер, Карасубазар — Судак нарушить управление войсками и связь между отдельными частями и соединениями противника.

2. Северному соединению крымских партизан:

а) Захватом отдельных участков, устройством завалов и засад воспретить движение по дорогам: Судак — Алушта, Симферополь — Карасубазар, Алушта — Симферополь.

б) Нарушить проводную связь противника в районе Симферополь — Карасубазар — Алушта.

3. Южному соединению крымских партизан:

а) Непрерывным огневым воздействием воспретить работу Ялтинского порта и сосредоточение живой силы и техники противника в районе Ялты.

б) Захватом отдельных участков, устройством завалов и засад воспретить движение противника по дорогам: Ялта — Байдары — Севастополь, Ялта — Ай-Петри — Севастополь, Ялта — Алушта.

в) Нарушить проводную связь в районе: Симферополь — Ялта — Севастополь.

4. К разработке и подготовке к выполнению всех мероприятий приступить немедленно.

Начало действий по выполнению поставленных задач — по особому распоряжению.

5. План действий и копии отданных распоряжений представить в штаб к 12-00 11 апреля 1944 г.

Командир Приморской армии генерал армии *ЕРЕМЕНКО*
Член Военного совета генерал-майор интендантской службы *БАЮКОВ*
Начальник штаба Приморской армии генерал-майор *КОТОВ*

КОПА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1в. Л. 117–118. Заверенная копия.

№ 28

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩЕМУ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ О ЗАДАЧАХ ФЛОТА НА 1944 г.

11 апреля 1944 г.
02 ч. 15 мин.

Копии: командующим войсками 3-го и 4-го Украинских фронтов
и Отдельной Приморской армией, представителю Ставки

Ставка Верховного Главнокомандования Черноморскому флоту на 1944 г. ставит задачи:

1. Систематически нарушать коммуникации противника в Черном море, а в ближайший период нарушение коммуникации с Крымом считать главной задачей. Для действия на коммуникациях использовать подводные лодки, бомбардировочную и минно-торпедную авиацию, а на ближних коммуникациях — бомбардировочно-штурмовую авиацию и торпедные катера.

2. Быть готовым к высадке в тыл противника тактических десантов силой батальон — стрелковый полк.

3. Охранять побережье и приморские фланги армий, содействовать фланговым частям армий при их продвижении огнем береговой и корабельной артиллерии мелких кораблей.

4. Повседневно расширять и закреплять операционную зону флота в Черном море путем уничтожения минных полей, открытия и поддержания своих фарватеров и маневренных районов безопасными от мин.

5. Обеспечивать свои коммуникации от воздействия противника, в частности, организовав надежную противолодочную оборону.

6. Путем систематического траления в первую очередь создать возможность плавания по фарватерам с дальнейшим переходом к сплошному тралению загражденных минами районов.

7. Крупные надводные корабли тщательно готовить к морским операциям, которые будут при изменении обстановки указаны Ставкой.

8. Быть готовым к перебазированию флота в Севастополь и к организации обороны Крыма.

9. Быть готовым к формированию и перебазированию Дунайской военной флотилии.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 165. Л. 16–17. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 72–73.

№ 29

ДОКЛАД КОМИССИИ ГКО

11 апреля 1944 г.

Товарищу Сталину

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования Чрезвычайная Комиссия в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника Щербакова, генерал-полковника Штеменко, генерал-лейтенанта Кузнецова и генерал-лейтенанта Шимонаева провела работу штаба Западного фронта и на основании этой проверки установила следующее:

I
НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Начиная с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года Западный фронт под командованием генерала армии Соколовского на оршанском и витебском направлениях провел одиннадцать операций, а именно:

Оршанская операция 12—18 октября 1943 г.
Оршанская операция 21—26 октября 1943 г.
Оршанская операция 14—19 ноября 1943 г.
Оршанская операция 30 ноября — 2 декабря 1943 г.
Витебская операция 23 декабря 1943 г. — 6 января 1944 г.
Богушевская операция 8—24 января 1944 г.
Витебская операция 3—16 февраля 1944 г.
Частная операция на оршанском направлении 22—25 февраля 1944 г.
Витебская операция 29 февраля — 5 марта 1944 г.
Оршанская операция 5—9 марта 1944 г.
Богушевская операция 21—29 марта 1944 г.

Все эти операции закончились неудачно, и фронт поставленных Ставкой задач не решил. Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника, хотя бы на ее тактическую глубину, операция заканчивалась в лучшем случае незначительным вклинением в оборону противника при больших потерях наших войск.

Наступление на оршанском направлении 12—18 октября закончилось вклиниванием на 1,5 километра. Наши потери: убитых — 5858 человек, раненых — 17 478 человек. Всего — 23 336 человек.

Наступление на оршанском направлении 21—26 октября — продвижение от 4 до 6 километров. Наши потери: убитых — 4787 человек, раненых — 14 315 человек. Всего — 19 102 человека.

Наступление на оршанском направлении 14—19 ноября — продвижение от 1 до 4 километров. Наши потери: убитых — 9167 человек, раненых — 29 589 человек. Всего — 38 756 человек.

Наступление на оршанском направлении 30 ноября — 2 декабря — вклинение от 1 до 2 километров. Наши потери: убитых — 5611 человек, раненых — 17 259 человек. Всего — 22 870 человек.

Наступление на витебском направлении 23 декабря — 6 января — продвижение на 8—12 километров. Противник отошел на ранее подготовленный рубеж. Наши потери: убитых — 6692 человека, раненых — 28 904 человек. Всего — 35 596 человек.

Наступление на богушевском направлении 8—24 января — вклинение на 2—4 километра. Наши потери: убитых — 5517 человек, раненых — 19 672 человека. Всего — 25 189 человек.

Наступление на витебском направлении 3—16 февраля — продвижение на 3—4 километра. Наши потери: убитых — 9651 человек, раненых — 32 844 человека. Всего — 42 495 человек.

Частичная операция на оршанском направлении 22—25 февраля никакого результата не дала. В эту операцию части 52-го Укрепленного района сами попали в окружение, и с

большими потерями было восстановлено первоначальное положение. Наши потери: убитых — 1288 человек, раненых — 4479 человек. Всего — 5767 человек.

Наступление на витебском направлении 29 февраля — 5 марта — продвижение от 2 до 6 километров. Наши потери: убитых — 2650 человек, раненых — 9205 человек. Всего — 11 855 человек.

Наступление на оршанском направлении 5–9 марта — успеха не имело. Наши потери: убитых — 1898 человек, раненых — 5639 человек. Всего — 7537 человек.

Наступление на богушевском направлении 21–29 марта — вклинивание от 1 до 3,5 километров. Наши потери: убитых — 9207 человек, раненых — 30 828 человек. Всего — 40 035 человек.

В этих безрезультатных операциях в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. только на участках активных действий фронт понес потери убитыми — 62 326 человек, ранеными — 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными — 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило — 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно: 7261 вагон. За год же, с 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, т. е. за год, Белорусский фронт израсходовал 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт — 10 945 вагонов, 4-й Украинский фронт — 8463 вагона, и каждый из остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронта. Западный фронт при проведении всех операций имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее, безусловно, рассчитывать на успех.

По отдельным операциям соотношение в силах выглядит следующим образом:

Оршанская операция 12–18 октября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 19 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 8 сд, во 2-м эшелоне — 11сд; танковый корпус, кавкорпус, 12 артиллерийских бригад, 20 артполков РГК, 3 танковые бригады, 6 танковых и самоходных полков. Всего было танков — 134. Артиллерийская плотность от 150 до 200 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. Две пехотные дивизии, три — пять артполков и около 30 танков; Впоследствии были подтянуты: одна пд, две мд и 3–4 артполка.

Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 8 сд, во 2-м эшелоне — 3 сд; танковый корпус, 13 артбригад, 19 полков РГК, 2 танковые бригады, 3 танковых и самоходных полка. Всего было танков — 172. Артиллерийская плотность от 115 до 260 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотные дивизии, одна бригада «СС», 6–7 артполков и до 60 танков.

Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 32 стрелковые дивизии; из них в 1-м эшелоне — 18, во втором эшелоне — 14; танковый корпус, 16 артбригад, 23 артполка РГК, 4 танковые бригады, 7 танковых и самоходных полков.

Всего было танков — 410. Артиллерийская плотность от 120 до 260 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотные дивизии, 2 танковые дивизии, бригада «СС», до 12 артполков. Всего было танков около 70 штук.

Оршанская операция 30 ноября — 2 декабря 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 34 стрелковые дивизии; из них в 1-м эшелоне — 24 сд, во 2-м эшелоне — 10 сд; 13 артбригад, 24 артполка РГК, 4 танковые бригады, 10 танковых и самоходных полков. Всего было танков — 284. Артиллерийская плотность от 120 до 170 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотные дивизии, 2 танковые дивизии, до 10 артполков. Всего было танков около 200 штук.

Витебская операция 23 декабря 1943 г. — 6 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 5, во 2-м эшелоне — 6; танковый корпус, 10 артбригад, 4 артполка РГК, 4 танковые бригады, 5 самоходных артполков. Всего было танков — 147. Артиллерийская плотность 110 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 2 пехотные дивизии, до 5 артполков и около 60 танков. К концу операции было подброшено еще три пехотные дивизии.

Богушевская операция 8—24 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 11, во 2-м эшелоне — 5 сд и одна сбр; танковый корпус, 12 артбригад, 6 артполков РГК, 6 танковых бригад, 8 самоходных артполков. Всего было танков — 295.

Витебская операция 3—16 февраля 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 9 сд, во 2-м эшелоне — 7 сд; танковый корпус, 15 артбригад, 9 артполков РГК, 2 танковые бригады, 2 самоходных полка. Всего было танков — 129. Артиллерийская плотность от 115 до 140 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 5 пехотных дивизий, до 9 артполков и около 140 танков. Впоследствии было подброшено около 2 пехотных полков.

Витебская операция 29 февраля — 5 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 15 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 13 сд, во 2-м эшелоне — 2 сд и сбр; 7 артбригад, 10 артполков РГК, 6 танковых бригад. Всего было танков — 87.

Силы противника. 5 пехотных дивизий, 10 артполков и около 90 танков.

Оршанская операция 5—9 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 8 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 3, во 2-м эшелоне — 5 сд; 3 артбригады, 6 артполков РГК, 1 танковая бригада, 2 танковых полка. Всего было танков — 80. Артиллерийская плотность 100 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 1 пехотная дивизия, три артполка и до 35 танков.

Богушевская операция 21—29 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 9 стрелковых дивизий; из них в 1-м эшелоне — 6 и во 2-м эшелоне — 3; 10 артбригад, 6 артполков РГК, 5 танковых

бригад, 4 самоходных полка. Всего было танков — 73. Артиллерийская плотность — от 100 до 150 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 2 пехотные дивизии, до 5 артполков и до 40 танков. Таким образом, Западный фронт во всех проводимых операциях имел явное превосходство перед противником в силах и средствах. Несмотря на это, все операции кончались неудачно, и фронт с октября месяца вперед не продвинулся.

В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создалось крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на смоленско-минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 километров.

Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздействовать ею по кратчайшим направлениям по тылам Прибалтийских и Белорусского фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве.

II
КРУПНЫЕ НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ АРТИЛЛЕРИИ

В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредоточение ее количества и превосходство над артиллерией противника, не подавляла, как в период артиллерийской подготовки, так и в процессе боя, огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняла заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподавленную огневую систему противника, несла громадные потери и не продвигалась вперед. Огневая деятельность нашей артиллерии, и особенно контрбатарейной, во всех периодах боя была неполноценной и не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

В 33, 31 и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов.

В операции 33-й армии 23 декабря 1945 г. (1943 г. — *Ред.*) на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 199-я стрелковая дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же дивизии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте.

При наступлении 33-й армии 3 февраля с. г. в ряде дивизий не было организовано взаимодействие артиллерии с пехотой. Так, например, 144 сд наступала на Павлюченки, а поддерживающая ее артиллерия вела огонь западнее Павлюченки. В это же время при наступлении 222 сд поддерживающая ее артиллерия молчала.

О неудовлетворительной работе артиллерии Западного фронта свидетельствуют показания пленных немцев.

Командующий Западным фронтом генерал армии Соколовский, бывший член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Булганин и командующий артиллерией генерал-полковник артиллерии Камера повинны в том, что они не вскрыли крупных недостатков и ошибок в работе артиллерии. Среди артиллеристов царит самоуспокоенность, чванство и зазнайство. Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Фронт и армии до последнего времени не издавали приказов по недочетам в действиях артиллерии и не указывали мер по устранению. В результате такого неправильного отношения командования фронта к делу руководства артиллерией в каждой операции повторялись грубые ошибки и недостатки в действиях артиллерии.

В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания

артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно развертывают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты. Старшие артиллерийские командиры и их штабы лично разведку почти не ведут, функции в этом важнейшем вопросе ограничивают сбором и фиксацией сведений от нижестоящих и менее квалифицированных инстанций, к тому же поступающие сведения не проверяются. Особенно плохо ведется разведка во время наступления пехоты. Разведорганам не нарезаются конкретные полосы и сектора наблюдения, а поэтому внимание разведчиков рассеивается по всему полю и они занимаются беспредметным наблюдением картины, а не розыском огневых точек противника. Во многих артиллерийских частях разведывательные подразделения содержатся в некомплекте, при полной штатной укомплектованности небоевых подразделений. Для целей разведки и корректировки огня плохо используется авиация и совсем не используются аэростаты наблюдения.

Огонь артиллерии, как правило, планируется в высших штабах, без учета конкретных данных об огневой системе противника, вследствие этого он планируется не по целям, а по площадям. Исполнителям огневые задачи на местности ставятся очень редко. Во многих частях командиры батарей и дивизионов получают схемы, которые не отвечают действительному положению целей. Такое планирование и доведение задач до исполнителей приводит к стрельбе по пустому месту и тем самым не обеспечивает подавление огневых точек противника. В период подготовки операции высшие артиллерийские штабы для своей работы по планированию забирают большую часть времени, отведенного на подготовку. В результате этого низшим артиллерийским звеньям почти не остается времени, особенно светлого, для отработки задач на местности и организации взаимодействия.

Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце — налет артиллерии по переднему краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях. Вследствие же того, что в период артподготовки наша артиллерия, как правило, вела огонь по площадям и не подавляла огневую систему противника, наша пехота встречалась противником организованным огнем всех видов, несла большие потери и во многих случаях с самого начала не могла продвигаться вперед.

С начала наступления плохо организуется сопровождение пехоты артиллерией. Как правило, связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в этот период теряется. Обнаруженные и мешающие нашей пехоте цели или совсем не подавляются, или подавляются с большим опозданием. Чрезмерная централизация артиллерии при продвижении пехоты вперед в руках командиров стрелковых дивизий и выше лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало. Радиостанций в низовом звене мало, и питанием они не обеспечены, хотя во фронте радиостанций достаточно для того, чтобы обеспечить наступающие войска. Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий не определена, конкретных целей они зачастую не имеют, от пехоты орудия прямой наводки часто отстают и вследствие этого иногда бьют по своим. Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают. Борьба с самоходными орудиями противника не организована и никем не планируется. Управление огнем в динамике боя осуществляется слабо. Вследствие незнания целей старшин начальник бессилен в определении огневых задач подчиненным. Штабы артиллерии, как правило, находятся на большом удалении от наблюдательных пунктов, а следовательно, выключаются из управления огнем артиллерии.

Особенно плохо организуется контрбатарейная и контрминометная борьба с артиллерией и минометами противника как в период артподготовки, так и при продвижении пехоты вперед. Наши контрбатарейные и контрминометные группы не подавляют артиллерию и

минометы противника, вследствие чего продвижение пехоты сдерживается сильным артиллерийским и минометным огнем противника и она несет большие потери, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых операциях процент осколочных ранении доходил до 70–80%. Огонь контрбатарейных артгрупп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки малоэффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные батареи противника не умеют, стреляют плохо и не метко.

Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется. С исполнителя не спрашивают результатов огня, на него возлагается ответственность только за своевременное его открытие. Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии.

III
НЕДОСТАТКИ В ПЛАНИРОВАНИИ И ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИЙ

При планировании операций имели место факты неправильной группировки войск фронта, о чем командованию фронта указано директивой Ставки от 15.10.43 г. за № 30225.

В этой директиве говорилось:

«Войска Западного фронта не выполнили поставленную им задачу — овладеть к 12.10 Орша — и ведут затяжные, безрезультатные бои, приводящие к потере времени, сил и средств. Происходит это вследствие неправильной группировки войск фронта.

Основная группировка, до половины всех стрелковых дивизий фронта с большей частью средств усиления, создана в центре фронта. Эта группировка, в случае ее успешного продвижения, упрется в р. Днепр и, таким образом, дальнейшее развитие ее наступления будет ограничено. В то же время правое крыло фронта может наступать без форсирования р. Днепр и имеет возможность очистить Днепр путем удара во фланг и тыл войскам противника, обороняющимся на Днепре.

Вопреки сложившемуся опыту войны командование Западного фронта в некоторых операциях организовывало прорыв на очень узких участках: в Витебской операции 23 декабря — на фронте 6 км, в Оршанской операции 5 марта — на фронте 5 км. Это позволило противнику сосредоточить губительный фланкирующий огонь и в сочетании с контратакующими небольшими резервами исключить возможность продвижения нашей пехоты и нанести ей большие потери.

Штаб фронта от планирования операций был отстранен и фиксировал только ход событий, развивающихся по армейским планам. Никаких планирующих оперативных документов по проведенным операциям штаб фронта не имеет. Все проведенные операции планировались только в армиях и устно утверждались командующим фронтом. Вследствие этого штаб фронта не вносил своих предложений командованию по планированию и ведению операций и не осуществлял надлежащего контроля за выполнением решений командования.

Что касается подготовки операций, то и здесь были крупнейшие недостатки, отрицательно влияющие на исход операции.

Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводились без должной скрытности и дезинформации противника, в результате чего почти во всех операциях внезапность была потеряна и операции протекали в условиях готовности противника к встрече нашего наступления, хотя формально фронтом и не издавалось никаких документов и все хранилось якобы в строжайшей тайне.

В некоторых операциях стрелковые дивизии и пополнение вводилось в бой с хода. В операции 5-й армии 22–25 февраля 184 сд в ночь на 21 февраля сдала свой участок обороны 158 сд и к утру 22 февраля вышла на исходное для наступления положение и с 8.00 этого же дня, после 10-ти минутного артналета, перешла в наступление и, конечно, успеха не имела. В операции 33-й армии 3–16 февраля 222, 164, 144 и 215-я стрелковые дивизии накануне наступления получили по 1500 человек пополнения и на следующее же утро ввели его в бой.

Офицерский состав, прибывший на пополнение, принимал свои подразделения на исходном положении, а через несколько часов повел их в наступление.

При подготовке операций высшие штабы забирают для своей работы большую часть времени, отведенного на подготовку, а для производства рекогносцировок, отработки задач низшим звеньям на местности и на организацию взаимодействия времени почти не остается.

IV
О НЕПРАВИЛЬНОМ ПОСТРОЕНИИ БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ

В большинстве операций, проведенных фронтом, армии, особенно 33-я армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы, нарушая тем самым приказ Ставки № 306. Такое построение боевых порядков приводило к тому, что в дивизии атаковало 2–3 батальона, а остальные батальоны стояли в затылок. При этих условиях ударная сила дивизии использовалась не одновременно, а расходов[алась] по частям, и огневые средства замораживались. Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а понеся такие потери и находясь под непрерывным огневым воздействием, части теряли свою боеспособность еще до боя.

V
О НЕДОСТАТКАХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКОВ

Как известно, опыт войны показал, что крупные танковые соединения должны использоваться для развития успеха после прорыва основной оборонительной полосы противника. Вопреки опыту войны и указаниям Ставки по вопросу использования танковых соединений, командование Западного фронта имеющийся у него 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус бросало на нерасстроенную оборону противника, вследствие чего танковый корпус не мог продвинуться вперед и нес большие потери. В операции на оршанском направлении 14–19 ноября танковый корпус был введен в бой, когда пехота на фронте 3 км едва вклинилась в оборону на глубину 2–3 км. В операции 33-й армии на витебском направлении 23 декабря ввод танкового корпуса в бой планировался после овладения пехотой р. Лучеса (18 км в глубину обороны).

На этом основании танковый корпус при продвижении пехоты в первые три дня наступления на глубину до 8–10 км в бой не вводился, а когда пехота была остановлена организованным огнем противника с заранее подготовленных рубежей и впереди продолжала оставаться р. Лучеса, танковый корпус бросается в бой и после потери 60 танков, не добившись успеха, отводится за боевые порядки пехоты. В операции на богушевском направлении 8 января танковый корпус был введен в бой, когда по существу никакого успеха пехота не имела. Понеся до 70% потерь, танковый корпус продвинулся вместе с пехотой на 2–4 км и после этого был выведен из боя.

Таким образом, постоянное стремление командования фронта добиться прорыва обороны посредством преждевременного ввода в бой танкового корпуса не дало результатов и привело к тому, что в танковом корпусе в настоящее время осталось два танка.

В танковых бригадах, действующих непосредственно с пехотой, во всех боях наблюдаются исключительно большие потери. Основная причина этих потерь заключается в том, что противотанковые средства противника не подавляются нашим артиллерийским огнем и отсутствует взаимодействие между танками, поддерживающей артиллерией и пехотой.

VI

Штаб Западного фронта не выполняет своей роли. Штаб обезличен, оторван от командования фронта и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командо-

ванием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение 4 месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 километров от расположения командования фронта, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3–4 раз. С командующим на ВПУ (хотя в данном случае это название не подходит) находится от штаба один полковник, выполняющий по существу обязанности адъютанта. Такое невиданное в практике положение командующий фронтом тов. Соколовский считает вполне нормальным.

На такое положение низвел штаб не только командующий фронтом, но в этом повинен и начальник штаба генерал-лейтенант Покровский, который боится ответственности и не может самостоятельно принять решения даже по мелкому вопросу. Покровский не принимает никаких мер к выправлению создавшегося ненормального положения со штабом, работает формально и бюрократически. Начальник оперативного отдела генерал-майор Чирков безынициативный работник и на роль руководителя оперативного отдела фронта не годится.

VII

Разведка на Западном фронте ведется совершенно неудовлетворительно. Добываемые ею данные зачастую являются недостоверными. Разведотдел штаба фронта не руководит деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий и развалил агентурную разведку. Начальник разведотдела полковник Ильницкий сомнительные и преувеличенные сведения о противнике выдавал за достоверные.

Войсковая разведка не организована, ведется беспланово. Разведывательные операции подготавливаются и проводятся плохо. При больших потерях разведчиков, в среднем до 5 человек на одного захваченного пленного, войсковая разведка нужных для командования данных не добывает.

Разведка боем ведется нецелеустремленно и проводится без тщательной подготовки и организации, часто не обеспечивается огневой поддержкой, вследствие чего большая часть всех разведывательных действий войск фронта заканчивалась неудачно и с большими потерями.

Крупные недостатки имеют место в подготовке и проведении поисковых разведывательных операций и особенно в тылу у противника. Основная задача поиска — захват контрольных пленных — во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце в 192 сд проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192, 247 и 174 сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведопераций и не захвачено ни одного пленного. В 331 и 251 сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение.

Служба наблюдения в войсках фронта организована формально. Этим видом разведки никто не руководит, наблюдение ведется необученными людьми и зачастую превращается в беспредметный обзор местности, а конкретное наблюдение за противником отсутствует. Указания Ставки, запрещающие использование в бою разведывательных подразделений, как обычной пехоты, на Западном фронте систематически нарушаются. Так, в январе 1944 г. в 33-й армии все разведывательные подразделения соединений и частей участвовали в наступлении как линейные подразделения и почти полностью были уничтожены.

Особенно крупные недостатки имеют место в агентурной разведке. Агентурная разведка на Западном фронте засорена сомнительными людьми, ведется примитивно и шаблонно. Добываемые этим видом разведки сведения зачастую не подтверждаются и нередко являются источником дезинформации.

Вербовка агентуры производится без достаточной проверки, не индивидуально. Агентура часто набирается группами из лиц, не проверенных и не имеющих жизненного опыта. В число агентов нередко попадали люди политически сомнительные, ненадежные, перевербовываемые немцами тотчас же после их выброски.

Подготовка агентов проходит неорганизованно и наспех, без надлежащего обучения. Многие агенты, не получая достаточной подготовки, быстро проваливались. Элементар-

ные правила конспирации нарушались. Большие группы агентов общались между собой и хорошо знали друг друга. Так, разведгруппы Христофорова, Юрченко, Калниболотского и Ситиникова, предназначенные для работы в тылу у противника в разных районах, общей численностью в 28 человек, в течение всей подготовки размещались вместе, в одном помещении. Экипировка агентов, отправляемых в тыл противника, нередко являлась стандартной и позволявшей легко раскрывать нашего агента. На территорию, оккупированную немцами в 1941 г., посылались агенты в 1942 и 1943 гг. в одежде с пометкой о производстве ее Москвошвеем в 1942 и 1943 гг. Стандартность же их одежды, в случае провала одного агента, позволяла легко раскрыть и других наших агентов.

Разведотдел фронта не стремился к внедрению своей агентуры в штабы и воинские учреждения противника. Работа агентов протекала по линии наименьшего сопротивления и ограничивалась простым наблюдением и сбором слухов среди местного населения. Связь разведотдела со своими агентами, работавшими в тылу, находится в очень плохом состоянии. Многие агенты перестали присылать донесения исключительно потому, что нет питания для радиостанций. Разведывательный отдел, имея все возможности к бесперебойному снабжению агентов питанием для раций, относится к этому важному делу халатно и безответственно.

Авиационная разведка хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются.

Радиоразведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение.

Разведывательный отдел штаба Западного фронта с возложенными на него задачами не справляется. Переоценка сил противника, бесплановость в разведке, оторванность, неумение добывать своевременно нужные сведения, отличить ложное от достоверного — таковы характерные черты в работе разведотдела штаба Западного фронта.

Начальник разведотдела полковник Ильницкий, при попустительстве командования фронта и начальника штаба фронта, систематически преувеличивал силы противника [перед] Западным фронтом. Это выразилось в увеличении количества дивизий и численного состава дивизий противника перед Западным фронтом.

VIII
О ПОЛОЖЕНИИ В 33-й АРМИИ В ПЕРИОД КОМАНДОВАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ГОРДОВА

33-я армия во многих операциях на Западном фронте занимала центральное место, ей придавались значительные средства усиления, командование фронта уделяло армии большое внимание и считало командира Гордова лучшим командующим армии.

Однако факты показывают обратное. Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляет свыше 50% от потерь всего фронта.

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь.

В своем приказе от 4 сентября 1943 г., адресованном командиру 173-й стрелковой дивизии полковнику Зайцеву и командирам полков подполковнику Милованову, подполковнику Сизову, майору Гуслицер, Гордов требовал:

«Весь офицерский состав поставить в боевые порядки, и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд».

И дальше Гордов в приказе писал: «Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу».

Четвертого сентября 1943 г. Гордов приказал начальнику штаба 70 ск генерал-майору Иконникову:

«Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела».

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ничем не оправдываемым потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33-й армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов, якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

Во время боевых действий управление со стороны Гордова сводилось к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела. Так было в отношении командира 277 сд генерал-майора Гладышева и командира 45 ск генерал-майора Поплавского. По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издергала их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями.

Командование фронта проходило мимо всех этих безобразий в действиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией.

IX
О КОМАНДОВАНИИ ФРОНТА

Главной причиной неуспехов операций на Западном фронте является неудовлетворительное руководство войсками со стороны командования фронта.

Командование Западного фронта, вместо изучения недостатков и их устранения, проявляло самодовольство, зазнайство, не вскрывало недостатков, не учитывало ошибок, не учило людей, не воспитывало кадры командиров в духе правдивости. Крупнейшие недостатки и ошибки повторялись во всех операциях. Причиной этого является тот недопустимый факт, что разборы операций, издания итоговых приказов по недостаткам и результатам боевых операций на Западном фронте не практиковались.

Несмотря на то, что одним из крупнейших недостатков при проведении операции была плохая работа артиллерии, этот недостаток не изживался и продолжал повторяться. Артиллерия во всех операциях, проводимых фронтом, не подавляла огневую систему противника и, следовательно, не обеспечивала продвижения пехоты. Командование фронта знало о больших потерях в людях вследствие плохой работы артиллерии, о громадном расходе боеприпасов и, однако, мер к исправлению работы артиллерии не принимало.

Командование фронта критики не терпит, попытки критиковать недостатки встречаются в штыки. Характерными в этом отношении являются резолюции генерала армии Соколовского на докладе офицера Генштаба, в котором освещались недостатки подготовки и [в] руководстве операции, проводившейся 31-й армией 29 октября 1943 г. Резолюции эти следующие:

«Цена документа очень ничтожная, даже в хороший базарный день». «Подполковник Некрасов, видимо, не думал, что писал. Человек, видимо, привык болтать вообще».

«Вранье!»

«Глупое вранье».

«Писатель совершенно не понимает боя по прорыву обороны».

«Слова и не больше!»

Во фронте создана такая атмосфера и люди так воспитаны, что боятся ставить перед командованием фронта вопросы о недостатках. Со стороны отдельных командующих родами войск были робкие попытки указать на недостатки в действиях родов войск и разобрать их в приказе, но командующий фронтом отклонял такие попытки.

Указания командования по устранению недостатков носили характер устных семейных наставлений, никого ни к чему не обязывающих. Так, например, положение в армии Гордова не изменилось вплоть до его отстранения Ставкой с должности командарма 33-й армии, а т. Соколовский заверяет, что он давал устные указания Гордову о ликвидации творящихся в армии безобразий.

Командование фронта не представляло докладов в Ставку о недостатках и причинах провала операций и тем самым правдиво не вскрывало ни для себя, ни для Ставки причин невыполнения фронтом задач, поставленных Ставкой. Замалчивание действительных причин провала операций являлось в данном случае не чем иным, как формой обмана Ставки.

Командование фронта плохо разбиралось в людях, некритически относилось к их недостаткам. Этим объясняется тот факт, что генерал-полковник Гордов совершенно необоснованно считался лучшим командующим армии, а генерал-полковник артиллерии Камера остается хорошим артиллеристом, несмотря на то что артиллерия не выполняла своих задач, полковник Ильницкий считается хорошим разведчиком, а на самом деле работа разведотдела фронта находится в разваленном состоянии.

Командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников командующих родами войск и начальников служб, по многу дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекаются к разработке операций. Например: командующий БТ и МВ генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: «Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в армиях или от подчиненных танкистов».

Командование фронта оперативно не реагирует на нужды войск. Вследствие этого, например, в некоторых наступающих дивизиях, особенно в 33-й армии, на ручные пулеметы приходилось по одному диску, на станковый пулемет по одной ленте. Это приводило к тому, что в разгар боя пулеметчики не могли поддерживать пехоту, а большую часть времени занимались набивкой дисков и лент. В ряде операций артиллерия отставала от пехоты вследствие отсутствия тяги к орудиям. Между тем во фронте имеется достаточное количество тяги для того, чтобы полностью обеспечить артиллерию наступающих войск, надо было только командованию фронта реагировать на нужды армии и своевременно сманеврировать средствами фронта. В низовых звеньях артиллерии и пехоты не хватало раций, вследствие чего нарушалось взаимодействие между пехотой и артиллерией. А между тем в тылах и штабах фронта и армий раций имелось в достаточном количестве для обеспечения наступающих войск. По вине командования фронта в ноябре и декабре 1943 г., т. е. в разгар операций, во многих дивизиях имели место серьезные перебои в питании. По некоторым основным продуктам (мясо, рыба, хлеб, крупа) обеспеченность была не больше 5—7 суточных дач, с учетом имеющегося наличия продуктов в дивизиях, армиях и фронте.

1. С октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт, несмотря на превосходство в силах над противником и большой расход боеприпасов, продвижения вперед не имел. Все веденные за эти полгода операции по вине командования фронта провалились.

Западный фронт не выполнил задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, и ослаблен в результате тяжелых потерь в людях и технике, явившихся следствием неумелого руководства командования фронта.

Западный фронт в настоящее время требует укрепления и помощи.

2. Такое положение на Западном фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства командования фронта и, следовательно, в первую очередь неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом генерала армии Соколовского, бывшего

члена Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Булганина и работающего ныне членом Военного Совета фронта генерал-лейтенанта Мехлиса.

Командование Западного фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится. Несмотря на провал в течение полгода одиннадцати больших и малых операций, командование фронта уроков из этого не извлекло и не докладывало правдиво Ставке о положении на фронте.

Генерал армии Соколовский оказался, как командующий фронтом, не на высоте положения.

Тт. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам.

Ошибкой ныне работающего членом Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Мехлиса является то, что он не докладывал в Ставку об истинном положении дел на фронте.

3. Особенно крупные недостатки имеют место в действиях артиллерии. Артиллеристы на Западном фронте ошибок своих не вскрывают, не исправляют их, в то время как плохая работа артиллерии явилась основной причиной неудач наступательных операций. В этом помимо командования фронта, в первую очередь, повинен командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Камера. Ошибкой Главного маршала артиллерии т. Воронова является то, что он, находясь на Западном фронте, не вскрыл крупных недостатков в артиллерии и не доложил Ставке о плохой работе артиллерии на Западном фронте.

4. Штаб Западного фронта обезличен, оторван от командования и от войск и требует укрепления. Нынешний начальник штаба генерал-лейтенант Покровский не справляется со своими обязанностями.

5. Совершенно неблагополучно является положение в разведывательном отделе штаба фронта. Начальник разведотдела полковник Ильницкий требует специальной проверки, и его необходимо заменить.

6. В интересах дела необходимо:

а) снять генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба одного из фронтов. Назначить на Западный фронт нового командующего, способного выправить положение дел на Западном фронте;

б) объявить выговор генерал-лейтенанту Булганину за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте;

в) укрепить штаб Западного фронта и предупредить начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и по должности;

г) снять с должности командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии Камера с понижением по должности. Назначить на Западный фронт нового командующего артиллерией, способного устранить недостатки в работе артиллерии. Обязать Главного маршала артиллерии Воронова немедля заняться делом устранения крупных недостатков в артиллерии Западного фронта;

д) снять полковника Ильницкого с поста начальника разведотдела штаба Западного фронта с понижением по должности и снизить его в звании до подполковника. Назначить на должность начальника разведотдела штаба фронта опытного и проверенного командира. Обязать начальника Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта Кузнецова принять все необходимые меры к выправлению положения дел в разведотделе штаба Западного фронта;

е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й ар-

мией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии он будет снижен в звании и должности.

Сообщить о недостатках Гордова командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й гвардейской армией.

Г. МАЛЕНКОВ
А. ЩЕРБАКОВ
С. ШТЕМЕНКО
Ф. КУЗНЕЦОВ
А. ШИМОНАЕВ

Опубл.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 441–452.

№ 30

ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 220076

12 апреля 1944 г.

На основании постановления ГКО от 12 апреля 1944 г. о работе командования и штаба Западного фронта Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Генерала армии Соколовского снять с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба 1-го Украинского фронта.

2. Генерал-лейтенанту Булганину объявить выговор за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал о наличии крупных недостатков на фронте.

3. Генерал-лейтенанта Покровского, начальника штаба Западного фронта, предупредить, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и должности.

4. Генерал-полковника артиллерии Камера снять с должности командующего артиллерией Западного фронта и направить его в распоряжение командующего артиллерией Красной Армии.

5. Полковника Ильницкого снять с должности начальника разведотдела штаба Западного фронта, снизить в звании до подполковника и назначить на другую работу с понижением в должности.

6. Генерал-полковника Гордова, отстраненного от должности командующего 33-й армией, предупредить, что при повторении ошибок, допущенных им в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности.

II

1. Западный фронт в нынешнем его составе разделить на два фронта: на 2-й Белорусский фронт в составе 31, 49 и 50-й армий и на 3-й Белорусский фронт в составе 39, 33 и 5-й армий.

Управление 2-го Белорусского фронта сформировать на базе Управления 10-й армии. Закончить формирование и принять войска, назначенные в состав фронта, не позднее 25 апреля.

2. Нынешний Белорусский фронт именовать 1-м Белорусским фронтом.

3. Командующим 2-м Белорусским фронтом назначить генерал-полковника Петрова с освобождением его от командования 33-й армией; членом Военного Совета 2-го Белорусского

фронта назначить генерал-лейтенанта Мехлиса; начальником штаба — генерал-лейтенанта Боголюбова с освобождением его от должности начальника штаба 1-го Украинского фронта.

4. Командующим 3-м Белорусским фронтом назначить генерал-полковника Черняховского с освобождением его от командования 60-й армией; членом Военного Совета 3-го Белорусского фронта назначить генерал-майора Макарова с освобождением его от должности начальника Политуправления Западного фронта; начальником штаба — генерал-лейтенанта Покровского с освобождением его от должности начальника штаба Западного фронта.

5. Командующим 33-й армией назначить генерал-лейтенанта Крюченкина с освобождением его от командования 69-й армией.

6. Образование двух фронтов и распределение дивизий, частей усиления, авиации, тыловых частей, учреждений и имущества Западного фронта между двумя фронтами произвести под контролем представителя Ставки генерал-полковника Штеменко.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 452–453.

№ 31

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ О НЕДОСТАТКАХ В РАБОТЕ КОМАНДОВАНИЯ 2-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА

№ 5689сс

20 апреля 1944 г.
Москва, Кремль

2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии Попова М. М. за полгода своего существования с 12 октября 1943 года по 12 апреля 1944 года провел 14 армейских и фронтовых операций.

Все проведенные за эти полгода операции, несмотря на превосходство в силах над противником и затрату на них большого количества боеприпасов, существенных результатов не дали, и 2-й Прибалтийский фронт задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, не выполнил.

Операция по преследованию противника, отходившего со Старо-Русского направления, в результате успешного наступления войск соседнего Ленинградского фронта также была проведена неудовлетворительно. Отход противника своевременно обнаружен не был, соприкосновение с ним было утеряно, преследование велось вяло и медленно, что дало противнику возможность отходить планомерно, вывести свою технику, живую силу и закрепиться на заранее подготовленном рубеже.

Такое положение на 2-м Прибалтийском фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства фронтом со стороны командующего фронтом генерала армии Попова и члена Военного Совета фронта генерал-лейтенанта Булганина.

Генерал армии Попов и генерал-лейтенант Булганин не справились с руководством фронтом.

Командование фронтом, и в первую очередь командующий фронтом генерал армии Попов, не организует тщательной разведки противника. Только этим объясняется неожиданный

для командования 2-м Прибалтийским фронтом и беспрепятственный уход противника из Старая Русса и Новосокольники.

Командование фронтом не знает степени готовности и возможностей своих войск и вследствие этого неправильно определяет возможные сроки начала операций, что приводит к неоднократным изменениям этих сроков, или же операции начинаются при явной неподготовленности войск.

В работе артиллерии 2-го Прибалтийского фронта имеют место крупнейшие недочеты, аналогичные отмеченным в докладе комиссии по Западному фронту, утвержденном Постановлением ГОКО от 12 апреля 1944 года за № 5606сс.

Командование 2-го Прибалтийского фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относится и уроков из этих ошибок не извлекает. Правдиво о положении дел на фронте Ставке Верховного Главнокомандования не докладывало и не докладывает, а своими неправдивыми докладами и постановкой задач войскам, не соответствующих директивам Ставки, по существу, вводит Ставку в заблуждение.

Командование фронтом критики не терпит. Указания представителей Ставки и Генштаба на недостатки в работе командования фронтом встречает в штыки.

Исходя из вышеуказанного, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Генерала армии Попова М. М. снять с должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом как не справившегося с командованием фронтом и снизить его в звании до генерал-полковника.

2. Генерал-лейтенанта Булганина отстранить от должности члена Военного Совета 2-го Прибалтийского фронта как не справившегося со своими обязанностями.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 320. Л. 104–106.

Опубл.: Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 532–533.

№ 32

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ — И. В. СТАЛИНУ, В. М. МОЛОТОВУ, Г. М. МАЛЕНКОВУ О РАБОТЕ ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКИХ ГРУПП ПО «ОЧИСТКЕ» КРЫМСКОЙ АССР ОТ «АНТИСОВЕТСКОГО» ЭЛЕМЕНТА 01.05.1944

№ 387/б
Копия

Совершенно секретно

Государственный Комитет Обороны –
Товарищу Сталину И. В.
Товарищу Молотову В. М.
ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М.

В дополнение к нашему сообщению от 25 апреля с. г. НКВД СССР докладывает о работе оперативно-чекистских групп по очистке Крымской АССР от антисоветского элемента.

Органами НКВД — НКГБ и «Смерш» НКО арестовано 4206 человек антисоветского элемента, из них разоблачено 430 шпионов.

Кроме того, войсками НКВД по охране тыла с 10 по 27 апреля задержано 5115 человек, в том числе арестовано 55 агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов, 266 изменников Родине и предателей, 363 пособника и ставленника противника, а также участника карательных отрядов.

Арестовано 49 членов мусульманских комитетов, в том числе Измаилов Апас — председатель Карасубазарского районного мусульманского комитета, Баталов Батал — председатель мусульманского комитета Балаклавского района, Аблеизов Белиаи — председатель мусульманского комитета Симеизского района, Алиев Муса — председатель мусульманского комитета Зуйского района.

Мусульманские комитеты проводили по заданию германских разведорганов вербовку татарской молодежи в добровольческие отряды для борьбы с партизанами и Красной Армией, подбирали соответствующие кадры для заброски их в тыл Красной Армии и вели активную профашистскую пропаганду среди татарского населения в Крыму.

Члены мусульманских комитетов субсидировались немцами и, кроме того, располагали обширной сетью «торговых» и «культурно-просветительных» учреждений, используемых одновременно и для шпионской работы.

После разгрома 6-й немецкой армии Паулюса под Сталинградом Феодосийский мусульманский комитет собрал среди татар в помощь германской армии один миллион рублей.

Члены мусульманских комитетов в своей работе руководствовались лозунгом «Крым только для татар» и распространяли слухи о присоединении Крыма к Турции.

В 1943 году в Феодосию приезжал турецкий эмиссар Амиль-Паша, который призывал татарское население поддерживать мероприятия германского командования.

В Берлине немцами был создан татарский национальный центр, представители которого в июне 1943 года приезжали в Крым для ознакомления с работой мусульманских комитетов.

Выявлено и арестовано значительное количество лиц из агентуры противника, ставленников и пособников немецко-фашистских оккупантов.

Арестованный 20 апреля с. г. боец партизанского отряда Спанов В. И. на допросе показал, что в марте 1943 года он был завербован «СД» в Керчи для шпионской работы и получил задание проводить вербовку агентуры и создание резидентур.

Спанов создал резидентуру в составе 10 агентов, после чего был назначен приставом жандармерии.

В октябре 1943 года Спанов был внедрен в состав партизанского отряда германскими контрразведывательными органами для подрывной работы.

Названная Спановым агентура разыскивается.

В г. Судак арестован резидент германской разведки Петров В. П., создавший в Судаке шпионскую резидентуру в составе 7 человек, оставленную для подрывной работы в нашем тылу. Названные Петровым агенты арестованы и признались в принадлежности к разведывательным органам противника.

В районе Алупка изъята группа немецких шпионов в составе 9 человек, получившая от немецкого командования задание остаться в нашем тылу и произвести бактериологическую диверсию путем отравления и заражения источников, из которых снабжаются водой санатории в районе Алупка — Симеиз.

В г. Симферополе арестованы следователь и агент «СД» Лукин А. П. и переводчик Симферопольского «СД» немец-колонист Гильденберг, по показаниям которых выявлено 34 немецких шпиона.

По делу арестовано 5 человек. Розыск и арест остальных шпионов продолжается.

В г. Судак арестован председатель районного мусульманского комитета Умеров Бекир, который признался, что по заданию немцев организовал добровольческий отряд из кулацко-преступного элемента и вел активную борьбу против партизан.

В 1942 г. во время высадки нашего десанта в районе города Феодосии отряд Умерова задержал 12 красноармейцев-десантников и сжег их живыми.

По делу арестовано 30 человек.

В г. Бахчисарай арестован предатель Абибулаев Джафар, добровольно вступивший в 1942 году в созданный немцами карательный батальон. За активную борьбу с советскими патриотами Абибулаев был назначен командиром карательного взвода и производил расстрел мирных жителей, подозревавшихся в их связи с партизанами.

Военно-полевым судом Абибулаев приговорен к смертной казни через повешение.

В г. Судак арестован каратель Костюк И. А., член Старо-Крымской полицейской тройки, занимавшейся изъятием и уничтожением советских десантников. Костюк лично разыскал и расстрелял начальника Особого отдела советского десанта и трех человек местных жителей, помогавших десантникам.

В Джанкойском районе арестована группа в числе трех татар — Мамбета, Абилаева и Селимова, которые по заданию германской разведки в марте 1942 года отравили в душегубке 200 цыган.

По имеющимся данным, для вербовки агентуры среди военнослужащих Красной Армии, попавших в плен к немцам, германские разведывательные органы в Крыму создали филиалы «Национально-Трудового Союза Нового Поколения» (НТСНП), «Партии истинно русских людей» и «Украинского Национального Комитета».

По сообщению нашего агента, созданная в 1943 году в г. Симферополе немецкой разведкой организация НТСНП занималась антисоветской пропагандой среди русского населения Крыма, подбором для этих целей антисоветски настроенной интеллигенции, а также вербовкой шпионских кадров для разведки противника среди советских военнопленных.

Наш агент сообщил ряд заслуживающих внимания данных о работе этой организации, правильность которых проверяется.

Созданная немецким командованием в Крыму русско-фашистская организация «Партия истинно русских людей» возглавлялась графом Келлер — начальником румынской контрразведки в Крыму, проживавшим до оккупации Крыма в Севастополе. Участниками Крымского центра этой организации являлись Федов, он же Гаврилиди А. П. — сотрудник военного отдела гестапо, прибывший в Крым из Болгарии, и Булдеев — активный предатель, редактор фашистской газеты «Голос Крыма».

На основании захваченных личных записей одного из немецких разведчиков выявлено 10 активных участников этой организации, в том числе: Польский, Ларский и Березов — бывшие военнослужащие Красной Армии.

По имеющимся данным, помимо упомянутой выше фашистской организации германскими разведывательными органами была создана нелегальная организация для ведения подрывной работы в нашем тылу в случае отступления немецких частей из Крыма.

Организация занималась также привлечением к подрывной работе против СССР молодежи в возрасте от 15 до 19 лет путем соответствующего воспитания их под прикрытием всевозможных спортивных команд, драматических, музыкальных и других обществ.

Приняты меры к выявлению участников этой организации. Зимой 1942 года немецкой разведкой был создан в Крыму «Украинский Национальный Комитет», возглавлявшийся неким Шопарь. Штаб-квартирой «Украинского Национального Комитета» являлось торговое предприятие «Консум», весь обслуживающий персонал которого входил в состав комитета.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР *Л. БЕРИЯ*

ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 2. Д. 64. Л. 385–389.

№ 33

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ВИТЕБСКО-ЛЕПЕЛЬСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

31 мая 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег р. Западная Двина в район Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гв. и 43-й армий прорвать оборону противника в районе юго-западнее Городка, нанося один общий удар в направлении на Бешенковичи, Чашники.

Ближайшая задача — форсировать р. Западная Двина и овладеть районом Бешенковичей. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полоцкого направления.

2. Установить с 24.00 10.06.1944 г. между 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами следующую разграничительную линию: до Витебска — прежняя, далее Чашники, Бегомль, Долгиново (все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно).

3. Ответственность за обеспечение стыка с 3-м Белорусским фронтом оставить за командующим 1-м Прибалтийским фронтом.

4. Срок готовности и начало наступления — согласно указаниям маршала Василевского.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 214.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 94–95.

№ 34

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ВИТЕБСКО-ОРШАНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

31 мая 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта и 2-м Белорусским фронтом разгромить витебско-оршанскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара:

а) один удар силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно в общем направлении на Богушевское, Сенно; частью сил этой группировки наступать в северо-западном

направлении, обходя Витебск с юго-запада, с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск;

б) другой удар силами 11-й гв. и 31-й армий вдоль минской автострады в общем направлении на Борисов; частью сил этой группировки ударом с севера овладеть городом Орша.

2. Ближайшая задача войск фронта — овладеть рубежом Сенно, Орша. В дальнейшем развивать наступление на Борисов с задачей во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом разгромить борисовскую группировку противника и выйти на западный берег р. Березина в районе Борисова.

3. Подвижные войска (конницу, танки) использовать для развития успеха после прорыва в общем направлении на Борисов.

4. Установить с 24.00 10.06.1944 г. следующие разграничительные линии: с 1-м Прибалтийским фронтом до Витебска — прежняя, далее Чашники, Бегомль, Долгиново (все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно); со 2-м Белорусским фронтом до Зубова — прежняя, далее Круча, Оздятичи, Смолевичи, Минск (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно).

5. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.

6. Готовность и начало наступления — согласно указаниям маршала Василевского.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 215–216.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 95.

№ 35

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ МОГИЛЕВСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

31 мая 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и с правым крылом 1-го Белорусского фронта могилевскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего силами не менее 11–12 стрелковых дивизий со средствами усиления прорвать оборону противника, нанося один общий удар из района Дрибин, Дедня, Рясна в общем направлении на Могилев, Белыничи.

Ближайшая задача — выйти на р. Днепр и захватить плацдарм на его западном берегу. В дальнейшем форсировать р. Днепр главными силами, овладеть Могилевом и развивать наступление в общем направлении на Березино, Смиловичи.

2. Установить с 24.00 10.06.1944 г. следующие разграничительные линии: с 3-м Белорусским фронтом до Зубова — прежняя, далее Круча, Оздятичи, Смолевичи, Минск (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно); с 1-м Белорусским фронтом до Чигиринки — прежняя и далее Свислочь, Пуховичи (оба пункта для 1-го Белорусского фронта включительно).

3. Ответственность за обеспечение стыка с 1-м Белорусским фронтом возложена на командующего 1-м Белорусским фронтом.

4. Срок готовности и начало наступления — согласно указаниям маршала Жукова.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 211.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 93.

№ 36

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ БОБРУЙСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

31 мая 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара: один силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнего течения р. Березина, Озаричи в общем направлении на ст. Пороги, Слуцк.

Ближайшая задача — разбить бобруйскую группировку противника и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, причем частью сил на своем правом крыле содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме могилевской группировки противника. В дальнейшем развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи.

2. Подвижные войска (конница, танки) использовать для развития успеха после прорыва.

3. Установить с 24.00 10.06.1944 г. между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами следующую разграничительную линию: до Чигиринки — прежняя и далее Свислочь, Пуховичи (все пункты для 1-го Белорусского фронта включительно).

4. Ответственность за обеспечение стыка со 2-м Белорусским фронтом возложить на командующего 1-м Белорусским фронтом.

5. Срок готовности и начало наступления — согласно указаниям маршала Жукова.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 212–213.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 94.

№ 37

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВМФ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕВОЗОК В 1944 г.

1 июня 1944 г.

С первых дней войны обеспечение своих морских коммуникаций являлось одной из основных задач флотов и флотилий.

Выполнение этой задачи в условиях противодействия противника требовало большого напряжения сил, особо четкой организации конвоев и их боевого обеспечения.

В отдельные периоды, при наиболее активной деятельности авиации и подводных лодок противника на наших коммуникациях, выход в море даже отдельного транспорта представлял собой определенную операцию, требовавшую привлечения большого количества конвойных сил и сил прикрытия, организации их взаимодействия, четкого планирования операции, проведения различного рода подготовительных мероприятий.

В 1943 г. при обеспечении своих коммуникаций имел место ряд ошибок, недочетов и упущений, повлекших за собой в ряде случаев серьезные потери ценных транспортов.

Основными из этих недочетов и упущений являлись следующие:

1. Недостаточно правильная оценка обстановки штабами, ее анализ и учет, приводившие иногда к недооценке сил противника, действующих на наших коммуникациях.

2. Плохая организация конвоев, выделение недостаточного количества сил охранения, плохая подготовка сил охранения.

3. Внутренняя организация конвоев (построение походных ордеров и т. п.) была, как показал опыт, не на должной высоте и не соответствовала условиям обстановки.

4. Выбор времени и маршрутов следования конвоев морем не всегда отвечал требованиям обстановки, зачастую имело место пренебрежение этими элементами в условиях наличия серьезной угрозы атак подводных лодок противника.

5. Реальные меры по поддержке должного оперативного режима в районах своих коммуникаций, затруднявшего деятельность противника, не применялись или были недостаточными.

6. Пренебрежение минной опасностью, неучет возможности постановки мин самолетами и действий ПЛ ПЛ противника на наших коммуникациях.

По причине этих основных недочетов в 1943 г. в Карском море от подводных лодок противника погибли четыре транспорта с ценным грузом и в начале 1944 г. в Черном море погиб танкер «Кутюрье».

Изменившаяся в связи с успешным наступлением Красной Армии обстановка на морских театрах и предстоящее усиление народно-хозяйственных перевозок морем для питания освобожденных от противника территорий, при наличии крайне ограниченного тоннажа, требует особого внимания к их обеспечению.

ПРИКАЗЫВАЮ КОМАНДУЮЩИМ ФЛОТОВ (ФЛОТИЛИЙ):

1. Возложить полную ответственность за оперативное планирование и организацию междубазовых конвоев на театре непосредственно на штабы флотов и флотилий.

2. Пересмотреть и подправить (Так в документе. — *Ред.*) имеемые наставления по конвоированию транспортов.

3. Коренным образом улучшить организацию конвоев, более тщательно анализировать обстановку и возможность воздействий противника, принимая своевременно необходимые меры.

4. Повысить боевую подготовку конвойных кораблей, средств ПЛО баз, а также авиации прикрытия.

5. Шире использовать позиционные средства ПЛО на театрах.

6. Организовать борьбу с ВР противника, более тщательно прикрывать с воздуха транспорта в море, а также места стоянки кораблей, не забывая также, что наряду с ВВС и ПЛ могут действовать и надводные корабли противника.

7. Улучшить организацию траления и ПМО конвоев в море. Обратить особое внимание на возможность постановки мин авиацией и ПЛ ПЛ противника на наших коммуникациях.

8. Каждый случай гибели конвоируемого судна специально расследовать, привлекая к ответственности командира конвоя при допущении им небрежности и халатности. Результат расследования со своим заключением доносить мне через ГМШ.

9. О принятых мерах по улучшению организации конвоирования донести мне через ГМШ к 15 июня 1944 г.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 79. Д. 39841. Л. 405–407. Подлинник.

№ 38

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА О ПРОДОЛЖЕНИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

21 июня 1944 г.
02 ч. 15 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам Ленинградского фронта, действующим на Карельском перешейке, продолжать наступление с задачей 26–28.06 главными силами овладеть рубежом Иматра, Лаппенранта, Виройоки. Частью сил наступать на Кексгольм, Элисенвара с целью очищения от противника Карельского перешейка северо-восточнее реки и озера Вуоксы.

2. В дальнейшем главными силами развивать наступление с задачей овладеть рубежом Коувола, Котка и закрепиться на восточном берегу р. Кюмин-Йоки. Обеспечивать свою главную группировку с севера.

3. Установить с 24.00 21.06.1944 г. следующую разграничительную линию между Карельским и Ленинградским фронтами: до Коровкино — прежняя и далее южный и западный берег Ладожского озера, Тервус, Элисенвара, Тайпионкоски, Лаппенранта, Лахти (все пункты для Ленинградского фронта включительно).

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 376–377.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 97–98.

№ 39

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА О ПОВЫШЕНИИ ТЕМПОВ НАСТУПЛЕНИЯ

23 июня 1944 г.
01 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования недовольна медленным продвижением войск фронта на медвежьегорском и олонецком направлениях при наличии четырехкратного превосходства над противником. Вместо того чтобы решительно атаковать противостоящего противника, не дать ему уйти и разбить его, войска фронта ожидают отхода противника и волокутся за отходящими его частями.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. На олонецком направлении войскам 7-й армии развивать стремительное наступление, нанося главный удар силами до трех ск в общем направлении Олонец, Питкяранта. Частью сил (не более одного ск) ударом в направлении Коткозеро, Пряжа не допустить отхода на северо-запад группировки противника, действующей перед правым крылом 7-й армии, и во взаимодействии с левым флангом 32-й армии занять Петрозаводск.

Ближайшая задача: не позднее 23–24.06 овладеть Олонцом и не позднее 28.06 занять Коткозеро, Чимойлу, Видлицу. В дальнейшем развивать наступление главными силами вдоль побережья Ладожского озера в общем направлении на Сортавалу и не позднее 2–4.07 овладеть населенными пунктами Пряжа, Колат Сельга, Питкяранта.

2. На медвежьегорском направлении войскам 32-й армии, сломив сопротивление противника на рубеже р. Остер и овладев не позже 23.06 Медвежьегорском, наступать главными силами на Сувилахти и частью сил на Кондопога, Петрозаводск.

Ближайшая задача: не позже 29.06–1.07 овладеть районом Красный Пахарь (на берегу Поросозеро), Койкары, Кондопога. В дальнейшем развивать наступление главными силами на Сувилахти и левым крылом во взаимодействии с войсками 7-й армии овладеть Петрозаводском.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 379–380.

№ 40

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ЛЬВОВСКОЙ И РАВА-РУССКОЙ ГРУППИРОВОК ПРОТИВНИКА

24 июня 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить львовскую и рава-русскую группировки противника и выйти на фронт Грубешув, Томашув, Яворув, Миколаюв, Галич, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара:

а) один удар силами 3-й га и 13-й армий из района юго-западнее Луцка в общем направлении на Сокаль, Рава-Русская с задачей разгромить рава-русскую группировку противника и овладеть Томашувом, Рава-Русской. С выходом на западный берег р. Западный Буг частью сил наступать на Грубешув, Замостье, содействуя продвижению левого крыла 1-го Белорусского фронта;

б) другой удар силами 60, 38 и 5-й армий из района Тарнополя в общем направлении на Львов с задачей разгромить львовскую группировку противника и овладеть Львовом. Обеспечить удар на Львов со стороны Стрыя и Станислава выдвижением войск 1-й гв. армии на р. Днестр.

2. Подвижные войска (танковые армии, конно-механизированные группы) использовать для развития успеха после прорыва обороны противника: на рава-русском направлении — одну танковую армию и одну конно-механизированную группу и на львовском направлении — две танковые армии и одну конно-механизированную группу. Конно-механизированные группы создать путем придачи каждому кавалерийскому корпусу по одному танковому или механизированному корпусу. Во главе конно-механизированных групп иметь: одной — генерал-лейтенанта Соколова и второй — генерал-лейтенанта Баранова. Конно-механизированные группы применять для действий по тылам основных группировок противника.

3. Разграничительные линии с соседями прежние.

4. Готовность к наступлению — согласно полученным Вами лично указаниям Ставки.

5. О получении донести. Директиву хранить в личном Вашем сейфе.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 381–382.

№ 41

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ОВЛАДЕНИЕ МИНСКОМ

28 июня 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом занять Молодечно.

2. Ставка недовольна медленными и нерешительными действиями 5 гв. ТА и относит это к плохому руководству ею со стороны тов. Ротмистрова. Ставка требует от 5 гв. ТА стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке.

3. От пехоты потребовать необходимого напряжения сил с тем, чтобы она, по возможности, не отставала от действующих впереди танковых и кавалерийских соединений.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 384–385.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 100–101.

№ 42

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ МИНСКА

28 июня 1944 г.
24 ч. 00 мин.

В дополнение директивы... от 31.05.1944 г. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 2-го Белорусского фронта не позже 30.06—1.07 с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление в общем направлении на Минск, как об этом указал уже Вам тов. Жаров. Не позже 7—8.07 во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и правым крылом 1-го Белорусского фронта овладеть городом Минск и выйти на западный берег р. Свислочь.

2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 383.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 100.

№ 43

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ВИЛЬНО

4 июля 1944 г.
01 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 3-му Белорусскому фронту в составе 5, 11 гв., 31, 33-й армий, 5-й гв. танк. армии, 3 гв. мк, 2 гв. тк, 3 гв. кк развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильно.

Ближайшая задача войск фронта — не позже 10—12 июля овладеть Вильно и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдармы на его западном берегу.

2. Установить с 24.00 4.07.1944 г. следующие разграничительные линии: с 1-м Прибалтийским фронтом до Константиново — прежняя и далее Подбродзе, Подберезье, Кайшадорис, Мариамполь (все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно); со 2-м Белорусским фронтом до Минска — прежняя и далее Камень, Николаев, Докудово, Острино, Гродно (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно).

3. Ответственность за обеспечение стыков возложить: за стык с 1-м Прибалтийским фронтом на командующего 3-м Белорусским фронтом и за стык со 2-м Белорусским фронтом на командующего 2-м Белорусским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 387.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 101–102.

№ 44

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА БАРАНОВИЧСКО-БРЕСТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

4 июля 1944 г.
01 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Правому крылу 1-го Белорусского фронта в составе 48, 65, 28 и 61-й армий, 9 тк, 1 гв. тк, 1 мк, 4 гв. кк развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Барановичи, Брест. Ближайшая задача — овладеть [районом] Барановичи, Лунинец и не позже 10–12.07.1944 г. выйти на рубеж Слоним, р. Щара, Пинск. В дальнейшем овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг, захватив плацдармы на его левом берегу.

2. Установить с 24.00 4.07.1944 г. следующую разграничительную линию со 2-м Белорусским фронтом: до Свислочи — прежняя и далее Осиповичи, Белая Лужа, Городея, Молчадь, Зельва, Свислочь, Сураж (все пункты, кроме Осиповичей, Городеи и Молчади, для 2-го Белорусского фронта включительно).

3. Ответственность за обеспечение стыка со 2-м Белорусским фронтом оставить за командующим 1-м Белорусским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 388.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 102.

№ 45

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА КАУНАС И ШАУЛЯЙ

4 июля 1944 г.
01 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 1-му Прибалтийскому фронту в составе 6 гв., 43, 39, 2 гв. и 51-й армий развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас. Ближайшая задача — не позже 10–12 июля овладеть рубежом Двинск (Даугавпилс. — *Ред.*), Нов. Свенцяны, Подбродзе. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил на Паневежис, Шяуляй.

2. Установить с 24.00 4.07.1944 г. следующую разграничительную линию с 3-м Белорусским фронтом: до Константиново — прежняя и далее Подбродзе, Подберезье, Кайшадорис, Мариамполь (все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно).

3. Обеспечение стыка с 3-м Белорусским фронтом возложить на командующего 3-м Белорусским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 391.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 103.

№ 46

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА БЕЛОСТОК

4 июля 1944 г.
01 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 2-му Белорусскому фронту в составе 50, 49 и 3-й армий развивать наступление, нанося главный удар в направлении Новогрудок, Волковыск, Белосток. Ближайшая задача — не позже 12–15 июля овладеть районом Новогрудка, выйти на р. Неман и р. Молчадь. В дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока.

2. Установить с 24.00 4.07.1944 г. следующие разграничительные линии: с 3-м Белорусским фронтом до Минска — прежняя и далее Камень, Николаев, Докудово, Острино, Гродно (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно); с 1-м Белорусским фронтом до Свислочи — прежняя и далее Осиповичи, Белая Лужа, Городея, Молчадь, Зельва, Свислочь,

Сураж (все пункты, кроме Осиповичей, Городеи и Молчади, для 2-го Белорусского фронта включительно).

3. Ответственность за обеспечение стыка с 3-м Белорусским фронтом возложить на командующего 2-м Белорусским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 392.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 104.

№ 47

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ — И. В. СТАЛИНУ О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ КРЫМА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ 04.07.1944

№ 693/б

Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу Сталину И. В.

НКВД СССР докладывает, что выселение из Крыма спецпереселенцев — татар, болгар, греков и армян закончено.

Всего выселено — 225 009 человек, в том числе:
Татар — 183 155 чел.
Болгар — 12 422
Греков — 15 040
Армян — 9621
Немцев — 1119
А также иноподданных — 3652

Все татары к местам расселения прибыли и расселены:
В областях Узбекской ССР — 151 604 чел.
В областях РСФСР согласно постановлению ГОКО от 21 мая 1944 года — 31 551 чел.

Болгары, греки, армяне и немцы в количестве 38 202 чел. находятся в пути в Башкирскую АССР, Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области РСФСР и Гурьевскую область Казахской ССР.

3652 чел. иноподданных направлены для расселения в Ферганскую область Узбекской ССР.

Все прибывшие спецпереселенцы размещены в удовлетворительных жилищных условиях.

Значительная часть расселенных трудоспособных спецпереселенцев татар включена в работу по сельскому хозяйству — в колхозах и совхозах, на лесозаготовках, на предприятиях и строительстве.

При проведении операции по выселению на месте и в пути происшествий не было.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР *Л. БЕРИЯ*

Снята одна копия для особой папки по Крыму.

ГАРФ. Ф. 9401 с. Оп. 2. Д. 65. Л. 275.

№ 48

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА О НАСТУПЛЕНИИ НА РИЖСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

4 июля 1944 г.
15 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить группировку противника в районе Идрица, Себеж, Дрисса и овладеть Резекне и Двинском. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать в общем направлении на Ригу с задачей во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом отрезать прибалтийскую группировку противника от его коммуникаций в сторону Германии.

Для выполнения указанной задачи нанести два удара:

а) один удар силами 10-й гв. и 3-й уд. армий — из района оз. Але, оз. Большое Острие, Заполье в общем направлении на Себеж, Резекне, обходя Идрицу с севера;

б) другой удар силами 4-й уд. и 22-й армий — вдоль северного берега р. Западная Двина в общем направлении на Дрисса, Двинск. Наступление, начатое войсками 4-й уд. армии, продолжать, не ожидая начала наступления остальных армий фронта.

2. Ближайшая задача войск фронта — овладеть рубежом Себеж, Освея, Дрисса. В дальнейшем развивать наступление на Резекне, Двинск и перерезать коммуникации противника Двинск — Остров.

3. Подвижные войска (5 тк) использовать в полосе 4-й уд. армии для развития успеха в общем направлении Себеж, Резекне.

4. Установить с 24.00 4 июля 1944 г. следующую разграничительную линию с 1-м Прибалтийским фронтом: Выровля, Залесье, Прудок, Полоцк (все пункты для 1-го Прибалтийского фронта включительно) и далее по р. Западная Двина.

5. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.

6. Готовность и начало наступления — согласно данным Вам устным указаниям.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 394–395. Подлинник.

№ 49

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА ОБ УСКОРЕНИИ ПОДГОТОВКИ К НАСТУПЛЕНИЮ ПРОТИВ ПСКОВСКО-ОСТРОВСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

11 июля 1944 г.
03 ч. 00 мин.

Копия: представителю Генерального штаба (С. М. Штеменко)

Противник перед фронтом 2-го Прибалтийского фронта 10.07.1944 г. начал отход в направлении Опочки. К исходу 10.07 войска 10-й гв. и 3-й уд. армий этого же фронта продвинулись в направлении Опочки до 5–6 км в глубину на участке протяжением 20 км.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Во всей полосе вашего фронта, начиная с 11.07.1944 г., вести боевую разведку с целью установить прочность обороны противника и своевременно обнаружить возможный его отход.

2. Форсировать подготовку к переселению согласно директиве Ставки от 6 июля № 220135, чтобы начать последнее в срок минус четыре.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 403. Подлинник.

№ 50

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК О ВОЗЛОЖЕНИИ НА Г. К. ЖУКОВА КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ТРЕХ ФРОНТОВ

19 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

В целях лучшего взаимодействия фронтов Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на Маршала Жукова координацию действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 409.

№ 51

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКОВЫХ АРМИЙ И КАВАЛЕРИЙСКИХ КОРПУСОВ ДЛЯ РАЗГРОМА ЛЬВОВСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

24 июля 1944 г.
01 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1. 1 ТА Катукова и 1 гв. кк Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемышль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.

2. 3 гв. ТА Рыбалко и 4 ТА Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения городом Львов во взаимодействии с 60 А Курочкина. Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова.

3. 6 гв. кк Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в общем направлении на Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3 гв. А Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.

4. Наступление на запад на ближайшие дни ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

5. Об отданных распоряжениях донести и к 26.07.1944 г. представить план дальнейшей наступательной операции фронта после овладения Львовом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 414–415.

№ 52

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКОВЫХ АРМИЙ И КАВАЛЕРИЙСКИХ СОЕДИНЕНИЙ ДЛЯ ЗАХВАТА ПЛАЦДАРМОВ НА ВИСЛЕ

27 июля 1944 г.
19 ч. 20 мин.

В связи с занятием войсками фронта Львова, Перемышля и Ярослава Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 1-ю гв. танковую армию Катукова и кавалерийские соединения использовать для захвата плацдармов на западном берегу р. Висла на участке между Сандомиром и р. Вислока. Вслед за этими соединениями направить туда же 3-ю гв. танковую армию Рыбалко.

2. Указания, по представленному Вами 26.07 плану дальнейших действий, будут даны 28.07.1944 г.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 417.

№ 53

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ КАУНАСА И РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ К ГРАНИЦАМ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

28 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Развивать наступление силами 39-й и 3-й армий с задачей не позже 1—2 августа 1944 г. ударом с севера и юга овладеть Каунасом. В дальнейшем всеми силами фронта наступать к границам Восточной Пруссии и не позднее 10 августа овладеть рубежом Россиены, Юрбург, Эйдкуннен, Сувалки, где прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию, в общем направлении Гумбинен, Инстербург, Прейсиш-Айлау.

2. Разграничительную линию с 1-м Прибалтийским фронтом оставить прежнюю, а со 2-м Белорусским фронтом с 24.00 29.07 установить: до Августова — прежняя и далее Страдаунен, Рейн, Хайльсберг (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно).

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 422.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 117.

№ 54

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ И ЗАХВАТЕ ПЛАЦДАРМА НА РЕКЕ НАРЕВ

28 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении Ломжа, Остроленка с задачей не позже 8—10 августа 1944 г. овладеть рубежом Августов, Граево, Стависки, Остроленка и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Остроленки.

2. По выполнению указанной задачи прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Млава, Мариенбург. Иметь в виду из района Млава частью сил наступать на Алленштейн.

3. Установить с 24.00 29.07 следующие разграничительные линии: с 3-м Белорусским фронтом до Августова — прежняя и далее Страдаунен, Рейн, Хайльсберг (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно); с 1-м Белорусским фронтом до Рожан — прежняя

и далее Цеханув, Штрасбург, Грауденц (все пункты для 2-го Белорусского фронта включительно).

4. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 423.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 118.

№ 55

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ВАРШАВУ И ЗАХВАТЕ ПЛАЦДАРМОВ НА РЕКАХ НАРЕВ И ВИСЛА

28 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. После овладения районом Брест, Седлец правым крылом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла и тем самым обеспечить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь.

2. Установить с 24.00 29.07 следующие разграничительные линии: со 2-м Белорусским фронтом до Рожан — прежняя и далее Цеханув, Штрасбург, Грауденц (все пункты для 2-го Белорусского фронта включительно); с 1-м Украинским фронтом до Коньске — прежняя и далее Пиотркув, Острув (20 км юго-зап. Калиша). Оба пункта для 1-го Белорусского фронта включительно.

3. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 424.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5). М., 1999. С. 118–119.

№ 56

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ФОРСИРОВАНИЕ ВИСЛЫ И ЗАХВАТ ПЕРЕВАЛОВ ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

28 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

1. Войскам 1-го Украинского фронта продолжать наступление с задачей:

а) силами 13-й армии Пухова и 1-й гв. танковой армии Катукова не позже 2.08 форсировать р. Висла и захватить плацдарм на ее западном берегу, на участке Сандомир, устье р. Вислока. Захваченный плацдарм использовать для удара на север с целью помочь 3-й гв. армии Гордова форсировать р. Висла и выйти на ее западный берег;

б) центром фронта к тому же времени выйти на р. Вислока и овладеть районом Санок, Дрогобыч, Долина;

в) силами 1-й гв. и 18-й армий захватить и прочно удерживать перевалы Карпатский хребет на направлениях Гуменнэ, Ужгород, Мукачево с целью последующего выхода в Венгерскую долину.

2. В дальнейшем иметь в виду наступление в общем направлении на Ченстохову и на Краков.

3. Установить с 24.00 29.07 следующую разграничительную линию с 1-м Белорусским фронтом: до Коньске — прежняя и далее Пиоркув, Острув (20 км юго-зап. Калиша). Оба пункта для 1-го Белорусского фронта включительно.

4. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 425.

№ 57

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ЗАМЕСТИТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО, 1-го и 2-го БЕЛОРУССКИХ ФРОНТОВ О ВОЗЛОЖЕНИИ НА Г. К. ЖУКОВА РУКОВОДСТВА ОПЕРАЦИЯМИ ТРЕХ ФРОНТОВ

29 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова не только координацию, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 427.

№ 58

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО и 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТОВ О ПОРЯДКЕ ФОРСИРОВАНИЯ ВИСЛЫ

29 июля 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Приказ Ставки о форсировании р. Висла и захвате плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу. Командование фронта обязано максимально обеспечить переправочными средствами те армии, в полосе которых Висла должна быть форсирована согласно приказу Ставки. Однако и другие армии при наличии возможности также должны форсировать р. Висла.

Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает вас довести до сведения всех командармов вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 428.

№ 59

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА ЗАХВАТ И УДЕРЖАНИЕ ПЕРЕВАЛОВ ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

30 июля 1944 г.

Копии: командующим войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов

Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта продолжать наступление с задачей захвата и прочного удержания перевалов через карпатский хребет на направлениях Гуммене, Ужгород, Мукачево и последующего выхода в венгерскую долину.

2. Установить с 24.00 5.08 следующие разграничительные линии: с Украинским фронтом — Тарнополь, Бережаны, Николаев, Добромиль, Санок, Прешов (все пункты, кроме Тарнополя и Прешова, для 4-го Украинского фронта включительно); со 2-м Украинским фронтом — Хотин, Герца, Деутш, Красноильск, Садэу, Бряза, Кырли-Баба, Быстрица (все пункты, кроме Быстрицы, для 4-го Украинского фронта включительно).

3. Возложить ответственность за обеспечение стыков: с 1-м Украинским фронтом — на командующего 1-м Украинским фронтом, со 2-м Украинским фронтом — на командующего 4-м Украинским фронтом.

4. План операции по срокам и рубежам представить в Генштаб к 8 августа 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 431.

№ 60

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ НА ПОДГОТОВКУ ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

2 августа 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Подготовить и провести операцию с целью силами 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил.

Для выполнения указанной задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту прорвать оборону противника, нанося удар силами 27, 52, 53-й армий, 6-й танковой армии в общем направлении Яссы, Васлуй, Фэлчиу. На первом этапе операции овладеть Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через р. Прут на участке Хуши, Фэлчиу и совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить кишиневскую группировку противника, не допуская ее отхода на Бырлад, Фокшаны.

После разгрома кишиневской группировки противника развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, обеспечивая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат, к югу от Пьятры. 5 гв. кк использовать для форсирования р. Сирет и обеспечения правого крыла фронта с запада.

2. 3-му Украинскому фронту прорвать оборону противника южнее Бендер и нанести удар силами 57, 37 и правого фланга 46-й армий в направлении Опач, Селемет, Хуши, прочно обеспечивая ударную группировку фронта с юга.

На первом этапе операции во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разбить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай.

3. Подвижные соединения (танковую армию, танковые и механизированные корпуса) использовать после прорыва обороны противника для быстрейшего захвата переправ на р. Прут в районе Хуши, Фэлчиу.

4. Командующему 2-м Украинским фронтом к 24.00 5.08.1944 г. передать командующему 3-м Украинским фронтом, а последнему принять участок, занимаемый 53-й армией с двумя сд и корпусным управлением этой армии, сменив к указанному времени остальные соединения 53-й армии. С этого же времени установить следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: Рыбница, Игнацей, Чеколтень, Бравичени, Быковец, Котумори и далее по р. Прут (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

Командующему 2-м Украинским фронтом освободившиеся войска 53-й армии использовать для наращивания силы удара на направлении прорыва.

5. Готовность к наступлению — согласно личным указаниям.

6. Ответственность за обеспечение стыка между фронтами возложить на командующего 2-м Украинским фронтом.

7. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 435–437.

№ 61

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ОКРУЖЕНИЕ И РАЗГРОМ КИШИНЕВСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

21 августа 1944 г.
17 ч. 40 мин.

1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника. Ставка требует основные силы и средства обоих фронтов привлечь для выполнения этой главнейшей задачи, не отвлекая сил для решения других задач. Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

Перед вашими обоими фронтами действует около 44 дивизий противника, из которых шесть дивизий уже разбиты. Вы же имеете 87 дивизий и, кроме того, у вас значительное превосходство над противником в артиллерии, танках и авиации. Таким образом, вы имеете все возможности для успешного решения указанной задачи и вы должны эту задачу решить.

2. Тов. Тимошенко Ставка обязывает следить за точным выполнением этой директивы.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 448.

№ 62

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЧАСТЯМ И СОЕДИНЕНИЯМ РУМЫНСКОЙ АРМИИ, СДАВШИМСЯ В ПЛЕН

24 августа 1944 г.
21 ч. 15 мин.

В связи с успешным наступлением войск 2-го и 3-го Украинских фронтов румынские войска кое-где начинают прекращать сопротивление и организованно сдаваться в плен, как, например, это имело место в районе Бакэу. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов продолжать выполнять задачи, поставленные директивами Ставки, невзирая ни на какие заявления румын о прекращении военных действий.

2. Румынам, прекратившим сопротивление, разъяснять, что Красная Армия не может прекратить военных действий до тех пор, пока не будут ликвидированы вооруженные силы немцев, которые продолжают оставаться в Румынии и ведут военные действия против войск Красной Армии.

Войсковые части и соединения румынской армии, сдающиеся в плен организованно в полном составе со своим командованием и вооружением, принимать на особых условиях:

а) соединениям и частям, берущим на себя обязательство драться против немцев совместно с войсками Красной Армии с целью освобождения Румынии от немецких захватчиков или драться против венгров с целью освобождения Трансильвании, сохранять имеющуюся у них организацию и вооружение до артиллерии. В эти соединения и части (от полка до дивизии) назначать представителей Красной Армии. Эти соединения использовать для выполнения боевых задач отдельными дивизиями между частями Красной Армии в соответствии с конкретной обстановкой и указаниями Ставки, которые последуют. Материальное обеспечение этих соединений должно быть осуществлено самими румынами из своих ресурсов;

б) соединения и части румынской армии, отказывающиеся драться против немцев или венгров, разоружать, сохраняя только офицерскому составу холодное оружие. Эти соединения и части направлять на сборные пункты военнопленных.

4. Сдающихся в плен одиночек и группы из состава румынской армии разоружать полностью и направлять на сборные пункты военнопленных.

5. Об исполнении доносить.

Ставка Верховного Главнокомандующего

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 449–451.

№ 63

ИЗ ДОКЛАДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. К. ТИМОШЕНКО О ХОДЕ ЛИКВИДАЦИИ ОКРУЖЕННОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

25 августа 1944 г.
23 ч. 35 мин.

1. 25.8.44 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов отражали контрудар окруженной группировки противника в направлении Леово и завершали ее ликвидацию. Только на 2-м Украинском фронте сегодня захвачено до 30 000 пленных, из них около 3500 немцев. Сдались в плен 6 генералов румын, среди которых командиры 1 и 14 пд румын вместе со своими штабами. Румыны сдаются в плен пачками. Немцы продолжают оказывать сопротивление. На 3-м Украинском фронте 25.8 захвачено до 20 000 пленных.

2. За 25.8.44 г. войска 2-го Украинского фронта вышли на рубеж: Ачапиа (10 км югозападнее Тыргу — Няму), Пятра, Бухус, Деносени, Хуцу, Портолом, Шулетя, Рэнчений, Погэнештий, Леушены, Лотушна, Мануплешты.

23 тк овладел Аджуд — Ноу; 6 ТА — Текучи, Пуцени; 18 тк — одной бригадой форсировал р. Прут в Леово и соединился с частями 3-го Украинского фронта, остальные бригады на западном берегу р. Прут севернее Леово.

3. Войска 3-го Украинского фронта вели напряженные бои с окруженной группировкой на рубеже Логанешты, Котовское, Молешть, Чигирлень, Градиштя, Гура-Галбена, Сарата-Галбена, Ивановка, Горжешты, Карпеняны, Балган и вышли к р. Прут на фронте Сарато-

Розеш, Леово, Николаевка, Плещени, Епурени, Баймаклия, Кагул и ведут бой за Болград. Морские бригады заняли Измаил, Рени, Килия.

4. 26.8.44 г. войска обоих фронтов продолжают ликвидацию окруженной группировки и продолжают продвижение на фокшанский рубеж.

С. ТИМОШЕНКО

Опубл.: Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 15.

№ 64

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА О РАЗВИТИИ ТАРТУСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

26 августа 1944 г.
23 ч. 45 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Продолжая наступление на север от Тарту, выйти на рубеж Алатскиви, Магдалена, Тырве, Уйленые, р. Педья до устья р. Пыльтсама, Вайбла, где перейти к жесткой обороне и прочно удерживать указанный рубеж. Для обороны выделить четыре стр. дивизии и семь пулеметно-артиллерийских батальонов. Из состава этих сил одну-две стр. дивизии иметь в резерве, в районе Тарту.

Для управления войсками выделить одно корпусное управление и все войска, обороняющие рубеж севернее Тарту, подчинить непосредственно Вашему заместителю, создав при нем небольшую оперативную группу за счет фронтового управления.

2. Главный удар силами 67-й и 1-й уд. армий (18 стр. дивизий) нанести южнее оз. Выртсъярв в общем направлении на Валмиера, Цесис. Ближайшая задача — выйти на рубеж Мезсалаца, Валмиера, Смилтэнэ. В дальнейшем наступать на Цесис. Действия главной группировки обеспечить с севера силами не менее одного стр. корпуса.

3. Установить с 24.00 27.08 следующую разграничительную линию между 3-м и 2-м Прибалтийскими фронтами: до Леясциемса — прежняя и далее Ревели, Цесис (оба пункта для 3-го Прибалтийского фронта включительно).

4. Для усиления войск фронта в Ваше распоряжение направляется один стр. корпус в составе трех стрелковых дивизий.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 453–454. Подлинник.

№ 65

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ*, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3, 2 и 1-го ПРИБАЛТИЙСКИХ ФРОНТОВ О ВОЗЛОЖЕНИИ НА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО РУКОВОДСТВА ОПЕРАЦИЯМИ ТРЕХ ФРОНТОВ

29 августа 1944 г.
01 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на начальника Генерального штаба и заместителя Народного комиссара обороны маршала Василевского руководство операциями, проводимыми войсками 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов, освободив его от руководства операциями 3-го Белорусского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 1. Подлинник.

№ 66

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ** НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА РИЖСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

29 августа 1944 г.
01 ч. 40 мин.

Основная задача войск 2-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с 3-м и 1-м Прибалтийскими фронтами разгромить группировку противника севернее р. Западная Двина и овладеть Ригой.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главный удар силами 42-й и 3-й уд. армий (восемнадцать стр. дивизий) нанести в направлении Нитауре, Рига с ближайшей задачей к 12—14.09.1944 г. выйти на рубеж Иерити, Нитауре, Мадлиена, Скривери, имея главную группировку в районе Нитауре, Мадлиена, Яунпилс. В дальнейшем развивать наступление на Ригу. Силами 10-й гв. армии наступать в направлении Дзербене, навстречу левому крылу 3-го Прибалтийского фронта, наносящему удар через Смилтэне, с целью уничтожить группировку противника, действующую к востоку от Смилтэне.

2. Наступление начать 5—7 сентября 1944 г.***

---

* А. М. Василевскому.

** А. М. Василевскому.

*** Директивой Генерального штаба от 5 сентября 1944 г. начало наступления перенесено на 15, а овладение рубежом Вецмуйжа, Иецава — на 20 сентября.

3. Разгранлинии и ответственность за обеспечение стыков — прежние.
4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 2–3. Подлинник.

№ 67

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ* НА РАЗГРОМ РИЖСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

29 августа 1944 г.
01 ч. 45 мин.

Основная задача войск 1-го Прибалтийского фронта — в оборонительных боях измотать танковую группировку противника и ни в коем случае не допустить ее прорыва на левом крыле фронта, митавском и шавлинском направлениях. Одновременно с этим силами правого крыла фронта во взаимодействии со 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами разгромить рижскую группировку противника, действующую южнее р. Западная Двина, и выйти на р. Западная Двина и побережье Рижского залива в районе Риги, не допустив отхода северной группы противника в сторону Восточной Пруссии.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Силами 51-й армии, 6-й и 2-й гвардейских армий прочно оборонять ныне занимаемый рубеж, имея сильные резервы на основных направлениях, и тем самым обеспечить действия центра и правого крыла войск фронта по разгрому рижской группировки противника.

2. Силами 43-й армии (12 стрелковых дивизий) нанести удар из района юго-вост. Митавы в направлении Иецавы и силами 4-й ударной армии (4 стр. дивизии) с плацдарма вост. Бауски в направлении Вецмуйжи. Ближайшая задача — к 10–12 сентября 1944 г. овладеть рубежом Вецмуйжа, Иецава, в дальнейшем наступать к устью р. Западная Двина.

3. Танковые и механизированные корпуса использовать для развития успеха на рижском направлении в зависимости от той обстановки, которая сложится к началу операции в районе к западу от Митавы.

4. Разгранлинии прежние. Ответственность за обеспечение стыка с 3-м Белорусским фронтом возлагается на командующего этим фронтом.

5. Наступление начать 5–7 сентября 1944 г.**

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставки Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 4–5. Подлинник.

---

* А. М. Василевскому.

** Директивой Генерального штаба от 5 сентября 1944 г. начало наступления было перенесено на 15, а выход на рубеж Иерити, Нитауре, Мадлиена, Скривери — на 22 сентября.

№ 68

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ В ГЛУБЬ РУМЫНИИ

29 августа 1944 г.
01 ч. 50 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Силами 27, 53, 6-й танковой армий и 18 тк развивать наступление в общем направлении на Плоешти, Слатина, Турну-Северин. Ближайшая задача — овладеть нефтеносным районом Плоешти, пройти район Бухареста, очистив его от остатков немецких войск, и к 7–8 сентября выйти на рубеж Кымпулунг, Питешти, Александрия, Зимниче, Джурджу. В дальнейшем, продолжая наступление, выйти на р. Дунай на участке от Турну-Северина в своей левой разгранлинии.

2. Правым крылом фронта — 10, 7-й гв. армиями и конно-механизированной группой Горшкова — овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября выйти на рубеж Бистрица, Клуж, Сейуд, Сибиу. В дальнейшем, прикрывшись с запада, главными силами правого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Сату-Маре с целью содействовать войскам 4-го Украинского фронта в переходе Карпат и выходе в район Ужгород, Мукачево.

3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 4-ю гв. и 52-ю армии в составе трех стр. корпусов (девять дивизий) каждая армия.

Указания о порядке вывода войск даются Генштабом.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6–7.

№ 69

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ВЫХОДА НА РУМЫНО-БОЛГАРСКУЮ ГРАНИЦУ

29 августа 1944 г.
01 ч. 50 мин.

Основная задача войск 3-го Украинского фронта — продолжая наступление на всем фронте, занять северную Добруджу и выйти на новую румыно-болгарскую границу.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами форсировать р. Дунай на участке Галац, Измаил и, развивая наступление по правому берегу р. Дунай, к 2–3 сентября овладеть рубежом Констанца, Черна-

вода и к 5–6.09 выйти на новую румыно-болгарскую границу на участке Остров, Кранова, Гювенлия, Хаджилар.

2. Правым крылом фронта развивать наступление по левому берегу р. Дунай с задачей овладеть районом Кэлэраши и 4–5 сентября выйти на румыно-болгарскую границу по р. Дунай до своей правой разгранлинии.

3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 5-ю уд. армию в составе трех стр. корпусов (девять стр. дивизий). Указания о порядке вывода даются Генштабом.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 8–9.

№ 70

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРИЛЕТЕ ГРУППЫ ОФИЦЕРОВ СЛОВАЦКОЙ АРМИИ

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину

Докладываю:

Сегодня 1.9.44 г. ко мне явился полковник Генерального штаба Словацкой армии Вильям Тальский — заместитель командующего армейской группой Словацкой армии (1-й и 2-й дивизии) и заявил:

В связи с оккупацией немцами Словакии он прибыл и хочет получить указание от меня о дальнейшей линии поведения словацких войск.

Полковник Тальский в беседе высказал соображение, что в случае наступления наших войск в западном направлении словацкие 1-я и 2-я дивизии, которые расположены на линии границы Нижняя Радопнь — Тылич, могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной Армией.

Полковник Тальский считает, что первая дивизия под командованием полковника Маркус выполнит приказ Тальского.

На командира 2-й дивизии и ее состав он особенно не рассчитывает.

Перелет на нашу сторону полковника Тальского был вызван оккупацией немецкими войсками Словакии.

Полковник Тальский заявил, что части 1-й и 2-й словацких дивизий, перегруппировавшись, могут начать наступление в направлении Кросно навстречу нашим войскам.

В случае, если наши войска по какой-либо причине не смогут перейти в наступление, полковник Тальский считает, что целесообразно 1-й и 2-й дивизиям переключиться для партизанских действий.

Вместе с Тальским на нашу территорию 30.8.44 перелетела авиагруппа в составе 27 самолетов во главе с командиром группы майором Тринка. Среди самолетов — 9 самолетов типа «Фокке-Вульф 189» и «МЕ-109-Б», остальные транспортные.

Наш фронт в районе Кросно находится от Словацкой границы в удалении 30–40 км.

Для соединения со словацкими частями и партизанским движением Словакии, если будет Ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на Словацкую территорию в район Стройков, Медзи Лабарце.

Для операции 1-й Украинский фронт может привлечь 4 стрелковые дивизии 38 армии и 1 гв. кк.

Направление удара Кросно, Дукля, Тылява. На это же направление желательно привлечь и 1 Чехословацкий корпус.

Операцию можно начать через семь дней.

Прошу Ваших указаний по данному вопросу.

Полковника Словацкой армии Вильяма Тальского разрешите отправить в Москву.

Лично я полковнику Тальскому никаких указаний не давал.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 250–254.

№ 71

РАСПОРЯЖЕНИЕ СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О РАЗРАБОТКЕ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ СО СЛОВАЦКИМИ ВОЙСКАМИ

2 сентября 1944 г.
18 ч. 00 мин.

Лично

В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Подготовить и провести операцию на стыке 1 и 4 Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками.
2. К проведению операции разрешается привлечь Чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся сев.-вост. Прешов, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться.
3. Проведение операции возложить на Вас, при необходимости разгранлиния с 4 Украинским фронтом может быть изменена.
4. Ваши соображения по операции с указанием сроков представить к 5.9.44 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 84.

Опубл.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Вып. 17. М., 1956. С. 149 (документы).

№ 72

ПЛАН ОПЕРАЦИИ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ПО ВЫХОДУ НА СЛОВАЦКУЮ ГРАНИЦУ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ СО СЛОВАЦКИМИ ВОЙСКАМИ

3 сентября 1944 г.
16 ч. 40 мин.
Карта 100 000 и 200 000

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину
Копия: товарищу Жукову

Докладываю план операции для выхода на словацкую границу и соединения со словацкими частями и партизанами:

1. Операцию провести 38 армией в составе шести стрелковых дивизий, усиленной 17 артдивизией прорыва, двумя танковыми бригадами: (70 танков), 1 гв. кк, двумя бригадами РС М-31, двумя полками РС М-13 и 1 Чехословацким корпусом.

2. Группировку создать в районе Пшитувка, Оджиконь, Мала Краса, Лютча, Бонатувка, Опатувка (5—15 км севернее и сев.-зап. Кросно).

3. Прорвав оборону противника на участке (иск.) Непля, Оджикон (8 км), нанести удар и развить наступление в направлении Поток, Дукля, Тылява, Прешов.

4. В первом эшелоне для прорыва обороны противника иметь четыре дивизии, во втором эшелоне две дивизии. Для развития наступления после прорыва оборонительной полосы противника с рубежа м. Змигруд Новы, м. Дукля ввести 1 Чехословацкий корпус, 1 кавкорпус и две танковых бригады: 1 кавкорпус в направлении м. Змигруд Новы, Зборов, Бардева и далее по обстановке или на запад в направлении ст. Любовня или на юг на Прешов; 1 Чехословацкий корпус и две танковых бригады — в направлении м. Дукля, Прешов.

5. С запада, по мере прорыва и развития наступления на рубеже Шебне, Ясло, м. Осек, Смерековец, м. Тылич организовать оборону тремя стрелковыми дивизиями; на юго-восток овладеть Кросно и свертывать оборону противника до разгранлинии с 4 Украинским фронтом.

6. 2 Чехословацкую воздушно-десантную бригаду к началу операции, по обстановке, или выбросить на парашютах в районе севернее Стропков в расположение главных сил словацких дивизий, или посадить на аэродромах.

Для этой цели необходимо для трех рейсов 50 «Дугласов», которые прошу отпустить в мое распоряжение.

7. На третий день операции привлечь для наступления из района севернее Стропков 1 и 2 Словацкие дивизии и партизан навстречу наступающим частям 38 армии.

8. Для прорыва обороны противника будет создана артминометная плотность до 140 орудий и минометов (включая и 82-мм минометы) на 1 км фронта с 2,0 боекомплектами боеприпасов.

9. Развитие операции по дням: 1-й день выйти на рубеж Ясло, Лапсце, Жегльце, Кросно; 2-й день м. Осек, м. Змигруд Новы, Дукля, Рыманув; третий день на словацкую границу и на 5-й день операции овладеть ст. Любовня, Прешов.

10. Готовность операции через пять суток.

11. Имея в виду выгодность направления операции, для последующего наступления 4 Украинского фронта на Мишкольц — Будапешт крайне необходимо привлечь к проведению операции и правый фланг 4 Украинского фронта в составе хотя бы четырех дивизий из района Санок или же передать мне от 4 Украинского фронта четыре стрелковых дивизии.

12. План операции прошу утвердить.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 81—83.

№ 73

РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 38-й АРМИЕЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАЦИИ ДЛЯ ВЫХОДА НА СЛОВАЦКУЮ ТЕРРИТОРИЮ И СОЕДИНЕНИЕ СО СЛОВАЦКИМИ ЧАСТЯМИ

№ 150

4 сентября 1944 г.
Карта 100 000

Лично: Командарму 38
Копия: т. Жукову, т. Антонову, Комфронта 4 Украинского

В целях выхода на словацкую территорию и соединения со словацкими частями и партизанами, ведущими борьбу с немецкими захватчиками, приказываю:

Первое: группировкой в составе шести стрелковых дивизий с армейской артиллерией, 17 артдивизией прорыва, двух бригад РС М-31, двух полков РС М-13, 1 чехословацкого корпуса, 1 гв. кавкорпуса, бригадами 25 танкового корпуса прорвать оборону противника на участке (иск.) Непля, Оджиконь и развить наступление в направлении Поток, м. Дукля, Тылява, Прешов с задачей разбить противника, выйти за границу Словакии и соединиться со словацкими частями и партизанами, ведущими борьбу с немецкими захватчиками.

Второе: для прорыва обороны противника иметь в первом эшелоне четыре стрелковые дивизии, во втором эшелоне две стрелковые дивизии. Для развития прорыва и дальнейшего наступления использовать 1 чехословацкий корпус, 1 гв. кк и бригады 25 тк.

Третье: в первый день операции выйти на рубеж Ясло, м. Осек, Кобыляны, Ивонич, Бзянка; на третий день операции выйти за границу Словакии на рубеж Бортне, Радоцина, Кружлова, Чертижне; на пятый день операции овладеть ст. Любовня, Прешов.

Четвертое: на второй день операции с рубежа м. Змигруд Новы, м. Дукля ввести 1 гв. кк, 1 чак, 25 тк с задачей — развивая стремительное наступление в направлениях: 1 гв. кк на Зборов, Бардева, ст. Любовня; 1 чак и 25 тк на Тылява, Ладомирово, Прешов, — соединиться со словацкими частями и партизанами и на пятый день операции овладеть районами ст. Любовня, Сабинов, Прешов.

Пятое: справа с запада по мере развития наступления организовать прочную оборону тремя дивизиями по рубежу Шебне, Ясло, м. Осек, Смерековец, м. Тылич.

Влево, охватывая Кросно с запада, свертывать оборону противника в направлении Ясьлиска, выйти в боевое взаимодействие с правофланговыми частями 1 гв. армии 4 Украинского фронта, которые будут наступать из района Санок в направлении Команьга.

Шестое: командарму 2 ВА прикрыть наступление 38 армии истребительной авиацией и одним штурмовым корпусом содействовать наступлению 38 армии.

Седьмое: артподготовка два часа по методу, указанному мною Вам лично. Расход боеприпасов на всю операцию 2,5 боекомплекта.

Восьмое: готовность начала операции к рассвету 7.9.

Девятое: отданные распоряжения и план операции представить мне к 12.00 5.9.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 87–89.

№ 74

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ МАРШАЛУ ЖУКОВУ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТОЧНЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ТРАНСИЛЬВАНСКИХ АЛЬП И КАРПАТ

5 сентября 1944 г.
18 ч. 20 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в представленный Вами 4.09 за № 476 план операции внести исправления, руководствуясь следующими указаниями:

1. Основная задача войск 2-го Украинского фронта состоит в том, чтобы ударом с юга через Брашов и Сибиу (в направлении на Клуж) и наступлением 40-й и 7-й гв. армий с востока преодолеть Трансильванские Альпы, южную часть Карпатского хребта и выйти на фронт Сату-Маре, Клуж, Дева, Турну-Северин. Выходом в район Сату-Маре помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгород, Чоп, Мукачево. В дальнейшем развивать наступление с целью выйти главными силами на р. Тиса на участке Ньиредьхаза, Сегед, имея прикрытие на фронте Сегед, Турну-Северин.

В Югославию не наступать, так как это приведет к распылению наших сил.

2. Для выполнения этой задачи наступать:

а) 27 А и 6 ТА — из района Брашов, Питешти в направлении на Клуж;

б) 53 А — из района Слатина, Крайова в направлении на Петрошани, Дева.

3. Конницу использовать для наращивания силы удара в направлении на Клуж и последующего прорыва к р. Тиса в район Дебрецена.

4. Для обороны Дуная на участке Турну-Северин, Джурджу оставить один стрелковый корпус 53 А.

В качестве подвижного резерва иметь в районе Крайова, Слатина один танковый или кавалерийский корпус.

5. Обязать румынское командование выделить для обороны Дуная две-три пех. дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин не менее трех дивизий. Румынские войска, действующие в районе Брашова и в Трансильвании, использовать для совместного наступления в направлении Клужа.

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 35–36.

№ 75

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТОЧНЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ КАРПАТ

17 сентября 1944 г.
02 ч. 10 мин.

На Ваши соображения, представленные шифром за № 11097/оп., Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовце.

2. Взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются и отказываться от него неправильно.

3. На границу Польши с Чехословакией выйти не позже 19.09.1944 г. и овладеть рубежом Ганушовце, Чемерне, Гуменне, Стокчин не позже 30.09.

4. Артиллерия БМ дана Вам не будет, так как в ней нет необходимости. Гаубичные снаряды 122 мм и горючее будут отпущены.

5. Сил и средств у Вас вполне достаточно для успешного выполнения задачи и Ставка требует от Вас решительных наступательных действий, чтобы не позже 3.10 овладеть районом Михальовце.

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 49–50.

№ 76

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ

27 сентября 1944 г.
3 ч. 20 мин.

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину
Копия: тов. Жукову

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход за границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии ко времени выхода наших войск на границу резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2 и 4 Укр. фронтов сейчас характер операции 38 армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую с 2 и 4 Укр. фронтами.

В связи с этим дальнейшая операция 38 армии в Словакию принимает затяжной характер по причинам:

1. Недостаточным количеством привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил был не в состоянии, учитывая отправку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме за р. Висла.

2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития.

За время операции войска 38 армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение войск, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.

4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пехотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38 армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо.

Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующими управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную авиацию фронта, особенно гаубичную артиллерию, а это основные предпосылки для действий в горах.

6. Малочисленность пехоты. Операцию 38 армия начала при укомплектованности дивизии 4,5—5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тысяч человек, дивизии стали 3—3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы со Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное — Словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4 Украинского фронта — правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4 Укр. фронта до сих пор не имеет. Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Укр. фронта не может.

В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38 армии или, если будет Ваше решение продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38 армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125.

№ 77

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК О ВОЗЛОЖЕНИИ НА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО РУКОВОДСТВА ОПЕРАЦИЯМИ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО и 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТОВ, А НА Л. А. ГОВОРОВА — ОПЕРАЦИЯМИ 2-го и 3-го ПРИБАЛТИЙСКИХ ФРОНТОВ

30 сентября 1994 г.
24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить на маршала Василевского руководство операциями, проводимыми 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами, освободив его с 1 октября от руководства операциями 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.
2. Возложить с 1 октября на маршала Говорова руководство операциями, проводимыми 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами, с оставлением за ним обязанностей командующего войсками Ленинградского фронта.
3. О получении настоящего приказа донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 67. Подлинник.

№ 78

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ*, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА О НАНЕСЕНИИ УДАРОВ НА РИГУ И ЛИБАВУ

7 октября 1944 г.
23 ч. 00 мин.

Ввиду того, что с продвижением вперед фронт действий войск 2-го Прибалтийского фронта на северном берегу р. Западная Двина все более и более сужается, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

---

* Л. А. Говорову.

1. 42-ю и 10-ю гвардейскую армии 2-го Прибалтийского фронта с 10 октября с. г. перевести на южный берег р. Западная Двина с тем, чтобы правым крылом фронта нанести удар с юга на Ригу, а центром и левым крылом фронта наступать на Либаву.

2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 74. Подлинник.

№ 79

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА В СТАВКУ ВГК ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ УСИЛИЙ СЛОВАЦКИХ ВОЙСК, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОВАКИИ

12 октября 1944 г.
15 ч. 25 мин.

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину

Докладываю, что в целях объединения усилий всех вооруженных сил повстанческого района средней Словакии для борьбы с немецкими захватчиками мной отдан приказ партизанским бригадам и отрядам, находящимся в повстанческом районе, об оперативном подчинении командующему повстанческой армией генерал-лейтенанту Виест. Генерал Виест назначен командовать армией Бенешом и переброшен пять дней тому назад в Бан Быстрица.

Данный приказ об оперативном подчинении партизанских бригад генералу Виест встретил возражения со стороны членов ЦК компартии Чехословакии Сланского и Шмидтке, которые считают, что Виест назначен Лондоном, и подчинять ему партизанские отряды как буржуазному руководителю нецелесообразно.

Считаем, что в данной обстановке в повстанческом районе необходимо иметь единое командование как отдельным словацким частям, так и партизанским отрядам, действующим в повстанческом районе, дабы избегать разнобоя в организации вооруженной борьбы против немцев.

Партизанские отряды, действующие в западной и восточной Словакии, т. е. вне повстанческого района, подчинены полностью штабу партизанского движения фронта.

Военный совет фронта до сих пор не вмешивался в политическую деятельность повстанческого района средней Словакии, а руководил только партизанскими отрядами, которые нами созданы и подчинены штабу партизанского движения фронта.

Прилагаю: копию приказа № 1411 и шифровку № 80 уполномоченного ЦК компартии Чехословакии Сланского.

По данному вопросу прошу Вашего разрешения.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 141.

№ 80

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-го и 2-го ПРИБАЛТИЙСКИХ ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ* ОБ УПРАЗДНЕНИИ 3-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА

16 октября 1944 г.
01 ч. 15 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 12.00 16 октября 1944 г. 3-й Прибалтийский фронт упразднить и использовать входящие в его состав войска следующим образом:

а) 1-ю ударную армию Захватаева в составе девяти стр. дивизий с тремя корпусными управлениями и приданными фронтовыми средствами усиления передать в состав войск 2-го Прибалтийского фронта. 1-й ударной армии продолжать наступление по побережью Рижского залива;

б) 67-ю армию Романовского в составе семи стр. дивизий с тремя корпусными управлениями, в том числе управлением 130-го Латышского стр. корпуса, передать в состав войск Ленинградского фронта;

в) 14-ю воздушную армию в существующем составе временно передать в оперативное подчинение командующего 2-м Прибалтийским фронтом, выделив из ее состава одну иад на усиление 3-го Белорусского фронта;

г) 2-ю артдивизию прорыва отправить в состав войск 1-го Прибалтийского фронта, тяжелые бригады — по железной дороге, остальные — своим ходом. 23-ю артдивизию возвратить в Ленинградский фронт;

д) управление 3-го Прибалтийского фронта с фронтовыми частями и учреждениями вывести в резерв Ставки в район Сигулды; управление 54-й армии вывести в резерв Ставки с дислокацией в районе Мадлиены.

Начальнику Генерального штаба определить перечень фронтовых соединений, частей и учреждений, выводимых в резерв Ставки и передаваемых другим фронтам.

2. Установить с 12.00 16.10.1944 г. следующую разгранлинию между Ленинградским и 2-м Прибалтийским фронтами: Лэясциэме, Огре и далее по реке Западная Двина до устья (все [пункты] для Ленинградского фронта включительно).

3. На командующего Ленинградским фронтом возложить оборону побережья Финского и Рижского заливов в своих разграничительных линиях. План обороны представить в Генштаб к 18.10.1944 г.

4. В связи с тем, что ликвидация прибалтийской группировки противника, окруженной в районе к западу от Риги, проводится силами 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов, руководство операциями этих фронтов возложить с 12.00 16.10.1944 г. на маршала Василевского, оставив за ним и руководство операциями 3-го Белорусского фронта.

5. Маршалу Советского Союза Говорову с 12.00 16.10.1944 г. обратиться к исполнению своих обязанностей командующего Ленинградским фронтом.

6. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 78–80. Подлинник.

---

* А. М. Василевскому и Л. А. Говорову.

№ 81

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О ЗАДАЧАХ ПО РУКОВОДСТВУ ЛИКВИДАЦИЕЙ ОКРУЖЕННОГО СЕВЕРО-ВОСТОЧНЕЕ ЛИБАВЫ И В МЕМЕЛЕ ПРОТИВНИКА

19 октября 1944 г.
22 ч. 45 мин.

Копия: народному комиссару Военно-Морского Флота

Придавая исключительное значение скорейшей ликвидации войск противника, окруженных северо-восточнее Либавы и в районе Мемеля, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Считать основной своей задачей руководство операциями 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, все силы и средства которых направить на быстрейшую ликвидацию указанных войск противника.

Из имеющихся в обоих фронтах пяти артиллерийских дивизий использовать для этой цели не менее четырех.

2. Привлечь к этим операциям авиацию дальнего действия и Балтийского флота, используя ее для ударов по скоплениям противника, его артиллерийским позициям и портам Либава и Виндава.

Предусмотреть борьбу на морских коммуникациях противника, используя для этой цели подводные лодки Балтийского флота.

3. О принятых Вами мерах донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 83. Подлинник.

№ 82

ДИРЕКТИВА НАРОДНОГО КОМИССАРА ВМФ КОМАНДУЮЩЕМУ БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ О ДЕЙСТВИЯХ СИЛ ФЛОТА В СВЯЗИ С ОКРУЖЕНИЕМ ВОЙСК ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ЛИБАВЫ

20 октября 1944 г.
16 ч. 20 мин.

В соответствии с проводимой армией операцией уничтожения войск противника, окруженных северо-восточнее Либавы:

1. Действия авиации КБФ целеустремить по морским коммуникациям Прибалтики и по транспортам в портах Либава, Виндава.

2. Усилить подводную блокаду Либавы и Виндавы, выделив дополнительно к имеющимся в этом районе еще одну подводную лодку.

О действиях авиации и подлодок в этом районе ежедневно доносить непосредственно маршалу Василевскому и мне.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 216. Д. 12925. Л. 290. Подлинник.

№ 83

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПЕРЕПОДЧИНЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

25 ноября 1944 г.
24 ч. 00 мин.

Копия: командующему Балтийским флотом

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Балтийский флот с 24.00 27.11.1944 г. вывести из оперативного подчинения командующего Ленинградским фронтом и передать в непосредственное подчинение народного комиссара Военно-Морского Флота с тем, однако, чтобы Балтийский флот выполнял боевые задачи маршала Василевского по разгрому флота и транспортов противника в районах Либавы и Виндавы.

Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 113. Подлинник.

№ 84

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВМФ О ПРОВЕРКЕ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

20 декабря 1944 г.

Начиная с сентября месяца этого года боевая деятельность Краснознаменного Балтийского флота осуществлялась в условиях изгнания немецких захватчиков Красной Армией из Прибалтийских советских республик и выхода из войны Финляндии.

В течение этого большого оперативного отрезка времени мною не раз отмечались крупные недостатки и пассивность в выполнении флотом своих боевых задач. Указывалось на отсутствие организации взаимодействия надводных, подводных и воздушных сил при нарушении коммуникаций противника, на недостаточное содействие флотом нашим сухопутным войскам в освобождении морских баз и портов Таллинн и Рига, на нецелеустремленность и неактивность в использовании легких сил и, в частности, торпедных катеров, на запоздалое и несвоевременное развертывание резерва подводных лодок в Балтийском море и их плавбаз в портах Финляндии, на плохую организацию боевого обеспечения, в особенности разведки и противолодочной обороны.

Надо было ожидать, что командующий Краснознаменным Балтийским флотом примет серьезные меры по устранению указанных недостатков и наладит порядок на флоте.

Однако произведенной по моему приказанию Главным морским штабом с 22 ноября по 12 декабря этого года проверкой боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота установлено, что не только не устранены все ранее отмеченные мной недостатки, но имеется еще ряд новых фактов, свидетельствующих о продолжающейся безынициативности и пассивности в боевой работе флота.

1. При содействии войскам Ленинградского фронта в очищении от противника полуострова Сворбе (о. Эзель) флотом не была выполнена поставленная ему задача блокировать полуостров, не допустив подвоза резервов и эвакуации войск противника. В результате противник через Ирбенский пролив не только осуществлял систематическое питание своих войск, но и беспрепятственно вывез с полуострова Сворбе две дивизии, чем усилил свою группировку в районе Либава — Тукумс.

В процессе этой операции 23 ноября с 9 часов 32 мин. в течение целого дня крейсер противника типа «Лютцов» безнаказанно и без существенных помех со стороны Краснознаменного Балтийского флота, на виду с нашего берега, из района западнее полуострова Сворбе, при хорошей погоде для использования как кораблей, так и авиации, обстреливал наши войска на полуострове и, получив, возможно, только незначительные повреждения от нанесенных с большим опозданием двух ударов штурмовиков и бомбардировщиков, причем весьма ограниченным и явно недостаточным числом самолетов, ушел в свою базу.

Как могло получиться, что столь благоприятная возможность уничтожения эвакуируемых противником морем двух дивизий и появившегося крейсера противника была упущена?

Это произошло только потому, что:

а) Краснознаменный Балтийский флот в целом к этой единственной активной операции, проводимой в этот период, по-серьезному не готовился. Командующий флотом не придал ей необходимого значения.

б) Не были поставлены задачи всем соединениям и частям, могущим участвовать в операции. В частности, не было вовсе поставлено задач бригаде подводных лодок и тылу флота. В результате этого вместо дополнительного развертывания наибольшего числа подводных лодок (в частности, двух резервных подводных лодок типа «М») в операции участвовала лишь одна подводная лодка, а торпедные катера, катерные тральщики, морские бронекатера и канлодки остались без топлива в момент самой интенсивной эвакуации войск противника с полуострова и появления крейсера противника.

в) Не был использован ближайший к району действий аэродром Кагул (остров Эзель) для штурмовой, торпедоносной и бомбардировочной авиации, хотя к этому были все возможности как по условиям аэродромным, так и материально-технического обеспечения.

г) Командовавший действующим отрядом кораблей контр-адмирал Святов при постановке задач подчиненным частям самовольно исключил задачу блокады полуострова, неосновательно ссылаясь на отсутствие средств и благоприятной погоды.

д) По важности выполняемой операции необходимо было руководить ею лично командующему флотом со своим походным штабом и не было необходимости создания специального штаба «операции на море» и назначения командиром этой операции контр-адмирала тов. Святова.

2. Рижский морской оборонительный район, непосредственно граничащий с противником на море, имея свой штаб расположенным в 50 километрах от линии фронта, за полтора месяца своего существования никакой боевой деятельности не ведет и стремления к этому не имеет, хотя корабли противника продолжают систематически действовать во всем Рижском заливе, а подводные лодки его появляются даже у входа в реку Западную Двину.

а) Командующий РМОР контр-адмирал тов. Чероков, находившийся с опергруппой своего штаба в Риге с 13 октября, оперативными вопросами вовсе не занимался, а уделял основное внимание размещению штабов, частей и тыла в городе Рига.

б) Должного оперативного режима в Рижском заливе создано не было. Разведка не велась. Дозоры не неслись вовсе. Средств для поиска и уничтожения подводных лодок противника подготовлено не было. Наблюдение организовано не было. Даже не было выставлено поста СНиС на побережье Рижского залива у фланга нашей армии. Не использовался для этой цели остров Рухну, и даже не было известно, оставлен ли он противником; остров был занят только по моему прямому приказанию.

в) Траление организовано неудовлетворительно. В день проверки в Усть-Двинске и Риге находилось до 20 тральных единиц, но траление магнитных мин могли начать только

четыре, так как по халатности штаба и тыла района электромагнитые тралы для остальных кораблей были оставлены в Ленинграде. Очередность траления предусматривала только обеспечение ввода кораблей в Западную Двину на зимовку и совершенно не была направлена на расширение своей операционной зоны и обеспечение фарватеров для прохода кораблей для содействия флангу Красной Армии.

г) Противодесантной обороной вовсе не занимались. Взаимодействие с частями Красной Армии и использование всех имеемых сил и средств для отражения десанта противника не было вовсе подготовлено.

д) Командир ОВРа РМОР капитан 1 ранга тов. Мещерский и его штаб боевого управления своими частями вообще не имели, не только обстановки в Рижском заливе, а даже количества тральщиков, занятых тралением, не знали, охраны входа в Усть-Двинск и наблюдения за рейдом не установили, свой штаб разместили в городе Рига в 15-километровом удалении от основного места стоянки кораблей в Усть-Двинске и залива.

ОХР ОВРа РМОР фактически отсутствовал, так как его личный состав использовался на строительных работах. Ясно, что порядка в Рижском заливе при этом не могло быть.

Коммуникация противника Виндава — Либава — Мемель — Данциг не подвергается никакому воздействию надводных кораблей флота.

Исключительно выгодный пункт базирования ударных легких сил флота, как расположенный в центре этой коммуникации порт Швентой, могущий быть быстро, но при некоторой затрате сил, подготовленным к этому, не использован. Мои неоднократные в продолжение двух месяцев требования о подготовке порта Швентой до сих пор не выполнены без всяких к тому причин. Вместо настойчивых мер по расширению базирования кораблей флота для развития ударов по коммуникациям противника из ее центра по всем направлениям поступают совершенно неосновательные ссылки на различные трудности, вплоть до попытки доказать невозможность выполнения поставленной мною задачи. Работы по углублению входного фарватера в порт Швентой, начатые после вмешательства Главного морского штаба на месте, затянули до заморозков и появления льда, чем еще больше задержали использование порта Швентой.

Все это могло иметь место только в результате отсутствия внимания и руководства со стороны командующего флотом важнейшим в настоящий момент на Балтийском театре Рижским морским оборонительным районом.

3. Военно-воздушные силы флота, отличающиеся в лучшую сторону из всех крупных соединений флота своим стремлением к активной боевой деятельности с хорошо организованным маневренным перебазированием своих боевых соединений и их тылов в ближайшие районы действий (Паланген, Паневежис), давшие увеличение эффективности их использования, все же имеют следующие крупные недостатки:

а) В боевой деятельности авиации вовсе отсутствует взаимодействие с кораблями флота и береговой обороной.

б) Несмотря на сравнительно большое напряжение разведывательной авиации (15-й отдельный разведывательный авиационный Таллиннский Краснознаменный полк), воздушная разведка еще стоит на низком уровне. Работа летчиков-разведчиков не целеустремлена на вскрытие характера деятельности флота и авиации противника. Данные разведки отрабатываются поверхностно, глубоко не изучаются. Задачи и способы разведки не совершенствуются.

Штаб 15-го отдельного разведывательного авиационного Таллиннского Краснознаменного полка работает неудовлетворительно, а разведывательный отдел штаба ВВС им не руководит.

в) Оборона передовых аэродромов (Паланген) в условиях непосредственной близости линии фронта и угрозы морского и воздушного диверсионного десанта противника находится в явно неудовлетворительном состоянии.

4. Таллиннский морской оборонительный район не знал границ своей операционной зоны, в силу чего не имел отчетливого представления, за что он несет ответственность:

а) Состояние противолодочной обороны в Финском заливе продолжает оставаться плохим. Несмотря на ежедневные обнаружения подводных лодок противника в одном и том же районе устья Финского залива в течение двух месяцев, до сих пор не организована ни одна сколько-нибудь серьезная операция по поиску и уничтожению этих подводных лодок противника.

б) Штабом района не организовано взаимодействие и связь дозорных кораблей с батареями береговой обороны. Не поставлены задачи ВМБ Порккала-Удд и 260-й отдельной бригаде морской пехоты.

5. Бригада подводных лодок с момента появления возможности выхода подводных лодок в море шхерами проделала значительную работу. Однако в ее деятельности выявлен ряд крупных недостатков:

а) Опоздание развертывания базирования подводных лодок на порты Финляндии на целый месяц от момента выхода первых подводных лодок в Балтийское море вызвало задержку организации и нарушение непрерывности боевого управления ими и их боевой деятельности.

б) Взаимодействие подводных лодок с авиацией до настоящего времени вовсе отсутствует. Подводные лодки данные воздушной разведки о транспортах противника получают через 10—18 час.

В силу этих причин маневренное и групповое использование подводных лодок не организовано.

в) Результаты торпедных атак подводных лодок не проверяются, а это приводит к ложному представлению об эффективности их использования. Разительным примером является официально зафиксированный случай потопления одним четырехторпедным залпом подводной лодки «Щ-307» одновременно трех транспортов противника, стоявших на якоре на глубинах 8—10 метров у входа в Виндаву, по которому абсолютно никакой проверки ни аэрофоторазведкой, ни другими средствами сделано не было.

6. Боевое управление флотом продолжает оставаться на низком уровне и не отвечает требованиям активной борьбы с противником.

а) Военный совет флота не поставил вовсе боевых задач Рижскому морскому оборонительному району и не полностью поставил боевые задачи Таллиннскому морскому оборонительному району, не объявив им границ их операционных зон и не определив границ районов баз, ОВРов и ОХРов внутри самих морских оборонительных районов. Морские оборонительные районы, в свою очередь, не поставили боевых задач своим соединениям.

В результате этого трудно определить, кто за что отвечает и кто кому подчинен. Продолжает оставаться много хозяев в одной и той же операционной зоне. И не случайно командиру БПЛ поручено руководство обеспечением нашей коммуникации из Швеции до меридиана острова Гогланд, в то время как эта коммуникация проходит через операционную зону Таллиннского морского оборонительного района, а подчиненный непосредственно Таллиннскому морскому оборонительному району командир ВМБ Порккала-Удд переподчинен по этому же вопросу командиру бригады подводных лодок.

Начальник штаба эскадры контр-адмирал тов. Святов, командуя операцией на полуострове Сворбе, в подчинении имел боевые средства Таллиннского морского оборонительного района и бригады шхерных кораблей, подчинялся непосредственно Военному совету флота, а действовал в операционной зоне Рижского морского оборонительного района.

б) Командующий флотом продолжает до сих пор управлять соединениями не путем постановки задач и жесткого требования их выполнения, а распорядительным порядком по телефонным звонкам.

в) Оповещение о появлении кораблей противника и переходах морем своих кораблей не организовано.

В результате этого о крейсере типа «Лютцов», который обстреливал 23 ноября наши войска на полуострове Сворбе, оповещения по флоту дано не было; 22 ноября около 20 час. в районе Айнажи появилось девять кораблей с огнями; армейские батареи просили разре-

шения открыть по этим кораблям огонь, что штаб флота запретил, так как определить свои это корабли или противника не мог.

г) Взаимодействие кораблей, авиации и береговой обороны отсутствует. До сих пор не было не только ни одной совместной операции этих сил для удара по конвоям противника, но даже каждая из них не знает зон действия другого, а в результате: 18 ноября в 16 час. 07 мин. и в 16 час. 20 мин. наши торпедные катера были атакованы нашими же самолетами в районе восточнее полуострова Сворбе; 28 ноября в Данцигской бухте наш самолет-торпедоносец атаковал подводную лодку, хотя в этом районе находилась наша подводная лодка.

д) Оперативная разведка на театре организована плохо. Развертывание радиоразведывательных средств и разведывательной группы в районе Швентой — Паланген произведено с опозданием и только по указанию Главного морского штаба. В результате отсутствия взаимодействия между различными силами и средствами разведки непрерывность ее на театре не достигнута. Должного анализа и вывода по данным разведки штабом флота и штабами соединений не производится, а это приводит к положению, при котором задания на разведку не целеустремляют исполнителей на совершенствование способов разведки и улучшение ее результатов.

е) Связь в Таллиннском и Рижском морских оборонительных районах находится на низком уровне. Время прохождения телеграмм и их искажаемость увеличились с августа по ноябрь месяц вдвое.

Узел связи штаба флота, состоящий из 144 чел., бездействует, а обеспечение флота связью осуществляют во вред своим прямым задачам органы службы наблюдения и связи Таллиннского морского оборонительного района. Мой приказ № 0733 от 12 сентября 1944 г. об оборудовании к 15 ноября десяти подводных лодок перископными антеннами не выполнен.

ж) Командные пункты соединений Рижского морского оборонительного района находятся в неудовлетворительном состоянии. Командные пункты Таллиннского морского оборонительного района требуют значительного улучшения. Отсутствует единое понимание организации командных пунктов на флоте. Нет стремления защитить командные пункты от бомб противника.

з) Наставления и другие документы, регламентирующие оперативный режим и взаимодействие соединений флота, до сих пор штабом флота не отработаны.

Указанные беспорядки и упущения в боевой деятельности флота объясняются общей пассивностью на Краснознаменном Балтийском флоте и в первую очередь неправильным стилем руководства командующего флотом и слабой работой штаба флота.

За плохое руководство соединениями, неорганизованность и бессистемность в работе, за указанные упущения на флоте командующему флотом адмиралу тов. Трибуц В. Ф. объявляю строгий выговор.

За плохую организацию боевого управления начальнику штаба флота контр-адмиралу тов. Петрову объявляю выговор.

За недопустимо плохую работу оперативного отдела штаба флота начальнику отдела контр-адмиралу тов. Ладинскому объявляю строгий выговор и предупреждаю его, что если он немедленно резко не улучшит работу оперативного отдела, то будет с занимаемой должности снят с понижением.

За отсутствие организации боевой деятельности в Рижском морском оборонительном районе командующему им контр-адмиралу тов. Черокову объявляю строгий выговор и предупреждаю о неполном служебном соответствии.

За плохое состояние связи на флоте начальнику отдела связи КБФ генерал-майору береговой службы тов. Зернову объявляю выговор.

Командира ОВРа Рижского морского оборонительного района капитана 1 ранга тов. Мещерского, как не справившегося со своими обязанностями, от занимаемой должности отстранить.

Начальника штаба ОВРа Рижского морского оборонительного района капитана 3 ранга Паршина отстранить за бездеятельность от занимаемой должности и назначить с понижением.

Приказываю:

1. Военному совету КБФ указанные безобразия и упущения решительными мерами устранить и навести порядок на флоте, для чего устанавливаю срок 1 марта 1945 г.

2. Начальнику Главного морского штаба проверить после 1 марта 1945 г. исполнение настоящего приказа и результаты доложить мне.

3. Настоящий приказ довести до сведения только военных советов флотов и флотилий, начальников центральных управлений НК ВМФ и начальника Военно-морской академии.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 79. Д. 39844. Л. 261–272. Подлинник.

Именной указатель

Географический указатель

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
Освобождение территории СССР. 1944 год

Научные редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Д. А. Стребков*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 12.12.12. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 73,21. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Медиа-групп»
123056, Москва, ул. Большая Грузинская, д. 42

ISBN 9785995002864

